

**ПРОСТРАНСТВА СОЦИАЛЬНОЙ
НАПРЯЖЕННОСТИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ
КОНСЕНСУСНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В XXI ВЕКЕ**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
Факультет глобальных процессов
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра социологии
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт социальных наук
Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПРИ ГУ МВД РОССИИ ПО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке

Сборник научных трудов

Научный редактор

доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных

Члены редакционной коллегии:

Н. Л. Антонова, В. В. Гаврилук, Н. Б. Грошева, А. Н. Данилов, В. В. Зырянов,
И. В. Иванова, В. В. Кривошеев, Е. В. Лесниковская, Я. А. Лещенко, Е. А. Лобовикова,
Мун Де Ен, Л. И. Найденова, В. А. Подсолонко, Е. А. Подсолонко, В. А. Решетников,
Н. А. Саблина, Н. Л. Смакотина, В. А. Сушко, Л. Л. Толвайшис, И. В. Цветкова,
Раде Шарович, В. Е. Шинкевич

П82   **Пространства** социальной напряженности и стратегические консен-
сусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»
[науч. ред. Т. И. Грабельных]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. –
537 с. <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1882-7>
ISBN 978-5-9624-1882-7

Материалы отражают причины и факторы роста социальной напряженности в современном мире, уникальный опыт конструирования и модернизации стратегических консенсусных взаимодействий в разных сферах жизнедеятельности в России и ее регионах, других странах в период пандемии COVID-19. Основные концептуальные положения научных трудов были апробированы на Международной научно-практической конференции «Пространства социальной напряженности, глобальные и региональные вызовы и акторы устойчивого развития в современную эпоху: стратегические консенсусные взаимодействия и новые прорывы» (г. Иркутск, 10–11 декабря 2020 г.). Внимание авторов акцентируется на ведущих факторах и акторах устойчивого развития современных обществ (методологическом переходе в развитии научных школ от макро- и метатеорий социального мира к социологии социальной напряженности и теории принятия решений в период «пандемической цифровизации»), стратегических консенсусных взаимодействий как предпосылке социально-технологического и государственно-гражданского прорыва в пространствах социальной напряженности, роли центров и динамике социальной напряженности в условиях пандемии COVID-19 в пространстве воздействий глобальных и региональных вызовов. Основными направлениями исследований являются пространства и поля социальной напряженности в России и мире в современную эпоху в аспекте применимости социологических подходов в освоении дискурсивных технологий, а также глобальные и региональные вызовы современности по результатам контент-аналитических исследований студенческой молодежи. В изучении и оценке оснований новой устойчивости современного общества авторы опираются на данные социологических и других исследований.

Предназначено для научно-образовательного сообщества, ведущих субъектов регионального развития, представителей органов власти, бизнеса и общественности, а также для всех, кто интересуется динамикой социальных изменений в новую эпоху в России и мире, в том числе под влиянием пандемии COVID-19.

УДК 316.485
ББК С55.73

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
Global processes Faculty
BELARUSIAN STATE UNIVERSITY
Department of Sociology
IRKUTSK STATE UNIVERSITY
Institute of Social Sciences
Sociological Laboratory of Regional Problems and Innovations
PUBLIC COUNCIL AT THE MAIN DIRECTORATE OF THE MINISTRY OF HOME AFFAIRS
OF RUSSIA FOR IRKUTSK REGION
CIVIC CHAMBER OF IRKUTSK REGION

Spaces of Social Tension and Strategic Consensual Interactions in the XXI Century

Collection of papers

Scientific Editor

Doctor of Sociology, Full Professor Grabelnykh T. I.

Editorial Board:

Antonova N. L., Gavrilyuk V. V., Grosheva N. B., Danilov A. N., Zyryanov V. V., Ivanova I. V., Krivosheev V. V., Lesnikovskaya E. V., Leschshenko Ya. A., Lobovikova E. A., Mun de Yen, Naydenova L. I., Podsolonko B. A., Podsolonko E. A., Reshetnikov V. A., Sablina N. A., Smakotina N. L., Sushko V. A., Tolvayshis L. L., Tsvetkova I. V., Rade Sarovic, Shinkevich V. E.

Spaces of Social Tension and Strategic Consensual Interactions in the XXI Century: Collection of Papers. Eds. by T. I. Grabelnykh. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2020, 537 p. <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1882-7.2020.1-537>
ISBN 978-5-9624-1882-7

The collection of papers reflects the causes and factors of the growth of social tension in the modern world, the unique experience of constructing and modernization of strategic consensual interactions in different spheres of life activity in Russia and its regions as well as in other countries in the times of COVID-19 pandemic. The main conceptual statements of this collection of papers were approved at the International Scientific-Practical Conference “Spaces of social tension, global and regional challenges and actors of sustainable development in the modern epoch: strategic consensual interactions and new breakthroughs” (Irkutsk, 10–11 December, 2020). The authors focus on the main factors and actors of sustainable development of modern societies (the methodological transition in the development of scientific schools from macro- and meta-theories of the social world to the sociology of social tension and theories of decision-making in the period of “pandemic digitalization”), strategic consensual interactions as a prerequisite of social-technological and state-legal breakthrough in the spaces of social tension, the role of the centers and the dynamics of social tension in the conditions of COVID-19 pandemic in the space of global and regional challenges. The authors analyze the spaces and fields of social tension in Russia and the world in the modern epoch through the prism of the usability of sociological approaches in mastering discursive technologies, as well as global and regional approaches of the modernity basing on the results of content research in student youth. The authors focus on sociological and other data while studying and estimating the new sustainability of the modern society.

The work is aimed at the academic circles, the leading subjects of regional development, representatives of business, local authorities and civic society and at anyone interested in the dynamics of social change in the new epoch in Russia and the world, including under the influence of COVID-19 pandemic.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ	15
ПРЕДИСЛОВИЕ	17

РАЗДЕЛ 1. ФАКТОРЫ И АКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ: ОТ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО МИРА К СОЦИОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Данилов А. Н. Формирование идеала устойчивого развития как прогресса.....	22
Грабельных Т. И. Новый «социальный мир» и новые «законы» устойчивого развития как методологический вызов и объект социологии социальной напряженности	27
Кривошеев В. В. Устойчивое развитие в обществе травмы: противоречие или возможность гармонии?.....	30
Решетников В. А. Гуманизация образования как фактор устойчивого развития общества.....	33
Гаврилюк В. В., Бочаров В. Ю. Неравенство и классовая солидарность в современном российском обществе	37
Сушко В. А. Теоретико-методологические подходы к изучению социальной напряженности в современном российском обществе	41
Лешенко Я. А. Проблемы демографического и социального развития Дальнего Востока в условиях геополитических вызовов	45
Шарович Раде, Чернич Горан. Сельско-городской континуум или постоянные различия между поселениями в пространстве	50
Андрянова Т. В. Технологии локации культуры и культуры локации в управленческих практиках городских поселений	54
Цветкова И. В. Теоретические принципы «зеленого» роста и проблемы их практической реализации	59
Гаврилюк Т. В. Рабочий класс в глобальном контексте: вызовы постиндустриального общества.....	64
Левченко И. Е. Феномен социальной смерти как фактор, дестабилизирующий общественное развитие.....	68
Шинкевич В. Е. Оценка наркоситуации в регионе: на примере социо-статистических и криминологических исследований по Иркутской области	74
Грошева Н. Б., Болтенков И. А., Грошева Е. К. Цели устойчивого развития: общественные и корпоративные аспекты	79
Меньшикова А. А. Социальная нестабильность как фактор развития общества.....	82
Волнистая М. Г. Потенциал социальной системы в стратегии устойчивого развития.....	87
Соболь А. И., Болтенков И. А., Грошева Е. К. Бренд территории: фактор устойчивого развития.....	90
Деренко Н. В. Новые факторы социальной напряженности, порождаемые бесконтрольной цифровой трансформацией социальных технологий	93
Завьялов А. В. Общие вызовы экономического развития Вены (Австрия) и Братиславского края (Словакия) – столичных регионов NUTS 2	97
Разумовский А. М. Украина в действии субъектов цивилизационного и геополитического конфликтов	103
Козякова А. И. Внешние и внутренние факторы модернизации системы национальной безопасности в России на рубеже XX–XXI вв.	108
Абдусаламова М. Ш. Формирование социального капитала политических партий и общественных организаций в аспекте устойчивого развития региона.....	112
Чувашова М. Н., Мыльникова А. А. Исследование существующих моделей оценки связанности регионального пространства	116

РАЗДЕЛ 2. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОНСЕНСУСНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКА
СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОГО ПРОРЫВА
В ПРОСТРАНСТВАХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Найденова Л. И. Функции высшего образование в управлении воспроизводством регионального социума	120
Толвайшис Л. Л. Управление процессом внедрения биометрических технологий в Сербии: взаимодействие государства и общества	124
Подсолонко В. А., Подсолонко Е. А. Внутренний туризм в улучшении демографической ситуации в Сибири	129
Иванова И. В., Паршина В. Э. Место и роль женщины в экономике Иркутской области	135
Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Лесниковская Е. В. Активизация «прямых» и «обратных» связей в российских регионах как способ гражданско-государственного прорыва в условиях неопределенностей	140
Баранов С. А. О формировании службой записи актов гражданского состояния Иркутской области регионального сегмента Федеральной государственной информационной системы «Единый государственный реестр записей актов» в рамках программы развития Федеральной государственной информационной системы Единого реестра населения	142
Мун Д. Е. Модифицированные производственные функции в оценивании интенсивных факторов социально-экономического развития Иркутской области	147
Фальковская Т. Ю. Римский клуб, «русские правила»	152
Будникова Н. С. Развитие гражданского общества в Республике Бурятия на современном этапе	156
Исаева Т. П., Куриленкова О. А. К вопросу взаимодействия органов власти и НКО в Иркутской области	161
Струглин Г. В. Проблема управления транспортными средствами в состоянии опьянения глазами общества: причины избирательного подхода к актуальным вопросам безопасности	163
Башкуева Е. Ю. Анализ деятельности Республиканской стоматологической поликлиники по организации работы с обращениями и жалобами граждан как индикатора качества медицинской помощи (по результатам социологического исследования)	167
Лобовикова Е. А. Мифологическое конструирование пространства социальной реальности	171
Маслодудова Н. В. Развитие духовности как противовеса социальной напряженности в современном обществе	175
Павлова С. А. К вопросу о необходимости совершенствования экономической эффективности государственных программ	179
Журавлева И. А. Социальная напряженность при формировании образовательных стратегий региональной молодежи	182
Кузьмина Е. С. Драйверы развития высшего образования в условиях социальной напряженности	184
Мананникова Ю. В. Организация дистанционного обучения в региональной системе общего образования: поле социальной напряженности и перспективы развития	187
Киселёв Ю. А. Кризисное сознание личности как барьер и ресурс трансформации российского общества	193
Гольцова Е. В. Современные проблемы человекообразности в медиаэкологии	197
Кобызь Т. Н. Анализ особенностей социальной и социально-педагогической поддержки семьи: региональный аспект	202
Данилов А. Н. Ценностный конфликт в выборе пути цивилизационного развития	205
Рудакова Н. В., Кузнецова К. Р. Кадровая потребность в организациях отрасли культуры Иркутской области: результаты мониторингового исследования	209
Деренко Н. В., Подковенко А. Г. Роль неформальных сообществ в развитии креативной экономики региона	215
Качан М. К. Актуальные тенденции развития сферы культуры в Иркутской области (на примере учреждений культуры региона)	217
Лушников О. Л. Социальное настроение сельского населения Хакасии	222

Полюшкевич О. А. Доброта как практика просоциального поведения	228
Удалых С. К. Действующая система обеспечения жильем детей-сирот как поле социальной напряженности.....	231
Сарапулова Л. Н. Стратегии социокультурного развития региона	236
Сорокина Н. Д. Что вызывает конфликты в процессе реализации градостроительных решений?	240
Блиникова А. В. Хьюгагика в решении проблем системы непрерывного педагогического образования на примере образовательных организаций Иркутской области	243
Гуринович Л. А., Фурман Е. А. Профориентационная деятельность в Иркутской области: некоторые результаты пилотного исследования.....	248
Павлова С. А. Эмиграция россиян: особенности, причины и последствия	252
Перваго Г. К. Занятость несовершеннолетних, состоящих на профилактических учетах в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в учреждениях культуры муниципальных образований Иркутской области	254
Калиниченко Я. Н. Факторы наркотизации молодежи по результатам мониторинговых исследований	258
Московский С. С., Попова В. В. Социальное проектирование как технология привлечения молодежи к решению социальных проблем	262
Бухарова Е. А., Решетникова Е. В. Развитие форм и видов дополнительного образования как фактор трансформации социальной реальности.....	267
Степанов А. В., Грабельных О. И. Ведущая роль школьных уроков биологии и биологической исследовательской деятельности в формировании у подрастающего поколения адекватного восприятия окружающего мира и бережного отношения к природе.....	269
Бурнаев А. Ю., Фальковская Т. Ю. Корпоративная социальная ответственность: брать или не брать?	271
Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Корпоративная социальная ответственность крупной организации	274
Ницина О. А., Бонько Т. И., Поздняк Е. Н. Роль физической культуры и спорта в условиях социальной напряженности	279
Чернышева Е. В. Особенности обучения студентов поколения Z	284
Номшиева М. А. Российское образование в эпоху новых глобальных вызовов	285
Крылова Е. В. Земский учитель в Иркутской области: проблемы и особенности реализации программы.....	288

**РАЗДЕЛ 3. ЦЕНТРЫ И ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 В ПРОСТРАНСТВЕ ВОЗДЕЙСТВИЙ ГЛОБАЛЬНЫХ
И РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ**

Смакотина Н. Л. Пандемия COVID-19 как условие новых глобальных социальных трансформаций	291
Антонова Н. Л. Право на город в условиях самоизоляции (кейс Парад Победы в Екатеринбурге)	296
Смирнов А. Е., Смирнова Н. Г. Пандемия COVID-19: вызовы для медицины и общества ...	299
Бандурка Р. И., Янков Ю. П. Социальная напряженность в контексте неблагоприятной эпидемиологической обстановки и геополитических изменений	302
Зырянов В. В. Пандемия COVID-19 как катализатор трансформации матрицы праздников ...	305
Ардашев Р. Г. Конспирологические теории как показатель социальной напряженности при пандемии COVID-19.....	308
Иванов Р. В. Влияние пандемии COVID-19 на социальное напряжение	311
Зарсаева Х. И. Социальная напряженность образования в COVID-19.....	314
Скуденков В. А. Экономические притязания в период социального напряжения (на примере пандемии COVID-19)	316
Зимина Е. В., Гуляева А. И. Социологический анализ проявления абьюзинга в период вынужденной самоизоляции	318

Грицких Н. В. К вопросу о влиянии пандемии коронавируса (COVID-19) на повседневные практики и социальные связи	321
Малых С. В. Социальное напряжение в жизни преподавателей университета до и после пандемии	323
Бычкова Н. С. COVID-19 как фактор социальной напряженности в США	326
Анчутина А. Е. К проблеме трансформации миграционных процессов в условиях пандемии COVID-19	329
Плотникова В. В., Патрашова Ю. Ю. Смертность от COVID-19 на фоне других всплесков смертности XX века	332
Шевлякова А. Н., Михайлова Д. Д. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19	337
Соболева А. А. Сфера фитнеса в период пандемии: проблемы и возможные пути их решения	339
Малых М. М. Товарные и услуговые предложения, возникшие в ответ на новые потребительские ценности, сформированные в условиях пандемии	343

РАЗДЕЛ 4. ПРОСТРАНСТВА И ПОЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РОССИИ И МИРЕ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ОСВОЕНИИ ДИСКУРСИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ананьина Э. Д. Обеспечение продовольственной безопасности как стратегическое направление государственной политики в России в современных условиях	345
Анохина А. А. Социальное самочувствие и поведение молодежи в условиях современных макро- и микроугроз в России	350
Ахмадышина Н. В. Трансформация дисциплинарных пространств современного общества в условиях социальной напряженности (на примере пандемического периода).....	359
Богорадникова Е. А. Современные тренды развития молодежных виртуальных пространств в условиях глобальных вызовов	367
Варфоломеева М. А. Причины и основные механизмы регулирования женской безработицы в аспекте государственной политики в интересах женщин (на примере Иркутской области)	373
Волкова Р. С. Социальные и психологические факторы динамики самоубийств в современной России (на примере самоизоляции).....	375
Гантимуров В. Р. Специфика миграционного поведения населения в период пандемии (на примере Иркутской области).....	380
Жигалова О. А. Влияние социальной напряженности на устойчивость института семьи и брака в современных условиях	383
Жуйкова Д. В. Трансформация культурных пространств в условиях пандемии в России.....	388
Илюшин А. О. Архитектура как объект исследований в работах зарубежных социологов.....	393
Кадырова В. Ю. ВИЧ-инфекция и ее последствия в фокусе общественного мнения россиян в период пандемии COVID-19.....	395
Козлова Р. М. Социальная напряженность в межнациональной семье: источники, причины, пути преодоления.....	400
Лимаренко Е. В. Продвижение учебного заведения с помощью студенческих СМИ.....	405
Линейцева А. А. Влияние социально-экономических вызовов на формирование профессионально-личностных стратегий университетского студенчества в современных условиях	409
Лосева Е. В. Сельская семья в границах изучения социологии: новые вызовы	414
Одинова А. Д. Формирование организационной культуры посредством обучения и самообучения персонала	418
Осипов Т. А. Специфика и тенденции развития научно-образовательного сообщества в период пандемии	421
Павлюк М. А. Социальная напряженность как фактор возникновения социально опасных явлений в современном обществе	430
Панькова Т. П. Современные технологии содействия трудоустройству и занятости студенческой молодежи в вузах Иркутской области	437

Пьянкова К. А. Проблемы и специфика развития социальной активности российской молодежи в период глобальных вызовов	439
Рогут О. А. Ключевые проблемы социального неравенства в современном мире (на примере расовой дискриминации)	444
Ромашова В. В. История формирования системы таможенного регулирования в Крыму	447
Рыбак Н. С. Особенности влияния социальной напряженности на основные стратегии трудоустройства и занятости российской молодежи.....	450
Савилова К. А. Сетевое пространство в условиях социальной напряженности: факторы влияния, социальные последствия	454
Сафонов С. А. Общественно-государственное партнерство как способ достижения социального консенсуса	459
Силивеев И. М. Социальное напряжение при реализации антикризисного управления	466
Соловьева Е. С. Человеческая жизнь и социальное благополучие в системе рыночных измерений (на примере практики страхования жизни)	470
Фирсова Н. В. Социальная сфера, рынок труда и миграционные процессы в условиях социальной напряженности	474
Шарафеева Д. С. Проблемы создания комфортной среды для рождения детей в городской и сельской местности в России в условиях социальной нестабильности	477
Щепина Е. Д. Социальная депрессия в условиях пандемии и способы ее предотвращения	484

РАЗДЕЛ 5. ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ФОКУСЕ КОНТЕНТ-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ананьина Э. Д. Комфортное пространство для жизни как условие трансляции духовных ценностей россиян в цифровую эпоху.....	491
Анохина А. А. Трансформация статуса и функций семьи на начальном этапе распространения пандемии: контент-анализ специализированных интернет-сайтов и экспертных мнений	495
Ахмадышина Н. В. Рост беспорядков в США и их информационное освещение	502
Осипов Т. А. Духовные основания социальных отношений и их трансформация в условиях пандемии (по результатам контент-анализа)	507
Павлюк М. А. Влияние информационного терроризма на духовные основы трансформирующегося общества (по результатам контент-анализа).....	511
Савилова К. А. Благоприятные условия для жизни в постпандемический период: образование, здравоохранение, культура (по материалам контент-анализа специализированных интернет-сайтов)	517
Сафонов С. А. Технологии управления новыми информационными полями в условиях пандемии.....	520
Шарафеева Д. С. Благоприятные условия для жизни в городской и сельской местности до пандемии, в период пандемии и после: духовная безопасность и риски.....	525
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	529

TABLE OF CONTENTS

GREETING TO THE CONFERENCE PARTICIPANTS	15
PREFACE	17
CHAPTER 1. FACTORS AND ACTORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETIES: FROM THE THEORY OF SOCIAL WORLD TO THE SOCIOLOGY OF SOCIAL TENSION	
Danilov A. N. Forming the ideal of sustainable development as a progress	22
Grabelnikh T. I. New “social world” and new “laws” of sustainable development as a methodological challenge and an object of sociology of social tension	27
Krivoshchev V. V. Sustainable development in trauma society: contradiction or the possibility of harmony?	30
Reshetnikov V. A. Humanization of education as a factor of sustainable development of society	33
Gavriliuk V. V., Bocharov V. Yu. Inequality and class solidarity in modern russian society.....	37
Sushko V. A. Theoretical and methodological approaches to the study of social tension in modern russian society	41
Leshchenko Ya. A. Demographic and social development problems of the Far East in the face of geopolitical challenges.....	45
Sarovic Rade, Ceranic Goran. Rural-urban continuum or permanent differences between settlements in space.....	50
Andriyanova T. V. Technologies of location of culture and culture of location in management practices of urban settlements	54
Tsvetkova I. V. Theoretical principles of “green” growth and problems of their practical implementation.....	59
Gavrilyuk T. V. The working class in a global context: challenges of a post-industrial society.....	64
Levchenko I. E. The phenomenon of social death as a factor that destabilizes social development.....	68
Shinkevich V. Y. Assessment of the drug situation in the region: case of socio-statistical and criminological research in Irkutsk region.....	74
Grosheva N. B., Boltenkov I. A., Grosheva E. K. Sustainable development goals: social and corporate aspects	79
Menshikova A. A. Destructive changes in society as a point of its development.....	82
Volnistaya M. G. The potential of the social system in sustainable development strategy	87
Sobol A. I., Boltenkov I. A., Grosheva E. K. Sustainable development goals: social and corporate aspects	90
Derenko N. V. New factors of social tension generated by the uncontrolled digital transformation of social technologies.....	93
Zavialov A. V. Common economic development challenges of NUTS 2 capital regions of Wien (Austria) and the Bratislavský kraj (Slovakia)	97
Razumovskiy A. M. Ukraine in action by subjects of civilization and geopolitical conflicts	103
Koziakova A. I. External and internal factors of modernization of the national security system in Russia at the turn of XX-XXI centuries	108
Abdusalomova M. Sh. The formation of social capital of political parties and public organizations in the aspect of sustainable development of the region	112
Chuvashova M. N., Mylnikova A. A. The study of existing models for assessing the spatial connectivity of regions.....	116

CHAPTER 2. STRATEGIC CONSENSUAL INTERACTIONS AS A PREREQUISITE
OF SOCIAL-TECHNOLOGICAL AND STATE-LEGAL BREAKTHROUGH IN THE SPACES
OF SOCIAL TENSION

Najdenova L. I. The functions of higher education in the management of regional society re- production.....	120
Tolvaišis L. L. Managing the introduction of biometric technologies in Serbia: interaction be- tween the state and the society.....	124
Podsolonko V. A., Podsolonko E. A. Local tourism in improving demographic situation in Siberia.....	129
Ivanova I. V., Parshina V. E. Place and role of women in the economy of the Irkutsk region.....	135
Grabelykh T. I., Sablina N. A., Lesnikovskaya E. V. Activation of “direct” and “reverse” ties in Russian regions as a method of civil-state breakthrough in conditions of uncertainty.....	140
Baranov S. A. On the formation of the service for recording the acts of the civil state of the Irkutsk region of the regional segment of the federal state information system “Unified state register of records of the state registry” of the regional distribution of the regional district.....	142
Moon D. E. Modified production functions in estimating the intensive factors of socio- economic development of the Irkutsk region.....	147
Falkovskaya T. Yu. Club of Rome, “russian rules”.....	152
Budnikova N. S. The development of civil society in the Republic of Buryatia at the present stage.....	156
Isaeva T. P., Kurylenkova O. A. On the issue of interaction of government bodies and NPO in Irkutsk region.....	161
Struglin G. V. The problem of drunk driving in the public eye: reasons for a selective ap- proach to current safety issues.....	163
Bashkueva E. Yu. Analysis of the activity of the republican dental polyclinic on organization of work with appeals and complaints of citizens as an indicator of the quality of medical care (on the results of sociological research).....	167
Lobovikova E. A. On mythological construction of the space of social reality.....	171
Maslodudova N. V. The development of spirituality as a counterbalance to social tension in modern society.....	175
Pavlova S. A. On the need to improve the economic efficiency of government programs.....	179
Zhuravleva I. A. Social tension in the formation of educational strategies for regional youth.....	182
Kuzmina E. S. Drivers of higher education development in conditions of social tension.....	184
Manannikova Yu. V. Organization of distance learning in the regional system of general edu- cation: the field of social tension and development prospects.....	187
Kiselev Yu. A. Crisis consciousness as a barrier and resource for the transformation of russian society.....	193
Goltsova E. V. Modern problems of human dimension in media ecology.....	197
Kobiz T. N. Analysis of feature of social and socio-pedagogical assistance and family support: regional aspect.....	202
Danilov A. N. Value conflict in the choice of the way of civilizational development.....	205
Rudakova N. V., Kuznetsova K. R. Personnel needs in cultural organizations in the Irkutsk region: results of a monitoring study.....	209
Derenko N. V., Podkovenko A. G. The role of informal communities in the development of the creative economy of the region.....	215
Kachan M. K. Current trends in the development of the sphere of culture in the Irkutsk region (case of the cultural establishments of the region).....	217
Lushnikova O. L. Social mood of the rural population of Khakassia.....	222
Polyushkevich O. A. Kindness as a practice of prosocial behavior.....	228
Udalykh S. K. The current system of providing housing for orphaned children as a field of social tension.....	231
Sarapulova L. N. Strategies for the socio-cultural development of the region.....	236
Sorokina N. D. What causes conflicts in the implementation of urban planning decisions?.....	240
Blinnikova A. V. Heutagogy in solving the problems of the system of continuous pedagogical education on the example of educational organizations of the Irkutsk region.....	243

Gurinovich L. A., Furman E. A. Career guidance in the Irkutsk region: some results of the pilot study.....	248
Pavlova S. A. Emigration of russians: features, causes and consequences	252
Pervago G. K. Employment of minors who are on preventive registration in commissions for minors' affairs and protection of their rights in cultural institutions of municipalities of the Irkutsk region	254
Kalinichenko Ya. N. Factors of drug addiction among young people on results of monitoring studies.....	258
Moskovskiy S. S., Popova V. V. Social planning as a technology of attracting youth to solve social problems	262
Bukharova E. A., Reshetnikova E. V. Development of forms and types of additional education as a factor of transformation of social reality	267
Stepanov A. V., Grabelnykh O. I. The leading role of school lessons in biology and biological research activities in the formation of an adequate perception of the surrounding world and a careful attitude towards nature	269
Burnayev A. Y., Falkovskaya T. Yu. Corporate social responsibility: to take or not to take?.....	271
Zaykovskaya A. A., Libenson I. R. Corporate social responsibility of a large organization	274
Nitsina O. A., Bonko T. I., Pozdnyak E. N. The role of physical culture and sports in conditions of social tension.....	279
Chernysheva E. V. Features of teaching generation Z students	284
Nomshieva M. A. Russian education in the era of new global challenges.....	285
Krylova E. V. Rural teacher in Irkutsk region: problems and features of program implementation	288

CHAPTER 3. THE CENTERS AND THE DYNAMICS OF SOCIAL TENSION IN THE CONDITIONS OF COVID-19 PANDEMIC IN THE SPACES OF GLOBAL AND REGIONAL CHALLENGES

Smakotina N. L. Pandemic COVID-19 as a condition of new global social transformation	291
Antonova N. L. The right to the city in case of self-isolation (case of Victory Parade in Ekaterinburg)	296
Smirnov A. E., Smirnova N. G. COVID-19 pandemic: challenges for medicine and society	299
Bandurka R. I., Yankov Y. P. Social tensions in the context of an unfavorable epidemiological situation and geopolitical changes	302
Zyryanov V. V. The COVID-19 pandemic as a catalyst for the transformation of the holiday matrix	305
Ardashev R. G. Conspiracy theories as an indicator of social tension in the COVID-19 pandemic	308
Ivanov R. V. Impact of the COVID-19 pandemic on social tensions	311
Zarsaeva H. I. Social tension of education in COVID-19	314
Skudenkov V. A. Economic claims during a period of social tension (case of COVID-19 pandemic)	316
Zimina E. V., Gulyaeva A. I. The sociological analysis of manifestation of an abusing in the period of the forced self-isolation	318
Gritskikh N. V. To the question about the impact of the pandemic coronavirus (COVID-19) on daily practices and social connections	321
Malykh S. V. Social tension in the lives of university professors before and after the pandemic	323
Bychkova N. S. COVID-19 as a factor of social tension in the united states.....	326
Anchutina A. E. On the problem of transformation of migration processes in the context of the COVID-19 pandemic	329
Plotnikova V. V., Patrashova Yu. Yu. COVID-19 deaths amid other spikes in 20th century mortality	332
Shevlyakova A. N., Mikhailova D. D. Socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic.....	337
Soboleva A. A. Fitness during a pandemic: problems and solutions.....	339
Malykh M. M. Product and service offerings that have emerged in response to new consumer values generated by the pandemic.....	343

CHAPTER 4. SPACES AND FIELDS OF SOCIAL TENSION IN RUSSIA AND THE WORLD
IN THE MODERN EPOCH: SOCIOLOGICAL APPROACHES IN MASTERING DISCOURSIIVE
TECHNOLOGIES

Ananina E. D. Ensuring food security as a strategic direction of state policy in Russia in modern conditions	345
Anokhina A. A. Social self-feeling and behavior of young people in the context of modern macro – and micro- threats in Russia	350
Akhmadyshina N. V. Transformation of disciplinary spaces of modern society in conditions of social tension (on the example of the pandemic period)	359
Bogoradnikova E. A. Current trends in the development of youth virtual spaces in the context of global challenges	367
Varfolomeeva M. A. Reasons and basic regulation mechanisms of women’s unemployment in the aspect of state policy in the interest of women (case of Irkutsk region)	373
Volkova R. S. Social and psychological factors of suicide dynamics in modern Russia (on the example of self-isolation)	375
Gantimurov V. R. Specificity of migration behavior of the population in the pandemic period (case of Irkutsk region)	380
Zhigalova O. A. Influence of social tension on the stability of the institution of family and marriage in modern conditions	383
Zhuikova D. V. Transformation of cultural spaces in the context of the pandemic in Russia	388
Ilyushin A. O. Architecture as an object of research in the works of foreign sociologists	393
Kadyrova V. Y. HIV-infection and its consequences in the focus of public opinion of russians during COVID-19 pandemic	395
Kozlova R. M. Social tension in an international family: sources, causes, ways to overcome it	400
Limarenko E. V. Promotion of an educational institution with the help of student media	405
Lineytseva A. A. Influence of socio-economic challenges on the formation of professional and personal strategies of university students in modern conditions	409
Loseva E. V. Rural family within the limits of studying sociology: new challenges	414
Odinova A. D. Educational programs as tools of organizational culture formation	418
Osipov T. A. Specifics and trends in the development of the scientific and educational community during the pandemic	421
Pavlyuk M. A. Social tension as a factor in the emergence of socially dangerous phenomena in modern society	430
Pankova T. P. Modern technologies to promote employment and employment of student youth in universities of the Irkutsk region	437
Pyankova K. A. Problems and specifics of the development of social activity of russian youth in the period of global challenges	439
Rogut O. A. Key problems of social inequality in the modern world (on the example of racial discrimination)	444
Romashova V. V. History of formation of the customs regulation system in Crimea	447
Rybak N. S. Features of the influence of social tension on the main strategies of employment and employment of russian youth	450
Savilova K. A. Network space in conditions of social tension: factors of influence, social consequences	454
Safonov S. A. Public-state partnership as a way to achieve social consensus	459
Siliveev I. M. Social tension in the implementation of anti-crisis management	466
Solovyeva E. S. Human life and social well-being in the system of market measurements (on the example of life insurance practice)	470
Firsova N. V. Social sphere, labor market and migration processes in the conditions of social tension	474
Sharafeeva D. S. Problems of creating a comfortable environment for the birth of children in urban and rural areas in russia in conditions of social instability	477
Shchepina E. D. Social depression in a pandemic and ways to prevent it	484

CHAPTER 5. GLOBAL AND REGIONAL CHALLENGES OF THE MODERNITY
IN THE FOCUS OF CONTENT-ANALYTICAL RESEARCH IN STUDENT YOUTH

Ananina E. D. Comfortable living space as a condition for translating spiritual values of russians in the digital age.....	491
Anokhina A. A. Transformation of the status and functions of the family at the initial stage of the spread of the pandemic: content analysis of specialized internet sites and expert opinions.....	495
Akhmadyshina N. V. Disorder growth in the USA and their information coverage.....	502
Osipov T. A. Spiritual foundations of social relations and their transformation in the context of a pandemic (based on the results of content analysis).....	507
Pavlyuk M. A. The impact of information terrorism on the spiritual foundations of a transforming society (based on the results of content analysis).....	511
Savilova K. A. Favorable conditions for life in the post-pandemic period: education, healthcare, culture (on the materials of content analysis of specialized internet sites).....	517
Safonov S. A. Technologies for managing new information fields under a pandemic condition	520
Sharafeeva D. S. Favorable conditions for life in urban and rural areas before the pandemic, during the pandemic and after: spiritual safety and risks.....	525
INFORMATION ON THE AUTHORS	529

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ И ГОСТИ КОНФЕРЕНЦИИ!

Международная научно-практическая конференция «Пространства социальной напряженности, глобальные и региональные вызовы и акторы устойчивого развития в современную эпоху: стратегические консенсусные взаимодействия и новые прорывы» по важности темы и остроте обсуждаемых вопросов символизирует глубокую потребность в выработке нового системного видения трансформационных процессов пандемического характера.

Воздействие глобальных и региональных вызовов в период пандемии COVID-19 привело к возникновению и расширению пространств социальной напряженности во всех сферах жизни. Сфера высшего образования и науки не явилась исключением. Стремительно внедряются новые форматы обучения и новые принципы организации и построения научной деятельности, прослеживается динамика показателей по кадровому составу (к сожалению, теряем представителей «классических» научных школ), намечился серьезный пересмотр ценностей образования и обучения среди молодежи, началось активное выстраивание позиций ключевых субъектов по новым правилам. Стратегии, реализуемые до сегодняшнего дня, в условиях пандемии COVID-19 поставлены под сомнение. Мы переживаем трудный период в истории страны, высшей школы. Безусловно, что и в такие времена, когда «социальное напряжение» становится реальностью, как и вступление в эпоху цифровизации, нужно уметь договариваться, принимать согласованные и сбалансированные решения, иметь «стратегический консенсус» по новым прорывам своего времени.

Убежден, что только конструктивное взаимодействие и углубление сотрудничества ученых, практиков, представителей органов власти и общественности, всего экспертного сообщества поможет эффективному решению всего комплекса социально-экономических, социально-политических, социально-демографических и других проблем.

Я надеюсь, что идеи и подходы, предложенные на конференции, найдут отклик у широкой аудитории и будут иметь продолжение!

*А. Ф. Шмидт,
ректор ФГБОУ ВО «ИГУ», профессор*

DEAR PARTICIPANTS AND GUESTS OF THE CONFERENCE!

The International Scientific-Practical Conference “Spaces of social tension, global and regional challenges and actors of sustainable development in the modern epoch: strategic consensual interactions and new breakthroughs” by the relevance of the topic and the urgency of the issues discussed symbolizes a deep need in developing of a new systemic vision of the transformation processes of pandemic character.

The impact of global and regional challenges in the period of COVID-19 pandemic has led to the emergence and expansion of spaces of social tension in all spheres of life. The spheres of higher education and science are no exceptions. New ways of education and new principles of organization of research are being implemented, there are changes in the numbers of academic staff (unfortunately, we are losing representatives of “classic” schools), the young are seriously reconsidering values of education, key subjects are actively taking on the new rules. The strategies that have been used up to the present day are doubted in the conditions of COVID-19 pandemic. We are living through a difficult time in the history of our country, in the history of higher education. Obviously, in the times when “social tension”, just like entering the epoch of digitalization, is a reality, it is essential to come to agreement, make consensual and balanced decisions and have a strategic consensus on the new breakthroughs of our time.

I am convinced that only constructive interaction and intensive cooperation among scholars, practitioners, officials and the public, expert communities will help to efficiently solve the complex of social-economic, social-political, social-demographic and other problems.

I hope that the ideas and approaches suggested at the conference will appeal to a wide audience and will have a continuation!

*A. F. Schmidt,
Rector of Irkutsk State University, Full Professor*

*Памяти нашего коллеги,
доктора философских наук, профессора
Эдуарда Александровича Самбурова
и других российских и зарубежных преподавателей и ученых,
жизнь которых оборвалась из-за COVID-19,
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание подготовлено по материалам Международной научно-практической конференции «Пространства социальной напряженности, глобальные и региональные вызовы и акторы устойчивого развития в современную эпоху: стратегические консенсусные взаимодействия и новые прорывы» (г. Иркутск, 10–11 декабря 2020 г.).

Научные принципы и концептуальные положения, теоретические и практические разработки, представленные участниками конференции, позволили увидеть многосоставную палитру современных подходов (по сути, общеметодологический и отраслевой «метасинтез») в анализе и оценке условий, возможностей и перспектив достижимости устойчивого развития современных обществ. Внимание авторов акцентируется на внешних и внутренних факторах и ключевых акторах устойчивого развития «постиндустриальных» обществ начала XXI в., переживающих, с одной стороны, информационно-технологический, «цифровой» этап, с другой стороны, «пандемическую детерминацию» с непредсказуемыми последствиями для своей эпохи. Предложенные в работах современные модели анализа и интерпретаций сложных социальных процессов выявили «методологический переход» в развитии научных школ от макро- и метатеорий социального мира к социологии социальной напряженности и теориям принятия решений в период «пандемической цифровизации». Впервые предметом научного дискурса стали стратегические консенсусные взаимодействия как предпосылка социально-технологического и государственно-гражданского прорыва в пространствах социальной напряженности, место и роль центров социальной напряженности и ее динамика в условиях пандемии COVID-19 в пространстве воздействий глобальных и региональных вызовов. В работе анализируются пространства и поля социальной напряженности в России и мире в современную эпоху в аспекте применимости социологических подходов, а также глобальные и региональные вызовы современности по результатам контент-аналитических исследований студенческой молодежи.

В научном издании широко освещаются причины и факторы роста социальной напряженности в современном мире, уникальный опыт конструирования и модернизации стратегических консенсусных взаимодействий в разных сферах жизнедеятельности в России и ее регионах, других странах в период пандемии COVID-19. В изучении и оценке оснований новой устойчивости современного общества внимание большинства авторов фокусируется на данных социологических исследований.

На страницах издания на обстоятельной экспертно-методологической платформе представлен богатый опыт конструктивного решения сложных проблем в более чем 5 странах, 20 регионах РФ. Продолжая традиции проведения региональных и всероссийских конференций с международным участием, посвященных развитию теории и практики общественного развития, технологий взаимодействия гражданского общества и государства, культуры политического консенсуса и концепций национальной безопасности, на проведенной Международной конференции – 2020 на базе Иркутского государственного университета представлялось важным осмыслить комплекс взаимосвязанных научных и социальных проблем пандемического периода, имеющих несомненное стратегиче-

ское значение в государственном управлении, развитии гражданского общества, модернизации образования, науки, культуры, здравоохранения и др. как социальных институтов.

В фокусе внимания ученых разных отраслей наук, специалистов-практиков и общественности оказывается большой блок вопросов, требующих глубокого анализа: устойчивое развитие современных обществ в XXI веке; пространства и поля социальной напряженности в России и мире; причины и факторы социальной напряженности в современную эпоху; социальная напряженность в городском и региональном развитии; акторы социальной устойчивости и акторы социальной напряженности в кризисном обществе; социальная напряженность и национальная безопасность: основы стратегических взаимодействий; социальная напряженность, социальная нестабильность и социальное неравенство в современном мире; социология глобальных изменений и локальных трансформационных процессов; акторы устойчивого развития и новые (научно-технологические, информационные, коммуникационные, социальные, экономические, политические и др.) прорывы; стратегии социально-экономического и инновационно-технологического развития городов и регионов России и особенности их реализации в условиях перемен; глобальные и региональные вызовы в фокусе науки и общественного мнения; образование и наука: поля социальной напряженности и перспективы развития; культура и искусство: поля социальной напряженности и тренды развития; социокультурные изменения в условиях глобальных и региональных вызовов; консенсусные стратегические взаимодействия в обеспечении национальной безопасности в России; культура политического консенсуса в пространствах социальной напряженности; формы и методы консенсусных взаимодействий на международном и федеральном уровне; субъекты консенсусных стратегических взаимодействий и их роль в переговорных процессах, процессах принятия решений; *реализация национальных проектов как основное направление стратегических консенсусных взаимодействий в России*; социальная сфера, рынок труда и миграционные процессы в условиях социальной напряженности; основные направления и пути реализации демографической политики в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях глобальных и региональных вызовов; роль органов государственной и муниципальной власти в содействии социально-демографическому развитию регионов России в условиях глобальных и региональных вызовов; международные и национальные стратегии сотрудничества стран на евразийском пространстве: формы и методы консенсусных взаимодействий; роль социологии в исследовании внешних и внутренних вызовов, угроз и рисков; российский регион: экономические, политические и социально-демографические вызовы в условиях цифровой экономики; экспертно-аналитическое и информационное обеспечение достижения целей регионального и муниципального развития Сибири и Дальнего Востока в условиях глобальных и региональных вызовов; опыт консенсусных взаимодействий органов государственной власти, бизнес сообщества, общественности и вузов: направления и перспективы развития; и др.

В работах дана оценка уровня социальной напряженности в России и мире, степени научно-технологического и государственно-гражданского прорыва в пространствах социальной напряженности, роли центров и динамике социальной напряженности в условиях пандемии COVID-19 в пространстве воздействий глобальных и региональных вызовов. Выводы и результаты исследований свидетельствуют о перспективности развития в современных условиях социологии социальной напряженности, социологии социальной безопасности, социологии национального и регионального развития, других отраслей научного знания, ориентированных на производство и воспроизводство качественно новых научных знаний, отражающих новые грани социальной реальности, потребности общества, государства, отдельного гражданина. В ходе проведенного обсуждения отмечается существенный вклад ученых, экспертов и специалистов-практиков в осмысление роли социологии в механизмах государственного управления, проектах общественного участия, в изучении нового социального и междисциплинарного опыта, формирующего

ся в условиях пандемии COVID-19. В издании представлена междисциплинарная методология исследования базисных оснований новой устойчивости современного общества.

Научное издание состоит из пяти разделов: «Факторы и акторы устойчивого развития современных обществ: от теорий социального мира к социологии социальной напряженности»; «Стратегические консенсусные взаимодействия как предпосылка социально-технологического и государственно-гражданского прорыва в пространствах социальной напряженности»; «Центры и динамика социальной напряженности в условиях пандемии COVID-19 в пространстве воздействий глобальных и региональных вызовов»; «Пространства и поля социальной напряженности в России и мире в современную эпоху: социологические подходы в освоении дискурсивных технологий»; «Глобальные и региональные вызовы современности в фокусе контент-аналитических исследований студенческой молодежи».

Редакторы признательны всем авторам, принявшим участие в создании сборника.

*Доктор социологических наук, профессор
Т. И. Грабельных*

*In memory of our colleague,
Doctor of Philosophy, Full Professor
Eduard Alexandrovich Samburov
and other Russian and foreign colleagues
whose lives were taken away by COVID-19*

PREFACE

This collection of papers is based on the materials of the International Scientific-Practical Conference “Spaces of social tension, global and regional challenges and actors of sustainable development in the modern epoch: strategic consensual interactions and new breakthroughs” (Irkutsk, 10–11 December, 2020).

The scholarly principles and conceptual statements, theoretic and practical findings suggested by the participants of the conference allowed seeing the multi-component palette of modern approaches (in gist, the general methodological and branch “metasynthesis”) in the analysis and the estimate of the conditions, opportunities and perspectives of the achievability of sustainable development of modern societies. The authors focus on the external and internal factors and key actors of the sustainable development of “postindustrial” societies of the beginning of the XXI century, which are experiencing, on the one hand, the information-technological, digital stage, and “the pandemic determination”, on the other hand, with unpredictable consequences for the epoch. The suggested modern models of analysis and interpretation of complex social processes have revealed “the methodological transition” in the development of scientific schools from macro- and meta-theories of the social world to the sociology of social tension and theories of decision-making in the period of “pandemic digitalization”. For the first time the subject of the academic discourse are strategic consensual interactions as a prerequisite of social-technological and state-legal breakthrough in the spaces of social tension, the place and role of the centers of social tension and its dynamics in the conditions of COVID-19 pandemic in the space of global and regional challenges. The authors analyze the spaces and fields of social tension in Russia and the world in the modern epoch through the prism of the usability of sociological approaches in mastering discursive technologies, as well as global and regional approaches of the modernity basing on the results of content research in student youth.

The collection covers the causes and factors of the growth of social tension in the modern world, the unique experience of constructing and modernization of strategic consensual interactions in different spheres of life activity in Russia and its regions as well as in other countries in the times of COVID-19 pandemic. The authors focus on sociological and other data while studying and estimating the new sustainability of the modern society.

The collection offers rich experience of constructive solutions of complex problems in more than 5 countries and 20 Russian regions, based on extensive expert-methodological platform. In the continuation of the tradition of regional and All-Russian conferences with international participation devoted to the development of the theory and practice of social development, the technologies of interaction between the state and civil society, the culture of political consensus and concepts of national security, at the International Conference-2020 at Irkutsk State University it was important to consider the complex of interrelated scientific and social problems of the pandemic period that have undoubted strategic significance in the state governance, the development of the civil society, the modernization of education, culture, healthcare and other social institutions.

Scholars of different fields, specialists-practitioners and the community all focus on a wide range of issues that require deep analysis: sustainable development of modern societies in the XXI century; the spaces and fields of social tension in Russia and the world; the causes and

factors of social tension in the modern epoch; social tension in city and regional development; actors of social sustainability and social tension in crisis society; social tension and national security; bases of strategic interactions; social tension, social instability and social inequality in the modern world; sociology of local change and local transformation processes; actors of sustainable development and new (scientific-technological, information, communication, social, economic, political etc.) breakthroughs; strategies of social-economic and innovation-technological development of cities and regions of Russia and the peculiarities of their realization in the conditions of change; global and regional challenges in the focus of science and public opinion; education and science: fields of social tension and trends of development; sociocultural changes in the conditions of global and regional challenges; consensual strategic interactions at the international and federal levels; the subjects of consensual strategic interactions and their role in negotiations and decision-making; *the implementation of national projects as the main direction of strategic consensual interactions in Russia*; social sphere, labor market and migration processes in the conditions of social tension; the main directions and ways of implementation of demographic policy in Siberia and the Far East in the conditions of global and regional challenges; the role of federal and municipal authorities in the social-demographic development of Russian regions in the conditions of global and regional challenges; international and national strategies of cooperation of countries in Eurasian space: forms and methods of consensual interactions; the role of sociology in researching external and internal challenges, threats and risks; the Russian region; economic, political and social-demographic challenges in the conditions of digital economy; expert-analytical and information provision for the achievement of the goals of regional and municipal development of Siberia and the Far East in the conditions of global and regional challenges; the experience of consensual interactions of authorities, business, civil society and academia: the directions and perspectives of development; etc.

The works provide an estimate of the level of social tension in Russia and the world, the level of scientific-technological and state-civil breakthrough in the spaces of social tension, the role of the centers and the dynamics of social tension in the conditions of COVID-19 pandemic in the space of global and regional challenges. The conclusions and results of the research show the perspective of development in the modern conditions of the sociology of social security, the sociology of national and regional development, other branches of academic knowledge aimed at the production and reproduction of the qualitatively new knowledge that reflects new sides of social reality, the needs of the community, the state and the individual. In the course of the discussion we note the significant contribution made by scholars, experts and specialists into the consideration of the role of sociology in the mechanisms of state governance, projects of public participation, studying of the new social and interdisciplinary experience formed under the conditions of COVID-19 pandemic. The work presents interdisciplinary methodology of research of the bases of the new sustainability of the modern society.

The collection of papers consists of 5 chapters: 1) “Factors and actors of sustainable development of modern societies”; 2) “Strategic consensual interactions as a prerequisite of social-technological and state-legal breakthrough in the spaces of social tension”; 3) “Centers and dynamics of social tension in the conditions of COVID-19 pandemic in the spaces of global and regional challenges”; 4) “Spaces and fields of social tension in Russia and the world in the modern epoch: sociological approaches in mastering discursive technologies”; 5) “Global and regional challenges of modernity in the focus of content-analytical research in student youth”.

The editors are thankful to all the authors of the collection.

*Doctor of Sociology, Full Professor,
T. I. Grabelnykh*

РАЗДЕЛ 1. ФАКТОРЫ И АКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ: ОТ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО МИРА К СОЦИОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

***

CHAPTER 1. FACTORS AND ACTORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETIES: FROM THE THEORY OF SOCIAL WORLD TO THE SOCIOLOGY OF SOCIAL TENSION

УДК 316

А. Н. Данилов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕАЛА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ПРОГРЕССА

В статье рассмотрены проблемы формирования идеала устойчивого развития как прогресса современного общества. Отмечается, что большинство постсоветских государств не сумели продвинуть свои общества на более достойные уровни экономики, выйти на позиции, диктуемые современной информационной эпохой, предоставить населению новые высокие стандарты жизни. Анализируется реализация целей устойчивого развития в Беларуси, представлена Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., которая опирается на ключевые документы, принятые в стране: Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года и Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы. Разработана и принята на Первом Национальном форуме по устойчивому развитию (г. Минск, 24 января 2019 г.) Концепция национальной стратегии, в которой сформулированы конкретные меры по реализации Повестки дня в области устойчивого развития в Республике Беларусь на период до 2030 г.

Ключевые слова: идеал устойчивого развития, прогресс, постсоветский мир, Повестка-2030, Цели устойчивое развитие (ЦУР), Национальный форум по устойчивому развитию, Концепция национальной стратегии, Республика Беларусь.

A. N. Danilov

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

FORMING THE IDEAL OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS A PROGRESS

The article deals with the problems of forming the ideal of sustainable development as the progress of modern society. It is noted that most of the post-Soviet states have failed to advance their societies to more worthy levels of the economy, to take positions dictated by the modern information era, and to provide the population with new high living standards. The implementation of the Sustainable Development Goals in Belarus is analyzed, the Agenda for Sustainable Development for the period up to 2030 is presented, which is based on the key documents adopted in the country: the National Strategy for Sustainable Social and Economic Development of the Republic of Belarus for the period up to 2030 and the Program of Social and Economic Development of the Republic of Belarus for 2016–2020. The Concept of the National Strategy was developed and adopted at the First National Forum on Sustainable Development (Minsk, January 24, 2019) and formulates specific measures to implement the Agenda for Sustainable Development in the Republic of Belarus for the period up to 2030.

Keywords: ideal of sustainable development, progress, the post-Soviet world, Agenda 2030, sustainable development goals (SDGs), National Forum on Sustainable Development, Concept of the National Strategy, Republic of Belarus.

Предыстория. Глобальные перемены ведут к формированию новой цивилизации. Ощущается недостаток в лидерах, способных выстроить политику, адекватную новым вызовам. Большинство постсоветских государств не сумели продвинуть свои общества на более достойные уровни экономики, выйти на позиции, диктуемые современной информационно-технологической эпохой, предоставить населению новые высокие стандарты жизни. «Современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности. Эти процессы всегда являются своего рода индикатором коренных качественных системных перемен» [3]. В мире нарастает энергоэкологический кризис, выражающийся в исчерпании природных ресурсов, ускоренном загрязнении окружающей среды и нарастании числа природных и техногенных катастроф. Растет число стран, охваченных депопуляцией, критического уровня достигло число безработных, особенно молодежи, волны мигрантов захлестывают Западную Европу, увеличивается голод, получают распространение эпидемии, усиливается социодемографическая поляризация. Снизились темпы роста производительности труда и обновления основного капитала, растет технологический разрыв между авангардными и отстающими странами [5].

Все более очевидным становится падение престижа науки в обществе, происходит чрезмерная ее коммерциализация, прагматизация образования. Обостряются геополитические противоречия в мире, увеличивается число локальных вооруженных конфликтов и агрессивных военных действий, не снижается угроза международного терроризма, проявлений варварства против цивилизации [1]. Еще в 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро было провозглашено обеспечение баланса между решением социально-экономических проблем и сохранением окружающей среды, удовлетворением основных жизненных потребностей нынешнего поколения с сохранением таких возможностей для будущих поколений, выбор такого пути, который предполагает управляемое, сбалансированное развитие общества и природы. Однако многие правильные установки, зафиксированные в стратегии устойчивого развития, в том числе Конференции РИО+20, состоявшейся в 2012 г., оказались скорее благом пожеланием, несбыточной мечтой. Реальная же ситуация, напротив, существенно ухудшилась [5]. Прав был Н. Н. Моисеев, когда утверждал, что «проблема устойчивого развития это не проблема экономистов и технологов. Это проблема и экономистов, и технологов, и социологов, и... философов. Это проблема формирования новой цивилизации» [2].

Выход из этого болезненного состояния лежит на путях адаптации к меняющемуся миру. В. С. Стёпин, размышляя о точках роста новой цивилизации писал: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [3].

В сентябре 2015 г. страны – члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года. Она содержит 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), которые формируют образ будущего мира, в котором отсутствуют нищета и голод, где люди могут реализовать свой потенциал в условиях равенства в здоровой окружающей среде, где используются рациональные модели потребления и производства, принимаются неотложные меры сохранения планеты от деградации для устойчивой жизнедеятельности нынешнего и будущих поколений. Глобальность целей предполагает, что каждое государство устанавливает свои собственные национальные задачи, принимая во внимание национальные условия, каждое правительство самостоятельно решает, как обеспечить учет этих глобальных задач при национальном планировании, разработке стратегии развития.

Конечно, принятие и формирование в современном обществе идеала устойчивого развития явление прогрессивное и нуждается во всяческой поддержке. Этот процесс представляет собой синтез глобального и локального развития, направленный как на развитие системы в целом, так и на развитие каждой из подсистем – экономической, экологической, социальной. Экономический подход в устойчивом развитии рассматривает экономику как безотходную, экологичную, энерго- и материалосберегающую систему, нацеленную на создание экологически приемлемой продукции. Экологическое развитие составляет основу устойчивого развития, поскольку обострение экологических проблем представляет угрозу для жизни всего человечества. Оно должно обеспечивать сохранность и жизнеспособность природных систем, в целях сохранения глобальной стабильности биосферы планеты. Социальная составляющая направлена на достижение равенства, справедливого распределения социальных благ между всеми членами общества, полноценное удовлетворение базовых потребностей людей в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении, сохранение духовного достоинства и культурного многообразия человечества [4]. Перед человеком стоит задача переосмысления своего внутреннего потенциала, поиска нового самоопределения, новой парадигмы развития человечества.

Все 17 целей взаимосвязаны и универсальны, главный подход – «никого не оставить в стороне». С одной стороны – это соблюдение интересов каждого, с другой – все должны быть привлечены к реализации поставленных целей. Партнерство и сотрудничество – условие достижения ЦУР, которые структурируют по 5 основным направлениям, так называемым 5Р: люди, процветание, мир, партнерство, планета. ЦУР – это стратегия всего человечества и проблематика их достижения прочно закрепляется в стратегической национальной повестке всех государств мира [4].

В Республике Беларусь приняты основные документы по имплементации ЦУР на национальном уровне: Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года и Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы. В 2017 г. был учрежден пост Национального координатора по достижению Целей устойчивого развития, создан Совет по устойчивому развитию на уровне заместителей руководителей органов государственного управления и руководства регионов страны. В двухпалатном белорусском парламенте была создана парламентская группа для работы по вопросам ЦУР, которая занимается оценкой регуляторного воздействия законопроектов на процессы устойчивого развития и обеспечивает парламентского контроля в данной области. Состоялись открытые парламентские слушания «Партнерство ветвей власти как необходимое условие успешного достижения Целей устойчивого развития». К важному достижению парламентской группы также можно отнести принятые поправки к Закону Республики Беларусь «О нормативных правовых актах». Согласно введенной новелле, необходимость принятия нормативного правового акта в обязательном порядке должна оцениваться с точки зрения его соответствия Целям устойчивого развития [4].

Деятельность Совета по устойчивому развитию, парламентской, партнерской и региональных групп ведется по четырем основным направлениям: экономика, экология, социальные вопросы, мониторинг, а лидеры каждой из групп вырабатывают общее видение и подходы, которые используются в работе по достижению ЦУР. В соответствии с решением Совета по устойчивому развитию каждая из 17 ЦУР закреплена за государственными органами, в компетенцию которых входит решение соответствующих вопросов. При этом все задействованные государственные органы входят в состав четырех отраслевых блоков: экономика, экология, социальная сфера, мониторинг. Это обеспечивает четкий учет и координацию работы по достижению ЦУР [4].

Межведомственная рабочая группа по экономике. Анализ 17-ти целей показал, что шесть из них в наибольшей степени характеризуют экономическую компоненту. Они не только актуальны для устойчивого развития нашей экономики, но и совпадают с национальными приоритетами, такими как продовольственная безопасность, эффектив-

ная занятость и занятость молодежи, инновации, инвестиции и экспорт. Отдельным направлением выступают вопросы региональной политики. Стратегическая цель по данному направлению – создать в регионах равные возможности для реализации личностного потенциала и удовлетворения жизненных потребностей граждан независимо от места проживания на основе эффективного, сберегающего и развивающего использования ресурсов, накопленных компетенций и конкурентных преимуществ [4].

Перед группой поставлены задачи: исходя из целей устойчивого развития определить приоритеты и направления развития экономики, выработать поэтапные меры экономического характера для их достижения. При этом ключевым звеном для устойчивого развития экономики является создание высокопроизводительных рабочих мест, эффективной занятости, роста производительности труда и, как следствие, заработной платы. Именно это направление один из приоритетов экономической компоненты.

Очевидно, что достижение ЦУР невозможно без частных инвестиций. Основа реализация этой целевой задачи видится в развитии института государственно-частного партнерства, который является своего рода альянсом государства и бизнеса с целью реализации обществу значимых проектов в приоритетных отраслях экономики.

Межведомственная рабочая группа по экологии. Экологическая оценка качества жизни населения является важнейшим аспектом устойчивого развития, поэтому при определении общей политики по достижению ЦУР важно учитывать существующие неразрывные связи Целей между собой, а также факт наличия экологической составляющей практически в каждой Цели. Для разработки эффективной государственной политики в этой сфере необходимо оценивать состояние природных ресурсов, биологического разнообразия, прогнозировать различные природные явления и процессы. Все это можно осуществлять только при условии проведения постоянного мониторинга экологической ситуации.

За последние годы в Беларуси многое сделано для преодоления последствий аварии на Чернобыльской АЭС, завершается строительство Белорусской АЭС, происходит развитие новых экологически безопасных отраслей и налаживание процессов непрерывных и постоянных «зеленых» улучшений, обеспечивающих получение дополнительных экологических, экономических и социальных выигршей в виде сокращения выброса парниковых газов и загрязнения окружающей среды, создания новых рабочих мест и инновационных видов продукции. Эффективность использования природных ресурсов становится важнейшим приоритетом в формировании государственной экономической политики. Беларусь рассматривает ЦУР в экологической сфере как целевой ориентир дальнейшего развития страны [4].

Межведомственная рабочая группа по социальной политике. В Беларуси инфраструктура социальной поддержки развивается на основе государственно-частного партнерства. Внедряются новые виды социальных услуг, в том числе для пожилых граждан и людей с инвалидностью. Речь идет о социальном патронаже, сопровождаемом проживании, социальной передышке и других услугах. Достаточно мощная социально-экономическая база имеется и для достижения ЦУР в области охраны здоровья. Ставятся новые задачи по дальнейшему повышению качества и доступности медицинской помощи, усилению профилактики, пропаганде здорового образа жизни.

Стратегическим приоритетом Республики Беларусь является ее инновационное развитие, обеспечивающее вхождение страны в число стран с высоким качеством жизни. Обеспечение доступного и качественного образования является одним из стратегических направлений развития современного белорусского государства. Образование имеет решающее значение для всех ЦУР, выступая одной из предпосылок для их достижения и важнейшим инструментом эффективного управления и обоснованного принятия решений. В сфере занятости населения большое внимание также уделяется трудоустройству граждан, которые не могут на равных условиях конкурировать на рынке труда. В их числе молодежь, впервые ищущая работу в возрасте до 21 года, дети-сироты, инвалиды. Для таких категорий граждан государство обеспечивает дополнительные гарантии занятости [4].

Межведомственная рабочая группа по мониторингу и оценке достижения ЦУР. Важным моментом в работе по реализации ЦУР является обеспечение мониторинга выполнения показателей ЦУР, а также внедрение соответствующих показателей в стратегические документы развития государства. В качестве значимого шага по национализации ЦУР можно рассматривать подготовку Белстатом «дорожной карты» по разработке статистики по ЦУР. В документе в структурированном виде содержится информация об источниках данных для мониторинга выполнения ЦУР, производителей и поставщиках информации, механизмах представления отчетности по показателям и сроках представления данных. Создана национальная платформа по представлению отчетности по ЦУР, которая обеспечивает сбор данных, их контроль, хранение и защиту информации, распространение данных и метаданных. Презентация национальной платформы состоялась в рамках первого Национального форума по устойчивому развитию [4].

В фокусе внимания Национальной стратегии устойчивого развития не только конкретные задачи в сфере экономики и экологии, инвестиций и инноваций для устойчивого развития, но и укрепление здоровья нации и обеспечение высокого качества жизни за счет развития потенциала каждого человека, создания производительных рабочих мест, обеспечивающих стабильную занятость и высокие доходы на основе цифровизации экономики, поощрение образования на протяжении всей жизни, повсеместного внедрения «зеленых» технологий при сохранении природного капитала и экологически безопасной среды проживания для нынешних и будущих поколений.

Первый Национальный форум по устойчивому развитию. Детальное обсуждение Концепции национальной стратегии состоялось на первом Национальном форуме по устойчивому развитию, который проходил в Минске 24 января 2019 г. Формирование общественного сознания, ориентированного на устойчивое развитие, – длительный, но необходимый процесс. Гражданское общество, бизнес должны иметь не только общую информацию о ЦУР, но и о том, как они могут поддержать прогресс развития своей страны, поэтому дальнейшая деятельность должна быть направлена на информирование населения об устойчивом развитии и проводимой в стране работе по его достижению.

Повесткой-2030 государствам рекомендовано проводить трехуровневый анализ прогресса достижения ЦУР: глобальный, региональный, национальный, и наша страна придерживается данной траектории. На международном – глобальном уровне Беларусь в числе первых стран региона представлен добровольный обзор о ходе выполнения Повестки-2030 на политическом форуме ООН по устойчивому развитию в Нью-Йорке в июле 2017 г. Доклад получил положительные оценки международных партнеров, а его представление позволило уже на первом этапе заявить об активной роли Беларуси в процессе достижения ЦУР [4].

В региональном аспекте – как участник Евразийского экономического союза, Беларусь, принимала участие в представлении доклада ЕАЭС по устойчивому развитию в штаб-квартире ООН, а затем в Беларуси был организован региональный форум национальных координаторов, посвященный построению партнерства стран и организаций, вовлеченных в непосредственную работу по достижению ЦУР.

В работе форума приняли участие представители международных организаций и представители 40 стран региона. На форуме страны обменялись опытом, передовыми практиками по выполнению Повестки-2030. Обсуждение позволило лучше понять общие проблемы и трудности на пути реализации Целей устойчивого развития, рассмотреть стратегические, институциональные и практические меры по их преодолению. Участниками форума была одобрена инициатива Беларуси по созданию партнерской сети национальных координаторов по достижению ЦУР. Контакты по линии сети координаторов предоставят возможность перенимать опыт, находить оптимальные решения возникающих вопросов, стимулировать региональное сотрудничество и ускорить глобальный прогресс в достижении ЦУР [4].

На национальном уровне анализ прогресса достижения ЦУР был проведен на Первом Национальном форуме по устойчивому развитию. Форум позволил выработать приоритеты, по которым будет работать наша страна в ближайшем будущем. Конечно, время глобальной нестабильности, новых вызовов и угроз сказывается на реализации поставленных обществом задач по устойчивому развитию, но все же проводимая работа дает свои результаты.

Литература

1. Антонович И. И., Данилов А. Н. Геополитика в эпоху нестабильности. Минск : Беларуская навука, 2018. С. 17–33.
2. Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М. : Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. С. 146.
3. Стёпин В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.
4. Щеткина М. А., Данилов А. Н. Реализация целей устойчивого развития в Беларуси: повестка дня до 2030 г. // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 1. С. 4–11.
5. Данилов А. Н. Спонтанное развитие общества и проблемы прогнозирования будущего // Философские науки. 2019. Т. 62, № 5. С. 27–43.

УДК 316.32

Т. И. Грабельных

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

НОВЫЙ «СОЦИАЛЬНЫЙ МИР» И НОВЫЕ «ЗАКОНЫ» УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ И ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Статья посвящена обоснованию необходимости выделения социологии социальной напряженности как отрасли социологического знания, объектом которой может выступить новый «социальный мир» и новые «законы» устойчивого развития, проявляющиеся в социально-турбулентных процессах и кризисах под воздействием глобальных и локальных угроз, вызовов и рисков. Аргументируется важность проведения системного анализа и прогноза проблем достижения социальной устойчивости посредством стратегических консенсусных взаимодействий («политического консенсуса») и социальной идентификации, исследования закономерностей и тенденций развития современных обществ в русле цивилизационной парадигмы. Предлагается концепция «пандемического детерминизма», определяются задачи и функции социологии социальной напряженности.

Ключевые слова: социальный мир, современное общество, устойчивое развитие, социальная напряженность, социология социальной напряженности, политический консенсус, стратегические консенсусные взаимодействия, социальная идентификация, пандемический детерминизм.

Grabelnykh T. I.

Irkutsk State University, Irkutsk

NEW “SOCIAL WORLD” AND NEW “LAWS” OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS A METHODOLOGICAL CHALLENGE AND OBJECT OF SOCIOLOGY OF SOCIAL TENSION

The work is devoted to substantiating the need to highlight the sociology of social tension as a branch of sociological knowledge, the object of which can be a new “social world” and new “laws” of sustainable development, manifested in socio-turbulent processes and crises under the influence of global and local threats, challenges and risks. The importance of system analysis and forecasting of problems of achieving social sustainability through strategic consensus interactions (“political consensus”) and social identification, research of patterns and trends in the development of modern societies in line with the civilizational paradigm is argued. The paper proposes the concept of “pandemic determinism”, defines the tasks and functions of the sociology of social tension.

Keywords: social world, modern society, sustainable development, social tension, sociology of social tension, political consensus, strategic consensus interactions, social identification, pandemic determinism.

Понятия «старого» и «нового» мира известны с прошлых веков. Каким только не рисовали великие умы человечества этот «Новый мир». Широко известны проекты социальных Утопий, коммунистические идеи, модели постиндустриальных обществ и др. Во

всех, по сути, исторических научных и общественных проектах присутствует основная идея о необходимости построения такого общества, которое бы гарантировало социальную справедливость и социальную безопасность, социальный мир и социальный порядок, включенность в системы устойчивых социальных отношений и возможность саморегулирования. Потребности в счастливой жизни, свободе и труде ограничивались рамками своего социального времени и своего социального пространства. Смена цивилизаций и эпох позволила человечеству на разных рубежах и в разных странах выработать своего рода потенциал «жизнеспособности» и «самозащиты» в трудных (опасных) ситуациях. Речь идет не просто о выработке коллективного иммунитета к условиям нарастающей турбулентно-агрессивной среды, сколько о ментальных способностях и возможностях человека к «самосохранению».

Многообразие социального мира под влиянием глобальных и локальных вызовов и кризисов привело к еще большему разнообразию конструктивных и деструктивных его взаимосвязей и их форм, как и форм согласия и несогласия в политике. Оказалась утраченной ценность самой «социальной связи», когда есть взаимодействие в обществе, но нет внутренне присущей системной социальной связи, когда известны условия достижения своих социальных целей, но нет понимания целей, когда есть стремление к жизни, но не выработаны навыки к выживанию. *«Современный социальный мир» как проводник взаимодействия человека, общества и природы отражает траекторию пути в цивилизационном развитии.* Данная идея впервые нами была обоснована и представлена в начале 1990-х гг. в процессе написания кандидатской диссертации по социологии «Культура политического консенсуса» (М., 1993). Важность достижения консенсуса в первую очередь выражается в системе политических отношений, через взаимосвязи власти и гражданского общества. На протяжении 30 лет мы последовательно исследовали новый «социальный мир» в аспекте социальных трансформаций технологий государственно-гражданского партнерства. Обнаружилось, что новые «законы» устойчивого развития общества есть ни что иное как поступательная волнообразная динамика со-бытий, имеющих некую повторяемость и вызывающих определенную стабилизацию на определенном этапе развития. *В достижении социальной устойчивости как «точке роста» и закреплена основная идея политического консенсуса.*

Внешние и внутренние «общественные» противоречия, обострившиеся в настоящий период, стали атрибутами современной цивилизации и того критического рубежа, к которому она подошла. Смена общественно-экономических формаций и становление новых индустрий закономерно привели к изменению самого типа цивилизационного развития. Сегодня мы фиксируем, что *новый современный социальный мир стал чужим*, благодаря непрекращающимся турбулентным процессам, с его проявляющимися во всей остроте глобальными и локальными кризисами, эпидемиями и пандемией новых инфекций. *Новый современный социальный мир остается родным*, поскольку не утрачена способность к социальной идентификации. Считаем закономерным использование в научном обиходе в пандемический период таких понятий, как «пандемическая детерминация», «пандемическая идентификация», «пандемический синдром». Именно в пандемический период социальные потрясения в обществе становятся одним из ведущих факторов современности, чему, несомненно, способствовала глобализация и общесистемные изменения.

Вспомним сформулированный Э. Дюркгеймом закон о переходе механической солидарности в органическую. Сегодня социальная турбулентность является атрибутом органической солидарности. Иными словами, *социальную солидарность и устойчивое развитие необходимо подтверждать в каждый момент времени. Устав обрести устойчивость и закрепив солидарность, мы тут же ее теряем.* Закономерно, что при нарастании кризисных явлений в обществе в условиях глобальных вызовов, будет нарастать и социальная турбулентность, а значит, и социальная напряженность. Как следствие, *актуализация вопроса о стратегических консенсусных взаимодействиях.* Фактически, на сегодняшний день, это первоочередной вопрос на повестке дня как на внутреннем, так и на внешнем уровне развития государств и обществ.

Как показывает ситуация в России и мире, влияние пандемического фактора по масштабам и силе воздействия является макросистемным. Поэтому следует серьезно задуматься: как управлять этим процессом? Каким должен быть научный контроль? Каким требованиям и критериям качества он должен отвечать? Какой должна быть междисциплинарная матрица? Какова роль социологии в осмыслении и анализе социальных перемен? В ответе на эти вопросы видится содержание и специфика «пандемического» методологического вызова.

На современном этапе в развитии социологии допускаем выделение из социологии социальных изменений *социологии социальной напряженности как отрасли социологического знания*. Спектр задач, призванных решать такой отрасли социологии, сегодня достаточно велик. На настоящей конференции они отражены нами в приоритетных направлениях обсуждения:

- Изменение парадигмы «социального мира» и «устойчивого развития».
- Пространства и поля социальной напряженности в России и мире.
- Причины и факторы роста социальной напряженности в современную эпоху.
- Социальная напряженность в региональном и городском развитии.
- Социальная напряженность в кризисном обществе.
- Социальная напряженность в информационном обществе.
- «Пандемическая цифровизация».
- Глобальные и региональные вызовы в фокусе общественного мнения.
- Развитие науки и образования в условиях социальной напряженности.
- Поля социальной напряженности и тренды развития в культуре и искусстве.
- Стратегические консенсусные взаимодействия в обеспечении национальной безопасности.
- Культура политического консенсуса в пространствах социальной напряженности.
- Стратегические консенсусные взаимодействия в переговорных процессах, процессах принятия решений.
- Реализация национальных проектов как основное направление стратегических консенсусных взаимодействий.
- Реализация демографической политики в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях глобальных и региональных вызовов.
- Социально-экономическое развитие регионов России в условиях глобальных и региональных вызовов.
- Международные и национальные стратегии сотрудничества стран на евразийском пространстве в условиях нестабильности.
- Социология как инструмент исследования внешних и внутренних вызовов, угроз и рисков.
- Цифровая экономика в российском регионе: угрозы и риски.
- «Глобальная цифровизация».
- Гражданское общество в условиях социальной напряженности.
- Новые технологии государственно-гражданского партнерства. И др.

Несомненно, что приоритетным направлением развития социологии социальной напряженности на сегодняшний день является «пандемический детерминизм». Одними из основных функций социологии социальной напряженности видятся: методологическая, познавательная, аналитическая, экспертная, интегративная, прогностическая, контрольная, мониторинговая и др.

В целом представляется, что социология социальной напряженности как отрасль современной социологии поможет формированию новых мировоззренческих парадигм в понимании нового «социального мира» и новых «законов» устойчивого развития, анализе и прогнозе его проблем и тенденций. Видится важным проведение системного анализа и прогноза проблем достижения социальной устойчивости посредством стратегических

консенсусных взаимодействий («политического консенсуса») и социальной идентификации, исследование закономерностей развития современных обществ в русле цивилизационной парадигмы. Концепция «пандемического детерминизма» может стать серьезной методологической составляющей в исследовании глобальных процессов.

УДК 316.42

В. В. Кривошеев

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В ОБЩЕСТВЕ ТРАВМЫ: ПРОТИВОРЕЧИЕ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ГАРМОНИИ?

В статье раскрываются основные противоречия, которые связаны со сложностью обеспечения устойчивого развития в условиях новых рисков, неопределенностей, конфликтов в современном обществе. Речь идет о том, что не сокращается бедность и нищета во многих странах и регионах. Кроме этого, показывается существование новых форм неравенства, что делает проблематичным обеспечение устойчивого развития. В этой связи автор считает плодотворной и заслуживающей внимания концепции общества травмы как третьей модальности развития социума. Предлагается коррекция концепции устойчивого развития, которая должна в большей мере отвечать реалиям сегодняшнего дня.

Ключевые слова: устойчивое развитие, новые формы неравенства, концепция общества травмы.

V. V. Krivosheev

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN TRAUMA SOCIETY: CONTRADICTION OR THE POSSIBILITY OF HARMONY?

The article reveals the main contradictions that are associated with the complexity of ensuring sustainable development in the face of new risks, uncertainties, conflicts in modern society. It is a matter of not reducing poverty in many countries and regions. In addition, the existence of new forms of inequality is shown, making sustainable development problematic. In this work, the author considers the concept of trauma society as the third modality of the development of society to be fruitful and worthy of attention. A correction of the concept of sustainable development, which should be more responsive to reality, is proposed.

Keywords: sustainable development, new forms of inequality, the concept of trauma society.

Идея перехода к устойчивому развитию получила распространение и даже некое правовое закрепление еще в начале 1990-х гг. Как известно, стратегическое направление, предполагающее устойчивое развитие человеческого сообщества, было принято на конференции Организации Объединенных Наций «Окружающая среда и развитие» в Рио-де-Жанейро в 1992 г. [1]. На этой конференции главы большинства государств мира, в том числе и России, одобрили программу деятельности по обеспечению устойчивого развития. Нетрудно заметить, что и термин «устойчивое развитие» и его концепция предполагали, прежде всего, возвращение к сбалансированному, а по возможности и гармоничному, отношению по линии «общество – природа». В развитие этого замысла, предполагающего переход и России к устойчивому развитию, в 1996 г. был подписан указ Президента РФ, которым утверждалась представленная Правительством Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [2].

Вместе с тем как показывает ситуация в 2000-е, и особенно в 2010-е гг., тот социальный оптимизм последнего десятилетия XX в., когда казалось бы навсегда исчезла угроза всеобщему миру в форме конфронтации двух мировых социально-экономических и политических систем, когда все более полно стали осознаваться риски, связанные с нарушением равновесного взаимодействия общества и природы, когда на основе этого все более утверждалось представление о том, что все то, что преодолено, в конечном счете приведет к переходу к устойчивому развитию, как-то элиминировался. Реальная практика последнего времени все более отчетливо демонстрирует, что на пути устойчивого развития не только не исчезли многие прежние, но возникли и новые препоны.

Во-первых, это массовая бедность и нищета, которая не сокращается во многих регионах, а даже имеет тенденцию к росту. Например, в Африке к югу от Сахары растет совокупная численность бедного населения: уже к 2015 г. численность беднейшего населения в этом регионе была выше, чем во всех остальных регионах мира, вместе взятых. По всем прогнозам, кроме самых оптимистичных, к 2030 г. уровень бедности в этом регионе, несмотря на предпринимаемые меры, будет по-прежнему исчисляться двузначными цифрами. Кроме этого фиксируется, что в ближайшие десять лет в мире работу будут искать почти 600 млн чел. главным образом в беднейших странах. В одной только Южной Азии нужно будет создавать более 13 млн рабочих мест в год, чтобы не отставать от темпов роста численности населения в этом регионе [3]. Понятно, что говорить о том, что все это не вызовет новых напряжений и конфликтов не приходится.

Во-вторых, еще одной преградой на пути устойчивого развития является углубляющееся цифровое неравенство («цифровой разрыв» в терминологии западных исследователей). В опубликованном UNCTAD «Докладе о цифровой экономике 2019» фиксируется, что цифровая экономика сконцентрирована в США и Китае, в то время как остальной мир «отстает значительно», особенно страны Африки и Латинской Америки. В наименее развитых странах лишь каждый пятый человек пользуется интернетом по сравнению с четырьмя из пяти человек в развитых странах. На долю США и Китая приходится 90 % стоимости рыночной капитализации 70 крупнейших цифровых платформ мира, более 75 % рынка облачных вычислений, 75 % всех патентов, связанных с блокчейн-технологиями, и 50 % глобальных расходов на «интернет вещей» (IoT). В соответствии с действующими правилами и политикой в докладе прогнозируется, что эта траектория, вероятно, сохранится и будет способствовать усилению неравенства [4].

В-третьих, устойчивому развитию препятствует и крайне ограниченный доступ многих стран, целых регионов к качественному медицинскому обслуживанию. Это в полной мере проявилось в ходе продолжающейся пандемии COVID-19. В латиноамериканских странах, например, исключительно высока и заболеваемость и смертность от этой инфекции. В пересчете на 1 тыс. жителей, по данным Университета Джонса Хопкинса, в Бразилии 13,3 заразившихся, в Перу – 13,7, в Панаме – 18,4 и Чили – 18,6. Главный научный сотрудник Центра латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН А. Щелчков отмечает, что плотность населения здесь остается очень высокой, а социальная инфраструктура практически отсутствует, медицина на нуле [5]. Но показательно, что и во вполне благополучных и развитых странах с началом пандемии выявились такие проблемы, которые странам «золотого миллиарда» казалось бы, были не свойственны. Например, оказалось, что 9 % жителей США до сих пор не имеют медицинского страхования. И если в обычной ситуации это не представляло особой опасности для здоровья миллионов людей, то в ходе массового заболевания новой инфекцией сразу стала фиксироваться далеко не полная состоятельность всей системы здравоохранения этой экономически мощной страны, как оказалось, не обеспечивающей своих граждан самой важной и неотложной помощью. При этом, как показывает практика США, даже наличие медицинской страховки не означает полного обеспечения бесплатного и качественного медицинского обслуживания. Так, средний счет за лечение от COVID-19 в реанимационном отделении клиник США составляет около 80 тыс. долларов [6]. Понятно, что такая сумма составляет непосильную ношу для очень многих американцев.

Надо иметь в виду, что, так или иначе, но сама концепция устойчивого развития базировалась, с одной стороны, на предположении обо все более возрастающей рациональности современного социального мира, а, с другой, – на идее медленного, но неуклонного, эволюционного нарастания позитивных изменений во всех сферах жизни общества. Нынешняя ситуация, которая в реальности возникла также не вдруг, а формировалась десятилетиями, показала ущербность многих прежних положений о развитии социально-геопространства.

На наш взгляд, именно поэтому все более актуальным является разветвляющееся ныне представление о третьей модальности социального развития, своего рода противостоящей эволюционному и революционному их сценариям. Речь идет о таком концептуальном положении, которое означает наличие не только социальной и культурной травмы, но и о целостной картине социального мира, об общете травмы. Совершенно очевидно, это уже не просто идея о наличии препятствий на пути устойчивого развития, которые возможно относительно легко преодолеть, а представление об искажении вектора дальнейшего движения человечества к некоему стационарному состоянию, о хаотичности такого движения, что, как известно, не противоречит наличию изменений.

В последнее время активно разрабатывает данную концепцию известный отечественный социолог Ж. Т. Тощенко. При этом он исходит из того, что в настоящее время принципиально невозможно опираться на традиционную дихотомию в рассмотрении развития общества: или эволюция, или революция [7, с. 9]. Ж. Т. Тощенко показал, что эволюцию, например, рассматривали как форму развития общества, сущностью которой является количественное накопление прогрессивных изменений, подготавливающих качественные преобразования [7, с. 18]. Суть же революционных перемен сводилась к резкому, быстрому переходу к более совершенной, т. е. опять-таки прогрессивной, форме развития социума. Современные изменения, по мысли Тощенко, не могут замыкаться в столь одностороннем их видении. Одновременно точно указывается, что и такие концепции, как глобализация, модернизация не давали должного ответа на происходящие общественные изменения, так как они фиксировали некоторые общие тенденции, игнорируя в то же время значительное число особенностей исторического, национального, регионального и культурного развития многих стран. При этом убедительно показано, что появление обществ травмы может быть связано со многими обстоятельствами: бездарным управлением страной, насильственным давлением со стороны внешних сил, с так называемыми «цветными революциями», т. е. манипулятивными практиками, вызывающими серьезные социальными потрясения. Кроме этого причинами утверждения травмированного состояния общества могут быть длительные этнические противоречия, неверно выбранный путь развития, неснижающееся социальное неравенство.

Закономерно возникает вопрос: как возможно устойчивое развитие при непрерывной по сути турбулентности, которая охватывает целые регионы мира, когда она затрагивает социальные институты, подвергает угрозе выживания, а не достойной жизни, миллиарды людей? Полагаем, что идея устойчивого развития нуждается в безусловной коррекции. Не претендуя на полное и всестороннее изложение видения такой коррекции, можно все же высказать некоторые соображения на этот счет. Вот в каких направлениях, на наш взгляд, концепцию устойчивого развития следует существенно доработать. Вероятно, прежде всего, необходимо новое видение проблемы военной угрозы, особенно так называемых «гибридных» войн, вялотекущих конфликтов, которые не дают возможность многим странам, регионам осуществлять даже не более или менее устойчивый экономический рост, но и подвергают мир разрастанию конфликтов. Для обеспечения решения проблемы военной угрозы нужно не просто сотрудничество государств, а возможно полный перезапуск механизмов международных организаций. Кроме этого крайне важно принятие целевых международных программ для обеспечения выравнивания доступа к цифровым технологиям, создания современных рабочих мест, что невозможно без оказания всемерного содействия повышению уровня образования во многих странах. Тем самым хотя бы отчасти будет преодолеваться травмированное состояние обществ, выравнивание вектора их развития по пути все более устойчивого движения к более совершенному состоянию.

Литература

1. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml

2. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию : указ Президента РФ от 1 апр. 1996 г. № 440 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 15. Ст. 1572.

3. Всемирный банк: годовой отчет за 2019 г. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/about/annual-report>
4. UNCTAD Report Recommends Actions to Reduce Digital Divide. URL: <https://sdg.iisd.org/news/unctad-report-recommends-actions-to-reduce-digital-divide/>
5. Моисеев Д. Латинская Америка обошла Европу по смертям от COVID-19: жертвами пандемии в регионе стали уже более 200 тысяч человек. URL: https://www.ng.ru/world/2020-08-05/6_7929_covid.html
6. Костяев С. Испытание для страховой системы // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/04/85211-ispytanie-dlya-strahovoy-sistemy>
7. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь Мир, 2020.

УДК 37.017.92

В. А. Решетников

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье обосновывается, что процесс гуманизации образования является необходимым условием для устойчивого развития общества. Рассматриваются особенности кризиса российской модели образования. Делается вывод, что угроза дегуманизации возрастает в связи с ростом иррационализма и распространением либертарианских идей в российском образовании.

Ключевые слова: гуманизм, образование, устойчивое развитие, либерализм.

V. A. Reshetnikov

Irkutsk State University, Irkutsk

HUMANIZATION OF EDUCATION AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY

The process of the humanization of education is a necessary condition for the sustainable development of the society. The peculiarities of the crises of the Russian model of education are examined. The threat of dehumanization grows because of growing of irrationalism and propagation of libertarian ideas in Russian education.

Keywords: humanism, education, sustainable development, liberalism.

В 2014 г. закончилось десятилетие ООН, провозгласившее ценность образования как фундамента для устойчивого развития общества. Декада предусматривала комплекс мероприятий по интеграции идеи устойчивого развития в национальные системы образования на всех их уровнях и обмен странами инновационными методами в обучении, практике и политике устойчивого развития. Влияние многих из них продолжается и в настоящее время.

В итоговых документах десятилетия отмечается важность комплексного и системного подхода к проблеме общественного развития. Среди многочисленных общих, но жизненно важных характеристик устойчивого развития любой социальной общности выделяется ее целостность, под которой в данном случае понимается как качество социальной жизни, возникающее при симфоническом соединении прежде разрозненных или слабо интегрированных частей. При организации конкретных социальных исследованиях по проблемам образования как фундамента устойчивого развития прослеживается отход от архетипического господства общего – целостного как механической совокупности и переход к представлениям об органической целостности, которая с необходимостью включает в себя процесс динамики социального своеобразия.

При его анализе напрашивается аналогия с мыслительной деятельностью, которая, как писала академик Н. П. Бехтерева «...обеспечивается корково подкорковой структурно функциональной системой со звеньями различной степени жесткости – жесткими, обязательными, и гибкими, включающимися или не включающимися в зависимости от условий, в которых реализуется мыслительная деятельность» [1, с. 120]. Полагаем, что «...роль жесткого диска играют объективные факторы устойчивости экономико-управленческого характера, роль мягкого – ментальные практики региональных субъек-

тов. Проблема социального развития в единстве объективного и субъективного, единства и многообразия может стать основанием исследовательской программы динамики социума и строиться на основе принципа аппроксимативных репрезентаций, которые, по классификации М. Варгофского, претендуют на опытное познание действительности» [2, с. 69–71]. Остановимся на «гибких» аспектах развития, тем более, что концептуальные подходы к образованию как фактору устойчивого развития страдают избытком проблем экологии и дефицитом гуманистического подхода.

Между тем человеческий фактор, как показали последние годы, становится ключевым в социальном развитии. Особо выделяется «очеловечивание» социальной среды, т. е. повседневное культивирование близлежащего мира и таким образом распространение на него принципа гуманности. Эта проблема может выглядеть тавтологической, поскольку эта среда, собственно, и сформирована человеком. Но создана ли она для человека? Стоит изменить ракурс обзора и становится видно, что социальная среда часто подогнана для удобства социальных мегамашин или технических устройств. Человекообразность и даже природно биологическая сообразность исчезает из архитектуры и дизайна, основой которых становится модуль. Это особенно наглядно видно в России на примере условий жизни людей с нарушениями в развитии, которые, между прочим, составляют почти 10 % населения. Со времен Э. Фромма, поставившего вопрос о гуманизации технологического общества («Революция надежды», 1969) торжество отчужденной социальной среды только нарастает.

«Очеловечивание» социальной среды как условие сохранения ее устойчивого развития требует повседневной работы в ближайшем окружении каждого человека. В этом отношении большое значение имеет обобщение российского опыта социальной работы, которая, на наш взгляд, и является применением гуманизма через малозаметную повседневную помощь нуждающимся людям. Нельзя не отметить, что «...принцип «малых дел» знаком российской культуре из опыта раннего этапа народовольческого движения, из так называемого «хождения в народ», когда представители интеллигенции кропотливо занимались образованием и просвещением крестьянства, оказывали населению медицинские, агрономические, технические и другие услуги» [7]. Интересный опыт организации малых дел был накоплен российским земством и в советское время многообразными общественными организациями. В современных российских условиях эти традиции продолжают представлять так называемых помогающих профессий, среди которых особо выделяется профессиональная и волонтерская социальная работа, они могут воссоздаться в ходе реформы местного самоуправления, которое, правда, пока еще скорее потенциально, чем реально.

С нашей точки зрения, идея ценности образования как фактора устойчивого развития должна быть скорректирована с гуманистических позиций.

Российская система образования переживает мучительный этап изживания либертарианских традиций, внедрение которых нарушило цельность советской системы образования, заметим, наследницы немецкого просвещения и традиций гуманизма. Не всегда эта преемственность замечается из-за внешнего флера коммунистического воспитания, тоже, кстати, наследника гуманистических традиций. Либертарианские традиции образования, с нашей точки зрения, не способствуют устойчивому развитию общества, поскольку недооценивают необходимость целенаправленного воспитания, а в последние десятилетия к ним добавились традиции узкого прагматизма.

Гуманизм в образовании понимался по разному. Отметим, что еще в XIX в., в основе образования «...лежало изучение древних языков, а гуманистами называли ученых, которые полагали, что латинский и греческие языки являются необходимыми условиями высшего образования» [6]. Как мы помним, «...Мартин Хайдеггер при рассмотрении этимологии термина гуманизм отмечал, что в Риме существовало разделение homo humanus от homo barbarus. Под первым понимался римлянин, который совершенствует добродетель при помощи греческой культуры paideia (воспитание, учение, образование), что позднее также переводилось как humanitas» [5].

Россия имеет прочные традиции широкой гуманизации образования: «...еще в 1765 г. директор первого кадетского корпуса И. И. Бецкой организовывал обучение и воспитание исходя из принципов гуманизма и под влиянием «Эмиля» Руссо. Его концептуальные подходы сохранили свое значение в последующем развитии российского образования» [6].

Как в научной литературе отмечается, «...советский период в гуманизации образования достаточно противоречив. С одной стороны учащимся и студентам давался широкий свод гуманитарных знаний, который несоизмерим с европейской и американской системами, была развита система воспитательной работы. Как правило, гуманизация и гуманитаризация сопрягается с такими понятиями как фундаментализация образования и активистское воспитание, которые позволили российской системе образования в 1950–1960 гг. сформировать высококачественное общее, специальное и высшее образование. С другой стороны угнетали идеологизация воспитательного процесса и “знаниевый” подход, который приводит к перегрузке учащихся. Этот подход был предпосылкой нарастающей инструментализации образования в перестроечные годы, когда фундаментализация образования подменяется его непосредственной полезностью» [6]. По нашему мнению, «...знания становились просто имуществом, а образование уподоблялось, по выражению Э. Фромма «шведскому столу» или, если воспользоваться образом В. В. Розанова “пожиранию плодов с непосаженного дерева”» [4].

Постперестроечное время слабо соответствовало задачам укрепления устойчивости общества через систему образования. Оно характеризовалось затяжным кризисом образовательных систем ввиду недостаточного финансирования и непродуманных реформ. Либеральная интенция привела к распаду системы воспитательной работы в соответствии, кстати, с российским принципом выплескивать вместе с водой и ребенка. Жалкое подобие скаутского движения и новые молодежные организации из-за слабой финансовой поддержки со стороны государства не могут компенсировать утрату приватизированной и соответственно переориентированной инфраструктуры социализации детей и подростков. Не спасает положение и анонсированное государством создание единой школьной организации. В итоге школу до сих пор заканчивают поколения организационно пассивной молодежи, а сниженные социально активные возможности ослабляют интенции устойчивого развития личности.

Россия также впервые познакомилась с функциональной неграмотностью и скоро в жизнь вступят люди, многие из которых которые способны лишь распписаться в получении денег (или пособия по безработице).

Процессам дегуманизации образования сегодня противодействуют образовательные традиции, которые сохраняются в классических университетах как носителях научного мировоззрения, ибо они по определению сочетают исследовательскую деятельность с учебной, утверждают рационализм. Университетское образование сталкивается не столько с технократизмом, сколько с утилитаризмом, который поверхностно выглядит более эффективным. Подавляющее большинство новообразованных университетов открыто исповедуют принципы только экономической целесообразности и не ориентированы на всестороннее развитие человека. Означает ли это, что гуманизация не выгодна выпускникам вузов экономически или просто с прагматистских позиций? Нет, это означает просто, что гуманизация образования выгодна человеку стратегически, потому что всестороннее развитие человека позволит ему в недалеком будущем быть более гибким, успешно адаптироваться к смене видов деятельности вплоть до кардинальной смены жизненного сценария.

Нарастающей энтропии в образовательных системах противостоят педагоги (преимущественно старшего возраста), многие из них уникальны как состоявшиеся гуманисты, как люди, которые преодолевают неблагоприятную для гуманизации социальную среду ценою немалых личных затрат.

Сумеют ли власти удержаться от дальнейшей утилитаризации образования? Вряд ли. Сейчас вузовская общественность с тревогой ждет новых финансово сберегающих реформ, которые, несомненно, сократят бюджетное финансирование, а значит и доступ

молодежи к образованию, не принесут улучшения жизни педагогам и в целом гарантированно будут развиваться по традиционному для перестройки принципу – хотели как лучше, получилось как всегда. Ситуация с эпидемией еще больше усугубляет сложную ситуацию с гуманизацией образования.

Образование людей не ограничивается учебными заведениями. Свою роль играет общая социокультурная обстановка, доступность и характер источников знаний. В связи с этим обращает на себя внимание «...дерационализация и мифологизация общей духовной атмосферы, падение престижа науки и, наоборот, растущее доверие к мистике и парапсихологии. Парадоксально, но уже переведена и издана почти вся мистическая литература мира, пособия по астрологии, гаданиям и паранормальным явлениям. Эксперты из этих областей – частые гости на радио и телевидении, причем они выступают в центральных программах» [4].

Эта же тенденция к дерационализации проявляется и при нарастающей подмене классического образования всевозможными компетентностными курсами в том числе и на квазигуманистической основе. Практически все из них провозглашают цели личностного роста, умножения возможной учебной имидж человека до бесконечности.

Современная экономическая ситуация в мире поставила под сомнение тезис о возможности устойчивого развития. Кризис, вызванный пандемией коронавируса, может помешать странам выполнить Цели устойчивого развития 2030 в срок. Об этом заявил в текущем году на брифинге спецпосланник генсека ООН по финансированию повестки 2030 Махмуд Мокейдин.

Однако поиски новых моделей образования в интересах устойчивого развития продолжаются. В ряде международных документах ставится задача формирования глобального опережающего сознания, пишется об устойчивой революции в образовании, отстаивается тезис о необходимости космического образования. Либертарианские трактовки образования с необходимостью приводят к утверждению ценности потребительского общества. Они смыкаются с интенциями трансгуманизма, настаивающими на необходимости трансформации человека, вплоть до потери человечности. Если верить сенсационной информации о первом киборге Софии, получившей гражданство в Саудовской Аравии, и ее заявлениях о намерении создать семью, то это означает, что, точка невозврата, скорее всего, близка, если уже не пройдена.

Однако прогрессивно настроенные педагоги и философы уверены, что возможности и потенциал традиционного гуманизма не исчерпаны. Образование для устойчивого развития с необходимостью подразумевает в качестве своего главного направления гуманизацию образовательного процесса и возвращения в школьный и вузовский процесс идеи воспитания всесторонне и гармонически развитой личности, которая была завоеванием мирового гуманистического движения.

Литература

1. Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. СПб. : Нотабене, 1999.
2. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М., 1988.
3. Инчонская декларация Образование-2030: Обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002338/233813M.pdf>.
4. Решетников В. А. Гуманизация образования и проблемы расширения пространства учебно-воспитательного процесса // Инновационные формы и методы в системе высшего профессионального образования в России : науч.-метод. материалы / [отв. ред. Т. И. Грабельных, В. А. Решетников ; сост. Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина]. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. С. 7–14.
5. Решетников В. А. Гуманизм как социокультурное явление // Социология. 2019. № 1. С. 82–86.
6. Решетникова Е. В., Дуденкова Я. В. Социализация современного гуманизма и проблемы соответствия профессиональных и образовательных стандартов в социальной работе // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 85–90.
7. Решетникова Е. В. Развитие кооперативности как ведущий фактор социализации гуманизма // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14. С. 193–197.

В. В. Гаврилюк

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

В. Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский университет, г. Самара;
Социологический институт ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург;
Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

НЕРАВЕНСТВО И КЛАССОВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

В статье рассматривается новый подход к выявлению сущности и форм классовой солидарности рабочего класса современной России. Использовано определение понятия «новый рабочий класс», основанное на выявлении форм неравенства и особенностях социальной структуры российского общества. Положения и выводы статьи базируются на эмпирическом материале, полученном в ходе социологического исследования в Уральском Федеральном округе с использованием оригинального инструментария.

Ключевые слова: новый рабочий класс, неравенство, классовая солидарность, идентичность.

V. V. Gavriluk

Industrial University of Tyumen, Tyumen

V. Yu. Bocharov

Samara National Research University, Samara;

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg; Industrial University of Tyumen, Tyumen

INEQUALITY AND CLASS SOLIDARITY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

The article is aimed to propose a new approach to identifying the essence and forms of class solidarity of the working class in modern Russia. The notion of “new working class” has been substantiated on the basis of the inequality forms and characteristics of Russian society social structure. The provisions and conclusions of the article are based on empirical data obtained in the sociological research in the Ural Federal District using original tools.

Keywords: new working class, inequality, class solidarity, identity.

Период социальных трансформаций становится элементом российской истории, в социальной структуре его уже сформировались новые большие социальные группы, сложился определенный тип отношения между ними. Нерешенным пока остается вопрос о классовых границах, более того, он практически не актуализирован в российской исследовательской практике, несмотря на нарастание межклассовых противоречий. Проблема классовых границ в современном российском обществе связана с критикой методологии классового анализа современных обществ, обострившейся в начале XXI в. Традиционный для классового анализа подход базируется на выборе между моделями стратификации по видам занятости и категориальными моделями классов, отражающими формы неравенства.

Проблемы неравенства особенно актуальны для исследования самой большой социальной группы современного общества – рабочего класса. Российские исследователи отмечают в качестве тенденции последних десятилетий сокращение этой социальной группы, перераспределением трудовых ресурсов в сферу обслуживания. В том числе в сферу высокотехнологичного сервиса (работы Д. Л. Константиновского, Е. Д. Вознесенской, Г. А. Чердниченко и др.) [11]. Такие тенденции действительно проявляются на современном этапе развития экономики, но они не означают сокращения численности и значимости рабочего класса как основы социальной структуры. Идея размывания рабочего класса в структуре наемных работников, сокращение его численности связана и с методологическим подходом, все еще доминирующим в отечественной социологии. Вопреки утвердившемуся в мировой социологии представлению о включенности сервисных

¹ *Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 17–78–20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».*

работников в состав современного рабочего класса, отечественные социологи по-прежнему считают таковым только занятых в производственной сфере [14, с. 45–51; 13, с. 78–86]. Как и другие классы, рабочий класс подвержен влиянию объективных социально-экономических факторов, вызванных многообразием отношений собственности, динамикой трудовых отношений (включая их прекаризацию), цифровизацией экономики. Не гомогенность современного рабочего класса, неравенство и дифференциация его по сфере занятости, уровню доходов, профессиональной квалификации порождает многообразие трактовок его развития: от идеи сокращения рабочего класса и утраты им классовой идентичности, превращения его в группу наемных работников до формирования рабочих «нового типа» [1, с. 54–65; 4, с. 50–56; 9, с. 83–104; 5, с. 8–12; 8, с. 107–124; 12, с. 72–106; 7, с. 34–41].

Наше исследование в рамках проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России», позволяет утверждать, что сегодня в стране формируется *новый рабочий класс* и предложить критерии для отделения его от других классов и стратификационных групп. В качестве критериев мы обосновали следующие признаки: отношения собственности, участие в управлении на конкретном предприятии, характер и содержание труда. «Под новым рабочим классом современной России мы понимаем группу наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся» [3, с. 111].

Такой подход к трактовке современного рабочего класса позволяет преодолеть крайности нивелирования классовых различий, утопичных представлений о реальной динамике классовых взаимоотношений, включая конфликтность и классовую солидарность. Понятие о солидарности является одним из наиболее разработанных в мировом обществознании, можно говорить о четырех основных парадигмах солидарности, солидарных практик: социологической, философской, идеологической и религиозной. В рамках социологической парадигмы социальная солидарность изучалась с позиции реально сложившихся солидаристских практик, выступающих основанием интеграционных связей в обществе, обеспечивающих его стабильность [10, с. 109]. Российская социальная мысль развивалась в основном в направлении религиозной и идеологической парадигм. Религиозная парадигма стала основой теории соборной солидарности как православного идеала, синтезирующего православные ценности и исторические национальные традиции. Идеологическая парадигма, доминирующая и сегодня в российском обществознании, как это ни парадоксально, является основой как либеральных, так и социалистических трактовок солидаристских практик. «Либеральные трактовки солидаристских практик, сводятся к идее гражданского общества и развитию устойчивых горизонтальных связей на основе согласования групповых и индивидуальных интересов. В социалистических трактовках солидаристских практик, они рассматривались как средство достижения всеобщего равенства и благоденствия на основе согласования общественных и индивидуальных интересов» [10, с. 109]. Социология XXI в. рассматривает социальную солидарность через отношения солидарности внутри отдельных групп [16, с. 138–157; 2, с. 35–41; 6, с. 5–12]. Обращение мировой социологии к проблематике классовой солидарности (в противовес исследованию локальных солидаристских практик) в эпоху глобального капитализма, сопровождающегося цифровизацией развитых экономик – не случайно, классовая солидарность становится не только теоретической проблемой, но и острой проблемой социального управления.

В ходе реализации вышеозначенного проекта мы провели эмпирическое исследование, включающее количественные и качественные социологические методы. В качестве объекта массового опроса выбрана молодежь в возрасте от 15 до 29 лет, проживающая на территории Уральского Федерального округа. Модель целевой многоступенчатой выбор-

ки сформирована по четырем объективным критериям: возраст (три возрастные группы, соответствующие периодизации возрастных когорт в официальной статистике РФ: 15–19; 20–24; 25–29 лет); пол; место жительства; сфера занятости (реальный сектор экономики/сервис). Число опрошенных – 1534 респондента и 100 экспертов в трех городах и областях УРФО (г. Екатеринбург, г. Тюмень, г. Курган).

В анкету для массового опроса были включены и вопросы о конфликтности – солидарности в рабочей среде. Выявлено, что молодежь в целом удовлетворена взаимоотношениями в ближайшем трудовом окружении и усматривает признаки солидарности, поддержки и взаимовыручки среди своих коллег (рис.).

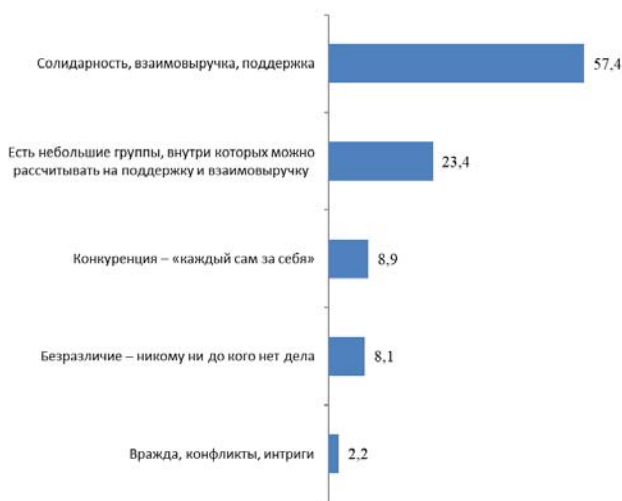

Рис. Распределение ответов на вопрос: «Выразите согласие или несогласие с приведенными ниже утверждениями» (в % по массиву опрошенных)

Иная картина наблюдается, когда молодежь оценивает свои взаимоотношения с работодателями, менеджерами (табл.). Существенные различия по готовности и формам отстаивания своих интересов наблюдаются как по возрастным группам, так и по гендерным признакам.

Особенно ярко различия проявляются между работниками сервисного и промышленного секторов. Формы коллективного протеста в целом занимают менее значимую роль в описании способов отстаивания трудовых прав. Зато отказ от каких-либо действий вообще составляет 34,5 %. Этот факт свидетельствует, что современный молодой рабочий не рассчитывает ни на рабочую солидарность, ни на официальные структуры, призванные защищать его права и бороться с работодателем. Неопределенность классовых границ, особенности трудовых отношений в современной России затрудняют эмпирическое изучение проявлений и форм классовой солидарности. Новый рабочий класс, формирующийся в современной России, подвержен все рискам глобальной экономики – прекаризации трудовых отношений; конфликтам корпоративной и классовой этики; противоречиям динамики рынков труда и профессионального роста и др. Поиск новых форм рабочей солидарности пока еще не актуализирован ни в самой рабочей среде, ни в социологическом дискурсе.

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Если будут нарушены Ваши трудовые права, какие методы воздействия на работодателя Вы готовы использовать?» (в %, по группам респондентов)

Варианты ответов	По гендерным группам		По возрастным группам			Группы респондентов по сфере деятельности		Группы респондентов по территории проживания		В целом по массиву
	Мужчины	Женщины	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет	Промышленность	Сфера услуг	Город	Село	
Защита трудовых прав через профсоюз	47,7	52,3	27,3	43,4	29,3	48	52	21,4	16,3	20,3
Обращение в суд	42,5	57,5	34,4	41,4	24,2	33,3	66,7	19,3	14,6	18,2
Обращение в федеральную службу по труду и занятости (Роструд)	52,2	47,8	37,9	40,1	22	37,4	62,6	13,0	9,3	12,1
Обращение в прокуратуру	46,4	53,6	23	35,9	41,1	37,1	62,9	14,9	21,9	16,5
Обращение к региональным и местным органам власти	43,7	56,3	40,8	38	21,1	47,9	52,1	3,8	7,9	4,7
Обращение в комиссию по трудовым спорам на предприятии	48	52	32,4	43,9	23,6	33,8	66,2	8,6	14,0	9,9
Отказ от выполнения работ, которые не предусмотрены трудовым договором	46,4	53,6	32,1	32,6	35,3	42,3	57,7	30,1	35,3	31,3
Забастовки и другие формы коллективного протеста	52,7	47,3	35,1	35,9	29	45	55	7,6	12,5	8,7
Обращение в средства массовой информации	46,2	53,8	40,7	36,3	23,1	46,2	53,8	5,4	8,2	6,1
Я не готов предпринимать никаких действий	53,9	46,1	32,8	26,4	40,7	47,9	52,1	33,3	38,5	34,5

Литература

1. Андреева Ю. В., Лукьянова Е. Л. Рабочий класс в России: поиск новых векторов дифференциации // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 54–65.
2. Бадагуа Г. Ж. Противоречивое понятие солидарности // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л. Н. Толстого. Философские науки. 2015. № 3. С. 35–41.
3. Молодежь нового рабочего класса современной России : коллект. Моногр. / Т. В. Гаврилюк, В. В. Гаврилюк, В. Ю. Бочаров, Маленков, Л. И. Грошева, А. Д. Кондратьева. М. : Флинта, 2019.
4. Голенкова З. Т., Игитхьян Е. Д. Статусные характеристики рабочих России // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 50–56.
5. Забелин К. Л. Рабочий класс и современное общество (теоретические, мировоззренческие и методологические подходы к изучению проблемы // Власть. 2011. № 1. С. 8–12.
6. Ефременко Д. В. Исследования социальной солидарности в современной социологии: актуальные тенденции // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11, Социология. 2012. № 1. С. 5–12.
7. Жвйтиашвили А. Ш. Рабочий класс в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 34–41.
8. Каравай А. В. Человеческий капитал потомственных российских рабочих // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 107–124.
9. Климов И. А. Российские рабочие в кризисе: потенциал субъектности и социального партнерства // Мир России. 2013. № 2. С. 83–84.
10. Ковалев В. В., Попов А. В., Хоценко В. П. Идеи солидаризма и солидарности в интеллектуальной традиции России и Запада // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 7. С. 103–110.
11. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чердниченко Г. А. Рабочая молодежь: количественное и качественное измерение. М. : ЦСИ, 2013.
12. Митягина Е. В. Ресурсность российских рабочих: противоречия индустриальной и информационной модернизации // Петербургская социология сегодня : сб. науч. тр. 2014. № 5. С. 72–106.

13. Митягина Е. В. Классовая структура общества и рабочий класс: доводы в защиту и против: // Вестник Нижегородского университета имени Е. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 1 (33). С. 78–86.

14. Темницкий А. Л. Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // Мир России. 2006. № 2. С. 79–107.

15. Трушков В. В. Современный рабочий класс в зеркале статистики // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 45–51.

16. Уруленко К. Социальная солидарность: развитие понятия в истории социологии и современные интерпретации // Социология: теории, методы, маркетинг. 2009. № 1. С. 138–157.

УДК 316.4

В. А. Сушко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Процессы, наблюдаемые сегодня в российском обществе, формируют объективную необходимость изучения социальной напряженности в контексте происходящих социальных изменений. Для этого необходимо разработать эффективную методологию и инструменты диагностики социальной напряженности, способствующие ее снижению и предотвращению. Актуальность диагностики социальной напряженности определяется динамичностью, быстротечностью и взаимозависимостью социальных, экономических и политических процессов в современном мире.

Ключевые слова: социальная напряженность, теоретико-методологические аспекты исследования, диагностика, социальные отношения, социальные связи.

V. A. Sushko

Moscow State University name M. V. Lomonosov, Moscow

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF SOCIAL TENSION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

The processes observed today in Russian society form the objective necessity of studying social tension in the context of the ongoing social changes. For this, it is necessary to develop an effective methodology and tools for diagnosing social tension, contributing to its reduction and prevention. The relevance of diagnosing social tension is determined by the dynamism, transience and interdependence of social, economic and political processes in the modern world.

Keywords: social tension, theoretical and methodological aspects of research, diagnostics, social relations, social connections.

К числу фундаментальных вопросов, всегда волновавших общество, относятся вопросы, связанные с проблемами неравенства, противоречий, конфликтности, напряженности. Тема социальной напряженности является особенно актуальной сейчас для России, потому что Россия переживает время экономической, социальной нестабильности, находится в условиях экономического кризиса, налицо низкий жизненный уровень населения. Отмечается рост уровня социальной напряженности в виде тревоги – мало осознанном ощущении опасности, эмоционально-негативных оценок, недовольства, конфликтов [10].

Высокая степень политизации и социальная напряженность – неотъемлемые характеристики современного российского общества. Политическая и экономическая нестабильность, террористические акты – все это в сочетании с ухудшением уровня жизни и утратой прежней системы социальных гарантий не может не отражаться на умонастроениях всех слоев населения [9].

В современных условиях отчетливо проявляется нестабильность в различных социальных институтах, включая образование. Резкая поляризация социальной структуры вследствие быстрой социальной дифференциации, отсутствие общенациональной идеи,

способствуют дезинтеграции российского общества и отрицательно сказываются на формировании нового поколения специалистов [10].

Высокие скорости политических, экономических и социальных изменений в 1990-е годы оказали (и оказывают) противоречивое влияние на положение и развитие российской молодежи. Сегодня очевидно, что в молодежной среде преобладают процессы дифференциации. Причем дифференцирующие факторы проявляются более зримо, чем интегрирующие [10].

Это связано, прежде всего, с тем, что в условиях радикального преобразования российского общества происходят глубокие изменения.

Эффективность усилий российской власти по преодолению социально-экономического кризиса в стране и повышению жизненного уровня людей будет во многом определяться той поддержкой, которую будет готово оказать ей население [9]. Социальная напряженность как любое социальное явление имеет сложный «многослойный» характер, в котором сочетаются как рациональные, сознательные моменты, так и иррациональные. И выделить среди всего комплекса причин главную, представляется весьма сложным. Более того, представители различных наук выдвигают различные причины возникновения социальной напряженности: экономисты приписывают причины возникновения социальной напряженности неудовлетворенности материальными условиями существования, социологи – рассогласованию интересов и ценностей, политологи – политическим потрясениям. Однако все эти причины указывают лишь на то, что общественные противоречия, преломляясь в сознании людей определенным образом, вызывают беспокойство и тревожность.

В последние годы в научной литературе возросло количество публикаций, рассматривающих различные аспекты проблем – умиротворения отношений, активизации деятельности. Мы разделяем мнение, что «...в своей совокупности исследования должны дать такое теоретическое описание совместной деятельности в рамках положительной социальной напряженности, которое обеспечило бы на практике устойчивость (стабильность) как самой совместной деятельности и возникающих на ее основе социальных отношений. Однако до сих пор принципиально не определены и не сформулированы основополагающие подходы в прогнозировании наличия и изменения социальной напряженности как на микро-, так и макроуровне. Следствием одностороннего (негативного) восприятия социальной напряженности могут быть ошибки в управленческой деятельности, что приводит впоследствии к появлению острых проблем в политической, экономической и социальной сферах» [2, с. 167].

В связи с этим закономерно встает вопрос в наиболее обобщенной – как категории интерпретации социальной напряженности. Следует понять природу социальной напряженности, ее сущностные признаки и необходимые условия. Другими словами, на основе предельно обобщенного понятия дать такое его содержание, которое бы отражало наиболее существенные связи и отношения, характеризующие совместную деятельность [2].

Термин «напряженность» в социальных науках уходит «корнями» в естествознание. Феномены социальной напряженности и конфликта как таковые стали изучаться еще в XIX в., но их интенсивная разработка началась на Западе только с 50-х гг. XX в. В частности, такие психологи как Л. Фестингер, К. Левин, Р. Липин проводили изучение психической напряженности с позиции теории поля [7].

Проблема социального напряжения в современной научной литературе не получила должного освещения. Как отмечает В. И. Киселев, «...достаточно сказать, что понятие «социальная напряженность», как правило, употребляется в негативном значении и рассматривается как нежелательное явление (феномен) в социальной практике. Такое суженное, одностороннее воззрение на основной параметр совместной деятельности индивидов не дает, как нам представляется, возможности эффективного мониторинга, более точного измерения и, особенно, что очень важно, более «мягкой» коррекции социальной напряженности, т. е. ее управляемости» [2, с. 167].

Поэтому занимаясь исследованием социальной напряженности, в социологии сложились различные подходы к пониманию этого явления. Так А. В. Дмитриев приводит следующее определение: «некое состояние общественного сознания и поведения, специфическая ситуация восприятия и оценки действительности. Обычно это состояние свойственно конфликту и сопутствует ему... Представляет собой эмоциональное состояние группы или общества в целом, вызванное давлением природной или социальной среды и продолжающееся, как правило, в течение более или менее длительного времени» [1, с. 96]. Явление социального напряжения рассматриваются в рамках конфликта. Смельзер [8, с. 81] определяет напряжение как нарушение отношений среды, неадекватное функционирование компонентов действия. Считает, что напряженность всегда выражает отношение между событиями и стандартами. Вебстер определяет напряженность как внутреннюю несвободу, борьбу или дисбаланс [1, с. 112].

В России наибольшее внимание вопросам социальной напряженности уделял В. Рукавишников. Он определил социальную напряженность как сторону, индикатор социального кризиса, конфликта, она проявляется, прежде всего, на социально-психологическом уровне [6]. С. Г. Ларченко [4] предлагает другой подход к пониманию социальной напряженности. Она рассматривается как форма, в которой реализуется целостность социального объекта, связанная с сохранением его системной организации. Это необходимый момент существования целостности социальной системы.

Социальная напряженность, рассматриваемая П. И. Куконковым [3] как явление неудовлетворенности социального субъекта, проходит, по его мнению, в своем развитии несколько этапов:

1. Осознание потенциальными субъектами отношений различий в отношениях с объектом этих отношений.

2. Обособление, отграничение, снижение интенсивности связей и контактов.

3. Осознание противоположности своих отношений с объектом потенциального конфликтного взаимодействия по сравнению с другим субъектом подобных отношений.

4. Конфликтная ситуация, представляющая собой момент завершения процессов взаимного прояснения позиций, «персонализации» ответственности, одновременно вступающая завершающим этапом процесса осознания неразрешимости сложившихся отношений в рамках существующих институтов.

5. Открытый конфликт – полное или частичное разрушение существующих связей, отношений, институтов, нарушение установившихся в рамках данной социальной общности норм, правил, традиций.

Среди предпосылок напряженности принято выделять устойчивую и длительное время не разрешаемую ситуацию рассогласования между потребностями, интересами, социальными ожиданиями. Несвоевременное и неадекватное удовлетворение интересов индивида, подавление базовых потребностей ведут к нарастанию потенциала напряженности.

Что же касается общества в целом, то исследователи утверждают, что социальная напряженность возникает в двух случаях: когда большинство людей приходит к осознанию того, что удовлетворение их социальных, экономических, политических, национальных, культурных или иных жизненно важных потребностей, интересов и прав находится под угрозой или становится невозможным; когда небольшая часть людей, не имеющая возможности удовлетворить свои потребности и реализовать свои интересы при существующих общественных условиях, вступает в борьбу против препятствий и ущемления своих прав, распространяя в обществе настроения неудовлетворенности, страха и т. д.

В научной литературе рассматриваются три типа причин социальной напряженности:

1. Условия, которые обуславливают возникновение несовместимых различий. Зачастую условия рассматриваются как база для социальной напряженности и включает в себя личностные различия, идеологические различия, структурную дифференциацию, доминирование, степень доступа к тем или иным ресурсам.

2. Агрессивные диспозиции, которые ведут к конфликтному поведению.

3. Психологические процессы, которые обуславливают уверенность в несовместимости различий. Социальная напряженность, основанная лишь на мнении о несхожести интересов, целей.

На основании выделенных характеристик строятся показатели социальной напряженности. В систему показателей входят: мнения людей о тех или иных событиях, их оценки степени удовлетворения своих потребностей, ожидания решения проблем, уровень доверия к руководству, оценки возможности возникновения конфликта, вероятное поведение в определенных ситуациях, альтернативы развития событий в ближайшем будущем.

Поэтому задача социологии на современном этапе состоит в том, чтобы обеспечить органы власти и управления надежной информацией о состоянии социальных процессов, факторах, влияющих на динамику напряженности особенно в тех социальных группах, которые могут стать базой для формирования протестного потенциала. Вместе с тем в настоящее время, как подчеркивается в работе И. В. Пирогова, «...в распоряжении исследователей нет надежных диагностических и прогностических инструментов, которые могли бы способствовать решению этой задачи. Поэтому существует необходимость глубокого, всестороннего изучения феномена социальной напряженности в современном российском обществе и конструирования научно обоснованных методик ее фиксации и измерения. Это важно для создания диагностических мониторинговых систем, позволяющих осуществлять контроль и непрерывное слежение за динамикой социальной напряженности в регионах, для проектирования эффективных технологий управления процессом ее функционирования, для выработки комплексной системы мероприятий профилактического и оперативного характера, в которых сегодня столь остро нуждаются как федеральные, так и местные органы власти и управления. Значимость постановки и решения данной проблемы обусловлена необходимостью развития фундаментального знания в соответствующей области социологической науки, прикладными потребностями повседневной исследовательской практики, а также целями и задачами, связанными с оптимизацией современного управленческого процесса» [9].

В целом социальная напряженность есть не что иное, как тонус общества или отдельных социальных групп. В ряде случаев, по нашему мнению, его полезно поддерживать повышенным, так как только конкретная неудовлетворенность способна помочь человеку или группе преодолеть проблемы и создать возможности для качественного роста. Однако существует расхожее мнение, что поддержание подобного уровня напряженности противоречит функциям социального государства. Угрозы социальной напряженности и последствия для региональной социальной политики – это предмет дальнейших исследований [5].

Литература

1. Дмитриев А. В. Социальный конфликт: Общее и особенное. М. : Гардарики, 2002.
2. Киселев В. И. Социальная напряженность как социально-философская категория (постановка проблемы) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2013. № 160. С. 166–174.
3. Куконов П. И. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта. URL: <http://ev9802.narod.ru/conflicts.htm>.
4. Ларченко С. Г. Социальная напряженность в общественном развитии. URL: <http://www.portalus.ru>.
5. Михеев И. В. Понятие социальной напряженности в отечественной и зарубежной социально-гуманитарной науке // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 1.
6. Рукавишников В. О. Социальная напряженность // Диалог. 1990. № 8.
7. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб. : Ювента, 1999. 318 с.
8. Smelser N. J. Theory of collective behavior. N.-Y. : Free Press, 1962.
9. Пирогов И. В. Социальная напряженность : теория, методология и методы измерения : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.01. Иваново, 2002. 177 с. URL: <http://www.dslib.net/teoria-sociologii/socialnaja-naprjazhennost-teorija-metodologija-i-metody-izmerenija.html>.
10. Ульянова И. А. Социальная напряженность в студенческом социуме : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Пенза, 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/sotsialnaya-napryazhennost-v-studencheskom-sotsiume#1#ixzz6fRyXc5sL>.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ¹

В статье охарактеризованы проблемы демографического и социального развития Дальневосточного федерального округа в первой четверти XXI в. в условиях геополитических вызовов. Рассмотрены современные реалии и «болевы точки» социально-демографического развития дальневосточного макрорегиона. Обоснована необходимость перехода от компенсационной модели экономики к модели опережающего развития человеческого потенциала Дальнего Востока.

Ключевые слова: макрорегион, социально-демографические проблемы, модели развития.

Ya. A. Leshchenko

East Siberian Institute of Medical and ecological research, Angarsk

DEMOGRAPHIC AND SOCIAL DEVELOPMENT PROBLEMS OF THE FAR EAST IN THE FACE OF GEOPOLITICAL CHALLENGES

The article describes the problems of demographic and social development of the Far Eastern Federal District in the first quarter of the 21st century in the context of geopolitical challenges. The modern realities and "pain points" of the socio-demographic development of the Far Eastern macroregion are considered. The necessity of transition from the compensation model of the economy to the model of the advanced development of human potential in the Far East has been substantiated.

Keywords: macroregion, socio-demographic problems, development models.

В России ни один вопрос национального масштаба, в том числе вопрос национальной безопасности, невозможно адекватно осмыслить, а тем более правильно решить, минуя его региональное измерение [3].

В современных условиях глобализации и усиления геополитических противоречий возрастает актуальность разработки эффективных форм стратегического управления регионами, обеспечения их устойчивого, сбалансированного развития.

Согласно одному из определений «под регионом понимается политологическая квалификация той или иной административно-территориальной единицы, население которой объединено общими производственно-экономическими взаимосвязями, единой социальной инфраструктурой, местными средствами массовой коммуникации, органами власти и местного самоуправления» [1].

В период с 1999 по 2004 г. в России складывались макрорегиональные хозяйственные комплексы в рамках реализации конкретной политической программы федеральной власти, а именно на основе федеральных округов, созданных в 2000 г. и административно объединивших соседние регионы – субъекты Федерации. С целью административного обеспечения приоритетности федеральных законов было создано 7 федеральных округов (макрорегионов) [6].

Следующий этап макрорегиональной политики наступил 28 июля 2014 г., когда вступил в силу Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», согласно которому макрорегион – это «часть территории Российской Федерации, которая включает в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке документов стратегического планирования» [9]. В соответствии с вышеуказанными подходами термин «макрорегион» мы рассматриваем в качестве синонима федерального округа.

С позиции системного подхода, макрорегион – это относительно обособленная социально-экономическая система, включающая в себя подсистемы организационных, со-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00781.

циально-экономических, культурных взаимосвязей с географически близкими регионами на базе единой инфраструктуры.

Основными атрибутивными признаками регионов (макрорегионов) обычно считают: природно-географический, экономический, культурный, геополитический [3]. При этом следует признать, что у разных регионов может быть своя специфика: набор атрибутивных признаков, их иерархия могут различаться, иногда существенно. В условиях длящегося уже в течение почти 30 лет российского демографического кризиса в данный набор обязательно должен быть включен демографический признак, который более точно можно обозначить как «демографический (человеческий) потенциал региона». Причем этот признак в условиях постоянно растущих геополитических угроз вышел на одно из первых мест по своей значимости. Следовательно, вопросы развития демографического потенциала приобрели в последние десятилетия особое значение среди проблем устойчивого развития регионов Российской Федерации. Наиболее остро данная проблема стоит на Дальнем Востоке – огромной малонаселенной территории, имеющей большое экономическое, социальное и геополитическое значение.

Цель настоящей работы: охарактеризовать основные проблемы демографического и социального развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) в первой четверти XXI в. в условиях геополитических вызовов.

Особенности естественного движения населения (демографического воспроизводства) оценены по характеру и соотношению показателей рождаемости и смертности. Механическое движение населения оценено по характеристикам процессов внутренней миграции. Статистические материалы получены из баз данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат). Демографические показатели рассмотрены на макрорегиональном уровне (ДФО) и на примере одного из типичных регионов ДФО – Амурской области.

Современные реалии и «болевые точки» социально-демографического развития Дальневосточного федерального округа

Процессы естественного движения населения

Динамика общих показателей естественного движения населения (ЕДН) России, Дальневосточного федерального округа и Амурской области в период с 2000 по 2019 г. представлена в табл. 1.

Значения общего коэффициента рождаемости в ДФО и Амурской области в течение всего периода наблюдения составляли 9,7–14,3 ‰, что по критериям Всемирной организации здравоохранения соответствует низкому уровню рождаемости.

В ДФО наиболее высокий уровень общей смертности отмечался в 2002–2006 гг. – 14,2–15,5 ‰. В Амурской области наиболее высокий уровень общей смертности отмечался на протяжении большей части периода наблюдения – с 2000 по 2012 г.: 14,6–17,4 ‰. В округе показатели общей смертности не отличались существенно от среднероссийского уровня.

В ДФО и Амурской области в течение всего периода наблюдения регистрировалась естественная убыль населения. При этом максимальные значения коэффициента естественной убыли отмечались в ДФО в 2000–2005 гг. (от -3,1 до -3,8 ‰), в Амурской области – в 2000–2006 гг. (от -3,7 до -4,8 ‰).

Поскольку общий коэффициент рождаемости не дает исчерпывающего представления об интенсивности процесса деторождения, принято использовать более точный показатель уровня рождаемости (и естественного воспроизводства населения), каковым является суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Как видно из данных табл. 2, в течение всего периода с 2000 по 2019 г. значения СКР в РФ, ДФО и Амурской области соответствовали суженному воспроизводству населения.

Таблица 1

Показатели естественного движения населения России, Дальневосточного федерального округа и Амурской области в период с 2000 по 2019 г. (на 1000 чел. населения)

Год	Российская Федерация			Дальневосточный федеральный округ*			Амурская область		
	Годовой коэффициент рождаемости	Общий показатель смертности	Показатель естественного прироста (убыли) населения	Годовой коэффициент рождаемости	Общий показатель смертности	Показатель естественного прироста (убыли) населения	Годовой коэффициент рождаемости	Общий показатель смертности	Показатель естественного прироста (убыли) населения
2000	8,7	15,3	-6,6	9,7	13,2	-3,5	10,2	14,6	-4,4
2001	9,0	15,6	-6,6	10,3	13,8	-3,5	10,9	15,2	-4,3
2002	9,7	16,2	-6,5	11,0	14,3	-3,3	11,6	16,1	-4,5
2003	10,2	16,4	-6,2	11,6	14,9	-3,3	12,4	16,6	-4,2
2004	10,4	15,9	-5,6	12,0	15,1	-3,1	12,5	17,4	-4,8
2005	10,2	16,1	-5,9	11,7	15,5	-3,8	12,3	17,2	-4,8
2006	10,3	15,1	-4,8	11,7	14,2	-2,5	12,1	15,9	-3,7
2007	11,3	14,6	-3,3	12,5	13,7	-1,2	12,9	14,7	-1,8
2008	12,0	14,5	-2,5	12,9	13,9	-1,0	13,3	15,6	-2,3
2009	12,3	14,1	-1,8	13,2	13,5	-0,3	13,6	15,1	-1,5
2010	12,5	14,2	-1,7	13,2	13,8	-0,6	13,8	15,3	-1,5
2011	12,6	13,5	-0,9	13,2	13,5	-0,3	13,6	14,8	-1,2
2012	13,3	13,3	0,0	14,0	13,1	0,9	14,3	14,7	-0,4
2013	13,2	13,0	0,2	13,9	12,6	1,3	14,1	13,9	0,2
2014	13,3	13,1	0,2	14,0	12,6	1,4	13,7	13,9	-0,2
2015	13,3	13,0	0,3	13,9	12,6	1,3	13,3	13,9	-0,6
2016	12,9	12,9	0,0	13,3	12,5	0,8	12,9	13,7	-0,8
2017	11,5	12,4	-0,9	12,1	12,1	0,0	11,8	13,4	-1,6
2018	10,8	12,4	-1,6	11,9	12,0	-0,1	11,1	13,4	-2,3
2019	10,1	12,3	-2,2	11,1	12,2	-1,1	10,0	14,0	-4,0

*Примечание: данные по ДФО за 2018–2019 гг. представлены с учетом населения Забайкальского края и Республики Бурятия (03.11.2018 переданы из СФО в ДФО).

Следовательно, в обоих регионах в течение 25 лет показатели ЕДН можно в целом характеризовать как суженное естественное воспроизводство, не только не позволяющее поддерживать постоянную численность населения, но и обеспечивать формирование необходимых параметров демографического потенциала (в частности, репродуктивного, трудового, оборонного) в будущем.

Таблица 2

Значения суммарного коэффициента рождаемости в России, Дальневосточном федеральном округе и Амурской области в 2000–2019 гг.

Регион	Год									
	2000	2005	2010	2011	2013	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация	1,19	1,29	1,56	1,58	1,70	1,77	1,76	1,76	1,62	1,58
Дальневосточный ФО*	1,25	1,42	1,62	1,65	1,81	1,89	1,85	1,86	1,74	1,67
Амурская область	1,29	1,46	1,69	1,70	1,84	1,84	1,81	1,82	1,71	1,65

*Примечание: данные по ДФО за 2018 и 2019 гг. представлены с учетом населения Забайкальского края и Республики Бурятия (03.11.2018 переданы из СФО в ДФО).

Миграционные потери

В Российской Федерации практически в течение всего постсоветского периода шел отток населения из азиатской части в Центральный, Северо-Западный, Юго-Западный регионы страны, что являлось постоянным фактором роста диспропорций в размещении

населения. Характер и направление миграционных потоков, их влияние на российское общество, а также проблемы, с которыми сталкиваются мигранты в местах пребывания, во многом определяются качеством жизни [4; 5].

Миграционную активность в изучаемых регионах оценили на основе анализа коэффициента межрегиональной миграции – КММ (количество прибывших/убывших в расчете на 10000 чел. населения). В табл. 3 представлены значения КММ по некоторым федеральным округам и Амурской области за 19-летний период – с 2000 по 2018 г. Характеристики миграции рассмотрены в сравнительном плане по двум федеральным округам, где в постсоветский период демографическая ситуация была наиболее благоприятной (ЦФО, ЮФО) и двум округам, где ситуация была наименее благоприятной (СФО, ДФО). Как видно из этих данных, в ЦФО имел место миграционный прирост населения в течение всего периода наблюдения, в ЮФО – в 2000, 2007 и 2009–2018 гг. В СФО и ДФО в течение всего периода наблюдения отмечалась миграционная убыль населения. Причем наиболее неблагоприятным оказался Дальневосточный федеральный округ: относительные показатели механической убыли населения в этом округе (и Амурской области) были значительно выше, чем в среднем по СФО. Особенно большие значения коэффициента миграционной убыли отмечались в ДФО в 2000 г. ($-53,2\text{‰}$) и в 2011–2015 гг. (от $-51,6$ до $-63,0\text{‰}$).

Таблица 3

Коэффициенты межрегиональной миграции по Центральному, Южному, Сибирскому, Дальневосточному федеральным округам и Амурской области в 2000–2018 гг. (количество прибывших/убывших на 10000 чел. населения, значение показателя за год)

Год	Центральный федеральный округ	Южный федеральный округ	Сибирский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ	Амурская область
2000	19,4	6,8	-11,0	-53,2	-42,2
2001	19,0	-1,1	-12,9	-45,9	-37,5
2002	21,4	-2,0	-13,8	-40,9	-36,2
2003	23,8	-2,6	-13,9	-36,6	-31,2
2004	21,8	-4,9	-13,3	-33,5	-29,7
2005	20,4	-2,7	-13,1	-34,3	-25,0
2006	22,2	-4,0	-15,4	-36,6	-37,1
2007	21,3	0,5	-16,7	-36,9	-43,9
2008	23,8	-4,1	-13,7	-41,3	-41,0
2009	20,3	5,4	-10,2	-36,3	-32,5
2010	27,0	7,7	-13,5	-48,3	-43,9
2011	29,5	20,7	-22,4	-51,6	-75,7
2012	37,8	12,0	-22,2	-57,6	-57,8
2013	36,8	25,7	-27,0	-63,0	-75,4
2014	30,7	13,0	-23,7	-57,4	-61,5
2015	32,5	14,3	-25,1	-52,9	-51,7
2016	21,8	22,6	-24,5	-40,8	-42,1
2017	31,8	10,6	-26,8	-39,5	-40,7
2018	32,6	17,9	-25,9	-44,7	-39,8

*Примечания:

1 – данные по ЮФО с 2003 по 2010 г. представлены без учета населения Северо-Кавказского федерального округа (был выведен из состава ЮФО 19.01.2010);

2 – данные по ЮФО с 2016 г. представлены с учетом населения Республики Крым и г. Севастополь (вошли в состав ЮФО 28.07.2016);

3 – данные по СФО в 2018–2019 гг. представлены без учета населения Забайкальского края и Республики Бурятия (03.11.2018 переданы из СФО в ДФО).

4 – данные по ДФО в 2018–2019 гг. представлены с учетом населения Забайкальского края и Республики Бурятия.

В условиях обостряющейся в мире борьбы за ресурсы обезлюдение в результате естественной убыли и миграционного оттока населения с территории Дальнего Востока имеет важное не только социально-экономическое, но и геополитическое значение. Снижение численности россиян, замещение их мигрантами несет существенные этнокультурные, социально-экономические и геополитические риски [8]. В качестве иллюстрации к вышесказанному назовем только одну геополитическую проблему – дисбаланс в соотношении численности и плотности населения на Дальнем Востоке России и в Китае. Если еще в конце 1990-х гг. на всем российском Дальнем Востоке проживало 7,4 млн чел., то в северо-восточных провинциях КНР – 102,4 млн. При этом плотность населения в первом случае составляла всего 1,2 чел. на 1 кв. км, во втором – 124,4 чел. [7]. В последующие годы эти диспропорции только увеличились. Ряд исследователей полагает, что «разность демографических потенциалов» может создавать угрозу экономической, продовольственной и экологической безопасности России, ее территориальной целостности [2]. В статье нет возможности рассмотреть эту и другие геополитические угрозы в отношении российского Дальнего Востока подробно.

Какие меры нужны для решения социально-демографических проблем Дальнего Востока

Очевидна необходимость разработки эффективной стратегии устойчивого развития дальневосточного макрорегиона, которая неизбежно возникает при наличии проблем, являющихся по своей природе многоцелевыми и комплексными. Это очень серьезная и сложная государственная задача, поскольку классические методы отраслевого и территориального управления нередко оказываются недостаточными для принятия обоснованных решений с учетом сложившейся ситуации.

Еще в 1990-е – 2000-е гг. принимались федеральные программы по развитию регионов Дальнего Востока, которые были неэффективны главным образом из-за крайне недостаточного их финансирования.

В дальнейшем, в 2014 г. была подготовлена тщательно разработанная большим коллективом специалистов в течение почти 10 лет государственная программа по развитию Дальнего Востока. Вскоре на основе этой программы в Совете Федерации подготовили специальный комплексный закон «Об особых условиях развития Дальнего Востока и Байкальского региона», который получил полную поддержку со стороны субъектов Федерации, отраслевых и территориальных министерств. Но против этих документов выступил экономический блок правительства, и, в итоге, указанный закон и гос. программа оказались заблокированными и не были приняты для реализации [10]. История с комплексным законом показала, насколько может быть решающей роль госаппарата и субъектов управления (федерального уровня) в принятии или непринятии судьбоносных для страны программ и законов.

В последующие годы принимались программы по развитию регионов Дальнего Востока, в соответствии с которыми осуществляются инвестиции в основной капитал – модернизацию оборудования, зданий, транспорта и т. д. Эти, действующие по настоящее время программы решают задачу создания *компенсационной модели экономики*, которая нацелена на то, чтобы в какой-то мере снизить остроту главных экономических проблем.

Но руководители регионов и специалисты считают, что развитие Дальнего Востока в рамках этих программ идет однобоко (неустойчивое, несбалансированное развитие): государство нацелено исключительно на рост экономики, а люди – лишь ее дополнение. На жилье, социальное обеспечение, лечение, обучение, досуг населения макрорегиона из бюджета выделяются суммы, которые не компенсируют трудностей жизни на этих территориях. Коренные жители уезжают, потому что хотят иметь те же возможности, что в других регионах страны. И так будет до тех пор, пока на Дальнем Востоке не появится принципиально иная материальная, социальная, информационная среда, не сформируются принципиально иные экономика, транспортные схемы, ориентированные на разнообразные потребности жителей [11].

Мы солидарны со специалистами, экспертами, которые настаивают на необходимости перехода от компенсационной модели к *модели опережающего развития человеческого потенциала*, в которой на первый план должно выйти создание социально и демографически ориентированной экономики, должны осуществляться инвестиции в семью, где зарождается и формируется человеческий (демографический) потенциал [11].

Только при решении вышеуказанных задач можно будет сохранить и приумножить население, повысить отдачу экономики, более надежно защитить восточные рубежи нашей страны.

Литература

1. Барзилов С., Новиков А., Чернышев А. Особенности развития политико-экономических процессов в российской провинции. М., 1997.
2. Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. М., 2001.
3. Зеленко Б. И. Регион – как субъект политики (Взгляд с позиций национальной безопасности) // Безопасность Евразии. 2004. № 1. С. 352–357.
4. Индекс качества жизни регионов России: методология и методика оценки / Лаборатория методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова; Институт региональной информации. М., 2010. 20 с.
5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=310139&fld=134&dst=100018,0&rnd=0.7377705270328321#07478829695252702> (дата обращения: 10.03.2019).
6. Митрофанова И. В. Макрорегион как утверждающаяся форма территориальной институции // Стратегии развития экономики. 2008. № 8. С. 30–40.
7. Мотрич Е. Население Дальнего Востока и стран СВА: современное состояние и перспективы развития // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999. С. 16.
8. Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. Миграция населения в приграничных регионах Сибири // ЭКО. 2014. № 8. С. 18–34.
9. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 22.03.2015).
10. Штыров В. Государственный план подъема Дальнего Востока исчез еще в 2013 году // Аргументы недели. 2020. № 29. С. 1, 3, 8–9.
11. Этот уникальный регион нужно осваивать по-особому // Аргументы и Факты. 2000. № 41. С. 7.

УДК 316:1

Раде Шарович, Горан Черанич

Университет Черногории, Философский факультет, г. Никшич, Черногория

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКОЙ КONTИНУУМ ИЛИ ПОСТОЯННЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПОСЕЛЕНИЯМИ В ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматривая различия между поселениями в пространстве, и особенно между двумя их наиболее ярко выраженными типами – селом и городом, в социологии принято говорить о логической форме дихотомии город-село. Эти два основных типа населенных пунктов сравниваются друг с другом по тем характеристикам, которые, как предполагается, в значительной степени определяют сельский и городской образ жизни. Однако в данной статье мы не можем утверждать, что существует ярко выраженная разница в конкретных социальных отношениях, представленных между этими двумя общими типами поселений. В дополнение к стандартной дихотомии некоторые теоретики говорят о континууме между городом и селом как о единственной и наилучшей форме функционирования поселений в пространстве.

Ключевые слова: сельский, городской, дихотомия, поселение, континуум.

Rade Sarovic, Goran Ceranic

University of Montenegro, Faculty of Philosophy, Niksic, Montenegro

RURAL-URBAN CONTINUUM OR PERMANENT DIFFERENCES BETWEEN SETTLEMENTS IN SPACE

Considering the differences between settlements in space, and especially between their two most prominent types – the village and the city, in sociology it is common to speak of the logical form of the city-village dichotomy. And thus, these two main types of settlements are compared with each other in the characteristics that are assumed to largely determine rural and urban lifestyles. However, in this article we cannot argue that there is a pronounced difference in the specific social relations presented between these two general types of settlements. In addition to the standard dichotomy, some theorists speak of the urban-rural continuum as the only and best form of settlement functioning in space.

Keywords: rural, urban, dichotomy, settlement, continuum.

Краткий социологический обзор различий между городом и селом

Изучая отношения поселений в пространстве, с социологической точки зрения сначала необходимо определить концептуальное различие между городом и селом. Сегодня, в современных обществах, реальная граница между городом и селом не так резко выражена, как раньше, и поэтому очень важно использовать социологический критерий, чтобы концептуально различать эти две социально дополняющие, но существенно разные социальные среды. Есть несколько способов отличить деревню от города. С *архитектурной и урбанистической* точки зрения город – это спланированное пространство (с правильной сетью улиц и функциональной планировкой зон), а село – это стихийно образованный поселок. Демографически: город – густонаселенный, с большим количеством жителей, в основном нефермеров (ремесленники, торговцы, рабочие, чиновники), различных профессий, которых в селе нет вообще. Села – это небольшие и малонаселенные места, где преобладают фермеры, есть ремесленники и другие профессии (священник, учитель, агроном и т. д.). С *экологической* точки зрения село намного ближе к природной среде, чем город, который представляет собой типичную искусственную среду, часто противопоставляемую природе. Если город – это густонаселенная, шумная и загрязненная территория (нечистый воздух, вода, почва) с отчужденными межличностными отношениями, то село имеет экологические преимущества по сравнению с такими городами. *Характер общественных отношений* в селе существенно отличается от города. В *сельском сообществе* социальные отношения прямые, неформальные, длительные и интимные, потому что они касаются отношений между родственниками и соседями. Семья в традиционном селе – это основная и первичная социальная группа, в которой выполняются все важные человеческие и социальные функции: естественное и социально-экономическое воспроизводство (т.е. семья одновременно является и социальной и рабочей группой), социализация личности и социальный контроль поведения, обучение навыкам выживания в окружающем мире, взаимодействию с локальной и более широкой социальной средой. *Сельские институты* основаны на инерции и сохранении местных традиционных привычек и обычаев, на коллективной ответственности и традиционной групповой морали. *Социальная организация* основана на патриархальном авторитете харизматичных лидеров и нетерпимых идеологиях коллективов, недифференцированных по интересам. *Городские институты и организации* основаны на формальном и абстрактном авторитете правовых норм, на универсальной морали и индивидуальной ответственности, на терпимом отношении к религиозным, национальным, идеологическим и всем другим различиям. В социологии существует еще достаточно других различий между этими двумя общими типами поселений, мы выбрали те основные критерии, которые явно демонстрируют характер различий между селом и городом¹.

Сублимируя эти критерии с социологической точки зрения, прежде всего, необходимо указать на четкое концептуальное различие между городом и селом, а также их бесспорную реальную связь и переплетение не только вышеперечисленных, но и многих других их социальных характеристик. В современных, особо развитых обществах реальная граница между селом и городом не такая резкая, как было раньше, и поэтому так важен социологический критерий концептуального разграничения этих двух социально дополняющих, но существенно различных социальных сред. Далее мы поговорим о снижении этой реальной границы и возможности разработки новой системы, известной как континуум между городом и селом.

---

¹ Вопросом о разделении села и города занимались все ведущие сельские социологи. Для целей данной статьи мы выделили мнения некоторых из них. См. подробнее: М. Митрович [4]; С. Шувар [5]; Ц. Костич [3].

Сельско-городской континуум – утопия или реальность

Качественные аспекты и степень влияния различных социальных изменений на сельские районы различны. Уровень их развития зависит, прежде всего, от достигнутого цивилизационного развития общества, а затем и самих сельских территорий в рамках анализируемого глобального общества, учитывая его неоднородность по разным характеристикам.

Современное европейское село должно становиться все менее и менее классическим селом (закрытым в рамках традиционализма) и превращаться в более урбанизированный поселок с условиями жизни, все более приближающимися к городским. Села развитых европейских стран стали настолько урбанизированными, что часто практически не заметно, где заканчивается город и где начинается село. Анри Мендра предлагает в таких случаях говорить о сети, а не о территории, имея в виду сети городов разного размера, которые являются противоположным полюсом «дифференцированных сельских районов». Эти современные полюса – город и село – не отдельные территории с четкими границами, а дифференцированная «решетчатая сеть клиентуры и влияния» [3]. Мендра также задается вопросом: может быть старая «нео-рустическая утопия» о маленьком месте, где приятно и хорошо жить в автономных самоуправляющихся коллективах, существует хотя бы в каком-то виде в наиболее развитых современных постиндустриальных обществах? Вот как выглядит пример подобной нео-рустической утопии Анри Мендра: «Представьте себе небольшой городок с 6 000 жителей, расположенный в 30 км от города с 80 000 жителей, который снабжает его всем необходимым (больницы, первые годы университетского образования, библиотеки, кинотеатры, театры... и т. д.). Этот небольшой городок предоставляет все коммерческие, административные, культурные, медицинские и образовательные услуги для небольших сельских центров (2 000 жителей), деревень и удаленных домов, которые вместе насчитывают 10 000–15 000 жителей. Предположим даже, что это население от 20 000 жителей на территории от 25 до 30 км с плотностью от 50 до 60 жителей на км² (исключая города), где 10 % домохозяйств живут за счет «продуктивного сельского хозяйства», 25 % за счет различных форм кустарного промысла и самодостаточного сельского хозяйства, 20 % населения – ремесленники и торговцы, 15 % – рабочие на двух или трех небольших фабриках, 30 % пенсионеры, 20 % работают в различных сферах обслуживания, 30 % состоят из жителей, делящих свою жизнь между селом и городом. Такое общество достаточно многочисленно и разнообразно, чтобы иметь возможность поддерживать внутри себя все социальное разнообразие, все конфликты и институты, необходимые для здоровой жизни, оно имеет иерархию и мобильность, политические, идеологические и религиозные конфликты; профессиональное и местное соперничество, учреждения и объединения культуры, спорта и отдыха и др. А то, чего ему не хватает, находится в соседнем большом городе, до которого, благодаря общественному и частному транспорту, легко добраться. Каждая община имеет свою автономию управления, сельский образ жизни с уважением традиций региона является общим для всех. Другими словами, здесь мы объединяем все преимущества села и города» [3].

Подобно идее Анри Мендра, Эбенизер Говард также предложил создать город нового типа, который, благодаря современным техническим средствам, сотрет различия между селом и городской агломерацией. Этим он хотел сохранить экономические и культурные преимущества жизни в городе и экологические преимущества жизни в сельской местности. По его словам, город-сад задумывался как самостоятельное сообщество с заранее определенной территорией и количеством жителей, в котором объединены цивилизация и природа. По принципу зонирования промышленная зона отделена от жилой и расположена на периферии. Весь город окружен сплошной зеленой

полосой сельскохозяйственных угодий. В случае увеличения населения будут созданы взаимосвязанные города-спутники, чтобы не нарушать садовую зону, окружающую город¹.

Идеи Мендра и Говарда являются чем-то похожим на то, что многие социологи, такие как Майкл Белл и Анри Мендре, называли континуумом между городом и селом, в котором речь идет не только о пространственном расширении города до сельской местности и о проникновении в села городского образа жизни, но и также о превращении деревни в город и медленном исчезновении крестьян. Важно, чтобы город и село и их взаимоотношения изменились по-новому, современно и актуально. В идеале, это все менее должны быть отношения двух взаимно разделенных пространственных социальных форм и все более интенсивное, сложное и взаимное общение в рамках одной и той же, структурно сложной и функционально дифференцированной социальной реальности. Таким образом, все социальное пространство будет разделено на «зоны» или «регионы», имеющие различную внутреннюю структуру – сети населенных пунктов и коммуникаций.

В развитых европейских странах есть урбанизированные сельские районы, расположенные между мегаполисами, где деревни превратились в зеленые пригородные зоны. Обычно выделяют четыре основные функциональные зоны: 1) городская зона, 2) зона с приоритетом сельскохозяйственного производства, 3) зоны сельскохозяйственного производства, смешанные с рекреационной деятельностью и 4) зоны отдыха и природные парки. С другой стороны, в регионах и странах с более низкой степенью урбанизации, сеть малых и средних городов, а также сеть дорог между ними и селами чрезвычайно важны для качества жизни в селе. Средние города как «ретрансляторы» предоставляют необходимые городские услуги (больница, средняя школа, торговля, администрация) между деревнями и городами, т.е. между небольшим местным сообществом и большим глобальным сообществом².

Быстрые социальные изменения в селе, которые являются наиболее значительными с социологической точки зрения, отражаются главным образом в изменениях в «образе жизни» тех, кто живет, работает и общается друг с другом в повседневной жизни. В современных селах монолитный социокультурный образец традиционной крестьянской жизни стремительно разрушается и тает, а вместе с ним и крестьянство как уникальный социальный слой, сформировавший такой образ жизни в данный исторический момент.

Заключение

Критерий, по которому село и город объединяются в пространстве и по которому стираются явные различия, видимые в пространстве, является тонким и сложным, и он синтезирует все ранее упомянутые социологически значимые различия между селом и

---

¹ Проект города-сада имел ряд практических успешных практических, которые необходимо принять во внимание, чтобы в полной мере представить вклад Говарда в тему нео-рустической утопии. В 1903 году в Англии был основан первый город-сад Лечворт, который вдохновил на создание города-сада Велвин в 1919 году, а также на основание так называемых «Новых городов» после Второй мировой войны. Наиболее интенсивное применение идей Говарда наблюдалось в первые шестьдесят лет двадцатого века. Многие европейские страны, особенно при восстановлении городов после Первой и Второй мировых войн, применяли различные вариации идеи города-сада. Со временем идеи Говарда были искажены, что было заметно в США. Эбенизер Говард довольно рано приобрел большое количество сторонников в России, где его идея тоже была реализована, хотя и в специфических социальных обстоятельствах.

² Типичное швейцарское село, в котором утопия частично стала реальностью, может служить прекрасным примером сбалансированного регионального развития и представляет собой желаемый пример для неразвитой сельской местности. В таких селах расположено большое количество транснациональных компаний («SWOTCH», «MILKA» и т.д.), которые были основаны именно в сельских регионах из-за более низких налогов, чем в швейцарских мегаполисах, и которые позволяют населению работать в промышленности и обеспечивать качественную жизнь в сельской местности. Таким образом, местное самоуправление региона контролирует систему налогообложения на своей территории независимо от центрального правительства, поэтому, благодаря более низким налогам сельские регионы становятся более привлекательными и конкурентоспособными для инвесторов, чем городская территория страны.

городом как исторически сформированными социальными творениями. Этот подход полезен как качественное дополнение к обычному административному, формальному и количественному (статистическому) разграничению между сельскими и городскими поселениями. Социологический критерий наводит на мысль о том, что село и город, а также все их многочисленные переходные и смешанные формы являются лишь различными формами проявления социальной жизни человека в пространстве. Конкретные формы человеческого общения в них должны быть эмпирически исследованы и теоретически сформированы в социологических исследованиях, которые могут дать ответы на вопросы опустошения и разрушения сельских территорий сегодня.

Литература

1. Howard, Sir Ebenezer. Garden Cities of Tomorrow. MIT Press, 1965.
2. Костић Цветко. Социологија села Издавачки центар студената Београд, 1975.
3. Mandra Anri. Budućnost seoskih društava u industrijskom društvu, Sociologija sela 61–62 Institut za društvena istraživanja u Zagrebu, Zagreb, 1978.
4. Митровић Милован. Социологија села, Институт друштвених истраживања Београд, 2009.
5. Шувар Стипе. Социологија села 2, Шкласка књига Загреб, 1988.

УДК 316.354.2

Т. В. Андриянова

Курский государственный университет, г. Курск

ТЕХНОЛОГИИ ЛОКАЦИИ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРЫ ЛОКАЦИИ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

На примере г. Курска, готовящегося отметить в 2032 г. свое 1000-летие, анализируются основные технологии локации культуры и культуры локации, используемые региональной властью для решения задач формирования комфортной городской среды. В качестве методологической основы используются идеи американского социолога-урбаниста Р. Парка и отечественного архитектора В. Л. Глазычева. К основным методам исследования относятся качественные методики интервью и анализа текстов периодической региональной печати. Делаются выводы о сложности учета всех составляющих городского планирования в контексте социокультурного фактора.

Ключевые слова: культура, локация, городская среда, планирование, управление, компетенции.

Т. В. Andriyanova

Kursk State University, Kursk

TECHNOLOGIES OF LOCATION OF CULTURE AND CULTURE OF LOCATION IN MANAGEMENT PRACTICES OF URBAN SETTLEMENTS

Using the example of the city of Kursk, which is preparing to celebrate its 1000th anniversary in 2032, the article analyzes the main technologies of location culture and location culture used by the regional authorities to solve the problems of creating a comfortable urban environment. The methodological basis is the ideas of the American urban sociologist R. Park and the Russian architect V. L. Glazychev. The main research methods here include qualitative methods of interviewing and analyzing texts of regional periodicals. The author's conclusions relate to the main difficulties of accounting for all components of urban planning, taking into account the socio-cultural factor.

Keywords: culture, location, urban environment, planning, management, competence.

Формирование и развитие городской среды в контексте культуры является на сегодняшний день одним из самых востребованных направлений теории и практики управления. В качестве методологических основ настоящего исследования выступают работы Р. Парка и других представителей зарубежной урбаносоциологии, в также теории отечественного исследователя В. Л. Глазычева. Представление города с точки зрения институционального подхода как определенного «новообразования» в виде продукта действий многих поколений с особой моральной организацией [8, с. 74] позволяет определить би-валентность городской среды в двух разрезах:

- как физическую и этическую, воздействующие друг на друга, и выявляющие ее сильные и слабые стороны;
- как человеческую природу, формирующую городские общности, и их обратное влияние на социализацию индивидов.

Антропологический контекст всех изменений в территориальном пространстве города включает в себя не только уже существующее замкнутое пространство городского планирования, но и историю, менталитет, традиции и другие особенности поселений, отличающие общность всей городской среды и каждого конкретного района.

В городской среде, по мнению В. Л. Глазычева, существенное место занимает совокупность застройки пространства, символов и знаков в основных формах взаимодействия населения с данными элементами как отражение мира повседневности. Технологически маркерами здесь выступают уже обжитые индивидами пространства как носители социокультурных межпоколенческих отношений [2]. В управленческих практиках отмеченный феноменологический подход отражает сущность разных проявлений городского пространства и может быть применен с точки зрения отработки новых технологий взаимодействия культуры и индивидов в среде городских поселений [1; 5–7]. Мы предлагаем в этой связи две взаимосвязанные управленческие технологии формирования городской среды, названные нами условно «культура локации» и «локация культуры». В первом случае мы имеем дело с социокультурными, архитектурными, проектными и другими факторами размещения и маркирования различных объектов городской среды. Во втором – с размещением непосредственно объектов культуры и учреждений культуры.

Культура локации

В Курской области как и в других регионах Российской Федерации развитием городской среды занимается специально созданная структура, имеющая общее наименование – Центр компетенции (далее Центр) [9; 10], который занимается выполнением рекомендаций Министерства строительства РФ и способствует «устранению системных ошибок при проектировании и реализации» [11].

Из интервью с советником Губернатора Курской области А. С. Коноваловой стала известна следующая информация. До назначения на должность, которое состоялось в 2019 г., Коновалова работала координатором Центра мониторинга благоустройства городской среды ОНФ в Курской области. После окончания Курского государственного университета (юридический факультет) с образованием арбитражного управляющего она была приглашена в команду вновь назначенного губернатора Курской области Р. В. Старовойта советником с целью создания Центра компетенций Курской области. Сама она оценивает свою позицию в структуре региональной власти так: «Я нахожусь на периферии и выступаю в роли проектного менеджера, курирующего развитие сферы городской среды и дизайна. Естественно, я не отбираю хлеб у специалистов с профильным образованием, моя задача – генерировать идеи, прорабатывать механику их реализации и воплощать их в жизнь, т. е. “закрывать” процесс на себе» [12]. Говоря о деятельности органов власти в области благоустройства городской среды, в частности, отмечается запрос на поиск и формирование айдентики благоустройство или соучаствующее проектирование.

На первом этапе была проведена ревизия общественных пространств, созданных по программе «Формирование комфортной городской среды», в ходе которой сформировался ряд вопросов, для решения которых нужны были специалисты на постоянной основе и было принято решение создать Центр компетенций Курской области по вопросам развития городской среды: «Центр компетенций и профильные комитеты не подменяют друг друга, что мы и пытались донести до общественности. ЦК не является органом исполнительной власти. На архитектурном комитете лежат планирование, согласование, разрешение, мы же получаем конкретное техническое задание от Губернатора и работаем над ним, попутно обсуждая процесс с коллегами из профильных комитетов. Нельзя уходить в подполье и говорить, что мы все сделаем сами. Первоочередно мы работаем над задача-

ми областной администрации, а потом уже над собственными проектами и теми идеями, которые предлагают общественники на встречах и в социальных сетях» [12]. Специалисты Центра работают над дизайн-кодом, айдентикой региона (пока на этапе создания въездных стел и дизайн-выходных), разработкой типовых решений для маломобильных граждан, брендированием транспортной системы, проектированием общественных пространств в Курске и других муниципалитетах.

Дизайн-код – одна из последних разработок Центра является частью реализации национального проекта «Жилье и городская среда» [13] и одним из критериев Индекса качества городской среды [14, 15] (24 «Уровень внешнего оформления городского пространства», 24.1 «Наличие утвержденного правового акта, регламентирующего размещение вывесок»). В составе рабочей группы представлены эксперты, представители регионального комитета архитектуры, юристы, а также бизнес-сообщество и общественники: «На одной из встреч предприниматели вывели интересные аналогии дизайн-кода с правилами этикета и прописями. Дизайн-код регулирует материалы, параметры и места расположения вывесок или рекламы. Рамочное регулирование можно в чем-то сравнить с линиями в прописях: сетка одна, а почерк у всех разный» [12]. Само обсуждение дизайн-кода, проходившее в формате «мирового кафе» с поддержкой модераторов, позволило выявить основное опасение малого и среднего бизнеса по поводу требования быстрой смены всех вывесок и сопутствующих материальных и других видов издержек. Хотя переход к новому дизайн-коду планируется растянуть на два года и пока он коснется трех пилотных улиц в культурно-исторической, видовой и периферийной частях Курска.

Благоустройство городской среды в комплексе потребовало издания четырех специальных книг регламента, первые две из которых касаются внешнего облика фасадов зданий Курска («Стандарт оформления и размещения информационных конструкций на фасадах зданий» и «Стандарт оформления элементов фасадов зданий»), а вторые две – отдельно стоящих рекламных конструкций, размещаемых в городской среде и элементов благоустройства («Стандарт оформления и размещения рекламно-информационных конструкций в городской среде» и «Стандарт оформления и размещения элементов городской среды»). Требования, изложенные в них, определяют и внешний облик входных групп, колористическое решение фасадов, размещение кондиционеров и спутниковых тарелок, отделку балконов. Каждая книга содержит в себе текстовую и графическую части с информацией и примерами надлежащего и ненадлежащего исполнения регламента. Предприниматели, принимавшие активное участие в обсуждении дизайн-кода, в качестве бонуса получают эскиз своей будущей вывески от специалистов Центра.

В перспективе дизайн-код будет создан для каждого города Курской области, как и проект реновации. Общая логика изменений объясняется следующим образом: «Предпринимателям важно понимать, что с каждым годом «кричащие» вывески уходят в прошлое, где не было интернета, SMM и поисковиков. В наши дни все больше потребителей тем или иным образом «таргетированы» на определенные покупки и никакая вывеска не привлечет их внимание» [12].

Центр также направляет свои усилия и на поиски айдентики в ходе дизайн-выходных, что станет впоследствии основой для создания единого бренда Курской области. Здесь необходимо отметить некоторую путаницу в терминах, которая возникает при понимании айдентики и брендинга как части одной и той же технологии. Между тем в первом случае речь идет о создании некой корпоративной идентичности как совокупности элементов и материалов, создающих определенный образ компании в глазах потребителей, а во втором – о маркетинговых приемах, направленных на формирование уникального бренда.

По мнению Н. Г. Щербининой, наиболее значимым субъектом-конструктором образа города, имиджевой политики и бренд-политики выступает региональная и городская власти с целью «формирования города как смыслового мира» [4, с. 196].

Локация культуры

В свою очередь руководители учреждений культуры Курской области в интервью сошлись во мнениях, что существующая локация их на территории Курска и других городов является неудовлетворительной и требует пересмотра. Проблемы касаются строительства современных зданий, так как некоторые учреждения культуры находятся в исторических постройках: Курский областной краеведческий музей – в здании бывшего Архиепископского дома, Курский государственный областной музей археологии – в объекте культурного наследия федерального значения «Дом купца Хлопонина» (1782 г.), Курский государственный театр кукол размещается в здании бывшей гимназии и т. д. Другие не имеют собственных зданий или находятся в непригодных помещениях. Все это не дает возможности для создания полноценных условий хранения фондов, их экспонирования, введения технологических новшеств, проведения масштабных мероприятий и оказания услуг лицам с ограниченными возможностями здоровья.

В качестве решения проблем локации культуры Администрация Курской области в 2019 г. предложила открытый конкурс архитектурных проектов «Курск 2032» на создание концепции по восстановлению историко-культурного облика центральной части г. Курска, названной впоследствии «детинцем», в рамках подготовки к 1000-летию города. Авторы проекта-победителя М. Заутренников и К. Будыкин [16] (г. Курск) на основании исследования архивов и натуральных наблюдений в качестве главной задачи видят интеграцию территории Курского детинца и реки Тускарь в городскую среду. Территорию площадью 400 га планируется разделить на 7 этапов с новым транспортным (трамвайным) маршрутом. Курский детинец назван здесь сильнейшим, но неработающим городским брендом, основные здания которого относятся к XVIII–XIX вв. Планируется «раскрыть» и остатки располагавшихся здесь древних соборов XVII в. с контрастной сигнацией абрисов фундаментов. В это пространство будут помещены объекты разного назначения, в том числе галерея имени А. А. Дейнеки, музей современного искусства имени Малевича, краеведческий музей и театр кукол, здесь также ныне располагается концертный зал «Свиридовский» и Свиридовский центр.

С одной стороны, проблема локации учреждений культуры и сопутствующие вопросы будут к 2032 г. решены, с другой стороны – могут проявиться другие. Мы имеем ввиду концентрацию объектов культуры в одной точке городского пространства и увеличение их количества, что в конечном итоге приведет к возникновению как временных трудностей (парковка, необходимость въезда и выезда и т. д.), так и в целом к «культурной диспропорции» между районами города (стягиванию всех ресурсов в центр). Об этом Парк и Глазычев, говорили как о сложности зонирования городских пространств, где простое суммирование разных объектов не вызывает желаемую активизацию культурной жизни населения.

Кроме того общественная дискуссия развернулась и вокруг самого термина «детинец», который историки (Я. Бондарев, И. Шпаков, Ю. Озеров) [17] трактуют как «кремль», деревянную или каменную крепость скорее домонгольского прошлого и его применение к остаткам монастырских построек более позднего периода считают ошибочным. Тем не менее и власть и блогеры и новостные паблики называют эту территорию по-прежнему, а состоявшийся в сентябре 2020 г. градостроительный совет обосновал правомерность употребления этого термина на основании мнений Р. Веретюшкина (НИИ археологии Юго-Востока Руси КГУ) и Г. Стародубцева (Курский музей археологии)¹.

Как отмечает П. Н. Киричк, «...переменный характер управления неизбежно формирует для нужд органов власти адекватно подвижный арсенал форм и методов руководства. В их числе доминируют, прежде всего, всевозможные импровизации социально-экономического толка, к которым прибегают местные лидеры (главы регионов и мунци-

¹ В Курске термин «детинец» признали правомерным // Курская правда. 2020. 26 сент.

ципальных образований) с их командами...для успешности ему сегодня недостает юридических уложений, этических оснований, социокультурных условий, а также самого прозаичного начала – информационных, организационных, финансовых ресурсов» [3, с. 117–118].

Таким образом, предложенные технологии культуры локации и локации культуры являются на сегодняшний день одним из механизмов грамотного формирования городской среды и антропогенного ландшафта.

Литература

1. Андриянова Т. В. «Паспорт культурной жизни» региона как инструмент сравнительного анализа показателей // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. 5–6 дек. 2018 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. С. 178–182.
2. Городская среда. Технология развития: Настольная книга / В. Л. Глазычев [и др.]. М. : Ладья, 1995. 240 с.
3. Киричк П. Н. Номинальность и реальность системы управления // Практический дискурс высшей школы : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 117–121.
4. Щербинина Н. Г. Особенности позиционирования города-бренда в цифровую эпоху. Особенности позиционирования города-бренда в цифровую эпоху // *процѣнт*. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2018. Вып. 3 (17). С. 192–201.
5. Andriyanova T. V., Kirnosova E. N., Starodubtseva I. F. Culture and art in modern society: a view from the region // 4th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2017. Sofia, 2017. P. 23–30.
6. Andriyanova T. V., Kirnosova E. N., Starodubtseva I. F. Government order and its significance in the work of the regional cultural establishments // Proceedings of the International Scientific Conference “Far East Con” (ISCFEC 2018). Part of series: AEBMR. Vol. 47. P. 175–190.
7. Andriyanova T. V., Kirnosova E. N., Starodubtseva I. F. Organizations of regional culture in assessments of quality of services // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2018. Vol. 35. P. 35–42.
8. Park R. E. Human Communities: The City and Human Ecology. Glencoe, IL: The Free Press, 1952. P. 74.
9. Апфокс. URL: <https://upfox.ru/company/ackrgsko-119460000781> (дата обращения: 21.09.2020).
10. Интерфакс. Международная информационная группа. URL: <http://www.spark-interfax.ru/kurskaya-oblast-kursk/ano-tsentr-kompetentsi-razvitiya-gorodskoi-sredy-kurskoi-oblasti-inn-4632261727-ogrn-119460000781-99b64b09f10e0ddae053179aa8c066ec> (дата обращения: 21.09.2020).
11. В Курске открылся Центр компетенций развития городской среды. URL: <https://riakursk.ru/v-kurske-otkrylsya-centr-kompetency-r/> (дата обращения: 21.09.2020).
12. Советник курского Губернатора: «Я за встряску ради комфортного города». URL: <https://abireg.ru/newsitem/81422/> (дата обращения: 21.09.2020).
13. Национальный проект «Жилье и городская среда». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/846/events> (дата обращения: 28.09.2020).
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 марта 2019 г. № 510-п. URL: <https://fzakon.ru/rasporuyazheniya-pravitelstva/rasporuyazhenie-pravitelstva-rf-ot-23.03.2019-n-510-r/> (дата обращения: 28.09.2020).
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 марта 2019 г. № 2625-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72873072> (дата обращения: 28.09.2020).
16. Проект № 29011. URL: <http://kursk2032.com/proekty2/zautrennikov-budykin-proekt-29011> (дата обращения: 20.09.2020).
17. Историки считают некорректной фразу «курский детинец». URL: <https://sekunda.media/stati/6133-istoriki-schitayut-nekorrektnoj-frazu-kurskij-detinets> (дата обращения: 20.09.2020).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ «ЗЕЛЕННОГО» РОСТА И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Актуальность статьи обусловлена изучением проблем «зеленого» роста. В современном обществе обостряются экологические проблемы и концепции «зеленого» роста рассматриваются как средство их решения. В статье проанализированы аргументы в пользу концепции «зеленого» роста. Проведен анализ теоретических принципов, которые рассматриваются в отечественных и зарубежных публикациях в пользу реструктуризации экономики с учетом экологических ценностей. Выделены особенности факторов «зеленого» роста, которые связаны с формированием экологической политики, способствующей переходу к новой промышленной революции.

Ключевые слова: «зеленый» рост, «зеленая» экономика, устойчивое развитие, экологический менеджмент, экологические проблемы, экологические ценности.

I. V. Tsvetkova

Togliatti State University, Togliatti

THEORETICAL PRINCIPLES OF “GREEN” GROWTH AND PROBLEMS OF THEIR PRACTICAL IMPLEMENTATION

The relevance of the article is due to the study of the problems of “green” growth. In modern society, environmental problems are becoming more acute and the concept of “green” growth is considered as a means of solving them. The article analyzes the arguments in favor of the concept of “green” growth. The author presents the analysis of the theoretical principles that are considered in domestic and foreign publications in favor of economic restructuring, taking into account environmental values. The features of the factors of “green” growth that are associated with the formation of environmental policies that contribute to the transition to a new industrial revolution are highlighted.

Keywords: green growth, green economy, sustainable development, environmental management, environmental issues, environmental values.

В последние годы концепция «зеленого» роста привлекает внимание международной общественности. Термин «зеленый» рост получил распространение с 2008 г. при обсуждении проблем экономического развития. Всемирный банк создал Глобальный институт зеленого роста для консультирования стран по проблемам его реализации.

Основной смысл концепции «зеленого» роста состоит в идее о том, что значительный экономический рост способен решить проблемы окружающей среды. Не вызывает сомнения совместимость экономического роста и некоторых видов улучшения окружающей среды. Количественные характеристики экономического роста имеют значение. На начальном этапе разработки термина основное внимание уделялось исключительно смягчению последствий изменения климата. В настоящее время концепция «зеленого» роста распространяется на более широкий спектр экологических ресурсов (почва, вода, рывые запасы, места обитания и т. д.).

Соотношение понятий «зеленый» рост, «зеленая» экономика, «устойчивое развитие» проанализировано в статье Ю. В. Булгаковой, С. Д. Набок [4]. Согласно определению Всемирного банка, «зеленый» рост включает эффективное использование ресурсов, снижение загрязнения окружающей среды в качестве ориентиров устойчивого развития. Реализация идей «зеленого» роста использует потенциал экологического менеджмента.

ОЭСР в содержание «зеленого» роста включает методы стимулирования экономического развития с учетом сохранения окружающей среды, поддерживающей благосостояние населения. Определения «зеленого» роста имеют общую основу, которая проявляется в том, что экономический рост обеспечивается за счет новых подходов к охране окружающей среды.

При определении ориентиров «зеленой» экономики также добавляют социальные ориентиры, такие как: социальная справедливость, рост благосостояния, качества жизни.

Цели экономического роста предусматривают снижение экологических рисков и экологического дефицита. Подобную трактовку «зеленой экономики» предлагает ЮНЕП [7].

Концепция экономического роста, которая отвечает экологическим целям, нашла воплощение в документах саммита в Рио-де-Жанейро, проведенного в 1992 г.

Прошло почти тридцать лет после публикации документов. В конце XX в. идеи устойчивого развития нашли широкую поддержку в различных странах мира, они оказали влияние на приоритетность экологических целей. Это нашло воплощение в возрастании интереса к разработке природоохранного законодательства и экологической политики, экологического менеджмента.

Однако к началу нового столетия темпы движения к реализации концепции устойчивого роста значительно замедлились. Стало ясно, что для решения экологических проблем очевидной приверженности стран устойчивому развитию недостаточно. Результаты научных исследований свидетельствовали о том, что почти все значимые глобальные показатели продолжали ухудшаться. Данные изменения проявляются на фоне обострения экономических проблем. Издержки и ограничения, диктуемые экологическими программами, находятся в противоречии с целями роста ВВП и обеспечением занятости. Исторические аспекты концепции «зеленого» роста проанализированы в статье Е. А. Демидовой [6].

Идея устойчивого развития включает целый ряд нечетко определенных целей. Концепция «зеленого» роста выступает в качестве альтернативы традиционной экологической политике. Как и концепция устойчивого развития, она стремится показать, что охрана окружающей среды не должна осуществляться в ущерб процветанию.

Однако в отличие от теорий устойчивого развития, она акцентирует внимание на проблемах экономического роста. Концепция «зеленого» роста исходит из идеи том, что защита окружающей среды может привести к экономическому росту. Это означает, что экономический рост возможен даже при значительном снижении воздействия на окружающую среду. «Зеленый» рост является не только идеалом, но несет в себе требование теоретического обоснования и практической реализации этого положения.

История индустриализации свидетельствует о том, что экономический рост сопровождается экологическим ущербом – от истощения ресурсов до изменения климата.

Эта взаимосвязь нашла выражение в математической зависимости, выведенной Джоном Холдреном и Полом Эрлихом в 1970-х годах. Ученые установили, что воздействие на окружающую среду зависит от трех параметров: численности населения, уровня потребления и технологий.

Уравнение показывает, что при росте численности населения и роста потребления воздействие на окружающую среду неизбежно возрастет, если темпы технического прогресса не будут достаточными для его преодоления.

Если в течение определенного периода, скажем, пятидесяти лет, население удвоится, а потребление увеличится вчетверо (что произойдет при ежегодном совокупном темпе роста не более чем на 3 %). В этом случае «экологическая продуктивность» технологии должна будет увеличиться в восемь раз, чтобы предотвратить экологический ущерб. А для достижения параметров «устойчивого» уровня, необходимы еще большая продуктивность технологий [1].

Но, последующий анализ показал, что такие достижения возможны. Они связаны с использованием возобновляемых ресурсов и новых материалов, повышением производительности труда в промышленности, с переработкой отходов, устойчивыми методами сбора урожая. Опыт внедрения технологий «зеленого» роста проанализирован в статье А. А. Гусева [5]. При этом экономика должна стать менее «материальной» и более «интеллектуальной».

Эти аргументы дают теоретическое основание для утверждения, что экономический рост может базироваться на снижении экологического ущерба. Современная концепция «зеленого» роста должна обеспечить два важных условия. Во-первых, затраты на борьбу

с экологическим ущербом не должны снижать естественные темпы роста экономики. И во-вторых, затраты на ликвидацию экологического ущерба должны быть выше, чем затраты на превентивные меры.

С 2008 г., когда сам термин стал использоваться, его сторонники выдвинули гораздо более непосредственные претензии. Охрана окружающей среды не только совместима с продолжающимся экономическим ростом, но и может положительно способствовать ему. Политика, направленная на то, чтобы сделать экономику более экологически чистой, не только не замедляет ее развитие, но и может стать движущей силой роста производства и уровня жизни. Государства могли бы сделать это в относительно краткосрочной перспективе, а не только в долгосрочной, отмечает М. Джекобс [2].

В течение последних нескольких лет для обоснования и объяснения этого утверждения использовались три различных вида аргументов и доказательств, каждый из которых опирался на различные экономической теории. Первоначальные аргументы в пользу «зеленого» роста, выдвинутые после финансового кризиса 2008 г., были в основном краткосрочными. Экономические системы, которые пережили кризис, могут получить стимул к росту за счет мер, направленных на улучшение окружающей среды. К ним относятся: энергоэффективность, возобновляемые источники энергии, улучшение качества воды, управление сельским хозяйством и ландшафтом, общественный транспорт и борьба с загрязнением окружающей среды и т. д. Данные сферы способствуют повышению спроса на широкий спектр товаров и услуг, а также росту занятости. Зарубежный опыт экологических инвестиций проанализирован в статье Е. А. Борковой [3].

Основным аргументом, использованным для обоснования этих мер, был кейнсианский аргумент о том, что в условиях экономического спада правительства должны поддерживать совокупный спрос в экономике, заменяя утраченный спрос частного сектора государственными расходами. Это порождает дальнейший рост доходов и занятости. Расходы государства не обязательно должны быть экологичными. Однако вложения в экологию оказывают положительное влияние не только на состояние окружающей среды, но также на качество жизни населения, поэтому обладают особыми преимуществами. Приоритетными являются расходы в тех областях, в которые рано или поздно потребуются вводить инновационные технологии с учетом экологических критериев, например, замена устаревших электростанций или модернизацию линий электропередач. Вложения в модернизацию устаревших отраслей хозяйственной деятельности перераспределят вложения запланированных инвестиций из отдаленного будущего в обозримое настоящее. Подобные аргументы могут быть применены как к «коричневым» или неэкологическим расходам, так и к «зеленым».

Пользу расходов на экологических нужды некоторые ученые обосновывают исходя из аргументов увеличения рабочих мест. Многие экологические меры являются трудоемкими, и поэтому дают больший рост занятости, чем другие меры. Например, чтобы сделать здания более энергоэффективными, можно нанять большое количество рабочих, распределенных на обширных территориях.

Большая часть расходов на охрану окружающей среды приходится на различные виды строительства и управления ресурсами (ветряные турбины, солнечные батареи, сельскохозяйственное и водное хозяйство). Эти виды хозяйственной деятельности сосредоточены на определенных территориях, поэтому способствуют занятости местного населения. Повышение энергоэффективности (и других форм ресурсоэффективности) является экономией затрат, высвобождая ресурсы для других целей.

Второй аргумент в пользу того, что улучшение состояния окружающей среды может положительно способствовать экономическому росту, основан на экономической теории, которая объясняет, как происходит рост. Экономическая деятельность является результатом объединения факторов производства: труда, физического капитала, технологии и человеческого капитала. Рост производства происходит, когда эти факторы увели-

чиваются либо в абсолютном размере, либо в производительности. Различные формы капитала со временем обесцениваются. Этому противодействует рост производительности труда, а также инвестиции в усовершенствование технологии, а также вложения в качество рабочей силы (образование, здравоохранение). Если темпы и формы инвестиций достаточны, то результатом будет экономический рост, утверждает М. Джекобс [2].

Таким образом, теория зеленого роста исходит из положения, что природная среда является фактором производства. Окружающая среда действует как форма капитала тремя способами: она обеспечивает ресурсы, ассимилирует отходы, и поддерживает условия жизнедеятельности людей, включая климатическое регулирование и здоровье экосистем. Этот фактор был недооценен как в экономической теории, так и на практике, он рассматривается как бесплатный дар природы. Многие функции окружающей среды рассматриваются как общие или коллективные блага. На них не распространяются права собственности, присущие другим факторам производства. Факторы окружающей среды трудно оценивать с экономической точки зрения.

Стандартная экономическая концепция для описания этого явления – это концепция «провала рынка». Решения в области производства и потребления, принимаемые экономическими субъектами, искажаются, поскольку не принимают во внимание оценку окружающей среды. Природные ресурсы, как правило, чрезмерно эксплуатируются, такие ресурсы, как энергия и материалы, используются неэффективно, отходы загрязняют окружающую среду. Благоустройство, культурная ценность природных ландшафтов недооцениваются.

Во всех этих отношениях теория «зеленого роста» утверждает, что нынешние модели экономического роста являются неоптимальными. Они неправильно распределяют ресурсы между различными факторами производства. Основной недостаток в том, что современное производство недостаточно инвестирует в природный капитал и поддерживает виды хозяйственной деятельности, которые приводят к его деградации. Во многих странах субсидируется эксплуатация использования природных ресурсов. В частности, М. В. Терёшина, М. В. Онищенко проанализировали управленческие барьеры, которые препятствуют «зеленому» росту в нашей стране [8].

Несмотря на экономические и политические противоречия, сторонники «зеленого» роста утверждают, что ряд экологических мер и стратегий не может способствовать росту экономики. Если в будущем стоимость возобновляемых источников энергии будет сопоставима с затратами на ископаемое топливо, эти прошлые затраты можно рассматривать как инвестиции, которые привели к будущему росту. Оценка экологической политики в значительной степени зависит от периода времени, в течение которого она рассматривается. Именно этот фактор определяет значимость компромисса между затратами и выгодами для роста.

В пользу «зеленого» роста высказывают утверждения, что экологическая политика создает значительное число новых рабочих мест в экологических отраслях. Выполнение высоких экологических стандартов создает у населения потребности в новых продуктах и услугах (энергоэффективное оборудование, борьба с загрязнением окружающей среды, технологии, инженерные услуги и т. д.).

Создание «зеленых» рабочих мест, зависящих от экологической политики, непосредственно не связана с экономическим ростом. Аргументы в пользу «зеленого роста» состоят в том, что страны, проводящие жесткую экологическую политику, дают отечественным фирмам экологического сектора преимущество перед фирмами других стран. Стимулирование «зеленых» инноваций способствует разработке товаров и услуг, которые дают им конкурентные преимущества.

Сравнительными преимуществами в международной торговле, полученными некоторыми предприятиями за счет экологических инноваций, не могут воспользоваться все субъекты рынка. В этом смысле «зеленые инновации» не могут рассматриваться как универсальное средство для глобального «зеленого» роста.

Аргумент в пользу «зеленого» роста состоит в том, что улучшение состояния окружающей среды рассматривается не только как возможный фактор экономического роста, но и как один из его основных двигателей. Экологическая политика рассматривается как начальный этап новой промышленной революции.

Концепции «зеленого роста» являются предметом обсуждений и критики в международных учреждениях, а также в академических и политических кругах с 2008 г. На сегодняшний день сильная экологическая политика по-прежнему рассматривается в основном как тормоз роста, а не его движущая сила.

Теоретические размышления о стратегиях «зеленого роста» не могут решить вопрос о том, будут ли они в действительности эффективными. Вероятно, что некоторые экологические стратегии будут способствовать росту, но другие будут действовать как сдерживающие факторы. Это может быть обусловлено характером рассматриваемой экологической проблемы, поставленными задачами или эффективностью инструментов экологической политики. Таким образом, нет общего вывода о том, что зеленый рост возможен или невозможен. Это будет зависеть от того, о каком зеленом росте идет речь. Аргументы в пользу «зеленого» роста зависят от длительности периода экономического планирования. Если рассматривать короткий период, то издержки экологической политики кажутся огромными, а выгоды от ее реализации неопределенными. В долгосрочной перспективе потенциал технологических инноваций для снижения издержек и стимулирования роста становится все более значимым. По мере истощения ресурсов, загрязнения и разрушения экосистем, экономические издержки по защите окружающей среды достигают критических значений. Это ситуация меняет оценку перспектив «зеленого» роста.

Литература

1. Holdren J. P., Ehrlich P. R., Ehrlich A. H. *Ecoscience: Population, Resources, Environment*. San Francisco 1977. 1029 p.
2. Jacobs M. *Green Growth: Economic Theory and Political Discourse* // “Green Growth”. In R Falkner (ed). *Handbook of Global Climate and Environmental Policy*. Oxford : Wiley Blackwell, 2013. 24p.
3. Боркова Е. А. Политика устойчивого развития и управление «зеленым» ростом // *Известия СПбГ-ЭУ*. 2020. № 1 (121). С. 16–22.
4. Булгакова Ю. В., Набок С. Д. Взаимобусловленность понятий «зеленая» экономика, «зеленый» рост и устойчивое развитие // *МНИЖ*. 2017. № 5–1 (59). С. 89–91.
5. Гусев А. А. Переход к политике «зеленого» роста экономики // *ЭНСР*. 2016. № 2 (73). С. 27–35.
6. Демидова Е. А. История концепции «зеленого» роста // *Эпоха науки*. 2019. № 19. С. 50–52.
7. *Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности*. Обобщающий доклад для представителей властных структур. ЮНЕП. 2011. URL: http://old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf (дата обращения: 30.09.2020).
8. Терёшина М. В., Онищенко М. В. Политико-управленческие барьеры «Зеленого» роста в Российской Федерации // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2015. № 3. С. 50–74.

РАБОЧИЙ КЛАСС В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: ВЫЗОВЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА¹

Рассматриваются проблемы, связанные с изменением положения рабочего класса в глобальном масштабе на этапе перехода к постиндустриальному обществу. На основании анализа идей Э. Балибара, Ж. Болтански и Э. Кьяпелло, И. Валлерштайна аргументируется, что утверждения теоретиков позднего модерна и постмодерна о распаде классовой структуры современных обществ не соответствуют действительности.

Ключевые слова: рабочий класс, классовый анализ, классовая структура, постиндустриальное общество.

T. V. Gavrilyuk

Industrial University of Tyumen, Tyumen

THE WORKING CLASS IN A GLOBAL CONTEXT: CHALLENGES OF A POST-INDUSTRIAL SOCIETY

The article is aimed to examine the change in the position of the working class on a global scale at the stage of transition to a post-industrial society. Based on the analysis of the ideas of E. Balibar, L. Boltanski and E. Chiapello, I. Wallerstein, it is argued that the statements of the late modern and postmodern theorists about the disintegration of the modern societies class structure do not correspond to reality.

Keywords: working class, class analysis, class structure, post-industrial society.

Переход к постиндустриальной стадии общественного развития заново поставил вопрос о классовой структуре современных обществ. Процесс деиндустриализации западных стран, расширение пространства потребления как поля для формирования жизненных стилей, цифровизация и развитие новых медиа изменили представления о макро-социальных общностях, границы которых стали не столь очевидны. В 1990-е ряд авторов утверждал распад классовой структуры общества ввиду утраты рабочими классовой идентичности, снижения уровня социальной напряженности и преобладания консенсусного типа взаимодействий в трудовых отношениях [6; 7]. Марксистская категория эксплуатации была заменена нейтральным понятием «социальное исключение», что позволило уйти от обвинительного дискурса и переопределить классовые отношения, сосредоточившись на нехватке определенных ресурсов у «исключенных» как следствия их индивидуальной жизненной ситуации.

Тем не менее, несмотря на непопулярность темы, ряд ведущих социальных теоретиков не утратили интереса к классовой проблематике, сконцентрировав усилия на исследовании трансформации социальных характеристик и положения рабочего класса в постиндустриальной капиталистической экономике. Они подчеркивали, что, несмотря на существенные изменения культурного пространства и изменения в трудовых отношениях, классовый антагонизм не просто не исчез, а переместился в пространство глобальных властных диспозиций. Важнейшим аспектом стала глобальная функциональная дифференциация национальных государств, часть из которых превратилась в глобальные производственные центры. Концентрация промышленности в развивающихся странах ухудшила положение местного рабочего класса и породила новые формы эксплуатации в глобальном масштабе.

Представитель альтгоссерианской школы неомарксизма Э. Балибар описывает классовую дифференциацию в терминах гегемонии правящих классов. Фундаментом этой гегемонии является возможность организовывать трудовой процесс и оказывать культурное влияние посредством идеологии, тяготеющей к универсализму и преобразующей человеческую индивидуальность. По мысли автора, господствующая идеология укореня-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 17–78–20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

ется в сознании масс благодаря необходимости создания общего «идеологического мира» для эксплуататоров и эксплуатируемых, невзирая на фундаментальный антагонизм их классовых интересов. Ее универсализм в современных обществах однако сопровождается сохранением дискриминационных иерархий, таких как расизм и сексизм [1, с. 14–19].

Говоря о влиянии глобализации на классовобразование, Э. Балибар проводит различие между классическим марксистским определением «мировой буржуазии» как институционально организованного, единого и солидарного господствующего класса и современным «мировым классом капиталистов», возникновение которого является следствием расширения процесса накопления и конкурентной борьбы на мировой уровень. При этом автор подчеркивает, что не существует идеальных типов классов, но есть процессы «пролетаризации» и «обуржуазивания», каждому из которых присущи собственные внутренние конфликты. Формы социальных отношений устанавливаются не между замкнутыми классами, а пересекают их. В частности, отношения конфликта подразумевают не только межклассовый антагонизм, но и наличие классовой борьбы внутри самого рабочего класса. В числе важнейших проблем, провоцирующих напряженность как между классами, так и внутри рабочего класса, автор называет институционализированный расизм. Его массовые политические предпосылки и следствия оказывают деструктивное влияние как на «пролетарские нации» стран Третьего мира, так и на новый рабочий класс Западной Европы [1, с. 14–23]. Антимигрантский расизм сегодня, по его мысли, отождествляет одновременно как классовую позицию, так и этничность. Э. Балибар не поддерживает точку зрения, согласно которой расизм есть идеология, навязанная рабочему классу извне с целью разрушения классового сознания. Он полагает, что присутствует внутренний конфликт между национализмом и классовой идеологией в самом рабочем классе и его организованных объединениях [1, с. 235–236].

Государство, являясь ключевым агентом трансляции идеологии, участвует в процессе конституирования классов. Оно играет решающую роль в процессе товаризации рабочей силы и пролетаризации труда путем нормативного регулирования, политики импорта и экспорта рабочей силы, мобилизации рабочего класса и др. [1, с. 196]. Автор также обращает внимание на алармистский дискурс, близкий современным дискуссиям о прекариате [5]. Он подчеркивает, что наклеивание ярлыков девиантности к рабочему классу, формирование представления о его социальной опасности и расистские определения «природы» его представителей (бездуховность и аморализм, врожденная склонность к пороку, сексуальная распущенность, телесная ущербность, нечистоплотность и т. д.) было исторически свойственным французскому обществу [1, с. 238]. Таким образом, теоретик утверждает, что, несмотря на ранние оптимистичные прогнозы о скором преодолении социального неравенства, валоризация капитала в мировом масштабе предполагает сосуществование и наращивание всех существующих прежде форм эксплуатации, в том числе самых архаичных (например, неоплачиваемый детский труд) и тяжелых (условия труда, близкие к рабству). Причем деструктивная эксплуатация рабочей силы происходит не только в странах Третьего мира, но и в развитых западных странах под действием миграционных политик, следствием чего является и расовая дискриминация. Из этого вытекает поляризация пролетариата в современных развитых национальных государствах. Социально защищенная часть рабочего класса, обладающая такими привилегиями, как доступ к широкому потребительским благам, массовое образование и социальные гарантии, через механизм перераспределения прибыли получает выгоду за счет эксплуатации наиболее депривированной его части – нелегальных мигрантов. Кроме того, внутри рабочего класса присутствуют и другие барьеры, сегментирующие его – этнические, гендерные, межпоколенные. Поэтому категория «мировой пролетариат» представляется автору еще более иллюзорной, чем «мировая буржуазия» [1, с. 202–203]. Тем самым, рабочий класс, по его мысли, «представляет собой одновременно гетерогенную и изменчивую народную массу, по определению не обладающую строгими «границами»,

поскольку таковые зависят от непрекращающихся трансформаций трудового процесса и процесса движения капитала» [1, с. 241].

Ключевым тезисом создателя мир-системного анализа И. Валлерштайна, высказанным еще в его работах 1970-х, было то, что капиталистическая система как форма мирового разделения труда сложилась раньше, чем национальные формы капитализма, и именно буржуазная миросистема породила национальные государства Европейского типа, сложившиеся к концу XVII в. Процесс постоянной экспансии мирового капитализма на основе неэквивалентного обмена формирует структуру осевого разделения труда на центр и периферию, т. е. ядро приобретает при обмене часть прибыли, а периферия ее теряет. Ключевую роль в установлении экономических иерархий играют сильные государственные институты стран ядра, одной из задач которых являлось ослабление государственных институтов стран периферии (например, навязывать им необходимые формы труда, которые находятя внизу экономической системы) [8, с. 32]. Тем самым, автор показывает, что исход классовой борьбы определяется местом в мировом капиталистическом порядке. Как и Э. Балибар, он обращается к проблемам институционализированной дискриминации, демонстрируя, что расизм и сексизм функциональны для капиталистического способа производства и встроены в саму его структуру. Длительное рекрутирование необходимого числа работников за меньшую плату, чем они заслуживают, не только способствует росту прибыли, но и приводит к воспроизводству сообществ людей, привыкших к исполнению определенных социальных ролей. Данная идеология тем самым легитимирует структурно закрепленное социальное неравенство, не связанное с индивидуальными заслугами и усилиями [1, с. 45]. Валлерштайн исследует механизм так называемого «неравного обмена», определяющий глобальное присвоение прибавочной стоимости, когда в результате вмешательства государственных организаций увеличивается поле рыночной свободы для буржуа стран-лидеров. Он предлагает переосмыслить методологию М. Вебера [3], рассматривая классы, статусные группы и партии не как три автономных образования, а как различные формы одной и той же реальности. В таком случае, по его мысли, стоит обратить внимание на условия, при которых тот или иной слой воплощает себя как класс, статусная группа или партия. Солидаризируясь с марксизмом, автор полагает, что классовое сознание выходит на авансцену только в период революционной ситуации, а не в моменты технологических и экономических изменений, как думал Вебер.

Л. Болтански и Э. Кьяпелло на основе методологии прагматизма исследуют изменение идеологии на новом этапе развития капитализма. По мысли авторов, одним из принципиальных моментов стабилизации на этапе формирования современного типа капиталистической системы являлось поддержание культурно приемлемого баланса разрыва между социальным положением и образом жизни управленцев и рабочих [2]. Они констатируют, что на современном этапе легитимация капитализма находится в глубоком кризисе. Эту форму морального оправдания они рассматривают в двух ракурсах: как индивидуальное моральное оправдание и как основание общего блага. Все формы легитимации капитализма призваны сдерживать процесс накопления капитала, уравновешивая позиции социальных классов с точки зрения представлений о справедливости. Они выделяют три этапа в динамике этоса капитализма: описание первого сложилось к концу XIX в.: прогрессистская, ориентированная в будущее, технократическая модель социального развития, в центре которой фигура предпринимателя и буржуазные ценности. Для рабочих эта форма легитимации капитализма позиционировалось как искоренение форм личной зависимости, освобождение от влияния местных сообществ, семьи, земли. Вторая версия «духа капитализма» утверждается в 1930–1960-е гг. и центральным ее элементом становится крупное промышленное предприятие. Рабочим предлагалась возможность удовлетворить все их материальные потребности посредством массового производства и потребления, чувства защищенности и стабильности, а также перспектива карьерного

роста, доступа к властным полномочиям. Подобная идеология социальной справедливости требовала чувства институциональной, а не классовой солидарности, что значительно ослабило классовую борьбу. С распадом различных форм социального государства, эта идеология потеряла свой мобилизационный потенциал. В 1990-е гг., на момент написания книги, происходит становление нового, третьего «духа капитализма», который связан с его глобальной высокотехнологичной формой [2, с. 58–60]. Авторы рассматривают современный неоменеджмент, который развивает тонкие механизмы контроля над разными категориями работников – от менеджеров высшего звена до рабочих. Разнообразие рабочей силы порождает необходимость разработки более детализированных идеологических и управленческих форм: т. е. сегодня «по-разному контролируют рабочих, получивших образование, рабочих первой волны эмиграции или выходцев из сельской местности» [2, с. 159]. В традиционных моделях менеджмента 1960-х предприятия берет на себя социальную роль, рационализируя свои нужды в терминах прогресса, а рабочим предоставляя гарантированное удовлетворение их нужд в качестве защиты от «красной угрозы» – коллективного действия, продиктованного коммунистической идеологией. В 1990-е возникают новые формы электронной дистанционной коммуникации, упраздняющие структуры традиционной бюрократии. На смену идее карьерного роста приходит идея личного совершенствования путем вовлеченности во множество последовательных проектов [2, с. 182], гарантированная занятость сменяется меритократической конкуренцией, основанием которой является совокупность личных компетенций каждого отдельного работника. Тем не менее, контингентный мир сетей с его отсутствием четких инструкций и рекомендаций, размывает и критерии оценки данных компетенций, зачастую смещаясь от субстанциональных профессиональных качеств человека к отношенческому, эмоциональным качествам, умению налаживать и использовать связи [2, с. 282].

Такая логика меняла способ восприятия и описания социальной дифференциации. Постмодернистская критика, акцентировав мобильность, текучесть «номадов» в пространствах открытых сетей [4] элиминирует границы между произведенными в предыдущих социальных структурах порядками, в том числе, границы между классами. Ряд авторов полагал, что «класс» как традиционная социологическая категория унаследована нами из XIX в. и в современных открытых обществах необходимо выработать новый понятийный ряд. Агрегирующие категории и статистическое выявление тенденций исходя из сегментации индивидов на основании принадлежности к подобным искусственно созданным общностям, по мысли авторов, противоречат новым эмпирическим данным, акцентирующим влияние случайности в развитии человеческих обществ [9, с. 733]. Тем не менее, реальность не подтвердила идеи теоретиков позднего модерна и постмодерна 1960–1970х гг. Все рассмотренные нами авторы подчеркивают не просто сохранение классовых структур, но и их усиление к концу XX в. за счет внутреннего разобщения и сегрегации рабочего класса: «Двадцать лет систематического отбора, в течение которых оказывались отстраненными от работы, всякий раз как возникала возможность какого-то выбора, наименее «мобильные», наименее «приспособляемые», наименее «дипломированные», «слишком старые», «слишком молодые», «выходцы» из Северной Африки, «черной» Африки и т. д., привели нас к современной ситуации, отмеченной, как мы видели, все более и более явным разделением трудовых ситуаций между теми, кто пользуется некоторым обеспечением... и теми, кто, будучи обречен на ненадежность ситуации и невысокие зарплаты, видят, как каждый день уменьшаются их возможности получить постоянную работу, и приходят к отчаянию и насилию [2, с. 421–422].

Таким образом, анализ работ ведущих теоретиков конца XX в. показал обоснованность их выводов и прогнозов. Дискурсивное конструирование классов через законодательно закрепленные номенклатуры социопрофессиональных категорий сводит на нет классовые различия, именуя рабочих «менеджерами» и «операторами» при отсутствии у них каких-либо реальных функций контроля. Развитие капитализма разрушило опору

классовой идентичности. Распад профсоюзного движения (в особенности это касается рабочих сервисной сферы, при формировании которой профсоюзы сознательно устранились), деконструкция исторически сложившихся категорий наименования классовых общностей, перевод неквалифицированных рабочих мест в страны с более низкой зарплатой и экстернализация найма сыграли первостепенную роль в этом процессе. Индивидуализация трудовых ситуаций (зарплата по эффективности, конкуренция и соревновательность между работниками, развитие системы премиальных) привели к разрушению рабочей солидарности, сделав рабочий класс легко управляемым, в особенности с учетом растущих технологических возможностей контроля и надзора. Усугубляет ситуацию имплицитный расизм и сексизм рабочего класса, который оказывается выгоден в капиталистической системе, так как позволяет сократить расходы на заработную плату. Труд рабочих в постиндустриальном обществе не исчезает, а переносится в сферу услуг и на предприятия меньшего размера. Развивающиеся же страны превратились в крупнейшие производственные центры, тем самым положение местного рабочего класса ухудшилось, возникли новые формы классового подавления в глобальном масштабе.

Литература

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, Ессе Ното, 2003.
2. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
3. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
5. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад.Маргинем Пресс, 2014.
6. Beck U. Risk society. London: Sage Publications, 1992.
7. Pakulski J., Walters M., The Death of Class. London: Sage, 1996.
8. Wallerstein I. Historical capitalism. L.; N. Y.: Verso, 1989.
9. White H. C., Boorman C. A., Breiger R. L. Social Structure from Multiple Networks. I. Blockmodels of Roles and Positions // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 81, N 4. P. 730–780.

УДК 316.4.063.6

И. Е. Левченко

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ СМЕРТИ КАК ФАКТОР, ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

С позиций социологического подхода рассматривается феномен социальной смерти как фактора, дестабилизирующего общественное развитие. Выделяются различные виды и уровни социальной смерти, способствующие возникновению и распространению социальной напряженности. Обосновывается, как ослабление института семьи, одиночество личности, усиление дискриминации, гражданская и политическая смерть, безработица и духовная смерть оказывают деструктивное влияние на социальные процессы.

Ключевые слова: социальная смерть, дестабилизирующий фактор, дискриминация, безработица, общественное развитие.

I. E. Levchenko

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

THE PHENOMENON OF SOCIAL DEATH AS A FACTOR THAT DESTABILIZES SOCIAL DEVELOPMENT

The article considers the phenomenon of social death as a factor that destabilizes social development from the standpoint of a sociological approach. Various types and levels of social death that contribute to the emergence and spread of social tension are identified. The author shows how the weakening of the family institution, loneliness of the individual, increased discrimination, civil and political death, unemployment and spiritual death have a destructive impact on social processes.

Keywords: social death, destabilizing factor, discrimination, unemployment, social development.

Социальную смерть можно рассматривать как своеобразный период бытия социального субъекта, во время которого он (само)устраняется от участия в жизни общества и/или социальной общности [7]. Это состояние обуславливается влиянием объективных и субъективных факторов (рис.).

Рис. Феномен социальной смерти

Рассмотрим дестабилизирующую роль социальной смерти на разных уровнях. Обратимся к семье, так, П. Бурдьё справедливо указывал: «...родственные связи – это что-то, что делается и с чем делают что-то», – и, придерживаясь контовской традиции, подчеркивал – «...сами отношения между предками и потомками существуют и длятся лишь благодаря непрерывной работе по их поддержанию», «существует экономика материальных и символических обменов между поколениями» [2, с. 323].

Безусловно, за тысячелетия развития человеческой цивилизации сложность родственных связей несколько не уменьшилась – произошла лишь их модификация. Вполне обоснованным представляется вывод, сделанный классиком феминистской антропологии Г. Рубин: «Системы родства – это не только обмен женщинами, но и обмен доступом к сексуальным отношениям, генеалогическими статусами, родословными и именами, предками и правами, но главное – людьми: мужчинами, женщинами и детьми в пределах определенных социальных систем» [13, с. 107].

Начиная с XX в. институт семьи подвергается многочисленным испытаниям. Во внутрисемейной среде важнейшим среди них стал отказ от «детоцентризма». Проблема заключается в следующем: установка на брачного партнера, на любовь в семье привела к тому, что в структуре семейных отношений доминантными становятся брачные ценности и уменьшается ценность родительства и родства, что отражает процесс индивидуализации, возрастания ценности личной жизни.

Влияние внешней среды также стимулирует «слом» семьи, что обусловлено спецификой протекания социальных процессов в развитых странах мира: возрастанием угрозы безопасности общества, политическими пертурбациями, противоречиями экономического развития, дегуманизацией ценностных ориентиров, криминализацией, декомпозицией социальной структуры и другими негативными переменами. Результатами данных про-

цессов являются превышение смертности над рождаемостью, распространение алкоголизации, наркомании и СПИДа, значительное число незарегистрированных браков, внебрачных рождений, социальных сирот и приверженцев childfree и др.

Кризисное российское общество продуцирует множество дополнительных стрессоров, угрожающих стабильности семьи: потеря или смена работы, изменение места жительства, неразрешимость жилищной проблемы, риск и перенапряжение, связанные с предпринимательской деятельностью, снижение уровня доходов, девиантное поведение супруга и др. [3, с. 98].

Во многом деструкция родственных связей «создается» уже в самом семейном континууме – малоквалифицированное семейное воспитание не в состоянии качественно подготовить к достойному исполнению многообразных семейных ролей [9]. Симптоматично, что гендерная асимметрия способствует ослаблению взаимной поддержки членов семьи. Л. Л. Рыбцова отмечает, что в трудные периоды жизни россиянки ищут опору, прежде всего, в самих себе, рассчитывают и полагаются на собственные силы и возможности. Достаточно большое их количество в такие моменты никогда не обращается к своим близким – отцу, детям, матери, мужу [14, с. 120–121].

Нередко дестабилизация брачно-семейных отношений завершается разводом. По сути, развод представляет собой одновременно финал периода дезорганизации супружеской жизни, накопленных обид и конфликтов, и пролог новых отношений. Безусловно, что развод наносит вред личности, семье, обществу, психологическая травма от него занимает второе место после утраты умершего близкого родственника, ударяет по имиджу брака и его социальной ценности [5, с. 131]. Достаточно часто развод влечет за собой прекращение отношений между бывшими супругами, детьми и родственниками. Одним из подтверждений тому являются данные Федеральной службы судебных приставов: на конец 2019 г. неплательщики алиментов в России задолжали 152 млрд Р [20].

Социальная смерть на микроуровне иногда бывает следствием глубокого одиночества индивида. Д. Перлман и Л. Э. Пепло выделили основные теоретические подходы к проблеме одиночества [11]: психодинамический, феноменологический, экзистенциальный, социологический, интеракционистский, когнитивный, «интимный» и общесистемный. В силу междисциплинарности предмета изучения, данные подходы являются взаимодополнительными.

Очевидно, что достижения постиндустриальной цивилизации способствуют возникновению и распространению феномена социальной смерти. Например, в условиях пандемии из-за чрезмерного увлечения виртуальным миром возрастает риск того, что индивид «уйдет» из социума, так как персональный компьютер заменяет ему «роскошь» живого общения.

Можно согласиться с выводами, сделанными Н. Е. Покровским и Г. В. Иванченко: «При всем разнообразии определений одиночества, часто противоречащих друг другу, можно выделить их общую основу: а) одиночество – результат дефицита качественных социальных связей и общения; б) одиночество – внутренний, субъективный опыт, который вовсе не тождествен объективной социальной изоляции; в) чаще всего одиночество является тягостным, негативным состоянием для человека, и лишь немногим удается переживать его как совершенное состояние уединенной самодостаточности, состояние творца, мудреца, отшельника» [12, с. 14].

Социальное исключение индивидов и групп на макро-, мезо- и микроуровнях нередко выступает следствием негативного отношения со стороны окружающих людей. Г. Олпорт выделил пять проявлений предубеждений: 1) негативные высказывания и оскорбления; 2) избегание контактов и социальная изоляция объектов предубеждений; 3) их дискриминация; 4) физическое насилие по отношению к ним; 5) их уничтожение [17]. По мнению американского психолога, религиозные, этнические или расовые меньшинства становятся «мальчиками для битья» и «козлами отпущения». Приписывая им той

или иной «вины» объясняется по-разному – историческими, социокультурными, экономическими, ситуационными, психогенными и «репутационными» причинами.

Особую опасность для развития общества представляет феномен гражданской смерти. На основе синтеза институционального и социокультурного подходов И. Б. Фан разработала теоретическую модель феномена гражданина, которая включает три измерения: 1) институциональное (формальное, структурное); 2) ментальное (содержательное); 3) личностное [15]. С ее точки зрения, структуру трех основных измерений модели гражданина определяет комплекс бинарных оппозиций: свои/чужие; господство/подчинение; эгалитарное/элитарное; публичное/частное; открывание/закрывание; самоорганизация/организация; включение/исключение; участие/неучастие.

Но, как точно заметил Г. Маркузе, «для определения степени человеческой свободы решающим фактором является не богатство выбора, предоставленного индивиду, но то, что может быть выбрано и что действительно им выбирается» [8, с. 10]. В связи с этим эвристичным представляется определение гражданской идентичности, предложенное Н. Ю. Кравченко: «социально обусловленное позиционирование индивида в гражданской сфере в конгруэнтном соотношении, целостности “Я-телесного”, “Я-психического” и “Я-рационального”» [6, с. 15].

Умаление и лишение гражданской идентичности зачастую обусловлено дискриминацией. Под последней понимается «процесс, посредством которого член(ы) социально определенной группы воспринимается(ются) по-другому (в частности, с неудовольствием) из-за его (их) принадлежности к данной группе» [4, с. 182], в результате этого процесса субъект(ы) оказываются в «невыгодном положении» [1, с. 239] (табл.).

Одним из проявлений гражданской смерти на макроуровне выступает рабство, разрушающее основы цивилизационного развития. Мировое сообщество в лице ООН последовательно прикладывает усилия для повсеместной ликвидации всех форм рабства, принимая соответствующие юридические документы: «Конвенцию о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами» (1949), «Дополнительную Конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством» (1956), «Конвенцию об упразднении принудительного труда» (1957) и др. Однако пережитки рабства встречаются и поныне на постсоветском пространстве и в некоторых других регионах планеты.

Таблица

Виды дискриминации

№	Критерий	Вид
1	Проявление	Явная, скрытая
2	Закон	Легальная, неофициальная
3	Воздействие	Прямая, косвенная
4	Направление	Отрицательная, положительная
5	Сфера	Жилищная, трудовая, экономическая, образовательная, правовая, политическая и др.
6	Объект	Возрастная, расовая, этническая, гендерная, сексуальная, религиозная и др.

В той или иной степени гражданская «полусмерть» присуща пенитенциарным учреждениям. Во всем мире тюрьмы как «тотальные институты» (И. Гоффман) представляют собой жестко иерархические системы. При этом специалисты указывают, что в отечественных местах лишения свободы ситуация тяжелее, нежели за рубежом. А. Н. Олейник констатирует: «Отказ признать за заключенными базовые права человеческого сообщества дает надзирателям своеобразную индульгенцию, развязывающую их руки по отношению к “контингенту”. Издевательства, оскорбления, побои, рэкет становятся приемлемыми для надзирателей в их отношениях с “чужими”, т. е. с заключенными» [10, с. 134]. Применение этих противоправных практик усиливает социальную напряженность, провоцирует тюремные бунты.

Необходимо учитывать тесную взаимосвязь между гражданской и политической смертью. Так, в (пост)современном обществе происходит рост социальной мобильности и увеличение притока мигрантов в развитые страны мира. Определенная их часть до конца дней своих не в силах избавиться от собственной маргинальности: они не могут преодолеть языковой барьер, наладить полноценные контакты со старожилами, стать частью нового для них мира. Статус (полу)нелегалов, невозможность получения гражданства страны пребывания, угроза высылки на историческую родину и т. п. усугубляет тяжесть их положения. Хотя часть молодого поколения мигрантов натурализуется, но, отвергая ценности мультикультурализма, многие из них выбирают радикальные средства борьбы для самоутверждения. Дальнейшая судьба «мятежников» – тюрьма за нарушение общественного порядка, впоследствии – поиск своего нового места во враждебно настроенном социуме.

Экономическая жизнь общества включает в себя процессы производства, обмена, распределения и потребления товаров и услуг. На макроуровне одним из наиболее распространенных видов экономической смерти является безработица. Отметим, что имеющиеся определения безработицы фиксируют следующее: 1) она имеет социально-экономическую природу; 2) это состояние (явление) отличает процессуальный характер; 3) безработные трактуются как незанятая часть экономически активного населения; 4) они рассматриваются как «лишние» люди; 5) им необходимо оказывать социальную помощь.

Согласно информации Росстата, в октябре 2020 г. по предварительным итогам выборочного обследования рабочей силы, «4,7 млн человек в возрасте 15 лет и старше, или 6,3 % рабочей силы классифицировались как безработные (в соответствии с методологией Международной организации труда). При этом зарегистрированы в качестве безработных в органах службы занятости населения 3,5 млн человек, в том числе 1,7 млн человек получали пособие по безработице» [21].

Среди негативных социальных последствий безработицы можно выделить: сокращение трудовой активности, декартификация, пауперизацию, снижение жизненного уровня, увеличение социальной дифференциации, усиление социальной напряженности, рост количества физических и душевных заболеваний, обострение криминальной ситуации и др.

При этом безработица неизбежно стимулирует рост экономических смертей, возникающих вследствие бедности, которая может рассматриваться как состояние: а) нужды (абсолютной бедности); б) экономической зависимости; в) неравенства (относительной бедности) [16]. По предварительным данным за 2019 г. численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составила 18,1 млн чел., или 12,3 % от общей численности населения [19].

Исследователи справедливо выделяют гендерный и этнический аспекты бедности. Экономическая модель дискриминации, предложенная Г. Беккером [18], отчасти объясняет истоки конфликта с мигрантами – этноконфессиональным меньшинством – в Западной Европе. Он полагает, что дискриминация порождается специфическими предпочтениями некоторых агентов рынка: заботясь о качестве и количестве товаров и услуг, они не желают вступать в контакты с представителями другой расы, этноса или религии, которые их производят и оказывают. В итоге, работодатели несут дополнительные издержки, руководствуясь не вполне рациональными мотивами. Смягчение дискриминации зависит от совместных усилий работодателей, работников, потребителей, школы и правительства. Г. Беккер подчеркивает, что именно «окружающая среда» должна повлиять на решение этой проблемы. На наш взгляд, подход ученого может плодотворно использоваться при анализе социально-экономических причин социальной напряженности в нашей стране.

На мезоуровне экономическая смерть может проявляться как следствие нищенства – образа жизни людей, находящихся за крайней чертой бедности и поддерживающих свое существование за счет подаяний родных, близких, благотворителей или государства. На микроуровне экономическая смерть может быть следствием неэффективной коммерческой деятельности. Так, в январе – марте 2020 г. российские суды признали банкротами 22,4 тыс. граждан, включая индивидуальных предпринимателей. Это на 68 % больше, чем за тот же период прошлого года [22].

Очевидно, что разорение, утрата собственности, безработица, культура бедности и ряд других факторов усиливают социальное неравенство и напряженность. Все это питает социальное иждивенчество, инициирует экономическую смерть социальных субъектов и негативно влияет на состояние социума.

Духовная смерть социального субъекта как отстраненность от духовной жизни общества проявляется по-разному. Причинами этого феномена могут быть как специфика характера индивида, так обстоятельства его бытия. Духовные ценности утратили былую значимость и тип «массового человека», выступающего в роли обезличенного и бездумного потребителя благ цивилизации, получил широкое распространение. Так, декларируемая многими россиянами религиозная принадлежность зачастую является «самоидентификационной». С канонической точки зрения, они не могут рассматриваться как истинно верующие: пробудившие душу должны приложить еще много усилий, чтобы соответствовать предъявляемым требованиям.

Итак, в начале XXI столетия среди причин и факторов социальной дестабилизации феномен социальной смерти занимает заметное место: он повышает риск роста социальной напряженности, способствует развитию деструктивных процессов.

Литература

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь = Dictionary of sociology / пер. с англ. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1997. 406 с.
2. Бурдьё П. Практический смысл : пер. с фр. М. ; СПб. : Институт экспериментальной социологии : Алетейя, 2001. 563 с.
3. Гурко Т. А. Трансформация института семьи : постановка проблемы // СОЦИС. 1995. № 10. С. 95–99.
4. Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь. Collins : русско-английский, англо-русский. Т. 1. А – О / пер. с англ. М. : Вече : АСТ, 1999. 544 с.
5. Закирова В. М. Развод и насилие в семье – феномены семейного неблагополучия // СОЦИС. 2002. № 12. С. 131–134.
6. Кравченко Н. Ю. Кризис концепта гражданской идентичности: социологическое измерение // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 14–17.
7. Левченко И. Е. Феномен социальной смерти // СОЦИС. 2001. № 6. С. 22–31.
8. Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. М. : REFL-book, 1994. 341 с.
9. Меренков А. В., Рыбцова Л. Л., Кольцова В. А. Кризис и пути его преодоления. Екатеринбург, 1997. 105 с.
10. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России : от повседневной жизни до государственной власти. Москва : ИНФРА-М, 2001. 418 с.
11. Перлман Д., Пепло Л. Э. Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества: сб. ст. / пер. с англ.; сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. Москва : Прогресс, 1989. С. 152–168.
12. Покровский Н. Е., Иванченко Г. В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. Москва : Логос, 2008. 421 с.
13. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории / сост., коммент. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск : Профили, 2000. С. 99–113.
14. Рыбцова Л. Л. Российская женщина: пять лет спустя... Екатеринбург, 1998. 164 с.
15. Фан И. Б. Теоретическая модель феномена гражданина: социокультурный подход // Полис. 2010. № 6. С. 149–161.
16. Ярошенко С. С. Теоретические модели бедности // Рубеж. Сыктывкар, 1996. № 8–9. С. 123–140.
17. Allport G. W. The Nature of Prejudice. Cambridge, Mass. : Addison-Wesley Pub. Co., 1954. 537 p.
18. Nobel Prizes. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1992/becker-lecture.pdf (дата обращения: 02.11.2020).
19. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/DNO.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).
20. Долги россиян по алиментам достигли исторического максимума. URL: <https://lenta.ru/news/2020/02/12/alimenty> (дата обращения: 02.11.2020).
21. Информация о социально-экономическом положении России – 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B20_00/Main.htm (дата обращения: 02.11.2020).
22. Число личных банкротств россиян выросло на 70 % // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances/07/04/2020/5e8b25379a794778c10ab0f3> (дата обращения: 02.11.2020).

ОЦЕНКА НАРКОСИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ: НА ПРИМЕРЕ СОЦИО-СТАТИСТИЧЕСКИХ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье проанализирована наркоситуация в Иркутской области на основании изучения статистических данных по госпитализации пациентов в организации Минздрава России с диагнозом «наркомания», уровня наркопреступности, а также объемов изымаемых правоохранительными органами наркотических средств и психотропных веществ из незаконного оборота. На основании проведенного анализа обращается внимание на высокий уровень нарконапряженности в области, несколько превышающей как соответствующие показатели по Сибирскому федеральному округу, так и по Российской Федерации в целом.

Ключевые слова: наркоситуация, наркопреступность, наркомания, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.

V. Y. Shinkevich
Siberian Law Institute of MIA of Russia, Krasnoyarsk

ASSESSMENT OF THE DRUG SITUATION IN THE REGION: CASE OF SOCIO-STATISTICAL AND CRIMINOLOGICAL RESEARCH IN IRKUTSK REGION

The article analyzes the drug situation in Irkutsk region based on the study of statistical data on hospitalization of patients in the organizations of the Ministry of Health of the Russian Federation diagnosed «with drug addiction», the level of drug crime, as well as the volume of drugs and psychotropic substances seized by law enforcement agencies from illegal trafficking. Based on the conducted analysis, attention is drawn to the high level of drug tensions in the region, slightly exceeding both the corresponding indicators for the Siberian Federal District and for the Russian Federation as a whole.

Keywords: drug situation, drug crime, drug addiction, illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances.

Каждый человек желает и надеется жить в обществе, которое дает ему надежду гармоничного развития, предоставляет возможность жить, а не выживать, получить образование и профессию по призванию, и, пройдя степени профессионального роста, занять достойное место в профессии и в обществе. Однако в условиях реальной и потенциальной наркоугрозы эти желания и планы так и могут остаться лишь несбыточными мечтами для многих, кто не только отказался от борьбы, от поиска преодоления негативно сложившихся обстоятельств, депрессий, вызванных различными жизненными обстоятельствами, но и оказался слабым перед соблазнами не замечать или отбросить эти проблемы под воздействием некой синтетической радости растительного или искусственного происхождения. Данную категорию людей дополняют и те, кто, находясь в целом в благоприятных жизненных условиях, изъявили желание на себе опробовать действие запрещенных препаратов, так, ради удовлетворения своего нездорового интереса к запретному.

Несмотря на то что в целом по России в последние годы отмечается некоторое снижение напряжения в сфере незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, проблема употребления психоактивных веществ остается очень серьезной, прямые и косвенные последствия наркотизации оказывают существенное влияние на социальную (разрушаются устоявшиеся социальные связи, криминализируются общественные отношения), экономическую (происходит выпадение наиболее активной части населения из производственного процесса, страна вынуждена тратить дополнительные средства на лечение, реабилитацию и ресоциализацию наркозависимых, а также содержание граждан, привлеченных к уголовной ответственности и содержащихся в местах лишения свободы за совершение наркопреступлений), демографическую ситуацию (увеличивается смертность наиболее трудоспособной части населения, разрушается генофонд нации) [4].

Всесторонний анализ наркоситуации в мире и в России позволяет сформулировать некоторые наблюдения, относительно ее остроты, направленности и динамики:

– во-первых, продолжение активизации транстерриториального и международного наркокриминала, его стремление влиять на социальную, экономическую, политическую и другие составляющие различных сфер жизнедеятельности современного общества и государства;

– во-вторых, изучение и практическое применение различными структурами наркокриминала достижений «теневой» науки в целях разработки, производства и распространения новых видов психоактивных веществ и уклонения от правовой ответственности за их сбыт и оборот. В ряде стран инициируется и увеличивается производство синтетических наркотиков и новых психоактивных веществ. Запрещенные пока еще в одной стране наркотические средства нередко находят своего потребителя в другой;

– в-третьих, использование возможностей сети Интернет и безлимитных денежных средств в распространении, приобретении наркотических средств и психотропных веществ. Повсеместное распространение и довольно быстрое развитие современных информационных технологий, сопровождаемое их качественными изменениями, «формируют практически безграничные возможности для подготовки, совершения и сокрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков абсолютно новыми способами и средствами» [2];

– в-четвертых, недостаточность и высокая затратность мер противодействия и профилактики незаконного оборота наркотиков, лечения, реабилитации, ресоциализации и реинтеграции наркозависимых в социальную среду, предупреждения в дальнейшем рецидива;

– в-пятых, возрастание финансовой поддержки международных экстремистских и террористических организаций, расширение их социальной базы за счет доходов от незаконного оборота и распространения наркотических средств и психотропных веществ и проч. [4].

Для современного российского социума, кроме того, характерны и другие факторы, делающие актуальной проблему противодействия наркотизации общества:

– во-первых, существенная опасность героиновой экспансии из Афганистана;

– во-вторых, омоложение наркопотребителей и увеличение среди них числа женщин;

– в-третьих, охват наркотизмом в современной России практически всех регионов, в том числе сельской местности, считавшейся малопривлекательной для распространителей наркотиков по причине низкой плотности населения и, как следствие, более затратным направлением незаконного обогащения;

– в-четвертых, наркозависимость формирует определенную субкультуру и, выступая результатом конфликта в социуме, разворачивающегося по поводу способов удовлетворения потребностей, приводит к ошибочным и самоуверенным представлениям наркопотребителя о личной независимости и неподсудности;

– в-пятых, постоянный синтез новых видов наркотических средств, в том числе синтетических психоактивных веществ. Эти препараты обладают крайне разрушительным воздействием на организм человека, приводящим к летальному исходу уже после непродолжительного периода потребления;

– в-шестых, процесс сращивания наркоиндустрии с организованной преступностью, которая имеет существенное влияние на криминализацию общественных отношений;

– в-седьмых, ярко выраженный этнический характер организованных группировок, занимающихся распространением наркотиков [3].

Проблема употребления наркотических средств и психотропных веществ актуальна как для России в целом, так и для многих ее регионов, в том числе и для Иркутской области. Уникальность Иркутской области заключается в том, что она расположена на границе двух федеральных округов, является большим транспортным узлом, через нее проходит Транссибирская, начинается Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, об-

ласть омывается водами о. Байкал, которое своей красотой, неповторимостью, оригинальностью ежегодно привлекает большое количество туристов.

Результаты изучения статистических материалов ежегодного мониторинга наркоситуации лишь по итогам наблюдения за 2019 г., а также по некоторым показателям за шестилетний период наблюдения, позволяют сформулировать некоторые суждения о серьезности, остроте и динамики наркоситуации в регионе.

Существенное значение для оценки наркоситуации в регионе имеет оценка количества жителей, зарегистрированных в медицинских организациях Минздрава России с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)»¹. В 2019 г. в медицинских учреждениях области были зарегистрированы 6316 пациента. В Сибирском федеральном округе в 2019 г. больше было зарегистрировано только в Кемеровской области – 6592 чел. Учитывая то, что на 1 января 2020 г. в Иркутской области проживало 2 391 193 чел., и проведя небольшие расчеты, мы видим что 5435 чел. – это 0,23 % населения области. Среди пациентов 1082 женщины (19,9 % от общего числа пациентов), 4136 (76,1 %) пациентов в возрасте 20–39 лет. В округе относительное количество пациентов женщин составляет 16,87 % пациентов, по Российской Федерации – 17,1 %. Как видим относительный показатель пациентов женщин превышает показатели не только по округу, но и по Российской Федерации. 173 пациента – это вообще выпускники средних общеобразовательных школ в возрасте 18–19 лет, возможно большинство из них еще не успели выбрать и свою будущую профессию, практически еще ни разу и не сталкивались с необходимостью решать какие-то жизненно важные и сложные проблемы, но приобрели уже пагубную и как правило болезненную зависимость от наркотиков. Для наркозависимой категории граждан уже не имеет смысл ни жизненно важная и общественно значимая цель, ни деятельность по ее реализации. Все это замещается насущным – где достать средства и получить очередную дозу. И семья, и друзья, и коллеги просто выпадают из круга общения наркомана, если конечно они сами не являются таковыми. Угроза социальному и экономическому секторам явно выражена, и данная опасность не нуждается ни в каких пояснениях, она является аксиомой, не требующей доказательств. Более того при анализе данных социологических исследований в рамках ежегодного мониторинга можно с уверенностью отметить, что и эти данные не отражают в полном объеме состояние наркотиситуации в регионе, так как феномен наркомании отличается существенной латентной составляющей. При сравнении результатов социологических исследований и данных статистического учета в рамках ежегодного мониторинга показывает, что показатель может превышать или быть в пределах 4,5 – 5,0 единиц (раз) [1]. Для анализа проблемы и осознания ее остроты оценим относительные показатели и сравним наблюдаемые параметры со схожими на уровне наблюдений в Российской Федерации и на уровне Сибирского федерального округа. Учитывая относительно небольшое количество пациентов, регистрируемых медицинскими организациями Минздрава России, проведем расчет пациентов на 10 тыс. чел. Количество населения по данным статистического учета на 1 января 2020 г., проживающего на территории Иркутской области составил 2391,193 тыс. чел., в Сибирском федеральном округе 17 118,4 тыс. чел., в Российской Федерации 146 748,6 тыс. чел. Следовательно, в расчете на 10 тыс. населения Иркутской области приходится 22,72 пациента, в Сибирском федеральном округе – 20,92 чел., в

¹ При подготовки статьи использовались материалы ежегодного статистического учета состояния наркоситуации в Российской Федерации по различным направлениям: Сведения о пациентах, зарегистрированных в мед.организациях Минздрава России с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» (Статформа 2-МВ-ЗДРАВ); Учет преступлений, связанных с незаконным оборотом нарк. средств, психотр. вещ-в и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих вещ-в, растений (либо их частей), содержащих нарк. средства или психотр. вещ-ва либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ (Статформа 171); Сведения о количестве изъятых из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих веществ, наркосодержащих растений, новых потенциально опасных психоактивных веществ на момент возбуждения уголовного дела (Статформа 173).

Российской Федерации 16,11 чел. Как видим и показатель пациентов с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» в Иркутской области выше показателей как по округу, так и по Федерации в целом. Несмотря на то что в структуре изымаемых правоохранительными органами на территории Иркутской области наркотики опийной группы составляют 1,74 %, число пациентов госпитализированных в учреждения Минздрава России, расположенных на территории области, с диагнозом «наркомания» в следствие потребления опиоидов, составляет 18,4 %. Этот факт указывает на распространение наркотиков данной группы на территории округа и о их доступности. Качественная оценка – «лучше» или «хуже» состояние употребления наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях в Иркутской области однозначно сказать сложно, так как эти показатели могут говорить как о плотности и частоте наблюдаемого признака, так и об активной работе субъектов антинаркотического противодействия по «возвращению» наркозависимых в социум посредством отлаженной системы реабилитации и ресоциализации данной категории населения. Качественная оценка наркоситуации в Иркутской области может быть дана только при изучении всего комплекса показателей уровня рассматриваемого негативного социального явления.

В Иркутской области ежегодно изымается правоохранительными органами из незаконного оборота значительные объемы наркотических средств и психоактивных веществ. По итогам 2019 г. по объему изымаемых наркотиков Иркутская область занимает в Сибирском федеральном округе первое место среди всех субъектов округа. Данное «лидерство» отмечается с 2026 г. Всего в 2019 г. изъято 648 920 г – это около 20 % всех наркотиков, изъятых правоохранительными органами на территории Сибирского федерального округа. Вместе с тем с 2015 г. отмечается некоторое снижение объемов изымаемых наркотических средств и психотропных веществ (см. рис. 1), что соответствует общеокружной и общероссийской тенденции.

Рис. 1. Изъятие наркотических средств и психотропных веществ в Иркутской области за период 2014–2019 гг.

Однако динамика снижения объемов изъятия правоохранительными органами наркотических средств и психотропных веществ в Иркутской области существенно ниже, чем по Сибирскому федеральному округу и по Российской Федерации в наблюдаемом периоде – 2014–2019 гг. Если объемы изъятий за данный период по Иркутской области сократились на 30,05 %, то по Сибирскому федеральному округу – на 60,73 %, по Российской Федерации – на 68,38 % согласно официальной статистической отчетности. Данное наблюдение также позволяет говорить о более остро выраженной в Иркутской области проблеме наркотизации населения, по сравнению с другими субъектами Федерации, расположенными на территории округа. На состояние и динамику существенное влияние оказывают и соседние регионы, расположенные на территории Дальневосточного федерального округа, прежде всего Республика Бурятия и Забайкальский край, с кото-

рыми область имеет общие границы и в которых изымаемое количество наркотических средств и психотропных веществ превышает объемы изымаемые в Иркутской области.

О состоянии наркоситуации в области говорит и количество зарегистрированных наркопреступлений, количество которых имеет четкую тенденцию к снижению, что отражено на рис. 2. Однако по показателю зарегистрированных наркопреступлений область не является лидером. По итогам 2019 г. она заняла пятое место по данному показателю, который несколько ниже аналогичных результатов Кемеровской области, Красноярского и Алтайского краев, Омской области. Предварительно расследованных наркопреступлений составило 58 %, что на 5 % выше, чем в целом по округу. Большинство наркопреступлений (58,9 %) совершается непосредственно потребителями наркотических средств и психотропных веществ, что усугубляет криминологическую ситуацию в области.

Рис. 2. Динамика зарегистрированных наркопреступлений в Иркутской области за 2014–2019 гг.

Пятое место по количеству зарегистрированных наркопреступлений и первые места по количеству пациентов с диагнозом «наркомания», зарегистрированных в организациях Минздрава по области позволяет говорить о недостаточной работе различных территориальных субъектов антинаркотической деятельности как по противодействию, так и по профилактике наркомании, реабилитации и ресоциализации наркозависимых. Правоохранительным органам области необходимо обратить внимание на распространение в регионе наркотиков опийной группы, на выявление методов их распространения. Относительно небольшие объемы изъятия наркотиков опийной группы и существенное количество пациентов с диагнозом «наркомания», как следствие потребления опиоидов, говорит о большой латентности оборота на наркорынке наркотиков опиоидной группы, наличии скрытой бесконтактной системы их передачи от распространителя к потребителю, а также о наличии относительно эффективной латентной системы расчетов между потребителями и продавцами. В существующих условиях ежегодный мониторинг наркоситуации позволит различным антинаркотическим субъектам и прежде всего правоохранительным органам своевременно принять адекватные уровню складывающейся ситуации меры противодействия распространению наркоугрозы в регионе.

Литература

1. Структура наркорынка и динамика потребления наркотиков опийной группы в Российской Федерации: социологический, криминологический и медицинский аспекты : монография / В. Е. Шинкевич [и др.]. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020.
2. Шаталов А. С. Государственная стратегия борьбы с наркобизнесом: новшества, проблемы реализации и статистические казусы // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф. 4–5 апр. 2019 г. : в 2 ч. / отв. ред. Н. Н. Цуканов ; СибЮИ МВД России. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. Ч. 1.
3. Шинкевич В. Е., Бен Е. Н., Маслодудова Н. В., Ступина С. А., Калиниченко Я. Н., Молоков В. Н. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае : монография. М. : СибЮИ МВД России, 2019.
4. Шинкевич В. Е., Маслодудова Н. В. Необходимость осознания наркобезопасности как проблемы современного социума: социально-философский концепт // Научный журнал «Дискурс». 2019. № 8 (34). С. 111–122.

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ И КОРПОРАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье обосновывается, что цели устойчивого развития должны лежать в центре любой территориальной стратегии социально-экономического развития. Выдвигается тезис, что для корпораций-резидентов региона участие в проектах устойчивого развития не только обязательный элемент КСО, но и фактор собственной стратегической устойчивости. Делается вывод, что взаимные усилия территории и компаний-резидентов дадут синергетические эффекты в достижении целей устойчивого развития, а также и в обеспечении корпоративной стратегической стабильности и снижении рисков.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, репутация компании, синергетические эффекты корпоративной социальной ответственности.

N. B. Grosheva, I. A. Boltentkov, E. K. Grosheva
Irkutsk State University, Irkutsk

SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: SOCIAL AND CORPORATE ASPECTS

Sustainable development goals should be at the heart of any territorial strategy for socio-economic development. For corporations-resident in the region, participation in sustainable development projects is not only a mandatory element of CSR but also a factor of their strategic stability. Mutual efforts of the territory and resident companies will give synergistic effects in achieving sustainable development goals, as well as in ensuring corporate strategic stability and reducing risks.

Keywords: sustainable development goals, company reputation, synergistic effects of corporate social responsibility.

Устойчивое развитие территории (sustainable development) – далеко не новая тема. Организация объединенных наций выделяет 17 целей устойчивого развития (далее – ЦУР) [6]:

1. Борьба с бедностью и ликвидация нищеты (содействие экономическому росту и создание устойчивых рабочих мест).
2. Продовольственная безопасность и устойчивое развитие сельского хозяйства (в том числе борьба с голодом как результатом экономической недоступности продуктов питания).
3. Создание привычек здорового образа жизни, в том числе вакцинация, полноценная жизнь для всех.
4. Доступность образования – как школьного, так и постоянного обучения (lifelong learning).
5. Гендерное равенство и защита прав женщин как в семьях, так и на работе, расширение возможностей для женщин.
6. Рациональное и ответственное использование водных ресурсов, защита водоемов, обеспечение доступа к чистой воде.
7. Доступная и ответственная энергетика (как обеспечение доступа к энергии для отопления и приготовления пищи, так и снижение цены энергии, внедрение технологий энергосбережения как в домах, так и на предприятиях).
8. Наличие рабочих мест для всех возрастов – от молодежи до пенсионеров, повышение производительности труда, экономический рост как необходимый элемент роста занятости.
9. Комплексное развитие инфраструктуры: транспортной, информационной, энергетической, сервисной, развитие и поддержка инноваций.
10. Снижение неравенства в доходах как между странами, так и между социальными группами людей в рамках стран.
11. Повышение устойчивости (экологичности, безопасности) населенных пунктов, в том числе снижение рисков для населения.

12. Минимизация затрат ресурсов для производства и потребления, развитие отрасли вторичной переработки и использования ресурсов.

13. Борьба с изменением климата (глобальным потеплением, выбросами углекислого газа, природными катастрофами).

14. Сохранение океанических и морских экосистем, поддержание морского биоразнообразия, рациональное использование ресурсов океанов и морей.

15. Сохранение и укрепление экосистем суши – поддержание лесов, сокращение пустынь, защита и рациональное использование земельных ресурсов, поддержание сухопутного биоразнообразия.

16. Защита прав человека, сокращение военных конфликтов, справедливое и прозрачное правосудие, открытость власти и общества.

17. Развитие партнерства власть-бизнес-население, получение глобального синергетического эффекта для всех заинтересованных сторон.

Эти цели ежегодно обсуждаются и корректируются на межстрановом уровне, однако прогресс в их достижении на уровне мира в целом мониторить достаточно сложно. ООН регулярно публикует отчетность и декларирует проекты по достижению ЦУР [9]. Так, один из проектов, обсуждаемых в данный момент, это равномерное распределение вакцины от COVID-19 для обеспечения равного доступа всех стран.

Темы устойчивого развития обсуждаются и на внутристрановых площадках. Так, в РФ есть несколько проектов – например, Общеебудущее.рф [4]. Партнерами этого мероприятия выступают такие компании, как En+, производители минеральной воды «Жемчужина Байкала», «Эвиан», компания «Пепсико» и иные. Возникает резонный вопрос – зачем компаниям участвовать в таких проектах?

Тот факт, что государство самостоятельно не сможет реализовать все ЦУР, очевидно – не только по причине отсутствия ресурсов, но и по причине отсутствия механизмов принуждения корпораций к ответственному, рациональному, экологичному поведению, из-за отсутствия механизмов контроля. Если какие-то базовые параметры в части выбросов в атмосферу контролировать можно, то внутренние нормы компаний не поддаются контролю со стороны практически никак. Так, если компании дешевле не перерабатывать ресурсы, а приобретать и использовать новые, или не «выращивать» кадры на местах, а привозить из других территорий, то механизмов внешнего воздействия на данные процессы у государства нет. Но партнерство, взаимовыгодное и для территории, и для бизнеса – это способ достижения ЦУР [3].

Надо понимать, что в России динамика ЦУР достаточно положительна по сравнению с другими развивающимися странами. Этому способствует как культурная, национальная, этническая структура общества, так и продуманная политика правительства – в том числе в рамках национальных проектов. Так, в отчете РСПП [2] приведен обзор достигнутых целей и результатов:

1. В части ликвидации нищеты – цель 1 – доля населения с доходами ниже прожиточного минимума постоянно снижается – в том числе за счет реализации национальных проектов, развития институтов поддержки.

2. Цель 2 – продовольственная безопасность – так же достигается, более 98 % населения обеспечены рациональной нормой потребления продуктов питания.

3. Цель 3 – здоровье населения – поддерживается за счет национальных программ и проектов, продолжительность жизни растет. Пандемия выявила некие слабые места национальной системы здравоохранения, но не только в России, но и в мире в целом.

4. По цели 4 – образование – Россия уверенно лидирует: всеобщее школьное образование, достаточное количество бюджетных мест в вузах дают высокую степень охвата населения не только базовым, но и высшим образованием.

5. Гендерное равенство – цель 5 – гарантировано Конституцией, фактический уровень занятости женщин – более 50 %, и это обосновано не только рынком труда. В РФ высокий индекс человеческого развития женщин.

6. Цель 6 так же отражена в национальных проектах; при этом доля населения, обеспеченного чистой питьевой водой, достаточно высока – здесь в плюс идут географические особенности страны.

7. Так же география помогает с реализацией цели 7 – обеспечение энергией. Наличие ГЭС, атомной энергетики, развитой инфраструктуры выводят Россию в «топовые» позиции в таких рейтингах, как Doing Business [5] именно в части легкости подключения бизнеса к системам энергоснабжения.

8. Цель 8 обеспечивается массовой поддержкой малого и среднего бизнеса, высокой долей государства в экономике, в том числе в части инвестиций в основной капитал. Проекты строительства инфраструктуры, например, дорог, трубопроводов, дают значительный мультипликативный эффект для экономики в целом.

9. Предыдущий пункт так же можно отнести и к цели 9 – развитие транспортной системы, создание логистических хабов, рост грузооборота обеспечиваются целым рядом национальных проектов и программ.

10. Цель 10 мониторится с помощью индекса Джини, который в РФ постоянно снижается – в том числе за счет мер социальной поддержки семьям, имеющим детей, выравнивающей бюджетной политики.

11. Цель 11 – устойчивые населенные пункты – по ряду параметров идет наравне с медианными, по мировой практике, показателями, в том числе по экологичности поселений и поддержке ипотечного жилищного кредитования.

12. Цель 12 осложняется наличием большого количества советских и постсоветских рискованных объектов (в Иркутской области это проект УсольеХимпрома, БЦБК – предприятия, закрытые как неликвидные, но имеющие на своей территории большое количество опасных отходов).

13. В рамках борьбы с изменениями климата Россия лидирует, в том числе по объему «недопотребления» квот на выброс парниковых газов. Однако здесь преимуществом является большая территория и пересчет выбросов на единицу площади.

14. В рамках цели 14 – сохранение морских экосистем – действует большое количество нормативных актов, и, опять же, на пользу идет хорошая природная среда, не затронутая антропогенной нагрузкой.

15. Аналогично цель 15 – сохранение экосистем суши – за счет большой территории снижается важность отдельных болевых точек (пожаров, потери лесов и т. д.).

16. Цель 16 обеспечивается постоянной реформой судебной системы, и тем, что РФ является достаточно правовым государством.

17. Ну и наконец важность бизнеса в реализации ЦУР в полной мере отражается в цели 17. И как раз тут появляется важность осознания всеми участниками процесса своей роли в достижении ЦУР.

Достаточно показательным в данном разрезе является пример группы компаний Еп+, которая декларирует и последовательно реализует политику устойчивого развития [7]. При этом группа компаний выбрала те цели, которые стратегически важны не только для регионов присутствия, но и для собственных корпоративных приоритетов – здоровье и благополучие населения, чистая вода и санитария, недорогая и чистая энергетика, достойная работа и экономический рост и т. д.

Примером последовательной реализации ЦУР служит политика в сфере производства чистого алюминия [1]), работа с молодежью в рамках корпоративного университета, проведение большого количества обучающих проектов для детей и взрослых (Школа экологического предпринимательства, Робосиб, детирк38.рф [8] и многие другие проекты. Компания декларирует устойчивое развитие как инструмент стратегической конкурентоспособности, подготовки кадров, снижения рисков.

Литература

1. Отчет о Целях устойчивого развития за 2020 год: ежегодный отчет En+Group. URL: [https://enplusgroup.com/upload/docs/En+ %20SDG %20Report %20RUS.pdf](https://enplusgroup.com/upload/docs/En+%20SDG%20Report%20RUS.pdf) (дата обращения: 11.11.2020).
2. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: отчет аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://rspp.ru/upload/uf/c44/obzor.pdf> (дата обращения: 11.11.2020).
3. На Саммите Лидеров Глобального договора ООН обсудили роль бизнеса в устойчивом развитии в эпоху пандемии // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/na_sammitе_liderov_globalnogo_dogovora_o_on_obsudili_rol_biznesa_v_ustoychivom_razvitiі_v_epohu_pandemii.html (дата обращения: 08.11.2020).
4. Общее будущее 2019: Форум устойчивого развития. URL: <https://общеебудущее.рф> (дата обращения: 15.11.2020).
5. Doing Business 2020 // Doing Business : ежегод. докл. URL: <https://russian.doingbusiness.org> (дата обращения: 15.11.2020).
6. Цели в области устойчивого развития // Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals> (дата обращения: 11.11.2020).
7. Цели устойчивого развития ООН // En+Group : офиц. сайт. URL: <https://enplusgroup.com/ru/sustainability/un-sdgs> (дата обращения: 13.11.2020).
8. «ЦУР на Байкале!» – победитель грантового конкурса экологических проектов от компании EN+ Group // Центр развития дополнительного образования детей – региональный модельный центр : офиц. сайт. URL: http://детирк38.рф/news_page/cur_na_bajkale_2020 (дата обращения: 13.11.2020).
9. Sustainable development // United nations: department of Economic and Social Affairs. URL: <https://sdgs.un.org> (дата обращения: 05.11.2020).

УДК 326.423

А. А. Меньшикова

Томский государственный университет, г. Томск

СОЦИАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Изучаются условия влияния на развитие общества, исходя из двух типов – стабильного и нестабильного. Нестабильное общество характеризуется большим потенциалом развития. Представлено пять степеней нестабильности, описаны принципы и перспектива влияния стабильного общества. Социальная нестабильность является естественным способом развития общества как системы. Социальная стабильность приводит к тенденциям стагнации.

Ключевые слова: социальная стабильность и нестабильность, развитие, концепция пяти степеней нестабильности, условия и предпосылки, неэффективность развития.

A. A. Menshikova

Tomsk State University, Tomsk

DESTRUCTIVE CHANGES IN SOCIETY AS A POINT OF ITS DEVELOPMENT

We study the conditions of social development representing either constant or destructive tendencies. An instable society tends to be more productive in development. Five stages of instable society are represented, principles of constant society influence are described. Destructive changes represent ontological essence in social development. Social constants lead to stagnation.

Keywords: social constants and destructive changes, development, five stages of constancy, conditions, development failure.

Тема исследования нестабильности в обществе привлекает внимание в связи с разработкой стратегий решения актуальных проблем. Поскольку залогом успешного существования является развитие, необходимо рассмотреть, насколько нестабильность общества способствует реализации этого потенциала.

Не следует отрицать того, что социальная нестабильность способствует переходу на новый уровень. Социальные потрясения в России девяностых годов не привели в дальнейшем к полному политическому разрушению страны. Новые социальные и экономические реалии оказались исходным пунктом для поиска новых путей и возможностей развития.

Несмотря на деструктивные эффекты нестабильности, о которых написано большое количество работ [1–4; 6–9] прототип развития в обществе при этом все же сохраняется. Достаточно привести пример возрождения националистических тенденций на Ближнем Востоке и в Российской Федерации в период попытки изменить социальный строй. Нестабильность в этом случае обуславливает потенциал развития общества, поскольку актуализируются пропозиции поиска выхода.

Одновременно нестабильность может оказаться источником возникновения новых возможностей, что можно проследить на примере изменения системы отечественного образования, в последнее время ориентированного на потребности рынка, активно развивающего новые технологии подготовки. Принцип изменения подготовки в вузах с переходам на двухуровневую систему является рефлексивным соответствием нестабильности. Произошло расширение перспектив, многие выпускники бакалавриата приобретают образование по специальности магистратуры другой области, что стало стимулом перехода в различные профессиональные области. Пример предвыборной кампании США 2020 г. и всей истории этой страны демонстрирует традиционный диалектический принцип развития в условиях противостояния. Нестабильность общества способствует интенсификации процессов развития, представляя два основных пути для возможности развития. Состояние поиска работы, вызванное нестабильной ситуацией отсутствия социальных гарантий выпускникам вузов в современной России оказывается также стимулом подготовки множества проектов, включая различные серверы поиска работы, курсы изменения квалификации в Томском государственном университете и т. п. Благодаря нестабильности общества возникает множество проектов в сфере образования, реализация которых становится показателем успеха и эффективности, что в очередной раз показывает, насколько динамичные процессы, происходящие в обществе, являются стимулом прогресса и развития.

В настоящее время не существует убедительных и неоспоримых исследований, показывающих, что социальная нестабильность способна привести к его распаду. Напротив, деструктивные процессы практически во всех случаях инициированы политическими решениями (в том числе победы в войнах). В связи с этим следует признать, что сама социальная нестабильность часто является следствием влияния объективных причин. Часто распад общества происходит вследствие естественных процессов ассимиляции народов (в том числе христианизации в Европе и России времен империи), либо под влиянием катаклизмов, вызванных природными факторами (голод, изменение климата). Локальная нестабильность, происходящая в условиях возникновения новых социальных групп, не является фактором деструктивной значимости в больших масштабах.

Опыт показывает, что тенденции распада в обществе, вызванные автохтонными факторами, всегда ограничиваются неким пределом, вызывающим эффект централизованного развития, сохраняющим целостность общества. Даже закат коренных американских цивилизаций не связывают с социальными факторами.

В условиях типичных и повторяющихся тенденций можно выдвинуть предположение о том, что математические понятия и категории применимы к описанию явлений и процессов, происходящих в социуме [5, с. 32–108]. Изменение характера общественного строя вписывается в ожидаемые пропорции. Динамика изменений закрепляет принципы вероятностного прогнозирования.

Система развития общества под влиянием нестабильности имеет устойчивые принципы, которые описываются следующим образом: процессы, приводящие к кризису приводят к осознанию субъектами социума происходящего как негативного, стимулируют поиск выхода и выбор инструментов решения проблемы. Поиск выхода является стимулом развития, поскольку определенные шаги для этого предпринимаются.

Нет определенного мнения относительно того, что стабильность структур в обществе влияют на процессы развития. В целом потенциал развития определяется изменени-

ем пропозиции и появлением новых позиций, связанных с актуальными вопросами и процессами. Открытые пути исключают противопоставление между стабильностью и развитием, в то время как квалификативные детерминаты создают нестандартные условия, описывающие уникальность онтологии исторического периода. Пропорция отношения экономических условий и реалий развития общества не позволяет отождествлять ситуацию и картину социума в различных странах, специфику их исторического пути. Новые идеи, проекты, затрагивающие массовую культуру или новые изобретения становятся источником развития социально-экономических приоритетов (ср., например, одобрение «цифровой экономики»), что можно проследить в процессе «цифровизации» различных сфер, прогнозы об исчезновении некоторых профессий. Пример возникновения христианства показывает, насколько малые группы или чужеродные элементы системы способны изменить ход глобальных процессов. Подобные процессы сопровождаются борьбой. Аналогично процессы, происходящие в настоящее время в консервативных традиционных обществах меняют внутреннюю политику, в том числе в области социального.

Стратегии развития общества в естественной среде предопределяются соответствующей нестабильной онтологией. Качественные характеристики социальной действительности способствуют появлению промежутков, в соответствии с вероятностной теорией предопределяющих многообразие тенденций и возможностей в условиях закономерности подобных процессов, что оказывается близким принципам самопорождающей системы [10, с. 57–119], к которой следует отнести также общество.

Сложно установить, являются ли индетерминистские процессы нестабильности наименее значимыми, или самыми определяющими. Представляется наиболее вероятным, что этот тип следует отнести к двум полярным стадиям одновременно. Сама нестабильность имеет различные предпосылки и степень интенсивности. Наименее опасное проявление нестабильности связано с естественными процессами можно проследить в стратегиях экономического изменения и инициативных группах, процессах продвижения по карьерной лестнице. Определенную ситуацию нестабильности могут вызвать реформы. При этом рассчитать перспективу их влияния не представляется возможным (ср., все попытки провести эффективную демографическую политику не приносят требуемого результата). Объективные обстоятельства и внешние воздействия, часто связанные с политическими «рычагами» регулирования, как правило, действуют на общество эффективно. Конечный результат часто является неопределенным. Мы не рассматриваем в данном случае экономические факторы, потому что в современных условиях стратегий менеджмента тенденции, происходящие в обществе, в конечном итоге являются определяющими. В мире глобализации не следует недооценивать информационный фактор как технологию воздействия на общество. Достаточно привести пример распространения тенденций беспорядков в Европе, аналогичных громкому случаю убийства темнокожего гражданина в США.

Однако нестабильность также может рассматриваться как источник продолжительного кризиса, со временем усугубляющегося.

Принимая во внимание стратегии развития общества, можно относиться к происходящему с двух позиций: принять происходящее как данность и вырабатывать стратегии поведения, исходя из складывающейся ситуации, либо применять тактику активного воздействия на происходящее. Наиболее популярным способом воздействия на общество в настоящее время является проектная деятельность. Примером может послужить процесс интенсификации творческого опотенциала общества под управлением проекта «Человеческий капитал» и «Экономический рост» в современной России. Реализация этих проектов способствовала ускорению конструктивных векторов развития общества. Результатами становятся прогрессивные изменения автохтонного характера, которые, в принципе, не способны исключить вероятность нестабильности в будущем.

Проблема заключается в том, что даже в условиях активного внедрения наиболее эффективных проектов действительное состояние социальной реальности может сохранять тенденцию к дестабилизации, обусловленной естественными процессами. В таком

случае эффективный путь решения представляется в том, чтобы создавать резервные ресурсы, позволяющие регулировать происходящие в обществе процессы.

Сущностная рекомендация в социальном проектировании заключается в том, чтобы не сводить результат к метафизическим, предельным, категориям, поскольку, как показывает практика, именно они приводят к критическим ситуациям, вызывающим явление нестабильности. Явление нестабильности может быть вызвано недостатком ресурсов, различными кризисами, но в любом случае оно возникает как реакция на остановку процессов. Степень нестабильности снижается при воздействии, согласованном с наиболее подходящей ситуацией, когда принимаемые меры, по сути, оказываются катализатором. Поэтому дискуссию вызывает необходимость жестких мер в ситуации планирования социальных проектов. Источники опоры, с которыми неизбежно приходится согласовывать все операции, в принципе являются чужеродным элементом по отношению к самой общественной системе, поэтому результат введения может не совпадать с предполагаемым результатом. Важно уметь прогнозировать итог внедрения проектов. Как показывают исторические обстоятельства, кризисные ситуации и условия дестабилизации общества являются естественными тенденциями реальности. Это означает, что принципы, которые обычно принимаются как показатель нестабильности, являются типичным проявлением существования системы с присущими ритмическими тенденциями к переменной интенсификации. Нестабильность в определенной ситуации можно контролировать. Механизмы контроля определяются управленческими решениями в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Поэтому решение проблемы представляется в том, чтобы вовремя увидеть потенциал к развитию в ситуации нестабильности. В принципе, возможно принятие решений как с позиции конвенционалистской стратегии, так и с применением метода проекта. Не существует непререкаемой безвыходной ситуации.

Основная дилемма поставленной проблемы заключается в том, чтобы определить, какое общество способно развиваться более эффективно – проявляющее тенденции к относительной стабильности или выражено нестабильное. Различные примеры показывают, что общество не способно развиваться по пути классической исторической шкале перспективы по пути постоянного прогресса. Понятие технического прогресса является иллюзией, по большому счету не оказывая влияние на общество за исключением интенсификации времени. Стабильность как явление замедления процессов изменений способно привести к другим кризисным ситуациям. Стабильно общество способно развиваться в соответствии с директивой, но даже в условиях детального планирования и просчета рисков существуют объективные законы естественной природы, которые введут ограничение. В любом случае, оценка потенциала развития общества определенного типа – это вопрос степени. В этой связи пути решения проблем не должны входить в жесткое противоречие с установленной данностью, поскольку такая ситуация выступает условием интенсификации деструктивных процессов. Так как смыслом развития является создание новых путей, необходимо проследить, чтобы в обществе процессы происходили без вывода полярностей. Это простое механическое решение является главным залогом успешного развития общества.

Модель развития общества через стабильность представить невозможно. Все процессы сведутся к малому набору операций. Не случайно констатация нестабильности в обществе [6; 7] является показателем эксплицитной картины исторического развития. Стандартное представление о развитии стабильного общества представляется недостижимым, поскольку слишком идеально. В реальности оно оказывается возможным, если исключить биологическую природу человека и законы физики. Невозможно вести накопительные процессы по пути прогресса, исключая потребности в потреблении. Успешное развитие предполагает стабильность немногочисленных определенных элементов.

В некоторых случаях влияние политики социальной стабилизации становится результатом сокращения социальных институтов и их возможностей. При всем компромис-

се разработки стратегий развития, в реальности принимаемые меры имеют негативные последствия.

Попытка внедрения социальных проектов по прошествии времени заканчивается тем, что они устаревают, теряя связь с динамикой развития. Поэтому между развитием и нестабильностью можно усмотреть диалектическую детерминистскую связь. Само понятие стабильности общества относительно. Не существует обстоятельств, исключающих процессов изменения не исключается. Обусловленность развития общества социальной стабильностью определяется понятием меры, которую можно связывать с пятью стадиями нестабильности в обществе. Факторы, определяющие нестабильность в обществе, не всегда определяются существующими механизмами влияния посредством постановки цели, разработки алгоритмов и стратегий. Положение вещей в реальности демонстрирует более сложную картину, различные возможности, пути развития и перехода. Поэтому поиск путей решения проблем часто предлагает несколько способов.

Даже западные капиталистические общества во многом опираются на общественный уклад потребительства, либо передают механизмы развития самому обществу. Модель развития общества представляется цепью меняющихся тенденций: в условиях общей нестабильности устанавливаются тенденции, оказывающие влияние на стабилизацию, возможно, достигающие цели на определенный период, далее констатирующие новые проблемы и вызовы, осмысляющие вариативность путей решения, впоследствии переходящие к новому циклу. Естественные тенденции дестабилизации общества могут иметь спонтанный характер, не вписываются в фиксированные хронологические периоды. Рычаги управления обществом приводят к некоторой корректировке положения вещей, но не решают проблемы полностью.

Литература

1. Актуальные проблемы общественного развития современной России / Н. Д. Александров [и др.] ; Рос. экон. акад. им. Г. В. Плеханова. М. : Изд-во РЭАН, 1995. 101 с.
2. Беляева Т. А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М. : Изд-во РАН, 1997. 173 с.
3. Бойко В. И. Ценности и технологии устойчивого социального развития / РАН. Институт философии и права. Новосибирск, 1994. 48 с.
4. Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М. : Аспект-Прогресс, 1995. 510 с.
5. Плотинский Ю. М. Математическое моделирование динамики социальных процессов. М. : Изд-во МГУ, 1992. 134 с.
6. Россия у критической черты: возрождение или катастрофа: Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1996 год: анализ и прогноз / ред. Г. В. Осипова, В. К. Левашова, В. В. Локосова. М. : Республика, 1997. 303 с.
7. Россия: преодоление национальной катастрофы. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1998 году / ред. Г. В. Осипов, В. К. Левашов, В. В. Локосов. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 1999. 338 с.
8. Социальная и духовная безопасность России / общ. ред. В. И. Добренкова, Г. Н. Бутырина, Н. Н. Ефимова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. 192 с.
9. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. 481 с.
10. Шкенеv Ю. С. Самоорганизующиеся системы природы и общества. М. : Прометей, 1991. 207 с.

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В статье анализируется проблема поиска новых методологических основ и подходов к исследованию процессов устойчивого развития социальных систем. Рассматривая в качестве методологической основы модель потенциалов социальной системы, выявляются ее достоинства и ограничения в исследовании проблемы устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социальная система, потенциал социальной системы, модель потенциалов.

M. G. Volnistaya

Belarusian State University, Minsk

THE POTENTIAL OF THE SOCIAL SYSTEM IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY

The problem of finding new methodological foundations and approaches to the study of the processes of sustainable development of social systems is considered. Considering the model of the potential of a social system as a methodological basis, the author reveals its advantages and limitations in the study of the problem of sustainable development.

Keywords: sustainable development, social system, potential of the social system, model of potentials.

В настоящее время в условиях глобальных кризисов и финансовых катаклизмов, расширения трансграничных угроз безопасности жизнедеятельности социальных субъектов еще более актуализируется концепция «устойчивого развития» общества и государства как социальной системы.

Принцип устойчивого развития был одобрен учеными в конце XX в. и подразумевал «удовлетворение потребностей современного поколения без угрозы возможности будущих поколений удовлетворять собственные потребности» [1]. Практически речь шла об ограничениях на эксплуатацию природной среды, когда эффективность социальной системы росла за счет снижения «эффективности природы». Вскоре на международной конференции под эгидой ООН было дано новое определение устойчивого развития как «устойчивый рост свободной энергии». При этом «возможность удовлетворять потребность» обеспечивалась за счет «роста свободной энергии» [2].

Уже само название принципа – «устойчивое развитие» – содержит логическое противоречие. Устойчивость подразумевает неизменность, стабильность, несущественное отклонение от некоторого равновесного, сбалансированного состояния, а развитие – это движение, динамизм состояния, в том числе его волевое изменение, выведение из равновесия, разбалансирование, с целью достижения нового состояния. Другими словами, нельзя одновременно сохранять устойчивость и развиваться.

Казалось бы, противоречие исчезает, если под принципом «устойчивое развитие» понимать развитие социальной системы с постоянной скоростью (неизменной, единожды заданной, устойчивой) или постоянным ускорением (темпом роста). Но это справедливо для однокритериальных систем. Социальные системы являются многокритериальными, многопараметрическими системами и их движение в общем случае нелинейное, неравномерное и непоступательное. В таких системах на интервале наблюдения позитивное изменение одного параметра сопровождается негативным изменением другого, несколько произвольно выбранных параметров имеют различный темп роста, позитивное изменение параметра сменяется на негативное и т. п.

Только в частных случаях для характеристики социальной системы удается ввести один интегральный критерий. Поэтому определение устойчивого развития через постоянную скорость (ускорение) также не отвечает системным закономерностям развития социальной системы.

В связи с этим, по нашему мнению и мнению многих экспертов международного научного сообщества [1; 2] имеет смысл внимательно посмотреть на интерпретацию устойчивого развития через «устойчивый рост свободной энергии» социальной системы. Однако оперировать с понятием энергия или мощность социальной системы, как производными высокого порядка, значит уходить от объективной реальности.

Вместо термина «энергия» системы предлагается использовать понятие потенциал (возможность) – необходимые условия, существующие или которые могут быть своевременно созданы, в том числе необходимые средства (ресурсы, запасы) для достижения определенных целей, осуществления какой-либо деятельности.

Потенциал социальной системы в части материальных ресурсов, может быть измерен и количественно оценен. На подсчете и сравнении материальных ресурсов основывается, например, методика оценки и ранжирования геополитической значимости государств Н. Спайкмена [3].

При этом различают внешние (привлекаемые) и внутренние ресурсы социальной системы, восстанавливаемые и невозстанавливаемые, естественные и искусственные, централизованные и децентрализованные, обобщественные и не обобщественные др. Внешние ресурсы – это средства деятельности, получаемые от природной среды (добываемые) и иных социальных групп (получаемые, отнимаемые). Внутренние ресурсы – это средства деятельности, находящиеся в распоряжении субъекта социальной системы и ее подсистем. Централизованные обобщественные ресурсы находятся в распоряжении (пользовании) субъекта социальной системы. Децентрализованными обобщественными ресурсами тоже распоряжаются субъекты подсистем. Не обобщественные ресурсы принадлежат подсистемам и элементам социальной системы и используются ими для реализации собственных целей.

Использование внешних ресурсов связано с эксплуатацией внешней среды, внутренних ресурсов – с эксплуатацией ее подсистем и элементов. Без эксплуатации, т. е. использования в процессе жизнедеятельности природных ресурсов, ресурсов других социальных систем, ресурсов подсистем и элементов, невозможно накопление потенциала данной системы.

Основными функциями любой социальной системы являются самосохранение и совершенствование. Все иные функции социальной системы, так или иначе, являются подчиненным основным функциям. При этом сохранение системы есть целенаправленная деятельность по компенсации негативных внешних и внутренних воздействий, которая сопровождается убылью потенциала (сокращением возможностей). Совершенствование системы может рассматриваться как накопление потенциала, т. е. расширение возможностей. Степень эксплуатации и создание должных условий для сохранения и совершенствования подсистем и элементов – важнейшее условие сохранения самой системы, но в данном контексте внешний и внутрисистемный баланс интересов не рассматривается.

Система с «устойчивым развитием» или с «устойчивым ростом свободной энергии» – это система, неуклонно накапливающая потенциал (расширяющая возможности) и способная противостоять вероятным негативным воздействиям. В практическом плане – это система, приумножающая средства деятельности (ресурсы), потребные, для компенсации негативного влияния в будущем. Если система использует для развития не восстанавливаемый вид ресурса, то неизбежно сокращение объемов его получения и потребления. Это может расцениваться как нарастающее негативное влияние. Вопрос стоит в том, может ли негативное влияние быть компенсировано за счет альтернативных ресурсов, которые следует накапливать (создавать, генерировать), либо нет.

Любая социальная система может быть описана, объяснена, оценена и с долей достоверности предсказана при помощи модели потенциалов. Однако если материальные ресурсы могут быть представлены количественно в физических или условных единицах, то мерила для оценки, допустим, пассионарности или творчества, например, способности к изобретательству, не существует. Сведение так называемого научного потенциала со-

циальной системы к числу индивидов с учеными степенями, высшим или средним образованием представляет собой весьма грубую оценку. Особое место занимает так называемый информационный ресурс. Количество бит располагаемой информации – это лишь одна из многих характеристик информационной сферы. С точки зрения управления и взаимодействия важны не общие объемы, а потребная в данное время информация и возможность ее получения. Количественно невозможно оценить моральный ущерб или ущерб имиджу субъекта социальной системы.

В силу этого сравнительные оценки социальных систем по количественным показателям материальных ресурсов, являются весьма грубыми. Особый интерес с точки зрения основных функций по сохранению и совершенствованию системы представляет создание таких средств деятельности (включая нормируемые подсистемы и элементы социальной системы), таких технологий, которые, в сравнении с существующими, позволяют: получить ту же самую полезность результата (достичь ту же цель), но с меньшим расходом ресурсов или амортизацией средств; получить тот же расход ресурса, но более высокую полезность результата; получить меньший расход ресурса, но более высокую полезность результата.

Воспитанный человек (соблюдающий внешние ограничения), который не наносит бессмысленного ущерба природе, ограничивает (без ущерба для здоровья, трудоспособности) потребление, может считаться более эффективным элементом социальной системы по сравнению с другими, при условии одинаковой полезности результатов деятельности.

Менее интересны такие средства деятельности, которые позволяют получать требуемые результаты исключительно наращиванием расхода ресурса. Однако если требуемый результат ставит вопрос о дальнейшем существовании системы, а иных средств, методов, технологий не найдено, то форсирование расхода ресурса получает оправдание. Вопрос уже в другом – в способности впоследствии восстановить потери и двигаться по пути совершенствования.

Модель потенциалов социальной системы позволяет дать уточняющую интерпретацию случаев конфликтного взаимодействия социальных систем:

– При внешнем конфликте приобретенный вовне потенциал больше затрат на разрешение конфликта. В случае его полезной реализации обеспечивается совершенствование системы или уменьшение скорости деградации.

– Этим объясняется стремление (актуализация конфликтной цели и ее реализация) к завоевательным походам родовых общин, племен, государств на всей истории человечества и даже банальный грабёж, которые в сути есть насильственное приобретение потенциала иных социальных систем или индивидов.

– Возможный ущерб от внешнего негативного воздействия больше затрат на разрешение конфликта. В этом случае обеспечивается меньший спад или меньшее падение скорости развития.

Этим объясняется стремление к обеспечению безопасности, ликвидации источника опасности, устранению конкурента. В иных случаях внешний конфликт приводит или к прекращению системы, или к ее деградации (ускорению спада), т. е. негативному исходу.

Литература

1. Демчук М. И., Юркевич А. Т. Республика Беларусь: системные принципы устойчивого развития. Минск: РИВШ БГУ, 2003. 342 с.
2. Кузнецов О. Л., Кузнецов П. Г., Большаков Б. Е. Система природа – общество – человек: устойчивое развитие. М.: Ноосфера: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 2000. 392 с.
3. Спикман Н. Дж. Политическая карта Евразии (глава из книги «География мира»). Ч. 2 / пер. с англ. М. Н. Грачева // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 1(3). С. 49–56.

**БРЕНД ТЕРРИТОРИИ:
ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

Приводятся аргументы, что ООН последовательно декларирует цели устойчивого развития территорий, в числе которых – достойная работа и экономический рост (цель 8), устойчивые территории (цель 11), ответственное производство (цель 12), глобальное партнерство (цель 17). Подчеркивается, что для достижения всех этих целей необходимо системное взаимодействие как региональной власти, так и основных региональных акторов – корпораций, общественных объединений, населения. Бренд региона может стать объектом, объединяющим интересы всех стейкхолдеров [2].

Ключевые слова: цели устойчивого развития, стейкхолдеры регионального развития, бренд территории.

A. I. Sobol, I. A. Boltentkov, E. K. Grosheva
Irkutsk State University, Irkutsk

SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: SOCIAL AND CORPORATE ASPECTS

The UN consistently declares the goals of sustainable development of territories. Goals include decent work and economic growth (Goal 8), sustainable territories (Goal 11), responsible manufacturing (Goal 12), and global partnership (Goal 17). To achieve all these goals, systemic interaction of both the regional authorities and the main regional actors – corporations, public associations, and the population – is necessary. The brand of a region can become an object that unites the interests of all stakeholders.

Keywords: sustainable development goals, regional development stakeholders, territory brand.

ООН много лет декларирует необходимость учета в региональных и корпоративных стратегиях развития принципов устойчивого и ответственного развития. Если в английском переводе sustainable это одно слово, то в российской практике термины «устойчивое» и «ответственное» развитие пока не получили должного признания.

Если говорить о стратегиях развития региона, т. е. несколько показателей эффективности развития (в настоящее время данные параметры отслеживает АСИ [3]), и есть некий набор ключевых показателей эффективности управления территорией. В списке показателей – благосостояние населения, рост валового регионального продукта, индекс развития человеческого потенциала.

Эти показатели не имеют интегрированной точки отсчета, показателя, объединяющего усилия и власти и бизнеса в развитии территории. На наш взгляд, таким показателем является бренд территории, который определяет и стратегические, и операционные оценочные коэффициенты.

В исследовании, проведенном в 2018–2019 гг. под эгидой ТПП ВС, студенты Сибирско-американского факультета менеджмента ФГБОУ ВО ИГУ провели опрос резидентов и не-резидентов Иркутской области с целью выявления ключевых ассоциаций с регионом, определении элементов бренда региона, оценки имиджа региона, узнаваемости региональных товаропроизводителей и локальных брендов.

Результаты этого исследования показали, что:

1. «Бабр» – геральдический символ региона, присутствующий на гербе и флаге региона – практически не известен за пределами Иркутской области и не ассоциируется с областью. Жители региона осведомлены о том, что такое бабр, и около 20 % называют его символом региона. При этом вспомнить, на какой региональной продукции он присутствует, практически все затруднились.
2. Назвать какую-то айдентику бренда региона вне региона смогли 10 % респондентов, которые однозначно вспомнили озеро Байкал. Внутри региона Байкал как бренд назвали более 60 %.

3. При вопросе «какие ассоциации вызывает у Вас озеро Байкал» за пределами региона большинство респондентов вспомнили о заводе по «розливу байкальской воды для китайцев».

4. Дополнительно респонденты вне региона вспоминали «боярышник», «пожары», наводнения. Жители региона – «Тулун» и смену губернаторов.

Следовательно, у региона нет положительного узнаваемого имиджа, бренда, который приносил бы добавленную ценность как жителям региона (гордость и удовлетворенность от проживания именно в Иркутской области), так и местным товаропроизводителям, помогая в продвижении их товаров на внешних рынках.

В дальнейшем под брендом региона мы будем понимать наличие формально зарегистрированного товарного знака (группы знаков), знаков отличия, наименований мест происхождения товара или иных охраняемых элементов, которые может использовать либо сам регион, для продвижения на внешних рынках, либо товаропроизводители, либо те, кто оказывает какие-либо услуги. Следовательно, эффективность бренда – это его положительное влияние как на регион, так и на его стейкхолдеров – население, экономических резидентов, местные бизнесы.

Если говорить о прямой оценке эффективности бренда региона, то операционным результирующим показателем будет валовый региональный продукт (ВРП), итоговый показатель экономической деятельности региона. Однако ВРП не отражает перспективы развития региона, и не дает возможности провести факторный анализ для определения того, что положительно или негативно повлияло на территорию. Следовательно, необходимо определить группы показателей, как качественных, так и количественных, присвоить им определенные веса и проводить оценку их динамики. При разработке методов оценки бренда было предложено использовать следующие группы показателей:

1. Бизнес-процессы управления брендом;
2. Рынок: внутренний и экспортный;
3. Население: качество жизни и благосостояние;
4. Финансы: показатели, отражающие изменение в бюджете региона [1].

В каждой из групп предполагается наличие количественных показателей, градуированных показателей (0–1, или да-нет), и экспертных оценок. Очевидно, что вес показателей разный, поэтому необходимо провести расчет не только каждого показателя, но и расставить необходимые веса (табл. 1).

В рамках модели предложены отдельные группы показателей (на примере группы «Бизнес-процессы» проведена оценка для Иркутской области) (табл. 2).

Таким образом, результирующий показатель по данной группе крайне низкий, что говорит о не эффективной работе по созданию и поддержке регионального бренда в Иркутской области и о фактическом отсутствии поддержки продвижения местных товаропроизводителей на внешние рынки.

Таблица 1

Пример расчета долей интегрированных показателей

Показатель	Вес, %	Комментарий
Бизнес-процессы управления брендом	10	Формальные показатели, в основном по критерию да-нет, необходимые для успешного функционирования бренда региона, но не отражающие его качество и результативность
Рынок: внутренний и экспортный	25	Перспективный показатель, отражающий рыночную силу бренда во всех рассматриваемых направлениях
Население: качество жизни и благосостояние	40	Качество жизни населения является приоритетным показателем для региона, но при этом отражает перспективное влияние бренда
Финансы: показатели, отражающие изменение в бюджете региона	25	Объективные операционные показатели, рассчитываемые на текущий год либо целевые на период

Пример расчета эффективности бизнес-процессов

Показатель	Единица изменения	Вес, %	Показатель	Итоговое значение
1. Наличие формально зарегистрированного товарного знака, знака отличия для региона, НМПТ, иного охраняемого объекта или группы объектов	1 – да, 0 – нет	25	0	(по данным из системы регистрации)
2. Формализованный в стратегии Социально-экономического развития региона комплекс мер по развитию бренда	1 – да, 0 – нет	5	0	0 (по итогам анализа Стратегии СЭР)
3. Наличие уполномоченного агента по развитию, защите, продвижению бренда	1 – да, 0 – нет	10	1	0,1 (таким агентом является ТПП ВС)
4. Наличие визуальных элементов бренда в информационных ресурсах региона	1 – да, 0 – нет	5	0	0 (так как нет бренда, нет и элементов)
5. Наличие визуальных элементов бренда при официальных мероприятиях	% от проводимых мероприятий	5	0	0 (так как нет бренда, нет и элементов)
6. Осведомленность производителей продукции, работ, услуг о возможности использования бренда	% от количества производителей	10 %	10	1 (по итогам работы ТПП ВС и уже сделанного проекта производители используют айденитику бренда. Доля рассчитана исходя из процента участников ТПП ВС)
7. Наличие системы регламентации использования бренда производителями	1 – да, 0 – нет	10	1	0,1 (на примере уже реализованного в ТПП ВС проекта)
8. Контроль за экономическими агентами, использующими бренд	% от случаев использования	10	0	0 (система находится в процессе регламентации)
9. Доля продукции высшего качества под брендом	% от продукции	15	5	0,75 (доля товаропроизводителей, готовых использовать бренд, из числа членов ТПП ВС)
10. Доля стран, в которых бренд официально находится под охраной	% от юрисдикций	5	0,05	0,0025 (на примере существующего реализованного проекта)
	Итого	100		1,9525

Такую работу проводит в настоящее время ТПП ВС. В 2019 г. совместно с министерством сельского хозяйства региона был разработан комплекс товарных знаков и знаков отличия «BAIKALNATURAL», предназначенный для брендирования экспортноориентированной продукции местных производителей. В основе лежит концепция чистоты и экологичности товаров.

В развитии данного проекта под руководством ТПП ВС в 2020 г. был проведен комплекс мероприятий со студентами ИГУ, которые предложили зонтичный бренд ВАКАLFUTURE – комплекс товарных знаков и знаков отличия для разных сфер региональной промышленности – от образования до энергетики и астрофизики. Такой проект позволит продвигать не только сельхозпродукцию, но и в целом регион, что, в свою очередь, даст комплексный эффект для производителей, экспортеров – продавая одну продукцию под этим знаком поставщик автоматически продвигает и другую продукцию и регион в целом.

Данный проект был представлен на стратегической сессии студентов ИГУ в рамках предложений в Стратегию социально-экономического развития Иркутской области, апробирован в публикациях и научных работах, проводимых под руководством представителей ТПП ВС.

Литература

1. Соболев А. И., Еремий А. А. Развитие бренда территории: предпосылки и инструменты // Тезисы докладов Международной ежегодной научно-практической конференции / Еврейский университет. Москва: МаксПресс, 2020. С. 41–43.
2. Цели развития тысячелетия: официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals> (дата обращения: 20.11.2020).
3. Агентство стратегических инициатив. URL: <https://asi.ru/news/85656> (дата обращения: 20.11.2020).

УДК 351.83+004.58

Н. В. Деренко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

НОВЫЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ, ПОРОЖДАЕМЫЕ БЕСКОНТРОЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена анализу некоторых причин роста социальной напряженности вследствие цифровой трансформации социального и экономического уклада российского общества. Рассматриваются недостатки внедряемых цифровых сервисов, существенно нарушающие права граждан. Предлагаются меры общественного влияния на исправление некорректных технологий.

Ключевые слова: цифровой разрыв, цифровая трансформация, социальная напряженность.

N. V. Derenko

Irkutsk State University, Irkutsk

NEW FACTORS OF SOCIAL TENSION GENERATED BY THE UNCONTROLLED DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIAL TECHNOLOGIES

The article is devoted to the analysis of some of the reasons for the growth of social tension due to the digital transformation of the social and economic structure of Russian society. The disadvantages of the implemented digital services, which significantly violate the rights of citizens, are considered. Measures of public influence on the correction of incorrect technologies are proposed.

Keywords: digital divide, digital transformation, social tension.

Уже второй год самое пристальное внимание эксперты и ученые уделяют проблемам, возникающим в ходе стремительной цифровой трансформации российской экономики, управленческих и социальных технологий. Это не удивительно, ведь при всех привлекательных перспективах новой «знаниевой» экономики перечни возникающих рисков, обостряющих социальные отношения, огромны [2; 5]. Однако авторами очень мало внимания уделяется анализу качества возникающих в интернете сервисов, зачастую возникает впечатление бесконтрольности их разработки, отсутствия ориентации на целевого пользователя. Зачастую сервисы просто не работают месяцами, не предлагая никакой альтернативы.

При обсуждении пользователями в социальных сетях работы многочисленных новых цифровых сервисов обычными являются самые уничижительные оценки их качества. Например, так учителя реагируют на скоропалительно внедренный столичный электронный журнал: «...я последние два месяца очень часто посылаю проклятия в сторону разработчиков столичного электронного журнала. Это неправильно и разрушает мою карму, психику, не соответствует высокому званию «учитель», высеченному на кресте, который я, видимо, должен нести, но нервов просто порой не хватает. Иногда кажется, что в Департамент информационных технологий столицы набрали троечников и даже неудачников, которые не только программировать не умеют, но не знают азов общения с пользователями (родителями, учителями и учениками) и просто трусят вступить с ними в диалог» [4].

А интенсивность цифровизации растет. 13 марта 2020 г. стали известны очередные меры по усилению цифровой трансформации государственного управления – Председатель Правительства России Михаил Мишустин объявил список 50 чиновников ранга

CDTO (Chief Digital Transformation Officer, руководитель цифровой трансформации) федеральных органов. В список полномочий новых «комиссаров цифровизации» включены изменения или реинжиниринг рабочих процессов внутри министерств и ведомств, включая перевод их в онлайн-услуги для населения и переход к управлению данными, которые на сегодняшний день поступают в реальном времени [3].

Таким образом, объемы онлайн-услуг населению будут расти и расти. А значит, нужно внимательнее относиться к их накапливающимся дефектам. Рассмотрим на примере взаимодействия с Федеральной налоговой службой, к чему приводит непродуманная роботизация, – автор сам являлся участником описываемых событий, анализируя их со студентами в ходе изучения дисциплины «Информационные технологии управления».

Сравним «старые» сервисы и «новые», продукт совершенствования электронных услуг последних лет. Отметим появившиеся негативные эффекты.

2016 г. – оформление заявления о возврате излишне уплаченного налога после подачи декларации 3-НДФЛ (средства налогоплательщика были потрачены на дорогостоящее лечение):

а) в марте скачана с сайта налоговой программа формирования декларации 3-НДФЛ, составлена декларация (2 часа работы); в организации получена справка 2-НДФЛ (1 час на визит в бухгалтерию); в медицинской организации получены договор, лицензия, платежные документы (1 час на визит); декларация распечатана для подачи в ФНС (включая реквизиты банковского счета для возврата средств);

б) на следующий день декларация сдана в ФНС (1 час на визит – 5 минут в очереди);

в) ровно через три месяца по электронной почте получено уведомление о положительном заключении камеральной проверки; еще через неделю деньги оказались на счете.

Итого: все трудозатраты гражданина уложились в один день, через три месяца деньги были получены.

2020 г. – та же самая операция, подача декларации 3-НДФЛ после дорогостоящего лечения:

а) в марте скачана с сайта налоговой программа формирования декларации 3-НДФЛ, составлена декларация (2 часа работы); на сайте же получена справка 2-НДФЛ (есть «плюс» – экономия на визите в бухгалтерию); в медицинской организации получены договор, лицензия, платежные документы (1 час на визит); декларация распечатана для подачи в ФНС (включая реквизиты банковского счета для возврата средств);

б) в тот же день декларация через сайт сдана в ФНС – 24 марта;

в) ровно через три месяца, 24 июня, поступил телефонный звонок о нарушениях, обнаруженных в ходе камеральной проверки; проблема – сканы не всех документов приложены к декларации; после предложения посмотреть внимательнее – все сканы в одном файле – поступили извинения, оказывается, роботу удобнее, когда все документы в отдельных файлах (но об этом ни слова в инструкции!); так мы обнаружили первый «минус» – робот элементарно ошибается при проверке заявки; в итоге камеральная проверка пройдена в те же сроки, что и 4 года назад, только благодаря выборочной проверке, сделанной сотрудником ФНС по телефону;

г) после безуспешного ожидания поступления средств на счет в августе обнаруживаем на сайте, что нужно распорядиться суммой излишка налога (но это уже делалось в марте!) – перевести на счет или оплатить очередные налоги; 18 августа (рис. 1) распоряжемся, получаем заверения, что в течение 30 дней будет результат; обнаружен очевидный «минус» – повторное требование распорядиться суммой;

д) не получив в сентябре обещанного результата (никакого ответа вообще), 24 сентября в третий (!) раз оформляем распоряжение перевести средства на счет – «минус» очевидный (опять робот заверил нас, что в течение месяца будет результат);

е) средства в октябре не поступили, ФНС в третий раз проигнорировала (вообще никакой реакции с ее стороны) законное требование гражданина вернуть ему средства – здесь уже даже не «минус», а предмет для жалобы в прокуратуру; попытка четвертый раз распорядиться своими деньгами показала, что ФНС вообще отключила на сайте кнопку «Вернуть», оставив только возможность зачесть в счет очередного платежа налогов (рис. 2) – это уже буквально вымогательство, своеобразный шантаж бездействием сервиса, становится понятно, что робот сознательно так запрограммирован – нанести ущерб гражданину, вот вам и повод для роста социальной напряженности.

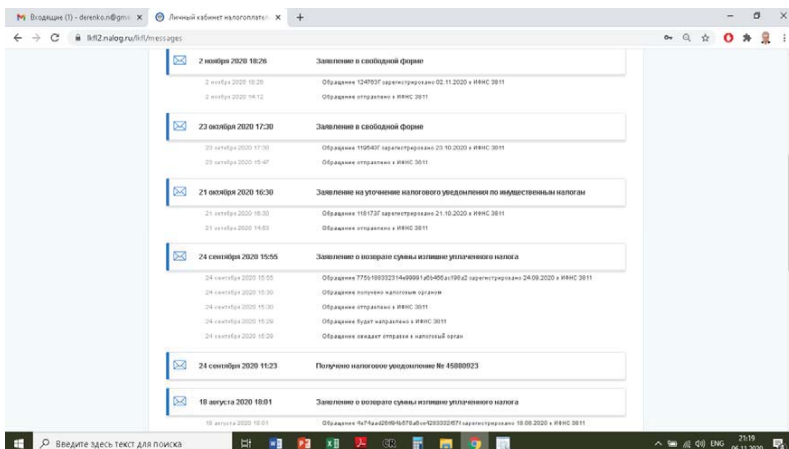

Рис. 1. Переписка с роботом ФНС

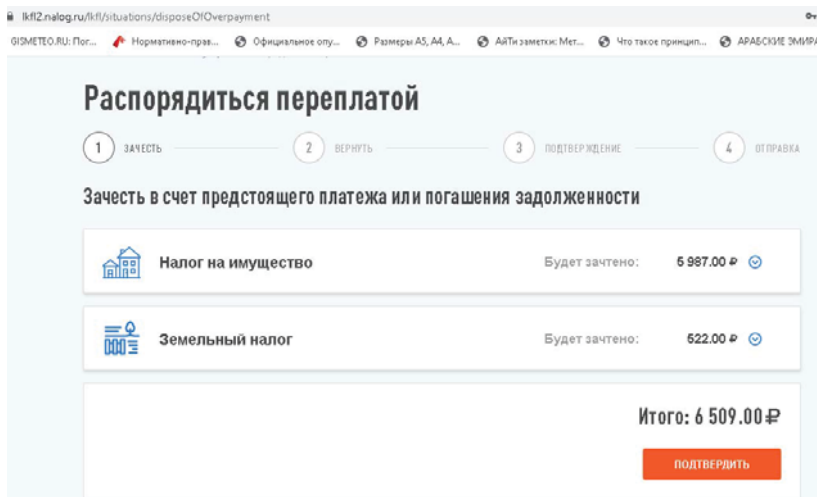

Рис. 2. Неработающий сервис ФНС

Подведем итоги описанной процедуры. Цифровой сервис ФНС не работает, права граждан нарушены. Можно забыть о законных сроках «до одного месяца», «до трех месяцев» – теперь реакция поступает в последний день истекшего месяца или квартала. И это если реакция на обращения гражданина есть! А в описанной ситуации тишина, даже при поданных одновременно обращениях о перерасчете неверно рассчитанного налога на квартиру (он превышен в 4 раза – не произведена корректировка ставки налога при переходе на кадастровую оценку квартиры). Таким образом, вопрос точно переходит в сферу компетенций прокуратуры.

Аналогичных примеров с цифровыми сервисами правительства можно привести еще много. Например, в 2019 г. из ФНС же в декабре поступает запрос на оплату пеней за 2012 г. (это невозможно, больше трех лет прошло, да и задолженности не было) в размере, как за огромную квартиру. Удалось дозвониться – оказалось, ошибка робота (!). Однако до признания ошибки нас уговаривали заплатить, а потом уже с переплатой разобраться, чтобы цифровая процедура сработала. Здесь налицо рэкет – расчет, что перед новогодними туристическими полетами граждане, не разбираясь, оплатят несуществующие пени. Еще пример: в разгар пандемии в октябре-ноябре 2020 г. вообще невозможно вызвать врача, в том числе и через сайт «Госуслуги». Сайт при регистрации заявки очень долго ее изучает, а потом отказывает по причине не прикрепления полиса ОМС к конкретной поликлинике, что является неправдой. При попытке проверить данное прикрепление – извинения, сервис не работает. И здесь виден цинизм разработчика – проще было объяснить невозможность вызова врача коллапсом системы здравоохранения региона, а не обманывать гражданина.

Кто виноват, понятно. Причины ясны – нет ориентации на интересы пользователя, идет грубое нарушение его прав. Нужна такая цифровизация? Ответ очевиден. Что делать? Хотя бы полномасштабную общественную экспертизу запускаемых сервисов – очевидно, что программисты работают бесконтрольно. Автор предлагает активистам ОНФ заняться это важнейшей проблемой, вместо всероссийского масштабирования очередных глупостей – надругательства над памятьками путем водружения на них защитных масок.

Литература

1. Васильев В. П., Деханова Н. Г., Холоденко Ю. А. Факторы и тенденции социальной дифференциации: новые риски // Социодинамика. 2020. № 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32488 (дата обращения: 02.11.2020).
2. Грабельных Т. И. Возможности гармонизации общественных интересов в современную эпоху // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке: XIV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2020»: сб. материалов. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 1034–1036. URL: <https://doi.org/10.29003/m1402.978-5-317-06450-1> (дата обращения: 02.11.2020).
3. Мишустин формирует «цифровой спецназ» из чиновников министерств // C-News. 2020. URL: <https://cnews.ru/link/n504897> (дата обращения: 06.11.2020).
4. Серегин В. Кто ответит за кривой электронный журнал. Да, вот так // Мел. 2020. URL: https://mel.fm/blog/vladislav-seregin/45038-kto-otvetit-za-krivoy-elektronny-zhurnal-da-vot-tak?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=ne-znayu-kak-vy--uvazhaemye-roditeli--uchi (дата обращения: 06.11.2020).
5. Эскиндаров М. А., Масленников В. В., Масленников О. В. Риски и шансы цифровой экономики в России // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23, № 5 (113). С. 6–17.

COMMON ECONOMIC DEVELOPMENT CHALLENGES OF NUTS 2 CAPITAL REGIONS OF WIEN (AUSTRIA) AND THE BRATISLAVSKÝ KRAJ (SLOVAKIA)

The article discusses challenges of economic development in recent years which face Vienna and Bratislava, namely Wien and the Bratislavský kraj capital regions, according to the 2nd level of Nomenclature of Territorial Units for Statistics (NUTS 2). Economic, demographic, as well as socio-political development conditions, are analyzed with the use of various data. The European Union 2004 accession provided great opportunities in stabilizing the economic situation for both Wien and the Bratislavský kraj capital regions which are divided by a short distance of 55 km, a middle distance of economic and political regulations, and a long mental distance since both were on opposite sides of the Iron Curtain in the past.

Keywords: Vienna, Bratislava, Wien, Bratislavský kraj, Austria, Slovakia, economic development, European Union, NUTS.

A. V. Завьялов

Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск

ОБЩИЕ ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВЕНЫ (АВСТРИЯ) И БРАТИСЛАВСКОГО КРАЯ (СЛОВАКИЯ) – СТОЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ NUTS 2

В статье рассматриваются вызовы экономического развития последних лет, с которыми сталкиваются Вена и Братиславский край – столичные регионы согласно второму уровню номенклатуры территориальных единиц для целей статистики ЕС. Проанализированы экономические, демографические, социально-политические условия развития при использовании различных данных. Расширение Европейского союза 2004 г. предоставило широкие экономические возможности для столичных регионов – Вены и Братиславского края – разделенных короткой дистанцией в 55 км, средней дистанцией в вопросе экономического и политического регулирования и длинной ментальной дистанцией, так как оба находились по разные стороны Железного занавеса в прошлом.

Ключевые слова: Вена, Братислава, Братиславский край, Австрия, Словакия, экономическое развитие, Европейский союз, номенклатура территориальных единиц для целей статистики.

Wien and the Bratislavský kraj (very often called as the Vienna – Bratislava Region in periodic) are situated in one of the principal cross-points in Europe and are integral parts of numerous sector networks. It is a place where both the problems and opportunities appeared in utmost visible way after the removal of the “iron curtain”, representing two interlinked trends and their beneficial effects on development and growth in unified Europe: lowering of the importance of national barriers with forthcoming integration of national, regional and local economies, and an emergence of new development poles in the form of functional regions that cut across administrative borders.

The Austrian capital region of Wien and the Slovak capital region of the Bratislavský kraj with only 55 kilometers from centre to centre are the closest located pairs of capitals in Europe (if not taking into account Rome and Vatican). Both of the regions play a prominent role in development of the whole region, and the overall nature of cooperation relations among various actors within the region is significantly influenced by the quality of relations between Wien and the Bratislavský kraj [3].

The both regions have developed throughout history as a mutual, connected settlement and social system, even though the two parts were the responsibility of different central administrations (the Austrian empire, the Hungarian kingdom). However, the ties between two regions were clear even after the breakdown of the Austrian monarchy. Later, mutual relations were discontinued after the creation of two ideological worlds in the new European order after World War II. This had continued until the end of 1980s. Regarding the new political-economic changes in states of Central and Eastern Europe, the area of Wien and the Bratislavský kraj becomes significant for the revival of the East-West relations. The area moves in the focus of in-

terest not only from a national perspective, but also from the whole European perspective as a node from where new links across individual states are made possible across Europe [5].

As for the main demographic characteristics, Wien and the Bratislavský kraj are integrated as one of the seven centers (agglomerations) allocated the highest degree of importance within Europe as a whole. The importance of Wien and the Bratislavský kraj is strengthened by the traversal of several Trans-European corridors in this area, which increases the attractiveness with respect to the accessibility and links to other significant centers and agglomerations in Europe.

17 % of the Austrian population (total is 8 923 000) lives in Wien and 12 % of the Slovak population (total is 5 455 000) lives in the Bratislavský kraj (table).

Demography of Wien and the Bratislavský kraj [2]

Table

NUTS 2 region	Area, km ²	Population, 2001	Population, 2019	Male, %, 2019	Female, %, 2019	Density, inh./km ² , 2019
Wien	415	1 562 123	1 897 491	47	53	4 502.8
Bratislavský kraj	2 052.6	599 015	659 598	47	53	299.8

One main characteristic is distinctive urban-rural disparity. The capital cities are confronted with the challenge of extremely peripheral areas. In the past decades, after World War II until 1995, the demographic growth of the both regions had shown a clear divergence: the Wien population stagnated or decreased, while the Bratislavský kraj and its surroundings experienced very dynamic growth development. But after 1995 the Bratislavský kraj was losing population to its surrounding districts as a result of suburbanization and decreasing immigration from other Slovak counties, as well as by the reason of a general decrease in the population growth and a decrease in migration to towns. In 2001 the situation started to change, and now the Bratislavský kraj shows apparent population growth. Also, after 1995 the Wien population continues to increase not only due to the childbirth rate, but also due to labor immigration and refugees.

As for the economic characteristics, Wien and the Bratislavský kraj are economic and employment centers within their countries. The socio-economic level achieved in the individual regions is characterized mainly by the regional gross domestic product (GDP), which also represents the starting point for creation of a regional policy at the EU level, as well as at the state and regional levels.

The regions of Wien and the Bratislavský kraj cover around 40 % and around 30 % of their respective national GDP [4]. Wien contains the highest concentration of economic activities in the region, where its GDP per capita is 110 % above the EU-average. The Bratislavský kraj's GDP rate is around three times lower than Wien's one, but the regional GDP per inhabitant in PPS in the Bratislavský kraj is a little bit higher than in Wien.

The internationalization of the Wien's economy has changed enormously in the past few years. In the 1990s there was a deficit in internationalization, but after 2004 and 2007 enlargements huge flows of labor migrants came into the region, which helped Wien to internationalize its economy. The economy of the Bratislavský kraj is not that internationalized, but it moves the same direction as Wien's one.

As far as Wien and the Bratislavský kraj are situated quite near to each other (they are divided by approximately 50 km of the Austrian NUTS 2 region of Niederösterreich), their mutual integration of economic potentials, especially after Slovakia's accession to the European Union, substantially strengthens strongly concentrated regional markets. In relation to the location and socio-economic potential Wien and the Bratislavský kraj represent the "entrance gateway" of civilization changes coming to the Slovakia territory mainly from the West. Suitably coordinated governance of urban and regional development processes creates a functionally integrated metropolitan region of international significance (the so-called the Vienna – Bratislava Region). The trend of gradual integration of Wien and the Bratislavský kraj with a part of Niederösterreich between them is supported by more favorable endogenous market conditions on the Slovak side in the recent years, in particular:

- a diversified multi-industry economic base with a progressive structural change towards the tertiary sector, particularly of market services;
- a high share of qualified human capital supplied by the network of educational facilities;
- a developed scientific research basis;
- an advantageous location potential given by the fact that the urban region is an intersection of transport corridors [1].

In Wien manufacturing has been undergoing a comprehensive restructuring process for several years now – a high concentration of technology-oriented industries (electronics, vehicles, mechanical engineering, and chemicals) and of the food production sector has been observed. The deindustrialization in Wien is beyond the average in European cities. A large share of growing industries of the past few years belongs to the service sector. This phenomenon of de-industrialization is not specific to Wien, but has been observed in all metropolitan areas. As regards competitiveness, Wien has an excellent starting position for further development due to its modernized economic structure. Wien has a very high share in industries that are highly employed by workers from abroad. The factors mentioned will also determine the attractiveness of Wien and the Bratislavský kraj and their competitiveness for investment allocations in the future. In the forthcoming period of 5 to 8 years, lower price levels of input factors will support higher competitiveness in Slovakia.

Investors are highly interested in an increase in agglomeration advantages in Wien and the Bratislavský kraj. This situation positively influences and accelerates the process of regional economic convergence of Wien and the Bratislavský kraj because the risk exists (and this risk is justified by the processes taking part in the region) that their disparity could trigger a process to relocate part of the production to the Slovak side, which has a lower ecological level and a higher need for less qualified jobs, while in Austria jobs with higher qualifications will increase. Therefore, the Bratislavský kraj authorities of all levels in their strategic documents stress their highly qualified human potential and indicate a preference for localization of sophisticated production and services there.

As a consequence of the dynamic growth of the tertiary sector in the Bratislavský kraj, the sector and industrial structure as a whole shows progress comparable with highly-developed regions in the EU. The structural administration reform in Wien and deep changes in the federal structure of Austria have led to a reduction of employees in the public sector.

The Bratislavský kraj seems to have an increasingly similar sectorial structure as Wien, but its parameters in GDP creation are not consistent with the Austrian ones up to now due to lower productivity and wage levels in most branches of the secondary and tertiary sectors.

A common policy of Wien and the Bratislavský kraj, based on agreements, is on its way to create conditions for further development of new production and services with a higher share of value added. The focus of development is on establishment and operating of science and technologies. It creates conditions for effective usage of highly-qualified human capital and reduces “brain drain” from the Bratislavský kraj. The flow of professional experts between Wien and the Bratislavský kraj is not being considered relevant in the sense of “brain drain” then.

The intensity of the Wien influence towards the Bratislavský kraj will depend on development of where Wien will orientate itself. This is due to the fact that Wien with its economic potential determines the economic profile of the whole Eastern-Austrian area. Although Wien has the highest level of the “tertiary process” (around 75 %) as its central function, in the tertiary sector distribution (business) activities and the public-social sector are prevailing. The Bratislavský kraj already has, due to a fast transformation of the economic basis, the same share of the tertiary sector (around 75 %), but with a higher share of market entrepreneurial services. The real conditions of complementarities of the both regions have already been registered in the field of entrepreneurial and partially in public-social services, especially in middle and academic education.

A common labor market of Wien and the Bratislavský kraj exists after the EU enlargement in 2004. The current labor market of Wien and the Bratislavský kraj has its own specific features in contrast to other regions of the both countries. A high share of qualified inhabitants provided the basis for the rapid transition to a market economy in the Slovak Republic (especially in the Bratislavský kraj), which changed the sector structure of the economy. Wien has experienced comparatively strong deindustrialization with relocations to the surrounding Niederösterreich region.

Wien and the Bratislavský kraj have a considerably common structure of employment. They are administrative, economic, cultural and political centers of their countries. This also reflects the structure of employment of these centers. The biggest share of employees in the both regions is in the tertiary sector – about 70 %. The background of the both regions is characterized by a higher share of agricultural activities [5].

Wien and the Bratislavský kraj reach approximately above 30 % of the entire GDP in their countries. Anyway, they are considerably differentiated and contain series of disparities. These are mainly differences in an absolute level of the GDP, average wages, the unemployment rate, the technical level, etc.

Cross-border labor markets are a key to bring the regions together and lead to an economic success of them both. An assessment of development perspectives of Wien and the Bratislavský kraj also has to take into account a special geographical and economic situation. Wien and the Bratislavský kraj are characterized with the presence of two capital cities, which:

- are located within a daily commuting distance;
- show marked differences in the wealth, wages and price levels;
- are economic, employment, educational and migration centers for their respective surrounding areas;
- have labor markets with specific features.

There is no other region in Europe with a similar regional constellation of settlement patterns and the economic structure.

In the Bratislavský kraj the unemployment rate reached 2.3 % in 2019 (6 % in 2014), in Wien it ran 9.3 % in 2019 (10.2 % in 2014). Unemployment rates differ strongly within Slovak regions (the Bratislavský kraj has had the lowest unemployment rate for many years in Slovakia, while the Východné Slovensko region has had the highest rates in recent years: 9.1 % in 2019, 16.6 % in 2014 (the rest of the regions are quite near to this rate), while in Austria there is absolutely another situation: the unemployment level in Wien is clearly above the Austrian average and among the highest rates in the country (the average unemployment rate within the country is around 3.5 %).

It is necessary to stress that female unemployment has been prevailing in the both regions for quite a long period, but in previous years there was no such a tendency: the female unemployment rate in Wien was 8.3 % in 2019 (9.4 % in 2014), in the Bratislavský kraj – 2.2 % in 2019 (6.4 % in 2014). Concerning males, in the Bratislavský kraj it was 2.5 % in 2019 (5.6 % in 2014), in Wien – 10.1 % in 2019 (11.2 % in 2014). The Bratislavský kraj in general has one of the highest employment rates recorded in any of the regions from those Member States that joined the European Union in 2004 or later. Half of all persons out of work are long-term unemployed, and a large share belongs to problem groups of the labor market (social and spatial mobility limitations, low qualification levels) [2].

The migration to the Bratislavský kraj (with a change in the permanent residence status) does not have a significant effect on the regional labor market, which proves the statement that fears about mass commuting to Wien from the Bratislavský kraj, expressed in the 1990s and 2000s, are unjustified. Both of the regions have a characteristic feature, which is high daily migrations for employment – approximately 1/4 of the employees migrate into each region from near or more distant surroundings.

After Slovakia's accession to the European Union, the labor market situation did not change radically because, on the one hand, the price level and wage differences gradually decrease, and, on the other hand, the labor market situation is influenced by the European Union transitional regulations regarding the free movement of labor.

A good economic trend and the aging population within Wien and the Bratislavský kraj lead to an increase in migration and commuting from more peripheral parts of Austria and Slovakia. It has to be considered that there are high economic differences between the Bratislavský kraj and the rest of Slovakia. The economic imbalance, especially in the case of the Bratislavský kraj, leads not only to Slovaks' going to Austria for receiving better salaries, as far as they show their interest in working abroad in areas near the border, but vice versa: immigrants from Austria exploit the advantage of living in a "cheaper" Bratislavský kraj and working on a "higher wage" Wien territory (there is such a tendency, which is evaluated as an unusual migration behavior) [3].

The GDP growth and a rapid transformation of the sector structure of the regional economy positively influence the regional labor market in the Bratislavský kraj, especially a lower unemployment rate compared to the Slovakian average and a higher level of wages, especially in the Bratislavský kraj, compared to the rest of Slovakia. But, despite a positive economic trend, after more than 25 years of transformation, significant disparities still exist in terms of the income level observed on the Wien and Bratislavský kraj labor markets.

But on the basis of some internal factors concerning, for example, the powerful economic attraction of Wien, there is still a danger that it will lead to marginalization of the Bratislavský kraj and nearby regions. For avoiding such processes, Wien tries to transfer economical activities to potentially marginal areas. As the Bratislavský kraj has reached a noticeable level of development and its economic importance has grown, its mutual relations could have a competitiveness character in the future. This trend also has some positive sides, mainly those concerning the acquisition of fast and relatively short-term effects. Business subjects and self-governmental municipalities along with cities can, in the interest of gaining financial support, accept or support such a trend with the purpose of economic activities attraction [5].

The price disparity is tempting to relocate production with a lower technological level and lower qualified jobs to the Bratislavský kraj. In order to hinder this process, the Bratislavský kraj is stressing its highly qualified human resource structure as one of its principal strategic advantages (in order to attract sophisticated business activities instead of cheap production). Although the Bratislavský kraj has a sector structure similar to Wien, lower wages and lower productivity hinder harmonization of the labor market [4].

Analyzing economic similarities and differences of the both regions, their main strengths and weaknesses were distinguished, based on similarities and differences. Seeing strengths and weaknesses, it is also possible to observe similarities and differences the both regions face (table 2).

From the national point of view, it means that disparities are noticeable between the surroundings of the capital regions. In the both national parts it is possible to observe a dominant position of Wien and the Bratislavský kraj in all fields (e.g. economic, educational, social and cultural spheres, etc.). Both of the regions have elaborated conceptual documents, whose realization is directed towards a rational and optimal reflection and support of the ongoing urbanization trends. The attention is also paid to construction and development of a superior technical infrastructure, which will ensure an optimal accessibility of the regions. Basically, the both regions currently share, due to their sectors, a pretty similar structure of employment. Both of the regions are characterized with the highest share of the population with university and academic education on the national level.

Table 2

Strengths and weaknesses of Wien and the Bratislavský kraj capital regions
(NB: **W** – particularly relevant in Wien, **B** – particularly relevant in the Bratislavský kraj)

Indicator	Strengths	Weaknesses
Location	<ul style="list-style-type: none"> - a position in Central Europe at the intersection of four countries; - both of them are centers of politics, administration and economy; - a gateway to other countries 	a peripheral location of rural parts and poor accessibility to other economic centers and the neighboring countries
Demography	development of the population due to internal and external migration	the growth of aging population groups
Regional Economy	<ul style="list-style-type: none"> - a high level of economic activities; - highly attractive for investment; - positive development perspectives; - different income levels as a potential strength for integrated metropolitan economy 	<ul style="list-style-type: none"> - a high degree of dependence on urban agglomerations; - inter- and intra-regional disparities and marked differences; - a lack of economic cross-border cooperation projects; - existing differences in legal frameworks; - different nominal income levels as a potentially misleading incentive to relocation of economic activities; - a lack of efficient co-ordination of developmental policies
Industry	B : existence of strong enterprises with supra-regional importance	<ul style="list-style-type: none"> B: restructuring of previous key industrial plants; B: high importance of the secondary sector with structural problems
Services	<ul style="list-style-type: none"> - a high level of demand for services; - positive dynamic development of the tertiary sector; - positive dynamic of new activities in software-intensive service industry; W: positive dynamic development of business activities, successful activities of the financial sector 	<ul style="list-style-type: none"> - a high share of public administration; - a low number of headquarters, R&D-activities of multinational corporations; B: no advantages of specialization on the international level
Tourism	high possibilities of realization of all kinds of tourism and leisure activities	missing cross-border management, publicity and tourism organization
Labor Market	a high supply of a qualified labor force and a high level of qualification and education of the population	<ul style="list-style-type: none"> - differences in legal frameworks; - different levels of incomes and wages as a potential threat to the labor markets
Human Resources	<ul style="list-style-type: none"> - location of universities and other research centers; - a broad offer of educational, research and qualification facilities; - a high rate of people with a university degree 	insufficient possibilities for further education and life-long learning
Science and Research	<ul style="list-style-type: none"> - existence of the critical mass of scientific institutions; - a high number of consulting companies compared with the national average 	<ul style="list-style-type: none"> - disintegration of research activities; - weak interconnection between research and business practice; B: low investment to RTD on the part of companies
Accessibility	<ul style="list-style-type: none"> - a direct connection to main transport corridors; - the Danube as an international transport route 	insufficient orientation of the transport infrastructure towards future challenges
Natural Resources, Environment	<ul style="list-style-type: none"> - landscape reserves and protected areas; - “The green heart”: the Danube-Auen National Park 	a lack of common monitoring
Social Conditions	existing cultural and social relationships and a variety of languages (minorities)	<ul style="list-style-type: none"> - mental barriers (due to the “Iron Curtain”); - language barriers; - problematic integration of immigrants and their families; W: “Big brother” syndrome

Indicator	Strengths	Weaknesses
Sustainable Development	W: low environmental pollution and a high quality of life; B: a decrease in environmental pollution and improvement of quality of life	- an increase in traffic; - landscape restrictions, protected areas as an obstacle for economic development
Governance	the existence of some specialized common cross-border committees and associations	a lack of joint regional planning and institutions

The both parts of the region are significant for good natural conditions, and they also contain very precious natural territories protected by law. The most remarkable inter-regional differences between Wien and the Bratislavský kraj are observed mainly in the number of unemployment and an average monthly income of employees. Another big difference is the process of GDP creation.

Disparities between Wien and the Bratislavský kraj catch the eye in the frames of individual national parts of the both countries, since the situation is not homogeneous. The analysis of only some economic features and labor market shows that these two neighboring regions are too different. The both models of economic activities have their own strengths and weaknesses.

Bibliography

1. Background report of the territorial review of Vienna – Bratislava region / Commissioned by OECD, AUREX, s.r.o. Bratislava, 2002. 96 p.
2. Eurostat. Official web-page / European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/main/home>.
3. Finka M., Zigray F. Relationship Among “Ideal European Regions” and “Real European Regions” on the Example of Border Region Bratislava – Vienna: Selected metascientific and applied aspects. Institute of Spatial Planning and Urban Design, Faculty of Architecture of the Slovak University of Technology in Bratislava, 2005.
4. Jaššo M. Competition and Cooperation of the Cities: Vienna-Bratislava Metropolitan Region / 2nd Central European Conference in Regional Science – CERS of the Technical University of Košice, Faculty of Economics. Košice, 2007. PP. 354–365.
5. Joint Chapter for the Vienna – Bratislava Region Background report. City of Bratislava official report. 2012. 25 p.

УДК 327.5

А. М. Разумовский

Военная академия Республики Беларусь, г. Минск

УКРАИНА В ДЕЙСТВИИ СУБЪЕКТОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТОВ

Нынешняя общественно-политическая ситуация на Украине объясняется одновременным проявлением комплекса конфликтов: геополитического, цивилизационного и олигархического. Показаны субъекты конфликтов. Названы проблемы разрешения конфликтов. Даются некоторые прогнозы относительно развития ситуации.

Ключевые слова: геополитический конфликт, цивилизационный конфликт, олигархический конфликт, комплексное рассмотрение, общенациональный кризис.

A. M. Razumovskiy

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

UKRAINE IN ACTION BY SUBJECTS OF CIVILIZATION AND GEOPOLITICAL CONFLICTS

The current sociopolitical situation in Ukraine is described here through the simultaneous effect of a multi-itude of conflicts: geopolitical, civilizational and oligarchical. The subjects of conflict are listed. The conflict resolution issues are named. Certain prognoses concerning the further developments are made.

Keywords: geopolitical conflict, civilization conflict, oligarchic conflict, complex analysis, nation-wide crisis.

В настоящее время на территории Украины комплексно проявляется ряд конфликтов, различных по своим причинам, конфликтующим субъектам, продолжительности. Наложение их один на другой задает облик общенационального кризиса. В данном контексте рассматриваются только геополитический, цивилизационный и олигархический конфликты.

Геополитический конфликт по линии Россия – Запад принято считать одной из основных причин государственного переворота и дестабилизации общественно-политической ситуации на Украине после второго «майдана».

Действительно еще в XIX в. германский канцлер О. фон Бисмарк сформулировал тезис, что без Украины Россия просто большая страна, а с Украиной – великая Россия. В двух мировых войнах колонизация Украины рассматривалась Германской и Австро-Венгерской империями, а затем нацистской Германией, не только с точки зрения расширения жизненного пространства на восток, но и устранения геополитического конкурента в лице России [4].

Именно геополитическое «сдерживание» России актуализировало в очередной раз «окончательное решение украинского вопроса». В начале XXI в. Москва стремилась вовлечь Киев в евразийскую экономическую интеграцию, что обеспечивало достаточно внушительный экспортный потенциал и емкий внутренний рынок будущего союза [1]. Брюссель и Вашингтон видели следствием этой интеграции дальнейшее усиление России и обострение глобальной экономической конкуренции. Об этом неоднократно и открыто говорили представители западного политического истеблишмента [2].

После распада СССР внешняя политика Запада в отношении России, по сути, сводилась к следующему:

- препятствовать любым, иницируемым Россией, интеграционным процессам на постсоветском пространстве с целью не допустить усиления геополитического конкурента и сохранить глобальное доминирование;

- всячески замедлять инновационный рост российской экономики и модернизацию оборонного потенциала с целью достижения военно-стратегического превосходства, достаточного для «сдерживания» Москвы (в том числе посредством реализации стратегии «передового базирования»), развертывания глобальной системы ПРО, милитаризации космоса);

- создать «пояс нестабильности» вокруг России или обеспечить контроль над внешней политикой сопредельных стран с целью препятствования внешнеторговому обмену и в целом экономическому развитию;

- всемерно способствовать ослаблению центральной власти, созданию предпосылок «управляемого хаоса» и распада федерации, чтобы исключить риск возрождения России как мировой державы и получить свободный доступ к российской ресурсно-сырьевой базе [2].

Украина фактически оказалась инструментом этой антироссийской политики. При этом сама она с многочисленными внутренними проблемами вряд ли всерьез рассматривалась западными геополитическими игроками в качестве экономического партнера. Еще в 1997 г. влиятельный «Уолл-Стрит джорнал» называл эту страну потенциальным банкротом и непривлекательной с точки зрения инвестиционных проектов [3].

Следует признать, что на сегодняшний день в деле решения украинского вопроса США добились определенных успехов [4]:

- сорвана попытка масштабной евразийской интеграции;

- американские политические партнеры консолидированы вокруг антироссийской политики вопреки своим частным экономическим интересам;

- обеспечен внешний контроль над государственной властью Украины и задан ее антироссийский внешнеполитический курс;

- нанесен существенный ущерб российской экономике (через политику санкций, затруднение транзита, разрыв технологических связей, дополнительные бюджетные расходы и т. д.);

– расширено американское политическое и военное присутствие вблизи российской границы.

Ответными действиями Кремлю удалось на время консолидировать российское общество и повысить рейтинг власти, улучшить военно-стратегическое положение в черноморском регионе и отсрочить политическую интеграцию Украины в НАТО. Однако это скорее тактические успехи. Стратегической инициативой по-прежнему владеет Запад [4].

Попытка договориться в «нормандском формате», оставив за скобками США, хотя и снизила интенсивность вооруженного конфликта на Донбассе, однако [4]:

– подтвердила статус Донбасса как украинской территории, временно неподконтрольной Киеву, что идейно ослабило сопротивление майданной власти;

– способствовала передышке от военных неудач, формированию с американской помощью лояльного режиму силовых структур, ликвидации лидеров сопротивления, дальнейшему усилению русофобских настроений в украинском обществе;

– не привела к принципиальным противоречиям между США и их европейскими партнерами, изменению отношения ЕС к официальному Киеву, выходу европейцев из антироссийских санкций, признанию нового статуса Крыма и др.

Для Украины действия субъектов геополитического конфликта обернулись внутренним расколом украинского общества по векторам внешнеполитической ориентации и вооруженным конфликтом на Донбассе, отделением Крыма, усилением праворадикального режима, обострением экономических и социальных проблем при явно недостаточной компенсации со стороны США или ЕС [4].

В ходе продолжающегося геополитического конфликта Россия – Запад, США в дальнейшем будут стремиться [4]:

– не допустить отхода основных государств-членов ЕС от политики антироссийских санкций (одним из поводов останется «украинский вопрос»);

– сохранить политический контроль над Киевом, обеспечить устойчивость праворадикального режима и неизменность его антироссийской внешней политики;

– расширить свое военное присутствие на Украине;

– переложить на Брюссель основное бремя решения социально-экономических проблем Украины, как ассоциированного члена ЕС.

Геополитическое противостояние вокруг Украины разворачивалось на фоне *цивилизационного конфликта*. Многовековая конфронтация западной (иудейско-христианской) и православной цивилизаций вновь отчетливо проявилась в начале 90-х гг. прошлого века. По словам З. Бжезинского, после крушения коммунизма главным врагом сионизированного Запада становится православие. Его пророчество получило подтверждение событиями на Балканах, где субъекты конфликтов имели четко выраженную цивилизационную ориентацию, в ходе противостояния прибегали к этно-конфессиональным и историко-культурным чисткам. Например, только в Хорватии были уничтожены около двухсот православных монастырей и храмов, а в Словении снесено около трехсот сербских сел [4].

Если геополитический конфликт вокруг Украины получил достаточно широкое освещение и обсуждение в глобальном информационном пространстве, включая российское, то существование цивилизационного конфликта как-то предпочитают замалчивать или вовсе ставят под сомнение. Между тем Украина, находясь на «разломе» (по С. Хантингтону) православной и западной цивилизаций, неоднократно становилась ареной масштабных конфликтов по оси восток-запад. Этнографические и этноконфессиональные группы населения нынешней Украины длительные исторические периоды формировались и развивались под влиянием различных цивилизаций. Если считать некорректным (хотя и спорным) вопрос о существовании украинской нации, то, по крайней мере, следует признать наличие цивилизационных отличий внутри ее. В противостоянии православной и западной цивилизаций глубинные отличия между группами украинского общества всегда играли немаловажную роль, усиливая противоречия и побуждая к про-

тивоборству на той или иной стороне [3]. Не коррупция или тяжелое социально-экономическое положение населения, не интересы геополитических субъектов или прокси украинских олигархов, а именно цивилизационный фактор стал катализатором массового противостояния и внутреннего вооруженного конфликта.

Субъектами цивилизационного конфликта на Украине выступают бескомпромиссные противники в вопросах государственного устройства, языка и идеологии, внешнеполитической и экономической ориентации, образования и отношения к историческому прошлому, конфессиональной принадлежности и др. Агрессивные сторонники западной цивилизации навязывают всему населению страны свои ценности и претендуют на элитарное положение в украинском обществе. Об цивилизационном конфликте, в частности, свидетельствует юридически оформленное вытеснение с территории Украины православной церкви Московского патриархата [4].

Нынешняя киевская власть, проводя с одобрения Запада политику тотальной «украинизации», пытается ускоренными темпами формировать украинскую нацию именно как часть западной цивилизации. Лозунг майдана «Украина – это Европа» следовало изначально понимать как «Украина – часть западного мира», а желание интегрировать Украину в структуры ЕС и НАТО – как безусловное закрепление этой принадлежности.

На рубеже XX-XXI вв. ослабить негативное влияние цивилизационного фактора на украинское общество могла бы федерализация государственного устройства с предоставлением широких полномочий регионам в социально-культурной сфере при внешней нейтральности и внутренней толерантности официального Киева. Этот сценарий имел сторонников не только на юге и востоке, но и на западе страны. Он хоть и вызывал сомнения относительно будущего Украины, но в какой-то мере гарантировал «цивилизационный развод» в случае общенационального кризиса. Дальнейшие события показали, что такой сценарий не устраивал ни Запад, ни украинских олигархов [4].

Решить искусственным путем цивилизационный конфликт невозможно. На формирование устойчивой цивилизационной принадлежности уходят сотни лет. Находящиеся у власти украинские прозападные радикалы не могут мгновенно стереть в глубинах сознания людей то, что закладывалось веками, даже если тотальной пропагандой на некоторое время склонят большинство населения на свою сторону. Приглушить цивилизационный конфликт при продолжении политики тотальной «украинизации» возможно только в условиях диктатуры, подавляя одну часть общества с опорой на другую [3]. В свое время лидеры ООН были готовы для реализации своих идей уничтожить большую часть украинского населения, а их современные последователи писали в своих листовках «Крым будет украинским, или безлюдным».

Для государственных и негосударственных структур западного мира украинский цивилизационный конфликт был и остается частью большого цивилизационного проекта, в рамках которого следует ожидать продолжение всесторонней поддержки диктатуры и ее сторонников, в том числе [4]:

- через формирование в глазах мировой общественности образа национально ориентированной демократической власти, «героически» противостоящей российской агрессии;
- оправдание любых мер режима и его активных сторонников, направленных на ускоренное нациостроительство и подавление сопротивления политике тотальной «украинизации»;
- нивелирование в рамках западной цивилизации (в частности, Польше, Венгрии, Израиле) отдельных проявлений общественного недовольства событиями на Украине, связанными с нарушением прав и свобод, преследованиями, героизацией и проявлениями нацизма, политическими убийствами, погромами, захватами церквей;
- игнорирование заявлений международных организаций, пытающихся привлечь внимание к событиям на Украине и др.

В борьбе за раздел советского наследия на Украине сформировались группы (кланы) представителей крупного финансово-промышленного капитала. За время суверенитета экономическая мощь кланов трансформировалась в политическую власть и, наоборот, контроль над властью стал необходимым условием получения сверхприбылей, конкурентных преимуществ, гарантий безопасности и т. п. В результате на Украине сложилась олигархия, установившая политическое, экономическое и информационное господство в стране [3].

Украинский *олигархический конфликт* имеет два аспекта. Во-первых, это внутренний перманентный межклановый конфликт. Он проявляется в череде скандалов, связанных с борьбой за власть, лоббированием экономических интересов, переделах собственности, рейдерских захватах, коррупции, арестах активов и нейтрализации оппонентов. Во-вторых, это борьба украинской олигархии за свои внешнеэкономические интересы под влиянием геополитических и цивилизационных факторов [4].

Практически вся продукция, производимая под контролем украинских кланов, которая пользовалась спросом на мировых рынках, имело российские аналоги. Российская олигархия и крупные компании стали основными конкурентами украинских кланов в металлургии, добывающей промышленности, производстве и торговле оружием, аграрном секторе, пищевой промышленности, транспорте и др. Кроме того, более мощные и мобильные российские компании пытались составить серьезную конкуренцию местным олигархическим кланам при приватизации и переделе собственности на самой Украине [4].

При таких обстоятельствах политика официального Киева за годы государственного суверенитета была вполне логична. Это лояльность к странам Запада, где обеспечивались экспортные и финансовые интересы украинской олигархии, и противостояние России, как экономическому конкуренту. По мере того, как для украинских кланов снижалась значимость российского рынка (на фоне роста отрицательного сальдо внешней торговли с Россией), это противостояние только усиливалось. Украинские олигархи были одними из главных лоббистов подписания соглашения об ассоциации с ЕС [4].

Не менее значима для проводимого Киевом политического курса была и цивилизационная ориентация украинской олигархии. Принято считать, что крупный капитал космополитен по своей сути. Однако если посмотреть на две сотни богатейших людей Украины, то более восьмидесяти процентов из них вряд ли можно отнести к представителям православной цивилизации, поэтому их ориентация в текущих конфликтах вполне обоснована, а практическая деятельность ведется с оглядкой на США и Израиль. В частности, эти страны прилагают усилия по ограничению внутреннего конфликта между кланами и их консолидации в рамках внешнего конфликта [4].

Таким образом, распространенной ошибкой при оценке событий на Украине следует считать их объяснение исключительно одним геополитическим противостоянием или социально-экономическим протестом населения. В действительности имеет место ряд параллельно развивающихся конфликтов. Эти конфликты достаточно уникальны, но связаны в единый комплекс – участники одного из них одновременно становятся участниками других конфликтов. В реально складывающейся ситуации ни один из конфликтов не может быть полностью разрешен, а лишь временно заморожен. Искусственное снижение напряженности одного из конфликтов не влечет безусловной дезэскалации других. Наложение нескольких конфликтов порождает общенациональный кризис, вследствие которого Украина в обозримой перспективе останется территорией, в любой момент готовой «импортировать нестабильность» из-за океана [4].

Данное обстоятельство не предполагает заключение с этой страной долгосрочных международных договоров, повышает риски для инвестиций, совместных коммерческих проектов и транзита через ее территорию, создает опасность экспорта нестабильности в сопредельные государства и требует принятия дополнительных мер по обеспечению безопасности в различных сферах.

Литература

1. Вассерман А. А., Латыпов Н. Н. Острая стратегическая недостаточность : Страна на перепутье. М. : АСТ, 2013. 448 с.
2. Энгдаль У. Ф. Полный спектр доминирования: тоталитарная демократия в Новом мировом порядке. СПб. : Геликон плюс, 2010.
3. Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М. : Книжный мир, 2016. 512 с.
4. Разумовский А. М. Украина: комплексный подход к анализу событий // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2019. № 18. С. 235–241.

УДК 323.1(470)

А. И. Козякова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Статья посвящена выявлению факторов модернизации системы национальной безопасности в России на рубеже XX–XXI вв. Представлены внешние и внутренние факторы модернизации системы национальной безопасности. Определены научные подходы, экспертные оценки и наработки национального опыта по проблеме модернизации системы национальной безопасности. В заключении автор приходит к выводу о том, что все факторы оказывают значительное влияние и существенно модернизируют существующую систему национальной безопасности в России.

Ключевые слова: национальная безопасность, система национальной безопасности, стратегия национальной безопасности, социальная нестабильность, COVID-19.

A. I. Koziaikova

Irkutsk State University, Irkutsk

EXTERNAL AND INTERNAL FACTORS OF MODERNIZATION OF THE NATIONAL SECURITY SYSTEM IN RUSSIA AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES

The article is devoted to identifying factors of modernization of the national security system in Russia at the turn of the XX–XXI centuries. External and internal factors of modernization of the national security system are presented. Scientific approaches, expert assessments and developments of national experience on the problem of modernization of the national security system are defined. In conclusion, the author concludes that all factors have a significant impact and significantly modernize the existing national security system in Russia.

Keywords: national security, national security system, national security strategy, social instability, COVID-19.

На всех этапах развития российского государства в XX–XXI вв. вопросы национальной безопасности представляли системообразующее значение для развития страны. Уникальность современного периода измеряется тем, что, с одной стороны, проявляются масштабные воздействия глобализации на все сферы общественной жизни, а, с другой стороны, в связи с нарастанием новых вызовов мировому сообществу, в том числе с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19), наблюдается распространение антиглобализационных процессов, которые повышают значение информационно-технологических факторов в повседневной деятельности людей. Следует отметить, что и в условиях глобализации, и при антиглобализационных процессах информационно-технологическая составляющая не утрачивает своей значимости в социальной жизни государства, а, наоборот, усиливается ее влияние в ходе общественного развития.

В современных условиях вопросы обеспечения национальной безопасности в России являются приоритетными и безусловными по отношению к другим вопросам общественного развития. При этом мы придерживаемся мнения о том, существующая система национальной безопасности в России требует модернизации. Необходимость процесса модернизации существующей системы национальной безопасности в России с каждым годом приобретает существенное значение. Так, по нашему мнению, модернизации

должны быть подвергнуты преимущественно ресурсная, управленческая и организационная составляющие системы национальной безопасности России. Так, в качестве основных элементов системы национальной безопасности России, которые должны быть модернизированы выступают: повышение эффективности использования ресурсов обеспечения национальной безопасности; кадровый элемент; внедрение новых программных продуктов и информационных технологий обеспечения национальной безопасности; материально-техническая, методологическая и нормативно-правовая базы.

Обобщив научную литературу о проблемах модернизации элементов системы национальной безопасности, необходимо сделать вывод о том, что данный процесс невозможен без влияния определенных факторов модернизации, которые условно можно разделить на внешние и внутренние (рис.).

Рис. Внешние и внутренние факторы модернизации системы национальной безопасности в России

Проанализировав внешние факторы модернизации системы национальной безопасности в России, есть основания заключить, что все факторы оказывают значительное влияние и существенно модернизируют существующую систему национальной безопасности в России. При этом следует отметить, что к внешним факторам модернизации системы национальной безопасности в России относятся: глобализация; макросистемные вызовы глобализационного характера; социальная турбулентность; мировой финансовый экономический кризис; социальная нестабильность; социальные болезни, эпидемии и пандемии; а также гибридные войны, в том числе и информационные войны.

Во-первых, *глобализация* как фактор модернизации системы национальной безопасности имеет ряд отличительных особенностей. Поскольку глобализация, являющаяся доминирующей тенденцией современного общественного развития, несмотря на свой определенный позитивный потенциал и предоставленные возможности ускорения социально-экономического развития российского государства, также влечет за собой и новые риски, вызовы и угрозы национальной безопасности в России. Проблема глобализационного влияния на систему национальной безопасности в России нашла свое отражение во многих научных трудах. Так, кандидат социологических наук В. А. Сушко в одной из научных работ ставит акцент на том, что глобализация в современных условиях требует формирования новых механизмов обеспечения безопасного развития России в XXI в. [6, с. 133]. Исходя из проведенного анализа, следует отметить тот факт, что в условиях современного глобализированного мира не всегда можно определить, какие угрозы и опасности являются внутренними, а какие внешними. Обуславливается это, прежде всего тем,

что процесс глобализации затронул все страны и все сферы жизнедеятельности, в той или иной степени. Международная интеграция привела в настоящее время к тому, что глобализация как фактор модернизации системы национальной безопасности способна в значительной степени изменить уровень состояния национальной безопасности в России.

Во-вторых, *макросистемные вызовы глобализационного характера* как фактор модернизации системы национальной безопасности усиливают взаимозависимость безопасности на международном, национальном и региональном уровнях. Как уже ранее упоминалось, глобализационные процессы уменьшают разрыв между внутренними и внешними угрозами национальной безопасности, что, в свою очередь, влечет повышение зависимости между обеспечением безопасности на различных уровнях. Так, угрозы национальной безопасности определенного государства, могут перерасти в угрозы международного уровня и, наоборот, распространиться на уровне регионов. При этом, принимая во внимание мнение М. Н. Казаковой, мы абсолютно солидарны с тем, что «становление системы национальной безопасности России на современном этапе происходит в условиях стабильного развития российской государственности, относительно ровных отношений федерального центра и субъектов» [2, с. 46].

В-третьих, с усилением *социальной турбулентности* и стремительно нарастающей *социальной нестабильности* традиционные механизмы обеспечения национальной безопасности перестают исполнять свои функции, им на смену приходят новые инновационные методы и средства обеспечения национальной безопасности, в том числе в систему национальной безопасности внедряются новые программные продукты и информационные технологии. Так, доктор социологических наук С. И. Самыгин утверждает, что «информационные ресурсы на современном этапе развития российского общества активно эксплуатируются в целях обеспечения национальной безопасности» [5, с. 96]. Помимо данного обстоятельства следует отметить и другой важный аспект процесса модернизации системы национальной безопасности в условиях социальной турбулентности. Именно в условиях социальной турбулентности развитие национальной безопасности происходит в условиях какого-либо закономерного порядка.

В-четвертых, *мировой финансовый экономический кризис* повышает риск социальной, политической и экономической нестабильности; это означает, что национальная безопасность становится в период экономического кризиса уязвимой в гораздо большей опасности. Так, доктор социологических наук Т. И. Грабельных ставит акцент на том, что в концепциях социального мира XX-XXI вв. понятие «кризис» чаще всего характеризуется в категориях «социальные угрозы», «социальные вызовы», «социальная нестабильность», «трансформационные изменения» [1, с. 149]. Именно поэтому, совершенно очевидно, что в условиях мирового финансового экономического кризиса в наибольшей степени актуализируются вопросы модернизации системы национальной безопасности, в том числе и в российском обществе.

В-пятых, *социальные болезни, эпидемии и пандемии* как фактор модернизации системы национальной безопасности в последнее время приобретают исключительное значение, так как способствуют требованию стремительного совершенствования системы национальной безопасности. Подтверждением указанного обстоятельства является повышение актуальности проблемы обеспечения национальной безопасности в условиях нового вызова мировому сообществу, а именно пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19).

В-шестых, принято считать, что современные научные и информационно-технологические революции являются одним из факторов появления новых видов войн. В связи с данным обстоятельством ряд исследователей признают тот факт, что война в ее классическом понимании приобретает новые черты и характеристики. Наблюдается переход от вооруженного противостояния к противостоянию в информационном поле. Такое противостояние именуется в научной литературе *гибридными войнами*. На наш

взгляд, наиболее точной концепцией, описывающей влияние гибридных войн на общественное развитие, является концепция В. В. Кочеткова, которая заключается в том, что результатом гибридной войны являются подмена и частичное разрушение основ общественной жизни и ценностных ориентаций, что позволяет стране, в которой информационная сфера более развита, наиболее надежным образом закрепить свое геополитическое влияние. Так, «целью агрессора в подобной войне является отчуждение человека от культуры, в которой он укоренен, а точнее – от его культурной идентичности» [3, с. 226]. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что гибридные войны, а также их разновидность информационные войны оказывают существенное влияние на процесс модернизации системы национальной безопасности в России.

Проанализировав внутренние факторы модернизации системы национальной безопасности в России, следует заключить, что все факторы не только существенно модернизируют существующую систему национальной безопасности в России, но и способны содействовать ее стремительному развитию. При этом следует отметить, что к внутренним факторам модернизации системы национальной безопасности в России относятся: реализация стратегий национальной безопасности, социально-экономического и инновационного развития; эффективное государственное управление и регулирование; наличие национальной идеологии.

Во-первых, *реализация стратегии национальной безопасности* как фактор модернизации системы национальной безопасности получила отражение во множестве научных трудов, описывающих вклад Стратегии национальной безопасности РФ в общественное развитие. Именно реализация стратегии национальной безопасности способствует эффективной организации обеспечения национальной безопасности. При этом не меньшее значение имеет четкое системно-стратегическое представление о феномене национальной безопасности, что неизменно способствует выработке более точной государственной политики и определению наиболее эффективных мер обеспечения национальной безопасности, что в целом способствует модернизации существующей системы национальной безопасности в России.

Во-вторых, *реализация стратегий социально-экономического развития* как фактор модернизации системы национальной безопасности позволяет определить, что важнейшим условием эффективности обеспечения национальной безопасности сегодня является защита социально-экономических, гражданских, политических и других прав личности. Отмеченная А. Н. Неверовым позиция о том, что «права человека, фиксирующие реальную защищенность и гарантирующие права и свободы личности, могут выступать как гуманистический ориентир развития не только государства в целом, но и развивающейся системы национальной безопасности в России» [4, с. 92], по нашему мнению, в настоящее время является особо актуальной.

В-третьих, *реализация стратегии инновационного развития* как фактор модернизации системы национальной безопасности способствует достижению инновационного лидерства государства, а также повышению конкурентоспособности страны и защите ее национальных интересов на мировой арене.

В-четвертых, *эффективное государственное управление и регулирование* как фактор модернизации системы национальной безопасности способствует результативному использованию механизмов регуляции проблем, связанных с обеспечением национальной безопасности в России. В настоящее время в России обеспечением национальной безопасности занимаются такие социальные организации, как Служба внешней разведки РФ, ГРУ Генштаба Минобороны РФ, Министерство иностранных дел РФ, Федеральная служба безопасности РФ, Совет безопасности РФ, Министерство обороны РФ, Министерство внутренних дел РФ. При этом, на наш взгляд, деятельность перечисленных организаций можно охарактеризовать как эффективную в решении проблем, связанных с обеспечением национальной безопасности России.

В-пятых, наличие национальной идеологии является одним из факторов модернизации системы национальной безопасности в контексте информационно-идеологического противостояния. Отсутствие должным образом проработанной и общепринятой идеологии создает «идеологический вакуум», который заполняют другие идеологии несвойственные определенному государству, цели которых могут противоречить целям обеспечения национальной безопасности. В то же время наличие и функционирование национальной идеологии обеспечивает возможность противостоять вредоносному влиянию других идеологий и поддерживать нормальное развитие общества, особенно в условиях кризиса и угроз.

Таким образом, следует заключить, что все факторы – и внешние, и внутренние оказывают значительное влияние и существенно модернизируют существующую систему национальной безопасности в России.

Литература

1. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Лесниковская Е. В. Методологическая и экспертная функции социологии в условиях обеспечения национальной безопасности // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 148–150.
2. Казакова М. Н. Региональная безопасность в системе национальной безопасности России // Региология. 2011. № 3 (76). С. 40–46.
3. Кочетков В. В. Культурное измерение гибридных войн // Политекс. 2015. № 2. Т. 11. С. 226.
4. Неверов А. Я. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации как политический приоритет // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 88–93.
5. Самыгин С. И., Верещагина А. В. Информационные аспекты обеспечения национальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 92–98.
6. Сушко В. А. Угрозы и риски национальной безопасности: методология социологического исследования // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 132–139.

УДК 316.35+061

М. Ш. Абдусаламова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В АСПЕКТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

В статье анализируются содержание, структура, виды социального капитала политических партий и общественных движений в современном российском обществе. Выделены группы факторов, влияющих на формирование данного социального капитала в условиях региона (субъекта РФ). Выявлены характеристики социального капитала партий и общественных движений, которые имеют значение для социально-политической стабильности и устойчивого развития региона.

Ключевые слова: политические партии, общественные движения, регион, региональный социум, социальный капитал, социальное доверие.

M. Sh. Abdusalamova

Penza State University, Penza

THE FORMATION OF SOCIAL CAPITAL OF POLITICAL PARTIES AND PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE ASPECT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION

The content, structure, and types of social capital of political parties and social movements in modern Russian society are analyzed. The groups of factors that influence the formation of this social capital in the region are identified. Characteristics of the social capital of parties and social movements that are important for socio-political stability and sustainable development of the region are identified.

Keywords: political parties, social movements, region, regional society, social capital, social trust.

Современные преобразования российского общества вызывают необходимость создания новой концепции формирования социального капитала, которая учитывала бы региональные особенности этого формирования. Политические партии и общественные движения в российском обществе уже прошли свои этапы первоначального развития, и сейчас предстоит исследовать их институциональные признаки и социальные функции, их участие в социальных процессах, их роль в становлении гражданского общества в РФ.

Проблема социального капитала в российской и зарубежной социологической науке достаточно новая, но можно выделить ряд направлений исследований. П. Бурдьё трактует социальный капитал как набор действительных или потенциальных ресурсов, которые обеспечивают взаимодействие на основе институциональных отношений, означающих взаимные обязательства и признания [4]. Выход на социальный статус обеспечена возможностью социального капитала конвертироваться в культурный капитал, в символический, в уровень дохода и благосостояния.

Наиболее развернутое в методологическом смысле определение дают К. Херпфер и К. А. Кизилова. С их точки зрения, с которой мы согласны, социальный капитал – это ряд или круг качественных признаков социального взаимодействия, среди которых – доверие, нормы, социальные связи, правила [3].

Введем свое содержание понятия «социальный капитал партий и общественных движений в региональном социуме», под которыми понимаются: системы ресурсов (экономических, юридических, социально-политических, культурно-символических), дающие основание для участия в социальных процессах, а также взаимоотношения с представителями регионального социума в региональных социальных процессах, которые строятся на основах доверия и консолидации.

Источниками социального капитала и партии, и общественного движения является социальная база со своими характеристиками (место в социальной структуре и социальных стратах общества, возможности участия в социальных отношениях, социально-политические ценности, влияющие на выбор стратегий социального поведения), причем эти источники значительно различаются для партий и общественных движений.

С позиций системного подхода, по нашему мнению, Структура социального капитала партий, общественных движений в регионе включает, во-первых, ресурсы. Это: доверие регионального социума, закладываемое и проявляющееся во время предвыборной и избирательной кампаний соответственно, уровни политической активности, которые удалось сформировать в процессе взаимодействия данных партий и движений с гражданами региона, готовность поддержать партии и движения, основанную на соответствии интересов граждан и реализации политических программ или заявленных действий.

Во-вторых, критерии формирования социального капитала – это возможности влияния на социальные процессы в регионе и на становление гражданского общества в условиях региона.

В-третьих, источники социального партии, и общественного движения – это социальная база со своими характеристиками (место в социальной структуре и социальных стратах общества, возможности участия в социальных отношениях, общественно-политические ценности, влияющие на выбор социально-политических стратегий), которые значительно различаются для партий и общественных движений, поскольку различной может быть их социальная база и причины, мотивирующие представителей регионального социума поддерживать эти партии и движения и выражать это в своем социальном поведении.

В-четвертых, предпосылками формирования и развития политического капитала партий и общественных движений являются социально-политический спрос и социально-политическое предложение. Социально-политический спрос – это общественная потребность в функционировании такой группы, которая может образовать политическую партию или общественное движение. Социально-политическое предложение – это нача-

ло деятельности сформированной партии или движения после того, как проявился социально-политический спрос.

В. В. Орлова выделяет факторы формирования социального капитала. Это – семья, образование, религия, государство, национальная и этническая принадлежность, уровень экономического развития [2].

Необходимо отметить, что кроме общественных факторов существуют и региональные факторы формирования социального капитала политических партий и общественных движений, которые, на наш взгляд, делятся на объективные и субъективные факторы. К объективным факторам следует отнести: социально-экономическую и политическую ситуацию в стране и на уровне региона (возможности реформирования государственного устройства, конституционные права, социально-экономические и социально-политические преобразования). К субъективным факторам можно отнести: мотивацию социально-политического поведения населения также на двух названных уровнях, готовность общества и регионального социума к активному участию в деятельности политических партий и общественных движений, их отношение не только к деятельности активных политических партий и общественных движений, но и к активной политической деятельности, т. е. к активному участию в социальных и политических процессах в целом.

Изучение общественного мнения дает большие возможности для определения факторов формирования и накопления социального капитала. Выделяются критерии и условия формирования социального капитала. К критериям относятся: степень социального доверия партиям, движениям, лидерам со стороны регионального социума; наличие стабильных информационно-политических коммуникаций, позволяющих не только вести диалог и информировать региональный социум, но и взаимодействовать с ним в процессе реализации региональной политики. К условиям объективного порядка относятся: уровни и сложность экономических и социально-политических проблем в регионе; условия создания и политической деятельности партий и общественных движений в регионе, создание системы исчерпывающей и своевременной информации регионального населения о формировании и деятельности политических партий и общественных движений. К условиям субъективного порядка относятся: политические настроения, восприятие информации о деятельности партий и общественных движений, и отношение к ним со стороны регионального социума, уровень информированности населения.

Для формирования социального капитала партий и общественных движений в условиях регионального социума необходим социально-политический потенциал, который включает источники и признаки формирования, а они при достаточной вероятности превращаются в накапливаемый социальный капитал или создают основания для его накопления.

Важным и основополагающим элементом социального капитала является социальное доверие, которое, как известно, проявляется на общественном уровне, по отношению к социальным и политическим институтам, лидерам, власти, и на личностном, во взаимоотношениях с непосредственно окружающим социумом.

В 2018 г. 51 % респондентов выразили доверие главам регионов – субъектов РФ. Чаще об это сообщали 18–24-летние россияне, а также жители столиц (58 %) и сел (55 %). О своем недоверии сообщили 40 % опрошенных. Индекс доверия в 2018 г. составлял 11 пунктов [5].

По данным на июнь 2020 г., доверие к главам регионов РФ выросло на 8 п. п. и составило 59 %. Не доверяют губернаторам в той или иной степени 33 % россиян. Индекс доверия составил 27 пунктов, что на 16 пунктов больше, чем два года назад. Также уровень доверия главам регионов выше среди жителей сел (65 %) и городов-миллионников (65 %) [5].

Для устойчивого развития любого региона, а также для социальной стабильности как во всем обществе, так и в региональном социуме большое значение имеет согласо-

ванность оценок доверия и общественные настроения различных социальных групп социума. В этом смысле большое беспокойство, на наш взгляд, вызывает отношение молодежи к происходящим событиям и к участию в социальных процессах. По результатам исследования «Российское „поколение Z“: установки и ценности», проведенного немецким Фондом имени Фридриха Эберта совместно с «Левада-центром» (апрель 2020 г.), более 80 % опрошенных молодых граждан РФ не интересуются политикой. По-настоящему политика интересна лишь 19 % опрошенной молодежи. С другой стороны, доверие к государству и его институтам у опрошенной молодежи в целом низкое. Но есть три исключения – это волонтеры (им доверяют 49 % опрошенных), армия (44 %) и президент (42 %). Наибольшим недоверием среди политических институтов у молодых респондентов пользуются международные организации (например, НАТО не доверяют 56 %), а также российские партии (50 %) и профсоюзы (44 %) [7].

Следует все же отметить, что в целом в современном российском обществе сохраняется вероятность сохранения стабильной социально-политической ситуации, что обеспечит и возможность устойчивого развития регионов. Несмотря на пережитые события в связи с пандемией, карантинами и самоизоляцией, все же, по результатам опроса ВЦИОМ (август – октябрь 2020 г.), остается малой вероятностью значительных протестных действий (табл.).

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Как вы думаете, насколько возможны сейчас в вашем городе (сельском районе) массовые акции протеста против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав и свобод?»

Ответы	09.08.2020	13.09.2020	25.10.2020
Вполне возможны	25	22	23
Маловероятны	67	71	71
Затрудняюсь ответить	8	7	6
Индексы личного протестного потенциала	33	30	31

*Источник: [6].

В социальных процессах и отношениях важное значение приобретают информационно-коммуникативные процессы. К. А. Катусева отмечает важные тенденции: рост числа общественных акторов политических коммуникаций и появление новых механизмов коммуникации с участием граждан [1].

Реализация информационной политики в регионе способствует регулированию процесса формирования гражданского общества в условиях регионального социума. Для эффективности этого процесса возможны рекомендации по реализации региональной информационной политики.

Социально-политический потенциал может создаваться с помощью достаточно развитой социальной базы, способной оказать материальную и организационную поддержку. Созданию социально-политического потенциала способствуют средовые факторы – социальные ожидания, настроения, интересы регионального социума. Характеристикой социально-политического потенциала является рост доверия к деятельности партий и движений, функционирующих в регионе.

Литература

1. Катусева К. А. Трансформации политической коммуникации в системе «общество – власть» в современной России // Власть. 2014. № 2. С. 82–86.
2. Орлова В. В. Социальный капитал региона: особенности социального ресурса молодежи в условиях цифровой экономики : монография. 4-е изд., доп. Чебоксары : Среда, 2019. 168 с.
3. Херлфер К., Кизилова К. А. Социальный капитал как фактор социально-экономического и политического развития стран постсоветской Евразии // Социология. 2016. № 1. С. 17–38.
4. Bourdieu P. Forms of Capital // Handbook of Theory and Research in the Sociology of Education / ed. by J. Richardson. New York, 1998.

5. Губернаторский корпус России: доверие граждан. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10553> (дата обращения: 08.11.2020).

6. Протестный потенциал. URL: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial (дата обращения: 08.11.2020).

7. Исследование: более 80 % российской молодежи не интересуется политикой. URL: https://www.znak.com/2020-04-30/issledovanie_bolee_80_rossiyskoy_molodezhi_ne_interesuetsya_politikoy (дата обращения: 08.11.2020).

УДК 332.1

М. Н. Чувашова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

А. А. Мыльникова

Институт солнечно-земной физики СО РАН, г. Иркутск

ИССЛЕДОВАНИЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ МОДЕЛЕЙ ОЦЕНКИ СВЯЗАННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Статья посвящена изучению связанности регионального пространства при помощи различных показателей, описывающих в основном уровень развития транспортной инфраструктуры. Отмечается, что показателям, характеризующим уровень развития информационно-телекоммуникационных технологий, уделяется незначительное внимание. Рассматриваются некоторые модели оценки связанности регионального пространства, особое внимание уделено гравитационной модели. Предлагается дополнение к существующей гравитационной модели в виде формулы, учитывающей связанности ИКТ.

Ключевые слова: регион, связанность пространства, асимметричность пространства, гравитационная модель.

M. N. Chuvashova

Irkutsk State University, Irkutsk,

A. A. Mylnikova

Institute of Solar-Terrestrial Physics SB RAS, Irkutsk

THE STUDY OF EXISTING MODELS FOR ASSESSING THE SPATIAL CONNECTIVITY OF REGIONS

In modern times, much attention is paid to the study of the spatial connectivity of regions using various indicators that mainly describe the development of transport infrastructure level. At the same time, the indicators that characterize the information and telecommunication networks and their influence for a spatial connectivity are paid little attention. The paper studies some models for assessing the spatial connectivity of regions. A special attention is paid to the gravity model. The authors proposed an addition to the existing gravity model in the form of a formula that takes into account the spatial connectivity of regions by the information and telecommunication networks.

Keywords: region, spatial connectivity, asymmetry of space, gravitational model.

Межрегиональная связанность определяется интенсивностью обмена факторами производства и результатами их функционирования между регионами: товарами и услугами, финансовыми, информационными и человеческими ресурсами. Вычислительный подход к измерению и оценке сил связанности регионального пространства использует аппарат различных математических моделей. В научной литературе под связанностью регионального пространства понимается количественно измеряемая интенсивность экономических, социальных и других взаимодействий между элементами социально-экономической системы на двух уровнях: межрегиональная связанность возникает при взаимодействии между регионами, внутрорегиональная, возникающая при взаимодействии между субъектами в пределах региона. Противоречия в развитии региона можно определить по ряду критериев:

- расселение (проблема «город – село»);

¹ Исследования проводятся при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук № МК-1954.2020.6.

- размещение столицы и движение миграционных потоков (проблема «центр – периферия», «мегаполис – провинция»);
- размещение производства (проблема региональных диспропорций между географическими областями, например Север – Юг) и др.

Анализ и обобщение основных достижений исследований в теории пространственного развития и региональной экономики позволили поддержать гипотезу о том, что в основе регионального развития лежат инструменты измерения связанности экономического пространства: гравитационные модели, системы оценки при помощи интегральных моделей, применение методов data mining и др., имеющие в своей основе теоретико-методологический базис [5]. Разные авторы, исследуя качество экономического пространства и вопросы асимметричности регионального пространства, выделили различные свойства региона. Так в работах А. Г. Гранберга важнейшими структурными характеристиками экономического пространства выступали плотность, связанность (в некоторых источниках другими авторами используется синоним «связанность») и размещение [2]. В научных работах И. В. Митрофановой были отмечены такие свойства экономического пространства как организованность, управляемость и конкурентность территории [3]. Б. Т. Морговым рассмотрены еще и динамичность, неоднородность (гетерогенность) и асимметричность пространства [4].

В исследованиях томского ученого О. А. Биякова было выделено три основных свойства экономического пространства, присущих синергетическим системам: свойство фрактальности, неоднородности и самоорганизации [1]. В то же время, по данным Всемирного банка, три измерения пространственного развития, такие как плотность, расстояние и разобщенность являются наиболее важными. Кроме того, следующие принципы политики территориальной сплоченности предлагают сопротивление низкой плотности и большой разобщенности пространства: концентрация, экономическая активность, связанность и взаимодействие [8].

Связанность пространства определяется уровнем развития транспортных сетей. Их расположение, протяженность, доступность и особенности расположения определяют развитие хозяйственной деятельности и определяют архитектуру пространственного размещения объектов в регионе. Программы регионального развития формируются с учетом транспортных коридоров. Однако транспортные сети – не единственное средство измерения пространственной связанности территорий. В ряде научных работ, при формировании моделей оценки внутри региональной связанности, не исследуется вопрос связанности территории информационно-телекоммуникационными технологиями (далее-ИКТ). Следует отметить, что в большинстве работ связанность пространства отождествляется с уровнем развития транспортных сетей. В работах Н. Д. Радионовой предлагает система оценки пространства региона, которая включает в себя показатели территориальной обеспеченности объектами транзакционной инфраструктуры (в том числе содержится ряд показателей по обеспеченности территории ИКТ) [6]. При формировании модели оценки связанности пространства ученые А. Г. Полякова и И. С. Симарова опираются на подход А. К. Черкашина, основанный на принципах полисистемного анализа сложных территориальных объектов. Данный подход был предложен в 2005 г. и использует методы математического моделирования для реализации схем перехода от абстрактных аксиом теорий к конкретным моделям и расчетам [7]. А. Г. Полякова и И. С. Симарова, опираясь на системный анализ, предлагают использовать в качестве инструмента гравитационную модель. В качестве результирующего показателя регионального развития был выбран ВРП на душу населения, а в качестве аргументов – силы связанности, в соответствии с которым эмпирическая часть работы основана на гипотезе существования четырех видов сил связанности на уровне различных эпицентров:

- естественные, определяющие ресурсный потенциал (F0);
- динамические, описывающие активное поведение людей и соответствующие объему потребления продукции (F1);

- экономические, характеризующие массу капитала (F2);
- социальные, возникающие как следствие взаимодействия интересов (F3).

Для формирования системы оценки связанности используется модель гравитационного взаимодействия, с помощью которой могут быть измерены силы связности четырех типов: естественные, динамические, экономические и социальные. При этом в качестве эпицентров выступают крупные города субъектов. Для каждого вида сил в гравитационной модели предусматриваются частные уравнения, имеющие следующий вид:

$$\left\{ \begin{array}{ll} F_0 = \frac{\text{ЧН}_i \text{ЧН}_j}{R_{ij}^2} & \text{где } F_{0-3} \text{ – сила связанности между городами } i \text{ и } j; \\ F_1 = \frac{\text{ОРТ}_i \text{ОРТ}_j}{R_{ij}^2} & \text{ЧН – численность населения городов } i \text{ и } j; \\ F_2 = \frac{\text{ОПФ}_i \text{ОПФ}_j}{R_{ij}^2} & \text{ОРТ – оборот розничной торговли городов } i \text{ и } j; \\ F_3 = \frac{Д_i Д_j}{R_{ij}^2} & \text{ОПФ – величина основных производственных} \\ & \text{фондов городов } i \text{ и } j \\ & Д – среднемесячная начисленная заработная плата в городах } i \text{ и } j; \\ & R – расстояние между городами } i \text{ и } j. \end{array} \right. \quad (1)$$

На основе частных уравнений рассчитывается интегральный показатель (F), определяющий внутреннюю экономическую связанность региона на уровне эпицентров и рассчитываемый по формуле:

$$F = F_0 + F_1 + F_2 + F_3 \quad (2)$$

Предлагается внести в уже существующую модель функцию, способную показать коэффициент связанности территории ИКТ. Информационно-телекоммуникационные технологии (сети), согласно классификации данных Росстата, включают в себя следующие количественные показатели:

1. Удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств, в процентах – Q_1 .
2. Удельный вес населения, использовавшего сеть Интернет, в общей численности населения, в процентах – Q_2 .
3. Удельный вес организаций, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе обследованных организаций, в процентах – Q_3 .
4. Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 чел. населения (на конец года), шт. – Q_4 .
5. Число активных абонентов широкополосного мобильного доступа к сети Интернет на 100 чел. населения (на конец года), единиц – Q_5 .
6. Число активных абонентов широкополосного фиксированного доступа к сети Интернет на 100 чел. населения (на конец года), единиц – Q_6 .

Каждый критерий для упрощения был обозначен буквой Q и порядковым числом. Для определения общего критерия связанности по ИКТ используем метод свертывания критериев, используемые для задач многокритериальной оптимизации – аддитивную свертку. Аддитивную свертку критериев можно рассматривать как реализацию принципа справедливой компенсации абсолютных значений нормированных подкритериев (частных критериев). В этом случае суперкритерий обычно строится как взвешенная сумма частных критериев и имеет следующий вид:

$$C(Q_i) = \sum_{i=1}^n \alpha_i f_i(Q_i) \quad (3)$$

Весовые коэффициенты α_i выбираются такими, чтобы их сумма была равна единицы $\sum_{i=1}^n \alpha_i = 1$. В методе равномерной оптимизации, который является частным случаем аддитивной свертке, весовые коэффициенты берутся равными друг другу $\alpha_1 = \alpha_2 = \dots = \alpha_n$.

В нашем случае формула будет выглядеть следующим образом:

Для города j

$$c(Q_j) = \sum_{j=1}^6 \alpha_j f_j(Q_j) \quad (4)$$

Для города i

$$c(Q_i) = \sum_{i=1}^6 \alpha_i f_i(Q_i) \quad (5)$$

Таким образом, общая формула для дополнения модели А. Г. Поляковой и И. С. Симаровой выглядит следующим образом:

$$F_4 = \frac{\sum_{j=1}^6 \alpha_j f_j(Q_j) \sum_{i=1}^6 \alpha_i f_i(Q_i)}{R_{ij}^2} \quad (6)$$

где f – частный критерий от показателя Q , всего таких показателей анализируется 6 единиц, α – весовой коэффициент каждого из 6 показателей Q , R – расстояние между городами j и i . Тогда дополненная модель имеет следующий вид:

$$F = F_0 + F_1 + F_2 + F_3 + F_4 \quad (7)$$

Изучение характеристик взаимосвязанности регионального пространства и разработка моделей его оценки может принести значительный вклад в решении проблемы асимметричности регионального развития. Дополнение существующей модели позволит более подробно рассмотреть связанность регионального пространства с учетом оценки связанности территории ИКТ. ИКТ является важным инфраструктурным комплексом, от качества его развития зависит качество развития всего экономического пространства страны. Поэтому следует уделить особое внимание изучению уровня освоения территории ИКТ.

Литература

1. Бияков О. А. Экономическое пространство. Сущность, функции, свойства // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 2. С. 101–108.
2. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 495 с.
3. Митрофанова И. В. К вопросу о сущности экономического пространства // Региональная экономика. Теория и практика. 2008. № 8. С. 2–10.
4. Моргоев Б. Т. Асимметричная трансформация российского экономического пространства. Ростов: СКНЦ ВШ, 2005. 244 с.
5. Полякова А. Г., Симарова И. С. Концептуальная модель управления развитием региона с учетом уровня пространственной связанности // Экономика региона. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-model-upravleniya-razvitiem-regiona-s-uchetom-urovnya-prostranstvennoy-svyazannosti> (дата обращения: 08.10.2020).
6. Родионова Н. Д. Разработка системы показателей оценки качества экономического пространства региона // Terra Economicus. 2014. Т.12. № 2(2). С. 115–119.
7. Черкашин А. К. Полисистемное моделирование. Новосибирск: Наука, 2005. 279 с.
8. Growing Regions, growing Europe – Fourth report on economic and social cohesion (European Commission). URL: <https://ru.scribd.com/document/252905829/Growing-Regions-Growing-Europe> (дата обращения: 08.10.2020).

РАЗДЕЛ 2. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОНСЕНСУСНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКА СОЦИАЛЬНО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОГО ПРОРЫВА В ПРОСТРАНСТВАХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

***

CHAPTER 2. STRATEGIC CONSENSUAL INTERACTIONS AS A PREREQISITE OF SOCIAL-TECHNOLOGICAL AND STATE- LEGAL BREAKTHROUGH IN THE SPACES OF SOCIAL TENSION

УДК 316.4

Л. И. Найденова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ФУНКЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЕ В УПРАВЛЕНИИ ВОСПРОИЗВОДСТВОМ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

В статье с позиции институционального подхода рассматриваются социальные функции высшего образования, влияющие на социальную мобильность поступающих и выпускников, а также на воспроизводство регионального социума. Предложены возможные варианты перспектив развития высшего образования в аспекте воспроизводства имеющихся и формирования новых социальных групп, с изменением признаков социального статуса.

Ключевые слова: высшее образование, институциональные функции, региональный социум, социальная мобильность, социальный статус.

L. I. Najdenova

Penza State University, Penza

THE FUNCTIONS OF HIGHER EDUCATION IN THE MANAGEMENT OF REGIONAL SOCIETY REPRODUCTION

The article considers the social functions of higher education that affect the social mobility of applicants and graduates, as well as the reproduction of regional society from the standpoint of an institutional approach. The possible options for the development of higher education in the aspect of reproduction of existing and formation of new social groups, with changes in the signs of social status, are proposed.

Keywords: higher education, institutional functions, regional society, social mobility, social status.

В последние десятилетия произошло множество значительных изменений в системе профессионального образования, которые имеют институциональное содержание и смысл (например, изменение статусов многих вузов, получивших юридические статусы университетов и академий; широкое развитие научной деятельности помимо только учебной; активное участие в социализации выпускников как профессионалов с помощью формирования наборов компетенций и др.). Все это приводит к необходимости постоянного мониторингового исследования результатов институциональной деятельности высшего образова-

ния, чтобы определить эффективные средства не только для педагогического, но, что очень важно, для социального управления происходящими и будущими изменениями.

Основные параметры институционализации высшего образования не только означают реальные институциональные признаки (материальные и социальные ресурсы, наличие идеологии или миссии деятельности, акторов с закрепленными социальными статусами, социальные предписания и образцы поведения), но и то, что можно назвать видами потенциала высшего образования: наличие отраслевых теорий и парадигм деятельности (к ним можно отнести, например, успешно развиваемое инновационное обучение), определенную позицию высшего образования в обществе, социально-практическую отдачу от нее, деятельность социально-профессиональных групп участников учебного процесса, научной и социально-воспитательной деятельности.

То, как формируется и с какими противоречиями развивается этот потенциал высшего образования, составляет сейчас многообразный предмет исследования российских и зарубежных социологов, поскольку выявление этих противоречий и нахождение оптимальных способов их разрешения поможет не только выявить социальные изменения в институциональных функциях высшего образования, но и определить средства регулирования этих функций, среди которых важное значение имеет получение социального статуса и обеспечение дальнейшей социальной мобильности выпускников.

Поэтому, как показывают исследования последних лет, в социологии образования стали актуальными и успешно исследуются две важные (для исследования институциональной сущности высшего образования) группы задач:

- как выполняются институциональные функции высшего образования, в чем заключаются факторы – способствующие и препятствующие выполнению этих функций;
- как выполнение и изменения этих функций (если они есть) влияют на социальную мобильность выпускников вузов, в том числе в связи с состоянием их профессиональной направленности в начале и в конце обучения.

В материалах исследований, проведенных под руководством преподавателей кафедры «Социология и управление персоналом» Пензенского государственного университета, выделены социальные функции высшего образования, наполняемые новым содержанием за последние годы. Например, Е. А. Какоткина [5] выделяет две большие группы функций высшего образования, реализуемые на разных уровнях социального взаимодействия. Это социетальные функции, на уровне социума (профессионально-образовательная, селективная, инновационная, социоконструктивная, социальное воспроизводство, формирование интеллектуального потенциала) и региональные, на личностном уровне (социализационная, социокультурная, социально-защитная, инструментальная, адаптационная, формирование социальной компетентности). Для социального взаимодействия значение имеет то, что в региональные функции включены виды деятельности, наиболее востребованные и значимые для устойчивого развития регионов (кадровое обеспечение, коммуникативная, интегративная, информационно-просветительская).

Решающим этапом на пути к занятию социального статуса является профессиональное становление студентов вузов, которое определяет направление к выбору статуса.

Как показали исследования, например, И. А. Гладковой и Е. В. Щаниной (научный руководитель), молодежь, поступающая в вузы, считает выбор и получение профессионального образования способом достижения повышенного социального статуса в современном обществе. И если на этапе выбора профессии (перед поступлением в вуз) больше влияет институт семьи, то на этапе подготовки в вузе на профессиональное становление больше действует социализирующее влияние института образования [2].

Исследования общественного мнения, проведенные Всероссийским центром изучения общественного мнения ВЦИОМ в последние годы показывают, что выполнение социальных функций высшего образования проходит с появлением противоречий, которые сказываются на воспроизводстве тех социальных слоев и групп, важным статусным при-

знаком которых является высшее образование. Например, по результатам исследования эффективности и перспектив высшего образования, проведенного в июле 2019 г., было обнаружено, что за последние 15 лет образование стало в основном средством успешного трудоустройства (48 % респондентов в 2004 г. и 44 % в 2019 г.), карьерного продвижения (28 % в 2004 г. и 26 % в 2019 г.), совершенствования себя в профессиональном плане (26 % в 2004 г. и 22 % в 2019 г.) [8].

Но при этом проявляется и даже укрепляется скептический настрой в отношении высшего образования, которое не обязательно является условием удачной карьеры (45 % в 2008 г. и 68 % в 2019 г.). Чаще всего сомневаются в значительности высшего образования респонденты в возрасте от 18 до 25 лет, от 25 до 34 лет и от 35 до 44 лет. Опрошенные россияне все чаще считают, что доступность высшего образования для всех граждан снижается (53 % в 2016 г. и 63 % в 2019 г.) [8].

Возникает вопрос: насколько удастся высшему образованию продолжать выполнять функции социального канала мобильности выпускников и поступающих в вузы? По мнению россиян и результатам исследований ВЦИОМ, образование еще пока является социальным лифтом, обеспечивающим успешную карьеру и достижение жизненных целей, но уверенность в этом с каждым годом снижается.

На наш взгляд, изменилась сущность высшего образования – это уже не только социальный лифт, а скорее, социальный терминал с многоярусной структурой, в котором каждый ярус имеет ограниченные возможности доступа, а для попадания в эту структуру нужна устойчивая мотивация к конечным целям своих перемещений и обеспеченность для их реализации. Уже сейчас формируются социальные группы, среди которых больше всего выпускников вузов, и они займут довольно значительное место в социальной структуре современного российского общества. Это, прежде всего, такие различные группы, как прекариат и креативный класс.

Изменения социальной структуры современного российского общества, изменения в самих процессах социальной стратификации и частичное изменение содержания признаков социального статуса подтверждают исследования российских социологов за последние годы.

В частности, на основе многомерного подхода специалисты Института социологии ФНИСЦ РАН разработали статистическую модель классов и исследовали ее в процессе мониторинга 2015 и 2018 гг. В основе многомерных показателей – немонетарные характеристики возможностей россиян в главных жизненных сферах: экономические условия, производственные отношения, образовательные и медицинские возможности, возможности потребления. Обнаружено, что современное российское общество можно классифицировать как общество вертикально интегрированных классов. Наиболее привилегированная часть массового российского общества образует группу, относительная численность которой не превышает 13 % (так называемый высший средний класс). Еще 47 % населения относится к разнообразным (нижним) стратам среднего класса. Остальные 40 % населения страны являются депривилированными и попадают в нижние классы [1].

Возможные варианты перспектив развития системы высшего образования просматриваются в аспекте воспроизводства имеющихся и формирования новых социальных групп, с изменением признаков социального статуса.

Максимальный вариант уже сейчас начинает реализовываться, например, подготовка инженерных кадров для наукоемких производств требует обеспечить взаимосвязь вузовского и корпоративного образования, а идеальная образовательная модель в представлении работодателей должна основываться на специфике корпоративного образования. Стратегиями подбора кадров должно стать – сотрудничество с образовательными учреждениями высшего профессионального образования [6].

Но, вероятно, еще значительное время сохранится минимальный вариант, для которого характерны, с одной стороны, усиление конкуренции среди вузов (особенно пери-

ферийных), попытки внедрения новых цифровых технологий для оптимальной подготовки выпускников и для обеспечения оптимального образования даже в экстремальных условиях (например, пандемии и необходимости самоизоляции. Действующими факторами при этом, вероятно, станут спрос на выпускников со стороны региональных рынков труда и предложение их со стороны рынков образовательных услуг в регионах. Но при этом немалое значение будут оказывать и такие факторы, как «имитация образовательных практик», о которой говорилось выше, а также то, что труд преподавателя находится по своему содержанию в границах, определенных, с одной стороны, необходимостью и требованиями творческой работы (методической, научной), а с другой стороны – своеобразным «выживанием» по причине большой бюрократической работы и необходимости поиска дополнительных источников дохода (о таких явлениях свидетельствуют, в частности, результаты исследований Ф. Э. Шереги и А. В. Кириллова, 2017 г. [7]).

Перспективным для вузовского образования видится переход на инновационное производство, который при удачной реализации образует третий, оптимальный вариант развития. При этом должна измениться система высшего образования, на основе новых принципов. Например, достаточно эффективным (конечно, при соответствующей заинтересованности и обеспеченности) может быть переход к органической системе высшего образования на основе принципов нелинейного развития высшего образования. По результатам исследования Г. Е. Зборовского, П. А. Амбаровской, Е. А. Шуклиной, уже существуют предпосылки перехода к нелинейному развитию высшего образования с помощью формирования межвузовского сетевого взаимодействия и нелинейного образования в университетах, на основе их нормативного регулирования. Нужны: трансформация управления университетами, усиление инновационности образовательного и научно-исследовательского процесса, новые принципы взаимодействия образовательных общностей в университетах, регионе и макрорегионе [4].

В российской системе высшего образования также имеется положительный опыт стратегических изменений университета для повышения конкурентоспособности, накопленный в Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского. «Дорожная карта» повышения конкурентоспособности ННГУ. включает стандартизированные стратегические инициативы, направленные на производство конкурентоспособных интеллектуальных продуктов в образовании, науке и инновационной деятельности, и уникальные инициативы по развитию специфических для ННГУ конкурентных преимуществ [3].

Таким образом, функции высшего образования наполняются новым содержанием, поскольку, как можно заметить, проявляется функция сохранения конкурентоспособности. Происходят институциональные изменения, которые отделяют институциональные признаки высшего образования от подобных признаков в системе общего образования и даже среднего профессионального. Меняется назначение высшего образования как только лишь социального лифта и канала восходящей социальной мобильности. Скорее, это социальный терминал для занятия (временного или постоянного) горизонтальных и вертикальных статусов. Наиболее характерных для стратификации того общества, в котором он формируется. Все это в дальнейшем потребует разработки социальной концепции вузовской подготовки – не только в педагогическом, а в социально-профессиональном плане, и определит дальнейшие перспективы развития высшего образования в нашем обществе.

Литература

1. Аникин В. А. Социальные классы новой России – неравные и разные // Социологические исследования. 2020. Т. 46, № 2. С. 31–42.
2. Гладкова И. А. Профессиональное становление студенческой молодежи в современном российском обществе: региональный аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Пенза, 2019. 28 с.
3. Груздинский А. О., Чупрунов Е. В. Стратегические изменения университета для повышения конкурентоспособности // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 132–140.

4. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А., Шуклина Е. А. Существует ли система высшего образования в России? // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 76–86.
5. Какоткина Е. А. Социальные функции регионального вуза в условиях модернизации высшего образования России : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Пенза, 2019. 21 с.
6. Ключарев Г. А. О подготовке инженерных кадров для наукоемких производств (взгляд работодателей) // Социологические исследования. 2020. Т. 46, № 3. С. 51–59.
7. Шереги Ф. Э., Кириллов А. В. Труд преподавателя вуза: творчество или «выживание»? // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 87–98.
8. Высшее образование: социальный лифт или потерянное время? // Опросы ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9808> (дата обращения: 31.10.2020).

УДК 323.2+351/354

Л. Л. Толвайшис

Университет «Унион – Никола Тесла», г. Белград
Уральский федеральный университет имени первого Президента России,
г. Екатеринбург

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ВНЕДРЕНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СЕРБИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются проблемы внедрения технологий автоматического распознавания лиц в городских пространствах Сербии с точки зрения взаимодействия государства и общества в процессе принятия решений, имеющих ключевое значение для прав и свобод человека. Внедрение биометрических технологий видится в качестве потенциального источника социальной напряженности. Поднимаются вопросы защиты прав человека в цифровой среде.

Ключевые слова: автоматическое распознавание лиц, биометрические технологии, умный город, государственное управление Сербии.

L. L. Tolvaišis

Union Nikola Tesla University, Belgrade
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

MANAGING THE INTRODUCTION OF BIOMETRIC TECHNOLOGIES IN SERBIA: INTERACTION BETWEEN THE STATE AND THE SOCIETY

The article analyses the problems of introducing automated facial recognition in Serbia's urban spaces from the point of view of interaction between the society and the state in the decision-making process related to fundamental human rights and freedoms. The introduction of biometric technologies is seen as a potential cause of social tension. The article deals with the issues of human rights protection in the digital environment.

Keywords: facial recognition, biometric technologies, Serbia's public administration, smart city.

Развитие биометрических технологий в XXI в. сопровождается атмосферой технологического детерминизма, подразумевающего неизбежность неконтролируемого прогресса и порождающего стереотипы о тщетности попыток ограничения его отрицательных проявлений. Альтернативой является рассмотрение технологического прогресса как предотвратимого и подлежащего общественному контролю: использование тех или иных технологий может быть ограничено в случае выявления неоспоримого вреда, наносимого ими обществу. Технологии создаются людьми и как таковые не являются источником права, власти или объективной истины, не устраняют собственную человеческой природе предвзятость, однако подводят под нее технологическую основу, наделяя ее признаком научной легитимности [13]. Догоняющее законодательное регулирование является недостаточно эффективным способом сдерживания стремительно развивающихся технологий, поскольку, как правило, обществу недостает знаний о технологиях на ранних этапах их развития, когда их ограничить легче всего, а отрицательные эффекты проявляются на поздних этапах, когда технологии становятся несущим элементом системы управления.

К числу новейших разработок, нуждающихся во всестороннем исследовании и публичном обсуждении потенциальных последствий прежде внедрения, следует отнести биометрические технологии. Преимуществами технологии автоматического распознавания лиц, применяемой на автоматических пунктах пересечения государственных границ и в работе правоохранительных органов, принято считать большую степень надежности по сравнению с человеком и беспристрастность. Оба преимущества зависят от качества технологии и потому чреваты рисками для прав и свобод граждан. Во-первых, камеры видеонаблюдения ввиду погрешностей в работе не гарантируют сбора надежной информации в случае правонарушений. Распространены случаи ложноположительных результатов сличения камерами лиц прохожих с данными из баз правоохранительных органов. Во-вторых, случаи злоупотребления технологиями в личных, корпоративных и политических целях свидетельствуют о рисках нецелевого использования данных. Формирование корпорациями больших массивов личных данных имеет целью коммерциализацию поведения потребителей в сети. В-третьих, хранение данных граждан, личность которых системой определена ошибочно, может привести к злоупотреблению ими.

Автоматическое распознавание лиц является одним из способов сбора данных в рамках концепции «умного города» [6], в основу которой положены наблюдение, анализ и реакция на динамику городской среды в целях улучшения качества жизни граждан. Технология распознавания лиц позволяет собирать внушительные объемы биометрических данных граждан. Угрозе отдельных правонарушений и точечных покушений на безопасность общества противопоставляется мощная технология, охватывающая все общество целиком, степень защищенности которой от злоупотреблений недостаточно изучена. Данная технология находится на раннем этапе развития. На более продвинутых этапах, подразумевающих возможность распознавания эмоций, характера, состояния здоровья индивида, неизбежны новые риски.

Не менее важен психологический аспект недоверия, положенного в основу технологий неизбирательного слежения и практики массового хранения данных. Внедрение биометрических технологий может не только внушать гражданам чувство безопасности, но также привносить в публичное пространство атмосферу тревоги и страха, порождаемую недоверием государства к собственным гражданам как потенциальным правонарушителям, нуждающимся в профилактическом наблюдении. Видеосъемка передвижения граждан, анализ их действий и предвидение их поведения ведут к утрате анонимности, ограничивая чувство свободы принятия решений, вынуждая приспособлять гражданское поведение к факту постоянного нахождения под наблюдением в публичном пространстве.

В качестве метафоры современного общества, тяготеющего к централизованному контролю и унификации, Мишель Фуко использовал модель паноптикона, выражающую осознание членом общества факта постоянного наблюдения за своей жизнью со стороны системы, довлеющей над индивидом [5]. Только в XXI в. технологии сплошного централизованного видеонаблюдения и интернета создали возможности для незаметного повсеместного внедрения в публичном пространстве принципа паноптикона, восходящего к XVIII в. и изначально подразумевавшего коренное изменение поведения заключенных, осознающих факт круглосуточного централизованного наблюдения за ними, что позволяет экономить время и энергию надзирателей. Допущение сравнения мегаполиса с исправительной колонией выявляет обратную сторону концепции безопасности, основанной на технологиях: риски произвола в отношении общества со стороны институтов, управляющих технологиями.

Разработчики технологий зачастую считают приоритетом алгоритмы выполнения задачи, упуская из вида масштабные социальные последствия. Практика сплошного наблюдения за гражданами в публичном пространстве, набирающая обороты в мире, нередко вступает в противоречие с национальным законодательством и международными конвенциями, гарантирующими право на неприкосновенность частной жизни, свободу

ассоциаций и самовыражения. Поскольку единые правовые и этические стандарты использования систем распознавания лиц не выработаны, мировая практика отличается разнообразием.

Мировым экспортером стандарта повсеместного сплошного видеонаблюдения за публичными пространствами следует признать КНР. В основу китайской концепции общественной безопасности и системы социального кредита положен принцип доверия к гражданину, которое зарабатывается посредством начисления баллов и утрачивается вследствие совершения правонарушений, фиксируемых видеокамерами [15]. Будучи интегрированным с банковской системой, данный механизм располагает эффективными рычагами влияния на мотивацию, поведение и жизнь граждан.

Ввиду выявленных рисков для прав и свобод граждан, в мире налицо также тенденция к запрету или ограничению применения систем распознавания лиц. В США очагами сопротивления стали технологически развитые города Калифорнии и Массачусетса, где применение технологий распознавания лиц органами власти и правопорядка запрещено [12] (рассматривается законопроект, вводящий общенациональный запрет). В Великобритании отмечается чрезвычайно высокая доля ошибочных результатов определения идентичности личности камерами видеонаблюдения [10]. В октябре 2019 г. в парламенте внесен законопроект о моратории на использование технологии распознавания лиц и введение уголовной ответственности за приобретение, установку и использование оборудования, наделенного возможностью сбора и обработки биометрических данных в общественных местах [4]. Во Франции в феврале 2020 г. по запросу общественных организаций и профсоюза судом отменен эксперимент региональных властей по внедрению системы распознавания лиц в двух средних школах как непропорциональный цели контроля входящих лиц [11]. В Аргентине известны случаи необоснованного задержания прохожих, ошибочно принятых за находящихся в розыске лиц [13]. В Нидерландах миллионы несудимых граждан внесены в базу данных полиции [13]. Европейской комиссией рассматриваются меры по защите граждан от угроз, исходящих от технологий распознавания лиц, включая запрет на их использование [14].

Описанные выше запреты охватывают лишь отдельные аспекты использования данной технологии либо касаются ее использования определенной категорией организаций (как правило, государственных), но не компаниями, использующими алгоритмы распознавания лиц, создающими базы данных с использованием миллионов фотографий из социальных сетей.

Белград стал первым балканским городом, внедрившим на своих улицах видеокамеры, обладающие способностью распознавания лиц. Импульсом к сотрудничеству сербского МВД с китайским производителем систем «умного» видеонаблюдения послужил опыт успешного сербско-китайского сотрудничества. В 2015 г. благодаря системе видеонаблюдения в Китае в течение 3 суток найдено скрывающееся от сербского правосудия лицо, совершившее в Белграде ДТП со смертельным исходом. В августе 2009 г. правительствами Сербии и КНР заключено соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в области инфраструктуры. В рамках реализации проекта «Безопасный город» с 2019 г. начинаются поставки оборудования и программного обеспечения, обладающего способностью распознавания лиц и регистрационных знаков автомобилей. Анонсирована установка порядка 8100 камер, в том числе 2500 в публичном пространстве города, 3500 передвижных камер в распоряжении полиции, 1500 камер на униформах полиции и 600 на полицейских автомобилях, а также покрытие системой видеонаблюдения автомагистралей [2]. Планируется распространить систему на всю территорию Сербии и хранить собранные данные на протяжении одного года.

В качестве целей установки камер наблюдения заявлены повышение безопасности дорожного движения; предотвращение правонарушений; ускорение процедуры поиска лиц, подозреваемых в совершении преступлений; профилактика нападений, краж, сбыта

наркотики, вандализма, похищений людей; а также создание атмосферы безопасности в школах, парках, подземных переходах и пр. [1]. В пользу установки камер наблюдения приводятся аргументы, основанные на опыте Китая, успешно снизившего уровень преступности с помощью воздействия повсеместного видеонаблюдения на сознательность граждан. Сплошное видеонаблюдение призвано помочь органам правопорядка в случае необходимости проследить траекторию движения правонарушителей и в десятки раз сократить время, необходимое для идентификации и обнаружения подозреваемых.

Риски для защиты личных данных граждан увязываются с отсутствием в действующем законодательстве оснований для неизбирательного распознавания лиц в публичном пространстве путем повсеместного применения камер видеонаблюдения. Ответственность не была должным образом информирована об установке камер видеонаблюдения, правовых основаниях и целях использования, способе обработки и мерах защиты данных. Рассогласованные заявления должностных лиц и публикации СМИ вызвали тревогу в обществе. Система умного видеонаблюдения внедряется без участия широкой общественности в процессе принятия решений, т. е. без широкого общественного обсуждения действительной необходимости в подобной системе, ее безопасности, стоимости, территориального охвата и мест внедрения, последствий и согласования с нормами действующего законодательства. Об установке камер наблюдения граждане узнавали из самостоятельных наблюдений, а также из отчета китайской компании-поставщика. Информация об установке видеокamer, «вторгающихся» в густонаселенные районы, систематизируется гражданами в соцсетях.

Заявленная цель внедрения системы – повышение безопасности граждан и эффективности борьбы с преступностью – носит чересчур общий характер в контексте неизбирательного сбора персональных данных. Согласно ст. 8 Европейской конвенции по правам человека [7] и ст. 13 Закона о защите персональных данных [3], предпосылкой законности столь масштабной обработки личных данных должна выступать необходимость органов правопорядка в такой мере. Такая необходимость доказана не была. Широкое определение целей видеонаблюдения открывает возможность произвольного применения системы.

Закон о защите персональных данных, вступивший в действие в августе 2019 г., содержит новые стандарты ЕС, однако не предусматривает защитных инструментов и механизмов претворения положений закона в жизнь [3]. Во исполнение ст. 54–55 закона, МВД Сербии подготовлена Оценка влияния обработки данных системой видеонаблюдения на защиту персональных данных. Документ не опубликован, однако направлен на рассмотрение уполномоченному по информации, имеющей общественное значение, и защите личных данных, благодаря которому его содержание стало достоянием общественности [9]. Оценка уполномоченного о несоответствии вводимой меры положениям действующего законодательства созвучна призывам общественных организаций приостановить внедрение системы «умного» наблюдения ввиду отсутствия фактического обоснования необходимости в таких мерах для повышения уровня безопасности общества и оценки, насколько преимущественно соразмерны рискам для прав и свобод граждан [8]. Отсутствие анализа возможных злоупотреблений, а также исчерпывающего описания предусмотренных действий и мер по защите личных данных, оборачивается недостатком гарантий предотвращения рисков угроз для прав и свобод человека. Общественность не ознакомлена с планируемыми способами разграничения публичных и частных пространств (квартир), попадающих в кадр при съемке. Неизвестно также, были ли рассмотрены иные способы контроля за публичным пространством, более безопасные с точки зрения соблюдения неприкосновенности частной жизни граждан.

Действующими законами не регулируется сфера обработки биометрических данных, тогда как злоупотребление данными случается в государствах, отличающихся более высокой степенью защиты данных, чем Сербия. В условиях непресеченных злоупотреблений менее развитыми технологиями переход на более мощные и еще менее прозрачные

системы может оказаться преждевременным. Случаи утечки персональных данных из баз государственных органов (медицинских данных, данных с камер наблюдения) вскрыли отсутствие механизма привлечения операторов данных к ответственности. Так, в 2014 г. в результате взлома сайта Агентства по приватизации база личных данных 5 млн 200 тыс. граждан Сербии оказалась в открытом доступе (дело закрыто в 2017 г. в связи с истечением срока давности).

При внедрении проектов «умного города» остается неясным формат участия граждан и возможности повлиять на процесс принятия решений. Не принимая участия, общество рискует утратить субъектность в процессе выстраивания нового технологического уклада. Предпосылкой установления эффективного контроля общественности за биометрическими технологиями является размещение в открытом доступе ключевых документов и широкая общественная дискуссия, позволяющая сформулировать общественный интерес по вопросам возможных ограничений прав и свобод граждан. Необходима прозрачность относительно целей, характера используемых технологий и собираемых данных, особенностей сбора и хранения данных, механизма финансирования, операторов и прочих участников системы. В отсутствие эффективной обратной связи между обществом и центрами принятия решений возникает риск, что выстроенная инфраструктура может отрицательно сказаться на уровне соблюдения прав граждан в будущем и окажется уязвимой перед сменой правящих элит. От наличия контроля со стороны независимых граждан и экспертного сообщества и от способности общества ограничить экспансию технологий рамками общественных интересов зависит, будет ли построение «умного города» иметь следствием повышение качества жизни граждан или риски для их прав и свобод.

Литература

1. Вукосављевић Д. Приватност грађана неће бити угрожена // Политика. 07.10.2019.
2. Јеремић В. Још нема закона који би дозволио снимање „паметним камерама“ // Данас. 21.09.2020.
3. Закон о заштити података о личности // Службени гласник РС. 2018. № 87.
4. Automated Facial Recognition Technology (Moratorium and Review) Bill. 30.10.2019. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/bills/lbill/2019-2019/0047/20047.pdf> (дата обращения: 17.11.2020).
5. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Vintage Books, 1995. 333 p.
6. Tian L., Wang H., Zhou Y., Peng Ch. Video big data in smart city: Background construction and optimization for surveillance video processing // Future Generation Computer Systems. 2018. Vol. 86. P. 1371–1382.
7. Европейская конвенция по правам человека // Рим. 04.11.1950. URL: <http://stat.gov.rs/media/3456/peer-review-izvestaj-srpski.docx> (дата обращения: 17.11.2020).
8. Мариновић М. Мишљење Повереника на акт: Провена утицаја обраде на заштиту података о личности коришћењем система видео надзора // Повереник за информације од јавног значаја и заштиту података о личности. 12.11.2019. URL: <https://praksa.poverenik.rs/predmet/detalji/FB967E2A-AE57-4B2C-8F11-D2739FD85A9B> (дата обращения: 17.11.2020).
9. Хронологија. URL: <https://hiljade.kamera.rs/rs/hronologija> (дата обращения: 17.11.2020).
10. Big Brother Watch. Stop Face Recognition: Report. May 2018. URL: <https://bigbrotherwatch.org.uk/wp-content/uploads/2018/05/Face-Off-final-digital-1.pdf> (дата обращения: 17.11.2020).
11. Cheminat J. Reconnaissance faciale : La justice invalide l'expérience marseillaise et nicoise // Le Monde Informatique. 03.03.2020. URL: <https://lemondeinformatique.fr/actualites/lire-reconnaissance-faciale-la-justice-invalide-l-experience-marseillaise-et-nicoise-78311.html> (дата обращения: 17.11.2020).
12. Conger K., Fausset R. Kovaleski S. F. San Francisco Bans Facial Recognition Technology // The New York Times. 14.05.2019. URL: <https://nytimes.com/2019/05/14/us/facial-recognition-ban-san-francisco.html> (дата обращения: 17.11.2020).
13. European Digital Rights (EDRI). Dangerous by design: A cautionary tale about facial recognition. 12.02.2020. URL: <https://edri.org/our-work/dangerous-by-design-a-cautionary-tale-about-facial-recognition> (дата обращения: 17.11.2020).
14. Stolton S. Commission will 'not exclude' potential ban on facial recognition technology. 03.09.2020. URL: <https://euractiv.com/section/data-protection/news/commission-will-not-exclude-potential-ban-on-facial-recognition-technology> (дата обращения: 17.11.2020).
15. Xiuzhong Xu V., Xiao B. Chinese authorities use facial recognition, public shaming to crack down on jaywalking, criminals // ABC News. 20.03.2018. URL: <https://abc.net.au/news/2018-03-20/china-deploys-ai-cameras-to-tackle-jaywalkers-in-shenzhen/9567430> (дата обращения: 17.11.2020).
15. Xiuzhong Xu V., Xiao B. Chinese authorities use facial recognition, public shaming to crack down on jaywalking, criminals // ABC News. 20.03.2018. URL: <https://abc.net.au/news/2018-03-20/china-deploys-ai-cameras-to-tackle-jaywalkers-in-shenzhen/9567430> (дата обращения: 17.11.2020).

В. А. Подсолонко, Е. А. Подсолонко
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

ВНУТРЕННИЙ ТУРИЗМ В УЛУЧШЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СИБИРИ

Анализируются возможности развития экономики регионов Сибири и Востока на основе расширения внутреннего речного туризма на слабоосвоенных территориях и вовлечения новых рекреационных ресурсов. Приведены возможные направления вовлечения потенциала замерзших рек зимой для развлечений и зрелищных мероприятий. Обосновано кумулятивное положительное воздействие развития туризма в регионе на демографические процессы, на возрождение уменьшающейся численности населения во многих городах и поселках на берегах крупных рек и их притоках. Показана важная роль управления этими процессами на территориях субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: туризм, речной ресурс, региональная экономика, численность населения, качество жизни населения.

V. A. Podsolonko, E. A. Podsolonko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

LOCAL TOURISM IN IMPROVING DEMOGRAPHIC SITUATION IN SIBERIA

The possibilities of economic development in the regions of Siberia and the East based on the expansion of local river tourism in underdeveloped territories and the involvement of new recreational resources are analyzed. Potential directions of involving the ability of frozen rivers in winter for entertainment and spectacular events are given. The cumulative positive impact of the development of tourism in the region on demographic processes, on the revival of a decreasing population in many cities and towns on the banks of large rivers and their tributaries has been substantiated. The important role of managing these processes in the territories of the constituent entities of the Russian Federation is shown.

Keywords: tourism, river resource, regional economy, population size, quality of life of the population.

В Стратегии развития Красноярского края в разделе «Улучшение демографической ситуации» определена цель демографической политики, как создание условий для стабильного роста численности населения самого крупного субъекта федерации по численности населения. Среди направлений региональной политики по решению демографических проблем на период до 2030 г. определено «сокращение пространственной асимметрии социально-экономического развития территорий края...», «привлечение для обучения и закрепление в крае молодежи из других регионов», «снижение миграционного оттока, повышение миграционной привлекательности территории за счет дальнейшего развития экономики Красноярского края, создания высокооплачиваемых рабочих мест». Ожидается, что к 2030 г. численность населения края составит более 3 млн чел. [2].

Особенностью многих регионов России, как правило наиболее привлекательных в природно-ландшафтном аспекте, является полное отсутствие в них современных автодорог. Устранение этого недостатка потребует еще много десятков лет. В России насчитывается около 2,8 млн рек общей протяженностью почти 12,4 млн км. В большинстве регионов, характеризующихся бездорожьем, сосредоточены множество рек и речек. Именно в таких регионах развитие внутреннего туризма в ближайшие десятилетия следует ориентировать на максимальное использование возможностей речной сети. Опыт зарубежных стран в этом направлении может стать стимулом возрождения накопленных в стране традиций и создания условий для интеграции имеющихся в мире достижений, используемых в водном туризме. Во всех странах мира речной туризм является средством развития регионов, позволяющим изучать достопримечательности, культуру, национальные особенности, традиции, и культурные особенности местности, путешествовать и заниматься спортом, проводить исследования, участвовать в конференциях и других мероприятиях. Часто речной туризм, представляющий собой самостоятельный вид туризма, является средством достижения иных целей, являясь при этом средством достижения цели.

Потенциал отечественного водного туризма

Опыт речного туризма в России практиковался еще 50 – 60 лет назад по наиболее крупным рекам – Волге, Оби, Енисею. С того времени в мире туризма накопилось много новых возможностей для отдыха и развлечений с помощью водного транспорта. Раньше водный туризм предполагал в основном пассивный отдых на палубе или в каюте и вечерние концерты или танцы, экскурсии днем в прибрежные города или поселки.

Современные условия позволяют на основном теплоходе иметь инвентарь и возможности для обширного комплекса водных и ландшафтных развлечений: от водных лыж до водных мотоциклов, от шлюпок и байдарок до малых яхт и суден на воздушной подушке, от дельталетов до вертолетов и т. д. Ко всему этому набору средств для отдыха и развлечений требуется штат инструкторов и тренеров, дающих возможность воспользоваться этими средствами как туристам, умеющим ими владеть, так и новичкам в таких видах развлечений.

Производство всех потребных для этого речных теплоходов и всего перечисленного и не названного здесь набора средств для водного отдыха и развлечений должно быть размещено в городах и поселках, находящихся на пересечении рек, автомобильных и железных дорог. Это оживит и возродит или разовьет экономику таких регионов, повысит занятость местного населения, привлечет новую рабочую силу и в итоге повысит уровень качества жизни в регионах. Процессы оживления экономики в отдаленных районах страны потребуют много времени. Для ускорения этих процессов можно воспользоваться техникой, созданной в других странах.

Не менее важно создавать новые виды экономической деятельности по всему пути следования теплоходов в маленьких прибрежных городах и в поселках. Организация интересных видов активного отдыха привлекает туристов и дает возможность занятости местного населения. Вариантов развлечений очень много, среди них широко распространенный в странах мира и в России веревочный парк, включающий в себя переходы и мосты, лестницы между деревьями, над речками, ручьями, водопадами, оврагами. Чем живописнее местность, в которой обустроены такие парки, тем привлекательнее они для туристов. Леса вдоль берегов рек Урала, Сибири, Дальнего Востока имеют множество неповторимых живописных мест, расположенных достаточно близко от жилых поселков, что позволяет вовлечь местное население в создание и обслуживание мест отдыха. Главное преимущество таких сооружений – это возможность насладиться неповторимостью недоступного в других условиях пейзажа, вдохнуть брызги водопада или порогов, запах нетронутой тайги. Именно эта особенность позволит создать вдоль маршрута теплохода не один – два таких сооружения, а в зависимости от числа уникальных мест, доступных для обозрения не из зарослей колочего кустарника, а с весьма комфортной высоты, не нарушая природы.

Другой вариант развлечений больше свойственен именно России с ее многочисленными народами и народностями, расположенными, как правило, вдоль больших, средних и даже малых рек. Каждый этнос имеет свою историю, культуру, искусство, ознакомление с которыми может представлять интерес для туристов в зависимости от того, как их представить. К примеру, туристические экскурсии по протокам Нила в Египте построены таким образом, что на протяжении всего путешествия туристы наблюдают театрализованные сцены жизни древних египтян. В Тунисе туристов знакомят с пещерным жильем троглодитов, где представлены все особенности жизни бедуинов: выращивание зерна, кормление домашних животных, приготовление еды, ткачество, уход за престарелыми.

В современных условиях знакомство с этническими особенностями регионов может быть представлено разнообразными средствами: печатная продукция, сувенирные изделия, видеозаписи этнических и межэтнических концертов или бытовых мероприятий в том числе с участием туристов, предметы быта, одежда и обувь, продукты питания в том числе в сувенирных упаковках и мн. др. Создание такой памятной продукции будет способствовать возрождению народных промыслов, забытых и заброшенных из-за практической ненадобности, развитию культуры, традиций.

Водный туризм в малообжитых регионах Сибири и Дальнего Востока имеет дополнительные преимущества, связанные с особенностями питания, включающего свежие продукты растительного и животного, горного, лесного, тундрового и водного происхождения. Пищевая индустрия с большим набором современных профессий, свойственных большинству видов экономической деятельности, нуждается в маркетологах, менеджерах по связям с общественностью, оперативных менеджерах – диспетчерах, нормировщиках и организаторах труда и производства, социологах, бухгалтерях и др., работа которых строится на современных информационных технологиях. Региональные учебные заведения готовят таких специалистов. Старшее поколение может принять участие в выращивании продуктов питания и приготовлении еды, производстве одежды, создании сувенирной продукции, возрождении или создании современных звероферм, птицефабрик, рыболопитомников, теплиц и т. п.

По пути следования теплоходов в существующих поселениях или на новых удобных территориях могут быть созданы своеобразные центры здорового или этнического питания, отдыха и развлечений. Здесь могут быть организованы отмеченные ранее этнические мероприятия. В данном случае именно водный туризм, как один из видов внутреннего туризма, выступит в роли мультипликатора ускорения современного развития прилегающих к туристским маршрутам территорий и их экономики. Следствием может явиться не только сохранение местного населения, но и его приумножение, а в связи с созданием современных условий для роста уровня качества жизни – повышение привлекательности региона, рост продолжительности жизни населения в охваченных этими процессами регионах.

Взаимодействие зимнего и летнего туризма

Большинство рек в России замерзают и покрываются льдом с ноября по апрель – май следующего года. В таких условиях водный туризм может развиваться лишь 4–6 месяцев в год. Пляжный туризм также имеет сезонный характер. Круглогодичный отдых в Крыму и на Черноморском побережье Кавказа возможен лишь в некоторых приспособленных для этого курортах. В мире накоплен интересный положительный опыт и возможности увеличения периода отдыха или круглогодичного функционирования курортов. Необходимо лишь усовершенствовать систему управления этими процессами в стране и ее регионах. Это позволит пополнять бюджет страны и ее муниципальных образований, обеспечить круглогодичную занятость населения, перенаправить потоки туристов, предпочитающих отдыхать в Турции, Египте и других странах, в регионы России.

На что могут рассчитывать регионы, культивирующие водный туризм в летние месяцы, зимой, когда их реки будут скованы льдом? Попытки найти альтернативу классическим речным или морским теплоходам заменой их суднами на воздушной подушке имеют единичные и весьма неэффективные примеры. Однако мировая и отечественная практика не стоит на месте в поиске привлекательности замерзших рек. В России при отсутствии автомобильных дорог в труднодоступных местах Западной и Восточной Сибири зимой замерзшие реки используют как основу так называемых «зимников» – расчищаемых от избытков снега зимних дорог для грузового транспорта. Благодаря таким дорогам жизнь населения вдоль крупных замерзших рек не прекращается и в зимние месяцы. Однако для использования этих временных транспортных артерий в массовом туризме, к примеру, на автобусах, отсутствуют все остальные условия, привлекающие туристов: современные гостиничные комплексы по пути следования, пункты питания, средства активного содержательного отдыха и развлечений.

Интересным можно считать опыт Канады, где скованные льдом реки используют как безразмерные стадионы с многокилометровыми трассами для многодневных гонок на собачьих упряжках. Этих собак привозят на место старта в специально оборудованных грузовиках с индивидуальными конурами для каждой собаки. В день старта этих гонок вокруг трассы на много километров собираются толпы зрителей. По такому пример-

но подобно на хорошо промерзающих реках России, где летом может существовать обширная сеть речного туризма, вполне осуществимо создание современных зимних центров активного отдыха и развлечений народов Севера, Сибири и Востока страны. Ареной такого действа на протяжении 4 – 6 зимних месяцев могут выступать русла замерзших рек и их берега в малых и средних городах. Здесь могут проводиться состязания собачьих или оленьих упряжек, снегоходов, зимних серфингистов, лыжников, биатлонистов, летающих сноубордистов (с паропланом), хоккеистов с мячом и шайбой и пр. Только перечисленные мероприятия потребуют при создании таких зимних центров современного развития городов, выбранных для их размещения. Прежде всего необходимы гостиничные и жилые комплексы для размещения или постоянного пребывания в зимний период всех участников спортивных и развлекательных мероприятий со всей их инфраструктурой и пунктами питания.

Главная задача таких центров – привлечение туристов, как зрителей этих мероприятий. Другая их важная задача – заинтересовать туристов в возможном участии в каких-то видах развлечений и даже в обучении получению новых для них навыков в отдельных из развлечений. Кстати, эта задача важна и для вовлечения детей и местной городской молодежи в эти мероприятия, как будущей смены их исполнителей и организаторов. Весь инвентарь, используемый во всех спортивных и развлекательных мероприятиях центра, должен быть доступным, как в свободной продаже, так и в специальных пунктах проката. Для этого в городе или близлежащих населенных пунктах может быть организовано его производство на специализированных отечественных либо совместных предприятиях.

Важным условием создания таких зимних центров является их привязка к городам, где в летнее время сосредоточена деятельность, связанная с водным туризмом. Это позволит обеспечить круглогодичное функционирование инфраструктуры города и более – менее равномерную занятость его населения в течение года с учетом ее сезонных отличий.

Возможности развития внутреннего туризма в Иркутской области

На примере реки Лена, имеющей длину 4400 км, с некоторыми ее притоками, можно, условно, сформировать состав основных городов – центров развития водного летнего туризма и зимнего отдыха и развлечений. Приблизительно можно поделить всю длину реки Лена на 4 отрезка по 1000 – 1200 км [5]. Первый из этих отрезков длиной около 1000 км проходит полностью по территории Иркутской области от ее истоков до границы с республикой Саха (Якутия), до города Витим, где в Лену впадает река Витим. Примерно посередине этого отрезка находится город Усть-Кут, через который проходит железная дорога – БАМ. Здесь же функционирует автомагистраль из Братска, на юг по реке более, чем на 500 км, расположено несколько поселков до самого Байкало-Ленского заповедника, откуда берет свое начало Лена. На север до Витима еще на 500 км также размещены несколько поселков и город Киренск. Вполне естественно, что именно Усть-Кут может стать начальным звеном расширения на юг и север Ленского речного туризма в дальнейшем развитии внутреннего туризма Иркутской области. Вторым звеном этого процесса в этой же области, но на притоке Лены – Витим, может стать город Бодайбо с охватом около 500 км русла реки и территории Витимского заповедника, с выходом на железнодорожную станцию БАМа Таксимо на территории республики Бурятия на расстоянии чуть более 200 км.

Результативность этих процессов зависит от квалификации отраслевых руководителей туризма и муниципальных территориальных образований Иркутской области. Поэтому реальных результатов современного развития водного туризма в Иркутской области в республике Саха и прилегающих регионах можно скоро не увидеть... Это пессимистический прогноз.

Оптимистический прогноз развития экономики поселений на реке Лена и ее притоках в какой-то степени базируется на расширении уже имеющегося опыта работы существующей компании «Ленатурфлот». Поскольку ее сфера действия в основном сосредо-

точена на территории Якутии, то вполне целесообразно в Иркутской области создать свою специализированную компанию с условным наименованием «Иркуткруизфлот». Эта компания в форме кластера может иметь самостоятельные базы в городах и поселках области, располагающими речными портами. Так, в первой от истоков 1000 км реки Лена, почти в ее середине расположен город Усть-Кут с Осетровским речным портом и Верхнеленским речным пароходством [1]. Численность населения в 2020 г. в городе составляла 45500 чел. против 62400 чел. в 1996 г. Грузовое, паромное и пассажирское сообщение по реке осуществляется вниз по течению до городов Пеледуй и Ленск в Якутии. Вверх по течению можно пройти от порта Осетрово на небольших судах до пристани города Качуг, расположенного вблизи Байкало-Ленского заповедника, откуда берет свое начало река Лена.

Учитывая накопленный опыт по речным перевозкам в работе порта Осетрово, а также все плосы пересечения с ним железнодорожного, автомобильного и воздушного транспорта, вполне закономерным будет создание на его базе ведущего предприятия с наименованием «Усть-Кут-круиз-флот». При этом предприятии на ближайшие 10 – 15 лет как ключевое звено материальной базы круизной речной деятельности может выступать сеть лизинговых организаций в городах и поселках, расположенных по берегам Лены и ее притоков в Иркутской области. При этом в зависимости от речных возможностей этих поселений в лизинге могут быть плавсредства разных тоннажности и назначения. В имеющих пристани поселках Качуг и Жигалово, преимущественно могут базироваться небольшие суда, в городе Киренск – средне- и крупнотоннажные речные суда. Но, принимая во внимание расположение Киренска на месте впадения в Лену реки Киренга, берущую начало, как и Лена, с территории Байкало-Ленского заповедника, вполне оправданно будет использование на этой реке малого флота. Аналогично и по городу Бодайбо, расположенному на притоке Лены Витим, где целесообразно создание предприятия «Бодайбофлоткруиз».

Потенциал зимнего отдыха и развлечений с привлечением коренных народов Сибири и севера России на реке Лена и ее притоках может быть использован в Иркутской области, и тем более в Якутии, где еще в 2010 г. насчитывалось более 20000 чел. эвенков, которые еще в количестве более 15000 чел. проживают в регионах, расположенных в непосредственной близости от Якутии. Благодаря возрождению народных промыслов эвенков для удовлетворения спроса туристов можно ожидать возрождение эвенкийских поселений вдоль туристских речных, железнодорожных и автобусных маршрутов [6]. Традиционные жилища эвенков, чумы, могут быть преобразованы в современные мини отели со всеми необходимыми удобствами и неповторимой эвенкийской кухней в соответствии с принципами «глемпинга». Возрождение уменьшившейся в последние годы в полтора – два раза численности населения перечисленных ранее городов и поселков, вовлекаемых в процессы расширения внутреннего туризма, реально и необходимо.

Для реализации предложений требуется создание специального механизма управления. Отечественные теоретики социально-экономического развития страны в 1980 – 1990 гг. считали, что частная собственность и есть тот механизм саморегулирования экономики. Однако кроме развала страны и ее экономики можно привести еще много других потерь...

В этом механизме должно быть главное: система управления эффективным социально-экономическим развитием страны, ее субъектов, видов экономической деятельности, обеспечивающим высокий уровень качества жизни населения и высокую ее продолжительность [3, с. 396 – 401, 4, с. 55 – 65]. В этой системе должны быть определены цели по достижению отмеченных результатов, а также ответственность руководителей всех уровней за результативность решения задач, обеспечивающих достижение поставленных целей. Разработка этого механизма и его основных составляющих в виде программ и проектов – задача научных организаций страны и ее субъектов. В этих программах должны быть предусмотрены результаты их реализации, конкретные сроки их достиже-

ния по реальным исполнителям, исходным ресурсам и источникам инвестиций для их получения, экспертиза результативности самой программы и управленческих решений по ее осуществлению. Региональные разработки должны структурно и по срокам опираться на соответствующие национальные программы и проекты, однако быть инвестиционно независимыми от них и формировать свои фонды финансирования работ по проектированию и функционированию этих процессов. Здесь же должны быть предусмотрены все вопросы кадрового обеспечения всех элементов программы и ее проектов, подготовка и переподготовка персонала всех видов и уровней, от профессионально-технических и средних до высших руководителей.

Выводы

Большие площади территорий субъектов федеральных округов Российской Федерации в Сибири и на Востоке привели к значительному отставанию развития в них сети автомобильных и железных дорог в сравнении с европейской частью страны. Эта ситуация привела к необходимости более интенсивно использовать в экономике этих субъектов как транспортный ресурс имеющиеся там реки и их притоки.

Речной ресурс наиболее доступный и результативный для целей внутреннего круизного туризма в слабоосвоенных горных и лесных регионах страны.

Начальным звеном функционирования речного туризма служит пересечение автомобильных, железнодорожных и воздушных путей сообщения с крупными реками Сибири и Востока. Это позволит ускорить развитие экономики многих других отраслей деятельности субъекта, что будет способствовать росту уровня качества жизни его населения.

Традиционное использование покрытых льдом рек Сибири и Востока в качестве транспортных «зимников» может быть дополнено большим комплексом спортивно-развлекательных зрелищных мероприятий, отличающихся содержательно на их разных участках (гонки собачьих и оленьих упряжек, состязания снегоходов и т. д.).

Приобретение необходимого для речного и зимнего туризма оборудования, инвентаря и модулей средств размещения целесообразно осуществлять на условиях лизинга в первые годы реализации всех современных мероприятий.

Система муниципального управления субъектов должна предусматривать цели и задачи приращения социально-экономического развития и уровня качества жизни населения на основе вовлечения необходимых ресурсов в расширение внутреннего туризма и его воздействия на все смежные виды деятельности.

Литература

1. Винокуров М. А., Суходолов А. П. Города Иркутской области. 2010 год. URL: http://irkipedia.ru/content/irkutsk_vinokurov_ma_suhodolov_ap_goroda_irkutskoy_oblasti.
2. Красноярский край. Официальный портал. URL: http://www.krskstate.ru/2030/plan/3_1.
3. Подсолонко В. А., Подсолонко Е. А., Ротанов Г. Н. Государственное регулирование повышения качества жизни и роста благосостояния населения // Тенденции, направления и перспективы развития экономических отношений в современных условиях хозяйствования : сб. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. / ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Институт экономики и управления, Академия биоресурсов и природопользования, кафедра экономики агропромышленного комплекса. Симферополь, 28–29 апр. 2016 г. Симферополь : АНТИКВА, 2016. С. 396–401.
4. Подсолонко В. А., Подсолонко Е. А. Императивы развития зарубежного туризма в Российской Федерации // Государственная политика в сфере охраны здоровья в Российской Федерации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 25 мая 2017 г. Симферополь : Тип. «Куб», 2017. С. 55–65.
5. Реки Востока России : путеводитель-справочник. Изд. 2-е. Якутск, 2016. 502 с.
6. Эвенки: Народы России. Атлас культур и религий. М. : Дизайн. Информация. Картография, 2010. 320 с.

МЕСТО И РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ЭКОНОМИКЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена изучению места и роли женщины в экономике Иркутской области. По материалам Федеральной службы государственной статистики анализу подвергнуты основные показатели гендерной политики государства, а также уровень занятости женщин в различных сферах деятельности. В работе акцентировано внимание на представительстве женщин в структурах государственной власти на разных уровнях.

Ключевые слова: статистика, женщины, экономика, профессиональная занятость, рабочая сила, государственная гражданская служба, гендерная политика.

I. V. Ivanova, V. E. Parshina

Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Irkutsk Region, Irkutsk

PLACE AND ROLE OF WOMEN IN THE ECONOMY OF THE IRKUTSK REGION

The article is devoted to the study of the place and role of women in the economy of the Irkutsk region. Based on the materials of the Federal State Statistics Service, the main indicators of the gender policy of the state, as well as the level of employment of women in various fields of activity, were analyzed. The work focuses on the representation of women in government structures at different levels.

Keywords: statistics, women, economics, professional employment, labor force, state civil service, gender policy.

В нашей стране преобладание женского населения над мужским было зафиксировано еще в начале XX столетия и со временем дистанция между ними только росла. Особенно внушительных масштабов эта демографическая пропасть достигала после Первой и Второй мировых войн.

На начало 2020 г. в России женщин проживало на 10,5 млн больше, чем мужчин – 78,6 млн против 68,1 млн, на 1000 мужчин в среднем приходится 1154 женщины [3].

В Иркутской области, как и в целом по стране, наблюдается превышение женского населения над мужским, причем половой дисбаланс (за исключением 2019 г.) ежегодно нарастал. На начало 2020 г. женщин на 179 тыс. больше, чем мужчин (1285,1 тыс. и 1106,1 тыс. соответственно) (рис. 1). Гендерная диспропорция в регионе более выражена, чем в целом по стране – 1162 женщины на 1000 мужчин.

Профессиональная занятость для россиянок является не только средством самовыражения, но и гарантом экономической независимости – своей и своих детей. Почти треть из них рождает ребенка вне брака; значительная часть женщин в случае развода также вынуждена рассчитывать только на себя: алименты исправно выплачивают не более четверти разведенных отцов.

Общая численность рабочей силы в Иркутской области в 2019 г. составляла 1167,2 тыс. человек, в том числе 573,7 тыс. женщин (49,2 %)¹). В общей численности занятых женщины составляют 49,4 %, по сравнению с предыдущим годом их удельный вес уменьшился на 0,2 процентного пункта.

Уровень занятости женщин (отношение числа занятых к общей численности женского населения) составил 51,2 %. Этот показатель на 13,3 процентного пункта ниже, чем у мужчин. Основная часть женщин трудится в организациях торговли (23,5 %), образования (19,8) и здравоохранения (12,9 %).

Женщины работают во всех сферах деятельности, но сугубо женскими можно считать образование (86 % всех работников – женщины) и здравоохранение (81 %). Значительна доля женщин в численности занятых по основному месту работы также в оптовой и розничной торговле (67 %), в организациях финансовой сферы и страхования (62 %).

¹) По данным выборочного обследования рабочей силы.

Уровень образования занятых женщин выше, чем мужчин. Высшее и среднее профессиональное образование имеют 62,6 % женщин и 36,5 % мужчин.

По результатам выборочного обследования рабочей силы в 2019 г., в среднем численность безработных женщин составила 35,5 тыс. (46,1 % всех безработных), по сравнению с предыдущим годом их удельный вес уменьшился на 2,0 процентных пункта. Уровень общей безработицы женщин ниже, чем у мужчин (6,2 % и 7,0 % соответственно).

Женщины чаще мужчин обращаются в государственную службу занятости. А представители сильного пола в сравнении с женщинами чаще используют альтернативные способы поиска работы (обращения к знакомым, объявления и т. д.). В связи с этим регистрируемая безработица среди женщин выше (1,1 и 0,8 % соответственно).

В государственных учреждениях службы занятости населения Иркутской области на конец 2019 г. состояло на учете 13,3 тыс. безработных, из них 6,3 тыс. женщин (55,8 %). Поиск работы через службу занятости женщинами, как и мужчинами, в 2019 г. длился в среднем 3,9 мес.

Помимо занятости есть и другой показатель благополучия в гендерной сфере – присутствие женщин на управленческих должностях.

За последнее десятилетие представительство женщин в структурах российской власти немного выросло. Женщины начинают продвигаться на высокие, традиционно закрепленные за мужчинами позиции. Сегодня они есть и среди лидеров политических партий, глав регионов и министров. Однако пока преждевременно говорить об изменении сложившегося порядка, когда женщины преобладают на нижних этажах власти и их число уменьшается по мере продвижения по иерархической лестнице.

По данным проведенного федерального статистического наблюдения, на 1 октября 2019 г. в общей численности работников Иркутской области, замещавших государственные должности и должности государственной гражданской службы, женщины составляли 78,9 % [2].

По ветвям власти этот показатель сложился следующим образом: в органах законодательной власти – 74,8 %, исполнительной власти – 77,3, судебной власти и прокуратуры – 85,1, в других государственных органах – 77,5 %.

Среди должностей гражданской службы категории руководители (включая их заместителей) женщины замещали 71,7 % должностей, но на высших и главных должностях этой группы удельный вес женщин заметно меньше. Лишь на менее престижных должностях специалистов и обеспечивающих специалистов удельный вес женщин примерно соответствует их доле в общем числе работников властных структур (табл. 1).

Таблица 1

Состав кадров государственной гражданской службы по полу, категориям и группам должностей на 1 октября 2019 г.

	Всего работников, человек	В %				
		от общей численности		к итогу		
		мужчины	женщины	всего	в том числе	
				мужчины	женщины	
Все государственные должности и должности гражданской службы	13307	21,1	78,9	100	100	100
Государственные должности Российской Федерации	673	28,4	71,6	5,1	6,8	4,6
Должности государственной гражданской службы – всего	12634	20,7	79,3	94,9	93,2	95,4
в том числе:						
Руководители – всего	2257	28,3	71,7	17,0	22,7	15,4
высшие	211	43,6	56,4	1,6	3,3	1,1
главные	255	41,2	58,8	1,9	3,7	1,4
ведущие	1791	24,7	75,3	13,5	15,7	12,9
Помощники	694	12,1	87,9	5,2	3,0	5,8

	Всего работников, человек	В %				
		от общей численности		к итогу		
		мужчины	женщины	всего	в том числе	
					мужчины	женщины
Советники – всего						
высшие	23	34,8	65,2	0,2	0,3	0,1
главные	16	12,5	87,5	0,1	0,1	0,1
ведущие	655	11,3	88,7	4,9	2,6	5,5
Специалисты – всего	8355	20,7	79,3	62,8	61,6	63,1
высшие	55	20,0	80,0	0,4	0,4	0,4
главные	297	21,2	78,8	2,2	2,2	2,2
ведущие	2421	19,0	81,0	18,2	16,3	18,7
старшие	5582	21,5	78,5	41,9	42,6	41,8
Обеспечивающие специа-листы – всего	1328	12,4	87,6	10,0	5,9	11,1
главные	3	-	100,0	0,0	-	0,0
ведущие	26	19,2	80,8	0,2	0,2	0,2
старшие	598	15,1	84,9	4,5	3,2	4,8
младшие	701	10,0	90,0	5,3	2,5	6,0

Из общей численности женщин, замещавших должности государственной гражданской службы области, лишь 15,4 % являются руководителями, а из мужчин – 22,7 % (рис. 1).

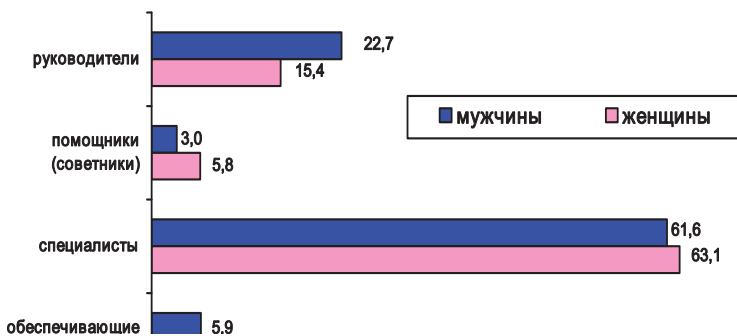

Рис. 1. Структура работников, замещавших должности государственной гражданской службы, по полу и категориям должностей на 1 октября 2019 г. (в % к итогу)

Аналогичная ситуация складывается и на муниципальном уровне. В общей численности работников, замещавших муниципальные должности и должности муниципальной службы, подавляющее большинство – женщины (81,4 %). Удельный вес женщин на руководящих должностях муниципальной службы (высшие и главные) ниже (72,9 % и 67,9 % соответственно), а на более низких должностях их доля возрастает.

Существует и еще один фактор, определяющий благополучие гендерной политики государства, – показатели доходов. В странах, достигших высокого уровня развития, нет разницы между доходами мужчин и женщин, занимающих одни и те же карьерные позиции.

Федеральная служба государственной статистики провела единовременное выборочное обследование организаций (без субъектов малого предпринимательства) за октябрь 2019 г. По материалам обследования были сформированы данные о средней заработной плате мужчин и женщин по видам экономической деятельности.

Удельный вес женщин в среднесписочной численности работников Иркутской области по обследованным видам экономической деятельности составлял 52,4 % [1]. Жен-

щины преобладали в числе работников здравоохранения и предоставления социальных услуг, образования, гостиниц и ресторанов, в сфере отдыха и развлечений, культуры и спорта, оптовой и розничной торговли, профессиональной, научной и технической деятельности, в области информации и связи (табл. 2).

Таблица 2

Средняя начисленная заработная плата мужчин и женщин по видам экономической деятельности за октябрь 2019 г.

Виды экономической деятельности	Средняя заработная плата, руб.		Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин, %	Удельный вес в численности работников, %	
	мужчины	женщины		мужчины	женщины
Всего по обследуемым видам экономической деятельности	61379	39904	65,0	47,6	52,4
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	53989	41595	77,0	67,0	33,0
Добыча полезных ископаемых	109501	73903	67,5	85,3	14,7
Обрабатывающие производства	57543	44262	76,9	67,7	32,3
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	54325	46622	85,8	74,1	25,9
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	39881	36897	92,5	64,7	35,3
Строительство	55186	44797	81,2	84,8	15,2
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	36295	30690	84,6	35,0	65,0
Транспортировка и хранение	69092	48137	69,7	66,3	33,7
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	40266	33265	82,6	23,7	76,3
Деятельность в области информации и связи	62639	51676	82,5	48,3	51,7
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	61409	37337	60,8	58,1	41,9
Деятельность профессиональная, научная и техническая	67123	55288	82,4	47,4	52,6
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	40214	33362	83,0	66,4	33,6
Образование	35044	33618	95,9	18,5	81,5
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	45780	41108	89,8	16,2	83,8
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	41022	37251	90,8	34,5	65,5

Средняя оплата труда женщин (включая единовременные выплаты) в целом по обследованным видам экономической деятельности составляла 65 % от средней зарплаты мужчин. По видам экономической деятельности данное соотношение колебалось от 61 % до 96 %. Это объясняется преобладанием занятости женщин на низкооплачиваемых должностях. Даже в бюджетных отраслях с невысоким уровнем оплаты труда зарплата мужчин выше, чем у женщин, поскольку они занимают большинство руководящих должностей (например, в системе здравоохранения мужчины преобладают среди главных врачей, зав. отделениями, ведущих специалистов).

По всем категориям персонала обследованных организаций зарплата мужчин превышала этот показатель для женщин. Так, в группе руководителей заработная плата женщин составляла 65,5 % от уровня заработной платы мужчин. По другим категориям работников это соотношение колебалось от 59 % среди неквалифицированных рабочих до 66 % у специалистов средней квалификации (рис. 2).

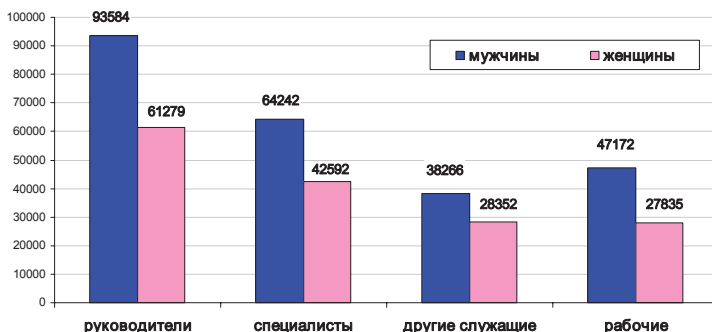

Рис. 2. Средняя заработная плата работников по категориям персонала и полу (рублей)

Положения женщин улучшается, возрастает их роль в формировании политической и экономической повестки дня и принятии политических решений. Но равноправие далеко не достигнуто, о чем свидетельствуют статистические данные, заключения российских экспертов и общественности. По многим показателям, определяющим качество жизни женщин, сохраняется отставание России от развитых стран.

Создание условий для совмещения женщиной профессиональных и семейных обязанностей, карьерного и профессионального роста, расширения участия женщин в управлении, обеспечение действенных механизмов защиты ее прав является приоритетным направлением государственной политики России. От социального самочувствия женщин во многом зависит уровень социальной напряженности в обществе.

Литература

1. Заработная плата работников по профессиям и должностям за октябрь 2019 года. Ст. бюллетень / Иркутскстат. Иркутск, 2020. 47 с.
2. Состав кадров государственной гражданской и муниципальной службы по состоянию на 1 октября 2019 года : стат. бюл. / Иркутскстат. Иркутск, 2020. 60 с.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru>.

УДК 316.32

Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, Е. В. Лесниковская
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АКТИВИЗАЦИЯ «ПРЯМЫХ» И «ОБРАТНЫХ» СВЯЗЕЙ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ КАК СПОСОБ ГРАЖДАНСКО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОРЫВА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЕЙ

В статье представлены традиционные и новые технологии активизации «прямых» и «обратных» связей во взаимодействиях государства и гражданского общества в условиях социальной нестабильности. Впервые предложено понятие «гражданско-государственного прорыва» как ведущего фактора совместного продвижения жизненно важных решений в социальном пространстве региона в условиях неопределенностей. Разработана и охарактеризована типология «прямых» и «обратных» связей в российских регионах, конструируемых по принципу «целесообразности» как условия эффективной реализации национальных проектов в России. Доказано, что осуществление гражданско-государственного прорыва в сложных условиях возможно посредством активизации механизмов регулирования и саморегулирования отношений всех субъектов регионального развития (органов власти, бизнес-сообщества, общественности, населения).

Ключевые слова: государство, гражданское общество, регион, гражданско-государственный прорыв, общественно-государственные технологии, прямые связи, обратные связи, технологии активизации социальных связей, неопределенность.

**ACTIVATION OF "DIRECT" AND "FEEDBACK" LINKS IN RUSSIAN REGIONS
AS A METHOD OF CIVIL-STATE BREAKTHROUGH UNDER UNCERTAINTY**

The article presents traditional and new technologies for activating "direct" and "reverse" links in the interactions between the state and civil society in conditions of social instability. For the first time, the concept of "civil-state breakthrough" is proposed as a leading factor in the joint promotion of vital decisions in the social space of the region in conditions of uncertainty. The typology of "direct" and "reverse" connections in Russian regions, constructed according to the principle of "expediency" as a condition for the effective implementation of national projects in Russia, has been developed and characterized. It has been proved that the implementation of a civil-state breakthrough in difficult conditions is possible through the activation of mechanisms for regulation and self-regulation of relations of all subjects of regional development (government bodies, business community, the public).

Keywords: state, civil society, region, civil-state breakthrough, public-state technologies, direct connections, feedbacks, technologies for activating social ties, uncertainty.

Пути развития гражданских обществ с Нового времени по сегодняшний день отчетливо прослеживаются в научных трудах зарубежных и отечественных ученых. Предпосылками для изучения гражданско-государственных моделей в разные исторические периоды выступали: мировые и локальные революции; войны и социальные конфликты; установление региональных идентичностей; формирование спроса на новую модель общественного развития; поиск путей обеспечения национальной безопасности. В условиях нарастания глобализации обострилась потребность в сохранении гражданской идентичности, которая, по сути, например, в России, стала проявлением общероссийской идентичности. Как в советский, постсоветский, так и в современный периоды, сформировано общественное мнение об огромной важности «Союза» государства и гражданского общества. Так, при установлении специфики предметных областей политической социологии и политологии (в целом, политических наук) акцент делается на приоритетность выделения их существенных взаимосвязей: социология изучает общество как сложную дифференцированную, динамично развивающуюся социальную систему, социальные процессы, социальные структуры, социальные институты и реализацию общественных проектов, чтобы обосновать, что такое государство и пути его развития. В то время, как для политических наук важно само представление о государстве и механизмах его безопасности и устойчивости. Только имея знания и представления о динамике политических процессов и событий появляются основания для анализа и оценки происходящих в обществе социальных изменений. Мы утверждаем, что на протяжении целого ряда эпох взаимодействия государства и общества, государства и гражданского общества сохранили свои внутренне присущие, существенные связи. Разделяем мнение известного конфликтолога Анатолия Васильевича Дмитриева, что исследования «...идентичности населения какого-либо макрорегиона России имеют не только информационную значимость, но и методологическую» [1, с. 15]. Видим актуальным изучение всей совокупности «гражданско-государственных» и «государственно-гражданских» связей при реализации стратегий социально-экономического развития страны и регионов в условиях как социальной стабильности, так и социальной нестабильности. Условия социальной нестабильности и, в целом, неопределенности, имеют прямое и косвенное воздействие на механизмы организации и самоорганизации, регулирования и саморегулирования социальных систем, во многом затрудняя реализацию социальных связей. Вследствие этого, при возникших напряженных ситуациях имеет большое значение проявление гражданской идентичности в разных регионах [1, с. 17]. Именно в этом ключе мы связываем развитие гражданского общества с активизацией «прямых» и «обратных» связей в российских регионах, полагая, что такая активизация может обеспечить «гражданско-государственный прорыв» в установлении «диалога» власти с населением с целью конструктивного решения актуальных проблем.

На начальном этапе цифровизации реализуются разные технологии взаимодействия государства и гражданского общества – программно-целевые, инициативные, контрольно-регламентные, цифровые, экспертно-аналитические и др. Указанные технологии, с одной стороны, способствуют эффективному решению проблем на условиях долговременного партнерства с целью реализации государственных интересов, с другой стороны, одновременно формируется широкая гражданская платформа, отражающая накопленный потенциал гражданского общества, проявляющийся через общественные инициативы и «социальное творчество» его основных субъектов, в том числе, через сетевые коммуникации в Интернет-пространстве.

Опираясь на результаты проведенных исследований на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» по теме «Интегративные факторы формирования гражданского общества в России» в разные годы в период с 2008 по 2020 г., а также личный опыт работы в органах общественного контроля Иркутской области, есть основания утверждать, что в настоящее время *гражданское общество региона выходит на новый уровень своего развития благодаря активизации «прямых» и «обратных» связей в системе управления с учетом механизмов саморегуляции*. В силу этого, видится необходимым акцентировать внимание на традиционных и новых технологиях активизации «прямых» и «обратных» связей во взаимодействиях государства и гражданского общества в условиях социальной нестабильности. Среди традиционных технологий взаимодействия государства и гражданского общества закономерно выделяются *общественно-государственные технологии партнерских отношений*. За последние годы на базе вышеназванной лаборатории был проведен ряд исследований, посвященных проблемам и перспективам развития партнерских отношений в условиях неопределенностей, нашедших отражение в материалах молодых авторов, обучающихся по направлению «Социология» Института социальных наук ИГУ в рамках данной конференции.

Полученные результаты позволили определить понятие *«гражданско-государственного прорыва» как ведущего фактора совместного продвижения жизненно важных решений в социальном пространстве региона в условиях неопределенностей*. Данная идея нашла отражение в государственно-общественном проекте по созданию Центров управления регионами, деятельность которых начинается с 1 декабря 2020 г. На страницах газеты «Коммерсантъ» в ходе интервью с Алексеем Гореславским подчеркивается, что «...центры управления регионом (ЦУР) – это цифровые платформы, агрегирующие запросы граждан с официальных сайтов и из социальных сетей, мониторингом которых смогут заниматься не только губернаторы и их администрации, но и Кремль» [2]. Особо отмечается, что ЦУРЫ «...нацелены на работу с населением, с обращениями граждан...» [2].

Таким образом, подтверждается тезис, что в современных условиях взят курс на активизацию «прямых» и «обратных» связей в российских регионах. Другой вопрос, – насколько справится интернет-социология с обработкой и анализом большого массива информации, циркулирующей в интернет-пространстве. Учитывая «прямые» и «обратные», «вертикальные» и «горизонтальные» связи во взаимодействиях власти с населением в российских регионах, мы считаем перспективным дальнейшее развитие традиционных технологий, полагая, что «гражданско-государственный прорыв» в современных условиях может быть обеспечен посредством только совместной деятельности разных сторон на различных платформах: как платформах «живых контактов», так и на цифровых платформах.

В условиях реализации национальных проектов в России этот вопрос приобретает особое звучание. Принцип «целесообразности», столь важный в процессе принятия решений, служит основным индикатором реализуемости рассматриваемых связей. Типология «прямых» и «обратных» связей в российских регионах по указанному принципу ярко

прослеживается как по субъекту власти, так и по субъекту общественной инициативы. Таким образом, мы полагаем, что движение «гражданско-государственного прорыва» в сложных условиях возможно на условиях активизации механизмов регулирования и саморегулирования отношений всех субъектов регионального развития – органов власти, бизнес-сообщества, общественности и самого населения.

Литература

1. Дмитриев А. В. Юг России, конфликтологическая экспертиза. М. : Альфа-М, 2010. 192 с.
2. «Абсолютно свободным ничего не может оставаться» Гендиректор АНО «Диалог» Алексей Гореславский о цифровизации управления регионами // Коммерсантъ. 2020. № 183, 7 окт. С. 10. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4519974>.

УДК 351.755.23(571.53)

С. А. Баранов

Служба записи актов гражданского состояния Иркутской области, г. Иркутск

О ФОРМИРОВАНИИ СЛУЖБЫ ЗАПИСИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО СЕГМЕНТА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «ЕДИНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕЕСТР ЗАПИСЕЙ АКТОВ» В РАМКАХ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЕДИНОГО РЕЕСТРА НАСЕЛЕНИЯ

Статья посвящена истории создания и формирования ЕГР ЗАГС. Рассмотрены результаты конвертации и передачи актов записей в ФГИС «ЕГР ЗАГС» в 2020 г. Обобщены достижения службы записи актов гражданского состояния в процессе подготовки к формированию и формирования ФГИС «ЕГР ЗАГС» в 2018–2020-х гг.

Ключевые слова: гражданское состояние, служба записи актов гражданского состояния, единый государственный реестр записи актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС), конвертация, акты гражданского состояния, цифровые технологии.

S. A. Baranov

Registry Office of the Irkutsk Region, Irkutsk

ON THE FORMATION OF THE SERVICE FOR RECORDING THE ACTS OF THE CIVIL STATE OF THE IRKUTSK REGION OF THE REGIONAL SEGMENT OF THE FEDERAL STATE INFORMATION SYSTEM "UNIFIED STATE REGISTER OF RECORDS OF THE STATE REGISTRY" OF THE REGIONAL DISTRIBUTION OF THE REGIONAL DISTRICT

The article is devoted to the history of the creation and formation of the USR registry office. The results of the conversion and transfer of registration records to the FSIS "USR ZAGS" in 2020 are considered. The achievements of the civil registration service in the process of preparing for the formation and formation of the FSIS "USR ZAGS" in 2018–2020 are summarized.

Keywords: civil status, civil registration service, unified state register of civil registration (USR registry office), conversion, civil status acts, digital technologies.

История создания и формирования ЕГР ЗАГС. Подготовка к работе и работа в ЕГР ЗАГС в 2017–2020 гг.

Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (далее – ЕГР ЗАГС, Единый реестр) создан во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 15 января 2016 г. № 13 «О дополнительных мерах по укреплению платежной дисциплины при осуществлении расчетов с Пенсионным фондом Российской Федерации, Фондом социального страхования Российской Федерации и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования». В Указе было дано поручение Правительству Российской Федерации внести в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Федерального закона, предусматривающего возложение на

уполномоченный федеральный орган исполнительной власти функций по формированию и ведению единого федерального информационного ресурса, содержащего сведения о населении Российской Федерации, в том числе сведения о регистрации актов гражданского состояния.

Основополагающим для ЕГР ЗАГС является Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» вступивший в силу с 1 октября 2018 г.

Сейчас ЕГР ЗАГС представляет собой систематизированный свод документированных сведений в электронной форме, получаемых в результате государственной регистрации актов гражданского состояния и совершения органами записи актов гражданского состояния иных юридически значимых действий.

Одним из важнейших этапов формирования ЕГР ЗАГС являлся процесс перевода актовых записей, составленных на бумажном носителе в форму электронного документа и передача их в ЕГР ЗАГС. До 31 декабря 2020 г. в ЕГР ЗАГС должны быть включены все актовые записи, составленные на территории Иркутской области, начиная с 1 января 1926 г. Всего на хранении в службе записи актов гражданского состояния Иркутской области (далее – служба) находится более 9 млн актовых записей составленных на бумажном носителе в период с 1 января 1926 г. по 30 сентября 2018 г.

Работу по оцифровке бумажного архива служба начала в 2013 г., когда перешла на новую региональную информационную систему МАИС ЗАГС (далее – РИС, разработчик компания Инсофт, г. Москва). Первые актовые записи в форме электронного документа были составлены на территории Иркутской области 1 апреля 2015 г.

11 ноября 2020 г. служба досрочно завершила работу по передаче сконвертированных в форму электронного документа актовых записей в ЕГР ЗАГС в числе первых 18 субъектов Российской Федерации, или 5 субъектов Российской Федерации с аналогичным или большим объемом бумажного архива, подлежащего передаче в Единый Реестр.

Формально эта работа заняла долгих 7 лет. Особенно трудными и напряженными были годы с 2017 по 2020. Наиболее важными вехами были:

1) подготовка и передача оператору ЕГР ЗАГС справочника действующих и упраздненных органов ЗАГС на территории Иркутской области, а это от 50 до 300 наименований по каждому отделу ЗАГС (в службе 42 отдела, всего более 4000 наименований);

2) реорганизация структуры службы, в том числе для подготовки и работе в Едином реестре. В службе образован отдел организации работы по формированию «ЕГР ЗАГС» и межведомственному взаимодействию, в большинство отделов осуществляющих регистрацию актов гражданского состояния были приняты по срочным трудовым договорам сотрудники для перевода актовых записей в электронный вид (всего более 110 чел.). В рамках подготовки к увеличению количества пользователей РИС проведено обновление серверного парка;

3) организация новых каналов связи для каждого отдела службы;

4) обучение работе в ЕГР ЗАГС всех сотрудников службы;

5) активное и продуктивное участие всех сотрудников службы в нагрузочном и функциональном тестировании ЕГР ЗАГС на трех этапах опытной эксплуатации;

6) активная работа с получателями сведений из ЕГР ЗАГС;

7) установка модуля конвертации (так называемой «Компоненты») в РИС;

8) уверенное начало промышленной эксплуатации ЕГР ЗАГС с 1 октября 2018 г.;

9) переход на совершение юридически значимых действий в ЕГР ЗАГС;

10) активное участие в доработке модуля приема сконвертированных актовых записей ЕГР ЗАГС;

11) начало массовой передачи сконвертированных актовых записей в ЕГР ЗАГС;

12) ускоренная передача в ЕГР ЗАГС актовых записей определенных годов и видов;

13) завершение конвертации (ноябрь 2020 г.).

Результаты конвертации и передачи актовых записей в ФГИС «ЕГР ЗАГС» в 2020 г. (по состоянию на декабрь 2020 г.)

28 февраля 2020 г. был подписан приказ Минюста России № 31 «Об утверждении значений целевых показателей эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и администрации г. Байконура по осуществлению переданных им полномочий Российской Федерации на государственную регистрацию актов гражданского состояния на 2020 год» (далее – приказ). В соответствии с приказом для службы записи актов гражданского состояния Иркутской области (далее – служба) установлены следующие показатели эффективности на 2020 г. в части конвертации:

1. Количество записей актов гражданского состояния, конвертированных (преобразованных) в форму электронных документов, информация из которых ранее была переведена полностью или частично в электронную форму и количество записей актов гражданского состояния, конвертированных (преобразованных) в форму электронных документов, информация из которых ранее не переводилась в электронную форму – 946 271.

2. Количество записей актов гражданского состояния, конвертированных (преобразованных) в форму электронного документа, переданных в Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния – 4 724 509.

В ноябре 2020 г. после окончательного уточнения бумажного архива общее количество актов находящихся на хранении в службе стало 9 094 505 (из них 8 714 477 это записи актов, составленные до 1 апреля 2015 г.) (цифры, возможно, будут уточняться) и запроса Минюста России о корректировке показателей, количество переданных записей в ЕГР ЗАГС было скорректировано в меньшую сторону до 4 713 509.

В целом за 11 месяцев служба передала в ЕГР ЗАГС почти 5,2 мл. актовых записей. Количество переданных актовых записей превышает установленные показатели в связи с тем, что актыые записи, зарегистрированные в период с 01.04.2015 по 30.09.2018, не входят в показатели конвертации, установленные для службы Минюстом России, а это более 380 тыс. актовых записей.

Наиболее продуктивными месяцами по передаче были: апрель – передано почти 900 тыс. записей актов; май – передано почти 760 тыс. актовых записей. Наименее продуктивными, но, наверное, самыми тяжелыми были: октябрь – передано около 42 тыс. актовых записей; ноябрь – передано около 25 тыс. актовых записей. В среднем, в месяц в 2020 г. передавалось около 470 тыс. актовых записей, за рабочий день около 23 тыс. актовых записей. Первыми процесс конвертации в службе завершили: отдел по Осинскому району – архив более 80 500; отдел по г. Иркутск (Свердловский р-он) – архив более 242 000; отдел по Куйтунскому району – более 213 000; 10 отделов, которые передали максимальное количество актовых записей в ЕГР ЗАГС; 10 отделов, которые передали минимальное количество актовых записей в ЕГР ЗАГС; 10 сотрудников службы, чья электронная подпись стоит на самом большом количестве переданных актовых записей в 2020 г.; 10 (или 20) сотрудников службы проведших максимальное количество актовых записей через модуль конвертации («Компоненту»).

Достижения службы в процессе подготовки к формированию и формирования ФГИС «ЕГР ЗАГС» в 2018–2020-х гг.

Предваряя предложение в решение коллегии о признании работы службы в 2020 г. по конвертации и передаче актовых записей в ЕГР ЗАГС удовлетворительной, хочу отметить важные, на мой взгляд, достижения, которые помогли нам пройти этот путь успешно:

1. Март – апрель 2018 г. – в службе внедряется модуль конвертации (2-й среди регионов России) – в результате в июне 2018 г. служба первой завершила апробацию кон-

вертации. Должно быть передано по 50 АГС каждого типа (всего 350 АГС). Мы передали 1600 АГС (это составило 4 % от общего количества АГС переданных в РФ).

2. Весна – лето 2018 г. – в ЕГР ЗАГС проводится функциональное и нагрузочное тестирование. При функциональном тестировании в ЕГР ЗАГС регистрировалось до 20 % реальных АГС. При нагрузочном тестировании сотрудники службы должны были зарегистрировать максимальное количество записей актов в ЕГР ЗАГС за определенное время (обычно 2 часа, всего было 10 НТ). Количество записей актов которое ввели в ЕГР ЗАГС сотрудники службы в процессе функционального и нагрузочного тестирования в целом входило в первые 10 регионов России, а по количеству введенных записей актов на сотрудника в первые 5 регионов России.

3. Декабрь 2018 г. – ФНС России направила в адрес органов ЗАГС России информационное письмо, в котором были представлены сведения о неподписанных актовых записях, зарегистрированных до 31.12.2018. Служба среди регионов России с сопоставимой численностью населения была лучшей, количество неподписанных актовых записей минимально, кроме того, в основном это были записи которые были не подписаны из-за ошибок в ПО.

4. Март 2019 г. – служба одна из первых в России смогла передать сконвертированные актовые записи в ЕГР ЗАГС подписанные ЭЦП с меткой времени.

5. Апрель 2019 г. – служба перешла на выполнение всех ЮЗД в ЕГР ЗАГС. Количество точно конвертированных АГС к концу 2019 г. было 2-м по РФ.

6. Апрель – июль 2019 г. – служба участвовала совместно с разработчиками ЕГР ЗАГС в доработке модуля приема сконвертированных записей актов.

7. Сентябрь 2019 г. – сотрудник отдела по Усольскому району и г. Усолью-Сибирскому Климова Ирина Ивановна названа (отмечена) в числе пользователей ЕГР ЗАГС с максимальной производительностью.

8. Декабрь 2019 г. – служба передала в ЕГР ЗАГС почти 4 млн сконвертированных записей актов. Это 4-й результат в РФ.

9. Декабрь 2019 г. – ФНС России проанализировала количество ошибок, допущенных при оформлении актовых записей – всего ошибок 1020 ошибок, это 53 показателя по количеству ошибок в РФ (максимальное 11393 – это Питер, минимальное 7 Байконур). Львиная доля ошибок это код диагноза причины смерти (всего 713 диагнозов введено в ручную). Если посмотреть на количество ошибок в количестве зарегистрированных актовых записей (или скажем так, плановых показателей по АГС на 2019 г.), то служба является 3 в РФ. У нас одна ошибка на 92 АГС. Лучшее только Липецкая 128 и Пензенская 98 области. Среднее по России количество АГС, в которых сделана 1 ошибка 36. При этом у вышеназванных регионов план по регистрации на 2019 был около 40 тыс. АГС.

10. Март 2020, служба одна из первых в России передала актовые записи о рожденных составленных с 01.01.2004 по 30.09.2018.

11. Май 2020, служба одна из первых в России передала актовые записи всех типов составленных с 01.01.2006 по 30.09.2018. Служба отмечена Министром юстиции России К. А. Чуйченко на одной из еженедельных ВКС по вопросам конвертации, данный факт также был отмечен в 4 номере за 2020 г. ведомственного журнала «ЗАГС».

12. 11.11.2020 служба передала 100 % своего архивного фонда в ЕГР ЗАГС. Это 18-й результат среди регионов России или 5-й результат по сопоставимому объему архива.

Единый Реестр – это основа нового федерального информационного регистра, содержащего актуальные и достоверные сведения о населении Российской Федерации (в частности, о жителях Иркутской области). Таким образом, в ноябре 2020 г. служба выполнила важнейшую государственную задачу на территории Иркутской области.

Значение формирования ЕГР ЗАГС сейчас еще трудно оценить в полном объеме, но уже в 2020 г. были достигнуты вполне определенные и значимые результаты, в том числе для жителей Иркутской области. Президент Российской Федерации в послании Федеральному собранию озвучил новые меры социальной поддержки населения для улучше-

ния демографической ситуации в Российской Федерации. Среди мер – социальные выплаты на детей, причем в максимально упрощенном для граждан порядке через ЕПГУ. Это было бы невозможно сделать в принципе, если бы отсутствовал информационный ресурс (в данном случае ЕГР ЗАГС) с актовыми записями о рождении детей. Именно для этого, служба наряду с другими органами ЗАГС Российской Федерации в марте – апреле 2020 г., под еженедельным личным контролем Министра юстиции К. Ю. Чуйченко в приоритетном порядке передала в ЕГР ЗАГС сконвертированные записи о рождении за 2002–2018 гг., затем актовые записи всех типов за 2006–2018 гг.

Другим важным нововведением, появившимся в результате внедрения Единого Реестра, является кардинальное изменение процесса получения сведений об актах гражданского состояния. Оператором ЕГР ЗАГС является ФНС России. Именно оператор с 01.10.2018 предоставляет уполномоченным государственным органам сведений о государственной регистрации актов гражданского состояния в электронной форме. Список получателей сведений постоянно меняется. В последней редакции Федерального закона № 143-ФЗ получателями сведений стали избиркомы и нотариат.

Итак, Единый Реестр – это:

1. Единая облачная среда, в которой уполномоченные сотрудники органов ЗАГС выполняют любое действие по государственным услугам в сфере актов гражданского состояния, используя при этом все преимущества централизованной системы хранения данных.

2. Основа Единого федерального информационного регистра, содержащего достоверные и актуальные сведения о населении страны.

3. Онлайн доступ к ранее составленным актовым записям, независимо от места их нахождения на территории Российской Федерации, возможность для граждан прямо в день обращения получить повторный документ: свидетельство или справку, даже если сама запись хранится в другом субъекте РФ.

4. Единая централизованная система проверки достоверности (уникальности) вносимых данных и присвоения уникальных номеров входящим и исходящим документам.

5. Возможность появления новых сервисов для граждан, как, например, предоставление в личном кабинете ЕПГУ сведений из записей актов о себе и о своих несовершеннолетних детях.

6. Возможность создания новых, так называемых суперсервисов, когда на основании сформированной актовой записи о рождении или смерти осуществляются вспомогательные процедуры в проактивном режиме (например, для рожденного ребенка формируется СНИЛС и ИНН и т. п.).

7. Взаимодействие всех участников системы актов гражданского состояния – органов ЗАГС разных субъектов РФ только в электронной форме.

8. Централизованное представление сведений уполномоченным органам оператором.

Цифровые технологии должны повсеместно войти и в профессиональную деятельность, и в обычную, повседневную жизнь людей. Именно они призваны сделать эффективными и удобными такие сферы, как государственное управление и оказание государственных услуг, в том числе, в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния. В сентябре 2019 г. в Воронеже на Всероссийском совещании руководителей органов ЗАГС Заместитель Председателя правительства Российской Федерации – Руководитель Аппарата Правительства Российской Федерации Григоренко Д. Ю., в бытность заместителем руководителя ФНС заявил что, по его мнению, Единый Реестр, во-первых является одним из успешных проектов импортозамещения в сфере информационных технологий, в во вторых наиболее полным переводом в цифровую форму основной деятельности органов ЗАГС в соответствии с НПА регулирующих эту деятельность среди других органов власти РФ.

В связи с этим в обозримой среднесрочной перспективе, по мере реализации национальной программы «Цифровая экономика», будет развиваться функционал ЕГР ЗАГС, количество и востребованность электронных онлайн сервисов, используемых как гражд-

данами – получателями услуг, так и госорганами – пользователями или получателями сведений из ЕГР ЗАГС.

Все это позволяет прогнозировать, что деятельность органов ЗАГС будет востребована государством, так как достоверная и своевременная фиксация действий граждан или событий, влияющих на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан на протяжении всей их жизни, необходима для управления социально-экономическими и политическими процессами развития в государстве. Кроме того, как и прежде, неотъемлемой составляющей работы органов ЗАГС останется обеспечение высокого качества услуг, предоставляемых гражданам ежедневно и лично. Ориентир на удовлетворение потребностей человека по прежнему остается приоритетным в государственной политике. Таким образом, работа службы записи актов гражданского состояния Иркутской области в 2020 г. в части конвертации и передачи актов записей в ЕГР ЗАГС может быть признана удовлетворительной.

УДК 330.34:330.42

Д. Е. Мун

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск

МОДИФИЦИРОВАННЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ В ОЦЕНИВАНИИ ИНТЕНСИВНЫХ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье исследована актуальная проблема оценивания вклада факторов производства в темпы социально-экономического развития Иркутской области. При выборе стратегии социально-экономического развития необходим инструментарий, который позволил бы объективно оценивать, за счет чего достигнут определенный результат. Один и тот же результат может быть достигнут как за счет экстенсивного, так и за счет интенсивного роста производственных факторов. Разработанные автором модифицированные производственные функции позволяют проводить такое оценивание.

Ключевые слова: регрессионное моделирование, производственные функции, технический прогресс, экономический рост.

D. E. Moon

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk

MODIFIED PRODUCTION FUNCTIONS IN ESTIMATING THE INTENSIVE FACTORS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE IRKUTSK REGION

The article studies the actual problem of estimating the contribution of production factors of the socio-economic development of the Irkutsk region. When choosing a strategy for socio-economic development, the necessary tools that can be objectively estimated, due to which the result is achievable. One and the same result can be achieved both through extensive and through intensive growth of production factors. The developed modified production functions allow to make such an estimation.

Keywords: regression modeling, production functions, technical progress, economic growth.

Введение

При выборе стратегии социально-экономического развития актуальной является проблема оценивания вклада факторов производства в темпы экономического роста. Решение этой проблемы позволит увидеть цену достижения социально-экономического развития. Наиболее часто при исследовании этой проблемы применяются традиционные производственные функции (ПФ) Кобба-Дугласа и Тинбергена [4; 10]. Применение традиционных ПФ позволяет оценивать только усредненный, а не переменный вклад производственных факторов в темпы прироста. Усредненность вклада производственных факторов в темпы прироста обусловлена гипотезой о постоянстве параметров в рамках традиционных ПФ. В традиционных ПФ параметры предполагаются постоянными из-за невозможности оценивания переменных параметров ПФ традиционными методами. Для

преодоления проблемы невозможности оценивания переменных параметров автором разработан инструментарий модифицированных производственных функций (МПФ). В разработанных автором МПФ можно оценивать не постоянный, как в случае традиционных ПФ, а переменный вклад технического прогресса в темпы прироста социально-экономического развития Иркутской области. В практических исследованиях больший интерес представляет даже не переменный вклад технического прогресса в темпы прироста социально-экономического развития, а переменный вклад технического прогресса в прирост продукции. В рамках МПФ разработан инструментарий, позволяющий оценивать переменный вклад технического прогресса как в темпы прироста, так и непосредственно в прирост социально-экономического развития [1–3, 5–9]. Инструментарий МПФ является универсальным и может быть использован в социологических исследованиях как в ретроспективном, так и в перспективном моделировании.

Метод оценивания вклада технического прогресса в прирост социально-экономического развития с помощью МПФ

Разработанные автором методы моделирования основываются на переходе от ПФ с переменными параметрами

$$Y_t = A_t \cdot K_t^{\alpha_t} \cdot L_t^{\beta_t} \quad (1)$$

к МПФ с переменным техническим прогрессом [1–3; 5–9]:

$$Y_t = A_0 \cdot K_t^{\alpha_0} \cdot L_t^{\beta_0} \cdot e^{\Theta_t}, \quad (2)$$

$$e^{\Theta_t} = \frac{A_t \cdot K_t^{\alpha_t} \cdot L_t^{\beta_t}}{A_0 \cdot K_t^{\alpha_0} \cdot L_t^{\beta_0}}, \quad (3)$$

$$\Theta_t = \ln \left(\frac{A_t \cdot K_t^{\alpha_t} \cdot L_t^{\beta_t}}{A_0 \cdot K_t^{\alpha_0} \cdot L_t^{\beta_0}} \right), \quad (4)$$

$$\ln Y_t = \ln A_0 + \alpha_0 \cdot \ln K_t + \beta_0 \cdot \ln L_t + \Theta_t, \quad (5)$$

$$\frac{\Delta Y_t}{Y_{t-1}} = \alpha_0 \cdot \frac{\Delta K_t}{K_{t-1}} + \beta_0 \cdot \frac{\Delta L_t}{L_{t-1}} + \Delta \Theta_t, \quad (6)$$

$$y(I, t) = \alpha_0 \cdot k(I, t) + \beta_0 \cdot l(I, t) + \Theta_t, \quad (7)$$

$$y(I, t) = \sum_{i=1}^t \frac{\Delta Y_t}{Y_{t-1}}, \quad k(I, t) = \sum_{i=1}^t \frac{\Delta K_t}{K_{t-1}}, \quad l(I, t) = \sum_{i=1}^t \frac{\Delta L_t}{L_{t-1}}, \quad (8)$$

$$\Theta_t = \Delta \Theta_1 + \Delta \Theta_2 + \dots + \Delta \Theta_t = \Theta_t - \Theta_{t-1}, \quad \Delta \Theta_t = \Theta_t - \Theta_{t-1}.$$

Параметры A_0 , α_0 , β_0 ПФ (2) оцениваются из уравнения, которое получается после исключения величины Θ из уравнений (5) и (7):

$$\ln(Y_t^{(0)}) = \ln A_0 + \alpha_0 \cdot \ln(K_t^{(0)}) + \beta_0 \cdot \ln(L_t^{(0)}); \quad (9)$$

$$Y_t^{(0)} = Y_t \cdot e^{-y(I, t)}; \quad K_t^{(0)} = K_t \cdot e^{-k(I, t)}; \quad L_t^{(0)} = L_t \cdot e^{-l(I, t)}.$$

В экспериментальных расчетах в качестве величины Θ примем величину Θ^* из (7):

$$\Theta_t^* = y(I, t) - (\alpha_0 \cdot k(I, t) + \beta_0 \cdot l(I, t)). \quad (10)$$

Рассмотренный метод оценивания ПФ (2) позволяет исследовать переменную эффективность воздействия технического прогресса на темпы экономического роста.

В практических исследованиях большой интерес представляет оценивание вклада факторов в темпы прироста социально-экономического развития. Среди традиционных методов наиболее известным является метод оценивания вклада технического прогресса в темпы прироста социально-экономического развития в рамках ПФ Тинбергена [10]:

$$Y_t = A \cdot K_t^\alpha \cdot L_t^\beta \cdot e^{\lambda \cdot t}. \quad (11)$$

Применение ПФ Тинбергена позволяет оценивать только усредненный постоянный вклад факторов в темпы прироста продукции. Параметр λ характеризует среднегодовой темп прироста продукции за счет технического прогресса для всего анализируемого периода.

Оценивание усредненного переменного вклада факторов в темпы прироста продукции представляется возможным в рамках МПФ (8) из уравнения, полученного из (7):

$$I = \alpha_0 \cdot \frac{\kappa(L_t)}{y(L_t)} + \beta_0 \cdot \frac{l(L_t)}{y(L_t)} + \frac{\Theta_t}{y(L_t)} \quad (12)$$

В правой части (12) первые два слагаемых характеризуют соответственно усредненные переменные вклады учетных факторов K и L в суммарные темпы прироста продукции. Третье слагаемое в этом уравнении характеризует усредненный переменный вклад технического прогресса в суммарные темпы прироста продукции.

Для практических исследований еще больший интерес представляет возможность оценивания переменного вклада факторов не в суммарный темп прироста продукции, как в формуле (12), а непосредственно в прирост продукции [1–3, 5–9]:

$$I = \alpha_0 \frac{(K_t - K_0)}{Y_t - Y_0} + b_0 \frac{(L_t - L_0)}{Y_t - Y_0} + \frac{(a_t^{(0)} - a_0)}{Y_t - Y_0} K_0 + \frac{(b_t^{(0)} - b_0)}{Y_t - Y_0} L_0 + \frac{(a_t^{(0)} - a_0)}{Y_t - Y_0} (K_t - K_0) + \frac{(b_t^{(0)} - b_0)}{Y_t - Y_0} (L_t - L_0) + \frac{\sum_{i=1}^t \Delta \Theta_i Y_{i-1}}{Y_t - Y_0}; \quad (13)$$

$$I = E_K + E_L + I_K(a) + I_K(a, K) + I_L(b) + I_L(b, L) + I_{(неучт)}; \quad (14)$$

$$E_K = \alpha_0 \cdot \frac{(K_t - K_0)}{Y_t - Y_0}; \quad E_L = b_0 \cdot \frac{(L_t - L_0)}{Y_t - Y_0}; \quad E_t = E_K + E_L; \quad (15)$$

$$I_K(a) = (a_t^{(0)} - a_0) \cdot \frac{K_0}{Y_t - Y_0}; \quad I_K(a, K) = (a_t^{(0)} - a_0) \cdot \frac{(K_t - K_0)}{Y_t - Y_0}; \quad (16)$$

$$I_K = I_K(a) + I_K(a, K);$$

$$I_L(b) = (b_t^{(0)} - b_0) \cdot \frac{L_0}{Y_t - Y_0}; \quad I_L(b, L) = (b_t^{(0)} - b_0) \cdot \frac{(L_t - L_0)}{Y_t - Y_0}; \quad I_L = I_L(b) + I_L(b, L); \quad (17)$$

$$I_{(неучт)} = \frac{\sum_{i=1}^t \Delta \Theta_i \cdot Y_{i-1}}{Y_t - Y_0} = 1 - (E_K + E_L + I_K + I_L); \quad (18)$$

$$I_t = I_K + I_L + I_{(неучт)} = 1 - E_t. \quad (19)$$

Показатели E_K , E_L характеризуют соответственно вклад учетных факторов K и L в прирост продукции за счет их экстенсивного роста, а показатель E_t – совокупный экстенсивный вклад учетных факторов K и L в прирост продукции.

Показатели $I_K(a)$ и $I_L(b)$ характеризуют соответственно интенсивный вклад учетных факторов K и L в прирост продукции за счет изменения их эффективностей, а показатели $I_K(a, K)$ и $I_L(b, L)$ есть неразложимые остатки, полученные за счет изменения количества факторов, так и их эффективностей. Показатели I_K и I_L характеризуют соответственно совокупный интенсивный вклад факторов K и L в прирост продукции, обусловленный как качественными изменениями K и L , так и их ростом.

Показатель $I_{(неучт)} = I_{(неучтенных)}$ показывает вклад технического прогресса и всех неучтенных факторов в прирост продукции. Сумма показателей I_K , I_L , $I_{(неуч)}$ характеризуют совокупный вклад всех интенсивных факторов I_t .

Моделирование вклада технического прогресса в прирост социально-экономического развития Иркутской области

В таблице 1 и рисунке приведены результаты оценивания и динамика величин λt , Θ^* , $\Delta \Theta^*$ ПФ Гинбергена (6) и МПФ (2) Иркутской области в 2000–2016 гг. [7]. В ПФ зависимой переменной Y_t является валовой региональный продукт (ВРП) Иркутской области (в ценах 2000 г., млрд руб.), а независимыми переменными или производственными факторами K_t , L_t являются загруженные основные фонды Иркутской области (на конец

года; по полной учетной стоимости; млрд руб.; в ценах 2000 г.) и среднегодовая численность занятых Иркутской области (млн чел.) [11; 12].

Таблица 1

Динамическая ПФ Тинбергера (11) и МПФ (2) Иркутской области [7]

Период	$Y_t = A \cdot K_t^\alpha \cdot L_t^{1-\alpha} \cdot e^{\lambda \cdot t}$			$Y_t = A_0 \cdot K_t^{\alpha_0} \cdot L_t^{1-\alpha_0} \cdot e^{\theta t}$		
	$\ln A$	α	λ	$\ln A_0$	α_0	$1 - \alpha_0$
2000–2016	2,8133	0,3296	0,0399	1,4311	0,6144	0,3856

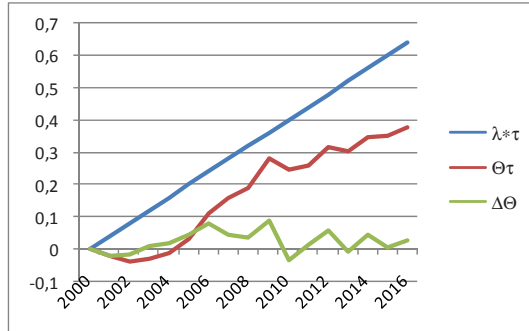

Рис. 1. Динамика величин λt , θ , $\Delta\theta$ ПФ Тинбергера и МПФ (2) Иркутской области в 2000–2016 гг. [7].

МПФ (2) позволяет исследовать переменную возрастающую эффективность производства. Так, к 2016 г. в Иркутской области эффективность производства увеличилась в среднем на 45,52 % относительно эффективности производства 2000 г. [7]:

$$\frac{e^{\theta_{2016}}}{e^{\theta_{2000}}} = \frac{1.4552}{1.000} = 1,4552.$$

Для моделирования вклада производственных факторов в прирост социально-экономического развития Иркутской области воспользуемся уравнением (13) (табл. 2).

Таблица 2

Вклад производственных факторов в прирост социально-экономического развития Иркутской области в 2000–2016 гг., %

Период	E_t		I_K		I_L		$I_{(нетем)}$
	E_K	E_L	$I_K(a)$	$I_K(a,K)$	$I_L(b)$	$I_L(b,L)$	
2001–2000	164,61	21,77	0,00	0,00	0,00	0,00	-86,38
2002–2000	201,78	7,16	-3,19	-0,41	-0,09	0,00	-105,26
2003–2000	138,08	5,34	-4,63	-0,95	0,04	0,00	-37,87
2004–2000	112,86	4,23	-4,81	-1,38	0,11	0,00	-11,01
2005–2000	91,71	2,38	-4,30	-1,60	0,03	0,00	11,78
2006–2000	72,67	0,70	-3,37	-1,57	-0,17	0,00	31,73
2007–2000	67,11	1,38	-2,69	-1,52	0,20	0,00	35,51
2008–2000	59,75	2,37	-2,43	-1,35	0,73	0,03	40,90
2009–2000	37,85	1,17	-3,20	-1,13	0,11	0,00	65,19
2010–2000	51,92	1,48	-0,05	-0,03	0,37	0,01	46,30
2011–2000	54,68	0,53	0,36	0,24	-0,19	0,00	44,38
2012–2000	50,95	1,03	0,51	0,38	0,29	0,01	46,82
2013–2000	54,26	1,11	0,79	0,66	0,38	0,01	42,80
2014–2000	50,81	0,83	0,77	0,66	0,18	0,00	46,75
2015–2000	50,01	1,07	0,74	0,63	0,42	0,01	47,12
2016–2000	49,40	0,15	0,82	0,73	-0,47	0,00	49,37

Результаты оценивания (табл. 2) показывают, что социально-экономическое развитие Иркутской области в начале исследуемого периода было экстенсивным. Так, в 2000–2002 гг. прирост социально-экономического развития обеспечивался за счет экстенсивного роста основных фондов и среднегодовой численности занятых на 201,78 % и 7,16 % соответственно. Экстенсивный рост учтенных факторов не сопровождался ростом их эффективности. В результате в 2000–2002 гг. вклад в прирост продукции в результате снижения эффективности учтенных факторов К и L стал отрицательным и составил -3,6 % и -0,09 % соответственно. В результате же отрицательного воздействия всех неучтенных факторов вклад неучтенных факторов $I_{(неучт)}$ стал отрицательным и составил в указанном периоде -105,26 %.

В последующие годы наблюдается повышение эффективности социально-экономического развития Иркутской области, которое в анализируемом периоде достигло наивысшего уровня к 2009 г. Так, в 2000–2009 гг. вклад в прирост продукции за счет технического прогресса и неучтенных факторов $I_{(неучт)}$ составил 65,19 %. Последствия мирового финансового кризиса 2008 г. отразились на снижении вклада интенсивных факторов в прирост продукции. С 2012 г. и в последующие годы анализируемого периода наблюдается повышение эффективности учтенных факторов и положительного воздействия технического прогресса и неучтенных факторов. Так, в 2000–2016 гг. вклад интенсивных факторов производства $I_{2016-2000}$ составил 50,6 %, т. е. превысил 50 %.

Заключение

Разработанные автором МПФ позволяют оценивать вклад интенсивных факторов в прирост продукции и разрабатывать соответствующие стратегии социально-экономического развития Иркутской области.

Литература

1. Мун Д. Е. Оценивание интенсивных факторов экономического роста Хабаровского края // *Пространственная экономика*. 2007. № 1. С. 159–171.
2. Мун Д. Е. Оценка интенсивных факторов экономического роста предприятий и отраслей промышленности // *Вестник ТОГУ*. 2012. № 2 (25). С. 183–192.
3. Мун Д. Е. Моделирование экономического роста России и СССР : монография. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. 192 с.
4. Cobb Charles W., Paul H. Douglas. A theory of production // *American Economic Review*. 1928. N 18. P. 139–165.
5. Moon D. E. Modified Production Functions in Modeling Economic Growth of Russia // Solovev D. (eds.) *International scientific conference "Far East Con" 2018*, AEBMR, vol. 47. Paris : Atlantis-press, 2019. P. 175–178.
6. Moon D. E. Estimation of the Contribution of Intensive Factors of Economic Growth of the USA // Solovev D. (eds.) *International scientific conference "Far East Con" 2018*, AEBMR, vol. 47. Paris : Atlantis-press, 2019. pp. 1219–1223.
7. Мун Д. Е. Статистический анализ и оценка социально-экономического развития Иркутской области с помощью модифицированных производственных функций // *Статистика в стратегическом развитии России : сб. науч. тр. / Иркутскстат ; ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]*. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 47–51.
8. Moon D. E. Production functions in economic growth modeling and methods for their transformation // *Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con 2019"*. Series: Smart Innovation, Systems and Technologies. Vol. 172. P. 499–506. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-981-15-2244-4_48.
9. Moon D. E. Methods of economic growth forecasting using modified production functions with variable technical progress // *Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con 2019"*. Series: International science and technology conference "EarthScience" IOP Publishing IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. Vol. 459 (Chapter 5). 2020. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/459/6/062013/pdf>.
10. Tinbergen Jan., Hendricus C. Bos. *Mathematical Models of Economic Growth*. New York : McGraw-Hill, 1962. 136 p.
11. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <http://irkutskstat.gks.ru>.
12. Федеральная служба государственной статистики РФ URL: <https://gks.ru>.

РИМСКИЙ КЛУБ, «РУССКИЕ ПРАВИЛА»

Римский клуб определил текущие социально-экономические проблемы и актуальные тренды мировой экономики, поставил вопрос о необходимости формирования новой модели экономики и нового менталитета. В данной статье предпринята попытка проанализировать, насколько эти тренды и проблемы совпадают с социальными траекториями и правилами игры в российском обществе.

Ключевые слова: экологический кризис, финансовый кризис, финансовая грамотность, социальная ответственность, индикаторы качества жизни, клерикальный ренессанс, институциональный конфликт, традиционная экономика, новые модели экономики, институт образования, аналитизм, стандартизованное мышление, креативное мышление.

T. Yu. Falkovskaya
Irkutsk State University, Irkutsk

CLUB OF ROME, "RUSSIAN RULES"

The Club of Rome identified the current socio-economic problems and current trends in the world economy, raised the issue of the need to form a new economic model and new mentality. This article attempts to analyze how these trends and problems coincide with the social trajectories and rules of the game in Russian society.

Keywords: ecological crises, ecological culture, financial crisis, financial literacy, social responsibility, indicators of life quality, clerical renaissance, institutional conflict, traditional economics, new model of economics, institute of education, analyticism, standardized thinking, creative thinking.

Эксперты Римского клуба дали очередную оценку и прогноз социально-экономической ситуации в мире. В принципе, ученые с мировым авторитетом аккумулировали прогнозы и тренды, которые накапливались и делались десятилетиями, в одном документе. Ничего неожиданного в документе нет, многое справедливо, что-то – не бесспорно. Вызывают большое уважение не только научные конструкции западных ученых, но их активная гражданская позиция: они не просто беспристрастно выдают научные тексты, но выражают тревогу и обеспокоенность, призывают к активным действиям и предлагают парадигмы действий. Для нас представляет особый интерес «примерить» диагнозы Римского клуба к социально-экономическим процессам и институтам, характерным для современной России.

Одной из «болевых точек» доклада является экологическая проблематика. «Отправной точкой для авторов служит концепция «пустого мира», когда человеческая цивилизация развивалась в условиях неизведанных территорий и избытка ресурсов» [1].

Нагнетание постоянного роста потребностей, рост, безудержный рост объемов производства и, как следствие, рост объемов отходов производства и потребления, – все это характерно для парадигмы «полного мира». На сегодняшний момент абсорбционный потенциал природы почти полностью исчерпан. Философско-экологические, правовые, экономические концепции, нацеленные на минимизацию рисков, связанных с этой парадигмой не работают; от фронтального освоения природных ресурсов человечество в большинстве своем отказалось, но этого уже давно не достаточно для решения экологических проблем; предложили новые концепции, вспомнили старые: от Ноосферы Вернадского (ставка на разум не сыграла) до эктопии (отказ от достигнутого уровня жизни, минимизация потребностей; жертвовать достигнутым материальным благосостоянием мало кто готов); временный компромиссный вариант умеренного развития, сдерживания экологической катастрофы за счет административных экономических стимулов также исчерпал свой потенциал.

Если Запад постепенно наращивал производство и постепенно нагружал окружающую среду и также постепенно и непрерывно вырабатывал различные решения: от инженерных технологий очистки и рециркуляции, до радикальных методов решения путем переноса экологически вредных производств в развивающиеся страны (что давало одно-

временно и экономические и экологические ощутимые эффекты). То развивающиеся страны столкнулись с экологическими проблемами внезапно и во многом благодаря Западу: развитые страны «слили» свою продукцию на их рынки и свое производство на их территории. Большинство развивающихся стран, к коим мы относимся, по-прежнему демонстрируют беспомощность в решении проблем, связанных с экологией; отсутствие как радикальных технологических решений в отношении альтернативных источников энергии, переработки отходов, технологий рециркуляции, так и организации сбора и транспортировки бытового мусора; но, главное, это низкая экологическая культура. В России низкий уровень экологической культуры вызван спецификой менталитета: масштабами территории и объемами природных ресурсов; мы слишком привыкли мыслить категориями «пустого мира».

Римский клуб жестко критикует капитализм: считает, что в конце прошлого века произошло окончательное его вырождение поскольку «основным источником прибыли в рамках капитализма стали финансовые спекуляции» [1]. Рынок обладает такой характеристикой как непредсказуемость, из чего вытекают как риски так и возможности. Часть homo economicus используют эти возможности, извлекают спекулятивную прибыль, остальные становятся жертвами регулярных, но непредсказуемых кризисов. Таковы законы экономики и свободного рынка. Но для России это не характерно. Финансовый рынок до сих пор плохо развит; для нас характерны низкий уровень финансовой грамотности, плохо развитая инфраструктура финансового рынка, низкая финансовая культура, низкая инвестиционная активность. Но, пожалуй, главная причина плохо развитого финансового рынка – это статус частной собственности: в России отсутствует кредит доверия в отношениях между экономическими агентами, что является необходимым условием для отчуждения капитала. Мы, в этом смысле, ближе к традиционной модели экономики, для которой характерно преобладание в отраслевой структуре экономики землеемких отраслей, а для частных инвестиций характерна высокая ориентаций на недвижимость.

Авторы доклада выступают против глобального капитализма. «Они склонны встать на сторону национальных государств, которые с большей вероятностью будут заботиться об общем благе, чем транснациональные корпорации» [1]. Однако есть объективный тренд, который наблюдается в течение нескольких десятилетий: государство, будучи древнейшим социальным институтом, постоянно переживает различные трансформации: функционал государства меняется, от минимального набора функций архаичного государства до широкого, характерного для государства социального; в современную эпоху баланс ответственности постепенно перемещается в сторону крупного бизнеса. ТНК как наиболее эффективная форма организации экономик, для которой нет административных и территориальных ограничений, обладает большими экономическими возможностями для реализации социальных программ. Кроме того, корпорации более заинтересованы в качественном человеческом капитале для развития и поддержания современной конкурентоспособности. Корпоративная социальная ответственность для современных корпораций является мощным инструментом формирования лояльности персонала и потребителей, широких категорий стейкхолдеров. Для российских организаций, в принципе, не характерно широкое распространение КСО. Российский бизнес не принимает долгосрочной модели инвестиций, в то время как КСО дает отдачу в долгосрочной перспективе; не делает ставку на человеческий капитал. В таком ракурсе в поле социальной ответственности в отечественной практике доминирует государство; хотя не факт, что это соответствует футурологическим концепциям Римского клуба.

Критика капитализма и рыночной модели экономики как конструктивная, так и деструктивная свойственна российскому обществу более, чем многим другим. Импортированные институты частной собственности, конкуренции, предпринимательства, так и не обрели надежной институциональной подушки: не обросли национальными традициями, обычаями, ценностями. В российской бытовой и научной риторике до сих пор теснятся

я употреблять термин «капитализм» для идентификации сложившейся социально-экономической формации; до сих пор не сформировалось необходимое для высокой инвестиционной активности паритетное отношение к частной собственности, собственность не получила смитовский «священный статус»; управление далеко не везде трансформировалось в менеджмент; протестантские нормы «предприимчивость, индивидуализм, рациональность, бережливость» не вытеснили православные «бог дал, бог взял», «благодарить», не создали институциональной базы для высокой трудовой мотивации и высокой экономической эффективности как следствия.

Римский клуб обвиняет развитие экономики в избыточно высокой скорости развития, в погоне за эффективностью, в том, что «изменения и прогресс воспринимаются в качестве самоценности» [1].

Отечественную экономику нельзя в этом обвинить. Она продолжает оставаться традиционной в плане низкой степени насыщенности инновационными технологиями, преобладании персонифицированных каналов обмена, низкой мотивации труда и низкой эффективности. «Экономика будущего должна быть устойчивой» [1]. Традиционная экономика устойчива в силу низкой скорости развития и более высокой степени предсказуемости, поскольку независимых акторов, частных инвесторов и частных инициатив в ней гораздо меньше, чем в рыночной. Римский клуб видит будущее за «другой экономикой». Но модифицированная традиционная экономика это не та, «другая экономика», которая нужна и даже не та, на базе которой ее можно построить.

Авторы доклада скептически относятся к ВВП как к показателю социально-экономического прогресса. «Единственное, что измеряет ВВП – скорость, с которой деньги движутся в экономике. Он отражает траты, а не благополучие или субъективное счастье, и не видит блага, существующие вне рынка» [1].

Нельзя не согласиться, что гуманистические ценности, удовлетворенность отдельной личности, сбалансированность и осмысленность индивидуального существования, качество человеческой жизни, – все это должно быть в фокусе экономической проблематики. Но тогда возникают методологические вопросы, связанные с квалиметрическими подходами и инструментами. Существуют многочисленные попытки сформировать альтернативные индикаторы качества жизни; многие из них спекулятивные и популистские. Примером может быть Международный индекс счастья, учитывающий субъективную удовлетворенность людей жизнью, ожидаемую продолжительность жизни и так называемый «экологический след» [2].

Самые «счастливые страны» в этом рейтинге – Коста-Рика, Мексика, Колумбия, Вануату, Вьетнам [2]. Патерналистское сознание, низкий уровень образования, низкий уровень эрудиции, низкий уровень развития потребностей, низкая способность к саморефлексии – вот секреты такого «счастья». Очевидно, имеет место и географический фактор, наличие витамина Д в организме (стоит включить и этот показатель).

Индекс, не включающий объективные экономические показатели, прежде всего, позволяет авторитарным режимам оправдывать неэффективную экономическую и социальную политику, отсутствие социальных гарантий и социальной инфраструктуры. К счастью, россияне не самые счастливые в этом рейтинге – 106 место.

Индекс счастья ООН, учитывающий ВВП на душу населения, а также ожидаемую продолжительность жизни, социальную поддержку, коррупцию, свободу выбора и действий граждан, дает более приемлемую оценку. В первой десятке здесь располагаются Финляндия, Дания, Швейцария, Исландия, Норвегия, Нидерланды, Швеция, Новая Зеландия, Австрия и Люксембург [3].

Один из разделов доклада носит название «Религия и постсекулярность» [1]. «Клуб обращает внимание на несправедливость критиков религии, не замечающих ее позитивного вклада в человеческую цивилизацию» [1]. Для России настоящий период представляет собой скорее не постсекулярность, сколько новый виток клерикализма, клерикаль-

ный ренессанс: возврат к религиозной картине мира и религиозным практикам связан с наступлением непредсказуемости и неопределенности, вызванными сущностными характеристиками рынка. Общество, столкнувшееся с новой реальностью в отсутствии адекватных социальных, духовных, правовых практик, вызвало в коллективной памяти архаичные инструменты и институты. Православная церковь предложила комфортную картину миру в некомфортных условиях институционального конфликта. Однако традиционные православные ортодоксальные нормы оказались несовместимыми с целями и ценностями рынка и не способствовали его развитию: рациональность, эффективность, смитовский «священный статус частной собственности», индивидуализм, необходимые для развития эффективного рынка, столкнулись с патернализмом, отсутствием пингета по отношению к собственности, низкой трудовой мотивацией, детерминированными ортодоксальными христианскими нормами.

Если содержание других разделов в большей или меньшей степени коррелирует с ситуацией в России, то этот, под названием «Конец нефти и альтернативная энергетика» [1], непосредственно нас касается, не хватает только пометки «special for Russia». Конец эры углеводородов предчувствовали, предсказывали, прогнозировали, просчитывали, но он наступает раньше, чем ожидалось: весна 2020 г. показала спад спроса на нефть. Для одних стран это позитивный тренд и возможность избавиться от зависимыми от импортных поставок и контрагентов, для других – тренд крайне негативный, если не рассматривать глубокий кризис как стимул к радикальным изменениям. Моноотраслевая отечественная экономика, полностью построенная на экспорте энергоресурсов, находится в зоне самых высоких рисков. Термины «диверсификация», «инновации» остались терминами и не изменили социально-экономические практики по причине отсутствия институциональной среды и институциональной базы. Очевидно, что Россия как никто более нуждается в «другой» экономике, принципиально и концептуально другой, для которой нужен другой менталитет.

Эксперты Римского клуба подчеркивают необходимость менять философию хозяйственной деятельности и формировать принципиально иной менталитет; в связи с этим большое внимание в докладе уделяется образованию.

Наметившаяся в российском обществе и управленческой практике тенденция к усилению прикладного характера образования, чрезвычайно опасна. Пандемический опыт еще раз явно продемонстрировал роль института образования: это не только и не столько канал трансфера знаний (в эпоху сверхскоростного НТП, когда знания устаревают, не успев превратиться в навыки, технологии; когда существует масса альтернативных каналов доступа к актуальным знаниям), сколько институт социализации, инструмент формирования сознания, перекодировки менталитета, механизм интеграции общества, который формирует горизонтальные и вертикальные, межпоколенческие и внутрипоколенческие связи, т. е. социальный капитал.

Эксперты Римского клуба призывают к «использованию информационных технологий только когда они способствуют связи между людьми» [1]. Многие российские учебные заведения злоупотребляют цифровизацией и информатизацией, ставя форму выше содержания, и полностью теряют ценностный и содержательный аспект образовательной деятельности.

Римский клуб призывает «культивировать интегральное мышление, а не ограничиваться аналитическим мышлением» [1]. Аналитизм, свойственный западной цивилизации, нацеленный на агрессивное преобразование окружающей среды, на техногенное ее освоение продемонстрировал свою ограниченность и риски. Примитивный аналитизм воспроизводится на всех ступенях российского образования через узость профессионализации, сокращение «классического» университетского образования, через узкодисциплинарный подход к обучению, тестовый формат контроля, компетентностный подход, профессиональные стандарты, стандарты школьного обучения. Новые модели экономики

Рифкина, Фуллертона, Паули – это креативные решения, прежде всего; впрочем, как и «старые» модели Кейнса, Фридмана; все эффективные инновационные модели используют симбиотический подход и нацелены на синергетические эффекты от использования элементов различных моделей, различных систем. Стандартизированный подход к образованию убивает в корне интегральное креативное мышление поскольку креативность – это выход за рамки привычного, стандартного; цель стандартизированного образования – загнать мышление в рамки стандартов, не выпускать за границы устаревших моделей.

Экстраполяция некоторых трендов и закономерностей, выявленных экспертами Римского клуба в традиционном Докладе, на характеристики социально-экономической ситуации в РФ демонстрирует некоторые несовпадения, что объясняется разнородным развитием различных обществ и спецификой самого развития. Однако эта специфика, «русские правила» не приближают нас к выходу из глобального кризиса, а напротив погружают в него глубже и не оставляют шансы на выход. Выбор в данной ситуации небольшой: немедленно менять «правила», принципы, концепции и модели мышления, управления и хозяйствования.

Литература

1. Матвейчев О. Римский клуб, юбилейный доклад. Вердикт: «Старый Мир обречен. Новый Мир неизбежен!». URL: <https://politcom.org.ua/rimskij-klub-jubilejnyj-doklad-verdik> (дата обращения: 16.04.2020).
2. Всемирный индекс счастья по версии New Economic Foundation. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info> (дата обращения: 28.10.2020).
3. Какие страны вошли в 2020 году в число самых счастливых? // Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/health/psychologic/kakie_strany_voshli_v_2020_godu_v_chislo_samyh_schastlivyh (дата обращения: 28.10.2020).

УДК 316 (571.54)

Н. С. Будникова

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова,
г. Улан-Удэ

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье предпринята попытка проанализировать особенности развития гражданского общества в Республике Бурятия. Установлено, что этот процесс имеет свою специфику в зависимости от географического, экономического и социально-политического развития региона. Возрастает роль и значение некоммерческих организаций, составляющих институциональную основу гражданского общества Бурятии.

Ключевые слова: гражданское общество, некоммерческие организации, общественная палата, государство.

N. S. Budnikova

Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov, Ulan-Ude

THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY IN THE REPUBLIC OF BURYATIA AT THE PRESENT STAGE

The article attempts to analyze the features of the development of civil society in the Republic of Buryatia. It has been established that this process has its own specifics, depending on the geographical, economic and socio-political development of the region. The role and importance of non-profit organizations, which constitute the institutional basis of civil society in Buryatia, is growing.

Keywords: civil society, non-profit organizations, public chamber, state.

В годы существования Советского государства, как в общественной практике, так и в научно-образовательной сфере не применялось понятие «гражданское общество». Это объясняется тем, что социалистическая действительность, основанная на жесткой иерархии, резко расходилась с теорией гражданского общества, предполагающей активность гражданской самодеятельности и политической активности, возможность реального участия граждан в политике и в управлении обществом.

Впервые понятие «гражданское общество» начало применяться в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в связи с активизацией массовых общественных движений, участники которых называли себя представителями «гражданских инициатив». По их мнению, гражданские инициативы демонстрируют готовность россиян к участию в равноправном диалоге с органами государственной власти и в конечном счете призваны способствовать к формированию зарождающегося гражданского общества [3, с. 43].

В Бурятии ростки гражданских инициатив появились на этапе перестройки. В ноябре 1988 г. по инициативе участников Всесоюзной социально-экологической экспертизы по Байкалу был организован «Народный фронт содействия перестройке» (НФСП). В июне 1989 г. образован городской клуб избирателей. В эти же годы стали создаваться экологические, молодежные, женские и другие общественные организации, сыгравшие большую роль в организации диалога власти и общества путем проведения острых дискуссий по актуальным вопросам социально-экономического развития республики [3, с. 43].

Не секрет, что в то время многие общественные организации России, в том числе и в Бурятии, развивались за счет грантовой поддержки зарубежных фондов. Это объясняется тем, что деятельность либерального Правительства России того периода была направлена на создание правового поля, поэтому вопросы финансовой помощи зарождающимся субъектам гражданского общества оставались вне поля зрения Правительства. Подтверждением данного тезиса является несовершенство нормативно – правовой базы, касающейся организации гражданского общества. Так, даже в действующей Конституции Российской Федерации отсутствует термин «гражданское общество» [11]. Вместе с тем, как отмечает Л. С. Мамут, «закрепленные в Конституции РФ ценности по своему смыслу и содержанию релевантны другой реальности – развитой демократически – правовой государственности, цивилизованной рыночной экономике и гражданскому обществу...» [5, с. 52].

Федеральные законы, принятые в постсоветский период, позволили устранить «пробелы» в основном законе страны и нормативно оформить основные контуры гражданского общества.

Таким образом, формирование российского гражданского общества в большей степени связано с инициативой, направленной на демократизацию и гуманизацию многих сторон жизни российского общества, но исходящей «сверху» в форме законодательства. Именно поэтому в России гражданское общество, прежде всего, связывается с системой официальных взглядов и принципов, определяющих магистральный путь развития страны [11].

В Республике Бурятия процесс формирования гражданского общества связан, прежде всего, с деятельностью таких гражданских институтов, как Общественная палата, Общественные советы, некоммерческие организации, включающие в себя различные общественные организации и объединения [11].

Структура НКО в Республике Бурятия представлена организациями различной направленности. Среди них наибольшую долю занимают: 1) физкультурно-спортивные организации; 2) организации сферы образования и науки; 3) профессиональные объединения; 4) национальные и конфессиональные организации; 5) социально-ориентированные организации; 6) экологические организации; 7) организации правозащиты граждан и бизнеса; 8) молодежные организации; 9) организации развития туризма и различных видов отдыха; 10) благотворительные организации.

В системе институтов гражданского общества важное место занимают политические партии. По состоянию на 5 октября 2020 г. в Республике Бурятия действуют 29 региональных отделений политических партий Российской Федерации [9]. Наибольшее количество членов преобладают в таких партиях, как Бурятское региональное отделение Всероссийской политической партии «Единая Россия», Региональное отделение политической партии «Справедливая Россия», Бурятское республиканское отделение политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации», Бурятское региональное отделение политической партии «ЛДПР – Либерально-демократическая партия России» [9].

Для того чтобы гражданское общество сформировалось и эффективно отстаивало свои интересы необходимо создавать благоприятные условия для деятельности институтов гражданского общества.

Гражданское общество наиболее эффективно действует на региональном уровне. Именно на региональном уровне граждане решают насущные задачи организации своего жизненного пространства. Здесь вырабатываются отношения региональных и муниципальных властей и граждан.

Нынешнее состояние третьего сектора имеет ряд особенностей: имеет слабый административно-правовой ресурс, что сказывается на процессе принятия решений; имеет поддержку граждан, но не имеет кадрового потенциала; велика неоднородность политических институтов, которые имеют серьезные различия по социальной ориентации, экономическому развитию, взаимодействию с заинтересованными сторонами, что затрудняет выработку определенной позиции, а соответственно и принятие решений [7, с. 153].

Произошла формализация отношений как на федеральном, так и на региональном уровне. Примером тому могут быть следующие факты. В 2004 г. сформирован Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества, с 2011 г. Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. В эти годы приняты федеральные законы и программы, поддерживающие развитие некоммерческих организаций, поддержку социально-ориентированных НКО. Были созданы механизмы учета мнения граждан на региональных уровнях: общественные консультативные советы при Министерствах и ведомствах; попечительские, экспертные советы и многочисленные рабочие группы.

Происходит организация граждан по месту жительства. В Республике Бурятия широко распространяется практика организации территориальных общественных самоуправлений (ТОС) и товариществ собственников жилья. Территориальное общественное самоуправление как первичные общественные образования получило свое развитие в Республике Бурятия только в последние пять лет. По этой причине в республике не накоплен соответствующий опыт их эффективной работы. В то же время ТОС становится реальной силой, способствующей, с одной стороны, оказывать действенную помощь муниципальному управлению, а с другой контролировать местную власть.

Правовое определение данного термина закреплено в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 № 131-ФЗ, где в п. 1 ст. 27 закреплено, что «территориальное общественное самоуправление – это самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, внутригородского района для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения» [8].

В Республике Бурятия существует опыт организации сообществ в сети Интернет. В целях методической поддержки и обмена опытом работает сайт ТОСов Республики Бурятия, на котором каждый из 324 ТОСов имеет личный кабинет. Это позволяет участникам делиться опытом, создавать группы по интересам и обмениваться на сайте сообщениями. Активисты ТОС «Зеленхоз», «Ласточка», «Степной» организовали сообщество «В контакте». Территориальное общественное самоуправление Северо-Байкальского района «Келисна» имеет свой сайт (<http://www.kelisna.ru>) [1].

Представление о гражданском обществе возникает в результате дифференциации понятий «государство» и «общество», публичных и частных институтов. Чаще всего исследователи достаточно произвольно разводят эти понятия и рассматривают их как разнонаправленные или даже антагонистические. Подобная трактовка проблемы не вполне корректна с точки зрения теории, так как очевидно, что формирование гражданского общества происходит не только в силу определенных сознательных действий, но и в силу более длительных и вероятностных процессов. Более корректно говорить о таком факто-

ре, как степень автономности гражданского общества. Таким образом, вопрос об автономии гражданского общества – это вопрос о степени формирования границы между гражданским обществом и государством. При этом исторически формирование этой границы в мире происходит в результате различных процессов. В Европе преимущественная роль в определении границы между государством и обществом принадлежала государству. Граница формировалась по вектору: от государства к гражданскому обществу. Государство было само заинтересовано в существовании и активной деятельности неких институтов, которые бы не только отражали мнения и настроение масс, но и сами были способны «помогать» государству в решении ряда социально – значимых проблем. В заокеанских европейских колониях процесс происходил «от обратного»: в США формирование границы между гражданским обществом и государством происходило по инициативе сильного и активного гражданского общества [2, с. 48].

Российское общество в силу институциональных традиций (сформированных в период Советского Союза) идет, очевидно, по первому пути в его более радикальном варианте. На время распада Советского Союза гражданского общества в России практически не было. В современном же мире мы видим очевидное проявление вектора инициативы: от государства к гражданскому обществу [10].

Общепринято говорить, что в России гражданское общество либо слабо сформировано, либо его нет. В таком контексте предполагается, что предпосылки существования гражданского общества есть, но имеется некое государственное противодействие, мешающее его формированию. Хотя на деле положение как раз обратное. Государство демонстрирует заинтересованность в формировании действенного гражданского общества и даже предпринимает усилия, чтоб вырастить это общество искусственным путем. Это вызвано потребностью в повышении эффективности деятельности самого государства и необходимостью соответствовать жестким международным требованиям. Но импульса снизу, от «масс» нет. Поэтому речь должна идти не о степени сформированности гражданского общества, а о степени сформированности границы между государством и гражданским обществом. Определим факторы, которые влияют на формирование этой границы в республике Бурятия. Можно выделить как объективные, так и субъективные группы причин. К объективным, несомненно, относится такой фактор, как экономическая слабость и малая плотность общественных организаций. Кроме гражданского сообщества города Улан-Удэ, остальные очень слабые и разобщенные. В Республике Бурятия институт гражданского общества Общественная палата появился лишь в 2013 г. [10].

Институциональную основу гражданского общества Бурятии составляют некоммерческие организации, роль и значение которых в его развитии постепенно возрастает. В соответствии с действующим законодательством, некоммерческие организации (НКО) могут создаваться в форме общественных или религиозных организаций (объединений), общин коренных малочисленных народов Российской Федерации, некоммерческих партнерств, учреждений, автономных некоммерческих организаций, социальных, благотворительных и иных фондов, ассоциаций и союзов, а также в других формах, предусмотренных федеральными законами [6].

С момента начала строительства гражданского общества в Бурятии прошло примерно четверть века. Тем не менее, следует отметить, что к 2016 г. были созданы различные институты гражданского общества. По состоянию на 5 октября 2020 г. в ведомственном реестре Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Бурятия зарегистрированы 1518 некоммерческих организаций [9]. С учетом количества незарегистрированных общественных движений, организаций, союзов, ассоциаций и т. д., общая численность добровольно созданных объединений граждан значительно превышает 2000 ед. Этот факт свидетельствует, что НКО стали реальностью настоящего времени [11].

Важные институты гражданского общества заняли прочное место в общественной жизни региона. Они становятся более «цепкими», совершенствуются методы их работы, растет общественное признание. Тем не менее, рассматриваемые институты гражданского общества не сумели достичь высокой синергии, ибо многие их члены еще не полностью осознали и признали задачи своей организации. Поэтому наблюдаются случаи преобладания личных целей над общими задачами, что нередко приводило к большой распространённости разовых и разобщённых мероприятий, не укладывающихся в стратегию развития соответствующих институтов и в конечном счете гражданского общества. Несмотря на имеющиеся упущения, Общественная палата и Общественные советы заявили о себе и вышли на информационное поле республики, внесли свой вклад в выстраивание прозрачной и работающей системы взаимодействия с государственными органами власти, властными структурами местного самоуправления и населением [3, с. 43].

По мнению многих аналитиков, сам по себе факт наличия широкой сети институтов гражданского общества служит лишь косвенным показателем уровня его развития. Поэтому, как показывают доклады Общественных палат других регионов, необходимо исследование степени вовлеченности населения в процесс строительства гражданского общества, эффективность которого в значительной мере зависит от изменений, происходящих в массовом сознании и в социальных практиках. Естественно, изменения в социуме относятся к категории чрезвычайно сложных и противоречивых. Проще создавать институты (каркас) гражданского общества, нежели изменить общественное сознание и, базирующиеся на нем, социальные отношения и социальные практики [11].

К числу важных социальных предпосылок формирования гражданского общества, безусловно, относится консолидация социума, важными индикаторами которого служат доверие, согласие, сплоченность, единство действий и т. д. В настоящее время, как показывает анализ социологической информации, недостаточно высок уровень консолидации регионального сообщества [11].

Далее, за последние десять лет наблюдалась тенденция незначительного ухудшения уровня согласия и сплоченности людей. Тем не менее, по мнению жителей Улан-Удэ, уровень согласия и сплоченности в Бурятии выше, чем в России в целом [4, с. 4].

Анализ индикатора консолидации показал, что среди жителей республики достаточно высока готовность людей к совместным действиям, особенно в экстренных случаях (при пожаре, наводнении, землетрясении и т. д.). Не утрачены и другие мотивы объединения людей (защита интересов своих соседей, коллег по работе и единомышленников), но их частота значительно уступает частоте мотива консолидации усилий при экстренных случаях [4, с. 4].

Среди социальных практик, направленных на повышение конструктивной гражданской активности, относится защита людьми своих прав. Наблюдается тенденция некоторого уменьшения случаев защиты личных прав и, соответственно, ослабевает гражданская активность населения в области защиты своих прав. Среди прав, защищаемых жителями Улан – Удэ, лидируют защита прав на частную собственность, права потребителя, трудовые и жилищные права [4, с. 4].

Обобщая вышесказанное можно отметить, что в Бурятии наблюдается процесс становления гражданского общества. Однако современное состояние гражданского общества не свободно от ряда проблем. Само выявление имеющихся проблем, безусловно, необходимо для оценки уровня развития гражданского общества и дает информацию для размышления, поэтому будет способствовать поиску механизмов, способствующих устранению обозначенных недочетов, соответственно, повышению общественного консенсуса.

Литература

1. Бородин Б. К. Развитие ТОС в Республике Бурятия // Устойчивое развитие сельских территорий: современная ситуация в России и Республике Бурятия : материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2014. С. 54–57.

2. Гостев А. Н., Демченко Т. С. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства : монография. М. : Изд-во СГУ, 2011.
3. Доклад о состоянии гражданского общества в Республике Бурятия за 2015 год. Улан-Удэ : Общественная палата Республики Бурятия, 2016.
4. Доклад о состоянии гражданского общества в Республике Бурятия за 2018 год. Улан-Удэ : Общественная палата Республики Бурятия, 2019.
5. Мамут Л. С. Конституционные основы современной российской государственности // Общественные науки и современность. 2008. № 4.
6. Мацкевич И. В., Мацкевич А. Ю. Гражданское общество Республики Бурятия: автономия и структурное сопряжение // Муниципальная власть и гражданское общество: проблемы диалога и перспективы развития : материалы межрегион. науч.-практ. конф. 25 февр. 2010 г. / отв. ред. В. Б. Прокопьев. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 44–48.
7. Ненашев М. П. Гражданское общество России и роль в его становлении общественных объединений. М. : Леронис, 2001.
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (действ. ред. от 28.11.2015) // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=154813> (дата обращения: 06.10.2020).
9. Официальный сайт Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Бурятия. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 05.10.2020).
10. Будникова Н. С. Особенности и перспективы развития гражданского общества как социального института в Республике Бурятия // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке : материалы науч. конф. к 100-летию Рус. социол. о-ва им. М. М. Ковалевского. 10–12 нояб. 2016 г. / отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт, 2016. С. 467–468.
11. Будникова Н. С. Связи с общественностью в процессе становления гражданского общества: функции, формы и методы реализации в органах исполнительной власти (на примере Республики Бурятия) : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Улан-Удэ, 2018. 157 с.

УДК 353.2(571.53)

Т. П. Исаева, О. А. Куриленкова

Аппарат Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области, г. Иркутск

К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НКО В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются некоторые аспекты взаимодействия в Иркутской области органов власти и представителей гражданского общества, НКО, в том числе, в условиях пандемии.

Ключевые слова: Иркутская область, НКО, власть, гражданское общество, пандемия.

T. P. Isaeva, O. A. Kurylenkova

Office of the Governor of the Irkutsk Region and the Government of the Irkutsk Region, Irkutsk

ON THE ISSUE OF INTERACTION OF GOVERNMENT BODIES AND NPO IN IRKUTSK REGION

The article examines some aspects of interaction of authorities and representatives of civil society, NGOs, in Irkutsk region including in the context of a pandemic.

Keywords: Irkutsk region, NGOs, authorities, civil society, pandemic.

В Иркутской области управление Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям является связующим звеном между НКО¹ и органами государственной власти. Взаимодействие развивается в постоянном диалоге. Традиционной площадкой для встреч являются заседания Совета НКО Иркутской области – неформального объединения, существующего

---

¹ В рамках данной статьи под НКО понимаются социально ориентированные некоммерческие организации Иркутской области, осуществляющие деятельность по направлениям, определенным ст. 31.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ и ст. 7 Закона Иркутской области № 37-ОЗ от 8 июня 2011 г. «Об областной государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций».

более 20 лет. Заседания проводятся в последнюю среду месяца, и посетить их может любой желающий. В последние годы заседания проходят совместно с комиссией по развитию гражданского общества Общественной палаты Иркутской области.

Действенным информационным инструментом является рассылка по электронной почте «Некоммерческий экспресс», инициатором которой также много лет назад стал Совет НКО Иркутской области. В последние годы при посредничестве управления туда включились многие иногородние общественники, а также муниципальные служащие, отвечающие за работу с НКО на местах. В рассылке размещаются анонсы мероприятий, новости о грантовых конкурсах, в которых могут принять участие НКО Иркутской области, а также полезные информационные материалы. В настоящее время количество подписчиков около восьмисот человек. Также информационной площадкой, помимо сайта управления и Общественной палаты Иркутской области, является социальная сеть Facebook, где все участники диалога имеют свои странички и группы, которые взаимодополняют друг друга.

В 2017 г. на Совете НКО, на Байкальском гражданском форуме, а также на встречах общественников с Губернатором Иркутской области поднимался вопрос о необходимости создания областного ресурсного центра. В ответ на этот запрос управлением была проведена необходимая работа с Законодательным собранием Иркутской области, с ответственными представителями Правительства Иркутской области по созданию соответствующего учреждения. В 2019 г. в г. Иркутске начал работу ОГКУ «Ресурсный центр «Ресурсный центр по поддержке некоммерческих организаций Иркутской области».

С началом пандемии и введением ряда ограничений, заседания Совета НКО перешли в он-лайн формат на площадку Ресурсного центра с трансляцией в режиме реального времени и сохранением эфиров на канале YouTube. Отдельные заседания набирали более шестисот просмотров. Общественники области отмечают, что изменение формата сделало их более включенными в события гражданского общества, нежели раньше, так как позволяют оперативно узнавать последние новости, а также задавать вопросы во время трансляции своим коллегам, представителям управления и Общественной палаты Иркутской области.

Так, один из острейших обсуждавшихся вопросов – оказание поддержки НКО во время пандемии. Разъяснялись федеральные и региональные меры поддержки, а также, по предложению общественников, управление организовало и провело конкурс на предоставление субсидий из областного бюджета социально ориентированным некоммерческим организациям, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями, в целях оказания финансовой поддержки в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции на территории Иркутской области на 2020 г. Компенсацию можно было получить за расходы во втором квартале 2020 г. по аренде за помещение, используемое для осуществления уставной деятельности; оплату коммунальных услуг, услуг связи, интернета, вывоза твердых бытовых отходов; выплату заработной платы работникам, состоящим в штате. По итогу субсидии перечислены 51 организации в размере около четырех миллионов рублей.

Подобные примеры открытости органов власти к сотрудничеству, оперативности отклика на запросы, безусловно, повышают уровень доверия общества к ним. Конечно, взаимодействие не ограничивается приведенными примерами и оно будет продолжаться в дальнейшем, соответствуя вызовам текущего периода.

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ ГЛАЗАМИ ОБЩЕСТВА: ПРИЧИНЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПОДХОДА К АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена реакции общества на людей, пребывающих в состоянии алкогольного опьянения, находясь за рулем транспортных средства. Автором проведен анализ данной проблемы в аспекте нормативно-правовых актов, регулирующих ее. Представлены результаты исследования, проведенного методом анкетирования с целью изучения общественного мнения и отношения людей к заявленной теме, а также выявления факторов, побуждающих людей садиться за руль в состоянии алкогольного опьянения. Сделан вывод, что главной причиной управления транспортом в нетрезвом виде являются намерения самого человека и ответы на его действия социальной среды.

Ключевые слова: безопасность, транспортная безопасность, алкогольное опьянение, дорожно-транспортные происшествия, общественное мнение.

G. V. Struglin

Head Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Irkutsk Region, Irkutsk

THE PROBLEM OF DRUNK DRIVING IN THE PUBLIC EYE: REASONS FOR A SELECTIVE APPROACH TO CURRENT SAFETY ISSUES

This article is devoted to the reaction of society to people who are driving a vehicle in a state of alcoholic intoxication. The author analyzed this problem in the aspect of legal acts regulating it. The article presents the results of a study carried out by a questionnaire method in order to study public opinion and people's attitudes towards the stated topic, as well as identify the factors that induce people to drive while intoxicated. In accordance with the findings, the main reason for drunk driving is the intentions of the person himself and the responses to his actions of the social environment.

Keywords: safety, transport safety, alcohol intoxication, traffic accidents, public opinion.

Проблема управления транспортными средствами в состоянии опьянения является актуальной в любой стране. Нет ни одного государства, где она была бы коренным образом решена, что отражает ее глобальный характер. При этом накопленный опыт правоприменительной практики свидетельствует о том, что угроза ответственности, как и само наказание, не является сдерживающим фактором для значительного числа правонарушителей.

В российском законодательстве ст. 12.8 Кодекса об административных правонарушениях РФ «Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения» влечет наложение административного штрафа в размере тридцати тысяч рублей с лишением права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет [1].

Кроме этого, Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» от 31.12.2014 № 528-ФЗ в Уголовном кодексе РФ появилась ст. 264.1 – «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» [3]. Таким образом, в случае управления автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 настоящего Кодекса [3] либо настоящей статьей, виновное лицо может быть привлечено к ответственности в виде штрафа в размере от двухсот тысяч до трехсот ты-

сяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Масштаб проблемы наиболее нагляден на примере статистических данных Управления ГИБДД ГУ МВД России по Иркутской области. С 2018 г. по настоящее время сотрудниками полиции установлено 52 975 водителей в состоянии алкогольного опьянения. За неполные три последних года в регионе с участием водителей, находящихся в состоянии опьянения, совершено 1484 ДТП, в которых 351 человек погиб и 2112 травмированы. С момента появления нормы ст. 264.1. Уголовного кодекса РФ (с 1 июля 2015 г.) [3], количество возбужденных уголовных дел по этой статье кодекса в Иркутской области возросло в четыре раза, с 685 до 2412 уголовных дел.

Очевидно, что предусмотренная законом ответственность носит исключительно личный характер. В этой связи, при проведении процессуальных действий должностные лица, уполномоченные на сбор соответствующих административных материалов либо расследующие уголовные дела по рассматриваемой статье УК РФ, в первую очередь обязаны зафиксировать факт управления транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения и само опьянение или отказ от него. Причинам и условиям, которые способствовали этому, уделяется принципиально меньшее внимание. Иные лица, в присутствии которых допускается правонарушение либо совершается преступление, на практике не несут ответственность за свои действия либо бездействие. Исключение составляет передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, регламентированная ч. 2 ст. 12.9 КоАП РФ [2].

Между тем имеется немало примеров, когда свидетели совершаемого административного правонарушения (преступления) становились жертвами ДТП, участником и виновником которых являлось лицо, находящееся в состоянии опьянения, совместно с ними употреблявшее алкоголь или, что гораздо реже, наркотические средства.

В этой связи отделом информации и общественных связей ГУ МВД России по Иркутской области во взаимодействии с представителями экспертного сообщества в области социологии и психологии Иркутского государственного университета и при поддержке ОГБУЗ «Иркутский областной психоневрологический диспансер» было инициировано и проведено изучение общественного мнения «О проблеме управления транспортными средствами гражданами в состоянии алкогольного опьянения» (2020 г.).

Всего было опрошено 1439 респондентов, в том числе 139 водителей, находящихся за рулем с признаками опьянения. Последней, наиболее проблемной категории, предлагалось анонимно ответить на следующие вопросы:

1. С кем Вы употребляли алкоголь, прежде чем сесть за руль?
2. Как Вы ведете себя по отношению к семье и друзьям, если решили сесть за руль автомобиля в алкогольном опьянении?
3. Кто-нибудь пытался Вас остановить от управления транспортным средством после употребления алкоголя?
4. Рассматривался ли Вами вариант отказаться от управления автомобилем в состоянии опьянения?
5. Принимая решение управлять автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, продумывали ли Вы свой маршрут?

6. Какие чувства испытывали Вы, садясь за руль в состоянии опьянения?
7. Насколько опасны, по Вашему мнению, пьяные водители?
8. Как Вы оцениваете современное законодательство, регламентирующее ответственность за данный вид правонарушения?
9. Как Вы сами относитесь к водителям, управляющими транспортными средствами в состоянии опьянения?
10. Кому категорически запрещено управлять автомашиной в состоянии опьянения?
11. Нужно ли при определении наказания за управление автомашиной в состоянии опьянения учитывать личные характеристики правонарушителя и причины, по которым он сел за руль нетрезвым? Если да, то какие?

Другая группа граждан, принявшая участие в исследовании, являлась слушателями автошкол.

Исследование показало очевидную остроту заявленной проблематики. Согласно полученным данным, в обществе есть понимание угрозы алкоголизма, непосредственно отражающейся на безопасности граждан (в этой связи, имеет место переживание «страха за происшествие, участником которого мог стать», «стыда за подобное поведение»), а также сформировано общественное мнение о негативных последствиях этого явления.

Однако, наиболее важным выводом, который можно сделать по результатам изучения общественного мнения является некое общественное двуличие. С одной стороны, граждане считают справедливым существующее законодательство и равенство всех перед законом, с другой стороны, готовы в нужный момент поставить на первое место лояльность ближайшего окружения, «семейный круг», «компанию друзей» и др. Такая сделка со своей совестью корректирует социальное поведение в сторону употребления алкоголя за рулем (всем нельзя, но мне/ему можно).

В частности, вызывает тревогу ответ на вопрос будущих автомобилистов: «Нужно ли, по мнению респондента, при определении наказания учитывать характеристики правонарушителя и причины, по которым он сел за руль?». 238 респондентов (16,5 %) полагают, что существует целый ряд особых обстоятельств, позволяющих преступать нормы закона. В числе аргументов звучат «повез больного в больницу», «очень серьезные обстоятельства», «непредвиденные обстоятельства», «смягчающие обстоятельства», «смот-рю сколько выпил», «степень общественной опасности», «свадьба».

Нет единообразного подхода к оценке правонарушителя. Почти каждый третий участник опроса (66,4 %), по сути, соглашается с собственным бездействием в этом плане. Отвечая на вопрос: «Были ли в жизни респондента случаи, когда он становился свидетелем данного правонарушения. Если да, то как вел себя респондент при этом», каждый четвертый (24,6 %, или 354 респондента) посчитал достаточным указать водителю на возможные последствия. Еще 123 респондента (8,5 %) предпочли не обращать внимание на происходящее, 140 человек (9,7 %) уверены, что задержание нетрезвых водителей – это обязанность правоохранительных органов, а не их.

Подобная позиция «большинства» является если не провоцирующим фактором, то уж точно не сдерживающим потенциально опасного водителя. Не менее наглядно подчеркивает проблему недостаточная роль общественности, прежде всего, ближайшего окружения в пресечении фактов управления в состоянии опьянения. Тезис об этом подтверждается ответом на вопрос «С кем респондент употреблял алкоголь, прежде чем сесть за руль». Согласно полученным ответам, только 1 из 10 задержанных пьяных водителей употреблял алкоголь в одиночку. 39,6 % распивали спиртное в компании друзей, 23 % - в семейном кругу. Что касается эмоциональной сферы, то лишь половина правонарушителей (54,7 %) испытывали стыд за свое поведение или страх за происшествие, участником которого могли стать. 18,7 % респондентов боялись быть остановленными инспекторами ГИБДД, а еще 14,4 % не испытывали никаких чувств садясь за руль. В

10,1 % случаев ближайшее окружение переживало за водителя-нарушителя и желало не попасться инспекторам ГИБДД, еще 12,9 % рекомендовали следовать крайне внимательно и осторожно.

Принимая во внимание, что в определенных социальных условиях человек перестает регулировать свое поведение (саморегулирование не происходит), в целях обеспечения безопасности граждан необходим поиск дополнительных мер, направленных на развитие механизмов общественного контроля, создание атмосферы принципиального неприятия факта управления в состоянии опьянения вне зависимости от социальной, профессиональной принадлежности, родственных связей, пола и возраста водителя.

По результатам проведенного опроса, главная причина, побуждающая человека сесть за руль автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, – сам человек, его намерения и ответы на его действия социальной среды.

Подводя итог проведенной работе, следует отметить, что, несмотря на тяжесть последствий от ДТП с участием водителей, находящихся в состоянии опьянения, общественное мнение вопреки здравому смыслу подчеркивает толерантность к потенциальным виновникам трагических инцидентов, делает скидку на ситуацию. Данный факт свидетельствует об остающейся гражданской незрелости значительной части людей и их способности подвести свой частный случай в разряд исключений. Подобное положение дел требует от социума и институтов государственной власти поиска принципиально новых решений, направленных на консолидацию усилий против пьянства за рулем. Водитель, употребивший алкоголь и севший за руль должен бояться не только полицию, но и общество. Между тем привлечение к административной ответственности на законодательном уровне должно становиться барьером для целого ряда видов профессиональной деятельности, являться основой характеризующего материала для работодателя. В свою очередь, активная гражданская позиция людей в случае оказания содействия по выявлению правонарушителей должна иметь широкую поддержку внутри самого общества и со стороны государства.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.10.2020, с изм. от 16.10.2020). Статья 12.8 (в ред. Федерального закона от 23.07.2013 № 196-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/aa69183ecd988ed365aa7b0e5fffb687dc479b71/ (дата обращения: 04.12.2020).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.10.2020, с изм. от 16.10.2020). Статья 12.9. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/85ebd6cb5138b31da96b1488716a764c41d50496/ (дата обращения: 04.12.2020).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020). Статья 264.1 (введена Федеральным законом от 31.12.2014 № 528-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b0f47baed808b1b3f6560a2a1cff0fe77f25ffe/ (дата обращения: 04.12.2020).

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИКЛИНИКИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ И ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН КАК ИНДИКАТОРА КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье представлен анализ деятельности крупной стоматологической поликлиники – ГАУЗ «Республиканская стоматологическая поликлиника» (г. Улан-Удэ) по организации работы с обращениями и жалобами граждан, выполненный по результатам социологического исследования в 2020 г. Деятельность в обозначенном направлении рассмотрена как индикатор качества медицинской помощи. Выявлены корневые причины в работе стоматологической поликлиники, обусловившие подачу обращений и жалоб – недостаток медицинских кадров, изъяны в организации медицинской помощи. Предложены рекомендации по совершенствованию деятельности стоматологических поликлиник г. Улан-Удэ с обращениями и жалобами граждан для регионального министерства здравоохранения.

Ключевые слова: стоматология, поликлиника, качество, медицинская помощь, медицинский персонал, обращение, жалоба.

E. Yu. Bashkueva

Buryat scientific center SB RAS, Ulan-Ude

ANALYSIS OF THE ACTIVITY OF THE REPUBLICAN DENTAL POLYCLINIC ON ORGANIZATION OF WORK WITH APPEALS AND COMPLAINTS OF CITIZENS AS AN INDICATOR OF THE QUALITY OF MEDICAL CARE (ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

The article presents an analysis of the activities of a large dental clinic – “Republican Dental Clinic” (Ulan-Ude) on the organization of work with appeals and complaints of citizens, carried out according to the results of a sociological study in 2020. Activities in this direction are considered as an indicator of the quality of medical care. The root causes in the work of the dental clinic were identified, which led to the submission of appeals and complaints – the lack of medical personnel, flaws in the organization of medical care. Recommendations for improving the activities of dental clinics in Ulan-Ude with appeals and complaints from citizens for the regional ministry of health are offered.

Keywords: dentistry, polyclinic, quality, medical care, medical personnel, appeal, complaint.

Постановка проблемы

Распространенность стоматологических заболеваний у взрослого населения, по данным министерства здравоохранения РФ, достигает 95,0–99,0 %. В 99 % случаев стоматологические больные обслуживаются в амбулаторно-поликлинических учреждениях [6, с. 5].

Одним из основных принципов современной стратегии развития здравоохранения Российской Федерации на долгосрочный период 2015–2030 гг. является доступность и качество медицинской помощи, а также необходимость выстраивания вертикальной системы контроля качества в сфере здравоохранения.

Особенности работы с обращениями граждан по вопросам оказания медицинской помощи в государственные органы управления и медицинские организации рассматривали в своих работах А. Р. Гайсина и Н. Х. Шарафутдинова [2] Д. В. Пивень с соавторами [7], Т. Г. Светличная с соавторами [9; 10], О. В. Ходакова [13], Т. И. Хохрина [14] и ряд других исследователей и организаторов здравоохранения.

Вопросы повышения качества первичной стоматологической помощи рассматривались в работах А. Л. Багинского [1], В. М. Гринина с соавтором [3]. Деятельность стоматологических поликлиник по работе с обращениями и жалобами граждан не была предметом специального научного анализа, что обуславливает актуальность и новизну проведенного исследования.

Материалы и методы

Исследование реализовано на базе крупного – ГАУЗ «Республиканская стоматологическая поликлиника» в II–III кварталах 2020 г. Целью исследования является оценка качества организации работы стоматологической поликлиники с обращениями и жалобами граждан, выявление корневых проблем, обуславливающих подачу жалоб и обращений граждан, разработка рекомендаций по совершенствованию работы стоматологических поликлиник обращениями и жалобами граждан.

Новизна исследования заключается в том, что использована комплексная медико – социологическая методика: наблюдение работы регистратуры и колл-центра поликлиники, экспертные интервью с руководством поликлиники и заведующими регистратурой и колл-центром, фокус-групповая дискуссия с участием администраторов и регистраторов поликлиники, контент-анализ социальных сетей по качеству работы обследованной поликлиники.

Наблюдение работы регистратуры и колл-центра проводилось по следующим показателям: 1) организация работы и техническое оснащение; 2) кадровый состав; 3) оперативность ответов; 4) наличие книг жалоб и обращений; 5) наличие скриптов и речевых модулей; 6) открытость и доступность информации об учреждении.

Экспертное интервью содержало следующие смысловые блоки: 1. Особенности организационной деятельности поликлиники по работе с обращениями и жалобами граждан. 2. Корневые проблемы учреждения здравоохранения, способствующие подаче обращений и жалоб. 3. Интервью дали следующие сотрудники: заместитель главного врача по лечебной работе, заместитель главного врача по качеству медицинской деятельности, главный регистратор и главный администратор.

Фокус-групповая дискуссия включала следующие этапы: определение проблемной ситуации и формирование гипотезы, подбор респондентов, разработка сценария интервью и формулировка точных вопросов, проведение дискуссии с ее видео и аудиофиксацией, расшифровка и анализ полученных материалов. В дискуссии участвовали регистраторы и администраторы поликлиники (N=5).

Контент-анализ социальных сетей по качеству работы обследованной поликлиники включал изучение отзывов пациентов о доступности и качестве медицинской помощи в поликлинике, уровне этики и деонтологии медицинского персонала.

Результаты медико-социологического исследования в ГАУЗ «Республиканская стоматологическая поликлиника»

При входе в поликлинику проводится замер температуры, ведется учет пациентов (в связи с пандемией COVID -19).

Здание поликлиники типового проекта, периодически проходит плановый ремонт. Как отметили опрошенные эксперты, самая большая проблема – нехватка помещений. По оборудованию – были закупки, в основном оборудования 2014–2015 гг., есть потребность в модернизации.

Терапевтическое отделение осуществляет плановый прием около 70 чел. в день, по 9 чел. на смену на каждого врача. В штате поликлиники 100 врачей (ортопедия, ортодонтия, терапия, детские врачи). Эксперты отметили, что есть небольшая нехватка кадров. Корневая проблема поликлиники – не хватает мощности, площадей, ведь слишком много пациентов хотят получить медицинскую помощь. Записаться через интернет практически не удается – там выдается в день всего 9 талонов (5 первичных и 4 повторных).

В поликлинике работают 1 администратор (стаж работы – 6 лет, имеет высшее экономическое и гуманитарное образование, проходила повышение квалификации во ГОУ ВО «ВСГУТУ» по направлению «управлению конфликтами») и 4 регистратора (все имеют высшее образование). Этого штата недостаточно на обработку значительного количества обращений. Основная жалоба пациентов на то, что невозможно дозвониться до регистраторов. В поликлинике отсутствует колл-центр и опрошенные эксперты отмети-

ли, что он как таковой необходим, планируется создаваться, но для этого необходимо расширить штат и выделить хотя бы 2 – 3 единицы.

В поликлинике используется медицинская информационная система «Промед», однако специалисты регистратуры отметили существенные трудности в работе с данной программой. Так, в программе не высвечиваются отдельно такая категория врачей как детские хирурги. Эта проблема уже существует уже давно и обуславливает технические трудности по записи к данным специалистам. Регистраторами отмечено, что сами разработчики программы «Промед» так и не решает эту проблему, несмотря на неоднократные обращения руководства поликлиники. Кроме того, существуют большие проблемы во взаимодействии с ГАУЗ «Стоматологическая поликлиника № 1», которая не работает в программе «Промед», а использует другую систему.

Сами администраторы высказали мнение, что в целях повышения эффективности работы и удобства обслуживания граждан есть необходимость разделить детскую и взрослую регистратуры.

В поликлинике ведется аудиозапись всех звонков и разговоров. На горячей линии – все звонки фиксируются, однако запись разговоров, к сожалению, не ведется. На упущенные вызовы стараются перезванивать, но сейчас физически рук не хватает.

Изучены социальные сети поликлиники – у учреждения есть страница только в социальной сети Инстаграм. Отзывы в сети Инстаграм встречаются положительные, в которых отмечается высокий профессионализм стоматологов поликлиники. Негативные отзывы касаются низкой доступности медицинской помощи, невозможности записаться на прием к нужным специалистам. Сайт поликлиники работает в штатном режиме. Контролирует работу социальных сетей и сайта заместитель главврача по организационно-методической работе. Благодарности для медицинского персонала отмечаются на планерных совещаниях. Негативные отзывы на сайте поликлиники касаются нехватки администраторов, больших очередей в поликлинике. Пациенты жалуются, что невозможно записаться через сайт «Госуслуги» – это не в наших компетенциях. Как таковой книги жалоб и предложений не ведется, имеются бланки обращений к руководству. Анализ жалоб и обращений ведется специалистами поликлиники в целом удовлетворительно, но есть проблемы анализа – так, не в поликлинике не проводится годичный развернутый анализ жалоб и обращений с выделением основных причин). Все обращения рассматриваются на заседании врачебной комиссии поликлиники, разрабатываются корректирующие действия по устранению нарушений, обусловивших подачу обращений. У администраторов и регистраторов имеются речевые модули. Имеется вся необходимая документация по работе с жалобами и обращениями (положение, приказы, должностные инструкции – все 2020 г.).

В связи с пандемией анкеты по удовлетворенности качеством медицинской помощи временно не заполняются. Пациенты не соглашались заполнять анкеты.

Достаточно эмоциональным получилось экспертное интервью с главным врачом обследованной поликлиники. Приводим некоторые выдержки из интервью, которые характеризуют трудности в работе учреждения: *«У нас организационно все с ног на голову. Мы являемся республиканским учреждением второго уровня. А чем мы сейчас занимаемся? У нас все наоборот – мы занимаемся первичной помощью. Это не дает нам развиваться, делать высокотехнологичные операции. Нам нужно заниматься методической работой с районами, детьми с врожденными патологиями. А мы отвлекаемся на неотложную помощь, потому что по закону она стоит – мы в течение 2 часов должны ее оказать. Сейчас большая самая проблема для нашего учреждения – кадровая. Люди не могут работать в таком аврале. Все городские стоматологические поликлиники работают спокойно в штатном режиме. Все врачи постепенно туда уходят. Мы здесь работаем как на конвейере. Один врач у нас в сутки принимает до 50 пациентов. У нас всего одно кресло неотложной помощи, потоки надо давно раздельно – отдельно для*

детей и отдельно для взрослых. Я родителей тоже понимаю – даю рабочий телефон для жалоб, они жалуются, почему мой ребенок должен после божжа в кресло садиться. Это тоже все неправильно. В выходные дни и в праздники мы одни работаем – вся республика к нам едет. Здесь ежедневно столько народу. Глава Республики Бурятия А. С. Цыденов был у нас с визитом и увидел очередь с улицы. Начал меня отчитывать: «Почему столько народу?». Я объяснила – у нас приказ министерства здравоохранения Республики Бурятия, 1,5 метра социальной дистанции в связи с необходимостью профилактики COVID -19. Как мы должны чисто физически решить этот вопрос? Мы делали анализ по данным ТФОМС – у Иволгинской центральной районной больницы (ЦРБ) в 2019 г. неотложной помощи -0. Значит они просто плановой работой занимаются, а весь район едет к нам. Так же и в Заиграевском районе. Я туда лезть не могу – это ЦРБ, это в компетенция министерства здравоохранения Республики Бурятия.

Я считаю, что очень целесообразно объединить всю первичную стоматологическую помощь. Чтобы были везде одинаковые тарифы. А нам, республиканской стоматологии, дать развиваться».

Проведенное исследование показало, что существуют серьезные изъяны в организации первичной стоматологической помощи пациентам самой крупной стоматологической поликлиники Республики Бурятия – ГАУЗ «Республиканская стоматологическая поликлиника», которые обуславливают подачу обращений и жалоб в администрацию данной медицинской организации.

По результатам проведенного исследования нами разработаны следующие практические рекомендации для обследованной поликлиники:

1. Расширить штат администраторов поликлиники.
2. Создать колл-центр (выделить отдельное помещение).
3. Обеспечить полную запись разговоров по горячей линии поликлиники.
4. По работе с программой «Промед» – решить вопрос по регистрации пациентов для категории врачей «детские хирурги».
5. Обеспечить регулярное внутреннее анкетирование пациентов по вопросам качества медицинской деятельности.
6. Обеспечить создание страниц МО в других крупных социальных сетях (facebook, вконтакте и др.).

Таким образом, региональному министерству здравоохранения и руководству обследованной стоматологической поликлиники потребуются большая кропотливая работа по устранению существующих проблем и устранению дефицита медицинских кадров, наращивания мощностей поликлиники, укрепления ее материально-технической базы, внедрения эффективных медицинских и пациенториентированных технологий. Это позволит существенно повысить доступность и качество стоматологической помощи для населения региона, повысить удовлетворенность пациентов, снизить число обращений и жалоб как в саму поликлинику, так и в министерство здравоохранения.

Литература

1. Багинский А. Л. Организация и качество поликлинической стоматологической помощи населению Крайнего севера Красноярского края // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 2. С. 327–331.
2. Гайсина А. Р., Шарифутдинова Н. Х. Жалобы граждан на нарушение их прав при получении медицинской помощи // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 04(58). С. 148–152.
3. Гринин В. М. Организация стоматологической помощи больным с различной соматической патологией // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. № 2. С. 115–117.
4. Захаренко Г. А., Белокопытова Н. В., Салагай О. О. Проблемы работы горячих линий в здравоохранении // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и социальной медицины. 2020. Т. 20, № 2. С. 303–305.
5. Качество оказания медицинской помощи в крупной стоматологической поликлинике (по результатам опроса-анкетирования пациентов) / Л. М. Цепов [и др.] // Вестник СГМА. 2017. Т. 16, № 1. С. 153–159.

6. Организация стоматологической помощи населению : учеб. пособие для врачей-стоматологов / под ред. А. С. Оправина, А. М. Вязьмина. Архангельск : Изд-во Север. гос. мед. ун-та, 2011. 519 с.
7. Пивень Д. В., Кицул И. С., Иванов И. В. Работа с обращениями граждан и удовлетворение отдельных требований потребителей: что необходимо учитывать медицинским организациям // Менеджер здравоохранения. 2019. № 9. С. 77–81.
8. Ругаль Л. В. Новые технологии повышения качества и доступности амбулаторной медицинской помощи // Менеджер здравоохранения. 2015. № 3. С. 22–29.
9. Светличная Т. Г., Цыганова О. А., Зинькевич В. К. Медико-правовой анализ обращений пациентов в государственные и муниципальные органы // Экология человека. 2010. № 2. С. 50–53.
10. Светличная Т. Г., Цыганова О. А., Зинькевич В. К. Обеспечение прав пациентов в условиях городского здравоохранения Заполярья: медико-социологический анализ. Архангельск : Север. гос. мед. ун-т, 2012. 169 с.
11. Тарабукина С. М. Использование метода экспертных оценок при разработке мероприятий по повышению эффективности механизмов реагирования на обращения граждан, поступающих в органы государственной власти // Дневник Казанской медицинской школы. 2018. № 3 (21). С. 159–162.
12. Тимофеев И. В. О содержании права каждого на доступную и качественную медицинскую помощь в конституции РФ, федеральном законодательстве и конституциях (уставах) субъектов РФ // Российское право: образование, практика и наука. 2019. № 1 (109). С. 14–19.
13. Ходакова О. В. Организационно-правовое регулирование в системе управления качеством медицинской помощи на территориальном уровне : автореф. ... дис. д-ра мед. наук. Кемерово, 2014. 43 с.
14. Хохрина Т. И. Организация работы с обращениями граждан в учреждениях здравоохранения // Правовые вопросы в здравоохранении. 2013. № 4. С. 30–42.

УДК 101.1:316.4

Е. А. Лобовикова

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского,
г. Луганск

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье анализируются понятие и основные характеристики мифа, а также рассматриваются особенности мифотворчества на современном этапе развития социума. Опора на базовые архетипы обеспечила современным мифам жизнеспособность и функциональную силу. Автором отмечается, что манипулятивные возможности мифогенезиса возрастают во времена общественно-политических кризисов в пространстве современной социальной реальности.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, мифологема, социальное развитие, социальная реальность.

E. A. Lobovikova

Lugansk State Academy of Culture and Art named after M. Matusovsky, Lugansk

ON MYTHOLOGICAL CONSTRUCTION OF THE SPACE OF SOCIAL REALITY

The article analyzes the concept and main characteristics of myth, and also examines the features of myth-making at the present stage of development of society. The reliance on basic archetypes has provided modern myths with vitality and functional strength. The author notes that the manipulative possibilities of mythogenesis increase in times of social and political crises in the space of modern social reality.

Keywords: myth, myth-making, mythologeme, social development, social reality.

В условиях глобализации социума мифологически стереотипное восприятие современных реалий обуславливает вариативность социальных процессов. Миф сегодня присутствует в культуре как абсолютно осознаваемый феномен: его исследуют не только социологи, политологи, философы, миф активно используют в своих целях рекламисты и специалисты в сфере PR, общественно – политические силы. СМИ, принадлежащие политическим партиям и власти, используя политические мифы, корректируют, регламентируют и проектируют мировоззрение и психику людей, формируют определенные общественные настроения посредством пропаганды и других манипулятивных PR-технологий. Мифы в современной рекламе, с их утвердительным содержанием, рассчитаны на некритическое восприятие заурядного индивида, который ориентируется на

впечатления, а не на аргументированный анализ. Миф является объектом социальной реальности, активно отражающейся в средствах массовой информации, формирующейся как элемент определенной идеологии. В основании мифов лежат сакральные представления о власти, порой гораздо более культурно устойчивые и политически эффективные, чем те, которые вырабатываются в ходе современных коммуникаций. Миф способствует установлению поведенческих парадигм и моделированию концептов социально-политической реальности при помощи целостных чувственно-образных средств [8, с. 290].

Особенностью мифогенеза в современном социуме является то, что он направлен на формирование системы взглядов, которая оценивает многообразные события и явления жизни с позиции «добро – зло». Мифотворчество в современных условиях становится оружием в руках политических сил в борьбе за завоевание, сохранение и реализацию власти.

В античности миф изучали философы Пифагор, Ксенофан, Парменид, Платон, Аристотель, Плутарх и др. В эпоху Возрождения аллегорическая интерпретация мифа предпринималась Дж. Боккаччо. Миф как чувственная и фантастическая метафизика рассматривался итальянским ученым Дж. Вико. В XVIII в. апология мифа и мифотворчества была характерна для немецких романтиков. Г. В. Ф. Гегель анализировал миф как утраченную ступень обожествления природы [4]. Французские просветители Ф. М. Вольтер, Д. Дидро, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо рассматривали миф как суеверие, несовместимое с научным познанием мира. Общие характеристики суждений об особенностях мифологической формы сознания содержатся в работах И.-Г. Гердера, Ф.-В. Шеллинга, Д.-Д. Фрезера, Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, Ф. Кронфорда, З. Фрейда, К.-Г. Юнга, Ф. Ницше, М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, Я. Э. Голосовкера и др.

Вопросы функционирования мифа в культуре XX в. анализировал французский философ Р. Барт. В труде «Мифологии» он характеризует миф как слово, представляющее собой знаковую систему. Миф строится на основе языка и связан с ним, утверждает ученый [1, с. 272]. Немецкий философ Э. Кассирер исследовал действие мифа в тоталитарном государстве. Так, в книге «Миф государства» он впервые дает подробную характеристику функционирования политических мифов, которые он определяет как адаптированные для масс научно обоснованные идеи. В политике, согласно Э. Кассиреру, всегда случаются неожиданные повороты, и здесь рациональное уступает мифологическому, а желания масс персонифицируются в особе политического лидера [3, с. 58–69].

Взаимосвязь политических и священных мифов рассматривает английский политолог К. Флад. В работе «Политический миф. Теоретическое исследование» [4] он приводит определение политического мифа. Кроме того, зарубежные и российские политологи, по-разному относятся к политическому мифу (К. Боттичи, К. Ф. Завершинский, О. Ю. Малинова, Г. И. Мусихин и др.). Исследование основных вопросов, связанных с пониманием современного политического мифа, было предпринято О. Ю. Малиновой: «...политический миф – это убеждение / нарратив, который разделяется социальной группой, воспринимается ею как констатация «естественного порядка вещей» [6, с. 13].

К проблеме определения и статуса политического мифа обращается ряд российских исследователей: М. В. Щеглик [12], Е. Л. Яковлева [14], М. Г. Корн [4], Н. И. Шестов [11], А. М. Цуладзе [10], Н. И. Щербинина [13], С. В. Рязанова [7] и др.

Политический миф понимается нами как разновидность социального мифа. В нем просматривается характерная для современного мифа двухуровневость: с одной стороны, разделяемые веками коллективные представления, а с другой, – составляющие, коррелятивные текущей политической конъюнктуры.

Сакрализация руководителя внутри тоталитарной системы в советский период части наследует культурные традиции, одновременно являясь следствием стремления создать систему политического управления в условиях господства мифологического мировоззрения. Образы Ленина, «отца народов» можно считать актуализацией классической мифологемы правителя как стержня мироздания (проявляющейся еще в образе доб-

рого царя). И. В. Сталин как личность, уже в полной мере наделенная чертами божества, как и обожещаемые правители древности, находился вне зоны критики. Он одновременно считался и основой социалистического бытия, и фигурой, задающей вектор развития, и наследником некоей божественной силы, передаваемой от лидера к лидеру.

Собственная специфика мифотворчества наблюдалась и на последующей стадии существования советского общества. Сформировавшиеся мифологические образы практически не дополнялись и не развивались вглубь. Имела место дополнительная эмоциональная окраска, в полной мере зависевшая от специфики политического момента.

Анализ текстуальной традиции тоталитарных идеологий наглядно показывает не только устойчивость набор архетипических мифологем, но и границы их допустимой трансформации. В современной культуре, как и в архаической, политический миф функционирует на стыке априорной формы и обусловленного культурно-исторической ситуацией содержания. Смена режима приводит к консервации мифологических образов и утере ими конституирующей функции в сфере мировоззрения.

Миф существует до тех пор, пока в обществе и со стороны социума, и со стороны личности – носителя мифологической культуры есть потребность в мифе. Как отмечает Л. Н. Воеводина, «анализ мифотворчества определяет необходимость рассмотрения мифа как продукта интерактивной деятельности людей, которая регулирует многие социальные процессы, но в то же время созданного обществом. Современные мифы – это динамичные символические системы, которые выступают как часть идеационной сферы общества, они подкрепляют собой смысловой универсум общества и индивидуальный смысл человеческого существования» [2, с. 52].

В ракурсе анализа динамики мифологической составляющей идейного обеспечения политического процесса, идеологизация мифа столь же естественна, как и мифологизация идеологии. Составной частью идеологической системы становятся те социальные мифы, в повышении статуса которых до идеологичности нуждаются политические институты, ищущие путей контроля над массовым сознанием. И, в этом случае, справедливо будет утверждение, что любая идеология в основе своей мифологична. С другой стороны, любая идеология способна, подобно коммунистической, вернуться в разряд социальных мифологем, если ее системность и авторитетность будет разрушена научной критикой и действиями конкурирующих политических институтов. Идеология формируется на основе мифологии и несет на себе определенные характеристики мифа. Представляется, что «...современные политические идеологии представляют собой один из результатов социокультурного мифотворчества, а следовательно, их можно изучать по методологии, сходной с методологией исследования мифов. Между архаической мифологией и современной политической идеологией существует явно читаемое сходство. Содержание той или иной идеологической доктрины строится на сюжетах, заимствованных из древней мифологии, политика усматривает и подхватывает те модели, образы и символы, которые отвечают современным потребностям» [15]. Так, языческий миф продолжает существовать в христианской культуре, приспосабливается и даже срастается с ней. Древний миф «о золотом веке» лежит в основе коммунистической идеологии, которая, провозглашая тотальную рационализацию всех сфер человеческой жизни, в своей основе остается иррациональной. Один из авторов коммунистической идеологии Ф. Энгельс проводил прямые параллели между марксизмом и христианством. В основании коммунистической идеологии лежит и мифологема о мессианстве пролетариата, вокруг которой строится идеологическое обоснование необходимости революции и роли в ней пролетариата. Пролетариат становится мессией, спасителем, и этим обусловлена его роль в истории [16].

Идеология связана с мифологией не только содержательно. Привлекательность той или иной идеи напрямую зависит от того, насколько мифологична форма, в которой идея преподносится. Идеологическая доктрина, чтобы быть воспринятой, должна получить образную форму, что облегчает восприятие ее массовым сознанием [16].

Механизм идеологического влияния аналогичен механизму воздействия мифа. Конечная цель любой идеологии – подталкивать к определенным действиям, а не просвещать, объяснять или познавать. «Реальность», создаваемая мифом, чрезвычайно схожа с «реальностью» политической. Перед ним стоит задача избавить порядок от разрушения и небытия. Решение этой задачи миф описывает как поединок добра и зла. Такая мифологическая схема является привычным сценарием для политики [16]. «Добро» – «мы», группа, с которой личность может себя идентифицировать, «зло» – «они» – враги, с ними необходимо бороться. На роль «врагов» современные политические технологии позволяют найти самых разных претендентов. Герой появляется в кризисной ситуации для диспансации неразрешимых противоречий. Миф о герое, побеждающем хаос, является наиболее эксплуатируемым в политике [16].

Примерка политическим руководителем образа героя – отнюдь не изобретение нашей эпохи. В XV в. Н. Макиавелли указывал на важность верного имиджа для государя. Из истории известно, что многие государственные деятели и военачальники (А. Македонский, Н. Бонапарт, Д. Вашингтон и др.) заботились о создании благоприятного имиджа у современников и, что важнее, в глазах потомков. В качестве примера, имидж – миф: Сталин – друг детей, отец народов, великий теоретик – языковед, выдающийся – философ и т. п. [16].

Технологически создание политического имиджа – это формирование массового стереотипа, основное требование к которому – быть легко воспринимаемым. Данная легкость достигается соответствием имиджа, во-первых, сиюминутным ожиданиям публики, во-вторых, бессознательным архетипам, глубинным мифологическим символам. Содержательно имидж создается в зависимости от конкретной социально-политической ситуации, собственных целей и массовых ожиданий. При построении имиджа учитываются традиционно сложившиеся в культуре, укорененные в языке и в ментальности представления о национальном герое, на основе которых складываются представления о герое политическом [16].

Нарративное измерение мифа имеет немаловажное значение, когда пытаются ответить на вопрос о масштабе влияния политического мифа на социум. Ответ кроется в плоскости коммеморативных практик: насколько полно политическим классом «ангажируются» распространенные в народе традиции памяти о прошлом в качестве средства для достижения конкретных политических целей. Так, здесь осуществляются попытки специального выделения нарративов коллективной памяти: «волшебная сказка, героический миф, миф самопожертвования». Фигура героя и здесь занимает важное место. Ключевое значение имеет модальность нарратива, т. е. то, в какой степени он усиливает или же ослабляет тот или иной миф. Правильно выбранная модальность нарратива позволяет политическому мифу достигать своих целей (а целей у него может быть немало: это и укрепление власти, и формирование идентичности, и трансляция ценностей и т. п.) [17]. Можно констатировать, что нарративы играют ключевую роль в процессах мифотворчества и мифологизации, выступая в качестве связующего элемента между двумя уровнями современного мифа – «архаическим» и «конъюнктурным» («инструментальным»). Наиболее отчетливо это заметно на примере политических мифов.

Мифотворчество представляет собой не локализованное во времени и пространстве явление, а повсеместно воспроизводимый принцип описания действительности, в том числе и политической. А. Ф. Лосев считал миф самостоятельной реальностью, создающей собственное культурное пространство [5, с. 35]. Несмотря на внешнее разнообразие содержания, обусловленное спецификой исторического развития страны, региона или социальной группы, миф структурно определен по отношению к большинству внешних воздействий. Пластичность мифа и подвижность его границ делают возможным не только его присутствие в культурном пространстве в качестве константы, но и постоянное воспроизводство и задействованность практически во всех сферах социального бытия.

Политический миф здесь скорее является правилом, нежели исключением. Самим своим существованием он показывает и невозможность вне-мифологического функционирования сознания, и актуальность мифологических форм и отношений [7].

Литература

1. Барт Р. Мифологии. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2008. 320 с.
2. Воеводина Л. Н. Мифология как часть символического универсума // Вестник МГУКИ. 2014. № 5. С. 51–56.
3. Кассирер Э. Философия символических форм. Мифологическое мышление. М. ; СПб. : Университетская книга, 2002. 280 с.
4. Корн М. Г. Миф в системе политической культуры : дис. ... канд. филос. наук / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. М., 2008. 159 с.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Мысль, 2001. 558 с.
6. Малинова О. Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика : сб. науч. тр. / ред. О. Ю. Малинова. М. : ИНИОН РАН, 2015. С. 5–24.
7. Рязанова С. В. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности : монография / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 238 с.
8. Скорченко Ю. А. Политология. Глоссарий : учеб. пособие / авт.-сост. Ю. А. Скорченко. Луганск : ЛНАУ : Ноудидж, 2020. 516 с.
9. Флад К. Политический миф. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 263 с.
10. Чуладзе А. М. Политическая мифология. М. : Эксмо, 2003. 384 с.
11. Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 414 с.
12. Щеглик М. В. Концептуальная интерпретация природы политического мифа как формы священной мифологии // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 6. С. 4–7.
13. Щербинина Н. Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М. : РОССПЭН, 2011. 287 с.
14. Яковлева Е. Л. Технология политического мифотворчества // Вестник Приволжской академии государственной службы. 2011. № 4. С. 38–42.
15. Стрельник О. Н. Мифологические корни политической идеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2014. № 4. С. 18–29.
16. Стрельник О. Н. Политический миф: рациональная видимость и иррациональная суть // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. № 2. С. 39–47.
17. Иванов А. Г. Нарративное измерение политического мифа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 69–78.

УДК 101

Н. В. Маслодудова

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

РАЗВИТИЕ ДУХОВНОСТИ КАК ПРОТИВОВЕСА СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье на основе анализа влияния современного общества на человека обосновывается значимость развития духовности, способной противостоять внутреннему разрушению человека и стать противовесом нарастающей напряженности в современном мире. Развивая свою духовность, человек совершенствует свои познавательные способности, чтобы иметь уметь противостоять негативным вызовам современной жизни.

Ключевые слова: духовность, качество жизни, глобальные проблемы.

N. V. Maslodudova

Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk

THE DEVELOPMENT OF SPIRITUALITY AS A COUNTERBALANCE TO SOCIAL TENSION IN MODERN SOCIETY

Based on the analysis of the influence of modern society on a person, the article substantiates the importance of the development of spirituality, which is able to withstand the internal destruction of a person and become a counterbalance to the growing tension in the modern world. By developing his spirituality, a person improves his cognitive abilities in order to be able to withstand the negative challenges of modern life.

Keywords: spirituality, quality of life, global problems.

Современное общество во всем существующем многообразии его определений: постиндустриальное, информационное, потребительское, высокотехнологичное и т. п., имеет значительные отличия. Эти отличия, в первую очередь, связаны с тем влиянием, которое оно оказывает на самого человека. Следует признать, что физиологически человек мало изменился со времени своего становления как *Homo sapiens*. Духовные изменения, связанные с развитием исторических форм мировоззрения, были более ощутимы, но растянулись на тысячелетия, отражая в себе социально-экономические изменения, которые происходили в обществе в процессе его развития от Древнего мира до конца XX в. Человека, обладающего интеллектом, можно назвать самым приспособляющимся существом из всех живущих на этой планете, так как он способен изменять саму природу, создавая искусственную среду обитания, позволяющую ему сохраниться как определенному уникальному биологическому виду. XXI век можно назвать началом создания совершенно новой реальности. Реальности, которая заставляет человека меняться настолько, что уже встает вопрос о сохранении сущности самого человека. Механицизм, свойственный для восприятия человека в философии XVII в. и обосновано подвергшийся критике в последующие периоды, сегодня вновь дает о себе знать. Никогда ранее человек не ощущал себя более машиной, чем в современном мире. Винтик высокотехнологичного производственного процесса, связанного с созданием оптимальных условий для существования в условиях нарастающих глобальных проблем или «мыслящий робот», как назвал человека австро-венгерский ученый-психиатр Вильгельм Райх еще в первой половине XX в.

Сегодня человечество обладает передовой наукой и технологией, но развитие самого человека значительно отстает от этого прогресса. Родовая способность человека к творческой мыслительной деятельности заменяется установленным алгоритмом, в соответствии с которым человек выстраивает все свою жизнь. Этот алгоритм не требует саморазвития, а требует самопрезентации, не требует глубокого осмысления, а требует быстрого оптимального решения, не требует чувственности, а ограничивается эмоциональным всплеском, не требует понимания и сострадания, а ориентирует на рациональность и прагматичность. Такая деятельность человека, в чем бы она не проявлялась, все более лишается духовности. Представитель экзистенциальной философии XX в. В. Франкл писал, что «духовность человека – это не просто его характеристика, а конституирующая особенность: духовное не просто присуще человеку наряду с телесным и психическим, которые свойственны и животным. Духовное – это то, что отличает человека, что присуще только ему и ему одному. ... Человек как духовное существо не только сталкивается с тем, что он противостоит миру (как внешнему, так и внутреннему), но и занимает позицию по отношению к нему. Человек всегда может как-то «относиться», как-то «вести себя» по отношению к миру. В каждое мгновение своей жизни человек занимает позицию по отношению как к природному и социальному окружению, к внешней среде, так и к витальному миру, к внутренней среде. И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы и называем духовным в нем. Духовное, по определению, и есть свободное в человеке, что всегда может возрасть» [6, с. 92–93].

Потеря духовности в деятельности человека порождает агрессию, которая, по словам доктора философских наук, филолога, культуролога и искусствоведа XX в. Д. С. Лихачева, «охватила не только наше общество, она характерна для нынешнего времени в целом и для всего человечества» [2, с. 248].

Стремясь создать оптимальные условия для своей жизни, современный человек постепенно теряет смысл того, что Платон еще в V в. до н. э. определил, как хорошая жизнь, которая управляется мудростью, отражающей в себе вечные законы добра. Всякий человек стремиться к счастью и хорошей жизни, но очень немногие сегодня могут сказать, что им удалось достигнуть своих целей. Потребительское общество предлагает

человеку быстро меняющиеся стандарты потребления, не оставляя ему времени для того, чтобы осмыслить, что для него может быть достаточным и необходимым. Представитель утопического социализма XVI в. Т. Мор в числе условий, обеспечивающих достаток жителей Утопии, называл сокращение потребления. Нам кажется, что разумное потребление сегодня может стать гарантом получения удовлетворения от приобретаемого, так как в погоне за предлагаемым стандартом материального блага, люди перестают ощущать счастья от самой повседневной жизни. Современный философ-гуманист Д. С. Соммэр, разработавший концепцию научной основы морали («физики морали») отмечает, что человечество в конце XX в. пришло «к умственной и психологической гомогенизации людей» и сейчас переживает «тиранию масс», превращающую человека «в самую жалкую посредственность» [4, с. 28–29]. Становясь частью толпы, человек как бы спускается ниже по лестнице цивилизации к варварству. А так как любой спуск всегда происходит быстрее, чем подъем, то негативные необратимые последствия этого процесса могут наступить гораздо раньше, чем нам это сейчас кажется.

Потеря ощущения счастья опасна для духовного здоровья человека, так как приводит к личностному расстройству. Д. С. Соммэр ввел понятие «гипсосознание», чтобы попытаться дать философское осмысление различным функциональным расстройствам у человека, которые оказывают весьма важное влияние на его жизнь [5, с. 141]. Такие расстройства связаны с неспособностью человека эффективно использовать свои умственные возможности, для того, чтобы познать истину, разрешить внутренние конфликты, избежать последствий постоянных стрессов, прийти к ощущению гармонии с самим собой и т. п. Очевидно, что человеку, которому плохо с самим собой, никогда не будет хорошо с кем-то другим. Внутреннее напряжение такого человека становится причиной для нарастания социальной напряженности в любом месте, где бы он не находился: от ближайшего окружения до страны, в которой ему суждено жить.

Как уже отмечалось выше, единственное, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в самом человеке, это его духовность. Для русской философской мысли наиболее характерен аксиологический подход в понимании духовной сущности человека, который находит свое отражение в определении А. Ф. Лосева: «Дух – совокупность и средоточие всех функций сознания, возникающих как отражение действительности, но сконцентрированных в единой индивидуальности, как орудие сознательной ориентации в действительности для воздействия на нее и в конце концов для ее передельвания» [3, с. 82].

Два важнейших компонента духовности – это стремление к истине и стремление к добру, что позволяет рассматривать духовность как характеристику внутреннего мира человека, связанную с гносеологическими потребностями (для себя) и социальными потребностями (для других). Можно утверждать, что гносеологическая потребность связана с поиском истины, самостоятельностью мысли, независимостью суждений и чувством собственного достоинства человека, а социальная потребность, определяющаяся биосоциальной сущностью человека, – это бескорыстие, альтруизм, способность к сочувствию, состраданию и жертвенности.

Именно духовность делает человека по истине свободным, т. е. способным выбирать свою линию поведения, свои стандарты потребления, свои правила коммуникации, свой уровень чувственности, свою меру любви и сострадания. Стандартизация этих явлений ведет к потере духовности как в отдельном человеке, так и в обществе в целом. Вместе с тем духовная сфера жизни – это универсальный, относительно самостоятельный общественно-психологический организм, находящийся в постоянном развитии и функциональной связи с другими сферами жизни общества. Это специализированная область производства и распространения сознания, направленная на воздействие на внутренний мир человека, на внедрение в его сознание идей, ценностей, взглядов через свои различные институты.

Основу духовной жизни общества составляет духовная деятельность. Ее можно рассматривать как деятельность сознания, в процессе которой возникают определенные мысли и чувства людей, их образы и представления о природных и социальных явлениях. Результатом этой деятельности выступают определенные взгляды людей на мир, научные идеи и теории, моральные, эстетические и религиозные воззрения. Они воплощаются в моральных принципах и нормах поведения, произведениях народного и профессионального искусства, религиозных обрядах, ритуалах и т. д. Все это принимает вид и значение соответствующих духовных ценностей, в качестве которых могут выступать те или иные взгляды людей, научные идеи, гипотезы и теории, художественные произведения, моральное и религиозное сознание, наконец, само духовное общение людей и возникающий при этом морально – психологический климат в семье, в любом коллективе, в обществе в целом и в рамках межнационального общения.

Таким образом, духовность характеризует субъективно – творческое начало в человеке, его индивидуальность, его интимный мир. Это начало активное, деятельное, целеполагающее и создающее самое себя, свободное, имеющее возможность выбора и в силу этого уникальное, принципиально неповторимое и незаменимое. Именно в силу этого личность как воплощение субъективного ассоциируется с духовностью, духовным совершенствованием и творчеством, с преодолением ограниченности места и времени, а обезличенность – с несвободой, пассивностью, неразвитостью сознания, отсутствием достоинства и самоуважения. И в этом смысле духовность «выступает как способ самостроительства личности и конструируется в виде призвания ее носителя». Она, по верному замечанию С. Б. Крымского, «связана с выбором своего собственного образа, своей свободы и роли, одним словом, встречи с самим собой» [1, с. 21].

Падение духовности современного человека во многом связано с развитием техники. По определению уже упомянутого выше Д. С. Лихачева: «техника заполонила собой все и не оставила у человека времени и возможности посвящать себя истинной культуре. Но природа не терпит пустоты. Техника и весь комфорт, который с нею связан, может вытеснить духовную жизнь в человеческой деятельности, но не заменить ее. Заменяла духовную жизнь внешняя цивилизация и многое с нею связанное. Это многое обладает одним свойством – страшной агрессивностью» [2, с. 248]. Современные технологии демонстрируют достижения высокого уровня цивилизации, но многие технологические новшества (например, технологии улучшения человеческого потенциала, связанные с развитием геной инженерии) способствуют росту значительной неопределенности будущего как отдельного человека, так и всего человечества в целом. Вершина человеческой эволюции в условиях осуществления идеи создания искусственного интеллекта не может не вызывать опасений.

2020 год стал годом нарастания социальной напряженности во всем мире. Падение экономики, обострение политических ситуаций, разрушение привычных правил жизни дополнились испытаниями самоизоляции в условиях пандемии, новым типом общения, связанным с ограничением непосредственных контактов и переходом в онлайн-реальность, отказом от привычных и значимых для современных людей путешествий и т. п. По истине драматическая ситуация дополняется ростом локальных военных конфликтов, финансовой нестабильностью и необратимыми климатическими изменениями. Очевидно, что все это будет только способствовать нарастанию социальной напряженности и в дальнейшем. Выработать иммунитет к вирусу COVID-19, наверное, можно, а вот можно ли человеку выработать иммунитет к постоянным стрессам современного мира и достичь счастья и благополучия? Очевидно, это очень сложный вопрос. Но при этом есть четкое понимание, что если не предпринимать усилий в этом направлении, то процесс саморазрушения человеческой сущности будет необратимым. Патологическая составляющая стресса проявляется только тогда, когда человек занимает ошибочную жизненную позицию. Можно привести огромное количество примеров, когда одно и то же событие

кого-то делает счастливым, а кого-то – несчастным. Развивая свою духовность человек совершенствует свои познавательные способности, чтобы научиться разбираться во всех вызовах современной жизни и уметь им противостоять. Истинно духовный человек не будет постоянно искать виновных в происходящих событиях и призывать к радикальным изменениям социальной среды для улучшения качества своей жизни. Духовность, которая может выступать противовесом социальной напряженности не может быть только мистической или религиозной, как не может быть и простым субпродуктом интеллекта. Последнее как раз и объясняет тот факт, что развитие современной цивилизации не обеспечивает высокого уровня духовности и не обеспечивает удовлетворенности качеством жизни. Ежегодный глобальный опрос жителей планеты «Конец года» (End of the Year), проведенный Международной ассоциацией независимых исследовательских агентств Gallup InternationalWIN в конце 2019 г., показал, что несчастным себя ощущает каждый десятый землянин. 28 % опрошенных не смогли определиться счастливы они или нет. Россияне же в среднем оказались еще менее счастливыми, чем жители Земли [7].

Литература

1. Крымский С. Б. Контуры духовности: новые контексты идентификации // Вопросы философии. 1992. № 12.
2. Лихачев Д. С. Я вспоминаю. М., 1991.
3. Лосев А. Ф. Дух // Философская энциклопедия в 6 т. Т. 2. М., 1962.
4. Соммэр Д. С. Мораль XXI века. М., 2013.
5. Соммэр Д. С. В чем ценность человека? М., 2014.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
7. Ромир: индекс счастья в мире и в России продолжает снижаться // Исследовательский холдинг Romir. – URL: <https://romir.ru/studies/romir-indeks-schastya-v-mire-i-rossii-prodoljaet-snijsatsya> (дата обращения: 01.11.2020).

УДК 339.1:343.9

С. А. Павлова

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

В статье рассмотрены актуальные инструменты социально-экономической поддержки развития страны на современном этапе посредством принятия государственных программ Российской Федерации. Проведенный анализ выполнения государственных программ по различным направлениям показал необходимость разработки дополнительных мер, направленных на совершенствование процесса управления и реализации принятых решений на государственном уровне при внедрении их в реальный сектор экономики.

Ключевые слова: государство, рыночная экономика, государственные программы, результативность.

S. A. Pavlova

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk

ON THE NEED TO IMPROVE THE ECONOMIC EFFICIENCY OF GOVERNMENT PROGRAMS

The article examines the actual tools of socio-economic support for the country development at the present stage through the adoption of state programs of the Russian Federation. The analysis of the implementation of state programs in various areas showed the need to develop additional measures aimed at improving the management process and implementing decisions at the state level when they are introduced into the real sector of the economy.

Keywords: state, market economy, state programs, performance.

Во всех экономических системах государство регулирует экономику. Такое регулирование в современной рыночной экономике осуществляется в меньших масштабах, чем в административно-командной системе, но и в настоящее время экономическая роль государства велика.

Государственное регулирование экономики в условиях рыночного хозяйства осуществляется посредством мер законодательного, исполнительного и контролирующего характера, осуществляемых правомочными государственными учреждениями и общественными организациями в целях стабилизации и приспособления существующей социально-экономической системы к изменяющимся условиям.

Во время функционирования рыночного хозяйства возникают и обостряются имеющиеся экономические, социальные проблемы, которые не могут быть решены автоматически. В любом современном обществе имеется потребность в инвестициях в сферы, малорентабельные или нерентабельные с точки зрения частного капитала, но необходимых для продолжения воспроизводства в национальных масштабах. Отраслевые и общехозяйственные кризисы, порождающие рост безработицы, сбои в денежном обращении, недобросовестная конкуренция на мировых рынках требуют государственной экономической поддержки различных сфер и слоев общества.

В современных условиях без регулирования социально-экономических процессов со стороны государства не возможен полноценный процесс воспроизводства. Оно призвано решать различные задачи, направленные как на стимулирование экономического роста, регулирование занятости, так и социальной поддержки населения, поощрения прогрессивных сдвигов в отраслевой и региональной структурах, поддержки экспорта. Конкретные направления, формы, масштабы государственного регулирования определяются характером и остротой экономических и социальных проблем в той или иной сфере в конкретный период.

В настоящее время в стране принято и действует 46 государственных программ, которые объединены в 5 направлений. Это «Новое качество жизни», «Инновационное развитие и модернизация экономики», «Сбалансированное региональное развитие», «Эффективное государство» и «Обеспечение национальной безопасности» [1].

В рамках первого направления принято и реализуется 10 программ, в таких сферах жизни граждан как здравоохранение, образование, жилье и коммунальные услуги, физическая культура и спорт, занятость и социальная поддержка граждан, культура, охрана окружающей среды, доступная среда, и национальная политика в целом.

В рамках второго направления приняты и реализуются 17 программ, направленных на совершенствование отраслей и отдельных сфер экономики страны. Первоочередное внимание уделено развитию таких отраслей и сфер экономики как сельские территории, оборонно-промышленный комплекс, фармацевтическая и медицинская промышленность, рыбохозяйственный комплекс, энергетика, космическая деятельность и авиационная промышленность, судостроение и техника для освоения шельфовых месторождений, атомный энергопромышленный комплекс, промышленность, в том числе электронная и радиоэлектронная, лесное хозяйство. А также таким сферам как научно-технологическое, экономическое развитие и инновационная экономика, производство и использование природных ресурсов, информационное общество, внешнеэкономическая деятельность.

Решая задачу сбалансированного развития страны приняты и действуют государственные Программы, направленные на поддержку таких территорий и округов как Дальневосточный федеральный округ, Калининградская область, Северо-Кавказский федеральный округ, арктическая зона Российской Федерации, Республика Крым и г. Севастополь, а также финансируются программы, направленные на развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами.

В целях повышения эффективности государственного управления приняты и действуют Программы по совершенствованию внешнеполитической деятельности, управление федеральным имуществом, управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков, совершенствованию работы юстиции.

И, наконец, совершенствование вопросов национальной безопасности страны обеспечивается решением таких Программ как обеспечение общественного порядка и проти-

водействие преступности, управление государственным материальным резервом, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах, обеспечение химической и биологической безопасности Российской Федерации, обеспечение обороноспособности страны, обеспечение защиты личности, общества и государства, обеспечение государственной безопасности, мобилизационная подготовка Российской Федерации.

Достижение заявленных целей Программ оценивается на основании показателей-критериев, которые должны быть достигнуты при реализации программных мероприятий. Поэтому, достижимость заявленного критерия, является важным индикатором эффективности как использования денежных средств, выделенных из консолидированного бюджета страны, так и управленческих функций государственного аппарата.

Анализ достижения критериев, установленным в принятых программах нормам, за 2019 г. показывает следующее. Степень достижения плановых значений показателей-индикаторов группируются по следующим направлениям со следующими результатами: направление «Инновационное развитие и модернизация экономики» достигнуто 284 показателя из 756 и 0 из 207; «Сбалансированное региональное развитие» достигнуто 70 показателей-критериев из 231; «Эффективное государство» 57 достигнуто из 92 показателей и 0 из 207; «Новое качество жизни» 123 из 467 показателей и 0 из 213; «Обеспечение национальной безопасности» 67 из 118 показателей достигнуты.

Наименьшие результаты (в абсолютных величинах, количество не достигнутых показателей от принятых норм в Программе) наблюдаются по таким программам как «Развитие здравоохранения» (207 показателей не достигнуты от принятых норм (0)), «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (достигнуто 0 из 207 показателей), «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» (достигнуто 32 из 116), «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» (достигнуто 0 из 54), «Развитие образования» (достигнуто 0 из 161), «Воспроизводство и использование природных ресурсов» (достигнуто 53 из 174) [2].

Вместе с тем при реализации Программ есть и показатели, которые перевыполнены от намечаемой планом величины. Так, в Программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» показатель «Объем вложений частных средств в инвестиционные проекты предприятий реального сектора экономики, реализуемые в рамках «фабрики» проектного финансирования» перевыполнен в 2019 г. на 34,6 %; «Количество средних и крупных предприятий базовых несырьевых отраслей экономики, воспользовавшихся мерами поддержки в рамках национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости»» при плановом числе 60 составило 110 единиц или перевыполнено на 83 %, но, с другой стороны, это говорит о том, что намного больше предприятий испытывали состояние экономической нестабильности, чем предполагалось при планировании программы и перспектив экономики на данный период времени.

Итак, даже некоторое количество приведенных показателей позволяют сделать вывод, что принятие Программ на государственном уровне не в состоянии обеспечить плановое ведение дел и достижение запланированных показателей, а, следовательно, доказывает, во-первых, недостаточную управляемость со стороны государственных органов отдельных направлений социально-экономической деятельности; во-вторых, недоучет факторов риска, влияющих в ходе реализации Программ на конечные показатели; в-третьих, необходима разработка и принятие на уровне российских стандартов системы управления социально-экономическими процессами на национальном уровне.

Литература

1. Направление госпрограмм // Официальный портал госпрограмм РФ. URL: <https://programs.gov.ru/> Portal.
2. Показатели госпрограмм // Официальный портал госпрограмм РФ. URL: https://programs.gov.ru/Portal/analytics/achieving_indicators?year=2019&grouping=byProgram.

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

Рассматриваются условия социальной напряженности, возникающие при дистанционном общении и формировании образовательных стратегий современной молодежи. Выявляются механизмы конструирования новых образовательных моделей в современных условиях распространения пандемии и усиления роли виртуальности. Особо выделяется развитие дистанционного образования как условия трансформации образовательных траекторий молодежи.

Ключевые слова: социальная напряженность, образовательные стратегии, региональная молодежь, виртуальность, дистанционное обучение, перспективы развития.

I. A. Zhuravleva
Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL TENSION IN THE FORMATION OF EDUCATIONAL STRATEGIES FOR REGIONAL YOUTH

The article examines the conditions of social tension that arise during distance communication and the formation of educational strategies of modern youth. The mechanisms of constructing new educational models in the modern conditions of the spread of the pandemic and the strengthening of the role of virtuality are revealed. The development of distance education is especially highlighted as a condition for the transformation of educational trajectories of young people.

Keywords: social tension, educational strategies, regional youth, virtuality, distance learning, development prospects.

Образовательные стратегии в более стабильные периоды формировались под влиянием идеологии государства – какие специалисты нам нужны сейчас и будут нужны в перспективе. А также формировались под влиянием личных интересов и приоритетов молодых людей – что мне интересно и к чему есть склонность.

Виртуализация и глобализация общества стали существенно влиять на представления, а вместе с тем и на реальные условия развития образовательных траекторий. Это стало выражаться в том, что образование можно получать на протяжении всей жизни, делать паузы на работу или практику, появилась возможность делать паузу между обучением на бакалавриате и в магистратуре. Таким образом, молодые люди уже были подготовлены к нетипичным и нетрадиционным для нашей страны стратегиям образования.

Образовательные стратегии молодых людей всегда соответствуют тем реалиям в которых формируется их повседневное пространство, какие внешние социально-экономические, а сегодня уже и социально-эпидемиологические условия жизни определяют контекст их развития. Современный этап общественного воспроизводства можно считать напряженным: нет уверенности в завтрашнем дне, нет уверенности в безопасности для здоровья и жизни, нет уверенности в работе и учебе. Эти все процессы ожесточают и усложняют социальное взаимодействие, негативно сказываются на условиях социальной консолидации и общественного развития.

Ситуация с пандемией во всем мире изменила условия жизни миллионов людей. Не обошла стороной и особенности обучения в условиях пандемии. Дистанционное обучение стало минимальным условием сохранения здоровья преподавателей и студентов в условиях карантина.

Безусловно, вопросы виртуализации обучения поднимались давно в мировом сообществе С. В. Малых [7; 8], о роли образования в региональном развитии в работе О. А. Полюшкевич [9]. Отдельно стоит сказать о дистанционном обучении в результате пандемии COVID-19 (Р. Г. Ардашева [1–3], И. А. Журавлева [4; 5], А. В. Завьялов [6], Ш. Ф. Фарахутдинов [10]).

Внедрение виртуальных, дистанционных форм обучения поступенно, как при техническом оснащении (как преподавателей, так и студентов), так и социокультурном и социально-психологическом (при подготовке психики и общественных настроений к новым формам обучения, постепенной адаптации к ним и освоения от базовых моделей к более сложным) привел к усложнению освоения образовательного контента. На практике к полному дистанционному формату обучения до 2020 г. ни один вуз России не переходил. На дистанционном обучении были повышены квалификации и переподготовки, частично дистанционные формы обучения применялись при обучении студентов заочников и лишь как дополнительный элемент обучения со студентами очниками. Пандемия заставила в максимально сжатые сроки перейти в новый формат работы. Как оценивают его качество, процесс, условия и результат сами студенты?

Именно этот вопрос лежал в основе нашего исследования, которое проходило на платформе опросов google.com в мае – июне 2020 г. В нем приняли участие 2600 студентов различных вузов России, обучающихся дистанционно. Опрос распространялся через социальные сети и официальных представителей университетов во всех регионах РФ. Это позволило охватить большую выборку по всей России. Из опрошенных 58 % девушки и 42 % юноши в возрасте от 18 до 23 лет; 41 % живут в общежитии, 33 % снимают комнату или квартиру и 26 % живут в своем жилье с родителями или другими членами семьи.

Дистанционное образование воспринимают как позитивную возможность – 43,3 % респондентов, 56,7 % воспринимают ее как негативную тенденцию. Но при этом 93,6 % говорят о том, что дистанционное образование расширяет возможности получения дополнительного и основного образования, увеличивает вероятность повышения квалификации и своего профессионализма. Они же говорят о том, что дистанционный формат обучения – это формат обучения будущего, где будет один лектор и робот, который будет проверять правильность выполнения заданий. Формализация и унификация образования, по мнению молодых людей, станет реальностью. И только избранные (представители состоятельных семей) смогут позволить себе получать образование у живого преподавателя. Это своего рода новая система социальной стратификации.

На психологическом уровне к новой форме обучения не готовы не только студенты (13,4 %), но и преподаватели (33,2 %). Готовых встраиваться и адаптироваться к новым условиям обучения 36,7 % преподавателей и 61,1 % студент. Молодые люди более мобильны и активны, готовы к нововведениям и готовы больше меняться, чем педагоги, среди которых в разы больше инертных и ригидных людей.

Не хватает технических возможностей (своего компьютера или веб камеры или других гаджетов) у 26,4 % преподавателей и 26,9 % студентов. Иными словами, практически у четверти студентов и такого же количества преподавателей не хватает условий для адаптации к новым реалиям.

Данное исследование скорее показало проблемные зоны, которые актуализируются в современных условиях, где виртуальность становится реальностью, а дистанционное образование единственной возможностью социализироваться в жизни. Социальное напряжение будет возрастать, так как требования к преподавателям и студентам будут ужесточаться, требуя от них все большего включения в процесс дистанционного образования. Перспективным нам видится углубление рассматриваемых проблем под углами мотивации преподавателей и студентов, интерактивности обучения, увеличения роли и места искусственного интеллекта в образовательных реалиях российского общества и многие другие.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 25–29.

2. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства: сборник научных трудов : материалы II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 56–63.
3. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 82–88.
4. Журавлева И. А. Восприятие студентами удаленного обучения в университете // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 12–15.
5. Журавлева И. А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 475–480.
6. Завьялов А. В. Социальное самочувствие во время режима самоизоляции и восприятие дистанционного обучения студентами ИГМУ // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 480–485.
7. Малых С. В. Виртуальная идентичность современных студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; Под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 29–34.
8. Малых С. В. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 312–317.
9. Полошкевич О. А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; Под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 10–25.
10. Фарахутдинов Ш. Ф. Современные тенденции в использовании технологий виртуальной реальности в образовании // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; Под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 468–475.

УДК 316.74:378

Е. С. Кузьмина
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ДРАЙВЕРЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Статья посвящена социологическому осмыслению проблем развития высшего образования в России. Автором проведен анализ научной литературы с учетом различных точек зрения относительно драйверов развития высшего образования, которые задают темп и направленность изменениям в системе высшего образования. В статье акцентируется внимание на необходимости изучения современных драйверов развития высшего образования в XXI в. в новых условиях социальной напряженности. Делается вывод о том, что пандемия COVID-19 оказала серьезное влияние на цифровую трансформацию высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование, драйверы развития, российские вузы, социальная напряженность, цифровая трансформация.

E. S. Kuzmina
Irkutsk State University, Irkutsk

DRIVERS OF HIGHER EDUCATION DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF SOCIAL TENSION

The article is devoted to sociological understanding of the problems of the development of higher education in Russia. The author analyzed scientific literature taking into account different points of view regarding the drivers of higher education development, which set the pace and direction of changes in the higher education system. The article focuses on the need to study modern drivers of higher education development in the 21st century in the new conditions of social tension. It is concluded that the COVID-19 pandemic has had a major impact on the digital transformation of higher education.

Keywords: higher education, development drivers, Russian universities, social tension, digital transformation.

Социальный опыт исторического развития российского общества предоставляет серьезный материал для глубокого социологического анализа значимых процессов, которые протекают в разных сферах, в том числе в сфере образования. Получив во второй половине XIX в. научную самостоятельность, социология способствовала концептуальному осмыслению закономерностей и новых тенденций всех уровней образования на протяжении почти двух столетий. В России социология образования как отрасль социологии начала набирать популярность с 70–80-х гг. XX в., исследуя реформирование системы образования, влияние глобализации на социальный институт образования, а также иные явления и процессы. Изучением проблем высшего образования занимаются социологи Н. Л. Антонова, А. Л. Арефьев, В. В. Воронов, Т. И. Грабельных, Д. Л. Константиновский, А. В. Меренков, В. В. Орлова, О. В. Санникова, В. В. Фурсова, Ф. Э. Шереги и другие. В НИУ ВШЭ с 2011 г. действует Центр социологии высшего образования. Актуальными вопросами социологических исследований высшего образования являются как изучение роли и функций акторов образовательного процесса, так и анализ и прогноз влияния различных факторов на развитие высшего образования, например, цифровизации, пандемии COVID-19, селективности государственной поддержки. Отличительной особенностью исследований высшего образования в XXI в. во многом является изучение его динамики в нестабильной среде или в условиях социальной напряженности. По мнению социологов, «первое десятилетие XXI в. символизирует непрерывную смену векторов институциональных и системно-структурных трансформаций, отражающуюся в типологии стратегических поисков и подходов в процессе принятия решений...» [5, с. 39]. В эпоху перемен возникают драйверы (с англ. яз. движущие механизмы, усилители процессов), которые побуждают к изменениям всю систему высшего образования. Рассмотрим их более подробно.

Анализ научной литературы показал, что ученые по-разному определяют направленность драйверов высшего образования. Так, А. В. Васильчиков анализирует национальный проект «Образование» и форсайт-проект «Образование 2030» как драйверы развития системы высшего образования в России [3], позволяющие реализовать две ключевые задачи, с одной стороны, повышение глобальной конкурентоспособности вузов, а, значит, ключевых показателей эффективности вузов (KPI); с другой, – воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности [3, с. 364]. Н. С. Гордиенко, выделяя интернационализацию как основной драйвер развития университета, считает, что «университеты не всегда способны гибко и своевременно отвечать на требования, предъявляемые стэйкхолдерами (общества, государства, учащихся и работодателей)» [4, с. 77]. В подтверждение приведем вынужденную ситуацию, в которой вузы всего мира оказались в связи с пандемией COVID-19 и закрытием границ, что существенно повлияло на снижение экспорта образовательных услуг и уменьшение показателей интернационализации в краткосрочной перспективе. В этой связи А. В. Лебедев и В. И. Воронина в своей статье «Коронавирус как драйвер цифровой трансформации системы высшего образования» [7] подробно анализируют новые вызовы онлайн-образования, ускорившие глобальные необратимые изменения и повлекшие за собой как позитивные (новые возможности использования различного рода цифровых технологий в образовательном процессе), так и негативные (информационное неравенство, неравный доступ к получению высшего образования, изменения в ожиданиях студентов) стратегии в развитии высшего образования.

Альтернативную позицию мы находим у А. В. Берестова, А. И. Гусевой, В. М. Калашника, которые проанализировали развитие сети национальных исследовательских университетов и пришли к выводу о том, что проект «национальный исследовательский университет» последние 15 лет является драйвером российского высшего образования [2]. А. Н. Дегтярев, Л. Р. Дегтярева, раскрывая проблему современных драйверов развития российского образования, наглядно представили «схему трансформации институционального поля системы образования под воздействием внешних и внутренних фак-

торов» [6, с. 92]. С. В. Паникарова, М. В. Власов и В. Драшкович масштабируют рассматриваемую проблему и определяют саму систему высшего образования как драйвер инновационного развития страны [8]. Таким образом, разнообразие точек зрения относительно драйверов как двигателей развития высшего образования повышает необходимость исследования указанных процессов с учетом социальной напряженности (усиления макроэкономического кризиса, углубления социального неравенства, увеличения социальных конфликтов, стагнации рынка труда на фоне пандемии COVID-19).

Среди современных драйверов развития высшего образования в новых условиях социальной напряженности следует выделить: демографические факторы (например, миграционные потоки абитуриентов – «западный дрейф»); неравномерные темпы экономического роста регионов, соответственно, неравномерное развитие региональных систем высшего образования, сокращение финансирования вузов; новые тренды в сфере высшего образования: цифровизация, персонализация, развитие «мягких» навыков, непрерывного образования и другие. В Проекте документа «Ключевые направления развития российского образования для достижения целей и задач устойчивого развития в системе образования» до 2035 г. раскрыто содержание пяти драйверов, которые неизбежно будут оказывать влияние на развитие образования (внешние драйверы, производные драйверы, системные драйверы, перспективные системные драйверы, внутренние системные драйверы и тенденции) [9]. В качестве внешнего драйвера в Проекте указана всеобщая цифровизация и дан прогноз о том, что «внедрение цифровых технологий ... будет способствовать формированию персональной образовательной и карьерной траектории» [9]. Актуализацию обозначенному драйверу придала пандемия COVID-19, оказавшая серьезное влияние на цифровую трансформацию высшего образования.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что драйверы развития высшего образования задают определенный темп и могут повлечь за собой как позитивные, так и негативные последствия, их необходимо учитывать при анализе и прогнозе проблем и тенденций развития высшего образования в России, в особенности при формировании стратегических задач, стоящих перед вузами, в условиях социальной напряженности.

Литература

1. Алексеева М. С. Цифровизация как драйвер инноваций в сфере высшего образования // Кооперация. Предпринимательство. Государство. Перспективы взаимодействия : материалы Всерос. науч.-практ. конф., приуроч. к 100-летию Союза потребительских обществ «Холбос» Республики Саха (Якутия) 20 дек. 2018 г. Новосибирск : АНО ВО Центр-союза РФ «СибУПК», 2019. С. 111–114.
2. Проект «национальный исследовательский университет» – драйвер российского высшего образования / А. В. Берестов [и др.] // Высшее образование в России. 2020. № 6. С. 22–34.
3. Васильчиков А. В. Национальный проект «Образование» и форсайт-проект «Образование 2030» как драйверы развития системы высшего образования в России // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3. С. 361–364.
4. Гордиенко Н. С. Интернационализация высшего образования как основной драйвер развития университета в условиях цифровой экономики // Прикладная социология в системе управления обществом (по итогам деятельности Научной школы) : сб. науч. тр. / под ред. К. М. Оганяна. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2018. С. 76–79.
5. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Кузьмина Е. С. Реализация принципов инновационной политики в регионе в нестабильных условиях // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: Всероссийская научная конференция; 24 мая 2016 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, социологический факультет: материалы конф. / под общ. ред. В. П. Васильева. М. : МАКС Пресс, 2016. С. 39–44.
6. Дегтярев А. Н., Дегтярева Л. Р. Современные драйверы развития российского образования в условиях разнонаправленных вызовов // Экономика региона. 2013. № 4. С. 82–95.
7. Лебедев А. В., Воронина В. И. Коронавирус как драйвер цифровой трансформации системы высшего образования // Цифровое пространство: экономика, управление, социум : сб. 2-й Всерос. науч. конф. Смоленский государственный университет. Курск : Унив. кн., 2020. С. 183–194.
8. Паникарова С. В., Власов М. В., Драшкович В. Система высшего образования как драйвер инновационного развития страны // Университетское управление: практика и анализ. 2020. № 1. С. 96–105.
9. Проект документа «Ключевые направления развития российского образования для достижения целей и задач устойчивого развития в системе образования» до 2035 г. // Устойчивое развитие в сфере образования – 2035. URL: <http://edu2035.firo-nir.ru/index.php/stati-opublikovannye-uchastnikami-soobshchestva/86-klyuchevye-napravleniya-2035> (дата обращения: 05.11.2020).

ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье с позиции социального развития рассматриваются вопросы организации дистанционного обучения в региональной системе общего образования, приводится социологический анализ проблем и особенностей реализации дистанционного формата обучения, обобщается позитивный опыт педагогов, руководителей школ и сотрудников муниципальных органов управления образованием по оперативному решению вопросов, связанных с организацией процесса дистанционного обучения школьников. Также автором представлены практические рекомендации по оптимизации процесса дистанционного обучения в региональной системе общего образования.

Ключевые слова: регион, общее образование, дистанционное обучение, качество образования, социальное развитие.

Yu. V. Manannikova

Institute for Regional Development of the Penza Region, Penza

ORGANIZATION OF DISTANCE LEARNING IN THE REGIONAL SYSTEM OF GENERAL EDUCATION: THE FIELD OF SOCIAL TENSION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article discusses the organization of distance learning in the regional system of general education from the perspective of social development, provides a sociological analysis of the problems and features of the implementation of the distance learning format, summarizes the positive experience of teachers, school leaders and employees of municipal education authorities in the prompt solution of issues related to the organization of the process distance learning for schoolchildren. The author also presents practical recommendations for optimizing the process of distance learning in the regional system of general education.

Keywords: region, general education, distance learning, quality of education, social development.

В современных условиях развития общества, в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции, перед российской системой общего образования поставлены сложные задачи по организации дистанционного обучения (далее – ДО) без ущерба для качества знаний школьников. Напряженная ситуация в мире, связанная с пандемией коронавируса, изменила привычный уклад жизни всех участников образовательных отношений, включая руководителей школ, педагогов, обучающихся и их родителей, выступила сильнейшим стимулом для социального развития и перехода на цифровой, дистанционный формат обучения на основе информационных технологий.

Однако, как показывает практика, далеко не все российские школы и педагоги оказались готовы к переходу на технологии ДО. В новых условиях функции методистов и учителей существенно меняются, однако в современных педагогических вузах и на курсах повышения квалификации уделяется очень мало внимания обучению педагогов по вопросам реализации ДО.

Кроме того, новый формат обучения вызывает множество вопросов со стороны обучающихся и их родителей. Согласно результатам исследования, проведенного в августе 2020 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения, 74,0 % родителей школьников считают, что переход на дистанционное обучение негативно сказался на качестве образования. Довольно остро стоит проблема неготовности к ДО и отсутствия учебной мотивации у школьников. Большинство россиян, имеющие детей или внуков школьного возраста (93,0 %), считают правильным решением возврат к очному обучению, поскольку традиционный формат дает обучающимся больше знаний и лучшее качество образования, а также общение, социализацию и прямой контакт с учителем. Тем не менее, 8 % опрошенных очень боятся, а 54 % – в какой-то мере опасаются, что их дети могут заразиться коронавирусной инфекцией при посещении школы [1].

Таким образом, несмотря на множество возникающих вопросов и пока не решенных проблем, связанных с апробацией и внедрением процесса ДО, использование данного формата обучения в российских школах является неизбежной реальностью в условиях мировой пандемии коронавирусной инфекции. В этой сложной ситуации одним из приоритетных направлений деятельности региональных и муниципальных органов управления образованием выступает принятие эффективных управленческих решений по оптимизации процесса ДО, основанных на результатах соответствующих исследований.

Отмеченные проблемы организации ДО характерны для большинства субъектов РФ, и Пензенская область не является здесь исключением. С целью оперативного выявления и решения указанных проблем с апреля 2020 г. в регионе проводятся соответствующие исследования в режиме мониторинга. По итогам научно-исследовательской работы осуществляется систематизация информации по вопросам организации ДО в масштабе региона, а также проводится анализ особенностей организации ДО в каждом из 30 муниципальных районов и городских округов Пензенской области. Региональным оператором при проведении данных исследований выступает Управление мониторинга и анализа качества образования ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области».

Рассмотрим подробнее некоторые результаты проведенного мониторинга.

Согласно результатам исследования, большинство общеобразовательных организаций (далее – ОО) Пензенской области (93,5 %) используют образовательные online-платформы для организации ДО (рис. 1).

Рис. 1. Использование online-платформ ОО Пензенской области для организации ДО

Наиболее востребованными в процессе ДО являются online-платформы «Учи.ру» и «Российская электронная школа» (РЭШ) (рис. 2).

Рис. 2. Online-платформы, используемые ОО Пензенской области для организации ДО

Согласно результатам распределения школ в разрезе 30 муниципалитетов Пензенской области по критериям активности использования образовательных online-платформ (массовость применения, одновременное использование нескольких электронных образовательных ресурсов и др.) был сделан вывод, что образовательные организации 15 муниципальных районов и городских округов региона характеризуются высоким уровнем активности использования online-платформ, в то время как уровень активности школ остальных муниципалитетов можно охарактеризовать как средний, а в отдельных случаях – как низкий. Прежде всего, эти проблемы связаны с недостаточностью материально-технической базы ОО.

В апреле – мае 2020 г. большинство педагогов общеобразовательных организаций Пензенской области (98,5 %) принимали активное участие в организации ДО. В процессе реализации этого направления деятельности 82,5 % педагогов использовали различные формы и средства связи, наиболее популярными из которых выступают компьютер, ноутбук (с выходом в интернет) (70,7 %) и мобильный телефон (53,5 %) (рис. 3).

Рис. 3. Формы и средства связи, используемые учителями ОО Пензенской области в процессе ДО

Основными инструментами, используемыми педагогами при объяснении учебного материала, являются: проведение видео- и аудио- уроков (с использованием Skype, Zoom, голосовых сообщений); передача сообщений с помощью мессенджеров: Viber, WhatsApp и др.; использование интерактивных презентаций и видеоматериалов; использование телефонной связи (стационарный или мобильный телефон).

В процессе организации ДО в большинстве ОО региона было предусмотрено информирование родителей обучающихся о заданных домашних заданиях с помощью мессенджеров (Viber, WhatsApp), родительских групп в социальных сетях (VK, OK), электронной почты, электронных дневников, средств телефонной связи (стационарный и мобильный телефон). Это особенно актуально на уровне начального общего образования. В числе форм проверки успеваемости большинством ОО (81,4 %) были использованы оценка работ обучающихся, присланных учителю в виде фото (на электронную почту, в мессенджерах Viber, WhatsApp, VK, OK и др.) (рис. 4).

Также педагоги ОО пытались использовать сервисы автоматической проверки заданий, выполненных обучающимися, на электронных образовательных платформах (РЭШ, «Учи.ру» и др.). Однако данный процесс существенно затрудняет нестабильная работа указанных платформ.

Около четверти представителей ОО также отметили, что в процессе ДО проводятся опросы обучающихся на виртуальных уроках (с использованием Skype, Zoom, голосовых сообщений); online-тестирования, разработанные педагогами (с использованием сервиса Google-form и др.). При необходимости организуется индивидуальная проверка успеваемости обучающихся, не имеющих возможностей для ДО.

Рис. 4. Формы проверки успеваемости обучающихся ОО Пензенской области

Административный контроль организации ДО в образовательных организациях региона включает: мониторинг электронных журналов; мониторинг через мессенджеры; отчеты учителей в электронном виде; опросы родителей и обучающихся; мониторинг активности педагогов и обучающихся на образовательных online-платформах; посещение руководством ОО online-занятий; контроль за расписанием и корректировкой рабочих программ; контроль объемов и регулярности выдачи домашнего задания; мониторинг педагогических затруднений, обсуждение в группе «Педсовет», на конференциях «Zoom»; контроль организации индивидуальной работы с детьми с ОВЗ.

Необходимо отметить, что в ОО региона довольно остро стоит вопрос организации учебного процесса для обучающихся, у которых отсутствуют условия для ДО (их доля составила 1,4 %). Образовательным организациям, в которых сложилась такая ситуация, была оказана соответствующая поддержка со стороны органов управления образованием.

Кроме того, дополнительные меры администрации ОО по созданию для обучающихся условий для ДО были реализованы в большинстве городских округов и муниципальных районов Пензенской области. Данный перечень включает следующие виды деятельности:

- методическая и организационная помощь учителям ОО;
- индивидуальное консультирование родителей по телефону, в мессенджерах и социальных сетях;
- своевременная корректировка расписания, графика занятий;
- организация вебинаров для педагогов, обучающихся и их родителей по вопросам работы на электронных образовательных платформах;
- предоставление нуждающимся обучающимся во временное пользование технических средств связи (компьютеров, веб-камер), находящихся на балансе ОО;
- финансовая помощь многодетным и малообеспеченным семьям для оплаты интернет-связи на период ДО;
- предоставление из школьной библиотеки обучающимся дополнительных учебных материалов (энциклопедий, словарей, дидактических тестов и др.);
- обход обучающихся по адресам для передачи заданий на неделю и сбора тетрадей на проверку, доставка заданий школьным автобусом до отдаленных сел.

В связи с необходимостью организации процесса ДО, дополнительный объем работ возлагается на классных руководителей. Формы работы классных руководителей включают:

- ознакомление родителей с разработанным и утвержденным локальным актом (приказом) об организации ДО в школе;
- информирование о расписании и ознакомление с дистанционной формой занятий (с учетом сокращения продолжительности урока до 30 минут);
- проведение мониторинга технического обеспечения в семьях обучающихся (наличие компьютера, доступа к сети Интернет для участия в ДО);
- ежедневный контроль за посещаемостью online-занятий;
- сбор данных об электронной почте, налаживание обратной связи по электронной почте или электронному дневнику;
- информирование родителей о способах контроля успеваемости и посещаемости обучающихся;
- информирование о проведении консультаций, вебинаров на образовательных платформах;
- при необходимости – координация взаимодействия между педагогами, детьми и родителями;
- создание, по возможности, дополнительных групп социальных сетевых сообществ для общения с обучающимися и их родителями;
- ежедневный мониторинг состояния здоровья и местонахождения каждого ребенка;
- организация дистанционных консультаций обучающихся и их родителей с психологом, социальным педагогом;
- проведение родительских собраний в режиме online;
- организация классных часов в режиме online, виртуальных конкурсов, викторин, экскурсий и др.

Органы управления образованием городских округов и муниципальных районов Пензенской области оказывают консультационную и методическую помощь ОО при организации ДО. В процессе проведения исследования позитивный опыт реализации ДО представили более 70,0 % ОО региона.

В числе основных проблем реализации ДО в Пензенской области были выявлены:

- отсутствие в распоряжении учителей ОО достаточной материально-технической базы для эффективной организации ДО (отсутствие камер, микрофонов и устаревшее компьютерное оборудование не позволяют проводить уроки в режиме online);
- отсутствие компьютерной техники и доступа в интернет у части обучающихся;
- недостаточная ИКТ-компетентность участников процесса ДО (педагогов, обучающихся и их родителей);
- низкая скорость и систематические сбои интернет-связи;
- нестабильная работа образовательных online-платформ (особенно РЭШ, «Учи.ру»);
- отсутствие универсальной, единой online-платформы (ни одна из учебных платформ не предоставляет полной возможности работы по выбранным школой учебникам, в результате чего обучающиеся вынуждены регистрироваться и одновременно работать на разных платформах, что создает для них определенные трудности);
- резко возросшая нагрузка и круглосуточная занятость учителей-предметников и классных руководителей, большой объем и сложности проверки выполненных работ в виде фото-, видео- и аудио-файлов;
- методические проблемы и недостаточность опыта организации ДО (сокращение учебного урока до 20–30 мин. не позволяет выделить достаточное количество времени на отработку ошибок, закрепление нового материала и др.);
- сложности психофизиологической адаптации и повышенная утомляемость обучающихся в условиях ДО;

- нехватка личного общения учителя и обучающихся, сложности в организации обратной связи (нет инструмента для проведения консультации учителя с каждым учеником по учебному дню, на всех детей не хватает рабочего времени учебного дня);
- проблема контроля самостоятельности выполнения работы, недостаточно сформированные навыки самостоятельной работы у многих обучающихся;
- реализация ДО на уровне начальной школы требует максимального участия родителей, многие из которых в дневное время заняты (работают, в том числе – дистанционно).

Органами управления образованием муниципальных районов и городских округов Пензенской области предпринимаются следующие меры для выявления и оперативного решения проблем ДО:

- создание нормативно-правовой и методической базы для организации ДО;
- проведение мониторинга процесса ДО в ОО (в том числе, его доступности для различных категорий обучающихся);
- регулярное проведение совещаний с руководителями ОО в дистанционном формате;
- оказание консультативно-методической помощи педагогам;
- изучение и распространение положительного опыта организации ДО и использования образовательных online-платформ.

Кроме того, в отдельных муниципалитетах региона с целью решения проблем ДО органами управления образованием проводится дополнительная работа с провайдером по вопросу оптимизации интернет-связи, осуществляется организация обучения педагогов и администрации ОО на различных online-площадках, а также уделяется особое внимание реализации мер социальной поддержки обучающихся из малообеспеченных семей.

По итогам исследования автором были разработаны следующие практические рекомендации для оптимизации процесса организации ДО на территории региона:

- обеспечение бесперебойной работы в сети Интернет (проведение линии высокоскоростного широкополосного интернета в каждой школе, организация контроля качества интернет-связи от операторов «Мегафон», Yota, «Теле 2» в сельской местности, оказание адресной помощи многодетным и малообеспеченным семьям в обеспечении высокоскоростного интернета, обеспечение бесплатной интернет-связи или выделение средств для ее оплаты каждому педагогу, осуществляющему ДО в домашних условиях и др.);
- улучшение качества работы образовательных online-платформ (увеличение их пропускной способности, а также на РЭШ – включить режим видеоконференции, на «Учи.ру» – добавить дневник обучающегося с отображением его достижений);
- создание единой региональной платформы дистанционного обучения, в которой был бы интегрированный электронный журнал, площадка для видео-уроков и конструктор уроков);
- улучшение материально-технической оснащенности (массовое обновление школьной оргтехники, обеспечение компьютерами обучающихся, у которых отсутствуют условия для ДО);
- активизация деятельности по организации уроков на российских и региональных телевизионных каналах;
- организация на региональном уровне бесплатного обучения педагогов по вопросам реализации ДО.

Литература

1. ВЦИОМ: Данные опросов: В новый учебный год – со старым форматом образования? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10432>.

КРИЗИСНОЕ СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК БАРЬЕР И РЕСУРС ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассматривается кризисное сознание личности, которое характеризуется как барьер и ресурс трансформации российского общества. Обозначается, что кризисное сознание ориентирует общество и российские власти на конструктивный диалог с субъектом социальных изменений, а личность на реализацию ее потенциальных способностей и развитие ее субъективирующих качеств (к ним можно отнести активность, чувство личного достоинства, ответственности и др.).

Ключевые слова: трансформация российского общества, развитие цифрового общества, кризисное сознание, субъект, субъективация как стратегический ресурс изменений.

Yu. A. Kiselev

Irkutsk State University, Irkutsk

CRISIS CONSCIOUSNESS AS A BARRIER AND RESOURCE FOR THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY

This article examines the crisis consciousness of the individual. It can be viewed as a barrier and resource for the transformation of Russian society. Crisis consciousness orients the society and the Russian authorities towards a constructive dialogue with the subject of social changes, and the individual towards the realization of her potential abilities and the development of her subjective qualities. These include activity, a sense of personal dignity, responsibility, etc.

Keywords: transformation of Russian society, development of digital society, crisis consciousness, subject, subjectivation as a strategic resource for change.

Суть происходящих в России изменений, по мнению социологов, наиболее точно отражает понятие «трансформация». Чтобы сегодня понять, в каком направлении движется российский общество, как преодолеть кризис управления социальными системами, необходимо обратить особое внимание на вопрос кто является субъектом трансформационных процессов. На наш взгляд, сегодня можно утверждать, что выход из системного кризиса российского общества возможен при условии осознания роли субъектов, участвующих в преобразовании общества, пониманием их установок, их включенности в активную социальную деятельность.

Нынешнюю российскую реальность трудно описывать объективно. Потому что в условиях системного кризиса наше восприятие действительности может быть лишь частично адекватным. И чем менее адекватно мы понимаем происходящее, тем больше системный кризис влияет на наше видение реальности.

Современные вызовы времени с точки зрения современного цивилизационного развития как движение в сторону информационного общества, инновационной экономики, развитие человеческого капитала, требуют от власти, общества и личности изменить сложившиеся социальные практики трансформации, которые обращены в архаику, а не в будущее. Другими словами, новые вызовы предполагают новые требования к участникам социальных изменений (субъектам, акторам и т. п.). В условиях системного кризиса, актуализируются задачи осмысления кризисных явлений во всех сферах общественного развития.

Несомненно, чтобы получить стратегическое преимущество необходимо обратить внимание на одно из серьезных препятствий развитию страны состоянию – «бессубъектности» [2, с. 5–19]. К главным симптомам бессубъектности В. Е. Лепский относит «блокировку рефлексии, неспособность адекватно воспринимать и оценивать сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиваться и самоидентифицироваться, отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими людьми, их реализовать. Личностный выбор, развитие – удел немногих, избранных (элиты, чиновников, бюрократии)» [2, с. 7]. Другими словами, новые вызовы пред-

полагают новые требования к участникам (субъектам) социальных изменений. Так современному этапу социального развития наиболее отвечают такие установки коллективов, групп и отдельных личностей как активность, стратегии достижения и предпринимательские, ориентация на успех, стремление к лидерству, самостоятельное определение траектории профессионального и личностного развития.

Очевидно, что не создать в современном мире ничего уникального там, где насаждаются серость, единомыслие и бездумное подчинение. Общество пассивных исполнителей, лишенное слоя инновационных, эффективных, профессиональных и ответственных управленцев вряд ли способно выдержать конкуренцию с обществами, где субъекты активны и самостоятельны. Надо понять, что сильная мотивация свободолюбия, совести и справедливости важное условие инновационного развития страны, всестороннего раскрытия потенциала специалиста.

Кризис это «переходное состояние», при котором имеющиеся средства достижения цели перестают работать. Возникает необходимость в свежем, инновационном взгляде. Кризис эту иллюзию как раз и разрушает. Первая реакция на кризис – будет только хуже.

Исследователи кризисных явлений в разных областях социального знания справедливо признают, что кризис естественное условие развития и прогресса. В нашем случае кризис сознания личности можно рассматривать как барьер и ресурс. Характерной чертой кризисного сознания является преобладание негативных реакций относительно существующей ситуации, сложившейся в обществе; утрата представлений субъекта о собственной идентичности. Человек утрачивает представления о самом себе, воспринимает созданные им вещи и организации как враждебные ему. Человеческий разум не справляется с обрушившимся на него информационным потоком, что вызывает у него повышенную тревожность и мучительные переживания.

Общим местом рассуждения о кризисе, чего бы он не касался стало упоминание о том, что в китайском языке слово «кризис» состоит из двух иероглифов: «опасность» и «благоприятная возможность». Другими словами, любой кризис содержит в себе возможность изменить дело к лучшему, содержит возможность позитивного разрешения. Авторитетные филологи-китаисты считают, что «благоприятные возможности» – это неточный перевод второго элемента иероглифа «кризис». По их мнению речь идет о «критической точке», но никак не указывает на позитив. Из этого следует, что кризис не всегда содержит возможность положительного решения [4, с. 405–406.]. Человеку хочется верить, что «критическая точка», «поворотный пункт», «перелом» это временное состояние, всегда есть надежда, что все меняется к лучшему. Люди стремятся к стабильности и безопасности, к постоянству во всем. Но они забывают, что постоянство исключает развитие, а безопасность иллюзорна. Кризис эту иллюзию как раз и разрушает.

Человек остается уязвимым перед лицом мощных социальных трансформаций, не успевает за динамикой внешних перемен, не всегда способен адекватно ответить на внешние вызовы. Можно предположить, что уязвимость человека повышается перед лицом стремительно изменяющегося мира, где вектор развития существенно поменялся от относительной стабильности к неопределенности (хаосу). Экономист и трейдер Нассим Николас Талеб для анализа состояния современного мира ввел понятие антихрупкость (англ. antifragility). Как противостоять хаосу, извлечь из него выгоду, антихрупкость обозначает способность к извлечению выгоды из неудач, потерь, ошибок; умение закаляться, развиваться и становиться сильнее при столкновении с хаосом. Хаос сегодня воспринимается как полная противоположность миру порядка. Неопределенность заставляет каждого человека адаптироваться к переменам, адекватно отвечать на вызовы времени. Спротивление кризису становится важной характеристикой сознания субъекта.

Совершенно справедливы слова Насима Талеба о том, что в мире, где царит неопределенность, нельзя желать большего, чем быть антихрупким, т. е. уметь при столкновении с хаосом жизни не просто оставаться невредимым, но и становиться лучше

прежнего, эволюционировать, развиваться. Получается, что хаос востребует от субъекта способность управлять своими страхами, научиться переплавлять его энергию в действия. Эта идея может стать вдохновляющим вектором развития как общества в целом, так и отдельной личности [3, с. 20, 32].

Важно понимать, что от человека требуется колоссальные затраты энергии, в условиях когда происходит разрыв между ожиданием и реальностью. Срабатывает спусковой механизм внутреннего сопротивления. Субъект верит, что чем он больше сопротивляется негативным явлениям, тем он сильнее. Но вполне возможно, то, чему он сопротивляется, сопротивляется ему в ответ с такой же силой. Одна из самых опасных реакций на кризисные события – апатия, растерянность и ступор. Кризис же нам дает целый ряд возможностей: можем изобретать альтернативные поведенческие стратегии, позволяющие адаптироваться к кризисной ситуации, находить сторонников и собеседников, показывать свою осведомленность в своей профессиональной области.

Как быть находясь в кризисной ситуации? Нужно начать думать о кризисе как о возможности. Мы видим то, что хотим увидеть. Если мы видим, что ситуация тупиковая, то мы находим этому доказательства. Если мы будем относиться к кризису как к возможности, то мы, скорее всего, увидим выходы из тупика. Начать задавать себе честные вопросы и честно отвечать. Начать спрашивать себя: «А что для меня действительно важно?», «Что мне необходимо сделать?», «Почему мне не выгодно бездействовать?», «Как мне повысить свою адаптивность?» – тем быстрее можно кризис миновать. Воспринимать кризис как время ответственного выбора, как готовность правильно реагировать на негативные стратегии и жизненные сценарии. Одним из важных навыков, который очень пригодится в такое время, является: умение управлять уровнем риска. Для субъекта кризис – это ситуация, которая требует от него новых решений и действий, а значит, и новых идей. Это приглашение к мозговому штурму, к проявлению креативности. Чтобы миновать кризис субъекту необходимо ответить на вопрос – откуда взять энергию на преодоление сложных периодов. Можно согласиться с А. Кочетковой, которая предлагает в качестве «выхода «запитать» свою личную энергосистему от высших целей. Они позволяют подключиться к энергетическому макроуровню – страны, цивилизации и т. д.» [1, с. 66–69]. В управлении кризисным сознанием личности важную роль играет мотивация, которая направлена на четкое осознание установок и ориентиров, позволяющих субъекту избежать негативных жизненных сценариев. Триада: мотивация, цели и ценности позволяют субъекту не только выживать в самых неблагоприятных условиях, но и сохранить душевное равновесие, обрести психическую устойчивость.

В условиях неопределенности повышается вероятность столкновения с нестандартными задачами. Необходимость принимать правильные решения связана с анализом состояния окружающей среды. Приходится постоянно думать, оценивать контекст, так как это способ получения важной информации в условиях неопределенности. Другими словами, прежде чем выстраивать индивидуальную стратегию жизни, необходимо дать оценку внешнему контексту, ответить на вопросы: Что представляет собой кризис? Какие сферы жизни он затрагивает? Каковы особенности самоидентификации молодежи к трудностям жизни? Знакомо ли вам чувство (переживание) кризиса сознания (жизненного кризиса, возрастного, профессионального)? Каковы признаки кризисного сознания, который вы когда-либо переживали? Эти и другие вопросы были заданы студентам, обучающимся на направлениях «Психология» и «Менеджмент» в 2018–2019 гг.

Так на вопрос: «С чем ассоциируется у Вас понятие “кризисное сознание”?» были получены следующие ответы: неуверенность в себе и в своих силах; тоска, уныние; барьерное чувство, когда хочешь перешагнуть препятствие, но не можешь, потому что не знаешь куда, зачем и что из этого выйдет. Нужно понять свою проблему, но не всегда получается. Искать адекватное ситуации решение. Попытаться ответить на вопрос: Как жить дальше? Необходимо приложить усилия, а не надеяться только на судьбу и пассив-

ное сопротивление обстоятельствам жизни. Важно отразить свои проблемы, Упорядочить свои мысли. Расставить приоритеты: власть – слава – деньги или что-то другое? К этому и стремиться в активном поиске. Если хочется тишины и покоя, тогда в тайгу к Агафье Лыковой.

Возникают ли у вас позитивные мысли, связанные с надеждой, что со временем все образуется, станет лучше? Приходит осознание, что жизнь полна не только радостных ситуаций, немало в ней драматизма и даже трагического. Живу не в розовых очках. Нужны определенные усилия, чтобы кризисное состояние использовать для возрождения, обновления, преобразования. Это удастся далеко не всем. Немало людей, которые ломаются под грузом внешних обстоятельств и внутреннего хаоса. У меня нет уверенности в преодолении трудностей.

На вопрос: «Что придает устойчивость индивидуальной картине мира, сознанию человека?» ответы студентов в полной мере отражают зрелость и глубину суждений: «любовь к жизни»; «любить ее так сильно, зная горькую правду о ней»; «есть вещи внутри человека, которые сильнее государства, правительства, общества»; «это вера в свою судьбу, следование своему пути и написание своей биографии»; «стержень сознания – моральные ценности»; «нет ничего дороже любви, творчества, жизни открытий»; «столько возможностей и как странно, что они не используются человеком в полной мере»; «он всегда найдет оправдание своей пассивности, лени, бессилия, глупости»; «самое существенное для мыслящего человека жить глубокой внутренней жизнью, не ожидая чудес от внешней среды» и т. д.

Описание кризисных явлений в общественной жизни и его связь с внутренними переживаниями и оценками является своеобразным «индикатором», репрезентирующим изменение общества, которое находится по-прежнему в активной стадии трансформации и изменение отношения субъекта к происходящему, осознание своей роли в этих процессах.

Ответы на вопросы показывает, что кризис оценивается с точки зрения субъекта, его восприятия, переживания и оценки. Только те события и ситуации, в которых заинтересован человек, могут быть определены как кризис, где нет человека или его интересов, там нет и кризиса. Даже природные кризисы наступают тогда, когда это угрожает человеку.

Мы считаем, что один из путей исследования явлений кризисного сознания личности, переживание субъектом внешнего кризиса предполагает постановку вопросов и последующего анализа содержания ответов на поставленные вопросы. Постановка вопросов имеет важное значение при использовании их для трактовки сознания как кризисного. Маркирующими признаками переживания кризисных явлений в сознании личности являются признание неуверенности, уязвимости. Следует подчеркнуть значимость содержания представлений о будущем для понимания настоящего.

Кризис рассматривается субъектом как закономерный процесс, развивающийся по определенным законам. Тем самым выражается оценка: кризис связан с трудностями, но он не страшен, его можно преодолеть или пережить.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что рост степени «кризисности» сознания в XXI в. проявился, во-первых, в увеличении негативных оценок кризисных явлений и состояний. Студенты пессимистичны в отношении будущего страны и общей ситуации в России. Во-вторых, в расширении возможностей его преодоления в зависимости от активности субъекта. Другими словами мотивация молодежи демонстрирует поведение и поступки зрелого субъекта, который ориентируется на стратегии достижения поставленных целей и не желает признавать бесперспективность своего положения. То есть студенческая молодежь верит в свои силы и готова к ответственному поведению, к преодолению апатии, социальных страхов, тревоги. В-третьих, в создание альтернативных стратегий и новых моделей управления и самоуправления в условиях неопределенности. Студенческая молодежь ориентируется на собственные силы, конкурентоспособность. В то же время отношение к кризисам стало более спокойным поскольку к кризисам привыкли и даже научились ими управлять.

Особое значение приобретает тремление и способность личности активно влиять на изменяющуюся среду путем создания новых стратегий поведения и деятельности. Сложность и динамическое развитие современного мира воспринимается как вызов, требующий творческого решения. Для каждого такого решения приходится каждый раз особым образом комбинировать различные элементы знания и разнообразные информационные ресурсы. Растет понимание того, что в информационном обществе способность изменять отношение с миром, учиться, предлагать нетривиальные решения проблем, становится важным конкурентным преимуществом.

Трансформация российского общества обостряет вопросы о необходимости сознательного выбора стратегии будущего и роли в этом процессе человеческих ресурсов, о возможном вкладе субъекта как активной преобразовательной силы, в какой бы области он не трудился. Актуализируется задача выявления потенциальных возможностей субъектной составляющей в движении к информационному обществу, к построению нового социокультурного пространства. Возможности субъекта следует рассматривать как реальную энергетическую силу социальных преобразований, определяющих будущее страны и самого человека.

Литература

1. Кочеткова А. Доктор Хаос // Бизнес-журнал. 2014. № 11. С. 66–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktor-haos> (дата обращения: 18.10.2020).
2. Лепский В. Е. Проблема субъектов российского развития // Проблема субъектов российского развития. Материалы международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16–19 окт. 2006 г., г. Звенигород. М. : Когито-Центр, 2006. 232 с.
3. Нассим Николас Талеб. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М. : КоЛибри. 768 с.
4. Черноиваненко Е. М. Логика человеческой жизни. М. : Изд-во АСТ, 2020. 480 с.

УДК 316.774

Е. В. Гольцова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОСТИ В МЕДИАЗЭКОЛОГИИ

Статья посвящена рассмотрению проблемы адаптации человека к современной информационной среде. Автор анализируется понятие и структура медийной среды и основные аспекты социально-экологического взаимодействия современного человека с медиа. Обозначены положительные и отрицательные моменты влияния факторов медийной среды на человека, сформулированы выводы об основных направлениях развития медиаэкологии в аспекте ее человекообразности.

Ключевые слова: медиаэкология, коммуникация, информационная среда, человекообразность, медиаполлютанты.

E. V. Goltsova

Irkutsk State University, Irkutsk

MODERN PROBLEMS OF HUMAN DIMENSION IN MEDIA ECOLOGY

The article is devoted to the problem of human adaptation to the modern information environment. The author analyzes the concept and structure of the media environment and the main aspects of the socio-ecological interaction of a modern person with the media. The positive and negative aspects of the influence of factors of the media environment on a person are indicated, conclusions are formulated about the main directions of the development of media ecology in the aspect of its human dimension.

Keywords: media ecology, communication, information environment, human dimension, media pollutants.

В современном мире возрастает актуальность исследований в области медиаэкологии – относительно новой отрасли социально-экологического знания. Глобальная цифровизация общества ведет к тому, что человеку становится все сложнее адаптироваться в современном информационном пространстве. Ситуация усугубляется такими иску-

ственно навязанными обществу компонентами как конкуренция, стремление к достижению и жажда потребления [1].

Медиаэкология (media ecology) представляет собой междисциплинарную область знаний на стыке социальной экологии и медийных наук, изучающую проблемы взаимодействия человека и информационной среды обитания. Основоположителем медиаэкологии является Маршалл Маклюэн, впервые представивший медиа как самостоятельную среду, которая является посредником между внутренним миром человека и социальным миром, в которой происходит взаимодействие индивидов, социальных групп и институтов. Маклюэн предложил новую парадигму для изучения медиа, в которой подчеркивалось значение среды, сформированной из медиа, как среды для ввода-вывода информации индивида во внешний мир и как фактор, связывающий человека с обществом [7]. Не смотря на неприятие идей Маклюэна консервативной академической средой XX в., сегодня уже можно признать, что медиаэкология существует как обширное научное поле, пока еще не имеющее четких границ, объекта, предмета и методологии.

В модели Маклюэна медиасреда имеет три основных свойства: эмерджентность, незаметность и перманентная изменчивость. Понятие эмерджентности медиасреды происходит от английского *emergence* – «возникновение», «появление нового». Оно проявляется в постоянной эволюции средств коммуникации, генерирующей все новые и новые идеи и технологии. Свойство незаметности проявляется в том, что человек в повседневной жизни не замечает всю медиасреду, которая связывает его с внешним миром, а «выхватывает» из ее общего фона отдельные «фигуры», составляющие его сферу внимания. Свойством перманентной изменчивости, с точки зрения Маклюэна, является постоянная трансформация любой медиасреды и трансформация ею социума [7].

Современная медиаэкология как научная школа представляет децентрализованную сеть, «разбросанную» между Америкой, Европой и Азией, имеющую центры и в странах СНГ. Из наиболее известных отметим представителей белорусской школы, В. П. Воробьева, и В. А. Степанова, которые исследовали предметное поле и междисциплинарные связи медиаэкологии [3]. Е. Гуртовая исследовала медиаэкологические аспекты современной визуальной коммуникации [6]. В Российских исследованиях медиаэкологии не уделяется должного внимания, хотя, в последние годы начаты исследования изменений медиасреды в регионах России, влияния на нее интернета, мобильной телефонии и спутникового телевидения. Проблемное поле медиаэкологии рассматривается в работах Е. А. Бондаренко и В. П. Чумаковой, изучавших медиаэкологические аспекты современной визуальной коммуникации и медиаэкологию личности [2; 9]. А. А. Гончарова исследовала деструктивное влияние современных «горячих» медиатехнологий (в том числе, социальных сетей) на взаимосвязь языка и мышления [5].

Социально-экологическое взаимодействие человека с медийной средой имеет четкие структурные связи. Вертикальная структура медиасреды, аналогично среде социальной включает макро-, мезо- и микроуровни. Рассмотрим все уровни медиасреды и соответствующие им задачи медиаэкологии.

На макроуровне воздействие на индивида оказывают информационная политика властей и крупные медиаструктуры: федеральные медиа, новостные и информационные каналы и сайты. Сюда также можно отнести ноосферогенез и инженерию глобальной медиасреды, обеспечение коэволюции человека и медиатехнологий. На данном уровне к задачам медиаэкологии относится осмысление социокультурных эффектов медиа и создание комплексной картины медиапроцессов, прогнозирование развития медиатехнологий, а также формирование «экоцентрического» информационного сознания. Мезоуровень включает структуры регионального и городского уровня – от городского сайта или библиотеки до крупных областных информационных ресурсов. На этом уровне медиаэкологию интересует развитие информационных экосистем с помощью ликвидации цифровой безграмотности и обеспечения доступности коммуникационных технологий, раз-

вития медийной культуры и медийного многообразия, создания сети коммуникаций и обратной связи. Микроуровень охватывает ближайшее информационное пространство индивида, где происходит адаптация человека к медийной среде и главной задачей медиаэкологии выступают минимизация негативного влияния рекламы и пропаганды, а также исключение манипуляции сознанием, порнографии и так далее [3].

Отдельно стоит сказать о «горизонтальной» системе взаимодействия человека с медийной средой. Здесь есть проблема, связанная с тем, что расширение способов освоения информации опережает процессы медиаобразования. Поэтому для успешной адаптации в медиасреде индивиду необходимо освоить ряд навыков и умений. В области обеспечения информационной безопасности личности необходимо грамотное владение навигацией, умение ориентироваться в медиапространстве и формировать «иммунитет» против медиавирусов и интернет-аддикций. В области поиска информации важно уметь составлять поисковые запросы и фильтровать информацию, сохранять и распространять ее в соответствии с нормами и правилами, принятыми в обществе. Область восприятия, понимания и интерпретации информации включает умение воспринимать концепцию, видеть скрытые смыслы медиатекста и формировать свое представление о полученной информации. В области медиатворчества необходимо учиться создавать собственные медиатексты. Наконец, при практическом освоении медиапространства важно соблюдать этику общения внутри него, понимать направленность диалога, различать провоцирующие воздействия, ощущать степень собственной погруженности в медиапространство и способы функционирования в нем на различных уровнях – от локальных чатов до глобальных информационных сетей.

Перечисленные выше медиаэкологические связи определяют необходимость формирования медиакультуры отдельного человека, особенно в молодом возрасте. Современные школьники и студенты нередко опережают преподавателей в умении пользоваться гаджетами и коммуникативными технологиями, но остаются беззащитными перед медийной зависимостью, поскольку не имеют «иммунитета» к различным коммуникативным воздействиям. В ситуации, когда проще «спросить у Википедии», чем у перегруженного учителя, авторитет последнего логично снижается, нарушаются «роли» и идентичности, – информационные системы заменяют человека, транслирующего информацию. Человек и гаджет меняются ролями – человек становится «приложением» к гаджету. При этом нарушается важнейший принцип человекообразности – человек становится не целью общественного развития, а средством достижения чьих-то целей. Жизнь современного человека, независимо от пола, возраста и других индивидуальных характеристик, в большей степени зависит от медиа. Ближайшее окружение индивида составляют не близкие люди и семейная микросреда, а различные субъекты из медиасреды: политики и шоумены, артисты и телеведущие, блогеры, коучи и форумисты. В таких условиях нужна серьезная подготовка человека к жизни в информационном обществе. Необходимо качественное медиаобразование, формирующее экологическое сознание людей в медиасреде. Проблему медиаобразования затрагивает Е. А. Бондаренко в статье «Медиаэкология: выбор пути». Она обозначает медиаэкологию как базовую стратегию формирования медийной культуры общества, формирующую мировоззренческие позиции, основанные на особом отношении к миру и понимании важности проблем функционирования и развития информационного пространства как новой области бытия человечества [2]. Стратегия должна предполагать некую совокупность действий, в то время как медиаэкология является научным направлением и действий не подразумевает. Поэтому не следует присваивать медиаэкологии излишние функции смешивать ее с медиаобразованием. Медиаэкология, на наш взгляд, может присутствовать в медиаобразовании как идеология, но не как стратегия.

В. П. Воробьев и В. А. Степанов видят в качестве объекта медиаэкологии медиэкосистемы – устойчивые комплексы, состоящие из людей, их сообществ и информаци-

онной среды обитания, связанные определенными взаимоотношениями, а к предмету медиаэкологии они относят закономерности и тенденции социально-психологического взаимодействия индивидуумов и социальных групп с информационной средой [3]. На наш взгляд, к предмету внимания медиаэкологии следует отнести важнейшее качество медиасреды, сочетающее в себе все факторы, благоприятные по отношению к человеку – ее человекообразность. Физический и физиологический аспекты данного термина рассматриваются в рамках медицины и гигиены. Нам же интересна его социальная составляющая, которая изначально интересовала социальных философов, затем постепенно попала в поле зрения социологии и социальной экологии, где стала рассматриваться в контексте социальной среды [4].

Человекообразная социальная среда не ограничивает развитие личности, а личность не дезорганизует среду. Медийная среда также должна иметь человекообразность, которая должна способствовать освоению медиаграмотности и формированию медиакультуры. И здесь главная проблема видится в формировании умения адаптироваться в медиасреде, в защите от воздействия медиатекстов на психику и мировоззрение человека. Человекообразность медиасреды, как и в целом, среды социальной, имеет отношение к системе человеческих потребностей, описанных Н. Ф. Реймерсом в своем фундаментальном труде [8]. Реймерс придавал информационным потребностям большое значение и, в отличие от А. Маслоу, относил их не к вторичным, а к первичным потребностям, обосновывая это тем, что лишение человека адекватной информации нередко приводит к органическим заболеваниям. Информационные потребности зависят от пола и возраста, места жительства, исторических моментов, а также от других качественных и количественных, пространственных и временных характеристик человека, потому, что информационная составляющая есть в любом из объектов и явлений внешнего мира.

Важным аспектом медиаэкологии является то, что человек, потребляющий определенные информационные продукты, насыщается ими и у него появляется потребность создания и потребления нового. Этот объективный процесс приводит к новым потребностям и стремлению к компенсации их чувственного неудовлетворения. Например, громкая музыка, вызывающая состояние звукового опьянения и «экстаза», является «эстетической» потребностью с вредным эффектом. К таким же потребностям относятся потребность в алкоголе, наркотиках и т. д.

Смена потребностей происходит тогда, когда исторически сложившаяся материальная и духовная среды не совпадают с вводимыми новациями. Традиционные ценности быстро теряют актуальность и «мир вещей» меняется еще быстрее. Так произошло с ушедшим в прошлое «бумажным письмом» и телеграммой, замененными сначала сообщениями пейджера, а затем смс-сообщениями. Произошло это благодаря той самой человекообразности, которая проявляется в том, что удобно, комфортно и безвредно для человека. Если критерии человекообразности нарушаются, то человек начинает искать способы удовлетворения своих потребностей в недалеком прошлом. Так возникает деструктивная «ностальгия по прошлому», агрессивность по отношению к другим, крайний национализм и иные черты, относимые к социальным отклонениям.

Человекообразность и эстетика мира зависят от культурного развития человека, степени его информированности, детского запечатления природного и культурного разнообразия. Появление телевизора, кино и интернета, расширение зрительного кругозора людей создало широкое поле выбора. Эстетические потребности в системе нужд человека относятся к вторичным потребностям и представляют сложный комплекс необходимой компенсаторной информации элементарного и вторичного характера, вызывающей эмоциональный отклик. В системе потребностей человека материально-энергетические и информационные факторы, как неотрывные друг от друга, рассматриваются в единстве.

В условиях изоляции, вызванной пандемией коронавируса, когда медиасреда становится естественной и преобладающей средой обитания и коммуникации человека,

усиливается опасность негативного воздействия факторов этой среды на физическое, психическое и социальное здоровье человека. Физическое здоровье «человека медийного», о котором говорил Маклюэн, страдает уже от одного малоподвижного образа жизни. Монотонные и статичные нагрузки, получаемые при манипуляциях с устройствами, напряжение в плечевых, локтевых и пальцевых суставах, мышцах рук и шеи, не могут не влиять на соматическое здоровье. Нарушение сна, уменьшение его продолжительности и невозможность оторваться от экрана ведут к перегрузке психики, а все факторы в совокупности воздействуют на социальную жизнь человека, превращающегося в «приложение» к гаджету. Особенно заметны нарушения на уровне социальной микросреды: в семейных отношениях это нарушения общения между супругами, родителями и детьми, бабушками и внуками. В трудовой среде – нарушения горизонтальных и вертикальных связей между коллегами, имеющими разный уровень медийной «зависимости» или вовлеченности. Также следует учитывать факторы медиасреды, генерируемые самим медийным человеком: распространение слухов и псевдомедицинских советов, отрицание пандемии и ковид-диссидентство. Все эти факторы объективно засоряют информационную среду и становятся медиаполлютантами.

В таких условиях защита медиасреды становится не менее важной, чем защита окружающей природной среды. Природная составляющая среды человека представляет комплекс факторов, включающий естественно-географические условия существования (климат, воздух, почва и растения, животный мир и т. д.), существующий неким относительно постоянным фоном, не вызывающим особого дискомфорта. Современная медиасреда, обеспечивающая доступность и своевременность информации и содержание информационного потока, более изменчива. Она имеет свои факторы, оказывающие на человека сильное и далеко не всегда благоприятное воздействие. Светящиеся значки, мигающие смайлы, движущиеся изображения являются эффективными в передаче смыслов и эмоций, но могут стать раздражающим фактором. Устройства и технологии становятся все более «быстрыми» и эргономичными, приятными глазу и слуху, но длительный контакт с ними ведет к определенным физическим и психологическим перегрузкам, которые далеко не всегда полезны человеческому организму и человеческой личности. Плотность информационного потока и его эмоциональная окраска также могут оказывать негативное воздействие и вызывать социально-психологическое напряжение. Например, включение рекламных заставок всегда сопровождается резким увеличением уровня громкости, что является проявлением агрессивности медиасреды. Одним словом, несмотря на то что медиасреда в целом антропологична, далеко не все ее составляющие человекообразны. Поэтому необходима разработка человекообразной модели, которая может быть использована для оценки качества и экологизации факторов существующей медиасреды. Также в рамках предмета медиаэкологии необходимы исследования взаимосвязей индивида и медиасреды, направленные на минимизацию негативных эффектов и достижения их продуктивного взаимодействия, развития толерантности мышления и терпимости по отношению к «инакому мнению и бытию». Моделирование медиасреды может быть полезным и для медиаобразовательной работы в сфере обеспечения информационной безопасности личности. Перегруженный информацией человек все глубже затягивается в «медиасети» фактически становясь их «рабом». Интернет-зависимость, медиавирусы, кибербуллинг, троллинг, проблемы нарушения конфиденциальности информации существенно снижают информационную безопасность. Медиаэкология должна помочь человеку правильно взаимодействовать с медийной средой, умело ориентироваться в ней, приобретать навыки чтения, переработки и анализа информации, получаемой из разных источников, критически осмысливать и оценивать ее, а также уметь организовывать эту среду в соответствии со своими потребностями.

Литература

1. Баранов В. А. Человекоразмерность как регулятивная основа бытия // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3 (8). С. 116–121.
2. Бондаренко Е. А. Медиаэкология: выбор пути // Медиа. Информация. Коммуникация. 2017. № 23. URL: <http://mic.org.ru/2017g/23-nomer-2017/665-mediaekologiya-vybor-puti> (дата обращения: 12.10.2020).
3. Воробьев В. П., Степанов В. А. Проблемное поле медиаэкологии: опыт демаркации научного направления // Вестник БГУ. Сер. 4. 2011. № 2. С. 86–90.
4. Гольцова Е. В. К вопросу о человекоразмерности социальной среды // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 239–244.
5. Гончарова А. А. Деструктивное влияние социальных сетей на взаимосвязь языка и мышления в контексте медиаэкологии // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 65–71.
6. Гуртовая Е. А. Визуальная коммуникация : учеб.-метод. пособие. 2019. С. 89–91.
7. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. 2013. С. 81–82.
8. Реймерс Н. Ф. Экология: теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М. : Россия молодая, 1994. 364 с.
9. Чумакова В. П. Роль Герберта Маршалла Маклюэна в социологии медиа и формировании научного направления «медиаэкологии» // Медиаскоп. 2015. Вып. 1. URL: <http://mediascope.ru> (дата обращения: 12.10.2020).

УДК 364.04

Т. Н. Кобизь

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируются проблемы семей в Смоленской области и рассматриваются вопросы организации социальной и социально-педагогической помощи и поддержки, определяется значение социально-медицинской помощи данной категории населения.

Ключевые слова: семья, социально-педагогическая поддержка, социальная работа.

T. N. Kobiz

Smolensk State University, Smolensk

ANALYSIS OF FEATURE OF SOCIAL AND SOCIO-PEDAGOGICAL ASSISTANCE AND FAMILY SUPPORT: REGIONAL ASPECT

The article analyzes the problems of families in the Smolensk region and discusses the organization of social and socio-pedagogical assistance and support, determines the importance of social and medical care for this category of the population.

Keywords: family, social and pedagogical support, social work.

Проблемы семьи становятся очень актуальными на современном этапе развития общества. Трансформация социально-экономических условий жизни, поляризация доходов привела к глубокой дифференциации российского общества, обеднению и даже обнищанию определенной части населения. Обострение социально-экономических проблем тяжело отразилось на состоянии практически всех групп и слоев населения и, в первую очередь, на семьях. Проблемы детского и семейного неблагополучия, к сожалению, являются также актуальными и в Смоленской области. Почти треть семей с детьми, проживающих в Смоленской области можно отнести к малообеспеченным.

Для того чтобы уточнить проблемы семей в Смоленской области нами было проведено анкетирование семей, из которых 28 – с одним или двумя детьми (56 %), 6 – неполных семей (12 %), 5 – с ребенком-инвалидом (10 %), 11 – многодетных (22 %) (табл. 1).

В ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Какие проблемы повседневной жизни актуальны для семьи?». Ответы свидетельствуют о том, что причинами тревог смоленских семей являются: высокие цены на продукты, товары, услуги; низкие заработки, неблагополучное материальное положение семьи; постоянный рост тарифов на коммунальные и транспортные услуги.

Таблица 1

Актуальные проблемы семей Смоленской области

Варианты ответов	% от числа опрошенных
Высокие цены на продукты, товары, услуг	86 (43 чел.)
Низкие заработки, неблагоприятное материальное положение семьи	32 (16 чел.)
Постоянный рост тарифов на коммунальные и транспортные услуги	44 (22 чел.)
Ощущение незащищенности, безразличие со стороны государства, общества	52 (26 чел.)
Состояние здоровья, отсутствие возможностей для хорошего лечения	8 (4 чел.)
Ограниченные возможности дать детям хорошее образование	4 (2 чел.)
Плохие жилищно-бытовые условия	12 (6 чел.)
Проблемы в воспитании детей	
Сочетание работы с уходом за ребенком	4 (2 чел.)
Отношения в семье	2 (1 чел.)

Кто же окажет помощь и поддержку семье? На помощь кого она может сегодня рассчитывать? В табл. 2 представлены результаты исследования о субъектах поддержки. Среди опрошенных 2 чел. (4 %) ответили, что они могут рассчитывать на помощь органов региональной власти, 1 чел. (2 %) – на органы государственной власти страны, тогда как социально-педагогические и психологические центры, как субъекты, которые могут оказать помощь, не был названы совсем. Таким образом, в качестве основного помощника в решении проблем семьи респонденты называют своих родственников.

Таблица 2

Субъекты социально-педагогической помощи и поддержки

Варианты ответов	% от числа опрошенных
Родственники	60 (30 чел.)
Учреждения социальной защиты	16 (8 чел.)
Друзья	38 (19 чел.)
Органы власти региона	4 (2 чел.)
Органы государственной власти страны	2 (1 чел.)
Социально-педагогические центры	
Сам справляюсь с проблемами	78 (39 чел.)

В русле исследуемой проблемы нас интересовало также мнение респондентов по вопросу государственной поддержки семьи (табл. 3).

Таблица 3

Роль государства в оказании помощи и поддержки семьям

Варианты ответов	% от числа опрошенных
Государство должно заботиться обо всех семьях, гарантировать им минимум материальных и социальных благ	30 (15 чел.)
Государство должно помогать только тем, кто сам не в состоянии обеспечить прожиточный минимум (старикам, инвалидам и пр.)	10 (5 чел.)
Государство должно помогать семьям научиться жить самостоятельно, без посторонней помощи (содействовать трудоустройству, обучению, организации семейного бизнеса и т. д.)	38 (19 чел.)
Надо надеяться не на государство, а на себя, самим обеспечивать жизнь семьи	22 (11 чел.)

При сравнении данных, представленных в табл. 2 и 3, получаются такие результаты: так, всего лишь 22 % опрошенных утверждают, что надо надеяться не на государство, а на себя, а в реальной жизни, когда возникают трудности, 78 % смоленских семей сами справляются с проблемами.

Проведенный анализ проблем современной семьи позволил сделать выводы, что современные условия серьезным образом оказывают влияние на состоянии семьи. В этой ситуации следует прилагать максимальные усилия по оказанию социальной и социально-

педагогической помощи и поддержки семье со стороны государственных и общественных структур, а самим семьям активнее включаться в решение собственных проблем.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что принятые меры по социальной поддержке в Смоленском регионе, пока недостаточны.

При этом ряд принятых мер по поддержке семей уже показали определенные положительные результаты, а именно:

- при устройстве детей, лишившихся по тем или иным причинам родителей, в регионе стали считать приоритетной такую форму, при которой дети проживают в семьях граждан (усыновителей, приемных родителей и т. д.)
- в региональных средствах массовой информации развернута работа по популяризации семейных ценностей, семейного устройства детей-сирот, детей-инвалидов.

Однако, несмотря на это, требуется поиск новых эффективных действий и мероприятий, направленных на оказание социальной и социально-педагогической поддержки семье. Необходим постоянный мониторинг, обеспечивающий информацией о степени сохранения способности семей к самостоятельному решению тех проблем, которые возникли в современных условиях. Только в этом случае можно оказать своевременную адресную поддержку конкретным семьям с учетом имеющихся у учреждений социально-педагогической поддержки и защиты населения возможностей.

Анализ региональных особенностей социально-педагогической поддержки семей, проводившийся в ходе организации эксперимента, позволил выделить наиболее существенные проблемы этой деятельности. Прежде всего, обращает на себя внимание межведомственная разобщенность государственных, социальных, педагогических учреждений, в функции которых входит социальная и социально-педагогическая поддержка, а также их недостаточное количество. Кроме того, следует обратить внимание на низкий уровень заработной платы специалистов учреждений социальной защиты. Анализ работы учреждений социальной защиты и поддержки семьи в Смоленском регионе показал, что без согласования их деятельности и единых требований к оказанию помощи и поддержки семье, невозможно добиться ее эффективности. Это, в свою очередь, определяет необходимость оптимизации системы социально-педагогической поддержки семьи в регионе.

Литература

1. Арсеньева О. Ю., Краско М. Г. Развитие социальной поддержки семьи в современных социально-экономических условиях: региональный аспект // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 1/2 (64). С. 18–27.
2. Петрякова О. Л. К вопросу анализа влияния социально-экономических факторов на институт семьи в РФ // Экономика, статистика и информатика. 2010. № 2. С. 104–108.

УДК 316

А. Н. Данилов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ В ВЫБОРЕ ПУТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

В статье раскрывается, что будущее многовариантно, мир стал аномичным, вступил в период глобальной нестабильности и неустойчивости, формируется новая модель цивилизационного развития. Обосновывается, что мир ускориł свой ритм жизни, стали происходить события, которые явно отклоняются от существующих норм, не вкладываются в существующую логику. Автор утверждает, что выбор будущего развития происходит в сфере культуры и не задан однозначно, новые ценности зарождаются в недрах старой культуры и формируют ростки устойчивого развития будущей цивилизации.

Ключевые слова: ценностный конфликт, культура, многовариантность будущего, выбор пути, устойчивое развитие.

VALUE CONFLICT IN THE CHOICE OF THE WAY OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

The article reveals that the future is multivariant, the world has become anomalous and has entered the period of global instability and that a new model of civilizational development is being formed. It substantiates that the world has accelerated the pace of life; we witness events that deviate from existing norms and do not follow the traditional logic. The author claims that the choice of the future development lies in the sphere of culture and is not set uniquely, new values are born in the depths of old culture and they form sprouts of sustainable development of the future civilization.

Keywords: value conflict, culture, multivariant future, choice of the way, sustainable development.

Наше будущее не задано однозначно...

В связи с тем, что будущее не задано однозначно возникает вопрос: «Как создается будущее, каков механизм возникновения новой цивилизации?». Ответ на этот не простой вопрос следует искать в ценностном конфликте в недрах национальной культуры, где в диалоге с мировой культурой формируются новые жизненные смыслы. «Надо искать точки роста новых ценностей внутри самой техногенной цивилизации», – писал В. С. Стёпин [6, с. 740]. Причем, на его взгляд, «...основания культуры, представленные мировоззренческими универсалиями, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. Подобно тому, как порождение новых видов организмов невозможно, если не происходит генетических трансформаций, изменяющих геном организма, так и возникновение новых видов общества, новых типов социальности предполагает изменение фундаментальных жизненных смыслов, представленных универсалиями культуры, их преобразование» [6, с. 726].

В. С. Стёпин проводит аналогию между биологическими организмами, опыт приспособления которых фиксируется в их наследственных генетических кодах, в совокупности представляющих генофонд жизни, и общественной жизнью, где таким генофондом является культура. Причем ее основания, т. е. мировоззренческие универсалии, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. Естественно, что культура, все больше ассоциируется со средой сохранения и возможной передачи духовного цивилизационного наследия.

Время содержательно меняет матрицу ценностей, изменяется и механизм их формирования, институты влияния, человека, со своими поведенческими предпочтениями и установками, информационной средой обитания. С современной информационной коммуникационной революцией радикально изменился сам механизм восприятия и влияния информации. Современное развитие показывает, что трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергнуться быстрому перемене. Они продолжают влиять друг на друга и могут в процессе приспособления к новым требованиям вызывать кризис человека и системы.

Выход из этого болезненного состояния лежит на путях адаптации к меняющемуся миру. В. С. Стёпин отмечает: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [7, с. 10]. Понимание этого процесса, позволяет сделать вывод о том, что трансформация традиции осуществляется с развитием образования, науки и культуры. К тому же национальные интересы не вытесняют иные культурные ценности, с которыми исторически или духовно связаны. Следовательно, основания культуры – мировоззренческие универсалии, которые осуществляют селекцию опыта, как бы отбирают то, что достойно культурной трансляции, а также образуют категориальный строй сознания людей той или иной эпохи. Они же создают целостный образ жизненного мира человека, выражающий отношение к действительности.

Наполнение новым содержанием существующих ценностей – результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, которые отражают состояние культуры, как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося нового цивилизационного опыта. В результате возникают мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты активной части общества. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание. Почвой же, где «завязываются» точки роста нового, где обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются, является наша действительность, социальная жизнь человека.

Итак, универсалии культуры одновременно выполняют, по меньшей мере, три взаимосвязанные функции в человеческой жизнедеятельности. Во-первых, они обеспечивают своеобразную сортировку многообразного, исторически изменчивого социального опыта, рубрицируют его соответственно смыслам универсалий культуры в своеобразные кластеры. В таком виде он включается в процесс трансляции и передается от человека к человеку, от одного поколения к другому. Во-вторых, универсалии культуры выступают базисной структурой человеческого сознания, их смыслы определяют категориальный строй сознания в каждую конкретную историческую эпоху. В-третьих, взаимосвязь универсалий образует обобщенную картину человеческого мира, то, что принято называть мировоззрением эпохи. Эта картина, выражая общие представления о человеке и мире, вводит определенную шкалу ценностей, принятую в данном типе культуры, и поэтому определяет не только осмысление, но и эмоциональное переживание мира человеком [6, с. 79–80].

Во всех этих функциях смыслы универсалий культуры должны быть усвоены индивидом, стать внутренней конвой его индивидуального понимания мира, его поступков и действий. На этом уровне смыслы универсалий культуры конкретизируются с учетом групповых и индивидуальных ценностей. Причем даже в устойчивых состояниях социальной жизни универсалии культуры могут допускать очень широкий спектр конкретизаций, дополняться ценностями противоположных по интересам социальных групп и не утрачивать при этом своих основных смыслов.

Люди всегда вкладывают в универсалии культуры свой личностный смысл соответственно накопленному жизненному опыту. В результате в их сознании картина человеческого мира обретает личностную окраску и выступает в качестве их индивидуального мировоззрения. Индивидуальная вариативность мировоззренческих установок является важной предпосылкой для изменения и развития фундаментальных смыслов универсалий культуры. Преобразование базисных смыслов универсалий культуры и соответственно изменение типа культуры всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо означают трансформацию не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций.

В. С. Стёпин акцентирует внимание: «Чтобы найти выход из кризисов, необходимо радикальное изменение предшествующей стратегии цивилизационного развития. Такое изменение, в свою очередь, требует трансформации базисных ценностей. Они неразрывно связаны с фундаментальными жизненными смыслами, составляющими содержание концептов культуры, ее мировоззренческих универсалий – “человек”, “природа”, “человеческая деятельность”, “личность”, “рациональность”, “власть”, “добро”, “зло”, “справедливость”, “свобода” и т. д.» [6, с. 762].

Прав Л. И. Абалкин, который утверждал, что «будущее человечества не задано однозначно. Оно всегда многовариантно. От научной элиты и представителей культуры во многом зависит то, какой вариант станет реальностью <...> Будет ли это господство одной супердержавы или взаимодействие, основанное на взаимопонимании, учитывающее особенности традиций и культуры цивилизаций?» [1, с. 20–21]. В этой ситуации приори-

тет культуры в формировании идеала будущего обозначился вполне конкретно. Хотя, так получилось, что гуманитарные науки запаздывают в осмыслении слишком быстрых и глобальных перемен. «Важно осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития», – писал В. С. Стёпин [6, с. 737]. Со сменой типов цивилизационного развития должна возникнуть новая система ценностей, новая духовная матрица, регулирующая человеческую жизнедеятельность.

Ценностный конфликт неизбежен...

Переход к принципиально новому типу цивилизационного развития по сути своей – необратим. Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы. Его рождает ценностный конфликт, где новые ценности формируются в недрах старой культуры. В. С. Стёпин, писал, что «сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития» [7, с. 11].

Следует иметь в виду, что в любом обществе постоянно возникает потребность в переменах и власть должна улавливать эти импульсы, искать адекватный ответ, чтобы намечившиеся точки роста нового воплотились в жизни. Но, чтобы общество перешло в новое состояние, нужны ориентиры, цели, которые большинство желало бы достигнуть...; и новые герои должны вести к новым высотам, сознательно нести свой нелегкий крест, быть нравственным, моральным примером, подчас жертвуя собой. Новое состояние цивилизации – это крутой поворот в развитии ее ценностного содержания. А. А. Гусейнов писал: «Советская «Атлантида» ушла под воду. И мы там, где находятся все народы, – в суровой реальности, где бал правит частный интерес и где каждый за себя» [2, с. 434]. «Поражает другое. Все сколько-нибудь серьезные исторические изменения... сопровождалось интеллектуально-духовными прорывами. Достаточно назвать всплеск в поэзии, литературе, кино, философии, порожденные хрущевской оттепелью. А сейчас? Произошли фундаментальные изменения строя жизни, положения ... в мире – и никакого отзвука на высших этапах сознания... Надо задуматься: что собой представляют, куда ведут преобразования, которые осуществляются без вдохновения, без мысли и чувства?» [2, с. 451]. «...Для сдавшейся армии поэты не слагают гимнов, композиторы не пишут маршей» [2, с. 452]. «Будущее не падает с неба, оно делается сейчас» [2, с. 468].

В последнее время мы все чаще утверждаем, что в настоящее время в мире нет образца для подражания в государственном строительстве. И это действительно так. Кончилось время слепого подражания успешности, зажиточности, успеху. Сама постановка вопроса в такой плоскости сейчас выглядит как-то унизиительно. Никакая, даже супер современная модель развития не состоится, если не будет опираться на национальную культуру. Все более привлекательной и понятной становится понимание того, что каждая культура равноценна всем другим, она самодостаточна по определению.

А. В. Смирнов утверждает: «Человечество – сумма таких культур, поэтому нет общечеловеческой культуры (к которой восходят все другие), есть лишь всечеловеческая – как сумма высших достижений всех культур, но не воплощенная в какой-либо одной культуре и цивилизации. Претензии какой-либо культуры на исключительную общечеловеческую значимость абсурдны. Современный глобализм тем и опасен, что пытается внедрить в сознание идею общечеловеческой значимости европейской культуры» [5, с. 204]. Вот почему, в настоящее время культура стала все больше ассоциироваться со средой сохранения и возможной передачи культурного цивилизационного наследия.

Носителями культуры считались, прежде всего, представители гуманитарной интеллигенции, что было связано как раз, с одной стороны, с «длительным характером отбора культурных ценностей, а с другой – с тем, что наука всегда носила более прагмати-

ческий характер, изменения в ней происходили быстрее и большая часть ее ценностей не успевали закрепляться как общекультурные. <...> В культурном смысле этот консерватизм оправдан, так как позволяет сохранить общезначимый фундамент культуры, не позволяя изменить систему ценностей под влиянием возникновения новых представлений, не успевших пройти «культурную обработку». Ценности культуры имеют свойство приращения, тогда как новые научные открытия часто базируются на отрицании предшествующих» [4, с. 89–90]. Культура в свою очередь – динамичная система. <...> «... сам принцип динамичности как характеристика резкого убыстрения процессов изменения внутри культуры обнаруживается лишь в наше время» [4, с. 90]. «В рамках глобальной культуры существует опасность внешнего расширения диалога, но не на основе обогащения культуры. ...Это будет общение ради общения – без насыщения смыслами» [4, с. 94].

Культура все же не застывшая система, хотя и достаточно консервативная. Если общество входит в стадию динамического хаоса, изменения традиционных ценностей просто неизбежны. Наступает очень ответственный момент «критики и отбрасывание некоторых «старых» ценностей». Здесь есть большая опасность – уйти от традиции и возвести в новый культурный статус ценности «псевдокультурные» или «внекультурные», тем самым открыть путь для разрушения основ культуры. И если учесть, что процесс замены зачастую происходит без должной адаптации к традиционной знаковой системе ценностей, то кризис неизбежен. Итак, разрушаются старые ценности, сжимаются временные рамки. Миронов В. В. в своей работе пишет: «Сжатие временных рамок изменений не позволяет новым символам и знакам адаптироваться к традиционным ценностям. В результате нарушается синхронизация культуры, новообразования в ней появляются очень быстро, люди не успевают адаптироваться, им некогда впитывать новые ценности, соотнося их с предшествующими» [4, с. 97–98]. Но с другой стороны «из-за постоянно растущих темпов перемен вы не сможете с уверенностью определить, что передают вам взрослые: мудрость, неподвластную времени, или устаревшие предрассудки» [9, с. 321].

Выход из этой ситуации В. А. Лекторский видит в сохранении национальных культур. В частности он пишет, что «противостоять расчеловечиванию человека и культуры можно только в том случае, если мы сумеем сохранить традиционные человеческие ценности и вместе тем адаптировать их к современным реалиям, в том числе к вызовам, которые созданы развитием науки и технологий. А традиционные ценности существуют и транслируются от поколения к поколению в рамках существующих национальных культур» [3, с. 619–621].

В условиях столь динамичных изменений, глобальных вызовов, найти возможность защитить традиционные культурные ценности, значит защитить национальные интересы своей страны. Национальная идентичность прививается и закрепляется в культурном коде гражданина страны, которой он хочет гордиться и принимает как свою единственную Родину. Постсоветский мир проходит этот сложный путь больших испытаний, связанный с укоренением новой государственности, осознанием населением собственного суверенитета, выстраиванием национальной идентичности. Сегодня культурные основы людей укрепляет надежда на то, какой бы в будущем они хотели видеть свою страну. Людей ведут в будущее «идеалы, связанные с мечтой о справедливом обществе, с обеспечением стабильности, с надеждой на возвращение... к национальным традициям» [8, с. 179].

Вот почему, страна, где преобладают люди, ничего не знающие о своей истории, не увлеченные величием собственной культуры, не в состоянии воспринять жизненный опыт предшествующих поколений, ее традиции и ценности, обречена прозябать на обочине цивилизации. Сегодня решение проблемы адекватного ответа на новые глобальные вызовы времени, развитие национальной культуры, которая естественным образом находится в диалоге с мировой культурой, формирование новых жизненных смыслов и ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития.

Литература

1. Абалкин Л. И. Поиск путей взаимопонимания цивилизаций // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб. : СПбГУП, 2009.
2. Гусейнов А. А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб. : Изд-во СПбГУП, 2012. 848 с.
3. Лекторский В. А. Человек и культура. СПб. : СПбГУП, 2018.
4. Миронов В. В. Современные трансформации в культуре. СПб. : СПбГУП, 2011. 128 с.
5. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М. : Садра : Издат. дом ЯСК, 2019.
6. Стёпин В. С. Человек. Деятельность. Культура. СПб. : СПбГУП, 2018. 800 с.
7. Стёпин В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.
8. Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
9. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М. : Синдбад, 2019.

УДК 008:331.52(571.3)

Н. В. Рудакова, К. Р. Кузнецова

ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», г. Иркутск

КАДРОВАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ОТРАСЛИ КУЛЬТУРЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Представлены результаты мониторингового исследования по выявлению актуальных вакантных должностей в областных и муниципальных учреждениях культуры Иркутской области. Определены виды учреждений культуры, в большей степени испытывающие дефицит кадров, выявлены наиболее востребованные вакантные должности в учреждениях культуры региона с учетом предъявляемых требований к уровню образования по имеющимся вакантным должностям.

Ключевые слова: культура, вакансии, потребность в кадрах, учреждения культуры Иркутской области, уровень образования, дефицит кадров.

N. V. Rudakova, K. R. Kuznetsova

Irkutsk educational and methodical center of culture and art «Baikal», Irkutsk

PERSONNEL NEEDS IN CULTURAL ORGANIZATIONS IN THE IRKUTSK REGION: RESULTS OF A MONITORING STUDY

The paper presents the results of a monitoring study to identify current vacancies in regional and municipal cultural institutions of the Irkutsk region. Defined types of cultural institutions, increasingly experiencing a shortage of staff, found out the most popular posts in the cultural institutions of the region, taking into account the requirements to the level of education in the existing vacancy.

Keywords: culture, vacancies, need for personnel, cultural institutions of the Irkutsk region, level of education, shortage of personnel.

В целях оценки кадрового потенциала учреждений культуры, а также системного анализа происходящих в кадровой структуре изменений, отделом аналитики и мониторинга Иркутского областного учебно-методического центра культуры и искусства «Байкал» произведен сбор и анализ данных о вакансиях в государственных и муниципальных учреждениях культуры Иркутской области по состоянию на 15.04.2020 [2].

В мониторинге приняли участие 35 государственных учреждений культуры и муниципальных учреждения культуры 42 муниципальных образований Иркутской области. Информация об отсутствии вакансий получена от 17 государственных учреждений культуры Иркутской области (49 % от общего числа государственных учреждений культуры региона). Из общего числа муниципальных образований об отсутствии вакансий в учреждениях культуры сообщил Катангский район. Сведения об актуальных вакантных должностях были получены от 182 учреждений культуры Иркутской области – 18 государственных учреждений и 164 муниципальных учреждений культуры из 41 муниципального образования.

Государственные учреждения культуры, имеющие вакантные должности (18 ед.), распределились следующим образом:

- театры – 5 ед. (27,7 %);
- учреждения среднего профессионального образования – 4 ед. (22,2 %);
- музеи – 3 ед. (16,6 %);
- концертные организации – 2 ед. (11,1 %);
- иные учреждения – 2 ед. (11,1 %);
- библиотеки – 1 ед. (5,5 %);
- культурно-досуговые учреждения – 1 ед. (5,5 %).

Таким образом, среди государственных учреждений культуры, нуждающихся в кадрах, преобладают театры и учреждения среднего профессионального образования, доля которых составляет 50,0 %.

Муниципальные учреждения культуры, имеющие вакантные должности (164 ед.), распределились в следующем порядке:

- культурно-досуговые учреждения – 97 ед. (59,1 %);
- учреждения дополнительного образования детей – 56 ед. (34,1 %);
- библиотеки – 8 ед. (4,9 %);
- музеи – 1 ед. (0,6 %);
- театры – 1 ед. (0,6 %);
- концертные организации – 1 ед. (0,6 %).

Среди муниципальных учреждений культуры, нуждающихся в кадрах, преобладают культурно-досуговые учреждения и учреждения дополнительного образования детей, доля которых составляет 93,2 %.

Учитывая, что в Иркутской области насчитывается 1763 учреждения культуры (35 государственных и 1728 муниципальных учреждений культуры), вакансии имеют 10,3 % учреждений культуры региона (каждое второе государственное учреждение и 9,5 % муниципальных учреждений культуры Иркутской области). Общее количество вакантных должностей составило 346 ед., из них 72 вакантные должности (21 %) приходятся на государственные учреждения культуры, 274 (79 %) – на муниципальные учреждения культуры. В среднем на одно государственное учреждение культуры, заявившее о наличии вакансий, приходится по 4 вакантных должности. В среднем на каждый муниципальный район приходится по 7 вакантных должностей, а на каждое из 164 муниципальных учреждений культуры, заявивших о наличии вакансий, в среднем приходится по 2 вакантных должности. Общее число свободных ставок составило 371,92 ед., из них 90 ед. в государственных учреждениях культуры (24 %), 282,95 ед. – в муниципальных учреждениях культуры (76 %).

Государственные учреждения культуры

72 вакантные должности в государственных учреждениях культуры (18 ед.) распределились в следующем порядке:

- театры – 33 вакансии (45,8 %);
- концертные организации – 11 вакансий (15,4 %);
- учреждения среднего профессионального образования – 8 вакансий (11,1 %);
- иные учреждения – 8 вакансий (11,1 %);
- музеи – 6 вакансий (8,3 %);
- культурно-досуговые учреждения – 5 вакансий (6,9 %);
- библиотеки – 1 вакансия (1,4 %).

Таким образом, 61 % вакансий в государственных учреждениях культуры приходится на театры и концертные организации.

Перечень государственных учреждений культуры, в которых существует дефицит работников, включает в себя:

- 1) ИО ГБУК театр-студия «Театр Пилигримов» – 10 вакансий;

- 2) ГАУК Иркутская областная филармония – 10 вакансий;
- 3) ОГАУК Иркутский областной музыкальный театр имени Н. М. Загурского – 9 вакансий;
- 4) ГБУ ДПО ИОУМЦКИ «Байкал» – 7 вакансий;
- 5) ОГАУК Иркутский академический драматический театр имени Н. П. Охлопкова – 7 вакансий;
- 6) ГАУК Иркутский областной театр юного зрителя имени А. Вампилова – 6 вакансий;
- 7) ГБУК «Иркутский областной Дом народного творчества» – 5 вакансий;
- 8) ОГПОБУ Иркутское театральное училище – 4 вакансии;
- 9) ГБУК Иркутский областной художественный музей имени В. П. Сукачева – 3 вакансии;
- 10) ГБПОУ ИО «Братское музыкальное училище» – 2 вакансии;
- 11) ИОГАУК Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» – 2 вакансии;
- 12) ГБПОУ Иркутский областной колледж культуры – 1 вакансия;
- 13) ГБПОУ Иркутский художественный колледж имени И. Л. Копылова – 1 вакансия;
- 14) ГБУК «Иркутская областная детская библиотека имени Марка Сергеева» – 1 вакансия;
- 15) ГАУК Иркутский областной театр кукол «Аистенок» – 1 вакансия;
- 16) ОГБУК «Государственный ансамбль песни и танца «Степные напевы» – 1 вакансия;
- 17) ОГБУК «Усть-Ордынский национальный центр художественных народных промыслов» – 1 вакансия;
- 18) ГАУК Иркутский областной краеведческий музей – 1 вакансия.

Общее количество свободных ставок в государственных учреждениях культуры составляет 90 ед.

Наиболее востребованными вакантными должностями в государственных учреждениях культуры являются:

- артист (42,5 ставки), в том числе артист симфонического оркестра, оркестра народных инструментов, хора, драмы, балета, театра кукол и артист-вокалист;
- художник (8 ставок), в том числе художник-модельер театрального костюма, художник-постановщик, художник-декоратор, художник-конструктор, художник-гример, художник по свету и художник-конструктор;
- руководящие должности (5 ставок), в том числе заместитель директора по развитию, заместитель директора по хранению фондов, начальник радиочека, начальник отдела кадровой и правовой работы;
- концертмейстер (3 ставки);
- режиссер (2,5 ставки);
- преподаватель (2,5 ставки);
- балетмейстер (2 ставки).

Из общего числа вакансий 8,3 % относятся к административно-управленческому персоналу, 83,3 % – к основному персоналу, 8,3 % – к вспомогательному персоналу.

Требования к уровню образования по имеющимся вакантным должностям в государственных учреждениях культуры распределились следующим образом:

- наличие высшего образования – 71,4 % вакансий;
- наличие среднего профессионального образования – 20,8 %;
- наличие высшего или среднего профессионального образования – 6,9 %;
- без профессионального образования – 2,8 % (машинист сцены, рабочий по комплексному обслуживанию и ремонту зданий 2 разряда).

В целом для 27,7 % вакансий в государственных учреждениях культуры допускаются наличие среднего профессионального образования.

Муниципальные учреждения культуры

274 вакансии в муниципальных учреждениях культуры Иркутской области (164 ед.) распределились в следующем порядке:

- культурно-досуговые учреждения – 133 ед. (48,6 %);
- учреждения дополнительного образования детей – 128 ед. (46,7 %);
- библиотеки – 8 ед. (2,9 %);
- музеи – 2 ед. (0,7 %);
- концертные организации – 2 ед. (0,7 %);
- театры – 1 ед. (0,4 %).

Таким образом, 95,3 % вакансий в муниципальных учреждениях культуры приходится на культурно-досуговые учреждения и учреждения дополнительного образования детей.

Сведения об актуальных вакантных должностях в *культурно-досуговых учреждениях* (133 ед.) получены от 97 учреждений из 32 муниципальных образований региона.

Из числа вакансий в учреждениях культурно-досугового типа 17 ед. приходится на городские округа (13 %), 116 ед. – на муниципальные районы (87 %). Наибольшее число вакансий представлено в Усольском (10 ед.), Заларинском (9 ед.), Куйтунском (9 ед.), Нижнеилимском (8 ед.), Иркутском (7 ед.), Нукутском (7 ед.) районах, что можно объяснить большим числом культурно-досуговых учреждений в данных районах, а также территориальной отдаленностью некоторых районов.

Общее количество свободных ставок в культурно-досуговых учреждениях составляет 116,65 ед.

Наиболее востребованными вакантными должностями в культурно-досуговых учреждениях являются:

- руководитель клубного формирования, кружка, коллектива (20,75 ставок);
- балетмейстер, в том числе главный балетмейстер, балетмейстер-постановщик, ассистент балетмейстера (10,65 ставок);
- руководящие должности, в том числе директор, заместитель директора и заведующий клубом, отделом, структурным подразделением (9,75 ставок);
- художественный руководитель (9,75 ставки);
- режиссер, в том числе главный режиссер, режиссер массовых представлений (9 ставок);
- аккомпаниатор (8,75 ставки);
- концертмейстер (7 ставок);
- хормейстер, в том числе главный хормейстер (6,5 ставок).

Из общего числа вакансий в культурно-досуговых учреждениях 3,7 % относятся к административно-управленческому персоналу, 94 % – к основному персоналу, 2,3 % – к вспомогательному персоналу.

Требования к уровню образования по имеющимся вакантным должностям в культурно-досуговых учреждениях распределились следующим образом:

- наличие высшего образования – 21,1 % вакансий;
  - наличие среднего профессионального образования – 33,8 % вакансий;
  - наличие высшего или среднего профессионального образования – 45,1 % вакансий.
- Таким образом, для 78,9 % вакансий в культурно-досуговых учреждениях допускается наличие среднего профессионального образования.

Сведения об актуальных вакантных должностях в *учреждениях дополнительного образования детей* (128 ед.) были получены от 56 школ из 35 муниципальных образований. Среди школ дополнительного образования детей, имеющих вакантные должности, 71,4 % – это детские школы искусств (40 ед.), 23,2 % – детские музыкальные школы (13 ед.), 5,4 % – детские художественные школы (3 ед.).

Из числа вакансий в учреждениях дополнительного образования детей 47 ед. приходится на городские округа (37 %), 81 ед. – на муниципальные районы (63 %). Наибольшее число вакансий представлено в г. Братске (14 ед.), г. Ангарске (12 ед.), г. Усть-Илимске (7 ед.), г. Черемхово (6 ед.), Слюдянском (9 ед.), Иркутском (8 ед.), Нижнеилимском (8 ед.) районах. Во всех перечисленных муниципальных образованиях, кроме Иркутского района, по сравнению с предыдущим годом произошло уменьшение числа преподавателей в учреждениях дополнительного образования детей, что является причиной востребованности в кадрах. Необходимо отметить, что в г. Ангарске, г. Братске, Нижнеилимском и Слюдянском более 40 % преподавательского состава находятся в возрасте от 55 лет и старше.

Общее количество свободных ставок в учреждениях дополнительного образования детей составляет 153,75 ед.

Наиболее востребованными вакантными должностями в учреждениях дополнительного образования детей являются:

- преподаватель по классу фортепиано (30 ставок);
- преподаватель (19 ставок);
- концертмейстер (18 ставок);
- преподаватель теоретических дисциплин (17,5 ставок);
- преподаватель по классу гитары (12,5 ставок);
- преподаватель по классу баян, аккордеон (9,5 ставок);
- преподаватель хореографических дисциплин (9 ставок);
- преподаватель изобразительного искусства (8,5 ставок);
- преподаватель по классу скрипки (6 ставок);
- преподаватель хорового класса (4 ставки);
- преподаватель по классу домры (3 ставки);
- преподаватель по классу флейты (3 ставки).

Из общего числа вакансий 0,8 % относятся к административно-управленческому персоналу, 99,2 % – к основному персоналу, в том числе преподаватели – 84,5 %.

Требования к уровню образования по имеющимся вакантным должностям в учреждениях дополнительного образования детей распределились следующим образом:

- наличие высшего образования – 12,5 % вакансий;
- наличие среднего профессионального образования – 16,4 %;
- наличие высшего или среднего профессионального образования – 71,1 %.

Таким образом, для 87,5 % вакансий в учреждениях дополнительного образования детей допускается наличие среднего профессионального образования.

В *муниципальных библиотеках* число вакантных должностей составило 8 ед. Из общего числа вакансий 63 % относятся к должностям основного персонала.

Данные были получены от 8 учреждений из 8 муниципальных образований (г. Братска, г. Саянска, г. Усть-Илимска, Киренского, Куйтунского, Нижнеилимского, Тулунского, Чунского районов).

Общее количество свободных ставок в муниципальных библиотеках составляет 7,3 ед.

Среди вакантных должностей в муниципальных библиотеках были указаны следующие:

- библиотекарь (4,2 ставки);
- заведующий библиотекой (1,1 ставка);
- библиотекарь внестационарного обслуживания (1 ставка).

Требования к уровню образования по имеющимся вакантным должностям в библиотеках распределились следующим образом:

- наличие высшего образования – 25 % вакансий;
- наличие среднего профессионального образования – 25 %;
- наличие высшего или среднего профессионального образования – 50 %.

Таким образом, для 75 % вакансий в муниципальных библиотеках допускается наличие среднего профессионального образования.

В *муниципальном музее* число вакантных должностей составило 2 ед., вакантных ставок – 1,25 ед. (хранитель – 1 ставка, экскурсовод – 0,25 ставки). Данные получены от МБУК «Музей имени В. Ф. Раевского» Боханского района. Требованиям к уровню образования является наличие среднего профессионального образования.

В *МАУК «Драматический театр города Братска»* МО г. Братска востребованной вакантной должностью является артист драмы (2 ставки). Требованиям к уровню образования является наличие высшего образования.

В *МБУК «Духовой оркестр города Братска»* МО г. Братска востребованными вакантными должностями являются артист оркестра саксофон-альт (1 ставка) и артист оркестра корнет (1 ставка). Требованиям к уровню образования является наличие либо высшего, либо среднего профессионального образования.

Результаты мониторингового исследования свидетельствуют о том, что в кадровом обеспечении отрасли культуры остается ряд нерешенных проблем. Среди существующих проблем кадрового обеспечения отрасли культуры можно назвать старение кадров, дефицит квалифицированных специалистов в муниципальных районах (преимущественно в сельских населенных пунктах), при этом отмечается избыток кадров сферы культуры в крупных городах. Несмотря на принимаемые меры, сохраняется значительное количество вакансий (наибольшее число приходится на сельские районы), связанное с отсутствием жилья и социальной инфраструктуры [1].

Информация, полученная в результате проведенного мониторингового исследования кадровой потребности, имеет большое практическое значение и используется в работе министерства культуры и архивов Иркутской области при формировании планов работы министерства, государственных программ и концепций и т. д., способствует формированию четкого представления о текущих проблемах и успехах отрасли и принятию объективных управленческих решений.

В целях решения проблем кадрового дефицита в отрасли культуры посредством оказания содействия в трудоустройстве выпускников образовательных учреждений сферы культуры и искусства, консолидации интересов российских работодателей и квалифицированных специалистов отрасли, находящихся в поиске работы, данные о вакансиях в организациях сферы культуры и искусства Иркутской области и других регионов России размещаются в одном информационном пространстве – на официальном сайте Министерства культуры Российской Федерации.

Литература

1. Состояние сферы культуры муниципальных образований Иркутской области на 1 января 2020 года: Аналитический сборник / сост.: Н. В. Рудакова, К. Р. Кузнецова, Г. К. Перваго. Иркутск, 2020. 108 с.
2. Информация о вакансиях в учреждениях сферы культуры и искусства Иркутской области по состоянию на 15.04.2020. URL: <https://umcki-baikal.ru/monitoring/> (дата обращения: 23.10.2020).

Н. В. Деренко, А. Г. Подковенко
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В РАЗВИТИИ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Статья посвящена анализу перспектив развития креативных индустрий в г. Иркутске и Иркутской области, исходя из планов неформального объединения различных государственных, муниципальных, предпринимательских, общественных структур.

Ключевые слова: креативные индустрии, креативная экономика, информационно-коммуникационные технологии, креативный город.

N. V. Derenko, A. G. Podkovenko
Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF INFORMAL COMMUNITIES IN THE DEVELOPMENT OF THE CREATIVE ECONOMY OF THE REGION

The article is devoted to the analysis of the prospects for the development of creative industries in the city of Irkutsk and the Irkutsk region, based on the plans of an informal association of various state, municipal, business and public structures.

Keywords: creative industries, creative economy, information and communication technologies, creative city.

В течение трех последних лет в Иркутской области сложилась неформальная коллаборация, активно изучающая проблемы развития креативных индустрий в мире и в Российской Федерации. В нее вошли представители АНО ИФЦ «Байкал-Тотем» и других организаций малого бизнеса и сферы культуры региона, а также Института социальных наук Иркутского университета, учредившего в своей структуре научно-практический центр «Креативный город», Комиссии по науке и образованию Общественной палаты Иркутской области, Фонда поддержки предпринимательства Иркутской области, Ассоциации выпускников Президентской программы Иркутской области, Комитета по социальной политике и культуре г. Иркутска, пространства для коллективной работы «Точка кипения» г. Иркутска.

В результате в ходе двух научно-практических конференций на базе ИГУ в 2018 и 2019 гг. [1; 2], «Байкал бизнес-форума» в 2019 г. участники коллаборации, общаясь с лидерами креативных индустрий других регионов России и заграничные – Японии, Германии, Канады, получили ясное представление о закономерностях развития и современных структурах креативного сектора экономики. Четко проявилась парадоксальная ситуация в Иркутской области: обладая недостижимым для большинства регионов креативным потенциалом, наш край практически не имеет никаких организационных, административных попыток усилить этот важнейший драйвер экономического развития.

Иркутск по всем особенностям своего развития просто предназначен для опережающего развития креативных индустрий:

- он удачно расположен в центре Евразии;
- имеет природные и технические супер-объекты – озеро Байкал, реку Ангара, уникальные заповедники, каскад гидроэлектростанций;
- в городе чрезвычайно насыщена культурная жизнь, его историческая инфраструктура привлекательна для широкого круга туристов разных стран;
- город живет в удивительной атмосфере мультикультурализма, в которой комфортно себя чувствуют любые диаспоры и конфессии;
- по количеству университетов и научно-исследовательских институтов Иркутск явно является лидером в Сибири;
- город понес огромный урон в годы кризиса перестройки, лишившись десятков промышленных предприятий;
- Иркутск имеет хорошо развитые сферы деятельности креативных индустрий.

Участники сложившейся коллаборации в качестве первоочередной задачи планируют ликвидацию описанного разрыва возможностей и намерений в части креативной экономики за счет объединения усилий ключевых участников системы госуправления – Минпромторга, Минэкономразвития и Минкультуры.

Со стороны органов госуправления наиболее подходящим органом для инициирования создания комплексного механизма поддержки и развития креативных индустрий, разворачивания пропаганды идей «творческого предпринимательства» является Министерство экономического развития Иркутской области, а в администрации города Иркутска таким регулятором нам видится Управление культуры, туризма и молодежной политики – сфера культуры доминирует в креативных индустриях, а наиболее нуждается в ее развитии молодежь. Координирующие роли министерства и управления позволят на первом этапе:

- проанализировать реальное состояние креативных индустрий области, сформулировать основные проблемы креативного сектора на муниципальном и региональном уровнях;
- создать единое информационное пространство между креативными индустриями, творческими командами и креативным классом Иркутска;
- развить сеть образовательных программ и проектов для творческих предпринимателей и специалистов, задействованных в работе креативных индустрий;
- создать мощный событийный ряд для сплочения представителей креативных индустрий и их развития;
- продвигать и лоббировать новые механизмы государственной поддержки малого и среднего бизнеса в сфере креативных индустрий на городском и областном уровнях;
- развить благоприятную инфраструктуру для функционирования кластера креативных индустрий.

Со стороны участников коллаборации Научно-практический центр Института социальных наук ИГУ «Креативный город» может стать базой проектного офиса, а АНО ИФЦ «Байкал-Тотем» – координатором фонда развития креативных индустрий.

Без координации деятельности со стороны органов госуправления и местного самоуправления конкретных результатов достичь сложно, особенно в информационно-аналитической части. Такой вывод продиктован особенностями креативных индустрий – это сектор экономики и тип социокультурных практик, в основе которых лежит творческая, интеллектуальная составляющая.

Существенным обстоятельством, требующим формирования комплексного механизма поддержки и развития креативных индустрий г. Иркутска, является наметившееся в последние годы отставание в данной сфере от других сибирских городов. Так, по оценке экспертов, представителей властных структур, собранной группой исследователей Сибирского федерального университета [3] по анализу показателей развития масс-медиа (теле- радио- компании); разработки рекламы; графического дизайна; архитектурного проектирования; дизайна интерьеров; ландшафтного дизайна; дизайна одежды; дизайна промышленных изделий; кино- и фото-студий; музыкального и сценического искусства; декоративно-прикладного искусства, ремесел; разработки сувенирной продукции; креативного PR; прикладных исследований и разработок (технологические, маркетинговые и др.); консалтинга; разработки компьютерных программ и игр; web-дизайна; интернет-индустрии; дополнительного образования для молодежи и взрослых; индустрии развлечений; музеев, галерей; культурно-познавательного туризма; индивидуализированных медицинских услуг; индустрии красоты (креативные стрижки, визаж, услуги стилистов); Event-management, Иркутск занял предпоследнее – 8-е место – в списке девяти городов: 1) Новосибирск; 2) Красноярск; 3) Томск; 4) Екатеринбург; 5) Казань; 6) Омск; 7) Кемерово; 8) Иркутск; 9) Барнаул.

Вторым обстоятельством является необходимость проведения экспертизы проектов программ социально-экономического развития города и области в части развития креативных индустрий и креативной экономики. Областной документ в принципе не содержит упоминаний о данных весьма перспективных направлениях развития экономики Иркутской области, в городском есть аргументация в пользу учета потребностей креативного класса и не более того.

Таким образом, результатом взаимодействия бизнеса и государства можно предполагать и учет перспектив развития креативных индустрий в концепциях развития, и картирование творческого пространства города, и создание кластера креативной экономики, и формирование центров компетенций и проектных офисов, и вступление в международную сеть креативных городов. Именно здесь власть может получить и быстрый результат, резонансный с точки зрения развития имиджа города и региона в целом, и существенный прирост экономики в части малого и среднего бизнеса, туризма.

Литература

1. Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса : материалы Первой регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 23 мая 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [под общ. ред. В. А. Решетникова, Н. В. Деренко, Т. Ю. Фальковской]. Иркутск : Репроцентр А1, 2018. 194 с.
2. Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона: Вторая регион. науч.-практ. конф. : материалы / Иркут. гос. ун-т ; [под общ. ред. В. А. Решетникова, Н. В. Деренко, Т. Ю. Фальковской]. Иркутск : Репроцентр А1, 2019. 333 с.
3. Отчет о научно-исследовательской работе «Креативные индустрии как сектор инновационной экономики Красноярск». Руководитель М. А. Лаптева. Красноярск, 2011. URL: <http://hi.sfu-kras.ru/sites/default/files/pfiles/cik.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).

УДК 008(571.53)

М. К. Качан

ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр
культуры и искусства «Байкал»,
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА)

Материал статьи подготовлен на основе сравнительного анализа статистических сведений по основным показателям деятельности учреждений культуры Иркутской области, отчетов о деятельности учреждений культуры с использованием данных за 2017–2019 гг. Анализ позволил выделить ряд актуальных тенденций развития культурной сферы региона, представленных в данной работе.

Ключевые слова: культура, тенденции развития, учреждения культуры.

M. K. Kachan

Irkutsk State University, Irkutsk

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE SPHERE OF CULTURE IN THE IRKUTSK REGION (CASE OF THE CULTURAL ESTABLISHMENTS OF THE REGION)

The material of the article has been prepared on the basis of a comparative analysis of statistical data on the main indicators of the activities of cultural institutions of the Irkutsk region, reports on the activities of cultural institutions using data for 2017–2019. The analysis has made it possible to identify a number of current trends in the development of the cultural sphere of the region presented in this work.

Keywords: culture, development trends, cultural institutions.

Культурная, или духовная, сфера общества является одной из основополагающих наряду с политической, экономической и социальной сферами. Современная жизнь общества меняется настолько быстро, что теоретическое описание подчас оказывается весьма затруднительным. Однако анализ совокупности дифференцированных эмпирических сре-

зов позволяет сегодня определить основные тренды развития в различных сферах информационного общества, в том числе в культурной жизни регионов и государства в целом.

В данной работе видится возможным выделить ряд тенденций развития в сфере культуры региона, сложившихся за период 2017–2019 гг., на основании статистических сведений по главным показателям деятельности учреждений культуры Иркутской области и отчетов о деятельности учреждений культуры Иркутской области за 2017–2019 гг. Рассмотрев некоторые показатели таких культурных учреждений региона, как театры, концертные организации, музеи, библиотеки, культурно-досуговые учреждения, можно составить общую картину и определить векторы развития сферы культуры в Иркутской области.

Театры. На протяжении рассматриваемого периода сеть профессиональных театров области оставалась стабильной и состояла из 10 учреждений: 6 государственных и 4 муниципальных театров. В их деятельности за период 2017–2019 гг. можно выделить следующие тенденции:

1. *Рост числа театральных мероприятий.* Количество мероприятий за три года выросло на 2,3 % и составило в 2019 г. 2634 ед. (рис. 1).

2. *Увеличение количества посетителей театральных мероприятий.* Общее число зрителей на театральных мероприятиях с 2017 по 2019 г. увеличилось на 5,3 % и составило в 2019 г. 564,9 тыс. чел. (рис. 2).

3. *Появление новых театральных постановок.* Театры Иркутской области обеспечивают фактически полный спектр видов и жанров театрального искусства: драма, опера, балет, современная хореография, оперетта, мюзикл, театр кукол. В 2019 г. областными театрами было поставлено 33 новых спектакля (в 2017 г. – 28 спектаклей), муниципальными театрами – 16 (в 2017 г. – 15 спектаклей). За последние три года число новых театральных постановок увеличилось на 14,0 %, однако в 2019 г. общее число новых театральных постановок осталось на уровне 2018 г. (рис. 3).

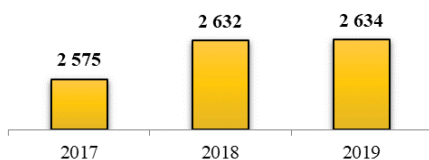

Рис. 1. Число театральных мероприятий, ед.

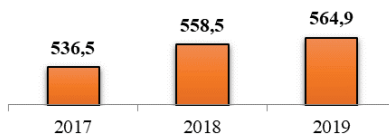

Рис. 2. Посещаемость театральных мероприятий, тыс. чел.

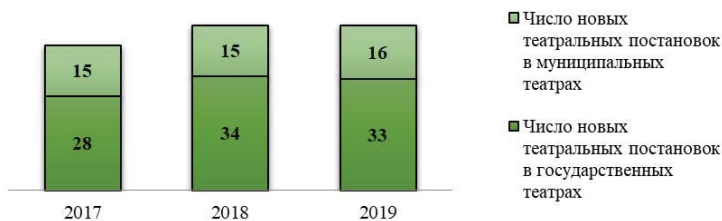

Рис. 3. Число новых театральных постановок, ед.

Концертные организации являются важнейшим звеном системы учреждений культуры Иркутской области, выполняющие культурно-просветительную и воспитательную функции. На территории региона действуют 3 таких учреждения: Иркутская областная филармония, Духовой оркестр города Братска и Государственный ансамбль песни и танца «Степные напевы». За три года общее число концертных мероприятий увеличилось на 16,0 % – с 755 мероприятий в 2017 г. до 876 мероприятий в 2019 г. (рис. 4). Однако стоит отметить и негативную тенденцию: сокращение числа мероприятий для детей, проводимых концертными организациями области. За рассматриваемый период число таких мероприятий уменьшилось на 13,1 % (рис. 5).

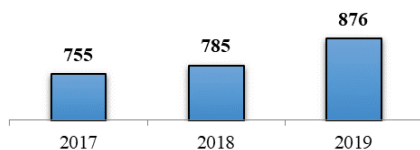

Рис. 4. Число концертных мероприятий, ед.

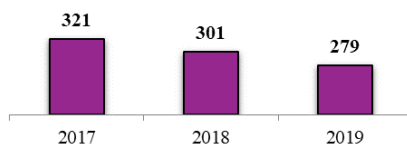

Рис. 5. Число концертных мероприятий для детей, ед.

Музеи. Всего в Иркутской области по состоянию на 2019 г. насчитывалось более 140 музеев разной подчиненности. В ведении Иркутской области находится 5 государственных музеев. Муниципальных музеев – музеев городских округов, поселений, муниципальных районов Иркутской области – 44 ед. (с учетом 8 филиалов). В структуре культурно-досуговых учреждений функционировало 6 музеев, в структуре библиотек – 3 музея. Стоит отметить следующие тенденции, прослеживаемые в деятельности музеев за период 2017–2019 гг.:

1. *Увеличение объема музейных фондов.* Совокупный музейный фонд областных и муниципальных музеев Иркутской области в 2019 г. включал 1 060,08 тыс. единиц хранения. Из них 628 873 единицы – экспонаты основного фонда, 431 922 – экспонаты научно-вспомогательного фонда. За период 2017–2019 гг. число экспонатов основного фонда государственных и муниципальных музеев увеличилось на 51 тыс. ед. (5,1 %) (рис. 6).

2. *Рост числа наименований выставок.* Анализируя показатели, представленные на рис. 7, можно заметить, что число музейных выставок с каждым годом увеличивается, в том числе увеличивается количество передвижных и выездных выставок. Новых выставок в 2019 г. по сравнению с 2017 г. стало больше на 15,8 % (рис. 7).

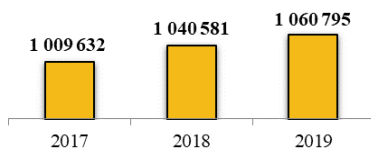

Рис. 6. Общий объем музейных фондов, ед.

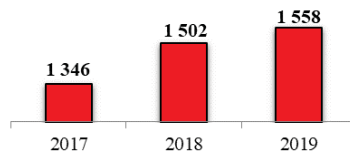

Рис. 7. Число наименований выставок, ед.

3. *Увеличение числа экскурсий.* В 2019 г. музеями было проведено 18 509 экскурсий, что на 26,1 % больше, чем в 2017 г. (рис. 8). Уменьшилось число индивидуальных посещений музеев (на 14,6 % по отношению к 2017 г.), но при этом немного возросло количество экскурсионных (на 3,0 % по отношению к 2017 г.).

4. *Уменьшение общего числа посетителей музеев.* Число посетителей музеев Иркутской области в 2019 г. составило 827 тыс. человек, из них 33,3 тыс. человек – в сельской местности. Общее число посетителей музеев за период с 2017 г. по 2019 г. сократилось на 4,2 % и составило 827 тыс. посетителей (рис. 9).

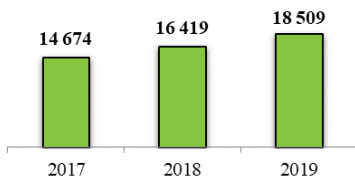

Рис. 8. Число экскурсий, ед.

Рис. 9. Общее число посетителей музеев, тыс. чел.

Библиотеки. Население Иркутской области в 2019 г. обслуживали 748 библиотек. Из них 5 областных библиотек и 743 муниципальные библиотеки (с учетом филиалов и структурных подразделений, входящих в культурно-досуговые учреждения). По типам библиотеки Иркутской области делятся на городские – 185 библиотек (24,7 %) и сельские – 563 библиотек (75,3 %). 499 библиотек входят в структуру культурно-досуговых учреждений, из них 31 библиотека городская и 468 – сельских.

В деятельности библиотек Иркутской области в 2017–2019 гг. можно проследить ряд тенденций:

1. *Уменьшение процента охвата населения библиотечным обслуживанием.* Охват населения Иркутской области библиотечным обслуживанием в 2019 г. составил 33,6 %, снижение данного показателя за три года составило 0,3 % (рис. 10). Данная ситуация связана, прежде всего, с сокращением численности населения Иркутской области.

2. *Увеличение числа зарегистрированных пользователей.* За рассматриваемый период данный показатель вырос на 7,2 % (или на 57 884 чел.) (рис. 11). Увеличение количества зарегистрированных пользователей влечет за собой снижение числа посетителей библиотек. Это связано с тем, что зарегистрированные пользователи все чаще используют электронные ресурсы библиотек.

3. *Увеличение количества библиотек, подключенных к сети Интернет для пользователей.* Число таких библиотек увеличилось за период 2017–2019 гг. на 41,2 % (или 108 ед.) (рис. 12). Особенно важен данный показатель для сельской местности и отдаленных районов области, где не все жители имеют доступ в интернет из дома. Таким образом, библиотеки становятся «информационными центрами» в подобных населенных пунктах.

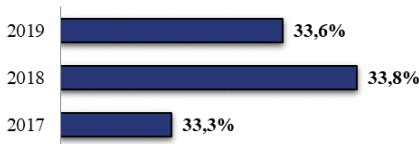

Рис. 10. Охват населения библиотечным обслуживанием, в %

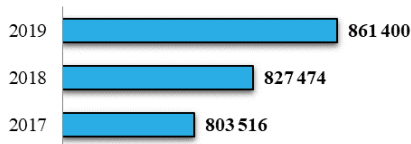

Рис. 11. Число зарегистрированных пользователей, чел.

Рис. 12. Число библиотек, подключенных к сети Интернет для пользователей, ед.

Культурно-досуговые учреждения. Сеть учреждений культурно-досугового типа Иркутской области на 2019 г. состояла из 812 клубных учреждений, из них 1 областное учреждение и 811 – муниципальных. 679 учреждений (83,6 %) расположены в сельской местности. Количество культурно-досуговых учреждений (далее – КДУ) со статусом юридического лица составляло 442 единицы.

Одной из основных форм работы КДУ являются клубные формирования – добровольное объединение людей, основанное на общности интересов, запросов и потребностей в занятиях любительским художественным и техническим творчеством, в совместной творческой деятельности, способствующей развитию дарований его участников, освоению и созданию ими культурных ценностей. Итак, прослеживаются следующие тенденции в деятельности КДУ Иркутской области за период 2017–2019 гг.:

1. *Рост числа клубных формирований.* По состоянию на 2019 г. в Иркутской области действовало 6 504 клубных формирования различной жанровой направленности, в деятельности которых принимало участие 101 481 чел. Среднее число участников в одном клубном формировании – 16 чел. За рассматриваемый период число клубных формирований увеличилось на 3,9 % (рис. 13), что может свидетельствовать о расширении культурных и творческих интересов жителей региона, появлении новых направлений в народном, музыкальном, художественном и других видах творчества.

2. *Увеличение числа участников клубных формирований.* С каждым годом увеличивается число людей, задействованных в деятельности клубных формирований (рис. 14). В 2019 г. данный показатель по отношению к 2017 г. вырос на 2,5 % (или на 2 500 чел.). Соизмеряя показатель общего количества участников клубных формирований с численностью населения области, можно констатировать, что каждый 24 житель области по данным на 2019 г. является участником тех или иных клубных формирований.

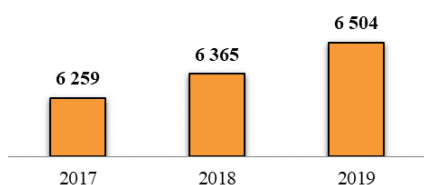

Рис. 13. Число клубных формирований, ед.

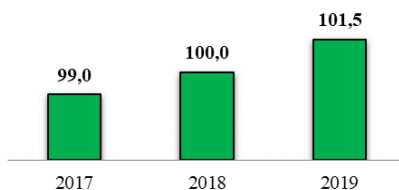

Рис. 14. Число участников клубных формирований, тыс. чел.

Резюмируя вышеизложенное, перечислим сформировавшиеся за 2017–2019 гг. актуальные тенденции развития сферы культуры в Иркутской области на примере деятельности учреждений культуры региона: увеличение количества мероприятий, проводимых театрами, концертными организациями, музеями; небольшой прирост посетителей таких мероприятий, появление новых постановок/наименований выставок/клубных формирований; рост числа библиотек, подключенных к сети Интернет для пользователей, а также увели-

чение объема фондов музеев. Среди негативных тенденций выделяются сокращение числа мероприятий для детей; уменьшение % охвата населения библиотечным обслуживанием.

В заключение важно отметить, что хотя статья посвящена в основном *тенденциям развития* сферы культуры Иркутской области, в ней – культуре имеются также и точки напряженности. К ним можно отнести: аварийные и требующие капитального ремонта здания, сложность кадровой обстановки, ветхость материально-технической базы и некоторые другие. Безусловно, изучение как тенденций развития, так и точек напряженности в сфере культуры Иркутской области необходимо. Это позволит находить и принимать эффективные управленческие решения проблем в культурной среде и открыть больше возможностей для появления новых положительных трендов в развитии сферы культуры Иркутской области.

Литература

1. Эспинг-Андерсен Г. Два общества, одна социология и никакой теории / пер. с англ. И. Григорьева // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 2. С. 241–266.
2. Государственные и муниципальные учреждения культуры Иркутской области в цифрах за 2019 год / сост.: Н. В. Рудакова, К. Р. Кузнецова, Г. К. Перваго. Иркутск, 2020. 137 с.
3. Информационно-аналитическая справка о деятельности учреждений культуры Иркутской области за период с 2015 по 2019 годы / сост.: Н. В. Рудакова, К. Р. Кузнецова, М. К. Качан. Иркутск, 2020. 34 с.
4. АИС «Статистическая отчетность отрасли» ГИВЦ Минкультуры России. URL: <https://stat.mkrf.ru> (дата обращения: 20.09.2020).

УДК 316.62

О. Л. Лушникова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
г. Абакан

СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАКАСИИ

Статья посвящена изучению социальных настроений сельского населения Хакасии. Эмпирической базой исследования послужили результаты опроса 2018 г. среди сельских жителей республики. Выборка квотная: по полу и возрасту (n=1000). Методом кластерного анализа были выделены три группы сельчан: оптимисты, реалисты и пессимисты. Оказалось, что более половины сельских жителей Хакасии отличаются реалистичным взглядом на жизнь, оптимистично настроенных сельчан немного – чуть более трети, пессимистов – примерно каждый десятый.

Ключевые слова: социальное настроение, сельское население, оптимисты, реалисты, пессимисты, Хакасия.

O. L. Lushnikova

Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Abakan

SOCIAL MOOD OF THE RURAL POPULATION OF KHAKASSIA

The article explores the social mood of the rural population of Khakassia. The empirical basis of the study is the results of survey (2018) among rural residents of the region. Quota sample is by gender and age (n=1000). We discover three groups of rural population by cluster analysis: optimists, realists, and pessimists. The half of rural residents of Khakassia have a realistic view of life, optimistic villagers are a little more than a third, pessimists – about one in ten.

Keywords: social mood, rural population, optimists, realists, pessimists, Khakassia.

По мнению исследователей, общественное настроение не является некоторым арифметическим средним настроений членов общества, оно может быть лишь условно охарактеризовано как некая целостность [3, с. 36]. А. Ю. Дитяев полагает, что социальное настроение обладает направленностью; разделяя направления социального настроения по основным аспектам жизни общества, можно отследить особо значимые сферы деятельности индивидов и групп, а также определить степень реализации жизненных планов в этих сферах [2, с. 101]. Если рассматривать социальное настроение дихотомически, то мож-

но выделить два его полюса: положительный (оптимистичное) и отрицательный (пессимистичное). Однако некоторые исследователи отмечают, что существуют настроения, которые не подходят под определения оптимистических, или противоположных им, например, настроения апатии, нигилизма, анархизма, ханжества, цинизма и сомнения [4, с. 41].

При исследовании проблем сельского населения Хакасии нам было важно выявить, какие настроения преобладают среди сельских жителей республики. Опрос проводился в августе-сентябре 2018 г. во всех сельских районах Хакасии по месту жительства респондентов. Выборка квотная: по полу и возрасту (n=1000). В опроснике были использованы некоторые вопросы из анкеты «Сельская жизнь»-2015 (рук. Ж. Т. Тошенко) [5, с. 308]. С помощью кластерного анализа всю совокупность опрошенных мы разбили на несколько однородных групп на основании признаков, по которым, по нашему мнению можно судить о направленности социального настроения (использовались стандартизованные значения переменных):

- общий эмоциональный фон (позитивный или негативный);
- направленность социальной установки, отражающая ориентацию на активные или пассивные формы деятельности;
- общая удовлетворенность разными сторонами жизни (высокий, средний или низкий уровень);
- характер ожиданий в отношении изменения своего материального положения (надежда на улучшение, ожидание ухудшений или отсутствие изменений).

В результате анализа опрошенные были объединены в три группы: первая группа – 372 чел., вторая группа – 538 чел., третья группа – 90 чел. Для того чтобы понять направленность настроения каждой группы, мы проанализировали их основные характеристики по выделенным показателям и пришли к следующим заключениям. *Первую группу* отличает высокий уровень удовлетворенности своей жизнью, относительно позитивные взгляды: проживание в деревне связано с «родным» домом, объясняется любовью к природе, удовольствием от работы на земле. Кроме того, эта группа характеризуется достаточно активной социальной установкой: они не только выражают надежду на улучшение своей жизни, но и готовы прикладывать для этого усилия. Возможно, поэтому эта группа отличается уверенностью в том, что их материальное положение будет улучшаться. Кроме того, среди этой группы больше всего выражена интенция к переезду в город. Можно предположить, что прилагая для этого усилия, некоторая часть таких сельчан, возможно, в будущем сможет реализовать это желание. По мнению исследователей, социальное настроение, характеризующееся позитивными самооценками индивидов, оценками мира, общества, социальных групп, социальных процессов, а также тенденций их развития отличает *оптимистов* [2, с. 102], поэтому первую группу мы обозначили так и обозначили. В общей структуре оптимисты составляют примерно треть опрошенных (рис. 1).

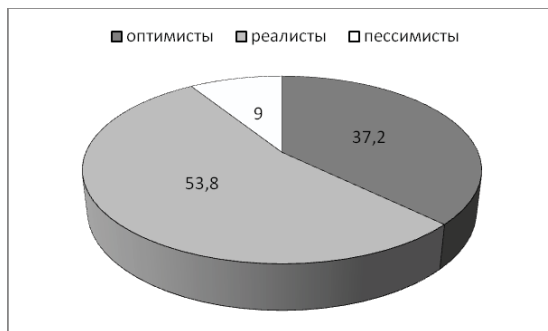

Рис. 1. Соотношение опрошенных с разными социальными настроениями (в % от опрошенных)

Вторая группа, хотя в целом характеризуется позитивным взглядом на жизнь, но отличается некоторой инертностью или пассивностью. Во-первых, большая часть этой группы живет в деревне «по привычке», во-вторых, такие сельчане не выражают особого стремления к изменению своей жизни к лучшему. В большинстве своем они понимают, что в сложившихся экономических условиях села, их материальное положение вряд ли может улучшиться, поэтому в целом более «реально» смотрят на жизнь, поэтому мы обозначили эту группу – *реалисты*. Это самая многочисленная группа среди опрошенных (53,8 %).

Третья группа значительно отличается от первых двух. С одной стороны, эта группа тоже отличается достаточно «реальным» взглядом по поводу своего материального благосостояния, не надеясь на существенные изменения. Но с другой стороны, у этой группы более выражена «мечтательность»: они хотя и выражают надежду на лучшее, но при этом не готовы прикладывать для этого особых усилий. Возможно, именно этим объясняется отсутствие стремлений к лучшему и довольствование имеющимся («на большее не рассчитываем») и в целом низкая удовлетворенность своей жизнью. Эту группу мы обозначили как *пессимисты*. Пессимистично настроенных сельчан в общей структуре оказалось меньше всего – только 9,0 %.

Для того чтобы понять, какие слои населения склонны к пессимизму или отличаются оптимистическим настроем, мы проанализировали, с какими социально-демографическими характеристиками коррелирует социальное настроение. Оказалось, что тип настроения не связан ни с полом, ни с семейным положением, ни с уровнем образования, однако варьируется в зависимости от возраста (рис. 2).

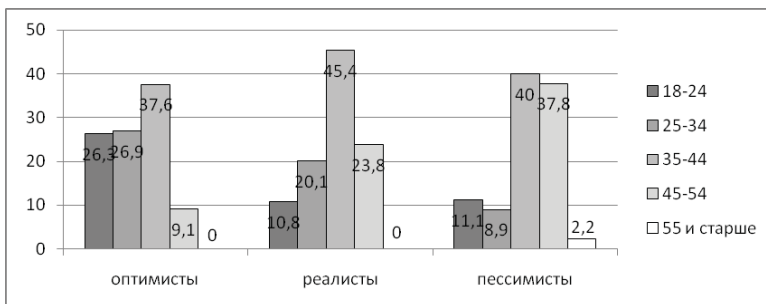

Рис. 2. Соотношение опрошенных разных возрастных групп среди сельчан с разными социальными настроениями (в % от опрошенных)

Причем социальное настроение отрицательно коррелирует с возрастом (коэффициент связи по Пирсону $R=(-0,286^{**})$, т. е. чем старше сельчане, тем они более они склонны к пессимистичному настроению. Среди оптимистов преобладают более молодые опрошенные (в возрасте до 34 лет), среди реалистов больше сельчан среднего возраста (35–44), а среди пессимистов в основном респонденты старше 35 лет.

Семейное положение не связано ни с оптимистичным, ни с пессимистичным настроением, однако прослеживается связь типа настроения с размером семьи, а точнее – с количеством детей, причем эта связь носит обратный характер (рис. 3). Коэффициент корреляции по Пирсону $R=(-0,142^{**})$, т. е. многодетность (больше трех детей), скорее, связана с пессимистичным настроением, а отсутствие детей – с оптимистичным.

Из рис. 3 видно, что многодетных больше среди реалистов и пессимистов, а бездетных – среди оптимистов. С одной стороны, это представляется очевидным: из-за сложного экономического положения на селе обеспечить большую семью сложнее, что вероятно, сказывается на ухудшении социальных настроений сельчан. Но с другой стороны, в условиях сельского образа жизни, связанного с работой в домашнем хозяйстве, заниматься его ведением в одиночку тоже сложно.

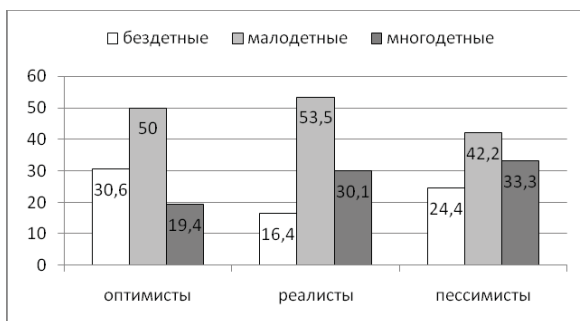

Рис. 3. Соотношение опрошенных по количеству детей среди сельчан с разными социальными настроениями (в % от опрошенных)

Учитывая высокий уровень безработицы в сельской местности, можно предположить, что социальное настроение тесно связано с наличием или отсутствием работы у сельских жителей (рис. 4).

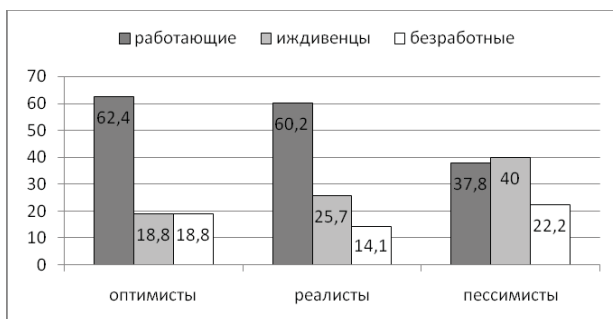

Рис. 4. Соотношение опрошенных разного рода деятельности среди сельчан с разными социальными настроениями (в % от опрошенных)

Действительно, среди оптимистов и реалистов большая часть опрошенных – работающее население (62,4 % и 60,2 % соответственно). Среди пессимистов большинство – неработающее население (62,2 %), причем 40,0 % из них находится на иждивении: домохозяйки, учащиеся, а также пенсионеры, источником дохода которых являются социальные пособия, и еще почти каждый пятый из них – безработный. По мнению исследователей, вследствие отсутствия нормальных мест трудоустройства происходит общее снижение уровня и качества жизни сельского населения, что потенциально может стать источником социальной напряженности [6, с. 128].

Естественно, наличие или отсутствие стабильных источников дохода влияет на материальное благополучие сельчан, что тоже в свою очередь сказывается на их настроении (рис. 5).

Социальное настроение коррелирует с уровнем материального достатка сельских жителей (коэффициент связи по Пирсону $R = 0,116^{**}$). По рис. 5 видно, каким образом меняется соотношение сельчан в группах опрошенных с разным настроением. Хотя в целом удельный вес зажиточных сельчан во всех группах невысокий, но заметно, что среди оптимистов они составляют четверть опрошенных; среди реалистов – одну пятую; среди пессимистов – 13,3 %. Также видно, что более обеспеченных сельчан больше среди оп-

тимистов и реалистов. С «понижением» настроения увеличивается и число бедных сельских жителей: четверть (26,3 %) среди оптимистов, треть (35,7 %) среди реалистов и более половины (57,8 %) среди пессимистов.

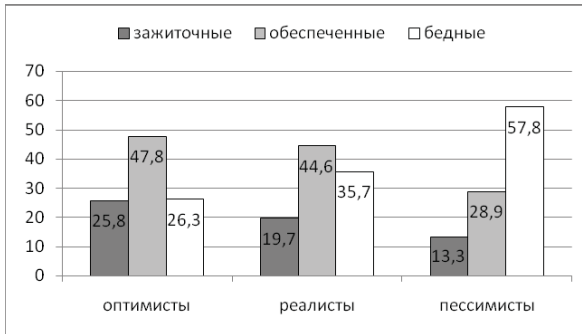

Рис. 5. Соотношение опрошенных с разным уровнем материального достатка среди сельчан с разными социальными настроениями (в % от опрошенных)

Более тесно социальное настроение коррелирует с уровнем социального статуса (рис. 6), который представляет собой некий интегральный показатель и варьируется в зависимости от уровня образования, наличия работы, уровня доходов и материального положения сельчан (коэффициент связи по Пирсону $R = 0,130^{**}$).

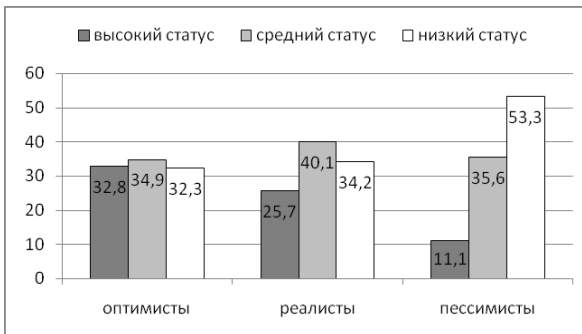

Рис. 6. Соотношение опрошенных с разным социальным статусом среди сельчан с разными социальными настроениями (в % от опрошенных)

Прослеживается аналогичная тенденция: среди оптимистов больше всего сельчан с высоким социальным статусом (32,3 %), а среди пессимистов – меньше всего (11,1 %). И соответственно, наоборот: среди оптимистов меньше всего сельских жителей с низким статусом (32,3 %), а среди пессимистов – больше всего (53,3 %).

По мнению исследователей, оптимизм и пессимизм представляют собой не только субъективные ощущения индивида и его ожидания относительно будущего, но и своеобразное мировоззрение (жизненную философию), основу мотивации социальных поступков [2, с. 101]. Оказалось, что те сельчане, которые «умеют» видеть положительные изменения, в целом отличаются более оптимистичным взглядом на жизнь (рис. 7).

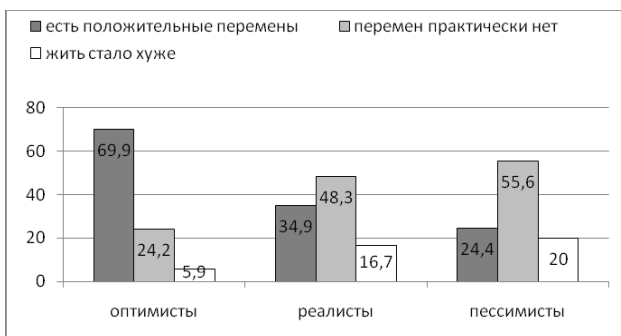

Рис. 7. Соотношение опрошенных с разной оценкой изменений в своей жизни среди сельчан с разными социальными настроениями (в % от опрошенных)

Большинство оптимистов (69,9 %) отмечает наличие положительных перемен, которые произошли в их жизни за последние три года; среди пессимистов таковых всего четверть (24,4 %). Хотя среди пессимистов более половины (55,6 %) ответили, что в их жизни перемен практически не было, но и тех, кто полагает, что жить стало хуже, среди них много – каждый пятый (20,0 %).

Вообще, по мнению исследователей, село в современной России представляет собой наиболее депрессивную социальную среду [1, с. 23], однако оценка социального настроения сельского населения Хакасии показала, что у сельских жителей все-таки больше преобладает реалистичный взгляд на жизнь. Возможно, сельские жители понимают, что в нынешних условиях сложно ожидать существенных изменений (тем более улучшений), поэтому в целом достаточно реалистично смотрят на жизнь, не выражая бесплодных чаяний. Оптимистично настроенных сельчан в общей структуре опрошенных меньше. Эту часть населения отличает достаточно позитивный взгляд на жизнь, высокая удовлетворенность, ожидание улучшений, но вместе с тем они готовы прилагать больше усилий для улучшения своей жизни. Именно среди оптимистов больше всего выражена интенция к миграции из села. Примечательно, что пессимистично настроенных людей оказалось не так много (учитывая сложность ситуации на селе). Эту часть населения отличает низкая удовлетворенность своей жизнью, отсутствие готовности прилагать усилия для того, чтобы ее улучшить и в целом ожидание худшего. Исследователи отмечают, что на разных этапах функционирования того или иного общества могут преобладать оптимистические или пессимистические окрашенные настроения, проявляющиеся в социальной активности или бездеятельности [2, с. 100]. Конечно, сложно сказать, что пессимизм является результатом низкой социальной активности, а оптимизм – высокой. Скорее всего, сложная экономическая ситуация современного села порождает неуверенность сельского населения в своих возможностях, приводит к отчаянию, пресекая возможные интенции в стремлении к лучшему.

Литература

1. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 6(62). С. 23–37.
2. Дитяев А. Ю. Методологический потенциал концепции социального настроения в изучении феноменов оптимизма и пессимизма в современном обществе // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 100–102.
3. Куликов Л. В. Общественное сознание и общественное настроение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2008. Вып. 2. С. 33–39.
4. Парыгин Б. Д. Общественное настроение. М., 1966. С. 41–45.
5. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
6. Соловьев С. А., Калинина И. В. Село приграничного региона: проблемы и социальные настроения // Региональные проблемы. 2017. Т. 20, № 4. С. 123–128.

ДОБРОТА КАК ПРАКТИКА ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Приводятся результаты исследования, показывающего роль доброты в микропрактиках взаимодействия с незнакомцами в большом городе. Доказывается, что обезличенность и безразличность в межличностном пространстве города не является абсолютным условием социальной характеристики взаимодействия. Благодаря спонтанным актам доброты, не нацеленным на получение ответных услуг и не обусловленным различными видами должностования, формируются более позитивные эмоциональные связи и тонкие содержательные взаимодействия незнакомых людей, позволяющие им выходить за рамки обыденности.

Ключевые слова: доброта, просоциальное поведение, городская практика, внимание к незнакомцам.

O. A. Polyushkevich
Irkutsk State University, Irkutsk

KINDNESS AS A PRACTICE OF PROSOCIAL BEHAVIOR

The article presents the results of a study showing the role of kindness in micro-practices of interacting with strangers in a big city. It is proved that impersonality and indifference in the interpersonal space of the city is not an absolute condition for the social characteristics of interaction. Thanks to spontaneous acts of kindness, not aimed at receiving reciprocal services and not conditioned by various types of obligations, more positive emotional connections and subtle meaningful interactions of strangers are formed, allowing them to go beyond the ordinary.

Keywords: kindness, prosocial behavior, urban practice, attention to strangers.

Доброта выступает фокусом изучения социологии с позиции рассмотрения повседневного взаимодействия незнакомых людей в городской среде. В классических социологических работах, доброту исследуют достаточно ограниченно, так как есть риск впасть в морализаторские рассуждения. Но при этом доброта как явление рассматривается составной частью солидарности (Дюркгейм), социального капитала (Бурдье), просоциальных практик (при альтруизме, взаимопомощи, эмпатии), об этом можно найти в работах М. Мосса, Ч. Кули.

Доброта как форма социального акта, способствующего взаимодействию и воспроизводству связей рассматривается в работах М. Мосса [3] и в современных интерпретациях его теории (О. А. Полюшкевич [4]). Но в большинстве работ она выступает дополнительным фактором или само собой разумеющимся элементом, не требующим дополнительного изучения. В современных исследованиях доброта выступает иррациональной составляющей общественного воспроизводства (Р. Г. Ардашев [1; 2]).

Благодаря доброте, проявленной к незнакомцам, можно увидеть то, что скрыто друг от друга. Доброта выступает ключом к понимаю нужд и потребностей горожан, позволяет увидеть их личную вовлеченность и эмоциональную сопричастность с теми, кто находится рядом. И в конечном счете проследить не различия, а наоборот, схожесть их как социальных агентов.

В результате исследования были выявлены основные формы и характеристики доброты, проявляемой к незнакомым или малознакомым людям, позволяющие судить о доброте как связующем элементе общества, через вовлечение в «добрые» практики, активизируется просоциальное поведение, являющееся основой солидарности общества.

В процессе рутинного повседневного взаимодействия «акты доброты» малозаметны, но именно они связывают незримыми нитями социальные связи горожан. К ним можно отнести – покupка еды больному соседу, вынос мусора инвалиду-соседу по дому, помощь молодой маме с коляской на неудобном тротуаре, помощь пожилому человеку перейти улицу и т. д.

Благодаря этим практикам срывается покров обезличенности городской жизни и безразличности к нуждам других, что неоднократно подчеркивалось как в отечественных, так и зарубежных исследованиях городского пространства. В современных городах противостоят отчужденности и пресыщенности как раз акты просоциального поведения, проявленные в малозначительных добрых поступках в отношении незнакомых людей.

По нашему мнению, доброте принадлежит существенное место в формировании социального взаимодействия. Участники исследования вели журнал всех случаев «доброты», т. е. тогда когда они выступали инициаторами бескорыстного доброго дела, эмоциональном соучастии в проблемах других, нашедших отражение в их личных поведенческих практиках. Основной акцент ставился именно на незаметных эпизодах повседневной жизни. Респонденты должны были фиксировать такие акты, а также фиксировать и случаи отказа от подобной помощи. То есть пред ними стояла сложная задача – вспомнить такие акты, сделать заметными незаметные действия.

В итоге в нашем распоряжении оказалось 624 протокола, 16 из участников, согласились принять участие в экспертном интервью и более подробно обсудить как они заполняли протоколы (дневники исследования), что вызывало затруднения, как они их решали и что думали о себе и своем окружении в это время. Возраст участников исследования составил от 18 до 75 лет, 412 женщин (66 %) и 212 мужчин (34 %), проживающих на территории Иркутской области, занимающих различное социально-экономическое и профессиональное положение.

Хотелось бы отметить, что для респондентов ставилось условие фиксировать не только акт «доброты», но и то, что они могли отнести к «альтруизму», «соучастию», «эмпатии», «солидарности», «взаимопомощи», «обоюдности», «вниманию» и проч. Не все из респондентов использовали термин доброта, но по просоциальному контексту их поведения мы можем его отнести к данной категории. Одни не пользовались этим словом, так как это ставило их обычные дела на определенный моральный стандарт (по их оценкам), до которых они не дотягивали. Другие потому что их поступки исходили из «здорового смысла», а не каких-то моральных норм (если можешь помочь – помоги).

Также мы просили фиксировать свои эмоции в связи с проявленными актами доброты, а также отслеживать изменения в связи со своей самооценкой. Все участники отмечали сложность фиксации актов доброты, так как их трудно вспомнить из-за их незначительности, несущественности. Более того, рутинные практики поглощают энергию участников исследования на повседневном уровне и не позволяют отслеживать их вовлеченность в незримые социальные связи с незнакомыми другими, в процессе совершения добрых дел.

«Да не замечаешь все эти добрые поступки, потому что о них не думаешь. Вот даже когда записывала их – это столько вспоминать приходилось в начале, потом-то легче пошло, но главное вовремя записать, со временем то все стирается из памяти. Эти такие обычные вещи. Это же не что-то особенное делаешь, что только раз в жизни бывает, а это повседневные мелочи». (М. Н., 48 лет, бухгалтер на фрилансе, вела дневник в течение полугода).

«Конечно сложное задание – записывать такие мелочи. Вернее сложно их зафиксировать, они же не по плану происходят, а случайно. Идешь по улице – видишь, нужна помощь человеку – перевести по светофору бабушку, или магазине не хватает 2 рублей дедуле, или мусор захватить свой и соседки-инвалида ... я об этом не думаю, просто делаю на автомате. А вот когда пришлось фиксировать, так даже самооценка повысилась, что я по мелочи очень много незнакомым мне людям делаю. Если бы все так делали, то мир был бы лучше». (С. В., 29 лет, экономист в сетевой компании, вела дневник в течение полугода).

«До участия в этом исследовании, я не задумывался, что делаю столько много для других людей. Не задумывался потому что делал на автомате и настоящие мелочи – теплый свежий хлеб покупаю соседке на рынке и приношу, у ее больные ноги и она до рынка сама не дойдет, а мне по пути с учебы, помог старую мебель выбросить соседям, починил колесико на детской коляске молодой маме, ну и много всего за пол года сделал, прямо иначе посмотрел на себя. И теперь исследование закончилось, а потребность фиксировать это осталось. Знаете, это повышает собственную значимость, и те, кому помог не совсем чужие стали. Здравоваюсь со всеми, в одном районе ведь живем, хотя формально не знаем друг друга» (С. В., 24 года, Магистрант по направлению отечественная история, вел дневник в течение полугода).

Выявление социальных функций доброты возможно лишь при выведении из тени эту повседневную незаметную практику, в которую, по нашему мнению, вовлечены значительно больше людей, чем может показаться на первый взгляд. Доброта включена в социальный контекст взаимного соучастия в жизни друг друга в большом городе.

Обобщая результаты исследования, мы выявили основные характеристики актов доброты.

1. Участие в акте доброты меняет контекст социального взаимодействия, наполняя его эмоциональным контекстом и создавая позитивную атмосферу взаимодействия, при том что вербально, это может и не найти отражения в реальности.

2. В процессе этого действия не включаются рамки долженствования или каких-либо обязательств.

3. Они происходят спонтанно, не намеренно, случайно. Оказывают помощь тем, кто в этом нуждается в данный момент. Они реализуются без ожидания эмоциональной, моральной или материальной «отдачи».

4. Спонтанные акты доброты сопровождаются выходом на более позитивное эмоциональное состояние, удовлетворение собой, возникает желание повторить данный поступок). Обыденность подобных практик актов доброты, благодаря эмоциональному подкреплению, позволяет выходить за рамки обыденности, и формирует позитивные социальные сферы, влияя на их включенность в просоциальные контексты взаимодействия.

5. Акты доброты конкретны, имеют индивидуальную (адресную) направленность, в отличие от солидарности, сплоченности, чувства принадлежности к сообществу.

Доброта включает в себя условия и формы межличностных отношений, которые могут и не проявляться в реальных действиях, но при этом будут влиять на контекст и условия самого взаимодействия индивида в целом в городском пространстве. Эти действия меняют социально-психологического взаимодействия, а также имеют непосредственные социально-практические последствия (реальность воздействия очевидна и заметна тому, кто ее оказал прямо сейчас и в это же время наступает эмоциональный подъем). Стоит оговориться, что доброта – это не только эмоциональная характеристика, но и содержательная составляющая, определяющая контекст и условия изменения взаимодействия между конкретными его участниками.

По нашему мнению, это и позволяет считать доброту релевантным объектом социологического исследования реальности. Общепринятые суждения о безразличии и невнимании к окружающим в большом городе достаточно ограничены и не могут проиллюстрировать обыденные практики микровзаимодействия незнакомых людей, осуществляемые через акты доброты. Доброта выступает одним из ключевых элементов городских интеракций незнакомцев.

Данное исследование хотелось бы продолжить в других городах, расширить социально-демографические, стратификационные показатели, провести кросскультурный анализ актов доброты. Поэтому, данная тема требует дополнительного расширения и детальной проработки.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 40–48.
3. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. М.: Вост. лит. РАН, 1996. С. 85–111.
4. Полошкович О. А. Просоциальное поведение: интерпретация теории дарообмена М. Мосса // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 125–128.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЬЕМ ДЕТЕЙ-СИРОТ КАК ПОЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

В статье рассматривается одна из напряженных и сложных современных социальных проблем – своевременное обеспечение достойным жильем детей-сирот; исследуются нормативно-законодательная база и основные трудности и упущения при предоставлении жилья. Даются рекомендации по модернизации системы обеспечения жильем детей-сирот и по совершенствованию жилищного строительства.

Ключевые слова: десятилетие детства, дети-сироты, жилье, жилищный сертификат, цена жилья, строительная индустрия.

S. K. Udalykh

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

THE CURRENT SYSTEM OF PROVIDING HOUSING FOR ORPHANED CHILDREN AS A FIELD OF SOCIAL TENSION

The article deals with one of the most stressful and complex modern social problems – timely provision of decent housing for orphaned children; examines the regulatory framework and the main difficulties and omissions in providing housing. Recommendations are given for modernizing the system of providing housing for orphans and improving housing construction.

Keywords: decade of childhood, orphans, housing, housing certificate, housing price, construction industry.

Одной из главнейших целей государства является поддержка молодого поколения. Конституция РФ гарантирует такую государственную поддержку. Среди детского населения существует большое число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее дети-сироты). Этим детям необходимы всемерная забота и реальная помощь.

Помимо комплекса мер по достойному содержанию детей-сирот важнейшим направлением является своевременное предоставление им качественного и комфортного жилья. В существующих условиях кроме государства этим гражданам никто не поможет. Подобная поддержка объективно необходима, так как после достижения совершеннолетия молодой человек вступает во взрослую жизнь и ее основой является жилье. В соответствии с Федеральным законом № 159-ФЗ гражданину-сироте по достижению им возраста 18 лет должно предоставляться благоустроенное жилое помещение [8].

Многолетняя практика показывает, что указанное требование закона не выполняется, и у государства возникла большая задолженность перед детьми-сиротами, нереализовавших в установленные сроки свое право на получение жилья. Основными причинами невыполнения обязательств является комплекс упущений как федерального, так и регионального менеджмента, в том числе недостатки в учете нуждающихся детей-сирот в жилье, недофинансирование затрат на приобретение жилья, низкое качество жилищного строительства, упущения в организации строительной индустрии и пр. В результате жилье становится все более недоступным и ожидание в получении жилой площади длится годами.

Государственные органы власти новой России с самых первых лет приняли соответствующие нормативные акты по защите прав детей-сирот и обеспечению их необходимыми материальными благами. Так, с 1993 г. в стране принято более 200 нормативных правовых документов, затрагивающих все сферы жизнедеятельности семьи и детей и нацеленных на усиление мер их социальной защиты. Особенно важное значение имеет принятие следующих актов: Конституция РФ, Семейного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ, Уголовного кодекса РФ, Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федерального закона от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и др. Несколько позже были приняты такие особые документы: Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной

стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [6], Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства (2018–2027 годы)» [7], Постановление Правительства РФ от 04.04.2019 № 397 «О правилах формирования списка детей-сирот, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями» [3] и др. Помимо указанных федеральных актов, в России существуют федеральные целевые программы по защите детей-сирот: «Дети России», «Россия без сирот», «Доступное жилье», национальный проект «Жилье и комфортная городская среда» и др.

Несмотря на такую серьезную нормативно-законодательную базу принимаемые государством меры по обеспечению жильем детей-сирот пока не смогли повлиять на улучшение ситуации в этой сфере и кардинально решить проблему накопившейся долговой задолженности.

Полученные нами результаты исследования нижеследующие.

1. Существующая в России в последние годы социально-экономическая ситуация определенным образом способствует появлению по самым разным причинам относительно большого числа детей-сирот. По состоянию на 01.01.2020 в стране состоит на официальном учете более 279 тыс. детей-сирот, которые нуждаются в обеспечении жильем. Например, очередь с 2015 г. ежегодно увеличивалась в среднем на 13 тыс. человек. Около 45 % прироста составляют лица из числа детей-сирот в возрасте 23 лет и выше (т. е. давно покинувших детские социальные учреждения – интернаты, детские дома) [1; 5].

2. В регионах Байкальской территории численность детей-сирот, которые подлежат обеспечению жилищными помещениями, также относительно велика и составляет на начало 2020 г. почти 36,3 тыс. человек; из них 9,7 тыс. человек в возрасте от 14 до 18 лет включены в общероссийский список нуждающихся в жилье, но пока по возрасту не получили такое право. Почти 26,6 тыс. человек в возрасте 18 лет и выше получили право на получение жилья (табл.).

Таблица

Численность детей-сирот, подлежащих обеспечению жильем в регионах Байкальской территории на начало 2020 гг. (чел.)

Регион	Всего в федеральном списке	в том числе		
		от 14 до 18 лет	от 18 до 23 лет	достигли 23 лет и выше
Иркутская область	14663	4110	6042	4511
Красноярский край	8566	2728	4017	1821
Республика Бурятия	5159	1338	2272	1549
Забайкальский край	7867	1521	3166	3180
Итого на Байкальской территории	36255	9697	15497	11061

Примечание: таблица составлена автором по данным [2].

3. В России с начала апреля 2019 г. начал действовать новый порядок формирования списка детей-сирот, претендующих на получение жилья (предыдущий порядок перестал действовать с 31.12.2018). Теперь список создается не на региональном, а на федеральном уровне. В соответствии с новым порядком, список формируется на федеральном уровне для того, чтобы сироты из разных регионов имели равные условия. Информация о претендующих на жилье собирается в единой по стране базе данных. Дети-сироты в случае переезда в другой регион включаются в список по новому месту жительства.

4. У государства образовалась большая задолженность по обеспечению жильем детей-сирот, чье законное право возникло, но не было по разным причинам реализовано. С 2015 г. по 2020 г. очередь сирот за получением жилья выросла со 128 до 191 тыс. человек (в 1,5 раза), а число сирот, не получивших по закону жилье, увеличилось в 1,6 раза (это до 84 % общего числа указанных лиц, нереализовавших право на получение жилья). Задолженность в отношении 191 тыс. человек составляет 68 % от общего числа детей-сирот, состоящих на жилищном учете [1; 5].

5. Ежегодно на исполнение обязательств государства перед детьми-сиротами в консолидированных бюджетах предусматривается более 32 млрд руб. Например, в 2019 г. на эти цели за счет всех источников фактически было направлено уже 39,2 млрд руб., в том числе из федерального бюджета 7,4 млрд руб. (18,8 %), за счет региональных бюджетов – 31,8 млрд руб. (81,2 %) [1; 2]. Основная финансовая нагрузка при этом приходится на региональные бюджеты. В целом по России средства, предусмотренные в бюджетах всех уровней, не позволяют в полной мере решить проблему обеспечения детей-сирот жильем; этих средств недостаточно для устранения накопившейся задолженности. По оценке Счетной палаты РФ, для того чтобы обеспечить жильем всех детей-сирот, у которых такое право возникло и до сих пор не реализовано, требуется одновременно почти 264,5 млрд руб. Если же объем финансирования сохранится на уровне 2019 г., то для погашения всей задолженности перед детьми-сиротами потребуется при условии полного освоения финансовых средств не менее 6–7 лет. В настоящее время длительность ожидания жилья в среднем составляет 7 лет; в отдельных же регионах, например, в Забайкальском крае, республиках Бурятия, Тыва, Мордовия, Ингушетия, Кабардино-Балкария – 20 и более лет.

6. Во всех сибирских регионах имеются системные проблемы в обеспечении жильем детей-сирот; по мнению специалистов, местные власти не предпринимают эффективных мер для решения этих проблем. Например, в Иркутской области число детей-сирот, нуждающихся в получении жилья, постепенно увеличивается: на 01.01.2017 их насчитывалось 12,4 тыс. чел., на 01.01.2018 – 13,1, на 01.01.2019 – 13,9 и на начало 2020 г. – почти 14,7 тыс. чел. Иркутской региональной властью в 2019 г. для детей-сирот закуплено только 553 квартиры на общую сумму 761 млн руб.; эта сумма составила лишь 7 % от потребности. По расчетам Контрольно-счетной палаты Иркутской области на предоставление жилых помещений всем детям-сиротам этого региона, обратившимся с заявлениями, требовалась сумма средств около 11 млрд руб. В 2020–2022 гг. региональной властью обещано предоставить детям-сиротам 4300 жилых помещений, т. е. в ближайшие три года проблема жизнеустройства большинства детей-сирот не будет решена; региональные власти смогут обеспечить жильем детей-сирот не менее, чем через 5 лет.

7. Успешность реализации мер по обеспечению жильем детей-сирот определяется, в первую очередь, финансовым состоянием региональных бюджетов. Можно сделать вывод об отсутствии финансовых ресурсов у значительного числа российских регионов, необходимых для реализации социальных мер в сфере обеспечения детей-сирот жилыми помещениями. В условиях, когда почти половина субъектов России имеют дефицит бюджета, можно прогнозировать невыполнение обязательств по предоставлению жилья. Субсидии из федерального бюджета составляют 20–25 % объема финансирования обязательств по обеспечению детей-сирот жилыми помещениями. Поэтому значительная часть субъектов не в состоянии в полном объеме профинансировать выполнение социальных обязательств государства, что приводит к нарушению конституционного права равной доступности к социальным благам и гарантиям граждан тех или иных регионов.

8. Выделяемые бюджетные средства на жизнеобеспечение детей-сирот в полном объеме в России не расходуются. По итогам 2018 г. и 2019 г. остались не освоенными бюджетные деньги на сумму 3,2 и 3,6 млрд руб.; за счет этих средств можно было бы обеспечить квартирами примерно, до 2,5 тыс. человек в каждый год.

9. В последнее время коренным образом изменился порядок составления списка детей-сирот, нуждающихся в жилье (до этого наблюдались серьезные упущения, связанные с включением в список и исключением из этого списка указанных граждан). Относительно справедливый порядок был наведен с принятием Постановления РФ от 04.04.2019 № 397 [3]. В список детей-сирот, подлежащих обеспечению жилыми помещениями специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений, включаются: несовершеннолетние дети-сироты и дети, оставши-

еся без попечения родителей, в возрасте от 14 до 18 лет; совершеннолетние лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте от 18 лет до исполнения им 23 лет; «возрастные» сироты, достигшие возраста 23 лет (и далее) и по разным причинам не принятые на жилищный учет до достижения этого возраста.

10. На всей территории страны введена в действие уникальная Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО), которая позволяет получать гражданам и органам власти актуальную информацию о мерах социальной поддержки, оказываемых из бюджетов всех уровней. В ЕГИССО также содержится подробная информация об обеспечении детей-сирот жильем [2].

11. Из-за длительного ожидания жилья дети-сироты вынуждены обращаться в суды. По итогам 2019 г. из 25 тыс. человек, обеспеченных жильем, 12,4 тыс., или 49 % получили его на основании решений судов. В 12 регионах страны жилье предоставляется детям-сиротам исключительно на основании судебных решений. При этом с каждым годом количество неисполненных судебных решений нарастает: на 01.01.2018 их было 23 тыс., на 01.10.2019 – 26 тыс. решений. По Иркутской области ежегодно остаются неисполненными от 80 до 90 % решений судов, которые обязывали региональные власти предоставить жилье детям-сиротам.

12. Выявлены относительно неэффективная подготовка к жилищному строительству и недостатки в организации самого строительства, в том числе поздние сроки объявления конкурсных процедур по определению генерального подрядчика на строительство жилых домов; несвоевременная и неполная оплата обязательств по контрактам с незавершенным строительством жилых помещений; признание несостоявшимися конкурсных процедур в связи с отсутствием заявок на участие; нарушение обязательств со стороны продавцов (застройщиков) жилых помещений; слабая техническая оснащенность строительно-монтажных организаций; нарушение сроков ввода в действие жилых домов и низкое качество строительно-монтажных работ (отмечаются случаи, например, что в домах для детей-сирот отсутствуют внутренние двери, утеплители стен, электроснабжение и водонагреватели); отсутствие местной строительной базы по производству эффективных строительных материалов и широкое использование дальнепривозных дорогих материальных ресурсов для жилищного строительства и пр.

13. У тысяч детей-сирот, которые не вовремя, с большим ожиданием и с трудом получили жилье (т.ч. только в результате активного вмешательства вышестоящих органов власти, судебных органов и прокуратуры, а также с помощью общественности, СМИ, депутатов разного уровня) появляется серьезная душевная травма, формируется недоверие к власти; это недоверие далее распространяется на членов будущей собственной семьи и на ближнее окружение. Недоверие к власти ведет к снижению жизненной активности и нигилизму, к нежеланию получить достойную профессию и производительно трудиться.

14. Действующим законодательством не установлена ответственность региональных уполномоченных органов за непредоставление жилья детям-сиротам. Также четко не определен федеральный орган власти по выработке и реализации единой государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере обеспечения жильем детей-сирот.

Наши выводы и рекомендации по результатам исследования следующие.

1. Осуществление системного мониторинга хода реализации Указа Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства (2018–2027 годы)» и Распоряжения Правительства РФ от 06.04.2019 № 656-р «Об утверждении комплекса мер по представлению детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, и лицам из их числа жилых помещений на 2019–2021 годы» [4] на предмет оценки выполнения принятых и обнародованных обязательств перед детьми-сиротами.

2. Разработка детального Федерального плана действий («дорожной карты») или специальной Федеральной программы по обеспечению детей-сирот жильем. В реализа-

ции этого важного документа должны принять участие органы власти всех уровней; документ должен содержать графики ликвидации задолженности в каждом регионе с учетом имеющихся жилых помещений на первичном и вторичных рынках, планируемого ввода нового жилья и строго индивидуального подхода к каждому гражданину-сироте.

3. Определение на федеральном уровне Единого Уполномоченного органа, который бы осуществлял общее нормативно-правовое регулирование вопросов обеспечения жильем детей-сирот.

4. Усиление государственного надзора и контроля за сроками и качеством жилищного строительства для детей-сирот, в том числе со стороны Прокуратуры РФ и Госстройнадзора. В составе контрольных мер также должны быть: анализ соблюдения условий предоставления средств, выделенных из бюджетов на обеспечение жильем детей-сирот; контроль за достижением показателей результативности использования субсидий.

5. Модернизация системы планирования и использования средств федерального и региональных бюджетов на цели обеспечения детей-сирот жильем. Предлагается основной принцип модернизации – плановые ассигнования в трехлетних бюджетах принимаются в полных суммах, исходя из ожидаемой численности детей-сирот, нуждающихся в жилье; при этом субсидии из федерального бюджета должны формироваться с учетом особенностей отдельных регионов (доходы региональных бюджетов, общая численность детей-сирот, объемы и стоимость жилищного строительства и др.).

6. Введение специальных жилищных сертификатов для детей-сирот; при этом нужно принять действенные меры по предупреждению участия криминальных элементов в незаконной реализации этих сертификатов (чтобы сирота не осталась без жилья и денег).

7. Установление реального права детей-сирот на денежную компенсацию за вынужденный коммерческий наем жилья, когда государство не выполняет свои обязательства по предоставлению жилья своевременно.

8. Совершенствование организации строительной индустрии, т. е. ускорение сроков строительства, снижение его стоимости и рыночной цены за жилье; для этого необходим целый комплекс мероприятий, в том числе:

- решение проблем, связанных с отсутствием земельных участков, обеспеченных инженерной инфраструктурой, и достаточных объемов как первичного, так и вторичного жилья;

- создание региональных строительных баз по выпуску большинства местных строительных материалов и конструкций;

- прекращение строительства многоквартирных домов только для детей-сирот и принятие решения о возведении жилья, в котором бы определялась квота (не менее 20–25 %) для сирот (что поможет избавиться от «сиротских кварталов» и социализировать выпускников детских домов);

- значительное снижение стоимости строительства жилья и в итоге цены квартир (в 1,5–2,0 раза), что позволит за счет выделенных из бюджетов средств приобретать для детей-сирот большее количество квартир и сократить очередь нуждающихся в жилье граждан.

Вся страна и ее регионы не справляются с накопившейся задолженностью по обеспечению жильем детей-сирот, что формирует поле социальной напряженности и появление тысяч недовольных молодых граждан. Бюджетные средства не позволяют в полной мере решить проблему, и по расчетам Правительства РФ указанная задолженность может быть ликвидирована лишь за 6 лет; с учетом же современных финансовых и прочих проблем, сроки могут продлиться до 8–10 лет. Такие сроки являются крайне длительными, и при оптимальной организации жилищного строительства и процессов предоставления жилья сроки ожидания тысяч детей-сирот могут быть существенно сокращены.

Литература

1. Дети-сироты // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2020. № 3. URL: <http://www.ach.gov.ru/statements/byulleten-schenoy-palat> (дата обращения: 10.10.2020).

2. Единая государственная информационная система социального обеспечения. URL: <http://egisso.ru/site/statistics/orphans> (дата обращения: 10.10.2020).

3. О правилах формирования списка детей-сирот, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями : постановление Правительства РФ от 04.04.2019 № 397. URL: <http://www.pfrf.ru/info/order/egisso-4586> (дата обращения: 10.10.2020).

4. Об утверждении комплекса мер по представлению детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, и лицам из их числа жилых помещений на 2019–2021 годы : распоряжение Правительства РФ от 06.04.2019 № 656-р. URL: <http://government.ru/docs/all/121340> (дата обращения: 10.10.2020).

5. Оценка выполнения поручений Президента РФ и Правительства РФ, направленных на улучшение жизни детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за период 2017–2019 годов / Счетная палата РФ. URL: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/caf/cafa7c08b272e3db63b65ed> (дата обращения: 10.10.2020).

6. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы : указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761. URL: <http://kremlin.ru/akts/bank/35418> (дата обращения: 10.10.2020).

7. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства (2018–2027 годы) : указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 10.10.2020).

8. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : федер. закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (в ред. от 25.12.2018). URL: <http://base.garant.ru/10135206> (дата обращения: 10.10.2020).

УДК 364.013

Л. Н. Сарпулова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СТРАТЕГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Обновывается, что стратегическое управление в культурной сфере все более расширяется. В связи с этим важное значение приобретает определение стратегий социокультурного развития на уровне региона. Выделяются несколько стратегий развития: от массовой культуры до целевых проектов. Приводятся аргументы, что новые технологии в культуре, креативные индустрии способствуют развитию коммерческих форм досуговой деятельности.

Ключевые слова: культура, стратегия, социокультурное развитие, стратегическое управление, целевые проекты, бюджетное финансирование, регион, формы досуговой деятельности, культурная программа.

L. N. Sarapulova

Irkutsk State University, Irkutsk

STRATEGIES FOR THE SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE REGION

Strategic management in the cultural sphere is expanding more and more. In this regard, it is important to determine the strategies of socio-cultural development at the regional level. There are several development strategies: from mass culture to targeted projects. New technologies in culture, creative industries contribute to the development of commercial forms of leisure activities.

Keywords: culture, strategy, socio-cultural development, strategic management, target projects, budget financing, region, forms of leisure activities, cultural program.

Стратегические аспекты развития культуры в любом регионе приобретают все важное значение в связи с дальнейшим финансированием культурных мероприятий. Стратегии социокультурного развития региона выражают долговременные подходы к генеральному развитию культуры в конкретных социальных группах. Одним из подходов к выработке стратегий является маркетинговый подход, учитывающий запросы потребителей и воздействие на окружающую среду. Региональные социальные группы имеют свою самобытность и собственный менталитет в отношении процессов развития гражданского общества. Регион является административной единицей, в России создано 85 регионов. Существенной характеристикой регионов является его историко-культурный потенциал, тот пласт культуры, который создавался десятилетиями несколькими поколениями населения.

Культура является главной движущей силой человеческого развития. Культура как результат жизни людей представляет собой совокупность норм, ценностей, смыслов, идей, знаковых систем, характерных для социальной общности, включая этнос, нацию, общество [3, с. 19]. Сущность культурной деятельности заключается в ее («лучшающем») характере всех составляющих жизни человека, повышении качества его жизни.

Разработка стратегий социокультурного развития региона входит в общую систему стратегического управления. Стратегическое управление представляет собой область деятельности высшего руководства организаций или территорий, главная обязанность которых состоит в определении предпочтительных направлений развития, постановке целей, распределении ресурсов и всего того, что дает организациям и территориям конкурентные преимущества перед другими организациями и территориями. Стратегия развития выступает как генеральное направление деятельности для достижения поставленных целей в соответствии с миссией, а также концентрацией в сил и средств в нужном направлении. В качестве целей закладывается высокая эффективность развития производств и удовлетворения спроса населения, в том числе в культурных услугах.

В соответствии с поставленной целью нашего исследования, необходимо изучить социокультурные стратегии в масштабе регионов, исследовать региональную политику социально-культурных отношений. Для регионов стратегия развития определяет главные направления их дальнейшего поступательного развития. Под стратегией развития региона понимается доминирующая линия поведения, генеральное направление осуществления миссии региона на уровне его специализации, достижения целей региона в высоком качестве жизни населения [4, с. 38]. Таким образом, стратегические аспекты развития регионов направлены на повышение качества и уровня жизни населения. Качество жизни является более широким понятием и включает, кроме уровня потребления, условия проживания, экологию, наличие свободного времени и другие аспекты. Уровень жизни населения выражается в более конкретных величинах потребления основных благ и, в первую очередь, товаров и услуг первой необходимости.

Профессор Т. И. Грабельных отмечает, что «... важна выработка особого подхода к пониманию «институциональных матриц и их существенных признаков в развитии гражданского общества» [1, с. 35]. Большое значение имеет тенденция к сохранению ментальности населения конкретных регионов. Проведенные комплексные исследования Социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН ИГУ по заказам Общественной палаты Иркутской области позволили выявить ряд особенностей региональной ментальности населения. Выявленные особенности следует учитывать в дальнейшем развитии гражданского общества и, соответственно, социально-культурном развитии.

Граждане регионов все более активно участвуют в социально-культурном развитии через различные элементы инфраструктуры. Стратегические управленческие решения в сфере развития инфраструктуры культуры региона включают следующие элементы:

1. Создание социально-педагогических и культурных центров (например, региональная программа Иркутской области «Школа клубного специалиста).
2. Поддержка учреждений, способствующих снятию социальной напряженности (политклубы, культурно-просветительские и национально-культурные центры).
3. Создание специализированных центров местной культуры: народных музеев, музеев частных коллекций, библиотечных выставок и др.
4. Реставрация нежилого фонда в целях создания культурно-досуговых центров для детей, молодежи и других групп населения.

Все перечисленные элементы инфраструктуры культуры региона составляют материальный уровень культуры. Достигнутый материальный уровень культуры представляет собой осязаемый процесс человеческого стремления к совершенству, его «застывший» результат. Особое место при этом занимают результаты художественного творчества.

Децентрализация управления в области культуры предоставила государственным, неправительственным, коммерческим учреждениям культуры право на определенную свободу в определении приоритетных направлений социокультурного развития. Кроме того, недостаточное финансирование культуры и рост запросов населения на культурно-

досуговые услуги способствует развитию конкуренции частных организаций в данной сфере. Новые технологии в культуре способствуют созданию и развитию коммерческих форм досуговой деятельности. Обратной стороной данного процесса выступает увеличение удельного веса платных услуг, которые стали мало доступны преимущественной части населения регионов.

Стратегической целью всех проектных культурных мероприятий является обеспечение реального доступа к культурным ценностям всем социальным группам населения. В связи с этим выделяется первая стратегия социокультурного развития региона – массовое развитие всех элементов культуры. В данном случае происходит ориентация культурной политики на приоритетные социальные группы и категории населения с целью обеспечения «равных возможностей» и реального доступа к культурным ценностям, наращивания «культурного слоя» и развития навыков культурно-творческой деятельности у различных социальных групп и категорий населения, особенно у детей, подростков, молодежи.

Для реализации первой стратегии массового охвата в культуре необходим большой объем финансирования денежных средств из федерального, регионального и местных бюджетов. В то же время, уже созданные в субъектах РФ частные организации культурно-досуговой деятельности, например, частные школы искусств, продают свои услуги за немалые деньги. Остановить этот процесс невозможно. Платное обучение становится все большей реальностью [5, с. 238].

Второй стратегией социокультурного развития региона является методика формирования и, затем, финансирования целевых проектов и программ. В этом случае, происходит отказ от обычного финансирования всех культурно-досуговых учреждений по их расходам и внедрение договорно-контрактных отношений в культурно-досуговые структуры. При этом разработчики используют принцип проблемно-целевой ориентации для решения конкретной проблемы.

Например, в Иркутской области отдельно финансируются следующие целевые проекты и программы (2020–2025 гг.):

- «Школа клубного специалиста» (бюджет в г. Черемхово – 622 тыс. руб.);
- Региональный фестиваль «Игрушка рожденная сердцем» (бюджет 658 тыс. руб.);
- Программа по организации летнего досуга и занятости детей и подростков в целях профилактики девиантного и асоциального поведения «Радуга», г. Тулун (бюджет 128 тыс. руб.);
- «Связь поколений через информационно-коммуникационные технологий» (бюджет на 2021–2025 гг. – 500 тыс. руб.);
- региональный конкурс «Живи – играя» (бюджет в г. Иркутске – 622 тыс. руб.) и другие культурные проекты и программы.

Третьей стратегией социокультурного развития является сосредоточение материальных и человеческих ресурсов для поддержки «элитных» субъектов социокультурной деятельности (ансамблей, творческих коллективов). Для населения территории они будут играть роль высоко имиджевых коллективов, постоянно повышая «планку» культурной жизни региона. Популярны творческие коллективы должны иметь хорошее финансирование, в том числе для поездок по регионам.

Четвертой стратегией является развитие территориального своеобразия и многообразия культуры региона за счет предоставления права свободного культурного самоопределения и самовыражения различным национально-этническим группам. Культурные программы, финансируемые из местного бюджета и поддерживаемые различными общественными фондами, должны обеспечить сохранение и развитие культуры национальных меньшинств во всех ее аспектах. В данном случае в мероприятия включаются сохранение исторических памятников, языка, литературы, религии, народного творчества. Все это способствует преодолению отчужденности и взаимному признанию самости всех культурных слоев региона, их взаимообогащению и диалогу. В г. Иркут-

ске функционируют несколько диаспор, их них наиболее известные – белорусская и украинская. Формирование менталитета населения региона и поддержка культурных традиций являются приоритетными в управлении социокультурной сферой. Кроме того, большое значение имеет выдвижение творческих инициатив в культурных мероприятиях со стороны населения.

Для каждой выбранной стратегии важно создавать условия для межрегиональных культурных контактов с территориями, имеющими общие культурно-исторические традиции. Между регионами происходили и происходят интенсивные миграционные процессы и этнические группы, которых являются наиболее распространенными в данной местности (например, для Иркутской области это будут Бурятия, Красноярский край и Забайкальский край). Кроме того, все более усиливается роль научных университетов в социальных процессах, происходящих в регионах [2, с. 171]. Они должны стать опорой развития культуры не только среди молодежи, но и в целом в регионе, формируя высокохудожественный культурный пласт населения.

В целом стратегическое управление регионов должно создавать условия для эффективной организации культурного досуга: квартира – жилой дом – двор – микрорайон – район – город. Территориальный уровень в выработке стратегии социокультурного развития имеет основное значение в разработке культурных программ и проектов. Программа обычно включает несколько проектов. Затем рассчитываются объемы финансирования по конкретным программам и проектам. Источники финансирования складываются из трех бюджетов: федерального (до 20 % из общего объема денежных средств), регионального (до 60 %) и местного бюджета (до 20 %). Кроме того, необходимо планировать целенаправленную поддержку культурных инноваций как нововведений, например, креативных технологий. Креативные технологии развивают творческие элементы культуры, уникальность технологий. Общее стратегическое управление культурной сферой регионов, несомненно, осуществляют государственные органы управления. Органы управления составляют культурные программы, определяют финансирование и непосредственно с учреждениями культуры по привлечению населения к участию в культурных мероприятиях.

Неотъемлемой и важной частью стратегического управления является оценка стратегии или контроль. Главная цель контроля – выявление внутренних резервов, позволяющих улучшить действующую систему принятия решений и поиск путей повышения эффективности управления культурой в целом. В литературе выделяют основные методы контроля: предварительный, направленный и итоговый. Видами контроля являются: соответствие реальных показателей плановым, стратегический контроль как критическая оценка эффективности всей социокультурной деятельности. В зависимости от результатов анализа, процесс стратегического управления либо возвращается на стадию «постановки задач» для внесения корректив в стратегию, либо переходит на следующий уровень – разработка нового стратегического поведения.

Эффективность внедрения стратегий рассчитывается как отношение показателя эффекта к затратам. Кроме того, положительными результатами внедрения какой-либо стратегии социокультурного развития является увеличение количества постоянных клиентов и в целом рост числа потребителей культурных услуг. Данные результаты характеризуют внедрение нового индивидуального маркетинга работы с клиентами – маркетинга отношений (вместо традиционного массового маркетинга). Таким образом, устойчивость и эффективность социокультурного развития регионов зависит от выбора государственными органами стратегических направлений развития от массово культуры до целевых проектов.

Литература

1. Грабельных Т. И. Ментальность как принцип конструирования эффективных форм общественно-го участия в развитии гражданского общества в Иркутском регионе // Siberian Socium. 2018. Т. 2, № 2. С. 33–44.

2. Грабельных Т. И. «Устойчивый мир» университета и его социальное самоопределение в условиях угроз, вызовов и рисков // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 169–171.
3. Марков А. П., Бирженок Г. М. Основы социокультурного проектирования: учебное пособие. Санкт-Петербург, 1997. С. 19–50.
4. Сарапулова Л. Н. Стратегические аспекты управления изменениями в организации: учебное пособие. Иркутск : Изд-во ИРНТУ, 2017. 132 с.
5. Успех Э. Р. Истоки региональной социокультурной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7 (19). С. 236–241.

УДК 711.4:159.942

Н. Д. Сорокина

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва

ЧТО ВЫЗЫВАЕТ КОНФЛИКТЫ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ?

Статья посвящена процессам принятия и реализации градостроительных решений. Автор отмечает, что современная градостроительная политика подразумевает социальное участие жителей, вовлечение граждан в процессы выработки и реализации проектов и программ, формирующих среду их жизнедеятельности. На практике можно наблюдать ущемление прав жителей, что нередко приводит к конфликтам. Поэтому для профилактики и урегулирования градостроительных конфликтов нужно формирование и развитие институтов гражданского общества, что предполагает не безразличие и активность самих жителей. В этом плане протесты жителей против того или иного градостроительного решения являются своеобразной формой диалога, механизмом обратной связи.

Ключевые слова: градостроительная политика, участие жителей в градостроительной политике, градостроительные конфликты, профилактика и урегулирование градостроительных конфликтов.

N. D. Sorokina

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow

WHAT CAUSES CONFLICTS IN THE IMPLEMENTATION OF URBAN PLANNING DECISIONS?

The article is devoted to the processes of making and implementing urban planning decisions. The author notes that modern urban planning policy implies social participation of residents, involvement of citizens in the development and implementation of projects and programs that form the environment of their life. In practice, it is possible to observe infringement of the rights of residents, which often leads to conflicts. Therefore, for the prevention and settlement of urban conflicts, it is necessary to form and develop civil society institutions, which does not imply indifference and activity of the residents themselves. In this regard, protests against a particular urban development decision are a form of dialogue, a feedback mechanism.

Keywords: urban planning policy, participation of residents in urban planning policy, urban planning conflicts, prevention and settlement of urban planning conflicts.

Устойчивое развитие регионов России прямо коррелирует с эффективностью принимаемых решений. Это в полной мере относится к принятию и реализации градостроительных решений. Поскольку последние напрямую затрагивают интересы жителей, необходима активная вовлеченность граждан в эти процессы. Каковы проблемы, препятствующие реализации этих задач, в частности, насколько современные практики реализации градостроительных решений способствуют/препятствуют устойчивому развитию регионов?

Обратная связь является необходимым элементом процесса управления. Это касается и развития городской среды. Поэтому учет мнений жителей при разработке и реализации того или иного градостроительного решения способствует тому, что интересы жителей не будут ущемлены или, по крайней мере, жители согласятся с тем или иным градостроительным решением, которое направлено на улучшение городской среды в целом, и принесет ощутимые блага если не сию минуту, то в ближайшем будущем.

Градостроительная политика современной России подразумевает социальное участие жителей, вовлечение граждан в процессы выработки и реализации проектов и программ, формирующих среду их жизнедеятельности. При принятии управленческого решения следует учитывать интересы жителей, проживающих на территории, которую предполагается развивать, а также прогнозировать последствия реализации конкретных проектов.

Социальное участие предполагает диагностику проблем конкретного социального объекта, особенно если речь идет о возникшей конфликтной ситуации. В этом случае социальная диагностика представляет не только изучение отношения жителей к реализации какого-либо градостроительного проекта, но и выявление реальных проблем, которые могут стать отправными пунктами в договорном процессе при согласовании интересов конфликтующих сторон. Покажем применение практик социального участия при реализации градостроительных решений на примере г. Москвы.

В 1997 г. были приняты два Закона г. Москвы. Один – основан на градостроительном кодексе РФ от 25 июня 1997 г. № 21 «О консультативном опросе граждан в г. Москве». Согласно Закону проводится опрос с целью выявления мнения жильцов для учета их интересов по проблемам местной жизни районной Управой (статья 1). Второй – от 25 июня 1997 г. № 28-51 «О защите прав граждан при реализации градостроительных решений в городе Москве».

Автор принимала участие в нескольких проектах, связанных с приглашением специалистов для проведения такого опроса, информирования жителей о предполагаемом градостроительном проекте в рамках социологического сопровождения строительства. В ходе исследования выявлялся также уровень социальной напряженности, который напрямую зависел от наличия тех или иных проблем.

Но за последние два десятилетия практики принятия и реализации градостроительных решений претерпели изменения. В связи с усилением протестов Москве (и по стране в целом) были внесены поправки в Градостроительный кодекс РФ. В нем появилось такое понятие, как Публичные слушания. В последнее время добавился еще один субъект при реализации градостроительных решений, так называемый девелопер. По идее, он должен выполнять функцию развития территории, на деле часто действует в собственных интересах, игнорируя мнения жителей, а вместо развития происходит нередко деградация окружающей среды, ухудшение и так не всегда благоприятной экологической среды, разрушение социокультурного пространства, к которому привыкли жители, навязывание им чуждого образа среды, превращение отдельных районов в «каменные джунгли», «гетто».

Реализация градостроительных решений на территории Москвы в последние годы сопровождается двумя параллельными процессами. С одной стороны, в СМИ появляется информация о достижениях в этой области и одновременно организуется пиар-сопровождение строительства, а также публичные слушания. С другой стороны, появляются сообщения о протестах жителей, категорически возражающих против навязанных «сверху» изменений привычной им городской среды, в основном в сети Интернет.

Анализ практик публичных слушаний показывает, что данный институт был создан для того, чтобы фактически исключить притязания жителей на городское пространство. Практика публичных слушаний началась в 2012 г., хотя до сер. 2013 г. продержалась демократическая процедура, когда учитывалось мнение жителей. Публичные слушания фактически предполагают минимум уступок жителям, поэтому помимо убеждения используется и практика принуждения и даже насилия в случае активного сопротивления жителей, что мы нередко наблюдаем в настоящее время в Москве, да и в других регионах России.

В настоящее время происходит усугубление социальных проблем, а жители все больше предпочитают акции протеста в случае принятия того или иного градостроительного решения, ущемляющего их интересы. До сих пор, к примеру, в Москве не утихают конфликты в связи с уплотнением застройки, а в последнее время из-за программы рено-

вации. В Москве создано движение против градостроительной политики властей. В основе его лежит несогласие с превращением Москвы, по выражению противников точечной застройки, в «каменные джунгли», также ведется борьба с незаконной на их взгляд, застройкой парков, практиками благоустройства, приводящими к вымиранию зеленых насаждений, отдельных видов животных. Точечная застройка доставляет неприятности жителям и других городов России. Корень всех проблем видится в том, что городские власти, принимая решения, не учитывают мнение людей. И тогда жители выходят на пикеты, митинги и т. д.

Одна из причин такого противостояния – чисто правовая. Так, процедуры принятия и реализации градостроительных решений, заложенные в Градостроительных кодексах городов, на данный момент являются квазидемократическими. К тому же имеет место низкий уровень правовой грамотности жителей, их нежелание отстаивать свои интересы. И только когда задеты жизненно важные интересы населения, например, жизнь, здоровье, как в случае с «мусорными» протестами, жители начинают протестовать и использовать разные формы протеста, иногда незаконные.

Поэтому не случайно, «исследователями констатируется чрезвычайно низкий уровень участия населения в решении вопросов местного значения... муниципальный социум пока еще не осознает своей роли как субъекта МСУ, в сознании большинства российских граждан пока еще преобладают формировавшиеся десятилетия стереотипы по вопросам организации властных структур, блокирующие социальную активность... не преодолено отчуждение населения и отдельного индивидуума от публичной власти, не возникло достаточно предпосылок для социальной включенности граждан в решении проблем местных сообществ» [1, с. 5].

Таким образом, мы наблюдаем отсутствие реального диалога между жителями и другими заинтересованными лицами при реализации градостроительных решений. Подобная практика игнорирования интересов жителей рано или поздно приведет к тому, что ситуация будет только обостряться. С одной стороны, будет расти протестная активность недовольных жителей различными градостроительными решениями, с другой – будет происходить (и сейчас уже происходит) ужесточение правил проведения митингов, необоснованное насилие со стороны органов правопорядка, применение репрессивных мер по отношению к митингующим и т. д.

Решение проблемы видится в формировании и развитии институтов гражданского общества. В этом отношении можно приветствовать инициативу депутата Законодательного Собрания Иркутской области Виктора Шопена: с 5 марта 2014 г. на постоянной основе начнет работать совет по решению конфликтных вопросов. Совет «будет исполнять роль дискуссионной площадки, на которой органы власти, предприниматели, управляющие компании, горожане совместно станут обсуждать решение той или иной проблемы, не доводя дело до суда», – пояснила «Байкал Инфо» помощник депутата Татьяна Шишова». По словам помощника депутата, много жителей Ангарска обращаются за помощью к Виктору Шопену, который решает проблемы ангарчан практически ежедневно. «Кто-то просит Виктора Пантелеймоновича помочь получить жилье, кто-то наладить доброжелательные отношения с управляющей компанией, благоустроить двор, установить пешеходный переход, разрешить градостроительные конфликты и другое», – отметила Татьяна Шишова» [2].

Помимо таких Советов, большая роль в профилактике, урегулировании конфликтов подобного рода должна отводиться и другим институтам гражданского общества, что предполагает не безразличие и активность самих жителей. В этом плане протесты жителей против того или иного градостроительного решения являются своеобразной формой диалога, механизмом обратной связи. Главное, чтобы при этом лица, принимающие решения, учитывали мнения жителей.

Литература

1. Майкова Э. Ю. Местное самоуправление в России: теория и современные социальные практики: монография. Тверь : Твер. гос. техн. ун-т, 2016.
2. Александрова Ю. В Ангарске появился совет по решению конфликтных вопросов по инициативе Виктора Шопена // Электронный парламент. 2014. № 4 (122), 17 февр. URL: http://www.irk.gov.ru/events/publications/deputy_diary/detail.php?ID=7393.

УДК 378.637(571.53)

А. В. Блиникова

Иркутской государственный университет, г. Иркутск

ХЬЮТАГОГИКА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассматривается необходимость развития хьютагогики в непрерывном педагогическом образовании в связи с активным внедрением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в условиях пандемии. Обсуждается, что практика работы образовательных организаций Иркутской области натолкнулась на определенные проблемы. Приводится структура и проблемы, характерные для каждого компонента системы непрерывного педагогического образования, с предположением, что один из потенциалов их преодоления может быть в хьютагогике.

Ключевые слова: педагогическое образование, педагог, непрерывное педагогическое образование, образовательная организация, андрогики, хьютагогика.

A. V. Blinnikova

Irkutsk State University, Irkutsk

HEUTAGOGY IN SOLVING THE PROBLEMS OF THE SYSTEM OF CONTINUOUS PEDAGOGICAL EDUCATION ON THE EXAMPLE OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE IRKUTSK REGION

The article considers the need to develop heutagogy in continuous pedagogical education in connection with the active introduction of e-learning and remote educational technologies in pandemic conditions. The practice of educational organizations in the Irkutsk region encountered certain problems. The author cites the structure and problems characteristic of each component of the system of continuous pedagogical education, suggesting that one of the potentials for overcoming them may be in heutagogy.

Keywords: pedagogical education, teacher, continuous pedagogical education, educational organization, androgogy, heutagogy.

На протяжении многих лет сфера образования признана одной из самых консервативных, но ситуация пандемии ярко выявила проблему необходимости развития хьютагогики в контексте непрерывного педагогического образования в Иркутской области. Обсуждается содержательная часть «Концепции непрерывного педагогического образования Иркутской области» с учетом нарастающей необходимости подготовки педагогов для методик электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Понимание того, что профессионалам, кто работает с информационными технологиями, приходится учиться непрерывно. Учитывая концепт, что взрослые педагоги не могут учиться по тем же принципам, что и дети, ведь наша способность воспринимать информацию меняется на протяжении жизни. Исследования в этой области привели к появлению новой образовательной концепции, а информационный бум, распространение мобильных интернет-устройств и развитие социальных сетей предопределили очередную смену образовательной парадигмы [1; 2].

В середине XX в. оформился отдельный раздел теории обучения – обучение взрослых, или «андрогики». В конце 90-х гг. XX в. появилось «электронное обучение» (elearning), его бум был связан с растущей доступностью персональных компьютеров и развитием интернета. Уже тогда в Европейских странах появились школы с дистанционным обучением для учеников из дальних поселений. Термин «хьютагогика» или «эвтаго-

гика» (два равнозначных перевода английского *heutagogy*) был сформулирован в научной статье австралийских педагогов и ученых Стюарта Хасце (Stewart Hase) и Криса Кеньона (Chris Kenyon) в 2000 г. Этот термин по аналогии с «педагогикой» и «андрагогикой» сконструирован из греческих слов, которые апеллируют к самостоятельному поиску, открытиям и выводам [4].

Сам термин «хьютагогика» (от англ. *heutagogy*) – одно из современных определенных самообразования. Дословно данный термин означает «вести к изобретениям, открытиям, находкам, выводам». Это самостоятельное обучение с творческим подходом, при котором обучающийся сам для себя определяет, что будет изучать, когда и в какой форме, синонимом в России используется термин «эвтагогика». Итак, хьютагогика способствует решению следующих ключевых задач, поддерживающих базовое и дополнительное обучение: подготовка человека к его современными условиям; адаптация его к постоянно меняющимся условиям; разностороннее развитие личности, формирование мировоззрения, а также нравственных и эстетических интересов, соответствующих современным потребностям.

Рассмотрим структуру и условия характерные для непрерывного педагогического образования Иркутской области. Необходимым условием профессионального роста для педагога является постоянное повышение квалификации, на регулярной основе по государственному заданию Министерства образования Иркутской области эту работу осуществляют ГАУ ДПО ИРО и ГАУ ДПО РИКП.

ГАУ ДПО «Институт развития образования» реализует 127 дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки для работников образовательных организаций Иркутской области. В 2019 г. по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации на базе ГАУ ДПО ИРО прошли обучение: за счет бюджетных ассигнований областного бюджета Иркутской области – 9624 чел.; по договорам об оказании платных образовательных услуг – 1942 чел.

По программам профессиональной переподготовки на базе ГАУ ДПО ИРО прошли обучение: за счет бюджетных ассигнований областного бюджета Иркутской области – 122 чел.; по договорам об оказании платных образовательных услуг – 274 чел.

ГАУ ДПО ИО «Региональный институт кадровой политики» реализует 94 дополнительных профессиональных программы повышения квалификации для работников образовательных организаций дошкольного, общего, дополнительного и среднего профессионального образования. В 2019 г. по на базе института прошли обучение: за счет бюджетных ассигнований областного бюджета Иркутской области – 2100 чел.; по договорам об оказании платных образовательных услуг – 1162 чел.

По дополнительным профессиональным программам профессиональной переподготовки на базе ГАУ ДПО ИО РИКП прошли обучение: за счет бюджетных ассигнований областного бюджета Иркутской области Иркутской области – 25 чел.; по договорам об оказании платных образовательных услуг – 50 чел.

Вышеуказанными государственными автономными учреждениями ДПО для педагогов Иркутской области реализуется 221 программа повышения квалификации и 29 программ профессиональной переподготовки. На базе двух организаций в течение одного года за счет бюджетных ассигнований областного бюджета имеют возможность пройти повышение квалификации более 11,7 тыс. специалистов, профессиональную переподготовку – более 300 педагогов.

Кроме того, дополнительные профессиональные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки для педагогов и специалистов, имеющих иное образование и желающих получить педагогическую специальность, реализуются на базе ГБПОУ Иркутской области «Братский педагогический колледж», ГБПОУ Иркутской области «Иркутский региональный колледж педагогического образования», ГБПОУ

Иркутской области «Черемховский педагогический колледж», МОУ ДПО «Центр развития образования города Саянска» и иных образовательных организаций.

Таким образом, в Иркутской области созданы удовлетворительные условия для получения непрерывного образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Образование и педагогические науки». Уровни непрерывного педагогического образования:

- образовательные организации среднего профессионального образования – педагогические колледжи Иркутской области;
- образовательные организации высшего образования – ИГУ, БрГУ, ИрГАУ (бакалавриат, магистратура, специалитет, аспирантура);
- повышение квалификации педагогических работников и профессиональная переподготовка – развитая сеть организаций ДПО.

Как одна из форм повышения профессионального мастерства, развивается система конкурсов для педагогов, позволяющая представлять профессиональный опыт, совершенствовать компетенции. К таким мероприятиям относятся: «Воспитатели России», «Учитель здоровья России», «Доброшкола», «Мастер педагогических технологий в сфере дошкольного образования», «Лучшая методическая разработка», «Сердце отдаю детям», «Дебют», «Новая волна», «Учитель-дефектолог России», «Лучшая образовательная организация Иркутской области», «Учитель года», «Воспитатель года», «Педагог-психолог России», «Конкурс на присуждение премий лучшим учителям за достижения в педагогической деятельности», конкурс на присуждение премии Губернатора Иркутской области «Лучший учитель», конкурс в рамках премии Губернатора Иркутской области «Лучший педагогический работник в сфере дополнительного образования детей», «Преподаватель профессиональной образовательной организации», «Мастер года» и другие.

Не смотря на созданные в регионе условия непрерывного педагогического образования, ощущается кадровый дефицит специалистов в образовательных организациях Иркутской области.

По данным регионального центра мониторинга кадровой потребности, кадровая потребность в педагогических специалистах в период с 2019 по 2023 г. ожидается следующей: в организациях дошкольного образования 3577 чел.; в начальном, основном и среднем общем образовании 5764 чел.; в организациях дополнительного образования детей необходимы специалисты для работы по программам разной направленности общей численностью 618; в профессиональных образовательных организациях требуются 341 чел.

Также до 2023 г. прогнозируется дефицит в профессиональной переподготовке работающих педагогов: в организациях дошкольного образования 248 чел.; в начальном, основном и среднем общем образовании 1208 чел.

Итак, как мы видим, региональная система непрерывного педагогического образования представлена пятью структурными компонентами профессионального становления учителя:

1. Предпрофильная подготовка психолого-педагогической направленности, обеспечивающая формирование профессионального самоопределения.
2. Среднее профессиональное педагогическое образование.
3. Трехуровневая подготовка педагогических кадров в образовательных организациях высшего образования: бакалавриат, магистратура, подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации (аспирантура).
4. Дополнительное профессиональное педагогическое образование.
5. «Институт наставничества» в образовательных организациях всех уровней.

Первые четыре можно рассматривать как самостоятельные компоненты, а пятый – может действовать, как часть во всех вышеперечисленных.

Для каждого из указанных компонентов характерны определенные проблемы.

Для *первого компонента* непрерывного педагогического образования – «Предпрофильная подготовка психолого-педагогической направленности» – характерно недостаточное внимание к целенаправленной работе по отбору обучающихся, способных и мотивированных к педагогической деятельности.

Для *второго компонента* непрерывного педагогического образования – «Среднее профессиональное педагогическое образование» – проблемами являются:

- недостаточная корреляция подготовки с особенностями профессиональной деятельности педагогов сообразно с требованиями соответствующих профессиональных стандартов;

- недостаточная нормативная обеспеченность проектов сетевого взаимодействия педагогических колледжей, базовых детских садов, школ и других образовательных организаций;

- наличие противоречий между содержанием современного педагогического образования и требованиями, предъявляемыми в настоящее время школой, обществом и государством к личности и уровню профессиональной компетентности педагога;

- слабое использование современных информационно-коммуникационных и образовательных технологий деятельностного типа для организации удаленного обучения;

- отсутствие эффективной системы мониторинга трудоустройства выпускников педагогических колледжей и их социальной и профессиональной адаптации в первые три года трудовой деятельности.

Для *третьего компонента* – «Трехуровневая подготовка педагогических кадров в образовательных организациях высшего образования» – характерны проблемы:

- невысокий средний балл по единому государственному экзамену абитуриентов, поступающих на некоторые педагогические профили;

- низкая мотивация абитуриентов на получение отдельных педагогических специальностей;

- низкая мотивация выпускников вузов на педагогическую профессиональную деятельность и отток наиболее квалифицированных педагогических кадров в иные отрасли экономики региона;

- отсутствие независимой профессиональной сертификации педагогов, получивших педагогическое образование по разным программам подготовки;

- отсутствие дифференцированного подхода к оплате труда педагогических работников, имеющих степени магистра, кандидата или доктора наук.

Четвертый компонент развития непрерывного педагогического образования – «Дополнительное профессиональное педагогическое образование» – подразумевает дальнейшее совершенствование педагогического мастерства и профессионализма работающих педагогов через повышение квалификации и профессиональной переподготовки:

- педагоги не успевают следить за происходящими системными изменениями в структуре, технологиях, содержании современного образования;

- значительная часть педагогов не владеет технологиями развивающего обучения, дистанционными образовательными технологиями, а также проектным методом обучения;

- дефицит у педагогов профессиональных компетенций для полноценной реализации федеральных образовательных стандартов дошкольного, начального, основного и среднего общего образования, системно-деятельностного подхода в воспитании, обучении и развитии личности;

- присутствие профессионального конфликта между социальной значимостью содержания педагогических инноваций и фрагментарностью, разрозненностью их использования в практике непрерывного профессионального образования;

– конфликт количества и качества программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки для реализации профессиональных стандартов, соответствующих педагогической и психолого-педагогической деятельности в образовательных организациях;

– наличие противоречий между развитием инновационной образовательной практики и несовершенством механизмов взаимодействия организаций системы дополнительного профессионального образования;

– бюрократизация профессиональной деятельности, отвлечение на выполнение работ, напрямую не связанных с должностными обязанностями, отсутствие в профессиональной деятельности четких принципов построения вертикальной и горизонтальной карьеры и ротации кадров ограничивают развитие творчества и динамизма в профессии, способствуют быстрому профессиональному «выгоранию»;

– отсутствие единой системы непрерывного образования, связанной с системой аттестации и сертификации педагогических кадров;

– низкий уровень вариативности программ ДПО, ориентированных на разные категории слушателей по уровню профессионального роста для отдельно взятых профессий;

– отсутствие сетевого взаимодействия между образовательными организациями, осуществляющих подготовку, повышение квалификации и профессиональную переподготовку педагогических кадров и образовательных организаций дошкольного, основного, общего и дополнительного образования детей.

Пятый компонент системы непрерывного педагогического образования – «Институт наставничества» – в образовательных организациях всех уровней». Проблемным полем в данном случае является отсутствие региональной модели наставничества в системе непрерывного педагогического образования.

Также можно выделить ряд проблемных зон для всех компонентов системы непрерывного педагогического образования региона: несовершенная система электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в образовательных организациях; низкий уровень владения дистанционными образовательными технологиями и цифровой грамотности педагогов области; несоответствие между личностными профессиональными потребностями педагогов и существующими формами непрерывного профессионального образования; слабое функционирование системы привлечения, закрепления, профессиональной поддержки и сопровождения молодых педагогов образовательными организациями.

Современный этап развития непрерывного педагогического образования следует определить как профессионально-ценностный, поскольку опираясь на документы Международной комиссии по образованию для XXI в. и Концепцию модернизации российского образования в рамках Федеральной целевой программы развития образования, основной целью непрерывного образования является переход от формирования свойств личности, ценных для успешного осуществления любой деятельности, к свойствам, необходимым для определенного вида деятельности – непрерывного совершенствования профессиональных качеств субъектов образования [3]. В условиях пандемии упор с традиционных форм и технологий переходит в сферу электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Поэтому хьютагогика в контексте непрерывного педагогического образования подразумевает активную роль педагога в обучении основам цифровых знаний и дистанционных образовательных технологий как креативного исследователя. Овладение обучающимся педагогом стратегиями автономности является неотъемлемым условием успешности обучения. Особо отметим, что без активной и относительно автономной позиции субъекта непрерывного образования (педагога) система не может быть высокоэффективной.

Литература

1. Андрейчук Н. В. Проблема непрерывного образования в контексте современной философии образования // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2007. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-neprepryvnogo-obrazovaniya-v-kontekste-sovremennoy-filosofii-obrazovaniya> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Ермакова Л. И. Непрерывное образование: социальная практика дополнительного профессионального образования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/neprepryvnnoe-obrazovanie-sotsialnaya-praktika-dopolnitelnogo-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 10.11.2020).
3. Захарченко М. В. Генезис непрерывного образования как философско-исторического понятия // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25160> (дата обращения: 10.11.2020).
4. Пушкарев Ю. В., Пушкарева Е. А. Философия непрерывного образования в контексте развития глобальной культуры // Вестник НГПУ. 2016. № 3 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-neprepryvnogo-obrazovaniya-v-kontekste-razvitiya-globalnoy-kultury> (дата обращения: 10.11.2020).

УДК 316.421

Л. А. Гуринович

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Е. А. Фурман

ГАУ ДО ИО «Центр развития дополнительного образования детей», г. Иркутск

ПРОФИОРИЕНТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируется процесс профориентации и деятельность его участников. Приводятся некоторые результаты исследования, касающиеся процесса и продуктов процесса профориентации в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: сфера образования, профориентация, молодежь.

L. A. Gurinovich

Irkutsk State University, Irkutsk

E. A. Furman

GAU DO IO "Center for the Development of Additional Education for Children", Irkutsk

CAREER GUIDANCE IN THE IRKUTSK REGION: SOME RESULTS OF THE PILOT STUDY

The article deals with the analysis of the career guidance process and its participants. The authors present some research results concerning the process and products of career guidance in educational institutions.

Keywords: education, career guidance, youth.

Вопросы подготовки молодых специалистов являются невероятно важными во все времена, однако завершение второго десятилетия XXI в. и риски, принесенные новыми вызовами, делают тему особенно актуальной.

Современная система образования создает условия для непрерывного образования посредством реализации основных образовательных программ и различных дополнительных образовательных программ, предоставления возможности одновременного освоения нескольких образовательных программ, а также учета имеющихся образования, квалификации, опыта практической деятельности при получении образования [1].

В социальную сферу образования, кроме прочих элементов, входит система профессиональной ориентации. Нужно заметить, что сегодня она является специализированным социальным институтом, значение которого в условиях трансформации социальных отношений, сопровождающейся системным социальным кризисом, значительно возрастает. Повышение ее роли в оптимизации социальных процессов связано с направленностью профориентации на усиление адаптационных возможностей индивида не только в сфере труда, но и в широком социальном контексте его жизнедеятельности. В этом

своим значением система профессиональной ориентации выходит на уровень институтов социализации, социального контроля и социальной защиты интегрируя их возможности в обеспечение социальной адаптированности и конкурентоспособности населения, конкретизируя формы и способы их деятельности в средства достижения эффективной занятости конкретного индивида.

Формирование новых социальных отношений не является одномоментным актом, а имеет пролонгированный характер, что будет определять проблему "освоения" формирующихся социальных отношений на длительную перспективу. Проблема "освоения" не является только проблемой индивида или социально-демографической группы, а предполагает модернизацию социальных институтов в соответствии с новой социальной реальностью и глобальным тенденциям современности. Однако складывающаяся система региональной профориентации обрывочна, в ней есть система государственных организаций, работающих стабильно, с учетом изменения социальной реальности, и частные акторы, стремящиеся к развитию прогностических направлений профориентации, что начинает составлять определенный дисбаланс в создании образа будущих профессий, без проведения научных исследований.

Актуальность институционального аспекта профориентации связана с необходимостью поддержки и регуляции новых деятельностных возможностей, обеспечения вариативности каналов реализации социального и профессионального потенциала, адаптации населения к социальным инновациям. Традиционные институты социализации и социального контроля утрачивают свою роль в регулировании социального поведения индивидов в связи с возрастающим противоречием между зафиксированной в них ценностно-нормативной системой и реальными процессами, а также повышением динамической неопределенности социальной жизни, индивидуализацией и плюрализацией жизненных миров индивидов.

Профориентационная деятельность приобретает новые перспективы и способы социального влияния с переходом от понимания профессиональной деятельности индивида не только как деятельности в рамках профессиональной роли, но и как способа социальной самореализации индивида, как осуществления социальной роли. При таком подходе современная тенденция индивидуализации социальной жизни учитывается в максимальной степени, а в некоторых случаях и снимается противоречие личной свободы и социальной регламентации индивидуального ролевого поведения. Реальностью является ситуация, когда роль полученного индивидом образования определяет его дальнейшую профессиональную деятельность.

В рамках модернизации образования выстраивание эффективного канала взаимодействия вуза и работодателей является по-прежнему актуальной задачей. Механизм связи института и различных предприятий влечет за собой формирование компетентностных характеристики подготовленности выпускников, а значит востребованность последних на рынке труда [3].

На современном рынке труда по-настоящему конкурентоспособным будет работник, который не только хорошо знает технические особенности своей профессии, но и общителен, умеет работать в стрессовой ситуации, выполнять поставленные задачи с учетом четко установленных временных рамок, управлять персоналом, представить продукт своего труда клиентам и широкой публике и т. д. Следовательно, традиционный подход к высшему образованию, ориентированный на решение одной задачи – обучить молодого человека определенной специальности – уже устарел. Вслед за молодыми людьми, которые достаточно давно тревожатся по вопросам трудоустройства, авторы присоединяются к мнению, что на данный момент существует серьезная проблема трудоустройства молодых специалистов, если не будут строиться прочные связи между сферой образования и бизнеса.

Большинство профессий подразумевают как знание теории, так и наличие практических навыков, причем второе очень часто является большей прерогативой. В зависимости от полученной специальности молодому специалисту без опыта работы будет проще или сложнее устроиться на работу по специальности впервые. Можно сказать, что чем больше какая-то профессия требует специальных знаний и меньше практических навыков, тем проще будет устроиться на работу специалисту по этой профессии, подтверждающему обозначенное не только наличием документов об образовании и аттестатом в хорошем смысле, но и стажем работы, подтвержденным записями в трудовой книжке. В условиях перехода сферы занятости на неполную и частичную, рискуют и молодые специалисты, и работодатели.

Необходимость формирования новых поведенческих установок и ценностных ориентаций, отражающих новые социальные и экономические реалии, актуализирует проблему формирования специализированного социального института, деятельность которого была бы направлена на повышение адаптивных возможностей человека в трудовой сфере, предотвращения развития кризисных ситуаций, социальных аномий и психологических патологий, связанных с потенциальной или актуальной невозможностью социально-профессиональных реализаций индивида. Таким социальным институтом может стать система социально-профессиональной ориентации и адаптации.

Зачастую руководитель выбирает работника без помощи кадровых служб, с использованием социальных связей либо согласно рекомендациям своих специалистов, которым нужны помощники. Такой подход в современных условиях становится не только неэффективным с точки зрения обеспечения потребностей в квалифицированной рабочей силе.

Рассмотрев систему развития профориентации, авторы пришли к выводу, что система является непрозрачной, в ней отдельно сосуществуют ответственность вуза, администрации структурных подразделений и органов студенческого самоуправления, не всегда учитывающие деятельность друг друга. Решением может являться встреча обучающихся и работодателей на проектном поле, где первые будут авторами инновационных разработок, а вторые – экспертами и покупателями идей, в дальнейшем – коллеги [2, с. 574–575].

Нами было проведено исследование в виде нарративного интервью, в котором приняли участие как сотрудники ссуза, школ, организаций дополнительного образования и вуза, так и бизнеса (было проанализировано 7 интервью). Было выявлено, что система профориентации различна: кружки и секции, а также специализированная работа психологов в школах, совместные проекты у системы дополнительного образования, например, совместные спектакли с училищем культуры либо театральным, работа специализированных центров в ссузах и вузах.

Опрошенным был задан вопрос: «Как используются образовательные техники, направленные на профессиональную ориентацию?» Анализ ответов продемонстрировал, что наиболее развиты техники в системе профессионального образования. Прохождение практики в профильных учреждениях, обучающиеся которых работают совместно с работодателями мест прохождения практики по организации и проведению совместных проектов. Участием в выставках и образовательных салонах.

Респондентам было предложено оценить современную систему профориентации в образовательном учреждении. Оценки прозвучали диаметрально различные: от мнения, что «все стабильно и по-прежнему весомо» до такого: «Школа очень формально относится к вопросу профессионального самоопределения молодежи. Перед школой стоят другие задачи: ГИА, ЕГЭ и т. д. А вопросы профориентации это, прежде всего, вопрос семьи, родителей». Вуз работает не только на площадках комиссий по трудоустройству, как современному элементу прежних «распределений» до работы по конкретному запросу, пришедшему от работодателя в деканат или на кафедру, направлявшей ранее обучающихся на практику.

В настоящее время профориентация становится еще одним полюсом стратификации. Так, на вопрос: «Что считаете эффективным в профориентации?» одна из экспертов ответила: «Сегодня в городах должны быть профориентационные центры, в которых должны работать специалисты: профориентологи, психологи. Родители вместе с детьми, посещая эти центры (иногда множество раз), должны проходить не только тестирования, но и профессиональные пробы. Молодой человек своими глазами, руками должен почувствовать, попробовать, увидеть специфику профессии. Спектр профессий сегодня огромный, необходимо информировать молодежь и это еще одно направление работы данных Центров, организация экскурсии на предприятия, институты». Для нейтрализации этого фильтра вузы включили элементы профориентации в программу проведения Дней открытых дверей.

Участники опроса из числа руководителей коммерческих организаций отвечали на вопросы относительно ожидаемых качеств выпускников. Так, на вопрос: «Какие качества должны быть у выпускника, претендующего на вакантное место?», мы получили следующие ответы от руководителей коммерческих организаций и менеджеров по персоналу крупных федеральных компаний: «Умение работать в коллективе, обучаемость, работа с информацией, поиск и распределение данных, системный анализ.»; «Готовность учиться, навыки поиска и анализа информации, лояльность организации, соответствие культуре и принципам организации – т. е. претендент может не быть высококлассным специалистом, а скорее соответствовать общему настрою организации – быть готовым выполнять любую, может быть даже не свойственную ему работу.»; «Целеустремленность, кандидат должен представлять, чего ему хотелось бы получить от работы, работодателя и что он может дать взамен, а также чего хочет достичь на данном месте. Грамотность. Инициативность, активность, желание развиваться. Уверенность в своих силах».

На вопрос: «Какое из этих качеств должно дать образовательное учреждение, а какое практика?» эксперты ответили: «На практике – только то, чем занимается организация»; «Как говорится, настоящий инженер /менеджер не должен все знать – он должен знать, как и где найти необходимую инфу (*информацию – примечание авторов*). На мой взгляд, это главный навык, которым должен обладать молодой специалист. Таким образом, навыки поиска и анализа информации должно дать образовательное учреждение, остальное – практика»; «Грамотность, активность, желание постоянно развиваться – образовательное учреждение. Все остальное можно приобрести в ходе практики».

На вопрос: «Какого рода мероприятия руководитель считает эффективным, чтобы быстро взрастить новичка до специалиста?» от экспертов были получены следующие ответы: «Стажировка, и самостоятельная работа; обучающие курсы»; «Участие в «полевых» работах – переговоры, совещания, подготовка презентаций. Основной прием обучения и наставничества – «делай как я»»; «Выстроенная система адаптации, система наставничества. Создание индивидуальных планов развития для каждого сотрудника, регулярный сбор и возврат обратной связи от руководителя».

Также экспертам был задан вопрос: «Как приглашаете специалистов, кому отдаете предпочтение?» Ответил полученный следующего содержания: «Интернет, газеты»; «Все зависит от позиции. Если это узкоспециализированный специалист – агентства, знакомые. Если неспецифическая позиция – самостоятельный отбор и найм. Предпочтение в зависимости от позиции: узкоспециализированный специалист должен обладать хорошими навыками в своей узкой области – иначе зачем его брать; неспецифическая позиция – скорее навыки универсальности, соответствие духу компании, готовность выполнять несвойственные поручения, навыки анализа и синтеза информации – всему остальному можно научить»; «Работаем с университетами города, размещаем вакансии на сайтах, участвуем в городских мероприятиях. Отдаем предпочтение активной, амбициозной молодежи, которые готовы трудиться ради больших достижений и зарплат». Также экспертов из сферы бизнеса спросили, как часто те, кто побывал в фирме на практике, остались для дальнейшей работы. Ответы в основном были однозначными и демонстрировали, что в сферу бизнеса на практику берут редко и неохотно, а на работу практически не приглашают.

Таким образом, мы делаем вывод, что система профориентации сегодня похожа на мозаику, у которого есть несовпадающие паззлы. При этом существует запрос от государства о проведении трудоустройства, инициатива о приеме молодежи, вплоть до юридически возникающей законодательной инициативы о «квотировании рабочих мест для молодежи» и предложения от органов студенческого самоуправления о конкурсе на места практики для лучших студентов, как, например, в Иркутском государственном университете [4]. Нам видится, что необходимо проведение традиционных и системно-сформированных площадок, с участием будущих работников, на которых важно демонстрировать ожидания и работников, и работодателей, и образовательных организаций.

Литература

1. Андриенко Е. В. Социальная психология: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. А. Сластенина. М.: Академия, 2000. 264 с.
2. Гуринович Л. А., Маркова Е. А. Инновационная активность в современном мире // Статистика в стратегическом развитии России: сб. науч. тр. / Иркутскстат; ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред. Т. И. Грабелных]. Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. С. 572–575.
3. Манько Ю. В., Оганян К. М. Социология молодежи. СПб.: Петрополис, 2010. 336 с.
4. Маркова Е. А., Гуринович Л. А. Взаимодействие компаний с учебными заведениями как форма проявления социальной ответственности // Вестник Иркутского университета. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44035392> (дата обращения: 01.11.2020).

УДК 339.1:343.9

С. А. Павлова

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

ЭМИГРАЦИЯ РОССИЯН: ОСОБЕННОСТИ, ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Современное социально-экономическое пространство характеризуется сложными многоаспектными процессами, среди которых значимую роль играет и такой, как миграция населения. Ускорение развития такой формы международных экономических отношений, как следствие глобализации, способствует и быстрому процессу формирования нового регионального общекультурного пространства.

Ключевые слова: эмиграция, традиции, ассимиляция в новую культуру, иммигранты.

S. A. Pavlova

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk

EMIGRATION OF RUSSIANS: FEATURES, CAUSES AND CONSEQUENCES

The modern socio-economic space is characterized by complex multidimensional processes, among which population migration plays a significant role. The acceleration of the development of this form of international economic relations as a consequence of globalization contributes to the rapid process of the formation of a new regional general cultural space.

Keywords: emigration, traditions, assimilation into a new culture, immigrants.

Именно с началом развития процесса глобализации (с начала 90-х гг. XX в.) население, практически всех стран мира, получили возможность беспрепятственно перемещаться из одной страны в другую, следуя своему желанию и возможностям. Расширяющиеся не только количественно, но и качественно международные экономические отношения вызвали и способствовали бурному росту перемещения и такого важного фактора производства как рабочая сила.

Причем процесс миграции приобрел двоякий характер, нет ни одной страны, из которой бы только уезжали б люди, обязательно присутствует и второй поток – приезжающих в страну. В данной статье проведен анализ эмиграционного и иммиграционного потоков Российской Федерации и проанализируем возможные сценарии будущего.

Многие исследователи сходятся во мнении, что причинами, вызвавшими бурный рост выезда из страны граждан явились: нарушение спроса и предложения на рынке тру-

да для многих профессий, разрыв между результатами образовательной среды (большое число выпускников высокотехнологичных профессий) и требованиями рынка труда (высокий спрос на низкоквалифицированный труд). Возможность трудоустройства в международных компаниях, транснациональных корпорациях, имеющих филиалы в различных странах мира, также вызвала возможность и необходимость трудовой эмиграции, в том числе и россиян [1]. Резкое расслоение населения по уровню доходов привело к возможности богатых обучать детей за рубежом, в более престижных учебных заведениях, по сравнению с российскими учебными заведениями. Следующей причиной можно назвать проблемы социального института семьи. Трансформация всех сторон жизни российского общества не могла не затронуть и данный общественный институт, ценность которого для сплочения любого общества (общности) трудно переоценить. С сожалением приходится констатировать, что вся линейка трансформационных факторов, проявленных в стране с начала 90-х гг. XX в. способствовали лишь расшатыванию всех базовообразующих функций семьи как общественного института. Поисками лучших условий для создания и функционирования этой ячейки общества задалась молодая люди, особенно женщины-россиянки, увеличив эмиграционный поток в другие страны с целью поиска более выгодных условий для создания стабильных семейных отношений. Результатом прошедшего 30-летия явилось появление и распространение в мире международных семей, в которых растет уже даже не по одному ребенку, говорящие на нескольких языках (по отцу и по матери), знающие о том, что часть их родственников проживает и в другой стране, а не только в месте их нынешнего непосредственного проживания. Многие уже неоднократно были и на родине второго родителя, т. е. переезд из страны в страну в течение короткого промежутка времени (например, раз в год или чаще) превращается в обычное явление для части населения земного шара. Социальная незащищенность, особенно молодежи, тоже представляет фактор нестабильности в обществе, влекущий ускорение процесса эмиграции в поисках лучших условий жизни.

Итак, попытаемся обосновать вышеизложенное на статистических примерах и сформулировать некоторые прогностические тенденции как для нашей страны, так и других стран мира.

Согласно данным информационных ресурсов из Российской Федерации за период с 1991 по 2016 г. из России выехало 5 млн 721,1 тыс. чел. При этом за этот же период прибыло в страну 12 млн 303,6 тыс. чел., следовательно, сальдо оказалось положительным и составило 6 млн 582,5 тыс. чел. [1]. В 2018 г. преобладающее число российских граждан выехали в такие зарубежные города как Токио (7085 чел.), Лос-Анджелес (7593 чел.), Париж (14 950 чел.), Лондон (15 340 чел.), Мюнхен (14 235 чел.) [4]. Таким образом, если российские граждане предпочитают для переезда такие страны как США, Франция, Великобритания, Канада, Германия, Израиль, то в нашу страну активно переезжают граждане из Украины, Таджикистана, Молдовы, Узбекистана, Туркмении, которые точно также как и российские соотечественники за рубежом, стремятся обжиться на новом месте, создать семьи, в том числе интернациональные по составу. Так, к концу 2019 г. по статистике в Российской Федерации проживало 14 940,45 тыс. иностранных граждан. На протяжении с 2010 по 2018 г. наибольшее количество официально приехавших граждан были как из стран СНГ, так и из таких стран как Китай, Вьетнам, Корейская Народно-Демократическая Республика, Турция [2].

Таким образом, современное мировое общественное пространство пронизано миграционными потоками людей, вызванных не только внутренними факторами в рамках своей страны, но также и внешними, далеко за ее пределами. Социуму любой страны необходимо признать, что миграция населения из других государств, а, следовательно, и иммигранты в стране, являются неотъемлемой частью жизни современного общественного пространства. Каждая нация, обладая своими культурными традициями и особенностями поведения, с одной стороны ассимилирует их в ту среду проживания, в которой

находится в настоящее время, с другой стороны, пытается сохранить свой поведенческий национальный колорит, присущий именно ей. Численность иммигрантов в России около 8 %, но, по мнению экспертов, из-за недостаточного контроля эта цифра может быть занижена по сравнению с фактической ситуацией [3]. Много это или мало? По оценкам экспертов лидерами между странами по абсолютному числу принятых иностранцев являются США (на 2017 г. это 50 млн чел., или 15,4 % населения страны), но в относительных цифрах, по числу лиц-иммигрантов в стране родившихся и живущих за рубежом, преобладающие позиции занимают такие страны как Австралия (около 28 % населения), Канада (21,7 %), Новая Зеландия (22,3 %) [3]. Благодаря такому бурному росту миграционных процессов, буквально через четверть века мир приобрел другие тенденции и ситуации межнационального характера. Население многих развитых стран уже имеет много- и межнациональный состав, с многоязычным населением и межнациональными традициями, вплетенные в канву национальных традиций (в случае их сохранения в стране), разбавляя их новыми и не имеющими аналогов в прошлом чертами поведения людей новой общности и формирующие новые культурные ценности. Таковы основные особенности современной жизни, порожденные развитием процесса эмиграции граждан из своей страны в другие страны и регионы планеты. Рост числа людей с двойным гражданством, межстрановые родственные связи, расширяющая возможности пространства и время информационная среда, многоязычность, появление новых традиций, привычек, основанных на слиянии двух и более культур вот основные черты и тенденции развития современного общества как в Российской Федерации, так и в других, в первую очередь, экономически развитых или экологически благоприятных для жизни странах.

Литература

1. Павлова С. А. Анализ государственной национальной политики в современном обществе: правовой и статистический подходы // Статистика в стратегическом развитии России : сб. науч. тр. Иркутск, 2020. С. 381–384.
2. Труд и занятость в России. 2019 : стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 80.
3. В каких странах мигранты вытесняют местных жителей. URL: <https://zen.yandex.ru/media/infostat/v-kakih-stranah-migranty-vytesniaiut-mestnyh-jitel-5d6e4acc5eb26800ade1cbef>.
4. Миграционный портал. URL: <https://emigrating.ru/statistika-emigratsii-iz-rossii/#i>.

УДК 347.157.1:331.5:008(571.53)

Г. К. Перваго

Учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», г. Иркутск

ЗАНЯТОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОСТОЯЩИХ НА ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ УЧЕТАХ В КОМИССИЯХ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются механизмы социализации детей и подростков, состоящих на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав. Автор описывает формы работы, которые используют учреждения культуры Иркутской области. При этом он дифференцирует назначение культурных мероприятий как передачу информационных кодов, ориентирующих на повышение культурного развития молодых людей, их гражданское и патриотическое воспитание, популяризацию среди них здорового образа жизни и недопущения формирования зависимых форм поведения.

Ключевые слова: дети и подростки, комиссия по делам несовершеннолетних, учреждения культуры, мероприятия.

EMPLOYMENT OF MINORS WHO ARE ON PREVENTIVE REGISTRATION IN COMMISSIONS FOR MINORS' AFFAIRS AND PROTECTION OF THEIR RIGHTS IN CULTURAL INSTITUTIONS OF MUNICIPALITIES OF THE IRKUTSK REGION

The article deals with the mechanisms of socialization of children and adolescents registered in the commissions on juvenile affairs and protection of their rights. The author describes the forms of work used by cultural institutions of the Irkutsk region. At the same time, he differentiates the purpose of cultural events as the transmission of information codes that focus on improving the cultural development of young people, their civil and patriotic education, promoting a healthy lifestyle among them and preventing the formation of dependent behaviors.

Keywords: children and teenagers, Commission on Juvenile Affairs, cultural institutions, events.

Деятельность учреждений культуры является одной из важнейших составляющих современной культурной жизни Иркутской области. Ежегодно в плане базовых мероприятий учреждений культуры региона значительное внимание уделяется направлениям деятельности, ориентированным на работу с детьми и подростками, состоящими на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее КДН). Основной целью работы учреждений культуры области с трудными детьми и подростками является социальная адаптация данной категории несовершеннолетних, профилактика беспризорности, безнадзорности и правонарушений, создание условий для развития творческих способностей, разрушение негативных установок и формирование социально приемлемых ценностей и стереотипов поведения с целью достижения самореализации личности в обществе.

Деятельность учреждений культуры региона направлена на постоянное развитие услуг, предоставляемых для детей и подростков, и проходит при взаимодействии с образовательными и общественными учреждениями, органами полиции, учреждениями здравоохранения и другими службами. Специалисты управлений культуры и учреждений культуры муниципальных образований Иркутской области входят в состав комиссий по делам несовершеннолетних, выезжают в совместные рейды по муниципальным образованиям.

В целях наиболее эффективной работы по профилактике правонарушений и безнадзорности среди несовершеннолетних в муниципальных образованиях принимаются муниципальные программы, такие как «Профилактика правонарушений и преступлений в молодежной среде», «Профилактика безнадзорности правонарушений несовершеннолетних», «Профилактика наркомании и других социально-негативных явлений среди детей и молодежи», подпрограмма «Организация отдыха, оздоровления и занятости детей и подростков» и др. В реализации этих программ активное участие принимают учреждения культуры муниципальных образований Иркутской области.

Деятельность по организации занятости детей и подростков в сфере культуры на территории Иркутской области осуществляет сеть учреждений культуры региона, представленная музеями, театральными-концертными учреждениями, библиотеками, учреждениями культурно-досугового типа, образовательными учреждениями, учреждениями кино. Выше перечисленные учреждения культуры Иркутской области, обслуживают детское население, используют все имеющиеся в их распоряжении ресурсы, создают оптимальные условия для формирования и удовлетворения культурных, образовательных и коммуникативных потребностей детей и подростков.

Одной из форм работы с «трудными» подростками является привлечение их в театральные представления, тематические вечера и концерты, литературно-музыкальные гостиные, с целью эстетического воспитания проводятся экскурсии в музеи и театры. Регулярно обновляется репертуар государственных и муниципальных театров. Театральные мероприятия для детей ежегодно посещает свыше 200 тыс. человек.

Активно работает в данном направлении сеть учреждений клубного типа. В культурно-досуговых учреждениях свою деятельность осуществляют 6 504 клубных формирования, из них 3 357 – для детей до 14 лет (51,6 %): 837 (24,9 %) формирований в городских населенных пунктах и 2 520 (75,1 %) формирований в сельских населенных пунктах.

тах. Число детей-участников клубных формирований насчитывает 52 042 чел. (51,3 % от общего числа участников), из них 18 894 чел. (36,3 %) – в городской местности и 33 439 чел. (63,7 %) – в сельской местности [1].

В 2019 г. учреждениями культурно-досугового типа было проведено 50 684 культурно-массовых мероприятия для детей: 12 905 мероприятий (25,5 %) были организованы в городских населенных пунктах, 37 779 мероприятий (74,5 %) – в сельской местности. В культурно-досуговых учреждениях Иркутской области систематично проходят творческие фестивали для детей, концертные и познавательные программы, детские праздники, конкурсы и выставки. Число посещений культурно-массовых мероприятий составило 2 094 066 ед., из них 978 266 посещений (46,7 %) приходится на городские населенные пункты и 1 115 800 посещений (53,3 %) – на сельскую местность [1]. К участию в мероприятиях привлекаются воспитанники детских домов и школ-интернатов, дети и молодежь с ограниченными возможностями здоровья, дети из многодетных и малообеспеченных семей.

Библиотеками Иркутской области было проведено 55 124 культурно-просветительных мероприятия для детей. Большое внимание уделяется профилактике вредных и пагубных привычек, особый акцент делается на пропаганду здорового образа жизни. Подростков, стоящих на учете инспекции, сотрудники библиотеки приглашают на различные мероприятия. Приходя в библиотеку, подростки имеют возможность провести свое свободное время, почитать книги, воспользоваться бесплатным доступом к сети Интернет, что, безусловно, имеет большое значение в их социальной реабилитации.

Одним из направлений работы библиотек является работа с подростками «группы риска» и подростков с девиантным поведением. У детей, вовлеченных в активную деятельность, отслеживается положительная динамика в поведении, развиваются организаторские способности, подростки получают навыки распределения обязанностей в коллективе, вместе с тем формируется способность налаживать контакт, договариваться. Мероприятия правового характера знакомят детей с правами, а также с ответственностью за правонарушения. Профорientационные мероприятия помогают подросткам определиться с выбором профессии. На мероприятиях о здоровом образе жизни: «Калейдоскоп здоровья «Скажи здоровью: ДА!», акции «Безопасное детство», диалоговая площадка «Предупрежден – значит, спасен» подростки получают полезную информацию о пагубном влиянии антисоциальных явлений. Библиотека является активной площадкой организации досуга, это продиктовано статусом открытости и доступности, в том числе и для детей, находящихся в социально опасном положении.

Во взаимодействии с КДУ библиотеки региона принимают участие в ежегодной Областной акции единого действия «Защитим детей вместе». В рамках акции проводится информирование детей, подростков и их родителей о возможности получения помощи по Детскому телефону доверия. Специалистами учреждений культуры проводятся тематические мероприятия, направленные на популяризацию здорового образа среди детей и молодежи.

В музеях Иркутской области проводятся специализированные детско-юношеские программы, организуются выставки и экскурсии. Число экскурсионных посещений детьми составляет 116,6 тыс. чел., в том числе 81,7 тыс. экскурсионных посещений (70 %) в муниципальных музеях. Число индивидуальных посещений детьми выставок и экспозиций насчитывает 137,4 тыс. чел., из них 57,7 тыс. индивидуальных посещений (41,9 %) в муниципальных музеях [1].

Свою деятельность осуществляют 94 учреждения дополнительного образования детей Иркутской области: 1 государственное учреждение и 93 муниципальных. Из них 18 школ расположены в сельской местности. Контингент обучающихся составил 27 099 чел., из них 2820 чел. обучаются в школах сельской местности. Численность детей на 01.01.2019 в возрасте от 7 до 18 лет – 357 776 чел. Таким образом, охват детей эстетическим образованием от общего числа детей от 7 до 18 лет насчитывает 7,6 % [2].

Учреждениями культуры Иркутской области проводятся разнообразные по форме и содержанию мероприятия, направленные на профилактику социально-негативных явлений: спектакли, тематические книжные выставки, дни информации, встречи с интересными людьми, литературно-музыкальные композиции, благотворительные экскурсии и киносеансы, концерты и фольклорные праздники, литературные гостиные, тематические конкурсы и викторины с привлечением детей и подростков, состоящих на учете в КДН.

Подростки, состоящие на учете, приглашаются на мастер-классы в художественные школы, на концертные мероприятия, проводимые в музыкальных школах региона. В дни летних каникул в рамках всероссийской акции «Безопасное детство» проводятся интерактивные программы, направленные на изучение правил поведения безопасности на воде и противопожарной безопасности, а также по изучению различных дворовых игр. Специалисты учреждений культуры региона стараются создать условия для организации отдыха и досуга как для детей из семей, находящихся в трудной жизненной ситуации (малообеспеченные, многодетные), так и для детей и подростков, состоящих на учете в КДН (льготное посещение музеев, льготы при оплате за обучение, бесплатные мероприятия, вовлечение в досуговую деятельность во внеурочное время и т. д.). Благоприятную роль в работе с несовершеннолетними детьми оказывает работа кинозалов, где для детей демонстрируются тематические, документальные, художественные и мультипликационные фильмы.

Одна из задач по работе с детьми и подростками, состоящими на учете в КДН – помочь подросткам в выборе профессии. Для этой группы детей проведена «Ярмарка профессий». Такая форма дает возможность раскрыть широкий мир профессий, способы и методы их выбора: строителя, кочегара, маляра, каменщика, электрика, машиниста (поезда), оператора, повара, ветеринара, бухгалтера, экономиста, библиотекаря. Подростки с удовольствием проходят онлайн-тестирование «Какие типы профессий для вас?», проведенное специалистами центра занятости населения.

В течение года подростки участвуют в экологических акциях, проводят уборку территорий в своих поселениях. Эта работа проводится планомерно во всех учреждениях культуры, особое внимание уделяется работе с трудными подростками по профилактике алкоголизма, наркомании, табакокурения.

Важное значение имеет вовлечение несовершеннолетних в спортивные мероприятия, творческую деятельность, социальное и трудовое добровольчество по оказанию помощи пожилым и одиноким гражданам, в работу клубных формирований и любительских объединений по интересам. Работа с трудными подростками направлена на повышение культурного развития молодых людей, формирование коммуникативных навыков, их гражданское и патриотическое воспитание, популяризацию среди них здорового образа жизни и недопущения формирования зависимых форм поведения. Организация досуговой занятости несовершеннолетних «групп риска» рассматривается как альтернатива свободного, неконтролируемого взрослыми времяпровождения, важнейшего фактора риска асоциального противоправного поведения.

Наибольшее количество детских мероприятий проводятся в дни школьных каникул. На зимние каникулы проводятся мероприятия, связанные с новогодними праздниками и обрядами; в дни весенних каникул – неделя театра и детской книги и др. Подростки привлекаются в качестве помощников по изготовлению декораций, оформлению сцены, музыкального оформления и освещения, принимают активное участие в работе по обустройству детских площадок, в организации праздников. Но самое главное, в процессе социализации никто не делится на группы «свои» и «чужие», совместные мероприятия помогают раскрыть творческие таланты.

Таким образом, учреждения культуры Иркутской области организуют работу с детьми и подростками в разных направлениях: развлекательные, игровые, конкурсные и познавательные программы, спортивные эстафеты, викторины, квесты и др. Среди наиболее значимых мероприятий, ежегодно проводимых учреждениями культуры обла-

сти для детей и подростков можно отметить следующие: фестивали детского творчества; патриотические акции; народные праздники; интерактивные программы по профилактике наркомании, табакокурения; мероприятия направленные на сохранение семейных ценностей и традиций; литературные марафоны; «День книгодарения»; фестивали чтения; благотворительные акции «Здравствуй, школа!», «Школьный портфель», «Собери ребенка в школу»; спортивные соревнования, туристические слеты; акции и конкурсы «Новогодний подарок», «Десять добрых дел ветеранам», «Ветеран живет рядом», «Заболота»; выставки и конкурсы тематических плакатов «Да – здоровому образу жизни!», «Молодежь. Закон. Наркотики», «Против негативных явлений в социальной среде», «Нет наркомании, курению и алкоголизму!», «Скажи наркотикам – нет!», «Нет насилию» и многие другие.

Вся работа учреждений культуры с детьми и подростками направлена на приобщение их к культурному и здоровому досугу, формирование позитивного отношения к жизни. Ежегодное проведение мероприятий различной формы, занятий, экскурсий, с детьми во всех учреждениях культуры – расширяет кругозор детей, знакомит их с интересными людьми, являющимися примером для подрастающего поколения. Особой популярностью среди ребят, стоящих на всех видах учета, по-прежнему пользуются мастер-классы, проводимые сотрудниками библиотек, через которые решается одна из важных проблем детей, адаптация в социуме.

Усилия специалистов учреждений культуры Иркутской области в работе с детьми и подростками направлены, прежде всего, на содержательное наполнение свободного времени детей и подростков, их творческую самореализацию, нравственное, гражданско-патриотическое воспитание, духовное развитие.

Литература

1. Государственные и муниципальные учреждения культуры Иркутской области в цифрах за 2019 год / сост.: Н. В. Рудакова, К. Р. Кузнецова, Г. К. Перваго. Иркутск, 2020. 137 с.

2. Состояние сферы культуры муниципальных образований Иркутской области на 1 января 2020 года: Аналитический сборник / сост.: Н. В. Рудакова, К. Р. Кузнецова, Г. К. Перваго. Иркутск, 2020. 108 с.

УДК 316.4:343.3/.7

Я. Н. Калининко

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

ФАКТОРЫ НАРКОТИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МОНИТОРИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье проанализированы факторы наркотизации молодежи на основании результатов мониторинговых исследований, проводимых в Красноярском крае. Автором обращается внимание на высокий уровень нарконапряженности в регионе.

Ключевые слова: наркоситуация, наркотизация, наркобезопасность, молодежная среда, факторы наркотизации.

Ya. N. Kalinichenko

Siberian Law Institute of MIA of Russia, Krasnoyarsk

FACTORS OF DRUG ADDICTION AMONG YOUNG PEOPLE ON RESULTS OF MONITORING STUDIES

The article analyzes the factors of drug addiction among young people based on the results of monitoring studies conducted in the Krasnoyarsk Territory. Based on the analysis, attention is drawn to the high level of drug tensions in the region.

Keywords: drug situation, narcotization, drug safety, young people, factors of drug addiction.

Сегодня проблема распространения наркомании представляет реальную угрозу национальной безопасности страны, с которой надо бороться повсеместно. В настоящее время наркотизация российского общества, несмотря на консолидацию правоохранительных органов и активное противодействие транснациональной наркопреступности, представляет серьезную угрозу национальной безопасности и является основным фактором подрыва демографического и социально-экономического потенциала страны [1].

На заседании Совета безопасности России Президент обсудил проект новой Стратегии государственной антинаркотической политики до 2030 г. Владимир Путин обозначил шесть принципиальных вещей, которые нужно предусмотреть в этой работе. По его словам, тема напрямую затрагивает национальную безопасность.

В период реализации прежней стратегии удалось сделать ряд важных шагов в борьбе с наркоугрозой. «Во многом благодаря принятым мерам за 10 лет число официально зарегистрированных наркопотребителей сократилось больше чем на четверть – с 673 тыс. до 478 тыс., в том числе несовершеннолетних с 7,9 тыс. до 5,1 тыс. За этот же период на 17 процентов снизился уровень наркопреступности, а количество тех, кто совершил преступление в состоянии наркотического опьянения, снизилось на 30 процентов», – привел данные Владимир Путин. «Вместе с тем цифры статистики не должны успокаивать. Ведь и наркобизнес, и наркопотребление носят скрытый, латентный характер», – сказал он, назвав ситуацию сложной [2].

Повсеместное распространение наркомании приводит к тому, что существенная часть членов общества, относящихся к социально активной его группе, вследствие физической и социальной деградации выбывают из семейной, политической, трудовой и других видов жизнедеятельности общества [3].

Наркотизация общества, если ей не противодействовать, при попустительстве самого общества и тех институтов, которые призваны обеспечить социальное здоровье нации, может привести к гибели социума за период менее, чем средняя продолжительность жизни одного поколения [4].

Проблема зависимости от психоактивных веществ, с учетом имеющихся медико-социальных индикаторов наркологической ситуации, рассматривается в качестве фактора депопуляции населения в обширном и стратегически важном Сибирском регионе России, где распространенность аддитивных расстройств превышает средние значения по стране [5].

В нашей стране среди условий, способствующих сохранению и развитию наркомании, можно выделить: достаточно низкий уровень жизни большей части населения, высокий уровень безработицы (особенно среди молодежи, от которых требуют наличия существенного опыта работы, чтобы быть принятыми в ту или иную компанию), инфантилизм молодых людей, падение нравов и снижение образованности. Кроме того, население нашего государства за последние годы сильно расслоилось по уровню доходов, вследствие чего массы людей живут за чертой бедности.

Особо стоит выделить несовершеннолетних потребителей наркотиков, потому что пубертатный период с присущими ему резкими нейроэндокринными сдвигами способствует развитию наркомании несовершеннолетних с тяжелыми последствиями [6].

Н. С. Курек на основе использования медико-психологического подхода установила, что готовность к наркотизации у детей и подростков обусловлена их эмоциональной сферой: низкой стрессоустойчивостью, повышенной тревожностью, импульсивностью. Автор рассматривает эмоциональные расстройства у наркоманов как интегративные индикаторы различных форм социального неблагополучия и дезадаптации [7].

Непонимание в семье, нестабильная экономическая ситуация, снижение жизненного уровня большей части населения, безработица в большей части регионов, отсутствие личной перспективы и значимости, условий для улучшения ситуации приводят подростка к состоянию не только депрессии, но при определенных условиях к вспышкам агрессии, системному противоправному поведению [8].

Значимыми предикторами развития наркологической патологии у несовершеннолетних рассматриваются особенности воспитания, обуславливающие нарушения развития личности, ее социализации, формирования внутриличностных антинаркотических барьеров. Это могут быть: воспитание в неполной семье, гипоопека и гиперопека родителей, наркозависимость родителей [9]. Данные факторы приводят к психологическому инфантилизму, который в свою очередь способствует появлению «слабых» звеньев личностной структуры, предрасполагающих к зависимости: стойкие нарушения саморегуляции и самоконтроля, проблемы самооценки и самоуважения, неразвитая способность к сопереживанию, к рефлексии и заботе о себе, особенности аффективной сферы.

Далее выделим группы факторов, определяющих распространение наркомании среди подрастающего поколения: социальные, психологические и биологические.

Социальные факторы: ослабление социального контроля за девиантными формами поведения подростков и молодежи, доступность наркотических веществ, модные тенденции, влияние группы сверстников, потребляющих наркотики.

Психологические факторы включают: привлекательность возникающих ощущений, желание получать удовольствие.

Биологические факторы приобщения к наркомании следующие: индивидуальная устойчивость к данному наркотику; отягощенная алкоголизмом наследственность; органическое поражение головного мозга; хронические заболевания печени и почек с нарушением функций.

Возрастные психологические особенности подросткового периода ускоряют формирование желания употреблять наркотические средства. Подростки начинают употреблять наркотики по каким-то причинам, мотивам. Выделим группы этих мотивов потребления психоактивных и наркотических веществ. Социальные мотивы: желание занять место в группе сверстников и соответствовать принятым в ней нормам; подражание друзьям; стремление поддержать действующую в группе субкультуру. Индивидуальные мотивы: любопытство; стремление получить физическое и психологическое удовольствие; нейтрализация отрицательных эмоций; стремление выйти из состояния депрессии, скуки, бездействия или усилить эффективность своей деятельности. Патологические мотивы: потеря смысла жизни, протест, ощущение себя лишним в жизни; поведение, обусловленное психическими расстройствами; биологическая потребность на стадии физической зависимости от психоактивного вещества.

На основе данных, полученных при проведении ежегодного мониторинга наркоситуации в Красноярском крае, выделим причины распространения наркомании по мнению молодежи региона за период 2015–2019 гг.

В 2015 г., по мнению подростков возрастной группы от 14 до 17 лет, в качестве основных причин распространения наркотиков были названы: неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие (20,3 %); влияние наркобизнеса и доступность наркотиков (20,3 %); моральная деградация общества и вседозволенность (19,3 %); излишняя свобода и отсутствие организованного досуга (13,5 %). В этом же году молодые люди от 18 до 29 лет на первое место поставили моральную деградацию общества и вседозволенность (23,4 %). Далее были названы неудовлетворенность жизнью и социальное неблагополучие (18,1 %) и влияние наркобизнеса и доступность наркотиков (15,6 %).

В 2016 г. первая группа опрашиваемых выделила моральную деградацию общества и вседозволенность (20,2 %), влияние наркобизнеса и доступность наркотиков (20,1 %), неудовлетворенность жизнью и социальное неблагополучие (19,5 %). Вторая возрастная группа на первое место поставила моральную деградацию общества и вседозволенность (23,4 %), далее – неудовлетворенность жизнью и социальное неблагополучие (17,8 %); влияние наркобизнеса, доступность наркотиков (15,8 %).

В период с 2017 по 2019 г. обе возрастные группы в качестве основных причин определили все те же: моральную деградацию общества и вседозволенность; неувлеченность жизнью и социальное неблагополучие; влияние наркобизнеса, доступность наркотиков.

Это объясняется тем, что молодые люди в возрасте от 14 до 17 лет уже находятся перед выбором, что им делать дальше: продолжать учебу и получать необходимые знания для жизни, поступления в образовательную организацию высшего образования, в дальнейшем получить хорошую работу, обзавестись семьей. Это трудный выбор, делая который они ориентируются на свое ближайшее окружение, оценивая общество, в котором они живут, ценности, в нем принятые. И, если картина, которую они видят, не оправдывает их ожидания, происходит разочарование, которое может привести подростка к употреблению наркотиков и последующей наркозависимости.

Среди причин, ведущих к употреблению наркотиков, молодежью всех возрастов упоминается излишняя свобода и плохая организация досуга. К сожалению, в настоящее время практически нет бесплатных досуговых мероприятий. Безработица, экономические проблемы, низкие доходы населения обуславливают тот факт, что родители многих подростков просто не имеют возможности помимо жилищно-коммунальных расходов и расходов на учебу оплачивать еще и культурный досуг своих детей.

Подростками также в качестве причин называются негативное влияние массовой культуры и СМИ. Сцены курения и распития алкогольных напитков в телевизионных программах и фильмах, акты насилия, недостаточное количество социальной рекламы против зависимости создает у молодого поколения ощущение вседозволенности и безнаказанности, многие негативные вещи воспринимаются ими как норма.

В результате можно сделать вывод, что, молодежь как социальная группа имеет свои особенности. Часто они связаны с трудностями адаптации к современным социально-экономическим условиям. Причины моральной деградации кроются как в социальном неблагополучии, так и в неумении организовывать свой досуг, отсутствии возможности найти подходящую работу, в пьянстве, жестокости родителей, низких доходах, потере социальных и нравственных ориентиров и др.

Литература

1. Тепляшин П. В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex Russica. 2017. № 10. С. 148.
2. Владимир Путин призвал жестко противостоять наркоугрозе // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/11/16/vladimir-putin-prizval-zhestko-protivostoiat-narkougroze.html>.
3. Вловин Ю. Н., Удальцов В. Г. Наркоугроза: к вопросу о противодействии // Вестник АКСОП. 2009. № 4 (11). С. 145.
4. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае : монография / В. Е. Шинкевич, Е. Н. Бен, Маслодудова, Н. В. Ступина С. А., Я. Н. Калинин, В. Н. Молоков. Красноярск : СибУОИ МВД России, 2019.
5. Старые и новые проблемы наркологии в контексте междисциплинарных исследований / Н. А. Бохан [и др.] // Вопросы наркологии. 2017. № 1. С. 26–62.
6. Личко А. Е., Битенский В. С. Подростковая наркология. Руководство. Ленинград : Медицина, 1991.
7. Курек Н. С. Особенности экспрессивно-импрессивного аспекта эмоциональной сферы больных наркоманией // Журнал неврологии и психиатрии. 1991. Т. 91, № 2. С. 64–67.
8. Шинкевич В. Е. Молодежный экстремизм как фактор возникновения террористических угроз в обществе: социально-философский аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3 (25). С. 12–15.
9. Бохан Н. А. Клинико-патобиологические закономерности формирования и патоморфоза алкоголизма и наркоманий в социально-организованных популяциях // Материалы XVII Отчетной научной сессии Научно-исследовательского института психического здоровья. Томск, 2015.

С. С. Московский

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва

В. В. Попова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К РЕШЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

В статье рассмотрено молодежное социальное проектирование как метод вовлечения молодых людей в решение социальных проблем. Авторами проведен анализ возможностей государственной и негосударственной поддержки молодежного социального проектирования. Выявлены основные тренды молодежного социального проектирования. Приведены примеры поддержки молодежных социальных проектов.

Ключевые слова: молодежь, ценности молодежи, социальное проектирование, жизненные стратегии молодежи, волонтерство.

S. S. Moskovskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow

V. V. Popova

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL PLANNING AS A TECHNOLOGY OF ATTRACTING YOUTH TO SOLVE SOCIAL PROBLEMS

The article discusses youth social planning as a method of involving young people in solving social problems. The authors analyze the possibilities of state and non-state support for youth social planning. The main trends of youth social planning are revealed. Examples of support for youth social projects are given.

Keywords: youth, youth values, social planning, life strategies of youth, volunteering.

Методологические основы изучения социального проектирования представлены в теориях организации социального проектирования (Т. В. Кузюзова, А. В. Меринов и др.), самореализации молодежи (И. С. Алаторцева, Т. С. Борисова, И. В. Вагнер, М. С. Иванов, Е. В. Харченко и др.) и реализации социального потенциала студенческой молодежи (А. Б. Докторович, В. Н. Марков, В. А. Лапшин, И. С. Резник и др.).

На 1 января 2020 г. численность молодежи от 14 до 30 лет в России составляет 27 368 077 чел., при общей численности населения 146 748 590 чел. [2], это пятая часть населения страны. Традиционно молодежь считается во всех обществах прогрессивной частью населения, склонной к инновациям, созданию новых трендов социального, экономического, политического развития на ближайшие десятилетия государства. Стремление к независимости, нестандартность мышления, потребность в самореализации создает прочное сочетание «молодежные социальные проекты», которое при соответствующей государственной и негосударственной поддержке может стать массовым общественным движением.

Молодежные инициативы в виде проектной деятельности активно развиваются в региональном пространстве, отражая, с одной стороны, проблемы населенного пункта (сохранение редких видов растений и животных, развитие туризма, досуговой инфраструктуры, сортировка ТБО и т. д.), а с другой стороны, направленность социальной политики данной территории. Даже волонтерское движение развивается в разных населенных пунктах по-разному. В одном случае, реализуются социальные проекты, направленные на помощь детям-сиротам, в другом – людям с ограниченными возможностями, в третьем – одиноким пожилым людям. Активное участие в проектной деятельности способствует снижению иждивенческой позиции, формирует созидательное мышление, позволяет реализовать смелые идеи, найти единомышленников, развить социальные капитал.

Согласно статистике проведенных в 2019 г. всероссийских молодежных форумов, 2730 молодежных форумов были проведены на региональном и муниципальном уровне, с общим количеством участников более 854 018 тыс. чел. [2]. Направления социальных

проектов молодежи напрямую зависят от проблем региона и приоритетных задач молодежной политики данного региона. К примеру, в Иркутской области основным направлением проектирования среди молодежи является экология и охрана природы, потому что в регионе остро стоит экологический вопрос.

Также направленность социальных проектов молодежи сегодня напрямую зависит от тех проектных линий, которые задают организаторы грантовых конкурсов. На сегодняшний день (в 2020 г. в рамках Всероссийского конкурса молодежных проектов) основными перспективными и активными направлениями молодежного социального проектирования являются социокультурная, патриотическая, экологическая сфера. По результатам Международного молодежного форума «Байкал» на публичные защиты было представлено 255 проектов. 60 рекомендовали к присуждению гранта на общую сумму 33 361 000 руб. По итогам Форума молодых деятелей культуры и искусства «Таврида» на публичные защиты было представлено 97 проектов. 27 рекомендовали к присуждению гранта на общую сумму 17 618 000 руб. На Всероссийском форуме по профилактике социально-негативных явлений в молодежной среде «Социальный десант» на публичные защиты был представлен 41 проект. 10 рекомендовали к присуждению гранта на общую сумму 4 509 000 руб. [2].

Одним из приоритетных направлений молодежной политики, указанных в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, является создание благоприятных условий для развития молодежного социального проектирования и социального предпринимательства, расширения возможностей для молодых людей реализовывать свои инициативы в создании собственного дела или проекта. Также одним из направлений является помощь молодым людям при реализации собственного проекта в преодолении трудностей, связанных с отсутствием свободных финансовых средств для стартового этапа реализации проекта, с недостатком знаний, навыков и компетенций для ведения такого рода деятельности.

Сами меры государственной поддержки стоит рассматривать со стороны нацеленности проекта на извлечение прибыли или, наоборот, обращенности проекта только на социальный эффект. В первом случае, государство трактует меры поддержки для молодежного социального предпринимательства в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ.

Следуя этому предписанию, государство, в первую очередь, предоставляет услугу по самозанятости, которая направлена на создание условий для открытия собственного дела безработными гражданами, имеющими соответствующий личностный и профессиональный потенциал. Во вторую очередь, государство предоставляет доступ к ряду проектов, разработанных для помощи и поддержки молодежных социальных бизнес-проектов, а именно: программа «Бизнес класс» (business-class.pro), платформа «Деловая среда» (dasreda.ru), сеть центров оказания услуг «Мой бизнес» (мойбизнес.рф) и т. д.

Эти проекты направлены на консультирование, обучение молодых предпринимателей основам бизнеса, выявление слабых и сильных сторон их идей, предоставление площадки для поиска партнеров своего проекта, формирования активистов и популяризаторов идей предпринимательства. Зачастую молодые люди становятся заложниками собственной креативности. У них много идей, но отсутствует понимание механизма их практического воплощения, нет стартовой площадки, навыков составления заявки на финансирование, сметы, бизнес-плана, нет представления о возможностях монетизации проекта, его этапах, фандрайзинге. Перечисленные выше площадки как раз и предназначены для восполнения этих пробелов.

На регулярной основе проводятся исследования потребностей молодежного социального предпринимательства в области создания дополнительных мер государственной поддержки. Осуществляется мониторинг молодежного социального предприниматель-

ства, проводятся круглые столы, форумы, конференции, на которых обсуждаются вопросы мотивации молодых предпринимателей, возможность их полноценного участия в социально-экономических процессах развития региона и страны в целом, открытия перспективных направлений, актуальных не только сегодня, но и нацеленных на удовлетворение потребностей общества, в том числе молодежи, в будущем.

В целях популяризации предпринимательской деятельности в молодежной среде и поощрения успешных молодых социальных предпринимателей (от 14 до 30 лет) с 2010 г. проводится Всероссийский конкурс «Молодой предприниматель России», в 2019 г. в конкурсе участвовало более 59 регионов страны, 500 тыс. участников, 16 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса [1]. В числе номинаций выделена и такая, как «социальное предпринимательство».

Также государство заботится о проектах, чья деятельность не направлена на извлечение прибыли, для таких проектов Правительство РФ издало постановление «О Всероссийских молодежных проектах» от 19.09.2017, где указано, что к основным видам поддержки социальных проектов, не нацеленных на извлечение прибыли, относится адресная поддержка в виде единовременного гранта. Получить поддержку можно через следующие каналы:

- Фонд президентских грантов (президентскиегранты.рф) – здесь можно найти множество социальных проектов с программой реализации и финансовым обоснованием;
- Различные региональные фонды по поддержке социального проектирования;
- Фонд «Наше будущее» – активно поддерживает социально-ориентированное проектирование в России;
- Фонд социальных инвестиций – также крупный и известный фонд с целевым финансированием социальных проектов.

Также государством создан специальный орган – Федеральное агентство по делам молодежи (ФАДМ или Росмолодежь). Росмолодежь – Федеральный орган исполнительной власти в России, осуществляющий функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере государственной молодежной политики, реализации мероприятий, направленных на обеспечение здорового образа жизни молодежи, нравственного и патриотического воспитания и на содействие реализации молодежи своих профессиональных возможностей. Росмолодежь ежегодно проводит Всероссийский конкурс молодежных проектов в целях вовлечения молодежи в социальную активность, а также создания эффективной системы социальных лифтов для самореализации молодежи. ФАДМ организует и проводит огромное количество грантовых конкурсов и форумов для молодежи, в числе самых известных из них – форумы «Таврида» и «Байкал».

Осенью 2020 г. подведены итоги Всероссийского конкурса молодежных проектов, в рамках которого были проведены грантовые конкурсы среди физических лиц в рамках молодежных образовательных форумов. Конкурс проходил с 18 сентября по 18 октября 2020 в рамках следующих мероприятий: Форум молодых деятелей культуры и искусств «Таврида»; Международный молодежный форум «Байкал»; Всероссийский форум по профилактике социально-негативных явлений в молодежной среде «Социальный десант»; Всероссийский слет Национальной лиги студенческих клубов; Молодежный проектный форум Южного федерального округа «СЕЛИАС – 2020»; Всероссийский форум по профилактике экстремистских проявлений и идеологии терроризма среди молодежи «Формула согласия»; Всероссийский форум молодых политологов «Дигория»; VIII Всероссийский форум рабочей молодежи. На публичную защиту было представлено 768 проектов, комиссия присудила победу 195 молодежным инициативам на общую сумму 121 966 000 руб. [2].

Важно отметить, что к рассмотрению принимаются различные инициативы молодежи. Спектр проектов, претендующих на финансирование, достаточно обширен. Это

могут быть как масштабные проекты – проведение театральных молодежных фестивалей, осуществление профилактики негативных явлений в молодежной среде, ярмарок вакансий и пр., так и проведение акции, озеленение скверов, открытие спортивных тренажерных площадок на открытом воздухе в парковой зоне и т. д.

Существуют разные форматы финансирования социальных стартапов, исходящих не от государства. В основном поддержку социальному проектированию оказывают различные российские и зарубежные фонды, платформы и бизнес-акселераторы, которые организуют курсы, программы или конкурсы и активизируют превращение просто идеи в реальный результат.

Следует отметить деятельность таких негосударственных фондов, как:

– Фонд «Навстречу переменам», ориентированный на сферу детства. Был основан в 2012 г. За все время фонд организовал 5 конкурсов, участниками которого стало более 2000 чел., а победителями с начальным финансированием проекта в миллион рублей стали более 30 чел. Также фонд занимается обучением участников методам проектирования в сфере профессионального развития, гарантирует информационную поддержку и соединяет социальных проектировщиков в команды единомышленников по направлениям.

– Фонд поддержки социальных проектов. Этот фонд занимается организацией и проведением акселерационных программ, проводит консультации, стремится к привлечению финансирования социальных проектов на льготных условиях, оказывает содействие развитию благоприятной среды для развития социального предпринимательства в целом.

Кроме этого, существует множество платформ по оказанию помощи социальным проектам от некоммерческих организаций.

Современные молодые предприниматели могут обратиться также к компаниям акселераторам. Бизнес-акселератор – это социальный институт оказания поддержки стартап-проектов. Данное понятие включает как компании, так и организованные ими программы активного развития организации через такие методы как кураторство, обучение, финансовая и экспертная помощь, взамен им необходимо предоставить часть капитала в компании. Бизнес-акселератор также может поддерживать стартапы в онлайн-бизнесе.

Самыми известными и популярными акселераторами являются:

– Impact Hub – имеющая филиалы в более чем 40 стран мира (в том числе и в России) международная организация центров оказания поддержки социального проектирования и предпринимательства. В российском филиале, который расположен в Москве, возможно не только получить высококвалифицированную консультационную помощь от профессионалов в сфере социального проектирования, которые могут поделиться опытом или социальными контактами, но и арендовать на любое время офис-коворкинг для работы. За последние два года своего существования Impact Hub Moscow оказал помощь в проработке 50 совершенно новых социальных проектов в области социального предпринимательства, а также помог в развитии 30 уже действующих социальных проектов.

– Всероссийский акселератор социальных инициатив RAISE – это организация, создающая конкурсы, принять участие в которых могут любые студенческие авторские группы под руководством куратора. Изначально социальные проекты, поданные в заявке акселератору, проходят проверку на соответствие требованиям конкурсов, после чего следует допуск к конкурсным мероприятиям. В свою очередь, требования проверки на соответствие критериям весьма прозрачны и логичны: исследованность и актуальность проблемы проекта, эффективность социального результата для целевой аудитории проекта, продаваемость идеи, экономическая надежность проекта, актуальность мер по решению имеющейся социальной проблемы, инновационно-технологическое решение социальной проблемы и пр.

– Фонд Ашока – первопроходец в области оказания помощи социальному предпринимательству. Созданный в 80-х гг. прошлого века социальным предпринимателем Бил-

лом Дрейтоном, фонд занимается назначением и распределением стипендий и оказанием консультационной поддержки от квалифицированных профессионалов. За долгое время своего существования фонд оказал помощь более 2000 социальным проектам со всех стран мира.

– Фонд социального предпринимательства Шваба – является одним из самых крупных фондов во всем мире, предоставляющим помощь социальным проектам. Безусловно, победить в конкурсе от данного фонда сложно, существует очень плотная международная конкуренция.

– Фонд Сколла – созданный в 2000 г. Джеффри Сколлом на полученные от продажи собственной части сервиса eВаu средства и владеющий капиталом в миллиард долларов. Его главной сферой деятельности является экологическая охрана окружающей среды, в частности, борьба с климатическими изменениями, а также фонд инвестирует социальные проекты, ориентированные на здравоохранение и образование в странах третьего мира.

Все вышеперечисленные фонды и организации являются только малой частью той возможной поддержки, которую имеют шанс приобрести молодые и опытные социальные предприниматели, как нашей страны, так и за рубежом. Чтобы правильно и эффективно распоряжаться данной информацией, молодым социальным предпринимателям необходимо иметь хорошее представление не только о своей социально-предпринимательской деятельности, но и разбираться в особенностях взаимодействия с разными фондами, платформами и бизнес-акселераторами.

Помимо негосударственных фондов и программ развития молодежного социального предпринимательства, молодой предприниматель может воспользоваться специальными методами поиска ресурсов, такими как краудфандинг, фандрайзинг и краудсорсинг.

Можно сделать вывод, что меры поддержки молодежных социальных проектов зависят от финансовой составляющей самого проекта. Если проект нацелен на извлечение прибыли, его стоит рассматривать со стороны социального предпринимательства, в этом случае меры поддержки будут котироваться со стороны малого и среднего бизнеса. Если проект нацелен на социальный эффект, без каких-либо коммерческих целей, государство предлагает участвовать в разных федеральных и региональных грантовых конкурсах. В обоих случаях, государство предоставляет возможность в консультационной помощи, дает необходимые знания, обучает определенным навыкам и компетенциям для наиболее эффективной реализации социального проекта. Мотивированные активисты стремятся к самореализации через участие в различных конкурсах и программах, так как эта деятельность является еще одним социальным лифтом, способствующим вертикальной мобильности современной молодежи.

Литература

1. Молодой предприниматель России – 2020. URL: <https://frbk.ru/mpr2020> (дата обращения: 09.11.2020).
2. Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). URL: fadm.gov.ru (дата обращения: 09.11.2020).

**РАЗВИТИЕ ФОРМ И ВИДОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Рассмотрены основные формы и виды дополнительного образования, а также способы реализации различных форм и видов дополнительного образования.

Ключевые слова: формы дополнительного образования, виды дополнительного образования, дополнительное образование.

E. A. Bukharova, E. V. Reshetnikova
Irkutsk State University, Irkutsk

**DEVELOPMENT OF FORMS AND TYPES OF ADDITIONAL EDUCATION
AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF SOCIAL REALITY**

The article considers the main forms and types of additional education. In addition, the ways of implementing various forms and types of additional education are considered.

Keywords: forms of additional education, types of additional education, additional education.

В условиях современной социальной действительности образование является одним из ключевых факторов стимулирующих развитие общества в целом и его отдельных представителей в частности. Институт образования является многоуровневой и многоаспектной системой, которая включает в себя, в том числе дополнительное образование. Дополнительное образование, как один из видов образовательного процесса, направлено на всестороннее развитие и удовлетворение потребностей индивида в образовании, в рамках интеллектуальной, духовно-нравственной, физической и профессиональной сферах, при этом данный вид образовательного процесса не сопровождается непосредственно повышением уровня образования.

Рассматривая дополнительное образование, необходимо отметить, что среди основных его форм можно выделить дополнительное образование детей и взрослых и дополнительное профессиональное образование. Дополнительное образование детей и взрослых подразумевает формирование и совершенствование способности детей и взрослых, прежде всего, творческого характера, а также удовлетворение их интеллектуальных, духовно-нравственных и физических потребностей в индивидуальном развитии и формирование культуры безопасного, здорового образа жизни, организацию их свободного времени. В рамках реализации дополнительного образования детей и взрослых существуют дополнительные общеобразовательные программы, которые включают в себя общеразвивающее и предпрофессиональное направление образовательной деятельности. В свою очередь стоит отметить, что дополнительные общеразвивающие программы осуществляются и для детей и для взрослого населения, когда как дополнительные предпрофессиональные программы в области физической культуры и спорта, искусства и культуры реализуются именно для детей. Способами организации дополнительного образования детей и взрослых разнообразны и включают в себя общеразвивающие курсы, тренинги, секции и т. д.

Иной формой дополнительного образования является дополнительное профессиональное образование, которое направлено на удовлетворение профессиональных и образовательных потребностей, а также профессиональное совершенствование индивида, обеспечение определенного уровня соответствия его профессиональной квалификации текущим условиям социальной и профессиональной среды. Основополагающим средством реализации дополнительного образования являются дополнительные профессиональные программы, которые подразделяются на программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Кроме того, стоит отметить, что если для дополнительного образования детей и взрослых нет необходимости в подтверждении получения определенного уровня образования в какой-либо сфере, то для получения дополнительного профес-

сионального образования обязательным условием является получение среднего профессионального или высшего образования. Между программой повышения квалификации и программой профессиональной переподготовки существует естественная разница, которая заключается в том, что одна подразумевает совершенствование и повышение профессионального уровня или получение новых компетенций в рамках уже имеющейся профессиональной квалификации, тогда как другая направлена на получение дополнительных компетенций и приобретение новой квалификации в ином виде профессиональной деятельности.

Рассматривая дополнительное образование в целом как некую систему, позволяющую в условиях непрерывной трансформации условий окружающей социальной, а также профессиональной среды получать новые компетенции в сфере личностного и профессионального развития для детей и взрослых. Также следует отметить, что данная система предоставляет возможность не только для получения знаний, умений и навыков для комфортной жизнедеятельности в обществе, но и позволяет наиболее полноценно приспособиться к изменениям в социальной действительности. Кроме того, система дополнительного образования позволяет получить также навыки социального взаимодействия, способствует успешной социальной и психологической адаптации индивидов. В современных же условиях дополнительное образование позволяет реализовать широкий спектр направлений в рамках осуществления образовательного процесса для различных возрастных групп. Одной из групп, являющихся активными потребителями услуг дополнительного образования, являются дети. Для данной категории как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях реализуется масса проектов и программ, направленных на доступность, популяризацию и совершенствование дополнительного образования для данной социально-демографической группы.

Дополнительное образование для взрослой категории населения наиболее часто характеризуется именно дополнительным профессиональным образованием, т. е. предполагает совершенствование и развитие собственных профессиональных компетенций для соответствия изменениям в своей сфере профессии. В этой области, например, реализуются целевые федеральные программы, направленные на поддержку дополнительного профессионального образования для представителей конкретной профессии. Кроме того следует отметить, что для данной социально-демографической группы существуют также проекты и программы, целью которых является популяризация непрерывного образования, как средства соответствия постоянно изменяющимся условиям окружающей действительности, а также поддержания собственной профессиональной квалификации. Одним из примеров, подобных проектов в сфере дополнительного профессионального образования может служить Федеральный проект «Учитель будущего», одной из целей которого является внедрение национальной системы профессионального роста педагогических работников [4].

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить, что на сегодняшний день система дополнительного образования предоставляет возможность для представителей различных социально-демографических групп получить компетенции в разных сферах, начиная от духовно-нравственной и заканчивая профессиональной. Кроме того, дополнительное образование позволяет адекватно и полноценно реагировать на изменения в окружающей социальной действительности, а также самосовершенствоваться в личностном и профессиональном плане, поэтому развитие системы дополнительного образования способствует и развитию как всего социума в целом, так и отдельных индивидов в частности.

Литература

1. Бельчик Т. А. Направления развития системы дополнительного профессионального образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 3 (27). С. 15–24.
2. Молоков Д. С. Тенденции развития дополнительного образования // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 3. С. 83–86.
3. Орлова О. Н. Шанс на успех: перспективы развития дополнительного образования // Концепт. 2015. № S20. С. 1–6.
4. Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения: 14.11.2020).

А. В. Степанов
Сибирский институт физиологии и биохимии растений СО РАН, г. Иркутск

О. И. Грабельных
Сибирский институт физиологии и биохимии растений СО РАН,
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ШКОЛЬНЫХ УРОКОВ БИОЛОГИИ И БИОЛОГИЧЕСКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ У ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ АДЕКВАТНОГО ВОСПРИЯТИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА И БЕРЕЖНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ

Рассматривается ведущая роль школьных уроков биологии и исследовательской деятельности учащихся в контексте развития представлений учащихся об окружающем мире и решения проблемы погружения современных детей в «виртуальный мир». Обосновывается, что заинтересованный учитель способен вернуть учащихся в реальный мир, обучить навыкам исследовательской деятельности и дать представление о развитии окружающего мира, его изменениях и стабильности. Раскрывается, что для этой цели учитель может использовать обычный аквариум – биоценоз с различными представителями почти всех царств живого.

Ключевые слова: современные дети, реальный и виртуальный миры, учитель биологии в школе, исследовательская деятельность учащихся, аквариум.

A. V. Stepanov
Siberian Institute of Plant Physiology and Biochemistry of SB RAS, Irkutsk

O. I. Grabelnykh
Siberian Institute of Plant Physiology and Biochemistry of SB RAS,
Irkutsk State University, Irkutsk

THE LEADING ROLE OF SCHOOL LESSONS IN BIOLOGY AND BIOLOGICAL RESEARCH ACTIVITIES IN THE FORMATION OF AN ADEQUATE PERCEPTION OF THE SURROUNDING WORLD AND A CAREFUL ATTITUDE TOWARDS NATURE

The article examines the leading role of school biology lessons and students' research activities in the context of developing students' ideas about the world around them and solving the problem of immersing modern children in the "virtual world". A motivated teacher is able to bring students back to the real world, teach research skills and give an idea of the development of the world around, its changes and stability. For this purpose, the teacher can use an ordinary aquarium – a biocenosis with various representatives of almost all the kingdoms of the living.

Keywords: modern children, real and virtual worlds, biology teacher at school, student research activities, aquarium.

К сожалению, последние тренды развития нашей цивилизации потребителей все дальше отделяют конкретно взятую развивающуюся личность не только от самой природы: свежего воздуха, солнечного света, энергии земли, но и, что более печально, от самого понимания взаимосвязи живого, его ранимости, неповторимости и главное, невозвратности.

Так «социальная сеть» заменяет молодому поколению личное общение со сверстниками и другими участниками непосредственного социального окружения. Тревожит ситуация, когда все больше современных детей всю свою сознательную, интеллектуальную и даже физическую активность перемещают из реального мира, где мы живем, в другой – «виртуальный мир». И этот виртуальный мир в их сознании вытесняет реальный. Там они общаются, играют, отдыхают, выполняют какую-то работу, добывают ресурсы, строят себе дома, зарабатывают определенные блага. Но это все там – по другую сторону монитора и реальности. В реальном же мире они перестают интересоваться окружающим миром и не развиваются гармонически. И самое страшное, что в «виртуальном мире» совсем другие законы: там можно безнаказанно убивать, грабить, зная, что это игра и отвечать за свои действия не придется, а, если надоело играть, то можно удалиться, отключиться, умереть и затем восстановиться. Самое печальное, что многие современные дети не понимают цену жизни, законов природы, ее гармонии и т. д.

Испокон веков дети помогали родителям, выполняя посильную им работу по дому, в том числе ухаживали за домашними животными, тем самым узнавая окружающий мир и его законы. Благодаря этому они узнавали ответы на многие вопросы: что есть живое и неживое, чем живое питается, какие выделяет отходы, как растет, как размножается и как умирает. Они понимали, что живое очень ранимо, при плохом уходе начинает страдать, заболевает и может погибнуть. И если ты взял себе живое существо, про него нельзя забывать или на время «отключать». Потому что если твой питомец умер, то его уже не восстановить никак!

Раньше задача учителя биологии состояла в том, чтобы научить детей правильно взаимодействовать с природой. Он должен был рассказать и показать многообразие живого мира, объяснить как он устроен, как по строению определить, что это за организм и чем он должен питаться и где жить. То есть учитель помогал детям углубить знание об уже знакомом. В современном мире дети знают, как обращаться и владеть различными механизмами и гаджетами, но зачастую даже не представляют правил обращения с домашними животными. Потому что животные, если и есть в доме, то ухаживают за ними, как правило, родители. Для самих детей домашние животные служат своего рода фоном, как бесплатное приложение к квартире, родителям и жизни в целом. В таких условиях получается, что преподаватель биологии на своих уроках рассказывает детям о чем-то далеком и непонятном, мало связанным с их реальностью, а значит мало интересном и значимом для них. Поэтому в современной школе преподаватель биологии должен стать очень яркой личностью, чтобы заинтересовать детей предметом, притягивать к себе и к предмету внимание учащихся. Учитель должен не просто зачитывать учебник и показывать презентации, заставляя детей делать конспекты и бумажные доклады, не выходя из классной комнаты, а наглядно демонстрировать все многообразие живого. Биология – это наука о живом и преподавать ее необходимо с привлечением наглядного материала. Поэтому в помощь учителю биологии всегда было море цветов в кабинете биологии, аквариум в углу и живой уголок или станция юных натуралистов где-нибудь рядом. Дополнительно к этому – чучела, макеты, препараты и т. д. Однако за всем этим нужно ухаживать и, по современным ФГОС, в кабинете не должно быть ничего лишнего, отвлекающего внимание учащихся, но самое главное – возможность развития аллергии у детей на корма, шерсть, перья, должна быть исключена. Соответственно, походы на природу для наглядной демонстрации биоценозов, сообществ животных и растений, как и школьные музеи природы с чучелами животных, препаратами, микроскопами, живыми уголками, аквариумам в каждом классе и даже цветами на окнах уходят в небытие. Откуда в таких условиях у детей может появиться стремление любить природу, беречь ее и друг друга?

В контексте развития современного среднего образования очень занижена роль уроков биологии. Количество часов снижается, материальная база либо обветшала, либо ее совсем нет. Даже те во многих программах не совсем удачные лабораторные опыты «средний» преподаватель провести не может, так как и времени на это не выделено и лаборант в помощь у него нет и препаратов и оборудования, а живых объектов исследования и подавно.

Учитывая все вышесказанное, учитель биологии должен иметь в качестве иллюстративного материала на уроке такой материал, который бы не причинял неудобств учителю и учащимся, был прост в использовании, не требовал бы применения сложного оборудования и позволял бы учащимся самостоятельно проводить изучения как в рамках школьной программы, так и исследовательской деятельности. Всего один маленький аквариум в углу может решить большинство проблем преподавателя и заложить в детях навык исследовательской деятельности и вернуть их в реальный мир! Аквариум, конечно, не заменит походы на природу, свежий воздух, запах травы и свежеспаханной земли. Но, это уже пример целого биоценоза, его развития, изменения, стабильности за которым можно следить в течение всего учебного года и выполнять исследовательские проекты. Кто-то из учащихся будет с интересом следить за тем, кто и как там живет; кто-

то может проявить интерес ухаживать за ним, чистить, кормить рыб, менять воду; а кто-то заинтересуется проведением экспериментов. Даже если среди учащихся будут такие, которые сломают, намусорят, занесут заражение в этот биоценоз или совсем его погубят, – это тоже будет хорошим наглядным примером ранимости природы. Кроме того, для лабораторных работ по программе курсов, по крайней мере зоологии и ботаники, в аквариуме можно найти живых представителей почти всех царств живого начиная с бактерий, простейших, грибов и до позвоночных животных и высших растений.

УДК 330.16

А. Ю. Бурнаев, Т. Ю. Фальковская
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: БРАТЬ ИЛИ НЕ БРАТЬ?

В статье предпринята попытка выявить мотивацию и цели корпоративной социальной ответственности (КСО) российского бизнеса; с этой целью анализируются социально направленные практики крупных российских предприятий.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, гражданская активность, стейкхолдеры, инструмент лояльности и конкурентоспособности, мотивация, российская специфика.

A. Y. Burnayev, T. Yu. Falkovskaya
Irkutsk State University, Irkutsk

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY: TO TAKE OR NOT TO TAKE?

The article attempts to identify the motivation and goals of CSR in Russian business; for this purpose, the socially oriented practices of large Russian enterprises are analyzed.

Keywords: corporate social responsibility, civic engagement, stakeholders, instrument of loyalty and competitiveness, motivation, Russian specificity.

КСО давно стала повседневной практикой западных компаний: под давлением внешней и внутренней гражданской активности бизнес добровольно принял на себя часть социальной ответственности; более того, сделал ее эффективным инструментом формирования лояльности всех категорий стейкхолдеров, инструментом поддержания и повышения конкурентоспособности и эффективности компании.

Для российских предприятий и организаций такая практика не является широко распространенной, поскольку «социальные инвестиции», коими являются затраты на КСО, это долгосрочные инвестиции, а российский бизнес предпочитает мыслить краткосрочными категориями и действовать соответственно. Но тем не менее прецеденты КСО существуют.

Так, например, 12 августа 2019 г. Московская биржа объявила о создании Сектора устойчивого развития, чья главная задача заключается в финансировании проектов, направленных на решение экологических проблем и улучшение качества жизни общества [1]. Данный факт указывает на понимание того, что при наличии определенных направлений КСО в структуре компании, она сможет получать больше инвестиций, что не только укрепит лояльность общественности в отношении компании, но и повысит конкурентные преимущества фирмы.

Компания «Сбербанк» 5 июня 2020 г. создала специализированный ESG-комитет, основная цель которого – обеспечение следования принципам экологической, социальной и корпоративной ответственности в деятельности банка и компаний экосистемы. Деятельность данного комитета будет формировать КСО-повестку, в рамках которой будут рассматриваться и реализовываться проекты экологической, социальной и экономической направленностей [2]. До создания данного комитета компания частично отказалась от использования бумаги в своих банкоматах, также «Сбербанк» реализует проекты общественного развития: благоустраивает объекты культурного наследия во многих горо-

дах западной части России, сотрудничает с Евроазиатским центром сохранения дальневосточных леопардов, реализует природоохранные проекты по воспроизводству редких степных животных и птиц, ведет работы по оборудованию учебных заведений, детских домов и различных центров помощи детям без родительского попечительства [3]. Также компания организовала совместно с Google бесплатную онлайн-школу «Бизнес класс», которая помогает начинающим предпринимателям сделать свой бизнес эффективнее [4].

Региональная компания «Иркутская», специализирующаяся на производстве бутилированной воды из артезианских источников, использует КСО для увеличения собственных нематериальных активов, распространению экологической повестки, а также для повышения продаж своей продукции. «Иркутская» организовала акцию с пунктами приема пластиковых бутылок для последующей рециркуляции [5]. Компания разработала специальную стимулирующую программу: участники данной акции должны были набирать баллы за предоставленные бутылки; за баллы участник мог приобрести различные фирменные предметы: металлическая кружка, футболка, сумка-шоппер, панамка. Помимо этого каждый участник получал один саженец дерева. Вследствие данной акции местная общественность проявила интерес к событию, обратная связь и анализ СМИ выявили позитивную реакцию местной общественности на акцию и деятельность компании.

Российская нефтегазовая компания «Роснефть» в своей стратегии «Роснефть – 2022» ввела принципы КСО, направленные на следующие направления деятельности организации: права человека, трудовые отношения, окружающая среда и противодействие коррупции. В связи с чем «Роснефть» позиционирует себя как социально ответственную компанию, которая придерживается общепринятых международных соглашений в области вышеперечисленных категорий. Формализовав и интегрировав принципы КСО в управленческую структуру организации, компания получила высокие баллы в международном биржевом индексе FTSE4Good Emerging Index в категории «Управление», учитывающей показатели противодействия коррупции, риск-менеджмента и корпоративного управления [6]. В 2019 г. компания также получила высокий балл в международном рейтинге соблюдения прав человека CHRV, став лидером среди российских компаний в рейтинге. Также «Роснефть» ведет проекты по поддержанию здравоохранения и развитию медицины в местах своего присутствия: производство компонентов для антисептических средств, введение специальных карт для медработников с возможностью бесплатной заправки личного автотранспорта, организация волонтерской деятельности для доставки на дом продуктов для людей, входящих в группу риска COVID-19 [7]. «Роснефть» в рамках своей стратегической деятельности ведет проекты по сохранению окружающей среды и минимизации негативных последствий деятельности компании. На период 2018–2022 гг. компания выделила 300 млрд руб., которые направлены на решение следующих проблем: снижение выбросов в атмосферу, внедрение эффективных технологий утилизации и очистки вод, реализация проектов по сохранению экосистем и восполнению природных ресурсов [7].

Сеть супермаркетов Иркутской области «Слата» внедрила принципы корпоративной социальной ответственности в структуру деятельности организации. Данная компания в рамках своей деятельности опирается на следующие приоритеты: поддержание местных производителей (80 % ассортимента магазина представлены российскими производителями, 40 % из которых являются продукцией компаний г. Иркутск), забота о сотрудниках (развитая корпоративная культура, корпоративное обучение, предоставление гибкого графика), экология (введение в эксплуатацию пакетов из биоразлагаемых материалов и сумок-шопперов из переработанного сырья, внедрена система учета энергопотребления, дважды в год компания принимает участие в акциях по посадке деревьев), люди в затрудненной жизненной ситуации (оказание поддержки детским домам, сотрудничество с Советом ветеранов, проведение ежегодных благотворительных акций «Новогодняя палка добра» и «Твой подарок Ветерану») [8]. Также в некоторых магазинах орга-

низованы стенды двух типов: «Полка добра» и «Мусору крышка». «Полка добра» является постоянной благотворительной акцией, суть которой заключается в следующем: любой человек может купить товар первой необходимости и поставить его на полку стенда, после чего любой человек, находящийся в затруднительной финансовой ситуации, может бесплатно взять продукт. Стенды в рамках постоянной экологической акции «Мусору крышка» представлены специализированными урнами для пластиковых крышек и упаковок. Данные пластмассовые элементы отправляются на переработку, а вырученные деньги идут на эко-проекты по восстановлению парков и лесов г. Иркутск и Иркутской области [8].

Еще одним примером применения КСО в России является компания «Лукойл». Данная организация ведет сотрудничество с органами здравоохранения и на данный момент ведет 22 региональных проекта по борьбе с COVID-19. В рамках данных социальных и благотворительных проектов компания потратила 825 млн руб. [9]. Так, например, для городской больницы ХМАО-Югра компания закупила ряд средств индивидуальной защиты для медицинского персонала, транспорт для медицинских работников, томограф и оборудование для дезинфекции поверхностей. Таким образом «Лукойл» прибегает к использованию КСО для помощи обществу в борьбе с пандемией. Реализация данных проектов ведет к определенным финансовым издержкам, однако которые в долгосрочной перспективе будут нивелированы за счет возможного взаимодействия компании и государства, а также за счет сохранения жизней потенциальных потребителей продукции «Лукойла».

Небольшая подборка социально ориентированных практик демонстрирует, что несмотря на сложности и препятствия, такие как, непонимание философии и принципов КСО, отсутствие запроса со стороны потребителей, неразвитость корпоративной культуры, дефицит информации о стратегиях ЛПР, в российской сфере бизнеса происходит процесс внедрения КСО, однако со своей спецификой. Специфика проявляется в следующем: КСО демонстрируют в основном крупные, системообразующие предприятия такие как «Сбербанк», «Лукойл», «Роснефть» и т. д. Это предприятия аффилированные с государством и, полагаем, их программы КСО нацелены на удовлетворение интересов, прежде всего, одного стейкхолдера – государства. Средние и малые предприятия, по-прежнему, не видят в КСО инструмента повышения лояльности и конкурентоспособности; этот факт связан с низкой гражданской активностью населения: гражданская активность, социальная ответственность не являются значимыми ценностями для большинства актуальных и потенциальных потребителей, а следовательно КСО не воспринимается бизнесом эффективным инструментом в конкурентной борьбе.

Литература

1. Инвестиции в устойчивое развитие // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4442383> (дата обращения: 11.11.2020).
2. ESG-комитет Сбербанка подводит итоги первых трех месяцев работы // Официальный сайт «Сбер». URL: <https://press.sber.ru/publications/esg-komitet-sberbanka-podvodit-itogi-pervykh-trekh-mesiatsev-raboty> (дата обращения: 11.11.2020).
3. Сбербанк – Благотворительность // Официальный сайт «Сбер». URL: https://www.sberbank.ru/sb_society/charity (дата обращения: 11.11.2020).
4. Программа «БизнесКласс» – от Google и Сбера // Официальный сайт программы «БизнесКласс». URL: <https://business-class.pro> (дата обращения: 11.11.2020).
5. «Меняйся к лучшему вместе с Иркутской! Сделай первый шаг – сдавай пластик на переработку!» // Официальный сайт «Иркутская». URL: <https://www.irkvoda.ru/ru/press/news/216> (дата обращения: 11.11.2020).
6. «Роснефть» стала лучшей российской компанией в международном рейтинге CHRB в области соблюдения прав человека // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4205663> (дата обращения: 11.11.2020).
7. «Роснефть»: вклад в реализацию целей ООН в области устойчивого развития. URL: https://www.rosneft.ru/upload/site/attach/3/23/Rosneft_UN_2020_RUS.pdf (дата обращения: 11.11.2020).
8. Мы и общество // Официальный сайт «Слата». URL: <https://www.slata.ru/social> (дата обращения: 11.11.2020).
9. Лукойл продолжает поддержку медиков Югры // Официальный сайт «Лукойл». URL: <https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease?rid=501235> (дата обращения: 11.11.2020).

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КРУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Рассматривается корпоративная социальная ответственность как цель социального управления. Предлагается изменение направления развития подхода к определению данного понятия не как специально принятой программы деятельности и управления, а как всеобъемлющего понятия на примере ОАО РЖД.

Ключевые слова: социальное прямое и косвенное управление, социальная ответственность, корпоративное управление, корпоративная социальная ответственность.

A. A. Zaykovskaya, I. R. Libenson
Irkutsk State University of Railway Transport, Irkutsk

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY OF A LARGE ORGANIZATION

The article examines corporate social responsibility (CSR) as the goal of social management. It is proposed to change the direction of development of the approach to the definition of CSR not as a specially adopted program of activities and management, but as a comprehensive concept based on the example of Russian Railways.

Keywords: social direct and indirect management, social responsibility, corporate governance, corporate social responsibility.

Понятие «*социальная ответственность*» становится не только основополагающим этическим принципом, но целью социального управления. Если объект социального управления – социальное развитие общества, социальных групп и индивидов, то цель социального управления – социальная ответственность. По ее достижению должен оцениваться результат управления.

Отметим, что методология социального управления строится на двух способах. Первый – *прямой способ* – управление людьми – влияние на компоненты внутренней психосферы, помогающее людям в деле осознания истинного смысла жизни и труда и правильного отношения к ним. Второй – *косвенный способ* – управление условиями – влияние через культурную среду обитания, т. е. создание внешних и внутренних материальных (вещественных и информационных) условий, способствующих развитию у людей сознательных потребностей и целей в их личной, общественной жизни и трудовой деятельности. Полагаем, что высший уровень социального развития, которого можно достигнуть управлением, – это создание условий для воспитания свободной *самодисциплины* и *социальной ответственности*. Между тем в доминирующем сегодняшнем понимании социальная ответственность выражается, как объективная необходимость отвечать за нарушение социальных норм. Поэтому, для современного общества потребления социальная ответственность – это, в большинстве своем, обременительная социальная обязанность, страх нарушения принятых норм и правил социального поведения.

Как известно, история корпораций породила специфический вид социального управления – «*корпоративное управление*», которое в свою очередь, оперирует на сегодняшний день ключевым понятием «*корпоративная социальная ответственность (КСО)*» – реализация интересов компании (корпорации) посредством обеспечения социального развития ее коллектива и активного участия компании в развитии общества [1].

В современной действительности, в том числе и российской, среди социально-экономических функций крупных компаний находится ряд ключевых, а именно, они:

1) являются крупными налогоплательщиками, обеспечивающими федеральный и территориальные бюджеты поступлением значительных финансовых ресурсов. (Но именно крупные корпорации имеют и большие возможности ухода от «налогового бремени», например, путем юридической регистрации в оффшорах);

2) являются крупными работодателями, как правило, системообразующими, обеспечивающими целые территории рабочими местами, в том числе для молодежи (но

именно корпорации имеют большие возможности привлекать иностранных мигрантов, локализовать производство за рубежом, вместо трудоустройства своего населения и поддержки молодых, создавать рабочие места за границей);

3) являются крупными распорядителями инвестиционных ресурсов, способными принимать решения о вложении свободных финансовых средств в развитие России (но именно корпорации могут выводить из России и вывозить за рубеж крупные капиталы, которые и есть свободный инвестиционный ресурс, не предназначенный работать в России и для России) [7];

4) имеют большие возможности лидирования в установлении социальной справедливости в распределении доходов. (Но именно корпорации лидируют в формировании социальной иерархии неравенства по доходам, назначая большую дифференциацию зарплат среди неинкорпорированного наемного персонала).

Между тем ученые говорят о кризисе современного капитализма, ядром которого и являются современные транснациональные корпорации (ТНК) Запада. Следующие выводы красноречиво говорят об этом. «Если весь мир захочет жить по стандартам Калифорнии, то одних полезных ископаемых на Земле хватит на 2,5, других – на 4 года... Край совсем близко» [5]. «Капиталисты уже не хотят делать три системоподдерживающие вещи: 1) вкладывать капитал в производство (нет рентабельных проектов с приемлемым уровнем риска); 2) тратить деньги на подготовку и наем кадров (дешевая рабочая сила в мире закончилась); 3) платить налоги (оффшоризация вызывает все большее недовольство в ряде стран)» [4]. «Глобальный системный кризис, прежде всего – финансовый, поскольку на финансовый сектор приходится, по разным оценкам, от 70 % до 90 % нынешней «мировой экономики» [8]. «Транснациональный глобальный субъект в союзе с государством США завели человечество в тупик исторического развития. И иного быть не могло, потому что он (субъект) руководствуется формулой, принятой на совещании мультимиллионеров в самом начале XX столетия: «Власть – это товар, пусть и самый дорогой. Поэтому мировая власть должна принадлежать международным финансистам.

В этой модели каждый человек и сферы его жизнедеятельности, культура, наука, образование – все работает только на прибыль. А должно быть наоборот. Экономика должна работать на творческий потенциал человека и человечества, на повышение уровня культуры, на совершение нового рывка, на открытия» [6].

Если признать истинно верными данные оценки исторически сложившихся условий, то становится понятным, почему подлинное назначение КСО чаще имитируется и превращается, в лучшем случае, в рекламную компанию или PR. В некоторых случаях выбор приоритетов при определении сфер социальной деятельности зависит от того, насколько это привлечет внимание общественности, а также от личных предпочтений руководителей компании. Деятельность в области КСО во многих случаях не имеет высокого статуса и осуществляется как побочная.

8 октября 2010 г. был опубликован Международный стандарт ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности», во введении к которому отмечено: «Международный Стандарт ISO 26000 представляет руководство по принципам, лежащим в основе социальной ответственности, основным темам и проблемам, касающимся социальной ответственности, и способам интеграции социально ответственного поведения в стратегии, системы, практики и процессы организации». Как показало исследование, социальная ответственность на западе рассматривается как частная форма ответственности. Юридическая и социальная ответственность противопоставляются друг другу. Ведущая роль придается понятию корпоративной социальной ответственности – концепции, в соответствии с которой организации учитывают интересы общества. Социальная ответственность персонала в системе организационного администрирования имеет подчиненное значение в виде этических норм и правил поведения. Деловая этика как форма социальной ответственности предпринимателя (бизнесмена) и ответственность наемного пер-

сонала разделены. Отметим, что это разделение обусловлено не отличием функций в системе хозяйствования (бизнеса), а наделением существующей системой социальной власти предпринимателя привилегиями, в том числе властными полномочиями управления, границы использования которых он устанавливает сам в зависимости от моральных качеств его личности.

Авторы данной статьи полагают, что сложившийся в методологии и внедренческой практике подход к определению КСО перестал удовлетворять. Социальная ответственность, будь то индивидуальная или корпоративная, вместо моральной нагрузки помимо юридической ответственности и финансово-экономического интереса, может стать свободно выбранной ценностью, естественной потребностью, сутью поведения всех и каждого. При создании надлежащих для этого условий общественного самоуправления [2] социальная ответственность не будет ограничена лишь только рамками КСО как специальной, отдельно принимаемой программы, но пронизывает все значимые направления деятельности организации: производство, продукцию (услуги), ее качество и цены, инвестиции, занятость, оплату и безопасность труда, образование и здоровье персонала, социальное развитие персонала и окружающих людей, вклад в государственный бюджет (общественные фонды накопления и потребления) и охрану природы.

В современной российской действительности в качестве образца компании, стремящейся к масштабной реализации КСО, является ОАО «РЖД». Рассмотрим практику КСО на ее примере. Это динамично развивающаяся общенациональная вертикально-интегрированная транспортная компания корпоративного типа. Как показало исследование, КСО играет важнейшую роль на всех этапах подготовки и принятия управленческих решений и является важным фактором динамичного развития современного Холдинга.

Масштабы деятельности ОАО «РЖД» велики. Это один из лидеров по размеру вклада в экономику России. Согласно прогнозу, представленному в «Долгосрочной программе развития ОАО «РЖД» до 2025 г.», к 2025 г. руководством Холдинга планируется увеличить долю вклада в ВВП до 5,4–5,6 % [8]. На долю компании в общем грузообороте транспортной системы страны с учетом трубопроводного транспорта приходится порядка 45,3 % рынка. Доля в пассажирообороте транспортной системы достигает 26,4 %.

Компания является крупнейшим работодателем, по итогам 2019 г. списочная численность работников ОАО «РЖД» составила 743,1 тыс. чел. Удельный вес категорий персонала в общей численности распределяется следующим образом: рабочие составляют 63,1 % (468,6 тыс. чел.); руководители – 7,7 % (57,3 тыс. чел.); специалисты и служащие – 29,2 % (217,3 тыс. чел.). По итогам 2019 г. доля молодых работников в возрасте до 35 лет составила 39,8 % от общей численности персонала ОАО «РЖД», доля молодых работников в возрасте до 30 лет – 22,7 % [8].

В настоящее время в ОАО «РЖД» практически сформированы основные механизмы корпоративного управления, присущие передовым публичным компаниям. Ведущие российские экспертные организации в сфере корпоративного управления подтверждают, что ОАО «РЖД» достигнуты высокие результаты в области корпоративного управления. Компания продолжает непрерывную работу по совершенствованию системы корпоративного управления, основываясь на российских и международных стандартах и передовой практике корпоративных отношений.

Принципы корпоративного управления в ОАО «РЖД»: 1. Обеспечение защиты прав акционера. 2. Эффективная деятельность органов управления и контроля. 3. Обеспечение раскрытия информации. 4. Внедрение этических принципов в компании. 5. Социальная ответственность. 6. Система социальной поддержки работников компании. 7. Эффективная система управления дочерними обществами.

Корпоративная социальная ответственность понимается в компании как «...добровольный вклад в развитие государства, общества и бизнеса в экономической, социальной и экологической сферах, который напрямую связан с осуществлением хозяй-

ственной деятельности ОАО «РЖД» и преимущественно выходит за рамки законодательно определенного минимума обязательств» [8].

Компания стремится контролировать и поощрять применение работниками положений «Кодекса корпоративной социальной ответственности». Для этого руководство намерено постоянно информировать работников об изменениях и дополнениях Кодекса, о приоритетах, планируемых мероприятиях и результатах в области корпоративной социальной ответственности. Система управления деятельностью в области КСО построена на основе функционирования нескольких подразделений: Департамент управления персоналом, Департамент по организации, оплате и мотивации труда, Департамент социального развития, Центральная дирекция здравоохранения. В ОАО «РЖД» разработан и введен в действие ряд новых механизмов социальной ответственности. Это касается в первую очередь пилотных проектов в области социальной защиты, охраны окружающей среды, менеджмента качества. Важным инструментом коммуникаций между компанией и заинтересованными сторонами в области социальной ответственности является корпоративный социальный отчет.

Руководство ОАО «РЖД» заявляет о том, что КСО отводится важнейшая роль в деятельности компании [8]. Фактически она служит фундаментом обеспечения устойчивости и динамичности развития бизнеса в долгосрочной перспективе. Ни одно ключевое управленческое решение не принимается без учета интересов основных групп заинтересованных лиц, к числу которых относятся: персонал компании; собственники акционерного капитала (в настоящее время единственным акционером компании выступает Правительство РФ); клиенты; поставщики; инвесторы; государство; общество (включая местные сообщества).

Учитывая разнонаправленные интересы множественных групп стейкхолдеров, ОАО «РЖД» стремится к реализации КСО на различных уровнях иерархии, базовым их которых выступает ответственность правового и экономического толка. В своей деятельности компании неукоснительно опирается на действующие требования и нормы закона, а также старается перенимать лучшую деловую практику. Немаловажная роль отводится обеспечению экономической устойчивости бизнеса, что позволит не только сохранить и приумножить рабочие места, но и даст возможность своевременно пополнять государственный бюджет за счет налоговых платежей и отчислений.

ОАО «РЖД» активно развивает прочие, более высокие уровни социальной ответственности. В частности, речь идет об ответственности этической и филантропической. Основные направления КСО компании – это: развитие и социальная поддержка персонала; охрана окружающей среды; спонсорство и благотворительность.

Таким образом, ОАО «РЖД» развивает как внешнюю, так и внутреннюю корпоративную социальную ответственность. Ведущая роль *во внешней КСО* отводится обеспечению охраны окружающей среды и обеспечению экологической безопасности. Природоохранную деятельность компании регламентируют такие документы, как «Стратегия развития железнодорожного транспорта в России» и «Экологическая стратегия ОАО «РЖД». Внешняя КСО ОАО «РЖД» проявляется также в ее народно-хозяйственной роли в прошлом и в современности.

В сфере *внутренней КСО* предопределяющую роль играет развитие и социальное обеспечение сотрудников компании. Прежде всего, речь идет о создании безопасных условий труда и достойном и стабильном вознаграждении за него. Помимо этого, компания предоставляет своим работникам расширенный социальный пакет и многообразные возможности для личного и профессионального роста [8].

Важной функцией корпоративной социальной ответственности является управление нефинансовыми рисками. Начиная с 2006 г. ОАО «РЖД» ежегодно формирует социальный (нефинансовый) отчет – Отчет об устойчивом развитии, свое отражение в котором находит деятельность компании в области КСО [8]. Данный отчет публикуется на

официальном сайте компании в сети Интернет. Нефинансовая отчетность компании может быть использована в аналитических целях внешними и внутренними стейкхолдерами. Ее анализ позволяет говорить о достаточно высоком уровне управления КСО.

Важно подчеркнуть, что ОАО «РЖД» в том числе и по причине того, что ее единственный учредитель (собственник) – Правительство РФ, является живым примером ответственного поведения в своей социально-экономической народнохозяйственной деятельности. В данном случае Правительство РФ выступает консолидирующим (объединяющим) началом, блокирующим возможность доминирования в целеполагании и социально-экономической деятельности ОАО «РЖД» частнособственнических эгоистических интересов, как если бы оно принадлежало каким-то конкретным лицам или группам лиц. Этот вывод опровергает распространенный шаблонный тезис о том, что только частные предприятия эффективны.

Корпоративное управление ОАО «РЖД» является образцом социальной ответственности для других, частных корпораций, особенно крупных, тех, которые, либо вообще не думают и ничего не делают в направлении социальной ответственности, либо лишь имитируют КСО, на практике используя для своего блага деструктивные системные возможности, отмеченные вначале данной статьи.

Хорошо, если развитие социального управления в России пойдет по пути общественно-самоуправления, т. е. создание условий для замещения самоорганизацией и самоуправлением иерархии социальной власти в любых формах и сферах ее существования. Если корпоративная ответственность замещает корпоративный эгоизм, то исчезает главное условие для несправедливого распределения коллективного дохода, вынужденной безработицы, непонятной текучести кадров, манипулирования и непрозрачного управления, практики публичного непризнания руководством управленческих ошибок, отстраненности персонала от управления делами предприятия. В этом случае прямым результатом социального управления станет повышение степени социальной ответственности всех членов организации как достижение ими духовного благосостояния. Косвенным же (непрямым, сопутствующим) результатом социального управления станет достижение устойчивого материального благосостояния организации, коллектива, сотрудников [3]. Выразим эти положения в виде управленческой модели социального саморазвития коллектива организации на рисунке.

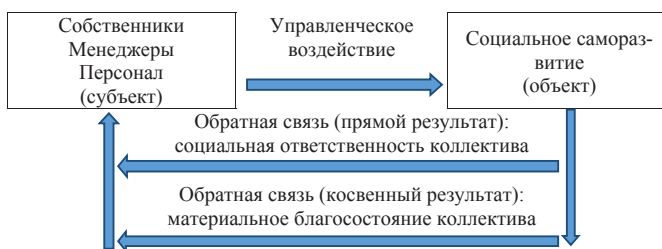

Рис. Управленческая модель социального саморазвития личного состава организации.

Желательно, чтобы корпоративное управление социальной ответственностью воспринималась всеми участниками хозяйственного процесса как основное условие материального достатка, ключевое условие вовлеченности персонала в дела управления предприятием, важнейший фактор социального (человеческого) развития личного состава, объемлющее качество организационной среды формирования социальной ответственности у собственников, руководителей, персонала, внешнего окружения и как ядро эффективной корпоративной культуры.

Литература

1. Зайковская А. А., Либенсон И. Р., Маланина Ю. Н. О природе корпоративной социальной ответственности // Менеджмент социальных и экономических систем. 2020. № 1 (17). С. 47–53.
2. Зайковская А. А., Либенсон И. Р., Маланина Ю. Н. От общества потребления к обществу созидания // Культура. Наука. Образование. 2020. № 3 (56). С. 68–80.
3. Зайковская А. А., Либенсон И. Р., Маланина Ю. Н. Управленческая модель социального развития персонала // Экономика и предпринимательство. 2019. № 8 (109). С. 939–943.
4. Валлерстайн И. Структурный кризис, или почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным. URL: <https://discours.io/articles/chapters/immanuel-valleerstayn-strukturnyy-krizis-ili-pochemu-kapitalisty-mogut-schitat-kapitalizm-nevygodnym> (дата обращения: 10.03.2020).
5. Иванов В., Малинецкий Г. Мировая наука и будущее России. URL: <https://izborsk-club.ru/1988> (дата обращения: 10.03.2020).
6. Ивашов Л. Путин и геополитическая миссия России. 26 марта 2014. URL: <https://izborsk-club.ru/2798> (дата обращения: 10.03.2020).
7. Программное финансирование и управление социально-экономической эффективностью инвестиционной деятельности ОАО РЖД / О. И. Мокрецова, Н. В. Кретова, Ю. Н. Маланина, А. А. Зайковская, И. Р. Либенсон // Экономика и предпринимательство. 2019. № 4 (105). С. 915–920.
8. Нагорный А. Дары данайцев. URL: <https://izborsk-club.ru/9512> (дата обращения: 10.03.2020).
9. Открытое акционерное общество «Российские железные дороги». URL: <https://www.rzd.ru> (дата обращения: 10.11.2020).

УДК 796.011.1

О. А. Ницина, Т. И. Бонько

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Е. Н. Поздняк

ОГКУ «Спортивная школа олимпийского резерва «Приангарье»
имени Л. М. Яковенко», г. Иркутск

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Рассматривается необходимость занятий физической культурой и спортом в условиях развития современного общества, социальные характеристики физической культуры и ее роль в жизнедеятельности человека. В контексте имеющихся данных социологических исследований проводится анализ двигательной активности и отношения населения к занятиям физической культурой и спортом, а также анализ понимания взаимосвязи физической активности и состояния здоровья человека.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, здоровый образ жизни, двигательная активность, социальные характеристики физической культуры, здоровье.

O. A. Nitsina, T. I. Bonko

Irkutsk State University, Irkutsk

E. N. Pozdnyak

OGKU "Sports school of the Olympic reserve "Priangarye" named after Yakovenko L. M., Irkutsk

THE ROLE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN CONDITIONS OF SOCIAL TENSION

The article discusses the relevance of physical culture and sports in the conditions of modern society, the social characteristics of physical culture and its role in human life. In the context of the available data of sociological research, the analysis of motor activity and the attitude of the population to physical culture and sports, as well as the analysis of the understanding of the relationship between physical activity and human health is carried out.

Keywords: physical culture, sport, healthy lifestyle, motor activity, social characteristics of physical culture, health.

В контексте социального генезиса возникновение физической культуры и спорта, не углубляясь в первобытнообщинные истоки развития, можно охарактеризовать как ответ на развитие трудовой деятельности, а также на социальную потребность в эффективных способах и средствах формирования у детей и молодежи, необходимых для успешного функционирования в обществе физических и духовных качеств. В рамках данной

статьи мы не будем акцентировать внимание на факторе связности [2, с. 43] и соревновательном аспекте (способах, так называемого, мирного противоборства), но отметим, что данные категории также представляют большой интерес, особенно с позиций международных стратегий сотрудничества, профилактики социальной напряженности, а также реализации некоторых национальных проектов. В связи с тем, что нас интересуют социальные характеристики физической культуры и спорта, стоит отметить тот факт, что по мере становления систем образования, физическое воспитание стало базовым фактором формирования двигательных умений и навыков, а вместе с тем, одним из наиболее действенных способов профилактики заболеваний и укрепления здоровья человека. Говоря об актуальности, непременно стоит также обратить внимание на прикладное значение физической культуры и спорта по отношению к главным сферам жизнедеятельности индивида и общества. Средства физической культуры повышают, в первую очередь, результативность возможностей человека, а соответственно, и различных видов деятельности. Комплексный характер образования и профессиональная подготовка специалистов лежат в основе учебно-воспитательного процесса. И здесь должны гармонично сочетаться такие позиции, как трудовое, нравственное, духовное, физическое воспитание, а также формирование мировоззрения и идеологических установок. Нельзя не обозначить тот факт, что систематические занятия физической культурой и спортом воспитывают не только физические качества, но и раскрывают важные психофизиологические способности, такие, как уважение к личности, потребность в самосовершенствовании, инициативность и решительность, трудолюбие, коммуникабельность, целеустремленность, ответственность и прочее. Это не менее важно, особенно для подрастающего поколения. Общепризнанным является то, что физическое развитие личности, а вместе с этим и хороший уровень здоровья повышают возможности жизнедеятельности и позволяют весьма успешно противостоять негативным социальным, а также экологическим условиям, легче переносить нагрузки на организм человека, а значит более эффективно функционировать в обществе. Что особенно важно в современных условиях, которые диктуют в последнее время достаточно серьезные требования к личности и обществу в целом. Говоря о социальных функциях, стоит отметить тот факт, что физическая культура, в силу своей многопрофильности, способствует повышению социальной активности личности. От состояния здоровья, уровня физической подготовленности и работоспособности, которые взаимосвязаны, во много зависит выполнение социально-профессиональных функций индивида и степень их реализации. А это имеет огромное значение, особенно в условиях социальной нестабильности. «По данным ВОЗ, недостаточная физическая активность считается четвертым из важнейших факторов риска, которые являются причинами смерти в глобальном масштабе. Во многих странах растет физическая инертность (недостаточная физическая активность), что приводит к развитию заболеваний и ухудшению здоровья населения в целом» [1, с. 3].

Актуальность физической культуры и спорта, как социальных институтов, во многом недооценивается. И это, пожалуй, является одной из основных проблем, требующей внимательного рассмотрения, поскольку, как мы уже обозначили, здоровая личность – это здоровое и успешно функционирующее общество. На данный момент весьма непросто с точки зрения социологии обнаружить какие-либо масштабные исследования в данной области. Проанализировав деятельность нескольких центров изучения общественно-политического мнения (ФОМ, ВЦИОМ, Левада-центр), а также научный и общественно-политический журнал РАН «Социологические исследования», мы пришли к выводу, что такие позиции, как «физическая культура», «спорт», «здоровый образ жизни» не столь популярны, и найти данные исследований не так просто. В большинстве своем акцент делается на спорт, как таковой, на определенные виды спорта либо спортивные события, на интерес к какому-то виду спорта или мнению относительно прошедших крупных соревнований. А исследования касательно физической культуры, двигательной активности,

здоровья и здорового образа жизни, не так много. Так, например, ФОМ проводил исследование на тему «Физическая культура и спорт в жизни россиян», но это было лишь в 2013 г. В остальном опросы касались преимущественно спортивных событий. Последнее упоминание позиции «спорт», позволяющее в некоторой степени отследить двигательную активность населения, было в исследовании относительно досуга в период самоизоляции в 2020 г., где как раз одной из форм увлечений рассматривался спорт (у 12 % опрошенных) [4]. При этом 33 % респондентов ответили, что из-за режима самоизоляции им пришлось отказаться от некоторых увлечений, и 11 % от этого числа как раз выбрали категорию спорта. Что вполне логично, учитывая сложившиеся обстоятельства. Но, вместе с тем, следовало бы не отказываться от занятий, а наоборот, искать альтернативу. Особенно в связи с развитием различных интернет технологий, которые на данный момент позволяют не просто извлекать большое количество информации, но и непосредственно применять эти знания на практике, в том числе и в домашних условиях. Далее мы обнаружили еще одно весьма интересное исследование, на тему эпидемии гриппа, датированное 2016 г. [5]. И здесь нас заинтересовал вопрос о том, что делают люди, для того, чтобы не заболеть. И, как выяснилось, большинство из них употребляет в пищу большое количество овощей и фруктов, включая в рацион мед, малину и прочее (27 %), а также медицинские препараты и иммуностимулирующие средства (24 %). При этом важно заметить, что здоровый образ жизни, закаливание, прогулки и занятия спортом в качестве профилактики различных заболеваний отметили лишь 7 % респондентов. Что говорит как раз о недостаточном уровне образованности в области физической культуры и спорта. Научно доказано, что малоподвижный образ жизни является одной из главных причин множества заболеваний. При этом происходят негативные изменения в центральной нервной системе, ухудшаются функции внимания, мышления, памяти, снижается работоспособность в целом, а также ослабляется эмоциональная устойчивость. Движение само по себе заложено в человеческой природе, и является первоосновой развития всех организмов, и как раз снижение двигательной активности способно оказывать неблагоприятное воздействие на организм человека. Невозможно не согласиться с тем, что «нарушения двигательной активности – это один из основных факторов, задерживающих и нарушающих биологическое созревание растущего организма, а также ускоряющих инволюционные процессы у взрослых и пожилых людей. В результате этих изменений снижается физическая работоспособность человека и устойчивость к воздействию различных неблагоприятных факторов (инфекции, переохлаждение и перегревание, изменения атмосферного давления)» [1, с. 3]. В то время как двигательная активность и образ жизни, в первую очередь, являются основными факторами профилактики различных заболеваний.

Далее, возвращаясь к вопросу о физической культуре и здоровье, обратим внимание на исследование, проведенное ВЦИОМ в 2019 г. в рамках реализации Федерального проекта «Спорт – норма жизни» (одно из немногих исследований, проведенных сравнительно недавно). Оно показало, что систематически занимается спортом или иной физической активностью чаще дети 3–5 лет (51 %) и 6–12 лет (67 %), а к старшим возрастам эта доля снижается, и уже в возрасте 13–29 лет систематически занимается 41 %, 30–59 – 36 %, и старше 60 лет – 27 % [3]. При этом обратим внимание, что здесь к числу систематически занимающихся физической культурой и спортом относятся физические лица, занимающиеся избранным видом спорта или общей физической подготовкой в форме организованных или самостоятельных занятий, при соблюдении следующего двигательного режима в неделю: в возрасте 3–5 лет – 75 мин, 6–15 – 90 мин, 16–29 лет – 125 мин, 30–59 лет – 115 мин, 60 лет и старше – 90 мин [3]. Это крайне мало. В подтверждение ниже приведем научные данные Всемирной организации здравоохранения относительно двигательной активности различных возрастных групп.

Физическая активность для возрастной группы от 5 до 17 лет выражается в укреплении костно-мышечной ткани, улучшении кардиореспираторной системы, снижении

риска заболеваний ЦНС и риска нарушений обмена веществ. Что касается видов физической активности, то на данном этапе рекомендованы игры, физическая культура, ЛФК, занятия спортом, поездки, плавание, прогулки и тому подобное.

«Установки двигательного режима для детей и молодых людей в возрасте 5–17 лет:

1. Заниматься физической активностью от умеренной до высокой степени интенсивности не менее 60 минут в день.

2. Физическая активность продолжительностью более 60 минут в день дает дополнительную пользу для здоровья.

3. Заниматься физической активностью высокой интенсивности, включать упражнения на укрепление мышц и костных тканей следует, как минимум, 3 раза в неделю» [1, с. 7].

Относительно возрастной группы от 18 до 64 лет существует также прямая взаимосвязь между физической инертностью и такими заболеваниями, как ИБС, инсульт, гипертония, диабет, метаболический синдром и др. «Физически активные взрослые люди имеют меньший риск перелома костей тазобедренного сустава и позвоночника, развития остеопороза. Физические упражнения предупреждают уменьшение минеральной плотности костей, укрепляют скелетную мускулатуру, повышают внутреннюю нервно-мышечную активность. В целом существуют убедительные доказательства того, что физически активные взрослые люди, по сравнению с менее активными, гораздо меньше подвержены общим причинам смертности и депрессии. Активный двигательный режим с различными формами физической активности в равной мере полезен как для практически здоровых людей, так и лиц, имеющих хронические заболевания и ведущих малоподвижный образ жизни или имеющих ограничения по здоровью. Для лиц рассматриваемой возрастной группы в активизации двигательного режима необходимы оздоровительные упражнения или занятия в период досуга, прогулки, дозированная ходьба, терренкур, занятия в группах здоровья, ЛФК, физкультминутки во время профессиональной деятельности, плавание, игры, состязания, спортивные или плановые занятия в рамках ежедневной деятельности семьи и сообщества, домашние дела. Рекомендации по двигательному режиму для лиц 18–64 лет:

1. Физическая активность средней интенсивности должна составлять не менее 150 минут в неделю или 75 минут высокой интенсивности.

2. Физические упражнения следует выполнять сериями продолжительностью не менее 10 минут.

3. Для получения дополнительной пользы для здоровья можно увеличивать время занятий по комплексам физических упражнений средней интенсивности до 300 минут в неделю.

4. Силовые упражнения на основные мышечные группы следует выполнять 2–3 раза в неделю» [1, с. 7].

Если говорить о возрастной группе старше 65 лет, то и здесь руководящие принципы ВОЗ являются актуальными. Несмотря на то что пожилые люди имеют проблемы со здоровьем в значительно большей степени, тем не менее, грамотно подобранная регулярная физическая активность дает огромную пользу для их здоровья и замедляет процессы старения.

«В целях укрепления кардиореспираторной и костно-мышечной систем, улучшения функций координации и равновесия, предупреждения депрессии и нарушения когнитивных функций, рекомендуется следующая практика физической активности:

1. Взрослые люди в возрасте 65 лет и старше должны заниматься различными формами ЛФК средней интенсивности не менее 150 минут в неделю.

2. Строгое соблюдение принципа постепенного нарастания нагрузки. Например продолжительность занятий увеличивается постепенно с 30 минут 5 раз в неделю до 50 минут 3 раза в неделю.

3. При достижении адаптации к нагрузке возможно увеличение двигательной нагрузки до 300 минут в неделю» [1, с. 8].

По данным ВЦИОМ 38 % населения «систематически» занимаются физической культурой и спортом, и это крайне мало, учитывая еще тот факт, какие именно режимы двигательной активности понимаются здесь под словом «систематически». При этом основная причина, по которой люди не занимаются физической культурой и спортом – это отсутствие свободного времени, далее следует большая нагрузка на работе и дома, и третья, наиболее распространенная причина – это состояние здоровья [3]. При этом почти каждый второй респондент заявляет, что по месту его жительства находится достаточное количество спортивных сооружений (42 %). Если говорить об отсутствии свободного времени на занятия физической культурой, то здесь, наверное, стоит сказать о мотивации, и, наверное, в первую очередь, о понимании людьми роли двигательной активности в их жизни и влиянии ее на здоровье человека. Говоря о большой нагрузке на работе, следует, конечно, учитывать характер труда. Бесспорно, есть профессии, физическая активность которых имеет достаточно высокую интенсивность. В то время как работникам интеллектуального труда стоит задуматься о том, достаточен ли их режим двигательной активности? И третья причина, по которой люди не занимаются – это состояние здоровья, вызывает, пожалуй, наибольшее количество вопросов, в то время как уже говорилось выше, для абсолютно любого уровня здоровья возможно применение таких средств физической культуры, которые не просто будут поддерживать здоровье, но и помогут его укрепить, а также улучшить.

Таким образом, те немногие исследования, которые нам удалось обнаружить, говорят о том, что у большинства россиян нет четкого осознания важности двигательной активности и роли физической культуры и спорта в состоянии здоровья человека и выполнении им социально-профессиональных функций. В то время как грамотное определение двигательных режимов, учитывая возрастные особенности людей, а также индивидуальный подход в данном вопросе будут способствовать сохранению здоровья человека и его высокой работоспособности. А соответственно, и умению противостоять негативным социальным явлениям, которые всегда имели место быть, противостоять тем вызовам, которые предъявляет нам развитие современного общества. В условиях социальной напряженности это становится наиболее актуальной задачей. Из эффективного функционирования отдельной личности строится благополучное развитие общества в целом. Важно понимать на всех уровнях, что вклад в здоровье человека – это вклад, прежде всего, в успешность страны в целом.

Литература

1. Двигательный режим для лиц разных возрастных категорий: методические рекомендации. Казань: Фолиант, 2014. 20 с.
2. Элиас Н. Генезис спорта как социологическая проблема // ЛОГОС. 2006. № 3 (54). С. 41–62.
3. Россия – спортивная страна // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10001> (дата обращения: 17.11.2020).
4. Досуг в самоизоляции // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/14400> (дата обращения: 17.11.2020).
5. Эпидемия гриппа // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/12516> (дата обращения: 17.11.2020).

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПОКОЛЕНИЯ Z

Дается характеристика и перечисляются особенности студентов поколения Z. Аргументируется, что к представителям данного поколения нужен определенный подход, применение определенных технологий. Рассматриваются методики, применяемые на практике.

Ключевые слова: студенты, поколение Z, технологии, клиповое сознание, дистанционное обучение.

E. V. Chernysheva
Irkutsk State University, Irkutsk

FEATURES OF TEACHING GENERATION Z STUDENTS

The article provides a characteristic and lists the features of students of generation Z. It is argued that representatives of this generation need a certain approach, the use of certain technologies. The techniques used in practice are considered.

Keywords: students, generation Z, technologies, clip consciousness, distance learning.

Современная ситуация в мире диктует изменение подходов к институту образованию. Следует понимать, что современное образование – не процесс простой авторитарной передачи знаний, а скорее способ взаимодействия, при котором все участники (и педагоги, и обучающиеся), могут вести себя естественно, рассчитывать на принятие, стремиться к взаимопониманию и согласовать свои позиции посредством диалога. Иными словами, можно говорить о фасилитации института образования на современном этапе развития.

Важным моментом в высшем образовании становится то, что особое внимание уделяется студентам, как заказчикам образовательных услуг. В связи с этим необходимо тщательно проанализировать нужды современного поколения студентов для того, чтобы выстроить процесс их обучения максимально эффективно.

На сегодняшний день в высшие учебные заведения поступают представители поколения Z. Это дети, рожденные примерно после 1996 г. Безусловно, это поколение кардинально отличается от предыдущих.

Представителей этого поколения называют по-разному, но в целом это явные цифровые интеграторы – они не просто используют новые технологии, они ими живут, это неотъемлемая часть их быта. Для них важны простота и гибкость, и в процессе получения новой информации они крайне требовательны – им необходим доступ к учебным ресурсам 24/7. Новому типу студентов важно быть частью безграничного мира, они хотят принимать активное участие в его развитии [1].

Можно говорить о том, что современная молодежь очень большое внимание уделяет студенческому активу и деятельности в нем. Их коммуникативные навыки реализованы в достаточно кратком общении. Визуальные средства проявляются через видеоролики, которые являются нормой жизни (они любят вести постоянные живые трансляции о своей жизни: учебе, доме, свободном времени, взглядах на различные социальные явления и т. д.) Предыдущее поколение делало все это для получения оценок и комментариев, то представители поколения Z искренне хотят привнести позитивные перемены в жизнь. И именно поэтому мы считаем, что в учебный процесс следует максимально интегрировать социальные сети и их возможности, которыми пользуется современная молодежь. Кстати интересен и выбор социальных сетей, молодежь предпочитают сети, в которых их сложно отследить (SnapChat, Whisper и т. д.).

Студенты поколения Z не хотят, чтобы использовались технологии, которые не имели смысла или не были важны для их жизни. Они хотят видеть, что вы можете включить технологию таким образом, чтобы можно было думать по-другому и потреблять информацию по-разному. Они используют технологии для решения проблем, связанных с экономикой и экологией, хотят участвовать в использовании технологий для предоставления ответов на мировые проблемы.

Как показывает практика, большинство представителей поколения Z быстро адаптируются к дистанционному и онлайн обучению (они часто проходят курсы на таких платформах как Zoom, ClickMeeting и т. д.).

Интересно отметить, что внимание у студентов поколения Z приобретает форму клипового – его продолжительность максимум 8 секунд. Поэтому нами отмечена теория микрообучения. Данная теория приобретает свою актуальность (разделение масштабной темы на ряд очень мелких структурных вопросов, восприятие которых занимает немного времени). Согласно исследованиям, проводимыми Всероссийским центром общественного мнения, чтобы выразить свою мысль, студентам поколения Z нужно приблизительно 140 символов [3].

Исследуемое поколение с раннего возраста воспринимает процесс обучения не как получение знаний, а как развитие персонального бренда, и это следует учесть в ходе планирования учебного процесса. Кроме того, студенты, требуют немедленной обратной связи – выполненное задание, ответ на вопрос или последний пост в интернете.

В работе со студентами, изучающими такие дисциплины, как «Менеджмент организации: введение в профессию», «Социальный менеджмент», «Управление некоммерческими организациями» применяем следующие технологии и рекомендации:

1. Разделение лекционного занятия (тем самым увеличиваем вовлеченность студентов).

2. Использование в работе цифровые технологии и инфорграфики.

3. Акцент на Twitter-эффекте (важная черта современных студентов – склонность к так называемому Twitter-эффекту, масштаб любой работы стоит уменьшить, делать акцент на качестве выполненных работ).

4. Избегание шаблонов (следует сформировать новые, более сложные формы заданий, студент сможет показать свои знания без лишних слов).

Безусловно, новое поколение студентов – поколение Z – это поколение, которое уже меняет мир, хотим мы этого или нет, мы должны учитывать их нужды в процессе обучения и сделать их своими партнерами в планировании образовательной среды нового типа.

Литература

1. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о поколении Z. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
2. Козлова А. Г. Теория поколений как основа аксиологического подхода к духовно-нравственному воспитанию современной учащейся молодежи // Герценовские чтения / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, филиал. 2016. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26698660> (дата обращения: 15.11.2020).
3. Всероссийский центр общественного мнения. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 19.11.2020).

УДК 37(470)

М. А. Номшиева

МБОУ СОШ г. Иркутска № 66, г. Иркутск

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Образование выступает важнейшим институтом, отвечающим за формирование человеческого капитала и трудового потенциала территорий, во многом определяя возможности экономического развития стран и регионов. Именно поэтому развитие образования должно не только идти в ногу со временем, но и носить опережающий характер. Статья посвящена обзору современных глобальных вызовов, с которыми сталкивается система образования России. На основании данных исследований, проведенных Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ совместно с Министерством науки и высшего образования РФ, Министерством просвещения РФ и Федеральной службой государственной статистики автором были выделены основные глобальные вызовы российской системы образования: информационный, интеллектуальный и инновационный.

Ключевые слова: образование, система образования, глобализация, глобальные вызовы, образование.

RUSSIAN EDUCATION IN THE ERA OF NEW GLOBAL CHALLENGES

Education is the most important institution responsible for the formation of human capital and labor potential of territories, largely determining the opportunities for economic development of countries and regions. That is why the development of education should not only keep up with the times, but also be ahead of the curve. The article is devoted to the review of modern global challenges faced by the Russian education system.

On the basis of studies conducted by the Institute for statistical studies and Economics of knowledge, NRU HSE jointly with the Ministry of science and higher education of the Russian Federation, the Ministry of education of the Russian Federation and Federal service of state statistics, the author has identified the main global challenges of the Russian education system: informational, intellectual and innovative.

Keywords: education, education system, globalization, global challenges, education.

Главный вызов, с которым сталкиваются образовательные системы любой страны – мировая глобализация. Неотъемлемой частью этого процесса является свободное движение интеллектуальных ресурсов – информации, научных идей, технологий, квалифицированных кадров. Интеграция учебных заведений, создание международных образовательных программ и сетей отражают тенденцию к формированию единого, интернационального образовательного пространства [12].

Переход к информационному обществу формирует новую среду обитания и новые правила поведения, включая отношение к образованию и выбору профессии. Это в первую очередь сказывается на молодом поколении. Ориентируясь на требования работодателей, оно, в свою очередь, предъявляет иные запросы к содержанию и качеству предлагаемых образовательных услуг [12].

Процессы глобализации, а также их последствия оказывают значительное влияние на функционирование различных систем вне зависимости от их масштаба, во многом определяя траектории их развития [13].

Образовательное пространство подвергается воздействию ряда проблем, в частности таких, как: доступ к качественному образованию, усиление конкуренции образовательных систем, адекватность образования требованиям современности и пересмотра содержания образования и т. д. Причем данные проблемы характерны как для развивающихся, так и для развитых стран [13]. К примеру, вопросы равного доступа к образованию, цифрового неравенства, корректировки существующих образовательных практик являются актуальными и для стран Африки и Латинской Америки [3], и для стран Европы [8].

В Стратегии Евросоюза Europe 2020 [3] в качестве ключевых вызовов для систем образования стран Европы были названы: старение населения, дефицит навыков в трудовой деятельности, а также рост глобальной конкуренции и высокий уровень безработицы [13].

Также образуется разрыв между существующей системой подготовки специалистов и потребностями современной экономики, вследствие чего сложилась необходимость усиления контроля за конкурентоспособностью российского образования [13] (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р; О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599; О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204). Именно для повышения эффективности в достижении поставленных целей глобальной конкурентоспособности высшего образования, а также развития науки и обеспечения равного доступа к получению качественного образования детей начиная с раннего возраста в 2018 г. [13]. Министерство образования и науки РФ было разделено на Министерство просвещения и Министерство высшего образования и науки РФ.

В то же время существуют и некоторые особо важные, характерные для отечественной действительности вызовы: информационный; интеллектуальный; инновационный. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Информационный вызов связан с постоянным применением новых технологий, но-вых онлайн – образовательных площадок, развитием цифровой среды и искусственного интеллекта. Он имеет глобальный характер, однако для России стоит особенно остро, в том числе в связи с проблемами устаревания знаний и навыков, а также востребованностью тех или иных компетенций [11]. Опросы работодателей показывают, что период «старения» навыков в эру технологизации и цифровизации экономики сокращается и в настоящее время составляет порядка 5 лет [10], в связи с чем перед системой образования стоит задача своевременного реагирования на данные изменения. Кроме того, чтобы иметь возможность ответа на информационный вызов современности, образовательная система и сама должна идти в ногу со временем во всех смыслах и на всех уровнях обучения. Однако даже ситуация с уровнем интернетизации, казалось бы, достаточно высокою, при более подробном рассмотрении не является такой уж благоприятной, поскольку лишь 14 % вузов имеют интернет со скоростью передачи данных выше 100 Мб/с. Можно предположить, что на других уровнях образования положение еще более неблагоприятное [13].

При этом важно не только наличие цифровой инфраструктуры, развитие процессов компьютеризации и информатизации, но и владение работником образовательной системы соответствующими компетенциями в данной сфере, а также умение применять их на практике, в том числе в обучающих целях. Совершенствование данных направлений заложено в национальном проекте «Образование» и национальной программе «Цифровая экономика», которые регламентировали создание современной цифровой образовательной среды и системы подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики [13].

Интеллектуальный вызов характеризует конкуренция за высококвалифицированную рабочую силу в условиях несоответствия спроса на труд ожиданиям выпускников, а также компетенций и квалификации выпускников в целом требованиям работодателей [1; 9, с. 6]. Однако современная российская школьная программа, по мнению И. Д. Фрумина, не ориентирована на развитие навыков, которые востребованы работодателями, в то время как, например, в Финляндии и Корею этому уделяется много внимания [8]. Не случайно специалисты говорят о необходимости формирования универсальных учебных навыков и компетенций, начиная со школьного уровня образования [4].

Инновационный вызов заключается не только в необходимости внедрения инноваций в образовательную систему, но и в формировании инновационного мышления, навыков и культуры как у педагогов, так и у обучающихся, без чего невозможно достижение задач повышения конкурентоспособности как системы образования, так и страны в целом. Однако в условиях российской действительности система образования нацелена на репродуктивное усвоение знаний и навыков, а не на развитие креативности и творческого мышления [13].

Таким образом, мировые глобализационные процессы приводят и к глобализации образования. С одной стороны, позитивным следствием данного процесса является взаимодействие и взаимообмен лучшими образовательными практиками, с другой – это несет в себе определенные риски, связанные, к примеру, с необходимостью эффективного сочетания традиций и инноваций, распространением коммерциализации и образования в соответствии с требованиями рыночной экономики и др. [13].

Решение обозначенных проблем и ответ на вызовы, стоящие перед системой образования России, предопределяет формирование особых требований к качеству институциональной среды. Это представляется особо актуальным и в свете непрерывной динамики институциональных правил, также выступающей следствием процесса глобализации [3]. При этом институциональные характеристики и изменения в сфере образования должны быть направлены как на обеспечение реализации прав граждан на получение качественного образования, так и на эффективное функционирование самого института образования, которое должно способствовать формированию и накоплению человеческого капитала, повышению конкурентоспособности и национальной безопасности страны [13].

Литература

1. Брызгалова Е. В., Миронов В. В. Управление образованием как ответ на вызовы системе образования современной России: социально-философские основания // Пространство и Время. 2015. Т. 9. № 2. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/2227-9490e-aprov_r_e-ast9-2.2015.54.php (дата обращения 15.10.2020).
2. Гукаленко О. В., Борисенков В. П. Подготовка педагогов для работы с детьми-мигрантами в поликультурном образовательном пространстве // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 1 (28). С. 86–94.
3. Дайк Б. Глобализирующийся мир в осмыслении философии образования // Философия образования. 2012. № 6 (45). С. 144–152.
4. Комаров К. Ю. Методологические основы разработки инновационной модели территориального образовательного пространства // Образование и наука. 2012. № 5. С. 37–50.
5. Кравцов В. В., Савельева Н. Н., Черных Т. В. Смешанное обучение как ответ на вызовы современному образованию // Образовательные технологии и общество. 2015. Т. 18. Вып. 4. С. 659–669.
6. Купцова М. В. Социально-педагогические аспекты проблемы готовности педагогов к работе с детьми мигрантов // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20, № 5. С. 43–46.
7. Соловьева Т. С. Статус учителя в современном российском обществе // Социальное пространство. 2018. № 1 (13).
8. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования / И. Д. Фруммин, М. С. Добрякова, К. А. Баранников, И. М. Реморенко // Соврем. аналитика образования. 2018. № 2 (19).
9. Фруммин И. Д. Образование в России: вызовы глобальной конкуренции и возможный ответ // Практики развития: индивидуальная инициатива в новом образовательном пространстве : материалы XXIV науч.-практ. конф. Красноярск : Ин-т психологии практик развития, 2018. С. 5–8.
10. Яницкий О. Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39.
11. Янченко И. В. Информационный и технологический вызовы образованию как точки роста // Актуал. проблемы гуманитар. и естеств. наук. 2016. № 2–5. С. 8–10.
12. Лазарев Г. И. Глобальные вызовы современной образовательной системе. Каким будет ответ университетов? // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 2. С. 8–14.
13. Соловьева Т. С. Глобальные вызовы российской системы образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 9 (431). С. 201–209.

УДК 371.12(571.53)

Е. В. Крылова

ГАУ ДПО «Институт развития образования Иркутской области», г. Иркутск

ЗЕМСКИЙ УЧИТЕЛЬ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ

Рассматриваются основные аспекты реализации программы «Земский учитель» в Иркутской области в 2020 г. Приводятся данные социологического исследования, проведенного среди учителей, приехавших в Иркутскую область по данной программе.

Ключевые слова: сельская школа, Земский учитель, вакантные должности, кадровый вопрос, педагогические работники.

E. V. Krylova

Institute of education development of the Irkutsk region, Irkutsk

RURAL TEACHER IN IRKUTSK REGION: PROBLEMS AND FEATURES OF PROGRAM IMPLEMENTATION

The article considers the main aspects of the implementation of the «Territorial teacher» program in the Irkutsk region in 2020. These are data from a sociological study conducted among teachers who came to the Irkutsk region under this program.

Keywords: rural school, rural teacher, vacancies, personnel issue, teaching staff.

В настоящее время система образования в России подвергнута значительным изменениям. Внедряются новые подходы к реализации и организации образовательного процесса. Процесс модернизации непосредственно коснулся и сельских школ.

Особенностью образовательной системы Российской Федерации является преобладание сельских школ над городскими. Вопрос кадрового обеспечения стоит крайне остро. Сегодня в сельских школах не хватает не только высококвалифицированных педагогов, но и молодых специалистов. Многим учителям приходится работать на 1,5 – 2 ставки, преподавая по несколько предметов, что приводит к резкому снижению качества школьного образования и уменьшает шансы поступления в вузы на конкурсной основе. В связи со сложившейся ситуацией появилась необходимость в стимулировании педагогов городских школ к переезду в школы села и малых городов. Первым данную идею озвучил Президент РФ Владимир Путин во время выступления в рамках ежегодного послания Федеральному Собранию в феврале 2019 г. Он предложил с 2020 г. запустить программу «Земский учитель» по аналогии с программой «Земский доктор». Цель программы – обеспечить сельские территории и малые города преподавательскими кадрами.

К концу 2019 г. распоряжением министерства образования Иркутской области был утвержден перечень вакантных должностей (97 вакансий) в соответствии с приоритетными вакантными должностями в образовательных организациях, где норма часов нагрузки составляла не менее 18, и учитывала демографические и социально-экономические перспективы соответствующих населенных пунктов. С 1 января 2020 г. все желающие принять участие в конкурсном отборе могли оставить отклик на вакансии в федеральном портале «Земский учитель». Всего на представленные вакансии было оставлено более одной тысячи откликов. Непосредственный прием документов на конкурс осуществлялся в период с 6 апреля по 15 июня текущего года. Всего в данный период была принята 231 заявка, 201 заявка была допущена до экспертизы конкурсных материалов, в ходе которой было выбрано 97 победителей.

В сентябре текущего года в рамках подготовки к региональному семинару для земских учителей по теме «Обновление содержания образования в сельской школе с учетом системных изменений» автором было проведено социологическое исследование среди земских учителей. Целью исследования было проанализировать сложившуюся ситуацию в сельских школах, связанную с результатами реализации программы «Земский учитель в Иркутской области», выявление сильных и слабых сторон программы, а также оценки отношения победителей к реализуемому проекту.

В исследовании приняли участие 73 победителя конкурсного отбора на замещение вакантных должностей по программе «Земский учитель» в Иркутской области в возрасте от 19 до 55 лет. Возможность получения значительного денежного вознаграждения явилась основной причиной, которая привлекла учителей принять участие в программе (70,8 %), также программа дала возможность поделиться своими профессиональными знаниями в новых условиях профессиональной деятельности (40,3 %), возможность смены места жительства (36,1 %) и карьерного роста (26,4 %). Кому-то программа позволила вернуться в профессию.

Программа «Земский учитель» оправдала ожидания у одной трети опрошенных, полностью не оправдало ожидания 20,8 % участников опроса. Основными проблемами, с которыми столкнулись победители – это: плохая дисциплина учеников и низкий уровень подготовки учеников (33,0 %); решение вопросов предоставления жилья (42,0 %); бытовые условия (17,0 %); низкое бытовое обустройство сельской школы и скудное техническое оснащение (8,0 %).

Среди основных проблем сельских школ, земские учителя выделили такие как кадровый вопрос, в том числе нехватка молодых специалистов (42 %), низкое техническое оснащение и проблемы с подключением к сети Интернет (26 %), низкое материальное оснащение (12 %). 6 % респондентов проблем не отметили. Большинство респондентов готовы применять свои профессиональные навыки для решения проблем связанных с низкой успеваемостью учеников и других, входящих в их компетенции как педагогов.

Основная часть респондентов планируют принимать участие в научно-практических мероприятиях, реализуемых в Иркутской области. Часть опрошенных также готовы к созданию своих образовательных проектов. Кто-то планирует заняться оснащением кабинета иностранного языка лингфонной техникой, для предоставления учащимся возможности полноценно отрабатывать языковые навыки, для кого-то в планах реализовать спортивные или сельскохозяйственные проекты и многое другое. Однако для реализации данных проектов учителям необходима поддержка материально-технического характера, что в сельских школах и так является проблемой. Реализовать что-то новое будет менее проблематично тем учителям, которые были трудоустроены в школы, на базе которых были открыты центры цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста», так как в данные школы поступило современное оборудование в рамках проекта «Современная школа». Самостоятельно школы могут изыскать ресурсы в рамках организации сетевого взаимодействия. Данное партнерство даст возможность общеобразовательным организациям использовать ресурсы сетевых партнеров, для реализации поставленных целей. Также оказать свою поддержку готов и институт развития образования Иркутской области. Он всегда открыт для сотрудничества и готов предоставить Земским учителям необходимые ресурсы для продуктивной работы.

В ходе реализации программы Земские учителя приехали работать в 32 муниципальных образованиях Иркутской области. Наиболее востребованными оказались преподаватели таких предметов, как русский язык и литература, английский язык, математика и информатика, физическая культура, а также учителя начальных классов. По данной программе в 87 школ Иркутской области приехали работать педагоги из 16 субъектов Российской Федерации. Не смотря на недавно сменившиеся условия не только в профессиональной сфере, но и в смене места жительства, многие учителя уже проявляют интерес к возможности участия в конкурсах профессионального мастерства, принимают активное участие в социально-культурной жизни школы и делятся опытом с коллегами.

В настоящее время в Иркутской области ведется подготовительная работа к приему документов на замещение вакантных должностей по программе «Земский учитель» в 2021 г. с учетом уже имеющегося опыта. В будущем году планируется закрыть 86 вакантных должностей. Изначально программа была рассчитана на три года с 2020 по 2022 г. Но ввиду большой нехватки педагогических кадров в сельских школах, Министерством просвещения Российской Федерации было принято решение продлить программу до 2023 г.

РАЗДЕЛ 3. ЦЕНТРЫ И ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 В ПРОСТРАНСТВЕ ВОЗДЕЙСТВИЙ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

***

CHAPTER 3. THE CENTERS AND THE DYNAMICS OF SOCIAL TENSION IN THE CONDITIONS OF COVID-19 PANDEMIC IN THE SPACES OF GLOBAL AND REGIONAL CHALLENGES

УДК 316 421.422

Н. Л. Смакотина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва

ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК УСЛОВИЕ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

В статье с позиции социологического анализа рассматривается новое формирование глобальной социальной реальности, под воздействием пандемии коронавируса, новых изменений, вызовов и угроз, которые проникли во все сферы жизнедеятельности людей. Приводится анализ «остановки» многообразного глобального мира, который до того быстро менялся и невозможно было представить, что все страны, независимо от уровня развития, разногласия, борьбы будет поглощен только одним – неизвестностью, отчуждением, закрытостью. Автор статьи рассматривает различные варианты постковидного развития.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, инфодемия, глобальные социальные трансформации.

N. L. Smakotina

Lomonosov Moscow State University, Moscow

PANDEMIC COVID-19 AS A CONDITION OF NEW GLOBAL SOCIAL TRANSFORMATION

The article examines the new formation of global social reality from the perspective of sociological analysis, under the influence of the coronavirus pandemic, new changes, challenges and threats that have penetrated all spheres of human life. The analysis of the “stopping” of the diverse global world, which was changing rapidly before, and it was impossible to imagine that all countries, regardless of the level of development, disagreement, struggle, would be swallowed up by only one thing – uncertainty, alienation, closeness. The author of the article considers various options for postcovid development.

Keywords: coronavirus, pandemic, infogame, global social transformations.

Глобальные социальные трансформации затрагивают все сферы жизнедеятельности людей, все социальные институты, все типы общества, как в развитых, так и в менее развитых регионах, на глобальном уровне, в аспектах экономических, культурных и поли-

---

¹ При поддержке РФФИ, грант № 19-014-00001.

тических отношений. Специфика современных глобальных социальных трансформаций определяется условиями нестабильности мира, усилившейся с началом распространения в 2019 году коронавируса, переросшего в пандемию. Следствием этого является выстраивание новой «реальности», новых парадигм в рассмотрении социальной реальности заставляющих по-иному взглянуть не только на развитие мира, но и на такие, казалось бы, привычные вещи как семья, брак, приватность пространства, занятости и многое другое.

Современные социальные трансформации в условиях глобализации проходили, несмотря на скорость социального времени и сжатость пространства под воздействием процесса. Внезапное появление пандемии COVID-19 изменил мир в еще более короткое время и сразу на всем пространстве планеты, независимо от уровня развития стран, что привело к новым кардинальным трансформациям.

Мир оказался не готов к пандемии, малый и средний бизнес несет огромные потери и закрывается, торговые центры бьют тревогу, практические закрываются культурные мероприятия из-за ограничений в связи с быстрым распространением коронавируса. В предыдущих кризисах тоже были сложные моменты, но никогда деятельность не останавливалась полностью. Российские предприниматели отмечают, что «Мы в России до середины марта всерьез не воспринимали коронавирусную инфекцию, относились к ней как к чему-то, что происходит далеко – за железным занавесом. Потом готовились к каким-то ограничительным мерам, мерам повышенной безопасности, возможному сокращению рабочего дня. Но, конечно, не рассчитывали, что нас полностью закроют. К этому мы готовы не были» [3]. Растет протестность граждан во всех странах против ограничений. Наблюдается кризис рационального поведения.

Реакция на происходящую в мире пандемию коронавируса, показала, что мир оказался разрозненным, одним из показателей этого явилась слабая солидарность между странами в борьбе против вируса. Мир был не готов к таким изменениям. «Ни один прогноз по заболеваемости коронавирусом не подтвердился, ни одна математическая модель не может полностью учесть влияние всех мер для купирования заболевания», заявила вице-премьер РФ Татьяна Голикова [5].

Пандемия COVID-19 вызвала самые масштабные нарушения в системе образования в истории. Школы и университеты в более чем 190 странах были закрыты в разгар пандемии, затронувшей более 90 процентов мирового студенческого населения [6].

Благонамеренные усилия правительств по обеспечению дистанционного обучения с беспрецедентной скоростью и масштабом порождают ошеломляющее неравенство. Формальное обучение фактически прекратилось для более чем одной трети учащихся в мире, потому что они не имели доступа к дистанционному обучению, когда их школы были закрыты. Самые младшие школьники чаще всего пропускали дистанционное обучение, несмотря на то что ранние годы жизни являются наиболее важными для обучения и развития. Для студентов, которые могли получить доступ к образованию, основанному на технологиях, обучение было глубоко неравномерным как с точки зрения количества, так и качества. Это справедливо для всех стран, а также для общин и школ.

Переход к дистанционному обучению создал новые трудности для всех, кто занимается образованием. Учителя были вынуждены перенести обучение на цифровые носители с небольшой подготовкой или обучением. Родители были невольно втянуты в роль координаторов обучения и операторов домашних школ. Директивные органы принимали решения, в условиях нехватки времени и часто с противоречивой или неполной информацией, которые имеют огромные последствия для акторов образовательного процесса.

Хотя пандемии едва исполнилось семь месяцев, она усилила давнее неравенство в образовании, которое без радикальных ответных мер будет распространяться через поколение. Учащиеся в развитых странах и из семей с высоким уровнем дохода и образованными родителями обычно добиваются прогресса в обучении на дому и получают выгоду от дистанционного образования, в то время как обучение для учащихся из слабо разви-

тых стран и семей с низким уровнем дохода в основном стагнирует. Самые оптимистичные прогнозы в отношении отсева предполагают беспрецедентный всплеск числа детей и молодежи, не посещающих школу, и это в то время, когда государственное финансирование образования, вероятно, сократится из-за снижения налоговых поступлений. Учащиеся, которые с наибольшей вероятностью покинут школу, находятся в неблагоприятном положении из-за других факторов, будь то инвалидность, бедность, язык или география.

Сотни миллионов учащихся начинают 2020–21 учебный год не в обычной школе, а перед цифровым экраном, по крайней мере, для тех, кому посчастливилось иметь доступ к технологиям и навыки для их продуктивного использования.

Серьезность рисков для образования трудно переоценить. Десятилетия прогресса в области образования будут потеряны без коллективных действий и новаторских ответных мер.

«Никто никогда не мог предсказать, что в 2020 г. более половины мирового студенческого населения – 1,5 миллиарда детей и молодежи – будут вынуждены держаться подальше от школ из-за вируса» – заявила Помощник генерального директора ЮНЕСКО по вопросам образования Стефания Джаннини [6].

Мировой порядок был в движении задолго до кризиса COVID-19. Коронавирус ускорил развитие трех ключевых геополитических тенденций. После COVID-19 существует риск, что мир станет еще более разделенным, конфликтным и пораженным национализмом.

Вирус наглядно продемонстрировал наличие политической борьбы «Кто первый?», разрозненность интересов, а также хаос в глобальной системе.

Стоит отметить еще одно обстоятельство, вызванное коронавирусом, это появление и быстрое распространение информации и дезинформации. В то время как страны вводят изоляционные ограничения в своих территориях, все больше людей пытаются найти информацию о COVID-19 в источниках, которым они доверяют. Все больше людей, считают такими источниками, не официальные СМИ и экспертные оценки, а социальные сети и иные средства массовой информации. Такие ресурсы, становятся основными источниками информации о текущей ситуации, прогнозах развития, а также о моделях поведения в условиях пандемии. Одновременно с этим, стали учащаться и информационные вбросы, различные рассказы и версии происходящего из неподтвержденных источников [4]. В качестве одних из распространителей такой информации стали социальные сети. Лавинообразный скачок таких информационных сообщений, был назван Генеральным директором Всемирной организации здравоохранения Тедросом Аданом Гебреисусом «инфодемией» [7], в частности он заявил, что «Дезинформация распространяется быстрее и легче, чем вирус, и она не менее опасна».

Средства массовой информации в пандемию показали снижение своего влияния и неготовность правительств к совместной работе в борьбе с угрозой человеческой жизни. Человечество сегодня обладает технологиями, позволяющими поддерживать коммуникации из любой точки мира в режиме реального времени, как на уровне отдельных людей, различных групп, так и правительств. Эта глобальная коммуникация изменила образ мыслей людей во всем мире.

На примере шведской школьницы Греты Тумберг, выступившей на саммите Организации Объединенных Наций по климату с резкой критикой в отношении политических деятелей за недостаточное внимание к глобальной проблеме изменения климата, мы можем видеть, как всего лишь один голос может повлиять на мнения людей и вызвать отклик по всему миру.

Сегодня, человечество столкнулось с глобальной угрозой – пандемией, которая быстро и легко преодолела границы отдельных государств и затронула практически все слои общества. Компания по предотвращению пандемии коронавируса является сложной, многовекторной задачей, она включает в себя учет множества, зачастую противоречивых мнений, выражаемых официальными лицами, политиками и различного рода ин-

флюенсерами. «Инфодемия», очевидцами которой мы являемся, вызвана боязнью, продиктованной недостаточностью информации, получаемой из официальных источников или отсутствием доверия к ней. В такой ситуации люди вынуждены обращаться к иным информационным каналам, в частности к социальным сетям, в которых зарегистрированы они сами, их коллеги или члены семьи. Поиск информации на таких площадках, зачастую влечет за собой погружение в поток слухов и дезинформации.

Представители властей и официальной медицины стараются дать населению корректную и своевременную информацию о коронавирусе. Но эти усилия зачастую мало заметны в общем потоке не обладающей достоверностью медицинской информации и мнимыми методами лечения, преобладающем в социальных сетях и мессенджерах. Мозаика из правдивых и ложных утверждений, распространяемых в сообщениях, создает информационный хаос, мешает построению адекватного образа реальной ситуации. Положение становится настолько критическим, что многие мировые лидеры призывают людей перестать делиться подобной информацией через такие приложения.

Понимая популярность социальных сетей и мессенджеров, официальные лица находят в них эффективное средство информационного контакта с аудиторией. Например, правительство Великобритании через мессенджер WhatsApp распространяет соответствующую действительности информацию о коронавирусе. Другие подходы, применяемые в Facebook и Twitter, позволяют блокировать недостоверную информацию, ограждая от нее пользователей. Такой путь является сложно реализуемым в следствии большого количества самых разнообразных сюжетов. Здесь можно отметить и всевозможные теории заговора, и псевдомедицинские рецепты профилактики, диагностики и лечения COVID-19.

Впервые мир столкнулся одновременно и с масштабным распространением болезни, и с огромным потоком дезинформации касательно ее. Обе эти пандемии, серьезным образом подрывают не только физическое здоровье, но воздействуют на поведение и психическое здоровье людей.

Анализ происходящего в период пандемии, без сомнения, еще долго будет являться предметом тщательного изучения не только представителями медицины, но и социологами, социальными психологами, экономистами. Особый интерес пандемия представляет и для специалистов, изучающих глобальные процессы, происходящие в современном, быстроменяющемся мире. Сейчас уже можно наблюдать, как страны, еще недавно являвшиеся проводниками глобализационных процессов, принимают жесткие меры по закрытию государственных границ, мир разделяется на «своих» и «чужих», а национальные законы восстанавливают свой приоритет над международным правом.

Коронавирус становится подтверждением того, пока глобальных ответов на глобальные вызовы нет. А национальные государства меж тем за годы иллюзий о том, что значительную часть ответственности можно перенести на наднациональные или глобальные структуры, во многом утратили способность суверенно, а главное – эффективно, гарантировать своим гражданам безопасность [1].

Коронавирус лишь стимулировал процессы, возникшие до его появления, но не принес чего-либо принципиально нового. Однако из-за масштаба и шокирующего воздействия на привычные социальные, культурные, общественно-политические отношения пандемия подвела символическую черту под существованием одного мирового порядка и стала началом другого. Пандемия определила социальную неопределенность, но изменила мир. Он стал неизвестным.

Новая постковидная реальность изменила все сферы жизнедеятельности. Еще только предстоит исследовать глобальные социальные трансформации, новые радикальные вызовы и угрозы. Есть возможность говорить о том, что мир заново будет искать точки соприкосновения и взаимодействия в условиях глобального регулирования. Несмотря на произошедшие внезапные события, человечество ищет пути выхода из опасности. Пандемия

демия, выдвинула новую повестку: «как превратить мировой кризис в возможность для мира». Многочисленные онлайн конференции, с высокопоставленными представителями учреждений ООН, министрами и экспертами попытаются обменяться знаниями о том, «что сработало?», выработать конкретные политические рекомендации на будущее. В частности, ЮНЕСКО ищет примеры эффективных национальных программ дистанционного обучения, которые удовлетворяют потребности всех учащихся, сдерживают потерю учебного времени и времени на обучение и поддерживают качество обучения. Какие есть примеры эффективных национальных стратегий по улучшению доступа домашних хозяйств к цифровым устройствам и подключению к интернету, в частности для учащихся из неблагополучных и маргинализированных групп. Каковы эффективные стратегии обеспечения равного доступа к дистанционному образованию для учащихся из уязвимых групп с уделением особого внимания учащимся-женщинам и учителям, а также учащимся-инвалидам. Как можно поддержать учителей и родителей.

На национальных и региональных уровнях определяется политика и исследовательские программы для более эффективного восстановления, ищутся пути, каким образом можно выйти из кризиса более сильными и устойчивыми к будущим разрушениям.

В Московском государственном университете, на факультете глобальных процессов работает исследовательская группа которая занимается глобальными социальными трансформациями, сегодня наиболее актуальными исследовательскими вопросами являются: Какие изменения парадигмы необходимы для конструирования реальности после пандемии?

- Как исследования могут ускорить прогресс в реализации этих изменений?
- Какие данные и доказательства отсутствуют?
- Какие пробелы в текущих программах исследований? Как новые технологии могут помочь заполнить эти пробелы?

Дальнейшие исследования будут посвящены постковидной реальности и возникающими новыми глобальным трансформациям, угрозами и вызовами.

Литература

1. Алексеенкова Е. Коронавирус как символ (нео)модерна. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/korona-kak-simvol-neo-moderna> (дата обращения: 14.04.2020).
2. Утопия многообразного мира: как продолжается история / О. Барабанов, Т. Бордачев, Я. Лисоволик, Ф. Лукьянов, А. Сушенцов, И. Тимофеев // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/utopiya-mnogoobraznogo-mira-2020> (дата обращения: 02.11.2020).
3. Караваев А. Меньше подготовленные начнут умирать. URL: <https://ekb.dk.ru/news/menee-podgotovlennye-nachnut-umirat-aleksey-karavaev-o-kollapse-v-kotoryu-popali-tts-237135162> (дата обращения: 22.04.2020).
- 4 Лоуренс Макдоннелл. Вирус дезинформации. Чему можно верить в соц. сетях?. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/virus-dezinformatsii> (дата обращения: 14.04.2020).
5. Ни один прогноз по коронавирусу не подтвердился, заявила Голикова. URL: <https://news.mail.ru/society/41240361/?frommail=1> (дата обращения 04.10.2020).
6. Global Education Coalition. URL: <https://globoaleducationcoalition.unesco.org> (дата обращения: 28.10.2020).
7. Managing the COVID-19 infodemic: Promoting healthy behaviours and mitigating the harm from misinformation and disinformation. URL: <https://www.who.int/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 10.11.2020).

**ПРАВО НА ГОРОД В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ
(КЕЙС ПАРАД ПОБЕДЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ)**

В статье раскрыты особенности реализации права на город как право участия жителей на присвоение и производство городского пространства в условиях самоизоляции. В фокусе исследовательского анализа – Парад Победы, проведенный в г. Екатеринбурге в 2020 г. На основе анализа комментариев, представленных на городском информационном портале E1.ru, в работе выделены три типа отношения горожан к поведенческим практикам участия в праздничном событии: осуждение, поддержка, равнодушие. Утверждается, что пандемия становится как инструментом консолидации горожан в реализации права на город, так и механизмом разобщения и навигатором критического отношения к городской власти.

Ключевые слова: город, право на город, горожане, пандемия, самоизоляция, Парад Победы.

N. L. Antonova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

**THE RIGHT TO THE CITY IN CASE OF SELF-ISOLATION
(ON EXAMPLE OF VICTORY PARADE IN EKATERINBURG)¹**

The article reveals the peculiarities of the implementation of the right to the city as the right of residents to participate in the appropriation and production of urban space in conditions of self-isolation. The focus of the research analysis is the Victory Parade held in the city of Yekaterinburg in 2020. Based on the analysis of the comments presented on the city information portal E1.ru., the work identifies three types of attitudes of the townspeople to the behavioral practices of participation in the festive event: condemnation, support and indifference. It is argued that the pandemic is becoming both a tool for consolidating citizens in implementation of their right to the city, and a mechanism for disunity and a navigator of a critical attitude towards city government.

Keywords: city, right to city, citizens, pandemic, self-isolation, Victory Parade.

Последние десятилетия актуализировались исследования, нацеленные на изучение города / городского пространства. Они позволяют не только охарактеризовать город как территориальное образование, но и осмыслить социальные процессы и явления в городской среде, раскрыть модели поведения разных социальных групп, составляющих общность горожан.

Жизнь в городе, согласно концепции Г. Зиммеля [4], отличается высокими темпами; она эмоционально насыщена и интенсивна, наполнена разнообразными смыслами и свободой выбора. По утверждению Л. Вирта [2], высокая мобильность жителей города становится фактором роста социальных связей и отношений. По мнению А. Лефевра [5], горожане становятся субъектами присвоения и производства социального пространства, воспроизводя и инициируя социальные взаимодействия, реализуя собственное право на город.

Право на город – это право на участие жителей в принятии управленческих решений, касающихся планирования и проектирования городской среды, а также право на присвоение города, т. е. партиципация в городское пространство, доступность объектов и их использование. При этом включенность подразумевает не только присвоение, но и преобразование города в соответствии с потребностями и интересами разных социальных групп. Д. Харви [8] относит право на город к естественным правам человека, отмечая, что, преобразуя городское пространство, индивид преобразует и себя.

Интересной, на наш взгляд, является концепция Дж. Джейкобс [3], согласно которой включенность жителя города в городскую среду заключается в его возможности комфортно пройти по нему. Выдвигая новые принципы проектирования и реконструкции городов, американская исследовательница утверждает, что города предоставляют плодородную почву для осуществления жизненных планов людей.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-411-660012 p_a.

Весной 2020 г. в российских поселениях был введен режим самоизоляции, предполагая, что жители территорий будут значительную долю времени проводить дома. Одним из ключевых вопросов в этой связи стал вопрос о реализации права на город в условиях самоизоляции. Согласно идеям и положениям Р. Ольденбурга [6], предложившего пространственное зонирование территории, состоящее из трех мест (первое – семья/дом; второе – работа/учеба; третье – публичные места), именно кафе, рестораны, торговые центры, парки и пр. (третье место) являются объектами присвоения городского пространства, выполняя рекреационную, коммуникативную, досуговую функции. В условиях самоизоляции третьи места становятся недоступными горожанам, их деятельность прекращена либо ограничена. По сути, только первое место – дом/семья и отчасти второе (работа/учеба) определяли повседневные практики горожан весной. Каким образом в этих условиях было реализовано право на город?

В качестве объекта анализа мы выбрали один кейс – праздничный парад в честь Дня Победы (09.05.2020). Мы обратились к городскому порталу новостей E1.ru и проанализировали тексты сообщений горожан, представленные на форуме. Выбор отношения аудитории информационного ресурса именно к данному событию не случаен. Результаты нашего исследования, проведенного в 2019 г. в г. Екатеринбурге ($n = 750$), свидетельствуют о том, что для каждого четвертого респондента от 18 до 30 лет участие в качестве зрителя в Параде Победы 9 мая выступает одним из маркеров локально-территориальной идентичности, т. е. тем событием, которое позволяет почувствовать себя екатеринбуржцем. Всего по кейсу было проанализировано 327 комментариев.

Полученные материалы позволили нам выделить три основных типа отношения к праздничному мероприятию, проводимому в условиях пандемии: осуждение, поддержка, равнодушие. Комментарии, в которых наблюдается осуждение горожан, пришедших на Парад Победы, касаются в основном призыва к ответственному поведению: «...*хочется уже орать, чтобы сидели по домам...*». Практически все осуждающие высказали недовольство тем фактом, что им приходится соблюдать самоизоляцию, а другие горожане пренебрегают осторожностью и совершают рискованные действия: «...*из-за этих идиотов я вообще в этом году на работу не выйду...*»; «...*вот из-за таких нарушителей я должна буду сидеть дома еще месяц...*»; «...*сидишь дома, ...а эти придурки спокойно гуляют...*». Пользователи высказались за ужесточение санкций, которые должны логично следовать за нарушениями поведенческих норм в условиях пандемии: «...*власти нужно было действовать жестче...*»; «*Где жесткие наказания? Одни успокоительные беседы...*».

Представитель Чикагской школы Р. Парк полагает, что «город опустошает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях» [7, с. 12]. Мы считаем, что пандемия стала своего рода спусковым крючком, запустившим демонстрацию разных типов поведенческих практик жителей крупного города. Так, анализ новостным СМИ и городских пабликов в социальных сетях продемонстрировал, что молодое поколение горожан реализует маргинальные практики (антикарантинные/подпольные вечеринки) как форму социальной активности и протестного поведения [1].

В нашем исследовании комментаторы, поддерживающие горожан, пришедших на Парад Победы, апеллировали к чувству долга перед воевавшим поколением: «...*мы дети и внуки победителей! И мы будем выходить несмотря не на что!*»; «...*сегодня чтим память наших дедов!*». Небольшая доля высказываний касалась необходимости выходить на улицу для поддержания здоровья, в том числе и психического, в условиях самоизоляции: «...*обязательно нужно гулять...*»; «...*повод зарядиться эмоциями хорошими...*». В комментариях пользователей также есть отсылка к идее, что вирусная инфекция – надуманная проблема, его не существует, это симулякр, который широко тиражируется: «*Люди просто устали бояться надуманного вируса*»; «*Вся эта пандемия чушь... Все что происходит – это банальная политика, от нас скрывают что-то, но что никто и никогда не узнает*».

Пользователи, высказавшие равнодушие к проблеме, отмечают, что индивид сам несет ответственность за себя и свое здоровье: «*Вы что переживаете за них, пускай ...болеют...*»; «*...пусть шапатаются дальше, вообще не жалко*». Подобная позиция, как нам кажется, является следствием распространения индивидуалистических ориентаций, которые проникают во все сферы общественной жизни. Коллективистский дух, характерный для советского человека, сегодня не актуален и не соответствует текущей ситуации. Однако в условиях пандемии и распространения социально опасного заболевания, думается, что коллективистский тип сознания стал был бы востребован в борьбе с COVID-19.

Материалы исследования показали негативное отношение аудитории рассматриваемого нами информационного ресурса к действующей городской и региональной власти. Пользователи отмечают, что властные структуры, организовав Парад Победы, спровоцировали горожан на рискованные поведенческие действия: «*Власти соделали все, чтобы собрать толпы людей*»; «*Власти устроили праздник, люди пошли. Как будто могло быть иначе*»; «*...сама муниципальная власть создает условия для скопления людей!*». При этом комментаторы готовы помочь действующей власти распределить высвобожденные материальные средства на иные нужды города и горожан: «*...экономленные деньги передать на нужды ветеранов, врачей...*».

Праздничные мероприятия в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, несомненно, могли бы стать фактором упрочения городской идентичности и реализации права на город, однако в условиях пандемии стали причиной разобщенности горожан и навигатором критики властных структур. Право на город в текущих условиях скорее должно выражаться не в потреблении и присвоении публичных мест через участие в городских событиях, а в локальных преобразованиях, нацеленных на изменение пространства вокруг себя.

Литература

1. Антонова Н. Л., Хафизова В. Р. Город как сцена молодежного активизма: локальные практики в условиях пандемии // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 6(74). С. 15–19.
2. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни : пер. с англ. М. : Strelka Press, 2016.
3. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. Л. Мотылева. М. : Новое издательство, 2011.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М. : Strelka Press, 2018.
5. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М. : Strelka Press, 2015.
6. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широканова. М. : Новое литературное обозрение, 2018.
7. Парк Р. Город как социальная лаборатория. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12.
8. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3(66). С. 80–94.
9. Власти настоятельно не рекомендовали, но в центре Екатеринбурга собрались толпы народа: объясняем почему. URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2020/05/09/69250612/comments>.

А. Е. Смирнов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Н. Г. Смирнова

ФГБУЗ Больница ИНЦ СО РАН, г. Иркутск

ПАНДЕМИЯ COVID-19: ВЫЗОВЫ ДЛЯ МЕДИЦИНЫ И ОБЩЕСТВА

Исследуются вызов, поставленные пандемией перед обществом в целом и здравоохранением в частности. Онстатируется успешное решение некоторых задач, стоящих перед организацией здравоохранения; рассказывается о трудностях, с которыми столкнулось здравоохранение области как в техническом, так и в психологическом отношении. В заключение выражается уверенность в моральном, интеллектуальном и человеческом потенциале России, посредством которого пандемия будет преодолена.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, коронавирус, инфекция, организация здравоохранения.

A. E. Smirnov

Irkutsk State University, Irkutsk,

N. G. Smirnova

Federal State Budgetary Institution Hospital of the IRC SB RAS, Irkutsk

COVID-19 PANDEMIC: CHALLENGES FOR MEDICINE AND SOCIETY

The article describes the challenges posed by the pandemic to society in general and health in particular. The authors state the successful solution of some of the tasks facing the health organization; tell about the difficulties faced by the health care of the region both in technical and psychological terms. The conclusion expresses confidence in the moral, intellectual and human potential of Russia, through which the pandemic will be overcome.

Keywords: pandemic, COVID-19, coronavirus, infection, health organization.

Вот уже в течение года человечество живет в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. В настоящее время в мире зарегистрировано 55,5 млн чел., инфицированных вирусом COVID-19 [1]. Впервые мы услышали, прочитали, увидели в новостных лентах информацию из Китайской Народной Республики в ноябре 2019 г., где в г. Ухане произошла вспышка новой коронавирусной инфекции [2]. Всемирная организация здравоохранения 11 февраля 2020 г. присвоила официальное название инфекции, вызванной новым коронавирусом, – COVID-19 (Coronavirus disease-2019) [3].

Появление нового коронавируса COVID-19 поставило перед специалистами здравоохранения задачи, связанные с быстрой и правильной диагностикой и оказанием адекватной медицинской помощи больным. В период 2019 г. – первой половины 2020 г. сведения об эпидемиологии, диагностики, клинических особенностях, профилактике и лечении этого заболевания были весьма ограничены и даже противоречивы. Так, в течении 2020 г. выпущены 9 клинических рекомендаций Министерства здравоохранения Российской Федерации по верификации, лечению и реабилитации пациентов, перенесших эту новую инфекцию. Причем первые и девятые клинические рекомендации весьма значительно отличаются друг от друга [4].

Что такое коронавирусная инфекция? Коронавирусы (Coronaviridae) – это большое семейство РНК-содержащих вирусов, способных инфицировать как животных (их естественных хозяев), так и человека. У людей коронавирусы могут вызвать целый ряд заболеваний – от легких форм острой респираторной инфекции до тяжелого повреждения легких, почек, сердца. До настоящего времени было известно о циркуляции среди населения четырех коронавирусов (HCoV-229E, -OC43, -NL63 и -HKU1), которые круглогодично присутствовали в структуре ОРВИ, и, как правило, вызывали поражение верхних дыхательных путей легкой и средней степени тяжести. Новый же вирус COVID-19 («Coronavirus disease2019») мгновенно распространяется в популяции, особенно губителен для пациентов старшей возрастной группы, глубоко поражает ткани

легких, воздействует на иммунную систему, вызывает цитокиновый шторм, усиливает тромбообразование, приводит к септическим состояниям. Кроме того, неизвестно, как долго он сохраняется в памяти иммунной системы, и как формируется долгосрочная иммунная реакция. Таким образом, новая коронавирусная инфекция проявляет себя как совершенно неизученная многокомпанетная, очень быстро распространяющаяся инфекция. Инфекция, которая перед человечеством ставит много вопросов, на большинство из которых в настоящее время ответов нет, так как изучение свойств SARS-CoV-2 продлжается слишком недолго, и пока ученые не могут однозначно ответить на многие вопросы об иммунитете и антителах, методах лечения, профилактики, реабилитации больных [4].

Какие вызовы новая коронавирусная инфекция COVID-19 обозначила перед человечеством:

1. Создание диагностических систем (тест-системы) с целью точной, быстрой, качественной верификации заболевания. Промышленное производство тест-систем. Внедрение этих тест систем в практику здравоохранения.

2. Эпидемиологически обоснованное создание средств индивидуальной защиты. Промышленное производство средств индивидуальной защиты. Внедрение средств индивидуальной защиты в практику здравоохранения и обыденную человеческую жизнь

3. Формирование эпидемиологической модели существования как отдельного человека и его семьи, так и организации, города, страны – с ограничением межгосударственного и внутрисубъектного перемещения граждан. Впервые в современной истории Российской Федерации был введен режим изоляции и самоизоляции для целых категорий граждан.

4. Формирование информационной среды с целью информирования людей о существовании в условиях пандемии.

5. Разработка схемы лечения, профилактики и реабилитации пациента, страдающего коронавирусной инфекцией COVID-19. Создание вакцины против коронавирусной инфекции. Ее промышленное производство и вакцинация населения.

6. Создание лечебных учреждений, в которых может оказываться специализированная медицинская помощь больным с новой коронавирусной инфекцией.

Таким образом, новая коронавирусная инфекция COVID-19 сформулировала задачи для целых отраслей экономики, медицины, эпидемиологии, политики, государств и всего человечества. Рассматривая вышеперечисленные проблемы, следует отметить, что многие из них в настоящее время решены. Так, в начале 2020 г. в России насчитывалось 21 лаборатория и институт, где могли осуществлять ПЦР-диагностику вируса COVID-19, а уже в ноябре 2020 г. только в г. Иркутске таких лабораторий – 15. То есть в течение 10 мес. в стране не только создали тест-системы, но и подготовила кадры, внедрили в промышленное производство тест-системы, создали специальные лаборатории для проведения этих анализов, организовали логистику для осуществления диагностики инфекции в каждом крупном городе.

Создание средств индивидуальной защиты так же практически решено за полгода. К механизму реализации были первоначально привлечены врачи-эпидемиологи, вирусологи, которые определили необходимые параметры для средств индивидуальной защиты, в том числе маски с противовирусным клапаном, защитные костюмы с прорезиненными швами, бахилы, перчатки, шапочки, спирт-содержащие и хлор-содержащие дезинфектанты и т. д. После чего началось промышленное производство средств защиты. Объем производства средств индивидуальной защиты за 9 месяцев 2020 г. увеличился в Российской Федерации в 74 раза. Достаточно сложным оказалось перепрофилировать лечебные учреждения в инфекционные госпитали, где бы оказывалась специализированная медицинская помощь пациентам с новой коронавирусной инфекцией. Прежде всего потому, что имеющийся коечный фонд не был рассчитан на резкое увеличение госпитализированных больных, не было достаточного количества коек, оснащенные системой подачи

кислорода, не было необходимого количества дыхательной и следящей аппаратуры. В стране не было требуемого количества врачей-инфекционистов для оказания медицинской помощи госпитализированных больных. Кроме того, существующее на начало 2020 г. медицинское законодательство, не позволяло привлекать врачей других специальностей для лечения этих больных или оказывать им медицинскую помощь на койках неинфекционных стационаров. Решение этих тяжелых проблем было найдено: утвержден Приказ Министерства здравоохранения № 198н от 19.03.2020 [5], позволяющий после короткого переобучения привлекать врачей любых лечебных специальностей для лечения пациентов с COVID-19, а также перепрофилировать любые больницы в инфекционные госпитали. Кроме того, в кратчайшие сроки в крупных городах России – Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Красноярск и т. д. были построены модульные инфекционные госпитали для лечения пациентов с новой коронавирусной инфекцией. В результате разработки и применения этих чрезвычайных мер, в том числе и финансового характера, коечный фонд и его оснащенность в стране увеличился на 23 тыс., что позволяет в настоящее время оказывать медицинскую помощь больным с коронавирусной инфекцией и ее осложнениями в полном объеме.

Сложным остается психологический аспект существования человека в условиях пандемии: проблема принятия новой инфекции или полное отторжение ситуации. Так как среди жителей нашей планеты есть люди панически реагирующие на информацию об инфекции, а есть «ковид-негативное» сообщество, которое считает что данной проблемы не существует. Именно последние крайне активно выступают против каких эпидемиологических ограничений, изоляции, самоизоляции – что приводит к дальнейшему распространению инфекции среди жителей планеты.

В завершении следует отметить тот факт, что пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 ставит перед нашей страной очень серьезные вызовы, но материальный, моральный, человеческий, интеллектуальный потенциал России отвечает на эти вызовы, противостоит им, и безусловно справится с ними!

Литература

1. Информационный бюллетень о ситуации и принимаемых мерах по недопущению распространения заболеваний, вызванных новым коронавирусом // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучию человека (от 4 марта 2020 г.). URL: <https://obmadzor.ru> (дата обращения: 18.11.2020).
2. Постановление Государственного санитарного врача Российской Федерации № 5 от 02.03.2020 «О дополнительных мерах по снижению риска завоза коронавирусной инфекции» // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучию человека (от 4 марта 2020 г.). URL: <https://obmadzor.ru> (дата обращения: 18.11.2020).
3. Постановление Государственного санитарного врача Российской Федерации № 5 от 13.03.2020 «О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-19» // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучию человека (от 4 марта 2020 г.). URL: <https://obmadzor.ru> (дата обращения: 18.11.2020).
4. Временные методические рекомендации: профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Министерство здравоохранения Российской Федерации. Москва (от 26.10.2020). URL: <https://rosminzdrav.ru> (дата обращения: 18.11.2020).
5. О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Министерство здравоохранения российской федерации (от 19 марта 2020 г.). URL: <https://rosminzdrav.ru> (дата обращения: 18.11.2020).

Р. И. Бандурка

Иркутский государственный университет,
Аппарат Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области,
г. Иркутск

Ю. П. Янков

Аппарат Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области,
г. Иркутск

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НЕБЛАГОПРИЯТНОЙ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Рассматриваются изменения общественных настроений россиян в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Оценивается состояние социальной напряженности, вызванной карантинными мероприятиями и связанным с ними спадом в экономике. Исследуется рост протестных настроений в контексте неблагоприятной эпидемиологической обстановки.

Ключевые слова: коронавирус, эпидемия, экономика, социальная напряженность, протест.

R. I. Bandurka

Irkutsk State University,
Expert Department of the Governor of the Irkutsk region
and the Government of the Irkutsk region, Irkutsk

Y. P. Yankov

Expert Department of the Governor of the Irkutsk region
and the Government of the Irkutsk region, Irkutsk

SOCIAL TENSIONS IN THE CONTEXT OF AN UNFAVORABLE EPIDEMIOLOGICAL SITUATION AND GEOPOLITICAL CHANGES

The article examines the changes in public sentiment of Russians in connection with the spread of the new coronavirus infection COVID-19. The state of social tension caused by quarantine measures and the associated economic downturn is assessed. The author also examines the growth of protest moods in the context of an unfavorable epidemiological situation.

Keywords: coronavirus, epidemic, economy, social tension, protest.

Новая коронавирусная инфекция COVID-19, наряду с угрозой для жизни и здоровья людей, принесла серьезные проблемы и для мировой экономики. Первым из отраслей экономики пострадал туризм, однако вслед за ним последствия пандемии затронули все остальные сферы экономики. Изменения произошли на нефтяном, фондовом рынках, в IT-сфере, сфере услуг [1]. Эти изменения напрямую отразились на простых людях: многие остались без работы, кто-то был вынужден перейти на дистанционный формат работы, кто-то вынужден приобретать новые профессиональные компетенции. Все эти факторы повлияли на настроения в обществе, вызвали рост социальной напряженности и их изучение особенно важно для социологов.

Само понятие напряженности пришло в социальные науки из естествознания. Еще в XIX в. стали изучаться феномены социальной напряженности и конфликта, однако их активное изучение началось только с 50-х гг. XX в. на Западе. В частности, изучением психической напряженности с позиции теории поля уделяли внимание психологи Л. Фестингер, К. Левин, Р. Липин [3].

В настоящее время проблемам теории социальной напряженности много внимания уделяется социологом И. В. Михеевым, в своих работах определяющим социальную напряженность как «...многогранный динамический феномен, характеризующий состояние группы вне зависимости от ее масштаба, формирующийся на основе высокого уровня нестабильности эмоционального, духовного и психического состояния индивидов, определяемого интенсификацией движения (обмена) социальной энергии. Социальная напряженность является промежуточным (начальным) этапом социального конфликта и может носить как деструктивный, так и конструктивный характер» [2].

В современной России на постоянной регулярной основе проводятся и практические исследования, связанные с изучением социальной напряженности. Например, несмотря на ограничения и сложности, связанные с неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановкой в России и мире, российскими социологами проводятся опросы общественного мнения, позволяющие оценить реакции жителей России на общественно-политические изменения. В основном исследователи делают это в удаленном режиме: по телефону или онлайн с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Однако в первой половине сентября 2020 г. сотрудниками федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) был проведен массовый опрос населения посредством подробных персональных интервью (с соблюдением противоэпидемических норм – интервьюеры использовали маски, перчатки и другие средства индивидуальной защиты) [4].

По данным опроса ФНИСЦ РАН, проведенном под руководством академика РАН М. К. Горшкова в период с 5 по 15 сентября 2020 г., более половины опрошенных (53 %) считают, что коронавирус нанес России существенный, но не катастрофический ущерб. 23 % опрошенных считают, что ущерб, нанесенный России коронавирусом катастрофический, 14 % – что ущерб не очень существенный, 4 % – что особого ущерба нет, 6 % – затруднились ответить [4]. Массовый опрос населения РФ осуществлен в 112 поселениях 22 субъектов РФ по репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке (2000 респондентов) (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какой ущерб коронавирус нанес нашей стране?», в %
 Примечание: Инфографика «РГ» / Антон Переплетчиков / Анна Четверикова.

Как показали результаты опроса, среди негативных последствий распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 опрошенные называли: рост расходов на продукты и лекарства (38 % опрошенных), сокращение доходов (35 % опрошенных), отказ от привычных форм досуга (27 % опрошенных), потерю работы (12 % опрошенных). При этом у 15 % опрошенных все осталось про прежнем. Среди позитивных изменений участники опроса отметили более ответственное отношение к собственному здоровью (16 % опрошенных), получение навыков дистанционной работы (8 % опрошенных) [4].

Несмотря на то что негативных последствий распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 значительно больше, чем позитивных, нельзя сказать, что это привело к росту протестных настроений в стране. Об этом свидетельствует индекс общественного протестного потенциала, рассчитываемый Всероссийским центром изучения общественного мнения по результатам ежедневного всероссийского телефонного опроса

ВЦИОМ (1600 респондентов не менее чем в 80 регионах РФ) [5]. Как видно из рис. 2, с начала ухудшения неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки в феврале 2020 г., индекс общественного протестного потенциала снизился на 3 п. п.

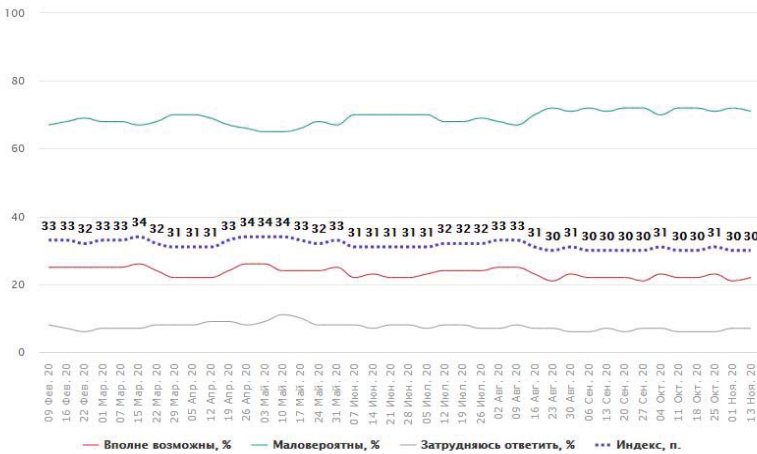

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, насколько вероятно сейчас в вашем городе/сельском районе массовые акции протеста против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав и свобод?», в %

Таким образом, подтверждается тезис социолога И. В. Михеева о том, что «...социальная напряженность не всегда несет деструктивный характер, а может быть и конструктивной. Социальная напряженность можно охарактеризовать как своеобразный тонус общества или отдельных социальных групп, благодаря которому появляется возможность преодолеть проблемы и создать возможности для качественного роста» [2]. Ярким примером могут являться случаи, когда в результате карантинных мероприятий люди, потерявшие работу и источники доходов, выплескивают свой протестный потенциал в приобретение новых профессиональных навыков.

В условиях продолжающейся неблагоприятной эпидемиологической обстановки актуальность проблемы сохранится и данная тема будет исследована в дальнейшем, в том числе с изучением зарубежного опыта.

Литература

1. Абсалимова С. Г. Влияние эпидемии коронавируса на мировую экономику // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства : сб. науч. тр. / ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» ; [науч. ред. З. О. Адаманова]. Симферополь : Ариал, 2020. С. 61–63.
2. Михеев И. В. Понятие социальной напряженности в отечественной и зарубежной социально-гуманитарной науке : Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 5. С. 206–212.
3. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб.: «Ювента», 1999. 318 с.
4. Российская Газета : офиц. интернет-портал. URL: <https://rg.ru/2020/11/05/sociologi-uznali-mnenie-rossiian-o-posledstviiah-koronavirusa.html> (дата обращения 16.11.2020).
5. ВЦИОМ : офиц. интернет-портал. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения 17.11.2020).

ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК КАТАЛИЗАТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МАТРИЦЫ ПРАЗДНИКОВ

Пандемия COVID-19 внесла в жизнь общества значительные изменения. Одним из наиболее серьезных сдвигов следует признать снижение роли праздников в жизни людей, проявившееся в падении тонуса празднования, перетекания праздников в будни, отказа от ряда праздников. Определение влияния пандемии COVID-19 на функционирование основных свойств праздников привело к выводу о неизбежности корректировки современной матрицы общества.

Ключевые слова: культура, праздник, повседневность, пандемия COVID-19, матрица праздников.

V. V. Zyryanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

THE COVID-19 PANDEMIC AS A CATALYST FOR THE TRANSFORMATION OF THE HOLIDAY MATRIX

The COVID-19 pandemic has brought significant changes to society. One of the most serious shifts is the decline in the role of holidays in people's lives, which manifested itself in a drop in the tone of celebration, the flow of holidays into weekdays, and the rejection of a number of holidays. Determination of the impact of the COVID-19 pandemic on the functioning of the basic properties of holidays led to the conclusion that it is inevitable to adjust the modern matrix of society.

Keywords: culture, holiday, everyday life, COVID-19 pandemic, matrix of holidays.

Жизнь людей, социальных групп и общества в целом устроена в режиме природной и социальной дихотомии: труд-отдых, работа-семья, будни-праздники... Любая сторона каждой такой пары дополняет, формирует естественную целостность, играет в ней свою, четко очерченную роль.

Одним из глубинных ритмов общества, обеспечивающих его внутреннюю сбалансированность, является чередование будней и праздников.

Важнейшие свойства праздника (по К. Жигульскому) [2]:

1) непрерывность, с глубокой древности до сегодняшних дней общество постоянно культивирует праздники, как необходимый элемент своего существования;

2) ритмичность, праздник отражает периодические явления жизни: ритмы природы, ритмы общества, ритмы малых и больших социальных групп;

3) коллективность, важен не только факт участия в празднике массы людей, но людей организованных, считающих себя причастными к системе ценностей и смыслов при- сущих празднику;

4) культурологичность, ценность праздника, которую стараются оберегать, передавать следующим поколениям в виде определенного нарратива и в различных видах искусства.

«Праздник как один из элементов бытия, в отличие от повседневности ..., принципиально имеет четкую ценностную структуру, в центре которой всегда событие. Праздничная действительность – это специфическая фаза коллективной жизни», имеющая целью в социально обозначенное «время институциональным образом поддержать, подтвердить предельные, высшие ценности и идеалы сообщества, выражающие отношение к историческим событиям, предшествующему опыту и будущему» [1].

Получается, что если в обществе снижается тонус празднования в привычное время и по принятым поводам, то под удар попадают «высшие ценности и идеалы» общества, сообщества, человека.

Попытаемся определить, что в социальном смысле представляет собою современная пандемия, и понять, изменила ли она и как, место праздников в жизни людей.

В современной научной литературе присутствуют как минимум четыре созвучных понятия, обозначающих отдельные виды массовых болезней: «социальные болезни»,

«социально обусловленные (социально детерминированные) болезни», «социально значимые болезни», «социально опасные болезни». Выбор в применении конкретного термина во многом зависит от того, в какой области научных исследований они используются: в здравоохранении, социологии, юриспруденции, демографии, политологии [3].

В медицинской терминологии понятием «социальные болезни» обозначают особый класс инфекционных заболеваний, которые локализуются в теле человека и возникают вследствие заражения. К таким заболеваниям относятся, например, туберкулез, чума, холера, малярия, СПИД и др. В более широкой трактовке к социальным болезням относят также алкоголизм, наркоманию, рахит, авитаминозы и др. недуги становящиеся массовыми вследствие неблагополучия общества.

В медико-правовом дискурсе фигурируют еще два схожих по содержанию понятия: «социально значимые болезни» и «социально опасные болезни». Оба термина используются в Постановлении Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих». Кроме того, социально значимые болезни четко определены и статистически учтены в сборниках «Социально значимые заболевания населения России» [10], которые регулярно выпускает Минздрав России. К первой группе относятся заболевания, широко распространенные среди трудоспособного населения (туберкулез, гепатит, рак, сахарный диабет и др.). Ко второй – болезни имеющие вирусную природу и легко передающиеся от человека к человеку, вызывая массовые заражения (дифтерия, лепра, малярия, чума, туберкулез, холера, ВИЧ, гепатит и др.). Как можно заметить списки пересекающиеся. Понятие «социально значимая болезнь» подробно не раскрывается в науке, а из контекста, в котором оно используется, можно заключить, что это болезни, обусловленные социально-экономическими условиями, приносящие ущерб обществу и требующие социальной защиты человека.

Термин «социально значимые болезни», появившийся в XIX в. в дальнейшем был воспринят социологами и расширен до понятия «социальные болезни». ... в случае с социальными болезнями как объектом социологического изучения исследователи имеют дело «... с типом болезней, «носителем» которых является не только тело человека, но и общество – социальные коллективы людей» [8]. В таком понимании «социальные болезни» охватывают и социально значимые болезни, и те, которые болезнями в медицинском смысле не являются (безработица, шовинизм, расизм, взяточничество и др.).

Если теперь квалифицировать пандемию COVID-19 в терминах социальных оценок массовых заболеваний, то мы имеем дело с социально значимой, социально опасной (в медицинской трактовке) болезнью, которая вызвала масштабные социальные деформации, включила механизмы социальной детерминации и переросла в социальную болезнь (в социологической трактовке) [3]. Уже в апреле И. Задорин определил, что «... явление COVID-19 в большей степени не медицинское, а социальное и даже социально-политическое и беспрецедентность именно социальной составляющей требует, конечно, серьезного анализа и оценки последствий, а также связанных с ними рисков [4].

Возвращаясь к праздникам, зададимся вопросом: как социальная обстановка, вызванная нынешней пандемией, воздействовала на родовые черты праздника.

Непрерывность. Сложившаяся ситуация не дает оснований утверждать, что пандемия заставила забыть про праздники как таковые. Мир не готов отказаться от праздников, отмечавшихся десятилетиями, а то и веками. Приведем заголовки новостной ленты осени: «Как Москва отпразднует день рождения в условиях пандемии», «Праздник в пандемию: как Нижний Новгород отметил 799-летие», «Испания отмечает национальный праздник в условиях пандемии», «Как в Греции отмечают День “Охи” в условиях пандемии».

Ритмичность. «Наиболее действенная мера в условиях пандемии – режим самоизоляции, который принципиально меняет ритм жизни каждого человека...» [7]. Действительно, вынужденные ограничения в передвижении, самоизоляция существенно нарушили

масштабы и изменили формы (сценарии) праздников, а часть праздничных мероприятий вовсе не состоялись. Из осенней новостной ленты: «В Индии отметили праздник Душеру в условиях пандемии», «В польских городах стали отменять новогодние праздники», «В Орле из-за пандемии отменили праздник по случаю 150-летия Ивана Бунина».

Коллективность. С одной стороны, пандемия жестко разделила, прежде цельные социальные группы, по возрасту, состоянию здоровья, трудоспособности, рабочим местам, детности, условиям жизни, достатку, включенности в цифровое пространство и т. д. А с другой – весенние опросы отчетливо показали, что люди больше всего тягостятся ограничением в личном общении и встречами с родственниками [6]. Но, именно это является ключевым условием существования коллективов (больших и малых) – а значит и праздников, как коллективных действий. И снова обратимся к новостной ленте: «Игорь Задорин: «Человек ощущает себя будто в оккупации. Месяц – критический срок!», «В условиях пандемии мы живем одним днем».

Культурологичность. «Пандемия, как шоковая, внезапная порция новой, другой, иной культуры и образа поведения, становится проблемой развития культурного ландшафта, угрожая его стабильности и равновесию. Заставляет поступать по-другому, иначе; помещает нас в другие, иные обстоятельства; влияет на ментальность людей другими, иными ценностями; навязывает другой, иной образ мыслей и поведения. Причем происходит это не равномерно, а внезапно, заставляя человека быстро ориентироваться в новой обстановке, включая инстинкт самосохранения и добавляя фактор постоянной неизвестности» [5]. Тем самым общество оказалось резко поставлено перед фактом практически неизбежного пересмотра матрицы праздников.

Очевидно, что не все даты из списка праздников современного российского общества несут в себе признанные им высшие ценности и идеалы, так как этому критерию могут отвечать только праздники, разделяемые большей частью общества. Поэтому, опираясь на данные ФОМ [9] можно предположить, что эту ценностную нагрузку несут праздники, отмечаемые хотя бы половиной населения. К ним в порядке убывания относятся: Новый год, дни рождения членов семьи, День Победы, Пасха, Рождество, 8 марта и 23 февраля. Остальные праздники, отмечаемые значительно реже, – либо из прежней жизни (Первомай, день Октябрьской революции), либо из нового государственного календаря (День конституции, День независимости России), либо из импортного ассортимента (Валентинов день, Хэллоуин), т. е. актуальными общенациональными смыслами не обладающие.

Подводя итог, перечислим факторы пандемии COVID-19, явно влияющие на гармонию будней и праздников:

- осязаемое разделение коллективов, социальных групп по возрасту, состоянию здоровья, трудоспособности, рабочим местам, детности, условиям жизни, достатку, включенности в цифровое пространство;
- выросшие общественные страхи;
- снижение общественного доверия;
- нарушение баланса будней и праздников в сторону будней.

Тем самым, на наш взгляд, пандемия создала условия для того, чтобы усилились уже наметившиеся тенденции «будничной праздничности» и «несоответствия праздничной матрицы и мироощущения большей части современного общества».

Ситуация, сложившаяся из-за пандемии, как значительного социального потрясения, вызвала определенные сдвиги в сознании и мировосприятии людей, а также в их действиях. В связи с этим отметим, что уже сейчас можно рассматривать пандемию как «сито» для отбраковки праздников, их испытания на адекватность общественным запросам, ценностной матрице, и, как толчок к приведению форм проведения праздников в соответствие с образом жизни и мироощущением значительной части населения (в первую очередь молодежи).

В результате можно ожидать довольно динамичных изменений в праздничной матрице постпандемийного общества.

Литература

1. Давыдова В. В. Онтологическое поле праздника // Вопросы культурологии. 2009. № 6. С. 61–64.
2. Жигульский К. Праздник и культура : пер. с польск. М. : Прогресс, 1985.
3. Жуковская Н. Ю., Меркулов Е. Д. Социальная обусловленность массовых болезней: понятие и содержание // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6, № 3А. С. 48–59.
4. Задорин И. Человек ощущает себя будто в оккупации. Месяц – критический срок. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/466766> (дата обращения: 26.10.2020).
5. Кравчик Е. В. Влияние пандемии на сохранение культуры // Society and Security Insights. 2020. № 3(2). С. 150–157.
6. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М., 2020.
7. Решетников А. В., Присяжная Н. В., Павлов С. В., Вяткина Н. Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143.
8. Рывкина Р. В. Социальные болезни российского общества как объект социологического изучения // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 45–49.
9. Новый год и каникулы. О любимых праздниках наших сограждан и их отношении к длинным новогодним каникулам. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/10287> (дата обращения: 25.10.2020).
10. Социально значимые заболевания населения России в 2018 году (Статистические материалы). URL: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskii-sbornik-2018-god> (дата обращения: 27.10.2020).

УДК 148.14.3

Р. Г. Ардашев

Академия управления МВД России, г. Москва

КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ ПРИ ПАНДЕМИИ COVID-19

В статье рассматриваются особенности и условия развития конспирологических теорий. Доказывается тот факт, что социальное напряжение, существующее в обществе, обострившееся при пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 привело к усилению влияния теорий заговора на общественное сознание и интерпретацию происходящих событий. Выделяются четыре фактора, способствующие обострению социального напряжения и конструированию конспирологических теорий.

Ключевые слова: конспирологические теории, социальная напряженность, пандемия, COVID-19, теории заговора.

R. G. Ardashev

Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

CONSPIRACY THEORIES AS AN INDICATOR OF SOCIAL TENSION IN THE COVID-19 PANDEMIC

The article examines the features and conditions for the development of conspiracy theories. It proves that the social tension existing in society, aggravated by the COVID-19 coronavirus infection pandemic, has led to an increase in the influence of conspiracy theories on public consciousness and interpretation of current events. There are four factors that contribute to the exacerbation of social tension and the construction of conspiracy theories.

Keywords: conspiracy theories, social tensions, pandemic, COVID-19, conspiracy theories.

В современном обществе возникает все больше вопросов о том, почему происходят экономические и экологические кризисы, возникают все новые и новые военные и социальные конфликты, усиливается социальное расслоение и напряженность. И при ответах на данные социальные вызовы, все чаще возникают идеи и теории заговора. Конспирология из сферы увлечений и хобби, становится контекстом объяснения многих социальных процессов.

Приверженцы конспирологических теорий ищут ответы не в объективных условиях, а в субъективных, порой иррациональных фактах объяснения происходящих событий. А то, что общество нестабильно, постоянно меняется и трансформируется, среди

обывателей находится все больше и больше тех, кто верит в теории заговора больше, чем в рациональные причины и следствия принятых политических, экономических, культурных решений.

Наиболее распространенными теориями являются: теория заговора тайного всемирного правительства, теория золотого миллиарда, теория заговора внеземных цивилизаций, теория заговора масонов, теории проклятий древних цивилизаций (египетской, индийской, шумерской, майя и др.). Все их объединяет то, что современные социальные, экономические, экологические и даже эпидемиологические проблемы объясняются как результат воздействия данной группы людей с целью уменьшения количества людей на планете, порабощения, мутации вида, деградация и проч. Разнообразные триггеры мифотворчества активно конструируют новые и новые облики конспирологического мифа, частично отражено в более ранних работах автора [1–4], А. М. Прилуцкого [5], В. А. Скуденкова [6].

Осенью 2020 г. мы провели экспресс-опрос россиян, при помощи платформы онлайн опросов www.google.com о том, какие стратегии объяснения социальной реальности возникают у россиян во время пандемии коронавируса. В опросе приняло участие 860 чел., в возрасте от 18 до 75 лет, 57 % женщин и 43 % мужчин. Все они проживают в разных субъектах РФ.

Из ответов респондентов, можно указать, что более половины (53,7 %), прибегают к конспирологическому объяснению возникновения и распространения коронавирусной инфекции и только 46,3 % говорили о естественных условиях возникновения и распространения вируса. Поэтому, мы решили более детально проанализировать имеющиеся мифологемы в общественном сознании.

В условиях стабильной эпидемической ситуации медицинская конспирология формируется в соответствии с пятью мифологическими концептами (указанными респондентами в различных вариациях):

- «изобретение» медицинскими институтами и фармацевтическими корпорациями ради собственной выгоды и в соответствии с интересами тайных политических сил не существующих в реальности заговоров (16,5 %);
- целенаправленное и злонамеренное сокрытие дешевых, безопасных и результативных лекарств и способов лечения «реальных» болезней (13,2 %);
- злонамеренное утаивание информации о вредных последствиях современных медицинских технологий, которые в реальности подрывают здоровье и подавляют волю человека (10,9 %);
- врачи (и целые медицинские корпорации) – убийцы, действующие в интересах тайных сил (например, респонденты указывали на мифологемы об отравлении медиками государственных и политических деятелей, целенаправленном медицинском убийстве стариков, мифологемы «черной трансплантологии» и т. п. (7,7 %);
- тайное «чипирование» пациентов под видом лечения и (или) вакцинирования (5,4 %).

Среди приверженцев конспирологических объяснений – 98 % не готовы лечиться, только те, кто опираются на естественные условия возникновения вакцины, готовы проходить профилактику и лечение (100 %).

Под влиянием COVID-19, количество разнообразных моделей развития конспирологических теорий увеличилось. При анализе иррациональности общественного сознания нами выявляется несколько групп факторов, определяющих формы и векторы развития сознания, при описании 80 % общей дисперсии. Нам удалось выделить, при помощи факторного анализа, несколько групп факторов, влияющих на увеличение социального напряжения и как следствие формирование представлений о теориях заговора (табл.).

Факторы, влияющие на уровень социального напряжения и конструирование теорий заговора

Фактор	Переменные формирования социального напряжения	Коэффициент
Социокультурный Вес фактора – 22,1. Объяснительная дисперсия – 22,3 %	Мы не оправдали надежд наших предков, они нас за это наказывают, посылая болезни, глупых политиков, экономические сложности	0,754
	Мы нарушили преемственность поколений, забыли свои корни – поэтому нас ждет вымирание	0,721
	Утратив память о прошлом, мы разрушили свое настоящее и потеряли надежду на будущее	0,711
Социально-психологический Вес фактора – 18,6. Объяснительная дисперсия – 26,8 %	У людей нет сил, сражаться с системой, она нас победила	0,715
	Ресурсы личности находятся под давлением общества и нет возможности избежать его гнета	0,663
	Социальные страхи поддерживаются в СМИ, к старым постоянно добавляются новые – это разрушает людей изнутри	0,654
Социально-образовательный Вес фактора – 15,5. Объяснительная дисперсия – 12,2 %	Если нет знаний, способных это объяснить рационально, всегда есть иррациональные аргументы	0,686
	Не все могут получить то образование, которое позволит понимать не только то, что на поверхности, но и то, что кроется под толщей фактов, идей, объяснения	0,644
	Знания – удел избранных	0,531
Идеолого-мировоззренческий Вес фактора – 8,2. Объяснительная дисперсия – 18,7 %	Чтобы люди боялись (не важно чего) – в этом состоит главная миссия власти (не важно, какого именно происхождения эта власть: мирская, религиозная, взвезменная и т. д.)	0,597
	Мировоззрение строится на страхе, чем больше бояться, тем больше подчиняются	0,563
	Идеология нужна для повиновения миллионов. Не важно кем она создана.	0,548

Все четыре фактора, конструируют вокруг себя разнообразные стратегии объяснения происходящих событий. Современная коронавирусная инфекция породила мощный пласт мифологической мифологии эсхатологического типа.

1. Идеологическая мифологема преувеличенной опасности. Болезнь не отрицается, но она такая же, как и ОРВИ или ОРЗ, а ее опасность специально раздувают в СМИ (12,9 %).

2. Мифологема искусственного происхождения коронавирусной инфекции. Причем ее разработчиками могут служить как «слуги антихриста», так и тайные сообщества мировой власти (13,4 %).

3. Мифологема подлинных целей вакцинации в виде чипирования людей (через вакцину) и тотального контроля за всеми (11,5 %).

4. Мифологема метки антихриста, в ходе вакцинирования против инфекции, внесение изменений в человеческий ген (8,7 %).

5. Мифологема заражения. Под предлогом вакцинирования, происходит заражение людей еще более страшной инфекцией, которая проявится через несколько лет или в следующем поколении (7,3 %).

6. Мифологема прихода к власти антихриста и установления мирового правительства.

Таким образом, социальная напряженность, усиленная коронавирусной инфекцией COVID-19, лишь усилила имеющиеся в обществе предпосылки конструирования и развития теорий заговора. В будущем нам видится только усиление данных тенденций, так как рациональных аргументов, понятных и принятых всеми членами общества не появляется, а вот иррациональные стратегии, в различных вариациях, множатся достаточно активно. Это приведет к еще большей иррационализации сознания, субъективным, мифологическим объяснениям происходящим событиям, где теориям заговора будет отведено основное место.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 82–88.
2. Ардашев Р. Г. COVID-19: влияние конспирологических теорий на качество жизни россиян // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : материалы Всерос. науч. конф. М. : МГУ, 2020.
3. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. Ч. 1. (№ 42). С. 145–154.
4. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: сборник научных трудов: материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 100–104.
5. Прилуцкий А. М. Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 108–114.
6. Скуденков В. А. Особенности социальных рамок психического здоровья // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России. Иркутск, 2020. С. 39–43.

УДК 578/834

Р. В. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА СОЦИАЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

В статье рассматриваются особенности влияния пандемии COVID-19 на повседневное пространство россиян, их качество жизни. Анализируются риски социального напряжения, возникшие в результате пандемии и возможные последствия для социального воспроизводства общества.

Ключевые слова: социальное напряжение, пандемия, качество жизни, COVID-19.

R. V. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON SOCIAL TENSIONS

The article examines the features of the impact of the COVID-19 pandemic on the everyday space of Russians, their quality of life. The article analyzes the risks of social tension arising from the pandemic and possible consequences for the social reproduction of society.

Keywords: social tension, pandemic, quality of life, COVID-19.

Пандемия COVID-19 привнесла в жизнь миллионов людей новые условия, возможности и ограничения, заставила иначе смотреть на привычные вещи, перестроить не только повседневный уклад жизни, но и поменять условия, форму и формат работы, учебы, общения. Если раньше виртуальное пространство – было пространством добровольного времяпрепровождения, которое могло касаться и работы, и досуга, и образования. То сегодня, виртуальное пространство – это обязательный элемент работы любого предприятия, образовательной услуги или развлечений.

Следствием этого стало новое понимание качества, условий и возможностей жизни в принципиально новых условиях. Возможность доступа к хорошему интернету – может быть условием выполнения работы, или же удобный интерфейс гарантией усвоения знаний, индивидуальный график взаимодействия – может быть перспективой успешного профессионального продвижения.

Ряд ученых, уже проводят исследования, касающиеся того, что COVID-19 запустил новые условия формирования социальной активности граждан, позволяя им иначе себя позиционировать в повседневном пространстве (О. А. Полошкевич [6]), включать субъективные, порой иррациональные стратегии собственного продвижения в виртуальной среде (Р. Г. Ардашев [1–3]), смешанной реальности (Р. В. Иванов [4; 5]) и др.

Мы провели экспресс-опрос россиян в возрасте от 18 до 75 лет, на платформе www.google.com на тему качества жизни в виртуальном мире, где приняло участие 950 чел., 58 % женщин и 42 % мужчин.

В результате исследования выяснилось, что качество жизни россиян в период пандемии в целом ухудшилось (73,2 %), в целом улучшилось (14,5 %), осталось без изменений (12,3 %). Это субъективное переживание того как я живу и как живут те, кто меня окружает определяет формат и уровень жизни, формирует уверенность или неуверенность в завтрашнем дне, дает надежду на будущее или ее забирает. Поэтому, данный показатель выступает определяющим, в чреде приоритетов социального воспроизводства.

Также мы исследовали различные аспекты качества жизни в виртуальном пространстве. Сначала задали общий вопрос – о качестве жизни в виртуальном пространстве и получили следующие ответы: в целом ухудшилось (6,5 %), в целом улучшилось (79,3 %), осталось без изменений (14,2 %). Иными словами, качество проживания жизни в виртуальной среде в целом вызывает положительное ощущение.

Но, когда мы попросили оценить качество жизни в виртуальной среде по отдельным блокам, то тут выявились существенные отличия, вызванные возрастными и профессиональными особенностями.

Например, оценка условий работы для молодых людей (от 18 до 32 лет): в целом ухудшилось (13,1 %), в целом улучшилось (88,4 %), осталось без изменений (1,5 %). Для представителей среднего возраста (от 33 до 55 лет): в целом ухудшилось (43,2 %), в целом улучшилось (41,7 %), осталось без изменений (15,1 %). Для представителей старшего возраста (от 56 и старше): в целом ухудшилось (63,3 %), в целом улучшилось (23,3 %), осталось без изменений (13,4 %). Молодые люди более адаптивны и до пандемии были вовлечены в виртуальные и дистанционные формы работы, что положительно сказалось на их адаптации к новым условиям работы в период пандемии. Тот же вывод справедлив и для половины представителей среднего возраста, те же, чья работа не включала виртуальное взаимодействие – для них новые условия жизни стали большим испытанием и они негативно оценивают качество жизни. Для представителей старшего возраста картина еще более негативная, так как среди них достаточно мало активных пользователей интернета, но пандемия подстегнула интерес и готовность осваивать новые пространства, но это приемлемо далеко не для всех, поэтому, доля негативных оценок качества жизни старшего поколения самая высокая.

Данные результаты не удивительны, молодежь во все времена была более адаптивной к переменам, быстрее усваивала и присваивала себе новое. Чем старше люди, тем более инертны и осторожны в принятии нового. Этот механизм заложен на уровне выживания социальной системы. Но особенность современного периода в том, что и от представителей среднего и старшего возраста требуется принятие более быстрых, эффективных и принципиально важных решений, которые могут изменить условия жизни. Это не привычная стратегия не только на психологическом, но и социальном уровне, что приводит к социальному напряжению не только одного человека, но и целых социальных групп.

Оценка условий досуга также отличается среди представителей разных возрастов. Для молодых людей (от 18 до 32 лет): в целом ухудшилось (4,4 %), в целом улучшилось (92,1 %), осталось без изменений (3,5 %). Для представителей среднего возраста (от 33 до 55 лет): в целом ухудшилось (15,7 %), в целом улучшилось (78,2 %), осталось без изменений (6,1 %). Для представителей старшего возраста (от 56 и старше): в целом ухудшилось (17,9 %), в целом улучшилось (28,7 %), осталось без изменений (53,4 %). Изменения в формах и условиях досуга в виртуальном пространстве более позитивны для представителей молодежи, но и представители более старших возрастов настроены достаточно оптимистично. Более инертно старшее поколение, но и оно осваивает виртуальное пространство, находя для себя развлечения.

Данные изменения являются критериями, подчеркивающими внутреннее напряжение среди старших возрастных групп, чтобы осваивать новые формы досуга, должна быть преодолена планка допустимого и возможного к обработке уровня напряжения. Досуг – это та сфера, где человек переключается, если представители среднего и старшего возраста стали искать новые формы досуга, это означает лишь одно – внутреннее напряжение достигло предела. Преодолевая свою инертность – они осваивают новые пространства, а это в свою очередь меняет их качество жизни, меняет их представления о жизни и себе и дает новые ориентиры развития.

Оценка условий обучения отличается у тех, у кого есть дети, обучающиеся в школе (как правило, представители среднего поколения). Они негативно оценивают условия и перспективы дистанционного виртуального обучения (71,2 %), позитивно (28,1 %), осталось без изменений (0,7 %). Среди молодежи положительных оценок существенно больше (59,9 %), негативных оценок (34,3 %), без изменений (5,8 %). Среди старшего поколения количество позитивных ответов также достаточно много (44,2 %), негативных оценок (36,7 %), без изменений (19,1 %).

Социальные перемены, вызванные новой формой обучения в школах и вузах – зарождают новые образовательные стратегии и модели обучения. Это очевидные изменения, которые у всех вызывают разный уровень напряжения. Более молодые поколения справляются с ним более успешно, чем старше, тем сложнее перестроиться. Но в любом случае, данное социальное напряжение порождает альтернативные условия образовательных траекторий, создает новые возможности и приоритеты развития, построения карьеры и иных форм социальной и профессиональной реализации в будущем. Дистанционное обучение раздвигает границы и формы обучения, позволяет реализовывать принцип образования через всю жизнь и на новом уровне интегрировать знания в свои профессиональные навыки и компетенции.

Таким образом, качество виртуальной среды зависит от возраста и социально-профессионального статуса. Критерии оценки качества виртуальной среды зависят от иррациональных, субъективных стратегий, но именно они же и позволяют себя чувствовать либо счастливыми, либо несчастными всем участникам взаимодействия. Влияние пандемии COVID-19 на повседневное пространство россиян, их качество жизни достаточно очевидно. Социальное напряжение, вызванное пандемией, для одних реализуется в новых альтернативных стратегиях развития, новом образовании, работе, досуге, для других депрессивном настрое, уменьшении вариантов и возможностей достойной жизни, уменьшении жизненных шансов и перспектив. Это все позволяет говорить о неоднозначности социального эффекта от социального напряжения, последствия которого будут развиваться еще не один год после завершения пандемии.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 82–88.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
3. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 56–63.
4. Иванов Р. В. Смешанная реальность: сущность символического симбиоза // Социальная реальность и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 114–117.
5. Иванов Р. В. Свобода в виртуальном мире: иллюзия или реальность // Трансгрессия социокультурного пространства : материалы V Всерос. науч. интернет-конференции. Иркутск, 2017. С. 56–60.
6. Полошкевич О. А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–167.

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В COVID-19

Исследуется современная ситуация в сфере образования в контексте пандемии, вызванной COVID-19. Обозначается, что чрезвычайная ситуация во всем мире привела к переводу учебных заведений на дистанционное обучение в целях сдерживания распространения инфекции. Утверждается, что пандемия COVID-19 создала социальную напряженность психическому здоровью всех групп населения. Делается вывод, что распространение эпидемий усиливает факторы напряженности, стресса, агрессии, разочарования, фрустрации и беспокойства за себя и своих близких.

Ключевые слова: образование, обучающиеся, COVID-19, социальная напряженность.

H. I. Zarsaeva

GBPOU IO "Irkutsk technical school of transport and construction", Irkutsk

SOCIAL TENSION OF EDUCATION IN COVID-19

This article analyzes the current situation in the field of education in the context of the pandemic caused by COVID-19. A worldwide emergency has led to the transfer of educational institutions to distance learning in an attempt to contain the spread of the infection. The COVID-19 pandemic has created social mental health tensions for all populations. It is known that the spread of epidemics increases the factors of tension, stress, aggression, frustration and anxiety for yourself and your loved ones.

Keywords: education, students, COVID-19, social tension.

Социальная напряженность отражает внутреннее состояние и взаимоотношение личностей, различных социальных групп и общностей, в особенности, в период кризисного этапа общества. Кризисный этап предполагает переход из латентной стадии в стадию открытого столкновения, при котором, как правило, рушится вся прежняя система общества [3]. Преподавателям и обучающимся приходится сталкиваться с разрушением традиционного образования, приходится приспосабливаться не только к новым методическим подходам использования информационно-коммуникационных технологий, но и к своему собственному ограничению, представляющему собой высокий уровень стресса.

Последствия закрытие образовательных учреждений затронуло все население, страдающее от этой ситуации, вызванной пандемической ситуацией, но еще больше в наиболее неблагополучных районах страны [1].

Существуют ряд факторов, которые создают социальную напряженность между преподавателями и обучающимися и их родителями:

- Нарушение процесса обучения поскольку закрытие школ влечет за собой лишение права на образование и на собственное саморазвитие. Чем больше ограничен доступ к образованию, тем больший ущерб наносит закрытие образовательных учреждений.
- Существует большое количество мало-обеспеченных обучающихся, которые бесплатно или по минимальной цене получают питание.
- Плохая подготовка родителей к дистанционному обучению: это обстоятельство обусловлено низким образовательным уровнем родителей, так что в очередной раз наиболее неблагополучные семьи страдают в большей степени.
- Неравный доступ к информационно-коммуникационным технологиям: нехватка ресурсов вновь увеличивает цифровой разрыв, что приводит к трудному преодолению препятствий для доступа к обучению с помощью цифровых платформ.
- Родителям приходится покидать дом в поисках средств к существованию семьи, дети остаются одни в домах, и вместе с этим возникает ряд очень негативных последствий.
- Экономические последствия и рост безработицы: очень многие потеряли работу из-за пандемии, упала производительность труда.

- После длительного закрытия учреждения возрастает вероятность отсева обучающихся, из-за невыполнения заданий.

Разберем ряд проблем социальной напряженности среди обучающихся, в образовательном процессе:

1. Забота о собственном здоровье и здоровье близких повысил уровень страха и беспокойства. Переживание за пожилых людей, с существующими у них проблемами со здоровьем, беспокойство за семью, чья профессия увеличивает риск заражения COVID-19, опасения заразиться вирусом.

2. Трудности с концентрацией в учебной работе из-за различных источников отвлечения внимания. Отвлекает члены семьи и домашние дела, социальные сети, интернет, видеоигры, а также монотонный образ жизни отрицательно влияет на концентрацию в учебе.

3. Нарушение режима сна, обучающиеся ложатся спать позже или просыпались позже, увеличивая продолжительность сна и как следует имеют плохое самочувствие.

4. Пандемия повысила уровень социальной изоляции, общее взаимодействие с другими людьми, личные встречи, занятия на свежем воздухе (например, бег трусцой, походы) значительно снизилось.

5. Самой большой проблемой был переход на дистанционное обучение. В частности, участники выразили обеспокоенность по поводу внезапных изменений в учебной программе, качестве занятий, технических проблемах с онлайн-приложениями и сложности в обучении. Многие обучающиеся обеспокоены отсутствием физического взаимодействия с другими обучающимися. Успеваемость снизилась так как снизилась мотивация к обучению и увеличилась склонность откладывать дела на потом.

6. Повышенная рабочая нагрузка группы, обучающимся приходится выполнять две работы (аудиторную и домашнюю).

7. Основными причинами возникновения таких депрессивных мыслей были одиночество незащищенность или неуверенность, бессилие или безнадежность, опасения по поводу успеваемости и чрезмерное мышление.

Все эти проблемы социальной напряженности могут привести к возникновению социальных конфликтов, вплоть до политических взрывов, может быть рост депривации среди большинства населения, т. е. психологического состояния, для которого характерно явное расхождение между ожиданиями и возможностями их удовлетворения. Ослаблению напряженности способствует снижение уровня депривации или ее сохранение на неизменном уровне, а ее усиление ведет к увеличению напряженности и создает психологические условия, способствующие проявлению агрессивной реакции на фрустрацию [2].

Чтобы справиться с социальной напряженностью, вызванной COVID-19, нужно использовать различные методы: самоуправление, чтобы помочь себе справиться со стрессом и тревогой во время пандемии; игнорируйте новости о COVID-19; нормализуйте здоровый сон; отвлечение себя другими делами (хобби); займитесь медитацией и дыхательными упражнениями; соблюдайте распорядок дня; ведение дневника; прослушивание музыки; чтение и рисование.

Литература

1. Алейников А. В., Артемов Г. П., Пинкевич А. Г. Опыт изучения социальной напряженности // Конфликтология. 2015. № 2. С. 129.
2. Пинкевич А. Г. Возможности изучения социальной напряженности в России на основе данных Европейского социального исследования // Мир России. 2015. № 1. С. 150–169.
3. Рукавишников В. О. Социальная напряженность // Диалог. 1990. № 8. С. 8–12.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНОГО
НАПРЯЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАНДЕМИИ COVID-19)**

Рассматриваются условия и особенности трансформации экономических притязаний в период социального напряжения, вызванного пандемией коронавируса COVID-19. Раскрываются механизмы конструирования и подчеркивается второстепенность экономических притязаний в структуре потребностей россиян в период пандемии. Также приводится сравнение результатов исследования трансформации экономических притязаний на примере данных за 2019 и 2020 гг.

Ключевые слова: экономические притязания, социальное напряжение, базовые потребности, адаптация, регулирование.

V. A. Skudenkov
Irkutsk State University, Irkutsk

**ECONOMIC CLAIMS DURING A PERIOD OF SOCIAL TENSION
(FOR EXAMPLE, THE COVID-19 PANDEMIC)**

The article examines the conditions and features of the transformation of economic claims during the period of social tension caused by the COVID-19 coronavirus pandemic. The mechanisms of construction are revealed and the secondary importance of economic claims in the structure of the needs of Russians during a pandemic is emphasized. It also compares the results of a study of the transformation of economic claims using the example of data for 2019 and 2020.

Keywords: economic aspirations, social tension, basic needs, adaptation, regulation.

Экономические притязания во многом определяют перспективы и особенности жизни населения в любой стране. Благодаря экономическим притязаниям формируется уровень и качество жизни целых поколений, формируются социальные ориентиры успешности, подкрепленные экономическими символами.

Но в 2020 г. внешне социально-эпидемиологические условия жизни существенно повлияли на повседневность россиян. Пандемия COVID-19 разделила мироощущение, в том числе и экономические притязания россиян на до и после. Изменила формат и условия осуществления своих экономических притязаний.

Вопросами изучения экономических притязаний мы занимались достаточно давно и с результатами этих исследований можно ознакомиться в более ранних работах [5; 6]. После введения ограничения на перемещение и социальные контакты 25 марта 2020 г. в связи с санитарно-эпидемиологической обстановкой на основании Указа Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19)» представления россиян об экономических притязаниях существенно изменились. Большинство представлений трансформировались на основе иррациональных убеждений, усиливающихся после пандемии, как основе для конспирологической теории или общих субъективных стратегий восприятия реальности, об этом более подробно изложено в работах Р. Г. Ардашева [1–4].

Этот вывод мы смогли сделать, после проведения онлайн опроса на платформе опросов www.google.com летом 2020 г., в котором приняло участие 1500 чел. в возрасте от 18 до 75 лет, проживающих в разных субъектах РФ, 57 % женщин и 43 % мужчин. В 2019 г. мы проводили аналогичное исследование в обычном формате – с теми же вопросами, в нем приняло также 1500 чел. из разных субъектов РФ, 55 % женщин и 45 % мужчин. Поэтому в данной работе мы будем сравнивать ответы россиян до пандемии и после.

Экономические притязания сократились у всех респондентов. Готовы подождать с покупкой недвижимости в три раза больше, чем было до пандемии (26,7 % в 2019 и 69,3 % в 2020 гг.); желающих обновить гардероб в два раза меньше (в 2019 г. – 53,2 %, в 2020 г. – 22,1 %); количество желающих отдохнуть за рубежом сократилось в два раза (в

2019 г. – 61,3 %, в 2020 г. – 27,6 %); а желающих сделать в квартире ремонт увеличилось на треть (в 2019 г. – 31,1 %, в 2020 г. – 87,9 %).

Эти данные показывают, что экономические притязания россиян подстраиваются под возможности и условия внешней среды. И люди не просто откладывают «на потом», они могут просто вычеркнуть из списка своих приоритетов те или иные материальные ценности, которые на сегодняшний день могут быть фактически не доступны. Это косвенно подтверждает гипотезу о том, что экономические притязания полностью зависят от стабильности социально-экономического и физического положения человека. Они не выступают базовой потребностью, но для актуализации и укрепления своего положения в обществе служат основным критерием.

Также изменились представления респондентов о том, как живут Другие (рядом с ними и вообще). Окружение думает также и живет также, как и они – в 2019 г. так считало 23,2 %, в 2020 г. – 55,9 %. Вокруг меня есть много непохожих на меня людей – в 2019 г. так думало 25,1 %, в 2020 г. – 3,5 %. Пандемия уравнила представителей разных групп и классов, нивелировав сложившуюся социальную трансформацию, появились «похожие» на меня люди. Мое окружение живет лучше – в 2019 г. так думало 29,6 %, в 2020 г. – 13,9 %. Мое окружение живет хуже меня – в 2019 г. так думало 22,1 %, в 2020 г. – 26,7 %. Позитивная оценка жизни вокруг уменьшилась в два раза, а негативная немного возросла. Это тенденции трансформации социальных установок, которые показывают более серьезные метакультурные сдвиги в общественном сознании. Это еще более важно потому, что данные изменения произошли за относительно короткий период – полугодовая самоизоляция, ограниченный режим контактов и в результате – иная оценка себя, своего окружения и вместе с тем экономических притязаний, когда потребность в комфорте и удобстве остается, а вот потребностью в досуге, красоте пренебрегают.

При этом официальная работа ушла либо на удаленную работу (55,4 %), либо вовсе закрылась (32,1 %) и только у 12,5 % осталась такой же. Интересным выступает тот факт, что количество подработок, как правило удаленных увеличилось в три раза (в 2019 г. удаленной подработкой в формате фриланса пользовалось 14,7 % в основном молодых людей; в 2020 г. их стало 62,3 % и количество молодых людей и представителей среднего возраста примерно одинаково (46,7 и 47,9 %), среди пожилых людей процент фриланса не велик 4,2 %).

Также увеличилось количество обращений за различными социальными выплатами (в 2019 г. к ним прибегало 13,9 %, в 2020 г. – 38,7 %). Потребность в дополнительных источниках и формах поддержки из-за ограничения ресурсности и неуверенности в получении постоянных гарантированных поступлений вынуждает население прибегать к социальным пособиям и иным социальным страховкам государства.

Экономическим притязаниям помогает материальная обеспеченность (в 2019 г. – 42,2 %, в 2020 г. – 67,9 %), уровень доходов (в 2019 г. – 31,1 %, в 2020 г. – 56,9 %), получение образования (в 2019 г. – 15,6 %, в 2020 г. – 29,3 %), выбор профессии (в 2019 г. – 16,6 %, в 2020 г. – 24,5 %), семья (в 2019 г. – 20,3 %, в 2020 г. – 39,4 %), социальные связи (социальный капитал) (в 2019 г. – 37,9 %, в 2020 г. – 86,7 %). Иными словами, основные показатели экономических притязаний усилили свою актуальность. Пандемия подчеркнула основные приоритеты и те условия, в которых экономические притязания могут развиваться.

Таким образом, социальное напряжение, вызванное пандемией, актуализировало то, чем люди хотели бы заниматься, а что можно отложить на более удачное и удобное время, в рамках экономической целесообразности. Покупка недвижимости и обновление гардероба, также как и отдых за границей могут подождать, а вот ремонт в своей квартире готовы сделать значительно больше россиян. Пандемия уравнила, трансформировала условия социального сравнения, что, по нашему мнению, станет основой формирования новой стратификационной модели нашего общества. Маловероятно, что это станет осно-

вой нового экономического разделения, но то, что зарождаются альтернативные модели социального успеха и социальных притязаний, – однозначно. Социальное напряжение служит толчком к новому конструированию мира.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 1 (42). С. 145–154.
3. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкоевич, Г. В. Дружинина. 2020. С. 100–103.
4. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. 2020. С. 40–48.
5. Скуденков В. А. Социально-экономические притязания в кризисном обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы III Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. 2018. С. 84–90.
6. Скуденков В. А. Экономические притязания в кризисном обществе // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XV Межрегион. науч. конф. мол. ученых. 2017. С. 171–173.

УДК 316.624

Е. В. Зими́на, А. И. Гуляева

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЯ АБЬЮЗИНГА В ПЕРИОД ВЫНУЖДЕННОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ

В статье рассматривается бытовое насилие через призму абьюзивных отношений. На основе описанной теоретико-методологической базы исследования проблем бытового насилия, представлена социологическая модель насилия, включающая три подсистемы. Дана характеристика социальной опасности и последствий всплеска бытового насилия в период пандемии.

Ключевые слова: абьюзинг, бытовое насилие, пандемия, социологическая модель.

E. V. Zimina, A. I. Gulyaeva
Baikal State University, Irkutsk

THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF MANIFESTATION OF AN ABUSING IN THE PERIOD OF THE FORCED SELF-ISOLATION

The article considers domestic violence through a prism of abusive relationship. On the basis of the described theoretic-methodological base of a research of problems of domestic violence, the sociological model of violence including three subsystems is presented. A characteristic of social danger and consequences of a surge in domestic violence in the period of a pandemic is given.

Keywords: abusing, domestic violence, pandemic, sociological model.

Актуальность проблемы бытового насилия несомненна и вызвана тем, что проблема насилия в целом далека от разрешения. «Данная проблема также, как и многие другие вопросы, связанные с обеспечением прав человека, актуальна во всем мире. Насилие в семье может происходить независимо от классовых, расовых, культурных, религиозных, социально-экономических различий» [5, с. 78]. Количество жертв, пострадавших от домашнего насилия с каждым годом увеличивается. Острота проблемы свидетельствует о нездоровой социально-нравственной обстановке в нашем обществе. Однако в последнее время данная проблема получила новое развитие, усугубившись в период вынужденной изоляции, когда среди ограничительных мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции оказалась мера по вынужденному нахождению членов семьи

в домашних условиях, в закрытом пространстве. В семьях появились так называемые абьюзивные отношения (от англ. *abusive relationship* – зависимые отношения, уничижительные отношения), особенностью которых стало то, что жертва в силу разных социально-экономических обстоятельств не может выйти из этих отношений. О серьезности проблемы свидетельствует количество обращений о домашнем насилии. По данным ряда некоммерческих организаций количество обращений жертв насилия и случаев насилия в семье, выросло в период с 10 апреля 2020 г. в 2,5 раза. Ранее ряд опрошенных агентством «РИА Новости» кризисных центров для женщин сообщили о поступающих к ним обращениях от жертв домашнего насилия, связанного с самоизоляцией, а также об обращениях с просьбами о помощи в период ограничений. Возникшая вследствие пандемии ситуация является абсолютно новой и неизученной. В период, когда сотни тысяч семей оказались взаперти друг с другом, домашнее бытовое насилие может проявиться даже там, где его никогда не было, при чем проявляются разные формы насилия. Бытовое насилие явление далеко не новое, однако в настоящее время оно перерастает в новое резонансное социальное явление. Стигматизировано считается, что бытовое насилие проявляется в ассоциальных семьях, однако современный феномен бытового насилия проявляется в том, что эта проблема может коснуться представителей всех социальных групп не зависимо от уровня доходов, образования членов семей, положения в обществе.

В проекте федерального закона «Об основах социально-правовой защиты семьи», домашнее насилие определяется как любое умышленное действие одного члена семьи против другого, если это действие ущемляет конституционные права и свободы члена семьи как гражданина, причиняет ему физическую боль и наносит вред или содержит угрозу причинения его физическому, психологическому здоровью, а также психическому, физическому или личностному развитию несовершеннолетнему члену семьи.

Объективная возможность перерастания совершаемых в семье противоправных или аморальных действий одного члена семьи в насилие над другим членом семьи является серьезной опасностью для развития масштабов домашнего насилия. «Принуждение, в свою очередь, является длящимся действием или моделью поведения (нападение, угрозы, унижение и пр.), направленного на причинение вреда, наказание или запугивание жертвы» [1, с. 339].

В качестве теоретико-методологической базы исследования проблемы бытового насилия в период вынужденной самоизоляции с целью выявления социологических, психологических, политических, экономических и юридических аспектов этого современного негативного социального явления должна стать идея общественного воспроизводства и понимание семьи в качестве компонента воспроизводственного процесса; концепция социального действия Т. Парсонса.

При проведении структурно-функционального анализа проблемы бытового насилия в период пандемии, социологическая модель насилия в семье будет включать три подсистемы:

1. Социальные предпосылки, условия, причины бытового насилия – это причины личностного характера, обусловленные такими ситуациями, как: сценарий родительских отношений насильника, возможная собственная прежняя роль жертвы домашнего насилия. Поскольку ситуации бытового насилия не всегда могут быть урегулированы правовыми нормами, то проявляется такая причина, как уверенность того, кто применяет насилие в отношении членов семьи в безнаказанности своих действий, это особый социальный аспект домашнего аспекта. Не маловажной причиной насилия являются деструктивные формы поведения. Серьезной проблемой в продуцировании противоправных насильственных действий, являются различные психопатологии, которые проявляются в ярко выраженном желании нанести другому человеку ущерб и не важно какой – физический, эмоциональный, сексуальный, любой, лишь бы причинить страдания. Исследователи также отмечают среди причин насилия некоторые особенности поведения и личности жертвы, которые могут провоцировать и подкреплять физическое насилие над ней. Часто

психологическая зависимость жертвы сочетается с ее низкой самооценкой, жертва не верит в свои силы; существует полная экономическая зависимость, на насилие также могут влиять физические недостатки жертвы.

2. Средовые факторы, которые косвенно или напрямую воздействуют на развитие насильственного сценария. Это низкий социально-экономический статус семьи, обусловленный падением доходов в период пандемии, отсутствием или потерей работы. Некоторые члены семьи попадают под полную или частичную экономическую зависимость, в следствии чего проявляется такая форма насилия, как экономическая. То есть сама среда начинает проецировать конфликт и, как следствие, насилие. «Высокий уровень конфликтности отношений, непримиримость жизненных позиций, сопровождающаяся агрессивными высказываниями или действиями; восприятие и оценка физического насилия как допустимой нормы человеческих отношений (конгруэнтности взглядов)» [2].

3. Аффективное социальное действие, которое включает элементы системы бытового насилия: субъекта насилия (эбьюзера) – его объекта (жертву, как правило члена семьи, чаще всего в качестве объекта насилия выступают женщины, дети и пожилые) – мотив (нестабильное настроение, двойные стандарты, необъективная критика и т. д.) – цель (тотальный контроль над поведением, ограничение общения, подчинение и т. д.), насильственные действия (физические, психологические, экономические, сексуальные), их результат.

«Домашнее насилие является девиантной, разрушительной формой поведения и, как следствие, влечет за собой изменение личностной сферы жертвы, это: замкнутость; высокий уровень тревожности; а также эмоциональной сферы: депрессия; страхи. Как следствие, изменение личностной и эмоциональной сферы, несет в себе отсроченный эффект, который будет позднее проявляться в разных деструктивных формах поведения жертвы, испытавшей насилие» [4]. В самостоятельную категорию стоит выделить понятие жестокого обращения с детьми.

Жестокое обращение с ребенком – это тяжелое физическое или психологическое повреждение, которое совершают родители ребенка, опекуны, воспитатели или другие лица, имеющие отношение к ребенку или членам семьи.

В период пандемии миллионы детей оказались на домашнем обучении, были закрыты детские сады, школы, университеты. Система образования столкнулась с незнакомой, чрезвычайной ситуацией. На учеников и их родителей легла огромная ответственность за учебный процесс в дистанционной форме. Не все прошли это испытание благополучно. Повышенный стресс, и большая нагрузка спровоцировали конфликтные ситуации в семьях. Периодическое, длительное или постоянное психическое воздействие на ребенка, тормозящее развитие личности и приводящее к формированию патологических черт характера перерастает во многих семьях в психическое (эмоциональное) насилие.

Социальная опасность всплеска бытового насилия в период пандемии велика, потому что семья – это важнейший агент социализации подрастающего поколения. Насилие в семье образует циклы или круги, постоянно воспроизводящиеся и передающиеся «по наследству» от одного поколения к другому. По прогнозам ВОЗ мировое сообщество ждет вторая волна пандемии, поэтому чрезвычайно важно разрабатывать профилактические меры по предупреждению бытового насилия. Научное изучение проблемы, разработка системы противодействия девиантному поведению требует концептуального подхода. Необходим комплексный подход к проблеме предотвращения насилия в семье, который должен включать: усиление активности институтов гражданского общества; утверждение правового менталитета и возрождение лучших духовно-нравственных традиций семейной жизни; системность и целенаправленность мер социальной защиты семьи от семейного насилия, укрепление правовой регуляции внутрисемейных отношений и принятие закона «О предотвращении насилия в семье». Проявилось, что «...в связи с социальными изменениями и трансформацией системы ценностей современные правовые системы постоянно меняются. Появляется необходимость менять систему уголовно-

го правосудия. В данном контексте в ряде государств функционируют различные формы восстановительного правосудия» [3, с. 281], важно усилить координацию в действиях учреждений здравоохранения, образования, правоохранительных органов, социальной защиты, средств массовой информации (последнему агенту социализации отводится особая роль, поскольку в период вынужденной изоляции СМИ стали повышенным объектом внимания в реднестатистических семьях). К сожалению, современное телевидение очень часто демонстрирует в художественных, документальных фильмах, в телепередачах, ток-шоу сцены насилия в той или иной его форме.

Появилось новое социальное явление – влияние заболевания на жизнь общества. Изменилась повседневная жизнь, структура расходов и доходов семей, изменилась система образования, изменилась структура потребления товаров и услуг, усугубились внутрисемейные и межличностные конфликты, изменилось в целом отношение к жизни у большинства людей. Новая коронавирусная инфекция принесла такое явление, как «коронакризис». К сожалению, пандемия имеет далеко идущие последствия помимо самого распространения болезни, она имеет стойкие негативные экономический и социальный эффекты, которые исследователям только предстоит оценить. Осмысление масштаба проблемы бытового насилия в период пандемии затруднено в силу отсутствия официального статического учета.

Литература

1. Голованова Н. А. Противодействие домашнему насилию: новый опыт Великобритании // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 338–350. URL: <http://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=23661> (дата обращения: 02.11.2020).
2. Джалагония В. А. Кого люблю, того и бью // Эхо планеты. 2014. № 30. URL: <https://www.ekhoplanet.ru> (дата обращения: 27.05.2020).
3. Михайлович И. Проблематика медиации в случаях домашнего насилия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 280–288. URL: <http://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=20821> (дата обращения: 20.11.2020).
4. Первякова И. К. Женщины-жертвы преступлений // Социологические исследования. 2016. № 9. URL: <https://www.isras.ru/socis.html> (дата обращения: 27.05.2020).
5. Тунина Н. А. Охранный ордер как способ превенции семейного насилия // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 4. С. 78–82. URL: <http://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=6556> (дата обращения: 20.11.2020).

УДК 316.33

Н. В. Грицких

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА (COVID-19) НА ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

В статье раскрывается, что в связи с глобальным распространением коронавируса многие сферы жизнедеятельности в мире претерпевают существенные изменения. Отмечается, что по этой причине возникает усиление влияния пандемии коронавируса (COVID-19) на повседневные практики и социальные связи. Изучается методология социальных бедствий и социальных рисков. Анализируется новое сложное социальное явление современности – «постпандемический мир» («посткоронавирусный мир»).

Ключевые слова: пандемия, эпидемия, социальные бедствия, социальные риски, повседневные практики, социальные связи.

N. V. Gritskikh

Irkutsk State University, Irkutsk

TO THE QUESTION ABOUT THE IMPACT OF THE PANDEMIC CORONAVIRUS (COVID-19) ON DAILY PRACTICES AND SOCIAL CONNECTIONS

In connection with the global spread of the coronavirus, many life activities in the world are undergoing significant changes. This is causing the significant impact of the coronavirus (COVID-19) pandemic on daily medical and social communications. The author turns to the study of the methodology of social disasters and social

risks. The article analyzes a new complex social phenomenon of our time – “post-pandemic world” (“post-coronavirus world”).

Keywords: pandemic, epidemic, social disasters, social risks, daily practices, social ties.

В современном обществе все больше нарастает влияние пандемии коронавируса (COVID-19) на повседневные практики и социальные связи. Изучение влияния пандемии коронавируса (COVID-19) на общество актуально в первую очередь в связи с рискогенными характеристиками нашего времени. При росте так называемого «коэффициента прогресса», который был призван обеспечить комфортную жизнь населения планеты, создаются новые риски, видоизменяются и трансформируются старые формы рисков, актуализируются их потенциальные последствия, которые были невозможны ранее. Эпидемии и пандемии не стали исключением. В преддверье XXI в. эта проблема казалась уже не столь актуальной, однако крупные вспышки заболеваний нашего столетия показали ошибочность этих утверждений. Как показала практика, страдать от эпидемии могут и государства с развитой системой здравоохранения. Стало понятно, что в современных условиях вирусы могут распространяться по планете с огромной скоростью посредством современных средств передвижения. Кроме того, обозначились новые потенциальные зоны зарождения патогенов. Даже при наличии большого количества достижений человечества в этой области, нельзя отрицать существование потенциальных угроз такого рода и масштаба.

Эпидемии и пандемии входят в число социальных бедствий. Одним из первых затронул тему социальных бедствий П. А. Сорокин в своем труде «Человек и общества в условиях бедствий» и назвал эпидемию одним из четырех «монстров» наравне со «всадником Апокалипсиса». Методология исследования социальных рисков также была разработана как зарубежными учеными-исследователями (У. Бэк «Общество риска», 2000; Н. Луман «Понятие риска», 1994; Ф. Найт «Риск, неопределенность и прибыль», 1921, «Понятие риска и неопределенности», 1994 и др.), так и отечественными социологами (В. И. Зубков «Социологическая теория риска», 2009; С. А. Кравченко «Риски в нелинейном глоболокальном социуме», 2009; К. А. Гаврилов «Социология восприятия риска: опыт реконструкции ключевых подходов», 2009; О. Н. Яницкий «Социология риска», 2003, «Критический случай: социальный порядок в обществе риска», 2002 и др.). Так, например, Валерий Иванович Шарин в своей статье «Социальные риски как угрозы социальному положению и защита от них», написанной в 2013 г., выделяет особенности воздействия различных социальных рисков на социальное положение. В статье 2018 г. М. А. Никулиной, Б. Б. Джамаловой, М. Ю. Колодцева, Е. Ю. Шулова «Социальные риски в современном российском обществе: философская рефлексия» также рассматривается структура социальных рисков, проводится анализ данного понятия, а также раскрываются методы управления ими. В целом научная разработанность как аспекта социальных рисков и бедствий, так и темы воздействия эпидемиологических условий на общество достаточно широка. Однако вопрос трансформации ценностных установок и повседневных практик в условиях самоизоляции, масштабного карантина и пандемии на настоящий момент не рассмотрен в достаточной степени.

Сама суть эпидемии подразумевает ограничение контактов и коммуникаций, что в прошлом означало ограничение социальных контактов в целом. В современном обществе это совсем не так. Технологический прогресс позволил сети социальных контактов коммуникаций функционировать без обязательного физического контакта. Это позволило выйти на новый уровень развития в этой области, однако это породило и определенные дисфункции в системе коммуникаций. На сегодняшний день социальный мир изменяется не столько от самой эпидемии или пандемии, сколько от реакции на нее, а в некоторых случаях и от реакции на реакцию. В общественном дискурсе появляются такие выражения как «пандемия страха», «торговля страхом». Качественные изменения в системе социальных связей, усиленные технологическим прогрессом XXI в., под влиянием таких

кризисных явлений как эпидемия и пандемия обуславливают необходимость изучения данных процессов. Также довольно сильно под влиянием кризисных явлений видоизменяются повседневные практики, причем эти изменения имеют ярко выраженную специфику в случае эпидемий.

На данный момент в научном дискурсе нет согласия в том, будет ли этот мир кардинально отличаться от мира до пандемии. Полагаем, на сегодняшний день социологической науке необходимо зафиксировать все изменения и четко выделить конкретные области и уровни социальной жизни, которые подверглись изменениям. Такой подход позволит в последующем ответственно подойти к научному анализу как ситуациям такого рода с набором необходимых навыков и компетенций.

Литература

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 135–160.
3. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / пер. с англ. М.: Дело, 2003. 360 с.
4. Найт Ф. Х. Понятие риска и неопределенности // THESIS. Вып. 5. М.: ИНИОН, 1994
5. Зубков В. И. Социологическая теория риска: монография. М.: Изд-во РУДН, 2003. 230 с.
6. Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: Анкил, 2009. 224 с.
7. Гаврилов К. А. Социология восприятия риска: опыт реконструкции ключевых подходов / отв. редактор Мозговая А. В. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2009. 196 с.
8. Яницкий О. Н. Социология риска. М.: LVS, 2003. 191 с.
9. Яницкий О. Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска» // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 2. С. 85–98.
10. Шарин В. И. Социальные риски как угрозы социальному положению и защита от них // Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. № 6. С. 118–124.
11. Социальные риски в современном российском обществе: философская рефлексия / М. А. Никулина, Б. Б. Джамалова, М. Ю. Колодиев, Е. Ю. Шулова // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10, № 2–1. С. 48–64.

УДК 316.74: 823.43

С. В. Малых

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ В ЖИЗНИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТА ДО И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

Рассматриваются условия и особенности возникновения социального напряжения преподавателей университетов, вызванные пандемией COVID-19 и появлением дистанционного обучения. Приводятся результаты исследования социального напряжения и качества жизни педагогов высшей школы.

Ключевые слова: социальное напряжение, университетские преподаватели, пандемия, COVID-19.

S. V. Malykh

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL TENSION IN THE LIVES OF UNIVERSITY PROFESSORS BEFORE AND AFTER THE PANDEMIC

The article examines the conditions and features of the emergence of social tension among university teachers caused by the COVID-19 pandemic and the emergence of distance learning. The results of the study of social tension and quality of life of teachers of higher education are considered.

Keywords: social tension, university professors, pandemic, COVID-19.

Социальное напряжение может возникать как от объективных условий, так и в результате субъективного переживания. Оно зависит от уверенности в своем настоящем и будущем, возможностях, которые либо предоставляются, либо отсутствуют в нашей реальности. Перспективы социального развития во многом зависят от того, какой уровень социального напряжения в обществе или в отдельной группе населения.

Пандемия COVID-19 внесла свои изменения в распорядок повседневной жизни преподавателей университетов: начиная от дистанционного обучения, повлекшего за собой освоение новых интерактивных, дистанционных программ ведения занятий; заканчивая новыми методиками донесения информации, выстраивания рабочего графика и т. д. Работа не в университетских стенах, а в домашних условиях изменила взаимоотношения с другими членами семьи, которые также вынужденно оказались дома, переноса процесс обучения и работы в домашние условия. Это все повлекло за собой трансформацию условий и качества жизни преподавателей университетов, так как далеко не у всех имеются отдельные комнаты для ведения занятий, свой персональный компьютер, видеокамера и любые другие аксессуары, и с домашними надо делить не только место, но и время пользования одними гаджетами.

Влияние пандемии на уровень и условия жизни отражено в современных работах таких авторов, как: Р. Г. Ардашев [1; 2], И. А. Журавлева [3; 4], С. В. Малых [5; 6], О. А. Полюшкевич [7], Ш. Ф. Фарахутдинов [8] и др. Указанные авторы рассматривают виртуализацию образования как стратегию позволяющую либо развивать имеющиеся навыки, либо ограничивающую возможности. И тот, и другой вариант актуален как для аспирантов, так и для именитых профессоров. Хотя, безусловно, у более молодых преподавателей университетов значительно больше перспектив освоиться в новых условиях дистанционного виртуального образования.

Данные условия заставили нас провести опрос преподавателей сибирских вузов, на предмет изменения их качества жизни до и после пандемии COVID-19 в 2020 г. В исследовании приняло участие 800 чел., работающих в высшей школе в Иркутске, Красноярске, Новосибирске, Улан-Удэ, Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке и Комсомольске-на-Амуре. Анкетирование проходило электронно, методом снежного кома, в течение сентября был собран весь массив данных. Всего приняло участие 53 % женщин и 47 % мужчин, в возрасте от 25 до 65 лет, имеющих стаж педагогической деятельности от года до 45 лет. Среди опрошенных было 55 докторов наук (7 %), 379 кандидатов наук (47 %), 201 старший преподаватель (25 %), 117 преподавателей (15 %) и 48 преподающих аспирантов (6 %).

Изменение качества жизни отметили все без исключения респонденты (100 %). Изменения в лучшую сторону отметили 18,3 %, изменения в худшую сторону отметили 37,5 %, что-то поменялось, в лучшую, а что-то в худшую сторону – отметило 44,2 %. Вероятно, в данном случае сказывается общий оптимистичный или пессимистичный уровень восприятия происходящих в обществе перемен, вызванный пандемией. Социальное напряжение возникает во всех случаях, но для одних оно служит толчком к развитию а для других пессимистичному восприятию себя и своих жизненных перспектив.

Преподаватели отмечают, что больше времени уходит на подготовку к дистанционным занятиям (49,2 %), меньше времени уходит на подготовку к занятиям в удаленном режиме (27,1 %), нет разницы в количестве и качестве подготовки к занятиям в режиме он-лайн или офф-лайн (23,7 %). Данные трансформации и что более важно, оценки их на личном субъективном уровне – скорее показывают внутреннее социальное напряжение, присутствующее в педагогической среде университетов, где помимо усложненной педагогической работы, необходимо заниматься научной, методической, воспитательной и иной деятельностью, чтобы соответствовать критериям эффективного контракта.

При ответе на этот вопрос прослеживались отличия в ответах педагогов, имеющих разный педагогический стаж. Молодые преподаватели и аспиранты, с педагогическим стажем до 5 лет в три раза чаще отмечали, что нет разницы в количестве и качестве подготовки, чем все остальные группы педагогов. Больше времени на подготовку уходит у преподавателей более старшего возраста и с имеющимся солидным педагогическим багажом (более 21 года), так как требует освоения нового количества программ и технологий. Для преподавателей со средним уровнем педагогического стажа (6–20 лет) – нет

разницы в количестве и качестве подготовки. Данные показатели свидетельствуют об освоенных условиях новых реалий или только начинаемом освоении. Для педагогов более старшего возраста это и сложнее и безусловно требует приложения больших усилий, что вызывает социальное напряжение.

Больше контакта со студентами, больше внимания к их заданиям и вопросам и как результат более качественное освоение предмета – отметили 22,7 % преподавателей. Меньше контактов со студентами, ниже уровень и качество коммуникации и как следствие худшее освоение материала – указали 61,2 %. Качество и уровень знаний студентов в результате дистанционного обучения не сильно изменился – отметило 16,1 % преподавателей. Ответы на данный вопрос зависят от уровня подготовки и качества освоения виртуального пространства, и все также прямо пропорциональны возрасту педагога. Чем старше преподаватель, тем чаще он отмечает количество и качество контактов со студентами, чем младше – количество и качество контактов не страдает, т. е. виртуальное пространство позволяет взаимодействовать на достаточно высоком интерактивном уровне.

Интересным выступает тот факт, что положительные комментарии о лучшем усвоении знаний студентами мы обнаружили у мужчин-преподавателей (в три раза чаще, чем у женщин), а негативные комментарии (в 4 раза чаще у женщин, чем у мужчин). Иными словами, адаптацию к новым условиям педагогической работы мужчины более позитивно и оптимистично проходят, чем женщины.

Доктора наук, также как и аспиранты и преподаватели более выдержаны и спокойны в оценке сложившихся изменений, кандидаты наук и старшие преподаватели более импульсивно, оценочно и эмоционально воспринимают происходящие изменения. Повседневный уклад жизни, в связи с изменениями взаимодействий с родственниками у себя дома более всего почувствовали на себе кандидаты наук и старшие преподаватели, так как среди них большая часть женатых или замужних с одним или несколькими детьми, которые ходят в школу и кому также нужен компьютер, выход в интернет, видеочасть и проч. Для докторов наук в дистанционной работе из дома более спокойная атмосфера, в силу того, что их дети уже закончили школу, а некоторые и университет, либо если еще учатся, то у них имеются персональные компьютеры и отдельная комната, где можно осуществлять обучение или работу или они вообще живут отдельно. Преподающие аспиранты и преподаватели в большинстве своем не замужем и не женаты, а если и состоят в браке, то пока не имеют детей и могут более свободно договориться с супругом или супругой о работе за компьютером и возможности уединиться для подготовки к занятиям.

Таким образом, пандемия COVID-19 поменяла качество жизни разных статусно-профессиональных групп педагогов высшей школы. Для одних она достаточно мягко раздвинула новые возможности, предоставив шанс повысить свой уровень профессионализма и компетенций, для других – ограничила их личное время и пространство, заставив по-новому сосуществовать с другими членами семьи, искать дополнительные ресурсы и возможности для адаптации к новым условиям работы. Качество жизни педагогов высшей школы поменялось, до и после пандемии – это разные жизни, разные этапы, формы и сферы социального взаимодействия. Социальное напряжение работников высшей школы, вызванное дистанционным обучением, для одних становится новым стартом для реализации возможностей, для других – инструментом ограничения возможных перспектив. Поэтому, личные установки и взгляды, имеющиеся навыки и готовность и желание их развивать во многом позволяют раздвинуть границы и или их усилить, выйти на новый уровень конкурентоспособности или совсем сойти с дистанции. Пандемия коронавируса COVID-19 привела к естественным условиям конкуренции, где побеждает тот, кто может и готов адаптироваться и подстраиваться под меняющиеся условия жизни, кто остается ригиден – сходит с дистанции уже в самом ее начале. Новое лицо университета – формируется уже сегодня, через дистанционное обучение, интерактивное взаимодействие преподавателя и студента.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 56–63.
2. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 82–88.
3. Журавлева И. А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; Под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 475–480.
4. Журавлева И. А. Восприятие студентами удаленного обучения в университете // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 12–15.
5. Малых С. В. Солидарность сотрудников вуза: истина и стратегия // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 201–211.
6. Малых С. В. Виртуальная идентичность современных студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 29–34.
7. Полошкевич О. А. Моральные эмоции преподавателей университетов как инструменты сплочения сообщества // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 7. С. 21–25.
8. Фарахутдинов Ш. Ф. Современные тенденции в использовании технологий виртуальной реальности в образовании // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 468–475.

УДК 316.485.2

Н. С. Бычкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва

COVID-19 КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В США¹

Рассматривается вспышка COVID-19 как фактор усиления социальной напряженности в Соединенных Штатах Америки. Обозначается, насколько существенной является вспышка новой коронавирусной инфекции и социальные, экономические, политические проблемы ею порождаемые среди прочих факторов, способствующих увеличению уровня социальной напряженности в США.

Ключевые слова: социальная напряженность, США, COVID-19, новая коронавирусная инфекция.

N. S. Bychkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

COVID-19 AS A FACTOR OF SOCIAL TENSION IN THE UNITED STATES

The article considers the COVID-19 outbreak as a factor of increasing social tension in the United States of America. The author examines how significant the outbreak of a new coronavirus infection is and the social, economic and political problems it generates, among other factors that contribute to increasing the level of social tension in the United States.

Keywords: social tension, USA, COVID-19, new coronavirus infection.

Вспышка нового коронавируса SARS-CoV-2, возникшая в конце 2019 г. в Китае, стала серьезным вызовом для всего мирового сообщества. В марте 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила о том, что мир столкнулся с новой пандемией. Соединенные Штаты Америки в полной мере ощутили все негативные последствия от стремительного распространения COVID-19 в стране. Для борьбы с распространением заболевания руководство США предприняло ряд ограничительных шагов, которые негативно отразились на качестве жизни населения, их свободе, уровне доходов. Учитывая то, что социальная напряженность является категорией, отражающей противоречия, су-

¹ Выполнено в рамках проекта РФФИ № 19-014-00001 «Управление социальными трансформациями в контексте глобальных процессов и проблем».

существующие в обществе, обозначается в качестве своего рода предвестника кризиса [1], возникает вопрос, насколько весомым фактором усиления социальной напряженности является вспышка новой коронавирусной для США?

Первый случай COVID-19 был выявлен в Соединенных Штатах Америки в январе 2020 г. Уже с середины марта в США начался резкий рост случаев заболевания новой коронавирусной инфекцией. По состоянию на 27 октября 2020 г. почти 9 млн заболевших было выявлено в США, более 230 тыс. погибло из-за COVID-19 [2]. Более полугода Соединенные Штаты находятся на первом в мире месте по числу заражений новой коронавирусной инфекцией.

Очевидно, что социальная напряженность в США нарастала еще до распространения новой коронавирусной инфекции. В основе ее усиления лежало несколько факторов. Политика администрации Д. Трампа в социально-демографической сфере с самого начала президентского срока 45-ого президента США вызывала споры в американском обществе. Среди наиболее обсуждаемых инициатив президента Д. Трампа, способствовавших разделению общества и усилению социальной нестабильности, следует упомянуть шаги по реформированию системы медицинского страхования, получившей название *Obamacare*, жесткие меры по борьбе с нелегальной иммиграцией, активную политику в сфере контроля за оружием. Все это привело к расколу американского общества накануне президентских выборов.

В последние годы все более активно способствуют усилению социальной напряженности в США проблемы, связанные с межрасовыми и межэтническими отношениями. Количество белого населения США неуклонно снижается. Отчасти это является следствием активной иммиграции в США из менее развитых стран. В связи с недовольством части населения США обилием мигрантов в стране администрация Д. Трампа предпринимала ряд попыток ограничить миграцию, в том числе нелегальную, депортировать людей, находящихся в США на незаконной основе.

Наряду с опасениями белого населения США растет и недовольство афроамериканцев, зачастую воспринимающих действия властей, правоохранительных органов как расизм и ущемление своих прав и свобод. Периодически это недовольство выливается в массовые акции протеста, которые достаточно жестко подавляются властями. Последняя волна протестов прокатилась по Соединенным Штатам, начиная с мая 2020 г. Поводом стало убийство в Миннеаполисе полицейским безоружного афроамериканца Джорджа Флойда. Достаточно стремительно протесты распространились по всей территории США и вылились в новое движение *Black Lives Matter*.

Еще одним фактором, усиливающим социальную напряженность в США в настоящий момент, является информационный поток, сопровождающий предвыборную гонку. По сложившейся в Соединенных Штатах традиции кандидаты активно используют факты, компрометирующие оппонента, для его дискредитации и привлечения избирателей на свою сторону.

На фоне сложного хитросплетения противоречий в американском обществе стремительное распространение новой коронавирусной инфекции повлекло за собой обострение социальных и экономических проблем США. Более того, ряд американских экспертов отмечают, что вспышка новой коронавирусной инфекции является наиболее серьезной угрозой как населению США, так и экономике государства [4].

Вспышка COVID-19 и меры, предпринимаемые для ее подавления, негативно влияют на экономическую ситуацию в США. В свою очередь экономическая политика считается наиболее успешной сферой для администрации Д. Трампа, одним из его преимуществ в предвыборной гонке.

По данным, опубликованным Бюро экономического анализа министерства торговли США, реальный ВВП страны во II квартале 2020 г. снизился на 32,9 %, тогда как до начала стремительного прироста заболевших в I квартале данный показатель наоборот вырос на 5 % [6]. На фоне стремительного роста заболевших к апрелю также в 4 раза вырос уровень безработицы. В январе 2020 г. этот показатель составлял 3,6 %, в марте

4,4 %, а в апреле уже 14,7 % [7]. Несмотря на то что уже к августу этот показатель снизился до 8,4 %, отмечается что увеличился коэффициент разрыва между занятостью белого и темнокожего населения [3], что способствует дальнейшему углублению социальной напряженности, порожденной неравенством между этими группами населения и расовыми течениями.

Команда Д. Трампа в условиях предвыборной гонки попыталась использовать фактор распространения новой коронавирусной инфекции для повышения популярности действующего президента в глазах электората. Однако действующий президент США в ответ наоборот подвергся критике за недостаточно серьезное отношение к распространению COVID-19.

В настоящее время российскими и зарубежными экспертами активно продвигается точка зрения о том, что новая коронавирусная инфекция сыграет определенную роль в итогах президентских выборов в США. Безусловно, на одобрение политического лидера прямым образом влияет тот подход, который он продемонстрирует в решении такой важной для населения проблемы как борьба с распространением заболевания, обеспечение населения доступом к медицинской помощи, минимизация экономических последствий. Администрация Д. Трампа приняла решение в связи с распространением COVID-19 сконцентрироваться именно на состоянии экономики государства.

Возможно именно те усилия, которые предпринимались и предпринимаются в экономической сфере объясняют тот факт, что на фоне предпринятых ограничительных мер, падения экономических показателей уровень неодобрения действиями Д. Трампа вырос незначительно. По данным глобального аналитического и консалтингового агентства GALLUP [5] на 15 октября 2020 г. 55 % американцев не одобряют деятельность Трампа. Аналогичный показатель по состоянию 15 января 2020г. составлял 53 %.

Подводя итоги, можно говорить о том, что повышению уровня социальной напряженности в Соединенных Штатах Америки на сегодняшний день способствует ряд факторов, таких как межэтнические и межрелигиозные разногласия, проблемы, связанные с нелегальной миграцией. Вспышка COVID-19 несомненно является одним из факторов, способствующих дестабилизации общества за счет урона, наносимого эпидемией экономике, социальной сфере.

Тем не менее, меры, предпринимаемые администрацией Д. Трампа для борьбы с COVID-19, не повлияли значительным образом на поддержку курса президента ни в негативную, ни в позитивную сторону. Кроме того, позиция действующего президента США по отношению к распространению новой коронавирусной инфекции вызывает у части общества жесткую критику, поскольку воспринимается как несерьезная и неподобающая ситуации.

Таким образом, COVID-19 является фактором усиления социальной нестабильности в Соединенных Штатах Америки, но в настоящее время не играет решающей роли среди прочих проблем, актуальных для США на протяжении последних лет.

Литература

1. Социальная напряженность: диагноз и прогноз / В. О. Рукавишников [и др.] // СОЦИС. 1992. № 3. С. 3–23.
2. Коронавирус в стране США сегодня. URL: <https://coronavirus-control.ru/coronavirus-usa> (дата обращения: 27.10.2020).
3. Ajilore O. The Persistent Black-White Unemployment Gap Is Built Into the Labor Market. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/economy/news/2020/09/28/490702/persistent-black-white-unemployment-gap-built-labor-market> (дата обращения: 29.10.2020).
4. Public opinion about coronavirus is more politically divided in U.S. than in other advanced economies. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/10/28/public-opinion-about-coronavirus-is-more-politically-divided-in-u-s-than-in-other-advanced-economies> (дата обращения: 29.10.2020).
5. Trump Job Approval. URL: <https://news.gallup.com/poll/203207/trump-job-approval-weekly.aspx> (дата обращения: 27.10.2020).
6. U.S. Bureau of Economic Analysis (BEA). URL: <https://www.bea.gov/news/2020/gross-domestic-product-2nd-quarter-2020-advance-estimate-and-annual-update> (дата обращения: 28.10.2020).
7. United States Unemployment Rate. URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/unemployment-rate> (дата обращения: 28.10.2020).

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

В статье предпринята попытка рассмотреть влияние пандемии COVID-19 на трансформацию миграционных процессов в России, исходя из анализа государственных докладов, статистических данных и вторичного анализа социологических исследований миграционных настроений и намерений в периоды до и после ограничительных мер, а также были выделены основные проблемы функционирования некоторых сфер жизнедеятельности российского общества в данных условиях.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, трансформация, пандемия COVID-19, управление миграционными процессами.

А. Е. Anchutina

Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF MIGRATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

The article attempts to consider the impact of the COVID-19 pandemic on the transformation of migration processes in Russia based on the analysis of government reports, statistical data and secondary analysis of sociological studies of migration attitudes and intentions in the periods before and after restrictive measures, and also highlights the main problems of the functioning of some areas the life of Russian society in these conditions.

Keywords: migration, migration processes, transformation, COVID-19 pandemic, migration management.

В условиях глобальных вызовов общество претерпевает различные социальные изменения, влияющие на все сферы его жизнедеятельности и требующие социологического осмысления. Одним из подобных вызовов является пандемия COVID-19, повлиявшая в разной степени на каждого представителя мирового сообщества. В настоящее время масштаб последствий данного феномена достаточно сложно оценить, для этого необходим комплексный междисциплинарный подход и более длительный период времени. Демографы, политологи, юристы и экономисты уже предприняли подобные попытки, в частности, исследователи А. Д. Брагин, В. А. Волох, Н. А. Воронина, И. А. Кулькова, Н. С. Рязанцев, С. В. Рязанцев, В. А. Суворова отмечают, что особое влияние пандемия оказывает на демографические процессы, в том числе на миграцию [1; 2; 4]. Однако в процессе анализа социологической литературы подобных исследований выявлено не было. Исключение составляют результаты всероссийских опросов общественного мнения крупных российских исследовательских центров, которые проводят ежегодные мониторинги миграционных намерений и настроений.

С целью определить роль влияния пандемии COVID-19 на трансформацию миграционных процессов нами был осуществлен вторичный анализ результатов данных социологического исследования эмиграционного настроения россиян, проведенного ВЦИОМ с помощью телефонного интервью в августе 2020 г., где выборочная совокупность составила 1600 респондентов в возрасте от 18 лет и старше. Согласно полученным данным в 2019 г. до введения ограничительных мер желали сменить место жительства 17 % опрошенных россиян, а в 2020 г. уже 16 %. В настоящее время 82 % респондентов не хотели бы уехать на постоянное место жительства за границу. Таким образом, условия пандемии могут выступать сдерживающим фактором реализации миграционного потенциала, а также время социально-экономической нестабильности не является лучшим периодом для пространственных перемещений, скорее, это период для поиска новых возможностей на родной территории [9]. В июне 2020 г. исследователи Левада-центра в аналитическом отчете «От изоляции – к миграции» пришли к выводу, что в результате коронавирусного кризиса миграционные процессы среди населения России трансформируются согласно следующему сценарию: «те, кто сможет найти средства и возможности для переезда в дру-

гой регион или страну, попытаются воплотить это в жизнь. Все, кто останется, вынужденно перейдут на новые формы «понижающей» адаптации с привкусом ressentimentа» [7].

Основываясь на результатах исследований крупных социологических центров России можно сделать вывод о том, что миграционные настроения россиян за последние несколько лет изменились, в результате чего процент желающих уехать снизился. Социологи предполагают, что одним из факторов, влияющим на данное положение, являются условия ограничительных мер по предотвращению коронавирусной инфекции. Однако для полноценных и достоверных выводов необходимы более масштабные мониторинговые исследования данного феномена, так как после снятия ограничений миграционные процессы могут вновь изменить направление своего развития.

В рамках социологического знания влияние пандемии COVID-19 на процессы миграции можно рассматривать сквозь призму концепции Е. Ли [10], которая заключается в выделении нескольких основных групп факторов: жестких (кризисы, катастрофы), мягких (бедность, социальное неравенство), выталкивающих, притягивающих, сдерживающих, позитивных, негативных. В настоящее время, пандемия COVID-19 выступает жестким сдерживающим фактором миграционных процессов не только на территории России, но и по всему миру. Для оценки развития событий необходим дальнейший социологический анализ, так как условия социально-экономического кризиса, вызванного пандемией, могут усилить миграционные настроения и стать «выталкивающим» фактором.

Опираясь на информацию государственного доклада Московского бюро по правам человека «Проявления расизма, ксенофобии и миграционные процессы в условиях пандемии коронавируса» [5] и представленные в нем статистические данные нами предлагается попытка определить основные проблемы, возникшие на фоне пандемии и связанные с миграционными процессами:

1. Во время режима самоизоляции межгосударственные границы для свободного перемещения оказались закрыты, что сказалось на сдерживании миграционных процессов, которые для многих стран мира играют важную роль «амортизатора» при дисбалансе на рынках труда. В это же время сокращение рабочих мест и рост безработицы стали одни из главных последствий введения ограничительных мер в период пандемии. Данная ситуация порождает подавляющее число нижеописанных проблем.

2. Массовая реэмиграция. Пандемия изменили роль миграционных процессов, которые в настоящее время также стали одной из причин распространения инфекции. В результате возвращения мигрантов на родину произошел рост заболеваемости в менее развитых странах, которые были в большей степени не готовы к наступлению пандемии на своей территории.

3. Рост неприязни к мигрантам. В условиях конкуренции за рабочие места проблема трудовой иммиграции стала одним из аспектов общественно-политической напряженности. Отечественный исследователь Д. В. Очегорьева считает, что сложная экономическая ситуация в стране, вызванная пандемией COVID-19, способствовала развитию ксенофобных настроений и усилению межэтнических конфликтов среди населения страны [3]. В подобных обстоятельствах местные жители рассматривают трудовых мигрантов как потенциальных соперников, дифференциация «свой-чужой» значительно усиливается, социальная напряженность растет и в результате происходят различного рода конфликты. Согласно результатам социологического исследования, проведенного Левада-центром (ежегодный массовый опрос населения РФ, выборочная совокупность составила 1600 чел.), уже с 2017 г. в России наблюдается рост негативного отношения к трудовым мигрантам. Если в 2017 г. 58 % опрошенных граждан РФ считали, что необходимо ограничить приток трудовых мигрантов, то к 2019 г. их насчитывалось уже 72 % [6]. Опрошенные объясняют свой негативный настрой именно конкуренцией за рабочие места, так как их родственники и знакомые готовы выполнять работу мигрантов, особенно в кризисный период.

4. Высокий уровень криминализации среди миграционных сообществ. По данным МВД РФ, с января по март 2020 г. количество преступлений в России со стороны мигрантов из СНГ составило 8,5 тыс. (рост на 3,1 % по сравнению с тем же периодом прошлого года) [6]. Чем выше уровень социальной напряженности среди мигрантов, тем выше вероятность совершения различного рода преступлений, не только в «своей» среде, но и по отношению к гражданам «принимающей» страны.

5. «Утечка умов». С одной стороны, на фоне социально-экономического кризиса (некоторые исследователи считают, что он уже наступил, либо наступит в период после пандемии) представляется возможным усиление эмиграции высококвалифицированных специалистов, а также могут возрасти потоки учебной миграции, приводящие к потере молодого населения. С другой стороны, многие высококвалифицированные рабочие и студенты не смогли переехать за пределы страны из-за прекращения воздушных сообщений, тем самым произошла временная остановка подобной утечки.

Вышеописанные проблемы в большей степени носят негативный характер, однако представляется возможным обозначить и положительный аспект пандемии. Например, ускорение процессов внедрения высоких технологий, позволяющих использовать средства роботизации вместо дешевой рабочей силы трудовых мигрантов. Таким образом, количество миграционных потоков может снизиться, а контроль за миграционными процессами потребует меньше экономических затрат и управленческих усилий. Однако мы предполагаем, что в российских условиях этот процесс может затянуться на фоне противоречий между использованием дешевого труда мигрантов и внедрением дорогостоящих технологий.

В настоящее время российские исследователи пытаются оценить масштаб социальных изменений, выделить негативные и положительные стороны трансформационных процессов и представить некоторые прогнозы. Так, директор Центра миграционных исследований Д. В. Полетаев предлагает два сценария развития событий в послекоронавирусный период: оптимистический и пессимистический. Согласно первому варианту после снятия ограничительных мер при эффективном государственном управлении настанет благоприятное развитие событий, где рост теневой занятости будет остановлен и станет больше возможностей для легальной работы. В рамках второго варианта проблемные моменты будут больше усугубляться, что может проявляться в росте безработицы и утечки умов. По мнению Д. В. Полетаева, существование каждого из этих вариантов возможно, однако наиболее вероятным видится развитие пессимистического сценария [8].

С нашей точки зрения, наступление предложенных сценариев возможно и зависит в большей степени не от развития событий во всем мире, а от тех управленческих стратегий, которые выберет государство. Как показала практика, к такому глобальному вызову, как пандемия COVID-19 было не готово не только мировое и российское общество, но и управляющие им структуры. Необходимо осмыслить данный опыт для выявления новых стратегий и моделей решения подобных проблем в будущем.

Открытым остается вопрос – как условия, вызванные пандемией, могут повлиять на реализацию Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года? Появление различного рода рисков не только замедляет осуществление предписанных планов, но и требует постановки и решения новых задач. Также коронавирусный кризис коснется и реализации национальных проектов (2019–2024 гг.), которые ориентированы на регулицию некоторых вопросов, связанных с миграцией.

В заключение необходимо отметить, что роль пандемии коронавируса в трансформации миграционных процессов неоднозначна и современным исследователям только предстоит ее определить. Важным является то, что условия пандемии изменили те вызовы и риски, которые возникают при управлении миграционными процессами. Анализ пандемического кризиса показал, что для решения возникающих проблем требуется модернизация миграционной политики.

Литература

1. Воронина Н. А., Суворова В. А., Волох В. А. Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии // Власть. 2020. № 4. С. 26–32.
2. Кулькова И. А. Влияние пандемии коронавируса на демографические проблемы в России // Human Progress. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-demograficheskie-protsessy-v-rossii> (дата обращения: 27.10.2020).
3. Очегоряева Д. В. Ксенофобия как конфликтогенный фактор социальной напряженности в условиях пандемии коронавируса // Федеральное государственное автономное научное учреждение Научно-исследовательский институт «Специализированные вычислительные устройства защиты и автоматика». 2020. № 3. С. 13–18.
4. Рязанцев С. В., Брагин А. Д., Рязанцев Н. С. Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 7–21.
5. Доклад Московского бюро по правам человека «Проявления расизма, ксенофобии и миграционные процессы в условиях пандемии коронавируса». URL: http://vid-1.rjan.ru/ig/pressmia/2020/Report_2020-05-12_14h30m.pdf (дата обращения: 28.10.2020).
6. Общественное мнение – 2019. URL: <https://www.levada.ru/cp/wpcontent/uploads/2020/02/OM-2019.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).
7. От изоляции – к миграции.. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/04/ot-izolyatsii-k-migratsii> (дата обращения: 28.10.2020).
8. Полетаев Д. В. Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции?. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy> (дата обращения: 28.10.2020).
9. Эмиграционные настроения – 2020: где родился, там и пригодился. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10431> (дата обращения: 27.10.2020).
10. Lee E. S. Theory of migration // Demography. 1996. № 1. P. 47–57.

УДК 314.424

В. В. Плотникова, Ю. Ю. Патрашова
Иркутский государственный университет, Иркутск

СМЕРТНОСТЬ ОТ COVID-19 НА ФОНЕ ДРУГИХ ВСПЛЕСКОВ СМЕРТНОСТИ XX ВЕКА

Рассматриваются различные подходы ученых-исследователей к смертности от пандемии. Приводятся статистические данные у зарегистрированных случаев смертности от COVID-19. Проводится анализ и сопоставление причин смертности от заражения новой коронавирусной инфекцией COVID-19, на фоне других всплесков смертности XX в. В заключение делается вывод, что широкая вариация индикаторов роста смертности во время COVID-19 демонстрирует, что административные, санитарные и медицинские мероприятия, задерживающие распространение эпидемии, могут и должны разрабатываться с учетом местных специфических условий.

Ключевые слова: смертность, коронавирусная инфекция, COVID-19, заражение, статистика смертности, ВОЗ, демография.

V. V. Plotnikova, Yu. Yu. Patrashova
Irkutsk State University, Irkutsk

COVID-19 DEATHS AMID OTHER SPIKES IN 20TH CENTURY MORTALITY

The article examines the various approaches of research scientists to mortality from a pandemic, from infection with the new coronavirus infection COVID-19. Statistics are provided for reported deaths from this infection. The authors analyze and compares the causes of death from infection with the new coronavirus infection COVID-19, against the background of other bursts of mortality of the 20th century. In conclusion, the author states that the wide variation in mortality growth indicators during COVID-19 demonstrates that administrative, sanitary and medical measures that delay the spread of the epidemic can and should be developed taking into account local specific conditions.

Keywords: mortality, coronavirus infection, COVID-19, infection, mortality statistics, WHO, demography.

Сила текущей пандемии COVID-19 определяется масштабами ее распространения, летальностью и смертностью. Первая информация о появлении неизвестной инфекции поступила в ВОЗ 31 декабря 2019 г. из китайского г. Ухань. 7 января 2020 г. китайские власти сообщили, что возбудителем заболевания, впоследствии получившего название COVID-19, является новый коронавирус. Уже в самом начале эпидемии стало ясно, что вирус очень заразен, он вышел за пределы Китая и стал быстро распространяться. 11 марта 2020 г. генеральный директор ВОЗ заявил, что вспышку COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию. Между тем реакция на появление и распространение нового заболевания все еще остается весьма противоречивой. Выделить COVID-19 как причину смерти можно по-разному. Если вскрытие показало смерть от пневмонии при положительной лабораторной реакции на COVID-19, то можно считать, что причиной смерти был коронавирус. Но если заражение вирусом на самом деле лишь критически осложнило течение хронической болезни, а это случается достаточно часто, то причиной смерти можно считать хроническую болезнь, и такое определение будет занижать смертность от COVID-19. Полярное определение предполагает отнесение к смертности от COVID-19 любых хронических болезней в присутствии коронавируса. Такой расширительный подход может привести к завышению смертности от COVID-19. Эти вопросы подробно рассмотрены в работах И. Даниловой, А. А. Вишневого, С. А. Тимонина.

Исследователи Медицинской школы Бостонского университета США заявили, что смертность от коронавируса ниже среди пациентов с достаточным уровнем витамина D в крови [11]. Американские специалисты под руководством Джереми Фауста из Гарвардской медицинской школы сопоставили показатели избыточной смертности в Нью-Йорке за два худших месяца в течение обеих пандемий. Так, на пике пандемии испанского гриппа на 100 тыс.чел. в Нью-Йорке приходилось 287 смертей, а во время вспышки COVID-19 в марте и апреле 2020 г. в городе было зафиксировано 202 случая смерти на сто тыс. чел. Далее ученые сравнили цифры ежемесячного уровня смертности за три года, предшествующие пандемиям, и обнаружили, что сто лет назад на каждую сотню тысяч жителей приходилось около ста умерших в месяц, что превышает современные показатели вдвое. Проведенные вычисления позволили специалистам прийти к выводу, что испанский грипп увеличил смертность в три раза, а COVID-19 – в четыре.

Задача данного исследования – выявить социально-экономические и демографические факторы, а также характеристики системы здравоохранения и оперативные меры, принятые в борьбе с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, которые способствовали скорейшей стабилизации эпидемической обстановки в разных странах. Для нашего сравнения выбраны 14 стран: Белоруссия, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Канада, Китай, Норвегия, Польша, США, Российская Федерация, Тайвань, Швеция и Южная Корея. Проведен анализ эпидемических (число выявленных случаев COVID-19 в расчете на 1 млн населения, летальность и смертность от этой инфекции на 100 тыс. населения, число проведенных диагностических тестов), демографических (средний возраст населения, плотность населения, ожидаемая продолжительность жизни – ОПЖ) и экономических (валовой внутренний продукт – ВВП на душу населения) показателей и оценено состояние системы здравоохранения (общие и государственные расходы на здравоохранение в процентах к ВВП; обеспеченность стационарными койками и практикующими врачами; модель государственного финансирования здравоохранения и управления им). Показано, что главными факторами, способствующими успеху в борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, являются раннее реагирование и решительные действия; централизация управления регионами и санитарно-эпидемиологической службой во главе с министром здравоохранения; наличие единой для страны стратегии действий; проведение массового тестирования и быстрое отслеживание контактов зараженных; централизованное распределение средств индивидуальной защиты, лекарств и других расходных материалов, а также мониторинг потребностей в

них; использование передовых информационных технологий; достаточные мощности системы здравоохранения (наличие резервного коечного фонда и медицинских кадров); ежедневная информационная работа с населением, которая осуществляется специалистами и министром здравоохранения.

В России оценить эпидемическую ситуацию по новой коронавирусной инфекции COVID-19 по сравнению с европейскими странами, США и Канадой можно как среднюю. По общему числу зараженных РФ находится на 2-м месте после США, по числу зараженных в расчете на 1 млн населения – на 7-м месте, по числу умерших на 100 тыс. населения – на 4-м, разделяя его с Норвегией. Возможно, более высокие показатели числа зараженных в РФ связаны с высоким уровнем тестирования (в РФ оно самое высокое в расчете на 1000 населения по сравнению с другими странами). Однако пока в РФ не снижаются ежедневное число случаев вновь зараженных (около 8 тыс.) и число умерших. Следует отметить, что в РФ наблюдается непропорционально низкое по сравнению с другими странами число умерших (летальность на 20 % ниже, чем в Тайване, в 2 раза ниже, чем в Норвегии, и от 3 до 10 раз ниже, чем в других странах). Такие расхождения говорят о разной системе учета и регистрации смертей.

Анализ демографических, экономических показателей и характеристик системы здравоохранения показал, что в РФ, по сравнению с исследуемыми странами, имеется целый ряд факторов, которые отрицательно сказались на готовности к эпидемии. Среди них худшие показатели здоровья населения (ожидаемая продолжительность жизни в нашей стране на ≥ 3 года ниже, чем в других странах); низкий ВВП на душу населения (на ≥ 30 % ниже); существенно меньшие государственные расходы на здравоохранение (в ≥ 2 раз ниже), низкая обеспеченность медицинскими кадрами (по сравнению с Белоруссией, Германией, Тайванем и Норвегией) и стационарными койками (по сравнению с Белоруссией, Германией, Тайванем и Южной Кореей). Дополнительным неблагоприятным фактором для России является децентрализованная система управления здравоохранением.

Приведенный в таблице массив данных обладает ограниченным аналитическим потенциалом, поскольку выборка 36 городов (провинций) из тысяч, охваченных пандемией, не является ни случайной, ни систематической по большинству релевантных критериев. Представляют особый интерес сопоставления скачков смертности от COVID-19 со скачками смертности от других крупных эпидемий и природных катастроф. Указанные цифры являются косвенными оценками: для их вычисления использованы данные по смертности от всех причин, а оценки собственно смертности от катастрофических событий не используются. Приведенные в таблице и на рисунке данные заимствованы из статьи, опубликованной в газете The New York Times 10 июня 2020 г. со ссылкой на еще не опубликованное исследование, в котором использована оперативная информация городских администраций или национальных статистических агентств. Исторические оценки взяты либо из тех же источников, либо из специальных исследований.

Таблица

Сверхсмертность на фоне COVID-19 в апреле – мае 2020 г. и крупных эпидемий, разрушительных ураганов, волн жары и крупнейшего теракта в предшествовавшие 100 лет

Прошлые события		COVID-19	Прошлые события		COVID-19
Грипп в Чикаго (01.2011)	1,05	-	Детройт	-	1,94
СПИД в Нью-Йорке (09.1995)	1,15	-	Грипп в Сантьяго, Чили (08.1957)	1,99	-
Осло	-	1,16	Жара в Париже (08.2003)	2,00	-
Форгалеза, Бразилия	-	1,19	Стокгольм	-	2,18
Грипп в Сяэгле (01.2017)	1,25	-	Бостон	-	2,27
Майами	-	1,26	Ураган Катрина в Н. Орлеане (08.2005)	2,42	-
Сан Пауло, Бразилия	-	1,29	Манаус, Бразилия	-	2,56
Жара в Чикаго (07.1995)	1,31	-	Каталония, Испания	-	2,95

Прошлые события		COVID-19	Прошлые события		COVID-19
Санкт-Петербург	-	1,34	Лондон	-	3,02
Рио-де-Жанейро	-	1,36	Испанка в Бостоне (10.1918)	3,61	-
Стамбул	-	1,45	Испанка в Нью-Йорке (10.1918)	3,97	-
Ресифе, Бразилия	-	1,47	Лима	-	3,99
Чикаго	-	1,52	Мадрид	-	4,57
Джакарта	-	1,54	Гуайас, Эквадор	-	5,55
Москва	-	1,56	Нью-Йорк	-	5,83
Теракт в Нью-Йорке (11.9.2011)	1,61	-	Бергамо, Италия	-	6,67
Денвер	-	1,75	Испанка в Филадельфии (10.1918)	7,27	-
Милан	-	1,93			-

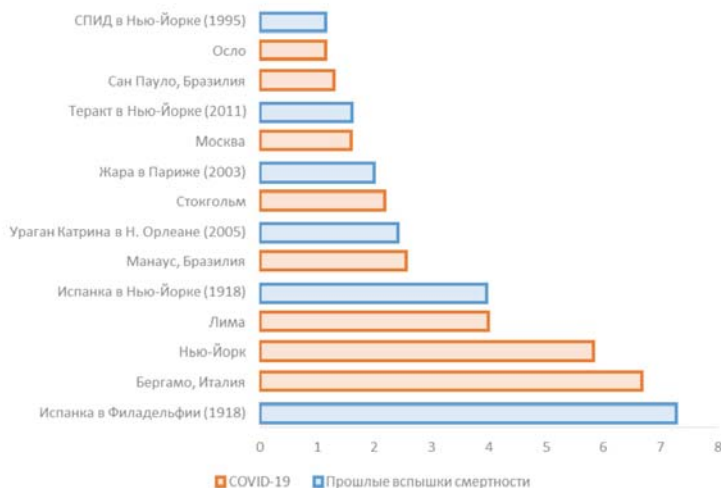

Рис. Сверхсмертность на фоне COVID-19 в апреле – мае 2020 г. и крупных эпидемий, разрушительных ураганов, 9 волн жары в предшествовавшие 100 лет

Сверхсмертность во время пандемии COVID-19 рассчитана на основе данных департаментов здравоохранения соответствующих городских администраций или национальных статистических агентств. Оценки сверхсмертности во время предшествующих пандемий и других катастрофических событий заимствованы из следующих источников или предоставлены следующими организациями: Centers for Disease Control and Prevention – по урагану Катрина в Новом Орлеане (2005), теракту в Нью-Йорке (2011) и гриппу в Сиэтле (2017); HIV Epidemiology Program, New York City Department of Health and Mental Hygiene – по СПИДу в Нью-Йорке (1995); US Bureau of the Census (1918) – по гриппу «испанка» в Бостоне, Нью-Йорке и Филадельфии; (Whitman et al. 1997) – по жаре в Чикаго (1995); (Chowell et al. 2016) – по гриппу в Сантьяго, Чили (1957); Institut national d'études démographiques – по жаре в Париже (2003). Примечание: частное от деления наблюдаемой смертности на ожидаемую; также может быть выражено в %. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что смертность COVID-19 варьируется в широких пределах и охватывает почти весь диапазон зарегистрированных за 100 лет значений индикатора катастрофического превышения смертности над ее нормальным уровнем. Полученные косвенным демографическим методом оценки сверхсмертности всегда превы-

шают данные статистики зарегистрированных смертей. Даже в Осло, где удалось избежать крупной вспышки пандемии, умирает на 16 % больше людей, чем в нормальных условиях, что превысило сверхсмертность от эпидемии СПИДа в Нью-Йорке на ее пике в сентябре 1995 г. Повышение на 30 % смертности в марте – мае 2020 г. в Сан-Пауло, Рио-де-Жанейро и Санкт-Петербурге примерно равно росту смертности в результате необычной жары в Чикаго в июле 1995 г.

В Сантьяго (Чили) во время эпидемии азиатского гриппа 1957 г. смертность подскочила вдвое, как и в Париже в августовскую жару 2003 г. В апреле-мае 2020 г. Милан и Детройт вплотную подошли к этому порогу. Стокгольм, где были приняты сравнительно слабые меры борьбы с коронавирусом, преодолел этот порог, столкнувшись с ростом смертности на 118 %. В Бостоне, где меры самоизоляции были приняты позднее, чем во многих других городах Северо-Запада США, смертность увеличилась на 127 % [4, с. 22].

В Париже рост смертности во время эпидемии COVID-19 (на 161 %) превысил рост смертности в Новом Орлеане во время катастрофического наводнения августа 2005 г. (на 142 %). В период 1918–2018 гг. только пандемия испанки 1918–1919 гг., унесшая десятки миллионов жизней, вызвала в некоторых городах трехкратный или больший скачок смертности: например, в Бостоне в 3,6 раза и в Нью-Йорке в 4 раза. Между тем в пандемию COVID-19 такой рост смертности уже имел место в Лиме, Лондоне и Каталонии (в 3–4 раза), а в Бергамо (Италия) смертность подскочила в 6,7 раза. Хотя, по состоянию на конец мая, пока нигде не был достигнут печальный рекорд, поставленный Филадельфией в разгар испанки (рост смертности в 7,3 раза в октябре 1918 г.), убийственная сила пандемии очевидна. При этом следует иметь в виду, что повышение смертности на фоне пандемии COVID-19 во многих очагах по своим масштабам сопоставимо с повышением смертности от испанки в наиболее пострадавших городах, несмотря на то что подготовленность систем здравоохранения и общественного контроля (карантин, самоизоляция, закрытие большинства предприятий) сейчас несравненно выше, чем 100 лет назад. Из этого следует, что без соответствующих мероприятий жертв COVID-19 было бы намного больше [1, с. 46].

В Нью-Йорке в апреле-мае 2020 г. число смертей выросло в 5,8 раза – глобальный максимум среди крупных городов. Рассчитанное в Нью-Йоркском Департаменте здравоохранения превышение числа смертей на более раннем этапе пандемии составило 4,0: в период с 11 марта по 5 мая от всех причин умерло 32107 чел., что на 24172 больше ожидаемого числа смертей. Эта сверхсмертность предположительно полностью вызвана COVID-19. На лабораторно подтвержденные случаи смерти приходится 57 % этого числа, на смерти от причин, вероятно связанных с COVID-19 (что зафиксировано в свидетельствах о смерти), – 21 % и на смерти с неидентифицированной причиной – 22 % (New York City Department, 2020). В Нью-Йорке число случаев смерти от неизвестных причин (5318) близко к нормальной смертности в городе и многократно превосходит сезонные и годовые отклонения от тренда. Большое число необъясненных смертей во время пандемии наблюдается повсеместно. Хотя нельзя утверждать, что все случаи смерти от неизвестных причин вызваны COVID-19, наиболее вероятно, что их абсолютное большинство по той или иной этиологической цепи детерминировано коронавирусом [2, с. 9].

Уже имевшие место последствия COVID-19 по своей смертоносной силе в очагах пандемии сопоставимы или превышают эффект абсолютного большинства скачков смертности от естественных причин за предшествующие 100 лет. Включение в расчеты эпидемий инфекционных заболеваний, распространявшихся в XX в. в Азии и Африке, могло бы ослабить это утверждение (необходимые для этого данные отсутствуют), однако вряд ли изменило бы указанный главный вывод. Широкая вариация индикаторов роста смертности во время COVID-19 демонстрирует, что административные, санитарные и медицинские мероприятия, задерживающие распространение эпидемии, могут и должны разрабатываться с учетом местных специфических условий. При этом особое значение

имеет то, что во многих развивающихся странах пандемия только набирает силу, в то время как их материально-технические возможности контроля над COVID-19 ограничены. Зато эти страны могут сразу использовать организационный опыт, накопленный в первом полугодии 2020 г. в развитых странах, и использовать их техническое и финансовое содействие.

Литература

1. Жуков А. О. Анализ закономерностей распространения коронавирусной инфекции в России как чрезвычайной ситуации биолого-социального характера // EUROPEAN RESEARCH : сб. ст. XXVI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. С. 44–47.
2. Кулькова И. А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. 2020. Т. 6, № 1. С. 5–10.
3. Райзберг Б. А. Современный социоэкономический словарь. М., 2012. 895 с.
4. Улумбекова Г. Э., Гинойан А. Б., Петрачков И. В. Эпидемия COVID-19 и ответ здравоохранения в разных странах // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. С. 121–142.
5. COVID-19. UPL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/COVID-19> (дата обращения: 08.10.2020).
6. Агломерация. URL: <https://obrazovaka.ru/geografiya/aglomeraciya-chto-takoe.html> (дата обращения: 08.10.2020).
7. Вишневский А. Г., Тимонин С. А. Смертность от COVID-19. Взгляд демографа на статистику причин смерти в России и мире // НИУ-ВШЭ. Научно-образовательный портал IQ. URL: <https://iq.hse.ru/news/368516365.html?fbclid=IwAR3d2vrlsI08oRqgw1HoTGmNygIxJqdDlIk6zPSAtjgydu5g7mJZ1jt8> (дата обращения: 07.10.2020).
8. Данилова И. А. Заболеваемость и смертность от COVID-19. Проблема сопоставимости данных // Демографическое обозрение. № 7(1). С. 6–26. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1> (дата обращения: 08.10.2020).
9. Официальный сайт Всемирной Организации Здравоохранения. URL: https://www.who.int/csr/disease/swineflu/frequently_asked_questions/pandemic/ru (дата обращения: 08.10.2020).
10. Пандемический грипп. URL: <https://www.ggau.by/downloads/wospit/zoz/gripp/%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BF%D0%BF.pdf> (дата обращения: 08.10.2020).
11. Ученые выявили снижающий риск смерти от коронавируса фактор. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f6eace79a7947ce91fab8dc> (дата обращения: 07.10.2020).
12. Ученые рассчитали смертность коронавируса без ошибок, на которые указывали ковид-отрицатели. URL: <https://meduza.io/feature/2020/04/24/uchenye-poschitali-smertelnost-koronavirusa-bez-oshibok-na-kotorye-ukazyvali-kovid-otritsateli-on-okazalsya-dazhe-opasnee-pogibnut-mozhet-1-naseleniya> (дата обращения: 07.10.2020).

УДК 339.9

А. Н. Шевлякова, Д. Д. Михайлова
Курский государственный университет, г. Курск

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

В статье анализируются как существующие, так и возможные социально-экономические последствия COVID-19 в России и в мире на основе экспертных оценок, опубликованных в СМИ. Рассматриваются основные меры, применяемые властью в нынешних обстоятельствах.

Ключевые слова: экономика, социально-экономические последствия, пандемия, коронавирус COVID-19.

A. N. Shevlyakova, D. D. Mikhailova
Kursk State University, Kursk

SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC

This article examines both the existing and possible socio-economic consequences of COVID-19 in Russia and in the world based on expert assessments published in the media. The main measures applied by the authorities in the current circumstances are considered.

Keywords: economy, socio-economic consequences, pandemic, COVID-19 coronavirus.

2020 год оказался наиболее сложным для всего мирового сообщества в новейшей истории, а глобализация стала «ключевой жертвой» пандемии коронавируса COVID-19. Под пандемией понимается эпидемия, характеризующаяся распространением инфекционного заболевания на всей территории страны, территорию сопредельных государств, а иногда и многих стран мира. Большая часть стран мира теперь сомневается, что институциональная структура и глобальная система способны результативно преодолевать глобальные трудности. На генассамблее ООН, 22 сентября, многие лидеры отметили, что пандемия привела к кризису, который не похож ни на один из кризисов, но многие готовы направить силы для его преодоления [6].

Регионализация как следствие процесса глобализации становится сегодня популярным и востребованным трендом, способным обеспечить социально-экономическое взаимодействие на уровне стран и народов. Страны в данном случае выступают в качестве гаранта безопасности, а также благополучия людей. Но эпидемия коронавируса COVID-19 выявила и недочеты этой системы, заключающиеся в слабой хозяйственной самообеспеченности, что проявилось в сильном недостатке медицинского оснащения, лекарственного обеспечения, отсутствии коечного фонда [4]. Многие страны столкнулись в данной сфере с непреодолимыми проблемами, решать которые приходилось за счет других стран. Так, например, страны ЕС решили оказать финансовую помощь в вопросах борьбы с пандемией и ее последствиями. Безвозвратно такую помощь получают самые пострадавшие страны – Испания и Италия, остальным же странам-членам Европейского Союза предоставляется возможность получить кредит под низкий процент [7].

В сложившихся на сегодняшний день условиях отечественные эксперты-экономисты отмечают, что в результате стремительного распространения коронавируса COVID-19 по всему миру, а также негативного воздействия пандемии на мировую экономику, российская экономика столкнется с рядом финансовых проблем. Предполагается, что уровень ВВП РФ под воздействием вирус, способен уменьшиться не менее, чем на 10–20 %. Значительным условием отрицательного воздействия является стоимость на энергоносители на мировом рынке: в ближайшей перспективе прогнозируется, что среднегодовые цены не превзойдут отметку в 25 долл. США, а как известно, нефть – это главный экспортируемый отечественный продукт [6].

Между тем многие аналитики находятся в ожидании экономического роста в 2021 г. как следствия кризиса в 2020 г., так как финансовые модели, как правило, не принимают во внимание поведенческие и социальные результаты пандемии. Считается, что люди после коронавируса, а также потребители и фирмы, не станут вести себя как раньше, но прежняя финансовая активность постепенно восстановится. С другой стороны, существует мнение, что потребители не будут как прежде расходовать средства, что приведет к затяжному периоду социально-экономического кризиса.

Безусловно, мировое финансовое положение не станет прежним. Конечно, для российской экономики, главную роль в которой занимает добыча полезных ископаемых, особую значимость придают мировые цены на нефть. Российская власть рассчитывает на увеличенный спрос на данные виды продукции, особенно на нефть сорта Urals. Это допустимо только при восстановлении промышленного производства, а также возобновлении всех транспортных, в том числе, авиаперевозок среди государств. Но насколько изменится стоимость «черного золота», и в какую сторону – на сегодняшний день убедительного ответа нет ни у кого [6].

Однако нельзя отрицать неизбежность экономических проблем не только в России, но и в мире. Некоторые ученые предполагают, что последствия будут сравнимы с последствиями Великой депрессии [3]. Правительства всех государств разрабатывают планы, как замедлить процесс увеличения бедности, вследствие которого произойдет рост уже существующего социального неравенства. Несмотря на все предпринятые меры, в этот период трудно дать оценку реальных последствий и масштабов от пандемии коронавируса COVID-19 [5].

Одним из следствий пандемии коронавируса COVID-19 стала тенденция возрастания роли цифровых контактов и уменьшения межчеловеческих. Последующим шагом будет внедрение искусственного интеллекта, который со временем ликвидирует человеческий элемент в ходе принятия решений. Трудно это представить, однако «машина» будет применять решения по различным жизненным вопросам. Безусловно, в таком мире будет меньше солидарности, меньше любви и сочувствия, потому что цифровая система не способна учитывать человеческие эмоции [5]. Поэтому сейчас человечество ставит перед собой задачу избежать таких последствий или, по крайней мере, уменьшить их негативное воздействие за счет социокультурной детерминанты [1; 2].

Необходимо отметить, что социум периодически встречался и с эпидемиями, и с радикальными, жесткими изменениями, например, во время промышленных революций. Любые перемены оцениваются исследователями не сразу, а по прошествии определенного периода времени, когда становятся понятными их последствия. Социально-экономические итоги пандемии COVID-19 в 2020 г. станут очевидными тогда, когда мир сможет справиться с этой глобальной угрозой.

Литература

1. Andriyanova T. V., Kirnosova E. N., Starodubtseva I. F. Organizations of regional culture in assessments of quality of services // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2018. Vol. 35. P. 35–42.
2. Андриянова Т. В. Возможности вхождения в социальную среду лиц с ограниченными возможностями здоровья // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира : XII Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2018» : сб. материалов. М. : МАКС Пресс, 2018. С. 1045–1047.
3. Окунь Д. А. Современная пандемия и опыт «Испанского гриппа»: последствия и влияние на общество // COVID-19 и современное общество: социально-экономические последствия и новые вызовы : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2020. С. 152–154. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42937202> (дата обращения: 25.10.2020).
4. Рынок труда во время эпидемии и после: что будет с вакансиями и зарплатами, и что нужно делать уже сейчас? // Банки сегодня. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/rynoktruda-vo-v> (дата обращения: 22.10.2020).
5. Социальные последствия пандемии // ЭКОНС. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/sotsialnye-po> (дата обращения: 22.10.2020).
6. Страшен не вирус, а кризис. Как пандемия и обвал рубля отразятся на российской экономике // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/strashen-ne-virus-a-krizis-kak-pandemiya-i-obvalrublya-otrazyatsya-na-rossijskoj-ekonomike> (дата обращения: 22.10.2020).
7. Эксперты рассказали о последствиях коронавируса для мировой экономики // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200302/1566873678.html> (дата обращения: 22.10.2020).

УДК 796:616-036.21

А. А. Соболева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ФИТНЕС В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена исследованию проблем индустрии фитнеса в период пандемии COVID-19. Рассматриваются показатели сферы фитнес-услуг до и после пандемии и характеризуются основные проблемы, тормозящие ее развитие. В заключение предлагаются возможные пути развития возникших за период пандемии проблем.

Ключевые слова: фитнес-индустрия, спорт, здоровый образ жизни, кризис, пандемия COVID-19.

А. А. Soboleva

Irkutsk State University, Irkutsk

FITNESS DURING A PANDEMIC: PROBLEMS AND SOLUTIONS

The article is devoted to the study of the fitness industry problems during the COVID-19 pandemic. The author examines the indicators of the fitness services sector before and after the pandemic and formulates the main

problems that hinder its development. In conclusion, the article provides possible ways to develop the problems that have arisen during the pandemic.

Keywords: fitness industry, sports, healthy lifestyle, crisis, COVID-19 pandemic.

В последние годы фитнес-индустрия в России стала одной из наиболее динамично развивающихся отраслей бизнеса в сфере услуг. Ее популярность связана с повышением интереса людей к здоровому образу жизни, поддержанию физического и ментального здоровья, развитию основных физических качеств, возможности разнообразить досуг и удовлетворить потребность в общении.

Ежегодный рост рынка оценивается экспертами в 30 %. С каждым годом в России увеличивается не только число фитнес-клубов, но и количество россиян, занимающихся в них.

По данным аналитического обзора, проведенного ВЦИОМ совместно с Федеральным научным центром физической культуры и спорта (ФГБУ ФНЦ ВНИИФК) в рамках реализации Федерального проекта «Спорт – норма жизни» и опубликованного 13 ноября 2019 г., более половины россиян декларируют, что занимаются спортом или иной физической активностью (63 %), однако систематически занимаются 38 %. Декларируемая физическая активность по возрастным группам распределяется следующим образом: в возрасте 3–5 лет физической активностью занимается 81 %, а 6–12 лет – 93 % россиян. Среди подростков и взрослого населения наблюдается снижение физической активности: в возрасте с 13 до 29 лет их доля составляет 73 %, а среди граждан от 30 до 59 и старше 60 лет – 55 % и 54 % соответственно. Среди россиян старшего возраста 60+ преобладает доля тех, кто самостоятельно организует свои занятия физкультурой или спортом (36 %).

Помимо этого, почти каждый второй россиянин заявил интервьюеру ВЦИОМ, что по месту его жительства достаточное количество спортивных сооружений (42 %). Чаще об этом говорят жители столиц (55 %), а реже – жители сел (34 %), и родители детей 3–5 лет (33 %) и 6–12 (31 %) лет. При этом 47 % россиян отмечают, что за последние 2–3 года по их месту жительства стало больше спортивных сооружений, а 66 % говорят, что существующие по их месту жительства спортивные сооружения удовлетворяют их потребности [5].

По оценкам BusinesStat, стоимостный объем российского рынка фитнес-услуг за 2014–2018 гг. вырос почти в 2 раза: с 31,5 до 61,3 млрд руб. Эти показатели включают непосредственно стоимость оплаченных занятий и не учитывают дополнительные услуги фитнес-центров: массаж, СПА, посещение фитнес-баров и др. Рост оборота рынка происходил на фоне снижения реальных доходов населения и средней цены годовой карты. Выручка росла за счет увеличения численности потребителей услуг фитнеса и среднегодового числа посещений фитнес-центров на одного клиента.

Со стороны Правительства наблюдалось повышение интереса к отрасли в связи с необходимостью выполнять майские указы Президента, национальные программы и проекты в сфере здравоохранения. Операторы рынка активно взаимодействовали с властями, чтобы добиться льгот и статуса системообразующей отрасли для повышения здоровья граждан.

В 2014–2018 гг. численность потребителей фитнес-услуг в стране выросла в 1,5 раза: с 3,6 до 5,4 млн чел. С одной стороны, рост числа клиентов фитнес-центров происходил за счет расширения федеральных сетей и появления большого количества объектов в спальных районах. С другой стороны, в последние годы отмечалось увеличение числа фитнес-клубов экономического формата, что также способствовало повышению доступности услуг для населения [1].

Основной проблемой сферы фитнеса до недавнего времени являлась постоянно растущая конкуренция, в особенности со стороны сетевых и франчайзинговых клубов. Ситуация осложнялась снижением доходов населения, спросом на дополнительные услуги и нестабильной посещаемостью занятий. Однако это не помешало более чем 70 % организаций, оказывающих фитнес-услуги, удержаться на рынке.

Все изменилось с началом пандемии COVID-19. В начале мая 2020 г. Министерство спорта Российской Федерации опубликовало рекомендации по поэтапному снятию ограничительных мер в сфере физической культуры и спорта в условиях распространения COVID-19. Согласно данным рекомендациям, фитнес-центры должны были до особого распоряжения открывать бассейны и сауны, а также контролировать количество посетителей: на первом этапе снятия ограничений нагрузка клубов и фитнес-центров не должна превышать 25 % от единовременной пропускной способности объекта, на втором – 50 %.

Третий этап изначально отсутствовал и по умолчанию предполагал полное открытие всех общественных мест, включая фитнес центры, но, при условии соблюдения следующих мер:

- ежедневное измерение температуры сотрудников, обязательное ими индивидуальных средств защиты;
- обязательное проведение профилактической дезинфекции помещений;
- размещение тренажеров на расстоянии не менее 1,5 метров друг от друга, а также нанесение разметки с безопасным расстоянием в залах групповых программ
- обеспечить клиентов клуба средствами индивидуальной защиты и дезинфицирования.

Бассейн и сауны разрешалось открывать при условии, что на каждого человека будет приходиться 10 кв. м дорожки бассейна или не менее 5 кв. м площади зеркала воды [4].

Однако как только директора спортивных клубов и фитнес центров взялись за обеспечение вышеуказанных мер, главы субъектов РФ получили полномочия самостоятельно принимать решения о сроке снятия ограничений по работе предприятий и компаний всех отраслей с учетом эпидемиологической ситуации в регионах. По словам одного из чиновников Роспотребнадзора, региональные управления ведомства также имели возможность дополнять списки федеральных органов своими рекомендациями с учетом ситуации по уровню заболеваемости COVID-19. Результатом стали существенные различия в работе фитнес центров из разных регионов России по причине наложения сразу трех видов официальных рекомендации: от министерства спорта, Роспотребнадзора и главы субъекта соответственно.

По словам президента Национального фитнес-сообщества Елены Силиной, за время карантина и летние месяцы численность фитнес-клубов в целом по России снизилась на 30 %. За три квартала 2020 г. фитнес-индустрия потеряла 51,38 млрд руб.: падение выручки во втором квартале составило 41,75 млрд руб., в третьем – 9,63 млрд руб. Общие потери отрасли за 2020 год – более 65 млрд руб., это почти половина годовой выручки всей отрасли за 2019 г.

Спортивно-оздоровительная отрасль предоставляла 768 тыс. рабочих мест, а в связи с закрытием клубов, более 140 тыс. специалистов остались без работы и вынужденно встали на биржу труда. За месяцы простоя, фитнес-бизнес полностью исчерпал свой личный финансовый резерв и накопил задолженности по кредитам, выплачивая аренду, ЖКХ, зарплату сотрудникам. Федеральные и региональные субсидии, кредиты на заработную плату позволили продержаться всего лишь 2 месяца и на настоящий момент все источники финансирования закончились.

Осложняют ситуацию возвраты средств за приобретенные услуги до пандемии, которые по законодательству должны быть немедленно удовлетворены. Сегодня объем возвратов равен около 30 % на общую сумму 20 млрд руб. После перезапуска всей отрасли (из-за ограничений и изменения правил оказания услуг) объем возвратов может достигнуть 40 % и более, что составит не менее 30 млрд руб. [2].

В Иркутской области до пандемии в разной степени интенсивности и регулярности физкультурой и спортом занимались более 650 тыс. чел., с ежегодным приростом на 35–55 тыс. чел. По данным опросов, примерно 30 % населения разделяют ценности культуры здорового образа жизни. Более 2000 чел. трудоустроено в региональной сфере фитнес-

са. Большинство из них на период пандемии были отправлены в неоплачиваемые отпуска и остались без источника дохода [3]. Как таковой статистики о точном числе спортивных клубов в Иркутской области нет, однако, по некоторым данным, сообщается, что к работе не вернулись лишь около 5 % организаций.

Снизилась и общая посещаемость спортивных центров, поскольку, с одной стороны в обществе все еще сохраняется страх заражения COVID-19 и люди предпочитают ограничивать себя в посещениях мест с массовым скоплением людей, с другой стороны – используемые фитнес-клубами в период самоизоляции меры в виде сдачи инвентаря в аренду и проведения тренировок в онлайн-формате сформировали в клиентах клубов определенную привычку к самоорганизации физкультурно-оздоровительных занятий, что, опять же, приводит к нежеланию посещать фитнес центры.

Из вышесказанного можно выделить следующие проблемы сферы фитнеса и пути их решения в период пандемии COVID-19:

- Отсутствие средств на возврат долгов за аренду и приобретенные до пандемии абонементы. Проблема с возвратом денег за ранее приобретенные абонементы решается продлением абонементов, либо формированию персональных предложений для клиентов, которые должны быть преподнесены с наибольшей, чем возврат средств, выгодой. Проблема долгов за аренду решается путем перерасчета, или продлением срока выплаты долгов, а также поиском решений, способных сократить расходы.

- Недостаточная поддержка со стороны государственных структур. Здесь возможна организация совместных проектов, позволяющих привлечь людей к занятиям фитнесом.

- Низкий приток новых клиентов и возврат постоянных. Принятие мер по повышению лояльности клиентов: бонусная система для постоянных клиентов, скидки для новых. Внедрение новых инновационных программ, а также реальное обеспечение безопасного посещения занятий.

Единственная проблема, которая остается нерешенной – сохраняющаяся угроза повторного закрытия спортивных клубов, в результате которой, сфера потеряет еще больше организаций и приумножит долги.

Подводя итоги, следует отметить, что за период пандемии, существующие в стране фитнес-центры научились находить способы выживания, однако это спасло не всех. Выход из сложившегося кризиса возможен путем совместных усилий руководителей крупных сетевых и малых спортивных клубов с одновременным взаимодействием с региональными органами власти.

Литература

1. Исследование рынка фитнес-услуг от РБК – 2019. URL: <https://fitclub.ru/blog/detail/issledovanie-rynka-fitness-uslug-ot-rbk> (дата обращения: 15.11.2020).

2. К началу 2021 года 70 % фитнес-клубов могут обанкротиться. URL: <http://nationalfitness.ru/wp-content/uploads/2020/11/K-nachalu-2021-goda-70-fitness-klubov-mogut-obankrotitsya.docx> (дата обращения: 15.11.2020).

3. Распоряжение правительства Иркутской области от 15 апреля 2019 года № 211-рп «О Концепции подготовки спортивного резерва в Иркутской области до 2025 года». URL: <http://docs.cntd.ru/document/553272196> (дата обращения: 15.11.2020).

4. Рекомендации Министерства спорта РФ от 14 мая 2020 г. «Рекомендации субъектам Российской Федерации по поэтапному снятию ограничительных мероприятий в отрасли физической культуры и спорта в условиях эпидемического распространения COVID-19» (в соответствии с методическими рекомендациями Роспотребнадзора МР 3.1.0178–20 от 08.05.2020). URL: <https://fitnessexpert.com/journal/samoreguliruemye-organizacii-v-fitness-industrii> (дата обращения: 15.11.2020).

5. Россия спортивная страна: аналитический обзор. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/rossiya-sportivnaya-strana-> (дата обращения: 15.11.2020).

**ТОВАРНЫЕ И УСЛУГОВЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ,
ВОЗНИКШИЕ В ОТВЕТ НА НОВЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ЦЕННОСТИ,
СФОРМИРОВАННЫЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

Обозначается, что в турбулентные периоды многие сферы жизни общества претерпевают изменения. Отмечается, что в 2020 г. вследствие пандемии изменились ценности и привычки обычного человека, рассматривается реакция бизнеса на эти изменения.

Ключевые слова: пандемия, самоизоляция, ценность, ролик, предложение.

M. M. Malykh
Irkutsk State University, Irkutsk

**PRODUCT AND SERVICE OFFERINGS THAT HAVE EMERGED IN RESPONSE
TO NEW CONSUMER VALUES GENERATED BY THE PANDEMIC**

During turbulent periods, many areas of human society are undergoing changes. In 2020, the values and habits of the average person changed as a result of the pandemic. How has the business responded to these changes?

Keywords: pandemic, self-isolation, value, video, offer.

2020 год уже стал для всего мира годом особенным. Он тесно познакомил человека со сложным вирусом, заставил изучить его и научил людей с ним сосуществовать. В компании с объявленной пандемией пришли не только экономические изменения, но и социальные. Возникшая эпидемиологическая ситуация показала слабые стороны государственных систем и перевернула систему ценностей каждого человека, в какой бы стране он не проживал.

До 2020 г. здоровья было принято желать в день рождения. Физического ощущения ценности здорового организма чувствовать не было необходимости. Сложно думать о том, чего ты не ощущаешь. Ведь здоровье есть, когда ничего не болит. Страшные сообщения медиков и постардавших от вируса о том, что в короткие сроки поражается один из самых ценных органов, заставил многих физически ощутить легкие внутри себя. Ведь это то, благодаря чему мы дышим. Страх за свое здоровье и жизнь сформировал в человеке потребность в защите. Когда же есть такая потребность – очень быстро появляется предложение.

Основной задачей для бизнеса в такие времена становится оперативное и грамотное продвижение товаров и услуг. Одним из первых было предложение покупать и носить маски. В интернете и на телевидении начали мелькать ролики о дальности распространения инфекции воздушно-капельным путем в маске и без нее. Красноречивые картинки, выходящей изо рта и носа инфекции действовали безотказно. Простые медицинские маски не только мгновенно взлетели в цене, но и очень быстро исчезли из аптечных пунктов. Следующим этапом заработка на страхе за здоровье стал запуск информации о том, что простая медицинская маска действительна только час. Каков выход? Носить профессиональные маски с угольными фильтрами. И без того дорогие, они также стали стоить в разы дороже. И их дефицит не заставил себя долго ждать.

Но это было только начало. Пандемия научила нас защищаться и отучила контактировать друг с другом. Основой взаимодействия людей стали перчатки, а гарантом продажи товаров – их бесконтактная доставка. Продукты питания, бытовая химия, лекарства и иные товары первой необходимости. Владельцы этих товарных категорий быстрее всех отреагировали на ситуацию, но в крупных городах и до пандемии их доставка была хорошо развита. Оставалось лишь обеспечить бесконтактность. Аналогичная ситуация произошла в сегменте ресторанного бизнеса. Для уверенного роста заказов на еду, достоянным стало сказать в ролике, что пищу или роллы вам передадут через специальный стол или стул, но точно не через руки курьера. И впервые в ресторанном бизнесе качество еды для потребителя отошло на второй план.

Вслед за едой, бесконтактную доставку стали предлагать магазины одежды и обуви. Но здесь важно, чтобы модель подошла по размеру, тогда есть шанс ее продать, и сети стали предлагать несколько размеров и моделей для примерки на дому. И опять в рекламных роликах все было просто и удобно. Курьер доставляет до двери, звонит и уходит, вы забираете домой товар, примеряете, оставляете то, что подошло, остальное выставляете за дверь и звоните курьеру, чтобы он забрал. С возможностями оплаты за товар в XXI в. проблем давно уже нет.

Вирус заставил людей работать удаленно, отказаться от офиса и социальной зависимости. Все, что нужно для работы, – это удаленный доступ к рабочему компьютеру и высокоскоростной интернет. Наступил «золотой» период для телекоммуникационных компаний. Листы ожидания для желающих подключить интернет или увеличить его скорость росла на глазах. На подключениях в рамках города зарабатывали все интернет провайдеры, но для тех, кто мог предоставить услугу за городом – открылись большие перспективы. И мгновенно стоимость услуги по подключению выросла в разы. Стоило в рекламном ролике указать возможность подключения в день обращения, потребитель не колеблясь доплачивал за скорость.

Еще одним примером реакции бизнеса на загородного потребителя в изоляции может служить сегмент строительных материалов. До пандемии любая доставка материалов всегда была платной. Стоимость отличалась от индивидуальных условия у каждого отдельного игрока этого сегмента. Когда стало понятно, что режим самоизоляции затрагивает строительный сезон и покупателей в магазинах стало заметно меньше, чем в аналогичный период других лет, представители сегмента строительных материалов решили сыграть на бесплатной доставке. На самом деле потребность делать ремонт или строить загородное жилье никуда не делась. Важным было лишь найти способ закрыть эту потребность. И некоторые нашли. Заказ можно было спокойно оформить на сайте или по телефону у дежурного диспетчера по заказам. Сверить артикулы и, самое главное, набрать необходимую сумму для бесплатной доставки. Таким образом, у потребителя была возможность получить необходимый ему товар, но купить у продавца и те товары, которые планировал купить в другом месте.

Пандемия вывела на передний план ценность здоровья и важность здорового образа жизни, показала, что при необходимости человек может существовать без шумного, привычного окружения, контактов, но закрывать практически все свои потребности. Ведь та же пандемия научила бизнес быть гибким, в короткие сроки находить пути для изменения собственной структуры в угоду меняющимся ценностям потребителей и их поведению.

РАЗДЕЛ 4. ПРОСТРАНСТВА И ПОЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РОССИИ И МИРЕ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ОСВОЕНИИ ДИСКУРСИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

***

CHAPTER 4. SPACES AND FIELDS OF SOCIAL TENSION IN RUSSIA AND THE WORLD IN THE MODERN EPOCH: SOCIOLOGICAL APPROACHES IN MASTERING DISCOURSIIVE TECHNOLOGIES

УДК 631.1.016

Э. Д. Ананьина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье поднимаются проблемы обеспечения продовольственной безопасности в России в современных условиях, показана актуальность и значимость продовольственной безопасности в целом. Продовольственная безопасность определяет главенствующую роль национальной безопасности. Данная безопасность является одной из важных и главных микроэкономических задач государственной политической деятельности. В статье указаны направления в области обеспечения продовольственной безопасности в РФ. Отражены результаты исследования, проведенные автором.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, обеспечение продовольственной безопасности, качество продукции, качество жизни, сельское хозяйство, аграрная политика.

E. D. Ananina

Irkutsk State University, Irkutsk

ENSURING FOOD SECURITY AS A STRATEGIC DIRECTION OF STATE POLICY IN RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

The article raises the problems of ensuring food security in Russia in modern conditions, shows the relevance and significance of food security in general. Food security defines the primary role of national security. This security is one of the most important and main microeconomic tasks of state political activity. The article indicates the directions in the field of food security in the Russian Federation. The results of the research conducted by the author are reflected.

Keywords: food security, food security, product quality, quality of life, agriculture, agricultural policy.

Постановка проблемы

Продовольственная безопасность страны в условиях глобализации является обязательной частью национальной безопасности Российской Федерации. Продовольственная безопасность позволяет нам сохранять суверенитет и государственность нашей страны, а

также она является важным элементом высокого качества жизни людей и одним из важнейших условий обеспечения здоровья.

Степень продовольственного обеспечения состоит в непосредственной и конкретной корреляции с развитием производства сельскохозяйственной продукции. На сегодняшний день переработка и производство сельхоз продукции считается показателем национальной независимости и политической стабильности государства с развитой экономикой, именно по этой причине данное производство регулируется соответственным образом.

Обеспечение продовольственной безопасности охватывает огромный диапазон экономических, социально-демографических, а также национальных факторов. Следует отметить, что продовольственная безопасность определяет главенствующую роль нац безопасности. Именно поэтому данная безопасность является одной из важных и главных микроэкономических задач государственной политической деятельности. Решение данного приоритетного направления является очень значимым для Российской Федерации и требует детального рассмотрения. Также подтверждением значимости и важности этого направления является постоянное обсуждение этой проблемы на международном уровне, в рамках интернациональных форумов, конференций и т. п. Цель аграрной, а также экономической политики заключается в обеспечении продовольственной безопасности для населения. Это очень важно для базового показателя уровня жизни населения и показателя экономической, а также социальной стабильности страны. Именно продовольствие является наиболее основным критерием показателя этого уровня и стабильности.

В январе 2010 г. Президентом Российской Федерации была утверждена Доктрина продовольственной безопасности, которая определила цели, задачи и основные направления государственной экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности страны [3]. В соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. национальные интересы государства на долгосрочную перспективу заключаются, в том числе в повышении конкурентоспособности национальной экономики, превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира [4].

Сокращение отечественного сельскохозяйственного производства и быстрое неоправданно широкое открытие внутреннего продовольственного рынка привели в начале 1990-х гг. к росту импорта продовольствия, затем после дефолта 1998 г. объем импорта снизился, однако с 2001 г. импорт продовольствия снова возрос и продолжает расти, в 2010 г. в торговых сетях по объему продаж импортное продовольствие достигло 44 % от потребностей [6].

Методология исследования

Впервые термин «продовольственная безопасность» был введен в практику в 1974 г. в Риме на Всемирной конференции по проблеме продовольствия. Одно из самых последних, уточненных определений продовольственной безопасности, сформулировано в документах Римской встречи на высшем уровне по проблемам продовольствия. Д. Рикардо, рассматривая категорию продовольственной безопасности, считал, что «...только плодотворная страна, особенно если она разрешает свободный ввоз пищевых продуктов может накопить капитал в избытки без значительного уменьшения нормы прибыли или значительного возрастания земельной ренты. Он полагал, что ограничивает свободную торговлю продуктами питания зависимость государства от импортных поставок продовольствия. Опасность зависимости от иностранного продовольствия является прямой угрозой суверенитету государства» [1, с. 29].

Среди современников С. Дзасаров рассматривает термин продовольственной безопасности как способность государства обеспечить продуктами питания текущие и чрезвычайные потребности за счет собственных производственных ресурсов [2, с. 23].

Основание человеческой сущности составляет инстинкт самосохранения. На протяжении уже многих лет люди всегда старались и стараются обезопасить свое потребление пищи от различных внешних факторов, влияющих на него негативно. Следовательно, продовольственная безопасность всегда была и будет оставаться серьезной проблемой не только для общества в целом и отдельно взятой страны, но и проблемой для личности. На продукции завязано многое. Бедность является показателем продовольственной нестабильности. Возникновению бедности предшествуют в первую очередь стихийные бедствия, кризисы, войны, а также соц. изменения в обществе и стране. И что парадокс, именно ограничение продовольствия и может привести к этим экономическим кризисам, войнам и изменениям. Продовольственная безопасность всегда будет являться актуальной темой в любое время.

Методы и методика исследования

На базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» в период с 30 октября по 6 ноября 2020 г. было проведено пилотажное исследование «Обеспечение продовольственной безопасности как стратегическое направление государственной политики в России в современных условиях», целью которого являлось выявление мнений об условиях обеспечения продовольственной безопасности в России в условиях социальной напряженности, а также качества продукции. В исследовании приняли участие 150 респондентов (100 %). По социально-демографическим характеристикам респонденты распределились следующим образом: 61,3 % женщины и 38,7 % мужчин. В городской местности проживают 59,3 %, в сельской – 40,7 %. По возрасту распределение было таковым: от 18 до 25 – 28,7 %, от 26 до 35 – 24,7 %, от 36 до 45 – 22,7 %, от 46 до 60 – 16,7 %, старше 60 лет – 7,3 %.

Вопросы дифференцировались на два смысловых блока. Первый блок: «Обеспечение продовольственной безопасности как стратегическое направление государственной политики в России в современных условиях». Второй блок: «Продовольственная безопасность в обеспечении качества продуктов питания в условиях социальной напряженности».

Опрос проводился на онлайн-площадке iAnketa.ru. Статистическая обработка данных осуществлена через программы Microsoft Office Excel и SPSS Statistics for Windows 22.0.

Результаты исследования

Обеспечение продовольственной безопасности как стратегическое направление государственной политики в России в современных условиях

В первую очередь был задан вопрос: «Прослеживаете ли Вы лично сегодня привлечение внимания к проблемам обеспечения продовольственной безопасности в России на уровне государства и общества?». Данный вопрос и полученные результаты показывают, прослеживается ли вообще внимание к проблемам обеспечения продовольственной безопасности. Результаты таковы: наибольшее число респондентов, а именно 36,7 % скорее прослеживают привлечение внимания, чем нет, 27,3 % скорее не прослеживают, чем прослеживают, 20,7 % респондентов прослеживают внимание, а 12,7 % вовсе не прослеживают внимания. Затруднились в своем ответе 2,7 % опрошенных. Что касается факторов, влияющих на решение проблем продовольственной безопасности, респонденты выделяют следующие наиболее значимые факторы: уровень развития сельского хозяйства, уровень развития промышленного производства, введение санкций, военная угроза, состояние мирового и национального продовольственного рынка, экономический и финансовый кризис, экологическая угроза и др.

На вопрос «Считаете ли Вы проблему продовольственной безопасности одной из главных угроз национальной безопасности?» респонденты ответили следующим образом: наибольшее число респондентов (57,3 %) скорее считают проблему продовольственной безопасности одной из главных угроз национальной безопасности, чем нет, 18 % скорее не считают, что считают, уверенно «да» дали 13,3 % респондента, а вовсе не

считают лишь 8 %. Затруднились при выборе ответа 3,3 % опрошенных. Это значит, что продовольственная безопасность видится как одна из главных угроз национальной безопасности.

Таблица 1
Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, российское сельское хозяйство способно полностью обеспечить население всеми необходимыми продуктами?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, достаточно	15	10,0
2	Скорее да, чем нет	45	30,0
3	Скорее нет, чем да	74	49,3 %
4	Нет, не достаточно	12	8,0
5	Затрудняюсь ответить	4	2,7
	Всего	150	100,0

Следующий и также важный вопрос звучал так: «На Ваш взгляд, российское сельское хозяйство способно полностью обеспечить население всеми необходимыми продуктами?». Почти половина опрошенных, а именно 49,3 % респондентов считают, что российское сельское хозяйство скорее не способно полностью обеспечить население всеми необходимыми продуктами. Ровно 30 % считают, что скорее способно обеспечить, чем нет. 10 % уверено ответило, что сельское хозяйство способно обеспечить население всеми необходимыми продуктами, 8 % респондентов считает, что вообще не способно, а затруднились в ответе лишь 2,7 % (табл. 1).

Далее было решено выяснить, насколько же эффективно реализуется государственная политика по импортозамещению в регионе респондента. Приходим к выводу о том, что большинство респондентов считают, что политика реализуется эффективно лишь в некоторой степени (35,3 %). Второй по популярности ответ – «эффективно в достаточной степени» (31,3 %). Равное количество опрошиваемых, а именно 13,3 % выбрали варианты ответа «эффективно в значительной степени» и «нет, не эффективно». Затруднились 6,7 %. Из этого следует, что государственная политика по импортозамещению в регионах респондентов реализуется недостаточно или не в полной мере.

Анализируя ответы о том, достаточно ли внимания уделяется проблемам продовольственной безопасности в России на данный момент, по мнению респондентов следует сделать следующий вывод: ответ «скорее нет, чем да» выбрали 39,3 % опрошенных, «скорее да, чем нет» – 33,3 %. Вариант «нет, не достаточно» выбрали 13,3 %. И наименьшее число респондентов (9,3) выбрали вариант ответа «да, достаточно». Затруднились в выборе 4,7 %. Из этого следует, что по мнению россиян, внимания проблемам продовольственной безопасности в России на данный момент уделяется не совсем достаточно, чем следовало бы (табл. 2).

Таблица 2
Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли внимания уделяется проблемам продовольственной безопасности в России на данный момент?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, достаточно	14	9,3
2	Скорее да, чем нет	50	33,3
3	Скорее нет, чем да	59	39,3
4	Нет, не достаточно	20	13,3
5	Затрудняюсь ответить	7	4,7
	Всего	150	100,0

Респондентам был задан следующий вопрос: «На Ваш взгляд, сегодня в России есть реальная опасность дефицита продовольственных товаров?». Из ответов можно сделать вывод, что 35,5 % отвечающих считают, что данная опасность есть, но она не серьезная. 30,7 % считают, что есть серьезная опасность, 20,7 % считают, что опасности нет, а 12 %

дали ответ «да, опасность есть». Затруднились при выборе ответа 1,3 % респондентов. Из данных ответов стоит сделать вывод, что в России имеет место реальная опасность дефицита продовольственных товаров.

Продовольственная безопасность в обеспечении качества продуктов питания в условиях социальной напряженности

На вопрос «Как часто Вы покупаете импортную продукцию?» варианты ответов респондентов распределились следующим образом: большее число респондентов редко покупают импортную продукцию, в процентах это составляет – 34,7 %, иногда покупают импортную продукцию – 30,7 % россиян, равное количество ответов набрали два варианта: «часто» и «не приобретаю такую продукцию», эти варианты выбрали 15,3 %, соответственно. «Бывает ли, что Вы отказываетесь покупать товары, произведенные в той или иной стране, из-за отношения к этой стране, в том числе по политическим мотивам?» – это был следующий заданный вопрос респондентов. Исходя из их ответов, делаем вывод, что подавляющее большинство, а именно 69,3 % россиян, не отказываются покупать товары из других стран по политическим мотивам. 21,3 % выбрали вариант «такое бывает, но редко». Наименьшее число респондентов (4 %) отказываются покупать товары по политическим мотивам. Затруднились при выборе ответа 5,3 % отвечающих. Вывод: россияне не руководствуются своими личными мотивами и неприязнью к другим странам при покупке продовольственных товаров.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Торговая война – это торговое соперничество двух или более государств, происходящее с целью предотвращения торговой «оккупации» национальной экономики. Переживаете ли Вы, когда узнаете, что России объявляется торговая война?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, я переживаю по этому поводу	50	33,3
2	Переживания не значительные	63	42,0
3	Не вижу повода для переживаний	32	21,3
4	Затрудняюсь ответить	5	3,3
	Всего	150	100,0

Также была поставлена задача выявить уровень напряженности и переживания россиян в аспекте торговой войны. Вопрос был поставлен так: «Торговая война – это торговое соперничество двух или более государств, происходящее с целью предотвращения торговой «оккупации» национальной экономики. Переживаете ли Вы, когда узнаете, что России объявляется торговая война?». Почти половина респондентов (42 %) имеет незначительные переживания по данному поводу, а вот 33,3 % опрошенных переживают по поводу торговой войны. Не видят повода для переживаний 21,3 %. Затруднились в своем выборе самая малая часть опрошенных – 3,3 % (табл. 3). Приходим к выводу о том, что все-таки россияне переживают, когда нашей стране объявляется торговая война.

Далее был поставлен вопрос касаясь внимания к качеству и составу продукции. Из ответов делаем вывод, что подавляющее большинство, а именно 97 % россиян интересуются качеством и составом покупаемой продукции на региональном рынке. 44,7 % интересуются в определенной степени, 26,7 % интересуются в значительной степени, 26 % интересуются в некоторой степени и лишь 2 % россиян не интересуются качеством и составом покупаемой продукции. Затруднился при выборе ответа 1 респондент, это составило 0,7 %. По поводу качества этой продукции также был задан вопрос, и мы сделали такой вывод: половину опрошенных, а именно 50,7 % респондентов устраивает качество потребляемой продукции, но не всегда, 34,7 % совсем не устраивает качество продукции, лишь 8 % ответили, что их устраивает качество потребляемой продукции, затруднились при выборе ответа 6,7 % отвечающих. Следует сделать вывод, что качество потребляемой продукции не устраивает россиян.

Резюме

Ни для кого ни секрет, что самая главная потребность человека – эта биологическая. Человек нуждается в пище, сне, воде и просто может погибнуть, если не удовлетворит свою биологическую потребность. Государство должно нас защищать не только от внешних и внутренних угроз, но и обеспечивать нам удовлетворение биологических потребностей. Решение продовольственной проблемы – обязанность государства. В современных условиях при выработке аграрной политики государство должно ориентироваться, как минимум, на уровень гарантированного собственного производства жизненно важных продуктов.

В результате проведения пилотажного исследования следует, что российское сельское хозяйство скорее не способно полностью обеспечить население всеми необходимыми продуктами и в России есть реальная опасность дефицита продовольственных товаров. Что касается факторов влияющих на решение проблем продовольственной безопасности, респонденты выделяют следующие наиболее значимые факторы: уровень развития сельского хозяйства, уровень развития промышленного производства, введение санкций, военная угроза, состояние мирового и национального продовольственного рынка, экономический и финансовый кризис, экологическая угроза и др. По мнению россиян, продовольственная безопасность – одна из главных угроз национальной безопасности. Россияне не руководствуются своими личными мотивами и непрямо к другим странам при покупке продовольственных товаров, но всегда интересуются качеством и составом потребляемой продукции и их оно не всегда устраивает.

Государственная политика по импортозамещению в регионах респондентов реализуется недостаточно или не в полной мере. Россияне переживают, когда России объявляется торговая война. Внимания проблемам продовольственной безопасности в России на данный момент уделяется не совсем достаточно, чем следовало бы. Поставленные проблемы требуют более глубокого изучения.

Литература

1. Давид Рикардо. Сочинения. Т. 3. Статьи по аграрному вопросу и критические замечания к книге Мальтуса. М. : Го. Изд-во полит. лит., 1995. 294 с.
2. Дзасаров С. Продовольственная безопасность России // Вопросы экономической безопасности. 1996. № 8. С. 22–28.
3. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. 2). ст. 212.
5. Alex. F. McCalla Challenges of Global Food. USA, 1999. P. 3–8.

УДК 316.346.32-053.6

А. А. Анохина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МАКРО- И МИКРОУГРОЗ В РОССИИ

Статья посвящена изучению факторов изменения социального самочувствия и поведения молодежи в нестабильных условиях. Приводится дихотомия тенденции данного явления, анализ которой был рассмотрен через призму теорий ученых, занимающихся вопросами влияния внешних угроз на отдельных индивидов и социальные группы. Обозначается факторный и типологический анализ результатов, полученных в инициативном исследовательском проекте, проведенном автором посредством онлайн-опроса. Даются рекомендации для органов власти по работе с молодежью, молодежных организаций и самой молодежи по совершенствованию системы мер по улучшению социального самочувствия и регулированию поведения молодежи в нестабильных условиях.

Ключевые слова: молодежь, социальное самочувствие, поведение, макроугрозы, микроугрозы, социальная напряженность, пандемия коронавируса.

A. A. Anokhina
Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL SELF-FEELING AND BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE IN THE CONTEXT OF MODERN MACRO- AND MICRO-THREATS IN RUSSIA

This article is devoted to the research of factors that change the social self-feeling and behavior of young people in unstable conditions. The author presents a dichotomy of trend of this phenomenon, the analysis of which was considered through the prism of the theories of scientists dealing with the impact of external threats on individuals and social groups. A factorial and typological analysis of the results obtained in an initiative research sociological project conducted by the author personally through an online survey is presented. Recommendations for authorities working with young people, youth organizations and young people themselves to improve the system of measures to improve social self-feeling and regulate the behavior of young people in unstable conditions are given.

Keywords: youth, social self-feeling, behavior, macro threats, micro threats, social tension, coronavirus pandemic.

Макро- и микроугрозы являются частью современной действительности. В настоящее время весь мир столкнулся с одной из таких макроугроз и глобальной проблемой – стремительным распространением пандемии коронавируса (COVID-19), в связи с чем были введены такие меры предосторожности, как карантин и самоизоляция. Отметим, что подобные внешние факторы имеют прямое и достаточно сильное влияние не только на профессиональную деятельность и образовательный процесс ввиду перехода на дистанционное обучение и удаленную работу, но и на социальное самочувствие и поведение всех жителей страны, в том числе и молодежной социально-демографической группы.

Постановка проблемы

«Молодежь – это будущее страны», «Молодежь – сила России», «Настоящее молодежи – будущее государства» – такие и многие другие слоганы нередко звучат в отношении данной социально-демографической группы. Современные отечественные известные исследователи в области социологии молодежи Юлия Альбертовна Зубок и Владимир Ильич Чупров приводят много значений данному общенаучному термину, однако для поставленной нами темы наибольшее значение имеет такое определение: молодежь – это социально-демографическая группа, черты которой обусловлены социально-экономическим положением в общей структуре общества, а также активным процессом формирования внутреннего мира [3, с. 270]. Исходя из данного определения, нетрудно понять, что российская молодежь действительно определяет стратегии развития государства и его будущее в целом. Представители молодежи XXI в. с самого своего рождения проживают становление высоких технологий. В силу своих возрастных особенностей молодые люди легко обучаются пользоваться всеми ресурсами, которые им предоставляет глобализация. Однако в условиях современных угроз и рисков особенно важно понимать, что существует тенденция к их усложнению и усугублению ситуации в стране в будущем. В настоящее время обстановка в России показывает, что государственная политика несовершенна для регулирования и нивелирования подобных глобальных проблем, свойственных не только стране, но и всему миру в целом. Это особенно прослеживается на примерах борьбы с пандемией вируса COVID-19, митингами как выражением общественно-политических настроений граждан, оппозиционными настроениями россиян и проч. Следовательно, для более успешного разрешения подобных проблем в будущем и задания правильного вектора стратегического развития страны, необходимо должным образом поддерживать становление молодежи, в частности – социального самочувствия и поведения ее представителей.

Исходя из представленного обоснования проблемы, следует выделить две противоположные тенденции:

1. Макро- и микроугрозы являются негативными факторами влияния – социальное самочувствие молодежи ухудшается, поведение некоторых из ее представителей оказывается склонным к девиантному, меры по нивелированию данных проблем в нестабильных условиях не являются действенными в достаточной степени;

2. Под влиянием внешних глобальных угроз, присущих всему миру, представители молодежи сплачиваются между собой, молодежь способна заниматься саморегулированием и может реагировать на внешние вызовы, ощущая себя при этом благополучно и не меняя свое поведение в сторону отклоняющегося.

Методология исследования

«Эпидемия сплачивает людей, пандемия – разобщает», – так написал в статье «Трансатлантические отношения и коронавирус» Джереми Шапиро [8]. Новый вирус COVID-19 стал одной из главных угроз стабильного социального самочувствия и рационального поведения представителей молодежи. В связи с этим современные нестабильные условия следует назвать условиями бедствий, которые оказывают влияние как на все общество в целом, так и на отдельные социальные группы и конкретных индивидов. В данных ситуациях люди склонны вести себя различным образом. Выделяются такие типы поведения, как импульсивность, пассивность и активность. Также на фоне критических ситуаций возникают условия, при которых индивид не может достичь поставленной перед собой цели в связи с реальными или вымышленными преградами и впадает в состояние фрустрации. Роберт Мертон [2] выводит несколько типов адаптации, одним из которых является ретритизм – «бегство» от реальности, отрицание социально-значимых целей и общественно одобряемых средств и достижения, такой тип поведения относится к девиантному. Следовательно, необходимо подчеркнуть, что в условиях риска многие люди склонны к девиациям, что усугубляет благосостояние общества.

Патологический характер поведения индивидов напрямую связан с понятием толпы. Толпа характеризуется высоким уровнем бессознательности людей, объединенных в бесструктурные группы, связанных отсутствием конкретной цели и высоким уровнем эмоциональности. Многие ученые-исследователи считают феномен толпы положительным, например, Эрих Фромм, который считает, что каждый народ проходит путь от небольшой толпы до более масштабной – нации, в которой у каждого человека появляется своя социальная роль. Также философ отмечает, что толпа расширяет свое влияние на индивидов и позволяет человеку взаимодействовать с окружающим миром [5]. Однако большинство ученых рассматривают толпу как негативное явление, связывая ее с большим преобладанием бессознательного. В критических ситуациях и условиях бедствий толпа являет собой особую опасность. Гюстав Лебон в своей работе «Психология народов и масс: Психология толп» [1] выделяет такие свойства толпы, как высокий уровень импульсивности, повышенная степень эмоциональности; легкая податливость мышления, так называемое «легковерие»; преувеличение чувств, их одностороннее движение, которое сопровождается снижением уровня ответственности и другие. Все вышеперечисленные характеристики толпы указывают на ее опасность в экстремальных ситуациях и условиях риска. В толпе человек быстро заражается чувством всеобщей паники, которое распространяется по аналогии с вирусной инфекцией даже агрессивнее и интенсивнее. Люди в толпе склонны принимать за истину непроверенные факты и слухи, таким же образом молниеносно распространяя их между другими людьми, подключая тем самым к массе толпы.

Особое внимание важно заострить на явлении паники, которое на фоне одной социальной патологии, послужившей основой для условий риска, становится вторичной патологией. Г. Лебон отмечает, что индивид в толпе перестает мыслить сознательно, индивиды, мыслящие по-разному, начинают думать одинаково – в силу вступает коллективное бессознательное [1]. Как также отмечал З. Фрейд [4], при включении в массу индивид приобретает коллективную «душу» и поступает иначе, чем поступил бы отдельно от

толпы. В таких условиях паника преобладает над разумом человека и заставляет его поддаться действиям, к которым прибегает толпа. На фоне массовой паники у каждого индивида возникает чувство страха, которое приводит к неврозу. Как писала психоаналитик Карен Хорни [6], невроз разрушительным образом действует на человеческие взаимоотношения. Следовательно, в условиях бедствий на фоне эмоционального стресса и других тяжелых психологических состояний, индивиды склонны к конфликтам. Однако ученая также отмечает, что чувство беспокойства является основой мотивации для человека, так как оно заставляет его стремиться к безопасности. С этой точки зрения можно выделить положительный аспект действий социальных групп в условиях бедствий.

Важно отметить, что также положительным моментом поведения индивидов в критических ситуациях может послужить социальная интеграция: люди с одинаковым типом приспособления к социальным условиям консолидируются в группы. Так, объединяются индивиды с рациональным типом поведения, вследствие чего данная группа может способствовать скорейшему выходу общества из критических условий. Например, Питер Бэр в своей работе «Социальная крайность, сообщества судьбы и социология атипичной пневмонии» изучал эпидемию атипичной пневмонии (SARS-CoV) весной 2003 г. в Гонконге и представил перечень условий, соблюдая которые общество сплотится в подобной критической ситуации [7]. Однако на данный момент людей с иррациональным типом адаптации, склонных объединяться в толпу, значительно больше, и их число подавляет количество людей с рациональным поведением, что негативно сказывается на обществе, порождая новое «заболевание» в виде массовой паники, и тем самым замедляя «лечение» общества от социальных патологий. К паническим настроениям под влиянием угроз и рисков, а также под воздействием толпы привлекается и молодежь. Однако не стоит забывать, что от благосостояния данной социально-демографической группы во многом зависит будущее государства. Этим обусловлен выбор молодежи для проведенного автором социологического исследования.

Методы и методика исследования

В свете проблемной ситуации и прослеживаемых тенденций необходимо особое внимание уделить социальному самочувствию и поведению молодежи в условиях угроз различного уровня. В связи с этим в период с 26 октября по 1 ноября 2020 г. в рамках инициативного исследовательского проекта на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» автором проведено пилотажное социологическое исследование методом онлайн-опроса. Его целью являлось выявление основных факторов изменения социального самочувствия молодежи в российских регионах в нестабильных условиях. Социологический опрос имел сплошной характер. В рамках исследования опрошено 151 (100 %) представитель молодежи. По социально-демографическим характеристикам был собран портрет респондента. В опросе приняли участие мужчины (53,6 %) и женщины (46,4 %) в возрасте от 18 до 40 лет, в основном проживающие в городской местности (82,8 %) и имеющие высшее образование (37,7 %) либо получающие его в данный момент (31,1 %). При этом среди респондентов лишь 13,9 % состоят в политической партии, 9,9 % – в молодежной общественной организации, 78,8 % считают себя активными пользователями сети Интернет, что характеризует общественную и политическую активность современной молодежи и их активную включенность в ресурсы цифровизации. Данный метод социологического исследования позволил заострить внимание одновременно на нескольких аспектах проблемы. Анкета включала 25 основных вопросов, 3 из которых считаются индикаторами, позволяющими выявить новизну исследования: «Легко ли быть молодым в современных условиях?», «Можете ли Вы сказать, что в период с марта 2020 г. по настоящий момент Вы испытывали на себе социальную напряженность?», «Согласны ли Вы с тем утверждением, что молодежь сможет реагировать на внешние вызовы, только если она будет избирательна, заниматься саморегулированием, предъявлять больше требований к себе и обретет свой

статус?». Вопросы анкеты дифференцировались на 3 смысловых блока: 1) социальное самочувствие и поведение молодежи в современных нестабильных условиях; 2) пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) как ключевой макрофактор социальной напряженности молодежи; 3) действенность мер по улучшению социального самочувствия и регулированию поведения молодежи в нестабильных условиях.

Исследование проведено на платформе www.ianketa.ru. Для анализа данных, полученных в процессе исследования, были использованы программы SPSS Statistics V22.0 и Excel.

Результаты исследования

Социальное самочувствие и поведение молодежи в современных нестабильных условиях

Понятие социального самочувствия является многоплановым и включает в себя перечень компонентов: удовлетворенность/неудовлетворенность человека жизнью в социуме; уверенность/неуверенность в завтрашнем дне; эмоции, чувства, другие психологические составляющие; степень удовлетворения социальных потребностей; отражение на человеке социального равенства/неравенства; материальное благополучие/неблагополучие граждан; эффективность функционирования социальных институтов; состояние социальной сферы в стране, регионе, городе, селе; проявления социальной активности; реакции людей на социальные трансформации; физическое самочувствие, состояние здоровья. Социальное самочувствие молодежи в настоящий момент остается неопределенной категорией. По результатам анализа полученных при проведении исследования данных, 29,1 % опрошенных определяют свое социальное самочувствие как «в целом хорошее», 31,8 % – как удовлетворительное, 23,8 % – неудовлетворительное, 11,3 % – крайне неудовлетворительное. Противоречивость представленных ранее тенденций подтвердилась по результатам анализа ответов на один из вопросов-индикаторов «Легко ли быть молодым в современных условиях?». Мнения представителей молодежи на этот счет разделились: 49,7 % респондентов считают, что молодым в современных условиях быть нелегко, 42,4 % выразили противоположную позицию. Несмотря на перевес в сторону того, что молодежи живется сложно, разница в процентных соотношениях невелика, что указывает на дихотомию данной тенденции. Следует рассмотреть аспект в возрастной дифференциации (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Легко ли быть молодым в современных условиях?» в зависимости от возраста респондентов

№ п/п	Варианты ответа	Возраст респондентов									
		От 18 до 25 лет		От 26 до 30 лет		От 31 года до 35 лет		От 36 до 40 лет		Всего	
		Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Думаю, да	43	58,1	10	43,5	3	13,0	8	25,8	64	42,4
2	Думаю, нет	26	35,1	11	47,8	18	78,3	20	64,5	75	49,7
3	Затрудняюсь ответить	5	6,8	2	8,7	2	8,7	3	9,7	12	7,9
4	Всего	74	100,0	23	100,0	23	100,0	31	100,0	151	100,0

По результатам анализа данных, представленных в табл. 1, наблюдается неявная зависимость между возрастом респондентов и тем, насколько им легко жить в современных условиях: 58,1 % среди опрошенных представителей молодежи возраста от 18 до 25 лет отмечают, что молодым быть легко, однако уже 78,3 % респондентов от 31 года до 35 лет выбирают противоположный ответ. По нашему мнению, данная тенденция связана с тем, что с возрастом молодые люди оказываются все более самостоятельными, выходят на рынок труда, находятся в поисках своего призвания и часто оказываются на распутье во всех сферах жизни, в связи с чем отмечаются большие затруднения в данных процессах на сегодняшний день.

Помимо социального самочувствия, негативные аспекты имеет и поведение представителей молодежи. Опрошенные респонденты на сегодняшний день отмечают такие тенденции в поведении молодежи: депрессивные настроения и, как следствие, низкая социальная активность (14,2 % ответов опрошенных); ощущение себя «ненужными» (14,2 %); девиантное и маргинальное поведение (10,9 и 10,2 % соответственно); рост неуверенности в себе (8,2 %). Ключевыми факторами данных негативных тенденций служат социальная напряженность, изменение структуры трудоустройства и занятости, отсутствие целей и/или средств их достижения, отсутствие закрепленного статуса молодежи в обществе, ослабление механизмов социальной защищенности. Помимо негативных аспектов поведения молодежи, респонденты, хоть и в меньшей степени, также обратили внимание на позитивные моменты такие, как возможности для саморазвития благодаря высоким информационным технологиям (12,8 %) и заинтересованность в совмещении многих видов деятельности вследствие внедренных процессов глобализации (10,5 %). В целом как в социальном самочувствии, так и в поведении молодежи прослеживаются скорее негативные тенденции.

Примерно половина (44,4 %) опрошенных считают, что современные макро- и микроугрозы оказывают влияние на социальное самочувствие и поведение российской молодежи в высокой степени. Одними из самых значимых микроугроз, по мнению респондентов, являются изменение основной составляющей нравственности молодежи (23,0 % ответов представителей молодежной группы), формирование нового видения целей и смысла человеческой жизни (17,1 %) и изменение системы ценностей по всему миру (15,2 %). Следует отметить, что ценностная и мировоззренческая системы действительно подлежат масштабной трансформации, что также сказывается и на молодежи. Основным фактором, влияющим на данное явление, на наш взгляд, является цифровизация и глобализация. Традиционные идеи постепенно вытесняются современными, что можно проследить на примере вытеснения личного общения «переписками» в социальных сетях и мессенджерах – по результатам исследования, 36,2 % опрошенных в настоящее время предпочитают виртуальное общение исключая телефонные разговоры и ресурсы видеосвязи (т. е. исключая зрительный и голосовой контакт) реальному (вариант «личное общение» в данном вопросе выбрали лишь 22,2 % респондентов).

Респонденты видят проявление современных макроугроз, влияющих на социальное самочувствие и поведение молодежи во влиянии мирового финансового кризиса на динамику спроса и предложения на национальном и региональном рынке труда (14,3 % опрошенных), повышенном уровне криминогенности общества, вызывающем обострение социальных страхов и чувства тревоги (12,7 %) и развитии информационных технологий, что влечет за собой новый вид преступности – киберпреступность (11,6 %). Самым значимым для респондентов макрофактором, угрожающим стабильному социальному самочувствию и поведению молодежи, на сегодняшний день стала пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19), оказывающая значительное влияние на повседневную жизнь всего общества – на данный вариант ответа пришлось 24,2 % опрошенных.

Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) как ключевой макрофактор социальной напряженности молодежи

По результатам проведенного социологического исследования, 65,5 % опрошенных согласны или скорее согласны с тем утверждением, что пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) в настоящий момент является ведущим фактором-макроугрозой для изменения социального самочувствия и поведения российской молодежи. В период с марта 2020 г. по настоящий момент у 35,1 % респондентов ухудшилось психологическое состояние, участились конфликты с друзьями или членами семьи, увеличилось чувство тревоги, возникли социальные страхи и др. 68,2 % опрошенных отметили, что в 2020 г. они испытывали на себе социальную напряженность. Рассматривая трансформацию социальных связей молодежи под влиянием внешних угроз, стоит отметить, что 33,8 % респондентов общаются гораздо хуже с некоторыми из друзей/родственников в 2020 г. в

сравнении с годами ранее, 23,8 % опрошенных отделились от членов своей семьи, 33,7 % стали реже прежнего контактировать со своими друзьями и приятелями. Все перечисленные показатели являются индикаторами социальной напряженности в молодежной среде. Более того, 43,7 % опрошенных представителей молодежи считают оптимальным частично дистанционный формат обучения/работы с проведением части учебно-рабочего времени заочно, когда распространение пандемии в мире остановится. При этом те же 43,7 % людей согласны с тем утверждением, что при полном переходе на дистанционное образование, обучающиеся (как студенты, так и школьники) не могут в должной мере приобретать базовые навыки такие, как умение работать в команде, умение разрешать конфликты, ораторское мастерство и др. Следовательно, представители молодого поколения готовы в пользу сохранения своего личного времени и экономии денег (т.к. не нужно будет передвигаться на транспорте, просыпаться раньше и др.) пожертвовать усвоением профессиональных и надпрофессиональных компетенций. Данный тезис, на наш взгляд, является острым показателем изменения поведенческих практик и внутренних установок молодежи, что произошло именно под влиянием пандемических условий, а конкретно – самоизоляции и дистанционного обучения/удаленной работы.

Большая часть респондентов, а именно 43,7 % опрошенных: отметили, что в пандемический период они стали менее социально активными, чем было ранее. Социальная активность людей тесно связана с их общественной деятельностью (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как респонденты могут охарактеризовать свою социальную активность в период с марта 2020 г. по настоящий момент?» в зависимости от того, состоят ли они в молодежной общественной организации

№ п/п	Варианты ответа	Состоят ли респонденты в молодежной общественной организации					
		Нет, не состою		Да, а именно:		Всего	
		Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Стал более социально активным	23	16,7	3	23,1	26	17,2
2	Ничего не изменилось	44	31,9	5	38,5	49	32,5
3	Стал менее социально активным	61	44,2	5	38,5	66	43,7
4	Затрудняюсь ответить	10	7,2	0	0,0	10	6,6
	Всего	138	100,0	13	100,0	151	100,0

Согласно анализу данных в представленной выше таблице, менее социально активными в период с марта 2020 г. по настоящий момент стали респонденты, которые и состоят, и не состоят в какой-либо общественной организации – 38,5 % менее социально активных против 23,1 % более социально активных членов молодежных организаций и 44,2 % против 16,7 % ответов респондентов, не состоящих в данных организациях, соответственно. Из этого следует, что социальное самочувствие и поведение представителей молодежи под влиянием пандемических условий не детерминировалось их включенностью в общественную жизнь и разные сферы деятельности. Ответы 77,4 % опрошенных свидетельствуют о том, что окончание пандемии позволит снизить уровень социальной напряженности в обществе. Однако сложно предугадать, когда наше общество перейдет в ранг постпандемического, в связи с чем необходимо уже на данном этапе нивелировать проблему все возрастающей социальной напряженности и эффективно реализовывать меры по улучшению социального самочувствия и регулированию поведения молодежи в нестабильных условиях.

Действенность мер по улучшению социального самочувствия и регулированию поведения молодежи в нестабильных условиях

В настоящее время отмечается недостаточная степень эффективности мер по улучшению социального самочувствия и регулированию поведения молодежи в нестабильных условиях в России. Так, больше трети респондентов (36,4 %) ставят оценку действенности в 3 балла, а 45,1 % опрошенных при этом оценивают данные меры еще в

меньшей степени эффективности. Представители молодежи считают, что систему мер по поддержанию социального самочувствия и регулированию поведения молодежи в нестабильных условиях должны формировать такие социальные структуры и службы, как образовательные структуры (16,7 %), общественные структуры и организации (15,8 %) и органы по работе с молодежью (13,6 %). На взгляд респондентов, государственные структуры и правоохранительные органы содействуют поддержанию стабильного социального самочувствия и поведения молодежи в наименьшей степени. 4,7 % опрошенных при этом отмечают, что никакие из перечисленных структур и служб не формируют меры поддержки молодежи, что является показателем негативной тенденции.

Автором было выдвинуто предположение, что молодежь сможет реагировать на внешние вызовы, только если она будет избирательна, заниматься саморегулированием, предъявлять больше требований к себе и обретет свой статус, с чем согласилась большая часть респондентов – 75,5 % (рис.). Исходя из этого, представители молодежи уже не ждут помощи от государства, общественных организаций и прочих структур, они готовы быть саморегулирующейся социальной группой и «помогать себе самостоятельно», чтобы стать наиболее устойчивыми по отношению к глобальным угрозам и проблемам.

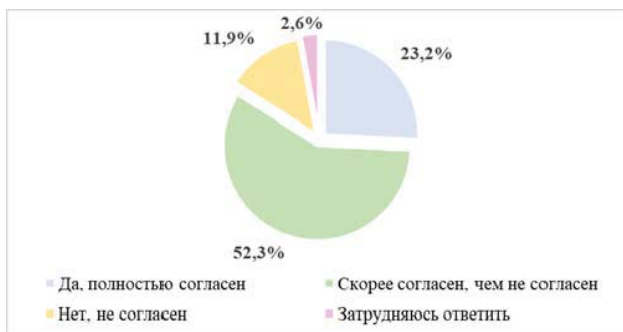

Рис. Распределение ответов на вопрос «Согласны ли респонденты с тем утверждением, что молодежь сможет реагировать на внешние вызовы, только если она будет избирательна, заниматься саморегулированием, предъявлять больше требований к себе и обретет свой статус?»

Имеем основания дать некоторые рекомендации для органов власти по работе с молодежью, молодежным организациям и самой молодежи по совершенствованию системы мер по улучшению социального самочувствия и регулированию поведения молодежи в нестабильных условиях.

Рекомендации органам власти по работе с молодежью:

1. Изменение структуры власти с включением в нее представителей молодежи.
2. Проведение большего числа мероприятий, позволяющих молодежи проводить время вместе и реализовывать свои инициативы.
3. Ориентация политики взаимодействия с молодежью на поддержание уровня благосостояния молодого населения в материальном аспекте, а также развитие направления по улучшению взаимодействия с молодежными организациями.
4. Тщательная разработка процесса дистанционного образования в критических условиях с повсеместным обучением преподавателей и обучающихся новейшим технологиям, а также непосредственным усвоением всех базовых и профессиональных навыков.
5. Ведение просветительской работы с молодежью в отношении сохранения их благополучия в условиях социальной нестабильности.
6. Повышение внимания к профориентации школьников и студентов.
7. Проведение работы над улучшением психологического состояния граждан.

8. Предоставление молодежи больших возможностей для свободной и самостоятельной деятельности.

9. Вникание в современные интересы молодежи для большего ее понимания, рассмотрение новых ценностей молодого поколения.

Рекомендации молодежным организациям:

1. Взаимодействие с государственными органами власти.

2. Анализ и выявление реальных аспектов данной проблемы с помощью специалистов, проведение круглых столов, дискуссионных площадок и иных форм взаимодействия с молодежью.

3. Вовлечение в свою деятельность представителей молодежи, не являющихся активистами в какой-либо сфере деятельности.

4. Ориентация работы на слои молодежи социально-демографической группы в нестабильной социальной обстановке в мире.

5. Обеспечение устойчивости работы организаций при любых обстоятельствах.

6. Трансляция и сохранение традиционных ценностей молодого поколения.

В свою очередь, представителям молодежи хотелось бы посоветовать стремиться к саморазвитию и самопознанию, познавать новое, поглощая современные технологии, он не забывать традиционные идеи и ценности, быть активными хотя бы в одной из множества сфер деятельности, искать свое место, все больше привлекаться к современным и актуальным на сегодняшний день трендам самообразования и здорового образа жизни. Как уже отмечалось ранее, только это поможет молодежи закрепить свой социальный статус в обществе и устоять под воздействием внешних угроз, вызовов и рисков.

Выводы

Резюмируя, подчеркнем высокую степень значимости заявленной проблемы. Молодежь как социально-демографическая группа является стратегическим ресурсом любого государства, из чего следует острая необходимость в поддержании уровня социального здоровья молодых людей и регулировании их поведения в пользу рационального. Макро- и микроугрозы влияют на все общество в целом, включая социальные группы, в том числе молодежь. Исходя из множества теорий таких ученых, как Гюстав Лебон, Роберт Мертон, Зигмунд Фрейд, Питер Бэр, Эрих Фромм, Джереми Шапиро, социальная нестабильность может вызывать у индивидов как негативные последствия в виде паники, разобщения социальных структур, отклоняющихся видов поведения, так и позитивные в ключе сплочивания под влиянием общей угрозы и успешной адаптации к критическим условиям. По результатам проведенного исследования, тенденция изменения социального самочувствия и поведения представителей молодежи так и осталась противоречивой. На данном этапе наблюдается высокий уровень социальной напряженности в стране, связанный со второй волной распространения пандемии коронавируса, который вызывает негативные аспекты влияния на прочность и качество социальных связей молодежи, трансформацию их поведения и резкого ухудшения социального самочувствия. Однако также прослеживаются и положительные моменты, связанные с отличной адаптацией некоторых молодых людей к условиям внешних угроз. Таким образом, имеем основания сделать вывод, что наибольшую стабильность или улучшение социального самочувствия, а также рациональное поведение, влекущее за собой пользу для благополучия индивида, в любых, даже нестабильных и критических условиях макро- и микроугроз, приобретает та часть молодежи, которая способна на саморегулирование и успешную адаптацию.

Литература

1. Лебон Г. Психология народов и масс: Психология толп : пер. с фр. М. : АСТ, 2016. 320 с.
2. Мертон Р. Социальная структура и anomia : пер. с фр. // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М. : Прогресс, 1966. С. 299–313.
3. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М. : АCADEMIA, 2008. 608 с.

4. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я»: пер. с нем. // Психология масс и анализ человеческого «Я»: сборник. М.: АСТ, 2005. С. 3–109.
5. Фромм Э. Бегство от свободы: пер. с англ. М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. 571 с.
6. Хорни К. Невротическая личность нашего времени / пер. с англ. М.: Акад. проект, 2009. 209 с.
7. Baehr P. Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS // European Journal of Sociology. 2005. Vol. 46, N 2.
8. Shapiro J. A View From Washington: the America First Pandemic // European Council on Foreign Relations. 19 March 2020. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_a_view_from_washington_the_america_first_pandemic (дата обращения: 05.11.2020).

УДК 316.4.063.36

Н. В. Ахмадышина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРОСТРАНСТВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПАНДЕМИЧЕСКОГО ПЕРИОДА)

Статья посвящена изучению специфики трансформации дисциплинарных пространств современного общества в условиях социальной напряженности в период пандемии. Выявлено, что пандемический период сделал общество более устойчивым к новым вызовам и угрозам, но при этом повысил уровень опасений населения за свое настоящее и будущее. По результатам проведенных исследований предложены основные пути по снижению социальной напряженности в основных сферах жизни общества в период пандемии.

Ключевые слова: социальные трансформации, дисциплинарное пространство, социальная напряженность, пандемия, социальный контроль.

N. V. Akhmadyshina

Irkutsk State University, Irkutsk

TRANSFORMATION OF DISCIPLINARY SPACES OF MODERN SOCIETY IN CONDITIONS OF SOCIAL TENSION (ON THE EXAMPLE OF THE PANDEMIC PERIOD)

The article is devoted to the study of the specifics of the transformation of the disciplinary spaces of modern society in conditions of social tension during a pandemic. It was revealed that the pandemic period made society more resilient to new challenges and threats, but at the same time increased the level of fears of the population for their present and future. Based on the results of the research were suggested the main ways to reduce social tension in the main spheres of society during a pandemic.

Keywords: social transformations, disciplinary space, social tension, pandemic, social control.

Отличительной чертой современного общества являются дисциплинарные пространства, так или иначе оказывающие ощутимое влияние на жизнь человека и на функционирование общества в целом. Период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 и введенного в связи с этим режима самоизоляции обусловил обострение социальной напряженности и трансформацию дисциплинарных пространств, а также поставил перед обществом проблему адаптации к постоянно меняющимся условиям жизни.

Постановка проблемы

К дисциплинарным пространствам в современном обществе мы можем отнести самые разные сферы взаимодействий, осуществляющие контроль, надзор и наблюдение в отношении человека: это и традиционные пространства М. Фуко, и приобретающие характер дисциплинарных в настоящее время – сетевое пространство, медиа-пространство, пространство связи и транспорта и мн. др., каждое из которых обладает уникальными, характерными методами контроля. За последние несколько десятилетий произошло значительное усложнение и усовершенствование как методов контроля, так и самих сфер пристального наблюдения: офисы, аэропорты, СМИ, культурные пространства, интернет, мобильная связь, которые занимают все большее место в нашей жизни, встраиваются во

все сферы общества и являются удобным способом наблюдения за существующим социальным порядком.

Новым вызовом для человека и всей социальной системы стало стремительное распространение новой коронавирусной инфекции по всему миру, последующий режим изоляции и углубляющийся кризис, в связи с чем пространства исполнения власти были вынуждены адаптироваться к меняющимся условиям, в чем-то видоизменить свою деятельность и формы проявления контроля, чтобы сохранить власть и статус. Важное значение представляет тот факт, что в настоящее время «...дисциплинарные пространства – это пространства парадоксальной коллективности и единичности» [1], которые организованы таким образом, что не только доступны для контроля со внешней стороны, но и влияют на человека изнутри (на его взгляды, мысли, поведение). Особенно ярко и ощутимо эти изменения заметны сегодня, в условиях усиления контроля со стороны разных структур и организаций и повышения социальной напряженности, когда перед людьми встала необходимость соблюдения множества новых норм и правил для предотвращения распространения болезни.

Методология исследования

В развитие теории дисциплинарных пространств внес большой вклад французский философ Мишель Фуко. Такие пространства являлись основным объектом его научной деятельности: оценивая его вклад, Д. Н. Замятин отмечал, что творчество М. Фуко носит «пространственногенный» характер [4]. Сам же философ ввел определение дисциплинарного пространства в своей работе «Надзирать и наказывать» (М.: Ad Marginem, 1999), которое заключается в существовании территорий, способ реальной организации которых подчиняется специальному режиму производства и применения механизмов принуждения в отношении человеческого тела [5]. По его мнению, существует четыре основных типа дисциплинарных пространств: школа, больница, армия и тюрьма, куда человек попадает в разные периоды своей жизни и где сталкивается с различными ограничениями своей свободы и своего времени, с внешним и внутренним наблюдением и контролем. М. Фуко особо подчеркивал, что «... пространство является основополагающим при всяком осуществлении власти» [12, с. 232] и что анализ таких пространств может быть распространен на большую часть человеческой культуры: «... стоило бы написать целую историю различных пространств (которая в то же время была бы историей различных видов власти), начиная с больших геополитических стратегий и заканчивая мельчайшими тактиками по условиям расселения, историю архитектуры учреждений, классной комнаты или больницы...» [11, с. 224].

Важной задачей для ученого являлось также исследование того, каким образом устанавливаются и контролируются такие отношения власти-подчинения в обществе, в связи с чем на первый план выходит тема паноптизма, или паноптикума. Изначально проект паноптикума, или проект «идеальной» тюрьмы, когда один стражник имеет возможность наблюдать за всеми заключенными одновременно, был предложен английским философом Иеремией Бентамом, который в качестве основных факторов существования и эффективного функционирования такого предприятия выделял прозрачность и подотчетность его деятельности и публичность как «... наиболее эффективное средство использования силы моральных мотивов... публичность выводит на свет и, таким образом, выставляет на порицание со стороны закона и общественного мнения... каждый случай нарушения» [13].

По словам М. Фуко, основная цель паноптикума заключается в том, чтобы «... привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости» [10], которая автоматически обеспечит функционирование власти, а это представляет собой исходный принцип идеального функционирования любого дисциплинарного пространства – «... каждый будет осуществлять подобное наблюдение над самим собой и против самого себя» [11]. Идеи И. Бентама получили продолжение в деятельности М. Фуко и привели к

рассмотрению последним самых разных типов пространств, как дисциплинарных. В условиях современного общества, когда большинство пространств взаимодействий людей являются дисциплинарными и имеют возможность осуществления власти в отношении индивидов, а многие пространства трансформируются и приобретают все большую власть над человеком и внешней средой, рассмотренные нами идеи известных ученых становятся как никогда актуальными и представляют большое значение для российского общества.

В отечественной социологии проблемы функционирования дисциплинарных пространств в аспекте культуры, ментальностей и субъектности получили развитие в научных трудах доктора социологических наук, профессора Т. И. Грабельных. Ученым определены методологические предпосылки и основания научного исследования проблемы ментальности в закрытых социальных пространствах, а также отмечается, что в современных условиях «методология социального пространства требует развития... пересмотра многих концепций, категориального аппарата» [2, с. 128–129]. Ментальность в закрытых социальных пространствах исследуется на примере образовательных учреждений МВД России. По мнению Т. И. Грабельных, «... образовательные учреждения военизированного типа можно отнести к «смешанному типу». Здесь дисциплина – и инструмент для достижения конкретной цели, и способ поддержания единоначалия, и принцип внутреннего функционирования учреждения и др.» [3, с. 143]. Таким образом, разделяется мнение с М. Фуко, что «...в определенных структурах дисциплина обеспечивает распространение отношений власти до уровня бесконечно малых величин» [3, с. 143]. На примере анализа механизмов функционирования дисциплинарных пространств в образовательных учреждениях МВД России выявлено «... пять основных принципов работы этого механизма: принцип территориальности, принцип темпоральности, принцип функциональности, принцип построения, принцип контроля» [3, с. 144]. В последующие годы основные идеи и концептуальные положения зарубежных и отечественных ученых получили развитие в исследованиях социальных структур, социальных институтов и процессов в аспекте «открытых» и «закрытых» обществ.

Методы и методика исследования

В связи с напряженной ситуацией, связанной с распространением пандемии и ее влиянием на все сферы жизни общества, видится целесообразным уделить данным процессам особое внимание. В период с 31 октября по 10 ноября 2020 г. в рамках инициативного исследовательского проекта на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» автором было проведено пилотажное социологическое исследование методом онлайн-опроса, целью которого являлось изучение специфики трансформации дисциплинарных пространств в пандемический период. Социологический опрос имел сплошной характер. В рамках исследования было опрошено 154 (100 %) человека, проживающих в Иркутской области. По социально-демографическим характеристикам был представлен портрет респондента. В опросе приняли участие 86 женщин (55,8 %) и 68 мужчин (44,2 %) в возрасте от 18 до 61 года и старше. Респонденты в основном проживают в городской местности (90,3 %), по социальному статусу преимущественно работающие (62,3 %) и с высшим образованием (67,5 %). Большинство респондентов заняты в сфере науки и образования (18,8 %), в настоящий момент работают 62,3 % опрошенных, из числа временно безработных (5,2 %) большая часть лишилась работы именно в период пандемии и самоизоляции, что позволяет нам получить более точную информацию о специфике изменений в разных структурах. Данный метод социологического исследования позволил рассмотреть выделенную нами проблему одновременно с разных сторон и точек зрения. Анкета включала 22 основных вопроса, 3 из которых выступили индикаторами, позволяющими определить новизну и актуальность исследования: «Оцените, пожалуйста, как Вы считаете, насколько пандемия изменила Вашу жизнь по шкале от 1 до 5, где 1 – совсем не изменила, а 5 – изменила кардинально», «В чем, на Ваш взгляд, может проявляться трансформация дис-

циплинарных пространств в период пандемии?», «Усиление каких процессов Вы бы отметили в условиях социальной напряженности в период пандемии в регионе/стране?». Вопросы анкеты также дифференцировались на 3 смысловых блока: 1) влияние пандемии коронавирусной инфекции на жизнь индивида; 2) формы дисциплинарных пространств современного общества и их трансформация в период пандемии в условиях социальной напряженности; 3) оценка эффективности деятельности властных структур и других дисциплинарных пространств в пандемический период.

Исследование было проведено на платформе Webanketa.com. Для анализа полученных в процессе исследования данных были использованы программы Excel и IBM SPSS Statistics V22.0.

Результаты исследования

Влияние пандемии коронавирусной инфекции на жизнь индивида

Влияние такого масштабного явления, как пандемия, на жизнь общества неоспоримо: меняется образ и темп жизни; новые нормы, законы и правила (указ об объявлении в стране нерабочих дней [8], указ Губернатора Иркутской области о режиме повышенной готовности [9] и др.), принятые с целью предотвратить распространение болезни, носят обязательный для всех характер; усиливается контроль со стороны организаций, в которых занят человек, и различных сфер жизни, что не может пройти незамеченным. Согласно результатам проведенного нами исследования, больше половины респондентов в период самоизоляции с марта 2020 г. перешли на дистанционный формат учебы/работы (51,3 %), а 29,2 % перешли на дистанционный формат частично, также у 17,5 % опрошенных не было возможности работать удаленно. На настоящий момент 68,2 % респондентов учатся/работают удаленно и считают, что это целесообразно, а 16,9 % поддерживают такую идею, но работают в обычном режиме, в свою очередь не согласны с удаленным форматом работы/учебы 8,4 % опрошенных, находящихся на самоизоляции.

Особый интерес для нас представляет оценка респондентами того, как изменилась их жизнь с началом пандемии: большинство отметили, изменение жизни в большей степени (39,6 %), либо кардинально (32,5 %), есть и те, на кого сложившаяся ситуация практически не повлияла: 22,7 % опрошенных отметили влияние пандемии на свою жизнь в средней степени, жизнь остальных, согласно полученным данным, практически не изменилась (5,1 %) (табл. 1).

Распределение ответов на вопрос «Оценка того, насколько пандемия изменила жизнь респондента в настоящее время», в %

Таблица 1

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	1 – совсем не изменила	3	1,9
2	2	5	3,2
3	3	35	22,7
4	4	61	39,6
5	5 – изменила кардинально	50	32,5
	Всего	154	100,0

Кроме того, большая часть респондентов (72,7 %) считает, что в период пандемии в той или иной степени стала испытывать большее давление и контроль со стороны своей рабочей/учебной организации, в то время как усиления контроля не ощутили 25,9 % участников опроса.

68,2 % респондентов отметили, что ни они сами, ни их близкие не заболели в период пандемии, в то время как 31,2 % опрошенных ответили, что переболели коронавирусной инфекцией, либо другим заболеванием (по 15,6 %, соответственно). Исходя из полученных данных, мы можем сделать вывод о том, что больше половины людей, принявших участие в исследовании не столкнулись ни с одной из перечисленных нами проблем

(развод, потеря работы, потеря члена семьи и др.) в период распространения коронавирусной инфекции (58,7 %), а среди проблем, которые не обошли респондентов стороной, чаще всего упоминаются болезни (обострение болезней) – 21,6 % и трудное финансовое положение – 11,4 %.

Формы дисциплинарных пространств современного общества и их трансформация в период пандемии в условиях социальной напряженности

Ключевой темой нашего исследования стало определение типологии дисциплинарных пространств современного общества и того, как в условиях пандемии и усиления социальной напряженности обозначенные пространства трансформируются.

Анализируя полученные нами данные, мы пришли к выводу, что большая часть и мужчин (33,8 %), и женщин (32,6 %) ранее не сталкивалась с таким понятием, как «дисциплинарное пространство». Среди тех, кто знаком с понятием, но не до конца представляет себе, что это такое больше доля представительниц женского пола (27,9 %), мужчины данный вариант ответа выбрали в 23,5 % случаев, в то же время, 20,6 % мужчин столкнулись с понятием впервые во время пандемии, тогда как со стороны женщин выбор этого ответа составил 17,4 %. Меньше всего опрошенных знакомы с понятием и знают о его значении: 17,6 % мужчин и 16,3 % женщин.

По мнению опрошенных респондентов, именно определение дисциплинарного пространства, как сферы взаимодействий, организованных так, что они не только доступны для контроля со стороны внешней среды, но и определенным образом воздействуют на индивида изнутри (воздействуют на его мысли, поведение, чувства), наиболее полно характеризует это понятие (42,9 %).

Большая часть опрошенных считает, что к формам дисциплинарных пространств можно отнести все перечисленные нами варианты (16,2 %), кроме этого, особенно выделяются такие варианты ответов, как «сферы и институты, обеспечивающие охрану здоровья населения» (15,1 %) и «пространства, обеспечивающие внешнюю и внутреннюю безопасность» (15,1 %), пространства исполнения наказаний (14,2 %), сферы выработки законодательных решений (11,0 %) и образовательные сферы (10,1 %) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «В каких формах, на взгляд респондента, дисциплинарные пространства существуют?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Сферы и институты, обеспечивающие охрану здоровья населения (больницы, санатории, аптеки, лаборатории и др.)	52	15,1
2	Пространства внутри социальных институтов, обеспечивающих внешнюю и внутреннюю безопасность	52	15,1
3	Пространства исполнения наказаний (тюрьмы, воспитательные колонии, исправительные колонии, следственный изолятор и др.)	49	14,2
4	Сферы выработки законодательных решений (Госдума, Совет Федераций)	38	11,0
5	Образовательные сферы, как опорные для развития государства (детские сады, школы, колледжи, университеты и др.)	35	10,1
6	Институты осуществляющие правосудие (суды)	25	7,2
7	Закрытые города	16	4,6
8	Сферы и институты, формирующие психическое здоровье населения	11	3,2
9	Все вышеперечисленное	56	16,2
10	Затрудняюсь ответить	11	3,2
	Всего	345	100,0

Трансформация традиционных дисциплинарных пространств в период пандемии, по мнению респондентов, проявляется главным образом в усилении контроля со стороны высокопоставленных лиц в организации (15,9 %) и в успешной адаптации к непривычным форматам работы (14,9 %), также среди другим вариантов ответов отмечают закрытие границ данных пространств (13,9 %) и обращение внимания на новые способы работы и получения прибыли (13,9 %), увеличение внимания к организации комфортных условий для своих сотрудников (13,7 %) и к их здоровью (12,7 %) (табл. 3).

Статус дисциплинарных в период пандемии в современных условиях приобретают и другие пространства, среди которых выделяются: «сетевые» (24,7 %), «коллективные пространства» (17,0 %), сферы развития средств массовой информации (14,3 %), пространства коммуникаций и связи (13,5 %) и транспортное пространство (12,6 %), все перечисленные нами варианты ответов выбрали 7,4 % респондентов (табл. 4).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «В чем, на взгляд респондента, может проявляться трансформация таких дисциплинарных пространств в период пандемии?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Усиление контроля со стороны высокопоставленных лиц в организации	63	15,9
2	Успешная адаптация к непривычным форматам работы	59	14,9
3	Закрытие границ традиционных дисциплинарных пространств	55	13,9
4	Обращение внимания на новые способы работы и получения прибыли	55	13,9
5	Увеличение внимания к организации комфортных условий для своих сотрудников	54	13,7
6	Увеличение внимания к здоровью своих сотрудников	50	12,7
7	Формирование новых дисциплинарных пространств	40	10,1
8	Открытие границ традиционных дисциплинарных пространств	4	1,0
9	Все вышеперечисленное	7	1,8
10	Ничего из вышеперечисленного	0	0,0
11	Затрудняюсь ответить	11	3,2
	Всего	395	100,0

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какие пространства в период пандемии, по мнению респондента приобрели статус дисциплинарных?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Сетевые пространства (социальные сети, Всемирная сеть)	90	24,7
2	«Коллективные» пространства (рабочее пространство, учебное пространство, пространство дружеской компании)	62	17,0
3	Сферы развития средств массовой информации (газеты, журналы, сайты изданий, реклама)	52	14,3
4	Пространства коммуникаций, связи	49	13,5
5	Транспортное пространство	46	12,6
6	Культурные пространства (театры, музеи и т. д.)	35	9,6
7	Все вышеперечисленное	27	7,4
8	Затрудняюсь ответить	3	0,8
	Всего	364	100,0

Трансформация вновь созданных дисциплинарных пространств в период пандемии, согласно полученным нами данным, больше всего может проявлять себя в обращении внимания на новые способы работы и получения прибыли (22,2 %), усилении контроля со стороны высокопоставленных лиц в организации (17,4 %), а также в успешной адаптации к непривычным форматам работы (15,2 %). Вариант «открытия границ» таких пространств наблюдается в 7,6 % случаев.

Анализируя ответы о степени усиления контроля со стороны разных структур, можно прийти к следующим выводам: наибольшее усиление контроля, по мнению респондентов, произошло со стороны сферы здравоохранения (91,5 % – выбрали оценки «4» и «5»), сферы политики и управления (по 76,6 %, соответственно), сферы науки и образования (73,4 %), а также со стороны экономической сферы (70,1 %). Меньший уровень усиления контроля, на взгляд респондентов, наблюдается со стороны сферы безопасности – 55,2 % респондентов (оценка «4»), сферы информационных технологий (45,5 % – оценка «4»), социальной сферы (44,8 % – оценка «4») и сферы транспорта и связи (41,6 % – оценка «4»). Несмотря на то что опрошенные респонденты отметили усиление контроля в той или иной степени со стороны каждой из представленных структур, можно подчеркнуть, что ощущению усиления контроля, по полученным данным, не произошло со стороны сферы сельского хозяйства (35,7 %) и сферы товаров и услуг (28,5 %).

Оценка эффективности деятельности властных структур и других дисциплинарных пространств в пандемический период

По результатам полученных нами данных, большинство респондентов считает, что период пандемии и ограничений сделал ключевые сферы жизни общества более устойчивыми к новым вызовам и угрозам в условиях социальной напряженности (39,0 % считают, что это скорее так, 38,3 % считают, что страна хорошо справляется с возникшими проблемами), но при этом противоположного мнения придерживаются 20,1 % респондентов. Многие также считают, что резкое введение сильных ограничительных мер Правительством РФ и регионов, было правильным решением (48,1 %), а 18,8 % опрошенных отметили, что не разделяли введение ограничительных мер, но их мнение изменилось, 17,5 % считают, что в этом вопросе необходимо доверять профессионалам и людям, стоящим у власти, 13,6 % придерживаются мнения о том, что можно было обойтись без введения сильных ограничительных мер.

При ответе на вопрос о том, стали ли органы власти пользоваться у населения большим авторитетом с принятием необходимых мер предосторожности в период пандемии, так или иначе дали положительный ответ 59,1 % респондентов, в то время, как 39,6 % с этим не согласны и на вопрос, по каким причинам они так считают, 32,3 % в качестве ключевых выбрали удар по малому и среднему бизнесу, 20,0 % – невыплаты заработных плат в период нерабочих дней и 18,5 % – активную компанию в рамках голосования за поправки к Конституции РФ во время самоизоляции и активного распространения болезни.

Опрошенные нами респонденты в качестве процессов, усиливающихся в условиях социальной напряженности в период пандемии, особенно отмечают повышение тревожности и опасений за свое настоящее и будущее (23,9 %) и усиление государственного контроля и надзора (21,6 %). Далее по частоте выборов следуют повышение устойчивости к новым вызовам и угрозам (13,7 %) и усиление общественного контроля (13,7 %). Все перечисленные варианты выбрали 5,5 % опрошенных (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Усиление каких процессов респондент мог бы отметить в условиях социальной напряженности в период пандемии в регионе/стране?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Повышение тревожности и опасений за свое настоящее и будущее	82	23,9
2	Усиление государственного контроля и надзора	74	21,6
3	Повышение устойчивости к новым вызовам и угрозам	47	13,7
4	Усиление общественного контроля	47	13,7
5	Усиление работы органов правопорядка	39	11,4
6	Повышение доверия населения к структурам, занимающимся вопросами пандемии	31	9,0
7	Все вышеперечисленное	19	5,5
8	Затрудняюсь ответить	4	1,2
	Всего	343	100,0

По мнению респондентов, все принятые органами власти и регионов меры для стабилизации ситуации в период пандемии являются очень эффективными (20,3 %), но наиболее важно – ношение медицинских масок (21,9 %) [6], соблюдение режима самоизоляции (15,3 %) и социальной дистанции (14,0 %) [7], а также использование антисептических средств (13,3 %).

Также со стороны респондентов, принимавших участие в исследовании, были даны некоторые рекомендации по снижению социальной напряженности в основных сферах жизни общества в период пандемии новой коронавирусной инфекции органам государственной власти: интересоваться мнением граждан, обращать внимание на все ключевые сферы жизни общества, поддерживать все слои населения, обеспечивать прозрачность своей деятельности, взаимодействовать с НКО и общественными организациями, не вводить неоправданные ограничительные меры и предоставлять правдивые данные по статистике и актуальной для общества информации; и населению: соблюдать меры предосторожности, помогать государству в разрешении ситуации, сохранять спокойствие, заботиться о здоровье, повышать собственную ответственность, придерживаться четких жизненных позиций, приспосабливаться к новым условиям и надеяться на свои силы.

Соглашаясь с представленными выше рекомендациями, хотелось бы добавить, что органы власти пользовались бы большим доверием и уважением у населения, если бы чаще прислушивались к его мнению, и еще раз подчеркнуть, что для стабилизации ситуации в целом необходимо с уважением и ответственностью относиться к вводимым ограничениям в настоящий период, к своему здоровью и к здоровью окружающих вас людей, а также по возможности более спокойно и критически относиться к поступающей из разных источников данных информации.

Выводы

Резюмируя вышесказанное, отметим высокую степень значимости рассмотренной нами проблемы и ее потенциал для дальнейшего изучения. В ходе исследования было выявлено, что для традиционных дисциплинарных пространств в современном обществе характерно закрытие границ и усиление контроля. Особое усиление контроля наблюдается со стороны сфер и институтов, обеспечивающих охрану здоровья населения и сфер выработки законодательных решений. Статус дисциплинарных приобретают и другие пространства, играющие большую роль в жизни населения страны, и для них характерны уже некоторые другие процессы, а именно: акцент на новые способы работы и получение прибыли, успешная адаптация к непривычным форматам работы и открытие границ. Хотя большая часть опрошенных нами респондентов согласна, что период пандемии и ограничений сделал ключевые сферы жизни общества более устойчивыми к новым вызовам и угрозам в условиях социальной напряженности, что власть стала пользоваться большим уважением населения и страна хорошо справляется с возникшими трудностями, все же достаточно велика доля тех, кто придерживается противоположного мнения и в качестве усиления некоторых процессов в стране и регионе отмечает повышение тревожности и опасений за свое настоящее и будущее и усиление государственного контроля и надзора.

Литература

1. Бобринская Е. А. Дисциплинарные пространства. URL: <https://www.ais-aica.ru/239-2011-01-21-10-03-12/-2011110/2579-2011-12-29-09-05-47.html> (дата обращения: 19.11.2020).
2. Грабельных Т. И. Концепция ментальности в закрытых социальных пространствах: монография. М. : Прометей, 2000. 285 с.
3. Грабельных Т. И. Ментальный потенциал образовательных учреждений МВД России. Вопросы методологии социологического познания : монография. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2001. 489 с.
4. Замятин Д. Н. Феноменология географических образов. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kof/r/2000/2000_06.htm (дата обращения: 18.11.2020).
5. Казанцев Н. Е. «Дисциплинарные пространства» М. Фуко: тема паноптизма в современном социальном познании // Грамота. 2015. № 3, ч. 3. С. 69–72.

6. О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-19 в период сезонного подъема заболеваемости острыми респираторными вирусными инфекциями и гриппом : постановление Гл. гос. сан. врача РФ от 16 окт. 2020 г. № 31. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1418796/> (дата обращения: 20.11.2020).

7. Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019 : указ Губернатора Иркутской области от 18 марта 2020 г. № 7. URL: <https://rg.ru/2020/03/28/irkutsk-ukaz65-reg-dok.html> (дата обращения: 20.11.2020).

8. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней : указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206. URL: <https://rg.ru/2020/03/28/irkutsk-ukaz65-reg-dok.html> (дата обращения: 20.11.2020).

9. О режиме функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций : указ Губернатора Иркутской области от 12 окт. 2020 г. № 279-уг. URL: <https://irkobl.ru/coronavirus/covid19-acts.php/945640/> (дата обращения: 20.11.2020).

10. Фуко М. Надзирать и наказывать. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.

11. Фуко М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2002. 384 с.

12. Фуко М. Пространство, знание, власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.

13. Bowring J. The works of Jeremy Bentham // Edinburgh. 1838–1843. VIII: p. 380.

УДК 316.65

Е. А. Богорадникова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОВРЕМЕННЫЕ ТRENДЫ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ВИРТУАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Рассмотрена роль виртуального пространства в жизни молодого поколения. По данным социологического исследования определены характер и масштаб проблемы зависимости от социальных сетей молодежи, а также тренды развития молодежных виртуальных пространств. Выявлены основные пути активной самореализации молодежи в социальных сетях.

Ключевые слова: молодежь, социальная сеть, тренды молодежных виртуальных пространств, интернет-коммуникации, виртуальное пространство.

E. A. Bogoradnikova

Irkutsk State University, Irkutsk

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF YOUTH VIRTUAL SPACES IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES

The article discusses the role of virtual space in the life of the young generation. According to the sociological research, the nature and scale of the problem of dependence on social networks of young people, as well as trends in the development of youth virtual spaces are determined. The main ways of active self-realization of young people in social networks are revealed.

Keywords: young people, social network, trends in youth virtual spaces, Internet communications, virtual space.

Современному обществу характерны быстрые темпы развития IT-технологий, дающая возможность индивидам коммуницировать и развиваться в двух пространствах: реальном мире и виртуальном, при помощи создания «цифрового» образа в интернете. В начале XXI в. появились такие социальные сети, как Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники», MySpace и др., охватившие территорию по всему миру [6]. Отсюда и вытекает важная проблема – как регулировать влияние трендов социальных сетей на поведение и коммуникации молодежи в условиях глобальных вызовов. Данный вопрос является актуальным не только для Российской Федерации, но и для всего мира в целом.

Постановка проблемы

В эпоху цифровизации и технологизации роль социальных сетей в жизни молодежи и всего общества в целом значительно возросла. «Появление новых инновационных решений» вызывает формирование платформ [4]. Поэтому молодежь ищет свою платформу, которая представит опорную площадку для последующего ее развития. Самореализуя себя в виртуальных пространствах, молодежь находится в поиске устойчивых каналов связи. Сегодня происходят кардинальные изменения в межличностном и межгрупповом общении, осуществляется стремительное распространение интернет-коммуникации на всех уровнях. Интернет-коммуникации и тренды, распространяемые в виртуальном пространстве все больше заполняют досуг молодого поколения, не оставляя место для реального живого общения.

Социальные сети стали частью жизни ряда поколений молодежи под влиянием интернета и трендов, протекающих в них. Возросло значение социальных сетей и как способа манипуляции над человеком, его сознанием и мышлением. В настоящее время интернет-пространство представляет для молодежи альтернативный мир, где она может коммуницировать, осуществлять покупки, развлекаться, получать знания и делиться своими знаниями и опытом и др. Представляется, что виртуальное пространство – это пространство иллюзорного восприятия, в которое включаются все добровольно, не осознавая его мнимость. Для современной молодежи свойственно лихорадочное «блуждение» по социальным сетям, что позволяет нам говорить об интернет-зависимости или интернет-аддикции среди молодого поколения [8].

Методология исследования

В современных условиях проблемы, связанные с положением и позициями молодежи в виртуальном пространстве приобретают все большую актуальность. Различные исследования социологов и психологов отражают проблемы самопредъявления в интернете (Дж. Донат, Дж. Сулер и др.), причины создания виртуального образа личности (Е. П. Белинская, А. Е. Войскунский, А. Е. Жичкина и др.). Несмотря на большое количество исследований в данном направлении, не до конца изучена особенность взаимосвязи виртуальных коммуникаций и поведения молодежи.

С конца XX в. такое явление как «общение опосредованное компьютером» интересовало исследователей психологии, социологии и лингвистики. В социально-психологической науке большое количество трудов посвящены вопросам, связанным со спецификой межличностных и межгрупповых коммуникаций и взаимодействий в виртуальном пространстве, создания сетевой идентичности. В лингвистической науке виртуальное общение исследователями рассматривается как «электронный дискурс», представляющий специфику функционирования языков и деятельности, связанной с речью (Е. И. Горошко [3], И. Н. Розина, А. Г. Аврамова и др.).

Проблемами управления социально-перцептивным процессом в социальных сетях и конструирования желаемого образа занимались Е. П. Белинская, А. Е. Жичкина, А. Евдокименко, Н. Ю. Федунина, а также зависимости от виртуального мира (А. Голдберг, Н. В. Авербух, Б. Б. Величковский, Юрьева, Т. Ю. Больбот, Н. А. Носов, и др.). Сопоставность поведения в сообществах сетевого характера и новые формы «сетевого мышления» интересовали таких исследователей, как С. В. Бондаренко, Э. Рэймонд, Т. Литака, М. Кастельс и др.

Проведенный обзор научных работ показал, что для отечественных социологов молодежные виртуальные пространства должны стать предметом более пристального внимания.

Методы и методика исследования

В период с 7 по 8 ноября 2020 г. с целью выявления роли коммуникативных пространств, трендов в социальных сетях для молодежи, в рамках инициативного исследовательского проекта на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инно-

ваний ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» автором проведено пилотажное социологическое исследование методом онлайн-опроса. Опрос имел целевой характер, в качестве респондентов выступала молодежь. В рамках исследования было опрошено 150 чел., из которых 66 % составляют женщины и 34 % мужчины. Основной аудиторией выступила молодежь в возрасте от 19 до 25 лет (65,7 %), в основном проживающая в городской местности, мнение которой играет важную роль при анализе ответов. Данный метод социологического исследования дал возможность обратить внимание одновременно на несколько аспектов проблемы. В ходе исследования было выявлено: 1) в какие тренды в социальных сетях включена молодежь; 2) в каких социальных сетях молодежь реализует себя более активно; 3) какие преимущества и недостатки общения в социальных сетях выделяет молодое поколение.

Исследование проведено на платформе webanketa.com. Для анализа данных, полученных в процессе исследования, были использованы программы IBM SPSS Statistics 22.0 и Microsoft Office Excel.

Результаты исследования

Социальные сети в жизни молодого поколения

В процессе исследования выявлено, что фактически все опрошенные (100 %) пользуются социальными сетями. С целью выяснения, в каких социальных сетях чаще всего находится молодое поколение, мы спросили у респондентов: «В каких социальных сетях Вы реализуете себя более активно?» (табл. 1). Также респондентам был задан вопрос: «Считаете ли Вы себя зависимыми от социальных сетей?» (табл. 2). Результаты данных ответов позволили нам сделать вывод о том, что, действительно, социальные сети играют важную роль в жизни молодого поколения. Также это дало основание предположить, с какой целью они находятся в виртуальном пространстве социальных сетей.

Таблица 1

В каких социальных сетях респонденты реализуют себя более активно

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Instagram	126	25,4
2	ВКонтакте	117	23,5
3	Telegram	71	14,3
4	Whatsapp	70	14,1
5	Viber	58	11,7
6	Одноклассники	19	3,8
7	Twitter	12	2,4
8	Facebook	9	1,8
9	Tinder	5	1,0
10	Badoo	4	0,8
11	Другое	4	0,8
12	Все вышеперечисленные	2	0,4
	Всего	497	100,0

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя зависимыми от социальных сетей?» в зависимости от возраста респондента

№ п/п	Варианты ответов	Возраст респондентов									
		18 лет и младше		От 19 до 25 лет		От 26 до 30 лет		От 31 до 35 лет		Всего	
		Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да/скорее да	16	69,6	49	50,5	9	56,3	5	35,7	79	52,7
2	Нет/скорее нет	7	30,4	46	47,4	7	43,8	9	64,3	69	46,0
3	Затрудняюсь ответить	0	0,0	2	2,1	0	0,0	0	0,0	2	1,3

№ п/п	Варианты ответов	Возраст респондентов									
		18 лет и младше		От 19 до 25 лет		От 26 до 30 лет		От 31 до 35 лет		Всего	
		Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да/скорее да	16	69,6	49	50,5	9	56,3	5	35,7	79	52,7
2	Нет/скорее нет	7	30,4	46	47,4	7	43,8	9	64,3	69	46,0
3	Затрудняюсь ответить	0	0,0	2	2,1	0	0,0	0	0,0	2	1,3
	Всего	23	100,0	97	100,0	16	100,0	14	100,0	150	100,0

Представленные данные в табл. 1, позволяют нам говорить о том, что абсолютное большинство респондентов используют такие социальные сети как «Instagram» и «ВКонтакте». Это свидетельствует о том, что именно эти информационные порталы обеспечивают для молодежи устойчивость взаимодействий. Около половины опрошенных пользуются такими мессенджерами как «Telegram», «Whatsapp», «Viber», которые используются для обмена текстовыми сообщениями и медиафайлами. «Telegram» сейчас имеет особую популярность среди современной молодежи, так как он представляет пользователям (подписчикам телеграм-каналов) площадку таинственности и запрещенности. В последнее время Telegram используется «...для вброса в информационное поле «инсайдерской» информации, которую затем тиражируют другие новостные интернет-ресурсы» [1]. Многие всего респондентов интересуют приложения для знакомств, такие как Tinder и Badoo. Что позволяет сделать вывод о том, что молодежь не сильно доверяет виртуальным площадкам для знакомств и предпочитает заводить новые знакомства в реальной жизни.

Из табл. 2 мы видим, что чуть больше половины респондентов (52,7 %) считают себя зависимыми от социальных сетей. Молодежь от 19 до 25 лет почти одинаково разделилась на зависимых (50,5 %) и независимых (47,4 %) от социальных сетей. Респонденты в возрасте от 26 и 30 лет распределились также на 56,3 % и на 43,8 % соответственно. Среди подростков тоже больше зависимых (69,6 %) от виртуального пространства, а среди молодежи от 31 года до 35 лет прослеживается обратное, т. е. больше независимых (64,3 %). Это свидетельствует о том, что на молодежь, действительно, социальные сети оказывают огромное влияние на ее установки, принципы, поведение. По мнению специалистов, человек, находящийся в зависимости от социальных сетей, обладает низкой самооценкой, неуверенностью в себе, а виртуальное пространство позволяет презентовать себя, как желаемо человеку. Количеством лайков и комментариев в социальных сетях измеряется «виртуальное» социальное положение [2, с. 47].

Тренды развития молодежных виртуальных пространств

Тренды в виртуальном пространстве представляют собой увеличение количества поисковых запросов, проблем, тем, статей по определенному вопросу. Возникновение трендов в интернет-пространстве зависит от событий, происходящих по миру и в самом виртуальном пространстве, от рекламы различных компаний, продвигающих свой бренд или продукцию. Из-за пандемии и вынужденных мер самоизоляции, множество людей стали совершать покупки онлайн, поэтому вырос интерес к виртуальной примерке, стали популярны QR-коды. Данные Google Trends показывают, что в 2020 г. имели популярность следующие запросы: в Российской Федерации – «QR-код», в Великобритании – «виртуальная примерка», в Саудовской Аравии – «приложения» [5]. Большое влияние на молодежь оказывают знаменитости виртуальности, т. е. киноактеры, музыканты, геймеры, киберспортсмены, блогеры и видеоблогеры. В социальных сетях молодежь в возрасте от 25 до 34 лет предпочитают посещать каналы о еде и рецептах (43 %), молодым людям в возрасте 13–24 лет тоже данная тема вызывает интерес (37 %). Геймеры и киберспортсмены вызывают интерес больше у подростков (25 %), чем у более зрелой молодежи (14 %) [7]. Для выяснения, в какие тренды включена молодежь в условиях глобальных вызовов, респондентам был задан вопрос: «Назовите известные Вам тренды, в которые включена молодежь?» (табл. 3).

Таблица 3

Известные респондентам тренды, в которые включена молодежь в социальных сетях

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Модные	66	19,4
2	Неформальные	47	13,8
3	Общественные	43	12,6
4	Информационные	41	12,1
5	Образовательные	34	10,0
6	Культурные	30	8,8
7	Политические	17	5,0
8	Все вышеперечисленные	50	14,7
9	Затрудняюсь ответить	11	3,2
10	Другое	1	0,3
	Всего	340	100,0

Данные табл. 3 показывают, что респонденты считают модные тренды приоритетными (19,4 %) в виртуальном пространстве среди молодежи, на втором месте по количеству ответов находятся неформальные тренды (13,8 %), общественные (12,6 %) и информационные (12,1 %) тренды набрали почти одинаковое количество ответов среди молодых. Также 14,7 % ответов составляет вариант «Все вышеперечисленные». Меньше всего молодежь интересуют тренды, связанные с политикой (5,0 %). Исходя из этих данных, можно прийти к выводу, что молодежь заинтересована в модных направлениях, протекающих в виртуальной реальности. Полагаем, что заинтересованность вызвана тем, что молодое поколение стремится выделиться себя, а модные молодежные направления позволяют им показать себя миру, кто они такие и кем они хотят быть. Следуя модным тенденциям, молодой человек имеет общие темы для общения со своими сверстниками.

Преимущества и недостатки интернет-коммуникации

Известно, что интернет-коммуникация – это особый вид общения, позволяющий людям взаимодействовать друг с другом через интернет и различные цифровые устройства. Коммуникация в виртуальном пространстве может осуществляться через электронную почту, социальные сети, онлайн-игры, форумы, комментарии, видеочаты и др. Как показало проведенное исследование, общение в интернете имеет свои преимущества (табл. 4) и недостатки (табл. 5).

Исходя из данных, отраженных в табл. 4, можно сделать вывод, что основное преимущество общения через интернет это «возможность общения с людьми, находящимися в других городах, странах и т. д.» (22,5 %), а также те 13,4 %, которые отметили вариант «все вышеперечисленные». Вариант «быстрота общения» выбрали 20,9 % респондентов. Меньше всего набрал вариант ответа «стимулирование собственной мотивации, повышение самооценки» (3,7 %).

Проанализировав полученные результаты, можно сделать вывод, что главная негативная черта общения в интернете для молодежи это повышение риска неверной трактовки информации (14,6 %), а также те 6,7 %, которые отметили вариант «все вышеперечисленные». Только 4,8 % отметили, что общение в социальных сетях влияет на изменение сознания человека.

Данные, представленные в табл. 4 и 5, позволяют сказать, что интернет-пространство дает для молодежи возможность общаться быстро и вне зависимости от территориального пространства. Это позволяет сэкономить время и поддерживать общение, находясь далеко от собеседника. Интернет дает возможность для развития молодежи, на его просторах они чувствуют себя устойчиво, так как на этой платформе они могут быстро найти дополнительный материал и уточняющие факты для утверждения своей точки зрения. Но недостаток всемирной паутины в том, что информация, размещенная на просторах интернета, не всегда является корректной и достоверной, в силу неграмотности авто-

ров или фальсификации, которая направлена на то, чтобы запутать или дезинформировать людей.

Таблица 4

Основные преимущества общения в социальных сетях, по мнению респондентов

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Возможность общения с людьми, находящимися в других городах, странах и т. д.	86	22,5
2	Быстрота общения	80	20,9
3	Возможность быстро найти дополнительный материал и уточняющие факты для утверждения своей точки зрения	55	14,4
4	Возможность заводить новые знакомства	38	9,9
5	Возможность контролировать смысловую, содержательную, грамматическую и другие стороны информации	36	9,4
6	Добровольность взаимодействия	22	5,8
7	Стимулирование собственной мотивации, повышение самооценки	14	3,7
8	Все вышеперечисленные	51	13,4
	Всего	382	100,0

Таблица 5

Негативные черты общения в социальных сетях, по мнению респондентов

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Повышение риска неверной трактовки информации	70	14,6
2	Искажение языка общения (разные молодежные сленги)	59	12,3
3	Уход от реального мира в виртуальный	57	11,9
4	Слепая критика	56	11,7
5	Низкий уровень культуры	55	11,5
6	Отсутствие эмоциональности	51	10,6
7	Получение неполной информации о собеседнике	45	9,4
8	Иллюзорное восприятие, мнимость сходства интересов и мировоззрения	31	6,5
9	Изменение сознания человека	23	4,8
10	Все вышеперечисленные	32	6,7
	Всего	479	100,0

Выводы

Таким образом, мы сделали вывод, влияние виртуального пространства и его трендов на молодежь и ее ценностные ориентиры значительное. Социальные сети плотно вошли в обиход молодого человека, грань между виртуальным и реальным стала тонка. Недостаточно социализированные личности, попадая в виртуальное пространство, полностью погружаются в его различные формы: социальные сети, чаты, онлайн-развлечения и др. Это приводит к негативным последствиям, изменяются ценности молодого поколения, для него в приоритете становится удовлетворение личных интересов, что приводит к безразличному отношению к обществу, социальным нормам и др. Происходит обесценивание общения в реальном времени, оно заменяется сообщениями и видеозвонками. Поднимается проблема важности правильного и грамотного использования виртуального пространства и трендов, которые оно предлагает.

Литература

1. Бандурка Р. И. Влияние социальных сетей и интернет-коммуникаций на формирование общественного мнения // Интеллектуальный капитал в XXI веке. Иркутск : Отгиск, 2019. С. 67–70.
2. Бирюков А. Б. Зависимость от социальных сетей // Инновационная наука. 2017. № 5. С. 46–48.
3. Горошко Е. И. К уточнению понятия «Компьютерно-опосредованной коммуникация»: проблемы терминоведения // ОТО. 2009. № 2. С. 445–454.
4. Грабельных Т. И. Формирование новых научно-технологических платформ как социально-технологической «взрыв» и главный вызов экспертному сообществу // Трансформация социального мира в современную эпоху : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Отгиск, 2019. С. 22–24.

5. Данные Google Trends о поисковых запросах: 4 тенденции, которые изменили ритейл. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/marketing-strategies/search/consumer-behaviour-changes-expectations> (дата обращения: 18.11.2020).

6. Кузьмина Е. С. Социальные сети как источник данных социологических исследований в условиях перехода к цифровому обществу // Трансформация социального мира в современную эпоху : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Отгиск, 2019. С. 151–153.

7. Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/consumer-insights/consumer-trends/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privyчек-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain> (дата обращения: 18.11.2020).

8. Патрикеева Э. Г., Соловьева О. А., Селезнева Т. А. Влияние виртуального пространства сети Интернет на жизненные ценности современной молодежи // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1342–1346. URL: <https://moluch.ru/archive/90/18990/> (дата обращения: 10.11.2020).

УДК 331.56-055.2(571.53)

М. А. Варфоломеева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРИЧИНЫ И ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В АСПЕКТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ИНТЕРЕСАХ ЖЕНЩИН (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье с позиции социального проектирования рассматривается безработица как серьезная макроэкономическая проблема экономического развития современного общества. Автор исходит из того, что истоки женской безработицы, безусловно, произрастают из дискриминационных явлений на рынке труда, благодаря которым женщины оказываются «на обочине» активной экономической деятельности. В работе представлены результаты исследования, раскрывающие отношение населения к вопросам эффективности основных механизмов регулирования женской безработицы в аспектах государственной политики в интересах женщин в России (на примере Иркутской области).

Ключевые слова: женщины, труд, рынок труда, занятость; безработица, региональный рынок труда, социальная политика, конкурентоспособность, пособие по безработице, государственная политика.

М. А. Varfolomeeva

Irkutsk State University, Irkutsk

REASONS AND BASIC REGULATION MECHANISMS OF WOMEN'S UNEMPLOYMENT IN THE ASPECT OF STATE POLICY IN THE INTEREST OF WOMEN (CASE OF IRKUTSK REGION)

In the article, from the standpoint of social planning, unemployment is considered as a serious macroeconomic problem of the economic development of modern society. The author proceeds from the fact that the origins of female unemployment, of course, stem from the discriminatory phenomena in the labor market, thanks to which women find themselves “on the sidelines” of active economic activity. The paper presents the results of a study that reveal the attitude of the population to the effectiveness of the main mechanisms for regulating female unemployment in aspects of state policy in the interests of women in Russia (on the example of the Irkutsk region).

Keywords: women, labor, labor market, employment; unemployment, regional.

Автор статьи анализирует полученные результаты проведенного исследования и на основе полученных данных предлагает варианты создания специализированных центров, содействующих трудоустройству безработных граждан и способствующих получению дополнительного образования безработными гражданами в современных условиях, приводит аргументы в пользу создания таких центров, показывает возможности и перспективы их функционирования в регионе.

Также по результатам, полученным в ходе проведенного опроса, выявлена необходимость внедрения принципов и методов социального регулирования женской безработицы в Иркутской области, активной информированности населения о реализации национальных проектов, обязательно с обратной связью с населением, в том числе женским, усовершенствование механизмов информационного обеспечения, что, в свою очередь,

также возможно посредством создания и популяризации специализированных центров занятости. Безусловно, на территории Иркутской области уже осуществляет свою деятельность Центр занятости населения, однако прочие подобные центры могут функционировать параллельно с ним и осуществлять более адресную поддержку, в частности, женщин, оставшихся без работы, а также оказывать расширенный комплекс услуг, например, психологических, образовательных и т. п.

По результатам проведенного исследования (онлайн-опроса) населения Иркутской области (анкетирование) нам удалось сделать следующие основные выводы:

1. Максимальную заинтересованность в теме исследования проявили женщины, их количество составило 205 чел. (100 %). Что свидетельствует о высоком уровне заинтересованности женщин Иркутской области в решении проблем женской безработицы и поиске причин существующих проблем.

2. Большинство респондентов, участвовавших в опросе, отметили, что безработица – это серьезная макроэкономическая проблема экономического развития современного общества, требующая объединения усилий всех сторон.

3. Статистические данные подтверждают неравномерность российского рынка труда и показывают наличие на нем половой дискриминации, что обусловлено необходимостью выполнять женщинами множество других функций. Таких, как уход за детьми, уход за близкими родственниками, социальной трансформацией общества, в котором укоренились стереотипы об отсутствии необходимости занятости женщин, об их некомпетентности в отдельных областях по сравнению с мужчинами.

4. Одной из причин женской безработицы являются также гендерные противоречия и меры дискриминационного характера со стороны работодателей при формально равных условиях: наблюдается разница в возможностях трудоустройства, карьерном росте, оплате труда, доступе к руководящим постам у женщин. К сожалению, социально-правовые механизмы и социально-экономическое регулирование проблемы со стороны государства и общества не всегда работают на практике, оказывая различное влияние на положение женщин в социально-трудовой сфере.

5. Большинство респондентов, участвовавших в опросе, отметили, что необходимо регулировать женскую безработицу в регионе при помощи создания новых рабочих мест, предоставлять финансовую поддержку при открытии собственного дела (малый и средний бизнес), заниматься организацией временного трудоустройства граждан (например, в условиях пандемии).

6. Знания, необходимый опыт работы, наличие определенного стажа работы по специальности, востребованность образования, по мнению безработных женщин, являются приоритетными для работодателей Иркутской области при рассмотрении кандидатур при приеме на работу.

7. Потенциальная помощь в содействии трудоустройству и занятости от государства требуется всем, что обуславливает актуальность создания центра/службы содействия трудоустройству и занятости, в получении образования нетрудоустроенным гражданам. Государство должно взять под строгий контроль все случаи дискриминации женщин в сфере трудовых отношений и контролировать деятельность центров занятости и агентств по трудоустройству.

8. Становится вновь актуальным запрос, связанный с необходимостью внедрения принципов и методов социального регулирования женской безработицы в Иркутской области, активной информированности населения о реализации национальных проектов, обязательно с обратной связью с населением, в том числе женским, усовершенствование механизмов информационного обеспечения.

Заключение

Таким образом, проблема женской безработицы в российском обществе остается одной из актуальных на сегодняшний день. Во многом она обусловлена трансформационными процессами в обществе и социально-экономической нестабильностью, наблю-

дающейся на разных этапах развития страны. В современных условиях одной из причин являются также гендерные противоречия и меры дискриминационного характера со стороны работодателей при формально равных условиях: наблюдается разница в возможностях трудоустройства, карьерном росте, оплате труда, доступе к руководящим постам у женщин. Выявлено, что социально-правовые механизмы и социально-экономическое регулирование проблемы со стороны государства и общества не всегда работают на практике, оказывая различное влияние на положение женщин в социально-трудовой сфере. С целью решения этой проблемы возникает необходимость всестороннего изучения характера и особенностей женской безработицы.

Причем необходимость обеспечения государственных гарантий в области регулирования безработицы в аспекте государственной политики в интересах женщин возрастает, как на федеральном, так и на региональном уровне. Так, проведенное исследование показало необходимость внедрения механизмов государственного регулирования рынка труда в Иркутской области и показало наличие потребности жителей в осуществлении такого регулирования.

УДК 316.6

Р. С. Волкова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ САМОУБИЙСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ САМОИЗОЛЯЦИИ)

Рассмотрена динамика самоубийств под влиянием социальных и психологических факторов. Определены методологические основы исследования суицида как социального явления, проявляющегося в условиях самоизоляции. По результатам проведенных исследований дифференцированы социальные и психологические факторы пандемической детерминации на динамику самоубийств.

Ключевые слова: суицид, динамика самоубийств, социальные факторы, психологические факторы, самоизоляция, пандемия.

R. S. Volkova

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS OF SUICIDE DYNAMICS IN MODERN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF SELF-ISOLATION)

In the article, the author examines the dynamics of suicides under the influence of social and psychological factors. The methodological foundations of the study of suicide as a social phenomenon that manifests itself in conditions of self-isolation are determined. Based on the results of the research, social and psychological factors of pandemic determination are differentiated for the dynamics of suicides.

Keywords: suicide, suicide dynamics, social factors, psychological factors, self-isolation, pandemic.

Современный мир во всем его многообразии не перестает трансформироваться и влияние этих трансформаций на социальную среду достаточно высоко. Такие трансформации стали неотъемлемой частью российского общества и невозможно отрицать, что на данный момент их концентрация значительно превышает норму. Все это влияет на социальное самочувствие и психологическую обстановку и приводит общество в состояние неконтролируемого стресса и депрессии.

Самоубийство как следствие социальной нестабильности ежегодно занимает первые места в списке наиболее обсуждаемых проблем современности. Так, Федеральная служба государственной статистики опубликовала данные о количестве самоубийств в России за 2019 г. – 16 983, что является на 1 176 меньше, чем в 2018 г. и соответствует коэффициенту на 100 тыс. чел. населения – 11,6 [6]. Игнорирование данной темы не приводит к улучшению ситуации, а напротив, может только усугубить ее. Именно поэтому

важно поднять обсуждение темы суицида на принципиально новый уровень, что поможет не только разобраться в проблеме под другим углом, но и найти совершенно уникальные способы ее благополучного разрешения.

Постановка проблемы

Пандемия повлияла на Россию во многих направлениях. Одним из важнейших факторов стал рост социального и психологического дискомфорта среди населения, что могло напрямую повлиять на динамику самоубийств и рост общественной депрессии. Известно, что после распада СССР в России прослеживался рост общественной депрессии, выражающейся в нарастании страхов, духовных кризисов, повышения агрессии в обществе и др. [2]. На данный момент является принципиально важным проанализировать влияние самоизоляции, введенной как мера профилактики новой коронавирусной инфекции COVID-19, на желание человека покончить жизнь самоубийством.

Выявление социальных и психологических факторов динамики самоубийств ввиду самоизоляции позволит ученым более ясно посмотреть на проблему, которая веками существовала в мире. Появление совершенно новой социальной болезни, которая войдет в историю почти наравне с эпидемией чумы, могло во многом повлиять на трансформацию факторов, способных оказать значительное влияние на динамику самоубийств в России.

Раскрытие социальной и психологической природы самоубийства как явления, происходящего вследствие массовой самоизоляции, является одним из основных векторов научных исследований в 2020 г. Изучение этого аспекта данной проблемы может значительно повлиять на вектор предлагаемых предложений по борьбе с ней.

Методология исследования

Суицид с древности является явлением, о котором известно многим. Начало рассуждений на эту тему и ее поверхностного и глубокого изучения положили мифы, произведения искусств, религии. Взгляды на эту проблему претерпевали значительные трансформации на протяжении всего времени ее существования: от презрения до признания и даже романтизации.

Самоубийство как социальное явление достаточно давно вызывает интерес со стороны не только социологов, но и ученых других направлений. Значительный вклад в разработку проблемы самоубийства как явления социального внес знаменитый американский суицидолог Эдвин Шнейдман. Ученый пришел к выводу, что к суициду приводит «...не отсутствие спокойствия, самообладания или счастья в зрелости, а насильственное лишение незабываемо волшебных радостей детства, преследующее человека всю жизнь» [8, с. 304, 307]. А. Камю считал проблему самоубийства единственной по-настоящему серьезной философской проблемой [6]. Также не стоит забывать о фундаментальных разработках таких ученых как Эмиль Дюркгейм и Зигмунд Фрейд. Э. Дюркгейм рассматривал самоубийство только в совокупности с трансформациями в структуре общества, а также вывел собственную типологию самоубийств [3]. З. Фрейд, в свою очередь, совместно с Абрахамом разработал психодинамический подход, который определял суицид как следствие агрессивного поведения [9]. Зарубежные ученые при изучении такого явления как самоубийство старались придерживаться таких фундаментальных концепций как психоанализ, бихевиоризм, интеракционизм и различных их ответвлений, распространенных в психологии [1].

Обсуждение темы суицида в России носило табуированный характер вплоть до 1830-х г. Уже после началось не только изучение, но и публикация научных работ и прочих документов по данной тематике [4, с. 7]. Русскими учеными, изучавшими основные аспекты суицида стали В. М. Бехтерев, М. Н. Гернет, А. Ф. Кони и др. П. Сорокин являлся сторонником идей Э. Дюркгейма на основании которых он изучал самоубийство как социальное явление, существующее только у людей, его историю, причины и основные способов борьбы [5].

Методы и методики исследования

Учитывая современную специфику влияния самоизоляции на социальное и психологическое состояние общества и каждого его члена в частности, представлялось важным уделить особое внимание выявлению основных социальных и психологических факторов, способных оказать воздействие на динамику самоубийств в России. Для выявления современных факторов, влияющих на динамику самоубийств в условиях самоизоляции в России в период с 7 по 10 ноября 2020 г. в рамках исследовательского проекта на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» автором было проведено пилотажное социологическое исследование методом онлайн-опроса с помощью площадки www.webanketa.com. Представленный опрос имел сплошной характер. Было опрошено 92 (100 %) чел. Социально-демографический портрет респондентов выглядит следующим образом: 81,5 % женщин и 18,5 % мужчин; в возрасте до 17 лет – 2,2 %, от 18 до 25 лет – 68,5 %, от 26 до 30 лет – 6,5 %, от 31 до 35 лет – 5,4 %, от 36 до 45 лет – 5,4 %, от 46 до 60 лет – 9,8 %, от 61 года и старше – 2,2 %; имеющих образование: неоконченное высшее – 40,2 %, высшее – 21,7 %, среднее – 17,4 %, среднее специальное – 15,2 %, основное общее – 3,3 %, имеющих ученую степень – 2,2 %; учащихся профессионального образовательного учреждения (вуза, ссуза и т. д.) – 55,4 %, работающих – 22,8 %, обучающихся и работающих одновременно – 12 %, учащихся общеобразовательного учреждения (школы, лицея, гимназии и т. д.) – 4,3 %, безработных – 3,3 %, пенсионеров – 2,2 %. Респонденту была предложена анкета, состоящая из 31 вопроса, где необходимо было выбрать наиболее соответствующие его личному мнению ответы. В качестве вопросов-индикаторов по теме исследования выступили 2 вопроса:

1. Какой из внешних социальных факторов оказывает наибольшее влияние на динамику самоубийств.

2. Назовите внутренние факторы, которые в значительной степени влияют на динамику самоубийств.

Статистический анализ был произведен в специализированных программах MS Excel и IBM SPSS Statistics 22.0.

Результаты исследования

Факторы, влияющие на динамику самоубийств

В тяжелых условиях пандемии и введенной самоизоляции уровень стресса среди населения увеличился. Суицидальные мысли являются обычным последствием возрастающей депрессии и социальной напряженности. Факторы не только внешней, но и внутренней среды, имеют значительное влияние на возникновение упаднических настроений и, вследствие этого, мыслей, связанных с самоубийством. Ниже представлен анализ двух основных вопросов, касающихся внешних и внутренних факторов, влияющих на динамику самоубийств (табл. 1–2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какой из внешних социальных факторов оказывает наибольшее влияние на динамику самоубийств?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Мировой финансовый и экономический кризис	45	17,7
2	Социальные конфликты (экономические, политические, трудовые и т. д.)	40	15,7
3	Социальные болезни (COVID-19, ВИЧ, СПИД, туберкулез и т. д.)	37	14,6
4	Социальные противоречия	35	13,8
5	Терроризм	17	6,7
6	Современные вызовы	16	6,3
7	Информационная война	14	5,5
8	Гуманитарные катастрофы	12	4,7
9	Все вышеперечисленное	9	3,5

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
10	Всплески миграционной активности	6	2,4
11	Войны	6	2,4
12	Мировые революции	5	2,0
13	Затрудняюсь ответить	5	2,0
14	Другое (в том числе: давление общества; нет взаимосвязи; личное; биологический фактор)	4	1,6
15	Научно-технологические революции	3	1,2
	Всего	254	100,0

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Внутренние факторы, которые в значительной степени влияют на динамику самоубийств»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Потеря смысла в жизни	56	15,9
2	Невозможность реализовать в жизни	44	12,5
3	Отсутствие цели в жизни	40	11,4
4	Несоответствие потребностей реальным возможностям	29	8,2
5	Неуверенность в завтрашнем дне	29	8,2
6	Невостребованность на рынке труда	27	7,6
7	Конфликты интересов	25	7,1
8	Непризнание общества (нигилизм)	24	6,8
9	Культурный (духовный) кризис	24	6,8
10	Отсутствие свободы выбора	20	5,7
11	Крах идеалов	18	5,1
12	Навязывание общепринятых стилей поведения	16	4,5
13	Другое (а именно: отталкивание близких)	1	0,3
14	Все вышеперечисленное	0	0,0
15	Затрудняюсь ответить	0	0,0
	Всего	353	100,0

По данным в табл. 1 наибольшее количество ответов набрали 4 фактора: мировой финансовый и экономический кризис (17,7 %), социальные конфликты (15,7 %), социальные болезни (14,6 %) и социальные противоречия (13,8 %). Все это позволяет сделать вывод о том, что респонденты в большинстве придерживаются социальной концепции (Э. Дюркгейм, П. Сорокин) причин суицида, суть которой заключается в установлении главной причиной самоубийства определенных социальных, экономических и политических условий, влияющих на индивида.

Не только в России, но и во всем мире финансовый и экономический кризис играет ведущую роль в нарастании социальной депрессии и увеличении количества самоубийств. Кризис 2007–2009 гг. может послужить примером того, как из-за фатального падения фондовых рынков количество самоубийств возросло во много раз [10]. Что касается социальных конфликтов и социальных противоречий, то они являются вечной проблемой человечества и во многом влияют не только на общество в целом, но и на психологическое благополучие каждого индивида. Фактором, значительно влияющим на динамику самоубийств респонденты признали и социальные болезни, в число которых входят ВИЧ, СПИД, туберкулез и COVID-19. Множество исследований показало, что количество самоубийств среди больных неизлечимыми или тяжелыми болезнями крайне высок [11].

Интересен факт, что с научно-технологическими революциями динамику суицида связали лишь 1,2 %, хотя казалось, что многие в наше время все ускоряющегося технологического прогресса имеют склонность придерживаться противоположного мнения.

Согласно данным, представленным в табл. 2, лидирующими внутренними факторами, влияющими на динамику самоубийств, являются: потеря смысла в жизни (15,9 %), невозможность реализовать в жизни (12,5 %) и отсутствие цели в жизни (11,4 %). Данная статистика не удивительна, при наличии этих факторов, в жизни человека просто стирается смысл продолжать свое существование, растет количество мыслей о самоубийстве, чтобы не мучить себя и др. Цель является почти основополагающим двигателем жизни, она может дать как смысл, так и помочь в поиске любых возможностей, способных осуществить ее.

Такие факторы как несоответствие потребностей реальным возможностям (8,2 %) и неуверенность в завтрашнем дне (8,2 %) заняли одинаковые позиции в числе выбранных респондентами ответах. Несоответствие потребностей реальным возможностям действительно актуальная проблема современности. С каждым днем увеличивается количество товаров и услуг с высоким ценником и их рекламы, а величина дохода остается прежней, что создает дисбаланс среди потребностей и возможностей. Неуверенность в завтрашнем дне также является проблемой, существовавшей во все времена. Влияние на возникновение этого фактора оказывает и внешняя обстановка (социальная, экономическая, политическая).

Наименее всего респонденты выбрали такой фактор как навязывание общепринятых стилей поведения (4,5 %). Возможно, влияние этого фактора просто не принимается многими всерьез. Однако существует мнение, что навязывание того, как нужно выглядеть, двигаться, одеваться и говорить может отрицательно сказаться на психологическом состоянии человека, а значит и привести к стрессу, депрессии и суицидальным мыслям.

Выводы

Из всего представленного выше следует вывод, что динамика самоубийств испытывает на себе влияние как внешних, так и внутренних факторов. Что касается пандемии, то тут все не однозначно, так как сама коронавирусная инфекция как заболевание может и не оказывать особого давления на динамику самоубийств, но то, что она несет за собой как социальная болезнь, имеет на нее значительное влияние. Так, пандемия принесла за собой самоизоляция как социальное явление, а также экономический и финансовый кризис. Изоляция и общая напряженность в обществе негативно сказывались на социальном самочувствии, что могло повести за собой нарастание страха, стресса, депрессии и суицидальных мыслей. Люди, оставшиеся наедине с собой и своими мыслями, стали задумываться о своих проблемах, страхах и др. Множество предпринимателей обанкротились, а именно финансовый и экономический кризис (17,7 %) респонденты выбрали одним из первых, влияющих на динамику суицида (табл. 1). Все вышеперечисленное позволяет нам сделать закономерный вывод об опасности повторения скачка количества самоубийств в России и необходимости принять эффективные меры по ее предотвращению.

Литература

1. Абрумова А. Г., Тихоненко В. А. Диагностика суицидального поведения. М.: Моск. науч.-исслед. Ин-т психиатрии МЗ РСФСР, 1980. 55 с.
2. Грабельных Т. И. О стимулах к жизни или их отсутствию // XXI век: будущее России в философском измерении. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1999. С. 181–182.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Директ-Медиа, 2007. 744 с.
4. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М., 1999.
5. Сорокин П. А. Самоубийство как общественное явление / сост. П. А. Сорокин. Рига : Наука и жизнь, 1913. 48 с.
6. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Национальный общественно-научный фонд / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин ; гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. 863 с.
7. Естественное движение населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dUHQs3Dj/edn06-2020.htm> (дата обращения: 10.11.2020).
8. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М., 2001.
9. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: сборник. Печаль и меланхолия. СПб.: Алетейя, 1998. 256 с.
10. Agrawal P., Waggle D., Sandweiss D. H. (2017) Suicides as a response to adverse market sentiment (1980–2016) // PLoS ONE. 2017. Vol. 12, N 11. e0186913. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0186913>
11. Остаться в живых // СПИД.ЦЕНТР. URL: <https://spid.center/ru/articles/1082> (дата обращения: 15.11.2020).

**СПЕЦИФИКА МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Рассматривается миграционное поведение населения Иркутской области в период пандемии COVID-19. Проводится статистический анализ основных миграционных показателей области и сравнительный анализ показателей за 2019 и 2020 гг. Делается вывод о влиянии социальной обстановки на миграционную активность населения.

Ключевые слова: миграция, миграционное поведение, пандемия, отток населения, Иркутская область.

V. R. Gantimurov
Irkutsk State University, Irkutsk

**SPECIFICITY OF MIGRATION BEHAVIOR OF THE POPULATION
IN THE PANDEMIC PERIOD (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)**

The article examines the migration behavior of the population of the Irkutsk region during the COVID-19 pandemic. A statistical analysis of the main migration indicators of the region and a comparative analysis of indicators for 2019 and 2020 are carried out. The conclusion is drawn about the influence of the social situation on the migration activity of the population.

Keywords: migration behavior, pandemic, population outflow, Irkutsk region.

Текущий 2020-й год навсегда останется в памяти граждан России и других стран годом всемирной пандемии. Эпидемия COVID-19 и изоляция – факторы повлиявшие и продолжающие иметь прямое или косвенное влияние на все сферы социальной жизни. Возникший кризис имеет негативное влияние на утвержденные проекты и планы развития страны, так 31 марта 2020 г. ВРИО Губернатора Иркутской области Кобзевым Игорем Ивановичем был отменен Государственный план социально экономического развития Иркутской области на 2019–2023 годы [4; 5]. Немаловажным аспектом развития области является улучшение демографических показателей, на которые пандемия также имеет влияние, поэтому сложившаяся ситуация оказывается в фокусе внимания специалистов демографов.

Постановка проблемы

Основным предметом демографии является демографическое поведение населения, которое включает в себя четыре аспекта, каждый из которых необходимо рассматривать в контексте пандемии для установления изменений основных измеряемых показателей. К ним относятся: репродуктивное поведение, включающее в себя рождаемость и смертность, миграционное поведение, самосохранительное поведение, а также матримониальное поведение, включающее в себя брачность и разводимость. В первую очередь, в период эпидемии актуализируется изучение процессов заболеваемости и смертности, как основных показателей естественного движения населения. Показатели заболеваемости и смертности населения на индивидуальном и групповом уровне зависят от самосохранительного поведения отдельно взятых людей. Ношение масок и перчаток в публичных местах, соблюдение социальной (физической) дистанции, регулярная обработка рук, телефона и прочих предметов частого пользования – все это относится к самосохранительному поведению человека и влияет на его вероятность заразиться или заразить других. Возвращаясь к репродуктивному поведению, самоизоляция и общий социальный фон пандемии влияет приводит к отложению беременности, что отражается на показателях рождаемости и препятствует воспроизводству населения. Матримониальное поведение в период пандемии с одной стороны, как и репродуктивное, «откладывается» – перед лицом эпидемии походы в ЗАГС и бумажная волокита отступают за задний план, приводя к отложению брака или развода. Однако фактор изоляции обостряет отношения в семьях,

приводя к эскалации конфликтов между находящимися в браке, что приводит к увеличению числа разводов [3].

Влияние пандемии на миграционное поведение двояко: с одной стороны, закрытие границ стран приводит к снижению внешней миграции, и опасность заражения препятствует посещению аэропортов и вокзалов, что также снижает внутреннюю миграцию, с другой стороны, такие масштабные события приводят к обратной миграции внешней и внутренней миграции. В разгар пандемии многие россияне, находившиеся за границей, поспешно возвращаются на родину, что характерно и для возвращения в родной регион в пределах страны, например, возвращение студентов домой в период дистанционного обучения. Подобная ситуация происходила в 1991–1992-х гг. при распаде СССР, когда люди мигрировали из одной бывшей социалистической республики в другую. Помимо вышеобозначенного, важно обращать внимание на трудовую миграцию на фоне пандемии. В период происходящего экономического кризиса сокращается количество рабочих предприятий по всей стране, что приводит к вынужденной трудовой миграции в поисках рабочего места, а также можно наблюдать отток мигрантов из других стран. Еще одним немаловажным фактором является доступ к медицинскому обслуживанию, так как в период пандемии медицинское обслуживание в некоторых районах либо недоступно в принципе, либо перегружено в связи с массовой заболеваемостью. Таким образом, основными видами миграции в области в период пандемии нам видится вынужденная, трудовая и академическая.

Результаты исследования

Ниже приведена таблица, содержащая сравнительный анализ основных миграционных показателей Иркутской области за период с марта по сентябрь 2019 г. и с марта по май 2020 г. (данные за январь и февраль не попали в анализ, так как первый зараженный COVID-19 в России был зафиксирован 27 февраля 2020 г.).

Таблица

Миграционные показатели Иркутской области 2019 и 2020 гг.

Миграция населения Иркутской области, человек	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
Прибыло в 2019	4830	4563	4251	6304	5441	5233	5294
Прибыло в 2020	3240	2157	3446	6600	4629	4606	4559
Убыло в 2019	5004	5030	4060	6165	5750	5487	5901
Убыло в 2020	4269	2589	3378	5128	4935	5441	6036
Сальдо миграции в 2019	-174	-467	191	139	-309	-254	-607
Сальдо миграции в 2020	-1029	-432	68	1472	-306	-835	-1477

*По данным Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат) [6].

Анализ данных табл. позволяет сделать вывод о том, что отрицательное миграционное сальдо сохраняется на протяжении всего периода пандемии, помимо мая и июня 2020 г. В марте можем наблюдать увеличение разницы между прибывшими и ушедшими, миграционное сальдо апреля 2020 г. практически сравнилось с показателем за 2019 г., и начиная с августа количество ушедшего населения вновь преобладает над прибывающим.

Как мы можем наблюдать, в марте, апреле и мае 2020 г. количество людей, въезжающих в Иркутскую область заметно уменьшилось в сравнении с 2019 г., что приходится на начало пандемии. В июне количество прибывших возросло в сравнении с предыдущим годом на 297 чел., а с июля по сентябрь мы вновь можем наблюдать сниженное количество прибывающих.

Исходя из данных, представленных на графике, можно сделать вывод о том, что отток населения из области в 2020 г. ниже, чем в 2019-м за каждый месяц, кроме августа и сентября. Так, возвращаясь к показателям миграционного сальдо, в мае и июне, прибывшее население преобладает над ушедшим, за счет снижения оттока населения и увеличе-

ние притока (в июне 2020 г.). Однако, по последним данным, в августе количество уехавших из области практически сравнялось с количеством уехавших за прошлый год, в сентябре же и вовсе превысило показатели предыдущего года, что может означать продолжение повышение убыли населения из области в условиях второй волны эпидемии COVID-19.

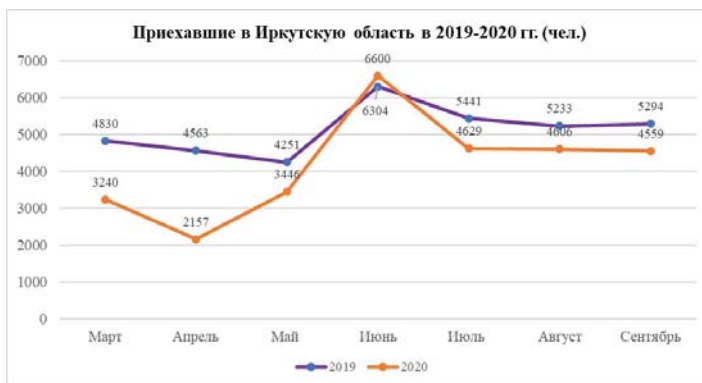

Рис. 1. Количество прибывших в Иркутскую область в 2019–2020 гг.

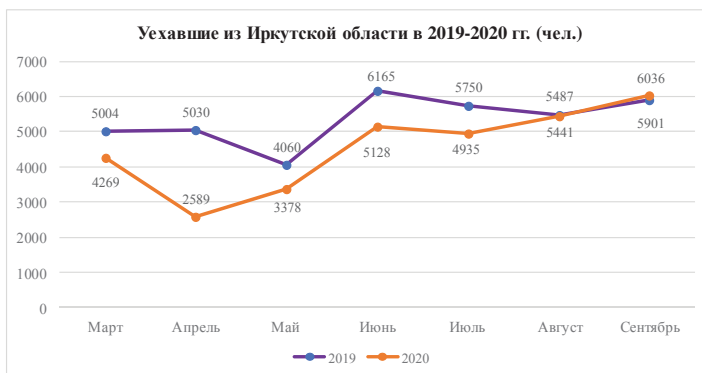

Рис. 2. Количество выбывших из Иркутской области в 2019–2020 гг.

Выводы

Таким образом, миграционное поведение населения Иркутской области в период COVID-19 имеет следующие характерные черты: снижение миграционной активности за весь период эпидемии по сравнению с предыдущим годом, кроме «скачка» показателя прибывших в область в июне 2020 г., а также роста миграционной убыли населения в августе и сентябре 2020 г. по сравнению с предыдущим годом. Закрытие границ и риск заражения снижают миграционную активность населения, однако в период эпидемии появляются и новые факторы, стимулирующие активность, например, закрытие предприятий, потеря рабочих мест и невозможность получить медицинское обслуживание в области в связи с загруженностью. Мы можем наблюдать, что, несмотря на возможное появление второй волны заражений COVID-19 осенью 2020 г., население вновь начинает уезжать, что является негативным трендом в демографической ситуации области.

Литература

1. Доклад о состоянии и тенденциях демографического развития Российской Федерации. М., 2002.
2. Кузьмина Е. С. Роль социального института образования в реализации демографической политики в Иркутской области в контексте международной миграции // Социально-демографические процессы в XXI веке: кризис, вызовы, стратегии безопасности : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; Служба ЗАГС Иркутской области; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. В. Аргучинцев]. Иркутск : Оперативная типография «На Чехова», 2017. С. 210–213.
3. Кулькова И. А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. 2020. Т. 6. Вып. 1. URL: http://progress-human.com/images/2020/Tom6_1/Kulkova.pdf (дата обращения: 18.11.2020).
4. Распоряжение Губернатора Иркутской области о государственном плане социально-экономического развития Иркутской области на 2019–2023 годы от 20 июня 2019 г. № 70-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/561576698> (дата обращения: 18.11.2020).
5. Распоряжение Губернатора Иркутской области о признании утратившими силу отдельных распоряжений Губернатора Иркутской области от 31 марта 2020 г. № 65-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/570737099> (дата обращения: 18.11.2020).
6. Федеральная служба государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат). URL: <http://irkutskstat.gks.ru> (дата обращения: 18.11.2020).

УДК 316.356.2

О. А. Жигалова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НА УСТОЙЧИВОСТЬ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И БРАКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена изучению причин проявления насилия в семье и его последствий. Аргументируется, что в современных условиях устойчивость института семьи и брака подвержена новым социальным вызовам и угрозам. Проводится анализ причин проявления домашнего насилия в семьях. Приводятся основные теоретико-методологические подходы к изучению данного вопроса. Устанавливается степень влияния пандемии коронавирусной инфекции на распространение домашнего насилия в семьях.

Ключевые слова: пандемия, семья, семейные ценности, устойчивость семьи, безопасность семьи.

O. A. Zhigalova

Irkutsk State University, Irkutsk

INFLUENCE OF SOCIAL TENSION ON THE STABILITY OF THE INSTITUTION OF FAMILY AND MARRIAGE IN MODERN CONDITIONS

This article is devoted to the causes of domestic violence and its consequences. In modern conditions, the stability of the institution of family and marriage is subject to new social challenges and threats. In the course of the study, the author analyzed the causes of domestic violence in families. The author provides the main theoretical and methodological approaches to the study of this issue. The degree of influence of the coronavirus pandemic on the spread of domestic violence in families has been established.

Keywords: pandemic, family, family values, family stability, family security.

Постановка проблемы

Важность изучения домашнего насилия в семье обусловлена нарастанием глобальных вызовов и угроз. В современном мире институт семьи и брака подвержен дисфункции, социальной нестабильности в обществе. Прослеживается изменение социальных ролей внутри семьи, что также является угрозой ее устойчивости. Также имеет место влияние вируса COVID-19 на целостность семьи. Семья является одним из важнейших элементов гражданского общества, ее разрушение приведет к потере ценностных ориентаций и мотивации вступать в брачно-семейные отношения, вследствие этого снизится и рождаемость, что пагубно скажется на демографической ситуации в России.

Современные макро- и микроугрозы выступают провоцирующим фактором насилия в семье. Необходимо подчеркнуть, что именно домашнее насилие зачастую приводит к повышению разводимости. Безопасность семьи является важным аспектом в государственной политике.

Методология исследования

Вопрос о проявлении насилия рассматривался многими исследователями, как в отечественной научной литературе, так и в зарубежной. Также следует отметить, что проблема устойчивости института семьи и брака был не раз затронут классиками социологии, отмечавшими закономерность изменений общества и, как следствие, изменение семьи.

Российско-американский социолог П. А. Сорокин [1] утверждал, что семья постоянно испытывает изменения: трансформации всего мира не могут не коснуться семьи. Даже в современном обществе институт семьи постоянно изменяется, меняются формы брака, происходит смена социальных ролей внутри семьи. Социолог считал, что брак переживает переломный момент в своем развитии, что означает лишь смену старых форм семьи на новые. Доктор социологических наук, профессор Л. И. Савинов [2; 3] в своей работе «Трансформация семьи и перспективы родительства» писал, что семья наиболее подвержена социальным рискам, она «впитывает» их и переживает, противится внешним угрозам. В то же время, в семье под давлением внешних угроз развиваются и нарастают внутренние угрозы, что приводит к разрушению ее целостности. Отметим, что именно внешние угрозы зачастую являются провоцирующим фактором домашнего насилия во всех его формах [4].

В 2015 г. доктор социологических наук, профессор В. И. Зубков [5] проводил исследование, в рамках которого было выявлено, что по статистике все формы насилия чаще всего встречаются в семьях, принадлежащих к «рабочим слоям»; женщины в этих семьях чаще всего подвергаются таким видам насилия, как физическое (побои и смертельные случаи) – каждая третья женщина, и сексуальное – (принуждение к интимным отношениям) – каждая пятая женщина. Таким образом, исходя из результатов, полученных В. И. Зубковым, с домашним насилием сталкивается 70 % женщин России. Также автор упоминал, что и мужчины подвергаются домашнему насилию, но гораздо реже, чем женщины, дети и члены семьи, не способные защитить себя [6; 7].

Трансформация современного мира и, как следствие, нарастание глобальных вызовов и угроз оказывают разрушительное влияние на устойчивость института семьи. Социальная напряженность в обществе не может не отразиться на семье, внешние угрозы провоцируют домашнее насилие (табл. 2).

Методы и методики исследования

В связи с нарастанием глобальных вызовов и угроз, представляется важным обратить внимание на проблему устойчивости института семьи и брака, а также распространение домашнего насилия в российских семьях. В период с 1 по 3 ноября 2020 г. с целью исследования влияния социальной напряженности на устойчивость института семьи и брака в современных условиях в рамках инициативного исследовательского проекта на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» автором проведено пилотажное социологическое исследование методом онлайн-опроса с помощью сайта www.webanketa.com. Социологический опрос имел пилотажный характер. В рамках исследования опрошено 100 (100 %) человек. Социальный портрет респондентов выглядит следующим образом: 23 % мужчин и 76 % женщин; в возрасте 17 лет и младше – 15 %, от 18 до 30 лет – 51 %, от 31 до 45 лет – 14 %, от 46 до 60 лет – 14 %, от 61 лет и старше – 6 %; имеющих образование среднее и ниже среднего – 16 %, среднее специальное – 15 %, неоконченное высшее – 35 %, высшее – 31 %, имеющих ученую степень – 3 %; обучающихся – 53 %, работающих – 38 %, временно безработных – 1 % и пенсионеров – 8 %.

Респонденту было предложено ответить на 19 вопросов и выбрать наиболее подходящее мнение, выражающее его точку зрения. Ряд вопросов имел статус индикатора влияния социальной напряженности на устойчивость института семьи и брака, среди них: «Назовите основные причины, порождающие насилие в семье»; «Современное российское общество сталкивается с новыми угрозами и вызовами. К одной из таких угроз от-

носится потеря устойчивости института семьи и брака. Разделяете ли Вы наше мнение?» А также вытекающий из него вопрос «В чем проявляются эти угрозы?»

Статистическая обработка была произведена в программах MS Excel и IBM SPSS Statistics 22.0.

Результаты исследования

Основные причины, порождающие насилие в семье

Следует отметить, что домашнее насилие имело место быть на протяжении всей истории человечества. Если рассматривать данную проблему в историческом аспекте, представляется важным тот факт, что практически на протяжении всего развития брачно-семейных отношений мужчина являлся главой семьи. Он мог наказывать женщину за проступки как морально, так и физически. Наказания и власть могли распространяться не только на жену, но и на детей, которые воспитывались чаще всего в строгости и не имели своего слова перед отцом. После революции 1917 г. ситуация принимала другой оборот: женщины стали бороться за свои права, семья переживала трансформации, произошло изменение семейных ценностей.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Назовите основные причины, порождающие насилие в семье»

№ п/п	Варианты ответа	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Психические отклонения одного из супругов	42	10,2
2	Ревность	39	9,5
3	Неуверенность в себе	36	8,8
4	Неустроенность в жизни	34	8,3
5	Все вышеперечисленное	33	8,0
6	Прошлые обиды	33	8,0
7	Депрессия	33	8,0
8	Непонимание в семье	31	7,6
9	Нереализованность своих способностей	28	6,8
10	Психологические особенности супругов	27	6,6
11	Экономическая нестабильность в семье	24	5,9
12	Тревожность	21	5,1
13	Разные установки на семейную жизнь	13	3,2
14	Поколенческие конфликты	11	2,7
15	Ни один из вышеперечисленных	1	0,1
16	Затрудняюсь ответить	4	1,0
17	Другое	0	0,0
	Всего	410	100,0

Согласно анализу данных в табл. 1, можно сделать вывод о том, что, по мнению респондентов, наиболее явными причинами домашнего насилия в семье являются психические отклонения у одного из супругов (10,2 %) и ревность (9,5 %). Примерно равные позиции среди ответов респондентов заняли такие ответы, как «Неуверенность в себе» (8,3 %), «Неустроенность в жизни» (8,3 %), что говорит о влиянии успеха членов семьи на ее устойчивость. Из табл. 1 видно, что прошлые обиды (8,0 %) и депрессия (8,0 %) также оказывают значительное влияние на появление домашнего насилия в семье. Кроме того, следует отметить, что 8,0 % респондентов считают, что все варианты ответа имеют место быть (все вышеперечисленное). По мнению 7,6 % респондентов непонимание в семье также является одной из основных причин, порождающих домашнее насилие. Респонденты отмечают, что менее важными причинами являются нереализованность своих способностей (6,8 %), психологические особенности супругов (6,6 %), экономическая нестабильность в семье (5,9 %) и тревожность (5,1 %). Такие варианты ответа, как «разные установки на семейную жизнь» (3,2 %) и «поколенческие конфликты» (2,7 %) были наименее отмечены респондентами. Вопрос вызвал затруднения у 1,0 % опрошенных. Необходимо отметить тот

факт, что ни один из перечисленных вариантов ответа не выступают причинами домашнего насилия для 0,1 % респондентов (ни один из вышеперечисленных).

Таким образом, насилие в семье, по мнению преобладающего большинства респондентов, возникает из-за психических расстройств у одного из супругов и ревности. Следует отметить, что экономическая нестабильность как один из факторов социальной напряженности, не является, по мнению респондентов, основной причиной домашнего насилия.

Современные вызовы и угрозы устойчивости института семьи и брака

В современном обществе происходит нарастание вызовов и угроз. В качестве примера можно привести пандемию коронавирусной инфекции. Пандемия сделала необходимым изменить привычный уклад жизни людей, что пагубно сказалось не только на экономике многих стран, России в том числе, но и на устойчивости института семьи и брака. Многие семьи оказались не готовы к режиму самоизоляции, который был введен с марта 2020 г. по июнь 2020 г. Нарастающие в семье внутренние угрозы стали особенно острыми, когда семья столкнулась с невозможностью выйти из дома, и члены семьи были вынуждены находиться рядом с друг другом постоянно. Часть браков укрепилась за счет этого, но какая-то их часть разрушилась. Однако пандемия не является единственной угрозой устойчивости института семьи и брака.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Современное российское общество сталкивается с новыми угрозами и вызовами. К одной из таких угроз относится потеря устойчивости института семьи и брака. Разделяете ли Вы наше мнение?»

№ п/п	Варианты ответа	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да	55	55,0
2	Скорее да, чем нет	31	31,0
3	Скорее нет, чем да	3	3,0
4	Нет	9	9,0
5	Затрудняюсь ответить	2	2,0
	Всего	100	100,0

Исходя из данных, полученных в табл. 2, 55,0 % респондентов разделяют мнение о том, что российское общество сталкивается с новыми вызовами и угрозами. Также 31,0 % респондентов в целом разделяют такое мнение. Лишь 3 % опрошенных скорее не разделяют такое мнение, чем разделяют (скорее нет, чем да) и 9 % совершенно не разделяют нашу позицию. С затруднениями при ответе на данный вопрос столкнулись 2 % респондентов.

Таким образом, большинство респондентов согласны с позицией, что новые вызовы и угрозы имеют место быть в российском обществе, однако тенденция несогласия также присутствует, что говорит о разном социальном самочувствии респондентов.

В чем проявляются новые угрозы и вызовы в российском обществе

Исходя из данных, полученных в прошлом разделе (табл. 2), российское общество считает, что вызовы и угрозы присутствуют в современном обществе и они оказывают влияние на устойчивость института семьи и брака. Одной из таких угроз является домашнее насилие. Физическое насилие не всегда является основным фактором разрушения целостности семьи. Существуют и другие виды насилия: психологическое, сексуальное, насилие над детьми, финансовое насилие. Любой из этих видов наносит семье ущерб и является угрозой. Но домашнее насилие, исходя из данных, полученных ранее (табл. 1), не возникает как само собой разумеющееся, оно выступает следствием чего-либо, т. е. являются продуктом различных вызовов и угроз в обществе.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Если Вы в той или иной степени разделяете такую позицию, то в чем эта угроза проявляется?»

№ п/п	Варианты ответа	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Социальная нестабильность	41	14,4
2	В разрушении системы традиционных ценностей	33	11,6
3	Изменение социальных ролей	31	10,9
4	Новые экономические вызовы семье и семейным отношениям	30	10,6
5	Дисфункции института семьи	29	10,2
6.	Поколенческие разрывы	23	8,1
7	Гендерное неравенство	21	7,4
8	Нарастание новых глобальных угроз и вызовов	19	6,7
9	Все вышеперечисленное	18	6,3
10	Распространение новых типов семей и браков	14	4,9
11	Появление новых функций института семьи	14	4,9
12	Ни один из вышеперечисленных	5	1,8
13	Затрудняюсь ответить	4	1,4
14	Другое (в том числе, «то какое воспитание получили родители и в каких условиях они выросли», «воспитание родителей»)	2	0,8
	Всего	284	100,0

Подавляющее число респондентов (14,4 %) видят основной угрозой социальную нестабильность, что является подтверждением гипотезы о влиянии социальной напряженности на устойчивость института семьи и брака (табл. 3). Также респонденты считают, что разрушение системы традиционных ценностей (11,6 %) является не менее важным проявлением угрозы для семьи. Исходя из этого, можно сделать вывод, что трансформация семьи и семейных ценностей также являются угрозой. Изменение социальных ролей, по мнению 10,9 % респондентов, имеют место в качестве угроз устойчивости семьи. Новые экономические вызовы семье и семейным отношениям выступают как один из факторов социальной напряженности для 10,2 % респондентов. Следует отметить, что 6,3 % респондентов согласны со всеми вариантами ответа, а 1,8 % – ни с одним.

Выводы

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза, подтвердилась. Социальная напряженность действительно является угрозой устойчивости института семьи и брака в современных условиях. По данным, полученным в исследовании, видно, что домашнее насилие является продуктом нарастающей социальной напряженности. Представляется важным отметить, что экономическая нестабильность не прослеживается в качестве основной причины проявления домашнего насилия, следовательно, она, как один из факторов развития вызовов и угроз в современном обществе, не занимает ведущую роль. На устойчивость института семьи и брака оказывает большее воздействие социальная нестабильность и трансформация семейных ценностей.

Литература

1. Сорокин П. А. Кризис современной семьи // Вестник МГУ. Серия 18, Социология и политология. 1997. № 3. С. 1–18.
2. Дмитриичук А. Ю. К вопросу о трансформации семьи в современном российском обществе // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2017. № 3. С. 24–32.
3. Савинов Л. И. Современные, тенденции изменения института семьи: теоретические и практические // Современная социология. 2019. № 34. С. 15–49.
4. Савинов Л. И. Трансформации семьи и института родительства // Современная социология. 2013. С. 10–24.
5. Зубков В. И. Опыт изучения семейного насилия в современной России // Социологические и гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 40–53.
6. Кобута М. А. Насилие в семье. Это необходимо знать для его выявления и предотвращения: метод. пособие / под ред. С. В. Зуевой. Ярославль, 2009. 14 с.
7. Агафонова Н. Н., Брехач Р. А., Жалаев Д. Н. Проблемы домашнего и семейного насилия: аналитический отчет по материалам социологического опроса в г. Перми. Пермь, 2008.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ В РОССИИ

Рассматривается специфика трансформации культурных пространств в условиях пандемии в России. По данным социологического исследования выявлены новые тенденции и явления в культурной сфере, а также охарактеризованы наиболее часто посещаемые мероприятия и используемые для этого информационные платформы. Обозначено мнение населения относительно возможностей развития культуры в эпидемиологический период.

Ключевые слова: культура, культурное пространство, социальная трансформация, информация, пандемия, россияне.

D. V. Zhuikova
Irkutsk State University, Irkutsk

TRANSFORMATION OF CULTURAL SPACES IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC IN RUSSIA

The article examines the specifics of the transformation of cultural spaces in the context of the pandemic in Russia. According to the sociological research, new trends and phenomena in the cultural sphere are identified, as well as the most frequently visited events and information platforms used for this purpose are characterized. The opinion of the population regarding the possibilities of cultural development in the epidemiological period was obtained.

Keywords: culture, cultural space, social transformation, information, pandemic, Russians.

Культура является одним из основных социальных институтов в истории человечества, который постоянно проходит модернизацию и совершенствование. В современном обществе активно трансформация культуры во многом происходит из-за нарастания процессов визуализации. Представляется, что визуализация в современной культуре погружает общество и отдельную личность в иное пространство, насыщенное визуальными текстами, образами и знаками. Условия пандемии COVID-19 способствовали трансформации культурных пространств. Под влиянием нового фактора с учетом возможности информатизации культура динамично и повсеместно начала развиваться во всех уголках мира, заменяя привычное многим очное посещение учреждений культуры и культурных мероприятий.

Постановка проблемы

Пандемия коронавируса существенно повлияла на все аспекты жизни всего мира. Сфера культуры одна из первых приняла на себя удар от пандемии, под вопросом оказались дальнейшее развитие и собственное поддержание культуры. Пандемия оказала большое влияние на культурную жизнь России. В это время приостановили свою работу театры, кинотеатры, концертные залы, культурные центры, музыкальные клубы и прочие площадки проведения массовых мероприятий. Так, например, наибольшие финансовые потери ожидает Большой театр. Администрация театра в феврале заявляла о 2,9 млрд руб. дохода от платных услуг, в июне этот показатель был снижен почти на 1,1 млрд руб., до 1,8 млрд руб. По словам гендиректора театра Владимира Урина из-за пандемии Большой театр от продажи билетов в этом году не получит из планируемых доходов свыше 850 млн руб. [1]. Московский академический театр потерпел падение доходов в 65 % от изначального плана, а доходы Марининского театра упали в три раза: по итогам восьми месяцев 2020 г. выручка театра составила лишь 800 млн руб. [6, с. 10].

С другой стороны, благодаря эпидемиологической ситуации произошел рассвет онлайн-технологий в области культуры, артисты опробовали на себе онлайн репетиции, а также выступления перед пустым залом ради трансляции в интернете с тысячами невидимыми зрителями, более доступным стало ознакомление с культурным и историческим наследием [6]. В качестве примера показателен опыт Большого театра, который 27 марта

2020 г. впервые в истории начал серию онлайн-трансляций ранее записанных спектаклей собственного «золотого фонда». Трансляции проходили на официальном YouTube-канале Большого театра без географических ограничений и были доступны в течение 24 часов. Первые шесть онлайн-показов собрали около 3 млн пользователей из 134 стран. Общее количество просмотров по состоянию на 13 апреля 2020 г. составило 6,5 млн [6, с. 27].

Методология исследования

Культура существует во всех формах пространства и времени, превращаясь из абстрактных категорий в единое культурное пространство. Феномены культура, культурное пространство и время содержат в себе в физические, исторические, социальные, общественные и культурные характеристики. Термин «культурное пространство» вошел в культурологический дискурс относительно недавно. Согласно трактовке С. Н. Иконниковой, культурное пространство выступает как жизненная и социокультурная сфера общества, «вместилище» с внутренним объемом культурных процессов. Оно имеет территориальную протяженность, маркируемую на различных культурных уровнях: центр и периферия, столица и провинция, город и деревня и т. д. [2, с. 40].

Рассматривая отечественную трактовку культурного пространства, а именно в XX в. культурное пространство рассматривается как одна из форм бытования и воплощения культуры, т. е. культура сама создавала свое собственное пространство. С точки зрения культурологии, культурное пространство дает возможность каждому индивидууму реализовать свои возможности. Отметим ученых, которые посвятили свои работы изучению данных вопросов, а именно С. Н. Иконникова, В. П. Большаков, М. С. Каган, Ю. М. Лотман, Л. Г. Ионин, А. Моль, А. Я. Флиер и др.

Особый акцент мы хотели бы сделать на работе отечественного культуролога Юрия Михайловича Лотмана «Культура и взрыв» (М., 1992). Ученый говорит о том, что трансформация культурных пространств и есть пересечение культурных пространств, и в условиях пандемии процесс пересечения приобрел более активный характер: «...пересечение разных структурных организаций становится источником динамики» [4, с. 27].

К зарубежным ученым, изучающим вопросы функционирования культурных пространств, следует отнести Ж. Делеза, М. Хайдеггера, М. Фуко, П. Бурдьё, Ж. Бодрийера и др. Так, например, Пьер Бурдьё рассматривает культурное пространство, как некие структуры взаимоотношений между людьми, как «...ансамбль невидимых связей, которые формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу» [3, с. 18].

Все вышеперечисленные как зарубежные, так и отечественные ученые подготовили методологическую основу для изучения культуры и культурных пространств, их развития и влияния на людей.

Методы и методика исследования

В свете последних событий, происходящих по всему миру, связанных с распространением коронавирусной инфекции, в культуре очень четко стали проявляться новые тенденции в ее реализации и развитии. В связи с этим в период с 6 по 9 ноября 2020 г. с целью выявления влияния пандемии на развитие культуры России в рамках инициативного исследовательского проекта на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» было проведено пилотажное социологическое исследование методом онлайн-опроса. В рамках исследования было опрошено 77 (100 %) россиян разных возрастов. Социальный портрет, исходя из проведенного опроса, выглядит следующим образом: 20,8 % мужчин и 79,2 % женщин; проживающих в большей степени в городской местности – 94,8 %, в возрасте до 17 лет – 7,8 %, от 18 до 30 лет – 49,3 %, от 31 до 45 лет – 24,7 %, от 46 до 60 лет – 9,1 % и старше 60 лет – 9,1 %; имеющих образование среднее и ниже среднего – 14,3 %, среднее специальное – 19,5 %, неоконченное высшее – 26 %, высшее – 37,6 %, другое – 2,6 %. Данный

метод позволил выявить мнение населения в период пандемии по вопросам трансформации культурных пространств. Анкета включала 15 основных вопросов, 3 из которых выступили индикаторами, позволяющими выявить отличительные черты данного социокультурного феномена: «Определите основные предпосылки формирования культурных пространств в современный период», «Какие новые тенденции и явления в культурной сфере Вы отмечаете во время пандемии?», «Может ли быть в полной мере реализован потенциал культуры в условиях пандемии новой инфекции?».

Исследование проведено на платформе www.webanketa.com. Для анализа данных, полученных в процессе исследования, были использованы программы IBM SPSS Statistics 22 и Excel.

Результаты исследования

Основные предпосылки формирования культурных пространств в современный период

В современном мире культурное пространство в основном формируется через различные средства массовой информации. С помощью СМИ человек получает информацию, интерпретирует ее и выделяет для себя основные, необходимые именно ему элементы, тем самым осуществляя свой способ видения мира. На вопрос об основных предпосылках формирования культурных пространств в современный период большинство респондентов отметили выход на новый уровень цивилизационных отношений (20,8 %). Это значит, что люди замечают происходящие тенденции расширения и распространения социокультурных принципов и основанных на них образов жизни и достижений культуры. Развитие культуры информационного общества является вторым по популярности ответом (16,9 %). Это возможно объяснить тем, что изучение культуры через технологии еще не привычно для человека и мало распространено среди народа. Появление новых отраслей в культуре в процессе развития общества и сознания людей, превращение их в новые институты является третьим по выбору (15,4 %) и обоснуется меньшей значимостью в их жизни или же нет осознанного выделения их как самостоятельных институтов.

Рассматривая следующий вопрос о видении современного культурного пространства у респондентов, было выяснено, что во многом видение проходит через все возможные пути изучения культуры (34,5 %), т. е. можно предположить, что в среднем люди не выделяют лидирующего способа культурного обогащения. Но, несмотря на это, деятельность культурных учреждений остается наиболее значимым способом получения знаний и духовного наслаждения (20,4 %).

Новые тенденции и явления в культурной сфере в период пандемии

В настоящее время, культура стала очень тесно связана с онлайн пространством, это обусловлено введением режима самоизоляции и перехода культуры на онлайн платформы. Проведенное исследование показало, что опробовать онлайн формат посещения культурных мероприятий смогли лишь 17 чел. (22,1 %), при этом из всех категорий возрастов наибольшее количество находится в промежутке от 18 до 30 лет – 8 чел. (47,1 %). Рассматривая табл. 1, можно проанализировать какие мероприятия и на каких платформах оказались наиболее востребованными.

Исходя из данных табл. 1, делаем вывод, что наибольшую тенденцию посещения имеют онлайн концерты (21,2 %), заведения (в том числе театры, кинотеатры, музеи, выставки) и YouTube по 15,2 % соответственно. Можно предположить, что данные три категории имеют наибольшую адаптацию к новым реалиям, а также популярность у населения. Рассматривая следующие варианты ответа, отметим равное распределение в посещениях мероприятий на других платформах.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие мероприятия респондент посетил и на каких платформах»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Онлайн концерт	7	21,2
2	Заведения	5	15,2
3	YouTube	5	15,2
4	Соцсеть	3	9,1
5	Онлайн экскурсия	3	9,1
6	Конференции	3	9,1
7	ТВ	2	6,1
8	Различное	2	6,1
9	Нет	2	6,1
10	Сайт	1	3,0
	Всего	33	100,0

Для развития других платформ и увеличение их посещаемости необходимо развивать информационное освещение мероприятий, т. е. задействовать те информационные сети, через которые обычный среднестатистический респондент любит проводить свое время и которое является наиболее актуальным на сегодняшний день.

Данные табл. 2 позволяют определить наиболее актуальные источники для размещения информации о происходящих культурных мероприятиях. Так, интернет является самым часто используемым и наиболее информативным – 29,3 %, социальные сети выбрало чуть меньше респондентов – 19,8 %, но в связи с их динамичным развитием, можно предположить, что данный показатель может быстро увеличиться и приобрести еще большую популярность для получения и размещения информации у респондентов.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Из каких источников респондент узнает о предстоящих культурных мероприятиях»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Интернет	34	29,3
2	Соцсети	23	19,8
3	Знакомые	11	9,5
4	ТВ	10	8,6
5	Афиша	8	6,9
6	Новости	7	6,0
7	СМИ	6	5,2
8	Нет ответа	5	4,3
9	Рассылка	4	3,4
10	Реклама	3	2,6
11	Газеты	2	1,7
12	Самостоятельный поиск	1	0,9
13	Самообучение	1	0,9
14	Радио	1	0,9
	Всего	116	100,0

И все же несмотря на обилие культурно-массовых мероприятий и возможностью в наше время посещать культурные мероприятия в режиме онлайн, люди не спешат чаще обращаться к данной сфере. По данным опроса, 27 чел. (35,1 %) посещают учреждения культуры и культурные мероприятия реже одного раза в месяц, а 15 чел. (19,5 %) затруднились с ответом на вопрос, и это дает возможность предположить, что данная категория людей еще реже обращается к культурной сфере.

Проблемы реализации культуры в условиях пандемии

Проблема реализации культуры и ранее являлась важным вопросом, но в период пандемии состояние проблемы еще больше обострилось. Так, к проблеме реализации

культуры можно отнести упадок посещаемости учреждений культуры и культурных мероприятий в реальной жизни. Абсолютное большинство респондентов отметили занятость (25,0 %) как одну из важнейших причин не посещения культурных учреждений и культурных мероприятий. В зависимости от возраста можно выделить разные причины. Так, до 17 лет время и ничего не мешает имеют одинаковую популярность ответа (по 28,6 % соответственно), от 18 до 30 – занятость и время (по 20,4 % соответственно), от 31 до 45 ровно половина отметили занятость, от 46 до 60 также ровно половина выбрали пандемию, от 60 и старше – время (30,0 %). Стоит отметить, что упадок посещаемости связывают с пандемией лишь 15,6 % респондентов, при этом максимальное количество людей относятся к возрасту от 18 до 30 лет, т. е. данная возрастная группа была более привержена влиянию эпидемиологической ситуации в стране, чем другие возрастные группы.

Новый формат культуры требует сторонней оценки своей деятельности и это легко получить от людей, которые посещали мероприятия на онлайн-платформах. Говоря о полной реализации потенциала культуры в условиях пандемии новой инфекции, рассмотрим данные табл. 3.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Может ли быть в полной мере реализован потенциал культуры в условиях пандемии новой инфекции, по мнению респондента», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, может	10	13,0
2	Скорее да, чем нет	20	26,0
3	Скорее нет, чем да	23	29,9
4	Нет, не может	20	26,0
5	Затрудняюсь ответить	4	5,2
	Всего	77	100,0

Респондентов, которые отрицательно ответили на данный вопрос в общей сложности намного больше, чем тех, кто согласен. Делаем вывод, что, несмотря на активное развитие культуры в новой для нее сфере, она не смогла еще приобрести всеобщий характер, который был бы удобен и привычен обычному человеку.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что культура не готова к введению новых форматов, и даже если на данный момент времени культура имеет предпосылки к развитию, то необходимо множество доработок. Стоит также понимать, что людям очень сложно принять что-то новое, непривычное их повседневности, поэтому быстрого изменения отношения к онлайн формату проведения культурных мероприятий и ознакомление с культурой в общем, не стоит ожидать. В особенности старшее поколение менее всего подготовлено к таким кардинальным изменениям, даже несмотря на то что сейчас век развития информационных технологий.

Государству будет необходимо рассмотреть более глубоко вопрос о состоянии культурных пространств на сегодняшний день, ведь культура неотрывно связанная и с самим государством, отражая его историю развития и развития населения, проживающего на ее территории. Условия пандемии ставят под угрозу увеличение культурного развития населения и, конечно же, дальнейшую ее трансформацию и сохранение культуры для других поколений.

Литература

1. Ефимович Е. Музеи и театры раскрыли данные о потерях из-за простоя во время пандемии // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/08/2020/5f3e6a1d9a794767973a1bfe (дата обращения: 17.11.2020).
2. Иконникова С. Н. История культурологических теорий: культурное пространство как ценность и национальное достояние. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 474 с.

3. Культурное пространство России: генезис и трансформация / под общ. ред. А. С. Тургаева ; ред.-сост. А. Е. Хренов. СПб.: С.-Петерб. гос. ин-т культуры, 2017. 340 с.
4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис : Прогресс, 1992. 272 с.
5. Политковская К. В. Культурное пространство в современной науке. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-v-sovremennoy-nauke/viewer> (дата обращения: 10.11.2020).
6. Счетная палата Российской Федерации «Как коронавирус меняет сферу культуры: балет онлайн и аплодисменты миллионов невидимых зрителей». URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-culture.pdf> (дата обращения: 10.11.2020).

УДК 72.067

А. О. Илюшин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АРХИТЕКТУРА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИОЛОГОВ

В статье изложены взгляды зарубежных социологов на архитектуру как на объект социологических исследований. Кратко выражены их идеи и подходы к материальной составляющей архитектуры.

Ключевые слова: архитектура, социология, социология архитектуры.

A. O. Ilyushin

Irkutsk State University, Irkutsk

ARCHITECTURE AS AN OBJECT OF RESEARCH IN THE WORKS OF FOREIGN SOCIOLOGISTS

This article presents the views of foreign sociologists on architecture as an object of sociological research. Their ideas and approaches to the material component of architecture are briefly expressed.

Keywords: architecture, sociology, sociology of architecture.

Архитектура окружает нас повсюду, она выполняет функции убежища, искусственной природы человека, социализации, служит средством коммуникации в обществе. Она может стать объектом интереса социологов, поскольку является как продуктом общества, так и оказывает влияние на различные группы и индивидов. В данной статье рассмотрены взгляды исследователей, которые обратили внимание на архитектуру, как актора в социальной реальности и предложили подходы к ее изучению.

Первыми, кто из социологов проявили интерес к материальной составляющей архитектуры и ее связи со структурой общества, стали такие классики, как Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм и Георг Зиммель. Макс Вебер в своем произведении «Город», вышедшем в 1921 г., рассматривал собственно город как то, что формирует фундамент политических институтов. Также он отмечал полярность и различие природного естественного окружения и искусственной городской среды. Архитектура для Э. Дюркгейм была устойчивым морфологическим социальным фактором «Часто социальный факт материализуется до такой степени, что становится элементом внешнего мира. Например, определенный архитектурный тип будет явлением социальным; он воплощается в домах, в различных зданиях, которые, раз уже они выстроены, становятся самостоятельными реальностями, независимыми от индивидов» [2]. Г. Зиммель подробно рассматривает воздействие архитектурного пространства на его обитателей. По его мнению, «...рассудочные отношения между людьми заставляют человека видеть в большинстве своих партнеров не конкретных людей, а цифры, элементы своей деятельности, стремлений, получения выгоды. Господствующее разделение труда отодвигает человека от продукта, который он создает. В распределении отдельных производственных процессов, во взаимоотношениях действует схема, «лежащая вне субъекта». Сама среда большого города начинает отчуждаться от человека» [2].

Для указанных классиков социологии город представляется как некое абстрактное понятие, которое являлась скорее видом жизни людей, но уже следующие поколение ис-

следователей идут дальше и начинают рассматривать непосредственно архитектуру как искусственно созданной среде со своей спецификой, смысловыми значениями и определяющей поведение человека. Так, например, Н. Луман определяет архитектуру как особое средство коммуникации общества, таким образом субъекты в городской среде коммуницируют с друг другом благодаря окружающей их застройке, которая притягивает их и заставляет подстраиваться под себя. Таким образом субъекты поддаются изменениям и начинают через предложенные архитектурой средства коммуникации реализовывать себя и воспринимать окружающий мир.

К исследователям, которые также идут дальше классиков, относится У. Эко. Так, по его мнению, любая архитектура в конкретное время и в конкретном случае будет восприниматься через призму норм и правил современного общества. На основе работы У. Эко можно выделить следующие положения:

- «архитектура обладает воспринимаемой человеком знаковой и символической ценностью;
- структура знаков предполагает прочтение как первичных денотирующих значений сооружений, так и присоединения к ним множества вторичных коннотирующих, ассоциативных, интерпретирующих составляющих. И первые, и вторые значения с течением времени могут меняться;
- открытость произведения архитектуры связана с двумя моментами: с изменением с течением времени первичных и вторичных информационных кодов сооружения и с особой позицией ученого по отношению к потребителю, который не является пассивным наблюдателем происходящего, а воспринимается как активный участник проектной деятельности и потребления созданного архитектурного объекта» [5].

Для Ж. Бодрийяра, современная архитектура представляется виртуальной соответствующая миру, в котором она была произведена. Так, по его мнению, архитектура, отражающая возможности компьютерного проектирования, не способна претендовать на статус объекта искусства, поскольку не является отражением таланта автора, как пример Музей Гуггенхайма в Бильбао. «Большинство современных общественных зданий сверхразмерны и создают впечатление пустоты (не пространства): работы или люди, которые там находятся, сами выглядят как виртуальные объекты, будто нет необходимости в их присутствии. Функциональность бесполезности, функциональность ненужного пространства (культурный центр в Лисабоне, Grande Bibliotheque de France и т. д.)» [1].

Х. Делитц, в отличие от выше указанных авторов, выделяет исследования архитектуры с точки зрения социологии в ее отдельный раздел – социологию архитектуры. Так раздел призван изучать «конкретные архитектурные явления, связанные с обликом, размерами, материалами и конструкциями архитектуры» [3]. Через облик города Делитц предлагает анализировать современное общество, что будет являться основной задачей социологии архитектуры. Через упоминаемый специально разработанный символический подход, в котором архитектура представлена как основное явление, выражающие процесс социализации, автор социологию архитектуры теоретически.

Также социологию архитектуры развивают два автора Рональд Смит и Валери Бани. Исследователи определяют социологию архитектуры как «применение социальных теорий и методов в процессе разработки архитектурного проекта» [2]. Авторы считают, что при разработке проекта архитекторы способны столкнуться с проблемами, связанными с деятельностью людей и компаний, и помочь решить их, дать рекомендации социологи. Изменения материального окружения такие как: планировка и функциональное зонирование помещений, обустройство рабочего пространства, подбор мебели, организация информационных потоков и многое другое – это вопросы, совместно ответить на которые архитекторы и социологи помогут изменить восприятие компании широкой публикой.

Представленные авторы показывают, что для социологов архитектура может быть объектом для исследований и доказывают ее влияние на социальные группы и индивидов, так ее восприятие через современное состояние общества. Такие исследователи как Х. Делитц, Р. Смит и В. Бани идут дальше и предлагают выделить социологию архитектуры как отдельный раздел социологии, чтобы помогать проектировщикам решать проблемы, связанные с деятельностью людей.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Архитектура: правда или радикальность? // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 114–122.
2. Вильковский М. Б. Социология архитектуры. М. : Фонд «Русский авангард», 2010. 592 с.
3. Делитц Х. Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 113–121.
4. Барчугова Е. В., Рочегова Н. А. Социология архитектуры. Три этапа развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-arhitektury-tri-etapa-razvitiya/viewer> (дата обращения: 28.10.2020).
5. Эко У. Функция и знак (семиология архитектуры). URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko_Funk/01.php (дата обращения: 29.10.2020).

УДК 316:616.98.578.828

В. Ю. Кадырова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВИЧ-ИНФЕКЦИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В ФОКУСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ РОССИЯН В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Исследовано общественное мнение россиян относительно ВИЧ-инфекции, а также факторы, которые могут способствовать распространению этого заболевания, в том числе в период пандемии. Представлены результаты социологического исследования, отражающие отношение населения к ВИЧ-инфекции, особенно в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Внимание акцентировано на меры предотвращения ВИЧ-инфекции, а также роли социальных институтов, участвующих в управлении и регулировании общественного мнения о данной болезни.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, пандемия, социальная болезнь, социум, общественное мнение, социальные институты, управление общественным мнением, здравоохранение.

V. Y. Kadyrova

Irkutsk State University, Irkutsk

HIV-INFECTION AND ITS CONSEQUENCES IN THE FOCUS OF PUBLIC OPINION OF RUSSIANS DURING COVID-19 PANDEMIC

The article examines the public opinion of Russians regarding HIV infection, as well as factors that can contribute to the spread of this disease, including during a pandemic. According to a sociological study, the attitude of the population towards HIV infection was revealed, especially in the context of a coronavirus infection pandemic. The author of the article focuses on measures to prevent HIV infection, as well as the role of social institutions involved in the management and regulation of public opinion about this disease.

Keywords: HIV infection, pandemic, social disease, society, public opinion, social institutions, public opinion management, health care.

В период пандемии коронавирусной инфекции, практически каждый второй человек имеет страх подвергнуть свое здоровье заражению COVID-19, по причине этого другие заболевания остаются в тени общественного внимания. Хотя известно, что некоторые заболевания не уступают по своей опасности коронавирусу, а возможно, являются и в значительной степени опаснее COVID-19. Среди проблем, которые есть в России, о ВИЧ и СПИД часто замалчивают. Эту проблему не освещают, либо потому что не видят всей остроты этой проблемы, либо просто уходят от нее.

В России живет более 1 млн чел. с положительным ВИЧ-статусом [7]. По данным Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом на

30 апреля 2020 г. на диспансерном учете состоит 746 650 инфицированных ВИЧ россиян, что составляет 66,6 % от числа живущих с диагнозом ВИЧ-инфекция в этот период [6].

Сегодня представляется чрезвычайно актуальным выявить основные пути формирования общественного мнения в России, в том числе в аспекте устранения и профилактики ВИЧ.

Постановка проблемы

Эпидемия ВИЧ – это особое явление в истории человечества, связанное со скоростью распространения, масштабом и глубиной последствий. Известно, ВИЧ – это ретровирус, который провоцирует медленно развивающуюся ВИЧ-инфекцию. Вирус иммунодефицита человека поражает клетки иммунной системы. В результате работа иммунной системы угнетается, развивается синдром приобретенного иммунного дефицита (СПИД), организм больного теряет возможность защищаться от инфекций и опухолей, возникают вторичные оппортунистические заболевания, которые не характерны для людей с нормальным иммунным статусом.

В настоящее время благодаря появлению антиретровирусной терапии качество и продолжительность жизни ВИЧ-положительных людей не отличается от ВИЧ-отрицательных людей. Принимая терапию, человек достигает нулевой вирусной нагрузки, вследствие чего не способен инфицировать других людей, в том числе при незащищенном половом акте, а также имеет способность к рождению абсолютно здоровых детей от ВИЧ-положительных родителей. На этих и других вопросах фокусируется внимание представителей медицины. Между тем данное заболевание имеет и социальную природу.

Обратимся к истории вопроса. Впервые случаи заражения ВИЧ были зафиксированы в СССР в 1985–1987-х гг. Возможно, случаи заражения были и ранее, но они остались незафиксированными и неизвестными. Известно, что первым пациентом, у которого был зарегистрирован положительный диагноз, так называемым нулевым пациентом, стал военный переводчик, который работая Танзании в 1980-х гг., заразился ВИЧ после полового контакта с местным жителем [1]. Позже, в 1988–1989 гг, была зафиксирована вспышка ВИЧ-инфекции, которая вызвала большой общественный резонанс. Первой «жертвой» этой инфекции стал рабочий, который служил на флоте, и когда его корабль стоял в Конго, он получил заражение от местной жительницы. Затем заражение получила его жена, а позже за период беременности и их ребенок, который скончался в больнице еще до установления диагноза. Вскоре после этого выяснилось, что болеют 4 взрослых и 75 детей. Как оказалось, из-за нехватки инвентаря в больнице детей лечили одними шприцами, но с разными иглами. И именно этими же инструментами лечили здоровых детей от зараженного ребенка. Позже выяснилось, что заражены не 75 детей, а более двухсот [4]. Позже вирус распространился по ближайшим регионам, а в последствии и по остальным уголкам страны.

Сейчас уже немногие говорят о природе и явлениях этого заболевания. Однако, если о нем не говорят, то это не означает, что проблема исчезла. Проблема все также является актуальной и остро стоит. Например, по данным Иркутского областного центра СПИД за 2019 г. в регионе 2943 абсолютно подтвержденных случаев заражения ВИЧ-инфекцией. По состоянию на 31 декабря 2019 г. Иркутская область занимает второе место по России среди живущих с ВИЧ 1906,2 чел. на 100 тыс. населения [6]. Это очень большие показатели, поэтому проблема ВИЧ никуда не исчезла, и несмотря на то что весь мир озадачен снижением пиков заболеваемости COVID-19, не стоит забывать и о другой, не менее пугающей проблеме.

Проблема состоит не только в большом количестве заболевших ВИЧ-инфекцией, но и в отношении общества к этой ситуации. Сам факт о том, что человек теперь будет жить с ВИЧ-положительным статусом, имеет большое отражение на психоэмоциональном здоровье зараженного. Ко всему этому еще прибавляется мнение социума. Из-за недостаточной осведомленности и отсутствия полноценного просвещения в этой области

этой проблемы, жертвы этого заболевания поддаются травле и пренебрежительности со стороны общества. Люди ставят некий барьер от человека, когда узнают о его положительном ВИЧ-статусе. Хотя есть научно доказанный факт, который подтвержден множествами исследований, если заболевший начал терапия и прием специальных лекарств для развития прогресса болезни, то передать свой вирус является невозможным.

Методология исследования

ВИЧ является относительно молодой болезнью в истории медицины. Первые заболевшие в России появились около 35 лет назад, в 1985–1987 гг. [4] Несомненно, на эту тему написано множество работ и проведено немало исследований. Профессором Жан-Клодом Шерманом была написана книга «СПИД. Правда, которую должен знать каждый» (Париж, 2016) в труде описывается история открытия вируса иммунодефицита человека, описывается примерное появление вакцины, а также возможные причины, по которым ее еще нет [3]. Ж. К. Шерман рассказывает о направлениях поиска универсальной вакцины от ВИЧ-инфекции на данный момент, а также более подробно говорит о причинах отсутствия вакцины к сегодняшнему дню. Профессор разъясняет какие меры от ВИЧ-инфекции существуют сегодня, а также высказывает сомнения по поводу необходимости поголовной антиретровирусной терапии для тех, кто уже заболел. Рассказывает о ее плюсах и минусах, а также делится уникальными данными своих наблюдений за так называемыми непрогрессирующими пациентами, которые являются носителями естественного иммунитета.

Исследований и мнений в этой области к сегодняшнему дню достаточно много. Среди российских врачей и ученых написано немало трудов на столь животрепещущий вопрос. Например, проведено исследование В. В. Юмагузиным, М. В. Винник, В. В. Покровским под руководством А. В. Покровской на тему «Влияние миграционных процессов на ситуацию по ВИЧ-инфекции» [5]. В исследовании говорится о нестабильной на сегодняшний день политической и экономической ситуации в мире, которая ведет к активизации миграционных процессов и изменению их направления. В данном исследовании обсуждаются основные аспекты влияния миграционных процессов на распространение ВИЧ в мире и в России, а также возможные позитивные и негативные последствия декриминализации мигрантов, живущих с ВИЧ, для эпидемической ситуации, социально-демографических и экономических процессов. Для прекращения развития эпидемии ВИЧ-инфекции усилия должны быть направлены на профилактику среди всего населения, что предотвратит возможность распространения ВИЧ независимо от миграционных процессов.

Также В. В. Покровским было проведено исследование на тему «Инфекция, вызываемая вирусом иммунодефицита человека в России» [5]. Автор анализирует статистику ВИЧ-заражений, фокусирует внимание на трудностях, связанных с лечением данного заболевания и дорогой терапии, а также предлагает внедрить в России не только более широкую программу по противодействию ВИЧ/СПИД, включающую ряд профилактических мероприятий с доказанной эффективностью, но и программу перспективных научных исследований и разработок.

Представляет большой научный интерес результаты исследования, проведенные А. В. Голенковым под названием «Опыт использования краткой шкалы СПИД-ассоциированной стигмы» [2]. В котором приводятся данные об использовании методики для измерения стигмы к ВИЧ-положительным и больным СПИДом в различных профессиональных и популяционных группах. В ходе исследования было выявлено негативное отношение к людям с ВИЧ как среди всего населения, но и что удивительно, в группах медицинских сестер и студентов-медиков.

Методы и методика исследования

В период пандемии COVID-19 было важно выяснить, какую степень важности играют другие проблемы в общественном сознании граждан России. Одной из таких проблем в поле исследования оказалась ВИЧ-инфекция. В связи с этим в период с 6 по 8 ноября 2020 г. с целью выявления общественного мнения относительно ВИЧ-инфекции и ее последствий в рамках инициативного исследовательского проекта на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» автором было проведено пилотажное социологическое исследование методом онлайн-опроса. В рамках исследования опрошено 110 (100 %) респондентов, проживающих на территории России. По социально-демографическим характеристикам был собран портрет респондента. В опросе приняли участие мужчины и женщины разного возраста, в основном проживающие в городской местности и имеющие среднее специальное образование.

В анкете содержится 14 основных вопросов, 3 из которых выступили индикаторами исследования данной проблемы: «Определите, пожалуйста, на чем сегодня фокусируется общественное мнение россиян», «Какой Вам видится стратегия управления общественным мнением в условиях распространения коронавирусной инфекции», «Ваши предложения и рекомендации по регулированию общественным мнением относительно распространения ВИЧ-инфекции и ее последствий».

Исследование проведено на платформе www.webanketa.com. Для анализа данных, полученных в процессе исследования, были использованы программы IBM SPSS Statistics 22.0 и Excel.

Результаты исследования

Общественное мнение по вопросам ВИЧ-инфекции в общественном мнении россиян в современных условиях

Конечно же, с большей долей вероятности можно сказать, что в общественном сознании ВИЧ-инфекция носит негативный характер. В исследовании было важным выяснить, на чем фокусируется общественное мнение россиян сегодня. Какие факторы и последствия играют немаловажную роль на сегодняшний день в общественной жизни граждан. Каковы пути преодоления коронавирусной инфекции, а также меры воздействия и профилактики на ВИЧ-инфекцию.

По данным опроса чуть больше половины (52,25 %) опрошенных респондентов считает, что на сегодня ВИЧ-инфекция носит сугубо отрицательный характер, менее значимая часть опрошенных (24,32 %) придерживается мнения, что ВИЧ-инфекция носит нейтральный характер, малая часть респондентов (8,11 %) посчитала, что ВИЧ-инфекция имеет положительные стороны и около 1,8 % опрошенных затруднились ответить на данный вопрос (табл.).

Таблица

Распределение по характеру общественного мнения относительно ВИЧ-инфекции

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Отрицательный	58	52,25
2	Нейтральный	27	24,32
3	Затрудняюсь ответить	17	15,32
4	Положительный	9	8,11
	Всего	60	100,0

Все-таки население осознает, что ВИЧ-инфекция носит отрицательный характер. Часть опрошенных, которая посчитала, что ВИЧ носит нейтральный характер, скорее всего имеет такое представление в силу неосвещенности в обществе этой проблемы. Ведь пандемия на сегодняшний день фокусирует все внимание на себе. Небольшая часть

опрошенная высказалась, что ВИЧ имеет положительный характер, скорее всего это вызвано невнимательностью прочтения вопроса анкеты или недостаточным уровнем информации об этой проблеме.

Следующий вопрос предполагал ответы респондентов на факторы, которые в настоящее время влияют на формирование общественного мнения о ВИЧ-инфекции. Большинство опрошенных (61,26 %) посчитало, что главным фактором является обострение социальных конфликтов, следующим по значимости критерием стал финансовый и экономический кризис, так посчитали 48,65 % опрошенных. Около 35,14 % посчитали, что освещение в СМИ имеют влияние на общественное мнение. Менее значительная часть (15,2 %) посчитали пандемию одним из фокусов по формированию общественного мнения. Часть опрошенных пришли к мнению, что развитие институтов здравоохранения (20,72 %) и гражданского общества (13,51 %) играет важную роль в формировании общественного мнения. Около 9,9 % пришли к выводу, что все вышеперечисленные факторы имеют влияние в формировании общественного мнения.

Видимо, в силу современных обстоятельств, все-таки главным критерием в формировании общественного социум считает обострение социальных конфликтов. Такие факторы, как социальная стабильность в обществе (9,91 %), войны (2,7 %), инфляция (3,6 %) не являются приоритетными в формировании общественного мнения, по мнению респондентов.

Для выяснения роли социальных институтов в формировании общественного мнения, был задан вопрос: «Какие социальные институты связывают решение своих задач с формированием общественного мнения относительно ВИЧ-инфекции и ее последствий?». Респонденты дали следующие ответы: главным институтом по формированию общественного мнения посчитали СМИ (45,95 %) опрошенных, вторым по приоритетности оказался институт семьи, видимо, потому что это самый первый агент социализации каждого человека. Равные доли опрошенных (27,93 %) пришли к мнению, что государство и образованию выполняют роль в формировании общественного мнения. Некоторые доли опрошенных посчитали, что культура (14,41 %), государственное и муниципальное управление (17,12 %) и некоммерческие организации (10,81 %) также участвуют в формировании общественного мнения и некоторая доля опрошенных (18,02 %) затруднилась с ответом на этот вопрос.

В ходе опроса выяснилось, на чем сегодня фокусируется общественное мнение россиян. Пандемия (46,85 %) опрошенных заявили об этом, их ответ понятен, так как в свете последних событий все новости только об этом; вторым по значимости идет финансовый и экономический кризис (33,33 %) так заявила значимая часть анкетированных, затем в количестве 28,83 % население волнуют меры государственной поддержки в условиях пандемии, следующим фактором фокусировки общественного мнения стал дистанционный формат обучения (29,73 %) опрошенных. Остальные критерии получили следующие доли: семья, материнство и детство (27,93 %), социальное неравенство и социальная несправедливость (23,42 %), экономика, социальное экономическое развитие (13,51 %), культура и цивилизация (8,11 %), криминализация общества (9,91 %), также 16,22 % опрошенных выбрали вариант «все вышеперечисленное».

Опрашиваемым был задан вопрос: бояться ли они распространения ВИЧ-инфекции. Получилось следующее распределение: скорее да, чем нет (36,94 %); да (30,63 %); скорее нет, чем да (20,72 %) и нет, не вызывает (11,71 %) опрашиваемых. На основе этих данных, можно сделать вывод, что общество все-таки имеет страх перед распространением ВИЧ-инфекции и актуальность этой проблемы в общественном сознании имеет место быть.

Респондентам было предложено внести какие-либо свои рекомендации по регулированию общественным мнением относительно распространения ВИЧ-инфекции и ее последствий. Получились следующие рекомендации: опрашиваемые рекомендуют проводить профилактические лекции еще в школе, а также вести уроки полового воспитания, обязательно использовать средства контрацепции, СМИ и школам следует более подроб-

но говорить о последствиях ВИЧ-инфекции. Некоторые считают, что главную роль в освещении данной проблемы должны выполнять семья и государство, они должны освещать все стороны и полную опасность этого заболевания. Также общество придерживается точки зрения, что людей с ВИЧ+ не следует подвергать травле, дискриминировать и т. д., это люди, находящиеся в тяжелой жизненной ситуации, которым очень важна поддержка для здорового психоэмоционального состояния.

Выводы

Таким образом, общество придерживается мнения, что ВИЧ-инфекция – это опасное заболевание, однако его масштабы не описываются в полной мере, население не знает всех последствий этого заболевания. В период мировой эпидемии COVID-19, остальным заболеваниям отводят второстепенную роль, в том числе и так называемой чуме XX в. Сейчас в фокусе общественного мнения ситуация пандемии, меры социальной поддержки, связанные с последствиями пандемии, а также экономические кризисы и финансовое положение России. Об ВИЧ-инфекции задумываются немногие. Возможно, из-за менталитета страны, общество мало осведомлено об этой болезни, поэтому не знает масштаб происходящего. Но если начать вести активную просветительскую деятельность в данной области, то можно заметно снизить статистику заболеваемости ВИЧ и СПИД.

Литература

1. Абашина В. Л. Эпидемиологические аспекты заболеваемости ВИЧ-инфекцией // Медицинская экология. 2010. С. 114–116.
2. Голенков А. В. Причины негативного отношения медицинских работников к ВИЧ-инфицированным и пути его преодоления // Медицинская сестра. 2008. № 8. С. 8–11.
3. Шерман Жан-Клод. Правда, которую должен знать каждый. 2016. 240 с.
4. Рахманова А. Факты из истории ВИЧ/СПИДа в СССР и России. URL: https://aidsjournal.ru/49_1 (дата обращения: 09.11.2020).
5. Влияние миграционных процессов на ситуацию по ВИЧ-инфекции / А. В. Покровская, В. В. Юмагузин, Д. Е. Киреев, М. В. Винник, В. В. Покровский // Терапевтический архив. 2016. № 11. С. 4–11.
6. Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом ФБУН Центрального НИИ эпидемиологии Роспотребнадзора. URL: <http://www.hivrusia.info> (дата обращения: 09.11.2020).
7. Число инфицированных ВИЧ в России превысило 1 млн человек // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/686276> (дата обращения: 09.11.2020).

УДК 316.356.2

Р. М. Козлова

Курский государственный университет, г. Курск

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬЕ: ИСТОЧНИКИ, ПРИЧИНЫ, ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье аргументируется, что на современном этапе институт семьи активно трансформируется, по этому проблемы, связанные с социальной напряженностью, непосредственно затрагивают межнациональные браки. Отмечается, что тенденции, выявляемые при теоретическом и эмпирическом анализе, свидетельствуют о постепенном убывании значимости национальных семейных традиций. Раскрывается, что сохранение традиционного семейного уклада не избавляет семью от напряженности, так как они сталкиваются с проблемами конфликта обычаев, вероисповеданий, несовпадением менталитета, главенства в семье, взглядов на проявление чувств и воспитание. Обосновывается гармонизации внутрисемейных отношений за счет умения уважительно относиться к другой культуре с учетом ключевых особенностей развития современного российского общества.

Ключевые слова: межнациональная семья, семейные традиции, национальные традиции, социальная напряженность, конфликты.

SOCIAL TENSION IN AN INTERNATIONAL FAMILY: SOURCES, CAUSES, WAYS TO OVERCOME IT

At the present stage, the institution of the family is being actively transformed, so the problems associated with social tension directly affect interethnic marriages. Trends identified in theoretical and empirical analysis indicate a gradual decline in the importance of national family traditions. However, the preservation of the traditional family way of life does not relieve families from tension, as they face problems of conflict of customs, faiths, mismatch of mentality, family leadership, views on the manifestation of feelings and upbringing. Hence, the task of harmonizing intra-family relations through the ability to respect another culture, taking into account the key features of the development of modern Russian society.

Keywords: interethnic family, family traditions, national traditions, social tension, conflicts.

Развитие современного общества описывается двумя ключевыми тенденциями: глобализация и интеграция, в результате чего происходит стирание границ не только в деловых, но и в межличностных отношениях. Результатом развития личностных взаимоотношений во многих случаях становится создание семьи, однако уже на этом этапе необходимо отметить, что в современном мире ценность традиционной семьи все больше утрачивается [1; 2; 6; 13; 14]. В крупных городах даже в случае создания семьи ее традиции, национальные особенности во многом оказываются утраченными [11, с. 31]. Однако в провинциальных регионах, в сельской местности семейные традиции сохраняются. При этом именно сельские жители, жители тех населенных пунктов, где живы национальные традиции наиболее негативно воспринимают браки с представителями других национальностей.

Проблема межнациональных семей поднимает ряд важных вопросов, к числу которых можно отнести проблему воспитания детей, проблему национальной идентичности, толерантности и т. д. [17, с. 57]. Межнациональная семья в современных реалиях приобретает новые черты. Многие из происходящих изменений воздействуют не только на саму семью, но и на общество в целом.

Семья как объект исследования привлекала внимание ученых, начиная с древности. Так еще в античные времена поднимались вопросы исследования роли семьи в социализации и роли общества в развитии и сохранении института семьи. Эти же вопросы оказались актуальными и для современных исследователей [16, с. 127].

Научные подходы к пониманию семьи сформировались в XIX веке, когда семья трактовалась как часть общества и ключ к раскрытию сущности множества общественных процессов. Развитие социологии сформировало подход к изучению семьи как малой социальной группы, получивший название «комплексный».

В период становления коммунизма институт семьи находился под пристальным контролем государства. В советский период в стране было создано много межнациональных семей, однако в этот период советская идеология превалировала над национальными и религиозными традициями. В политике развития наций были отмечены две тенденции: расцвет и постепенное их сближение, что подтверждало наличие таких этнических процессов, как межэтническая консолидация, интеграция и ассимиляция. Государственная политика, направленная на сближение наций, всесоюзные комсомольские стройки, расширяющиеся связи советской молодежи с молодежью других стран, способствовали формированию у представителей разных народов СССР уважения, дружеских отношений по отношению друг к другу. Таким образом, можно утверждать, что в стране на тот период времени сложились объективные условия для увеличения доли этнически смешанных браков и семей в структуре населения.

Проводимые тогда исследования позволили выявить определенные тенденции в развитии межнациональных браков и семей:

– в той местности, где было выражено этнически смешанное население доля межнациональных семей достигала более половины от общего числа семей;

– межнациональные семьи создавались между представителями близких по культуре и языку наций;

– чаще всего межнациональные браки были двуязычными.

В советский период в межэтнических семьях вопрос национальности ребенка решался либо им самим при получении паспорта, либо по национальности родителя, принадлежащего к коренному этносу [9, с. 87]. При этом в межэтнических семьях проявлялась тенденция давления родителей мужа на невестку, так как в большинстве случаев их не устраивал «инонациональный» выбор их сына [3, с. 310]. Таким образом, в СССР межнациональные браки стали нормой семейных отношений, а межнациональные семьи были вполне закономерным явлением при формировании новой исторической общности «советский народ», причем считалось, что их количество будет расти.

Ломка общественного и политического строя в постсоветское время отразилась и на институте межнациональной семьи. Получение суверенитета союзными республиками, обострение их взаимоотношений с Россией, развитие вооруженного конфликта в Чеченской республике привело к деформации межэтнического восприятия. По оценкам социологов только после 2010 г. в России у населения стало проявляться лояльное отношение к браку с литовцами, эстонцами, латышами, а браки с чеченцами и до настоящего времени большинством населения воспринимаются негативно [9, с. 89]. Разрушение советского строя привело к повышению роли религии, к поиску новой идеологии, замещению старой идеологии идеями национальной самоидентичности. Все это привело к существенному сокращению межнациональных браков (с 50 % до 9 %) [9, с. 89]. Согласно опросам населения, одним из важнейших факторов, вызывающих негативное восприятие межнациональной семьи, выступает различие в религиозных взглядах: каждый второй респондент негативно относится к бракам представителей различных религиозных конфессий [5, с. 995]. Эмпирические исследования позволили сформулировать и ключевые особенности современных межнациональных семей: на современном этапе участились случаи заключения браков русских женщин с мужчинами кавказских национальностей, а также с представителями европейских стран, Японии и Китая [9, с. 92].

На современном этапе четко проявляются две разнонаправленных тенденции: формирование семей, соблюдающих национальные традиции, стремящихся к национальной самоидентичности; формирование семей нового поколения, где утрачены традиционные ценности [7, с. 87]. Еще одной современной тенденцией выступает проникновение культуры преобладающего этноса в культуру этнических меньшинств и, как следствие, формирование нового типа семьи с отказом от национальных семейных традиций и культурных ценностей как чего-то архаичного и отжившего. Глобализация способствует формированию новых моделей межнациональных семей, которые приобретают не менее важную роль в процессе этнического взаимодействия [12, с. 71].

Формирование межнациональных семей в тех регионах, где сохраняются национальные традиции, сопряжено с рядом существенных проблем, в основе которых лежат разные культурные традиции, разные религиозные взгляды. В качестве проблемных факторов можно выделить разные подходы к воспитанию детей, к роли членов семьи, проведению досуга, в отношении к детям и к пожилым и т. д. Зачастую проблемным фактором становится языковой барьер и проблема того, на каком языке будет говорить ребенок, что приводит к возникновению проблемы его этнической самоидентификации. По мнению специалистов, все вышперечисленное провоцирует конфликты в семье, а смешанные браки могут быть удачными в том случае, если супруги сумеют решить вопросы относительно различного менталитета и воспитания [15].

В большинстве случаев супруги имеют ограниченные знания о культуре друг друга и оба стараются привить детям свои национальные ценности. Формируется две модели межнациональной семьи: в первой модели семья строится на преобладании культуры одного из супругов, а во втором случае формируется своя особая культура, сочетающая национальные традиции каждого из членов семьи. Возможен и третий вариант, в рамках

которого семейный уклад межнациональной семьи строится на основе обычаев и традиций коренного этноса, на территории которого функционирует изучаемая семья. По своей социальной сути межнациональный брак представляет собой особую микросреду, внутри которой сосуществуют разные этносоциальные интересы, что в результате может привести к развитию конфликта. Социологи в ходе проводимых исследований установили, что около 20 % россиян, состоящих в межэтнических браках, испытывают неприязнь со стороны родственников супруга или супруги [10, с. 114]. Во многих межнациональных семьях переплетаются и взаимодействуют различные религиозные традиции. В отличие от культурных традиций тут невозможно поглощение одной религии со стороны другой. В большинстве случаев в таких семьях празднуют крупные религиозные праздники обеих конфессий.

Таким образом, межнациональная семья представляет собой довольно сложное образование, где сочетаются различные типы религий, культур и, следовательно, формируются особые религиозно-ценностные установки, направленные в основном на взаимодействие в русле толерантного отношения и взаимодополнения. Поиск взаимопонимания в таких семьях требует большой работы со стороны обоих супругов. Особенно остро стоят эти проблемы в семьях, сформированных по принципу Восток – Запад [16, с. 128]. Во многих странах Востока до настоящего времени основой общественного развития выступает религия, которая лежит в основе традиций, быта, культуры, права. На Западе же развивается совсем иная культура, где институт семьи не просто теряет традиционное понимание, а считается устаревшим, и пропагандируются совсем иные ценности (например, однополые семьи). Нельзя не отметить и такую важную проблему, как вопросы главенства в семье, подчинения, традиционного диктата. В восточных семьях авторитет мужа непрерываем, девочки с детства готовятся к подчиненной роли. Отдельной проблемой выступает полигамность восточных мужчин, что очень сложно принять западной женщине. Различны и подходы к воспитанию детей, границам дозволенного, методам наказания. Отдельно в перечне этих проблем стоит проблема семейного насилия. Допустимость ограничения прав других членов семьи, применение насилия в качестве воспитательных мер – все эти проблемы не чужды современным межнациональным семьям [8, с. 150].

В России социокультурная ситуация уникальна, она сочетает в себе традиции коренных народов и трансформацию взглядов населения урбанизированных территорий. В городах все отчетливее проявляется влияние Запада, а также идеология, транслируемая социальными сетями: отказ от традиционных торжеств, национальных обычаев и праздников. Вместе с тем в провинциальных регионах, республиках севера России национальные и семейные традиции, обряды соблюдаются. В этих регионах межнациональные семьи создаются в большинстве случаев между русскими и коренными национальностями.

Внутрисемейные отношения в межнациональной семье строятся в рамках четырех различных стратегий. В рамках первой стратегии происходит отказ от обеих идентичностей, а национальная специфика не оказывает влияния на взаимоотношения внутри семьи, они строятся вне ее. В рамках второй стратегии обеспечивается компромисс между двумя этническими моделями, при этом никто не отказывается от своих национальных традиций, супруги уважительно относятся к национальной культуре друг друга и не препятствуют друг другу в соблюдении традиций. В рамках третьей стратегии происходит борьба за доминирование, направленная на переделывание друг друга, что сопровождается развитием конфликтов, разрешить которые невозможно, так как ни одна из сторон не хочет идти на компромисс. Четвертая стратегия строится на подавлении одной национальной идентичности другою и в результате таком браке принимается национальная культура только одного из супругов. Здесь дети порой совсем не знакомы или знакомы лишь частично с национальными особенностями подавляемой стороны [10, с. 21]. Психологический климат в семье во многом зависит от выбранной стратегии. Более легко достичь компромисса удается в том случае, когда межнациональные браки заключаются

между представителями близких этнических групп, например, между русскими и белорусами [10, с. 22].

Межнациональные проблемы в семье обостряются с рождением детей. Мелкие недомолвки и ссоры в этот период способны развиться в существенный конфликт. Поводом может стать множество факторов – от выбора имени ребенку, до особенностей его взаимоотношений с другими членами семьи [4, с. 1221].

В качестве основных причин семейных конфликтов в межнациональной семье психологи выделяют следующие: разные подходы к разделению семейных обязанностей и бытового труда; разные взгляды на сексуальную жизнь; недостаток внимания в силу отдельных обычаев (у многих народов не принято проявлять свои чувства); полигамность супругов; ограниченность эмоционального контакта с детьми.

Таким образом, можно отметить, что межнациональные семьи сталкиваются с большим числом проблем. Во-первых, это проблемы утраты ценности института семьи. Во-вторых, это поиск взаимодействия между национальными традициями и обычаями и воздействием социума, который терпимо относится к одним национальностям и достаточно негативно к другим, а также неумение супругов достичь компромисса. В-третьих – сложности с выбором традиций воспитания детей и привития им национальной культуры. Сохранить брак и гармоничные отношения удастся той семье, которая учится умело сочетать специфику национальных традиций с современными тенденциями развития социума.

Литература

1. Андриянова Т. В. Демографический фактор управленческих решений как основа социокультурного развития региона // Социальная динамика населения и устойчивое развитие : II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Москва, 10 окт. 2019 г., МГУ им. М. В. Ломоносова : сб. тез. / под общ. ред. А. И. Антонова. М. : МАКС Пресс, 2019. С. 18–21.
2. Боев М. Д., Андриянова Т. В. Особенности состояния института семьи в современном российском обществе // Актуальные проблемы современной науки : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-метод. конф. 24–25 мая 2019 г. Владикавказ, 2019. С. 73–77.
3. Волосова Н. Ю. Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7, № 3А. С. 310–319.
4. Воробьева И. В. Особенности и педагогическая поддержка детско-родительских отношений в неполной семье // Молодой ученый. 2015. № 10. С. 1119–1121.
5. Джабер Хасан М. А. Проблемы и особенности воспитания детей в межнациональных семьях // Молодой ученый. 2016. № 3 (107). С. 994–997.
6. Древоленко Э. Э., Андриянова Т. В. Неполная семья в современном обществе // Актуальные проблемы современной науки : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-метод. конф. 24–25 мая 2019 г. Владикавказ, 2019. С. 64–69.
7. Маллаев Д. М., Омарова П. О., Гасанова З. З. Воспитание детей в семье в духе патриотизма и дружбы народов. М. : СМУР «Academia», 2008.
8. Обозов Н. Н., Обозова А. Н. Диагностика супружеских затруднений // Психологический журнал. 2008. Т. 3, № 2. С. 147–151.
9. Пезешкиан Н. Психотерапия повседневной жизни: тренинг разрешения конфликтов / пер. Ю. С. Наумова. СПб. : Речь, 2001.
10. Прохорова О. Г. Основы психологии семьи и семейного консультирования. М. : Сфера, 2010.
11. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология : учеб. для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2009.
12. Сулейманова С. С., Подольский А. Д. Психологические проблемы современной семьи // Психолог. 2014. № 3. С. 60–127.
13. Сысенко А. В. Супружеские конфликты. М. : Финансы и статистика. 2008.
14. Тишкова А. А., Андриянова Т. В. Изучение феномена чайлдфри в современном обществе // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы : сб. науч. тр. по материалам Межвуз. науч.-практ. семинара. 5–6 дек. 2019 г., г. Владикавказ / Сев.-Кавказ. горн.-металл. ин-т (гос. технол. ун-т). Владикавказ : Мавр, 2019. С. 86–90.
15. Трифонова Т. Л. Особенности взаимоотношений в современной межнациональной семье // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. 21–24 окт. 2008 г. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1209015453.pdf (дата обращения: 14.10.2020).
16. Хачатрян Л. А., Чадова А. А. Межнациональная семья в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 1 (25). С. 127–135.
17. Эйдемиллер Э. Г. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд., перераб. и доп. СПб. : Питер, 2008.

ПРОДВИЖЕНИЕ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ СТУДЕНЧЕСКИХ СМИ

Исследуется идея продвижения учебного заведения с помощью студенческих средств массовой информации. Средства массовой информации рассматриваются как важный канал в процессе социализации старшеклассников, при этом доказывается, что современное телевидение создает стереотипные образы, которым склонны подражать подростки. Утверждается, что студенческие массмедиа является площадкой для реализации творческих возможностей студентов, кроме основных функций журналистики они реализуют медиаобразовательную и PR-функции, выступая важным каналом продвижения учебного заведения.

Ключевые слова: продвижение, учебное заведение, СМИ.

E. V. Limarenko

Lugansk State Academy of Culture and Art named after M. Matusovsky, Lugansk

PROMOTION OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION WITH THE HELP OF STUDENT MEDIA

In the article the idea of promoting an educational institution with the help of student media is considered. The author of the article considers the media as an important channel in the process of socialization of high school students, while proving that modern television creates stereotyped images that teenagers tend to imitate. Student mass media are a platform for realizing the creative potential of students, in addition to the main functions of journalism, they also implement media education and PR-functions, acting as an important channel for promoting an educational institution.

Keywords: promotion, educational institution, mass media.

В современных условиях престижность высшего образования повышается, соответственно наблюдается активный рост конкуренции между вузами. Многие студенты поступают в высшее учебное заведение после окончания колледжа или техникума. На наш взгляд причины поступления в средние профессиональные учебные заведения две. Первая – большее количество бюджетных мест. Вторая – после колледжа студент поступает сразу на третий курс университета, не теряя при этом годы.

На наш взгляд, продвижение учебного заведения с помощью студенческих средств массовой информации – один из эффективных инструментов современного PR вуза. Вузовские медиа, кроме основных функций журналистики, реализуют еще медиаобразовательную функцию. Студенческие массмедиа – это отличная площадка для реализации творческих возможностей студентов, благодаря которой формируется внутренняя PR – среда вуза, а результат ее деятельности транслируется внешним контактным аудиториям (потенциальным абитуриентам, родителям и др).

Основная задача внутреннего (внутрикорпоративного) PR в системе образования – организация целевого информационного воздействия на внутреннюю аудиторию, т. е. сотрудников и студентов учебного заведения. Очевидно, что задача внутреннего PR совпадает с задачей PR вообще. Однако можно с уверенностью говорить, что сотрудники, не говоря уже о студентах, также являются клиентами, только «внутренними», «покупающими» компанию в обмен на свое время и свою квалификацию [2].

Особенность медиаобразовательной функции в вузовском СМИ проявляется в том, что для вуза медиа – это средство решение учебных задач. Это задача подготовки грамотных потребителей СМИ, способных вычитывать из них подходящую в данный момент информацию, в том числе учебную. Развитие студенческих СМИ напрямую приведет к развитию гражданского общества, созданию поколения думающих и креативных людей [2].

Создавая студенческие медиа, авторы используют все методы работы журналистов, жанровые шаблоны, приемы поиска и сбора информации, технологии интервью, основы

режиссуры и монтажа видео, навыки работы в программах для разработки дизайна и редактирования фотоснимков.

Особое и главное место в таких СМИ занимают темы, посвященные студентам и студенческой жизни в целом. Студенты-журналисты создают контент о том, что интересно сверстникам и им самим, пишут о своих наблюдениях, эмоциях, впечатлениях, волнениях и своей жизни в целом. Некоторые темы посвящаются советам по поступлению в университеты и колледжи. Авторы рассказывают, как справиться с трудностями студенческой жизни, запомниться преподавателю, «выжить» в общежитии, сдать сессию, стать лучшим студентом. Также существуют календарные подборки, например, идеи подарков к праздникам, розыгрыши, флешмобы, челленджи и т. д.

Основное понятие «вузовских средств массовой информации» звучит следующим образом: вузовские СМИ – это медиаобразовательный продукт, который создают студенты для студентов. Следовательно, студенческие медиа можно разделить на «внутривузовские», которые являются вспомогательным средством обучения студентов и управления вузом, и «для внешней аудитории», которые создают имидж учебного заведения и способствуют привлечению потенциальных абитуриентов. Такие издания и интернет-каналы предназначены не только для студентов, но и для старшеклассников и их родителей.

Обобщив все вышесказанное, можно дополнить понятие «студенческие СМИ» таким образом: студенческие средства массовой информации – это деятельность в сети Интернет, при которой студенты под руководством преподавателей занимаются поиском и сбором информации о студенческой жизни, написанием и редактированием текстов информационных сюжетов, репортажей, интервью и т. д., фото- и видеосъемкой, разработкой дизайна и версткой газеты или журнала, монтажом телепрограмм, выпуском готовой продукции в интернете.

К. Розанов [5] выделяет три большие группы прессы, которые можно применить к современному медиасреде в целом – «взрослые», «молодежные», «детские». В свою очередь существуют небольшие группы СМИ, которые входят в большие – «юношеские», «учебные», «студенческие». Студенческие СМИ полностью входят в понятие «молодежные», не пересекаясь со «взрослыми» и «детскими». «Юношеские» частично входят в «детские», частично в «молодежные». «Учебные» СМИ бывают «взрослыми», «молодежными» и «детскими».

Любое массмедиа находится в какой-то точке этой схемы. Это может быть только молодежное, или только детское медиа, или учебный журнал, который является студенческим учебным СМИ. Варианты могут быть разные.

Вузовские массмедиа – доступное, чаще всего бесплатное, средство рекламы учебного заведения. У этих СМИ есть два основных положительных момента:

– у авторов есть возможность самостоятельно выбирать направление, по которому СМИ будут развиваться;

– с развитием техники и технологий процесс производства медиаконтента упростился и стал доступен всем.

Воспитание растущего человека, формирование развитой личности составляет одну из главных задач современного общества. В социальной среде в процессе целенаправленного воспитания происходит действенная обработка программ социального поведения человека, формируется человек как личность. Причем социальная обусловленность развития личности несет конкретно исторический характер.

Но социально-историческое формирование личности не представляет собой пассивного отражения общественных отношений. Выступая и субъектом, и результатом общественных отношений, личность формируется через ее активные общественные действия, сознательно преобразуя и окружающую среду, и саму себя в процессе целенаправленной деятельности. Здесь приобретает особое значение повышение интерактивности средств массовой информации (от печатных средств массовой информации, радио, телевидения до интернета) [4].

Основными функциями сообщений средств массовой информации являются: информирование о происходящих событиях; помощь обществу (и старшекласснику в том числе) в решении его проблем; передача знаний об обществе от одного поколения к другому (социализация и обучение); развлечение. Проблема воздействия средств массовой информации на людей исследуется, начиная с 20-х годов прошлого века. В это время господствовало убеждение во всеисильности влияния средств массовой информации на сознание человека. Предполагалось, что воздействие сообщений средств массовой информации выражено непосредственно и осязаемо [3].

Рассматривая свойства сообщений средств массовой информации, необходимо помнить, что зачастую СМИ используют информацию для манипулирования сознанием человека. «Под манипулированием сознанием мы понимаем создание субъектом информационного воздействия таких условий, при которых ответная реакция объекта однозначно определяется действиями субъекта... Манипулирование сознанием, в конечном итоге, всегда преследует одну цель: продвижение на рынке какого-либо товара или какой-либо услуги. Оно особенно часто встречается в информационных сообщениях на тему здоровья человека и в сообщениях иррационального плана (религиозных, мистических и т. п.). Во втором случае мы имеем дело со скрытой рекламой: происходит целенаправленное формирование картины мира, которая в дальнейшем приводит человека туда, куда надо рекламодателям» [4].

Сообщения СМИ, взаимодействуя с аудиторией, формируют у людей разнообразные потребности, интересы и влечения.

Есть мнение, что СМИ ежедневно конструируют реальность. В самих СМИ это осуществляется путем воспроизводства схем социальной асимметричности, намеков, подтекстов, неоправданных исторических параллелей. События не существуют, если о нем не говорят по радио, не пишут в газетах, не показывают по телевидению.

Западные и отечественные ученые высказали идею, что телевидение вполне способно соперничать с родителями, педагогами и психологами в качестве не только источника информации, но и источника ролевых моделей для подражания. Исследования показали, что средства массовой информации очень важны в процессе самоопределения, а также в процессе социализации старшеклассников, а анализ информации, поступающей по телевизионным каналам, продемонстрировал, что телевидение создает стереотипные образы, которым склонны подражать подростки. И. С. Кон [3] акцентирует внимание на угрозе избыточного, всеядного потребления информации, поступающей по каналам средств массовой информации, отрицательно сказывающейся на процессе самоопределения личности старшеклассника.

Подросток, испытывающий в жизни затруднения (асоциальный и психологический дискомфорт, отсутствие возможности самореализации, желание самоутвердиться, боязнь стать изгоем и пр.), начинает сравнивать себя с транслируемым образом и зачастую находит большое сходство во внешних признаках. Очень часто юноши и девушки в подростковом возрасте выбирают образ героя или героини в понравившемся фильме, телесериале и т. д. и достаточно длительное время подражают ему. Под их влиянием иногда и происходит личностное и профессиональное самоопределение старшеклассников.

Находясь перед выбором жизненного пути, молодые люди должны анализировать свои интересы, способности, оценивать возможности, прогнозировать свое дальнейшее трудоустройство, изучая ситуацию на рынке труда. Естественно, что каждый школьник в перспективе хочет, чтобы работа была престижной, т. е. перспективной и хорошо оплачиваемой. Поэтому оценка престижности будущей профессии оказывает основное влияние на принятие решения о получении того или иного образования [5].

По данным исследования И. В. Казариновой [4] выяснилось, что старшеклассники доверяют СМИ, в большей степени интернету и телевидению. Главным мотивом школьников при выборе профессии является материальное стимулирование, соответственно

информация о наиболее высокооплачиваемых и престижных профессиях в интернете и на телевидении имеет для них большое значение.

Средства массовой информации оказывают столь заметное воздействие на самоопределение старшеклассников благодаря своим свойствам. К основным достоинствам средств массовой информации можно отнести современность, актуальность, новизну, мобильность, наглядность, связанную с большими техническими возможностями, доступность, легкость восприятия, возможность выбора. Информация, получаемая по каналам СМИ (главным образом из телевизионных сюжетов), обладает высокой зрелищностью, динамичностью, сильным эмоциональным воздействием, но, по мнению самих школьников, открыто не навязывается потребителю. Она не требует умственных усилий и легко воспринимается, однако плохо встраивается в систему формируемых в школе знаний, поскольку такой перенос требует специальных умений. В этом смысле информирование старшеклассников со стороны средств массовой информации противопоставляется школьному образованию, подразумевающему необходимость и обязательность определенной деятельности при отсутствии выбора по интересам.

Итак, современные молодые люди живут сегодня в мире глобальной информатизации, в котором им предлагается различная информация из огромного количества источников. От правильного выбора и объективной оценки данной информации зачастую зависит самоопределение старшеклассников и их дальнейший «стиль» жизни. Деятельность педагогов и психологов школьного образования в период осуществления самоопределения воспитанников, которое осуществляется под влиянием СМИ должна способствовать ослаблению негативного влияния сообщений СМИ, развитию навыков использования сообщений СМИ в процессе самоопределения, формированию умений анализировать сообщения СМИ с точки зрения достоверности, предоставляемой ими информации, развитию психологической готовности к периоду вступления в социум.

Если перефразировать А. Чехова, то девиз журналиста в XIX в. – «Краткость – сестра таланта». Главный тренд, по мнению А. Н. Чумикова, заключается в том, что длина прочтения сокращается, поэтому журналистам необходимо изобретать новые подходы. Читатель сейчас ищет не художественный текст, а информацию. Можно разделить традиционно на журналистику «фактов» и «мнений». Президент Международного пресс-клуба А. Н. Чумиков отмечает одним из трендов журналистики поколения ВЕБ «смерть факта»: «Факт – ничто. Смысл – все». «Чтобы быть привлекательным для людей в качестве бренда, можно действовать, как если бы вы привлекали людей в качестве друга. Личное внимание, признание, маленькие приятные сюрпризы и совместные увлекательные дела укрепят дружбу» [1].

Литература

1. Гэд Т. 4D брэндинг. Взламывая корпоративный код сетевой экономики. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 228 с.
2. Овчинникова М. Журналистская, медиаобразовательная и PR-деятельность вузовских газет Великобритании. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhumalistskaya-mediaobrazovatel'naya-i-pr-deyatelnost-vuzovskih-gazet-velikobritanii/viewer>.
3. Родионов М., Шепелева Е. Проблема влияния сообщений СМИ на самоопределение старшеклассников и пути ее решения // Известия ПГПУ имени В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 998–1001. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vliyaniya-soobshcheniy-smi-na-samoopredelenie-starsheklassnikov-i-puti-ee-resheniya/viewer>.
4. Хомякова Н. Возможности влияния СМИ на воспитание и социализацию школьника // Эксперимент и инновации в школе. 2011. № 3. С. 28–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-vliyaniya-smi-na-vospitanie-i-sotsializatsiyu-shkolnika/viewer>.
5. Шаромов А. Нефинансовые инструменты брендинга // Корпоративная имиджология. URL: http://www.ci-journal.ru/article/191/200803nefinansovye_instrumenty_brendinga.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ СТРАТЕГИЙ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рассмотрены особенности формирования профессионально-личностных стратегий университетского студенчества, а также влияние на этот процесс социально-экономических вызовов. Определены основные теоретико-методологические подходы к изучению данного вопроса, выявлены главные черты профессионально-личностных стратегий. Установлена степень влияния социально-экономических вызовов на формирование профессионально-личностных стратегий университетского студенчества в современных условиях.

Ключевые слова: университетское студенчество, социально-экономические вызовы, профессионально-личностные стратегии, личность.

A. A. Lineytseva

Irkutsk State University, Irkutsk

INFLUENCE OF SOCIO-ECONOMIC CHALLENGES ON THE FORMATION OF PROFESSIONAL AND PERSONAL STRATEGIES OF UNIVERSITY STUDENTS IN MODERN CONDITIONS

In this article, the author examines the specifics of the formation of professional and personal strategies of university students, as well as the impact of socio-economic challenges on this process. The main theoretical and methodological approaches to the study of this issue are identified, and the main features of professional and personal strategies are provided. The degree of influence of socio-economic challenges on the formation of professional and personal strategies of university students in modern conditions is established.

Keywords: university students, socio-economic challenges, professional and personal strategies, personality.

Принципиально новые условия и их динамичные преобразования, сложившиеся в России в современный период, кардинальным образом изменили требования к важным профессионально-личностным качествам, которыми должны обладать студенты. В современных реалиях важным элементом профессиональной подготовки становится формирование и развитие как профессиональных, так и личностных качеств будущих специалистов. В условиях социальной напряженности под воздействием социально-экономических вызовов социальное и психологическое состояние студентов университетов неизбежно ухудшается, в связи с этим происходит затруднение процесса их профессионализации. Недооценка важности формирования профессионально-личностных стратегий у выпускников вузов последовательно приводит к негативным последствиям в сфере их морального сознания и поведения.

Постановка проблемы

Важность изучения феномена формирования профессионально-личностных стратегий университетского студенчества в современных условиях обусловлена постоянно возникающими социально-экономическими вызовами. В связи с этим происходят изменения в профессионально-трудовой области человеческой жизни, а также трансформируется совокупность профессионально-личностных компетенции, предъявляемых выпускникам университетов, только вышедших на рынок труда, который из-за постоянной трансформации общества, разбалансирован.

Формирование профессионально-личностных стратегий в университете способствует развитию студенческой личности, воспроизведению, росту ее социальных функций в трудовой области человеческой деятельности. Такие функции профессиональных стратегий, как адаптационная, интеграционная и прогностическая, предопределяя институциональные нормы, регулируют человеческое поведение, предотвращают нарушение установок патернализма и пассивности, а также делают возможным поддержание качественных свойств рабочей силы, занятости и личностного роста.

Социально-экономические вызовы оказывают влияние на образование, в связи с этим радикально трансформируются основные парадигмы образовательного процесса, изменяются устоявшиеся подходы и методы подготовки высококачественных специалистов. Поэтому существует необходимость в исследовании данной проблемы и поиске улучшенных подходов для эффективного формирования профессионально-личностных стратегий университетского студенчества.

Методология исследования

Разные аспекты процесса формирования профессионально-личностных стратегий и влияния на них социально-экономических вызовов выделялись и рассматривались многими исследователями с использованием различных научных традиций как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Классики социологии также осуществляли работу, посвященную изучению специфики социализации личности. М. Вебер в своих научных трудах отмечал, что человек социализируется посредством социального действия, он рассматривал процесс социализации с точки зрения субъективного смысла, который вкладывал индивид в свои действия [4]. Э. Дюркгейм и Т. Парсонс рассматривали социализацию личности как процесс, при котором происходит развитие человека, как во взаимодействии, так и под влиянием окружающей его среды через постижение и воссоздание ценностей и норм [6; 9].

Российские философы и психологи, в числе которых С. Л. Рубинштейн [10], И. С. Кон [8], в своих работах исследуют жизненные стратегии личности относительно профессиональных стратегий. Среди авторов, изучающих элементы стратегического поведения личности, были М. Н. Руткевич [11] («концепция жизненных планов»), В. А. Ядов [12] («диспозиционная концепция регуляции социального поведения личности»). Рассматривая проблемы профессиональных стратегий личности, следует отметить работы В. С. Боровик [1] и Е. Е. Ермакова [7], которые исследовали положение молодежи на мировом рынке труда.

Большое значение проблематике модернизации высшей школы, взаимодействию вузов с работодателями, формирования профессионально-личностных стратегий выпускников уделяет коллектив исследователей Иркутского государственного университета под руководством доктора социологических наук, профессора Т. И. Грабельных. В своих научных работах последних лет отечественные социологи анализируют особенности и тенденции развития университетов под влиянием научно-технологических революций [4], «устойчивый мир» университета и его социальное самоопределение [2], обосновывается переход от универсальной научно-образовательной к экспертно-технологической модели [3].

Западные исследователи также уделяли много внимания изучению проблем университета. Одним из них является А. Флекснер [13]. Американский педагог рассматривал университет как социальный институт, который направлен на передачу знаний, анализ деятельности и образование человека на высоком уровне.

Методы и методики исследования

В свете современной проблемной ситуации и прослеживаемых тенденций представляется важным обратить особое внимание на специфику формирования профессионально-личностных стратегий университетского студенчества в современных условиях. В связи с этим в период с 1 по 3 ноября 2020 г. с целью исследования специфики формирования профессионально-личностных стратегий университетского студенчества в рамках инициативного исследовательского проекта на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» автором проведено пилотажное социологическое исследование методом онлайн-опроса с помощью сайта www.webanketa.com. Социологический опрос имел пилотажный характер. В рамках исследования опрошено 151 (100 %) человек. Социальный портрет респондентов выглядит

следующим образом: 23,8 % мужчин и 76,2 % женщин; в возрасте 17 лет и младше 7,9 %, от 18 до 30 лет 70,2 %, от 31 до 45 лет 16,6 %, от 46 до 60 лет 5,3 %; имеющих образование среднее и ниже среднего 14,6 %, среднее специальное 11,3 %, неоконченное высшее 43,7 %, высшее 29,1 %, имеющих ученую степень 1,3 %; обучающихся 58,9 %, работающих 21,9 %, обучающихся и работающих одновременно 13,2 %, временно безработных 5,3 %, пенсионеров 0,7 %. Респонденту было предложено ответить на 25 вопросов и выбрать наиболее подходящее мнение, выражающее его точку зрения. Ряд вопросов имел статус индикатора формирования профессионально-личностных стратегий, среди них: «Что в Вашем представлении включает в себя жизнь университетского студенчества?»; «Как Вы полагаете, насколько современный вуз способствует формированию профессионально-личностных стратегий университетского студенчества?»; «Определите основные вызовы, которые в значительной степени влияют на формирование профессионально-личностных стратегий университетского студенчества?».

Статистическая обработка была произведена в программах MS Excel и IBM SPSS Statistics 22.0. Была создана база исследования, на основе которой были построены частотные таблицы распределения и выявлены корреляционные зависимости ответов респондентов.

Результаты исследования

Жизнь университетского студенчества

Отличительной чертой университетского студенчества является его активная деятельность в различных сферах. Обучаясь в вузе, человек может заниматься наукой, творчеством, волонтерством, социокультурной деятельностью, а также проявлять себя в спорте и других возможных областях. Студент повышает свой уровень социальной активности и расширяет область социальных взаимодействий. Обучаясь в университете на определенном направлении, посещая учебные занятия, у студента поэтапно происходит развитие профессиональных компетенций, он познает элементы своей будущей профессии, адаптируется к профессиональному сообществу. В данный период также происходит формирование символического, культурного, интеллектуального капитала человека, студент учится самостоятельно мыслить, выражать свою независимую позицию.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что в Вашем представлении включает в себя жизнь университетского студенчества?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Все вышеперечисленное	71	15,7
2	Рост личных контактов и связей	49	10,8
3	Включенность в различные виды деятельности	43	9,5
4	Высокая образовательная, научная и другая мобильность	39	8,6
5	Формирование самостоятельного мышления и независимой позиции	37	8,2
6	Получение профессиональных компетенций и адаптация к профессиональному сообществу	36	7,9
7	Рост социальной активности	35	7,7
8	Образовательные ценности	34	7,5
9	Развитие навыков жизнеустройства	31	6,8
10	Формирование новых стратегий позиционирования себя в обществе	30	6,6
11	Развитие творческих способностей	29	6,4
12	Формирование символического, культурного, интеллектуального капитала	16	3,5
13	Затрудняюсь ответить	3	0,7
	Всего	453	100,0

Из данных табл. 1 мы можем сделать вывод о том, что респонденты в большинстве (15,7 %) считают, что жизнь университетского студенчества включает в себя рост социальной активности, личных контактов и связей; формирование символического, культурного, интеллектуального капитала; включенность в различные виды деятельности, высокую образовательную, научную и другую мобильность; формирование самостоятельного мышления и независимой позиции; получение профессиональных компетенций и адаптацию к профессиональному сообществу; образовательные ценности; развитие навыков жизнеустройства (все вышеперечисленное). Кроме того, следует обратить внимание на вариант ответа «Формирование символического, культурного, интеллектуального капитала», который имел единичные показатели (3,5 %), что может говорить о большом упадке значимости накопления капитала среди населения.

Формирование профессионально-личностных стратегий университетского студенчества в современном вузе

Обучение в университете является одним из важнейших этапов человеческой жизни, в течение которого осуществляется формирование личностных качеств и профессиональных компетенций. Получая качественное образование, студент осваивает основные навыки своей профессии, учится мобильности, ответственности, стремится к саморазвитию и самосовершенствованию, тем самым происходит становление студента как субъекта образовательного процесса. На учебных занятиях обучающимся прививаются этические нормы и принципы будущей профессии, тем самым расширяя кругозор их личности и увеличивая ее интеллектуальный капитал. Формирование профессионально-личностных стратегий занимает приоритетное место в образовательной деятельности.

На основе данных табл. 2, мы имеем основания сделать вывод, что большинство респондентов, а именно 44,4 %, считают, что современный университет в определенной степени способствует формированию профессионально-личностных стратегий университетского студенчества. Однако 4,0 % все же считают, что современные вузы совсем не способствуют этому процессу. Затруднились ответить на данный вопрос 2,6 % опрошенных, что говорит о том, что современным вузам стоит уделять больше внимания формированию профессионально-личностных стратегий студентов.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Насколько современный вуз способствует формированию профессионально-личностных стратегий университетского студенчества?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	В значительной степени	47	31,1
2	В определенной степени	67	44,4
3	В некоторой степени	27	17,9
4	Совсем не способствует	6	4,0
5	Затрудняюсь ответить	4	2,6
	Всего	151	100,0

Основные вызовы, влияющие на формирование профессионально-личностных стратегий университетского студенчества

Современный период времени характеризуется постоянно изменяющимися жизненными условиями. Система высшего образования как индикатор изменений в жизни общества накапливает все происходящие в мире трансформации. Образование находится под влиянием широкого спектра вызовов, экономические и социальные из которых, безусловно, являются одними из основных.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Определите основные вызовы, которые в значительной степени влияют на формирование профессионально-личностных стратегий университетского студенчества»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Экономическая нестабильность	65	18,0
2	Эпидемиологические вызовы	40	11,1
3	Мировой финансовый и экономический кризис	39	10,8
4	Все вышеперечисленное	36	10,0
5	Модернизация высшей школы	33	9,1
6	Интернационализация высшего образования	28	7,8
7	Затрудняюсь ответить	24	6,6
8	Техногенные и информационные вызовы	24	6,6
9	Гуманитарные вызовы	20	5,5
10	Глобальные вызовы	19	5,3
11	Вызовы международной безопасности	16	4,4
12	Экологические вызовы	16	4,4
13	Другое (а именно: нет ответа)	1	0,3
	Всего	361	100,0

На основе данных табл. 3 имеем основания сделать вывод, что большинство респондентов, а 18,0 %, отмечают, что экономическая нестабильность в значительной степени влияет на формирование профессионально-личностных стратегий университетского студенчества. К экономическим вызовам также можно отнести мировой финансовый и экономический кризис, которые отметили 10,8 % опрошенных. Также респондентами были отмечены модернизация высшей школы (9,1 %), интернационализация высшего образования (7,8 %) и гуманитарные вызовы (5,3 %), что говорит о большом влиянии социальных вызовов на деятельность университетов. Кроме того, следует обратить внимание на то, что 11,1 % респондентов выбрали ответ «эпидемиологические вызовы». В процессе исследования выявилось, что люди обеспокоены происходящей в мире пандемией коронавируса. Стоит отметить, что данное явление прямым образом влияет на учебный процесс и все образование в целом, трансформируя систему обучения.

Выводы

Резюмируя вышесказанное, отметим, что социально-экономические вызовы в определенной степени оказывают влияние на формирование профессионально-личностных стратегий университетского студенчества в современных условиях. Целью обучения в вузе является подготовка грамотного в своей сфере, компетентного специалиста, который отличается знаниями, общекультурными и профессиональными навыками. Изменения, происходящие в мире, требуют новых подходов в образовании, предъявляют новые требования к будущим специалистам. Чтобы справиться с трудностями, которые вызваны социально-экономическими вызовами, необходимо понимать важность профессионально-личностных стратегий для отдельного человека, направлять усилия на развитие и реализацию его потенциала.

Литература

1. Боровик В. С. Политическая активность современной молодежи (состояние и проблемы). М. : Издательство института молодежи, 1991. 342 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
3. Грабельных Т. И. «Устойчивый мир» университета, его социальное самоопределение в условиях угроз, вызовов и рисков // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск : Издательство ИГУ, 2018. С. 169–171.

4. Грабельных Т. И., Лесниковская Е. В. Роль университета в развитии системы региональных взаимодействий: от универсальной научно-образовательной к экспертно-технологической модели // Вестник университета. 2017. (3). С. 220–222.

5. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Лесниковская Е. В. Влияние научно-технологических революций на развитие высшей школы в России // Трансформация социального мира в современную эпоху: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Оттиск, 2019. С. 65–70.

6. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995. 253 с.

7. Ермакова Е. Е. Молодежь России сегодня // Власть. 2006. № 1. С. 84–86. Рец. на кн.: Социология молодежи: социализация и социальные деформации в трансформируемом российском обществе / М. Ю. Попов [и др.]; под ред. В. Н. Кузнецова. М. : Гардарики, 2005.

8. Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М. : Политиздат, 1984. 336 с.

9. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М. : Академический Проект, 2002. 832 с.

10. Рубинштейн Сергей Леонидович / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1969. 1600 с.

11. Руткевич М. Н. Социология образования и молодежи. Избранное (1965–2002). М. : Гардарики, 2003. 544 с.

12. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М. : ЦСПиМ, 2013. 376 с.

13. Flexner A. Universities: American, English, German. N. Y.: Oxford Univ. Press. 1930. IX.

УДК 316.356.2

Е. В. Лосева

Курский государственный университет, г. Курск

СЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ В ГРАНИЦАХ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Рассматриваются особенности семьи как социального института и социальной группы. Показывается важность роли сельской семьи для картины современного общества, значение которой в процессе социализации личности и в формировании духовно-нравственных основ индивидов, проживающих в сельской местности, оценивается в социологии как ведущее. В заключение выделяются и обосновываются особенности проживания семей в городской и сельской местности, оказывающие непосредственное влияние на межличностные отношения в семьях.

Ключевые слова: семья, социальный институт, малая группа, функции семьи, городская семья, сельская семья.

E. V. Loseva

Kursk State University, Kursk

RURAL FAMILY WITHIN THE LIMITS OF STUDYING SOCIOLOGY: NEW CHALLENGES

The article examines the features of the family as a social institution and social group, and also shows the importance of the role of the rural family for the picture of modern society. Its significance in the process of socialization of the individual and in the formation of the spiritual and moral foundations of individuals living in rural areas is assessed in sociology as leading. The conclusions highlight and justify the features of family living in urban and rural areas that have a direct impact on interpersonal relationships in families.

Keywords: family, social institution, small group, family functions, urban family, rural family.

Современная семья является объектом исследования ряда наук – демографии, психологии, социологии и многих других [2; 3]. Поскольку семья представляет собой первый и наиболее индивидуальный уровень отношений между поколениями, то проблемы, связанные с этим немаловажным институтом, рассматриваются специалистами из разных областей знания: активно изучаются динамика эмоциональных отношений в браке, особенности воспитания детей в семьях, причины распада семей, а также значительное внимание уделяется семейным кризисам и их предотвращению [1; 5; 6; 12; 14].

Изучение семьи как социального института, как малой группы, ее структуры, функций и роли для современного общества имеет важное значение, поскольку именно семья – фундаментальный институт общества, важный и необходимый человеку на протяжении всей его жизни.

Семья как социальный институт выполняет ряд важных общественных функций и характеризуется определенной совокупностью социальных норм, санкций и образцов поведения, регулирующих отношения между супругами, родителями, детьми и другими родственниками. Семья как малая группа, основанная на браке, кровном родстве или усыновлении (удочерении), позволяет удовлетворять личные потребности, связана общностью быта, взаимопомощью и взаимной ответственностью.

Исследование семьи как социального института как правило нацелено на изучение внешних связей семьи, поскольку в этом случае она выступает регулятором отношений между людьми. Как малая социальная группа семья чаще всего рассматривается в контексте изучения отношений между индивидами, составляющими семью, или внутренние связи семьи.

По мнению советского социолога, А. Г. Харчева, семья – это «... исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малой группы, члены которой, связаны брачными и родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость которой обусловлена потребностью в обществе в физическом и духовном воспроизводстве населения» [15, с. 75].

Семья представляет собой ячейку общества, являющуюся неотделимой составной его частью. Она существует как санкционированный обществом союз, стабильность которого возможна при взаимодействии с другими социальными институтами, такими как государство, право, общественное мнение, религия, культура и др. Указанные выше институты создают нормы и санкции, поддерживающие семью, а также оказывают на нее внешнее воздействие и регулируют ее создание и изменение.

Каждый социальный институт призван удовлетворять важнейшие потребности общества, а конкретно институт семьи нацелен, прежде всего, на удовлетворение потребности в его биологическом воспроизводстве. Однако современному развивающемуся обществу недостаточно только биологического воспроизводства населения, необходимо, чтобы новые поколения были полноценны не только физически, но и социально, экономически и духовно. Поэтому в данном случае речь идет о семье как о первичной социальной группе, главной задачей которой является сохранение и передача основ социальной структуры общества от поколения к поколению.

Как социальный институт и как малая группа семья функционально ориентирована на решение ряда важнейших задач, среди которых воспроизводство новых поколений, воспитание детей и приобщение их к данному миропорядку, усвоение основных традиций и обычаев, созданных предшествующими поколениями и многое другое. В связи с этим исследователями выделяются следующие основные функции семьи, которые способствуют реализации поставленных задач [13]: функция воспроизводства потомства путем деторождения или усыновления; функция регулирования сексуальных отношений; рекреационная функция (физическое поддержание членов семьи путем обеспечения их пищей, одеждой, жильем и т. д.); хозяйственно-экономическая функция; духовно-эмоциональная функция; обучающая функция; воспитательная функция; досуговая функция; функция социализация личности.

По мнению многих исследователей одной из фундаментальных функций семьи является функция социализации личности [4]. Семейное воспитание более эмоционально по своему характеру, чем любое другое, поскольку основано на взаимном чувстве любви. В семье закладываются основы нравственности, раскрываются индивидуальные качества личности, складываются представления ребенка о добре и зле, о порядочности и об уважительном отношении к материальным и духовным ценностям, благодаря чему семья имеет большие преимущества в процессе социализации личности по сравнению с другими социальными институтами.

Важно отметить, что от степени и характера выполнения основных функций семьи зависит успешность ее функционирования. В связи с этим российский исследователь Т. З. Ильясов классифицирует семью в зависимости от выполнения или не выполнения своих обязанностей и основной роли на два типа: функциональные и дисфункциональные семьи [7].

Семья, ее структура, функции, а также связь семьи и общества являются предметом исследования не только отечественной социологии, но и зарубежной. Особое внимание уделяется вопросам дезорганизации в обществе, которая приводит к аналогичным процессам в структурно-функциональной деятельности семьи, что обуславливает увеличение конфликтов между членами семьи, снижение воспитательной дееспособности и, как следствие, рост разводов.

Идеи В. Сатир, американского психолога, психотерапевта, оказали большое влияние на развитие семейной психотерапии [2]. Она классифицирует современную семью по характеру взаимоотношений между ее членами на два типа, а именно, зрелая и проблемная семья. Проблемная семья «холодная» в отношениях друг с другом, дискомфортная, в ней каждому члену семьи одиноко и тоскливо. Зрелая семья, напротив, полна чувств любви, взаимоуважения, защищенности, ответственности друг перед другом. Члены такой семьи стараются избегать конфликтов, а в случае их возникновения конструктивно решать вопросы и находить компромисс.

Современные исследователи уделяют особое внимание факторам внешнего и внутреннего характера, непосредственно влияющих на микроклимат семьи [14]. К факторам внутреннего характера можно отнести интеллектуальные, характерологические и социальны – психологические особенности супругов, способствующие успешной деятельности семьи. К внешним факторам социологи относят совокупность материальных и духовных условий, существующих в обществе, а также тип поселения, в котором проживает семья (город и село), что определяет межличностные отношения в ней.

Как было отмечено ранее, тип поселения, в котором проживает семья, оказывает особое влияние на социализацию личности каждого члена семьи. Город как тип поселения характеризуется высокой плотностью населения, разнообразием деятельности жителей, обилием жизненных укладов, потребностей, вкусов, привычек. Городские семьи имеют больше возможностей в сфере образования детей, полноценного досуга и отдыха, а также приобщения к культурным ценностям. Очевидно, что перечисленные особенности городского поселения сказываются на семейном укладе, на микроклимате семьи и взаимоотношениях между поколениями.

Сельской семье, напротив, присущи такие характеристики как преимущественно малая плотность населения и небольшое число жителей, тесные родственные и соседские связи, почти полное отсутствие учреждений культуры, трудовой и досуговой деятельности, плохо развитое общественное обслуживание, относительно стабильный состав жителей поселения и достаточно сильный социальный контроль жизнедеятельности человека со стороны его окружения [9; 10].

В настоящее время сельские семьи испытывают на себе влияние ряда неблагоприятных факторов: здесь мы можем говорить и о низком материальном уровне жизни многих семей, и о нерегулярном доходе членов семьи, и о плохих жилищных условиях, и пр. Жизнь в сельской местности значительно осложняется безработицей, уровень которой более чем в 1,5 раза выше, чем в городе [16]. В то же время, уровень среднедушевого дохода работающего человека в сельской местности почти в 2 раза ниже, чем у жителя города [16]. Как и повсеместно, в сельской местности прослеживается снижение количества многодетных семей и увеличение процента неполных, малодетных и бездетных семей. Конечно, данные процессы протекают несколько медленнее, чем в городе, но не упомянуть о наличии данного факта просто нельзя.

Несомненно, происходящие в стране процессы снижают уровень экономического благосостояния сельской семьи, а также разрушают ее культурно-нравственные ценностные установки, что приводит к ее бифуркации. В связи с этим государству необходимо оказать срочную и серьезную поддержку сельской семье, поскольку она имеет важное значение для общественности, а именно: формирует крестьянский труд в постиндустриальном информационном обществе и обеспечивает его устойчивое развитие. Именно сельский труженик составляет основу любого государства, поскольку при всех перестройках и трансформациях, происходящих в обществе, он должен кормить страну.

Литература

1. Акмурина Ф. С. Семья как социальный институт и малая социальная группа // Novainfo.Ru. № 47. Т. 3. С. 315–319.
2. Андриянова Т. В. Демографический фактор управленческих решений как основа социокультурного развития региона // Социальная динамика населения и устойчивое развитие : II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Москва, 10 окт. 2019 г., МГУ имени М. В. Ломоносова : сб. тез. / под общ. ред. А. И. Антонова. М. : МАКС Пресс, 2019. С. 18–21.
3. Боев М. Д., Андриянова Т. В. Особенности состояния института семьи в современном российском обществе // Актуальные проблемы современной науки : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-метод. конф. 24–25 мая 2019 г. Владикавказ, 2019. С. 73–77.
4. Гимакова Г. Ш. Семья как важнейший фактор социализации личности // Novainfo.Ru. 2016. № 54. Т. 2. URL: <https://novainfo.ru/article/8481>.
5. Гуд У. Социология семьи // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965. 194 с.
6. Древоленко Э. Э., Андриянова Т. В. Неполная семья в современном обществе // Актуальные проблемы современной науки : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-метод. конф. 24–25 мая 2019 г. Владикавказ, 2019. С. 64–69.
7. Ильясов Т. З. Семья как первичный социальный институт. Ее воспитательная функция // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22, № 7. С. 904–907.
8. Мустаева Ф. А. Социализация личности ребенка в городской и сельской семье // Apriori. Серия: гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 1–10.
9. Полуцыган А. А. Культура сельской семьи в условиях динамики российского общества: ракурсы современного анализа // Социология. 2018. № 2. С. 241–244.
10. Полуцыган А. А. Функции сельской семьи как отражение ее культуры: интерпретация научных подходов // Социология. 2018. № 3. С. 178–183.
11. Вирджиния С. Как строить себя и свою семью : пер. с англ. М. : Педагогика-пресс, 1992. 190 с.
12. Тишкова А. А., Андриянова Т. В. Изучение феномена чайлдфри в современном обществе // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы : сб. науч. тр. по материалам междуз. науч.-практ. семинара 5–6 дек. 2019 г., г. Владикавказ / Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет). Владикавказ : Изд-во ООО НПКП «МАНВР», 2019. С. 86–90.
13. Хазимуллина А. Х. Особенности развития семьи и причины ее дезорганизации социологические науки // Novainfo.Ru. 2016. № 4, Т. 2. URL: <https://novainfo.ru/article/6593>.
14. Хайруллина Ю. Н. Семья как социальный институт: прошлое и настоящее Novainfo.Ru. 2016. № 43. Т. 1. URL: <https://novainfo.ru/article/5092>.
15. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М. : Мысль, 1979. 365 с.
16. Шеуджен С. Г. Сельская семья в условиях социальных перемен в стране // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/selskaya-semya-v-usloviyah-sotsialnyh-peremen-v-strane>.

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСРЕДСТВОМ ОБУЧЕНИЯ И САМООБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА

В статье рассматривается идея применения образовательных программ в качестве механизма, формирующего организационную культуру компании. Для получения представлений о процессе ее формирования проводится анализ организационной культуры с точки зрения составляющих ее элементов. В статье актуализируется значение самообучающихся организаций.

Ключевые слова: организационная культура, образовательные программы, профессиональная подготовка, организация, обучение.

A. D. Odinova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

EDUCATIONAL PROGRAMS AS TOOLS OF ORGANIZATIONAL CULTURE FORMATION

The article presents the idea of using educational programs as a mechanism that forms the organizational culture of a company. The author of the article analyzes the organizational culture from the point of view of its constituent elements, examines the process of its formation. The article highlights the importance of self-learning organizations.

Keywords: organizational culture, educational programs, professional training, organization, teaching.

Вложение средств в обучение сотрудников – важный шаг на пути к успеху компании. Сегодня персонал рассматривается не как ресурс, но долгосрочный актив организации [5, с. 2]. Организации начинают вкладываться в создание особой корпоративной культуры, формирующей представление о работе как о втором доме. В компаниях с подобной моделью управления, как правило, отсутствует жесткая власть и иерархия, руководящее звено старается расширять полномочия сотрудников и возлагать на них принятие решений, а разделяемая работниками организационная культура служит объединяющим инструментом. Она относится к интегрирующему членов организации элементу, так как содержит общие ценности, взгляды, стандарты и убеждения, которые их характеризуют.

В теории организации понятие организационная культура появляется в конце 1970-гг., что было вызвано рядом причин: процессом распада корпоративных объединений; глобализацией, вызвавшей выход большого количества компаний на внешние рынки; изменениями в теории менеджмента (ситуационный и системный подходы к управлению стали ведущими) [1, с. 114]. Она влияет на то, как осуществляется процесс взаимодействия работников друг с другом, с клиентами и заинтересованными сторонами. Кроме того, организационная культура определяет степень идентификации сотрудников со своей организацией. В целом организацию можно рассматривать как «экосистему» с существующей в ней определенной атмосферой, культурой, влияющей на ценности и идеалы каждого сотрудника.

Организационная культура представляет собой набор значимых базовых представлений, норм, ценностей, образцов поведения, разделяемых большинством членов организации или ее активным ядром. С функциональной точки зрения она выступает в качестве внутреннего регулятора, программирует организационное поведение индивидов на символическом уровне [6].

В бизнес-среде часто используются другие фразы, выступающие синонимами организационной культуры: «корпоративная культура», «культура рабочего места» и «бизнес-культура». Однако в научной литературе можно найти разделение понятий. Проблемы культуры предприятий впервые стали рассматриваться в крупных американских корпорациях. На тот период времени использовали термин «культура корпораций», но так как культура характерна также и для мелких компаний появилось понятие «организационная культура» [7].

Принципы организационной культуры выражаются в поведении сотрудников и включают в себя следующий набор составных элементов:

- убеждения, которые отражают представления о должном поведении в компании;
- ценности – наиболее значимые правила, например, забота о работниках и клиентах, справедливое отношение к персоналу, уважение, лояльность по отношению к компании и пр.;
- нормы, подразумевающие правила поведения, которые дают ориентир для должного поведения и соответствующих ожиданий;
- поведение, включающее в себя набор действий, совершаемых сотрудниками компании в процессе трудовой деятельности;
- психологический климат, отражающий эмоциональный настрой в организации и представляющий из себя индикатор для восприятия организационной культуры работниками.

Механизм управления формированием организационной культуры включает в себя следующие аспекты [8]:

- определение и формирование представления об основных ценностях организации (фактически);
- определение и формирование представления об основных ценностях организации (по плану);
- обозначение положительных ценностей, которые присущи на данный момент и будут являться необходимыми в будущем;
- обозначение отрицательных ценностей, которые присущи сейчас, но не нужны в будущей перспективе;
- обозначение положительных ценностей, которые не присущи на данный момент, но будут являться необходимыми в будущем;
- определение альтернативы в рамках положительных ценностей;
- применение инструментов информационного воздействия на новых сотрудников: музей организации, лекции об истории компании;
- применение инструментов информационного воздействия на сотрудников компании: праздники, промоакции руководства, мифы/образы, музей организации, издания компании;
- формирование политики компании, которая отражается в действиях руководящего звена;
- коммуникативное взаимодействие руководства и менеджеров.

На процесс формирования организационной культуры влияют два основных фактора:

- адаптация к воздействию внешней среды;
- внутренняя интеграция (ежедневные задачи работников) [9].

Кроме того, выделяют такие факторы, которые являются важными для создания культуры организации, как:

- ценности, предпочтения основателей компании: культура компании, особенно в первые годы ее существования, неизбежно связана с личностью, опытом и ценностями ее основателя или основателей, а также с их видением будущего организации. Когда предприниматели создают свой собственный бизнес, то, как они хотят его вести, определяет правила организации, структуру, созданную в компании, и людей, которых они нанимают для работы;
- отраслевые требования: хотя основатели, несомненно, оказывают сильное влияние на корпоративную культуру, отраслевые характеристики также играют роль. Компании, работающие в одной отрасли, могут иметь сильно различающиеся культуры. В то же время отраслевые характеристики и требования действуют как сила, создающая сходство между организационными культурами. Например, несмотря на некоторые различия,

многие компании в страховой и банковской отраслях ориентированы на жесткие правила, многие компании в отрасли высоких технологий имеют инновационную культуру. Если отрасль с большим количеством нормативных требований – например, банковское дело, здравоохранение, то можно ожидать наличия большого количества правил и положений, бюрократической структуры компании и стабильной культуры.

Культура организации формируется по мере того, как организация сталкивается с внешними и внутренними проблемами и учится с ними справляться.

В таких условиях необходим свежий взгляд на управление персоналом, от которого непосредственным образом зависит позиция организации на рынке, ее репутация. Значимым инструментом управления в этом случае становятся образовательные программы.

В настоящее время компании при формировании организационной культуры уделяют образовательным инструментам особое внимание, что можно объяснить изменениями в понимании обучения. Сегодня обучение сопровождается человеческую деятельность на протяжении всей жизни и становится неотъемлемой частью работы, превращается в новую форму труда [10].

Согласно результатам исследований, наибольшую заинтересованность в обучении проявляют руководители – 54 %: 14 % занимаются формальным образованием, 40 % дополнительным, 51 % – самообразованием. Затем – специалисты без управляющих функций – 45 %; 9 % включены в процесс формального образования, 26 % дополнительного и 42 % в процесс самообразования. Среди служащих популярность непрерывного образования ниже – 31 % опрошенных являются вовлеченными, при этом 8 % опрошенных данной категории получают формальное образование, 16 % дополнительное и 29 % самообразование. Низкая степень участия свойственна людям рабочих специальностей – 25 % опрошенных. В данной категории распределение следующее: 7 % занимаются формальным образованием, 12 % дополнительным и 19 % самообразованием [2, с. 12].

В рамках обучения сотрудников применяются различного характера программы профессионального развития, например, проект взаимного обучения преподавателей ИТМО. EXPERT, который базируется на совокупности принципов: инновационном подходе к обучению, технологии взаимного обучения, модульном построении программы и открытых образовательных ресурсах [4 с. 130]. Данная программа характеризуется гибкостью и открытостью, подразумевает добровольное участие и базируется на блоках мастер-классов (школа начинающего преподавателя, электронное обучение, методы групповой работы, игротехники и пр.).

Среди основных тенденций развития компаний выделяют их направленность на самообучение. Интерес к исследованию самообучающихся организаций проявил П. Сенге, выделивший инструменты создания подобных компаний. Восприятие персонала как источника развития позволило создать ряд таких механизмов: личное совершенствование, групповое обучение, диалог, совместное видение, системное мышление и интеллектуальные модели [3, с. 24]. По мнению исследователя, именно активное участие работников в деятельности компании, их желание и готовность обсуждать проблемы организации способно сделать ее саморазвивающейся. Для этого необходимо постоянное самосовершенствование кадров, их объединение для взаимного обучения, коллективное обсуждение возникающих затруднительных ситуаций, формирование организационной миссии и вовлечение всех членов компании в ее реализацию, использование системного подхода при планировании деятельности, а также комплекса представлений – составление интеллектуальных моделей.

Сегодня появляются новые поставщики и механизмы оказания образовательных услуг: виртуальные университеты, открытые он-лайн курсы, корпоративные университеты, коучинг и т. п. Профессиональная подготовка в рамках корпоративного образования выступает в качестве инструмента решения общих организационных и экономических вопросов организациями тактическими и стратегическими способами. В связи с тем, что

время на производство товаров и услуг существенно сократилось, жизнеспособность компаний теперь во многом зависит от креативных решений и открытого подхода к управлению: интеллектуальный потенциал сотрудников становится основным активом предприятия. Эти условия определяют соответствующие формы профессиональной подготовки кадров. Тем самым, корпоративное обучение становится способом приобщить сотрудников к организационным ценностям.

Литература

1. Социология организаций : учеб. для бакалавров / С. А. Барков, В. И. Зубков. М. : Юрайт, 2013. 395 с.
2. Становление в России непрерывного образования: анализ на основе результатов общероссийских опросов взрослого населения страны. Информационный бюллетень. М. : Высшая школа экономики, 2017. 28 с. (Мониторинг экономики образования ; № 5 (104).
3. Гузева Е. М. Тенденции изменения менеджмента при управлении креативностью персонала // Вопросы инновационной экономики. 2011. № 9.
4. Проект взаимного обучения преподавателей / Д. А. Мезенцева, Е. С. Джавлах, О. В. Елисеева, А. Ш. Багаутдинова // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 10. С. 128–139.
5. Моисеев В. В. и др. Проблемы обоснования инвестиций в развитие человеческих ресурсов организации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 128 (04). С. 1–12.
6. Гавриленко О. В. Управление компанией: особенности формирования корпоративной культуры // Лизинг. 2011. № 8. С. 43–50. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/829460>.
7. Клименко А. А. Организационная и корпоративная культура: концептуальные различия // Молодой ученый. 2010. № 11 (22). Т. 2. С. 173–179. URL: <https://moluch.ru/archive/22/2267>.
8. Родионова В. О. Механизм управления формированием организационной культуры конкурентоспособного предприятия // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-upravleniya-formirovaniem-organizatsionnoy-kultury-konkurentosposobnogo-predpriyatiya>.
9. Тойгонбаева Д. Формирование и развитие организационной культуры в компании // Молодой ученый. 2016. № 28 (132). С. 567–569. URL: <https://moluch.ru/archive/132/36995>.
10. Stella Soni. Lifelong learning – Education and Training. URL: http://www.fig.net/resources/proceedings/fig_proceedings/fig2012/papers/ts05i/TS05i_soni_5945.pdf.

УДК 316:001

Т. А. Осипов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СПЕЦИФИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Представлены результаты социологического исследования, целью которого было выявить специфику и тенденции развития научно-образовательного сообщества в период пандемии. Определено понятие научно-образовательного сообщества, выявлен его интеграционный потенциал. Проанализированы основные негативные и позитивные тенденции развития научно-образовательного сообщества в период пандемии. Сделаны выводы о дальнейшем постпандемическом развитии научно-образовательного сообщества.

Ключевые слова: научно-образовательное сообщество, пандемия, тенденции развития.

Т. А. Осипов

Irkutsk State University, Irkutsk

SPECIFICS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL COMMUNITY DURING THE PANDEMIC

The article presents the results of a sociological study aimed at identifying the specifics and trends in the development of the scientific and educational community during the pandemic. The concept of scientific and educational community is defined, its integration potential is revealed. The main negative and positive trends in the development of the scientific and educational community during the pandemic are analyzed. Conclusions are made about the further post-pandemic development of the scientific and educational community.

Keywords: scientific and educational community, pandemic, development trends.

Постановка проблемы

Одним из базовых различий при анализе специфики и тенденций развития социальных институтов, крупных структур и сообществ можно назвать различие структурных и исторических факторов этого развития. Структурные факторы носят более последовательный и закономерный характер, в то же время как конкретные исторические факторы – спонтанный, затрудняя возможности прогнозирования и стратегического планирования [2]. Также зачастую довольно затруднительно определить характер влияния данных факторов на те или иные структуры, понять имеет ли такое влияние место в принципе, носит ли опосредованное этим развитие прогрессивный или регрессивный характер. Пандемия COVID-19 как конкретное историческое событие также привлекает к себе внимание в этом плане.

Существует целый ряд представленных институциональными образованиями структур, который в период пандемии претерпевают серьезные изменения, так как вынуждены кардинальным образом изменять модели своего функционирования. В качестве одной из таких структур справедливо выделить научно-образовательное сообщество. Обозначим его как определенное, на данный момент еще строго не оформленное, социальное образование, в первую очередь включающее в себя профессионально занятых в научных учреждениях, высших учебных заведений, а также государственных структур, регулирующих деятельность в данной сфере (с позиций институционального подхода). Влияние пандемии на научно-образовательное сообщество и его деятельность преимущественно описывается в негативных тонах, что закономерно, если учесть целый ряд существующих ограничений, ограничивающих деятельность в науке и образовании. Однако так как пандемия в связи с этими ограничениями предполагает использование новых, ранее не тестируемых, конфигураций взаимодействия, новых дисциплинарных режимов и методов работы, справедливо будет предположить о возможности позитивного влияния этих процессов, их инновационном или диагностическом эффекте.

Методология исследования

Томас Кун в своей главной работе «Структура научных революций» отмечал, что одним из основных подходов к определению сущности научного сообщества можно считать рассмотрение научного сообщества как группы с определенной научной специальностью. Это указывает на то, что в основе образования такой группы лежит определенная парадигма [5]. Тем не менее, по его мнению, возможно выделить разные уровни, на которых такие сообщества могут существовать. То есть, можно выделить глобальные сообщества, например, представители естественных или гуманитарных наук. Далее эти крупные сообщества можно разделять на более мелкие группы и подгруппы. Данный подход можно перенести и на более крупную категорию «научно-образовательного сообщества», по той причине, что научная специализация тем же самым образом функционирует и в нем. Кроме того, высшее образование имеет строго научную основу, так как функционирует в соответствии с научными стандартами и нормами, соответственно, имеет парадигмальный характер в конкретных научно-образовательных специальностях.

Это обуславливает неизбежную дифференциацию научно-образовательного сообщества, которая основана на четкой научной специализации и приверженности определенным парадигмам. В то же время, не стоит забывать про все более явную взаимосвязь между образованием, наукой и общественным развитием, которая приводит ко все более углубленной институализации науки и образования [4]. Научно-образовательная деятельность становится определенной социокультурной традицией, у которой есть собственные стандарты, нормы и этос. Научно-образовательное сообщество имеет определенный авторитет в обществе и считается «интеллектуальной». Социальная полезность как принцип научно-образовательных процессов и институализация в крупных государственных структурах определяет наличие единого научно-образовательного сообщества, хоть и все более четко дифференцируемого в соответствии с нуждами общества.

Пандемия как глобальный фактор влияния на научно-образовательное сообщество также может влиять на его функционирование и целостность. Питер Бэр в своей статье «Социальная крайность, сообщества судьбы и социология атипичной пневмонии» выделил семь условий сплочения общества в период эпидемии [7]. Некоторые из них подчеркивают специфику научно-образовательного сообщества как социального образования и влияют на его сплоченность в период пандемии и, возможно, на степень интегрированности и целостности в дальнейшем.

Методы и методика исследования

В рамках данного исследования для апробации концептуальных положений автором было проведено пилотажное исследование методом онлайн-опроса. В период с 8 по 10 ноября 2020 г. на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ФГБОУ ВО «ИГУ» был проведен социологический опрос с целью выявления специфики и ключевых тенденций научно-образовательного сообщества в период пандемии. Всего было опрошено 100 чел. Были выделены следующие социально-демографические параметры: пол, возраст, образование, социальный статус и сфера профессиональной деятельности. Согласно с этими параметрами выявлен определенный социально-демографический портрет респондентов. Распределение по половому признаку – 52 % женщин и 48 % мужчин, распределение по возрастным характеристикам – молодежь от 18 до 35 – 34 %, категория от 36 до 54 – 34 % и категория от 55 лет и старше – 32 %. Образование, полученное респондентами, преимущественно высшее (52 %), незаконченное высшее (27 %) и среднее специальное (15 %). Более половины респондентов работают (59 %), 19 % респондентов обучается, 11 % респондентов – временно безработные и еще 10 % – пенсионеры.

В качестве вопросов-индикаторов выступили вопросы о существенности влияния пандемии на научно-образовательное сообщество, о существующих проблемах и основных тенденциях развития научно-образовательного сообщества в период пандемии, а также вопрос о возможностях поддержки сообщества в этот период.

Также для дополнения эмпирической базы авторского исследования был произведен анализ ключевых сайтов в научно-образовательной сфере. В список вошли сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, сайт Российской академии наук, сайт Сибирского отделения РАН, интернет-порталы национальных проектов «Наука» и «Образование», а также некоторые новостные ресурсы.

Опрос проведен на платформе сервиса iAnketa.ru. Результаты опроса обработаны с помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics 20, версия для Windows.

Результаты исследования

Интеграционный потенциал научно-образовательного сообщества

Перед тем как углубляться в анализ в рамках поднятой темы необходимо определить целесообразность использования категории «научно-образовательное сообщество», понять какие основы для этого существуют для практики, оформлено ли оно в полной мере или пока лишь выражает существующий потенциал интеграции научной и образовательной сфер.

Одним из важнейших моментов в этом аспекте является существующая или потенциальная институциональная база такой интеграции.

Отправным пунктом можно установить рассмотрение представленности данных сфер в системе министерств Российской Федерации. На этом уровне мы можем увидеть, что научно-образовательное сообщество целостно представлено институциональным образом в виде Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Интересным моментом является ротация в системе министерств 2018 г. Министерство образования и науки РФ было разделено на два самостоятельных органа, Министерство просвещения и Министерство науки и высшего образования. Таким образом, произошла бо-

лее конкретная профилизация данных органов, институциональное отделение общего, среднего и профессионального образования от высшего. Обосновано это в том числе и тем, что именно высшее образование имеет более тесную связь с научной деятельностью и наукой в целом, чем иные ступени образования.

При рассмотрении Публичной декларации целей и задач Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на 2020 г. можно заметить, что в ней не обозначены цели и задачи, напрямую связанные с интеграцией науки и образования. Из связанных с этим показателей можно отметить лишь создание ряда научно-образовательных центров, которые подразумевают интеграцию научных учреждений и вузов с реальными секторами экономики [11]. Также этот пункт фигурирует в списке целевых показателей национального проекта «Наука», запланированного на период с 01.10.2018 по 31.12.2024 [12]. В свою очередь в списке целей и задач национального проекта «Образование» нет пунктов, напрямую связанных с интеграционными процессами этих двух сфер [13]. Из недавних событий можно отметить заседание Коллегии Минобрнауки России, прошедшее 29.09.2020, на котором было обсужден подход к обновлению нацпроектов «Наука» и «Образование». Наиболее интересным моментом является анонс национального проекта «Наука и университеты» и федерального проекта «Развитие интеграционных процессов в сфере науки, высшего образования и индустрии», что так же подчеркивает нацеленность на интеграционную модель взаимодействия в сфере науки и образования [9].

Также целесообразно будет проанализировать роль в научно-образовательной интеграции еще одной крупной структуры в сфере науки, а именно Российской академии наук. В уставе РАН в качестве одной из целей обозначено укрепление связей между наукой и образованием и соответствующая ей задача по повышению степени интеграции науки и образования [14]. Кроме того, в разделе о взаимодействии Академии с различными организациями именно образовательные учреждения выделены в качестве приоритетных в этом плане. Также можно отметить подразделения Академии, например Сибирское отделение РАН, которое обозначено создателями как крупнейший интегратор научно-образовательных организаций востока России. В качестве примера выделено постоянное сотрудничество с одним из главных вузов Сибири, а именно НГУ. На сайте продемонстрированы примеры совместной деятельности, которые свидетельствуют о наличии связей между сферой науки и сферой образования.

Выше мы рассмотрели интеграционный потенциал, выраженный скорее на декларативном уровне, однако можно рассмотреть и примеры интеграции, которые были воплощены на практике. Ярким примером из недавних событий можно назвать создание ряда объединений, в частности консорциумов. В первую очередь стоит отметить распоряжение Министра науки и высшего образования РФ Валерия Фалькова об учреждении консорциума «Недра» по укрупненной специальности «Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия». В данное объединение вошли 14 высших учебных заведений страны. Среди его целей обозначены создание единой научно-образовательной среды и выработка консолидированной стратегии по вопросам взаимодействия с международным научно-образовательным сообществом [15]. Также 13.11.2020 на сайте Министерства науки и высшего образования РФ появилась новость о создании консорциума «Технологическая водородная долина», в который войдет 6 организаций, среди которых есть высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты этой сферы [10]. Также любопытным является создание консорциума университетов, занимающихся большими данными в сентябре 2019 г. Среди целей данного объединения создатели обозначили возможность налаживания связи между гуманитарными и техническими областями в образовательной и научной сферах [8].

Таким образом, на данный момент уже существует определенная институциональная и нормативно-идейная база для наличия в стране единого научно-образовательного

пространства и научно-образовательного сообщества соответственно. Вопрос о реализации этого потенциала на данный момент все еще остается открытым, однако, как мы можем наблюдать, шаги от некоторых частей пока еще не до конца оформившегося сообщества в этом направлении делаются. Важна также и внешняя поддержка сообщества, что особенно важно в период пандемии. Отвечая на вопрос «По Вашему мнению, необходимо ли дополнительная государственная поддержка научно-образовательного сообщества в период пандемии?», 73 % респондентов отметили, что такая поддержка необходима. Также 48 % респондентов утверждают, что взаимодействие с негосударственными структурами также скорее была бы полезна, чем нет, для преодоления проблем в период пандемии. Можно отметить, что поддержка может иметь разные формы, а не выражаться исключительно в финансовой и ресурсной помощи. К примеру, это может быть определенное экспертное сопровождение. Представители научно-образовательного сообщества сами зачастую выступают в качестве экспертов в конкретных областях знаний, однако в данном случае могут потребоваться управленческие компетенции, которыми владеют, к примеру, государственные служащие. В нашу эпоху экспертное знание предстает как стратегический инновационный ресурс, который играет и интеграционную роль в различных сообществах [3].

Пандемия в свою очередь также может повлиять на целостность научно-образовательного сообщества. Питер Бэр в своей статье «Социальная крайность, сообщества судьбы и социология атипичной пневмонии» выделил семь условий сплочения общества в период эпидемии [7]. Некоторые из них можно использовать, обобщая на весь социум в целом или другие крупные структуры, а также конкретизировать их влияние на конкретные сообщества. Одно из таких условий – наличие определенных общих ритуалов в период эпидемии. Среди общих ритуалов научно-образовательного сообщества можно обозначить «исследовательские ритуалы», в частности, определенные подходы к изучению самого источника проблем, а именно пандемии и его влиянию на функционирование различных процессов. По нашему мнению, в гуманитарной сфере такие ритуалы наиболее ярко выражены. Также одним из важных условий являются оси конвергенции, а именно наличие групповой идентичности. Как мы уже отмечали, научно-образовательная деятельность выделяется в отдельную социокультурную традицию, имеет собственную специфику, нормы, правила, этику и т. д. Это обуславливает наличие как общей идентичности научно-образовательных деятелей, так и более «специализированной» идентичности у представителей различных научных дисциплин.

Так или иначе, по нашему мнению, строгая дифференциация внутри научно-образовательного сообщества, так или иначе, будет сохраняться, что может быть связано с территориальными, экономическими или дисциплинарными (в аспекте специализации) факторами. Можно отметить существующий акцент на технические специальности, который можно заметить, анализируя существующие стратегии развития научно-образовательного сообщества. Тем не менее, процессы институализации научно-образовательного сектора, закрепление его в качестве отдельной традиции, которая отвечает главной потребности общества, играют определенную интегрирующую роль. В современной России уже существует крупная институциональная и идейно-нормативная база для дальнейших процессов интеграции и повышения целостности научно-образовательного сообщества. Дифференциация свою очередь также во многом поможет слаженному функционированию научно-образовательного сообщества, так как способствует использованию сильных сторон тех или иных ее элементов.

Характер влияния пандемии на научно-образовательное сообщество

В период повышенных рисков, пандемии в частности, встает вопрос о влиянии связанных с этим факторов на отдельные сферы общества и некоторые крупные структуры. В данной работе одним из основных исследовательских вопросов является вопрос о существенности и характере влияния пандемии на научно-образовательное сообщество.

Рассматривая результаты пилотажного исследования, проведенного методом онлайн-опроса, можно отметить некоторые моменты в этом аспекте. Более половины респондентов (58 %) отмечают, что факторы, связанные с пандемией, скорее оказывают существенное влияние на деятельность научно-образовательного сообщества, чем нет. Еще 28 % респондентов однозначно указывают на существенность этого влияния. Подробные результаты указаны в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, факторы, связанные с пандемией, оказывают существенное влияние на деятельность научно-образовательного сообщества?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да	28	28,0
2	Скорее да, чем нет	58	58,0
3	Скорее нет, чем да	5	5,0
4	Нет	1	1,0
5	Затрудняюсь ответить	8	8,0
	Всего	100	100,0

Объяснить подобное влияние можно самой сущностью и масштабностью структур научно-образовательного пространства. Деятельность в рамках такого пространства требует наличия многоуровневых коммуникаций и межличностных взаимодействий, что ограничивается в условиях специфических эпидемиологических условий и ставится под жесткий контроль. Почти любое пространство такого рода в период пандемии становится дисциплинарным, что означает невозможность прежнего «свободного» функционирования.

Кроме того, важен и характер такого влияния, способность позитивно или негативно повлиять на развитие. В данном случае большинство респондентов (42 %) указывает на возможность незначительного позитивного влияния пандемии на научно-образовательное сообщество. Еще 15 % респондентов однозначно указывают на возможность позитивного влияния. В то же время существенная часть респондентов (37 %) считает, что влияние в данном случае исключительно негативное. Подробные результаты указаны в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, пандемия может оказывать позитивное влияние на научно-образовательное сообщество или влияние исключительно негативное?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, может оказать позитивное влияние	15	15,0
2	Да, может, но незначительное	42	42,0
3	Нет, влияние исключительно негативное	37	37,0
4	Затрудняюсь ответить	6	6,0
	Всего	100	100,0

Такое расхождение во мнениях можно объяснить существующими в период пандемии дискурсивными практиками. Государственные власти, их подразделения и другие центры принятия решений действуют в первую очередь с позиций антикризисного подхода, что влияет и на риторику освещения сложившейся ситуации. Закономерно то, что первую очередь принято говорить о существующих проблемах и способах их решения, в то время как возможные преимущества сложившейся ситуации отходят на второй план. Это побуждает либо вообще отказываться от признания существования таких преимуществ или, по крайней мере, от категоричности утверждений по этим вопросам.

Тенденции развития научно-образовательного сообщества в период пандемии

Ключевым моментом нашего анализа является выявление конкретных позитивных и негативных тенденций развития научно-образовательного сообщества в период пандемии. Подробные результаты указаны в табл. 3. Начнем с мнения респондентов по поводу суще-

ствующих в период пандемии проблем. По результатам исследования чаще всего отмечался пункт «Потеря в качестве образования» (26,8 % ответов). В данном случае выделяется проблема конкретно образовательного сообщества, что в первую очередь объясняется довольно очевидным фактором взаимодействия больших масс людей в рамках образовательных процессов. Так как проблема «массовости» является главным критическим моментом в период пандемии, можно выдвинуть гипотезу о том, что влияние пандемии на образовательный сектор научно-образовательного сообщества в целом существенней.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, с какими проблемами в первую очередь сталкивается научно-образовательное сообщество в период пандемии?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Потеря в качестве образования	73	26,8
2	Повышение напряженности в профессиональных научных и образовательных коллективах	60	22,1
3	Невозможность оптимальной организации научно-образовательных процессов и мероприятий	40	14,7
4	Повышение зависимости от центров принятия управленческих решений	39	14,3
5	Недостаток ресурсной базы для необходимой технологизации и цифровизации научно-образовательных процессов и мероприятий	37	13,6
6	Отход долгосрочной повестки и стратегии развития на второй план на фоне неотложных мер и задач	18	6,6
7	Затрудняюсь ответить	5	1,8
	Всего	272	100,0

Следующим часто отмечаемым пунктом стало «Повышение напряженности в профессиональных научных и образовательных коллективах» (22,1 % ответов). В данном случае можно проследить связь с ответами на вопрос «По Вашему мнению, период пандемии является периодом нарастания социальной напряженности?». По мнению абсолютного большинства респондентов (87 %) период пандемии является периодом нарастания социальной напряженности. Этот феномен в первую очередь имеет социально-психологическую природу, который возникает на фоне сложившейся ситуации. Его появление может быть обусловлено наличием негативных психологических установок, функционированием отрицательных стереотипов, противоречивостью поступающей информации и рядом других вещей. Период пандемии в свою очередь перенасыщен этими условиями возникновения напряженности.

Здесь также важно отметить существующие в социуме дискурсивные практики. Огромное множество источников информации, что характерно для информационного общества, оказывает на различные сообщества определенное давление. Пандемия и связанные с ней события являются наиболее релевантным «инфоповодом», в связи с чем многие источники «паразитируют» на нем, зачастую искажая факты. Можно отметить существующие противоречия между официальной и неофициальной информацией, большое количество негативных прогнозов на будущее, разнообразие (и противоречие) экспертных и квазиэкспертных заявлений. В данном случае социальная напряженность выступает как некий адаптационный синдром, защитная реакция. Попытка подстроиться под противоречивую ситуацию зачастую вытекает в известные нам формы выражения напряженности, к примеру, стихийные формы социального протеста, немотивированную агрессию или социальный нигилизм. В научно-образовательном сообществе это может иметь свои специфические особенности, так как по многим вопросам оно само считается экспертным сообществом. Таким образом, на сообщество накладывается определенная социальная ответственность, отслеживается качество экспертных высказываний и принятых решений, особенно в областях связанных с разработкой вакцин и медицинским противодействием пандемии в целом. Конкретно в образовательном сообществе можно отметить наличие большого штата сотрудников, а также большое количество обучающихся, за

которых этот штат также несет ответственность. Расхождение между экспертными и неэкспертными мнениями, между мнениями работников образовательных учреждений и обучающихся играют свою роль в наличии социальной напряженности и ее воспроизводстве.

Можно отметить также еще два связанных пункта, «Невозможность оптимальной организации научно-образовательных процессов и мероприятий» (14,7 % ответов) и «Недостаток ресурсной базы для необходимой технологизации и цифровизации научно-образовательных процессов и мероприятий» (13,6 % ответов). Эти варианты связаны также и с вышеуказанным вариантом о потере в качестве образования. Здесь можно отметить существующую проблему отсутствия «подушки» на кризисные периоды. В целом при наличии необходимых ресурсов, можно говорить о возможности создания благоприятных для деятельности условий, близких к «докризисным». Наиболее важным в этом случае является экономический сектор и те экономические ресурсы, которые доступны определенным сообществам. Проблемы в этой области можно наблюдать как в странах полпериферии, так и в развитых странах. Специфика этого вопроса в России зачастую выражается в проблеме «центр – регионы», когда периферийные области значительно отстают по достатку ресурсной базы, что в период пандемии особо важно. Кроме того сами по себе научная и образовательная сферы довольно ресурсоемки. Таким образом, даже наличие стратегии на функционирование в период пандемии зачастую не является главным фактором преодоления на фоне нехватки ресурсов для ее выполнения.

Перейдем к анализу прогрессивных тенденций развития научно-образовательного сообщества. В первую очередь респонденты отмечали варианты «Технологизация и цифровизация научно-образовательных процессов и мероприятий» (24,2 % ответов) и «Освоение гибридных стратегий организации научно-образовательных процессов» (17,9 % ответов). Подробные результаты указаны в табл. 4. В данном случае стоит отметить определенный инновационный эффект пандемии, которая «принуждает» использовать прежде не тестированные (или не тестированные в достаточной мере) конфигурации функционирования и взаимодействия. В данном случае речь идет о масштабном использовании цифровых технологий для безопасного контакта между людьми, избегая взаимодействия лицом к лицу. Многие учебные заведения переходят на так называемый дистанционный режим, проводя учебные занятия в безопасных условиях. Различные научные конференции и форумы так же переходят на подобный режим работы, проявляя его плюсы и минусы. Также используется гибридные варианты, с помощью которых можно использовать преимущества сразу нескольких режимов работы, более гибко подстраиваясь под ситуацию. С этим связан и пункт «Повышение мобильности и гибкости в принятии решений в рамках научно-образовательного поля» (16,3 % ответов), а также «Развитие компетенций антикризисного менеджмента и управления рисками» (15,4 % ответов). Это может касаться как конкретно дистанционного или гибридного режима работы, так и более масштабных управленческих решений, которые зависят от внешних факторов. Необходимость постоянного реагирования на изменения внешней среды, так или иначе, развивает компетенции так называемой «глубокой настройки» функционирования организации.

Однако если обращаться к указанным респондентами недостаткам, можно вспомнить проблему нехватки ресурсной базы. В данном случае прослеживается связь с другим вопросом исследования, а именно «По Вашему мнению, в каком ключе дистанционный формат работы влияет на эффективность деятельности научно-образовательного сообщества в период пандемии?». Более половины респондентов (52 %) отметили, что дистанционный формат работы повлияет на эффективность деятельности научно-образовательного сообщества скорее негативно. Это может быть связано с невозможностью конкретных организаций и сообществ организовать этот формат работы оптимальным образом.

Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, какие из следующих тенденций в развитии научно-образовательного сообщества и его деятельности прослеживаются в период пандемии?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Технологизация и цифровизация научно-образовательных процессов и мероприятий	58	24,2
2	Освоение гибридных стратегий организации научно-образовательных процессов	43	17,9
3	Повышение мобильности и гибкости в принятии решений в рамках научно-образовательного поля	39	16,3
4	Развитие компетенций антикризисного менеджмента и управления рисками	37	15,4
5	Повышение автономности отдельных научно-образовательных учреждений и институтов	28	11,7
6	Оживление научной и исследовательской деятельности	15	6,3
7	Затрудняюсь ответить	20	8,3
	Всего	240	100,0

Выводы

Таким образом, в нашей работе мы проследили основные линии изучения исследования данной темы. Мы прояснили содержание категории «научно-образовательное сообщество», показав, что в целом оно пока выражает интеграционный потенциал этого не до конца оформленного социального образования, которое однако уже имеет некоторые основания. Среди них можно выделить институциональные, идейно-нормативные, а также ситуационные (пандемические) основания. Нами была отмечена существенность влияния пандемии на научно-образовательное сообщество, выделены основные прогрессивные и регрессивные тенденции. Среди главных проблем можно отметить потерю в качестве образования и повышение напряженности в сообществе, а среди основных позитивных моментов – активную технологизацию и цифровизацию, повышение гибкости и освоение сообществом гибридных стратегий функционирования. В целом можно отметить, что широко обсуждаемые негативные моменты, безусловно, имеют место, однако возможности позитивного влияния пандемии на научно-образовательное сообщество и его деятельность не анализируются должным образом. То есть, по нашему мнению, существует довольно существенная возможность постпандемического развития, которое в первое очередь обусловлено инновационным эффектом пандемии и факторов, связанных с ней.

Литература

1. Беккер И. Л., Журавчик В. Н. Образовательное пространство как социальная и педагогическая категория // Известия ПГПУ имени В. Г. Белинского. 2009. № 12 (16). С. 132–140.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004. 120 с.
3. Грабельных Т. И. Продвижение экспертных знаний в общественном пространстве региона // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 1. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 2 / РАН. ИНИОН. М., 2020. С. 850–851.
4. Кособуко М. Э. Институционализация науки и научное сообщество // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания : материалы науч.-практ. конф. М., 2012. С. 160–164.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
6. Тихонова А. В. Развитие самоорганизации научно-образовательного сообщества в России // Вестник ВГАВТ. 2014. № 41. С. 181–186.
7. Baehr P. Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS // European Journal of Sociology. 2005. Vol. 46, N 2.
8. Консорциум «Большие данные» // Информационное агентство «ТАСС». URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/6891398> (дата обращения: 14.11.2020).
9. Заседание коллегии Минобрнауки // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: https://minobnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=3131 (дата обращения: 13.11.2020).

10. Консорциум «Технологическая водородная долина» // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/card/?id_4=3356 (дата обращения: 13.11.2020).

11. Публичная декларация целей и задач Министерства науки и высшего образования на 2020 год // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: https://minobrnauki.gov.ru/documents/card/?id_4=1161&cat=ru/documents/docs (дата обращения: 13.11.2020).

12. Национальный проект «Наука» // Национальные проекты РФ. URL: <https://futuresussia.gov.ru/nauka> (дата обращения: 14.11.2020).

13. Национальный проект «Образование» // Национальные проекты РФ. URL: <https://futuresussia.gov.ru/obrazovanie> (дата обращения: 14.11.2020).

14. Устав РАН // Российская академия наук. URL: <http://www.ras.ru/about/rascharter/tasks.aspx> (дата обращения: 13.11.2020).

15. Консорциум университетов «Недра» // Федеральное агентство по недропользованию «Роснедра». URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/article/12391.html> (дата обращения: 13.11.2020).

УДК 316.485

М. А. Павлюк

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматриваются понятия «социальная напряженность» и «социально опасные явления». Приведены результаты социологического исследования, благодаря которым выявлен повышенный уровень социальной напряженности в современном обществе в условиях социальной нестабильности; определены формы проявления социальной напряженности на 4 уровнях: на межличностном, на уровне общественных процессов, на уровне события и явлений. Установлена прямая взаимосвязь социальной напряженности и социальных опасностей. Определены две главные отличительные черты социально опасных явлений. Кроме вышперечисленного обозначены меры по снижению уровня социальной напряженности и улучшению социального самочувствия граждан, также обосновывается проблема совершенствования механизмов регулирования и механизмов саморегулирования у людей, подверженных социально опасным явлениям.

Ключевые слова: современное общество; социальная напряженность; социально опасные явления; социальная нестабильность; безопасность личности, общества и государства.

М. А. Pavlyuk

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL TENSION AS A FACTOR IN THE EMERGENCE OF SOCIALLY DANGEROUS PHENOMENA IN MODERN SOCIETY

This article discusses such concepts as “social tension” and “socially dangerous phenomena”. The article presents the results of a sociological study, which determined the increased level of social tension in modern society in conditions of social instability; the forms of manifestation of social tension at 4 levels: at the interpersonal level, at the level of social processes, at the level of events and phenomena. A direct relationship between social tension and social dangers has been established. Two main distinguishing features of socially dangerous phenomena are identified. In addition to the above, measures are outlined to reduce the level of social tension and improve the social well-being of citizens. The article substantiates the problem of improving the mechanisms of regulation and self-regulation in people exposed to socially dangerous phenomena.

Keywords: modern society, social tension, socially dangerous phenomena, social instability, security of the individual, society and the state.

Постановка проблемы

Социальная напряженность – это особое напряженное состояние населения, обусловленное социальным положением граждан, степенью неудовлетворенности состоянием дел в социально-экономической и политической сферах, а также развитием событий внутри страны и на мировом уровне. Социальная напряженность – это естественное явление в социуме, которое всегда существовало, и, в определенной степени, является защитной реакцией социального организма на внешние раздражители. Однако в условиях социальной нестабильности повышение уровня социальной напряженности может привести к дестабилизации систем жизнеобеспечения, в результате чего нарастают угрозы и вызовы и обостряются социально опасные явления.

Социально опасные явления – это явления, которые охватывают весь социум, имеют широкое распространение и являются прямой угрозой жизни и здоровью граждан, а также влияют на последующее поколение. Несмотря на активную работу государственных и правоохранительных органов, здравоохранительных и образовательных организаций – предпринятых мер, для снижения роста социально опасных явлений, недостаточно. В современном обществе по-прежнему высокий уровень преступности, заболевших ВИЧ и СПИД, распространение COVID-инфекции и др. [7] – все это не позволяет назвать жизнь людей безопасной и комфортной. Основной гипотезой мы выдвигаем то, что на социально опасные явления серьезное влияние оказывает социальная напряженность, которая воздействует на психику людей так, что они не могут справиться с возникшими проблемами, отсюда следует и проявление агрессии, влияющей на рост преступности, проявление беспомощности, депрессии, что влияет на суицидальное поведение, на пристрастие к алкоголю и мн. др. Важно отметить, что в этот момент проявляется такая проблема, как несформированность самосохранительного поведения граждан. Это наводит нас на то, что необходимо совершенствовать профилактическую систему, а также механизмы регулирования и саморегулирования у людей, наиболее подверженных социальным опасностям, и, в дальнейшем, предпринимать дополнительные действия для эффективной работы с населением.

Методология исследования

Изучение социальной напряженности и социально опасных явлений невозможно без применения междисциплинарного подхода, так как они входят в отрасль изучения: социологии безопасности, социологии девиантного поведения, маргинальной социологии, а также в раздел демографии о самосохранительном поведении. Среди отечественных и российских ученых, занимающихся изучением поставленной проблематики необходимо выделить таких ученых, как А. В. Возженикова [3], Г. В. Осипова [10], Ж. Т. Тощенко [11], которые обосновывают изучение социальной безопасности, угроз и вызовов через восприятие населения. Особо важны труды Ю. М. Плотинского, в изучении моделирования социальных процессов, а также концепций системного анализа [9]. Среди зарубежных авторов ценны труды: У. Бека [2] и Э. Гидденса [4] в изучении динамики и управления рисками; труды Р. Фуллер и Р. Майерс, посвященные изучению структур социальных проблем [13]. В изучении социально опасных явлений также важны теории стигматизации Г. Беккера [15], Э. Лемерта [14], К. Эриксона [17] и И. Гофмана [16]. В изучении управления социальной напряженности и социально опасными явлениями особо важна синергетическая теория управления, которая обозначена в трудах советских и российских ученых – А. А. Колесникова, В. А. Терехова и И. Ю. Тюкина [8], и зарубежных авторов – Г. Хакена [12].

Важно выделить экспертно-аналитическое направление, акцентирующее внимание на углубленном анализе социального, экономического, политического и духовного состояния общества, что позволяет комплексно исследовать вопросы безопасности граждан, социальную напряженность и социально опасные явления. Так, Т. И. Грабельных отмечает, что в противодействии преступности, что является социально опасным явлением, необходимо, кроме общеустановленных правоохранительных мер, применять инструменты и технологии учета общественного мнения в оценке эффективности деятельности правоохранительных органов, а также применять «комплексную технологию анализа и прогноза как внутренних, так и внешних факторов» [6, с. 50]. Такой подход определяется как экспертно-аналитический. В целом изучение социальной напряженности в совокупности с социально опасными явлениями прослеживается больше в трудах советских и российских ученых, в то время как в зарубежной научной литературе данная проблематика заметно прослеживается в период XIX–XX вв.

Методы и методика исследования

С целью выявления уровня социального напряжения в современном обществе и степени его влияния на возникновение социально опасных явлений в период с 26 октября по 4 ноября 2020 г. на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» было проведено инициативное пилотажное исследование методом онлайн-опроса. Социологический опрос носил сплошной характер, всего в исследовании приняло участие 150 респондентов (100 %). По социально-демографическим характеристикам было опрошено 50,0 % мужчин и 50,0 % женщин, из них в городской местности проживают 52,7 %, а в сельской – 47,3 %. Участвовали респонденты разной возрастной группы. В возрасте до 18 лет было опрошено 28 чел. (18,7 %); от 19 до 34 лет – 32 чел. (21,3 %); от 35 до 45 лет – 30 чел. (20,0 %); от 45 до 59 лет – 32 чел. (21,3 %); от 60 и более – 28 чел. (18,7 %). Респонденты преимущественно с высоким уровнем образования, отличающиеся повышенной трудовой активностью, имеющие собственное жилье (квартира, дом). При этом подавляющее большинство не состоит в общественных организациях (99,3 %).

Вопросы анкеты дифференцируются на два основных смысловых блока. Первый блок – социальная напряженность как фактор дестабилизации в современном обществе: формы проявления и механизмы снижения уровня социальной напряженности. Второй блок – социально опасные явления: их отличительные черты, механизмы регулирования и саморегулирования. Опрос проводился на онлайн-площадке iAnketa.ru. Статистическая обработка данных осуществлена при помощи программы Microsoft Office Excel и SPSS Statistics for Windows 22.0.

Результаты исследования

Социальная напряженность как фактор дестабилизации современного общества: причины, формы проявления и механизмы снижения уровня социальной напряженности

Как мы знаем, социальная напряженность является защитной реакцией человека на внешние раздражители. Однако повышение уровня социальной напряженности выше нормы в условиях социальной нестабильности может привести к дестабилизации систем жизнеобеспечения. Это, в свою очередь, влияет на возникновение конфликтных ситуаций, на нарастание угроз и вызов, на обострение социально опасных явлений.

При проведении пилотажного исследования, был поставлен вопрос о том, какие факторы способствуют нарастанию социальной напряженности в современном обществе в условиях социальной нестабильности. Анализ данных показал, что 89,3 % опрошенных, считают, что на нарастание социальной напряженности влияют сразу несколько факторов, а именно: рост цен; безработица; коррупция; социальная изоляция; социальная несправедливость; конфликты власти и народа; ухудшение социальной, экономической, политической и др. обстановки; вооруженные конфликты; духовный кризис; отсутствие чувства безопасности и др. Это не полный перечень факторов, которые беспокоят население. Исходя из этого, мы приходим к пониманию того, что снижение уровня социальной напряженности – это комплексная работа, которая должна охватывать все сферы общества – политическую, экономическую, социальную, сферу безопасности и др.

Целесообразно было определить, как именно проявляется социальная напряженность на разных уровнях – на межличностном, на уровне социальных процессов, а также на уровне ситуаций и событий. *На межличностном уровне* социальная напряженность проявляется в виде депрессии; тревоги; паники; страха; агрессии; беспомощности; в виде ресоциализации – так считают 86,0 % респондентов. Другими словами, социальная напряженность, в большей степени, влияет на психоэмоциональное состояние людей, депрессия или агрессия и др. формы проявления – это защитная реакция организма на факторы раздражения.

На уровне социальных процессов социальная напряженность проявляется в форме: дестабилизации всех основных сфер жизни (экономика, политика, духовная сфера и др.); рост кризисных явлений; миграционные и демографические процессы; рост преступности, алкогольной зависимости, наркомании; усиление правоохранительных требований; усиление законодательных и локальных актов и др.; снижение качества субъектного взаимодействия – совокупность факторов выбрали 82,0 % респондентов, участвующих в исследовании.

Под влиянием социальной напряженности могут возникнуть разные *кризисные ситуации*, в большей степени, по мнению респондентов, вероятны такие ситуации, как: неразрешимость конфликтов на разных уровнях; повышение социальной противоречивости; стихийная скупка товаров «на черный день»; отставка представителей региональной или муниципальной власти; закрытие социально значимых объектов и др. – так отметили 84,0 % опрошенных. В целом это неблагоприятно острые ситуации, но, важно отметить, что кризисные ситуации могут быть и благоприятные в поиске новых решений, т. е. кризисная ситуация может стать стимулом в решении социально-значимого вопроса, что, несомненно, является толчком к развитию общества.

Кроме вышеперечисленного, важно было определить, какие *явления и события* могут произойти в современном обществе под влиянием социальной напряженности. Большинство респондентов (92,7 %) отметили, что могут быть разные явления и события, а именно: митинги, акции протеста; нарастание общественного участия в решении социально-значимых проблем; проявление недоверия к органам власти; разрушение связей в социальных общностях; появление новых социальных групп и движений и др. Как мы видим, социальная напряженность проявляется в разнообразных формах на всех уровнях в обществе. Это указывает нам на то, что необходима комплексная многоуровневая работа по снижению социальной напряженности и улучшению социального самочувствия граждан.

В связи с тем, что социальная напряженность, как показали результаты исследования, проявляется в каждой сфере жизни в разных формах, это наводит нас на мысль, что в социуме повышенный или высокий уровень социальной напряженности (табл.).

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Оцените уровень социальной напряженности в современном обществе, где 1 – это низкий уровень, а 5 – высокий», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	1 – низкий уровень	4	2,7
2	2	1	0,7
3	3	59	39,3
4	4	55	36,7
5	5 – высокий уровень	31	20,7
	Всего	150	100,0

Анализ данных, представленных в табл., показал, что 39,3 % опрошенных оценили уровень социальной напряженности как средний – «оценка 3», 36,7 % – поставили «4», а 20,7 % респондентов уверены, что в обществе высокий уровень социальной напряженности («оценка 5»). В целом средний уровень составил 3,72. Полученные данные говорят нам о том, что уровень социальной напряженности в обществе в условиях социальной нестабильности находится на отметке выше среднего – это то, на что необходимо обратить внимание, так как повышение данного уровня до критических отметок отрицательно скажется на благосостоянии всего социума.

Далее нам необходимо было выявить, какие меры важно предпринять, чтобы снизить уровень социальной напряженности и улучшить социальное самочувствие граждан. 94,7 % опрошенных респондентов считают, что это *комплексная работа*, которая должна включать в себя такие меры, как: эффективную реализацию национальных проектов в области здравоохранения, образования, культуры и др.; противодействие коррупции;

проведение эффективной социально-экономической политики; совершенствование нормативно-правовой базы в интересах человека; разработка и внедрение новых стратегий обеспечения безопасности личности и общества; усиление деятельности правоохранительных органов; создание комфортной социальной среды и др. Наряду с этими мерами, мы, благодаря проведенному исследованию, выявили меры, которые необходимы для *снижения социальной напряженности в условиях пандемии* коронавирусной инфекции [7]. Это комплекс мер, который включает в себя: социальную поддержку семей; поддержку бизнес структур; эффективное урегулирование проблем трудоустройства и занятости; применение правовых механизмов для управления конфликтами; разработка и внедрение новых стратегий социальной безопасности; развитие здравоохранения; развитие концепции непрерывного образования и мн. др. – такую совокупность мер выделили 96,0 % опрошенных. Таким образом, комплекс мер направлен на создание комфортной и безопасной жизни граждан не только в России, но и во всем мире.

Социально опасные явления: отличительные черты, механизмы регулирования и саморегулирования

В начале нашего исследования, мы выдвинули гипотезу о том, что главной причиной, обуславливающей рост социально опасных явлений, является социальная напряженность, которая негативным образом сказывается на психоземональном состоянии граждан, в результате чего они более подвержены негативному внешнему воздействию. Мы задали данный вопрос респондента, и анализ полученных данных показал, что 90,0 % опрошенных полностью согласны с нашим мнением, что подтверждает данную гипотезу.

Изучая социально опасные явления, нам необходимо было определить их отличительные черты и динамику проявления во времени. Анализ полученных данных показал, главной отличительной чертой является то, что появление социально опасных явлений носит предсказуемый характер (46,4 % ответов), а также то, что имеются тяжелые социально-психологические и физические последствия (32,7 % ответов) – это две главных отличительных характеристики. Кроме этого, выделяются второстепенные черты: социальная природа; широкий круг вовлеченных; утрачиваются механизмы солидарности; дестабилизация общества и потеря его устойчивости. Здесь важно подчеркнуть, что социально опасные явления предсказуемы. Это позволяет нам с уверенностью сказать, что социальные опасности можно прогнозировать и контролировать заранее – это позволит существенно снизить рост социально опасных явлений и совершенствовать профилактическую работу с населением.

Целесообразно было классифицировать социально опасные явления и выделить те, которые в большей степени проявляются в современном обществе. Классификация социально опасных явлений включает в себя явления *психологического характера* (воздействии на психику и подсознание человека); *физического характера* (причинение вреда здоровью человека); *применение запрещенных веществ* (алкоголь, наркотики и др.); *социальные болезни* (венерические заболевания, вирусы, инфекции); *суицид* [1]. Результаты исследования показали, что 69,1 % ответов респондентов указывают нам на то, что в современном обществе проявляются в одинаковой степени все перечисленные выше явления (рост преступлений, рост алкогольной и наркотической зависимости, рост социальных болезней, суицид, интернет-зависимость и т. д.). Однако 12,4 % считают, что в современном обществе в большей степени проявляется только повышенная криминализация социума, а 9,0 % отметили социальные болезни. Кроме этого, респондентам был задан вопрос о том, какие социально опасные явления характерны для их ближайшего окружения. Анализ полученных данных показал, что в большей степени характерны: алкогольная зависимость (33,2 %); социальная болезнь (27,0 %); наркотическая зависимость (11,7 %), а также отношение к преступной деятельности (6,1 %). Только 7,7 % респондентов ответили, что у них нет никаких проблем, относящихся к социальным опасностям. В целом мы должны понимать, что в мире множество угроз и вызовов, они со-

вершенствуются, появляются новые – важно уметь спрогнозировать это, адаптироваться и вовремя им противостоять.

Для контролирования возникновения социально опасных явлений необходимо особое внимание уделять механизмам регулирования социально опасных явлений и механизмам саморегулирования у граждан, подверженных социальным опасностям. В ходе исследования респондентам задали вопрос, в какой степени развиты данные механизмы в современном обществе (рис. 1–2).

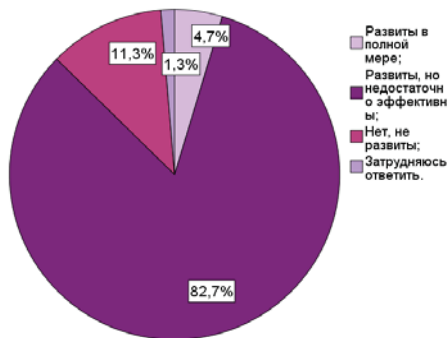

Рис. 1. В какой степени развиты механизмы регулирования социально опасных явлений в современном обществе?

Механизмы регулирования социально опасных явлений предполагают комплекс разработанных мер, направленных на: прогнозирование, предупреждение и предотвращение социальных опасностей, а также на управление ими и снижении социально-негативных последствий. Анализ полученных данных показал, что, по мнению респондентов, механизмы регулирования социальных опасностей в современном обществе развиты, но недостаточно эффективны (82,7 %). Такое мнение связано с тем, что несмотря на все действия органов государственной власти, правоохранительных структур, учреждений здравоохранения, уровень социально опасных явлений в обществе остается повышенным, а это значит, механизмы регулирования разработаны, но недостаточно адаптированы под новые угрозы и вызовы. Однако мы не должны забывать о том, что субъектом и объектом социально опасных явлений является человек, и именно человек наиболее подвержен негативному влиянию из вне. В этом случае особо важны эффективные механизмы саморегулирования, которые соотносятся с самосохранительным поведением граждан (рис. 2).

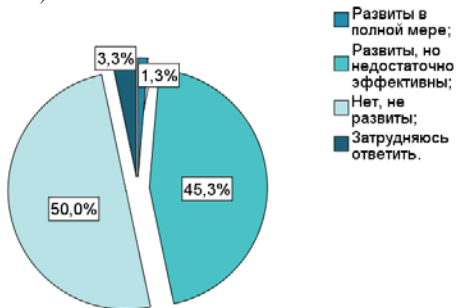

Рис. 2. В какой степени развиты механизмы саморегулирования у людей, подверженных социально опасным явлениям?

Анализ полученных данных показал, что мнение респондентов разделилось. 50,0 % уверены, что механизмы саморегулирования у людей, подверженных социально опасным явлениям не развиты, а 45,3 % опрошенных считают, что механизмы саморегулирования развиты, но недостаточно эффективно. В целом эти данные указывают нам на то, что эту проблему необходимо решать, и в большей степени усилить профилактическую работу с населением всех возрастов, начиная с проведения обучающих курсов в школах, в средне-профессиональных и высших образовательных учреждениях, а также проводить работу с взрослым населением и с людьми пенсионного возраста.

Резюме

Проведенный опрос показал, что в целом уровень социальной напряженности в обществе выше среднего (оценка респондентов 3,72 из 5). Как мы уже писали ранее, социальная напряженность – это естественное явление для социума, но повышение данного уровня выше нормы приводит к дестабилизации систем жизнеобеспечения, таким образом социальная напряженность напрямую влияет на возникновение социально опасных явлений. Рост социальных опасностей возникает на основании того, что у людей, подверженных социально опасным явлениям, не сформировано самосохранительное поведение, т. е. не сформированы механизмы саморегулирования, что делает мало эффективными механизмы регулирования социальных опасностей на государственном и муниципальном уровнях. В первую очередь, необходимо совершенствовать профилактическую базу, прививать людям культ здорового и безопасного образа жизни, ведь от этого зависит не только здоровье лично граждан, но и в целом демографическая ситуация в стране и в мире. Только в совокупности с развитыми механизмами саморегулирования будут в полной мере эффективны механизмы регулирования, что существенно снизит рост социально опасных явлений, и сделает граждан более устойчивыми к социальной напряженности.

Литература

1. Акопян С. А., Демьянова Л. М. Социальная опасность в России // Успехи современного естествознания. 2014. № 6. С. 11.
2. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 530.
3. Возжеников А. В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Изд-во ЭДАС ПАК, 2000. С. 46.
4. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С.107–134.
5. Багрий Е. И., Грабельных Т. И. Социально-стратификационная динамика и новые требования к субъекту реализации государственных инициатив в России // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-stratifikatsionnaya-dinamika-i-novyye-trebovaniya-k-subektu-realizatsii-gosudarstvennyh-initsiativ-v-rossii> (дата обращения: 08.11.2020).
6. Грабельных Т. И. Общественные технологии «противодействия» преступности и их значение в начале XXI в. // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. семинара. 3 апр. 2020 г. / отв. ред. Д. В. Ким. Красноярск : СибОИ МВД России, 2020. С. 49–52.
7. Коронавирус – общая информация // Министерство здравоохранения РФ. URL: <https://covid19.rosminzdrav.ru/> (дата обращения: 05.11.2020).
8. Колесников А. А. Синергетическая теория управления. М. : Энергоатомиздат, 1994. С. 325.
9. Модели социальных процессов : учеб. пособие для высш. учеб. заведений. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Логос, 2001. С. 296.
10. Осипов Г. В. Место и роль глобальных проблем безопасности в концепции безопасности Российской Федерации // Безопасность информ. сб. 1993. № 8. С. 30–35.
11. Тошенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь Мир, 2020. С. 352.
12. Хакен Г. Информатика и самоорганизация. М. : Мир, 1991. С. 193.
13. Fuller R., Myers R. R. The Natural History of a Social Problem // American Sociological. 1943. P. 197–207.
14. Hart H. What is a Social Problem? // American Journal of Sociology. 1923. Vol. 29, N 3. P. 345–352.
15. Becker H. S. Outsiders: The Studies in the Sociology of Deviance. New York, 1963. P. 9.
16. Goffman E. The Moral Career of the Mental Patient // Psychiatry. 1959. N 22. P. 123–142.
17. Piliavin I., Briar S. Police Encounters with Juveniles // American Journal of Sociology. 1964. N 70. P. 206–214.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОДЕЙСТВИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВУ И ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ВУЗАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена обоснованию современных технологий содействия трудоустройству и занятости студенческой молодежи в вузах Иркутской области. Отмечается, что глобальные экономические кризисы, пандемии, цифровизация, политическая обстановка – все это неизбежно влияет на специфику трудовых отношений в обществе. Также акцентируется внимание, что студенческая молодежь является максимально уязвимой социально-демографической группой в системе трудовых отношений.

Ключевые слова: трудовая ориентация, студенческая молодежь, трудоустройство, занятость, рынок труда, безработица.

T. P. Pankova

Irkutsk State University, Irkutsk

MODERN TECHNOLOGIES TO PROMOTE EMPLOYMENT AND EMPLOYMENT OF STUDENT YOUTH IN UNIVERSITIES OF THE IRKUTSK REGION

The article is devoted to the substantiation of modern technologies to promote employment and employment of student youth in universities of the Irkutsk region. The work notes that global economic crises, pandemics, digitalization, the political situation – all this inevitably affects the specifics of labor relations in society. It also emphasizes that student youth is the most vulnerable socio-demographic group in the system of labor relations.

Keywords: work orientation, student youth, employment, employment, labor market, unemployment.

По результатам, полученным в ходе проведенного опроса в рамках выпускной квалификационной работы в октябре – ноябре 2020 г., выявлена необходимость внедрения государственного распределения выпускников по окончании процесса получения высшего образования. Решение проблемы содействия трудоустройству и занятости студенческой молодежи в вузах Иркутской области видится также в совершенствовании процессов сотрудничества типа «вуз-работодатель» и активизации внедрения студентов в процесс активной трудовой деятельности.

Полученные данные позволили сформулировать следующие концептуальные положения:

1. Максимальную заинтересованность в теме исследования проявили студенты третьего и четвертого курса бакалавриата, также выпускники. Количество респондентов-выпускников составило 47 чел. (31,1 %), количество респондентов, студентов четвертого и третьего курса составило 38 (25,2 %) и 37 (24,5 %) человек соответственно. Студенческая молодежь начинает задумываться о будущей профессиональной самореализации ближе к окончанию процесса получения образования.

2. Вызовы и угрозы внешней среды имеют значительное влияние на планы и ожидания молодежи, рождая состояние тревожности за свое будущее. Среди последствий последних изменений внешней среды, вызывающих наибольшие опасения за будущее выделены переход на дистанционное образование, изменение графика работы или учебы и перевод производственных практик на внутренние базы. Все это порождает пессимистические сценарии будущего молодежи после окончания вузов. Неопределенность внешней среды влияет на трудовые ориентации и настроения сегодняшних студентов.

3. Среди условий и факторов, на которые обращает внимание студенческая молодежь при выборе места работы были выделены возможность карьерного роста, профессиональное личное развитие, трудовые отношения и престиж профессии или места работы. Можно сказать, что сегодняшнюю молодежь волнует привычный многим поколениям перечень факторов и условий выбора места работы, т. е. ожидания молодежи от трудовой деятельности практически не изменились. Среди качеств, которые респонденты

выделяли как определяющие для развития в системе трудовых отношений выделены качества, которые олицетворяют коммуникативные навыки, навыки к самоорганизации и настойчивости. Интеллектуальные способности, креативность, честность и доброта выбирались респондентами реже, что свидетельствует о смещении вектора развития трудовых отношений в аспекте нарастающей накаленности конкурентной среды.

4. Большинство респондентов, участвовавших в опросе отметили, что необходимо развивать именно профессиональные навыки к трудоустройству в процессе обучения студентов в вузе. Но при этом свои профессиональные навыки, приобретенные в процессе обучения, оценивают, как недостаточные. Данная тенденция говорит о недостаточной включенности в практическую профессиональную деятельность и ориентированности на вхождение в процесс трудовой адаптации во время прохождения производственных практик.

5. Знания, опыт работы, адаптивность и стрессоустойчивость при наличии навыка работы на компьютере, по мнению современных студентов являются приоритетными для работодателей Иркутской области при рассмотрении кандидатур при приеме на работу.

6. Потенциальная помощь в содействии трудоустройству и занятости в вузе или на факультете (институте) требуется более, чем 88,7 % респондентов, что обуславливает актуальность создания центра/службы содействия трудоустройству и занятости в вузе или на факультете (институте).

7. Среди современных технологий содействия трудоустройству и занятости студенческой молодежи респонденты выделяют как наиболее устойчивые к угрозам и вызовам технологии смешанного типа, опирающиеся на сетевые партнерские отношения вузов с работодателями и реализующиеся в разных форматах (такой ответ выбрали 39,7 % респондентов). Чуть меньше, 19,9 % респондентов выбрали программно-целевые технологии (технологии государственной поддержки с учетом целевых индикаторов востребованности направлений подготовки и ситуации на рынке труда).

8. Становится вновь актуальным запрос на государственное распределение выпускников по окончанию процесса получения высшего образования. Решение проблемы содействия трудоустройству и занятости студенческой молодежи в вузах Иркутской области видится также в совершенствовании процессов сотрудничества типа «вуз-работодатель» и активизации внедрения студентов в процесс активной трудовой деятельности.

Заключение

Сегодня, когда одни люди работают удаленно, а другие люди подвергаются массовым сокращениям и увольнениям, как никогда студенческая молодежь встревожена при планировании своего ближайшего трудового будущего. Заинтересованы в трудоустройстве своих студентов и вузы, так как именно трудоустройство выпускников выступает своеобразным гарантом престижности и актуальности высшего образования каждого отдельного образовательного учреждения. В связи с чем, как никогда актуальна разработка современных технологий содействия трудоустройству и занятости студенческой молодежи в вузах Иркутской области.

ПРОБЛЕМЫ И СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Рассмотрены основные проблемы и особенности развития социальной активности российской молодежи в период глобальных вызовов. Установлены внешние и внутренние факторы влияния на уровень проявления социальной активности молодежи в период глобальных вызовов. Выявлены проблемы формирования социальной активности российской молодежи и предложены пути их решения.

Ключевые слова: молодежь, социальная активность, общественные организации, молодежные организации, глобальные вызовы.

К. А. Pyankova

Irkutsk State University, Irkutsk

PROBLEMS AND SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL ACTIVITY OF RUSSIAN YOUTH IN THE PERIOD OF GLOBAL CHALLENGES

The article examines the main problems and features of the development of social activity of Russian youth in the period of global challenges. The external and internal factors of influence on the level of manifestation of social activity of young people in the period of global challenges have been established. The problems of the formation of social activity of Russian youth are revealed and the ways of their solution are suggested.

Keywords: youth, social activity, public organizations, youth organizations, global challenges.

Формирование личности – это сложный и многогранный процесс, который происходит в основном в подростковом возрасте. То, как общество помогает этому процессу, отражает прежде всего его уровень развития. Поэтому, если мы хотим жить в здоровом обществе, то сегодня мы должны начать решать более эффективно проблемы молодежи.

Социальная активность – это сложное явление, она может выступать и как качество личности, и как определенная целенаправленная деятельность, инициативность и, наконец, как сущность человека. Иными словами, социальная активность сегодня – это широкое понятие, определяющее совокупность человеческих связей с социальной средой.

В современной России активность является ключевым качеством гражданина, потому что именно активность дает возможность решать свои проблемы, трансформировать общество, в котором живет гражданин, помогать ближнему и быть человеческом. Поэтому социальная активность может быть представлена совокупностью форм человеческой деятельности, сознательно ориентированной на решение проблем, стоящих перед обществом, классом, социальной группой в определенный исторический период.

Социальная активность может стимулироваться внешними и внутренними факторами. К внутренним факторам относятся, прежде всего, личные мотивы и психологические качества, а к внешним – условия окружающей среды, позволяющие этой деятельности проявляться и совершенствоваться в ней. Стимулирование общественной деятельности человека – процесс создания слаженной системы ситуаций и мотиваций, включающих общественно ценные цели, оптимальные формы и методы, а также социально значимые изменения личности, проявляющиеся в активной, сознательной и самостоятельной деятельности и поведении.

Сегодня проблема стимулирования социальной активности актуальна для молодежи по нескольким причинам. Это потребность в общении, потребность в самореализации, необходимость отождествления себя с социальными группами, потребность в самостоятельной деятельности. Однако цель социальной активности молодежи может быть результатом деятельности и коммуникации, когда она является средством достижения узконаправленных целей. Включение молодых людей в общественно значимую деятельность может быть мотивировано и прагматическими мотивами: карьерным ростом, перспективами, полученными благодаря особым возможностям участия в престижной молодежной организации, в образовательных программах, получения профориентации по во-

просам трудоустройства. Исследования последних лет показывают, что мотив благополучия был в числе основных мотивов участия молодежи в общественной работе [1].

Молодежь как социальная группа привлекает внимание философов, социологов, психологов, культурологов, историков, педагогов, специалистов в области социальной работы и представителей других областей научного знания. Понятие социальной активности получает распространение в гуманитарных науках в XVIII в., прежде всего в работах Ж.-Ж. Руссо, А. Дистервега, В. В. Зеньковского, Э. Дюркгейма, и начинает приобретать все более глубокий социально-философский смысл. В российской науке широко распространены социологические, социально-философские, культурно-исторические подходы к изучению социальных явлений и определению места и роли молодежи как особой социально-демографической группы, что нашло отражение в работах Н. В. Андроенковой, В. Н. Боряза, С. Н. Иконниковой, И. М. Ильинского, В. Т. Лисовского, И. С. Кона и др. [4].

Институт молодежи и его Научно-исследовательский центр уделяют большое внимание изучению проблем молодежи: в издаваемых сборниках и монографиях анализируется отечественный и зарубежный опыт государственной молодежной политики, разрабатываются критерии и оценки тенденций социализации молодежи. Российский независимый институт социальных и национальных проблем провел социологические исследования ценностных ориентаций молодежи, социальной адаптации и самоопределения молодежи в меняющейся социокультурной среде [3]. В своих трудах Н. Л. Смакотина пишет о том, что российская молодежь в условиях нестабильности разделяется на неравные социальные группы, обладающие своим социальным потенциалом: «В целом наблюдается тенденция к снижению социального потенциала современной молодежи, детерминантами которой выступает ухудшение состояния здоровья, снижение качества образования и профессиональной компетентности, невысокий уровень материального обеспечения, рост стихийности в общественнополитической сфере, девальвация значительной части традиционных ценностей» [5].

Несмотря на то что проблемы молодежи привлекают внимание отечественных и зарубежных ученых, вопросы социальной активности молодежи как конструктивной основы их образа жизни недостаточно проработаны, исследования в этой области остаются не полными.

Кризисная ситуация, вызванная пандемией в начале 2020 г., вновь подняла вопрос гражданской активности и участия в социальной жизни общества. В первую очередь этот вопрос касается молодежи и ее уровня социальной активности в жизни общества. В современном мире молодежь является носителем социальных инноваций, а также принимает непосредственное участие в передаче общественных ценностей, поэтому социальная активность молодежи – это один из путей поиска новых форм общественной устройства. Таким образом, воспитание и развитие активной, инициативной молодежи становится приоритетной задачей социальных институтов.

С целью более глубокого изучения этого вопроса было проведено исследование на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» в период с 7 ноября по 9 ноября 2020 г., которое носило инициативно-поисковый характер. В рамках исследования было опрошено 75 чел., опрос носил сплошной характер. В исследовании участвовало население Иркутской области и близлежащих регионов в возрасте от 14 лет до 35 лет.

По данным исследования видно, что социальная активность молодежи проявляется в различных сферах жизни общества, таких как экономическая, политическая, социокультурная, спортивная, экологическая и т. д. (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какова степень социальной активности современной российской молодежи?», в %

№ п/п	Варианты ответа	Пол респондента					
		Мужской		Женский		Всего	
		Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Высокая	8	28,6	18	38,3	26	34,7
2	Средняя	19	67,8	28	59,6	47	62,7
3	Низкая	1	3,6	1	2,1	2	2,6
	Всего	28	100	47	100	75	100,0

В ходе социологического опроса респондентам был задан вопрос, направленный на оценку степени социальной активности молодежи сегодня. По данным табл. 1 видно, что респонденты, независимо от пола, считают современную российскую молодежь «средне» и «высоко» социально активной. На основе этих данных, можно сделать вывод, что несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию, молодежь продолжает участвовать в общественной жизни страны. В этой связи, представлялось важным выявить основные тренды, в которые вовлечена современная молодежь. Основные результаты исследования отражены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Каковы основные тренды, в которые вовлечена современная российская молодежь?», в %

№ п/п	Варианты ответа	Возраст респондента									
		до 17 лет		от 18 до 25 лет		от 26 до 30 лет		от 31 до 35 лет		Всего	
		Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Медиа тренды (социальные сети)	3	21,4	35	16,1	3	13,6	2	25,0	43	16,4
2	«Массовые» тренды	3	21,4	27	12,4	2	9,1	1	12,5	33	12,6
3	Общественные (волонтерство)	3	21,4	23	10,6	2	9,1	1	12,5	29	11,1
4	Спортивно-оздоровительные	1	7,1	23	10,6	3	13,6	1	12,5	28	10,7
5	Все вышеперечисленное	0	0,0	20	9,2	1	4,5	1	12,5	22	8,4
6	Политические	1	7,1	17	7,8	3	13,6	0	0,0	21	8,0
7	Экологические	0	0,0	17	7,8	2	9,1	1	12,5	20	7,6
8	Культурные	0	0,0	16	7,3	3	13,6	1	12,5	20	7,6
9	Образовательные	2	14,3	17	7,8	1	4,5	0	0,0	20	7,6
10	Туристические	0	0,0	16	7,3	2	9,1	0	0,0	18	6,9
11	Социально-целевые	1	7,1	6	2,8	0	0,0	0	0,0	7	2,7
12	Затрудняюсь ответить	0	0,0	1	0,5	0	0,0	0	0,0	1	0,4
13	Другое	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
	Всего	14	100,0	218	100,0	22	100,0	8	100,0	262	100,0

Как мы видим из табл. 2, в период пандемии такой вид общественной деятельности как волонтерство стал очень востребованным, в особенности, среди студенческой молодежи. Данный вид социальной активности в основном популярен у граждан в возрастной категории до 17 лет и от 18 до 20 лет. Это можно объяснить тем, что в стране резко увеличилось количество заболевших COVID-19, а система здравоохранения была к этому не готова. Волонтеры в течение всего периода пандемии помогают обществу как могут, студенты вузов участвуют в различных акциях, направленных на помощь пенсионерам и другим нуждающимся людям, также работают на горячих линиях и отвечают на более 500 звонков в день.

Сложность развития этого социального направления в данный период заключается в том, что волонтеры наиболее подвержены риску заразиться вирусом, так как они рабо-

тают с большим количеством людей. Из-за высокого риска быть зараженным, количество волонтеров с каждым днем уменьшается, поэтому правительству приходится искать различные способы поощрения активистов. Но стоит заметить, что материальное поощрение волонтеров может привести к тому, что данный вид социальной активности утратит свою изначальную установку и ценность.

Важно отметить, что в период пандемии активно стали развиваться IT-технологии и Медиа тренды, так как большая часть работы теперь перенесена в интернет. Теперь даже можно заказать, продукты или лекарства не выходя из дома. Это приводит к развитию технологического тренда социальной активности молодежи. Современная молодежь гибко подстраивается под новые технологии, а нынешние дети буквально «рождаются с пальцем на кнопке», некоторые учатся играть в игры раньше, чем говорить. Дальнейшее развитие технологий приведет к все большему уровню цифровизации. Увеличится доля электронных государственных услуг, личные данные (паспортные) будут храниться на электронных носителях, люди массово начнут использовать систему «Умный дом» и т. д. Это означает, что у молодежи появляется все больше возможностей для самореализации и удовлетворения не только своих потребностей, но и потребностей общества, социальных институтов.

За последнее несколько лет сделан колоссальный прорыв в развитии политической активности молодежи. Например, на базе Иркутского государственного университета проводятся открытые диалоги с публичными личностями, активно развивается политическое образование студентов, проводится «Лига дебатов» различного масштаба. Динамику развития основных трендов социальной активности российской молодежи можно увидеть в представленной выше табл. 2. Политической активностью больше всего (13,6 %) готовы заниматься граждане в возрасте от 26 до 30 лет. Это можно объяснить тем, что с возрастом у молодежи формируются уже свои собственные ценности, взгляды на жизнь. Молодой человек становится социально активным тогда, когда он может себе это позволить, т. е. если человеку нечего есть и негде жить, то он будет думать лишь о том, где взять деньги на еду и жилье, а не о социальной активности. Соответственно, помочь развитию социальной активности может повышение доступности образования, например, повышение количества бюджетных мест в вузах и сузах, помощь в обеспечении материального благополучия (содействие в трудоустройстве, повышение размеров стипендий).

Основными внешними факторами, влияющими на проявление социальной активности российской молодежи, по мнению мужчин, стали – «участие в работе молодежных площадок» (24,5 %), а такие факторы как «формирование новых образов молодежи в СМИ» и «развитие конкурсных механизмов в профессионально-образовательной деятельности молодежи» получила по 18,4 % (табл. 3). Данное явление можно объяснить тем фактам, что именно массовость и медийная освещенность дает возможность привлечь большое количество активистов в свою сферу деятельности.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какие основные внешние факторы влияют на проявление социальной активности молодежи?» в зависимости от пола респондента, в %

№ п/п	Варианты ответа	Пол респондента					
		Мужской		Женский		Всего	
		Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Формирование новых образов молодежи в СМИ	9	18,4	18	20,5	27	19,7
2	Участие в работе молодежных площадок	12	24,5	14	15,9	26	19,0
3	Развитие конкурсных механизмов в профессионально-образовательной деятельности молодежи	9	18,4	16	18,2	25	18,2
4	Все вышеперечисленное	6	12,2	16	18,2	22	16,1
5	Включение в мероприятия федерального масштаба	7	14,3	13	14,8	20	14,6
6	Необходимость участия в принятии решений, связанных с ответами на вызовы и угрозы	5	10,2	8	9,1	13	9,5
7	Затрудняюсь ответить	1	2,0	2	2,3	3	2,2
8	Другое	0	0,0	1	1,1	1	0,7
	Всего	49	100,0	88	100,0	137	100,0

В социологическом опросе респондентам был задан вопрос, направленный на выявление основных внутренних факторов социальной активности молодежи сегодня. Среди мужской половины населения лидирующим ответом стал ответ «личная заинтересованность в участии», что составило 18,3 % из 100 %, а у женщин «потребность в самореализации» – 15,8 % (табл. 4). Такая статистика говорит о том, что основным стимулом участия российской молодежи является даже не материальное и моральное поощрение, а личные ценностные установки личности. Такие показатели говорят о достаточно высокой духовной просвещенности молодежи.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какие основные внутренние факторы влияют на проявление социальной активности молодежи?», в %

№ п/п	Варианты ответа	Пол респондента					
		Мужской		Женский		Всего	
		Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Личная заинтересованность в участии	19	18,3	23	14,6	42	16,0
2	Потребность в самореализации	15	14,4	25	15,8	40	15,3
3	Система материального и морального поощрения	14	13,5	19	12,0	33	12,6
4	Стремление к независимости	12	11,5	17	10,8	29	11,1
5	Развитие интеллектуальных и других способностей	7	6,7	20	12,7	27	10,3
6	Все вышеперечисленное	6	5,8	17	10,8	23	8,8
7	Наличие потребности в реализации определенных видов деятельности	10	9,6	12	7,6	22	8,4
8	Умение принимать решения в различных ситуациях	7	6,7	7	4,4	14	5,3
9	Умение идти на риск	6	5,8	6	3,8	12	4,6
10	Приверженность определенной системе ценностей	2	1,9	9	5,7	11	4,2
11	Умение правильно сделать выбор	6	5,8	3	1,9	9	3,4
12	Затрудняюсь ответить	0	0,0	0	0,0	0	0,0
	Всего	104	100,0	158	100,0	262	100,0

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что в период глобальных вызовов ярко выраженных проблем в развитии социальной активности российской молодежи не обнаружено. Как пишет Ю. А. Зубок «...в условиях продолжительного системного кризиса угрозы и риск проникают в повседневную жизнь все большего числа молодых людей, слабо контролируются и редко преодолеваются, усиливая процесс его воспроизводства. Вместе с тем риск в локализованных формах является одним из способов реализации инновационного потенциала и других существенных свойств молодежи» [2]. Поэтому одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики становится определение эффективных путей локализации риска. Проведенное исследование показало, что государство, институты и общество с пониманием относятся к сложившейся ситуации и прилагают достаточное количество усилий, чтобы в сложившейся ситуации молодежь могла развиваться и приносить пользу. Важно отметить, что социальная активность российской молодежи в большей степени зависит от самой молодежи, ее ценностных установок, идей и целей, а не от сложившейся ситуации в стране в целом. Анализ внутренних факторов, влияющих на проявление социальной активности молодежи, позволил заключить, что в настоящий период современная молодежь как социальная демографическая группа продолжает оставаться мобильной, инициативной и высокомотивированной.

Литература

1. Дегтярев В. А., Глухих С. И. Развитие социальной активности студенческой молодежи в процессе социального образования // Вестник ВУиТ. 2011. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sotsialnoy-aktivnosti-studencheskoy-molodezhi-v-protseste-sotsialnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Зубок Ю. А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 42–51.

3. Капустина Е. Г. Формы социальной активности современной российской молодежи: социокommunikативный анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-sotsialnoy-aktivnosti-sovremennoy-rossiyskoj-molodezhi-sotsiokommunikativnyy-analiz> (дата обращения: 11.11.2020).

4. Проблемы исследования социальной активности молодежи // Журнальный клуб Интелрос. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/-3-2009/4386-problemy-issledovaniya-socialnoj-aktivnosti-molodezhi.html (дата обращения: 10.11.2020).

5. Смакотина Н. Л. Молодежь в ситуации социальной нестабильности // Народонаселение. 2012. № 3 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-v-situatsii-sotsialnoy-nestabilnosti> (дата обращения: 15.11.2020).

6. Wyn J. The sociology of youth: A reflection on its contribution to the field and future directions // Youth Studies Australia. 2011. 30(3). P. 34–39. URL: https://www.researchgate.net/publication/286969433_The_sociology_of_youth_A_reflection_on_its_contribution_to_the_field_and_future_directions (дата обращения: 15.11.2020).

УДК 316.482.5

О. А. Рогут

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ)

Рассматриваются проблемы социального неравенства в современном мире на примере расовой дискриминации. Раскрываются понятия социального неравенства и социальной дифференциации, анализируются причины их возникновения и пути решения в условиях социальной напряженности. Приводится вторичный анализ материалов социологических исследований, непосредственно связанных с проблемой исследования.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная дифференциация, расовая дискриминация, расизм.

O. A. Rogut

Irkutsk State University, Irkutsk

KEY PROBLEMS OF SOCIAL INEQUALITY IN THE MODERN WORLD (ON THE EXAMPLE OF RACIAL DISCRIMINATION)

The article is devoted to the consideration of the problems of social inequality in the modern world on the example of racial discrimination. The author of the article reveals the concepts of social inequality and social differentiation, analyzes the causes of their occurrence and ways of solving them in conditions of social tension. The article provides a secondary analysis of sociological research materials directly related to the research problem.

Keywords: social inequality, social differentiation, racial discrimination, racism.

С развитием различных институтов общественной жизни увеличивается количество ресурсов как материального мира, так и духовного. Однако не все люди могут позволить себе потреблять эти ресурсы одинаково, в результате чего происходит процесс дифференциации социума. Проблема социального неравенства впервые появляется в трудах Аристотеля, Платона и Тацита, и ее изучение остается актуальным в настоящее время. К представителям эпохи Ренессанса, чьи взгляды были направлены на изучение социального неравенства, относят Н. Макиавелли с его сочинением «Государь». В сочинении пишется о том, что напряженность между «высшим» обществом и «низшим» всегда определяла, и будет определять социум. Это объясняется тем, что слои населения остерегаются друг друга, именно это и вызывает значительное неравенство между ними. Также вклад в изучение этого феномена вложили Д. Локк, Ж-Ж. Руссо, Т. Гоббс и др. Эти положения подтверждает и мнение современного автора Д. Волкова о том, что сейчас изменяются представляемые условия жизни и прочие ресурсы, и доступность к ним ограничивается [7]. Под термином социального неравенства принято понимать расслоение общества, при котором индивиды находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии, и имеют неравные жизненные условия, возможности, права и обязанности.

Все это может привести к нарастанию волнений в социуме или же социальной напряженности. Социальная напряженность – психологическое состояние сознания индивида и различных социальных групп, которое носит конфликтный характер [8]. Благодаря обширному развитию технологий ученые способны проводить различные социальные эксперименты и опросы, которые позволяют наблюдать за напряженностью общества.

В основе социального неравенства лежат такие признаки, как: особенности условий жизни, возрастные, интеллектуальные особенности личности, гендерные, а также расовые особенности [6]. На данный момент никто не может дать точный ответ на вопросы: почему люди выбирают путь социального неравенства? как остановить этот процесс? Ученые из разных областей стремятся внести свой вклад в изучение этого вопроса. Результатом этого является возникновение более эффективных отношений между различными отраслями знания в изучении социального неравенства за счет увеличения числа исследований.

Наиболее серьезным признаком социальной дифференциации (разделением общества на группы, которые занимают разное социальное положение) [9] является расовая принадлежность индивида. Теоретиком расизма XIX в. принято считать гр. Гобино с его трудом «Эссе о неравенстве человеческих рас».

Очевидно, что проблема социального неравенства, а в частности – расовой дискриминации, имеет огромное значение в наше время. В современном мире происходит процесс глобализации. Люди все чаще путешествуют по разным странам, встречаются с представителями других национальностей. Права человека, качество его жизни и благополучное социальное взаимодействие должны быть на первом месте. За последние несколько лет участились случаи дискриминации других народов. На сегодняшний день расовой дискриминации пропитаны многие существующие сообщества. Расизм – это теория, в основе которой лежат утверждения о неравенстве человеческих рас и их дифференциации. Он заключает в себе идею исключения. Формулой этой исключительности являются различия внешних признаков индивида, происхождения или принадлежность к определенной нации, уровень социального благополучия и др. Большинство людей разделяют многонациональное общество на «своих» и «чужих», происходит противопоставление индивидов [5]. Некоторые расы становятся отверженными, общество старается минимизировать взаимодействие с ними. Стоит отметить, что существуют и те, кто полюбил в себе расизм.

Правительства различных стран мира издают указы, законы и другие нормативно-правовые акты, которые подталкивают человечество к избавлению от расизма. К примеру, в российском законодательстве устанавливается юридическая ответственность за соответствующие действия:

1) согласно ст. 5.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях запрещены дискриминационные действия под угрозой административного штрафа [3];

2) в силу ст. 136 Уголовного кодекса Российской Федерации, указанные выше действия, совершенные лицом с использованием служебного положения, могут повлечь наказание в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности (заниматься определенной деятельностью), обязательных или принудительных работ, либо лишения свободы [2].

На международном уровне запрет на дискриминацию можно встретить во многих основополагающих документах. Так, согласно ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1948 г. и протоколов к ней пользование правами и свободами должно быть обеспечено с учетом запрета на дискриминацию, нарушение которого может повлечь разбирательство в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ) [1; 4].

Социологи всего мира проводят социологические исследования относительно тем социального неравенства, дискриминации и расизма. Рассмотрим их ниже:

По данным Всероссийского опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в декабре 2019 г., выяснилось, что около половины россиян 42 % считают, что ситуация с национализмом/расизмом за последние десять лет в России не изменилась. Однако 25 % опрошенных полагают, что ситуация изменилась к лучшему. Как мы можем наблюдать из данного опроса, количество людей, считающих, что ситуации по отношению к расизму в России изменилась к лучшему, больше, чем тех, кто считает, что к худшему. Однако остальные респонденты 42 % не видят изменений [10].

Осуществляя сравнительный анализ данных опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в феврале и декабре 2019 г., выяснилось, что чуть более половины опрошенных россиян (52 %) в этих периодах считают, что в России ожидается рост социальной несправедливости и социального неравенства. Всего 7 % опрошенных в феврале и 5 % респондентов в декабре считают, что проблема социального неравенства не коснется России. В целом люди настроены весьма пессимистично. Они чувствуют, что социальное неравенство растет, в мире происходит процесс дифференциации общества [11; 12]. Опросный метод исследования позволяет выявить отношение людей. Для социолога этот метод является приоритетным, на его основе можно проводить различные анализы общественного мнения.

В заключение важно отметить, что, по нашему мнению, одним из эффективных путей решения расовой дискриминации является повышение грамотности и образованности людей. Человечество должно уметь отличать правдивую информацию от искаженной, которую зачастую преподносят различные источники СМИ. В XXI в. людям необходимо стремиться к саморазвитию и развитию своего государства. Также люди должны больше взаимодействовать между собой, необходимо увеличивать количество многонациональных школ и других образовательных учреждений.

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04 нояб. 1948 г. (ETS 005) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 19.10.2020).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277> (дата обращения: 19.10.2020).
4. «РосЕвроСуд». URL: <https://roseurosud.org/espch/evropejskij-sud-po-pravam-cheloveka#prava> (дата обращения: 19.10.2020).
5. Алмосов И. В. Расизм в современном мире // Экономика, социология и право. 2014. № 2. С. 104–106.
6. Бессчетнова О. В. Общая социология: учебное пособие для студентов. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2019. 68 с.
7. Волков Д. Статья о демилитаризации сознания. 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/13/demilitarizatsiya-soznaniya> (дата обращения: 19.10.2020).
8. Голенкова З. Т. Социальная дифференциация и социальное неравенство населения // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 8. С. 162–168.
9. Передерий В. А., Асланов Ш. С. Словарь по социологии. Краснодар : Кубан. гос. агр. ун-т, 2010. 86 с.
10. Данные всероссийского опроса ВЦИОМ-СПУТНИК по вопросу: «Скажите, пожалуйста, в следующих областях за последние десять лет ситуация в России изменилась к лучшему или нет? Расизм/национализм» // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=230&q_id=18345&date=15.12.2019 (дата обращения 17.10.2020).
11. Данные всероссийского опроса ВЦИОМ-СПУТНИК по вопросу: «Как Вы оцениваете вероятность появления следующих проблем в том числе и в Вашей жизни? Рост социальной несправедливости, неравенства между людьми» // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=179&q_id=13620&date=03.02.2019 (дата обращения 17.10.2020).
12. Данные всероссийского опроса ВЦИОМ-СПУТНИК по вопросу: «Как Вы оцениваете вероятность появления следующих проблем в том числе и в Вашей жизни? Рост социальной несправедливости, неравенства между людьми» // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=232&q_id=18706&date=29.12.2019 (дата обращения 17.10.2020).

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КРЫМУ

Рассмотрены основные исторические предпосылки формирования таможенного регулирования в Крыму, основные этапы и события, которые непосредственно имеют отражение на действующей системе по сей день. Дан анализ нормативно-правовой базы, которая регламентирует деятельность данных структур и влияет на многие сферы общественной жизни граждан.

Ключевые слова: таможенное регулирование, Республика Крым, таможня, Россия, внешняя торговля.

V. V. Romashova

Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

HISTORY OF FORMATION OF THE CUSTOMS REGULATION SYSTEM IN CRIMEA

The article considers the main historical prerequisites for the formation of customs regulation in the Crimea, the main stages and events that are directly reflected in the current system to this day. The analysis of the legal framework that regulates the activities of these structures and affects many areas of public life of citizens is given.

Keywords: customs regulation, Republic of Crimea, customs, Russia, foreign trade.

Изучение различных взглядов истории таможенного регулирования России является актуальным направлением исследования исторической и экономической дисциплины. Эффективность таможенного дела непосредственно влияет на экономику страны в целом, а также на экономическую безопасность государства, внешнеторговые связи, международные отношения. Данные органы реализуют интересы государства в сфере внешней торговли, реализуют пополнение доходной части бюджета. Также следует отметить, что данное регулирование содействует осуществлению методов государственного воздействия на экономику страны через установление различных правил, соблюдение которых дает право лицам реализовывать право на перемещение товаров и транспортных средств через государственную границу. С 2014 г. в нашем регионе была образована Крымская таможня, в результате вступления Крымского полуострова в Российскую Федерацию на правах двух субъектов и вхождения в российское правовое поле.

Таможенное регулирование РФ осуществляется в соответствии с законодательством Таможенного Союза и Российской Федерации. В принятом Федеральном законе от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ, который отражен в документе под названием «О таможенном регулировании в Российской Федерации» сказано, что регулирование в РФ осуществляется в соответствии с договором о Евразийском экономическом союзе, а также законодательством Российской Федерации [9].

В современных реалиях в Российской Федерации действует 37 свободных экономических зон. Одна, из которых является республика Крым. Данное понятие из таможенного кодекса Евразийского экономического союза имеет определение: «таможенная процедура, применяемая в отношении иностранных товаров и товаров Союза, в соответствии с которой такие товары размещаются и используются в пределах территории СЭЗ или ее части без уплаты таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин при соблюдении условий помещения товаров под эту таможенную процедуру и их использования в соответствии с такой процедурой» [5]. СЭЗ в республике Крым и городе Севастополе созданы сроком на 25 лет до 31 декабря 2031 г.

Следует отметить, что в связи с тем, что Республика Крым находится в сложном геополитическом положении, таможенное регулирование регламентируется особыми нормами, что закреплено в Федеральном законе от 29.11.2014 № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя», который действует с

1 января 2015 г. Так, например, он сопровождается специальными назначениями в сферах привлечения к трудовой деятельности иностранных граждан, регулированием въезда в Крым и Севастополь и выезда за пределы их территорий иностранных граждан, деятельность области морского транспорта, а также предпринимательства. Рассмотрим подробнее указанные аспекты. Для въезда в Крым и Севастополь иностранные граждане, имеющие цель в получении трудовой деятельности, оформляют визу в пункте пропуска государственной границы на основании оформленных приглашений в предусмотренном порядке органа исполнительной власти, туристические визы предоставляются на срок, не превышающий 30 дней. Морские порты, расположенные в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе, являются свободными портами, это предоставляет отдельный порядок осуществления процедур таможенного и пограничного контроля в отношении пассажиров, транспортных средств, различных грузов, а также животных установленный решением Правительства РФ. В сфере предпринимательской деятельности, участники СЭЗ не могут осуществлять деятельность в сферах использования недр, для добычи полезных ископаемых и разработки месторождений континентального шельфа. Также особенности в землепользовании при размещении объектов градостроительства. Наблюдается особый режим налогообложения, уплаты таможенных пошлин. Оборудования, которые находятся на территории СЭЗ в связи с таможенной процедурой и введенные в эксплуатацию, помещенные под указанную таможенную процедуру сохраняют статус иностранных товаров в течение 5 лет. Закон № 377-ФЗ устанавливает особый порядок воздушных судов и товаров, перемещаемых воздушным транспортом, почтовых отправок [8]. Характеризуя современное состояние таможенного дела, необходимо подчеркнуть, что система таможенного регулирования имеет свою историю и региональные особенности.

История таможенного дела в Крыму началась еще с периода античности. Пути мировой торговли уже древности были расположены через наш полуостров, например, Великий шелковый путь. Первый таможенный пункт был расположен в Суроже (г. Судак) в VIII, в период византийской эпохи. В XVIII в Крыму появились первые таможенные учреждения, первое из которых было в Гезлеве (г. Евпатория). 22 февраля в 1784 г. был издан указ Екатериной II «Об именовании Крымского полуострова Таврической областью, о разрешении проводить торговлю всем народам по Черному морю при городах Таврической области», который существенно упорядочен органами деятельности Крымской таможни [1; 7]. По мере расширения и усложнения российских внешнеторговых отношений таможенное регулирование совершенствовалось различными организационными преобразованиями. Таможенные посты действовали в Крыму как в дореволюционное, так и в советское время.

Советская таможенная служба при образовании воспользовалась опытом в организации таможенного дела Временного правительства и царского режима. 1 января 1918 г. было принято Постановление Совета народных комиссаров РСФСР «О порядке выдачи разрешения на ввоз и вывоз товаров». Согласно подписанного 29 мая 1918 г. Декрета СНК РСФСР «О разграничении прав Центральной местных таможенных учреждений», таможенное обложение передано в ведение центральной государственной власти. Также была образована Пограничная охрана.

Правительство РСФСР 31 марта 1922 г. утвердило «Положение о местных таможенных учреждениях, о (таможенных) округах, таможнях и таможенных постах» [5, с. 126]. Благодаря этому положению были вновь образованы пограничные округа, которые были ликвидированы в 1913 г.: Украинский, Петроградский, Западный, Закавказский, Сибирский, Дальневосточный, Туркестанский, Семипалатинский и были созданы Крымский и Петрозаводский таможенные участки [3, с. 11]. Можно заметить, что не было единого таможенного округа Украины и Крыма. До июля 1924 г. таможенные учреждения зависели от одесского инспектора. По приказу НКВД РСФСР были ликвидированы

ны некоторые таможенные округа в 1922 г., постепенно внедрялись таможенные районы или участки, такие как Одесская, Николаевская, Таганрогская – 1-го разряда, Херсонская, Геническая и Бердянская – 2-го разряда. А вот учреждения Крыма в этом списке нет.

Управление таможенного органа в 1923 г. управляло деятельностью 45 таможенных учреждений, были образованы районные (участковые) таможенные инспекции, такие как Одесский и Киевский. Одесские низовые структуры, в свою очередь, были разделены на крымские и украинские таможенные участки. Инспекторский участок в Одессе имел штат управления и таможенные учреждения, их состав некоторых из них содержал: Одесская таможня – 214 чел., Севастопольская – 54, Ялтинская – 8, Николаевская – 47, Керченская – 30, Херсонская – 12, Феодосийская – 34, Евпаторийская – 13, Рыбницкая – 5, лишь два сотрудника имели таможенные посты: Очавский, Балаклавский, Генический, а одного сотрудника: Ак-Мечетский (Черноморское в нынешнее время) и Сакский таможенные посты. Балаклавский, Судакский, Сакский, Алуптинский пост был закрыт, решением Главного таможенного управления НКВД СССР от 24 мая 1924 г. [4, с. 178].

Борьба с контрабандой, контроль ее осуществления, а также функции организации и управления таможенными учреждениями регулировалось таможенным ведомством согласно принятому 2 марта 1924 г. Положению о Главном таможенном управлении. Был создан одел по борьбе с контрабандой по приказу ГТУ от 30 июля 1924 г. Первым кодифицированным союзным актом по таможенному делу считает Таможенный устав, который утвердил ЦИК постановлением от 12 декабря 1924 г. [6] Благодаря уставу была зафиксирована система таможенного управления, в которой низшим звеном считались таможни и таможенные посты советской таможенной системе.

Севастопольская районная таможня, которая имела 1-й разряд, включала Евпаторийский и Ялтинские таможенные посты, а Феодосийская, также 1-го разряда включала Керченскую таможню 3-го разряда. ГТУ утвердил штаты управления Крымского таможенного районного инспектора, приказом от 24 сентября. Первым Крымским таможенным инспектором был назначен Н. Викторов. Он подчинялся ГТУ НКВД СССР и действовал на базе Севастопольской таможни.

Были объединены наркоматы внешней и внутренней торговли (Наркомторг) от 18 ноября, постановлением Центрального исполнительного комитета и правительства СССР [2, с. 7].

В период СССР был утвержден первый таможенный кодекс (19 декабря 1928 г.), который определял функции, задачи и полномочия Главного таможенного управления, указывал методы таможенного контроля и устанавливал таможенную политику.

В 1991 г. после развала СССР была устранена Симферопольская таможня, альтернативой стала Симферопольская региональная таможня. Крымское территориальное таможенное управление было образовано в 1994 г. Но вновь в 1996 г. было ликвидировано территориальное таможенное управление Крыма, была образована Крымская региональная таможня. Далее в мае 2008 г. преобразовалась Крымская таможня. В 2012 г. создана Крымская таможня Миндоходов. В 2014 г. после перехода Крымского полуострова в состав Российской Федерации приказом ФТС России № 579 «О создании Крымской таможни» была создана Крымская таможня.

В настоящее время сосредоточено восемь таможенных постов в городах Керчь, Феодосия, Ялта и Евпатория-морские пункты пропуска, Джанкой и Красноперекопск- сухопутные, а также аэропорт «Симферополь» и Симферополь центральный. Современная Крымская таможня, как составная часть Федеральной таможенной службы предоставляет возможность внешнеэкономическому осуществлению декларирования и выпуску товаров on-line, что существенно сокращает время совершения таможенных операций, систематизирует расходы бизнеса. В феврале 2019 г. на базе ведомственного санатория Федеральной таможенной службы «Ясная поляна» подвели итоги работы в 2018 г. и определили задачи на 2019 г. С докладом об итогах работы в 2018 г. выступил начальник тамо-

женного органа В. Авраменко. «По итогам 2018 г. прогнозное задание по перечислению таможенных платежей в федеральный бюджет выполнено. В доходную часть федерального бюджета перечислено 924,8 млн руб. таможенных платежей, что в два раза превысило уровень предыдущего года», – сообщил В. Авраменко. Подводя итоги заседания, заместитель руководителя ФТС России А. Попов поблагодарил должностных лиц Крымской и Севастопольской таможи за хорошую работу и выразил уверенность, что в составе Южного таможенного управления таможенники крымского региона справятся с поставленными на 2019 г. задачами [7].

В заключение отметим: 1) рассмотренный опыт создания функционирования таможенной системы в Крыму дает возможность выделению ключевых аспектов его исполнения на территории Крымского региона; 2) история развития Крымской таможни тесно связана с разработкой таможенного дела в России; 3) формирование современной таможенной системы на территории двух субъектов РФ в целом демонстрирует успешный опыт регламентации внешнеторговой деятельности в соответствии с гармонизацией мирового и отечественного законодательства в этой сфере деятельности.

Литература

1. Кисловский Ю. Г. История таможни государства Российского. 1907–1995. М. : Автор, 1995. 285 с.
2. Латышева Е. В. Особенности формирования Советской таможенной службы в Крыму // Научный вестник Крыма. 2017. № 6 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-formirovaniya-sovetskoy-tamozhennoy-sluzhby-v-krymu> (дата обращения: 04.05.2019).
3. Отдельные этапы развития централизованного руководства таможенным делом в России. Государственный таможенный комитет РФ // Алексеев А., Боярский Г., Дуров А., Котяев А. Символы таможенной службы России. М.: Русь, 2003. URL: <http://svts.ru/upload/iblock/930/930d99a69a7d2def66d7ab2a40e1d8ae.pdf> (дата обращения: 04.05.2019).
4. Чорний В. Україна і митна справа: Історичний нарис. К.: КВЦ, 2000. 350 с.
5. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315 (дата обращения: 03.05.2019).
6. Таможенный устав Союза ССР от 12.12.1924. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=11986#014295080636518476> (дата обращения: 04.05.2019).
7. Федеральная таможенная служба Крымская таможня. URL: http://crimea.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=19243:2014-05-19-06-48-45&catid=121:2014-05-19-05-45-04&Itemid=148 (дата обращения: 03.05.2019).
8. О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя : федер. закон от 29.11.2014 № 377-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171495 (дата обращения: 03.05.2019).
9. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 28.11.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/1f48ce1778ad2dd801bb5ba768b0c511_72cb9d0 (дата обращения: 03.05.2019).

УДК 316.4

Н. С. Рыбак

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НА ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ТРУДОУСТРОЙСТВА И ЗАНЯТОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Рассматриваются источники возникновения социальной напряженности и ее влияние на общество. Акцентируется внимание на высокой актуальности проблемы трудоустройства и занятости молодежи в условиях роста социальной напряженности. Представлен анализ влияния социальной напряженности на современные стратегии трудоустройства и занятости российской молодежи в условиях кризиса.

Ключевые слова: социальная напряженность, молодежь, трудоустройство и занятость молодежи, социальная нестабильность, современное общество, социальные стратегии.

FEATURES OF THE INFLUENCE OF SOCIAL TENSION ON THE MAIN STRATEGIES OF EMPLOYMENT AND EMPLOYMENT OF RUSSIAN YOUTH

The article examines the sources of social tension and its impact on society. Attention is focused on the high relevance of the problem of employment and employment of youth in the context of growing social tension. The analysis of the influence of social tension on modern strategies of employment and employment of Russian youth in the crisis is presented.

Keywords: social tension, youth, employment and youth employment, social instability, modern society, social strategies.

Рассматривая современное общество с позиции системности, нельзя не отметить те вызовы, которые стоят перед ним сегодня: социально-экономические, социально-политические, социально-демографические, эпидемиологические и собственно социальные. Особое внимание мы уделяем социальной сфере, которая в результате внешних воздействий трансформируется, порождая новые проблемы. Одной из них является проблема трудоустройства и занятости населения, в частности, молодого поколения. Чаще всего именно молодежь не может трудоустроиться в кризисных или приближенным к кризисным условиям. Проблемы трудоустройства и занятости молодежи являются актуальными, поскольку большая часть выпускников учебных заведений высшего и среднего специального образования не могут устроиться по своей специальности ввиду отсутствия рабочих мест, трудового опыта или социальной нестабильности. Условия социальной нестабильности в обществе порождают такое социальное явление как социальная напряженность.

Социальная напряженность определяется как некое состояние сознания и поведения людей в обществе, в котором изменяется оценка действительности. Такое состояние является в следствие конфликта интересов. Масштабы социальной напряженности большей частью сопоставимы с масштабами конфликта и порождаются им. Говоря о напряженности, выделяют следующие ее типы: межличностная, межгрупповая, межнациональная или глобальная. Основные предпосылки социальной напряженности в обобщенном виде трактуются как стабильное долговременное состояние, при котором у значительной части общества существует дисбаланс между потребностями, интересами и социальными ожиданиями. То есть имеет место конфликтная ситуация, которая проецируется на психологическое состояние населения [5]. Отечественный исследователь Н. С. Данакин определяет социальную напряженность как «...состояние социальной системы, содержание которой составляет процесс возникновения и развития противоречивости отношений, интересов, действий людей, социальных групп, институтов и общества в целом» [3].

Отметим, что возникновение социальной напряженности в обществе происходит неравномерно. Одним из вариантов возникновения социальной напряженности является постепенное осознание большей части обществом того факта, что их потребности, какой бы характер они не носили, удовлетворяются не полностью или совсем не удовлетворяются. Альтернативный вариант возникновения социальной напряженности характеризуется тем, что некоторая категория людей не в силах удовлетворить собственные потребности. В результате деструктивных действий такие люди становятся общественным конфликтогеном. Далее в обществе появляются негативные настроения, страх, в результате чего возникает социальная напряженность. Таким образом, кризисы, возникающие в социальных группах и общностях, становятся заключительным этапом в установлении социальной напряженности в обществе. Измененное в результате внешнего влияния сознание людей преподносит ситуацию как безвыходную, любые действия повлекут за собой последствия, которые уже были.

С ростом социальной напряженности в развитии современного общества особое звучание получают вопросы о необходимости обеспечения его устойчивости, в том числе обосновывается потребность в стабилизации развития института высшего образования в

аспекте реализации стратегий трудоустройства и занятости российской молодежи, в особенности выпускников российских вузов. В сложных условиях, по оценке доктора социологических наук, профессора Т. И. Грабельных, «...мир университета вряд ли следует охарактеризовать как «устойчивый» [1, с. 170]. По утверждению автора, такая устойчивость обеспечивается посредством «...мобилизации собственных ресурсов внутри университета и конструированию системы взаимодействий с внешней средой» [1, с. 170]. Поставленные проблемы иркутскими социологами исследуются с 2008 г. по настоящее время, в том числе в русле мониторинговых исследований [2; 4].

С целью выявления и анализа основных факторов трудоустройства и занятости российской молодежи в условиях кризиса нами было проведено социологическое исследование. В ходе исследования оценивалась эффективность механизмов регулирования трудоустройства и занятости молодежи в России (на примере Иркутской области).

В период с 1 ноября по 10 ноября 2020 г. был проведен онлайн опрос населения на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ», в качестве площадки была использована онлайн-платформа Webanketa.com. Всего было опрошено 130 чел., опрос носил пилотажный характер. В исследовании участвовало 73 женщины (56,2 %) и 57 мужчин (43,8 %). Среди респондентов были выделены следующие возрастные категории: от 18 до 30 лет – 54 чел. (41,5 %); от 31 до 45 лет – 48 чел. (36,9 %); от 46 до 60 лет – 22 чел. (16,9 %); старше 61 года – 6 чел. (4,6 %). Представлялось важным на современном этапе выявить особенности влияния социальной напряженности на проблемы трудоустройства и занятости российской молодежи.

Остановимся на тех факторах, которые оказали влияние на решение проблем современной молодежи в сфере трудоустройства и занятости (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какие факторы последнего времени повлияли на решение проблем трудоустройства и занятости молодежи?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Рост социальной нестабильности	57	16,9
2	Влияние пандемии коронавирусной инфекции COVID-19	57	16,9
3	Изменение ситуации на мировом рынке труда	45	13,4
4	Углубление мирового финансового и экономического кризисов	38	11,3
5	Изменение ситуации на региональном рынке труда	37	11,0
6	Углубление социального неравенства	29	8,6
7	Новые стратегии и направления в развитии государственной молодежной политики	25	7,4
8	Все вышеперечисленное	23	6,8
9	Формирование приоритетов в социальной политике государства	20	5,9
10	Другое (в том числе: «считаю проблему нерешенной»)	6	1,8
	Всего	337	100,0

Из табл. 1 видно, что 16,9 % респондентов считают рост социальной нестабильности одним из основных факторов, влияющих на проблемы трудоустройства и занятости молодежи, также 16,9 % отмечают пандемию коронавирусной инфекции COVID-19 в качестве современного фактора, влияющего на трудоустройство и занятость российской молодежи. Прослеживается влияние ситуаций на мировом (13,4 %) и региональном (11 %) рынках труда. На основании полученных, мы видим влияние кризисных ситуаций в обществе на проблемы трудоустройства и занятости молодежи.

Представлялось важным определить внешние и внутренние факторы, которые мешают молодежи реализоваться. Респонденты указали следующие внешние факторы, препятствующие самореализации молодежи в современных условиях: проблемы с трудоустройством и занятостью (22,6 %); отсутствие поддержки со стороны государства (14,9 %); ближайшее окружение (14,6 %); финансовый и экономический кризис (14,0 %);

недостаточный уровень развития экономики региона (10,4 %); неблагоприятная эпидемиологическая обстановка (9,5 %); недостаточная эффективность молодежной политики (8,5 %). Исходя из полученных данных следует, что проблемы с трудоустройством и занятостью вызывают особую тревогу у молодежи. Также отмечаются социально-экономические условия, в которых находится молодежь. Социально-политические и эпидемиологические факторы создают гораздо меньше препятствий. Мы делаем вывод о первостепенности проблем трудоустройства и занятости для российской молодежи в современных условиях.

К внутренним факторам, препятствующим самореализации молодежи в современных условиях, можно отнести следующие: отсутствие специальных навыков и компетенций (17,7 %); страх быть невостребованным (17,7 %); несформированность целей у молодежи (16,8 %); сама молодежь (в силу проявлений девиантного поведения) (14,9 %); неготовность к выполнению сложных задач в нестандартных условиях (14,0 %); неготовность молодежи к решению новых задач, стоящих перед обществом (14,0 %). Мы видим, что молодежь, по мнению опрошенных, сегодня характеризуется отсутствием специальных знаний, вследствие чего возникает страх быть невостребованным на рынке труда. За счет собственного поведения молодежь остается неготовой к решению задач, стоящих перед обществом сегодня и возникающих в процессе общественного развития. Такая тенденция прослеживается за счет низкой устойчивости института образования (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением ученых и общественных деятелей о том, что мир университета (института образования) в последние годы изменился, утратил позиции своей устойчивости, что не могло не повлиять на стратегии трудоустройства и занятости молодежи?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, согласен	53	40,8
2	Скорее согласен, чем не согласен	53	40,8
3	Скорее не согласен, чем согласен	15	11,5
4	Нет, не согласен	4	3,1
5	Затрудняюсь ответить	5	3,8
	Всего	130	100,0

Анализ представленных в табл. 2 данных подтверждает, что большинство респондентов (81,6 %) согласны с утверждением ученых и общественных деятелей о том, что мир университета в последние годы утратил позиции своей устойчивости. Исходя из этого, мы говорим о влиянии института образования на формирование внутренних факторов, препятствующих самореализации современной российской молодежи.

Оценивая степень влияния социальной напряженности на трудоустройство и занятость российской молодежи в условиях социальной нестабильности более 80 % опрошенных выражают согласие с тем, что социальная напряженность может привести к нереализуемости и даже разрушению стратегий трудоустройства и занятости молодежи в России. Тем не менее, треть респондентов (33,3 %) считают, что социальное положение молодежи в сфере труда и занятости не изменилось; 29,3 % говорят об ухудшении социального положения молодежи за прошедшие 3 года; доля тех, кто видит положительную динамику в изменении социального положения молодежи составляет 24 %; еще 13,3 % затруднились с ответом. На основе данных делаем вывод о том, что среди населения нет единого мнения об изменении социального положения молодежи в сфере трудоустройства и занятости за последние 3 года.

Выводы

Итак, социальная напряженность, как результат кризисных явлений и конфликтов в обществе является актуальным социальным явлением, которое оказывает влияние на различные сферы общества. В частности, социальная напряженность оказывает негативное воздействие на трудоустройство и занятость российской молодежи. Проблемы, свя-

занные с трудоустройством и занятостью молодежи в России, также находятся под влиянием социальной напряженности. Таким образом, следует выделить следующие особенности влияния социальной напряженности на основные стратегии трудоустройства и занятости российской молодежи: рост социальной нестабильности, проблемы трудоустройства и занятости молодежи, как следствие разрушение стратегий по трудоустройству и занятости молодежи в России и снижение устойчивости института образования. Для решения проблем трудоустройства и занятости российской молодежи следует пересмотреть стратегии государственной молодежной политики.

Литература

1. Грабельных Т. И. «Устойчивый мир» университета и его социальное самоопределение в условиях угроз, вызовов и рисков // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 169–171.
2. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Концептуальное определение проблемы трудоустройства выпускников в Иркутской области (на примере специальностей «Социология» и «Менеджмент организаций» Института социальных наук ИГУ) // Подготовка специалистов для экономики и социальной сферы региона: приоритеты инновационной политики в образовании, науке, экономике : сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Аргучинцев, Т. И. Грабельных. Иркутск : РИО НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2009. С. 104–111.
3. Данакин Н. С., Дятченко Л. Я., Сперанский В. И. Механизмы социальной регуляции и технологии управления конфликтом // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 151–162.
4. Ключевые проблемы перехода Иркутского государственного университета на новую модель образования (по результатам социологических исследований) / Т. И. Грабельных [и др.]. Иркутск : НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2008. 120 с.
5. Юридическая конфликтология / под ред. Н. В. Кудрявцева. М. : РАН. Центр конфликтологических исследований, 1995. С. 43–48.

УДК 316.4.063

К. А. Савилова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СЕТЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ: ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Статья посвящена изучению сетевого пространства и сетевых взаимодействий, особых факторов влияния на него и социальных последствий в условиях социальной напряженности. Акцентировано внимание на причинах появления социальной напряженности и ее особенностях при сетевых взаимодействиях в современных условиях. Представлены выводы по основным результатам исследования, проведенного автором посредством онлайн-опроса.

Ключевые слова: сеть, сетевое пространство, информационное пространство, сетевые взаимодействия, социальная напряженность, комфортная среда, социальная среда.

K. A. Savilova

Irkutsk State University, Irkutsk

NETWORK SPACE IN CONDITIONS OF SOCIAL TENSION: FACTORS OF INFLUENCE, SOCIAL CONSEQUENCES

The article is devoted to the study of the network space and network interactions, special factors influencing it and social consequences in conditions of social tension. Attention is focused on the causes of social tension and its features in network interactions in modern conditions. Conclusions on the main results of the research conducted by the author through an online survey are presented.

Keywords: network, network space, information space, network interactions, social tension, comfortable environment, social environment.

В эпоху цифровизации сетевые структуры распространились на все социальные институты и все сферы жизнедеятельности человека. Серьезное влияние на развитие сетевого пространства оказала пандемия коронавируса COVID-19, повлекшая за собой режим самоизоляции, переход на дистанционные формы работы и обучения, что привело к еще

большему погружению людей в сетевое пространство, а также оказало влияние на социальное самочувствие общества. Все эти факторы привели к росту социальной напряженности, которая в том числе активно проявляется в сетевом пространстве.

Постановка проблемы

Мы живем в эпоху, которая характеризуется такими процессами, как цифровизация, технологизация, информатизация. Современная жизнь неотделима от технологий, которые связаны с развитием сетевых пространств. С помощью цифровых технологий регистрируется жизнь и смерть, браки и разводы, в сетевом пространстве проходит обучение и работа. Вопрос в том, как такая зависимость и «неотделимость» от сетевого пространства на нас сказывается и к чему это может привести? Сетевое информационное пространство стало не просто некой частью социальной реальности, а одним из факторов.

При сетевых взаимодействиях в сетевом информационном пространстве акторы создают некие образы, правила и нормы поведения. Люди создают «новое общество» внутри сетевого пространства, в котором многие проявляют те стороны своей личности, которые в обычном мире проявлять боятся. Сетевое пространство позволяет пользователям в нем скрываться, таким образом люди чувствуют некую вседозволенность, в том числе приводящую к социальной напряженности внутри сетевого пространства, и в нем она может проявляться намного сильнее, нежели в «нашем мире». Данная работа нацелена на выявление факторов возникновения социальной напряженности в сетевом пространстве.

Методология исследования

М. Маклюэн в 1962 г. в связи с развитием электронных средств передачи информации обратил внимание на изменение способа мышления у населения, когда на смену линейному мышлению пришло «мозаичное», а также социальной организации, что дало «импульс» научным исследованиям в сфере социологии культуры [1]. Позднее медиа коммуникации становятся предметом исследования Ж. Бодриера, С. Жижека, П. Вирильо, У. Эко. Тех великих мыслителей, которые вывели исследования виртуальной реальности на новый уровень, они проследили создание и их влияние на социальную реальность [3].

Под сетевым пространством традиционно стали понимать интернет. Предметом междисциплинарных исследований интернет стал с момента своего возникновения. С 80-х гг. прошлого столетия появляются научные работы, целью которых было выявление возможности применения компьютерных сетей в коммуникативных целях. В настоящее время исследователи интернета интересуются такими вопросами, как формы зависимости от интернета, особенности взаимодействия внутри интернета, мотивации и психологические особенности пользователей, правила, регулирующие взаимодействия в интернете. Тема сетевых взаимодействий, сетевых сообществ, а также социализации в сетевом пространстве является сейчас крайне актуальной. Для изучения таких вопросов большое значение имеют концепция информационного общества, представленные в трудах известных ученых, например, Э. Тоффлера, Д. Белла, М. Кастельса, Т. Стоуньера [2]. Большое значение в понимании рассматриваемых процессов имеет значение социологический анализ виртуальной реальности сообществ, который в своих работах изучали С. Томас, Э. Рейд, Г. Рейнгольд и др. Из отечественных ученых, которые внесли достойный вклад в изучение сетевого пространства, следует выделить: И. В. Соколова и К. К. Колина, изучавших социальные аспекты компьютеризации, В. И. Добренькова и А. И. Кравченко, акцентировавших внимание на необходимости создания мультидисциплинарной отрасли в науке.

Методы и методика исследования

В условиях повышенной социальной напряженности необходимо особое внимание уделить сетевому пространству и состоянию социальной среды в сетевом пространстве в условиях угроз различного уровня. В связи с этим в период с 7 по 14 ноября 2020 г. в рамках инициативного исследовательского проекта на базе Социологической лаборато-

рии региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» автором проведено пилотажное социологическое исследование методом онлайн-опроса. Его целью являлось выявление основных факторов влияния сетевого пространства и возможных социальных последствий в условиях социальной напряженности. Социологический опрос имел сплошной характер. В рамках исследования опрошено 150 (100 %) человек. По социально-демографическим характеристикам был составлен портрет респондента. В опросе приняли участие мужчины (43,3 %) и женщины (56,7 %), большая часть респондентов (54,7 %) в возрасте от 19 до 25 лет, в основном проживающие в городской местности (95,3 %), 40 % имеют высшее образование, 38,7 % получают его в данный момент. Большая часть респондентов не женаты (не замужем), а именно 65,3 %.

Анкета включала 26 основных вопросов, дифференцированных на 3 смысловых блока: 1) место сетевых взаимодействий в системе социальных взаимодействий в современных условиях; 2) напряженность и комфортность среды в сетевом пространстве; 3) социальные последствия и перспективы сетевого взаимодействия.

Исследование проведено на платформе www.ianketa.ru. Для анализа данных, полученных в процессе исследования, были использованы программы SPSS Statistics 22.0 и Excel.

Результаты исследования

Место сетевых взаимодействий в системе социальных взаимодействий в современных условиях

Для начала следует определить, что мы понимаем под термином «сетевое пространство». По результатам анализа полученных данных, 43,3 % опрошенных понимают данный термин как «часть глобального информационного пространства, ограниченная рамками коммуникационных сетей», 24,7 % респондентов дали ответ, что это «социокультурное пространство многосторонней коммуникации», для 17,3 % респондентов сетевое пространство означает «информационно-технологическое пространство».

Нельзя не отметить обширность и популярность включений разных субъектов в сетевое пространство, в современных условиях в него вовлечены абсолютно все группы и слои населения. В анкету был включен вопрос, позволяющий выявить факторы, способствующие вовлечению различных групп населения в сетевое пространство. Самым распространенным ответом стала «цифровизация» (46,0 %) опрошенных, вторым по значимости фактором является технологизация (45,5 %), наименее значимыми признаны расширение образов контактов и интеграционные процессы (19,8 % и 22,8 % соответственно). Другими словами, такая распространенность сетевого пространства объясняется популярностью самих технологий и зависимостью общества от них. Сегодня уже невозможно представить жизнь современного человека без таких гаджетов как смартфоны и портативные компьютеры.

Какую часть нашего времени занимает сетевое пространство? Респондентам был задан вопрос «Как много времени Вы проводите в сетевом пространстве (интернете) в день?» (рис. 1). Равное количество респондентов (33,3 %) проводят в сетевом пространстве по 2–4 или 4–6 часов, т. е. тратят на это около четверти своего времени в день. Меньше часа в интернете сидят лишь 5,3 % респондентов, 1–2 часа в нем проводят 12,0 % респондентов. 14,0 % опрошенных тратят на сетевое пространство более 8 часов. Таким образом, в среднем люди проводят в сетевом пространстве около 5 часов, т. е. сетевое пространство занимает большую часть их времени и, следовательно, имеет для них большое значение.

Напряженность и комфортность среды в сетевом пространстве

Вопросы социального самочувствия заботят многих исследователей. В настоящее время это связано с большим количеством угроз разного уровня, одной из которых является пандемия COVID-19. В этой связи возникает вопрос о роли сетевого пространства и его влиянии на социальное самочувствие.

Как показали результаты проведенного исследования, большая часть респондентов (70,6 %) в той или иной степени согласилась с тем, что сетевое пространство является конфликтогенной средой, и абсолютно никто (0,0 %) не дал ответ «нет», что говорит о явлениях напряженности в сетевом пространстве (рис. 2). Респонденты по-разному объясняли свои позиции, в числе которых встречаются такие тезисы, как: 1) «сетевое пространство стирает границы между людьми»; 2) «анонимность в сетевом пространстве создает ощущение вседозволенности»; 3) «отсутствие «фильтрации» информации влечет за собой формирование множества противоречивых и вследствие конфликтных позиций».

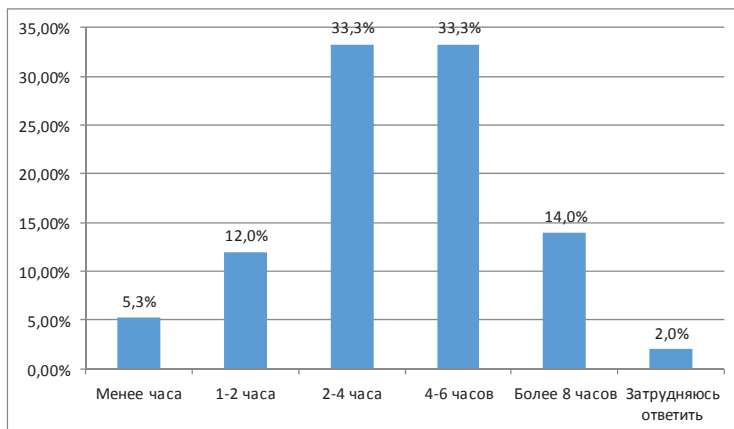

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как много времени Вы проводите в сетевом пространстве (интернете) в день?»

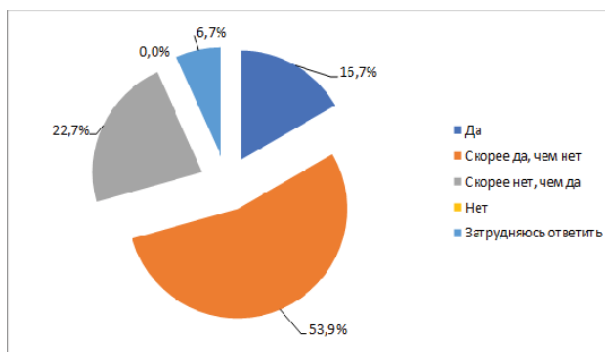

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, сетевое пространство является конфликтогенной средой?»

Респондентам были заданы два вопроса, в первом необходимо было указать факторы формирования положительной среды в сетевом пространстве, во втором – факторы формирования негативной среды. Наиболее важными факторами формирования положительной среды выбраны – высокий уровень культуры (48,4 %) и толерантность (44,0 %). Формированию негативной среды, как обнаружилось, способствуют низкий уровень культуры (44,1 %) и рост социальной напряженности (42,8 %). Мы видим, что прослежи-

вается противоречивость в ответах респондентов, так как одновременно отмечается как высокий, так и низкий уровень культуры сетевого пространства.

Социальные последствия и перспективы сетевого взаимодействия

Представляется, что сетевое пространство пусть и весьма противоречиво и даже уязвимо, но зато очень перспективно, оно открывает множество возможностей, однако многие индивиды «в погоне» за этими возможностями придают сетевому пространству слишком большое значение и даже забывают о внешнем мире. Что касается отношения к людям, зависимым от интернета, почти половина респондентов (48,0 %) ответили «нейтрально», 17,3 % относятся позитивно и 18,0 % – негативно.

Наиболее уязвимыми сферами сетевого пространства респонденты назвали общение (63,6 %), что связано с чувством вседозволенности, скрытым за анонимностью, о котором говорилось ранее. Также выделили образование (41,1 %) и работу (40,5 %). Несмотря на уязвимость, наиболее комфортной средой для коммуникации сетевое пространство является для подростков и молодежи (68,5 % и 76,0 %).

К каким последствиям может привести увеличение проводимого в сетевом пространстве времени? При ответе на такой вопрос, респонденты выделили среди возможных последствий обеднение русского языка (40,6 %) (при сетевом взаимодействии индивиды используют сокращения, пренебрегают правилами, выдумывают новые слова и т. д.), массовизацию сознания (39,2 %) и повышенную утомляемость (39,2 %). В ответ на открытый вопрос касаясь возможных перспектив респонденты выделили развитие образовательной и рабочей деятельности, широкий доступ к товарам и услугам, доступ к продуктам культурной деятельности, научным трудам, расширение круга общения.

Выводы

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что сетевое пространство неотделимо и взаимозависимо от общества, без людей оно не может существовать, но и люди теперь от него не в состоянии отказаться. В сетевом пространстве проходит досуг, отдых, обучение, работа, общение. По результатам проведенного исследования, выявлено, что сетевое пространство для большинства людей означает «часть глобального информационного пространства, ограниченная рамками коммуникационных сетей». Необходимо отметить обширность и универсальность сетевого пространства, в которое на современном этапе вовлечены абсолютно все группы и слои населения. Сетевое пространство также является конфликтогенной средой, вследствие стирания границ между людьми, анонимности в сетевом пространстве и, следовательно, ощущения вседозволенности, а также отсутствия «фильтрации» информации, которое влечет за собой формирование множества противоречивых и вследствие конфликтных позиций.

Таким образом, сетевое пространство по своему содержанию противоречиво, оно открывает множество возможностей, но, с другой стороны, внутри него возникают конфликты и уход от реальности для некоторых индивидов. При разумном использовании технологии и возможностей сетевого пространства социальную напряженность можно регулировать, сводя ее до минимума, как и негативные последствия.

Литература

1. Бондаренко С. В. Виртуальные сетевые сообщества девиантного поведения. М.: АСТ, 2016. 320 с.
2. Войскунский А. Е., Дорохова О. А. Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 69–83.
3. Иванов Д. В. Виртуализация общества // Социология и социальная антропология. СПб., 2000. 180 с.

ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНСЕНСУСА

Рассматривается роль технологии общественно-государственного партнерства как одного из инструментов понижения социальной напряженности в обществе. Определяются основные теоретико-методологические подходы к изучению государства как социальной системы. В результате проведенного исследования определяется место общественно-государственного партнерства как поля взаимодействия власти и гражданского общества. Также выделяются ключевые характеристики общественно-государственного партнерства (на примере Иркутской области).

Ключевые слова: государство, общество, общественно-государственное партнерство, гражданское общество, социальный консенсус, демократия.

S. A. Safonov

Irkutsk State University, Irkutsk

PUBLIC-STATE PARTNERSHIP AS A WAY TO ACHIEVE SOCIAL CONSENSUS

The article examines the role of the technology of public-state partnership as one of the tools for reducing social tension in society. The article defines the main theoretical and methodological approaches to the study of the state as a social system. As a result of the proactive sociological research, the place of public-state partnership is determined as a place of interaction between the authorities and civil society. The key characteristics of public-state partnership are also highlighted (on the example of the Irkutsk region).

Keywords: state, society, public-state partnership, civil society, social consensus, democracy.

За последние десятилетие XX в. в России постепенно сформировались три сектора, характерные для любого демократического общества: государственный, бизнес-сообщество и некоммерческий. Наряду с появлением новых политических структур и усложнением социальной жизни актуализировался вопрос по регулированию социальных отношений в обход государственных организаций. Выражением такого стремления явилось появление различных форм коопераций, моделей местного самоуправления, а также общественных органов, выражающих гражданское мнение по общим вопросам.

Постановка проблемы

Наметившиеся сдвиги в системе взаимодействия органов государственной и местной власти, общественности, бизнес-сообщества, проявляются в первую очередь через технологию общественно-государственного партнерства. В связи с этим возникла потребность в организованном взаимодействии гражданских и государственных структур, продуктом которого должны стать решения по наилучшей организации социальной жизни. В России активно функционирующим общественным органом является Общественная палата РФ и субъектов РФ. Согласно ФЗ от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об Общественной палате Российской Федерации» главной целью Общественной палаты является «...согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, иных некоммерческих организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития...» [2]. Отсюда следует, что Общественная палата призвана стать местом реализации гражданских и общественных инициатив. К сожалению, решения данного органа носят рекомендательный характер, что не является обязательным к исполнению для органов государственной и местной власти.

Э. Гидденс определяет гражданское общество следующим образом: «Сфера общественной жизни, к которой относятся все те сети, свободные ассоциации, типы занятий, организации, клубы и семьи, которые создаются гражданами независимо от государства» [5, с. 305]. Гражданское общество представляет собой поле для выражения активной гражданской позиции и является демократическим оплотом государства. Как мы убеди-

лись выше, потребность в повышении значимости общественно-гражданских органов сегодня ощущается еще острее. Ввиду перманентных социальных кризисов современное общество находится на этапе стагнации. Нарастающие общественные противоречия бросили «вызов» текущей системе управления. Ввиду социальной напряженности, как дестабилизирующего общественного фактора, представляется важным достижение социального консенсуса. Такое положение предоставит необходимый фундамент для дальнейшего развития и функционирования социальной системы. Одним из инструментов по достижению социального консенсуса может являться общественно-государственное партнерство. Признавая важность гражданских инициатив при принятии властных решений, государственные и региональные органы власти основные усилия должны направить на достижение социального консенсуса и социальной стабильности. Необходимость пересмотра роли общественно-гражданских органов подтверждается и важностью данного механизма в структуре взаимодействия граждан с властью.

Методология исследования

Концептуально понятие «государство» оформилось еще в трудах античных мыслителей. Платон, наиболее важный среди политических писателей классической Греции после Аристотеля и наряду с ним анализировал концепцию государства. Наиболее важным представляется диалог «Государство», где философ изложил свой идеальный тип государства. Аристотель определяет термин «государство» как «высшее общение, стремящее к высшему из всех благ» [3, с. 7]. Людей, проживающих внутри государства, философ именует гражданами, т. е. людьми: «...кто участвует в суде и в народном избрании» [3, с. 69].

Следующий виток развития теоретической мысли о становлении и развитии государства можно отметить у философов и социологов эпохи Просвещения. Наиболее выдающимися представителями данной эпохи являются Т. Гоббс [6], Ж. Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье [8]. Если первые являлись теоретиками возникновения государства, то Монтескье же разрабатывал концепцию сосуществования государственных органов, законного ограничения их полномочий, в частности, он предложил идею о разделении властей. Г. Моска отмечал: «Каждая из трех властей должна быть доверена определенному и независимому от других органу, и только благодаря такому разделению можно осуществить режим свободы» [9, с. 196]. Ввиду важности обозначенного тезиса в рамках данной работы, мы должны констатировать большое значение гражданского общества в механизме власти. Имея необходимую гражданскую поддержку и координируя общественные интересы наряду с государственными, политик может проводить реформы наиболее гармонично, с наибольшей пользой для всего общества.

Исследования общественно-государственного партнерства представлены и в современной социологии. Так, например, Расселл Далтон [13] исследует взаимосвязь субъектов в общественно-государственном партнерстве. Установив, что в странах, где низки одни виды участия, наблюдаются тенденция к снижению и других, т. е. виды участия не компенсируются друг другом. В отечественной социологической мысли концепция общественно-государственного партнерства представлена в трудах И. А. Скалабан [11], В. Н. Якимец [12], Т. И. Грабельных [7].

Таким образом, из приведенных выше источников, мы можем сделать ряд выводов. Концепция государства прочно сосуществовала на взаимной выгоде всех субъектов-участников. Обменивая свои права и свободы, граждане получали мощную защиту в лице армии и других государственных органов. Как способ социальной организации, государство на сегодняшний день не имеет аналогов. Наиболее «правильным» политическим режимом для реализации общественно-государственного партнерства является демократия, в основе которой лежит принцип участия всех во власти. Такого рода суждение предполагает опору власти на гражданское общество, с выработанной системой ценностей и стратегией по дальнейшему развитию. В таком свете данный вопрос становится перспективным и для Российской Федерации, где согласно п. 1 ст. 1 Конституции РФ «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство» [1].

Методы и методика исследования

Как уже было отмечено выше, перспективы изучения взаимодействия государственных и общественно-гражданских органов в РФ существуют и сегодня. Индикаторами степени демократичности государства, реализации общественно-гражданских инициатив выступает модель общественно-государственного партнерства.

Для выявления мнений об особенностях российской модели общественно-государственного партнерства в период с 6 ноября по 8 ноября 2020 г. было проведено инициативное социологическое исследование на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ». Среди приоритетных задач исследования было: выявление мнений респондентов об особенностях российской модели общественно-государственного партнерства; фактор влияния общественно-государственного партнерства на социальную напряженность в обществе; определение роли органов государственной, региональной, муниципальной власти и общественно-гражданских структур в процессе общественно-государственного партнерства. Также были выделены смысловые блоки опроса, а именно: 1) что такое социальный консенсус; 2) как социальный консенсус можно реализовать в современных условиях; 3) может ли общественно-государственное партнерство быть одним из инструментов его достижения.

Анкетирование было проведено в формате онлайн-опроса с помощью сайта <http://www.ianketa.ru/>. Всего было опрошено 159 чел. (100,0 %). Респонденту было предложено ответить на 28 вопросов и выбрать наиболее подходящее мнение, выражающее его точку зрения. Статистическая обработка была произведена в программах MS Excel и SPSS Statistics 22.0.

Результаты исследования

Что такое социальный консенсус?

Современное общество живет во времена перманентных социальных бедствий. Одни сменяются другими непрерывно, войны на эпидемии, эпидемии на экономические и политические кризисы. Однако и те и другие, независимо от характера действия, оказывают дестабилизирующее влияние на социальную систему в целом. Отсюда возникает потребность в социальном консенсусе, но является ли он средством преодоления социальных кризисов? Или, достигнув его, социум будет находится в состоянии напряжения. Для выявления мнений относительно данного положения, респондентам был заданы вопросы: «Является ли социальный консенсус, по Вашему мнению, средством преодоления социальных кризисов?» (табл. 1); а также «Укажите основные формы проявления социального консенсуса в современном обществе» (табл. 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Является ли социальный консенсус, по Вашему мнению, средством преодоления социальных кризисов?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, является	33	20,8
2	Скорее да, чем нет	89	56,0
3	Скорее нет, чем да	28	17,6
4	Нет, не является	3	1,9
5	Затрудняюсь ответить	6	3,8
	Всего	159	100,0

Как мы видим из результатов, представленных в табл. 1, определение значимости социального консенсуса как средства преодоления социальных кризисов достаточно высокое. Об этом свидетельствует 56,0 % респондентов отметивших вариант «Скорее да, чем нет». Еще 20,8 % респондентов выбрали исключительно положительный вариант «Да, является». Такое положение говорит нам о важности реализации дополнительных мер по достижению социального консенсуса и его инструментального значения.

Из данных табл. 2 мы можем сделать вывод, что основной формой проявления социального консенсуса в современном обществе является «общественный договор» (14,1 % ответов респондентов). Это говорит о том, что тенденции, обозначенные еще в XVII в., проявляются и сейчас. Еще одной важной формой консенсуса является и «Технология общественно-государственного партнерства» (13,1 % ответов респондентов). Такое положение говорит нам о перспективности изучения данной формы в современных условиях.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Укажите основные формы проявления социального консенсуса в современном российском обществе»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в %
1	Общественный договор	85	14,1
2	Технологии общественно-государственного партнерства	79	13,1
3	Переговоры	63	10,4
4	Компромиссы	60	10,0
5	Соглашение	56	9,3
6	Кооперация	53	8,8
7	Коллегиальные решения	47	7,8
8	Стратегии по комплексному развитию, в том числе национальные проекты	45	7,5
9	Механизмы консолидации	36	6,0
10	Консорциум	32	5,3
11	Сбалансированная политика в накоплении и реализации человеческого капитала	31	5,1
12	Все вышеперечисленное	12	2,0
13	Затрудняюсь ответить	4	0,7
	Всего	603	100,0

Достижим ли социальный консенсус?

Отвечая на поставленный вопрос о достижимости социального консенсуса, абсолютное большинство респондентов (71,1 %) считают, что такого рода соглашение достижимо при определенных условиях (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, достигим ли социальный консенсус в современном российском обществе?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, достигим	19	11,9
2	Достижим, но при определенных условиях	113	71,1
3	Нет, не достигим	20	12,6
4	Затрудняюсь ответить	7	4,4
	Всего	159	100,0

Речь идет о повышении качества жизни, переход от имущественной дифференциации к повышению материального качества жизни, а также о сбалансированной государственной политике. Лишь пятая часть респондентов (12,6 %) высказались о невозможности социального консенсуса в современных российских реалиях (табл. 4).

Относительно потребности достижения социального консенсуса респонденты отметили следующие причины: «Несбалансированная государственная политика» (13,1 % ответов респондентов); «Необходимость в разрешении социальных конфликтов» (13,0 % ответов респондентов); «Потребность в согласованности интересов» (13,0 % ответов респондентов). Как мы можем увидеть, возникает четкая необходимость в диалоге между государством и гражданским обществом. Именно технология общественно-государственного партнерства станет одним из вариантов решения данной проблемы. Вариант ответа

«Углубление расслоения общества, в том числе имущественная дифференциация» набрал 12,6 % ответов респондентов. Решением проблемы социального расслоения общества может являться повышение уровня материального благосостояния населения, путем создания новых рабочих мест, повышения качества социальной среды, созданием комфортных условий жизнедеятельности.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
«В чем Вы видите необходимость достижения социального консенсуса?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в %
1	Несбалансированная государственная политика	79	13,1
2	Необходимость в разрешении социальных конфликтов	78	13,0
3	Потребность в согласованности интересов	78	13,0
4	Углубление расслоения общества, в том числе имущественная дифференциация	76	12,6
5	Разный уровень развития социальных институтов	56	9,3
6	Неодинаковый доступ к общественным благам	46	7,6
7	Отсутствие консолидации в обществе	45	7,5
8	Повышение устойчивости к внешним угрозам	38	6,3
9	Социальная напряженность в обществе	35	5,8
10	Необходимость диалога власти и общества	31	5,1
11	Выработка единой системы общественных ценностей	26	4,3
12	Все вышеперечисленное	1	0,2
	Всего	589	100,0 %

Может ли общественно-государственное партнерство быть одним из инструментов социального консенсуса?

Говоря о инструментах и механизмах достижения социального консенсуса, мы выделили общественно-государственное партнерство, как наиболее действенный. Как мы определили, данная технология предлагает равное партнерство двух субъектов – государства и гражданского общества. Однако остается неясно, кто из данного перечня должен вносить наибольший вклад в развитие и совершенствование данного механизма. Для решения данной проблемы респондентам был задан вопрос «Определите, пожалуйста, кто по Вашему мнению, является основным инициатором развития механизмов общественно-государственного партнерства?» (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Определите, пожалуйста, кто по Вашему мнению, является основным инициатором развития механизмов общественно-государственного партнерства?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в %
1	Органы федеральной власти	89	19,1
2	Органы региональной власти	89	19,1
3	Институты гражданского общества	85	18,2
4	Органы муниципальной власти	83	17,8
5	Институты общественного контроля	42	9,0
6	Само общество	26	5,6
7	Некоммерческие организации (НКО)	23	4,9
8	Бизнес-сообщество	11	2,4
9	Все вышеперечисленное	16	3,4
10	Затрудняюсь ответить	3	0,6
	Всего	467	100,0

Из данных, представленных выше, мы можем констатировать, что главную инициативу по развитию общественно-государственного партнерства должны вносить именно

органы федеральной и местной власти. Варианты «Органы федеральной власти» и «Органы региональной власти» набрали по 19,1 % ответов респондентов соответственно. Однако стоит отметить и вариант «Институты гражданского общества» (18,2 % ответов респондентов). В целом по данному вопросу мы можем заключить, что оба института, как государственная и местная власть, так и общественно-гражданские органы должны быть равными субъектами общественно-государственного партнерства. Ввиду обладания лучшей материально-технической базой, государство должно обеспечивать формирование и продвижение общественных инициатив. В таких условиях получают развитие механизмы существенных взаимосвязей, а именно укрепление каналов «консенсусного» взаимодействия общественно-гражданских организаций с органами местного самоуправления, бизнес-сообществом и другими субъектами государственного развития. Рекомендуемые меры по развитию технологии общественно-государственного партнерства и привлечение наибольшего количества участников и заинтересованных людей представлены ниже (табл. 6).

Таблица 6
Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, какие инструменты могут быть использованы государственной властью по развитию механизмов общественно-государственного партнерства в России»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в %
1	Материальное поощрение общественных инициатив	100	20,0
2	Обеспечение доступности общественного пространства	82	16,4
3	Совместная работа в наблюдательных, координационных, экспертных советах при органах государственной власти	78	15,6
4	Ограничение негативного влияния бюрократизации путем усиленного общественного контроля	72	14,4
5	Привлечение к разработкам социальных проектов и программ	53	10,6
6	Установление благоприятного правового режима	49	9,8
7	Социальное поощрение (разработка наград и статусов)	31	6,2
8	Прозрачность властных структур	18	3,6
9	Все вышеперечисленное	14	2,8
10	Затрудняюсь ответить	3	0,6
	Всего	500	100,0

Как мы отметили выше, приоритетность государственных мер реализации технологии общественно-государственного партнерства обусловлена именно более широкой материально-технической, информационной, ресурсной базой. Среди наиболее перспективных инструментов по популяризации и включению граждан в общественную деятельность, респонденты обозначили «материальное поощрение общественных инициатив» (20,0 % ответов), «обеспечение доступности общественного пространства» (16,4 % ответов), «совместная работа в наблюдательных, координационных, экспертных советах при органах государственной власти» (15,6 % ответов), «ограничение негативного влияния бюрократизации путем усиленного общественного контроля» (14,4 % ответов).

Также важным вопросом-индикатором проведенного социологического исследования было выявление специфики российской модели общественно-государственного партнерства, в частности, реализуемого на территории Иркутской области.

Проанализировав результаты исследования, представленных в табл. 7, мы можем отметить неоднозначное мнение о системе общественно-государственного партнерства в Иркутской области. Так, например, вариант «открытость и доступность для учета потребностей и предпочтений граждан» набрал 28,2 % ответов, тогда как «учитываются лишь те инициативы, поощряющие региональную политику» – 23,9 % ответов респондентов. Необходимо отметить и вариант «вовлечение граждан проходит несистемно и фрагментарно» (20,4 % ответов респондентов). Необходимо констатировать, что в целом

система открыта для общественных инициатив, однако реализация предложенных мер и мероприятий будет произведена лишь тогда, когда они будут являться продолжением или отражением региональной политики. Безусловно, данное положение дел необходимо изменять и сделать властную систему более мобильной.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Каковы особенности механизмов общественно-государственного партнерства при разработке и реализации региональной социально-экономической политики в Иркутской области?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в %
1	Открытость и доступность для учета потребностей и предпочтений граждан	79	28,2
2	Учитываются лишь те инициативы, поощряющие региональную политику	67	23,9
3	Вовлечение граждан проходит несистемно и фрагментарно	57	20,4
4	Система носит формальный характер и не является действенным инструментом реализации общественных инициатив	54	19,3
5	Все вышеперечисленное	14	5,0
6	Затрудняюсь ответить	9	3,2
	Всего	280	100,0

Для наиболее наглядного сравнения положения дел в сфере общественно-государственного партнерства в Иркутской области необходимо провести анализ полученных результатов исследования с результатами, представленными в докладе «О состоянии гражданского общества в Иркутской области» [10]. Среди перечня выводов, особую важность представляют результаты относительно положения дел в сфере общественно-гражданских органов и их взаимодействия с органами местной и государственной власти. Согласно комплексному социологическому исследованию среди особенностей развития общественно-государственного партнерства выделяются: «...неэффективность деятельности существующих институтов гражданского общества, их малочисленность; отсутствие должных социально-правовых механизмов взаимодействия государственной власти, бизнеса и общества: не готовность власти рассматривать общественный сектор как равноправных партнеров в решении проблем области и населения» [10, с. 128]. В целом такая характеристика совпадает и с сегодняшним положением дел. К сожалению, за 12 лет региональной властью не был принят необходимый комплекс мер по включению граждан в общественное пространство. Имея такой вывод, мы можем заключить о недостаточном развитии общественной инфраструктуры для реализации технологий общественно-государственного партнерства в Иркутской области.

Выводы

В результате проведенного исследования подтвердились выводы, полученные в ходе исследования гражданского общества Иркутской области в 2008 г. [10, с. 128] Показательно, что в докладе также были представлены и практические рекомендации по развитию гражданского общества в Иркутской области, а также обозначен их социально-экономический эффект. Дифференцировав смысловые блоки, мы делаем вывод о необходимости усовершенствования существующей технологии общественно-государственного партнерства. Определенно, данная технология может выступать в качестве одного из инструментов достижения социального консенсуса. Однако для его реализации необходим комплекс для повышения качества социальной среды и уровня гражданской активности населения.

Проведенный анализ полученных результатов исследования, а также вторичный анализ данных показал, что современная модель общественно-государственного партнерства в Иркутской области недостаточно эффективна. В современных условиях фор-

мирования и развития гражданского общества в России тенденция на преобладание роли государства в технологии общественно-государственного партнерства сохраняется. Ввиду установленной важности технологии общественно-государственного партнерства как фактора социального консенсуса, органам региональной власти рекомендуется проводить сбалансированную политику, поощряющие общественные и гражданские инициативы. В этой связи представленная модель взаимодействия государства и общественно-гражданских органов является одним из механизмов позитивного взаимодействия принимаемых управленческих решений, учитывающих интересы всех сторон.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993. с изм. одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 15.10.2020).
2. Об Общественной палате Российской Федерации : федер. закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651 (дата обращения: 15.10.2020).
3. Аристотель. Политика / пер. с греч. С. А. Жебелева, Т. А. Миллер. М. : Изд-во АСТ, 2018. 320 с.
4. Вебер М. Власть и политика / пер. с нем. Б. М. Скуратова, А. Ф. Филиппова ; вступ. ст. А. Ф. Филиппова; комм. Т. А. Дмитриева, А. Ф. Филиппова. М. : РИПОЛ классик, 2019. 432 с.
5. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественкой, С. Гавриленко ; под науч. ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 336 с.
6. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Тутерман ; вступ. ст. А. Ф. Филиппов. М. : РИПОЛ классик, 2020. 672 с.
7. Грабельных Т. И., Лесниковская Е. В. Механизмы общественного участия в современной стратегии общественно-государственного партнерства в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2017. № 1(24). С. 25–29.
8. Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. на рус. яз. А. Горнфельда ; вступ. ст. Д. Хаустова. М. : РИПОЛ классик, 2020. 690 с.
9. Моска Г. История политических доктрин / пер. с итал. Е. И. Темнова. М. : Мысль, 2012. 326 с.
10. О состоянии гражданского общества в Иркутской области. 2008 год: Доклад Общественной палаты Иркутской области / Грабельных Т. И., Широкова А. А.; рабочая группа по подготовке Доклада: Головных И. М. [и др.]; исслед. коллектив: Грабельных Т. И. [и др.]. Иркутск : Общественная палата Иркутской области, 2009. 216 с.
11. Скалабан И. А. Участие и общественное участие как социологические категории // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 44–59.
12. Якимец В. И., Никовская Л. И. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // Власть. 2018. Т. 26, № 4. С. 15–25.
13. Russell D. J. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation // Political studies. 2008. 56. P. 76–98.

УДК 005.32

И. М. Силивев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Представлены результаты качественного исследования социального напряжения при реализации антикризисного управления. На основе анализа 27 экспертных интервью, осуществленных при помощи полуструктурированного интервью, проведена систематизация форм и последствий социального напряжения, выявляются перспективы развития социального напряжения как внутри предприятий, так и за его пределами в региональном социуме.

Ключевые слова: социальное напряжение, антикризисное управление, стагнация, развитие, адаптация, бифуркация.

SOCIAL TENSION IN THE IMPLEMENTATION OF ANTI-CRISIS MANAGEMENT

The article presents the results of a qualitative study of social tension in the implementation of anti-crisis management. Based on the analysis of 27 expert interviews carried out with the help of semi-structured interviews, the forms and consequences of social tension are systematized, the prospects for the development of social tension both within enterprises and outside of it in the regional society are identified.

Keywords: social tension, anti-crisis management, stagnation, development, adaptation, bifurcation.

Вопросы антикризисного управления возникают при неэффективной работе предприятия (долгах перед работниками партнерами и контрагентами, неиспользовании всех ресурсов предприятия и т. д.). Впрочем, потребность в антикризисном управлении может возникнуть как результат объективных внешних социально-экономических условий (экономический кризис, пандемия, экологические или террористические бедствия), так и в результате субъективных иррациональных условий, в званых как локальными процессами, так и личностями (непрофессионализм руководителя, изменение равновесия социально-политических ресурсов в результате выборов или иных перетасовок власти и проч.).

В любом случае, антикризисное управление выступает ответом на сложившееся социальное напряжение, которое не позволяет развиваться ни предприятию, ни его сотрудникам. Но достаточно мало изученным вопросом выступает тот момент, что последствия антикризисного управления могут обладать не меньшим, а то и большим социальным напряжением, так как приводят к тому, что сотрудникам надо изменять свое отношение к работе, а порой и выполняемые функции, расти личностно и профессионально; реструктуризация предприятия приводит к сокращению (как правило) штата сотрудников, закрытию или слиянию различных отраслей или сфер деятельности, для оптимизации выживания на коротком промежутке времени, для дальнейшего изменения и системы управления, и системы функционирования. Или же радикальным вариантом антикризисного управления выступает банкротство предприятия, а это также вызывает социальное напряжение у сотрудников, так как они автоматически сокращаются, распродается имущество предприятия и оно ликвидируется как коммерческий или государственный субъект рыночных отношений.

Вопросы социальной аномии и стагнации, общественного напряжения, переходящего в стагнацию или бунт рассматривали классики социологии П. Сорокин, К. Полань, П. Штомпка, З. Бауман и другие. Но все, так или иначе, приходило к тому, что эти периоды и общественные явления являются промежуточными либо к этапу развития, либо к этапу деградации социального устройства.

При анализе происходящих событий, уместно опираться на представления развития иррационального мышления, способного объяснить и увязать между собой любые связи и закономерности, при интерпретации причин и последствий сложившихся явлений (Р. Г. Ардашев [1–3], Р. В. Иванов [7], В. А. Скуденков [9]). Также как и включается более рациональное понимание и объяснение внешнего взаимодействия, через процессы корпоративного развития и взаимодействия (Г. В. Дружинин [4; 5], А. Н. Пружинин [6], О. А. Полошкевич [8]).

Данные размышления стали поводом для изучения социального напряжения при реализации антикризисного управления. Методом исследования стал экспертный опрос, проводимый при помощи полуструктурированного интервью среднего звена руководителей, которые в течение 2019–2020 гг. были введены в круг предприятий с антикризисным управлением. В экспертном опросе приняло участие 27 чел., в возрасте от 35 до 60 лет, 17 мужчин (63 %) и 10 женщин (37 %). Предприятия, до введения антикризисного управления работали от 4 до 20 лет. В их составе от 15 до 450 сотрудников. Оборот компаний за месяц составлял от 2 до 20 млн руб. Антикризисное управление длилось от по-

лугода до двух лет, на момент исследования. Предприятия работают в разных сферах экономики: начиная от производства, заканчивая сферой услуг.

Оценка антикризисного управления, осуществляемая от полугода до двух лет неоднородна. По мнению экспертов, антикризисное управление стало *лучшим, что можно было придумать* (54,5%), стало *худшим, что можно было придумать* (18,2%), *особо ничего не поменялось* (27,3%). Причин тому множество, начиная от личных качеств антикризисного управляющего (зачастую отрицательных) (51,9%), заканчивая невозможностью что-либо поменять либо в организации, либо в регионе, либо в стране (48,1%).

Эксперты, среди важных личных качеств антикризисного управляющего выделяли: стрессоустойчивость, умение находить общий язык с людьми, владение знаниями в бухгалтерии и финансах, владение юридическими вопросами, владение управленческими навыками, проявление волю, уметь выделять важное и второстепенное, таймменеджмент и т. д. Но далеко не все эти черты есть у тех, кто сегодня вовлечен в антикризисное управление. На рисунке представлено сравнение идеального и реального антикризисного управляющего.

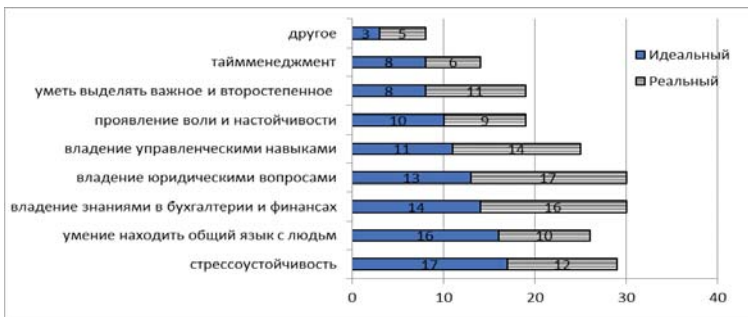

Рис. Сравнение идеального и реального антикризисного управляющего (респонденты по 10-балльной шкале оценивали качества идеального и реального антикризисного управляющего в их компании)

На рисунке видно, что психологические характеристики у реальных антикризисных управляющих в два раза ниже идеальных, тогда как к уровню профессионализма (знаний в области финансов, права, менеджмента) — значительно меньше (отличия между идеальным и реальным управляющим минимальны). Это показывает сферу возникновения социальной напряженности в конкретном коллективе при работе с отдельным предприятием. Когда этот вопрос не снимается, с течением времени и во все новых и новых компаниях — повторяется та же ситуация с проблемами в психологическом контакте или адаптации к стрессу, то нельзя говорить во-первых о профессионализме такого управляющего, и во-вторых о его умении вывести предприятие из кризисной ситуации.

Антикризисный управляющий он как местный Бог – либо карает и разрушает, либо строго наводит порядок и спасает. Это своего рода философия, которая помогает предприятию, людям и стране в любом варианте ее исхода. Не все управляющие имеют достаточно подготовки, и я сейчас говорю не о высшем образовании, а о внутренней готовности – увольнять людей, продавать имущество, переделывать бизнес. В этих процессах, всегда будут недовольные, и они молчать не будут, все нервы вымотают. Поэтому, важно иметь внутренний жир непробиваемости, если его нет, то в ряды авторитетных профессионалов антикризисного управления ему никогда не попасть (О. Л., учредитель строительной компании, 1,5 года в антикризисном управлении).

Приход антикризисника в компанию – это уже бунт, который приведет к революции. Кто-то это понимает сразу, кто-то спустя какое-то время, но все они в преддверии новых порядков могут быть далеко не адекватными в своих мнениях и оценках и

особенно действиях. В этот момент важно суметь противостоять и не поддаваться на провокации. Это не всем удается. Реальность такова, что антикризиснику сегодня достаются первые шишки со всех сторон, если не сможет это принять и переварить, то на долго его не хватит. (Н. А., директор фармацевтической компании, 8 месяцев на антикризисном управлении).

Невозможность что-либо поменять на предприятии, регионе, стране, т. е. внешние факторы – также значима практически для половины экспертов. И среди их ответов значительно больше пессимистичных прогнозов, отрицательной оценки профессионализма и личных качеств антикризисных управляющих, а также возможностей развития для предприятия, отрасли, региона.

Зачастую, приход антикризисного управляющего ставит точку в работе компании. Он доводит до ума, что можно довести, рассчитывается с людьми – и это в идеале, все распродает, раздает долги и ликвидирует предприятие. И порой – это лучшее, что можно сделать. Потому что мы в такой стране живем, что никому не нужны. (С. С., директор промышленного комплекса, 1,2 года на антикризисном управлении).

Государство не дает поддержку для развития сферы услуг, поэтому и загибаются предприятия. Приход антикризисного управляющего – это последний гвоздь в гроб фирмы. И показатель того – что все мы катимся в никуда... (С. А., директор салона красоты, 7 месяцев на антикризисном управлении).

Таким образом, социальное напряжение в компании перед и после прихода антикризисного управляющего является, с одной стороны, отражением внешних неудовлетворительных процессов, происходящих в нашем обществе, с другой стороны, – отражает личностную и профессиональную подготовку антикризисных управляющих. Данные процессы далеко не всегда могут приводить к устраивающему всех результату, но являются оптимальными на конкретный период времени. Социальное напряжение выступает точкой перелома, либо к решению проблем и развитию по-сути нового предприятия, либо к его закрытию.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 255–258.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 58–64.
4. Дружинин Г. В. Корпорация как феномен социальной мобильности личности // Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс : сб. науч. тр. по итогам Первой Всерос. науч.-практ. молодеж. конф. / Институт философии и права УрО РАН. 2019. С. 69–80.
5. Дружинин Г. В. Публичные корпорации как средство стабилизации экономики региона // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 2019. С. 442–446.
6. Дружинин Г. В., Пружинин А. Н. Воспроизводство человеческого капитала в отечественных компаниях // Социология. 2019. № 3. С. 62–70.
7. Иванов Р. В. Смешанная реальность: сущность символического симбиоза // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. С. 114–117.
8. Полошкевич О. А. Право и лидерство в меняющемся мире (развивая теорию М. Вебера) // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. 2020. С. 31–33.
9. Скуденков В. А. Психология недоминантного лидера: трансформация стилей управления // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 1 (9). С. 57–60.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В СИСТЕМЕ РЫНОЧНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ)

Статья демонстрирует актуальность рассмотрения рыночного подхода к оценке человеческой жизни в целом и уровня социального благополучия в частности. Суть подхода заключается в выражении ценности человеческой жизни посредством денежного эквивалента, который будет компенсирован государством или страховыми компаниями пострадавшим в результате гибели/смерти субъекта. Оценка социального благополучия предполагает комплексный подход с учетом как объективных, так и субъективных показателей, которые в силу специфики общества потребления в большей степени приобретают рыночную оценку.

Ключевые слова: стоимость человеческой жизни, социальное благополучие, страхование жизни.

E. S. Solovyeva

Moscow State University, Moscow

HUMAN LIFE AND SOCIAL WELL-BEING IN THE SYSTEM OF MARKET MEASUREMENTS (ON THE EXAMPLE OF LIFE INSURANCE PRACTICE)

The article demonstrates the relevance of the market approach to the assessment of human life in general and level of social well-being in particular. This approach consists of expressing the value of human life through a monetary equivalent, which will be compensated by the state or insurance companies to those affected by the death of the subject. Assessment of social well-being assumes an integrated approach, taking into account both objective and subjective indicators, which due to the specifics of the consumer society, acquire a market assessment to a greater extent.

Keywords: cost of human life, social well-being, life insurance.

Размышления о ценности человеческой жизни не оставляют человека с момента возникновения общества. Однако с каждым переходом общества на новую ступень развития понятие «ценность жизни» модифицируется и дополняется. В настоящее время отсутствие единой системы ценностей общества отражается в различных теоретических взглядах на ценность человеческой жизни. В связи с ростом актуальности определения стоимости человеческой жизни/смерти, люди все чаще обращаются к рынку услуг, представители которых способны рассчитать денежный эквивалент жизни/смерти конкретного клиента. Очевидно, что в силу главенства в современном обществе экономических целей и механизмов, наряду с аксиологическим, существует рыночный подход не только к самой человеческой жизни в целом, но и к оценке качества жизни, социального благополучия.

Одной из характеристик человеческой жизни является социальное благополучие – комплексное понятие, в основе которого лежит система взаимосвязанных элементов, отражающих разные аспекты окружающей человека действительности [5]. Социальное благополучие включает в себя оценку материальных и духовных потребностей общества. В таком случае уровень социального благополучия общества – оценка уровня и качества жизни [1]. Уровень жизни – общее благосостояние населения, которое поддается количественной оценке с помощью статистических методов. Прежде всего он отражает уровень доходов, а также возможность удовлетворения базовых потребностей граждан. Качество жизни – показатель, трудно поддающийся количественному измерению. Сюда входят степень личной и национальной безопасности, уровень политической и экономической свободы и т. д. Таким образом, в настоящее время не существует универсального инструмента оценки уровня социального благополучия. Наряду с объективными оценками, представленными с помощью статистических данных, присутствуют и субъективные оценки граждан, которые последние считают не менее важными, чем объективные показатели оценки качества жизни [4]. Разумеется, нематериальные аспекты жизни человека, включающие в себя удовлетворенность трудом, качеством образования и здравоохранения, степень психологического комфорта не потеряли свою актуальность, но в современ-

ном мире как стандарты потребления, так и жизненные шансы в значительной степени поддаются материальному (денежному) измерению. Модернизация экономики с последующим осознанием ценности человеческих ресурсов и человеческого капитала обусловили необходимость денежной оценки человеческой жизни. Современный человек фатально зависит от уровня своих доходов, вследствие этого у индивидов существует колоссальный страх потери средств к существованию. Крайней формой потери доходов является смерть человека, причем материальный ущерб от смерти трудоспособного человека несут не только члены семьи погибшего/умершего, но и государство в связи с потерей части человеческого капитала. Возрастание роли человеческого капитала в мировой экономике является причиной повышения безопасности человека не только на производстве, но и в быту, вследствие чего государство выделяет значительные средства на нейтрализацию опасных факторов и минимизацию рисков и издержек, а также на возмещение ущерба пострадавшим лицам. Одной из практик, на осуществление которой выделяются такие средства, является практика страхования жизни.

Деятельность по формализации и рационализации управления смертностью в виде практики страхования жизни приобрела актуальность в начале XIX в. Именно в этот период финансовая защита семей превратилась в товар [6]. Таким образом, бизнес учреждений по страхованию жизни состоял в том, чтобы изменить сознание людей и относиться к смерти, в том числе и в терминах денежных отношений. К страховщикам в то время относились неоднозначно: с одной стороны, страхование жизни способствовало легитимации символического использования денег в случае смерти, с другой стороны, рассуждение о жизни и смерти человека с использованием рыночной терминологии считалось кощунственным.

Начиная со второй половины XIX в. общественное отношение к экономической ценности человеческой жизни стало более лояльным. Например, *The United States Insurance Gazette* [7] опубликовала следующее: «жизнь каждого человека имеет не только моральную социальную ценность, но и ценность, которая может быть определена в денежном измерении».

В настоящее время актуальность вопроса о целесообразности обращения к услугам страхования жизни растет стремительными темпами: люди не могут позволить себе терять денежные средства ввиду потери члена семьи, имущества, трудоспособности. В частности, согласно опубликованной ЦБ РФ статистике, в первом полугодии 2018 г. совокупная страховая сумма в России по всем видам страхования превысила 24 777 трлн руб. По словам эксперта и партнера Akteon Strategy Consulting А. Кинякина, причиной роста страхования жизни является «непростая экономическая ситуация в стране, в том числе стимулирующая страхование от потери трудоспособности и несчастных случаев». Именно неуверенность в завтрашнем дне объясняет тот факт, что в 2016 г. в России было заключено 50,7 млн договоров страхования от несчастных случаев и болезней, а по итогам 2017 г. – 59,59 млн контрактов, – финансовых инструментов, гарантирующих стабильное в материальном плане будущее. Если рассмотреть статистику популярности практики страхования по сумме вложенных средств в различных регионах, то первое место занимает Москва (773,226 трлн руб.), на втором – Санкт-Петербург (1,745 трлн руб.), далее Ханты-Мансийск (834,8 млн руб.), Нижегородская область (более 653,2 млн руб.), Свердловская область (540,3 млн руб.). Данные приведены на январь – июнь 2018 г. [9]. Стоит отметить, что в первом полугодии 2019 г. концентрация сегмента страхования жизни продолжала (как и в 2016–2018 гг.) занимать более высокую позицию, чем в среднем по рынку страхования [8].

Совершенствование системы социального страхования позволит решить свойственную России проблему дифференциации разных социальных групп по материальному положению (цифры вышеприведенного рейтинга регионов по сумме страховых выплат подтверждают это) и будет способствовать равномерному накоплению благ для

всех граждан. Господство товарно-денежных отношений сводит все многообразие возможных рисков, определяющих качество жизни человека, к потере трудового дохода. Именно поэтому наибольшую популярность в России приобретает трудовое страхование. Не менее актуальным является страхование от несчастных случаев, техногенных и природных катастроф, что объясняется спецификой климата и риском взаимодействия с различными видами технологий.

Стоит отметить, что система обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в России характеризуется наличием следующих недостатков [2]: неопределенность в лице объекта обязательного социального страхования; применение одностороннего подхода к осуществлению реабилитации пострадавшего; отсутствие баланса доходов и расходов системы; дифференциация установленных страховых тарифов по отраслям экономики; отсутствие/недостаточное количество финансовых средств, направленных на проведение превентивных мероприятий в целях обеспечения предупредительных мер по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний.

Вообще в России сумма страховых выплат в результате ЧС и несчастных случаев может расходиться в разы. Российское интернет-издание Republic, проанализировав суммы выплат (опубликованных в СМИ) пострадавшим и семьям погибших, сделал вывод о том, что размер компенсаций в России в большинстве случаев зависит от политической ситуации в регионе [12]. Заместитель руководителя отдела рейтингов страховых компаний рейтингового агентства «Эксперт РА» Н. Комлева комментирует: «Во всем мире в случае крупных ЧП доля трат страховщиков составляет 30–40 %, в то время как в России только 5–10 %, и государство, выплачивая компенсацию, не стимулирует граждан прибегать к добровольному страхованию» [12]. Член думского Комитета по бюджету и налогам Р. Кармазина говорит о невозможности унификации объема выплат в регионах России: «Мы не можем определить выплаты семьям погибших, каждый субъект сам определяет объем расходов на непредвиденные ситуации. Уравнять выплаты можно лишь со стороны страховых компаний, больше никак» [12]. Депутат ГД В. Позгалев также высказывается об отсутствии единых стандартов выплат пострадавшим и семьям погибших: «Все зависит от размера регионального кошелька и от политического звучания того или иного события» [12]. О зависимости объема выплаты от личности пострадавшего заявляет адвокат И. Трунов: «Вопрос с выплатами безобразный. У нас система выплат идет фактически в ручном режиме, и многое зависит от личности потерпевших. И хотя в законе прописано, что семья застрахованного погибшего имеет право на 2 млн руб., страховые компании не хотят выплачивать всей суммы, занижая их до смехотворных размеров» [12]. Таким образом, система страхования в России значительно отстает от ведущих стран мира: отсутствие равенства и безличности пострадавших, зависимость размера выплат от статуса региона или популярности события в СМИ, отсутствие четких критериев выплат в результате несистемной работы страховых компаний. Решение проблемы неравенства сумм компенсаций может гарантировать только личное страхование, однако, как выяснил Republic, средняя стоимость ежегодного полиса страхования от несчастных случаев на 2 млн руб. составляет в среднем 18 тыс. в год [12]. Учитывая колоссальную дифференциацию доходов по стране, большая часть россиян не сможет позволить себе подобную роскошь. Отсюда, цена человеческой жизни и уровень социального благополучия в РФ значительно ниже по сравнению с экономически эффективными государствами не только из-за относительно низкой доли ВВП, но и из-за символического деления людей на «ценных» и «бесполезных».

В связи с ростом актуальности проблемы стоимости человеческой жизни и, в частности, объема компенсационных выплат, проводятся социологические исследования по определению достойной стоимости жизни человека и конференции по предложениям совершенствования системы страхования в России. Так, в сентябре 2018 г. в Федеральной

палате адвокатов состоялся круглый стол на тему «Сколько стоит в России человеческая жизнь? Теория, практика, возможные решения» [11]. А. Рагулин, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского НИИ проблем права, выявил несоответствие между объемом выплат, зафиксированных в нормативно-правовых актах РФ и суммой, установленной в результате исследования, проведенного Финансовым университетом при Правительстве РФ (39 млн руб.) [10]. Законодательно стоимость человеческой жизни составляет: 3 191 930 руб. (1 041 930 руб. (компенсация от правительств Москвы) + 2 млн руб. (ФЗ от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ) + 150 тыс. руб. (компенсация морального вреда)). Эти цифры в 12 раз ниже суммы, предложенной в качестве совершенной Департаментом социологии Финансового университета. В рамках круглого стола также обсуждалась проблема определения суммы выплат, связанных с причинением морального ущерба. Эксперты говорят, что «критерии разумности и справедливости, заложенные в ГК РФ как условия определения размера компенсации морального вреда (ст. 1101 ГК РФ), не отвечают потребностям истцов ввиду чрезмерной абстрактности и неопределенности». Таким образом, снова встает проблема отсутствия универсальной методики определения цены жизни и объективной оценки социального благополучия.

Анализ системы социального страхования в странах, где социально-экономическая сфера в большей степени контролируется государством (Бельгия, Дания, Испания, Швеция) позволил сделать вывод о высоте их рейтингов по индексу развития человеческого капитала. Страны с развитой эффективной экономикой практикуют социальное страхование, объем средств которого превышает ассигнования государственного бюджета в 2 раза, а поступления на дополнительную защиту – в 3 раза. В странах с прогрессивной шкалой налогообложения отчисления на социальное страхование составляют от 24 % в Великобритании до 55 % в Италии и Нидерландах [3].

Приведем конкретные примеры терактов, произошедших в России и США и сравним объемы компенсаций, выплаченных пострадавшим. Компенсации пострадавшим в результате террористических актов 11 сентября 2001 г. составили 2 млн долларов, а выплаты семьям погибших после теракта на Дубровке не превысили 327 тыс. руб. [12].

Таким образом, отношение к ценности человеческой жизни через расчет ее стоимости путем выплаты страховых компенсаций в разных государствах неоднородно. Основанием различий являются эффективность экономики, действенность системы страховых выплат, степень дифференциации доходов населения. Все больше людей добровольно страхуют свою жизнь, и в парадигме рыночных отношений уже нет морального осуждения подобных действий.

Рыночный подход предполагает разработку и применение методов, определяющих стоимость человеческой жизни в денежном эквиваленте. Их основанием являются следующие критерии: среднедушевой пожизненный доход, средний ВВП на душу населения, общественные издержки на воспроизводство человека, баланс накопленных и потребленных человеком материальных благ и услуг. Активность индивидов в отношении определения стоимостной оценки собственной текущей жизни (т.е. личного страхования) продолжает увеличиваться. Эта тенденция связана как с финансовой неуверенностью человека в завтрашнем дне, так и с недоверием к государству в плане обеспечения последним граждан безопасностью должного качества. Что касается затрат, связанных с прекращением жизни (страховые выплаты), то их величина зависит от качества конкретного исследуемого индивида. Данная проблема только усугубляет уже принимающее крайнюю степень глобальное социальное неравенство, а также провоцирует переход к новой стадии общества, характеризующегося ослаблением социальных связей и качества жизни и, как следствие, сниженным уровнем социального благополучия.

Литература

1. Бархатов В. И., Капкаев Ю. Ш., Лешина В. В. Социально-экономические факторы благополучия граждан // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. С. 610–611.
2. Бурдыгина Е. А. Оптимизация системы обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 8. С. 167–170.
3. Вознюк Г. А. Социальное страхование работников промышленного предприятия как фактор повышения качества жизни : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2009. 23 с.
4. Гоффе Н. В., Монусова Г. А. Социальное благополучие: восприятие реалий // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 3. С. 21–36.
5. Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Ригель А. М. Объективное и субъективное благополучие: два подхода к исследуемой теме // Вопросы психологии. 2016. № 5. С. 3–14.
6. Зелизер В. Человеческие ценности и рынок: страхование жизни и смерть в Америке XIX века (перевод Е. С. Бердышевой) // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 2. С. 54–72.
7. The United States Insurance Gazette 1868. May: 2
8. Национальное рейтинговое агентство. URL: <https://www.ra-national.ru> (дата обращения: 31.10.2020).
9. Россияне стали чаще страховать свою жизнь и здоровье // Комсомольская правда. URL: <https://www.bel.kp.ru/daily/26887/3931524> (дата обращения: 29.10.2020).
10. Ставка меньше, чем жизнь // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2016/01/27/zhizn.html> (дата обращения: 30.10.2020).
11. Участники круглого стола в ФПА обсудили «стоимость» человеческой жизни в России // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/uchastniki-kruglogo-stola-v-fpa-obsudili-stoimost-chelovecheskoy-zhizni-v-rossii> (дата обращения: 29.10.2020).
12. Цена жизни. Как власти платят компенсации за смерть. URL: <https://republic.ru/posts/32646> (дата обращения: 27.10.2020).

УДК 330.341:314.17

Н. В. Фирсова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА, РЫНОК ТРУДА И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Рассматриваются основания для поиска эффективной модели управления организацией, персоналом и процессами. Отмечается, что необходимо двигаться дальше, предоставив компании возможность перспективного развития. Статья обобщает результаты небольшого исследования, целью которого является изучение степени готовности сотрудников компаний работать в бирюзовой организации на примере компании «ДекАрт» в сегменте розничной торговли.

Ключевые слова: социальная напряженность, компании, бирюзовые организации, сотрудники.

N. V. Firsova

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL SPHERE, LABOR MARKET AND MIGRATION PROCESSES IN THE CONDITIONS OF SOCIAL TENSION

In moments of social tension in the labor market, it is important to find an effective model for managing the organization, personnel and processes. It is necessary to move on, giving the company the opportunity to develop and move on. This article summarizes the results of a small study, the purpose of which is to study the degree of willingness of companies to work on the model of turquoise organizations using the example of «DekArt» in the retail segment.

Keywords: social tension, companies, turquoise organizations, personnel.

Социальная напряженность во многом обусловлена экономическими проблемами: растущей безработицей, расслоением людей по уровню доходов, нестабильностью различных аспектов, влияющих на успешность бизнеса, особенно в малом и среднем сегментах, слабая экономическая ситуация в регионе, высокий уровень неформальной занятости, неудовлетворительными условиями труда. В моменты социальной напряженности на рынке труда перед многими компаниями стоят задачи в необходимости перестройки своей модели менеджмента, переходу на новые формы работы с персоналом, гибкой адаптации различных бизнес-процессов к новой реальности. Готовясь к новым вызовам,

большинство сталкивается с проблемами, которые нужно решать на этапе изменений: не все сотрудники готовы гибко и быстро перестроиться, не каждый руководитель готов к новым экспериментам и рискам.

Компанию может преследовать ряд угроз и рисков: растущая текучесть кадров, внутренние конфликты, негативное влияние внешних факторов (кризис, демографические потрясения, уменьшение числа экономически активного населения). На рынке труда сотрудники могут столкнуться с неизвестностью и неоднозначностью под влиянием внешней, непредсказуемой среды [3].

Переход к бирюзовой модели организации может стать решением в моменты социальной напряженности – это кардинальная трансформация, вызов, к которому не всегда бывают готовы сотрудники и руководители в силу ее новизны. В России данная модель только начинает изучаться детально, аппарат управления делает первые шаги в данном направлении, а тенденция к использованию принципов данного типа организации набирает обороты.

В данном случае важно, чтобы компания полностью понимала принципы и особые свойства и принимала ценности данной модели. В данной модели есть свои уникальные черты: компания строится на сотрудничестве, а не на линейном подчинении одного звена другому, каждый сотрудник может заниматься несколькими задачами, не относящимися к его прямым обязанностям. Нет жесткого менеджмента и контролирующего органа, вместо этого существует сплоченная команда из активных участников, которые могут примерять на себя разные роли. Компания в стиле самоуправления не всегда находит отклик в лице руководителей, однако принцип саморегулируемости говорит о поощрении инициативности и более интересных задачах для участников команды. Свойства бирюзовой модели не являются панацеей от всех проблем в организации, однако у нее есть ряд отличительных преимуществ, которые помогут снизить напряженность внутри организации, упростить некоторые процессы за счет принципов целостности, самоуправления и эволюционной цели [2].

Данная модель реализуется в разных сферах и сегментах, для ее имплементации в компанию, важно лишь одно условие – принятие всеми членами организации ее принципов и ценностей. Автором статьи было проведено исследование в компании «ДекАрт» [1], с целью изучения степени готовности сотрудников к переходу на бирюзовую модель управления. В исследовании приняло участие 69 сотрудников (81 % от всего количества работников организации). Данный опрос состоит из 6 блоков, включающих «Командный подход», «Лидерство», «Мотивацию», «Организацию деятельности и дизайн работы», «Организационные коммуникации и конфликты» и «Стратегию развития». Задачей сотрудников было ответить на 60 вопросов согласием или несогласием с определенными утверждениями по 10-балльной шкале, где «1» – совсем не соответствует вашему представлению о работе в компании, «10» – соответствует максимально вашему представлению о работе в организации. Согласно полученным данным (рис.), было выявлено, что большинство сотрудников, а также, руководство готовы перейти к модели бирюзового типа.

Максимальный балл «9» в опросе получили блоки: «Мотивация, лояльность и вовлеченность», «Организационные коммуникации» и «Самоорганизация и дизайн работ». Работники согласны с утверждениями о том, что они являются главной ценностью компании и могут реализовывать свой потенциал, имеют возможность заниматься теми заданиями, которые соответствуют их компетенциям. Анализ опроса готовности персонала компании показал, что сотрудники всецело принимают ценности бирюзовой организации. Однако 25 % (17 сотрудников из 69) не готовы работать в компании с моделью бирюзового управления и не согласны с утверждениями о наличии постоянного развития в компании, возможности стать лидером при реализации какого-либо проекта. Следует отметить, что существуют блоки («Лидерство», «Стратегия развития», «Командный подход»), вопросы по которым получили более низкие баллы (в среднем, «7–8» баллов) от всех категорий сотрудников, что свидетельствует об отсутствии понимания таких аспектов, как:

«возможность проявлять себя лидером», «принятие самостоятельных решений в больших проектах», «доступность и прозрачность финансового положения компании», «обсуждение инвестирования и распределения финансовых ресурсов компании с сотрудниками».

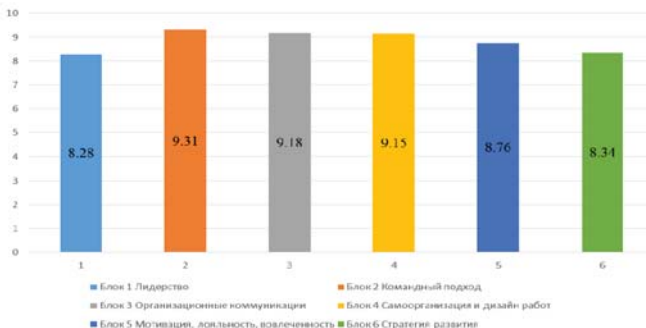

Рис. Диаграмма средних значений по блокам в компании «ДекАрт»

Проанализировав данные опроса сотрудников компании «ДекАрт», результаты свидетельствуют о достаточно высоком уровне готовности сотрудников принимать ценности бирюзовой организации и работать с применением данных принципов модели управления. Большинство сотрудников – 75 % (52 сотрудника из 69) готовы работать в бирюзовой организации, их ответы были в пределах от «8» до «10» баллов. Наиболее значимые аспекты для персонала заключаются в грамотно выстроенном процессе коммуникации и эффективная система мотивации.

Таким образом, несмотря на скепсис и недоверие к появлению новых моделей управления, компании начинают задумываться об изменениях, смене концепции и организации процессов, изменяя ценности на более актуальные для сегодняшней реальности, стремятся менять вектор развития в сторону «бирюзовости». Бирюзовые организации как элемент устранения напряженности на рынке труда, становится отправной точкой на пути к улучшению компании и повышению имиджа.

Литература

1. ДекАрт – студия отделочных материалов. URL: <https://2gis.ru/irkutsk/firm/> (дата обращения: 30.09.2020).
2. Лалу Ф. Открывая организации будущего : пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 528 с.
3. Холакратия // Научно-популярный журнал по вопросам управления бизнесом Harvard Business Review. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/p26201> (дата обращения: 30.09.2020).

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ КОМФОРТНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ РОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ В ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Рассматриваются проблемы формирования комфортной среды для рождения детей в городской и сельской местности в России в условиях социальной нестабильности. Выявлена взаимосвязь между понятием «качество жизни» и «комфортная среда». Приведены результаты социологического исследования, которые отражают позитивные и негативные факторы внешней и внутренней среды, влияющие на рождаемость в современных условиях. Одним из главных факторов, влияющих на комфортность семьи, является социальная нестабильность. По результатам исследования отражены основные социальные различия городской и сельской местности Иркутской области: экономические, медицинские, образовательные, культурные, экологические. Выделены основные угрозы и вызовы, с которыми семья сталкивается в современных нестабильных условиях, а также при рождении детей. Предложены современные пути выхода из сложной социально-демографической ситуации.

Ключевые слова: комфортная среда, семья, рождаемость, территориальные особенности, город, село, угрозы, вызовы, риски, социальная нестабильность, государственная семейная политика.

D. S. Sharafeeva

Irkutsk State University, Irkutsk

PROBLEMS OF CREATING A COMFORTABLE ENVIRONMENT FOR THE BIRTH OF CHILDREN IN URBAN AND RURAL AREAS IN RUSSIA IN CONDITIONS OF SOCIAL INSTABILITY

This article examines the problems of creating a comfortable environment for the birth of children in urban and rural areas in Russia in conditions of social instability. The relationship between the concept of “quality of life” and “comfortable environment” is revealed. The results of sociological research, which reflect the positive and negative factors of the external and internal environment, affecting the birth rate in modern conditions are presented. Social instability is one of the main factors affecting family comfort. According to the results of the study, the work reflects the social differences between urban and rural areas of the Irkutsk region. These differences are socio-economic, medical, educational, cultural, environmental. The main threats and challenges that the family faces in modern unstable conditions, as well as at the birth of children, are highlighted. Modern ways of getting out of the difficult socio-demographic situation are proposed.

Keywords: comfortable environment, family, fertility, territorial features, city, village, threats, challenges, risks, social instability, state family policy.

Понятие комфортной среды представляет собой категорию, которая определяется множеством факторов, среди которых социальные, экономические, медицинские, жилищные, экологические факторы и другие. В современных нестабильных условиях семья сталкивается с огромным количеством проблем: пандемия новой коронавирусной инфекции, высокий уровень внешних политических угроз, отсутствие социальной защищенности, риск бедности, отсутствие рабочих мест и др. Данные проблемы не позволяют назвать жизнь семьи в современных условиях комфортной.

Постановка проблемы

Во все времена общество переживает различные проблемы, среди которых особое место занимает уровень и качество жизни семьи. В последнее время актуализируются вопросы, связанные с созданием комфортных условий для жизнедеятельности семьи. Основной гипотезой мы выдвинули предположение о том, что на семью серьезное влияние оказывают современные нестабильные условия, которые приводят к различным проблемам ее функционирования. Проблема заключается в том, как в нестабильных условиях вызовов и угроз, обеспечить комфортность среды для рождения детей. Функционирование семьи связано с рядом опасностей и рисков, среди которых – детская беспризорность и безнадзорность, безработица родителей, преступность, наркомания и алкоголизм, социальное сиротство и т. п. Как отмечает отечественный исследователь

Т. И. Грабельных, «... в условиях турбулентности и социальной нестабильности образуются новые очаги угроз, вызовов и рисков, порождая и усиливая кризисные явления» [2]. Особый смысл в этих условиях приобретает безопасность, которая выражается в защищенности от внешних опасностей и угроз, борьбе с преступностью и насилием, а также защите от экономических, экологических, информационных и прочих угроз и рисков.

Социальная стабильность выступает своего рода идеалом общественного развития, особенно это касается современной ситуации, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции. Родительские сообщества отражают реальную потребность в преодолении проблем, с которыми семья сталкивается на разных этапах жизненного цикла. Решение задач по повышению качества жизни семьи видится в создании благоприятных условий, профилактике семейной неблагополучия, социальной реабилитации семей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, комплексной поддержке семей на всех этапах ее жизнедеятельности.

Методология исследования

В современном обществе все большую актуальность приобретают вопросы семьи и демографии. Методологические основы семьи и семейно-брачных отношений представлены классическими теориями мировых ученых, среди которых Э. Дюркгейм [8], П. Сорокин [15] Ф. Энгельс [17] и др. Современные концепции семьи и семейной политики, разработанные российскими учеными, такими как А. И. Антонов [1], И. С. Голод [5], Т. А. Гурко [7] В. М. Медков [1], А. Г. Харчев [16], расширяют представления о государственной семейной политике. В своих трудах исследователи указывают на необходимость управления демографическими процессами со стороны государства [20]. В. П. Беляев [3], В. Н. Протасова [12], Ю. А. Соколова [3] в диссертационных исследованиях и научных публикациях рассматривают особенности демографической функции государства. В социологических исследованиях В. А. Борисова [4], А. В. Носковой [11], А. Б. Синельникова [4] раскрывается социально-психологический механизм уменьшения среднего числа детей в семье. В. Н. Архангельский, Ю. В. Зинькина, А. В. Коротаев, С. Г. Шульгин [2] раскрывают современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки.

Работы Р. Могилевского [10], Р. Рывкиной [13], Ю. Саенко [14], посвящены вопросам образа и качества жизни, которые связывают их с совокупностью экономических, политических и духовных условий. В свою очередь Е. А. Истомина обращается к вопросам социальных рисков [9]. Зарубежные исследователи К. Дэвис и Дж. Блейк предложили модель «промежуточных переменных», через которые «должны действовать социальные факторы, оказывающие влияние на уровень рождаемости» [18]. Дж. ДиФрейн изучал проблематику детства, юношества и семьи с позиций макро- и микросоциологического подхода [19].

Таким образом, несмотря на достаточную разработанность проблемы, меры государственной демографической политики оказывают недостаточное воздействие, в первую очередь, следует отметить их неспособность привести к значимым изменениям уровня жизни семьи. Основной целью семейно-демографической политики государства должно стать улучшение комфортной среды для рождения детей, что окажет влияние на изменение уровня рождаемости. Опираясь на позиции разработчиков в данной сфере, нами был выработан междисциплинарный подход в изучении понятий качества жизни и комфортной среды, которые входят в область исследования социологии семьи, социологии города, социологии села, а также демографии.

Методы и методики исследования

С целью выявления уровня сформированности комфортной среды для рождения детей в городской и сельской местности в Иркутской области, в период с 28 октября по 4 ноября 2020 г. было проведено пилотажное исследование методом онлайн-опроса на

базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ».

Социологический опрос имел сплошной характер, всего в исследовании приняло участие 150 респондентов (100 %). В исследовании приняли участие 62,0 % женщин и 38,0 % мужчин. Возрастная категория от 18 до 24 лет составляет 23,3 % респондентов, 24,0 % респондентов в возрасте от 25 до 34 лет, в возрасте от 35 до 44 лет 22,7 % респондентов, от 45 до 54 – 18,0 % респондентов. Респондентов в возрасте от 55 и старше 12,0 %. Большинство респондентов имеют среднее специальное образование (45,3 %). Большинство респондентов (а именно 69,3 %) состоят в браке. 70,7 % респондентов имеют детей. По количеству детей в семье: 28,0 % респондентов не имеют детей, один ребенок у 30,7 % респондентов, двое детей у 34,7 % респондентов, многодетных респондентов всего 6,7 %. По социальному статусу анкетлируемые распределились следующим образом: работающие – 63,3 %, учащиеся – 14,0 %, пенсионеры – 13,3 %, безработные – 4,7 %, в декретном отпуске – 4,7 % респондентов. Большая часть респондентов проживают в собственных домах (30,7 %) и квартирах без обременения прав (26,0 %). Постоянная местность проживания большинства респондентов (61,3 %) – городская местность, сельская местность является постоянным местом проживания для 38,7 % респондентов.

Опрос проводился по специально разработанной анкете и включал три смысловых блока. Первый блок был направлен на выяснение комфортности городской и сельской среды Иркутской области для рождения детей, а также на выявление различий в условиях комфортной среды. Второй блок составляют основные угрозы и вызовы, с которыми семья сталкивается в современных нестабильных условиях: тенденции, причины, факторы. Третий блок – оценка эффективности современной демографической политики в отношении повышения рождаемости. Исследование проводилось на платформе iAnketa.ru. Статистическая обработка данных была проведена с помощью программ Microsoft Office Excel и IBM SPSS Statistics 22.0.

Результаты исследования

Городская и сельская местность Иркутской области как комфортная среда для рождения детей: различия в условиях ее обеспечения

В настоящее время реализуются новые направления государственной социальной политики в аспекте повышения статуса института семьи, при этом выделяется городская и сельская семья. Несмотря на то что реализуются стратегии, принимаются национальные проекты, устанавливаются законы в отношении городской и сельской семьи, различия между ними сохраняются. В связи с этим необходимо было выяснить, с какими различиями сталкиваются семьи городской и сельской местности в Иркутской области и комфортна ли эта среда для рождения детей в современных нестабильных условиях.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос, относительно того, что собой представляет комфортная среда для рождения детей. Большинство респондентов (а именно 82,0 %) отметили, что в их понимании комфортная среда для рождения детей – это благоприятная среда, обусловленная социальными, экономическими, медицинскими, жилищными, экологическими и другими факторами. При этом к наиболее благоприятным регионам для рождения детей респонденты отнесли Краснодар и Краснодарский край (26,5 %), Москву и Московскую область (22,7 %), Новосибирск и Новосибирскую область (22,7 %), Санкт-Петербург и Ленинградскую область (11,9 %). Что касается Иркутской области, то большинство респондентов указало на то, что регион не относится к благоприятным для рождения детей. Однако 87,3 % респондентов отметили, что городская среда Иркутской области частично комфортна для рождения детей. Немного менее (83,3 %), указали на частичную комфортность сельской местности.

Большинство респондентов (62,0 %) видят значительные различия в условиях комфортной среды для рождения детей в городской и сельской местности. Существенные

различия прослеживают 30,7 % респондентов. Эти различия, по мнению сельского населения проявляются в большей степени в трудоустройстве и занятости населения (74,1 %), в качестве и доступности медицинских услуг (22,4 %), в доступе к государственным услугам (17,2 %), а также в наличии образовательных возможностей, доступе учреждений дополнительного образования (15,5 %), доступе к культурным учреждениям (13,8 %) (табл.).

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Если такие различия видятся респондентом, то в чем конкретно они проявляются, по Вашему мнению» в зависимости от местности проживания респондента, в %

№ п/п	Варианты ответа	Местность проживания					
		Городская		Сельская		Всего	
		Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %
1	В трудоустройстве и занятости населения	8	6,3	13	11,4	21	8,7
2	В состоянии здравоохранения, в качестве и доступности медицинских услуг	8	6,3	10	8,8	18	7,5
3	В доступе к государственным услугам	6	4,7	9	7,9	15	6,2
4	В наличии образовательных возможностей, доступе учреждений дополнительного образования	6	4,7	8	7,0	14	5,8
5	В доступе к культурным учреждениям	5	3,9	5	4,4	10	4,1
6	В разрешении проблем молодежи	2	1,6	8	7,0	10	4,1
7	В решении жилищных проблем	5	3,9	3	2,6	8	3,3
8	В проведении досуга	1	0,8	5	4,4	6	2,5
9	В доступе к достижениям научно-технологического прогресса	1	0,8	5	4,4	6	2,5
10	В качестве связи	2	1,6	2	1,8	4	1,7
11	В качестве инженерных коммуникаций	0	0,0	1	0,9	1	0,4
12	Все вышеперечисленные	76	59,8	43	37,7	119	49,4
13	Другое	3	2,4	0	0,0	3	1,2
14	Загруженность ответить	4	3,1	2	1,8	6	2,5
	Всего	127	100,0	114	100,0	241	100,0 %

Анализ данных свидетельствует о том, что городская среда более комфортабельна в плане рождения детей, поскольку предоставляет больше возможностей, уровень жизни в городе выше. А также это объясняется отсутствием на селе рабочих мест, развитой инфраструктуры, низким уровнем доступности к различным услугам – медицинским, государственным, образовательным и культурным.

Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод, что различия в условиях комфортной среды для рождения детей в городской и сельской местности есть и они существенные. Как городские, так и сельские семьи испытывают острые проблемы, для решения которых необходима комплексная работа, направленная на повышение качества жизни семьи.

Основные угрозы и вызовы, с которыми сталкивается семья в современных нестабильных условиях: тенденции, причины, факторы

Стратегия исследования предполагала сделать упор на выявлении угроз и вызовов, с которыми семья сталкивается в современных нестабильных условиях. Анализ данных показал, что такими угрозами и вызовами является отсутствие рабочих мест, риск бедности, социальные болезни (алкоголизация населения, наркомания и т. д.), пандемия коронавирусной инфекции, отсутствие социальной защищенности, недостаточно эффективная социальная политика, высокий уровень внешних политических угроз, снижение уровня духовности населения, ухудшение экологии, несоответствие социальной сферы новым требованиям по созданию и развитию человеческого потенциала (48,8 % ответов на уровне «все вышеперечисленные»).

Отдельно был задан вопрос об угрозах и вызовах при рождении детей (рис.).

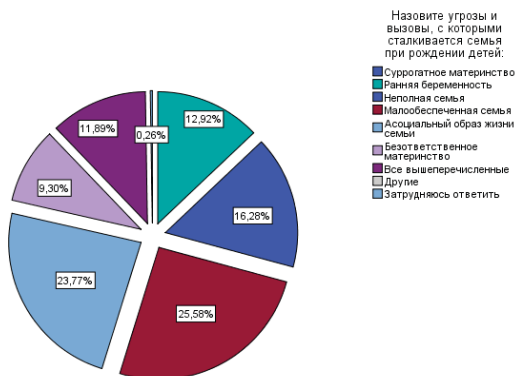

Рис. Распределение ответов на вопрос: «С какими угрозами и вызовами сталкивается семья при рождении детей?»

Результаты исследования показали, что среди этих угроз и вызовов выделяется малообеспеченная семья (25,6 %), асоциальный образ жизни семьи (23,8 %), неполная семья (16,3 %), ранняя беременность (12,9 %), безответственное материнство (9,3 %). Обратимся к анализу наиболее значимых современных факторов риска развития детства. Весьма важным фактором риска развития детства выступает качество и уровень жизни семьи. Семья должна обладать определенными материальными ресурсами, жилищными условиями, чтобы обеспечить потребности ребенка. Малоимущая семья не имеет возможности обеспечить ребенку предоставление необходимых условий для нормального развития. Не менее значимой составляющей уровня жизни семей с детьми является гарантия трудовой занятости родителей.

Высокий уровень разводимости супругов и рост неполных семей приводят к тому, что развитие детей в неполных семьях подвержено ряду существенных рисков, появляются и нарастают трудности материального характера. Состояние здоровья как фактор, определяющий риски детства, связан со здоровьем женщин-рожениц. Неблагоприятная тенденция наблюдается также по численности детей-инвалидов. Рождение детей напрямую зависит от качества питания, жилищных условий и экологии среды обитания, медицинских технологий. В качестве еще одного фактора риска детства выступает такой неблагоприятный показатель, как высокий уровень младенческой смертности. Если говорить о смертности детей от неестественных причин можно предположить в этом случае низкий родительский контроль над детьми, а также безответственное родительство. Важным условием преодоления риска в развитии детства является выработка правильного поведения со стороны органов власти разного уровня при возникновении неблагоприятной ситуации (оперативности, гласности, уменьшении степени воздействия риска, профилактических мероприятий, направленных на выявление неблагополучных семей, реальная помощь). В свою очередь, сама семья должна быть открыта для принятия помощи. Поскольку семья является основным субъектом воспитания детей, необходима работа с родителями по формированию у них понимания опасных ситуаций в отношении детства и ответственного отношения к возникающим рискам.

В ходе исследования был задан вопрос «Как Вы считаете, рождение ребенка – это, в первую очередь, моральное желание родителей иметь детей?». Большинство респондентов (а именно 88,7 %) считают, что рождение ребенка – это, в первую очередь, моральное желание родителей иметь детей. Можно отметить, что, если при рождении первого ребенка преобладают такие мотивы, как желание иметь ребенка от любимого человека

(23,4 %), любовь к детям (23,4 %), желание продолжить род (20,6 %), при этом возможность получить материальную помощь от государства составляет всего 4,8 %. Мотивы рождения второго и последующих детей несколько иные: желание иметь большую, многодетную семью (23,0 %), желание, чтобы первый ребенок не чувствовал себя одиноким (17,5 %), возможность получить, улучшить жилищные условия с помощью мер государственной поддержки (17,1 %). Таким образом, очевидно, что стимулирующим фактором для рождения второго и последующего ребенка является жилищный фактор.

Среди тенденций, которые наиболее четко прослеживаются в России на сегодняшний день, респонденты указали рост семей, относящихся к маргинальным группам населения (13,4 %), рост числа детей, лишенных родительского попечения (13,4 %), в сельских поселениях рождаемость несколько выше, чем в городах (11,8 %), малодетность (1–2 ребенка) (11,0 %), высокий показатель разводов и неполных семей (9,9 %), насилие в отношении членов семьи (9,1 %). Выявленные тенденции соответствуют тем, которые были выдвинуты отечественными авторами [2].

Причины, сдерживающие рождаемость: низкие доходы (финансовая неустроенность) (что составляет 14,1 %), отсутствие жилищных условий (13,4 %), нет уверенности в завтрашнем дне (10,9 %), неуверенность в возможности обеспечить будущему ребенку необходимое образование, медицинскую помощь и просто приемлемый уровень жизни (8,5 %), проблемы с устройством детей в дошкольные учреждения (4,6 %), распространение внесемейных ориентаций и ценностей индивидуализма (3,5 %), проблемы со здоровьем супругов (3,2 %), трудности в уходе за ребенком (2,5 %), снижение конкурентоспособности женщины на рынке труда или необходимость отказа от профессиональной карьеры (1,1 %). Все вышеперечисленные причины составили 38,4 % ответов. Таким образом, очевидно, что отсутствие материальных, жилищных условий, уверенности в завтрашнем дне являются ведущими ограничивающими причинами рождений.

Значительное влияние на рождение детей оказывают факторы внешней и внутренней среды оказывают значительное влияние. Большинство респондентов (62,4 %) среди факторов внешней среды, в значительной степени влияющих на рождаемость в современных условиях, выделили социально-экономические факторы, разработка и внедрение медицинских технологий, совершенствование медицинских диагностических процедур, экологические факторы, государственная семейная политика, государственная молодежная политика, благосостояние региона. К факторам внутренней среды, которые в значительной степени влияют на рождаемость в современных условиях респонденты отнесли: готовность к родительству (21,4 %), атмосфера внутри семьи (17,6 %), удовлетворенность браком (17,6 %), моральная и материальная поддержка супругов друг друга и другими членами семьи (17,4 %), здоровье супругов (15,9 %). Таким образом, факторы внешней среды характеризуют государственный и региональный уровень поддержки семьи, а факторы внутренней среды оцениваются с точки зрения самого индивида.

В условиях социальной нестабильности в семье развиваются сложные и противоречивые процессы. Учитывая во внимание угрозы и вызовы, с которыми сталкивается семья необходимо снизить влияние негативных факторов, создать благоприятные условия для жизнедеятельности семьи и каждого ее члена.

Современная демографическая политика и ее эффективность в отношении повышения рождаемости

В последнее десятилетие возросла положительная оценка роли государства в решении проблем жизнедеятельности семьи. Государственная демографическая политика активно расширяется. В настоящее время к мерам демографической политики относятся стимулирование рождения первенцев. В ходе исследования респондентов попросили указать, какое влияние оказывает государственная поддержка семьи на рождаемость. Больше половины респондентов (58,7 %) отметили существенное влияние государственной поддержки семьи на рождаемость.

Затем был задан вопрос о том, что представляет собой современная демографическая политика в отношении рождаемости. Большинство респондентов (61,8 %) указали на стимулирование рождаемости, а создание комфортной среды выбрали всего 2,1 % респондентов, что указывает на то, что основной целью семейно-демографической политики государства должно стать улучшение комфортной среды для рождения детей.

Среди мер государственной политики по поддержке семей с помощью, которых возможно существенно улучшить ситуацию с рождаемостью, респонденты указали экономическую поддержку (29,5 %), жилищную поддержку (29,0 %) и антикризисную поддержку семей 25,8 %. Конкретные меры государственной поддержки, которые будут способствовать повышению рождаемости: сбалансированная политика на всех уровнях, решение вопроса с устройством в детские дошкольные учреждения, повышение качества государственных медицинских услуг, дальнейшая реализация программ материнский капитал, содействие по трудоустройству и занятости, своевременная реализация мер государственной поддержки и обеспечения в этой связи контроля за расходованием средств, увеличение продолжительности оплачиваемой части отпуска по уходу за ребенком, ипотечное кредитование на льготных условиях. Данные меры будут способствовать улучшению качества жизни семьи по многим показателям.

Таким образом, необходима организация комплексной работы, направленной на формирование комфортных условий для жизнеобеспечения семьи, совершенствование законодательства в области охраны материнства и детства, повышения уровня и качества жизни, повышения ценности семьи и детства в общественном сознании.

Выводы

Результаты исследования показали, что необходимо улучшение комфортной среды для рождения детей, с которой напрямую связано качество жизни семьи. Об этом свидетельствует уровень комфортности среды для рождения детей, который респонденты оценили на 2,83 из максимальных 5. Повышение качества жизни, а именно улучшение материального благосостояния и жилищных условий, совершенствование качества медицинских услуг, учреждений приведет к повышению рождаемости. Значительное улучшение условий жизни семей позволит увеличить рождаемость при условии, если имеющееся число детей меньше уровня потребности в детях.

Все вышеизложенное обуславливает необходимость и актуальность в современной России реализации серьезных мер современной демографической политики, направленных на реальную поддержку семей. Необходимо не только продолжать проведение демографической политики в области рождаемости, но и расширять спектр мероприятий. При разработке новых мер демографической политики следует сделать акцент не на количественных показателях, а на улучшении качественной структуры рождаемости, укреплении института семьи, усилении ценности детства.

Литература

1. Антонов А. И., Медков В. М., Нетрусов М. А. Демография семьи – проблемы моделирования семейного цикла жизни // Вестн. Моск. ун-та. Сер.18, Социол. и политология. 1997. № 2. С. 97–108.
2. Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Шульгин С. Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43–50.
3. Беляев В. П., Соколова Ю. А. К вопросу о демографической функции государства: историко-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2015. С. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-demograficheskoy-funktsii-gosudarstva-istoriko-pravovoy-aspekt/viewer> (дата обращения: 10.11. 2020).
4. Борисов В. А., Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М.: НИИ семьи Минсоцзащиты России, 1996. 117 с.
5. Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 99–108.
6. Грабельных Т. И. «Общественно-государственные технологии» в реализации национальных проектов России: методология исследования формирующегося «нового социального опыта» // Статистика в

стратегическом развитии России : сб. науч. тр. / Иркутскстат ; ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 368–371.

7. Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110.

8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Метод социологии. М. : Наука, 1991.

9. Истомина Е. А. К вопросу о классификации социальных рисков // Вопросы управления. 2012. № 3. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2012/03/28/> (дата обращения: 10.11.2020).

10. Могилевский Р. С. Проблемы качества жизни крупного города. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.

11. Носкова А. В. Год семьи: некоторые итоги // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 80–81.

12. Протасова Т. Н. Особенности демографической политики Кемеровской области // XIX Уральские социологические чтения: Региональные особенности разработки и реализации социальной политики: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 14–16 марта 2013 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 271–274.

13. Рывкина Р. В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 32–39.

14. Саенко Ю. Н. Моделирование показателей развития социальной инфраструктуры. Киев: Наук. думка, 1991.

15. Сорокин П. А. Кризис современной семьи: социологический очерк // Вестник МГУ. Серия 18, Социология и политология. 1997. № 3. С. 65–79.

16. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М. : Мысль, 1979.

17. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованием Льюиса Г. Моргана // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. М. : Политиздат, 1986. С. 639.

18. Davis K., Blake J. Social Structure and Fertility: An Analytic Framework // Economic Development and Cultural Change. 1956. Vol. 4. p. 212–235.

19. DeFrain J. The State of American Family: The Paradox of How Families and Family Values Are Changing While Staying the Same // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 1. С. 73–87.

20. Gafiatulina N. Kh., Imgrunt S. I., Samygin S. I. Social security and social health of Russian society: monograph. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing RU, 2017. 124 p.

УДК 316.42

Е. Д. Щепина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕПРЕССИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Пандемия рассмотрена как фактор влияния на распространение социальной депрессии и выбор способов ее предотвращения. По данным социологического исследования выявлена зависимость социального самочувствия людей от степени стабильности социальной системы. Изучены факторы возникновения социальной депрессии в период пандемии COVID-19 и сделана попытка разработать практические рекомендации для специалистов и населения по выходу из данного состояния.

Ключевые слова: социальная депрессия, социальное самочувствие, социальная зависимость, личность, самореализация, социальная изоляция, пандемия, социальные последствия, социальные угрозы, антикризисные меры, социальный институт.

E. D. Shechina

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL DEPRESSION IN A PANDEMIC AND WAYS TO PREVENT IT

The article considers the pandemic as a factor influencing the spread of social depression and the choice of ways to prevent it. According to the sociological research, the dependence of people's social well-being on the degree of stability of the social system was revealed. Factors of occurrence of social depression during the COVID-19 pandemic were studied and an attempt was made to develop practical recommendations for specialists and the population to get out of this state.

Keywords: social depression, social well-being, social dependence, personality, self-realization, social isolation, pandemic, social consequences, social threats, anti-crisis measures, social institution.

Следствием глобальных вызовов, возникающих в современном обществе, является нарастание социальных потрясений. Эпидемиологическая ситуация, возникшая в начале 2020 г., не стала исключением в аспекте массовости явления. Карантин и переход на ре-

жим самоизоляции в связи с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19) повлекли за собой большое количество социальных преобразований, негативно отразившихся на эмоциональном состоянии граждан. Актуальность исследования данной темы подтверждается тем, что за весну и лето 2020 г. произошли изменения во всех сферах жизни человека, а эпидемия коронавируса теперь рискует смениться самой настоящей пандемией психических расстройств. Многие граждане остались без работы, потеряли значительную часть доходов, длительный режим самоизоляции высветил множество проблем в семьях. Изменение привычного образа жизни сформировали условия для развития высокого уровня тревоги, страхов, агрессивных проявлений, стрессовых расстройств, в том числе и социальной депрессии.

Постановка проблемы

Как показывает практика, существует зависимость социального самочувствия населения от состояния общественной системы. Предпосылкой для этого стало появление условий необходимости самоизоляции. Так, основной проблемой проведенного нами исследования выступила пандемия коронавирусной инфекции как фактор возникновения и нарастания состояния социальной депрессии общества. Изоляция в данном аспекте демонстрирует трансформацию социальных границ, функций, а также целого ряда социальных институтов. Более того, в период обособленности от общества, в массовом дефиците или отсутствии его с точки зрения реализуемости личного потенциала, находятся старые и новые возможности для самореализации личности, отражающиеся на уровне субъекта, групп, предприятий. В совокупности такая ситуация влечет тотальное нарастание дискомфорта, рассогласованности, страха, тревоги и социальной депрессии. В свою очередь, люди, пребывающие в депрессивном состоянии, теряют ориентиры, цели в жизни, что может привести к росту численности алкоголиков, наркоманов, самоубийц [6].

Следовательно, понятие «социальная депрессия» напрямую связано с мировыми финансовыми и экономическими кризисами. Она выступает результатом общественных экономических катаклизмов. По мнению отечественного ученого А. П. Чолака, существует зависимость социального самочувствия населения от изменений, происходящих в обществе. В работе автор обосновывает, что «распространение социального одиночества объясняется глубинным кризисом российского общества... К характерным чертам данного кризиса относят: разрушение традиционных ценностных ориентаций, норм общественной жизни, росте отчужденности индивида от общества...» [7, с. 144].

Во все эпохи происходили такие события и ситуации, которые подвергали общество в состояние тревожного социального самочувствия. Данный тезис находит свое подтверждение в статье доктора социологических наук, профессора Т. И. Грабельных, написанной в конце прошлого тысячелетия. По мнению социолога, «... массовые открытые формы проявления гражданского и политического несогласия, чеченская война, террористические акты, проблема преступности, феномен нищеты, глобальный экологический кризис позволяют говорить о ситуации переживаемого времени как о тупиковой» [2, с. 91]. Такие тупиковые ситуации являются безвыходными и безысходными, более того, они ощущаются таковыми субъектами. Поиск выхода из них становится основной задачей как государства, так и самого общества. То же явление мы наблюдаем в период цифровой эпохи, для которой характерно втягивание в такие социальные системы отношений, которые заранее подвержены неустойчивости и распаду. Человек же ввиду потери своих статусов, ролей, социальных ориентиров пребывает в крайне нестабильном состоянии. Пандемия коронавируса спровоцировала цепную реакцию на саму социальную систему и на запуск процесса социальной турбулентности, что актуализирует данную тему исследования.

Методология исследования

Изучением социального самочувствия в периоды общественных изменений системы ученые занимались разные исторические эпохи. Впервые более подробно изложил последствия социальных экономических кризисов и динамических реформ, а также их влияние на общество, известный французский социолог и философ Эмиль Дюркгейм, который разработал и ввел в социологию категорию «аномии». Данный термин он понимал как состояние общества, при котором происходит его дезинтеграция, разложение системы тех норм, благодаря которым сохраняется общественный порядок. В своей работе «Самоубийство» (М., 1897) он отмечал, что в периоды, как экономических спадов (кризисов), так и подъемов, резко возрастает показатель самоубийств. Причиной таких «скачков» является нарушение общественного порядка, так как принятые нормы разрушаются, и индивиды дезориентируются [3]. Позже продолжили исследовать и расширять данный феномен Роберт Мертон в своем труде «Социальная теория и социальная структура» (М., 1949) [4] и Толкотт Парсонс в работе «Система современных обществ» (М., 1998) [5]. Представители классической социологии утверждали, что состояние общественной нестабильности приводит к ухудшению социального самочувствия населения.

Также ряд других мыслителей XX в. исследовали пути выхода из кризиса сознания людей, вызванного культурными и общественными кризисами. К ним относятся: О. Шпенглер, А. Тойнби, К. Ясперс, П. Сорокин. После революции 1917 г. П. Сорокин изучал и объяснял разрушение экономических и социальных институтов в России, массовый голод 1921–1922 гг. и др. Кризис ученый понимал как некую «... часть социокультурной динамики, момент флуктуации ценностей, переходный этап к новому периоду мировой истории, а не гибель и конец человеческой цивилизации» [1, с. 109].

В настоящее время анализом состояния населения при различных социальных потрясениях также занимается большое количество исследователей. Наиболее интересным и показательным в этом аспекте являются последствия кризисов, произошедших в 2008 и 2014 гг. Так, Ю. Уханова и Е. Смолева в работе «Социальное самочувствие регионального сообщества в условиях кризиса» сравнивают психологические состояния людей в периоды двух кризисов [6]. Базируясь на результатах мониторинга общественного мнения, проводимого Вологодским научным центром РАН, исследователи пришли к выводу, что эмоционально-психологический фон населения в периоды кризиса значительно ухудшается, нарастают тревога, стресс, депрессия и неврозы.

Методы и методика исследования

В свете мировой эпидемиологической ситуации и прослеживаемых тенденций представляется важным обратить внимание на социальное и психологическое самочувствие людей в условиях кризиса общественной системы. В связи с этим в период с 1 по 4 ноября 2020 г. с целью выявления зависимости нарастания социальной депрессии от пандемии коронавируса COVID-19 в рамках исследовательского проекта «Социальная депрессия в условиях пандемии и способы ее предотвращения» автором проведено социологическое исследование методом онлайн-опроса пилотажного характера на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЦ ФГБОУ ВО «ИГУ». Было опрошено 150 чел. (100 %). Использована полувырастная выборка, исходя из которой участвовало мужчин 58 (39 %) и женщин – 92 (61 %), отличавшихся по: социальному статусу, семейному положению, сфере профессиональной деятельности, а также с точки зрения проживания в городской/сельской местности.

Респондентам было предложено ответить на 18 основных вопросов, многие из которых давали опрошенным возможность более глубоко сформулировать собственное мнение на описанную проблему. Новизна исследования проверялась такими вопросами-индикаторами, как: «Назовите внутренние факторы, которые способствуют распространению социальной депрессии в условиях пандемии коронавируса COVID-19?»; «Есть ли в Вашем ближайшем окружении люди, подверженные социальной депрессии?»; «Какими

Вам видятся пути выхода из состояния социальной депрессии?». Анализ осуществлялся по трем направлениям: 1) социальное самочувствие людей в период пандемии коронавируса; 2) факторы возникновения социальной депрессии в период пандемии COVID-19; 3) способы решения по выходу из состояния социальной депрессии: антикризисные меры и практические рекомендации.

Анкетирование было проведено с помощью сайта <https://webanketa.com/ru/>. Статистическая обработка произведена в программах MS Excel и IBM SPSS Statistics 22.0, где была создана база исследования.

Результаты исследования

Социальное самочувствие людей в период пандемии коронавируса

Социальное самочувствие людей определяется различными факторами. В настоящее время население пребывает в состоянии эмоциональной нестабильности, что было выявлено в ходе проведения исследования. Действительно, культурные и политические «взрывы» способны ухудшить социальное самочувствие населения и вызвать новую волну социальной депрессии. Как уже отмечалось ранее, яркий тому пример – мировой финансовый и экономический кризис 2008 и 2014 гг.

По данным опроса, около половины опрошенных респондентов (47 %) считают, что пандемия коронавируса COVID-19 способствует всплеску новых форм социальной депрессии в обществе. Другая половина опрошенных (43 %) утверждает, что пандемия скорее способствует развитию депрессии. Большинство респондентов понимают пандемию как болезнь, глобальную эпидемию, вспышку заболевания. Некоторые из опрошенных также отмечают, что во время пандемии рушатся привычные для общества социальные системы, а это в свою очередь влечет нарастание страха, тревоги. Для изучения влияния пандемии COVID-19 на респондентов был задан такой вопрос: «Коснулась ли Вас или Ваших близких коронавирусная инфекция?» (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Коснулась ли респондента или его близких коронавирусная инфекция?» в зависимости от возраста респондентов

№ п/п	Варианты ответов	Да, коснулась		Нет, не коснулась;		Затрудняюсь ответить		Всего	
		Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %
1	от 18 до 30 лет	40	52,6	28	36,8	8	10,5	76	100,0
2	от 31 до 45 лет	18	50,0	16	44,4	2	5,6	36	100,0
3	от 46 до 60 лет	14	66,7	7	33,3	0	0,0	21	100,0
4	свыше 60 лет	10	58,8	7	41,2	0	0,0	17	100,0
	Всего	82	54,7	58	38,7	10	6,7	150	100,0

Из данных табл. 1 видно, что вне зависимости от возрастной категории, более половины опрошенных в каждой отмечают, что ощутили на себе влияние коронавирусной инфекции. Больше всего пандемия COVID-19 коснулась людей от 46 до 60 лет, а больше всего не коснулась – от 31 до 45 лет. Также отметим, что возрастные категории «от 18 до 30 лет» и «свыше 60 лет» по данным параметрам находятся в промежутке между двумя вышеуказанными категориями. Что касается окружения респондента и его подверженности социальной депрессии, то более половины опрошенных людей (54 %) указали, что состояние социальной депрессии характерно (или скорее характерно, чем не характерно) для их круга общения. Этот показатель дает нам право утверждать, что социальное самочувствие людей в данный период (период пандемии) является нестабильным, тревожным, апатичным.

Факторы возникновения социальной депрессии в период пандемии COVID-19 и формы ее проявления

Причиной, по которой появляется и нарастает состояние социальной депрессии в период социальной турбулентности системы, прежде всего является неготовность общества к таким всплескам «вызовов». В ходе проведенного исследования были рассмотрены основные внешние и внутренние факторы ухудшения психологического самочувствия.

Главными предпосылками для распространения социальной депрессии в XXI в. респонденты выделили: мировой финансовый и экономический кризис (52 % опрошенных), социальная нестабильность общества (45 %) и информационная война (33 %). При дезорганизации общества и социальной системы у индивидов отмечается девиантное поведение, проявляющееся в разнообразных формах, например, бунтарство, воровство, алкоголизм, суицидальные активности, повышение уровня безработицы и т. д. На вопрос о том, какие основные формы проявления социальной депрессии видит респондент, были даны такие ответы: нарастание страха и сомнений (43 % опрошенных), усиление тревожности общества (43 %), распространение пессимистических настроений в обществе (42 %), распространение неуверенности в завтрашнем дне (39 %), рост панических настроений в обществе (35 %).

Основными внутренними факторами, способствующими распространению социальной депрессии в условиях пандемии коронавируса COVID-19, по мнению респондентов, стали: нестабильное психическое состояние (43 %), не реализуемость своих интересов и возможностей (40 %) и низкий уровень общественного правосознания (33 %). На вопрос о том, каким образом проявляется социальная депрессия в окружении респондента, около половины опрошенных (44 %) выделяют нестабильное эмоциональное состояние, 36 % респондентов отмечают раздражительность, 25 % – страх, паника. Социальное самочувствие людей ухудшилось до той границы, когда оно переросло в депрессию. Следствием неустойчивости системы стала повсеместная неуверенность общества в завтрашнем дне.

Способы решения по выходу из состояния социальной депрессии: антикризисные меры и практические рекомендации

В настоящее время в мире разрабатываются меры борьбы с коронавирусной инфекцией, что в перспективе должно привести к разрешению эпидемиологической ситуации. При оценке деятельности учреждений и организаций, способствующих выработке конструктивных решений по борьбе с пандемией коронавируса COVID-19, по 5-ти бальной шкале, где 1 – низкий уровень эффективности учреждений и организаций, а 5 – высокий уровень эффективности, ответы распределились следующим образом: оценку «1» поставило 24 % респондентов, «2» – 33 % респондентов, «3» – 30 % опрошенных, «4» – 10 % опрошенных и «5» лишь 3 % респондентов.

Говоря же о психологических последствиях пандемии COVID-19, в процессе анализе проведенного исследования были выделены пути решения по выходу из состояния социальной депрессии (табл. 2).

На основе данных представленной выше табл. 2, имеем основания сделать вывод, что, по мнению респондентов, для полного и качественного выхода из социальной депрессии в обществе должны использоваться такие пути, как: эффективная реализация государственной политики по социальной и экономической поддержке людей, социальная поддержка семьи, решение вопроса о трудоустройстве занятости людей, открытость и доступность информационной среды, большее внимание личностному фактору со стороны социальных институтов, сбалансированная политика по отношению к различным общественным структурам.

Распределение ответов на вопрос: «Какими респонденту видятся пути выхода из состояния социальной депрессии?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Эффективная реализация государственной политики по социальной и экономической поддержке людей	57	17,3
2	Социальная поддержка семьи	53	16,1
3	Решение вопроса о трудоустройстве занятости людей	49	14,8
4	Все вышеперечисленное	48	14,5
5	Открытость и доступность информационной среды	40	12,1
6	Большее внимание личностному фактору со стороны социальных институтов	39	11,8
7	Сбалансированная политика по отношению к различным общественным структурам	36	10,9
8	Затрудняюсь ответить	5	1,5
9	Другое (а именно: «дайте денег и работу», «включение в деятельность человеческих комьюнити», «уровень осведомленности и компетентности»)	3	0,9
	Всего	330	100,0

Исходя из проведенного исследования, были выделены следующие антикризисные способы борьбы с состоянием социальной депрессии людей:

1. Оказание своевременной, доступной и качественной медицинской помощи. Улучшение работы больниц, расширение кадрового состава по оказанию первой медицинской помощи. Предоставление возможности получения бесплатного лечения.

2. Поддержка населения, бизнеса (льготы, кредитные каникулы, социальные выплаты и т. д.), реформация и улучшение работы системы здравоохранения.

3. Оказание моральной поддержки людям, которых коснулась пандемия коронавирусной инфекции. Работа с людьми в специализированных учреждениях, проведение информационных онлайн-лекций, собраний от ведущих специалистов.

4. Расширение различных институтов, способствующих помощи населению (например, институты здравоохранения, правоохранительные органы, институт семьи).

5. Уменьшение потока негативной информации в СМИ.

6. Улучшение работы горячих линий, также возможность пострадавшим от коронавируса COVID-19 получать бесплатные посещения психолога/психотерапевта.

Резюме

На данный момент большинство людей страдают состоянием социальной депрессии. Такое состояние обусловлено рядом факторов: ухудшение эпидемиологической ситуации в мире, далее введенный режим самоизоляции, повлекший мировой финансовый и экономический кризис, культурный кризис, сокращение личностных традиционных коммуникаций, что в совокупности привело к социальной нестабильности общества. Была выявлена зависимость социального самочувствия людей от степени стабильности общественной системы: в период пандемии коронавируса социальная система кардинально трансформировалась ввиду перехода общества в режим самоизоляции и дистанционный режим обучения, работы и т. д. Люди пережили эмоциональное потрясения, последствием которого для многих стало состояние социальной депрессии.

Таким образом, для выхода из аномического состояния и как следствие – состояния социальной депрессии, возникшего ввиду пандемии коронавирусной инфекции, следует уделить большее внимание личностному фактору и ввести в практику рекомендации по борьбе с тревожным самочувствием населения.

Литература

1. Василенко В. В. Кризис нашего времени в научном наследии П. А. Сорокина (к 120-летию со дня рождения П. А. Сорокина) // Наука. Инновации. Технологии. 2008. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/>

n/krizis-nashego-vremeni-v-nauchnom-nasledii-p-a-sorokina-k-120-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-p-a-sorokina (дата обращения: 08.11.2020).

2. Грабельных Т. И. «Тупиковая ситуация»: к определению границ // Актуальные проблемы общественной безопасности : тез. всерос. научн.-практ. конф. Иркутск, 1996. С. 91–92.

3. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М. : Мысль, 1994. 399 с.

4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ : Хранитель, 2006. 873 с.

5. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.

6. Уханова Ю. В., Смолева Е. О. Социальное самочувствие регионального сообщества в условиях кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-regionalnogo-soobshchestva-v-usloviyah-krizisa> (дата обращения: 08.11.2020).

7. Чолак А. П. Одиночество в структуре социального мира // Трансформация социального мира в современную эпоху : сб. науч. тр. Иркутск, 2019. С. 143–147.

РАЗДЕЛ 5. ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ФОКУСЕ КОНТЕНТ-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

***

CHAPTER 5. GLOBAL AND REGIONAL CHALLENGES OF THE MODERNITY IN THE FOCUS OF CONTENT-ANALYTICAL RESEARCH IN STUDENT YOUTH

УДК 348.41

Э. Д. Ананьина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КОМФОРТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ЖИЗНИ КАК УСЛОВИЕ ТРАНСЛЯЦИИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В статье посредством контент-анализа исследуется система духовных ценностей индивидов в современном информационном пространстве на территории Российской Федерации. В качестве основной базы социологического исследования выступают интернет-журналы Russian.rt.com и Gazeta.ru, вышедшие в период с 01.05.2019 по 01.06.2020. Главным образом контент-анализ электронных журналов был направлен на изучение того, как формируется комфортное пространство для жизни индивидов, как трансформируются духовные ценности россиян в эпоху цифровизации и интернетизации и т. д. Основными смысловыми единицами анализа выступили такие категории, как: комфортное пространство для жизни, трансляция духовных ценностей, духовные ценности россиян, цифровая эпоха, ценности комфортной среды и жизнь человека. В статье также раскрываются специфические особенности элементов предметных зон и степень освещения элементов анализа.

Ключевые слова: духовные ценности россиян; цифровизация; интернетизация; трансляция духовных ценностей; контент-анализ СМИ; информационное пространство.

E. D. Ananina

Irkutsk State University, Irkutsk

COMFORTABLE LIVING SPACE AS A CONDITION FOR TRANSLATING SPIRITUAL VALUES OF RUSSIANS IN THE DIGITAL AGE

The article explores the system of spiritual values of individuals in the modern information space on the territory of the Russian Federation by means of content analysis. Online journals serve as the main base for sociological research "Russian.rt.com" and "Gazeta.ru", published in the period from 01.05.2019 to 01.06.2020. Mainly, the content analysis of electronic magazines was aimed at studying how a comfortable space for the life of individuals is formed, how the spiritual values of Russians are transformed in the era of digitalization and internetization, etc. The main semantic units of the analysis were such categories as: a comfortable space for life, the translation of spiritual values, the spiritual values of Russians, the digital age, the values of a comfortable environment and human life. The article also reveals the specific features of the subject zone elements and the degree of illumination of the analysis elements.

Keywords: spiritual values of Russians; digitalization; internetization; broadcasting of spiritual values; content analysis of mass media; information space.

В современную цифровую эпоху пристального внимания для изучения со стороны государства, различных ученых и исследователей, журналистов заслуживают духовные ценности россиян. В социокультурном поле информационное пространство выполняет важнейшую роль глобального системообразующего феномена, что проявляется в том, что информационное пространство является средством обеспечения связи между всеми составляющими социокультурного поля, где подразумевается политические системы, производственно-экономические; социальные, демографические, экологические и мн. др. Все перечисленные системы являются частью среды обитания человека, т. е. это все то, что обеспечивает комфортную жизнь людей. В свою очередь, информационное пространство выполняет функции формирования среды обитания человека, посредством объединения в себе всех жизненно важных систем, которые наполняются информацией, впоследствии доступной для человека в процессе его профессиональной, игровой, научной и др. деятельности [4].

Важной составляющей информационного поля является механизм социокультурной преемственности. Под данным механизмом мы подразумеваем возможность индивидов взаимодействовать с друг другом, в результате чего происходит воспроизводство социальных структур, норм, ценностей, обычаев [3]. Во многом такая трансляция социокультурных практик от одного человека к другому содержит в себе элементы национальной культуры. Следует отметить, что посредством такого обмена происходит возрождение духовно-нравственного потенциала нации, а это, в свою очередь, главная предпосылка, указывающая нам на социальный и культурный прогресс, что также отражается на политической и экономической системах общества, что значительно влияет на преодоление социально-экономического кризиса в Российской Федерации. В связи с этим необходимо уделить особое внимание на духовные ценности граждан страны, а также важно научное осмысление духовности общества.

Процессы глобализации, которые проявляются в становлении цифровой эпохи, в развитии инфокоммуникационных технологий, отразились также и на современном российском обществе. СМИ, развитие интернет-технологий, появление многочисленных социальных сетей, форумов, онлайн приложений и мн. др. сказались на духовных ориентирах современного человека. В данном контексте нельзя не отметить, что произошедшие социальные изменения под влиянием цифровизации и интернетизации в российском социуме не всегда положительно сказываются на системообразующих элементах общества, к примеру, это проявилось на состоянии неопределенности образовательной системы и социума, а также на трансформирующейся деятельности социальных институтов, которые задают векторы развития на ближайшие десятилетия [2]. Многие исследователи общей теории сетевой коммуникации, такие как С. М. Аракелян, Ю. Н. Троегубов, Л. Л. Реснянской, В. В. Шахмартова и др. [1], заостряют внимание на том, что именно цифровизация, мощное развитие информатизации образования, развитие информационных технологий существенно повлияли на изменение статуса и роли духовно-нравственных ценностей индивидов в XXI в., при этом это также отразилось на мотивации индивида постоянно совершенствоваться и развиваться в мире, где информация, знания становятся главной составляющей жизни [1, с. 450].

На сегодняшний день виртуальное пространство (интернет-сеть) существенно сказывается на формировании и становлении ценностных ориентаций людей в современном обществе. Поэтому особо важно понимать, как именно цифровизация влияет на ценностное основание социальных систем и формирование у субъектов интернет-пространства ценностей как сущностных характеристик в обеспечении комфортной среды для жизнедеятельности. В свою очередь это стало причиной проведения исследования на тему «комфортное пространство для жизни как условие трансляции духовных ценностей россиян в цифровую эпоху». В качестве основного метода эмпирического исследования выступил контент-анализ. В качестве эмпирической базы исследования послужили интернет ресурсы Russian.rt.com и Gazeta.ru. Архивы записей были изучены за период с 01.01.2020 по 01.06.2020. В качестве смысловых единиц анализа выступили следующие

категории: комфортное пространство для жизни, трансляция духовных ценностей, духовные ценности россиян, цифровая эпоха, ценности комфортной среды и жизнь человека.

В результате контент-анализа двух интернет-ресурсов за период с 01.01.2020 по 01.06.2020 было изучено 950 статей, посвященным духовным ценностям россиян в цифровую эпоху. 517 статей опубликованы в электронном журнале Russian.rt.com, что составляет 56,18 % от общего числа, 433 статей в журнале Gazeta.ru (43,1 %). По гендерному признаку, среди авторов статей больше женщин (61,5 %), чем мужчин (38,5 %). Также можно отметить, что все опубликованные статьи были написаны журналистами данных изданий (100,0 %).

В ходе исследования было обнаружено, что каждый четвертый автор статей журнала Russian.rt.com старается убедительно отстаивать свое мнение, опираясь на убедительную базу аргументаций и доказательств, однако каждый пятый автор опубликованных статей журнала Gazeta.ru при написании опирается на свой жизненный опыт. По характеру информации преобладают конструктивная критика (33,9 %) и благодарность (25,1 %). Еще в 5,6 % материалов предпринимается попытка постановки проблемы (табл. 1).

Таблица 1
Характеристики источников, в которых упоминаются базовые категории исследования (в %)

Варианты ответа	Gazeta.ru	Russian.rt.com	В целом
Простой анализ проблемы	8,1	3,2	3,4
Благодарность	15,7	27,1	25,1
Конструктивная критика	34,7	37,8	33,9
Постановка проблемы	2,9	6,0	5,6
Простая критика	7,1	2,5	2,1
Дискуссия	13,2	11,8	11,0
Констатация факта	5,4	8,9	8,9
Всего	100,0	100,0	100,0

Анализируя данные табл. 1, можно отметить, что чаще всего встречается в опубликованных статьях в интернет-журналах в конструктивная критика, что составляет 33,9 % от общего числа. Однако реже всего встречается простая критика, что составило 2,1 %. Стоит отметить, что констатация факта встречается чаще, чем постановка проблемы (8,9 % и 5,6 % соответственно). Простой анализ проблемы чаще встречается в Gazeta.ru, составляет 8,1 %, так же в этой же газете менее всего преобладает постановка проблемы (2,9 %). В Russian.rt.com меньше всего можно обнаружить информацию, касающуюся простого анализа проблемы (3,2 %) и простую критику (2,5 %).

Таблица 2
Локализация информации (в %)

Варианты ответа	Gazeta.ru	Russian.rt.com	В целом
Мир	4,2	27,6	15,4
Российская Федерация	23,7	60,1	46,8
Область	33,6	5,7	16,9
Город	32,6	5,8	17,9
Район	4,5	1,0	1,6
Сельское поселение	2,2	1,0	1,2
Предприятие, учреждение, организация	4,5	3,3	1,3
Частная жизнь	2,2	1,2	1,8
Всего	100,0	100,0	100,0

По данным табл. 2 приходим к выводу, что в целом больше всего преобладает информации о России (46,8 %), однако в большей степени в электронном журнале Russian.rt.com и составляет 60,1 %. Но также можно отметить, что в Gazeta.ru, по приоритетности, информация о Российской Федерации занимает третье место (23,7 %). В целом в электронной газете Gazeta.ru более всего упоминаются областные новости (33,6 %), а менее всего информации о сельском поселение (1,2 %).

Таблица 3

Характеристики источников, в которых упоминаются базовые категории исследования (в %)

Варианты ответа	Gazeta.ru	Russian.rt.com	В целом
Оптимистический	12,1	17,8	15,3
Благожелательный	16,5	12,3	17,3
Пессимистический	23,1	20,8	21,1
Деловой	9,15	9,45	9,3
Нейтральный	28,35	19,85	24,6
Сердитый	5,9	11,4	16,25
Всего	100,0	100,0	100,0

Анализируя данные табл. 3, видим, что нейтральная подача информации преобладает в электронной газете Gazeta.ru (28,35 %), чем в электронном журнале Russian.rt.com (19,85 %). Оптимистическая информация о духовных ценностях преобладает в журнале Russian.rt.com (17,8 %), а пессимистическая информация, о негативном влиянии интернет-технологий на духовные ценности россиян, преобладает в электронной газете Gazeta.ru (23,1 %). Однако в этой же газете можно найти в статьях информацию о благожелательном влиянии цифровизации на духовные ориентиры (16,5 %). Сердитая информация наиболее всего встречается в Russian.rt.com и составляет 11,4 %. В целом преобладает информация нейтральная (21,1 %). Менее всего – деловая (9,3 %). Оптимистическая информация в целом составляет 15,3 %. Благожелательная информация так же в целом встречается 17,3 %.

Таблица 4

Частота упоминаний базовых категорий (в %)

Варианты ответа	Gazeta.ru	Russian.rt.com	В целом
Трансляция духовных ценностей	16,1	12,1	11,7
Комфортное пространство для жизни	8,8	8,2	8,9
Духовные ценности россиян	29,7	20,1	27,8
Ценности комфортной среды	15,4	13,9	11,6
Цифровая эпоха	19,7	16,6	14,8
Жизнь человека	21,7	22,3	25,8
Всего	100,0	100,0	100,0

Анализируя результаты, представленные в табл. 5 и данные, посвященные частоте упоминаний базовых категорий, видно, что лидируют духовные ценности россиян (27,8 %). На втором месте категория «жизнь человека» (25,8 %), на третьем месте – «цифровая эпоха» (14,8 %). Наименее популярная категория «комфортное пространство для жизни» составляет 8,9 %. В интернет-ресурсе Gazeta.ru чаще упоминаются категория «духовные ценности россиян», а во втором интернет-ресурсе – «жизнь человека» (29,7 % и 22,3 % соответственно). Категория «цифровая эпоха» в Gazeta.ru встречается чаще и составляет 19,7 %, во втором ресурсе – 16,6 %. Стоит отметить, что в Russian.rt.com категория «жизнь человека» встречается чаще (22,3 %), чем в Gazeta.ru. В Gazeta.ru данная категория встречается в 21,7 % информации.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее: результаты контент-анализа отражают процесс создания единого информационного пространства современной России путем его федерализации. Так или иначе цифровизация и интернетизация оказывают существенное влияние на формирование духовных ценностей россиян, которые влияют на их комфортную среду жизни. Средства массовой информации, являясь институциональными зонами информационного пространства, в которых транслируются события, происходящие в обществе ежедневно, с одной стороны, отражают существующие социальные представления, а, с другой стороны, формируют их, в чем проявляется двойственность системы. В результатах исследования это отражается в совпадении иерархии ценностных ориентаций населения и системы ценностей, транслируемых населению СМИ.

Литература

1. Аракелян С. М. Самоорганизующаяся информационная среда с децентрализованным управлением для взаимодействия образовательных учреждений // Интернетпорталы: содержание и технологии. М. : Просвещение, 2007. № 4. С. 440–464.
2. Бакурадзе А. Б., Бондарева Я. В. Аксиологические основания эволюции управления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 1. С. 26–38.
3. Каргаполова Е. В. Средства массовой коммуникации региона в условиях глобализации (по материалам конкретного социологического исследования) // PrimoAspectu. 2017. № 1 (29). С. 11–16.
4. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологическое исследование. 2010. № 1. С. 28–29.

УДК 316.356.2

А. А. Анохина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСА И ФУНКЦИЙ СЕМЬИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАНДЕМИИ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ И ЭКСПЕРТНЫХ МНЕНИЙ

Статья посвящена анализу проблемы влияния пандемии коронавируса на трансформацию статуса и функций семьи. В работе обоснованы методологические аспекты изучения влияния внешних угроз на примере распространения вируса COVID-19 на устойчивость института семьи. Исследование проведено методом контент-анализа специализированных интернет-сайтов и экспертных мнений. В ходе исследования подтверждена гипотеза, что пандемия оказывает негативное влияние на устойчивость семьи и это отображается в анализируемых ресурсах. Доказано, что вектор развития семьи в критических условиях обусловлен уже сложившейся социально-психологической установкой внутри семьи.

Ключевые слова: пандемия, семья, семейные ценности, устойчивость семьи, государственная семейная политика, семья как носитель социального поведения, семья как центр коммуникаций.

А. А. Anokhina

Irkutsk State University, Irkutsk

TRANSFORMATION OF THE STATUS AND FUNCTIONS OF THE FAMILY AT THE INITIAL STAGE OF THE SPREAD OF THE PANDEMIC: CONTENT ANALYSIS OF SPECIALIZED INTERNET SITES AND EXPERT OPINIONS

This article analyzes the impact of the coronavirus pandemic on the transformation of family status and functions. The paper substantiates the methodological aspects of studying the influence of external threats on the example of the spread of the COVID-19 virus on the stability of the family institution. The research was conducted by the author using the method of content analysis of specialized Internet sites and expert opinions. The study confirmed the hypothesis that the pandemic has a negative impact on family resilience and this is reflected in the analyzed resources. It is proved that the vector of family development in critical conditions is due to the already established socio-psychological attitude within the family.

Keywords: pandemic, family, family values, family stability, state family policy, family as a carrier of social behavior, family as a center of communication.

Постановка проблемы

Современное российское общество можно охарактеризовать как аномическое, не имеющее закреплённых социальных норм, регулирующих поведение индивидов, что прослеживается в нынешней ситуации ввиду распространения вируса COVID-19. В данном случае общество в масштабном его понимании неспособно положительным образом влиять на поведение индивидов. Как писал Э. Дюркгейм, впоследствии происходит недостаток коллективных сил, что приводит отдельного человека к состоянию психологической запутанности и дезориентации [4]. Такие социальные риски имеют значительное влияние на все социальные институты и их функции, нормы, ценности и т. д.

Семья является одним из важнейших и стабильных социальных институтов. Важность ее устойчивости обуславливается тем, что при недостаточном взаимодействии с

ней, индивид теряет ценностную и мотивационную ориентацию, ограничивается нормами отдельных групп, которые не помогают ему при принятии жизненных решений, и обладает излишней свободой выбора в мотивах своего поведения [26]. Как социальный институт семья имеет свои функции, организации, ценности и роли, а также характеризуется совокупностью социальных норм, санкций и образцов поведения, регулирующих взаимоотношения между ее членами. Здесь важную роль играет понятие сплоченности семьи [1, с. 124]. Однако и устойчивость, и сплоченность семьи в условиях внешних угроз могут видоизмениться как в позитивном (семьи сплачиваются, члены семьи проводят больше времени друг с другом, семейная устойчивость сохраняется), так и в негативном (критические условия и экономический кризис негативно влияет на психологическую семейную атмосферу, увеличивается число разводов, возрастает количество случаев домашнего насилия в отношении женщин и детей, возрастает уровень девиантного поведения среди членов семьи и т. д.) аспектах.

М. С. Мацковский как один из идеологов социологии семьи вывел собственную классификацию семейных функций и определил одну из важнейших – воспитательную, заключающуюся в социализации молодого поколения [6, с. 43]. П. А. Сорокин считал, что на современном этапе данная функция передается государству на примере образовательных учреждений. Однако в связи с мерами самоизоляции из-за пандемии, многие функции семьи подвергаются трансформации и возвращаются в семейные рамки. По психоаналитическим исследованиям З. Фрейда, вся воспринятая информация в детстве воспринимается ребенком, откладывается в его памяти на подсознательном уровне и прослеживается на всех этапах его жизни [7]. В условиях экономического кризиса в стране, ввиду других современных рисков и трансформации функций семьи, возможное тяжелое психоэмоциональное состояние родителей и их некорректное поведение, могут негативно сказываться на становлении личности ребенка. Следовательно, в большей степени данная тенденция имеет отношение к функции социализации, на качественные показатели которой главным образом влияет родительский пример. Этим обусловлен интерес к изучению данной темы. Помимо воспитательной, М. С. Мацковский выделил также репродуктивную, хозяйственно-бытовую, экономическую, социально-статусную, досуговую, эмоциональную, сексуальную функции, а также функции первичного социального контроля и духовного общения. Стоит отметить, что все перечисленные функции семьи также имеют предрасположенность к трансформации в условиях социального кризиса.

Методы и методики исследования

Следует подчеркнуть противоречивые тенденции, вытекающие из актуальности темы:

- Семья как социальный институт и такие его составляющие, как нормы, ценности, функции (в том числе, духовного общения) сохраняют свою устойчивость в период пандемии. В критических социальных условиях государственная семейная политика проводится должным образом и поддерживает функционирование данного социального института.

- В противовес положительной тенденции выступает негативная – напротив, семейные функции и ценности трансформируются в плохом смысле, семья разобщается под влиянием эмоциональной напряженности ее членов, повышается риск распада семьи или проявления агрессии в виде домашнего насилия, государственная семейная политика не реализуется должным образом.

Высока актуальность в проведении исследования данной темы методом контент-анализа. В условиях карантина и самоизоляции данный метод позволяет наиболее полно проследить специфику заявленной проблемы. Контент-анализ является одним из наиболее приемлемых методов экспертно-аналитической деятельности, так как он направлен непосредственно на аналитику информационных ресурсов и проведение экспертизы. Особую актуальность это имеет в существующих экстремальных пандемических условиях, которые следует отнести к условиям риска, однако, как писала доктор социологиче-

ских наук, профессор Т. И. Грабельных, «социологические науки оказались наиболее чувствительными к новым глобальным институциональным изменениям... особое значение приобрели такие функции социологии, как методологическая и экспертная» [2]. Следовательно, использование контент-анализа с учетом кризисных условий является целесообразным и необходимым.

Объектом нашего исследования является семья в период пандемии. В качестве *предмета исследования* выступают семейные ценности, устойчивость семьи, государственная семейная политика, функции семьи и их трансформация в пандемическом обществе. *Цель исследования*: определить вектор направленности тенденций развития семьи как социального института в условиях внешних угроз и рисков. Исходя из цели, определены *задачи исследования*: 1) определение частоты упоминания проблемы устойчивости семьи в пандемических условиях в статьях на интернет-ресурсах с представленным экспертным мнением и на специализированных сайтах, посвященных семейной тематике; 2) определение содержательного отношения к поставленным единицам анализа в текстах статей интернет-ресурсов с экспертными оценками и в фокусе специализированных сайтов; 3) сравнение интерпретацию заявленной проблематики в интернет-статьях с представленными позициями экспертов и на сайтах, посвященных семейной теме.

Гипотеза исследования: социальный институт семьи и все его составляющие находятся под угрозой со стороны внешних факторов, что, вероятно, прослеживается и в экспертных мнениях, и затрагивается на специализированных сайтах в отдельных рубриках.

Категории анализа: частота упоминания; объем внимания; оценочный контекст; тип публикации (статья с выраженным экспертным мнением на интернет-ресурсах / заметка на специализированном сайте). *Единицы анализа*: устойчивость семьи в период пандемии; трансляция семейных ценностей в период пандемии; семья как носитель социального поведения в пандемическом обществе; семья как центр коммуникаций в условиях самоизоляции; государственная семейная политика в период пандемии.

В ходе исследования были проанализированы 10 специализированных сайтов (см. табл. 1). Выбор данных сайтов обозначен их специализацией: все они направлены на семейную тематику, но информация на них представлена различного характера и по разным единицам анализа, что впоследствии будет рассмотрено в исследовании. Также данные сайты характеризуются популярностью и актуальностью представленной на них информации, в том числе связанной с пандемией коронавируса и влиянием ее на состояние семьи.

В данной теме также интересно проследить и представить в сравнении мнение экспертов в области социологии, психологии, вирусологии и т. д. Так как в научном сообществе на данный момент наблюдается недостаток материалов по теме влияния пандемии на семью, будут рассмотрены экспертные мнения, оценки, прогнозы и советы, размещенные в статьях на различных интернет-ресурсах. Ввиду заявленной темы и более подробного ее обзора, для анализа было проанализировано 10 статей, включающих в себя позиции экспертов (табл. 2).

Результаты исследования

Материалы на всех представленных ресурсах рассматривались за период «волны» распространения пандемии коронавируса в России и ввода режима карантина и самоизоляции по всей стране: с марта 2020 г. по настоящее время (июнь 2020 г.). Проанализируем каждую единицу анализа на каждом сайте и в каждой экспертной статье в отдельности. Объем внимания исчисляется в количестве символов, истраченных на данную единицу анализа в статье с экспертной оценкой или в рубрике на сайте. Оценочный контекст кодируется числами (1 – позитивный, 2 – негативный, 3 – нейтральный, 0 – единица не представлена). Отметим, что на каждом из перечисленных сайтов каждая единица анализа по частоте упоминания встречается в основном максимум в одной статье/рубрике. Начнем с анализа специализированных сайтов (табл. 1).

Распределение единиц анализа в зависимости от объема внимания и оценочного контекста на специализированных сайтах

Сайт/ Единицы анализа	Устойчивость семьи в период пандемии		Трансляция семейных ценностей в период пандемии		Семья как центр коммуникаций в условиях самоизоляции		Государственная семейная политика в период пандемии		Семья как носитель социального поведения в пандемическом обществе	
	Объем внимания	Оценочный контекст	Объем внимания	Оценочный контекст	Объем внимания	Оценочный контекст	Объем внимания	Оценочный контекст	Объем внимания	Оценочный контекст
Семья детям	1134	2	1144	1	504	2	1020	3	385	2
7я.ру	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Мир семьи	0	0	0	0	1056	3	0	0	3360	3
Про семью	0	0	0	0	0	0	0	0	592	1
Семейный сайт	0	0	0	0	2916	2	2885	3	0	0
НРА	1212	3	1548	1	2686	3	0	0	1936	3
Семья для ребенка	0	0	0	0	0	0	872	3	0	0
Госуслуги	0	0	0	0	0	0	10140	3	0	0
Стопкоронавирус.рф	0	0	0	0	0	0	2928	3	0	0
Центр «Семья»	0	0	0	0	0	0	1470	3	0	0
Итого объем/средний код контекста	2346	2,5	2692	1	7462	2,5	19315	3	6273	2,3

Согласно анализу данных табл. 1, на специализированных сайтах по семейной тематике наиболее популярной информацией являются сведения, связанные с государственной семейной политикой в период пандемии: эта смысловая единица рассматривается на 60,0 % анализируемых сайтов и занимает самый большой объем внимания по сравнению с другими единицами анализа. В 100,0 % случаев государственная семейная политика оценена как нейтральная – представлена информация о пособиях и материальной помощи для семей с детьми и о том, как можно их получить, никакого отношения автора текста не выражается. 30,0 % рассматриваемых сайтов в качестве основы представленной информации имеют исключительно эту смысловую единицу.

Смысловая единица анализа «семья как центр коммуникаций в условиях самоизоляции» встречается на 40,0 % анализируемых сайтов и имеет противоречивый оценочный контекст между негативным и нейтральным (табл. 1). Нейтральная оценка связана с представленными рекомендациями для родителей или супругов по поддержанию коммуникаций и сохранению межличностных отношений. Например, Национальная родительская ассоциация [12] на своем сайте представляет рубрику «Как дружно жить в своей квартире во время самоизоляции?», где советуют читателям в общении с ребенком не скрывать информацию о пандемии и предлагают пути решения по достижению взаимопонимания в детско-родительских отношениях. Подобные советы являются целесообразными и актуальными, так как в 50,0 % случаев частоты единицы анализа, она употребляется в более негативном, чем позитивном контексте. Так, на «Семейном» сайте [15] представлена заметка «Трудно не представить ребенка семье и друзьям», где отражена история молодой матери, которой из-за коронавируса и самоизоляции не хватает семейных коммуникаций и поддержки членов семьи. Следовательно, имеем основания сделать вывод, что пандемия и меры по самоизоляции могут оказывать негативное влияние на семейные коммуникации.

Смысловая единица «семья как носитель социального поведения в пандемическом обществе» представлена на 40,0 % анализируемых сайтов (табл. 1). В 50,0 % случаев употребления семейное поведение рассматривается в нейтральном контексте с позиции советов и рекомендаций по его поддержанию и улучшению в условиях самоизоляции. Однако в остальных случаях оценочные контексты разошлись. Так, например, в итогах семинара/супервизии «Насилие в условиях самоизоляции» [16] внимание обращается на

то, что семья не является полноценным носителем социального поведения в настоящих условиях, ребенок часто не понимает, почему он должен соблюдать меры самоизоляции и карантина, в связи с чем у него возрастает уровень агрессии, что может повлиять на устойчивость семьи и трансляцию семейных ценностей. Однако противоположная позиция отображена на другом сайте в рубрике «Пока все дома» [14], где прослеживается идея семейных интернет-конкурсов и «челленджей», в которых семьи показывают в виде фото- или видеоматериалов, как весело проводят время вместе, что определенно является закономерным образцом социального поведения в условиях пандемии.

Семейные ценности и их трансляция рассматриваются лишь на 20,0 % представленных интернет-ресурсов, однако при этом – в положительном контексте (табл. 1). В рубриках на этих сайтах авторы обозначают, что несмотря на внешние угрозы ценность семьи только укрепляется, семьи сплачиваются под влиянием внешних кризисных факторов.

Однако при этом большому риску подвергается устойчивость семьи. Данная единица анализа встречается лишь на 20,0 % используемых сайтов (табл. 1). В одном случае она упоминается в нейтральном контексте в виде советов по поддержанию семейного благополучия [12]. Но в другом – устойчивость семьи ставится под угрозу, ставится во внимание большое количество внутрисемейных конфликтов за счет эмоциональной и психической напряженности под влиянием критических условий [16].

Необходимо заметить, что один из представленных к анализу сайтов, имеющий на главной странице надпись «Самый семейный сайт», не имел в упоминании ни одной смысловой единицы – среди его актуальных рубрик представлена информация никак не связанная с пандемией, есть отдельная вкладка под названием «коронавирус», но в собранной в ней информации не прослеживается никакой корреляции с темой семьи. Также стоит отметить, что не все единицы анализа достаточным образом отражены на специализированных веб-сайтах, направленных на семейную тематику. В большей степени обращается внимание на государственную семейную политику, в меньшей – на внутрисемейные коммуникации и модели семейного поведения, еще в меньшей – на устойчивость семьи и трансляцию семейных ценностей. Большой акцент делается на нейтральном контексте, рекомендациях и советах, однако здесь необходимо мнение экспертов.

Перейдем к анализу статей, размещенных на интернет-ресурсах, с представленными экспертными оценками, мнениями и рекомендациями (табл. 2).

Таблица 2

Распределение единиц анализа в зависимости от объема внимания и оценочного контекста в статьях с экспертными мнениями

Сайт/ Единицы анализа	Устойчивость семьи в период пандемии		Трансляция семейных ценностей в период пандемии		Семья как центр коммуникаций в условиях самоизоляции		Государственная семейная политика в период пандемии		Семья как носитель социального поведения в пандемическом обществе	
	Объем внимания	Оценочный контекст	Объем внимания	Оценочный контекст	Объем внимания	Оценочный контекст	Объем внимания	Оценочный контекст	Объем внимания	Оценочный контекст
Сокол [25]	320	2	644	2	1924	3	0	0	793	2
Маяк [21]	1393	3	1362	1	479	3	0	0	3159	3
РИА Новости [20]	1962	2	1406	3	757	3	0	0	2158	3
Romir [24]	2254	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Коммерсантъ [22]	2055	1	575	1	422	1	0	0	396	1
ТНИМЦ РАН [23]	1424	2	1063	1	1104	2	0	0	1711	3
Газета.ru [10]	436	1	0	0	369	1	0	0	112	1
НСН [19]	1637	2	0	0	0	0	0	0	0	0
Известия [3]	1988	2	1101	1	1157	2	0	0	0	0
Профиль [5]	3021	2	2812	1	0	0	1212	3	1029	2
Итого объем/средний код контекста	16490	1,8	8963	1,4	6212	2,1	1212	3	9358	2,1

В первую очередь, стоит отметить, что информация, представленная на специализированных сайтах, и экспертные мнения являются комплементарными. Эксперты уделяют большое внимание устойчивости семьи в условиях пандемии (100,0 % анализируемых статей), также рассматривают трансляцию семейных ценностей, семью как центр коммуникаций и как носитель социального поведения в пандемическом обществе (упоминаются в 70,0 % указанных статей). При этом государственная семейная политика отображена лишь в 10,0 % анализируемых материалов (табл. 2).

Наиболее интересующей экспертов темой в условиях пандемии является семейная устойчивость. Однако экспертное мнение по данному вопросу оказалось противоречивым: 60,0 % экспертных статей имеют негативный контекст по отношению к данной единице анализа, 30,0 % – позитивный, 10,0 % – нейтральный, включающий в себя советы по сохранению семьи в условиях общественного кризиса. К примеру, исследование холдингом Ramir в рамках опроса взрослого городского населения России (600 чел.) в июне 2020 г. было выяснено, что 73,0 % респондентов утверждают, что отношения между членами их семьи в период самоизоляции не изменились, что свидетельствует о семейной устойчивости [24]. Также 11,0 % указали, что их отношения улучшились и стали более дружелюбными. Всего у 7,0 % респондентов межличностные семейные отношения стали более конфликтными (табл. 2). Многие психологи утверждают, что в режиме самоизоляции члены семьи учатся общаться друг с другом и проводить время, следовательно, семьи становятся более сплоченными и устойчивыми [10]. Некоторые эксперты выдвигают в качестве аргумента сохранения семейной устойчивости снижение числа разводов: заявлений на развод в 2020 г. по сравнению с прошлым годом на 70 % меньше [22]. Однако другие эксперты объясняют снижение числа разводов введенными мерами карантина и самоизоляции. Как утверждает семейный психолог Светлана Бояринова, люди все равно разведутся, когда будет возможность подать документы [19]. Помимо этого эксперты заостряют внимание на учащенных случаях домашнего насилия и предлагают незамедлительно меры по его пресечению фиксировать также в планах по борьбе с коронавирусом [5]. Однако также существует экспертная позиция, что счастливые семьи останутся счастливыми и только укрепят свои внутрисемейные связи. Психологи и социологи относят пандемию и меры по ее предотвращению к факторам, которые могут указать семьям на их проблемы, на более слабые места, над которыми надо работать. По этому мнению, семьи, распавшиеся по причине пандемии, распались бы в любом случае по любым другим причинам.

Трансляция семейных ценностей через призму экспертных оценок имеет позитивный контекст в 71,4 % случаев упоминания: эксперты отмечают, что многие люди в условиях самоизоляции и большего времени, проведенного с членами семьи, начинают иначе смотреть на общение, лучше друг друга понимать, больше ценить семью (табл. 2). Оценочный контекст коммуникативной функции семьи и семьи как носителя социального поведения противоречив: наряду с мнениями, что в условиях частого проведения членов семьи вместе возрастает уровень конфликтности и напряженности, возрастает число звонков в службы психологической помощи по семейным вопросам, существует позиция, что со временем происходит некоторое «притирание» членов семьи друг к другу – они уважают личное пространство друг друга, планируют вместе дела, учатся уживаться вместе. Это лишь подтверждает высказанный ранее тезис о том, что подобные внешние критические факторы лишь указывают на проблемные зоны, но не являются причиной распада семьи, негативной трансформации ее функций и прочих явлений.

Выводы

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза подтвердилась. Действительно, угроза институту семьи со стороны пандемии четко прослеживается на многих интернет-ресурсах, специализированных веб-сайтах и экспертных мнениях. Все единицы анализа имеют достаточную частоту употребления в текстах. Однако ввиду комплементарности

специализированных веб-сайтов и статей с экспертным мнением, имеем основания дать рекомендацию по размещению экспертных статей на подобных сайтах и обмену информацией. По мере реализации поставленных задач была достигнута цель исследования – определен вектор направления тенденций развития семьи как социального института в условиях внешних угроз и рисков. По результатам анализа, имеем основания полагать, что вектор развития семьи в пандемическом обществе полностью зависит от уже заложеной в ней тенденции. Пандемия, самоизоляция и карантин являются лишь факторами, при которых в семьях могут наиболее полным образом определиться их слабые и, напротив, сильные места. Так как наиболее популярным оценочным контекстом оказался нейтральный, включающий в себя рекомендации и советы как от авторов рубрик на специализированных сайтах, так и от профессиональных семейных психологов, социологов, других экспертов, каждая семья имеет широкий спектр возможностей по сохранению своей устойчивости, сплоченности и должному осуществлению всех своих функций. В настоящее время, когда началась уже вторая «волна» распространения коронавируса, имеем основание выдвинуть уже новую гипотезу – под влиянием возрастающей внешней угрозы институт семьи становится еще более неустойчивым.

Литература

1. Антонов А. И. Социология семьи М. : Изд-во МГУ : Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления («Братя Карич»), 1996. 304 с.
2. Грабельных Т. И., Кузьмина Е. С. Экспертно-аналитическая функция социологии в исследовании роли Общественной палаты региона в формировании гражданского общества (на примере Иркутской области) // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2015. С. 165–168.
3. Вирус недоверия: 14 % пар стали чаще ссориться в режиме самоизоляции // Газета «Известия». URL: <https://iz.ru/997361/ekaterina-iasakova/virus-nedoveriia-14-par-stali-chashche-sstoritsia-v-rezhime-samoizoliacii> (дата обращения: 07.06.2020).
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. 576 с.
5. Как самоизоляция повлияет на семьи // Еженедельный журнал «Профиль». URL: <https://profile.ru/society/kak-samoizolyaciya-povliyaet-na-semi-302053/> (дата обращения: 07.06.2020).
6. Мацковский М. С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М. : Наука, 1989. 116 с.
7. Обухова Л. Ф. Психоаналитические теории детского развития: теория Зигмунда Фрейда. М. : Тривила, 1995.. URL: <http://psylib.org.ua/books/obuhl01/index.htm> (дата обращения: 07.06.2020).
8. Официальный сайт Городского информационно-методического центра г. Санкт-Петербург «Семья». URL: <http://homekid.ru> (дата обращения: 07.06.2020).
9. Официальный сайт Госуслуг: Семья и дети. URL: <https://www.gosuslugi.ru/category/family> (дата обращения: 07.06.2020).
10. Психолог спрогнозировала укрепление семей после пандемии // Интернет-издание «Газета.ру». URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/05/18/n_14434927.shtml (дата обращения: 07.06.2020).
11. Официальный сайт «Мир семьи». URL: <https://mirsemi.ru>. (дата обращения: 07.06.2020).
12. Официальный сайт Национальной Родительской Ассоциации. URL: <https://nra-russia.ru> (дата обращения: 07.06.2020).
13. Официальный сайт НКО (Фонда) «Семья для ребенка». URL: <http://fond-7ya.ru> (дата обращения: 07.06.2020).
14. Официальный сайт «Про семью». URL: <http://pro7ya.ru> (дата обращения: 07.06.2020).
15. Официальный сайт «Семейный. Дом, семья, дети: все о семье, уюте в доме и воспитании детей». URL: <https://agulik.ru> (дата обращения: 07.06.2020).
16. Официальный сайт «Семья детям. Инновации социальной поддержки». URL: <http://www.family2children.ru> (дата обращения: 07.06.2020).
17. Официальный сайт «Стопкоронавирус.пф: Новые пособия семьям с детьми». URL: https://стопкоронавирус.пф/what-is-done/social-measures/novye_posobiya_semyam_s_detmi.html (дата обращения: 07.06.2020).
18. Официальный сайт «7я.ру». URL: <https://www.7ya.ru> (дата обращения: 07.06.2020).
19. Россияне на фоне пандемии COVID-19 стали реже разводиться // Национальная служба новостей. URL: <https://nsn.fm/society/rossiyane-na-fone-pandemii-covid-19-stali-rezhe-razvoditsya> (дата обращения: 07.06.2020).

20. Самоизоляция на пользу семье: как не сойти с ума и выйти победителем // РИА Новости. URL: <https://sn.ria.ru/20200503/1570750685.html> (дата обращения: 07.06.2020).

21. Самоизоляция с семьей. Как сохранить теплые семейные отношения в этот период, рассказала психолог // Новости Красноармейского района Челябинской области «Маяк». URL: <https://mayak-74.ru/news/obshchestvo/04775>. (дата обращения: 07.06.2020).

22. Самоизоляция укрепляет семьи. Как карантин повлиял на отношения в браке // Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4343921> (дата обращения: 07.06.2020).

23. Семья в период самоизоляции // Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской Академии Наук. URL: <http://www.tnmc.ru/novosti/nii-psikhicheskogo-zdorovya/semya-v-period-samoizolyatsii/> (дата обращения: 07.06.2020).

24. Семья в период самоизоляции: влияние на отношения // Исследовательский холдинг «Romir». URL: <https://romir.ru/studies/semya-v-period-samoizolyacii-vliyanie-na-otnosheniya> (дата обращения: 07.06.2020).

25. Семья в период самоизоляции: пять советов от психолога семейного центра «Сокол» // Управа района Сокол города Москвы. URL: <https://sokol.mos.ru/presscenter/news/detail/8828978.html> (дата обращения: 07.06.2020).

26. Сергиенко С. В. Культурные девиации в контексте теории аномии: социологический анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. С. 32–36. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2010.2/942/sergienko2010_2.pdf (дата обращения: 28.05.2020).

УДК 316.423.3

Н. В. Ахмадышина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОСТ БЕСПОРЯДКОВ В США И ИХ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

Посредством контент-анализа исследуется тема расовой дискриминации, имеющей широкое распространение в США, что особенно ярко прослеживается в настоящее время на фоне растущих беспорядков в стране «свободы». Автор подвергает анализу печатные издания Америки, занимающиеся информационным освещением событий, а также причины, которые способствуют развитию сложившейся ситуации.

Ключевые слова: жизнь, жизнь чернокожих, беспорядки, расовая несправедливость, свобода.

N. V. Akhmadyshina

Irkutsk State University, Irkutsk

DISORDER GROWTH IN THE USA AND THEIR INFORMATION COVERAGE

In this article, by means of content analysis, the author raises the topic of racial discrimination, which is widespread in the United States, which is especially evident today against the background of growing unrest in the country of “freedom”. The author analyzes well-known press in America covering news as well as how current situation continues to develop.

Keywords: life, black lives, riots, racial injustice, freedom.

Расовая дискриминация в современном обществе является не только одной из важных тем мировой истории, но и во многом нашей повседневностью. Период рабства и расовой сегрегации в Америке в 1619–1865 гг, когда большинство рабов были чернокожими африканцами и их потомками, наложил определенный отпечаток на дальнейшие отношения двух народов, долгое время ассоциировавшихся с открытой враждебностью и неприязнью. Так, во многих штатах действовали законы о запрете образования для рабов, были учреждены раздельные школы для белого и темнокожего населения, отдельный общественный транспорт, кафе и рестораны, запрет на смешанные браки и т. п. [8].

Несмотря на официальную отмену рабства в стране президентом Авраамом Линкольном на территории США в 1862 г. и дальнейшее закрепление ее в Конституции [8], привычное положение дел еще долгое время имело широкое распространение, вплоть до настоящего момента. Жизнь в свободной стране не сделала людей свободными во всех смыслах этого слова: основными социальными проблемами черных американцев в настоящее время являются низкий уровень образования, высокая преступность, кризис семьи, более низкая оплата труда и слабая конкурентоспособность на рынке труда.

Современная ситуация имеет сложный и противоречивый характер. Тема данной работы напрямую связана с событиями, имевшими место в США в мае 2020 г., когда белый полицейский из Миннеаполиса применил силу при задержании афроамериканца Джорджа Флойда, что повлекло за собой смерть последнего. Инцидент был снят на видео и незамедлительно получил внимание общественности, что привело к повсеместным пикетам, шествиям и протестам в защиту чернокожих. Данный случай – далеко не единственный: произвол наблюдался в случае гибели чернокожей девушки Бронны Тейлор, Ахмеда Арбери и многих других афроамериканцев, смерть которых стала шоком для американского общества и стимулом повлиять на эту ситуацию и изменить жизнь и отношение к цветным людям в стране к лучшему. Движение Black Lives Matter, наиболее часто упоминаемое, когда речь заходит о правах чернокожих, совместные массовые протесты солидарности американцев, борьба за справедливость вызывают как поддержку у различных сторон общественности, так и абсолютно противоположные настроения (разрешение на применение силы полицией, на ввод Национальной гвардии в отдельные города, расовая нетерпимость людей). В то же время сами протестующие разделяются на два лагеря: сторонники мирного решения вопроса и агрессивно настроенные граждане, занимающиеся вандализмом, что в сочетании с предвыборной кампанией и распространением пандемии создает повышенную социальную напряженность в обществе и определяет настроения в американском обществе.

В настоящее время мы стали свидетелями широкого научного, литературного, культурного наследия, затрагивающего рабство в Америке, его отмену, отношения между угнетенными и угнетаемыми и их дальнейшее развитие. Впервые слово «расизм» было зафиксировано французским словарем Ларусса в 1932 г.: «система, утверждающая превосходство одной расовой группы над другими»; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, разработанная ООН и вступившая в силу в 1969 г., определяет расовую дискриминацию, как «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни» [13]. Проблема сегрегации чернокожего населения нашла свое отражение в фильмах «Зеленая книга», «Прислуга»; центральной темой романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» является Гражданская война между северными и южными штатами. Стоит отметить и общественно-политического деятеля и активиста, борющегося за гражданские права чернокожих в США Мартина Лютера Кинга младшего, сыгравшего лидирующую роль в ненасильственной борьбе за принятие закона, запрещающего расовую дискриминацию. Американский историк и политолог Говард Зинн в своей книге «Народная история США» обращает внимание на те аспекты истории США с колониальных времен до XXI в., которые не всегда освещаются адекватно (классовая борьба, американский экспансионизм, восстания против рабства, положение афроамериканцев в обществе); известны и другие его книги, посвященные борьбе афроамериканцев за равные права – «Новые аболиционисты» и «Мистика юга». В книге об истории США он писал: «Вместе с рабством развивалось и особое расовое чувство (будь то ненависть или презрение, сострадание или покровительство), которым сопровождалось униженное положение чернокожих в Америке в течение последующих 350 лет, – то самое сочетание низкого статуса и унижающих идей, которое мы называем расизмом» [1]. Афроамериканский общественный деятель и социолог Уильям Дюбуа сформулировал проблему «цветного барьера», которая звучит, как «главной проблемой двадцатого столетия является проблема цветного барьера, вопрос – насколько расовые различия, проявляющиеся прежде всего в цвете кожи и структуре волос, будут основанием для того, чтобы отказывать половине мира в праве в полной мере пользоваться возможностями и пре-

имуществами современной цивилизации» [7]. Свое отношение к проблеме озвучивают и многие общественные деятели современности, например, американский писатель и историк Ибрам Х. Кэнди, являющийся ведущим ученым по расовой и дискриминационной политике в Америке, и американская учительница Джейн Эллиотт, получившая известность как активистка в области антирасизма. Борьба с расизмом и расовой дискриминацией не остается без внимания и получает поддержку со стороны крупных международных организаций: Генеральная Ассамблея ООН в 1970 г. приняла резолюцию, согласно которой она придерживается «твердой решимости добиться полной ликвидации расовой дискриминации и расизма, против которых восстают совесть и чувство справедливости всего человечества» [4].

Для того чтобы более тщательно ознакомиться с ситуацией, нами для изучения текстовой информации был выбран метод контент-анализа, суть которого состоит в переводе информации в определенные количественные показатели в целях их статистической обработки и анализа. В данном исследовании был проведен не только количественный (анализ количества сообщений), но и качественный (анализ содержания сообщений, контекст употреблений) контент-анализ.

Целью данного исследования является проведение анализа отношения американского населения к росту беспорядков в США через их информационное освещение.

Задачами исследования выступили: выделение смысловых единиц для проведения контент-анализа, выбор источников информационного освещения ситуации, получение количественных данных, сравнение их с качественными составляющими, а также прогнозирование дальнейших событий на фоне полученных результатов.

В качестве смысловых единиц для проведения контент-анализа нами были выделены следующие словосочетания с иностранным эквивалентом: «жизни чернокожих имеют значение» (black lives matter), «все жизни имеют значение» (all lives matter), «полицейский произвол» (police brutality), «расовая несправедливость» (racial injustice), «превосходство белых» (white supremacy).

Источниками получения информации выступили официальные сайты известных печатных американских изданий: газета «Нью-Йорк Таймс» (New York Times) [10], газета «Лос-Анджелес Таймс» (Los Angeles Times) [9], газета «Вашингтон Пост» (Washington Post) [12], газета «США сегодня» (USA Today) [11]. Выбранные издания являются ежедневными, в связи с чем период подсчета упоминаний выбранных единиц анализа составляет ровно один месяц (с 8 мая 2020 г. по 7 июня 2020 г.).

Таблица

Частота упоминаний смысловых единиц в американских изданиях за месяц, в ед.

Смысловые единицы	Частота упоминаний в СМИ			
	New York Times	Los Angeles Times	Washington Post	USA Today
Black lives matter	671	1 181 719	601	350
All lives matter	999	1 008 535	685	1067
Police brutality	616	520 422	694	205
Racial injustice	350	176 101	279	39
White supremacy	59	530 491	101	46

Исходя из полученных данных, представленных в таблице, мы видим, что газета Los Angeles Times имеет большую публикационную активность по сравнению с другими изданиями, участвовавшими в анализе, особенно ярко такое различие наблюдается по отношению к протестам в США и идеям, которые люди этим поддерживают. Далее характеристике и анализу будет подвергнута каждая смысловая единица в рассмотренных нами источниках.

«Жизни чернокожих имеют значение» (black lives matter) – изначально название антирасистского движения, появившегося в 2013 г., которое популярно в Америке и сейчас, особенно на волне растущего недовольства народа властью и правоохранительными ор-

ганами. Данная единица используется довольно часто и в положительном ключе, словосочетание употребляется в основном в качестве ключевого слова для облегчения поиска информации или в заголовках («Сторонники движения...», «Произносите их имена», «Протесты в защиту памяти Джорджа Флойда» и т. п.). Кроме газеты Лос-Анджелеса, в которой этой теме уделено огромное внимание (более миллиона упоминаний), больше всего упоминаний о данном движении встречается в New York Times (671).

Следующая единица анализа «все жизни имеют значение» (all lives matter) является также популярным слоганом, возникшим в ответ на движение Black lives matter, чаще всего, как и предыдущий, используется в качестве хештега. Данные слоганы часто противопоставляются друг другу, но в рассмотренных нами газетах all lives matter в настоящий момент употребляется в контексте «Белые жизни. Черные жизни. Все жизни важны», «Все жизни действительно имеют значение, но имеют значение и черные». В целом отношение к слогану положительное, но ключевую роль здесь играет тот факт, что между людьми могут возникнуть конфликты по поводу возможного превосходства жизней одних над другими, вкладываемого в смысл понятия. После Los Angeles Times с более, чем миллионом публикаций, следует первая общенациональная газета США USA Today (1067), а за ней с небольшим отрывом New York Times (999).

Третья категория «полицейский произвол» (police brutality) в СМИ освещается крайне негативно, все рассмотренные нами издания не разделяют политику чрезмерного применения силы полицией: встречаются характеристики «бесчеловечно», «бесчувственно», «неправильно», «почему полицейский произвол все еще имеет место?». Рассматривая вопрос о том, почему применение чрезмерной силы полицейскими чаще всего происходит в отношении чернокожих, можно привести рассмотренную Робертом Мертоном концепцию так называемого «самоисполняющегося пророчества», которая звучит, как «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» [6]. Данная теория использовалась для объяснения того, как «распространенные представления сотрудников правоохранительных органов о повышенной преступности чернокожих приводят к реальной перепредставленности последних в системе уголовного правосудия» [3]. Другими словами, уже распространенные в полицейском сообществе расовые предрассудки, общественный запрос «белого большинства» во многом определяют их дальнейшее отношение к другим группам людей, что можно спроецировать и на многие сферы нашей жизни. Ровно в половину меньше упоминаний «полицейского произвола» прослеживается в Los Angeles Times (520 тыс.), а другие газеты в этом плане превосходит Washington Post (694).

Следующая категория анализа «расовая несправедливость» (racial injustice), в основе которой лежат положения об изначальной неравноценности человеческих рас, является определяющей, наряду «превосходством белых», положение, в котором находятся афроамериканцы в большинстве своем в американском обществе. Упоминается в контексте того, как представители того или иного штата будут бороться с данным фактом, что можно сделать для прекращения дискриминации по цвету кожи. Расовая несправедливость осуждается, как и полицейский произвол. Встречаются мнения о том, что «большинство белых людей не волнует расовая несправедливость», что можно объяснить как действиями некоторых людей, выполняемыми «на публику», так и участвовавшими разбойными нападениями на магазины и другие городские объекты, что накладывает отпечаток на благие намерения граждан, протестующих мирными способами. В целом прослеживается негативная оценка данной единицы, но выражаются определенные надежды относительно преодоления сложившейся ситуации и дальнейших действий по поддержанию баланса. Особо интересным является идея о существующем в американском обществе обратном расизме. В последние годы между белым и чернокожим населением США отношения обострились, и уже американское население с белым типом кожи начало страдать от моральных и физических унижений со стороны чернокожих. Среди афроамериканцев

риканцев в США стала заметно проявляться следующая тенденция: они начинают «принимать взгляды белых расистов о своей неполноценности и... превращают свои недостатки, по мнению белых, в достоинства... начинают гордиться теми чертами, которые для белого являются низкими и отвратительными, компенсируя тем самым свой комплекс неполноценности комплексом превосходства» [5]. Среди негритянского населения начинает набирать популярность отклоняющееся поведение: прием наркотиков, грабежи и насилие. В этой модели социального поведения и заключается опасность для белых граждан. «Афроамериканцы начинают мстить белым за их прошлую и нынешнюю спорную позицию о превосходстве их белой расы» [5]. Возможно, в закреплении некоторых стереотипов повинен и такой вариант развития событий. Эта тема меньше всего освещается газетой Los Angeles Times по сравнению с другими (176 тыс. упоминаний), далее следуют New York Times (350) и Washington Post (279).

Последняя единица анализа («превосходство белых») (white supremacy) – одна из расистских концепций, утверждающая, что белые люди превосходят других по расовым особенностям, но в данном случае используется для ознакомления белого населения с теми преимуществами, которые есть у них, и которых лишены афроамериканцы, также упоминается в совокупности с понятием «привилегия» – исключительном праве, недоступном для других. Чаще всего в рассматриваемом нами контексте данное словосочетание употребляется с целью показать, с чем ежедневно сталкиваются чернокожие граждане, помочь людям осознать проблему и ее масштаб, поэтому в условиях роста беспорядков в США внимание акцентируется не на «белом превосходстве» как клейме общества, но как на возможности действовать сообща и пытаться понять друг друга. Интерес для нас представляют и слова Роберта Мертона о том, что «этнические предрассудки отомрут, но не быстро. Этому может помочь забвение, т. е. не заявления о том, что они неразумны и не заслуживают того, чтобы сохраниться, а прекращение поддержки, оказываемой им определенными институтами нашего общества» [6]. «Превосходство белых» также чаще всего освещается газетой Los Angeles Times (530 тыс.), за ней следует Washington Post со 101.

В заключение хотелось бы отметить, что «выход на новый исторический уровень развития общества...», к которому и ведет сложившаяся в Америке ситуация, «...закономерно приводит к нарастанию и усложнению социальных трансформаций, отражаясь на ментальности социального мира. При этом кардинальные трансформации претерпевает историческое самосознание» [2] людей. В настоящее время наблюдаются сдвиги в положительную сторону: известные личности делятся актуальной информацией по теме «белого превосходства», во многих городах люди выходят на массовые мирные шествия, чтобы поддержать протестующих, переводят пожертвования в благотворительные организации, неравнодушные к ситуации полицейские и люди, стоящие у власти, также оказывают посильную поддержку протестующим, но напряжение не спадает, и лишь всеобщее преодоление идей, основывающихся на превосходстве одних людей над другими, поможет американскому обществу прийти к согласию. В любом случае, общество, каким мы его знали, прежним не будет: ситуация получила широкую огласку, а внимание, которое уже сейчас уделяется ей во всех сферах общественной жизни, ведет к непреодолимым изменениям, в том числе, в сознании людей.

Литература

1. Говард З. Народная история США: с 1492 года до наших дней : пер с англ. М. : Весь мир, 2006. С. 37–55.
2. Габельных Т. И. Формирование новых научно-технологических платформ как социально-технологической «взрыв» и главный вызов экспертному сообществу // Трансформация социального мира в современную эпоху : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Габельных]. Иркутск : Отгис, 2019. С. 22–24.

3. Григорьева К. С. Расовое профилирование: история и современное состояние исследований // Демографическое обозрение. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasovoe-profilirovanie-istoriya-i-sovremennoe-sostoyanie-issledovaniy> (дата обращения: 05.06.2020).

4. Ликвидация всех форм расовой дискриминации // Резолюции 25 сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций 30 ноября 1970 г. С. 90–91. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2647%28XXV%29> (дата обращения: 29.10.2020).

5. Мирошникова В. Е. Черный расизм в социально-экономическом аспекте США в XXI веке // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chernyy-rasizm-v-sotsialno-ekonomicheskom-aspekte-ssha-v-xxi-veke> (дата обращения: 06.06.2020).

6. Р. Мертон. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса). URL: <https://socioline.ru/pages/rmerton-samoispolnyayuschesuya-prorochestvo-teorema-tomasa> (дата обращения: 06.06.2020).

7. Geiss I. *Te Pan-African Movement*. London, 1974. P. 173, 467.

8. Николаев И. От торговли рабами до Джорджа Флойда: краткая история американского расизма // Проект Т. URL: <https://tjournal.ru/stories/174328-ot-torgovli-rabami-do-dzhordzha-floyda-kratkaya-istoriya-amerikanskogo-rasizma> (дата обращения: 29.10.2020).

9. Официальный сайт газеты Los Angeles Times. URL: <https://www.latimes.com> (дата обращения: 05.06.2020).

10. Официальный сайт газеты New York Times. URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 05.06.2020).

11. Официальный сайт газеты USA Today. URL: <https://www.usatoday.com> (дата обращения: 05.06.2020).

12. Официальный сайт газеты Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com> (дата обращения: 05.06.2020).

13. Официальный сайт Комитета по ликвидации расовой дискриминации. URL: <https://www.ohchr.org/en/hrbodies/cerd/pages/cerdindex.aspx> (дата обращения: 05.06.2020).

УДК 316.7

Т. А. Осипов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)

Представлены результаты исследования, проведенного методом контент-анализа на тему духовных оснований социальных отношений и их трансформации в условиях пандемии. Выявлена специфика отличия государственных и негосударственных средств массовой информации в этом аспекте. Проанализированы «позитивные» и «негативные конструкты» в указанных СМИ, сделаны выводы об их влиянии на ситуацию в обществе.

Ключевые слова: контент-анализ, социальные отношения, духовные основания социальных отношений, пандемия, СМИ.

T. A. Osipov

Irkutsk State University, Irkutsk

SPIRITUAL FOUNDATIONS OF SOCIAL RELATIONS AND THEIR TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC (BASED ON THE RESULTS OF CONTENT ANALYSIS)

The article presents the results of a research conducted by the content analysis method on the spiritual foundations of social relations and their transformation in the context of a pandemic. The specificity of the difference between state and non-state mass media in this aspect is revealed. The "positive" and "negative constructs" in these media are analyzed, and conclusions are drawn about their impact on the situation in society.

Keywords: content analysis, social relations, spiritual foundations of social relations, pandemic, mass media.

Постановка проблемы

В XXI в. человечество с помощью научно-технического прогресса достигло определенных успехов в преодолении различных социальных бедствий, их последствий и рискогенности в целом. Развитие международного права, повсеместная политическая стабилизация и другие процессы позволили решить многие проблемы в этой области.

Однако некоторые из них не только все еще представляют угрозу, но и даже стали более опасны в некоторых аспектах. Как утверждает Энтони Гидденс [1, с. 42], в эпоху глобализации риски сами по себе стали еще более «рискованными». К таким проблемам можно отнести эпидемии, так как на сегодняшний день они представляются серьезным риском, который можно отнести и к рукотворным в том числе.

Эпидемии способны в том или ином виде влиять на социокультурные системы, что характерно для любого исторического отрезка времени. Так как большинство эпидемий (как и эпидемия COVID-19) подразумевают особую ситуацию в сфере социальных контактов, что влияет и на социальные отношения в целом. Особенно интересно влияние этих процессов на духовные основания социальных отношений и их возможный пересмотр в связи с социальным бедствием такого масштаба. Социальные науки и социология в частности в первую очередь способны отследить подобные изменения, особенно интересны процессы в институциональной сфере. Повышается значимость экспертно-аналитической функции, с помощью которой социологическая наука должным образом реагирует на любые институциональные изменения [4].

Методы и методики исследования

В данной работе для апробации концептуальных положений было проведено пилотажное исследование. Данное исследование производилось в форме контент-анализа с целью выяснения представленности категорий, связанных с темой в крупных интернет-СМИ. Как объекты анализа были выделены следующие СМИ: 1) «ТАСС» [8] (как представитель государственного сектора СМИ); 2) «РБК» [7]; 3) издание телеканала «РТ» [6]. Анализ коснулся рубрики «Мнения», представленной на сайтах всех указанных изданий. В данной рубрике в формате коротких новостных статей собраны мнения экспертного сообщества на различные релевантные темы. Временной отрезок, выбранный для анализа – с 01.04.2020 по 31.05.2020. Сводка по собранным материалам представлена в табл. 1.

Таблица 1

Распределение по количеству собранных для анализа публикаций в СМИ

Издания	Апрель, 2020 г.	Май, 2020 г.	Итого
«ТАСС»	45	43	88
«РБК»	102	120	222
«РТ»	85	91	176
Итого	232	254	486

Результаты исследования

Выделенные единицы анализа были обнаружены в 33 статьях из общего массива (486 статей). Из них 8 относятся к изданию «ТАСС», 13 – к изданию «РБК», 12 – к изданию телеканала «РТ». Общее распределение представлено на рисунке.

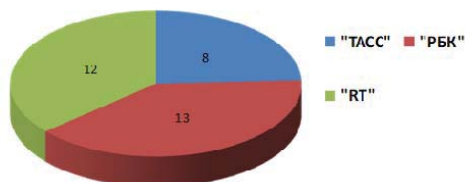

Рис. Распределение собранных материалов для анализа публикаций в зависимости от издания

Таким образом, количество публикаций с упоминанием указанной темы составляет около 6,8 % от общего массива (486 статей). Количество публикаций с упоминанием темы отдельно по изданиям: 1) «ТАСС» – 9,1 % от массива (88 статей); 2) «РБК» – 6 % от массива (222 статьи); 3) «РТ» – 6,8 % от массива (176 статей). Более высокий процент в

случае агентства «ТАСС» можно объяснить характером самой организации. Государственные СМИ на данной теме больше акцента, обусловлено это тем, что от ситуации в этой области зависят многие государственные политические меры. Кроме того, государство среди населения правомерно воспринимается как основной источник (в первую очередь, официальной) информации в данной области, что накладывает на государственные СМИ определенные обязанности. Негосударственные, несмотря на то что также освещают наиболее актуальные и релевантные темы, не обременены такими обязанностями по информационному осведомлению. Это и обуславливает довольно существенную разницу в процентном соотношении.

Также любопытен еще один аспект отличия государственных СМИ от негосударственных. Он заключается в окрасе информации в определенной публикации, а именно в контексте, в котором упоминаются анализируемые категории и единицы (подчеркнем то, что имеется в виду не эмоциональный окрас, присущий исследованиям в области социальной психологии, а скорее оценка текущей ситуации). Мы выделим три вида такого контекста: позитивный, негативный и нейтральный. Распределение по этому признаку продемонстрировано в табл. 2.

Таблица 2

Распределение публикаций государственных и негосударственных изданий
в зависимости от оценочного окраса

Издания	Позитивный	Нейтральный	Негативный	Всего
«ТАСС»	6	1	1	8
«РБК»	3	1	9	13
«РТ»	3	2	7	12
Всего	12	4	17	33

Как показывают данные табл. 2, в публикациях государственного информационно-агентства «ТАСС» единицы анализа упоминаются преимущественно в позитивном контексте. В свою очередь в негосударственных СМИ ситуация противоположная, упоминания фигурируют в основном в негативном контексте. В нейтральном контексте упоминания фигурируют в малой части публикаций. Такое распределение опять-таки объясняется характером средств массовой информации. Государственные СМИ, вероятнее всего, таким образом используют информационные методы стабилизации общественного дискурса. Формирование определенной информационной модели, особенно если она имеет «официальный» характер (в том ключе, что сформирована государством), определенным образом влияет на общественное сознание. Тем самым можно добиться недопущения многих нежелательных для государства и непосредственного самого населения сценариев развития общественной ситуации. В целом такое преформированное информационное влияние может иметь как положительное, так и негативное фактическое влияние на ситуацию в государстве. Однако допустимость таких действий с этической точки зрения, так или иначе, остается под вопросом. В социальной теории это может быть обосновано в рамках парадигмы конструирования социальной реальности. Негосударственные СМИ в свою очередь опять же имеют определенную свободу маневра в этом плане. Нацеленность на привлечение к СМИ внимания также влияет на это, так как заставляет обращаться к наиболее релевантным сюжетам. В свою очередь «критический» характер публикаций зачастую положительно влияет на их релевантность среди населения. Кроме того, подача информации, кардинально отличающейся от «официальных» версий, способствует формированию определенного антагонистического нарратива, который так же поддерживает релевантность «оппозиционного» лагеря.

Можно также дать обобщенный портрет позитивного и негативного контекста в описании указанной темы. Как позитивный, так и негативный контексты в описании духовных оснований социальных отношений в основном конструируются с помощью категорий социальной солидарности. В этом случае целесообразно будет обратиться к работе

Питера Бэра, который оказался в самом разгаре эпидемии атипичной пневмонии в 2004 г. В своей статье [10] он выделил условия, необходимые для солидаризации общества во время эпидемии. Соответственно, отсутствие этих условий может привести к обратной реакции.

Позитивный контекст зачастую строится на описании общества как площадки всеобщей солидаризации в условиях эпидемии. Упоминаются такие моменты как осознание общей угрозы, моральная плотность населения, наличие определенных социальных ритуалов, что по П. Бэру значительно способствует общей солидаризации сообщества. Это подкрепляется иллюстрациями с конкретными примерами социальных отношений. К примеру, приводятся факты выказывания глубокого уважения государственным служащим (в первую очередь, медицинским работникам), упоминается множество социальных ритуалов, выражающих сплочение граждан (различные флешмобы, примеры «безопасного общения» и другое). Упоминается также определенный диагностический эффект пандемии, способствующий выявлению и решению существующих социальных проблем. Предполагается, что это положительно повлияет на сферу социальных отношений, в частности на солидарность общества в различных аспектах.

В свою очередь негативный контекст показывает противоположную ситуацию, характеризующуюся отсутствием солидарности, взаимоуважения, нарушением норм морали и нравственности. В этом случае ситуация ассоциируется с так называемым «гоббсовым страхом», войной «всех против всех». Наблюдается также смещение в соотношении Инструментальной и ценностной рациональности. Акцент на инструментальной рациональности предполагает пересмотр духовных оснований социальных отношений или же полное их отбрасывание для использования исключительно инструментальных оснований. Для иллюстрации могут использоваться примеры обострения различных противостояний, так называемая «поляризация» (к примеру, обострение в социальном плане проблемы «Север – Юг» в Италии), примеры забастовок, митингов («оранжевые жилеты») и т. д. Также любопытной частью таких «негативных конструкторов» являются прогнозы. Такой прием может использоваться и в позитивной коннотации, однако чаще всего это происходит противоположным образом. Это можно обозначить как некие «пост-пандемические антиутопии», которые рисуют образы разобщенного человечества, конца морали, публичных пространств и социальных отношений как таковых. Можно говорить о тотальной утробной «индивидуализации» в духе Зигмунта Баумана [2], усилении «колкости» социального мира [1].

Таким образом, контент-анализ показал, что указанная тема занимает определенную позицию в повестке дня, которую формируют как государственные, так и негосударственные СМИ. Была выявлена определенная разница между этими типами средств массовой информации, которая выражается как в количественных (частота упоминаемости), так и качественных критериях (подача информации и ее окрас). Данная тема важна, так как в таких критических условиях, в условиях пандемии в частности, повышается роль СМИ в конструировании социальной реальности. Эта роль актуализируется как «четвертая власть», определенным образом влияя на общественное сознание и сферу социальных отношений. Безусловно, это может использоваться как на благо общества, так и против него. В таком случае опять же стоит упомянуть важность обращения к социальным наукам и социологии в частности. Исполнение экспертно-аналитической и консалтинговой функций позволит здраво взглянуть на ситуацию в обществе и СМИ, проследить то, как они коррелируют и сформировать ряд рекомендаций по оптимальному использованию этих инструментов в социально полезном русле.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь Мир, 2004. 188 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. 390 с.
3. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь Мир, 2004. 120 с.

4. Грабельных Т. И., Кузьмина Е. С. Экспертно-аналитическая функция социологии в исследовании роли Общественной палаты региона в формировании гражданского общества (на примере Иркутской области) // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2015. С. 165–168.
5. Кисельникова Т. В. Этика в социальных отношениях // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4(16). С. 15–18.
6. Желтов М. П. Человек в системе социальных отношений // Вестник Чувашского университета. 2013. № 5. С. 39–45.
7. Baehr P. Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS // European Journal of Sociology. 2005. Vol. 46, N 2. P. 179–211.
8. Сайт некоммерческой организации «ТВ-Новости», 2005–2019 гг.. URL: <https://russian.rt.com> (дата обращения: 25.04.2019).
9. Сайт газеты «РБК». URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 25.04.2019).
10. Сайт информационного агентства «ТАСС». URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 25.04.2019).

УДК 323.285

М. А. Павлюк

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА НА ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)

Раскрывается сущность терроризма как глобальной проблемы человечества. Приводятся четыре основных подхода к пониманию идеологии террористической деятельности. С учетом трансформирующегося общества выделяется особая форма терроризма – информационная, а с помощью проведенного контент-анализа по материалам международных конференций раскрывается сущность данного вида террора, приводятся психологические и духовные последствия. Даются рекомендации, как обезопасить себя от негативного воздействия информационного терроризма и кибертерроризма.

Ключевые слова: терроризм; информационный терроризм; кибертерроризм; трансформирующееся общество; духовные основы общества; психологическое и духовное воздействие информационного терроризма.

М. А. Pavlyuk

Irkutsk State University, Irkutsk

THE IMPACT OF INFORMATION TERRORISM ON THE SPIRITUAL FOUNDATIONS OF A TRANSFORMING SOCIETY (BASED ON THE RESULTS OF CONTENT ANALYSIS)

This article reveals the essence of terrorism as a global problem of humanity. The author also provides four main approaches to understanding the ideology of terrorist activity. Taking into account the transforming society, a special form of terrorism is identified – informational, and with the help of content analysis based on the materials of international conferences, the essence of this type of terror was revealed, psychological and spiritual consequences are given, including recommendations on how to protect yourself from the negative impact of information terrorism and cyberterrorism.

Keywords: terrorism; information terrorism; cyberterrorism; transforming society; spiritual foundations of society; psychological and spiritual impact of information terrorism.

В XXI в. терроризм стал угрозой, которая приобрела глобальный характер. Террористические организации отличаются организованностью, скоординированностью и отлаженностью действий. К тому же, террористические группировки преобразуются в более масштабные структуры на религиозной, политической, этнической и других основах. Обострение насилия, массовых убийств, террористических атак, вместе с политическими, социально-экономическими, духовно-идеологическими проблемами не позволяют должным образом развиваться государству. В такой период страна становится уязвимой, снижается уровень национальной безопасности.

На данный момент выделяется четыре основных подхода, которые способствуют пониманию сущности террористической деятельности в целом. *Первая теория* рассмат-

ривает политический терроризм как социально-психологическое явление, основанное на политическом насилии. Это проявляется в виде террористических актов, прежде всего с целью создания в обществе хаоса, поддержания атмосферы паники и страха. Именно в этой позиции рассматривали терроризм российские социально-политические деятели конца XIX – начала XX в.: Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, М. А. Бакунин и др. [2, с. 136]. Следует отметить, что данная теория чаще всего используется в прикладных исследованиях терроризма как глобальной проблемы.

Вторая теория объясняет терроризм, опираясь на социальную и личностную психологию, т. е. терроризм – это проблема больше психологического характера. Среди отечественных исследователей в данном направлении занимались: В. А. Соснин и Т. А. Нестик, Ю. М. Антонян, Д. В. Ольшанский. Среди зарубежных исследователей – А. Р. Чарльза и Х. М. Боумена, Дж. Рае, Дж. Викторофф и М. Шреншав [2, с. 134]. В данном контексте особого внимания заслуживает проблема глобализации. Сегодня процессы глобализации напрямую влияют на социальные процессы, происходящие в обществе. Главным образом это отражается в материальном неравенстве в мире, что неизбежно влияет на обострение негативно настроенных масс населения в странах Ближнего Востока, в Африке, Латинской Америке и др.: «Мировой экономический и финансовый кризис во многих странах вызвал углубление социальной дифференциации, следствием которой выступил рост социального неравенства и распространение бедности» [1]. В свою очередь, это влияет на рост преступности и, главное, на рост терроризма и экстремизма. Все это порождено рядом таких глобальных проблем, как рост безработицы, высокий уровень бедности, неграмотность, многим незащищенным слоям населения недоступно образование, недоступна качественная медицина. Другими словами, бедность и многие другие факторы напрямую влияют на психологическое состояние индивида, что может подвергнуть его к вступлению в террористические организации.

Третий подход в изучении терроризма – это теория цивилизационного конфликта. В данном подходе акцентируется внимание на том, что терроризм приобрел глобальный характер только потому, что в мире преобладает существенный разрыв между цивилизациями Запада и Востока, т. е. христианским и исламским миром. Наиболее ярко это изложено в теории С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразования мирового порядка» [3]. *Четвертый подход* основывается на изучении терроризма как многофакторного социального феномена. В данном подходе акцентируется внимание на том, что общество пронизано негативными процессами, которые порождают в социуме острые социальные конфликты, хаос и массовую панику. Основной причиной данного явления считают то, что общество неформально делится на «своих» и «чужих», между которыми, соответственно, возникает конфликт.

Нельзя не отметить, что особой формой насилия на сегодняшний день является информационный терроризм, который заключается в целенаправленном информационном воздействии на сознание с целью внедрения особых политических, социально-экономических, религиозных идеологий. Главным образом негативное воздействие оказывается на индивида, общество и в целом на государство посредством специально разработанной информации. Это может проявляться в виде рассылки сообщений с помощью интернет-ресурсов от различных террористических сообществ, также это может быть в виде агентурной работы иностранных спецслужб и зарубежных средств массовой информации. В трансформирующемся обществе выделилось два направления информационного терроризма – это физическая форма и психологическая, зачастую также ее называют духовной формой. Физическая форма проявляется в том, что давление, которое оказывает террорист с помощью специально подготовленной информации, приводит индивида к различным действиям. Духовная форма заключается в том, что информационный терроризм существенно влияет на психологическое и духовное состояние общества, иными словами, воздействует на духовные основы социума.

С развитием инфокоммуникационных технологий стало сложнее определять, какая именно информация является опасной для человека, за каким сообщением может скрываться террорист. На основании этого информационный терроризм является современным массовым оружием, и, в свою очередь требует пристального внимания со стороны властей и общественности. В свою очередь это стало причиной проведения исследования на тему «Влияние информационного терроризма на духовные основы трансформирующегося общества» посредством контент-анализа по материалам международных конференций 2011 [4], 2013 [5], 2015 [2], 2017 [6] и 2019 [7] гг. Все материалы посвящены терроризму, его видам, формам и степени влияния на общественную жизнь и государство. Всего было рассмотрено 260 статей о терроризме, из них 214 посвящены информационному терроризму. Больше всего материалов относительно информационного терроризма содержится в сборнике материалов международной конференции «Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России» (87,5 %) [6] и в материалах международной конференции АТЦ СНГ «Информационное противодействие терроризму и экстремизму» (85,4 %) [2].

В ходе контент-анализа рассматривались такие позиции, как: автор публикации (табл. 1), жанр статьи (табл. 2), источники информации в статьях (табл. 3), частота появлений эмоциональных суждений (табл. 4), частота употребления выделенных смысловых единиц анализа – трансформирующееся общество; информационный терроризм и новые угрозы; кибертерроризм и его последствия; влияние информационного терроризма на духовную жизнь общества; влияние информационного терроризма на социальные отношения, взаимодействия и связи в трансформирующемся обществе; психологические и духовные последствия информационного терроризма; преодоление массовой паники и страха в трансформирующемся обществе; власть и управление в трансформирующемся обществе (табл. 5). В первую очередь, нами было проанализированы авторы публикаций научно-теоретических и научно-методических статей (табл. 1).

Таблица 1

Авторы публикаций

Автор публикации	Год выхода сборника материалов международных конференций						
	2011	2013	2015	2017	2019	Всего	Всего, в %
Студенты	31	12	0	29	8	80	37,4
Преподаватели							
Кандидаты наук	11	26	0	7	5	49	22,9
Доктора наук	15	10	0	8	3	36	16,8
Доценты кафедр	1	2	0	1	0	4	1,9
Эксперты							
Органы государственной власти	0	0	23	0	0	23	11,3
Правоохранительные органы	2	0	18	0	0	20	9,7

Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что большую часть авторов статей составляют преподаватели высших учебных заведений. Важно отметить, что в основном – это специализация в области социальных или политических наук, реже – экономических. 37,4 % – это студенты вузов, в основном студенты 4-х курсов и магистранты. Также были отмечены эксперты от органов государственной власти (11,3 %) и представители правоохранительных органов (9,7 %). Изучая гендерный аспект авторов статей, выяснилось, что 76,2 % – это мужчины, женщин всего 23,8 %. Большая часть мужчин – это эксперты, доктора наук и доценты. Далее представлялось важным изучить жанр статей (табл. 2).

Жанр статьи

Жанр статьи	Год выхода сборника материалов международных конференций					Всего	Всего, в %
	2011	2013	2015	2017	2019		
Научно-теоретический	49	23	0	21	5	98	45,8
Научно-практический	13	27	43	24	11	116	54,2
Всего	62	50	43	45	16	214	100,0

Данные, представленные в табл. 2, наглядно показывают, что в рассмотренных статьях преобладает научно-практический жанр (54,2 %). В статьях такого жанра в основном присутствуют материалы социологических исследований, даются определенного рода рекомендации органам государственной власти, правоохранительным и военизированным структурам. Также важно отметить, что в основном такой жанр свойственен преподавателям и экспертам, а в статьях студентов преобладает научной-теоретический жанр. На следующем этапе мы проанализировали источники информации, которые были использованы при написании статей (табл. 3).

Таблица 3

Источник информации, использованные при написании статей

Виды источников	Год выхода сборника материалов международных конференций					Всего	Всего, в %
	2011	2013	2015	2017	2019		
Личный опыт	0	7	29	0	14	50	16,4
Юридические и правовые документы	6	11	6	36	19	78	25,6
Статистические данные	6	8	5	5	9	33	10,8
Интернет-ресурсы	6	4	0	5	2	17	5,5
СМИ	21	14	0	1	0	36	11,8
Социальные сети	0	0	0	8	5	13	4,6
Научная литература	32	20	0	19	6	77	25,3
Всего	71	64	40	74	55	304	100,0

Анализ табл. 3 показал, что среди источников информации преобладает научная литература (25,3 %) и юридические и правовые документы (25,6 %). Затем личный опыт автора (16,4 %) и источники СМИ (11,8 %). Всего 4,6 % источника – это социальные сети, такие как Instagram, Вконтакте и Одноклассники. Неудивительно, что большая часть – это юридические и правовые документы и научная литература, так как нельзя рассматривать вопрос об информационном терроризме, не ссылаясь на правовые законы, которые содержат в себе информацию о защите личности, общества и государства, а также о наказании за нарушение законов и совершении противоправных деяний. Далее необходимо было изучить эмоциональную окраску суждений об информационном терроризме (табл. 4).

Таблица 4

Частота появления эмоциональных суждений об информационном терроризме в материалах международных конференций с 2011 по 2019 г.

Год	Положительные	Отрицательные	Нейтральные	Всего	Всего, в %
2011	0	49	2	51	23,8
2013	0	36	23	59	27,6
2015	0	39	5	44	20,6
2017	0	44	0	44	20,6
2019	0	10	4	14	7,4
Всего	0	178	36	214	100,0

Данные табл. 4 свидетельствуют о том, что 83,1 % суждений негативного характера, тогда как 16,9 % – нейтрального. Суждения негативного характера в большинстве содержат в себе данные о том, что информационный терроризм – это одна из главных угроз человечеству, которая приобрела глобальный характер. Из-за него возникают массовые паники, страх, боязнь оказаться жертвой террориста и мн. др. Суждения нейтрального характера – это в основном статьи научно-теоретического жанра, которые содержат методологию изучения терроризма. Важно отметить, что не было выявлено суждений положительной эмоциональной окраски. Главная задача проведения контент-анализа заключалась в выявлении частоты употребления смысловых единиц анализа (табл. 5).

Таблица 5

Частота употребления закодированных* смысловых единиц анализа в материалах международных конференций с 2011 по 2019 г.

Код	2011	2013	2015	2017	2019	Всего	Всего, в %
1	0	20	94	14	20	148	14,9
2	19	28	59	61	19	186	18,7
3	0	13	49	29	10	101	10,1
4	10	0	45	41	15	111	11,2
5	0	0	0	0	0	0	0,0
6	5	28	90	52	14	189	19,1
7	45	29	83	73	20	250	25,3
8	0	0	0	0	0	0	0,0
Всего	79	118	420	271	103	991	100,0

*Закодированные смысловые единицы анализа: 1. Трансформирующееся общество; 2. Информационный терроризм и новые угрозы; 3. Кибертерроризм и его последствия; 4. Влияние информационного терроризма на духовную жизнь общества; 5. Влияние информационного терроризма на социальные отношения, взаимодействия и связи в трансформирующемся обществе; 6. Психологические и духовные последствия информационного терроризма; 7. Преодоление массовой паники и страха в трансформирующемся обществе; 8. Власть и управление в трансформирующемся обществе.

Анализ данных, представленных в табл. 5, показал, что чаще всего в статьях, рассмотренные с 2011 по 2019 г., употреблялась фраза «преодоление массовой паники и страха в трансформирующемся обществе» (упоминалось 250 раз (25,3 %, код 7). Авторами статей приводились научные данные, подтверждающие, что в обществе действительно существует проблема информационного терроризма, и на основании этого давались разные рекомендации – как сохранить спокойствие, как распознать, что Вами пытаются манипулировать, на какие интернет-ресурсы стоит заходить, а каких источников лучше избежать.

Далее 19,1 % – это «психологические и духовные последствия информационного терроризма» (упоминалось 189 раз, код 6) и 18,7 % – «информационный терроризм и новые угрозы» (упоминалось 186 раз, код 2). Были выделены три основные проблемы: бытовая, когда информационный терроризм несет локализованный личностный характер; научная проблема, когда разрушаются объективно-закономерные логические связи проверенных научных истин; также была выделена социально-политическая проблема, когда массово подвергается влиянию индивиды, сообщества и различные группы, а также в целом правительство страны. Самое главное и страшное последствие, по мнению большинства авторов статей – это когда посредством информационного террора меняется мировоззрение всего общества. Важно отметить, что посредством информационного терроризма распространяются дискредитирующие слухи, антинаучная, аморальная литература; в большей степени происходит пропаганда насилия и унижение личностного и национального достоинства; совершаются подлоги и подменяются предметно логические понятияные основы; создается всеобщая массовая дезориентация.

«Трансформирующееся общество» употреблялось 148 раз, (14,9 %, код 1). В основном авторы статей приводили схожее определение, которое заключалось в том, что трансформирующееся общество – это общество, в котором происходит переход социаль-

ных систем и институтов из одного состояния в другое. «Влияние информационного терроризма на духовную жизнь общества» было употреблено 111 раз, (11,2 %, код 4). Проводя анализ данной смысловой единицы, выяснилось, что авторы статей, говоря о влиянии информационного терроризма на духовной жизни общества, подразумевают тоже самое, что и «психологические и духовные последствия информационного терроризма (код 6). Другими словами, влияние информационного терроризма происходит с помощью распространения информации, которая пропагандирует насилие и унижение, создаст атмосферу страха и паники.

«Кибертерроризм и его последствия» было употреблено 101 раз (10,1 %, код 3). Авторы статей, в которых содержится понятие «кибертерроризм», схожи в том, что это комплексные противозаконные, уголовно наказуемые действия в киберпространстве. Главным образом в качестве последствий выделялось нанесение значительного материального и духовного ущерба как государственной безопасности, так и безопасности личности и общества. Это приводит к искажению информации, порчи материальных носителей, даже вплоть до влияния на социально значимые, политические, экономические вопросы, решение которых отражается на всем социуме.

Таким образом, проведенный контент-анализ позволил утверждать, что проблема информационного терроризма актуальна для современного общества на протяжении 8 лет (это подтвердил анализ материалов международных конференций с 2011 по 2019 г.) [2; 4–7]. В целом информационный терроризм – это вид терроризма, где с помощью специально подготовленной информации оказывается давление на людей, меняется мировоззрение всего социума. Необходимо подчеркнуть, что дискредитирующие слухи, антинаучная, аморальная и безнравственная литература; пропаганда насилия и унижение личностного и национального достоинства безусловно негативно сказываются на духовных основах всего общества. Невозможно самостоятельно справиться с оказываемым психологическим давлением, а в век развития инфокоммуникационных технологий, особую сложность представляет вычислить за каким сообщением или собеседником скрывается террорист. Поэтому предельно важно индивидам следить за тем, что они читают, какими интернет-ресурсами пользуются и с кем общаются в социальных сетях. Кроме этого необходимо проводить постоянную профилактическую работу с населением, необходимо разработать комплексную программу мероприятий, которые позволят научить людей противостоять психологическому информационному давлению, научат различать опасные и безопасные источники информации.

Литература

1. Багрий Е. И., Грабельных Т. И. Социально-стратификационная динамика и новые требования к субъекту реализации государственных инициатив в России // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-stratifikatsionnaya-dinamika-i-novyye-trebovaniya-k-subektu-realizatsii-gosudarstvennyh-initsiativ-v-rossii> (дата обращения: 06.06.2020).
2. Международная конференция АТЦ СНГ «Информационное противодействие терроризму и экстремизму». М. : ОЛМА Медиа Групп, 2015. 176 с.
3. Сорокопудов А. Л. Различные подходы к исследованию терроризма как явления современной политической деятельности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 134–138.
4. Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 3 дек. 2011 г., г. Казань. Уфа : ЯЗ, 2011. 107 с.
5. Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 4 апр. 2013 г., г. Казань. Уфа : ОМЕГА САЙНС, 2013. 94 с.
6. Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 19 дек. 2017 г. Стерлитамак : АМИ, 2017. 163 с.
7. Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 11 мая 2019 г., г. Казань. Уфа : ОМЕГА САЙНС, 2019. 58 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 133 с.

БЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ЖИЗНИ В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД: ОБРАЗОВАНИЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, КУЛЬТУРА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ)

Рассматриваются предполагаемые последствия выхода из пандемического периода в различных сферах жизни общества по материалам контент-анализа. рассматривает существующее положение в сферах образования, здравоохранения и культуры, основываясь на анализе выбранных автором смысловых единиц в СМИ, количестве их упоминаний и эмоциональной окраске.

Ключевые слова: постпандемический период, образование, здравоохранение, культура, СМИ, последствия, благоприятные условия.

K. A. Savilova

Irkutsk State University, Irkutsk

FAVORABLE CONDITIONS FOR LIFE IN THE POST-PANDEMIC PERIOD: EDUCATION, HEALTHCARE, CULTURE (ON THE MATERIALS OF CONTENT ANALYSIS OF SPECIALIZED INTERNET SITES)

The article examines the expected consequences of the end of the pandemic period in various spheres of society based on content analysis. The author of the article examines the current situation in the fields of education, health and culture, based on the analysis of the semantic units chosen by the author in the media, the number of their mentions and emotional coloring.

Keywords: post-pandemic period, education, health, culture, mass media, consequences, favorable conditions.

В декабре 2019 г. в Китае, а именно в г. Ухань, выявили новое заболевание – коронавирус COVID-19, в то время никто не мог предположить, что вирус окажется настолько заразным и охватит население всего мира, и даже спустя полгода эпидемия не закончится. В России в качестве меры борьбы с пандемией в марте 2020 г. постепенно начали вводить режим самоизоляции, что не могло не повлиять на качество жизни и социальное самочувствие населения нашего государства.

Существует многообразие подходов к определению категории «качество жизни», они сменялись в зависимости от политических, социальных и экономических условий, которые преобладали в определенный период времени, а также от наиболее значимых в обществе того периода научных представлений. В 50–60-х гг. XX в. при определении понятия качества жизни акцентировались именно на материальной составляющей, так как это время можно охарактеризовать «расцветом» общества потребления. Другими словами, качество жизни в то время оценивалось количеством материальных благ человека, духовные ценности большего значения не имели.

Американский ученый Дж. Гэлбрэйт в 1970-х гг. для корректной оценки общественного прогресса считал необходимым переоценку системы ценностей, а также придерживался мнения о том, что именно качество жизни населения является важнейшим показателем общественного прогресса, нежели макроэкономические показатели [1, с. 27].

Таким образом, развиваясь как самостоятельная концепция, качество жизни сегодня становится критерием общественного прогресса и развития социально-экономических систем различного уровня, что актуализирует измерение качества жизни и интерпретацию его основных компонентов.

Одним из важнейших факторов установления социального порядка в обществе и государстве является социальное самочувствие, связано это с тем, что жизнеспособность и устойчивость общества зависят в первую очередь от того, как себя чувствуют его граждане. Самочувствие людей во многом зависит от качества жизни и уровня комфортности в обществе и государстве, в котором они живут и будут жить их дети. При изуче-

нии социального самочувствия представители как зарубежной, так и отечественной социологии концентрируется на трактовке данного термина как крайне важного фактора, определяющего не только степень благополучия и благосостояния граждан, но и непосредственно уровень развития государства [2, с. 110].

Для более точного и подробного анализа сложившейся в настоящее время ситуации в следствии коронавирусной инфекции, а также для выявления возможных ее последствий, был применен метод контент-анализа в СМИ, смысловыми единицами которого являются: «жизнь при пандемии», «последствия пандемии коронавируса», «здравоохранение в условиях пандемии коронавируса», «образование в условиях пандемии коронавируса», «культура в условиях пандемии коронавируса». Были выбраны такие интернет СМИ как: «Газета.Ru», «РИА Новости», «Рамблер», «Российская Газета» [3–6]. Контент-анализ выделяют качественный и количественный, в данной работе будут применены оба вида. Количественный контент-анализ подразумевает под собой анализ количества упоминаний смысловой единицы в СМИ (табл.). Как мы видим, общее количество упоминаний всех смысловых единиц в представленных для анализа СМИ – 51 149. Наиболее «активным» по количеству публикаций оказалось «РИА Новости» – 22 256, наименее – «Газета.Ru» (8708). Из смысловых единиц наибольшую популярность получила «Здравоохранение в условиях пандемии коронавируса» – 30 425 упоминаний, меньше всего упоминают «Культуру в условиях пандемии коронавируса» – 2292.

Таблица

Количество упоминаний смысловой единицы в СМИ

Смысловая единица / СМИ	«Газета.Ru»	«РИА Новости»	«Рамблер»	«Российская Газета»	Всего
«Жизнь при пандемии»	1224	4093	3277	2708	11 302
«Последствия пандемии коронавируса»	648	1378	1039	1094	4159
«Здравоохранение в условиях пандемии коронавируса»	6365	15045	5528	3487	30 425
«Образование в условиях пандемии коронавируса»	255	830	309	1577	2971
«Культура в условиях пандемии коронавируса»	216	910	199	967	2292
Всего	8708	22 256	10 352	9833	51 149

В качестве первой смысловой единицы для анализа рассмотрим наиболее обширную – «жизнь при пандемии». Эта смысловая единица получила 11 302 упоминания в выбранных для анализа СМИ, делаем вывод о ее актуальности, с другой стороны, она является весьма спорной, так нельзя сказать, что она упоминается преимущественно в позитивном или негативном контексте. В статьях с этой темой часто присутствует статистика по коронавирусу. Также эта тема практически не упоминается «отдельно», т. е. статьи исключительно о жизни населения в условиях пандемии коронавирусной инфекции встречаются в очень малом количестве, преобладают статьи, в которых присутствуют и другие смысловые единицы, в особенности «Здравоохранение в условиях пандемии коронавируса».

Далее рассмотрим наиболее часто упоминаемую смысловую единицу – «Здравоохранение в условиях пандемии коронавируса». Количество упоминаний в СМИ – 30425. Такое большое число упоминаний в СМИ объясняется тем, что коронавирусная инфекция имеет прямое отношение именно к сфере здравоохранения, ведь главный вред пандемия наносит ни экономике, ни политике, ни культуре, а именно здоровью людей. Что касается характера упоминаний, то примерно в равной степени встречаются как негативные статьи, так и позитивные. В статьях с негативным характером чаще пишут о возрастающем количестве зараженных коронавирусом, о его высокой смертности (не относится к России, так как по статистике смертность от коронавируса в России намного ниже, чем в других странах), о плохих условиях и нехватке мест в больницах, нехватке медицинского персонала, лекарств, средств защиты. Важно отметить, что из-за пандемии и введе-

нии режима самоизоляции основная часть медицинских работников, медикаментов и т. д. направлена на борьбу с коронавирусной инфекцией, выявление и лечение заразившихся коронавирусом, соответственно, медицинская помощь стала менее «открытой» и доступной для населения, что крайне негативно сказывается на качестве жизни и социальном самочувствии людей. В положительном ключе представленная смысловая единица встречается в статьях с такими новостями, как уменьшение количества заражений и смертей от коронавируса, а также в новостях со сведениями о разработке лекарства от COVID-19. После пандемии сфере здравоохранения будет достаточно трудно вернуться к прежним условиям, так как после столь долгого закрытия поликлиник будет множество желающих их посетить, также возможна нехватка медицинских изделий и лекарств.

Такая смысловая единица как «Образование в условиях пандемии коронавируса» получила 2971 упоминание в выбранных для анализа СМИ. Образование является крайне важной составляющей жизни общества, и, по мнению автора, данной теме следует уделять больше внимания. С марта 2020 г. все образовательные учреждения Российской Федерации перешли на режим дистанционного обучения, что, по мнению автора, усложнило процесс обучения как для школьников и студентов, так и для учителей и преподавателей. Характер упоминание данной темы в СМИ характеризуется как «нейтральный», чаще всего в таких новостях идет речь об изменениях в графике обучения (например, во многих школах учебный год заканчивается раньше, а в некоторых вузах сессия начнется позже обычного), а также о переносе дат ЕГЭ для выпускников школ. После окончания пандемии какие-либо серьезные изменения в сфере образования маловероятны.

Что же касается «Культуры в условиях пандемии коронавируса», эта единица получила наименьшее количество упоминаний – 2292, что может рассматриваться как показатель того, что культура для населения имеет наименьшую значимость в отличие от здравоохранения или образования и оказывает значительное влияние на качество жизни населения. Новости по данной теме носят нейтрально-негативный характер, так как в основном в таких статьях сообщается о переносе или отмене каких-либо мероприятий в сфере культуры. В статьях позитивного характера чаще представлена информация о том, что различные мероприятия из сферы культуры (концерты, театральные выступления и т. д.) можно посмотреть в онлайн-формате. Что касается состояния культуры в постпандемический период, то это, по мнению автора, можно будет считать неким «возрождением», так как нельзя не отметить, что люди слишком долго находятся в режиме самоизоляции, и при ее завершении и открытии всех учреждений культуры, люди обязательно захотят эти учреждения посетить после столь долгого перерыва.

«Последствия пандемии коронавируса» получили 4159 упоминаний в выбранных автором для анализа интернет-источниках. Статей с положительным контекстом крайне мало, связано это с тем, что в настоящее время динамика ежедневных заражений остается на достаточно высоком уровне (в России каждый день коронавирус выявляют более чем у восьми тысяч человек), о серьезных негативных последствиях пандемии для всех сфер жизни общества и о большом количестве летальных исходов. Также на сегодняшний день ученые затрудняются в прогнозировании сроков окончания пандемии.

Таким образом, тема условий жизни населения в период пандемии, ее влияние на различные сферы жизни общества и ее последствия остается пока малоизученной, но крайне актуальной на сегодняшний день. Автором был проведен контент-анализ таких источников, как «Газета.Ру», «РИА Новости», «Рамблер», «Российская Газета». Было выявлено, что тема пандемии коронавирусной инфекции является крайне популярной в интернет-СМИ и интересной для населения. Большинство новостей носит негативный характер вследствие неутешительных последствий пандемии для абсолютно всех сфер жизни общества. Больше всего от пандемии COVID-19 «пострадала» именно сфера здравоохранения. В целом пандемия и меры по борьбе с ней оказали негативное влияние на качество жизни населения и социальное самочувствие людей.

Литература

1. Барская О. Л. Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.09 / АН СССР. Ин-т социологии. М., 1989. 19 с.
2. Нехода Е. В., Рощина И. В., Пак В. Д. Качество жизни: проблемы измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. С. 107–125.
3. Официальный сайт «Газета.Ру». URL: <https://www.gazeta.ru/> (дата обращения: 07.06.2020).
4. Официальный сайт «Рамблер». URL: <https://www.rambler.ru/> (дата обращения: 07.06.2020).
5. Официальный сайт «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 07.06.2020).
6. Официальный сайт «Российская газета». URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 07.06.2020).

УДК 316.42

С. А. Сафонов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ НОВЫМИ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПОЛЯМИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В качестве объекта исследования в статье выступают новые информационные поля, появившиеся в результате пандемии COVID-19. По данным контент-анализа делается вывод о необходимости разработки инновационных методов мониторинга информационных полей с целью запрета распространения ложной информации. Также поднимается проблема сохранения положительных социальных практик, появившихся в результате пандемии.

Ключевые слова: информационные поля, пандемия, цифровизация, власть в условиях пандемии, информационное поле в условиях пандемии, информационное общество.

S. A. Safonov

Irkutsk State University, Irkutsk

TECHNOLOGIES FOR MANAGING NEW INFORMATION FIELDS UNDER A PANDEMIC CONDITION

As an object of research in this article, new information fields appear as a result of the COVID-19 pandemic. Using the content analytical method, the author concludes that it is necessary to develop innovative methods for monitoring information fields in order to prohibit the spread of false information. The issue of preserving positive social practices resulting from a pandemic is also being raised.

Keywords: information fields, pandemic, digitalization, power in a pandemic, information field in a pandemic, information society.

XXI век – это то время, когда приоритетную позицию стали занимать информационные технологии. Общество стало не просто совокупностью людей, имеющих общие интересы и предметы познания, социум стал некой паутиной, характерной чертой которой можно назвать молниеносное распространение информации. Такая характеристика является одним из главных атрибутов цифрового общества. Подобного рода ситуация обстоит и с социумом, цифровое общество – это сверхновая, сверхразвитая форма осуществления социальных отношений, а средства массовой информации являются неотъемлемой его частью. Главным и востребованным ресурсом информационного общества выступает информационный капитал, представленный в виде свежих фактах и новостях об окружающем мире.

Тема исследования актуальна в силу того, что XXI век – это символ информационного прогресса. Как мы уже отмечали: «Одной из главных характеристик новой среды обитания человека является ее технологизация, уровень которой является беспрецедентной за всю историю человечества» [3]. Мало, кто видит свою жизнь без средств коммуникации, социальных сетей, интернета, телевидения и доступа к различным библиотекам мира. Люди ежесекундно делятся друг с другом новыми новостями и знаниями.

Цифровизация как одно из явлений общественной жизни сегодня обуславливает специфику общественных отношений. Как заметили Т. И. Грабельных и Н. А. Саблина: «Эпоха научных и информационно-технологических революций обуславливает форми-

рование новой системы ценностей в построении и организации социальной жизни» [2]. В связи с введением карантинных мер по противодействию распространения нового вируса, во многих странах социальные контакты людей в реальном пространстве свелись до минимума. Имея в наличии мощный цифровой ресурс, а именно интернет, многие общественные процессы перенеслись в виртуальное пространство. Стоит сказать, что такая вынужденная цифровизация, порождает перспективные социальные практики, имеющие шанс развиться в постпандемичском обществе. Благодаря коммуникационным площадкам (Zoom, Skype) коммуникация между людьми также перенеслась в цифровое пространство. Такое многообразие социальной информации дает возможность ее капитализации. В новых социально-экономических условиях, человек обладающей новой и достоверной информацией решает судьбу других людей.

С развитием информационных технологий, болезнь можно рассматривать в «реальном времени». Активное распространение сети Интернет и появление различных мессенджеров оказывает существенное влияние на формирование социальных связей в обществе. У людей имеется полный доступ к информационным ресурсам, позволяющим наблюдать за процессом роста заболеваемости. Такая «удаленность», позволяет человеку проецировать себя на место наблюдаемых субъектов. Однако, имея некорректные или неточные данные, индивид создает ложное представление о положении дел. Такой процесс для людей с неустойчивой психикой оказывает пагубное влияние. Паника, порождаемая непроверенной и ложной информацией, захватывает каждого человека, что позволяет болезни переносить ущерб не только в социальную, но и затрагивать экономическую, политическую сферы жизни.

Для более детального рассмотрения информационного поля необходимо определить понятие «социальная информация». Согласно социологическому энциклопедическому словарю, термин «социальная информация» определяется как: «Отражение социальной действительности, жизнедеятельности общества в сообщениях, сведениях» [4]. С наступлением пандемии нового коронавируса COVID-19 проблема распространения социальной информации актуализировалась с еще большей силой. Также пандемия принесла свои коррективы и в процесс создания информационного, научного контента. Все чаще исследователи и контент-мейкеры рассматривают социальные события сквозь призму условий пандемического общества. Такое положение дает нам основание полагать, что пандемия в настоящий момент времени является той призмой, сквозь которую стоит рассматривать сегодняшние социальные процессы.

Исследованием социальных бедствий и места человека в нем занимался известный социолог П. А. Сорокин. В своей книге «Человек и общество в условиях бедствий» автор актуализирует проблему влияния социальных бедствий на человека. В своей монографии социолог анализирует «четыре монстра»: войну, революцию, эпидемию и голод. Книга была издана в 1942, что подчеркивает ее актуальность для того времени. Автор являлся современником печальных событий Второй Мировой войны, последующего голода и революций. Мир, погрузившийся в хаос, окруженный социальными бедствиями, представлялся социологу как: «...падший демон» [4]. Выводы, полученные в результате исследований в то время, применимы и в сегодняшних реалиях. Социолог говорит о социокультурном влиянии оказываемым бедствием на человека. Культура и социальная организация полностью пронизана мыслью о наступившей катастрофе. Так, например, сегодня мы можем увидеть популярность фильмов и сериалов на тему эпидемии на различных онлайн-ресурсах. Вызван такой «ажитаж» появлением в жизни человека вспышки нового вируса. Относительно эпидемии автор заявляет, что при наступлении болезни, информационное поле общества, начинает принимать вид самого социального бедствия. Информационное пространство «заполняется» сведениями об эпидемии.

Проблему социальных полей исследовал французский социолог П. Бурдьё. В своей теории структуралистского конструктивизма ученый соотносил категорию социального

поля с социальным пространством. Ученый пишет: «Как я указал... поле есть отношение сил и пространство борьбы за трансформацию этой совокупности сил. Другими словами, в поле идет конкуренция за легитимное присвоение того, что является ставкой борьбы в этом поле. И внутри самого поля журналистики идет, естественно, постоянная конкуренция за присвоение публикации, а также за присвоение того, что должно привлекать публику, т. е. приоритет на информацию, на эксклюзив, а также на отличительные раритеты, известные имена и т. д.» [1]. Несмотря на то что французский социолог разрабатывал свою концепцию в XX веке, данная теория актуализируется в информационном обществе с большей силой.

По П. Бурдьё, все социальное пространство можно разделить на несколько социальных полей. Социальные поля соотносятся друг с другом по принципу системы и подсистемы: одно социальное поле является подсистемой другого и само включает в себя более мелкие социальные поля – субполя. Каждое субполе имеет свою собственную логику развития, свои правила и специфические закономерности присуще только этому объекту. Внутри полей равные предпочитают взаимодействовать с равными. Все окружающее нас социальное пространство состоит из бесчисленного множества социальных полей, внутри себя представляющих собой однородное целое, например, университет, церковь, спорт, образование, политические партии, профсоюзы и т. д. Поля пересекаются, и агент (индивид), может занимать место в разных полях с точки зрения накопленного им капитала (символического, интеллектуального и т. д.).

Как нами было отмечено выше, новые информационные поля стали подвергнута капитализации. Представляется важным провести качественный и количественный анализ информационного поля в период с начала марта, когда началась пандемия, и по сегодняшнее время. Наиболее подходящим инструментом для выполнения данной задачи является такой социологический метод как контент-анализа.

Цель контент-аналитического исследования – сравнительный анализ научных публикаций категории «информационное поле» в журналах по направлению социология, социальная философия, информационные технологии.

В соответствии с поставленной целью контент-аналитического исследования следует выполнить *следующие задачи*:

1. Установить количество информационных сообщений социологического журнала SOCIS, а также сайтов Президента РФ, Правительства РФ и Государственной Думы РФ, касающихся заданной темы контент-анализа;
2. Определить содержательное отношение информационных сообщений в представленных ресурсах, связанных с заданной темой контент-анализа;
3. Провести качественный анализ сообщений данных источников, касающихся заданной темы контент-аналитического исследования.

В качестве *единицы анализа* использовалось словосочетание в названии научной публикации (статьи) категории «информационное поле», и производные от этого понятия. Всего для анализа было выделено 5 единиц, а именно: информационное поле, власть в условиях пандемии, технологии управления информационными полями, информационное поле в условиях пандемии, цифровизация.

Результаты исследования

В целом было проанализировано свыше 98 публикаций по заданной тематике контент-аналитического анализа (рис. 1). Наиболее чаще единицы анализа встречались на государственных сайтах в разделе «пресс-служба». Связано это по большей части с осуждением тех или иных указов президента или парламента в информационном поле относительно пандемии и мероприятий по минимизации ущерба. Относительно научных публикаций стоит отметить, что концепт пандемического общества еще не полностью изучен так как необходимо выявить «остаточный» эффект после нее. Отсюда и минимальное количество публикаций по данной тематике.

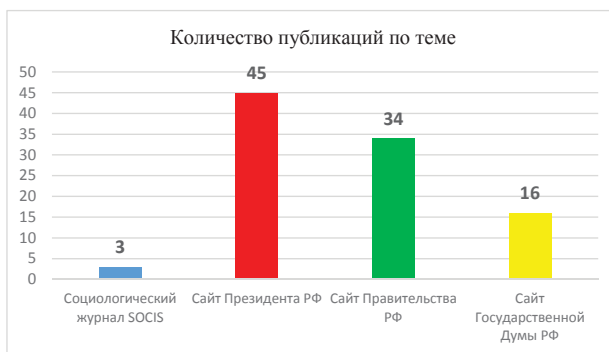

Рис. 1. Соотношение источников по общему количеству статей по проблематике контент аналитического анализа

В результате анализа было выявлено что информационное поле употребляется в статьях в политическом и медийном контексте (рис. 2). То есть авторы статей говорят о том, что в результате изменения социальных условий из-за пандемии, подвергаются трансформации и информационные поля. Исходя из этих положений, необходимо заявить о взаимной зависимости этих полей. Авторами подчеркивается необходимость выработки инновационных механизмов управления такими полями в новых, рискованных социальных условиях. Важно отметить, что такие социальные инновации и ускоренная виртуализация социального пространства вызвана пандемией коронавируса. Исследователями подчеркивается, что при окончании подобного кризиса необходимо сохранить положительные социальные практики, уже апробированные в новых информационных полях.

Рис. 2. Соотношение источников по общему количеству появления единицы анализа «информационное поле»

Относительно следующей единицы анализа «власть в условиях пандемии» можно сказать, что исследователями подчеркивается ее «жесткий» и «дисциплинированный» характер (рис. 3). Власть осуществляет контроль всего информационного поля и вводит дополнительные меры наказания за распространения ложных сведений о численности заболевших и общем состоянии социально-экономической системы. Такие мероприятия являются важной составляющей механизма надзора и управления информационными полями. В основном при анализе всех научных публикаций данная единица встречается намного чаще других. Все сильнее для исследователей актуализируется вопрос о спосо-

бах управления новыми информационными полями и не допущения их негативного влияния на всю социальную систему в целом.

Рис. 3. Соотношение источников по общему количеству появления единицы анализа «власть в условиях пандемии»

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить новизну проведенного социологического исследования контент аналитическим методом. Пандемия, как социальное бедствие, оказывает беспрецедентное влияние на всю социальную систему. Она стала катализатором ускоренной цифровизации общественных отношений. Примером такого «ускорения» может являться переход всех общественных процессов (обучение, бизнес, обсуждение проблем и т. д.) в онлайн формат. Проблема капитализации информации остается также актуальной, возникает потребность в дальнейшем изучении данного явления. Очевидно, возникает потребность в формировании новых теоретических и методологических подходов к изучению информационного пространства и его воздействия на человека.

Также стоит сказать о необходимости фильтрации информационного поля. Представляется важным ввести определенного рода административные и уголовные санкции в отношении лиц, групп, осуществляющих искажение действительной информации в условиях социального бедствия. Не менее важным является разработка точечных механизмов мониторинга информационного поля, а также выработка дальнейших рекомендаций по работе с «новыми» информационными полями.

Пандемия сегодня является испытанием для всего человечества. Несмотря на ее разрушительный характер, человек должен сохранить положительные социальные практики, выработанные в результате противовирусных мер.

Литература

1. Бурдые П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой ; отв. ред., предисл. Н. Шматко. М. : Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры» ; Ин-т эксперим. социологии, 2002. 106 с.
2. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. «Цифровое общество» в категориях цифрового времени и цифрового пространства // Материалы ежегодной Богословской конференции православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2019. № 29. С. 252–253.
3. Сафонов С. А. Новая среда обитания человека как комфортная среда: реиндустриализация или переход к обществу постмодерна // Трансформация социального мира в современную эпоху: материалы Всероссийской межвузовской научно-практической конференции : сб. сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Оттиск, 2019. С. 178–184.
4. Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В. В. Сапова ; отв. ред. И. А. Федоров. СПб. : Изд. дом «Мирь», 2012. 336 с.
5. Социологический энциклопедический словарь : на рус. англ., нем., фр., чеш. яз. / ред.-коорд. Г. В. Осипов. М. : ИНФРА М-НОРМА, 1998. 488 с.

6. Сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 06.06.2020).
7. Сайт Государственной думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 06.06.2020).
8. Сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru> (дата обращения: 06.06.2020).
9. Социологический журнал SOCIS. URL: <https://www.isras.ru> (дата обращения: 06.06.2020).

УДК 316.75

Д. С. Шарафеева

Иркутский государственный университет, Иркутск

БЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ЖИЗНИ В ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ДО ПАНДЕМИИ, В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ И ПОСЛЕ: ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И РИСКИ

Статья посвящена вопросам сохранения духовной безопасности в период пандемии коронавируса. Проведен сравнительный анализ условий жизни в городской и сельской местности в России в сложившейся ситуации. Представлены таблицы по результатам проведенного контент-анализа СМИ. Анализу подвергнуты интернет-газеты «Аргументы и Факты», «Комсомольская правда», «Газета.Ru» (временной отрезок исследования – март – июнь 2020 г.). Выявлены последствия и возможные риски, с которыми можно столкнуться после пандемии.

Ключевые слова: условия жизни; духовная составляющая; город; село; пандемия; риски.

D. S. Sharafeeva

Irkutsk State University, Irkutsk

FAVORABLE CONDITIONS FOR LIFE IN URBAN AND RURAL AREAS BEFORE THE PANDEMIC, DURING THE PANDEMIC AND AFTER: SPIRITUAL SAFETY AND RISKS

This article is devoted to maintaining spiritual security during the coronavirus pandemic. The article provides a comparative analysis of living conditions in urban and rural areas in Russia during a pandemic. The work presents tables based on the results of the media content analysis. The Internet newspapers «Argumenty and Fakty», «Komsomolskaya Pravda», «Gazeta.Ru» were subjected to analysis. The time period selected for analysis is March-June 2020. The consequences and possible risks that could be encountered after a pandemic were identified.

Keywords: living conditions, spiritual component, city, village, pandemic; risks.

Одним из кризисных явлений современного общества является пандемия вируса COVID-19. Распространившись из Китая, она изменила привычную жизнь людей в городской и сельской местности в России. Как отмечает доктор социологических наук Т. И. Грабельных, «... в последние десятилетия кризисные явления общесистемного характера оказали масштабное воздействие на социально-стратификационные процессы, усилив их динамику на разных уровнях социальных взаимодействий» [2]. Это представляет и сегодняшнюю действительность. В тяжелые времена у россиян есть серьезные поводы для беспокойства, среди них: материальные трудности из-за сложившейся ситуации в стране, потеря работы, болезни, плохое самочувствие, снижение доходов. На этом фоне обостряются внутренние и внешние конфликты, которые обретают зримые и ощутимые формы конкретных вызовов сегодняшней действительности. Пандемия и вынужденная самоизоляция могут вызвать сильный стресс, повышенную тревогу, возникновение депрессии, раздражительности и агрессии.

Связанные с этим риски имеют значительное влияние на ход общественной жизни. В связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции было принято решение ввести на территории городов режима самоизоляции. Он предполагает установление ряда ограничительных мер для всех граждан. Ограничения, связанные с коронавирусом, затронули всех: и городских, и сельских жителей. Сложившаяся ситуация привела к социальной неустойчивости общества – люди потеряли работу, некоторые компании перешли на удаленный режим работы. Система образования в новых условиях также претерпела изменения. В связи с данной ситуацией во всем мире произошло массовое закрытие учебных заведений и переход на дистанционный формат обучения: начальные и

средние школы, а также колледжи и университеты закрылись на карантин. Следует отметить, что, несмотря на экстренный переход в онлайн на период пандемии, все уровни отечественного образования показали свою способность быстро меняться. Преподаватели и студенты попробовали новые возможности и оказались способны работать в таком режиме, сохраняя при этом устойчивость. Этого удалось добиться благодаря диалогу с вузами страны, а также ответственной позиции самих университетов.

В первую очередь эти ограничения касаются больших городов. Именно там сейчас находятся основные очаги инфекции. Поэтому во время пандемии – нежелательно посещение открытых общественных мест, где большое скопление людей: парков, детских площадок, торговых центров. Самоизоляция в квартире не такое простое дело, как могло бы показаться на первый взгляд. Граждане столкнулись с тем, что длительное пребывание в замкнутом пространстве квартиры надоедает, не способствует поддержанию нормального физического состояния. Однако есть много разных занятий, которыми можно заняться на самоизоляции. Это время может быть идеальным моментом, чтобы провести его с семьей, заняться интеллектуальным и культурным развитием, а также любимым хобби, поддержанием физической активности. Эдуард Понарин (глава лабораторией сравнительных исследований НИУ ВШЭ) отмечает, что «счастье россиян в условиях тяжелого кризиса, вызванного коронавирусом и остановкой многих малых предприятий, будет зависеть от самых простых вещей: возможности поддерживать семью, воспитывать детей, встречаться с друзьями» [4]. Это касается и городских, и сельских жителей.

Новые порядки изменили жизнь не только в городах, но также в деревнях и селах. Однако в деревне гораздо лучше в этом плане. Преимущество жизни в собственном доме очевидно: можно проводить время на улице, не боясь встретить случайных прохожих или с кем-то столкнуться в лифте. Как правило у сельских жителей есть запасы продуктов в подвале, есть огороды. Плюс ко всему – свое хозяйство. На своем приусадебном участке сельским жителям есть чем заняться. Получается, что сельские жители в современных условиях оказались в более выгодной ситуации, нежели горожане. Однако режим самоизоляции должен одинаково соблюдаться как в городе, так и за его пределами.

Пандемия коронавируса существенно изменила жизнь общества. В средствах массовой информации уделяется этому много внимания. Вся информация идет или из телевизора, или из интернета. Таким образом, пристального внимания требует духовная составляющая.

В настоящее время проблемы, связанные с духовностью, приобретают все большую актуальность в обществе. Многие российские авторы занимаются изучением вопросов духовной безопасности в России на современном этапе развития общества. Среди них такие известные ученые, как А. И. Кравченко, Ю. Г. Волков, С. С. Фролов, С. И. Григорьев, а также Л. Н. Синицына, Г. А. Голубева, В. А. Соколова и др.

Вопросы, касающиеся духовной безопасности, беспокоили общество еще с давних времен. Однако особый интерес к ним появился только в последние годы. Особое внимание оно получило в связи с научным интересом к человеку, его духовной составляющей. Понятие «духовной безопасности» переживает сейчас процесс становления. Выделяются два основных подхода к интерпретации понятия «духовная безопасность»: традиционный и социологический. Под духовной безопасностью России в традиционном подходе понимается «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в духовной сфере от внешних и внутренних угроз. Социологический подход к духовной безопасности состоит в определении ее особого места в системе национальной безопасности и обществе в целом, а также в анализе вполне определенных специфических функций, выполняемых ею в общественной жизни» [1]. Отличия данных подходов в том, что традиционный подход, акцентирует внимание на защите от определенных рисков, вызовов и угроз, тогда как социологический подход подчеркивает определенное внутреннее состояние системы безопасности, а также то, что функционирование общества не независимо от наличия каких-либо угроз, духовная безопасность в этом подходе рассматривается как компонент национальной безопасности.

Сегодня каждому человеку доступны самые разнообразные источники информации: телевидение, официальная пресса, интернет-сайты. В. А. Луков отмечает, что «теория сетевого общества М. Кастельса так легко вошла в сознание современных социальных философов и социологов, потому что опирается на наблюдения за отношениями пользователей электронных ресурсов в Интернете и других сетях» [3]. Однако нужно фильтровать информацию, ставить строгие ограничения. В современных условиях надо правильно владеть информацией, не поддаваться панике и не распространять ее, доверять лишь официальным источникам.

В качестве основного *метода* эмпирического исследования выступил контент-анализ. В качестве *смысловых единиц анализа* выступили следующие категории: «благоприятные условия для жизни», «духовные ценности россиян», «влияние пандемии на жизнь общества», «психологические и духовные последствия», «риски пандемии коронавируса». В ходе контент-анализа рассматривались такие позиции, как: жанр статьи, характеристики источников, характер информации, форма публикации. Для анализа сложившейся в стране ситуации с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, для выявления ее влияния на духовную безопасность, а также возможных последствий были выбраны такие интернет СМИ как: «Комсомольская правда» [7], «Аргументы и факты» [5] и «Gazeta.ru» [6].

Выделенные единицы анализа были обнаружены в 70 статьях (табл. 1). В результате контент-анализа трех СМИ за период с 30 марта по 6 июня 2020 г. всего было выявлено 1115 упоминаний базовых категорий исследования. Наибольшее упоминание единиц анализа в газете «Аргументы и Факты» 628 (что составляет 56,3 %), в газете «Комсомольская правда» – 372 (33,4 %) и в «Gazeta.ru» 115 – (10,3 %).

Таблица 1

Частота появлений статей

Название газеты	Количество статей
«Аргументы и Факты»	35
«Комсомольская правда в Иркутске»	29
Gazeta.ru	6

Статьи в газете «Аргументы и факты» в основном аналитического жанра, «Комсомольская правда» и «Газета.Ru» – представляют в основном описания, сообщения, т. е. представляют информационный жанр статей, посвященных жизни общества в условиях коронавирусной инфекции (табл. 2).

Таблица 2

Жанр статьи

Жанр статьи	Название газеты			Всего
	«Аргументы и факты»	Gazeta.ru	«Комсомольская правда»	
Аналитический	25	9	0	34
Информационный	10	20	6	36
Всего	35	29	6	70

Наибольший удельный вес в структуре всех публикаций СМИ занимают статьи, в которых преобладает констатация факта (42,85 %), т. е., это говорит о том, что представленная информация объективна и беспристрастна. Немного менее в газетах отражены проблемные материалы (32,85 %), что касается ситуации с коронавирусной инфекцией (табл. 3).

В целом по массиву преобладает информирование, далее – попытка призыва, затем – мотивирование (табл. 4).

Таблица 3

Характеристики источников, в которых упоминаются базовые категории исследования (%)

Характеристика	Кол-во	Доля, в %
Фактографический	30	42,85
Проблемный	23	32,85
Критический	9	12,9
Положительный с элементами критики	5	7,1
Позитивный	3	4,3
Всего	70	100

Таблица 4

Характер информации, в которой упоминаются базовые категории исследования (%)

Варианты ответа	Название статьи			Всего
	«Аргументы и факты»	«Комсомольская правда»	Gazeta.ru	
Информирование	14	20	4	38
Призыв	12	7	2	21
Мотивирование	9	2	0	11
Всего:	35	29	6	70

65,7 % всех материалов сопровождаются иллюстрациями. Это затрудняет восприятие информации, так как занимают большую часть полосы. Материалы же без иллюстраций очень невелики по объему и составляют лишь 34,3 % всей площади газеты. Но они воспринимаются достаточно быстро и легко (табл. 5).

Таблица 5

Форма публикации, в которой упоминаются базовые категории исследования (%)

Позиция	Кол-во	Доля, в %
Текст	24	34,3
Смешанная (текст плюс фото)	46	65,7
Всего:	70	100

Проведенный анализ показал, что уровень социального напряжения в современной России в связи с ситуацией с коронавирусной инфекцией значительный. Каким будет мир после завершения пандемии никто не знает. В период пандемии происходит процесс переоценки повседневных ценностей: привычный образ жизни, комфорт, атмосфера активной социальной жизни. Этот опыт может стать основой нового качества жизни, более полных и открытых отношений, с заботой о себе и своих близких.

Литература

1. Возьмитель А. А. Духовная безопасность: социологический анализ // Мир России. Социология. Этнология. 2006. № 2. С. 147–159. URL: cyberleninka.ru/article/n/duhovnaya-bezopasnost-sotsiologicheskij-analiz/viewer (дата обращения: 07.06.2020).
2. Грабельных Т. И., Багрий Е. И. Социально-стратификационная динамика и новые требования к субъекту реализации государственных инициатив в России // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-stratifikatsionnaya-dinamika-i-novye-trebovaniya-k-subektu-realizatsii-gosudarstvennyh-initsiativ-v-rossii> (дата обращения: 07.06.2020).
3. Луков В. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи подходы // Социс. 2012. № 1, 2. С. 5–16, С. 21–30.
4. Индекс счастья на фоне коронавируса // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10249> (дата обращения: 11.06.2020).
5. Сайт интернет газеты «Аргументы и факты». URL: <https://aif.ru/?page=54> (дата обращения: 07.06.2020).
6. Сайт интернет газеты «Газета.Ru». URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 11.06.2020).
7. Сайт интернет газеты «Комсомольская правда». URL: <https://www.kp.ru> (дата обращения: 07.06.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

***

INFORMATION ON THE AUTHORS

Абдусаламова Медина Шахрутдиновна – преподаватель кафедры «Частное и публичное право» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».

E-mail: seidova.medina@mail.ru

Андрянова Татьяна Владимировна – доцент кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: andriyanova.tv@gmail.com

Антонова Наталья Леонидовна – профессор кафедры прикладной социологии Департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б. Н. Ельцина», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: n-tata@mail.ru

Ардашев Роман Георгиевич – старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.

E-mail: ardashev.rg@bk.ru

Бандурка Роман Игоревич – советник отдела информационного взаимодействия экспертного управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области, магистрант 3 курса направления подготовки «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: roman470@list.ru

Баранов Сергей Александрович – начальник отдела организации работы по формированию «ЕГР ЗАГС» и межведомственному взаимодействию службы записи актов гражданского состояния Иркутской области.

E-mail: s.baranov@govirk.ru

Башкуева Елена Юрьевна – старший научный сотрудник Бурятского научного центра СО РАН, кандидат исторических наук.

E-mail: frombear@mail.ru

Блинникова Анна Валерьевна – доцент факультета бизнес-коммуникации и информатики ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук.

E-mail: annoy@list.ru

Болтенков Иван Алексеевич – магистрант 2 курса Сибирско-Американского факультета менеджмента ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: boltchenkox@gmail.com

Бонько Татьяна Ивановна – старший преподаватель Физкультурно-оздоровительного центра ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: tatyabnk@gmail.com

Бочаров Владислав Юрьевич – доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева (г. Самара), ассоциированный научный сотрудник Центра исследований социально-трудовых отношений Социологического института РАН ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург), младший научный сотрудник сектора фундаментальных и прикладных исследований отдела научных проектов центра перспективных исследований и инновационных разработок ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет» (г. Тюмень), кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: vlad.bocharov@gmail.com

Будникова Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры связей с общественностью, социологии и политологии факультета агробизнеса и межкультурных коммуникаций ФГБОУ ВО «Бурятская ГСХА имени В. Р. Филиппова».

E-mail: budnikova_natasha@mail.ru

Бычкова Нина Сергеевна – преподаватель факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

E-mail: nsbychkova@mail.ru

Варфоломеева Марина Александровна – специалист по туризму Турагентства «Anex Tour» ИП Смагин Е. А., студентка 5 курса заочной формы обучения направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: marinavar92@mail.ru

Волнистая Марина Георгиевна – доцент кафедры социологии Белорусского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: mgv22@mail.ru

Гаврилюк Татьяна Владимировна – старший научный сотрудник Центра перспективных исследований и инновационных разработок ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

Гаврилюк Вера Владимировна – профессор кафедры маркетинга и муниципального управления ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: gavriliuk@list.ru

Гольцова Евгения Викторовна – декан социального факультета Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», доцент кафедры социальной философии и социологии, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: socioisu@mail.ru

Грабельных Ольга Ивановна – главный научный сотрудник лаборатории физиологической генетики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Сибирского института физиологии и биохимии растений Сибирского отделения Российской академии наук, профессор кафедры физиологии растений, клеточной биологии и генетики биолого-почвенного факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», доктор биологических наук, доцент.

E-mail: grolga@sifibr.irk.ru

Грабельных Татьяна Ивановна – заведующая социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ», профессор кафедры социальной философии и социологии, доктор социологических наук, профессор.

E-mail: tagr@bk.ru

Грошева Надежда Борисовна – декан Сибирско-Американского факультета менеджмента ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», доктор экономических наук, доцент.

E-mail: grosheva@buk.irk.ru

Грицких Надежда Викторовна – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.

E-mail: anris@list.ru

Гуляева Анастасия Ивановна – старший преподаватель кафедры социологии и психологии ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».

E-mail: GulyaevaAI@bgu.ru

Гуринович Людмила Анатольевна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», магистр социологии.

E-mail: milgur@mail.ru

Данилов Александр Николаевич – заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, профессор.

E-mail: a.danilov@tut.by

Деренко Николай Васильевич – заведующий кафедрой культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат физико-математических наук, доцент.

E-mail: derenko.n@gmail.com

Журавлева Ирина Александровна – заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: irlend@list.ru

Завьялов Андрей Владимирович – старший преподаватель кафедры клинической, социальной психологии и гуманитарных наук Иркутского государственного медицинского университета, кандидат социологических наук.

E-mail: zavialovandrijko@yandex.ru

Зайковская Анастасия Александровна – доцент кафедры «Финансовый и стратегический менеджмент» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: dmitrieva_aa@mail.ru

Зарсаева Христина Ивановна – преподаватель ГБПОУ Иркутской области «Иркутский техникум транспорта и строительства», магистр.

E-mail: zarskristina@mail.ru

Зимина Екатерина Викторовна – заведующая кафедрой социологии и психологии ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: ZiminaEV@bgu.ru

Зырянов Владимир Викторович – доцент кафедры социальных технологий социологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: vvzyryanov@gmail.com

Иванов Роман Викторович – доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат исторических наук, доцент.

E-mail: history2002@bk.ru

Иванова Ирина Владимировна – руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области.

E-mail: irkstat@irmail.ru

Исаева Татьяна Павловна – главный советник отдела по связям с общественностью управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям.

E-mail: tais@govirk.ru

Калиниченко Яна Николаевна – научный сотрудник Сибирского юридического института МВД России.

E-mail: ya_kalinichenko@mail.ru

Качан Мария Константиновна – ведущий аналитик ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства (ИОУМЦКИ) «Байкал», магистрант 1 курса направления подготовки «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: mariya.kachan97@gmail.com

Киселёв Юрий Анатольевич – доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: yurii54irk@gmail.com

Кобизь Татьяна Николаевна – доцент Смоленского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент.

E-mail: tatlukina@list.ru

Кривошеев Владимир Вениаминович – профессор Института гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени И. Канта», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

Крылова Екатерина Валерьевна – методист лаборатории развития сельских школ ГАУ ДПО «Институт развития образования Иркутской области», магистр социологии.

E-mail: katya.tultsova@yandex.ru

Кузнецова Кристина Романовна – ведущий аналитик отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал».

E-mail: krisstina96@yandex.ru

- Кузьмина Елена Сергеевна** – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.
E-mail: kuzelenas@mail.ru
- Куриленкова Ольга Александровна** – начальник управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям.
E-mail: o.kurilenkova@govirk.ru
- Левченко Илья Евгеньевич** – доцент кафедры политических наук ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат философских наук, доцент.
E-mail: ilevchenko08@mail.ru
- Лесниковская Екатерина Викторовна** – доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИГУ, кандидат социологических наук.
E-mail: elesnikovskaya@gmail.com
- Лещенко Ярослав Александрович** – ведущий научный сотрудник Восточно-Сибирского института медико-экологических исследований, доктор медицинских наук, профессор.
E-mail: yaleshenko@gmail.com
- Либенсон Игорь Рувимович** – доцент кафедры «Финансовый и стратегический менеджмент» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», кандидат экономических наук, доцент.
E-mail: liben59@inbox.ru
- Лобовикова Елена Александровна** – заведующая кафедрой рекламы и PR-технологий факультета социокультурных коммуникаций ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусства имени М. Матусовского», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: lobovikova@yandex.ru
- Лушникова Ольга Леонидовна** – старший научный сотрудник сектора экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кандидат социологических наук.
E-mail: oltolt@mail.ru
- Малых Светлана Владимировна** – заместитель директора по общим вопросам Института филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат исторических наук, доцент.
E-mail: lana.malyx@bk.ru
- Малых Марина Михайловна** – директор Филиала АО «Регион Медиа Иркутск», аспирант 4 курса кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: Marcher09@mail.ru
- Мананникова Юлия Владимировна** – начальник Управления мониторинга и анализа качества образования ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: konsalt-m@list.ru
- Маслодудова Наталья Владимировна** – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат философских наук, доцент.
E-mail: nata.maslodudova@yandex.ru
- Меньшикова Анна Андреевна** – аспирант НИ Томского государственного университета.
E-mail: menanna1366@yandex.ru
- Мыльникова Анна Александровна** – младший научный сотрудник Института солнечно-земной физики Сибирского отделения Российской академии наук, кандидат физико-математических наук.
E-mail: manna@iszf.irk.ru
- МУН Де Ен** – профессор кафедры экономики и коммерции Дальневосточного государственного университета путей сообщения, доктор экономических наук, профессор.
E-mail: vamoona@mail.ru, deen_moon@mail.ru
- Найденова Людмила Ивановна** – профессор кафедры социологии и управления персоналом ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», доктор социологических наук, профессор.
E-mail: linajdenova@yandex.ru

Ницина Ольга Александровна – старший преподаватель Физкультурно-оздоровительного центра ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: olichk1102@yandex.ru

Номшиева Марина Анатольевна – учитель истории и обществознания МБОУ СОШ города Иркутска № 66.

E-mail: nomshieva@mail.ru

Павлова Светлана Алексеевна – доцент ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат технических наук, доцент.

E-mail: pavlova.rfathf@yandex.ru

Перваго Галина Константиновна – ведущий аналитик ГБУ ДПО ИО Учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал».

E-mail: galina.pervago@mail.ru

Паршина Виктория Эльфатовна – ведущий специалист-эксперт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области.

E-mail: svod@stat.irtel.ru

Патрашова Юлия Юрьевна – лаборант ГБПОУ ИО «Черемховский педагогический колледж», студентка 2 курса заочного отделения направления подготовки «Социальная работа».

E-mail: patrashova.yulia@mail.ru

Плотникова Виктория Владимировна – специалист по социальной работе ОГБУСО КЦСОН по Казачинско-Ленскому району, студентка 2 курса заочного отделения направления подготовки «Социальная работа».

E-mail: plotnickova.viktoriya2012@mail.ru

Подковенко Александра Григорьевна – ассистент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: alexstroepeva@gmail.com

Подсолонко Владимир Андреевич – профессор кафедры государственного и муниципального управления Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», доктор экономических наук, профессор.

E-mail: epodsolonko@gmail.com

Подсолонко Елена Адольфовна – профессор кафедры государственного и муниципального управления Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», доктор экономических наук, профессор.

E-mail: epodsolonko@gmail.com

Поздняк Елена Николаевна – тренер ОГКУ «Спортивная школа олимпийского резерва “Приангарье” имени Л. М. Яковенко».

E-mail: olichk1102@yandex.ru

Полошкевич Оксана Александровна – доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: okwook@mail.ru

Попова Владлена Владимировна – декан факультета дополнительного образования Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: 900320@mail.ru

Разумовский Алексей Михайлович – профессор кафедры Военной академии Республики Беларусь, кандидат технических наук, доцент.

E-mail: mgv22@mail.ru

Решетников Владимир Алексеевич – директор Института социальных наук, заведующий кафедрой социальной философии и социологии ФГБОУ ВО «Иркутского государственного университета», доктор философских наук, профессор.

E-mail: eresh80@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна – зав. кафедрой социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: eresh80@mail.ru

Рудакова Наталья Владимировна – начальник отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО Иркутский учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», кандидат социологических наук.

E-mail: rudakova_nv1@mail.ru

Саблина Наталья Александровна – старший научный сотрудник социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ», доцент кафедры социальной работы Института социальных наук, кандидат социологических наук.

E-mail: nsablina@bk.ru

Сарапулова Лариса Николаевна – доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: larsara91@mail.ru

Скуденков Владимир Алексеевич – соискатель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: vskudenkov@mail.ru

Смакотина Наталья Леоновна – заведующая кафедрой глобальных социальных процессов и работы с молодежью Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор социологических наук, профессор.

E-mail: smakotina@mail.ru

Смирнов Алексей Евгеньевич – профессор ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», доктор философских наук, доцент.

E-mail: aesmir@mail.ru

Смирнова Наталья Генриховна – заместитель главного врача по медицинской части ФГБУЗ Больница ИНИЦ СО РАН, кандидат медицинских наук.

E-mail: ngsmir14@mail.ru

Соболева Анастасия Александровна – инструктор групповых программ в Спортивном клубе «Олимпия» (г. Иркутск), магистрант 3 курса направления подготовки «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: kotova_alina@ro.ru

Соболь Алексей Иванович – Президент Торгово-промышленной палаты Восточной Сибири.

E-mail: info@trpvs.ru

Сорокина Нина Дмитриевна – доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента Московского авиационного института (национальный исследовательский университет) (МАИ), кандидат философских наук, доцент.

E-mail: nd-sorokina@mail.ru

Степанов Алексей Владимирович – старший научный сотрудник лаборатории физиологической генетики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Сибирского института физиологии и биохимии растений Сибирского отделения Российской академии наук, кандидат биологических наук.

E-mail: saw33@list.ru

Струглин Герман Викторович – начальник отдела информации и общественных связей Главного управления МВД России по Иркутской области.

E-mail: struglin82@gmail.com

Сущко Валентина Афанасьевна – доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: valentina.sushko@gmail.com

Толвайшиц Леонас Людвикович – профессор Факультета дипломатии и безопасности Университета «Унион – Никола Тесла», доцент кафедры организации работы с молодежью Уральского федерального университета имени первого Президента России, кандидат политических наук (PhD), профессор.

E-mail: leonas.tolvaisis@fdb.edu.rs

Удалых Станислав Кузьмич – доцент кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: ysk2.irk@yandex.ru

Фальковская Татьяна Юрьевна – доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: dear_dear@inbox.ru

Фурман Екатерина Александровна – и. о. старшего методиста регионального ресурсного центра детской общественной деятельности ГАУ ДО ИО «Центр развития дополнительного образования детей».

E-mail: eka-davl@mail.ru

Цветкова Ирина Викторовна – профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», доктор философских наук, доцент.

E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru

Черанич Горан (Seranic Goran) – преподаватель кафедры социологии философского факультета Университета Черногории, доктор социологических наук, доцент.

E-mail: gorance@ac.me

Чернышева Елизавета Вячеславовна – преподаватель кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», магистр социологии.

E-mail: elizaveta111090@gmail.com

Чувашова Мария Николаевна – доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат экономических наук.

E-mail: dersaturn06@gmail.com

Шарович Раде (Sarovic Rade) – профессор кафедры социологии философского факультета Университета Черногории, доктор социологических наук, профессор.

E-mail: sarovicrade@gmail.com

Шинкевич Владимир Ефимович – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: vlashink@yandex.ru

Янков Юрий Петрович – начальник экспертного управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области, кандидат экономических наук.

E-mail: y.yankov@govirk.ru

СВЕДЕНИЯ О МОЛОДЫХ АВТОРАХ

Ананьина Эльвира Дмитриевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: ananina.elvira@mail.ru

Анохина Анна Альбертовна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: anokhinaa_anna@mail.ru

Анчутина Арина Евгеньевна – магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: anchutina.a@mail.ru

Ахмадышина Надежда Валентиновна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: nadjuha1111@mail.ru

Богорадникова Елена Анатольевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: sociologi15111@mail.ru

Бурнаев Александр Юрьевич – студент 4-го курса направления подготовки «Менеджмент организации» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: evolutionssv123@gmail.com

Бухарова Екатерина Анатольевна – магистрант 1-го курса направления подготовки «Менеджмент в образовании» отделения гуманитарно-эстетического образования Педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: k.buharowa@yandex.ru

Волкова Рената Сергеевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: sociologi15111@mail.ru

Гантимуров Василий Русланович – студент 4-го курса направления подготовки «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: keroness@mail.ru

- Грошева Екатерина Константиновна** – студентка 3-го курса бакалавриата Сибирско-американского факультета менеджмента ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: daswerox@gmail.com
- Жигалова Ольга Алексеевна** – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: sociologi15111@mail.ru
- Жуйкова Дарья Владимировна** – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: sociologi15111@mail.ru
- Илюшин Антон Олегович** – магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: anarchistgiuseppe@gmail.com
- Кадырова Владислава Юрьевна** – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: sociologi15111@mail.ru
- Козлова Римма Михайловна** – студентка направления подготовки «Социология» ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».
E-mail: rimma.kozlova2000@mail.ru
- Козякова Анастасия Игоревна** – магистрант 1-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: nastyakozyakova0108@mail.ru
- Лимаренко Елизавета Валерьевна** – студентка кафедры рекламы и PR-технологий факультета социокультурных коммуникаций ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусства имени М. Матусовского».
E-mail: elizabeth44664@mail.ru
- Линейцева Арина Александровна** – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: sociologi15111@mail.ru
- Лосева Елизавета Владимировна** – студентка направления подготовки 39.03.01 «Социология» ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».
E-mail: lizza_losseva@mail.ru
- Михайлова Дарья Дмитриевна** – студентка ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».
E-mail: daryamihailova555@yandex.ru
- Московский Сергей Сергеевич** – магистрант 1-го курса направления подготовки «Социология», профиль «Современные технологии социального управления» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: Sergey.moskovskiy.98@mail.ru
- Одинова Анастасия Дмитриевна** – магистрант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: tuxa-o@yandex.ru
- Осинов Тимур Алексеевич** – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: otukeyofficial@gmail.com
- Павлюк Мария Александровна** – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: Mari.Aleksandrovna.1999@mail.ru
- Панькова Татьяна Павловна** – студентка 5-го курса заочной формы обучения направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: tatyapanankova7@gmail.com
- Пьянкова Ксения Артемовна** – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: sociologi15111@mail.ru
- Рогут Ольга Андреевна** – студентка 2-го курса заочной формы обучения направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: zverev4.ol@yandex.ru

Ромашова Виктория Владимировна – студентка 3-го курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

E-mail: vika.romashova.2016@mail.ru

Рыбак Наталья Станиславовна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: sociologi15111@mail.ru

Савилова Ксения Андреевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: ksavilova06@gmail.com

Сафонов Сергей Андреевич – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: ssafonov36@gmail.com

Силивеев Илья Михайлович – магистрант 2-го курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: siliveev@mail.ru

Соловьева Екатерина Сергеевна – магистрант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

E-mail: katyusha.soloveva97@mail.ru

Фирсова Надежда Владимировна – студентка 4-го курса Сибирско-американского факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: firsova.99@mail.ru

Шарафеева Диана Салаватовна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: Sharafeewa.diana@yandex.ru

Шевлякова Анна Николаевна – студентка ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

E-mail: eldorado50115@icloud.com

Щепина Екатерина Дмитриевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: sociologi15111@mail.ru

Научное издание

Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке

Сборник научных трудов

Spaces of Social Tension and Strategic Consensual Interactions in the XXI century

Collection of papers

ISBN 978-5-9624-1882-7

*Тексты публикуются в авторской редакции.
Материалы цензуре не подвергались,
мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов.*

Переводчик-корректор **Е. В. Лесниковская**
Дизайн обложки: **П. О. Ершов**

Темплан 2020. Поз. 117
Подписано в печать 08.12.2020. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. 46,9. Усл. печ. л. 33,6. Тираж 100 экз. Заказ 137

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124